

ТРУДЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА
МГУ

[163]

СЕРИЯ II

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

(102)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

академик РАО, докт. ист. наук, проф. Л. С. БЕЛОУСОВ
(сопредседатель)

академик РАН, докт. ист. наук, проф. С. П. КАРПОВ
(сопредседатель, основатель серии)

докт. ист. наук, проф. Н. С. БОРИСОВ

член-корреспондент РАН, докт. ист. наук, проф. Л. И. БОРОДКИН

докт. ист. наук, проф. А. Г. ГОЛИКОВ, докт. ист. наук, проф. С. В. ДЕВЯТОВ

докт. ист. наук, гл. н. с. Л. В. КОШМАН, докт. ист. наук А. Р. КАНТОРОВИЧ

академик РАН, докт. ист. наук, проф. Ю. С. КУКУШКИН

канд. ист. наук Н. В. ЛИТВИНА, докт. филол. наук, проф. О. В. РАЕВСКАЯ

докт. ист. наук, проф. Г. Ф. МАТВЕЕВ, докт. ист. наук, проф. С. В. МИРОНЕНКО

член-корреспондент РАН, докт. ист. наук, проф. Е. И. ПИВОВАР

докт. ист. наук А. В. ПОДОСИНОВ, канд. ист. наук, доц. Ю. Н. РОГУЛЕВ

докт. ист. наук С. Ю. САПРЫКИН, докт. экон. наук, проф. В. В. СИМОНОВ

член-корреспондент РАН, докт. иск., проф. В. В. СЕДОВ,

канд. ист. наук О. В. СОЛОПОВА, канд. ист. наук А. А. ТАЛЫЗИНА,

докт. ист. наук, проф. Д. А. ФУНК

МОСКВА

2019

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН
Фонд «История Отечества»

РУСЬ, РОССИЯ

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ

Выпуск 6

Шестые чтения
памяти академика РАН

Л. В. МИЛОВА

Москва,
21–22 ноября 2019 г.

МАТЕРИАЛЫ
К МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

Издательство Московского университета
2019

УДК 930
ББК 6.3.3
Р889

Конференция проводится при финансовой поддержке
Фонда «История Отечества»
(грант № 26/2019/ФМ–ММ)

*Печатается по решению Ученого совета исторического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова
(протокол № 6 от 4 сентября 2019 г.)*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Б. Н. Флоря (*председатель*), В. А. Аракчеев, Н. С. Борисов, Л. Н. Вдовина,
А. А. Голубинский, А. А. Горский (*заместитель председателя*),
Л. П. Горюшкина, С. П. Карпов, Н. В. Козлова (*заместитель председателя*),
К. А. Кочегаров, В. А. Кучкин, А. В. Лаушкин, А. В. Малов, Т. А. Матасова,
О. Л. Милова, А. Е. Тарасов, Д. А. Хитров (*ответственный секретарь*),
Д. А. Черненко, Е. Н. Швейковская

РЕЦЕНЗЕНТЫ

член-корр. РАН, проф. Л. И. Бородкин,
докт. ист. наук, проф. Н. Б. Селунская

Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 6 : Шестые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21–22 ноября 2019 г. – Москва : Издательство Московского университета, 2019. – 732 с. – (Труды исторического факультета МГУ: Вып. 163. Сер. II. Исторические исследования: 102)

ISBN 978-5-19-011431-7

УДК 930
ББК 6.3.3

© Редакционная коллегия, составление, 2019
© Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, 2019

ISBN 978-5-19-011431-7

Особенности отношений великокняжеской власти с церковными и светскими землевладельцами на территории Рязанской земли (конец XIV – начало XVI века)

Рязанская земля; Великое княжество Московское; податной и судебный иммунитет.

В статье показаны особенности податного и судебного иммунитета духовных и светских землевладельцев Рязанской земли, отличающие их от порядков в современном Великом княжестве Московском.

Одной из важных задач, стоящих перед исследователями древнерусской истории XIV–XV вв., является установление путей развития в эти столетия разных древнерусских земель и характерные особенности этого развития в той или иной земле. Такую задачу, как известно, настойчиво выдвигал А.Е. Пресняков в своем классическом труде «Образование великорусского государства». С того времени на этом пути были достигнуты заметные успехи. Хорошо изучена эволюция политического строя отдельных «земель», сопровождавшаяся ликвидацией «уделов» и их подчинением политическому центру (как это видно на примере Тверской земли) или, наоборот, упадок большого политического объединения, не способного преодолеть внутренние противоречия (пример Нижегородского великого княжения). Вместе с тем во многом остается неясным, как складывались в этот период взаимоотношения политического центра «земли» со светскими и церковными землевладельцами, каковы были особенности этих отношений в той или иной «земле». Причины отсутствия значительного прогресса в этом отношении, очевидно, связаны с явным недостатком фактического материала – документов, в которых соответствующие исторические явления нашли бы свое отражение.

В этом плане некоторое исключение составляет Рязанская земля, где, благодаря усилиям целого ряда исследователей, в научный оборот оказалось введено определенное количество жалованных грамот рязанских князей. Правда, к XIV в. относятся здесь, как и в других землях, лишь жалованные грамоты (или записи о них) только церковным учреждениям – архиерейскому дому, Ольгову и Солотчинскому монастырям, но к XV – началу XVI в. относятся уже и грамоты светским землевладельцам, при этом разного социального положения.

Такое состояние источниковой базы позволяет дать характеристику отношений княжеской власти с духовенством, боярством и рядовыми землевладельцами Рязанской земли и попытаться выявить особенности этих отношений.

Результаты анализа этих источников можно было бы сформулировать следующим образом. Жалованные грамоты XIV – начала XV в. позволяют в первую очередь судить об объеме податного и судебного им-

¹ Флоря Борис Николаевич, МГУ имени М.В. Ломоносова, Институт славяноведения РАН (РФ, Москва), член-корр. РАН, feudal.msu@gmail.com.

мунитета церковных собственников. В грамотах рязанскому архиерейскому дому отсутствуют формулы об освобождении владений от каких-либо налогов и повинностей. Лишь запрет княжеским волостелям въезжать во владение позволяет предполагать, что оно освобождалось от кормов и поборов в их пользу. На это же, по-видимому, указывает формула о передаче владения «со всею пошлиною» [2, Т. III, № 314, 315; 4, с. 300].

Некоторые привилегии были получены Ольговым монастырем от великого князя Олега [2, Т. III, № 322]. Одно из владений было передано монастырю «со всеми пошлинами». Кроме того, в грамоте указывалось: «А волостели и даньници и ямщики ать не занимают богородицких людий ни про што же». Очевидно, жители монастырских владений освобождались от ряда работ, которых могли требовать перечисленные в грамоте княжеские служащие.

Эти свидетельства следует сопоставить с грамотами великого князя Олега Ивановича и с записями о таких грамотах Олега Ивановича и Федора Ольговича главной рязанской обители последующего времени – Солотчинскому монастырю [2, Т. III, № 324, 325; ср. № 341, 341а]. Здесь говорится о передаче владения «со всеми пошлинами» и о запрете волостелям въезжать на эту территорию. Вместе с тем в одной из грамот указывается, что игумен может призвать поселиться в данном владении людей «и тягость (т.е. тягло) им не надобе на три лета». Это говорит о том, что слова о «пошлинах» не имеют отношения к лежащим на владении государственным налогам и повинностям.

Что касается судебного иммунитета, то в грамотах фигурирует формула о передаче владения «с виною и с поличным». Присутствие этой формулы во всех жалованных грамотах рязанских князей XIV – начала XVI в. не позволяет видеть в ней признание за собственником широкого объема судебного иммунитета. Правда, по-видимому, Ольгов монастырь мог пользоваться в части своих владений полной судебной властью – «а волостели мои ать не вступаются в них ни о котором же деле» [2, Т. III, № 322]. Ни в одном из других рязанских документов (в том числе и в грамотах главной рязанской обители – Солотчинского монастыря) подобная формула не встречается.

В грамотах церковным учреждениям XIV – начала XV в. подчеркивается право собственника на промысловые угодья, находящиеся в данном владении – перечисляются угодья, упоминаются люди, занимающиеся здесь промыслом, говорится о передаче монастырю «позема» (взимасмого с них оброка), наконец, княжим людям соответствующих специальностей запрещается доступ на эти угодья. Очевидно, что самого акта пожалования с указанием границ было недостаточно, и чтобы пользоваться угодьями и продуктами деятельности на них необходимо было получать дополнительные права.

Во второй четверти XV в. в грамотах великого князя Ивана Федоровича [2, Т. III, № 328, 329 (ср. № 352), 354; 1, Т. I, № 277 (с. 252), Т. II, № 240, 241, Т. IV, № 59] церковным и светским землевладельцам повторяется единая сумма прав, предоставляемых им государственной властью. Грамоты великого князя Ивана Федоровича (как и его преемников) давали только

временные освобождения от дани, яма или вообще «тягости» как правило для пришельцев из иных княжений или из иных мест из числа «неписьменных» людей.

Судебный иммунитет предоставлялся «с виною и с поличным и с татинным рублем», что означало право получения судебной пошлины при расследовании дел о воровстве между крестьянами землевладельца. Эта новация жалованных грамот XV в. говорит о том, что дела об убийствах и разбоях тем более должны были рассматривать великокняжеские судьи.

Важную часть формуляра по-прежнему составлял запрет на въезд целого ряда княжеских людей – ямщиков и людей, занятых промысловыми занятиями, во владение грамотчика. Такой запрет, повторявшийся, с некоторыми нюансами, во всех грамотах имел явно серьезное значение, означал серьезную уступку власти церковным и светским землевладельцам. Следует, однако, учитывать, что в запретах фигурируют не все группы занятых промыслом княжеских людей. Так, лишь в одной грамоте закрывался доступ во владение грамотчика великокняжеским бортникам [2, Т. III, № 328], а бортничество было важнейшей отраслью сельского хозяйства в Рязанской земле.

Выявить специфические черты этого типа отношений княжеской власти с духовными и светскими землевладельцами можно, сопоставив немногие акты XIV в. с немногими актами княжеств Северо-Восточной Руси того же времени, а рязанские акты XV в. с пожалованиями князей московского дома первой половины XV в., до начала преобразований времени правления Ивана III.

Грамоты XIV в. рязанскому архиерейскому дому следует сопоставить с dokonчанием Василия Дмитриевича с митрополитом Киприаном [2, т. III, № 6]. Владения митрополичьего дома выступают здесь как особое образование, обязанности которого ограничиваются уплатой «выхода» «по грамоте... по оброчной» и «яма» «по старине», что также было связано с исполнением обязанностей перед Ордой. Для великокняжеской администрации были закрыты и владения «домовых» монастырей: «ведают их и судят игумены».

Ничего подобного в грамоте рязанской кафедре 1303 г. нет. Можно было бы предположить, что формула «с виною и с поличным» означает всю полноту судебной власти над населением, но ее присутствие во всех рязанских жалованных грамотах последующего времени говорит лишь о передаче судебной власти, но не определяет ее объем. Обращение к тексту dokonчания рязанских князей 1496 г. подтверждает, как представляется, правильность такого понимания [5, № 84, с. 336, 340]. Обращает на себя внимание разрешение людям епископа «бити бобры», «по Проне по реке, в речках и в озере и в болотех», которое явно говорит о том, что вотчины архиерейского дома вряд ли рассматривались как особое политическое образование. О каких-либо податных привилегиях в грамотах не говорится, и в конце XV в. подданные епископа платят дань, на них лежит ям и городовое дело [5, № 84, с. 336, 340].

Грамоты Олега рязанского Ольгову и Солотчинскому монастырю есть смысл сопоставить с грамотами середины XIV в. таким обителям,

как Спасский Ярославский и Тверской Отрочь монастыри [2, т. III, № 116, 190]. По грамоте Спасскому Ярославскому монастырю все налоги и службы заменялись 2-рублевым оброком, а игумен получал всю полноту судебной власти над подданными. Еще более широкие права получил от тверских князей Отрочь монастырь. Его владения были вообще освобождены от всяких налогов и служб, а архимандрит также приобрел всю полноту судебной власти над подданными. В 30-х гг. XV в. эти права были подтверждены [2, Т. III, № 117].

При сопоставлении грамот можно отметить, что Ольгов монастырь [2, Т. III, № 322], возможно, также получил полный судебный иммунитет и освобождение от ряда работ для своих подданных, но об освобождении его владений от налогов в грамоте великого князя Олега ничего не говорится. Что касается главной рязанской обители рубежа XV–XVI вв. – Солотчинского монастыря, то он получил судебный иммунитет в обычном объеме, отмеченном выше, а в одной из грамот великого князя Олега прямо отмечено, что освобождение от дани дается только новоприходцам и на краткий срок [2, Т. III, № 324].

В грамотах много говорится о правах монастырей на промысловые угодья, о чем совсем нет речи в ярославской и тверской грамотах. Там, вероятно, было достаточно самого акта пожалования.

Об особенностях церковного землевладения в Рязанской земле в XV в. дает некоторую возможность судить сопоставление грамот великого князя Ивана Федоровича Солотчинскому монастырю с грамотами князей московского дома Троице-Сергиеву монастырю первой половины XV в.

Как отмечалось, владения передавались Солотчинскому монастырю с «виною» «поличным» и «тагиным рублем», т.е. с правом получения штрафа по делам о воровстве [2, Т. III, № 328–329]. Обращение к достаточно многочисленным грамотам князей московского дома Троице-Сергиеву монастырю показывает, что в княжение Василия Дмитриевича в целом ряде своих владений игумен пользовался полной судебной властью [2, Т. I, № 30, 31, 34, 35, 57, 125, 135, 172], а в ряде других от пользовался такой властью «опроче душегубства» [2, Т. I, № 29, 44, 115, 128, 131 и др.]. Таким образом, судебный иммунитет владений Троице-Сергиева монастыря в первой четверти XV в. был гораздо более значительным, чем судебный иммунитет владений Солотчинского монастыря.

В предоставлении податных привилегий князья московского дома были гораздо более скупыми, предпочитая в целом ряде случаев подобно рязанским князьям давать податные льготы на определенный срок [2, Т. I, № 30, 44, 128]. Однако можно отметить и такие ситуации, когда владения Троице-Сергиева монастыря получали достаточно значительные податные привилегии. Так, например, в 1415 г. Василий Дмитриевич освободил от всех поборов троицкие варницы у Соли Переяславской. Позднее такое освобождение неоднократно подтверждалось [2, Т. I, № 31, 47, 101]. В 1438 г. Софья Витовтовна освободила владения Киржачского Благовещенского монастыря от «яма» и многих других повинностей [2, Т. I, № 133]. Такие же освобождения получило от великого князя троицкое село Сватковское в Переяславском уезде [2, Т. I, № 139]. А в 40-е гг. XV в. ряд владений

монастыря был освобожден не только от разных повинностей, но и от дани [2, Т. I, № 166, 172, 176]. Таким образом, и податной иммунитет Троице-Сергиева монастыря был гораздо более обширным, чем иммунитет владений Солотчинского монастыря.

Определенные черты сходства можно обнаружить в действиях власти по отношению к передаваемым монастырям промысловым угодьям. Возможность их использования обеспечивалась в рязанских грамотах запретом княжеским людям, занятым соответствующими промысловыми занятиями, входить во владения монастыря. Аналогичным образом князя московского дома, передавая Троице-Сергиеву монастырю различные угодья, одновременно закрывали на них доступ для своих «промысловиков». Так, кн. Петр Дмитриевич, разрешив в 1423 г. властям монастыря ловить рыбу и бобров на реке Воре, запретил ловить там своим рыболовам и бобровникам [2, Т. I, № 40], а Василий Дмитриевич запретил своим рыболовам ловить рыбу в монастырских заводях на Клязьме [2, Т. I, № 42]. Предоставляя монастырю право ловить рыбу в Плещеевом озере, великий князь запретил стольнику и поледчику заставлять монастырских рыбаков ловить рыбу для великокняжеского хозяйства [2, Т. I, № 92]. В грамоте Софьи Витовтовны 1438 г. указывалось: «А што у них на тех землях на монастырских дубье, и чашник мои и староста бортнои в то ся дубье у них не вступают» [2, Т. I, № 133].

При сопоставлении московских и рязанских материалов можно отметить, что соответствующие запреты встречаются лишь в некоторых московских грамотах и не являются частью более общего формуляра. Очевидно, что серьезные промысловые угодья на территории Великого княжества Московского встречались отнюдь не повсеместно, поэтому и не было необходимости постоянно включать в грамоты запрет о въезде княжеских людей.

Обращает на себя внимание, что в московских грамотах запреты распространяются и на дворцовые чины. В рязанских грамотах подобный запрет, касающийся «чашников», встречается только в одной из грамот великого князя Олега [2, Т. III, № 325].

Сказанное позволяет сделать вывод, что положение церковных учреждений в Великом княжестве Московском было более благоприятным, чем в Рязанской земле. О сильном подчинении местных церковных учреждений светской власти говорит и существование в Рязанской земле практики так называемой «нагодчины», когда великий князь передавал часть монастырских владений в держание своим светским вассалам, которые с этих земель платили монастырю оброк, установленный князем [3].

Исследование жалованных грамот рязанских великих князей светским землевладельцам XV – начала XVI в. показывает наличие устойчивого комплекса норм, определявших отношение власти и с представителями знати, и с рядовыми землевладельцами, правовое выделение первых, приобретение ими некоего особого права намечается лишь в начале XVI в.

Все они не обладали какими-либо податными привилегиями, освобождения от «тягости» давались только на определенный срок, и как правило, для пришедших на поселение крестьян. Правда, землевладельцы получали право на разные виды промысловых угодий на своей территории, и княжеские люди не могли входить на территорию владения и заниматься там своими промыслами, но при этом надо отметить, что освобождение частных владений от деятельности княжеских бортников не предполагалось.

Уже то, что этому вопросу уделялось столь большое внимание, показывает определенную ограниченность прав бояр и более мелких землевладельцев на их села и угодья. В этом плане заслуживает внимания употребление в грамотах середины XV в. формулы, что князь тому или иному лицу «дал... сести» не только на пожаловании князя, но и на «вотчине» и на «купле» [См. 1, Т. III, № 208, 209, 240]. И это говорит о сильном положении княжеской власти в Рязанской земле.

Для судебного иммунитета общей нормой оставался суд представителей власти по делам о разбоях и убийствах, по делам о воровстве землевладелец мог получить судебный штраф – «татин рубль».

Обращение к грамотам московских великих князей первой половины XV в. светским лицам показывает, что в них, как и в рязанских актах, освобождение от дани дается лишь на определенный срок [2, Т. I, № 52, 117 и др.]. Иначе, однако, обстоит дело с освобождением от иных сборов и повинностей. Освобождения от них обнаруживаются в целом ряде документов.

Так, по грамоте великого князя Василия Васильевича Михаилу Яковлевичу 1435 г. жители владения освобождались от уплаты торговых пошлин, их не касалось «никоторое мое дело, ни розмет, ни закос» [2, Т. I, № 117]. Более обширные освобождения содержала грамота чернице Анне, вдове боярина Федора Андреевича Старка, кн. Василия Ярославича 1446 г.: «Не надобе моя писчая белка, ни ям, ни подвода, ни мыт, ни костки, ни коня моего кормити, ни луга моего косити, ни иная никоторая пошлина» [2, Т. II, № 95].

Еще более обширные освобождения содержит грамота Василия II Ивану Петелину 1450 г. Помимо перечисленных в грамоте 1446 г. пошлин и поборов здесь фигурируют тамга и восмничее, портное, отмечено, что «закосных пошлин не дают» [2, Т. I, № 236].

Достаточно обширные освобождения присутствуют и в тексте грамоты 1463 г. кн. Юрия Васильевича Дмитрию Васильевичу Бобру: «не надобе им впрок никоторая пошлина, ни ям, ни подвода, ни мыт, ни тамга, ни восмничее, ни костки, ни явленное, ни пятемное, ни правой десяток, ни коня моего не кормят, ни лугов моих не косят, ни портного не дают» [2, Т. I, № 336]. 1464 г. датирована грамота Ивана III ярославским вотчинникам Лазаревым также с рядом освобождений от повинностей (включая «ям») и пошлин [1, Т. I, № 312].

Конечно, можно указать для первой половины XV в. целый ряд грамот московских князей, предоставлявших светским землевладельцам никаких постоянных податных привилегий [2, Т. I, № 52, 224, Т. II, № 164, Т. III,

№ 239; 1, Т. I, № 66, 118, Т. II, № 306]. Однако очевидно, что достаточно заметный слой в составе светских землевладельцев Великого княжества Московского обладал довольно значительными освобождениями от пошлин и повинностей. При этом речь идет о людях, не принадлежавших к знати, чьи привилегии могли быть более обширными. Рязанские землевладельцы по формуле о передаче владений «с резанкою и с шестьдесят» освобождались только от уплаты проезжей пошлыны («явки»), которая поступала волостелю. В Рязанской земле освобождений от каких-либо налогов и повинностей в пользу власти не отмечено даже в жалованных грамотах на земли рязанских бояр.

Как известно, на землях Великого княжества Московского в первой половине XV в. постепенно распространялась практика предоставления судебного иммунитета «опроче душегубства и татбы с поличным и разбоя с поличным же» [См., например, 2, Т. I, № 117, 236, 325 и др.]. Однако наряду с многочисленными пожалованиями такого типа можно отметить целый ряд грамот, в которых землевладельцу предоставлялся судебный иммунитет «опроче душегубства» [2, Т. I, № 52, 224, Т. II, № 95, 164, Т. III, № 239; 1, Т. I, № 312]. Таким образом, и здесь выделяется слой лиц, пользующихся существенными судебными привилегиями и не принадлежавших к кругу знати, чьи привилегии также могли быть более значительными. В этом плане можно отметить жалованную грамоту Василия II ростовскому боярину Илье Борисовичу, когда землевладельцу передавалась вся полнота судебной власти [1, Т. I, № 66].

Таким образом, хотя часть землевладельцев (и не малая) в Московском великом княжестве обладала, по-видимому, судебным иммунитетом более суженным, чем в Рязанском великом княжестве, налицо был и достаточно значительный слой, обладавший такими судебными привилегиями, которых у рязанских землевладельцев не было.

Все эти сопоставления дают определенное основание для вывода, что до преобразований, осуществленных в правление Ивана III в Великом княжестве Московском, великокняжеская власть в Рязанской земле обладала более широкой властью над церковными и светскими землевладельцами.

Возникает вопрос – что дало возможность великокняжеской власти в Рязанской земле добиться столь прочных позиций уже во второй четверти XV в.

Имеющиеся источники не дают прямого ответа на этот вопрос, но определенные соображения могут быть высказаны. Как представляется, следует принимать во внимание большую степень запустения Рязанской земли в результате татаро-монгольского нашествия и близкого соседства с Золотой Ордой. Это, очевидно, способствовало формированию большого фонда запустевших земель и формированию на их территории разного рода промысловых угодий, где действовало «служилое» население, подчиненное великокняжеской администрации.

Со второй половины XIV в. есть основание говорить об усилившемся заселении запустевшего края и о расширении границ Рязанской земли на юге и юго-западе. В московско-рязанских договорах конца XIV – нача-

ла XV в. упоминаются «татарские и мордовские места», которые «отнял» великий князь Олег [5, № 10, с. 29, № 19, с. 54]. В московско-рязанском договоре 1483 г. упоминаются принадлежавшие рязанскому князю земли «за Доном» [5, № 76, с. 285, 289]. В докончании рязанских князей 1496 г. упоминаются и земли мордвы, и «волости Мещерские», и поселения по рекам Воронеж и Дон [5, № 84, с. 334–335, 339]. В итоге, в распоряжении великокняжеской власти в XV в. оказался, увеличивавшийся с течением времени, обширный земельный фонд как неосвоенных, так и заселенных территорий. От великокняжеской власти зависел доступ к земельным пожалованиям из этого фонда. Великий князь решал, кто может «сести» на той или иной земле. Это привело к тому, что в дальнейшем разные виды земельных сделок, и даже право на обладание своей «вотчиной» стало требовать санкции великого князя. Характерно, что в докончании рязанских князей 1496 г. отмечены обязательства участников «отчин... и купленных земель не отнимати» [5, № 84, с. 326, 341].

Получение (или покупка) определенной земли с проживающими на ней крестьянами не решала всех проблем, стоявших перед землевладельцем. Большую часть такой территории обычно занимали промысловые угодья, которые в соответствии с системой регалий, сложившейся в эпоху раннего средневековья, оставались открытыми для деятельности «княжих» людей, занятых соответствующими промысловыми занятиями (бортники, рыболовы, псари, бобровники и т.д.). Отсюда, как представляется, усилия, направленные на то, чтобы доход от этих промыслов поступал в распоряжение землевладельца. Показателен в этом плане пересказ грамоты великого князя Ивана Федоровича в так называемом родовом письме Шиловских: «и тех бортников, которые им даны, свободны им посылать и доход бортничей с них имать, а бортником великого князя знати свои угодья» [2, Т. III, № 352, с. 377]. Отсюда появление в жалованных грамотах рязанских князей перечней групп «служилых» людей, для которых закрывался доступ во владение грамотчика. Одновременно власть могла предоставлять землевладельцу право на промысловые занятия на своей территории. Примером могут служить указания в некоторых пожалованиях церковным учреждениям на право «бить» бобров на своей территории [4, с. 300; 2, Т. III, № 341, с. 364]. «Бобровник» не мог ловить там бобров, а «закосник» косить сено.

Вместе с тем далеко не во всех отношениях великокняжеская власть шла навстречу интересам церковных и светских землевладельцев. Как видно из докончания рязанских князей 1496 г., «бортники» составляли большую общность людей, занятых в княжеском хозяйстве. В договоре перечисляются «бортники с оброки» в самых разных частях Рязанской земли [5, № 84, с. 334–335, 339].

Показательно, что лишь в некоторых грамотах Солотчинскому монастырю говорится о запрете «въезжать» в монастырское владение чашникам и ключникам [2, Т. III, № 325] и бортнику [2, № 328; см. также № 341а, с. 367]. В грамотах светским землевладельцам таких запретов не обнаруживается (исключением служит текст в «родовом письме» Шиловских,

относительно которого нет полной уверенности в правильной передаче текста).

В докончании 1496 г. особо упоминаются такие группы «служилого» населения, как «ловчане», «рыболовы», «конокормы». В формулах жалованных грамот названия этих групп не встречаются. Лишь в грамотах Солотчинскому монастырю встречаются запреты «ловчанам» ловить рыбу в переданных монастырю рыбных угодьях [2, Т. III, № 325, 326. См. также № 341, с. 314]. Судя по сохранившейся записи, монастырским рыболовам великим князем Василием Ивановичем было разрешено ловить рыбу на определенном участке реки Прости, «а ловчаном... монастырских рыболовей в том месте не имати» [2, с. 315].

Как представляется, есть основание сделать вывод, что далеко не ото всех групп занятых промыслами великокняжеских служилых людей, светским и духовным землевладельцам Рязанской земли удалось ограждать свои владения. Таким образом, и в этом плане достаточно широких привилегий они не приобрели.

В этом плане есть основание сопоставить Рязанскую землю с такой польской областью, как Мазовия, где, в отличие от других польских земель, и в XV, и в начале XVI в. владения землевладельцев облагались достаточно высокими постоянными налогами. Объяснением этому феномену исследователи видят в том, что в Мазовии отсутствовала по-настоящему крупная земельная собственность. По-видимому, сходным образом дело обстояло и в Рязанской земле. Конечно, у рязанских землевладельцев были свои села и деревни, но насколько значительно они были заселены, насколько значимую величину они представляли по сравнению с тем земельным фондом и его населением, где великий князь рязанский разрешал «сесть» тому или иному из своих вассалов?

Как представляется, в Рязанской земле складывалась ситуация, в чем-то схожая с отношениями в эпоху раннего средневековья, когда доходы от кормлений, вероятно, значительно превышали доходы землевладельцев от их вотчин, а в удовлетворении их потребностей значительная роль принадлежала возродившейся «служебной» организации.

Все сказанное, как представляется, оказало свое влияние, когда оказался поднят вопрос о вхождении Рязанской земли в состав Русского государства. Рязанские землевладельцы не могли опасаться за судьбу привилегий, которых у них не было, зато для них открывались с вхождением в единое Русское государство многие новые возможности.

1. АСЗ. Т. I. М., 1997; Т. II. М., 2002; Т. III. М., 2002; Т. IV. М., 2008.
2. АСЭИ. Т. I. М., 1952; Т. II. М., 1958; Т. III. М., 1964.
3. Антонов А.В. Из истории «нагодчины» в Рязанской земле // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 4.
4. Грамоты XIV–XVI вв. из копейной книги Рязанского архиерейского дома // АЕ за 1987 год. М., 1988.
5. ДДГ.

Л.В. Милов – исследователь социально-экономической истории России²

Социально-экономическая история; историография; компьютерные методы в исторических исследованиях; аграрная история.

Статья содержит краткую характеристику научного наследия выдающегося русского историка, академика Л.В. Милова. В исследовании рассматривается вопрос о формировании научной концепции истории России как социума с минимальным объемом прибавочного продукта в ходе исследования Л.В. Миловым дискуссионных вопросов источниковедческого, методического и теоретического характера.

Вклад Л.В. Милова в изучение социально-экономической истории России исключительно значим³, поскольку его труды не только обеспечили значительное приращение научного знания о важнейших процессах в истории России, но и существенно влияли на саму парадигму ее изучения и обсуждения. Практически каждая его значимая работа по социально-экономической истории России становилась фактором оживления дискуссии вокруг крупной проблемы. Уровень этой полемики был чрезвычайно высок. Например, источниковедческий раздел «Тенденций аграрного развития» [9] оппонировал фундаментальному труду С.Б. Веселовского [1]. Л.В. Милов принимал самое активное участие в одной из главных дискуссий советской историографии – о проблеме генезиса капитализма – в категориях которой в 1960-е – 1980-е гг. рассматривались концептуальные основы российской истории. Наконец, появление итогового сочинения Л.В. Милова [13] стало одним из важнейших факторов обсуждения общего и особенного в российском историческом процессе.

В научном творчестве Л.В. Милова видна последовательная источниковедческая и методологическая стратегия, подразумевавшая, в первую очередь, работу с массовыми источниками XVII–XIX вв. Эти источники известны любому работавшему с ними исследователю скупостью своего содержания – в этом смысле писцовую книгу или Экономические примечания к Генеральному межеванию невозможно сравнивать с современным им вотчинным архивом крупного монастыря или светского землевладельца. Сам Л.В. Милов, на мой взгляд, воспринимал это обстоятельство именно как ограничение для себя как для ученого, и первая часть «Великорусского пахаря» ясно показывает, как его могли интересоваться, например, микро-локальные проявления того, что сейчас принято называть трудовой повседневностью, отразившиеся в совсем иных материалах. Но это ограничение носило совершенно сознательный характер. Идя от крупных проблем социально-экономической истории в ее марк-

¹ Черненко Дмитрий Анатольевич, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., dmitcher@mail.ru.

² Исследование выполнено в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19–09–00462.

³ Разумеется, данный текст не претендует на всеохватывающее обобщение этого творчества, обозначая лишь некоторые его аспекты.

систском понимании⁴, будь то изучение феодальной ренты или функционирования закона стоимости, Л.В. Милов стремился выявить тот комплекс источников, который позволит проанализировать изучаемое явление, в первую очередь, на макроуровне и оценить его в целом. Об этом он сам говорил в одном из своих поздних докладов: «...мы (с И.Д. Ковальченко – Д.Ч.) изучали процесс формирования макроструктуры рынка, а не процессы, способные влиять на все группы крестьянских хозяйств, не говоря уже об отдельных хозяйствах... И нельзя понимать так, что если средний коэффициент по матрице 0,85... то, значит, каждый крестьянин прочно связан с рынком... Работа, которую мы сделали с Иваном Дмитриевичем, позволила нам, и я считаю это большой удачей в жизни, реально «пощупать» общие закономерности исторического развития, как бы «потрогать» эту гигантскую и неодолимую макроструктуру, постоянно пульсирующую и меняющую в какой-то мере свои условные границы...» [14; 15, с. 466].

Такая постановка задач исследования требовала тщательной проработки вопросов источниковедческого и методологического характера. Их решение, неоднократно становилось самостоятельным направлением исследований Л.В. Милова. Так, им была предложена первая источниковедческая характеристика и научная типология Экономических примечаний к Генеральному межеванию [6], что стало важнейшей предпосылкой комплексного изучения этого огромного массива межевых материалов в последние десятилетия. Исключительное внимание методологическим аспектам изучения рынка (почему необходимо подвергать корреляции именно 10-летние ценовые циклы, насколько сильно может исказить представление о завершении складывания рынка колебания урожайности и др.) уделили Л.В. Милов и И.Д. Ковальченко в серии статей и объемном введении к совместной монографии. Вплоть до выхода концептуальных статей второй половины 1980-х гг. источниковедческие и методические аспекты, на мой взгляд, были главным «нервом» той полемики, которую вел Л.В. Милов. Его наследие показывает, что научная дискуссия – это, в первую очередь, крайне тщательное обсуждение самой процедуры получения вывода, и в этом смысле его труды останутся высокими образцами исторической науки вне зависимости от дальнейших концептуальных сдвигов в ней.

Будучи ученым, активно использовавшим количественные методы, Л.В. Милов не стремился найти какой-то универсальный признак, динамика которого отображает направление и характер исторического процесса. Хотя в принципе сама эта методика подспудно побуждает исследователя «вывести» такую «главную цифру», да и читающее сообщество в каком-то смысле этого и ожидает от квантитативной истории. В этой связи показательно, что критика научных взглядов Л.В. Милова, особенно в публицистике (и в стилистически сниженных до ее уровня некоторых современных научных исследованиях), зачастую строится на отыскании

⁴ На мой взгляд, Л.В. Милов никогда не избегал определения своей методологии как марксистской. В «Великорусском пахаре» Россия определяется им как «феодальный социум особого типа».

примеров более высоких, чем приведенные им, показателях урожайности в России (впрочем, довольно немногочисленных и локальных) или, напротив, на примерах низких урожаев и иных бедствий крестьян в Западной Европе. Это вполне отражает, на мой взгляд, широкое восприятие «Великорусского пахаря» как книги, в первую очередь, о низких урожаях⁵, которые, в логике поиска своего рода «главной цифры исторического процесса», должны «все доказать». Очевидно, что данные об урожайности играют исключительную роль в концепции Л.В. Милова, но к этому параметру она, разумеется, не сводится и генетически, на мой взгляд, не из него вырастает.

Примерно за 30 лет до первой развернутой публикации концепции, впоследствии изложенной в «Великорусском пахаре» [12], произошло открытие Л.В. Миловым парадоксального факта сохранения в Европейской России больших массивов переложных земель во второй половине XVIII в., систематически зафиксированных в материалах Генерального межевания и «офицерских описях» монастырей [4; 5]. Это обстоятельство выглядело как некий «сбой системы», поскольку участки перелога, составлявшие 30 и даже 50 % от площади пашни, невозможно было интерпретировать как исчезающий пережиток, а как норма они требовали комплексного объяснения. Явление, «неуместное» в этот период в этом регионе и в таких масштабах, Л.В. Милов сопоставил с другим поразительным фактом той же эпохи – огромным (в два раза) разрывом между площадью посева и площадью пашенных угодий, открытым примерно тогда же Н.Л. Рубинштейном, не сумевшим найти ему непротиворечивого объяснения на основе предположений о роли отходничества и других социально-экономических факторов. Совмещая эти два явления, Л.В. Милов на первый план выдвигал процесс истощения почв при трехполье. Так, из внимательного отношения к малообъяснимым фактам и с опорой на знание природно-хозяйственных реалий формировалось ядро его концепции, в центре которой находился крестьянин, парадоксальным образом, с одной стороны, нуждавшийся в постоянном резерве нераспаханной земли, а с другой – крайне ограниченный в возможности обработать свой надел.

Следующий важный этап в научном творчестве Л.В. Милова, открывается, на мой взгляд его участием в коллективном докладе «Переход от феодализма к капитализму» 1969 г. [2]. Фактически в нем подвергалась пересмотру устоявшаяся в советской историографии периодизация социально-экономического развития России XVII–XIX вв., продиктованная известным тезисом В.И. Ленина о XVII в. как о «новом периоде» в российской истории. Характер критики, с которой были встречены положения докладчиков, отражал не только идеологическую обусловленность формационного оптимизма советской историографии в общей периоди-

⁵ По этой причине, например, так поверхностно выглядят сравнения книг Л.В. Милова и Р. Пайпса, который «тоже» (и даже «раньше») писал о большом влиянии низких урожаев на развитие российского общества. Речь, конечно, в принципе идет о разнопорядковых явлениях с точки зрения фундированности суждений этих авторов.

зации истории российского общества, но и объективное состояние изученности многих конкретно-исторических вопросов социально-экономической истории России [3, с. 5–39]. Эта ситуация, как мне представляется, определяющим образом повлияла на общую стратегию научной работы Л.В. Милова.

В своих работах конца 1950-х – начала 1960-х гг. он выступал преимущественно как исследователь вполне определенной темы социально-экономической истории⁶ – эволюции феодальной ренты – на основе Экономических примечаний. В последующий период такой магистральной темой стала проблема формирования и развития Всероссийского рынка. Однако многие тексты Л.В. Милова 1970-х – 1980-х гг., находящиеся в стороне от нее, не складываются в последовательное изучение определенной проблемы или источникового массива. Выхватывая крупные сегменты социально-экономической сферы жизни русского общества, относящиеся преимущественно к XV–XVIII вв., они являются своего рода социально-историческими «шурфами», достаточно изолированными тематически, но отвечающими критериям современного научного исследования по глубине проработки материала. Невозможно не признать уникальным то отношение Л.В. Милова к профессии ученого-историка, которое стоит за сухим перечнем названий его работ этого периода, посвященным аграрным городам XVIII в., изучению отношений вотчинника и крестьян в XIV–XVI вв., природе мануфактурного производства в XVII – начале XVIII в., монастырскому хозяйству второй половины XVIII в., источниковедению и количественному анализу писцовых книг первой половины XVII в. и др. Практикующий исследователь отлично понимает, какой объем поисковой, методической и аналитической работы с разнотипными и преимущественно архивными материалами совершенно разных эпох стоит за такой библиографией, сколько здесь самоотверженного труда, преодоленных неудач и сомнений. В итоге ко второй половине 1980-х гг. перед Л.В. Миловым открылась возможность широкого (тематически и хронологически) сопряжения полученных результатов.

Например, в 1985 г. на основе анализа актового материала XIV–XVI вв. им была сформулирована гипотеза о специфике процесса формирования в Средневековой Руси института феодальной ренты, главной особенностью которого было то, что вотчиннику противостоял не аллодиальный крестьянин, а община. Именно исчерпание вотчинником возможностей преодоления ее сопротивления обусловило необходимость государственного вмешательства в этот процесс посредством создания помещичьей системы и запрета крестьянских переходов, без чего феодализация общественных отношений, по сути дела, не могла завершиться [8]. При этом именно о незавершенности процесса складывания феодальных производственных отношений даже в первой трети XVII в. свидетельствовали и результаты корреляционного анализа сведений писцовых книг, про-

⁶ Необходимо, конечно же, подчеркнуть, что даже начало научного пути Л.В. Милова не укладывается в общие рамки исследователя одной темы, поскольку уже на этой стадии исследование статистических кадастровых материалов второй половины XVIII в. он совмещал с изучением памятников древнерусского права.

веденного ранее и выявившие существования не просто двух правовых форм землевладения, а двух разных типов господского хозяйства [7].

Так, на мой взгляд, вызревала проблемно-очерковая структура итогового труда Л.В. Милова – «Великорусского пахаря», отражающая не только уникальную широту его исследовательских интересов и навыков, но и, на мой взгляд, принципиальную невозможность для современного историка при достигнутом уровне специализации науки написать профессионально убедительную «сплошную» социально-экономическую историю России в рамках крупной эпохи. Теоретическая устойчивость концепции достигалась нетипичным для отечественной историографии путем взаимного подтверждения результатов исследования достаточно разнородных и разновременных явлений социально-экономической жизни России. Эти результаты вновь, уже на качественно иной доказательной базе, ставили проблему специфики важнейших социальных процессов в истории России, выражавшейся, в первую очередь, в длительности формирования и огромной инерции основных параметров и институтов, характеризующих развитие общества. Это фундаментальное явление требовало сопоставимого по масштабу объяснения, лежащего вне плоскости формационной теории. И если, например, во «Всероссийском аграрном рынке» в качестве предельного объяснения крайней растянутости процесса формирования рынка еще называются господство феодальных отношений и слабая товаризация крестьянского хозяйства [3, с. 380], то уже в теоретических статьях Л.В. Милова второй половины 1980-х гг. в этом качестве начинают выступать и природно-географические условия [8; 10; 11].

Таким образом, «Великорусский пахарь» – книга, концептуально и методологически вызревшая на протяжении всего научного пути Л.В. Милова. Новаторское сочетание в ней микро- и макроуровня исследования обеспечено богатейшим фактическим материалом первой части, остающейся в нашей историографии самой емкой энциклопедией крестьянского быта, способной заинтересовать читателя практически любого уровня квалификации. Но и концептуально эта глава исключительно значима тем, что показывает все многообразие конкретных форм преодоления диктата природной среды русским крестьянином, о котором А.С. Пушкин говорил, что «предприимчивость его известна, проворство и ловкость – удивительны».

В целом почти весь массив приводимого в книге материала и большая часть итоговых выводов находится в диапазоне XV – первая половина XIX в., сердцевиной которого по богатству сведений источников и детальности их анализа является период середины – второй половины XVIII в. В самом исследовании общепринятого обозначения и обоснования этих хронологических рубежей нет, тем не менее, они совершенно не случайны. Так, хотя нижняя хронологическая грань исследования во многом обусловлена состоянием источниковой базы, содержательно она также отражает начало сложного процесса формирования крепостнических отношений в Северо-Восточной Руси. Верхняя грань формально определяется хронологически последним в тексте книги большим мас-

сивом статистических данных, в данном случае – статистики урожайности, введенной в научный оборот И.Д. Ковальченко. Констатируя принципиальную близость этих цифр с данными конца XVIII в., Л.В. Милов подытоживает результаты их анализа следующим образом: «В целом же в Европейской России так и не появились регионы с ритмичным и постоянным производством зерновой товарной продукции» [13]. Так, на мой взгляд, может быть определен общий хронологический контур оптимального приложения концепции Л.В. Милова к российской истории. В его рамках описывается воздействие природно-климатического фактора на важнейшие социальные процессы: развитие феодальных и, со второй половины XVIII в., генезис рыночно-капиталистических отношений в русском обществе. Незамкнутость этого контура, на мой взгляд, отражала сомнения Л.В. Милова в возможности провести «линию разграничения» в истории России как аграрного социума по 1861 году⁷.

Задавая общие теоретические рамки исследования истории русского общества, концепция Л.В. Милова подразумевает дальнейшую детализацию его специфики. В первую очередь, на мой взгляд, это относится к области изучения конкретных проявлений роли государства как организатора «всеобщих условий производства» и характера его взаимодействия с социальными структурами русского сословного общества.

1. *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и пошного обложения Московского государства. М., 1915–1916. Т. 1–2.
2. *Гиндин И.Ф., Данилова Л.В., Ковальченко И.Д., Милов Л.В., Новосельцев А.П., Павленко Н.И., Рожкова М.К., Рындзюнский П.Г.* Переход России от феодализма к капитализму. Колл. доклад // Переход России от феодализма к капитализму: Материалы Всесоюзной дискуссии. М., 1969.
3. *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX вв. Опыт количественного анализа. М., 1974.
4. *Милов Л.В.* Об элементах перелога и залежи в земледелии России XVIII в. // IV Сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в г. Рига, 1961.
5. *Милов Л.В.* О роли переложных земель в русском земледелии второй половины XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1961 год. Рига, 1963.
6. *Милов Л.В.* Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (к истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М., 1965.
7. *Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М., Пушков В.П.* О корреляционном анализе массивов писцовых книг XVII в. // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинев, 1978.
8. *Милов Л.В.* О причинах возникновения крепостничества в России // История СССР. 1985. № 3.
9. *Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография, компьютер и методы исследования. М., 1986.
10. *Милов Л.В.* О российском типе генезиса капитализма // Новая и новейшая

⁷ Показательно высказывавшееся им мнение, что русская общественная мысль XIX в. несла в себе большое заблуждение, возлагая огромные надежды на отмену крепостного права, которая не дала ожидаемого эффекта именно потому, что с исчезновением крепостничества русское общество не перестало быть социумом с минимальным объемом прибавочного продукта.

- история. 1987. № 2.
11. Милов Л.В. Общее и особенное российского феодализма (постановка проблемы) // История СССР. 1989. № 2.
 12. Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4–5.
 13. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
 14. Милов Л.В. О некоторых методологических аспектах изучения аграрного рынка второй половины XVIII — первой трети XIX в. // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 2000.
 15. Милов Л.В. По следам ушедших эпох. М., 2006.

В.Д. Назаров¹

К истории светского землевладения в России XV – начала XVI в.: коллективный снимок 1504 г. с пояснениями и дополнениями

Завещание Ивана III; dokonчание Василия III и кн. Юрия; разъезжие грамоты 1504 г.; грамоты жалованные «ослобожоные»; вотчины и село / деревня «за...».

В работе дан системный анализ грамот 1504 г., установивших границы между частью территорий Василия III и его брата, кн. Юрия, с фиксацией в приграничных зонах поземельной собственности разных типов, в том числе светских землевладельцев. Выявленные данные позволяют судить о соотношении вотчинной и условной поземельной собственности в разных слоях «служилого класса», о переменах в данной сфере во второй половине XV – начале XVI в., об истоках и эволюции условного землевладения.

История разных форм земельной собственности в средневековой Руси – вечная тема регулярных дискуссий. Особенности ее документальной базы (хорошо известные специалистам) таковы, что именно разъезжие грамоты 1504 г. могут рассматриваться как хронологически первый источник сравнительно массовых данных о светском землевладении. Изданные впервые в конце XVII в. и почти сразу привлечшие внимание исследователей, они тем не менее не стали объектом исследовательского изучения. Формат работы не предполагает сколько-нибудь подробного историографического контекста. Мы опираемся на труды С.Б. Веселовского [2, с. 159–203, 217–235 и др.], В.Б. Кобрина [4, с. 91–96, 104–105, 132–134 и др.], развивая или оспаривая наблюдения авторов. При этом их обращение к разъезжим грамотам 1504 г. было спорадическим. Ю.Г. Алексеев исследовал некоторые из интересующих нас текстов, но только в отношении Переяславского уезда [1, с. 13–14, 23–27 и др.]. Совсем недавно затронул этот сюжет М.М. Бендианов.

Сначала кратко об источнике. Сохранились тексты пяти разъезжих грамот 1504 г., две из них дошли в подлинниках (одна и в копии XVI в.), три остальные в списках XVI в. Проводилась фиксация границ между уездами шести городов Василия III (Москва, Переяславль, Можайск, Радо-

¹ Назаров Владислав Дмитриевич, Институт всеобщей истории РАН (РФ, Москва), vnaz@zmail.ru.

неж, Ростов, Клин) и четырех в уделе кн. Юрия Ивановича (Дмитров, Звенигород, Руза, Кашин) во исполнение постановлений завещания Ивана III (декабрь 1503 г. по С.М. Каштанову). С учетом особенностей разграничения территорий (подбор подготовительных материалов, сезонный фактор работ в поле, первичная их фиксация в текстах и окончательная в беловых вариантах, утверждавшихся затем обеими сторонами в Москве), с учетом содержания dokonчания Василия III и кн. Юрия от 16 июня 1504 г. (в нем эти сюжеты практически отсутствуют) датируем процессы установления границ серединой апреля – началом июня 1504 г. Это важно. Перед нами коллективный снимок – портрет светских землевладельцев (но не только их) весны 1504 г. в строгой последовательности по маршруту движения «пограничных» комиссий. Таковых было пять, они были укомплектованы компетентными лицами из великокняжеской администрации и по преимуществу ведущими великокняжескими дьяками. Комиссии, полагаем, работали параллельно. Принципиальная программа фиксации границы и объектов в приграничных зонах с обеих сторон (по ряду косвенных данных шириной от нескольких десятков или сотен метров до 1–2 км) была единой. Однако небольшие различия в терминологии природных объектов, статуса поселений налицо. Не забудем, что речь идет не о границах и приграничных зонах к примеру Московского уезда в целом, но только о местах его соприкосновения с землями Дмитрова, Звенигорода, Рузы [Тексты разьежих: 5, с. 371–406]. Значимы различия в государственно-политической истории. Перед нами домены великокняжеских столов: Переславль (Владимира), городские станы (Москвы); города с длительной, нередко прерывистой судьбой московских уделов (Дмитров, Звенигород, Можайск, Руза), бывшие уделы Тверского великого княжения (Кашин, Клин) и давно утративший признаки самостоятельности Ростов. Эти факторы необходимо учитывать при анализе функционирования вотчинной собственности.

Какие же сведения о собственниках вотчин содержат наши источники? Всего названо около 140 персон, в ряде случаев использованы неопределенные формулы – неизвестные по именам «дети» некоего лица или какой-то вотчинник «з братьею». Поэтому точные цифры в подобных случаях неопределимы. Распределим наших вотчинников по статусным группам. Первая – аристократы и второстепенная знать (40 чел.), вторая – старослужилые «честных отцов» фамилии почти исключительно Московского княжения (более 75 чел.) и третья – мелкие вотчинники (до 25 чел.). В первой обнаруживаем почти равное представительство лиц с таким статусом на территориях Василия III и кн. Юрия (22 и 18 чел.), в поуездном формате ведущие позиции за Москвой (12 чел.), Дмитровом (9 чел.), Переяславлем (7 чел.). В приграничных зонах остальных уездов знатных вотчинников меньше – Звенигород (5 чел.), Руза (4 чел.), Можайск (2 чел.), Ростов (1 чел.).

По родовому признаку и реальному положению выделяются следующие лица: кн. В.Д. Холмский (недавний зять Ивана III), кн. А.Д. Пенков (из бывшей правящей ветви ярославских Рюриковичей), кн. А.И. Курака (родоначальных фамилии кн. Куракиных, из старовыежих Гедиминови-

чей), Г.Д. Хромого-Давыдов (боярин из очень значимой фамилии Хромых-Давыдовых-Федоровых, старшей линии старшей ветви родового клана от Акинфа Великого), кн. П.В. Великий (недавний дворецкий Ивана III, из средней ветви ярославских Рюриковичей). Ряд фамилий представлены несколькими лицами: ярославские Рюриковичи (4 чел. помимо названных выше), кн. Оболенские (2 чел.), кн. Звенигородские (2 чел.), Заболоцкие (5 чел.), Замыцкие (2 чел.), Морозовы (2 чел.), Кутузовы (4 чел., имена трех сыновей М. Клеопы Кутузова известны по их родословной), Ховрины (2 чел.), Басенковы (2 чел.). По одному человеку делегировали в эту страту кн. Хованские, кн. Стародубские, кн. Голенины, Плещеевы, Воронцовы-Вельяминовы, Товарковы (вдова Ю. Товаркова), тверские Карповы, Волинские. И еще две важные особенности. В целом ряде случаев речь идет о крупных вотчинах (названы села и от 3–5 до 8–9 деревень). Не менее чем в шести случаях фигурируют трансграничные владения, когда «третье поле», луг, несколько деревень описаны в соседнем уезде (Московский и Дмитровский, Московский и Звенигородский, Можайский и Рузский уезды).

В группу старослужилых мы включили следующие фамилии: сородичи Алехновы и Белеутовы-Ряпчиковы; сородичи Бобровы и Даниловы; Бартеневы, Дедевшины, Волославлевы, Еропкины, Бунаковы, Витовтовы, сородичи Новосильцевы и Хилиновы, Голохвастовы, Бельские, Скобельцыны, Быковы, Курчевы, Повадины; Кушелевы, Лазаревы, Татищевы, Судимантовы, Хидырщиковы, Румянцевы, Рожновы, Овцыны, Сурмины, Челюскины, Спячие, Слепцовы, Сатмынцевы, Толмачевы, Тоболины, Калитины и ряд иных фамилий. В большинстве случаев фигурируют от 2 до 4–5 чел., предполагаемые крупные вотчины есть (как и трансграничное расположение владений), но их заметно меньше, чем в страте знатных лиц. Отдельно добавим двух дьяков – Ю.Г. Волка Курицына (вотчина в Клину) и В.Д. Нефимонова (имел вотчину в Дмитрове, он же входил в состав одной из разъезжих комиссий). Показательно: в обоих случаях нет указания на их статус. В территориальном формате вотчины представителей второй страты налицо во всех уездах, но чаще в Дмитрове, Москве, Звенигороде и Переяславле.

Мелкие вотчинники третьей группы именуется чаще именами в уменьшительной форме (Федька, Сенька, Гридька, Васюк, Ивашка), фамильные прозвища указывают порой на служебный статус отцов («дети Я. Трубникова», Ивашка Жытково Сытникова) или же на местные топонимы (Сенька Ярцевского, Федька Рудомоны). Мелкая вотчина налицо в большинстве приграничных зон всех уездов, но чаще она встречается в Москве и Звенигороде.

Итак, перед нами почти одномоментный снимок трех ипостасей служилой вотчины в генеалогическом и территориально-географическом контекстах на одной из заключительных фаз ее более чем вековой эволюции. Эволюции, ставшей органической частью и материальным основанием политических процессов становления централизованного государства в России, частью которых были перемены в структурах «класса

служилых землевладельцев», включая (едва ли не в первую очередь) дворян московских князей – великих и удельных.

Обратимся к владениям с формулами «...что за...» или «...что было (была) за...». Общепринято, что так в документальных источниках последней трети XV в. и позднее именовались поместья. Как известно, хронологически первое упоминание поместья – июнь 1482 г. Термин получил всеобщее распространение на протяжении первой трети XVI в. Кто они, владельцы земли «за» и сколько их? Намного больше 52 поименно известных лиц. Неопределима численность татар, «за» которыми были слободка и деревня в Звенигороде (почти наверняка не один десяток персон), есть и случаи безымянных «детей». Так что владельцев земель на условном праве в приграничных зонах было скорее всего примерно 70–80 чел. Итак, владельцы поместий составляли более трети всех землевладельцев по данным разезжих грамот.

География подобных земель такова: Москва – более 20 случаев, Звенигород – около 15, Дмитров – более 6, Руза – более 6, в остальных уездах – 1–2 владения. Их нет в Клину и Кашине (не позднее середины XV в. условное землевладение слуг Троицкого Калязина монастыря имело место быть [2, с. 231–234]). Отсюда два вывода: 1) условная собственность на землю является органическим традиционным феноменом поземельных отношений собственности; 2) этот феномен ярче проявляется на территориях путных ведомств и дворовых княжеских сел.

Профессиональный и генеалогический состав таков. Лица путных ведомств и особых служб – 14 чел. (8 псарей и по 1 чел. – конюх, сытник, зелейник, стрелок посельский и звенигородец с неясными функциями). Лица низкого социального статуса, обозначающиеся по преимуществу одним именем, прозвищем или именем-прозвищем (Ларка, Мичюра, Ивашко Муха, Михаль Нога, Василий Порх и т.д.). Тип именословий схож с первой группой, таковых – 16 чел. Реальных приказных названо 5 чел. (2 подьячих и 3 дьяка), к ним добавим дьяка А. Одинца, дважды упомянутого бывшим владельцем поместий (не позднее середины 1490-х гг. он постригся в Кирилло-Белозерском монастыре и к весне 1504 г. был жив [9, с. 9–15]). Представителей старослужилых фамилий было более 11 чел. – И.И. Булгаков, О.П. Долгово, В.К. Тоболов, И. Катунин, К. Рожнов и Рожновы, Д. Бартевев, Д. Хомутов, дети Н. Быкова и др. К страте знатных лиц мы отнесли 5 чел. Это братья Г.Д. и В.Д. Давыдовы-Морозовы, кн. Ю. Елецкий (из чернигово-северских Рюриковичей), кн. Л. Сугорский (из белозерских Рюриковичей) и М.С. Кляпик Еропкин (замечное при великокняжеском дворе лицо, из младшей ветви клана смоленских Рюриковичей, утративших княжеский титул). Конечно, включение кн. Елецкого и кн. Сугорского условно, по реальному положению они ближе к группе помещиков из старослужилых родов, но их пример выразителен в ином плане. Они заметны на невысоких службах при дворе Ивана III на рубеже столетий, и с этим можно связывать получение ими поместий (за Сугорским числилось сельцо). Получил ли поместье Г. Морозов еще от удельного кн. Андрея Большого, остается неясным. В целом распределение помещиков по территориям Василия III и кн. Юрия было достаточно ров-

ным, но за двумя исключениями. Только Г.Д. Морозов владел поместьем в Звенигороде, остальные в Переяславском (кн. Елецкий) и Московском уездах. И наоборот, у помещиков старослужилых фамилий преобладают поместья на землях кн. Юрья.

Приглядимся к топографии поместий. Вот с. Лыткинское с деревнями (их более 10), но только две соседние известны как поместья Мичуры и Ивашки Мухи [5, с. 389]. Другой пример. По маршруту перемещения комиссии в Московском уезде последовательно перечислены две деревни С. Карпова, две деревни Новоспасского монастыря, великокняжеская деревня, поместная деревня Н. Озеретцкого, четыре деревни Новоспасского монастыря, деревня поместья М. Ноги, еще две поместные деревни уже известного нам Озеретцкого, затем следуют восемь черных деревень, а завершает данный отрезок границы Воскресенский монастырь «на Подори». По другую сторону границы, в дмитровском Зарадомле, аналогичная картина: за деревнями трех разных вотчинников следует поместье, потом еще одна вотчина, но выразительнее всего конец отрезка: за вотчинной деревней Бориса и Некраса Быковых следует поместная деревня Никитиных детей Быкова [5, с. 389, 390]. Примеры можно добавить, но выводы очевидны.

Поместья впаены в естественно сложившиеся структуры отношений собственности, ставшие результатом социальных и политических разнонаправленных подвижек и управленческих практик на протяжении, по крайней мере, нескольких десятилетий. Пример с дьяком А. Одинцом датирует появление его поместий 1480-ми гг. Текст завещания удельного кн. Андрея Меньшого (мы датировали его первыми днями июня 1480 г.), упоминающий «мои села и деревни на Вологде и в Торусе за моими детьми боярскими», относит развитие поместных владений к 1470-м гг. [5, с. 277]. «Впаенность» поместий в мир социальных связей служилых землевладельцев высокого статуса и среднего уровня хорошо видна на примерах параллельного владения вотчинами и поместьями разными представителями одних и тех же фамилий. Вот трое Морозовых: Я.Г. Морозов (из старшей ветви рода) – вотчинник, таким же был Г.Д. Давыдов-Морозов, но его младший родной брат Василий имел в Московском уезде и вотчину, и поместье. Аналогичен случай Захара Румянцева. Вообще практически все фамилии «средней» группы помещиков (Быковы, Бартеневы, Рожновы, Румянцевы, Тоболовы и др.) имели родственников-вотчинников.

Взаимопроникновение вотчины и поместья в персональном и фамильно-родовом контексте в пределах центрального региона, а не пограничных, – важное свидетельство процессов аноблирования условной земельной собственности в статусном измерении. Ведь предок поместья конца XIV в. – «служни земли», документально зафиксированные в марте 1389 г., но само явление было знаковым для русского общества едва ли не весь XIV в. Это земли слуг вольных и невольных, слуг «по дворским» [5, с. 33–45; 10, с. 140–144], слуг в административном аппарате владетельных князей разного ранга, княжеских путей (конюшем, стольником, ловчим и др.), кормленщиков-управителей высокого и среднего статуса и т.п.

И в большинстве случаев это было связано хотя бы с минимальной личной несвободой таких лиц. Аналогичной была ситуация в крупных боярщинах титулованной и нетитулованной знати. Эволюция подобных форм условной собственности означала, на наш взгляд, постепенное отшелушивание признаков несвободы и у субъекта, и у объекта этой собственности, она как бы обростала приемлемыми для основной массы служилых людей «честных фамилий» признаками. Но, конечно, ни предшественник поместья, ни оно само ни в XV, ни в XVI в. не приблизились к выслуженной вотчине. Это практики конца XVI в., а особенно первой трети XVII в., завершившиеся реформой Петра I.

Оборотной стороной указанных процессов были кризисные явления в системе вотчинного землевладения. В литературе говорится о недостаточном освоении лесных территорий (С.Б. Веселовский), о заметном росте численности привилегированных служилых слоев населения (А.А. Зимин, В.Б. Кобрин). Сформулируем тезисно нашу позицию. На наш взгляд, точнее говорить не о росте численности, а о демографическом взрыве во второй половине XV – начале XVI в. Он фиксируется родословными росписями, в том числе как естественная реакция на последствия 4 масштабных эпидемий первой четверти XV в.

Второй тезис – сколь-нибудь массовые раздачи черных и иных земель в вотчину в XV в., особенно во второй половине нам не известны. В комплексе духовных и деловых грамот второй половины XV – первой трети XVI в. (ок. 30 документов) фиксируются три способа получения вотчин: наследование, вотчины как приданое жены, и главное – покупка. В том или другом объеме приобретение за деньги фигурирует в большинстве завещаний, случаи пожалования вотчин уникальны, достоверных жалованных грамот на вотчину меньше, чем пальцев на одной руке. Зато по прямым и косвенным показаниям источников известны пожалования права на покупку «вотчин, служных и черных земель» почти всех владетельных князей Московского княжества, включая великих княгинь [6, с. 50–58].

Осложняли ситуацию некоторые традиционные правовые нормы. Неравнозначными были статьи о выкупе родовых вотчин на территориях бывших великих или стольных княжеств. Но главное – отсутствие права майората и соответственно сравнительно равный раздел вотчинных земель среди всех помещиков. Что и приводило, наряду с сокращением приобретательской активности и переходом вотчин в монастыри (путем продажи или вклада), к резкому измельчанию вотчинных комплексов. А следовательно, к заметному ухудшению материального обеспечения служилых людей [7, с. 278–281; 8, с. 9–13]. В таких условиях бесплатно получаемое поместье (не считая, конечно, пошлин за оформление грамот) становилось приемлемой формой материального обеспечения не только рядовых детей боярских, но и представителей знати, не только в формате масштабных испомещений больших групп служилых людей, но и путем индивидуального получения поместья в центральном регионе. Все эти процессы прямо или опосредовано и зафиксировали разъезжие грамоты 1504 г.

1. *Алексеев Ю.Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–

- XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л., 1966.
2. *Веселовский С.Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1.
 3. ДДГ.
 4. *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой Руси (XV–XVI вв). М., 1985.
 5. *Назаров В.Д.* Дворовладение княжеских слуг в городах Северо-Восточной Руси (XIV–XV века) // Столичные и периферийные города Руси и России в Средние века и раннее Новое время (XVI–XVIII вв.). М., 2001.
 6. *Назаров В.Д.* Из истории вотчины Северо-Восточной Руси в XV в.: «Грамоты ослобожонные» // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв.: Источники и методы исследования. Материалы XXXII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рязань, 2012.
 7. *Назаров В.Д.* Три загадки завещания П.М. Плещеева // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXI международной научной конференции. Москва, 12–14 апреля 2018 г. М., 2018.
 8. *Назаров В.Д.* К истории светской вотчины «первой генерации» в Северо-Восточной Руси» // Итоги и перспективы исследования аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. Брянск, 24–28 сентября 2018 г. М., 2018.
 9. *Новикова О.Л.* К биографии великокняжеского дьяка Андрея Одинца // Вестник «Альянс-Архео». М.; СПб., 2019. Вып. 27.
 10. *Чернов С.З.* Десять лет в Иславском: «Слуга под дворским» и волостные люди в городских станах Звенигорода первой половины XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1 (75).

Э.Л. Дубман¹

Юго-Восток Европейской России: специфика экономического развития в конце XVI–XVII в.

Юго-Восток; Симбирский уезд; колонизация; промыслы; рыболовство; добыча соли; аграрное производство.

В статье рассмотрены особенности начального промыслового и сельскохозяйственного освоения Юго-Востока Европейской России. Сделан вывод, что хозяйственная колонизация региона началась сразу же после создания устойчивой системы безопасности для переселенцев.

При изучении внешнеполитической экспансии России на южных, восточных и юго-восточных границах страны в середине XVI–XVII вв. возникает вопрос о ее целях. Некоторые из современных историков считают, что «имперское» («экспансионистское») сознание складывалось у руководства страны очень медленно. Оно кардинально отставало от реальных действий, обусловленных безотлагательными задачами внешней политики и направленных в первую очередь на защиту рубежей страны от нападений кочевых соседей. При этом российская экспансия длительное время решала, в основном, геополитические, но не экономические проблемы [1, с. 52, 67–68]. К числу сторонников указанного выше подхода, по мнению А.Г. Бахтина, относится не только ряд отечественных, но и

¹ Дубман Эдуард Лейбович, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (РФ, Самара), д.и.н, dubmane@mail.ru.

такие известные зарубежные историки как Э. Кинан, Я. Пеленски, А. Каппелер и другие [1, с. 69; 18; 19; 13].

Результаты, полученные нами при изучении российской экспансии на европейском Юго-Востоке в конце XVI–XVII в. и изложенные в ряде работ, заставляют усомниться в правомерности таких выводов. Напрашивается вывод, что рассматриваемые процессы носили более сложный и неоднозначный характер [5; 6; другие работы тех же авторов]. Разумеется, важнейшим направлением внешней политики была попытка обезопасить себя от нападений государств-наследников Орды. Но действия Москвы были вместе с тем направлены на расширение территории страны, выход к восточным рынкам, приобретение новых природных ресурсов и последующее хозяйственное их освоение. Правительство еще при Иване III осознавало особую экономическую значимость освоения Понизовья Волги, а казанские земли при Иване IV называли «подрайской землицей».

Вновь присоединенное пространство обладало уникальными природными ресурсами и речными путями. Прежде всего, отметим рыбные богатства Волги, Камы, Яика (р. Урал) и северной зоны Каспия. Нельзя не согласиться с выводом К.М. Бэра и его сотрудников, проведенных в середине XIX в. огромную работу по изучению рыбных ресурсов России: «Все европейские морские рыболовства в сравнении с рыболовством Каспийского моря могут быть названы незначительными. Нигде в Европе лов рыбы, особенно красной, не производится в таких громадных размерах, не составляет столь важной отрасли государственного хозяйства, не приносит существенных выгод и правительству, и народонаселению государства, как рыболовство Каспийского моря и впадающих в него рек: Волги, Урала, Куры и других менее значительных» [12, с. 1].

Северной границей этого ресурсного изобилия является устье Камы, ее нижнее и среднее течение [11, с. 21]. Границы рассматриваемого промыслового района на северо-востоке, западе и юге примыкали к богатейшим месторождениям соли Соли Камской, озерам Северного Прикаспия и месторождениям по рекам Яику и Волге.

С конца XVI в. Россия, завершившая войну за Прибалтику и покончившая с восстаниями коренных народов Казанского края, начинает масштабное освоение богатейших промысловых богатств региона. Менялись условия его развития, появлялись новые группы предпринимателей, но в целом эволюция промыслового хозяйства шло по нарастающей в течение всего XVII в.

Рыболовецкий комплекс европейского Юго-Востока этого времени по праву можно считать крупнейшим в стране, как по размерам и специализации промысловых предприятий, так и по их товарности. Поставляя огромные партии рыбы и рыбопродуктов на внутренний рынок России, по своей продуктивности он значительно превосходил все прочие промысловые центры России [14, с. 147–149; 17, с. 81–82].

Второй по значимости промысловой отраслью региона была добыча соли, прежде всего, на астраханских озерах. Соль поставлялась для обеспечения рыболовецких предприятий Юго-Востока, а также для вывоза в центральные районы России. Производство соли составляло ежегодно не

менее 2 млн пудов (объем всей производимой соли в стране достигал около 10–12 млн пудов). В отличие от рыболовства, получившего развитие по всем крупным речным и морской акваториям рассматриваемого региона, добыча соли была сосредоточена только в отдельных локальных центрах этого пространства: на астраханских озерах, яицких месторождениях, в Надейском Усолье и других местах [16, с. 88, 94].

Результаты исследований показывают, что на Европейском Юго-Востоке страны в конце XVI–XVII вв. сложился мощнейший центр промыслового предпринимательства, основу которого составила совокупность рыболовецких и соледобывающих предприятий. В его формировании приняли участие государство, различные категории церковных (патриарший и епархиальные Дома, монастыри) и светских (Дворец, крупные феодалы, привилегированное купечество и т.д.) предпринимателей. Проследить совокупные размеры производства и поставок рыбы и соли на центральные рынки страны крайне сложно, но данные по отдельным крупным предпринимателям; партиям продукции, продаваемым в Н. Новгороде и Москве, впечатляют.

Возникает вопрос, насколько хозяйственное аграрное развитие колонизируемых территорий края соответствовало темпам роста его промысловых отраслей? Интенсивный экономический подъем Казани (Астрахань не имела своей земледельческой округи), вполне объясним. Город с прилегающими к нему территориями имел существовавшие веками традиции геополитического развития, контролировал торговые пути по Волге и Каме, сухопутные из Средней Азии. На плодородных землях Казанского края издавна сложилось аграрное хозяйство. Становление же Симбирска с обширной земледельческой округой как крупного торгово-промышленного центра во второй половине 1660-х гг., выглядит совершенно неожиданно. Колонизация Южного Средневолжья началось только в конце 1640-х гг., после строительства Саранской, Карсунской, Симбирской и других засечных линий. При этом правительство и местная администрация рассматривали новый регион как один из самых перспективных для экономического развития. Об этом, например, свидетельствует отписка симбирского воеводы И.И. Дашкова, которую изучал сам Алексей Михайлович [4, с. 226–229; 3, с. 353–356]. В ней Дашков предложил завести дворцовую пашню: «... в Симбирском и в Корсуновском и в Олатарском и в Сараском (Саранском – Э.Д.) уездех». Видимо, он, будучи симбирским воеводой, считался наместником всего указанного выше пространства. Князь полагал, что, исходя из расположения транспортных путей, можно создать в Симбирске (вместо Н. Новгорода) перевалочный пункт для государевых насадов, идущих из Астрахани с рыбой и солью. Также в Симбирск из Н. Новгорода следовало перенести центр вывоза местного «хлеба» для «Астараханскаго отпуску». Симбирск, по мнению Дашкова, должен занимать важнейшее место в хозяйственной жизни Казанского и Нижегородского Поволжья [3, с. 353–356].

Данные других источников подтверждают и дополняют проект Дашкова. Многочисленные мельницы, винокурни, рыбный и деловой дворы, «зеленое дело» постоянно фигурируют в росписи дел Симбирской при-

казной избы (1662–1700 гг.)². Уникальную сводку сведений о хозяйственных занятиях населения содержит приходо-расходная книга 1665–1667 гг. приказной избы Симбирского уезда [10, с. 3]. Особый интерес представляют данные об откупах мельниц на Свияге, Урене, Сельди, Аргаше и других реках [10, с. 109–110, 112–119, 123–123 и др.]; в большом количестве кабаков, кружечных дворов, винокурен, «харчевных изб» и прочих заведений. Симбирское Поволжье привлекло особое внимание руководства Приказа тайных дел, являлось местом организации ряда его предприятий.

К концу 1670-х гг. Симбирск с посадом более чем в 500 дворов превратился в экономический центр обширного осваиваемого региона [15, с. 5–28]. В нем были построены крупные гостиный, деловой и рыбный дворы; действовал государев дворцовый низовой соляной и рыбный промысел; посажен тутовый сад. Судя по сказкам торговых людей Среднего Поволжья 1704 г. [7; 9, с. 214–245; 8; 2, с. 395, 431, 441], город по количеству гостей (1) и членов гостинной сотни (11) занимал ведущее место в Среднем и Нижегородском Поволжье, опережая даже Н. Новгород и Казань. Характерно, что предпринимательство купеческой верхушки Симбирска основывалась, в основном, на внутренних ресурсах уезда, его аграрном производстве. На его основе получили развитие мукомольное дело, винокурение и оптовая торговля хлебом. Именно Симбирский край стал житницей для бесхлебных районов Нижнего Поволжья. Ареал торговой деятельности большинства симбирских предпринимателей простирался от Астрахани до Симбирска, но нередко охватывал и более значительный регион. Хлеб, соль и вино были их излюбленными товарами. Один из них, Филат Хлебников так образно обрисовал сферу своих интересов: «А пожитки мои в стругах соляного торгу и в хлебной покупке» [9, с. 231].

Очевидно, что предложения И.И. Дашкова о развитии региона в значительной степени были реализованы к началу XVIII в. Симбирск становится одним из крупнейших ремесленных, промысловых и торговых центров Средневожья, а его аграрная округа – поставщиком больших партий зерна, муки и вина.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что промышленное освоение рыбных и соляных ресурсов Юго-Востока Европейской России, земледельческая колонизация отдельных территорий начиналась сразу же после того, как правительству удавалось создать устойчивую систему обеспечения безопасности. Протяженного лонгитюдного периода между решением геополитических и экономических задач мы не наблюдаем. Московское правительство имело достаточно ясное и полное представление о природных ресурсах рассматриваемых территорий задолго до того, как они были включены в состав страны, хорошо понимало необходимость их хозяйственного освоения.

1. *Бахтин А.Г.* Причины присоединения Поволжья и Приуралья к России // Вопросы истории. 2001. №5.
2. *Голикова Н.Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1.

² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 6473. Л. 448–449, 454, 575, 620 об. и др.

3. *Гурлянд И.Я.* Приказ Великого государя тайных дел. Ярославль, 1902.
4. *Дубман Э.Л.* Изучение природных ресурсов европейского Юго-Востока России во второй половине XVII в. // Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации Материалы III Международной научно-практической конференции: В 2 частях / Под ред. С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова, Л.М. Артамоновой. Самара, 2015.
5. *Дубман Э.Л.* Промысловое предпринимательство и освоение Поволжья в конце XVI–XVII вв. Самара, 1999.
6. *Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф.* Очерки истории юго-востока Европейской России. Самара, 2004.
7. *Заозерская Е.И.* Сказки торговых людей Московского государства 1704 г. // Исторические записки. 1945. Т. 17.
8. *Заозерская Е.И.* Сказки торговых людей Московского государства 1704 г. М., 1984. Ч. 1–2.
9. *Заозерская Е.И.* Торги и промыслы гостиной сотни Среднего Поволжья на рубеже XVII–XVIII вв. // Петр Великий. М.; Л., 1947.
10. *Зерцалов А.Н.* Материалы для истории Симбирска и его уезда (Приходо-расходная книга Симбирской Приказной Избы) 1665–1667 гг. Симбирск, 1896.
11. Исследования о состоянии рыболовства в России. СПб., 1860. Т. 2.
12. Исследования о состоянии рыболовства в России. СПб., 1861. Т. 4.
13. *Канпелер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 2000.
14. *Кафенгауз Б.Б.* Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века (по материалам внутренних таможен). М., 1958.
15. Опись городу Симбирску и его уезду в 1678 году: переписные книги Приказа Казанского Дворца / Под ред. П. Мартынова. Симбирск, 1902.
16. Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.) / Под ред. Э.Л. Дубмана, П.С. Кабытова. Самара, 2007.
17. *Тверская Д.И.* Москва второй половины XVII века – центр складывающегося всероссийского рынка. М., 1959.
18. *Keenan E.* Muscovy and Kazan: Some Introductory Remarks on the Patterns of Steppe Diplomacy // *Slavic Review*. 1967. Vol. 26.
19. *Pelenzkj J.* Russia and Kazan. Paris. 1974.

А.И. Комиссаренко¹

Астраханский рыбный промысел в контексте административной политики России в XVIII веке

Россия; Астрахань; рыбные промыслы; местное и правительственное управление; откупная система; монополии; XVIII век.

Рассматриваются меры по упорядочению рыбного промысла в дельте Волги и на Каспийском побережье местной администрацией и центральной властью, системы использования учугов – мест рыбного лова, монополизация его, проекты по усилению правительственного контроля в XVIII веке.

Астраханский рыбный промысел берет свое начало с середины XVI века, когда после присоединения Астраханского ханства к России царь Иван Грозный пожаловал ряду татарских князей и мурз земли в дельте реки Волги, повелев завести на них учуги – заборы из свай, препятство-

¹ Комиссаренко Аркадий Иванович, РГГУ, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РФ, Москва), д.и.н., arkadyi109@rambler.ru.

вавших свободному ходу рыбы и составлявших центр рыбных угодий. Через столетие – указом царя Алексея Михайловича они были отобраны у татарских владельцев и переведены в патриаршее ведение. Нередко их приобретали монастыри. С 90-х гг. XVII в. по первое десятилетие XVIII в. астраханские рыбные ловли были переданы в управление Канцелярии А.В. Кикина. Однако и в это время часть рыбных угодий передавалась в пользование монастырей. Так, в 1702 г. Астраханская приказная изба отвела рыбные места «на протоке Лебяжьей с верхнего устья до Бузана протоки» архимандриту Астраханского Спасо-Преображенского монастыря Антонию «з братею» [3, с. 24]. В 1706 г. Канцелярия Кикина попыталась регламентировать рыбный лов. По городам Нижней Волги от Саратова до Астрахани были разосланы инструкции и «меры железные заклеяменные... чтоб уловленную от... ловцов рыбу принимать – белугу... девять пядей, а осетра... семи пядей... по пропорции»².

В 20-х – 30-х гг. XVIII в. активными рыбопромышленниками стали местные купцы, бравшие на откуп рыбные места по берегам многочисленных русел обширной волжской дельты. В этой части северного Прикаспия находились наиболее продуктивные нерестилища осетров и частичковых рыб и «нагульные площади» для их молоди [3, с. 7; 5, с. 75–76]. Здесь под опресняющим воздействием стока рек Волги и Яика наблюдалась низкая соленость морской воды, что создавало благоприятные условия для размножения более 29 видов рыб – таких как белуга (средний вес каждой особи около трех пудов, но известны уловы в 70–80 пудов, из которых не менее 25–30 пудов составляла икра), осетр (весом от одного до восьми пудов, а также более мелкой по весу стерляди, белорыбицы, судака, жереха, воблы, сельди (одна тысяча ее весила от 20 до 25 пудов) и других [7, с. 159–161]. Помимо рыбного промысла, в Астрахани широкое распространение в XVIII в. получила добыча тюленей, обитавших на островах Каспийского моря [2, с. 4–12]. Так, 2 января 1739 г. астраханский купец Иван Петров сын Хлебников взял на откуп в Чаганском учуге в «Болдинских водах... в урочище Калинчинского острова вниз по Щучий остров для ловли мелкой частичковой рыбы неводом» [3, с. 25]. Он был намерен заниматься и добычей тюленей. Стоимость контрактов нередко достигала значительных величин. К примеру, в 1740 г. Астраханская рыбная контора утвердила контракт с купцом Ильей Чариным о передаче ему на откуп Тозуклейских рыбных ловель на сумму 245 руб. 44 коп. в год [4, с. 83].

К середине XVIII в. рыбные места в волжской дельте стали объектом острого соперничества рыбопромышленников, немалая часть которых вела незаконный лов без уплаты денег в казну. В феврале 1742 г. Астраханская рыбная контора рассматривала жалобу купца Мыльников на кочующих калмыков и татар, которые «...близ казенных учугов... в удобных местах ловят рыбу неводами и переметами, и оную рыбу и клей продают партикулярным людям, и от того чинят казенной прибыли немалое помешательство». Купец требовал, «чтоб оным кочующим татарам и переметами и неводами ловить запретить и позволить им ловить... удою и мальми сетями». При этом предлагалось «у оных татар и калмыков российского

² РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 600. Л. 62.

народу партикулярным людям рыбу, икру и клей покупать запретить», а продажу клея сосредоточить «в одном казенном ведомстве... отчего... впоследствии немалая... прибыль» [3, с. 27–28]. Просьба и предложение купца были удовлетворены и подтверждены сенатским указом вступившему в должность «командира и управляющего» Астраханской рыбной конторой Петру Соковину в марте 1743 г. [3, с. 29].

Политику упорядочения рыбного промысла в это же время стремился проводить и астраханский губернатор В.Н. Татищев. Его особенно беспокоили неконтролируемые казной уловы. 30 октября 1744 г. в письме кабинет-секретарю, тайному советнику барону И.А. Черкасову Татищев писал, что до сих пор «местные промыслы отдавались на откуп кому попало», из-за чего «рыбный промысел в полной конфузии», поэтому он запретил отдавать его из откупа «партикулярным» лицам до правительственного решения³. 19 марта 1745 г. последовал именной указ императрицы Елизаветы Петровны, в котором подтверждалась передача Татищевым промыслов в казенное содержание. Однако из него же следовало, что правительство до конца не разделяло слишком категоричные доводы губернатора. Указ предписывал ему и «определенному к тому делу» вице-президенту Ревизион-коллегии Михаилу Раевскому, назначенному главой Астраханской конторы, «промыслы рыбные партикулярных людей и воды, которые они откупали из казны... немедленно им отдать, и казенные учуги и протчие ловли содержать на прежнем основании»⁴.

Выполнение этого указа оказалось сопряженным с немалыми трудностями. Раевский, став «главным надзирателем» над рыбным делом, не смог разрешить споры между купцами-откупщиками. В апреле 1745 г. В.Н. Татищев вынужден был в частном письме И.А. Черкасову с горечью писать, что «рыбное дело... упущено и более с убытком, нежели с прибылью казенной отправлялось, но как откупщики взяли, то паки... многие люди от того в разорение пришли, и в Астрахани неслыханная дороговизна учинилась»⁵. Своей критикой решений правительственных учреждений – Сената и Камер-коллегии – Татищев нажил много врагов как при дворе, так и среди сенаторов. 19 июля 1745 г. он был освобожден от должности астраханского губернатора [4, с. 83].

В 1745 г. «на местных учугах» по данным Астраханской рыбной конторы было выловлено и привезено также с Яика «матерых белуг, осетров, шевриг (севрюг – *А.К.*), сазанов 35 117 рыб, теш белужьих, осетровых, тумяков матерых рыб 6 331», изготовлено «икры 233 бочки с половиною весом 8 005 пудов, рыбного клея разных сортов 665 пудов 26 фунтов с половиною, вязиги 183 472 пучка... рыбного жира чистого 428 ведер с половиною, рыбного жира ямного 258 ведер»⁶. По «регламенту» Камер-коллегии эту рыбу надлежало «в Астрахани с казенной прибылью охочим людям продать», а клей и вязигу «по внешней воде» отправить на купеческом кораблях до Нижнего Новгорода, «усматривая в том казен-

³ Там же. Д. 600. Л. 1–2.

⁴ Там же. Л. 3–3 об.

⁵ Там же. Л. 4.

⁶ Там же. Л. 18 об.

ной прибыли без всякого упущения» Между тем, доставке рыбы в Нижний Новгород мешало несогласие купцов на предложенный Камер-коллегией пошлинный сбор, который они считали завышенным. Только в начале 1747 г. купцы объявили о готовности вывезти рыбу и тешу в центральную Россию по пониженным пошлинам – 30 руб. за рыбу (за сто штук) и за тешу (за тысячу), клей за 1 пуд – 26 копеек. Был тогда же установлен порядок вывоза рыбопродуктов из Астрахани на внутренний и внешний рынки: с 1 марта до 1 апреля на Макарьевскую ярмарку, а «другой отпуск... из Астрахани июня с 29 числа, которые суда уже доходят до Нижнего Нова города... а иные на дороге зимуют»⁷. Рыбную продукцию активно приобретали и иностранные покупатели. Так, в 1736 г. 978 пудов паюсной икры купил на Макарьевской ярмарке англичанин Еремей Меэр. В Сызране голландец Яков Стеглин купил 854 пуда паюсной икры, доставленной из Астрахани. В 1737 г. Астраханская рыбная контора разрешила продажу больших партий икры тому же Якову Стеглину – 1887 пудов, голландцу Якову вен Белкому – 1419 пудов, англичанам Тиммерману и Крамонту – 645 пудов [1, с. 32]. 10 июля 1755 г. Астраханская рыбная контора приняла решение о публикации объявлений по вызову лиц разных «наций» для лова рыбы «в казну». При этом упоминалось о том, что в «прошлом... по подряду во одной рыбной конторе имелось подрядных ловцов как русских и калмык, так и татар, всего 226 лодок для лову в казну в казенных рыбных ловлях при учугах красной рыбы, белуг, осетров и шевлюг, которые и ловили своими лодками». Предлагалось и в текущем году организовать такой лов с привлечением «ловцами... наемных рабочих людей» [3, с. 29–30].

В целом же, руководство Камер – коллегии было недовольно положением в рыбном хозяйстве Астрахани. По ее предложению сенатским указом от 9 июля 1759 г. Астраханская рыбная контора была упразднена⁸. Сенат в начале 60-х годов поручил опытному чиновнику, советнику Коммерц-коллегии С.С. Меженинову изучить состояние рыбного хозяйства на Нижней Волге и представить «примечание... об астраханских, саратовских и других рыбных промыслах, сколь они прибыльны» [о Меженинове см: 6, с. 61, 107–119, 164, 194, 204]. Из текста подготовленных им «примечаний» и «комментариев» складывалась картина истории рыбного «дела» за целое столетие – с середины XVII до начала 60–х гг. XVIII в. Он считал, что передача в 1719 г. надзора за доходами астраханских рыбных промыслов Камер-коллегии не привела «до желаемой от них прибыли». Причину этого он видел в бесконтрольности «плутов, откупщиков, а паче астраханских купцов» Именно они «от казенных ловцов матерую рыбу к себе отбирали, а малую в казну оставляли». Чиновники, «приставленные к казенным промыслам, с ними же заодно воровали и, наконец, до того довели, что содержать тех промыслов казне стало не ис чего». По мнению Меженинова, доход от рыбной ловли, если «только доброе учреждение и верное смотрение было», не уступал бы ни таможенным, ни соляным сборам, так как общая прибыль от лова, который составляет «по меньшей мере 4

⁷ Там же. Л. 19–19 об., 24 об., 26, 37.

⁸ ПСЗ. Т. XV. № 11 200. С. 645.

миллиона пудов в год», достигла бы не менее двух миллионов руб. (против полученных казной в 1759 г. 30 тысяч руб.). Кроме того, при продаже ежегодно еще и 7 тысяч пудов рыбного клея, 500 тысяч пудов икры, 12,5 тысяч пудов вязиги казенный доход стал бы еще больше, поднявшись до 2 915 тыс. руб. Автор «примечания» предлагал продажу рыбопродуктов поручить соляным конторам, «положа каждому товару для народного удовольствия указную цену». Что касается экспорта рыбных товаров в Европу – в германские государства, Нидерланды, Швецию и др., то его следовало, считал Меженинов, расширить, «чтоб против нынешнего гораздо более покупать стали». Он предлагал также повысить экспортные («отпускные») цены за счет соления рыбы «шпанскою солью» и расширить вывоз рыбного клея и икры, увеличив их стоимость не менее, чем в два раза против цен внутреннего рынка, на котором пуд рыбного клея продался за 20 руб., а пуд икры за 50 копеек.

Меженинов полагал, что если бы правительство имело точные данные об «астраханских купцов воровстве», то могло бы «те рыбные промыслы в казенное содержание со отрешением... откупов и оброков вод принять». Если же правительство, рассуждал Меженинов, не согласится с его предложением взять рыбные ловли «в казенное содержание... то не повелит ли... оброку на те промыслы прибавить», что позволило бы казне «по крайней мере два миллиона получить надежно»⁹.

Соображения Меженинова подтолкнули Коммерц-коллегию к более тщательному учету доходов от рыбного экспорта. В 1762 г., по коллежским данным, за границу было вывезено и там продано «осетрины и белужины» (свежей, соленой и вяленой) 21 942 пуда 33 фунта, икры паюсной и зернистой 18 750 пудов 10 фунтов, рыбного клея 3 832 пуда 24,5 фунта. Казна при этом выручила 423 844 руб. 40 копеек. В следующем 1763 г. вывоз за рубеж и продажа рыбопродуктов составили: рыбы 21 916 пудов 2 фунта, икры 14 439 пудов 31 фунт, клея 4 655 пудов 21,5 фунта. Общая выручка выразилась в сумме 438 844 руб.¹⁰ Коммерц-коллегия доносила Сенату, что такие доходы существенно превысили сумму откупа, которая в начале: 60-х гг. XVIII в. равнялась 36 тысячам руб. «А потому», сокрушались коллежские чиновники, «...истинно в жалость притти мочно, что таким великим сокровищем владеют тунеядцы... и богатыся, так сказать, лежа на боку, да еще с превеликою народною тягостию и с конечным убытком... а по оному и ко взятию тех промыслов в казенное содержание никакого сомнения не предвидется»¹¹.

Именным указом императрицы Екатерины II от 31 июля 1762 г. началась отмена откупной системы. Прежде всего была ликвидирована монополия генерал-фельдмаршала П.И. Шувалова на каспийский тюлений промысел, который он содержал из платежа 264 руб. 70 копеек в год. Отменялись и права коломенского купца Сидора Попова на «астраханские казенные учуги и партикулярные воды». Астраханские рыбные промысловики лишились и откупов на клеевой, икорный и вязичный сборы.

⁹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 600. Л. 63–63 об.

¹⁰ Там же. Л. 64.

¹¹ Там же. Л. 64 об.

Пунктом 19-м указа объявлялось: «во всех местах рыбные откупы уничтожа», быть «астраханскому купечеству в полной торговле вольной тюленем и рыбою»¹. Это право свободной промысловой деятельности было подтверждено и указом Астраханского магистрата 16 июля 1765 г., в котором говорилось: «...на тюленьих островах... астраханским купцам... отнюдь ни малейших в битье тюленей помешательств и тем обид... никаких ссор не чинить» [3, с. 36].

Однако в конце XVIII в. правительственный курс на «вольную» добычу рыбопродуктов претерпел изменение. Император Павел I в 1799 г. пожаловал графу И.П. Кутайсову «все морские воды (Каспийские – А.К.)... с прибавлением Эмбенских и других вод в вечное и потомственное владение со всеми устьями, реками и островами» [3, с. 44]. С переходом государственной власти к императору Александру I такое «расхищение» рыбных угодий было запрещено. Они окончательно приобрели статус казенной собственности.

1. Астраханский край в истории России XVI–XXI вв. Астрахань, 2007.
2. *Бородин Н.* Каспийско-Волжское рыболовство и его экономическое значение. СПб., 1903.
3. Достояние губернии. Из истории астраханских рыбных промыслов / Под общ. ред. А.А. Жилкина. Астрахань, 2008.
4. *Ишин В.В., Калгин В.Е.* Рыбный промысел в Астраханском крае в конце XVII – первой половине XVIII в. // Исторические судьбы России в научном наследии В.Н. Татищева. Астрахань, 2004.
5. *Книпович Н.М.* Каспийское море и его промыслы. Берлин, 1923.
6. *Козлова Н.В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII в. М., 1999.
7. *Шульц А.* Взгляд на Каспийские рыбные и тюленьи промыслы. Астрахань, 1874. (Труды Астраханского губернского статистического комитета. 1874. Вып. 3)

С.Н. Темушев²

К вопросу о причинах вражды Роговолодовых и Ярославлих внуков

Полоцкое княжество; древнерусское этнополитическое пространство; Рюриковичи; княжеский род; Новгородская земля; налогово-данническая система.

В работе предлагается объяснение причин враждебных действий полоцких князей в направлении Новгорода и Пскова на протяжении XI в. Предполагается, что полоцкие князья не должны рассматриваться вне правящего на Руси княжеского рода Рюриковичей. В этой связи Изяславичи имели право на получение части доходов со всей Русской земли. Это право было нарушено потомками Ярослава Мудрого.

Ранняя история Полоцкого княжества небогата сведениями письменных источников. Тем большее значение имеют редкие упоминания древнейшего летописания о деятельности первых представителей княжеской династии, обосновавшейся в Полоцке. И хотя эти упоминания непременно используются при реконструкции ранней истории белорусских земель,

¹ПСЗ. Т. XVI. № 11 630. С. 31.

²Темушев Степан Николаевич, Белорусский государственный университет (Республика Беларусь, Минск), к.и.н., stepnik_bsu@tut.by.

однако в большинстве случаев они не получают необходимой интерпретации. Так, совершенно недостаточными представляются объяснения агрессивных действий полоцких князей в направлении Пскова и Новгорода Великого, данные еще дореволюционными историками.

Летописи упоминают о военных мероприятиях полоцких князей против Новгорода под 1021, 1067 и 1069 гг. [8, стб. 146, 163, 166, 174; 13, с. 64, 71, 72; 11, с. 180, 184; 12, с. 111; 19, с. 123, 137]. Под 1065 г. в псковских летописях приводится сообщение о внушительном, видимо, хорошо подготовленном военном мероприятии князя Всеслава Брючиславича против Пскова [15, с. 18]. Возможно, в одном ряду с указанными событиями необходимо рассматривать и нападение Всеслава Брючиславича на Смоленск (предположительно, в 1078 г.) [8, стб. 248; 1, с. 7]. Таким образом, из летописных сообщений известно о постоянном военном давлении Полоцка на Новгородскую землю. Какие-то умалчиваемые летописью, но ясно осознаваемые интересы были у полоцких князей в отношении и Пскова, и Новгорода, а также и Смоленска.

При объяснении причин враждебных действий полоцких князей и выборе направления их походов представляется необходимым обратить внимание на особенности налогово-даннической системы Древнерусского государства, которая вместе с началом политической децентрализации подверглась существенной трансформации. Важнейшие изменения заключались в переадресации собираемых в пользу центральной власти (киевского князя) материальных ресурсов на региональные центры власти, в которых обосновались представители правящей династии. Именно Полоцк в силу ряда причин раньше других земель древнерусского этнополитического пространства проявил стремление к самостоятельности, что выразилось в формировании собственной правящей династии и стремлении расширить подвластную (т.е. охваченную данническими обязательствами) территорию. Видится непосредственная связь между враждебными действиями Полоцка в направлении Пскова и Новгорода и распределением ресурсов между отдельными центрами власти, что явилось отражением процессов децентрализации Древнерусского государства, итогом чего стало торжество политической раздробленности.

Попытка объяснить вражду между полоцкими и киевскими князьями – реальную или надуманную – была предпринята еще в XII в. В условиях нового обострения конфликта Полоцка с Киевом, вызванного властными амбициями киевского князя Мстислава Владимировича, не желавшего мириться с существованием независимых властителей на пространстве Древней Руси, на страницы летописи под 1128 г. была помещена легенда о неудавшемся покушении Рогнеды на жизнь Владимира Святославича [8, стб. 300–301]. Даже если описанные в легенде события имели место в действительности, вряд ли они могли стать причиной непримиримой вражды Рогволодовых и Ярославлих внуков. Давно обращено внимание на слабость летописного обоснования, опирающегося на древнее предание: потомки Ярослава Владимировича с таким же основанием, как и потомки Изяслава Полоцкого, могут быть названы «Рогволодовыми внуками» [18, с. 80–81]. Несомненно, древний семейный конфликт был актуа-

лизирован во второй половине 1120-х гг. для легитимизации враждебных действий киевского князя против полоцких князей, не вписывающихся в создаваемую усилиями Владимира Мономаха и Мстислава Великого политическую систему, опирающуюся на союзных и вассальных киевскому князю правителей отдельных древнерусских земель. Именно отказ полоцких князей выполнять важнейшую обязанность вассалов – принимать участие в военных мероприятиях по требованию старейшего правителя – послужил главной причиной их высылки в Византию. На эту причину («ослушание» Всеславичей призыву киевского князя отправиться в поход, «в помощь» на половцев) прямо указывают сообщения Ипатьевской, Воскресенской летописей и Московского свода 1479 г. [8, стб. 303; 9, с. 28; 11, с. 31]. В целом же значение использования древнего семейного предания в идеологических целях (и не случайно именно в конце 1120-х гг.) вполне выяснено: была сделана попытка внести изменения в историческую память княжеского рода – династия полоцких князей объявлялась Рогволодовичами, не совсем Рюриковичами, а тем самым не имеющей полных прав на владение частью Русской земли (а значит киевский князь получал основание для изгнания полоцких князей и включение Полоцкой земли в состав своих владений) [16, с. 111].

Рассмотренная легенда оказала существенное влияние на взгляды позднейших исследователей на причины мнимой «полоцко-киевской вражды». Как аксиома повторялся тезис об изначальном выделении полоцких Изяславичей в обособленную династию, которая должна была ограничиваться «своею Полоцкою землею» и будто бы происходила «из чуждого другим русским князьям рода» [5, с. 61]. Примеры с раздelaми древнерусских земель между потомками Рюрика (или Владимира) создавали впечатление, что полоцкие Изяславичи оставались в стороне, «и на долю их ничего не достается из делимых земель» [5, с. 61]. Именно это ограничение сферы владения Изяславичей территорией Полоцкой земли и вызвало, по мнению дореволюционных российских историков, их противодействие, вылившееся во враждебные акции. Исключением полоцких князей, потомков Изяслава, из права на общую родовую собственность, доставшуюся Ярославичам, объяснял полоцко-киевскую вражду в рамках собственной родовой теории С.М. Соловьев [18, с. 80]. Другой причиной (даже более важной) «вековой борьбы» полоцких «Рогволодовичей» и киевских «Ярославичей» называлось стремление киевских князей подчинить себе Полоцкую землю [5, с. 62; 6, с. 85; 14, с. 371]. Интересное наблюдение сделал в свое время П.В. Голубовский, видевший в «вековой борьбе» Рогволодовых и Ярославлих внуков стремление полоцких князей к соединению всех частей Кривицкой земли [4, с. 260]. Эта мысль кажется вполне обоснованной с учетом известных нападений полоцких князей на Псков и Смоленск, однако не объясняет экспансию Полоцка, например, в южном направлении, на дреговичские в то время [17, с. 243] земли (будущую Менскую волость).

В целом предложенные в историографии причины нападений полоцких князей на соседние земли выглядят совершенно неубедительно в связи тем, что они не объясняют целый ряд конкретных обстоятельств воен-

ных акций Полоцка (нет оснований характеризовать их, как «внешняя политика»): основное направление экспансии Полоцка на Псков и Новгород, неожиданную уступку Полоцку Витебска и Усвяг – чрезвычайно важных (и, несомненно, доходных) пунктов около волоков [1, с. 4; 2, с. 223], наконец, признание за Полоцком Менской волости и др. Представляется, что нет оснований исключать полоцкую династию из общерусской политической системы, или взаимоотношений внутри княжеского рода Рюриковичей. Простой факт принадлежности к княжескому роду давал полоцким Изяславичам, подобно другим естественным образом формирующимся династиям, право на участие во власти над общим достоянием – Русской землей. Важнейшей составляющей всей политической системы являлось распределение ресурсов, представленных доходами с волостей, т.е. даней-налогов, мытных сборов, вир и продаж с собственного славянского населения и даней-контрибуций с периферийных племен. Любые изменения в распределении волостей, вызванные, например, открывшимся наследством, касались всех представителей княжеского рода, который выступал в качестве совладельца общего владения (в свое время В.Л. Комарович убедительно обосновал версию о языческом происхождении этого владетельного права) [7], поскольку подобно роду неделимой в идеале была и подвластная ему Русская земля [7, с. 22]. Летописная статья 1128 г. (с легендой о семейном конфликте) стала идеологическим обоснованием исключения полоцкой династии из участия в общеродовом владении, но в то же время она говорит о необходимости дать оправдание нарушению обычного порядка вещей. Составной частью последнего, несомненно, было право участия потомков Изяслава Владимировича в общеродовом владении, что означало получение от него определенной части прибыли.

Вполне вероятно, изначально полоцкие князья не только претендовали, но и реально участвовали в распределении ресурсов от Русской земли и ее периферии. Возможно, полоцкий князь получал часть прибылей от Новгородской земли. Об этом свидетельствуют не только известные из письменных памятников походы полоцких князей на Псков и Новгород (возможно, они были попыткой восстановить нарушенный порядок и возместить появившиеся «недоимки»), но и данные материальных источников. К числу последних принадлежат уникальные трапезиевидные подвески (№№ 28, 38 и 101 согласно нумерации С.В. Белецкого), с большой долей вероятности принадлежавших сборщикам налогов-даней [20], на лицевой и обратной сторонах которых были нанесены геральдические знаки новгородского князя Владимира Ярославича и полоцкого князя Брючислава Изяславича [3, с. 144]. В этой связи представляется обоснованным объяснение нападений полоцких князей на Новгородскую землю попыткой восстановить нарушенный порядок вещей, заключавшийся в участии всех представителей княжеского рода в распределении доходов от населения Русской земли и ее периферии. Возможно, киевский князь Ярослав Владимирович признал обоснованным недовольство полоцкого князя Брючислава Изяславича его отстранением от получения части доходов с Новгородской земли и в качестве компенсации передал

Полоцку города Витебск и Усвяты. Войну, начатую Всеславом Брячиславичем, можно обосновать теми же причинами, в итоге полоцкий князь был удовлетворен уступкой ему Менской волости, территория которой изначально должна была принадлежать Киевской земле.

Таким образом, нет оснований, вслед за летописным преданием, отделять полоцкую династию от княжеского рода Рюриковичей. Вместе с принадлежностью к правящему роду полоцкие князья должны были получать и определенную часть ресурсов Русской земли, что не исключало их отказа от участия в преемстве киевского престола. Закрепившись в пределах Полоцкой земли, «Рогволодовы внуки» претендовали на часть доходов с Новгородской земли, которые они получили, вероятно, еще в ходе административной реформы Владимира Святославича (под условным 988 г.).

1. *Алексеев Л.В.* Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры: в 2 кн. М., 2006. Кн. 2.
2. *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.
3. *Белецкий С.В.* Геральдическая подвеска № 101 и несколько замечаний о правовом статусе держателей подвесок // *Stratum plus*. 2014. № 5.
4. *Голубовский П.В.* История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895.
5. *Данилевич В.Е.* Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896.
6. *Довнар-Запольский М.В.* Очерк истории кривичской и дреговичской земель. Киев, 1891.
7. *Комарович В.Л.* Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // Из истории русской культуры. М., 2002. Т. II. Кн. 1.
8. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. 2-е изд. М., 2001.
9. Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. VII. СПб., 1856.
10. Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949.
11. Новгородская 1-я летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
12. Новгородская 4-я летопись // ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Пг., 1915.
13. Повесть временных лет / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е. СПб., 1996.
14. *Пресняков А.Е.* Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993.
15. Псковские летописи. Вып. 2 / Под ред. А.Н. Насонова. М., 1955.
16. *Рукавишников А.В.* Почему полоцкие князья были сосланы в Византию: свидетельства источников // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 2 (12).
17. *Седов В.В.* Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М., 1999.
18. *Соловьев С.М.* История отношений между князьями Рюрикава дома. М., 1847.
19. Софийская первая летопись. Вып. 1 // ПСРЛ. Т. V. Изд. 2-е. Л., 1925.
20. *Темушев С.Н.* К вопросу о назначении древнерусских геральдических подвесок // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2018. № 4.

Поколенческо-временной подход в изучении истории раздробленной Руси (на примере владимирских Рюриковичей)

Древняя Русь; раздробленность; Рюриковичи; генеалогия; длительность поколения; Владимирское княжество.

В статье предлагается метод исследования политической истории Древней Руси в эпоху раздробленности как смены поколений князей. Доказывается, что у каждого поколения (25–30 лет) были свои принципы и стиль отношений. В качестве исследовательского полигона выбраны князья Северо-Восточной Руси.

История раздробленности домонгольской Руси представляется цельным сплошным полем. Там в калейдоскопе событий, великодушных поступков и резонансных преступлений действуют Рюриковичи, разделившиеся по территориальным домам – Волянь, Чернигов, Смоленск, Ростов (Владимир), Рязань, Муром, Туров и др. Они представляются единым легионом, из которого тот или иной персонаж выступает на арену в отведенное ему время. Такое расхожее представление о монолитном и однородном историко-политическом пространстве Древней Руси на протяжении столетия – 1130-е–1230-е гг. – определяется своеобразным историографическим «обнулением» периода. С одной стороны, теряется осевая линия политико-событийного развития, наблюдаемая в источниках до смерти Владимира Мономаха в 1125 г. (Мстислава Великого в 1132 г.), и историографический поток распадается на рукава истории отдельных земель, обособившихся там домов Рюриковичей и связанных с ними эпизодов борьбы, в которой трудно определить «смысл истории». С другой стороны, Батыево нашествие рубежа 1230-х–1240-х гг. и установление ордынского ига определили «выпадение» периода раздробленности из поступательного движения от Руси к России и даже начало этого отсчета лишь с XIV в. Преодолению этих историографических стереотипов, возвращению/приданию «смысла» истории раздробленной Руси и более глубокому ее исследованию может поспособствовать рассмотрение событий и процессов XII – первой трети XIII в. через призму истории поколений Рюриковичей.

Средняя длительность поколения, как известно, в среднем составляет 30 лет. С учетом того, что физиологическая продолжительность жизни больше этого интервала, то 30-летие представляет собой фазу наивысшей созидательной, культурной и социально-политической активности человека как представителя поколения. Проблему особого порядка составляет начальная точка отсчета истории каждого поколения и отделения его от предыдущего и последующего – дедов–«отцов–детей»–внуков – «понятие «поколение» очень гибко». Опираясь на личный жизненный опыт, интуитивно-эмоциональную постановку этого вопроса предложил еще Марк Блок. Однако «дело Дрейфуса» как демаркационная линия

¹ Кузнецов Андрей Александрович, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (РФ, Нижний Новгород), д.и.н., nalbuz@mail.ru.

между товарищами Блока и последующими людьми и как рубеж поколений [1, с. 100] стали возможными в Новое время с его большей, нежели в эпоху раздробленности, плотностью информационной среды и меньшей, чем в Древней Руси, временно-дистанционной разнесенностью исторических деятелей. Для XII в. подобные способы разграничения поколений невозможны и в силу специфики источников. И здесь для группирования людей одного возраста и схожих мировоззренческих установок в первую очередь напрашиваются указания на родовую последовательность: отец—сын, дед—внук. В качестве примера из множества Рюриковичей выбраны Юрий Долгорукий и его потомки, обосновавшиеся в Северо-Восточной Руси.

Сам Юрий Владимирович принадлежит к поколению князей, которое вступило в стихию раздробленности и определило первый ее этап. Ростовский князь не мог поступиться ценностью Киева, который символизировал верховную власть на Руси, но в то же время начал укрепление своей земли – к концу своей политической деятельности. Данный разрыв попытался преодолеть Андрей Юрьевич (Боголюбский). Отказавшись от Киева, он сделал ставку на уничтожение «матери городов русских» и возвышение Владимира-на-Клязьме. Последнее действие сопрягалось изгнанием из Северо-Восточной Руси почти всех братьев и племянников, за исключением больных. Как кажется, такие силовые действия князя были определены шаткостью и неустойчивостью позиций внутри княжества и за его пределами: он оказался случайно на владимирском престоле после смерти отца. Поэтому Андрей Юрьевич эту слабость и компенсировал активностью, которая резко отличала его от остальных Рюриковичей. Его преждевременная гибель открыла схватку за власть следующего поколения потомков Юрия Долгорукого.

Всеволод Юрьевич и, вероятно, его старший брат Михалко были детьми от второго брака Юрия Владимировича. С учетом того, что Андрей Боголюбский должен был родиться во втором десятилетии XII в., а Всеволод-Дмитрий появился на свет в 1154 г. [2, с. 40], то между сводными братьями временная дистанция равна поколению. Поэтому борьба за власть во Владимирском княжестве в 1174–1178 гг. между младшими Юрьевичами и их племянниками Ростиславичами (старшего брата Андрея Боголюбского, умершего в 1151 г. [5, стб. 330]) – это борьба между представителями одного поколения. При том, что эти племянники оказались старше дядьев. Победителем в этой схватке оказался Всеволод, и он занял владимирский престол тоже случайно (не погибни брат Андрей, не потерпи фиаско Ростиславичи). Эта случайность обусловила политику Всеволода Большое Гнездо – легализацию своего положения в Северо-Восточной Руси и в глазах Рюриковичей из других домов. И таким властным утверждением Всеволод занимался до начала XIII в. и не претендовал на Киев. Видимо, на него влиял и курс старшего брата по утверждению себя на владимирском столе, однако Всеволоду данное обстоятельство не мешало вступить в борьбу за часть в Южной Руси. Только делал он это через своего сына Ярослава-Федора, опираясь на прецедент собственного краткосрочного пребывания на киевском престоле [3, стб. 570]. Тогда Ярослав

и его отец не добьются успеха [5, стб. 428, 429–430], но в 1236 г. первый все-таки восстановит правомочность притязаний владимирских Рюриковичей на общерусскую столицу.

Рассмотрение военно-политической деятельности Всеволода Юрьевича под углом смены поколений позволяет трактовать ее как весьма традиционную и следовавшую из конкретных вызовов. Подтверждает этот тезис и «завещание» Всеволода Юрьевича, реконструируемое на основе Лаврентьевской летописи, Летописца Переяславля Суздальского (а не на Московском летописном своде конца XV в., который надо рассматривать как историографический памятник по отношению к 1210-м гг.). Всеволод Юрьевич пошел на разделение княжества на Ростовскую и Владимирскую части во главе с Константином и Георгием (Юрием) соответственно. Константин отвечал за своих детей, а Георгий за младших братьев, части из которых давались столы. В таком порядке угадываются архаичные схемы организации власти между детьми Святослава Игоревича и Ярослава Мудрого [4, с. 80–82]. Ни о каком передовом способе укрепления княжеской власти при Всеволоде Юрьевиче речи не шло.

От ростовского правления Юрия Владимировича до властвования его сына Всеволода верховная власть доставалась тому или иному претенденту случайно, а потому отсутствовала четкая преемственность политического курса. Первыми законными («природными») правителями Северо-Восточной Руси по праву рождения, воспитания и наследования оказываются дети Всеволода Большое Гнездо. У них не было конкурентов, как у Андрея Боголюбского и отца. Всеволод Большое Гнездо одних племянников-братаничей (Юрия Андреевича, Ростиславичей) изгнал, а другие братаничи выступали его союзниками (Глебовичи) на юге Руси. И к 1212 г. они сошли с политической арены Руси. То есть, с детей Всеволода Юрьевича и начинается последовательная истории династии владимирских князей.

Итогом развернувшийся борьбы братьев-Всеволодовичей в 1212–1216 г. стала победа Константина. Он отменил де-факто «завещание» отца, восстановил территориальное единство Северо-Восточной Руси под властью владимирского князя и при автономии отдельных столов, на этой основе утвердил новый порядок отношений между детьми и внуками Всеволода Большое Гнездо. Эту линию продолжил с 1218 г. и его брат Георгий (Юрий).

Проецирование этой поколенческой истории залесских князей на общерусскую историю Рюриковичей в XII – первой трети XIII в. и исследование этой первой как самоценного феномена позволяют вспомнить наблюдение современного историка: «Волны поколений не просто идут одна за другой, но набегают друг на друга. Наблюдается самая настоящая интерференция волн» [6, с. 102–103]. Причем, набежали волны не только поколений, разнесенных по времени, но и поколений – по родству. Юрий Владимирович принадлежал к младшим детям Владимира Мономаха от его второго брака, и старшие его братья по возрасту отстояли от него на поколение. И главными его соперниками после 1132 г. оказались его племянники по линии братьев и даже их дети. А позднего сына

Юрия Долгорукого Всеволода-Дмитрия по средней длительности поколений можно отнести к внукам. Получилось так, что владимирские Рюриковичи составляли одно поколение с теми родственниками, которые формально были на 2–3 степени младше их. Мстислав Мстиславич Удатный, бросивший вызов внуку Мономаха, Всеволоду, был праправнуком Владимиру Мономаху. И тот же Мстислав Удатный на полном основании физического старшинства указывал правнуку Мономаха, что он ему доводится отцом. Можно вспомнить и то, как Всеволод Юрьевич, защищая права сестринича Владимира Ярославича, заявил о себе как о старейшем князе среди Рюриковичей. Однако, в целом, преобладала и проявлялась именно поколенческо-временная стратиграфия Рюриковичей. Дети Всеволода Юрьевича (правнуки Мономаха) на равных общались и определяли расклад политических сил на Руси с ровесниками – с праправнуком Мономаха Владимиром Рюриковичем и прапраправнуками Владимира Всеволодовича в лице Даниила и Василька Романовичей. Подобное можно сказать и в отношении черниговских Ольговичей.

Поколенческо-временная периодизация истории раздробленной Руси позволяет увидеть, как менялся стиль отношений между князьями разных земель. Поколение, к которому принадлежали Юрий Долгорукий, его племянник Изяслав Мстиславич, черниговские князья Святослав и Всеволод Ольговичи и пр., действуют грубо и бесцеремонно по отношению друг к другу, нарушают договоренности. Под стать им были дети, среди которых выделяется Андрей Боголюбский, сделавший ставку на грубую силу. Однако в этом ему успешно противостояли смоленские князья. Архитектоника межкняжеских отношений меняется в следующем поколении Рюриковичей, где характерен Всеволод Большое Гнездо. Такие князья, полагаясь на силу, действуют все же с расчетом на заведомый успех, собственное преобладание. В случае неясного исхода или военно-политического тупика предпочитают договоренности, как Всеволоды Владимирский и Черниговский в 1210 г. [5, стб. 435]. Совершенно иначе себя ведет поколение, которое встретит Батыево нашествие. Оно, вообще, стремится договориться и избежать острых конфликтов. Константин и Георгий (Юрий) с Ярославом во Владимирском княжестве после Липицы смогли разрешить противоречия. На таком фоне осуждение братоубийства в Исадах в 1217 г. [5, стб. 440–441] было повсеместным. Если Всеволод Большое Гнездо оккупировал Рязанское княжество в 1207 г. и пленил большинство его князей, то его сын Георгий (Юрий) отпустил последних и, по сути, не вмешивался в дела соседа.

1. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973.
2. Ермолинская летопись // ПСРЛ. М., 2004. Т. XXIII.
3. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М., 1998. Т. II.
4. Кузнецов А. Политическая история Северо-Восточной Руси в 1211–1218 гг.: источниковедческий аспект // Ruthenica. Киев, 2009. Т. VIII.
5. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М., 1997. Т. I.
6. Эжитут С.А. Битвы за храм Мнемозины: Очерки интеллектуальной истории. СПб., 2003.

Новгородская берестяная грамота № 1105 и древнерусские закупы

Древняя Русь; Правда Русская; закупы; берестяные грамоты.

Статья посвящена анализу содержания новгородской берестяной грамоты № 1105. На основе ее сопоставления с берестяной грамотой № 1031 и Пространной редакцией Правды Русской автор приходит к выводу, что в обеих берестяных грамотах речь идет о закупках. Выясняется также, что дела, связанные с закупками, в Новгороде и в конце XII в. относились к княжеской юрисдикции.

Л.В. Милов специально проблемой древнерусских закупов не занимался, хотя и обращал на нее внимание в контексте своей концепции возникновения крепостничества [5, с. 476]. Теперь, как представляется, появился источник, проливающий дополнительный свет на эту классическую и очень плохо обеспеченную источниками проблему социально-экономического строя древней Руси.

В ходе археологического сезона 2018 г. на Троицком раскопе XV в Великом Новгороде была обнаружена берестяная грамота, которой присвоен № 1105. Стратиграфически она датируется концом XII в. Это письмо из четырех строк следующего содержания: «Се от Соуботкъ къ Гюрь. Се еси продале дѣта мое. А нынѣ веди с[ѣ]мо, налѣз[ъ]. Не налѣзши ли ни приведеши къ мнѣ, а азъ хоцоу къ князоу на тл» [1]. Подробный лингвистический комментарий представлен в статье А.А. Гиппиуса, в которой и опубликована грамота, здесь же хотелось бы подробнее остановиться на ее историческом содержании.

Речь идет о том, что некий (или некая) Суботка обвиняет некоего Гюру в «продаже» своего ребенка и требует его возвращения, угрожая в противном случае обратиться к князю. В принципе, древнерусский глагол «продаяти» имеет два основных значения: собственно «продать» и «наложить денежный штраф» (соответственно, и существительное «продажа» может означать как акт продажи, так и денежный штраф) [10, с. 37–38, 43–45]. Именно последнее значение представлено, в частности, в очень ранней (XI в.) новгородской берестяной грамоте № 247, в которой содержится фраза «продай клеветника того» [3, с. 239–240]. Вариант с наложением штрафа не позволяет, однако, как представляется, убедительно, логично и экономно объяснить отразившуюся в берестяной грамоте ситуацию (непонятно, например, куда делось «дѣта», на которого наложил штраф Гюра, и почему он должен его привести). Но главное не в этом. Все разъясняется, если сопоставить эту грамоту со статьей 61 Пространной редакции Правды Русской (далее: ПП): «Продасть ли господинъ закупа обель, то наमितу свобода во всѣхъ кунахъ, а господину за обиду платити 12 гри(вень) продажѣ» [8, с. 111, 130]. Здесь однокоренные глагол и существительное фигурируют в разных значениях: хозяин продает за-

¹ Лукин Павел Владимирович, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), д.и.н., lukinpavel@yandex.ru. Благодарю за содействие и консультации А.А. Гиппиуса.

купа в «обельное» (полное) холопство, т.е. рабство, за что наказывается «продажей» – штрафом в 12 гривен, закуп же освобождается от всех обязательств.

Другая, 56-я статья ПП не оставляет сомнений в том, что источником права в данном случае выступает князь. В ней говорится, что если закуп «бѣжитъ отъ господы», но «ко князю или къ судиямъ обиды дѣля своего господина, то про то не роб[от]ять его, но дати ему правду» [8, с. 110–111, 127]. Закуп, следовательно, может искать «правды» только у князя или княжеских же судей.

Указанные статьи ПП принадлежат «Уставу Владимира Всеволодича» (Владимира Мономаха), принятие которого можно связывать с событиями 1113 г., когда в Киеве после смерти князя Святополка Изяславича произошло восстание [7, стб. 275–276]. Судя по списку объектов ненависти, можно сделать вывод, что причиной выступления киевлян были кабальные условия займов, а также лица и структуры, их дававшие. Естественно, наибольшее возмущение это должно было вызывать у закупов, зависимость которых как раз и основывалась на отработке займов. Владимир Мономах успокоил взрывоопасную ситуацию, урегулировав в своем «Уставе» отношения между кредиторами и заемщиками [4, с. 415–423].

Ситуация, таким образом, разъясняется. Мы имеем дело с реальным актом продажи, но актом незаконным. Некто Гюра продал сына Суботки так, как будто бы он был полным холопом, то ли проигнорировав то обстоятельство, что статус последнего – как закупа – делать этого не позволяя, то ли не зная, что он нарушает закон. Суботка – в полном соответствии с положениями ПП – грозит обратиться к суду князя, в котором ничего хорошего Гюру явно не ждет.

Данные грамоты № 1105 позволяют теперь более точно охарактеризовать содержание еще одной грамоты, № 1031, где, как кажется, похожая ситуация представлена как бы с другой стороны. Эта грамота найдена в 2012 г. также на Троицком раскопе и также датируется, вероятнее всего, второй половиной XII в.: «*От Нѣжька къ Боудькоу. Цемоу дъръжиши коунѣ? А а на то[бѣ] е[м]ло [к]оун[ѣ]. Оу Хотоурѣ еси казалъ, ать не въдале. Съ Гюрькъм[ѣ] еси] п[ри]сълале, а те не въдале. 10 гр(и)в(ѣ)нѣ лежитъ въ трет[ѣ]. Пар[об]ѣкъ еси одѣ[р]нѣ въдале, а нынѣ сѧ выпирае на пяти гр(и)в(ѣ)нѣ. А п[ро]мышлеи: то ли твоѧ бологодѣтъ мнѣ, [ц]ѣто ми соули?» [13, с. 129–131]. Претензии Нежка к Будке состоят в том, что последний вместо того, чтобы отдать долг, обманывает кредитора или, во всяком случае, тянет время: деньги он якобы отдал (дал, в свою очередь, в долг?) Хотуре, но у того их не оказалось. Якобы прислал вместе с Гюрьком, но и у него их получить не удалось. И, наконец, отдал «одерень», т.е. в полную собственность, навечно [9, с. 91], некоего «паробка», но тот неожиданно стал «выпираться» «на пяти гр(и)в(ѣ)нѣ», чего Нежка явно не ожидал. Каков юридический статус паробка, и в чем смысл этой ситуации?*

Можно согласиться с комментаторами издания берестяных грамот в том, что «сѧ выпирае на пяти гр(и)в(ѣ)нѣ» означает «рвется на волю за пять гривен» [ср. диалектное «выпереться» со значением «выбраться откуда-либ»: 11, с. 326]. Но как полный, «дерноватый», холоп может куда-то

рваться, а, главное, – откуда у него гривны, и почему его законный хозяин (Нежка) должен с этим желанием считаться? Хлоп был собственностью хозяина, лишенной всякой правовой субъектности: согласно ПП, его жизнь не защищалась вирой, он не мог выступать в качестве свидетеля, содействие беглому холопу и его укрывательство карались денежным штрафом (ст. 66, 89, 112).

Складывается впечатление, что оба главных действующих лица грамоты № 1031 были не чужды ростовщичества, о чем свидетельствуют упоминания кредитных операций и особенно фраза «10 гр(и)в(ь)нь лежить въ трет[ь]», подразумевающая долг с процентами. «Паробок» должен был возместить для Нежка отсутствующие у Будка кунь. Однако это «натуральное» возмещение оказалось таким же обманом, как и «перевод стрелок» на Хотуру и отправка – якобы с деньгами – Гюрка. Выяснилось, что паробок имел право и возможность «выпиратися» и подкрепил это, найдя или собираясь найти денежную сумму в пять гривен. Кем были люди, которые, с одной стороны, находились в зависимости от своих кредиторов, с другой стороны, могли таким способом избавиться от зависимости? Об этом нам также рассказывает упомянутая выше 56-я статья ПП: «Аже закупъ бѣжить от господы, то обель, идеть ли искать кунь, а явлено ходить... то про то не роб[от]ять его, а дати ему правду» [8, с. 110–111, 127]. Думается, не будет большой натяжкой считать паробка грамоты № 1031 закупом, которого – нарушая его законные права и действующее законодательство – Будко продал или отдал Нежку в качестве холопа. Когда паробок отправился искать кун «явлено», мошенничество раскрылось.

В двух недавно найденных берестяных грамотах мы видим, таким образом, одну и ту же ситуацию с двух противоположных точек зрения: пострадавшей родительницы (или родителя) закупа и обманутого кредитора, которому вместо холопа подсунили «проблемный актив» – пусть и зависимого, но в принципе правоспособного человека, имеющего право апеллировать к княжескому суду.

Анализ берестяных грамот №№ 1031 и 1105 дает возможность сделать и более общие выводы.

1. В своей последней недавней обобщающей работе, посвященной древнерусскому социальному строю, А.А. Горский заметил, что в других источниках, кроме ПП, термин «закуп» не встречается [2, с. 149]. Теперь выясняется, что в двух берестяных грамотах, хотя и не термин, но реалья, которую он обозначает, по-видимому, встречается (следует обратить внимание и на то, что в них отсутствует и термин «холоп», хотя этот статус, несомненно, подразумевается: в бытовой переписке и повседневной жизни люди не нуждались в четких дефинициях). Отношения закупничества были, очевидно, существенным элементом социально-экономической действительности домонгольской Руси [историографию и состояние вопроса о закупах, трактовки упомянутых выше статей ПП см. подробнее: 14, с. 490–510, 536–540].

2. Нормы ПП оказываются реально действующими уже во второй половине XII в., что подтверждает как наиболее распространенную да-

тировку этого памятника (начало XII в.), так и его официальный характер [ср.: 12, с. 128–142]. В принципе, можно допустить, что в Новгороде руководствовались какими-то отдельными, разрозненными нормами, которые уже позднее были записаны в виде ПП, но тот факт, что в ПП имеются явные следы текстуальной зависимости от Краткой редакции [см.: 5], свидетельствует в пользу изначального существования ПП (по крайней мере, в своей основе), как писаного юридического кодекса.

3. Выясняется, что и в конце XII в. князь сохранял в Новгороде свои судебные полномочия. Именно к нему, а не к республиканским магистратам угрожает обратиться ближайший родственник пострадавшего от произвола, причем делает это в точном соответствии с принятым по инициативе даже не новгородского, а киевского князя законодательством.

1. *Гиппиус А.А.* Берестяные грамоты из раскопок 2018 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2019. № 4 (в печати).
2. *Горский А.А.* Русское средневековое общество: Историко-терминологический справочник. СПб., 2019.
3. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 2004.
4. *Кучкин В.А.* Десятские и сотские Древней Руси // *Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С.* Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008.
5. *Лукин П.В.* Коровья татья в Правде Русской // «По любви, въ правду безо всякие хитрости». Друзья и коллеги к 80-летию В.А. Кучкина. Сборник статей. М., 2014.
6. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
7. ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Ипатьевская летопись.
8. Правда Русская / Ред. Б.Д. Греков. М.; Л., 1940. Т. I. Тексты.
9. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 2000. Т. VI.
10. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 2012. Т. IX.
11. Словарь русских народных говоров. Л., 1970. Вып. 5.
12. *Цукерман К.* О Правде русской // *Ruthenica*. 2014. Т. XII.
13. *Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). Т. XII. М., 2015.
14. *Baranowski G.* Die Russkaja Pravda: ein mittelalterliches Rechtsdenkmal. Frankfurt am Main, 2005 (Rechtshistorische Reihe. Bd. 321).

К.В. Вершинин¹

Предисловие к Мерилу Праведному: между правом и богословием

Мерило Праведное; древнерусская книжность; древнерусское право; византийское право.

В статье рассмотрено поучение, служащее предисловием к древнерусскому сборнику Мерило Праведное. Показано, что в этом памятнике римско-византийская юридическая топика подверглась реинтерпретации в духе православного богословия.

¹ Вершинин Константин Владимирович, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), к.и.н., versh-kv@yandex.ru.

Анонимным поучением (далее – Поучение), открывающим Мерило Праведное – русский учительно-юридический сборник конца XIII или начала XIV в., – исследователи интересовались неоднократно. В центре внимания были, как правило, упоминающиеся в Поучении имена князей и обстоятельности составления сборника [8, с. 88–99; 4, с. 85–100; 2, с. 39–233]. Однако поиск реалий не исчерпывает содержания памятника. В частности, остаются не вполне раскрытыми его особенности на фоне славянской рецепции византийской юридической традиции.

В тексте присутствуют эпистолярные черты: автор обращается к «великому князю» [5, с. 9]; завершается Поучение формулой «и кланяю ти ся» [5, с. 16], известной с XI в. по книжным памятникам, берестяным грамотам, летописному пересказу княжеской корреспонденции². Однако, будучи включенной в Мерило Праведное, эпистола превратилась в нормативный текст, адресатами которого могли стать новые князья. По-видимому, это не противоречило замыслу создателя. По местоположению в сборнике Поучение является предисловием и типологически сходно с прологами к византийским юридическим сборникам³.

Памятник представляет собой искусный монтаж из цитат (главным образом из переводной литературы). При дальнейшем анализе можно опереться на данные источниковедческого исследования, начатого Р. Шнайдером [11] и продолженного автором этих строк [2]. К настоящему времени удалось определить источники примерно 9/10 текста. Мною было обосновано [2, с. 216–233] предположение, что составителем Поучения был Иаков черноризец, автор послания Дмитрию Борисовичу ростовскому (1278–1294).

Главная смысловая нагрузка в Поучении падает на цитаты из Приветственного слова (*Logos Prosphonetikos*) отцов Трулльского собора к императору Юстиниану II. *Logos* – важный памятник византийской мысли – обстоятельно проанализирован М. Хамфризом [10, р. 46–57] и Д. Вагшалом [12, р. 108–111]. Изложив историю Боговоплощения, слово обращается к роли императора – кормчего «великого корабля настоящего мира», которому Сам Христос поручил спасти подданных «от треволнений и великого смятения обстоятельств», а в заключении поясняет функции собора. Хотя в *Logos*'е император уподоблен Христу, памятник содержит главным образом ветхозаветную топику. Лейтмотивом являются размышления о Законе, которому следует *поучатися день и ночь* (Пс. 1:2), о путях *свидений Божиих* (Пс. 118:4 и др.). Ключевые пассажи использованы составителем Мерила, например: «...противу [злобы диавола] въставляя великому сему всего мира кораблю хранитель Христось тебе, мудраго нашего кормьчию, благочестиваго князя... заступника воистину въстави...» и т.д. [5, с. 9–10].

План *Logos*'а в общих чертах повторен в построении древнерусского памятника. Поучение открывается богословской частью, продолжается «политическими» рассуждениями и заключается резюмированием содержания сборника. В то же время эта схема существенно дополнена.

² См. об этой формуле, например: [6, с. 653–677].

³ О них см.: [12, с. 88–137].

Так, если в *Logos*'е лишь намечена тема диавольских козней, то составитель Поучения поместил в его начале сжатое изложение основной православной догматики, упомянув о троичности Божества, о Боговоплощении, о сотворении человека, «о немже все слово есть» [5, с. 5]⁴, о грехопадении и его следствии – человеческой немощи. Здесь же книжник славословит Всевышнего. Тем самым Поучение приобретает лично-эсхатологическую перспективу, незнакомую византийским юридическим текстам, но типичную для учительных памятников.

Центральная часть Поучения в большей мере отталкивается от *Logos Proosphonetikos*, однако и здесь можно наблюдать существенные добавления. Мотив уподобления Христу подхватывается выпиской из 17-й беседы Григория Двоеслова, адресованной епископам. Начальствующие сравниваются с «камнем солоным» [5, с. 10], который «лижеться» паствой (прозрачная аллюзия на Мф. 5:13: «Вы – соль земли»). Обыгрывая этот символ, составитель выписывает фрагмент из правил Владимирского собора 1273 г. о «камне твердости» [5, с. 10] (отсылка к Мф. 21:42, Еф. 2:20, 1 Кор. 10:4 и др.). В дальнейшей речи нашего книжника (в отличие от авторов *Logos*'а) заботит вопрос о милосердии князя: «...а вамъ *паче фарисеи и книжьникъ* (Мф. 5: 20) правду имети Богъ повелеть, да не... затворяя от нихъ милость, зане *хвалиться милость всякого суда* (Иак. 2:13). Пишетъ бо ся: *въ гневѣ милость* свою *помянеши* (Авв. 3:2)...» [5, с. 12]. Тот же мотив звучит в «Наказании князем», помещенном в Мериле и принадлежащем, как мне удалось показать [2, с. 71–75], тому же автору: «*милость и животъ положи у тебе, по Иеву*» (Иов. 10:12). Эта цитата толкуется здесь в том смысле, что князь должен быть милостив. Такая трактовка, казалось бы, идет вразрез с буквой книги Иова, где описывается сотворение человека⁵. Однако в контексте Мерила следует понимать эту цитату как совет обратить свои возможности на благо подданных. Излишне напоминать, что тема «милости» традиционна для литературы Древней Руси, между тем для византийской политической мысль она совсем не характерна.

Таким образом, в Поучении и сопутствующих ему статьях переводные наставления светскому правителю обогащаются за счет идей, важных для православного богословия. Требование «творить суд и правду» наряду с настойчивым советом быть милосердным отсылает к основной антиномии христианства – соотношением между Законом и Благодатью. В Поучении «книжный стень» (тень Закона) признается недостаточным. Иаков касается этой темы и в послании Дмитрию Борисовичу. «*Милостивии помиловани будутъ* (Мф. 5:7). *Милость бо на суде при всемъ хвалима есть* (Иак. 2:13) и смерти избавляеть... Се ти будетъ указъ: Ефъфая князя едиородная дщи и убогия вдовы две меднице. Не веде, сровналь ли будетъ,

⁴ Фраза туманна, но, вероятно, перед нами отсылка к 39-й гомилии Григория Богослова: «ничемуже тако радуется Богъ, якоже человеческому исправлению и спасению, о немже слово всяко и всяка тайна» (под «словом» понимается Писание). ОР РГБ. Троиц. 8. Слова Григория Богослова с толкованиями. XIV в. Л. 39.

⁵ Ветхозаветное *pequdah* (в славянском переводе – «милость») приблизительно соответствует понятию Провидения [9, р. 62].

кому то принесени быша?» [7, с. 201]⁶. Этот пассаж послания до сих пор не получал удовлетворительного объяснения. В свое время В.Е. Вальденберг пришел к парадоксальному выводу: «Иаков... требует, чтобы всякое проявление милости было поставлено в рамки закона; иначе под видом милости будет господствовать своеволие» [1, с. 90]. В действительности мысль Иакова гораздо тоньше: он сопоставляет, с одной стороны, закон и дар Иеффая, с другой – благодать и дар евангельской вдовы. Автор словно бы не решается заключить, равны ли перед лицом Господа эти дары. Тем самым он обращает внимание на индивидуальность решений князя, который может, но не обязан прибегать к строгому исполнению буквы закона. Влияние на нашего книжника православного, прежде всего аскетического, богословия, очевидно⁷.

Наконец, в заключительной части Поучения автором привлечен 1-й канон VII Вселенского собора, не менее важный в истории византийского канонического права, чем упоминавшийся *Logos*. Библейские аллюзии этого канона прозрачны, но изысканны; здесь упоминается Павел, восхищенный на третье небо, после чего цитируется Гал. 1:8: «и ангель благовести[и] инако, проклять да будеть» [5, с. 15]. Тем самым признается как нерушимость канонов (в случае Мерила – законов), так и верность новых установлений древней традиции [12, р. 114–115]. Заметим, что подобная «разомкнутость» правовой системы (несмотря на жесткость его «каркаса») позволила нашему книжнику включить в перечень богоустановленных законов «повеления... правоверных князии» [5, с. 16]. В 1 каноне VII Вселенского собора книжника привлекла также мысль о сверхъестественной природе законодательства, так что он выписывает рядом цитату из «Лествицы»: «во Иове то премудрое которое глаголаше: *Не приемлет ли слухъ изрядныхъ* (Иов. 4:18)...» [5, с. 15]. Иоанн Лествичник рассуждает о безмолвии – пути к божественным созерцаниям. Следовательно, для нашего автора судопроизводство немислимо без духовного самоусовершенствования судьи. Правда, в этом месте Поучения такая мысль неочевидна читателю и лишь реконструируется, но с ее учетом понятнее наставление князьям следовать «аки от степени на степень, от разума на разумь и от силы в силу» [5, с. 11] – по-видимому, прямая отсылка к «Лествице» и к аскетической традиции вообще. Концовка памятника («Не рася ли ны Богъ по лицу всея земли? Не взяти ли быша гради наши?... Си вся бывають намъ, зане не хранимъ Спасителя нашего заповѣдii») [5, с. 16]) расширяет эсхатологическую картину от частного к общему, от жизни человека к судьбе Русской земли, резко повышая градус ответственности князя за свои поступки.

⁶ Интересно, что в послании Дмитрию Борисовичу Иаков только вскользь касается обязанностей правителя (основной объем послания составляют предостережения против блудной страсти; пространные догматические рассуждения в тексте вовсе отсутствуют). Это может служить косвенным доводом в пользу того, что Поучение изначально задумывалось как нормативный текст.

⁷ Эта мысль классически выражена Исааком Сирином: «милосердие противоположно правосудию... требования правосудия Божия не выдерживают равновесия в сравнении с милосердием Божиим» [3, с. 419–420].

Итак, Поучение из Мерила Праведного можно оценить как первую известную на Руси попытку составить пролог к юридическому сборнику. Его содержание показывает, что при почти полном отсутствии традиций римского права те немногие светские юридические тексты, что были доступны русским книжникам, подвергались богословскому перетолкованию. Данный пример в очередной раз демонстрирует, что, находясь в пространстве православной культуры, русские книжники могли расставлять акценты по-своему.

1. *Вальденберг В.Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М., 2006.
2. *Вершинин К.В.* Мерило Праведное в истории древнерусской книжности и права. М.; СПб., 2019.
3. *Исаак Сирий, прп.* Слова подвижнические. М., 1911.
4. *Корогодина М.В.* Кормчие книги XIV – первой половины XVII веков. В 2-х тт. Т. 1: Исследование. СПб., 2017.
5. Мерило Праведное по рукописи XIV в. / Изд. под наблюдением и со вступительной статьей М.Н. Тихомирова. М., 1961.
6. *Накадзава А.* К проблеме происхождения и эволюции этикетных формул «поклон» и «челобитье» в Древней Руси // ТОДРЛ. СПб., 2016. Т. LXIV.
7. *Поньрко Н.В.* Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII вв. Исследования, тексты, переводы. СПб., 1992.
8. *Тихомиров М.Н.* Исследование о Русской Правде. М.; Л., 1941.
9. *Culver R.D.* Civil Government: A Biblical View. Eugene, 2000.
10. *Humphreys M.T.G.* Law, Power, and Imperial Ideology in the Iconoclast Era: с. 680–850. Oxford, 2015.
11. *Schneider R. (eingeleitet und hrsg.).* Die moralisch-belehrenden Artikel im altrussischen Sammelband Merilo Pravednoe. Freiburg i. Br., 1986.
12. *Wagschal D.* Law and Legality in the Greek East. The Byzantine Canonical Tradition, 381–883. Oxford, 2015.

А.А. Горский¹

Докончание Василия I и митрополита Киприана: проблема датировки

Василий I Дмитриевич; митрополит Киприан; докончальная грамота; датировка.

В докладе рассматривается вопрос о двух возможных датах докончальной грамоты великого князя московского Василия I Дмитриевича и митрополита всея Руси Киприана: 1392 или 1404 г. Приводятся аргументы в пользу версии о написании грамоты в 1392 г.

Документ под названием «Докончалная грамота кн(я)зю великом(у) с митрополитом о людех и о волостех ц(е)рковных» или «Докончалная грамота княз(я) вели(ко)го с митрополитомъ о Лоуху, и о Сен'гоу, и о людех», регулирующий права великого князя по отношению к митрополитским владениям, дошел в списках, наиболее ранние из которых – ГИМ, собр. Синодальное, № 562 (лл. 28 об.–31) и Смоленского областного краеведческого музея, № 9907 (лл. 2 об.–4 об.) – относятся к первой половине

¹ Горский Антон Анатольевич, Институт российской истории РАН, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), д.и.н., gor-ks@yandex.ru.

XVI в. и восходят к общему протографу [4, с. 176–177; 13, с. 44; 14, с. 887]. Грамота сохранилась в сборниках формуляров, поэтому имена великого князя и митрополита не приводятся – они заменены обозначением «имярек». Но в конце текста читается дата: «А писана грамота на Москвъѣ м(е)с(я)ца июня в кѣ д(е)нь, индикта въ вѣ в' лѣто #sib» [4, с. 179]. В качестве предшественника действующего митрополита в документе упоминается Алексей [4, с. 177–179], умерший в 1378 г., поэтому не вызывает сомнений, что речь в грамоте идет о великом князе московском Василии I Дмитриевиче и митрополите всея Руси Киприане. Киприан был поставлен в митрополиты константинопольским патриархом еще в 1375 г., но после кончины Алексея великий князь Дмитрий Иванович его не признавал (за исключением короткого периода в 1381–1382 гг.) и закрепился Киприан на общерусском митрополичьем престоле только в 1390 г., на следующий год после вокняжения Василия [15]. То есть годовая дата 6900 (1392) соответствует сочетанию великого князя Василия I и митрополита Киприана.

Но в дате имеется противоречие, вызвавшее разные точки зрения у исследователей. 6900 г. соответствует 1392, но этот год приходился не на 12, а на 15 индикт. 12 индикт в княжение Василия I приходился на 1389, 1404 и 1419 гг. Таким образом, нужно предполагать ошибку – либо в дате индикта, либо в дате года. Во втором случае речь может идти только о 6912 (1404) г. (в 1389 г. Киприана еще не было в Москве, а в 1419 г. на митрополичьем престоле уже находился его преемник Фотий), и придется допустить, что в годовой дате не приведены цифры десятков и единиц.

Аргумент общего порядка в пользу датировки грамоты 1392 годом был сформулирован Е.Е. Голубинским: «Вероятнейшим представляется принимать первый год и понимать дело так, что великий князь и митрополит учинили договор в начале правления второго» [2, с. 326]. Л.В. Черепнин предложил палеографическое объяснение ошибки в дате индикта: *ei* (15) при переписке могло перейти в *vi* (12). Кроме того, он отметил, что июнь 1404 г. – это канун отъезда Киприана в Литву, время не подходящее для «упорядочения отношений в митрополичьих владениях» [16, с. 119]. Однако А.А. Зимин, напротив, уверенно высказался в пользу даты 1404 г. 6900, по его мнению, – «явная описка». Цифра 12 «при обозначении года исчезла, возможно, из-за повторения ее в цифре индикта» [7, с. 436]. И.А. Голубцов при издании грамоты в «Актах социально-экономической истории» допустил обе даты, но отметил, что счет по индиктам вела церковь, следовательно ошибка в нем менее вероятна, чем в годовой дате. Что касается отъезда Киприана в Литву, то он имел место 20 июля 1404 г., т.е. не противоречит дате грамоты (28 июня) [1, с. 20]. Я.Н. Шапов в издании древнерусских церковных уставов поставил дату 1404 г, указав в предисловии на существование датировки 1392 г. [4, с. 176]. К 1404 г. отнес грамоту и А.И. Плигузов [8, с. 128–130]. Б.Н. Флоря в статье о Киприане «Православной энциклопедии» высказался в пользу большей вероятности отнесения грамоты к первым годам правления митрополита в Москве (т.е. к 1392 г.), и соответственно ошибки в указании индикта [15, с. 633–634].

Между тем до сих пор в качестве датирующего признака не привлекалась статья грамоты, упоминающая дань в Орду: «Коли дань дати в' татары, тогды и об'рокъ дати церковным людем, А коли дани не давати в' татары, тогды и оброка не давати церков'ным людемъ» [4, с. 178].

На первый взгляд эта вариативность в вопросе о выплате дани более подходит к 1404 г. Василий I перестал платить «выход» в Орду после разгрома хана Тохтамышша Тимуром в 1395 г. Ставший вскоре после этого фактическим правителем Орды эмир Едигей долгое время настаивал на возобновлении выплат (из-за чего в 1408 г. совершил поход на Москву) [3, с. 121–131]. В 1403 г. в Москву приезжал ордынский посол «царевич» Ентяк, а в 1405 – другой посол – «казначей царев» [9, с. 456, 459], чья должность указывает, что обсуждались на переговорах в первую очередь проблемы финансовые. То есть в 1404 г. вопрос о том, платить или нет дань в Орду, был актуален, и формулировка докончальной грамоты великого князя и митрополита вполне уместна.

Однако ситуация 1392 г. данная формулировка тоже не противоречит. Возможность невыплаты дани впервые была зафиксирована тремя годами ранее: в договоре отца Василия великого князя Дмитрия Ивановича с двоюродным братом серпуховским князем Владимиром Андреевичем («А оже ны Богъ избавит, освободит от Орды, ино мне два жеребия, а тебе треть» – речь шла о распределении доходов с территории Московского княжества) и духовной грамоте Дмитрия («А переменить Богъ Орду, дети мои не имуть давать выхода в Орду, и который сынъ мой возмет дань на своем уделе, то тому и есть») [5, № 11, 12, с. 31, 36]. 18 июня 1391 г. Тохтамыш был разбит Тимуром в битве при Кондурче в Самарской луке [6, с. 220–221]. Складывалась ситуация, которая допускалась в завещании Дмитрия Донского: с Ордой могут произойти благоприятные для Руси перемены. А 16 июля следующего, 1392 г. (т.е. через три недели после 28 июня, которым датирована докончальная грамота с Киприаном) Василий Дмитриевич отправился в Орду. Результатом поездки стало получение им от Тохтамышша ярлыков на огромный массив владений – Нижегородско-Суздальское княжество, Муром, Тарусу и Мещеры; выплата дани сохранилась [3, с. 114–120]. Рассматриваемая статья докончальной грамоты вполне могла быть сформулирована перед этой поездкой великого князя в Орду, последствия которой заранее ясны не были.

В тексте упоминаются «оброчные грамоты» Василия, устанавливающие выплату дани в ордынский «выход» с митрополичьих волостей Лух и Сенег, которые должны были продолжать действовать, а также покупки «боярами и слугами» великого князя «земель луховских», признаваемые незаконными [4, с. 177]. Скорее всего, речь идет о действиях в отношении митрополичьих владений, предпринятых в отсутствие Киприана в Москве, т.е. до марта 1390 г. [11, стб. 158]. После получения Василием Дмитриевичем летом 1389 г. ярлыка на великое княжение владимирское от Тохтамышша [11, стб. 157] ему требовались средства для погашения связанных с этим расходов, чем и могло быть вызвано обложение данью земель, принадлежавших митрополии. После же прихода Киприана в Москву вопрос требовал урегулирования, и вряд ли оно было отложено до 1404 г.

С точки зрения текста неполную годовую дату обосновать сложно. Объяснение, предложенное А.А. Зиминим, согласно которому обозначения десятков и единиц были пропущены, чтобы не повторять цифру 12, названную при указании индикта, не выглядит убедительно. Цифры года и цифры индикта – принципиально разные, и пропуск десятков и единиц делает первую фактически бессмысленной – читающей грамоту тогда вправе предполагать любой год в течение столетия начиная с 6900. Грамота Василия I и Киприана от 12 декабря (или ноября) 1402 г. «О судах церковных» имеет даты тоже со сходными цифрами у года и у индикта («в лѣто 6911, индик(та) 11» [4, с. 184]) – *ai* в конце цифры года и *ai* в индикте – но это не помешало привести их обе в полном виде. Можно было бы допустить, что в первоначальном тексте обозначения года не было, а 6900 г. появился в списке, к которому восходят Синодальный и Смоленский, как дата предположительная [1, с. 20]. Такой случай, возможно, произошел с грамотой Киприана, подтверждающей права новгородской епископской кафедры. Ранние (первой половины XVI в.) ее списки обозначения года не содержат, называя только месяц и число – 29 августа² [12, № 26, стб. 229–232]. Лишь в одном из двух списков грамоты в составе Великих Миней Четьих и в тексте, вошедшем в Стоглав, год указан – 6900. Он вызывает сомнения, поскольку в 1392 г. Киприан находился в конфликте с Новгородом по вопросу о праве митрополичьего суда, и вероятно, что цифра года была проставлена как приблизительная. Но в ситуации с dokonчанием Василия I и Киприана дело обстоит противоположным образом: ранние списки (Синодальный и Смоленский) указание на год содержат, и только в более позднем списке Великих Миней Четьих оно опущено. Поэтому полагать, что год не упоминался в оригинале грамоты, оснований нет.

Если же предполагать ошибку в дате индикта, то объяснить ее проще. Вполне вероятным является предположение Л.В. Черепнина, что *ei* могло превратиться в *vi* при переписке. Можно также допустить, что описка произошла под влиянием наличия *v* в предшествующем дате индикта предлоге: *въ vi*. Сходная ошибка имеет место в списке грамоты Василия и Киприана 1402 г., помещенном в Софийской первой летописи: вместо числа 12 (читающегося в большинстве списков) – 11, явно под влиянием цифры 11 (*ai*) в датах года и индикта: «въ лѣто 6911, индикта 11, мѣсяца ноября 11» [10, с. 86; 4, с. 182, 184].

Таким образом, более вероятно, что в грамоте присутствует ошибка в указании индикта, и датируется dokonчание великого князя Василия I Дмитриевича и митрополита Киприана 28 июня 1392 г.

1. АСЭИ. М., 1964. Т. 3.
2. Голубинский Е.Е. История русской церкви. М., 1900. Т. 2. Первая половина.
3. Горский А.А. Москва и Орда. М., 2016.
4. Древнерусские княжеские уставы XI – XV вв. / Изд. подг. Я.Н. Щапов. М., 1976.
5. ДДГ.
6. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды XIII–XIV вв. М., 1985.

² РГБ. Собр. Рогожское. № 256. Л. 730.

7. Памятники русского права. М., 1955. Вып. 3.
8. *Плигузов А.И., Хорошкевич А.Л.* Отношение русской церкви к антиордын-ской борьбе в XIII–XV веках (по материалам Краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам) // Вопросы научного атеизма. Вып. 37. Православие в истории России. М., 1988.
9. *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950.
10. ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853 (Софийская первая летопись).
11. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922 (Рогожский летописец).
12. РИБ. Т. 6. Изд. 2-е. СПб., 1908.
13. Русский феодальный архив XIV – начала XVI века. М., 2008.
14. Русский феодальный архив XIV – начала XVI века. М., 1988. Вып. 4.
15. *Флоря Б.Н.* Киприан, свт. митр. Киевский и всяя Руси // ПЭ. М., 2013. Т. 33.
16. *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М., 1951. Ч. 2.

А.В. Носов¹

Основатели монастырей и практики сакрализации пространства Русского Севера в конце XIV – первой четверти XV вв.

Агиография; сакрализация; крест; XIV–XV вв.; Русский Север.

В работе на агиографическом материале подтверждается точка зрения о стремлении отшельников к особой борьбе с дьявольской силой, при которой они прибегали к определенным практикам сакрализации окружающего пространства.

Известна точка зрения историка А.В. Лаушкина, согласно которой Савватий Соловецкий в поисках особой духовной брани удалился на Соловки, желая бороться с бесовским присутствием, которое ярко ощущалось в «нечистых» местах лесных дебрей, на островах, по соседству с нечестивцами [7, с. 67–68]. В XIV–XV вв. существовало представление о локализации ада на Севере. По словам архиепископа Василия Калики (1331–1352 гг.), он находился где-то на Белом, «Дышучемь» море. Там «червь неусыпающий, и скрежесть зубный, и рѣка молненная Моргъ», а «вода входит въ преисподняя» [12, с. 44]. Южнее пролегал территория периферийного мира, где господствовали язычники [18, с. 8–10], считавшиеся беспоклонниками, настроенными против проявлений христианства [1, с. 112–114; 9, с. 314; 7, с. 68]. Недавно мнение было поддержано всесторонней характеристикой Соловков как языческого «Острова мертвых» [3, с. 17–24]. Учитывая факт постепенного монастырского освоения Русского Севера до прихода прпп. Савватия и Германа на Соловки и особо яркого проявления темных сил на Севере, уместно поставить вопрос: известны ли досоловецкие попытки сакрализации нечистого пространства Русского Севера, которые предпринимались основателями новых монастырей?

О начале духовной борьбы с бесами в Обонежье еще в середине XIV в. сообщает Житие Лазаря Муромского первой половины XVII в. [11, с. 111]. Согласно Житию, прп. Лазарю явился архиепископ Василий Калика и повелел ему отправиться из Новгорода «на Северную страну близ океана-моря» и на Муромском острове Онежского озера поставить оби-

¹ Носов Артём Владимирович. МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), js32r@yandex.ru.

тель в честь Богородицы [5, с. 117–118]. На острове преподобный поставил крест, часовню и хижину. Поблизости на берегах озера жили язычники, которые «по наущению бесовскому» избивали его, прогоняли с острова, сожгли его хижину и даже хотели убить святого. Из-за этого однажды он скрывался в кустах и совершал там ночное молитвенное правило. Тогда ему было явлено видение: некие мужи поклонялись Богородице на том месте, где позднее была поставлена церковь [5, с. 119–122]. Воодушевившись, прп. Лазарь продолжил освящение острова: там он поставил икону Богоматери, помолился, а затем снова воздвиг крест и ископал себе землянку. После этого прп. Лазарь крестил одного из детей лопарей, который исцелился от слепоты, после чего язычники ушли «в пределы океана-моря» [5, с. 122].

Житие Арсения Коневского (1530-е гг. [8, с. 107]), также сообщает о сакрализации острова. В 1393 г. прп. Арсений Коневский, вернувшись с Афона со Святогорской иконой Божьей Матери, из Новгорода «к сѣверным странам отъиде, и в Корельстей земли на велицѣм езерѣ Неве... в Коневский отокъ вселися» [4, с. 162]. На Коневецком острове прп. Арсений поселился на горе, где он воздвиг крест и келью. Через год он отошел на версту к юго-западному побережью, где позднее возник монастырь. Спустя годы на горе появился еще один крест, посвященный чуду спасения братии от голода. [4, с. 164, 170].

В начале своего подвижничества прп. Арсений узнал от рыбака Филиппа о Конь-камне, которому некогда «невѣрнии жертву приносили – на всяко лѣто приводили по коню». Язычники пасли на острове скот: «Давают же и жертву камени, чтобы скоту пакости не было, ни самим для бѣсовскаго дѣйства» [4, с. 164–166]. Из языческих практик балто-славянского и финно-угорского населения известно о связи образа коня с культом плодородия и смертью [6, с. 48–49; 10, с. 245; 9, с. 247]. Через данный обряд агиограф воспринимает язычников бесопоклонниками. Житие сообщает о цели изгнания «нечистого» из жертвенного камня: всю ночь прп. Арсений молился, «чтобы Богъ и Пречистая очистили мѣсто то от бѣсовскаго дѣйства». Утром подвижник пришел к камню в облачении со Святогорской иконой, святой водой и фимиамом, спел у него молебен Богородице, а затем «обшед около, и покропи святою водою и прогна нечистыя духи». Рыбаки поведали подвижнику, как в то время на Север от острова полетела огромная стая воронов [4, с. 166] – это ознаменовало очищение данного места, так как бесы могли принимать облик воронов [2, с. 91]. Впоследствии при переносе обители на новое место прп. Арсений прибегал к схожей практике освящения пространства: он обошел с иконой очерченную территорию будущей обители и отслужил молебен [4, с. 174].

Агиограф не сообщает о строительстве церкви на Коневце, в середине текста Жития упоминается уже построенный храм Рождества Богородицы (1398 г.) [13, с. 433.]. Житие опускает подробности его возведения, поскольку прп. Арсений прибыл на остров уже с благословением владыки Иоанна (1388–1415 гг.) и всем необходимым для создания обители [4, с. 162, 170].

«Сказание о Валаамском монастыре» 1560–70-х гг. – главный источник по ранней истории Валаамской обители, отличающийся обилием достоверных исторических вставок [8, с. 33]. Автор Сказания приводит подробную схему расселения чуди на Русском Севере и раскрывает содержание поклонения природе, сотворенной Богом, вместо восхваления Бога за Его творение [19, с. 98]: «От камня, и от вод, и от лѣсовъ богатства прошаху, и имъ честь въздаваху» [17, с. 446]. В сознании книжника именно эти элементы природы осквернялись религиозными практиками язычников [1, с. 1–2; 18, с. 59]. Автор Сказания выражает идею поклонения язычников бесам с помощью постоянно повторяющихся этноконфессиональных: «бесослужительная» или «бесодохновенная корѣла» [17, с. 448, 450].

В конце XIV в. [8, с. 52–53] новгородские монахи во главе со старцами Ефремом и Сергием намеренно поселились на необитаемом островке по соседству с языческим Валаамом. Братия воздвигла деревянный крест и Преображенскую церковь [17, с. 450]. На освящение окрестностей язычники ответили гневом: «Единодушно з бѣсы чарованием нападаху, и многы пакости творяху». Вскоре после этого Ефрем ушел на Ильмень, где основал Перекомский монастырь [14, с. 45], а Сергей отправился к новгородскому архиепископу Иоанну и сообщил о желании основать обитель на Валаамском острове, а также о населяющей его «бѣсослужительной оной чуди корѣлской» [17, с. 452].

Архиерей пошел на встречу отшельнику и при поддержке новгородских посадников и тысяцких повелел посланному на Валаам военному отряду: «Да великий той остров Валаам преподобному Сергию отдадут, и живущих ту людей изгонять» [17, с. 452]. Вмешательство архиепископа в процесс «очищения» острова от язычников с помощью светской власти – уникальный сюжет. Н.А. Охотина-Линд обнаружила параллели между сведениями Сказания, фактами из жизни владыки Иоанна и особенностями устройства политической системы Новгорода того времени [8, с. 52–55], что косвенно подтверждает достоверность этого эпизода. Сказание также сообщает, что прп. Сергей заботился и «о просвѣщении оныхъ тмошественныхъ заблуджшихъ чюди». Есть мнение, что основание Валаамского монастыря могло быть связано с архиерейской политикой по христианизации края [8, с. 35]. Однако далее в Сказании говорится только о распоряжении архиепископа об изгнании карелы с Валаама, которое не обошлось без кровопролития и кончилось победой новгородцев [17, с. 452]; иные сведения о просвещении язычников отсутствуют. Поэтому нет оснований оценивать этот эпизод как миссионерскую акцию владыки Иоанна.

После освобождения острова прп. Сергей избрал для монастыря высокое место на каменной горе, у подножия которой располагалась тихая пристань. Там братия воздвигла новую Преображенскую церковь по благословению архиерея [17, с. 452–454].

В 1370–1420-е гг. идет монашеское движение на Север из московских приделов. Оно также приносит в северные области практики освящения пространства в ходе духовной брани, но вне соседства с язычниками. Сакрализация велась последователями Сергия Радонежского и воспи-

танниками Спасо-Каменного монастыря [18, с. 56–59] (эти сюжеты требуют специального рассмотрения).

Подводя итоги, стоит отметить, что авторы рассмотренных агиографических памятников использовали радикальный стереотип о нечистоте язычников, целенаправленно служивших темным силам [1, с. 112–114]. Постоянное проявление этой идеи усиливало эффект не экстагической, а реальной борьбы основателей монастырей с бесами. В процессе сакрализации нечистого пространства огромное значение имело воздвижение креста на месте аскетических подвигов, который знаменовал начало освящения и иноческого освоения данной территории [16, с. 37–39]. Эти примеры показывают, что постулируемая Н.М. Терехихиным парадигма сакрализации через преемственность «крест – часовня – храм» [19, с. 57–58] нередко сводилась к ее варианту: «крест – храм». Важность образа креста обусловила наличие житийных свидетельств о его воздвижении посреди профанного мира, которые, однако, не удается свести к агиографической топике в отличие от самого мотива борьбы с бесами [15, с. 528]. Также значима и постоянная молитвенная практика, включавшая прошения об очищении места от дьявольского влияния: как в келье перед иконой или перед крестом, так и у жертвенных предметов (Конь-камень).

Идея удаления отшельников в «нечистые» районы Русского Севера для поиска особой духовной брани, которая велась с помощью конкретных практик сакрализации окружающего пространства, находит подтверждение на агиографическом материале. Первые попытки сакрализации этих мест начались вскоре после смерти Василия Калики и с небольшими перерывами продолжались вплоть до прихода прпп. Савватия и Германа на Соловецкие острова.

1. *Гальковский Н.М.* Борьба Христианства с остатками язычества в древней Руси. Харьков, 1916. Т. 1.
2. *Гура А.В.* Ворон // Славянская мифология: энциклопедический словарь. М., 2002.
3. *Гуреев М.А.* Повседневная жизнь Соловков: от Обителя до СЛОНа. М., 2018.
4. Житие Арсения Коневского // БЛДР. СПб., 2005. Т. 13.
5. Житие Лазаря Муромского // История российской иерархии. СПб., 1813.
6. *Кочуркина С.И.* Корела и Русь. Л., 1986.
7. *Лаушкин А.В.* Преподобный Савватий и пятисотлетняя традиция соловецкого отшельничества // Соловецкое море. Историко-литературный альманах. Архангельск; М., 2009. Вып 8.
8. *Охотина-Линд Н.А.* Сказание о Валаамском монастыре. СПб., 1996.
9. *Петрухин В.Я.* Древняя Русь. Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1.
10. *Петрухин В.Я.* Конь // Славянская мифология: энциклопедический словарь. М., 2002.
11. *Пигин А.В.* Известия о новгородском архиепископе Василии Калике в Житии Лазаря Муромского // Древняя Русь: вопросы медиевистики. М., 2018. № 3.
12. Послание Василия Новгородского Феодору Тверскому о рае // БЛДР. СПб., 1999. Т. 6.
13. *Романова А.А.* Арсений Коневский / ПЭ. М., 2000. Т. 3.
14. *Романова А.А., Федотова М.А.* Ефрем Перекомский // ПЭ. М., 2009. Т. 19.

15. Руди Т.Р. Пустынножители Древней Руси (из истории агнографической топики) // Русская агнография. СПб., 2011. Т. 2.
16. Рыжова Е.А. Сюжетный мотив «поставление креста на месте основания монастыря» в агнографической традиции русского Севера // От Средневековья к Новому времени: сборник статей в честь Ольги Андреевны Белобровой. М., 2006.
17. Сказание о Валаамском монастыре // БЛДР. СПб., 2005. Т. 13.
18. Смолич И.К. Русское монашество. Возникновение, развитие и сущность (988–1917). М., 1999.
19. Терехин Н.М. Сакральная география Русского Севера. Архангельск, 1993.

Е.Л. Конявская¹

Завещание великой княгини Софьи Витовтовны (проблемы публикации акта с утратами)²

Древнерусские акты; Софья Витовтовна; завещание; утраты текста.

Завещание великой княгини Софьи Витовтовны дошло до нас со значительными утратами текста. Рассматривается возможность восполнения таких утрат. Предложены конъектуры при прочтении документа.

Завещание Софьи Витовтовны, вдовы великого князя Василия Дмитриевича, дошло до нас в подлиннике³, но текст его сохранился не полностью. Значительные утраты имеются по обоим краям листа (лист наклеен на плотную бумагу XVIII в.).

Первая утрата восстановлена в предыдущих публикациях:

[Во има Святых и Живоначалных Троицы, $\overline{\text{С}}$ ѡца и с(ы)на и С(ва)т(а)го Д(у)ха...

Текст в квадратных скобках восстановлен уже в писарской копии, что было без каких-либо пометок перенесено в издание текста в СГГД [5, № 83, с. 191–194]⁴. Оттуда конъектура была почерпнута в издании Л.В. Черепнина ДДГ [1, № 57, с. 176], но здесь публикаторы уже отметили реконструкцию. Конъектура корректна с учетом аналогий: именно так начинаются духовная грамота и приписная к ней сына Софьи – Василия Темного. В пределах 10 лет эта традиция закономерно должна была удерживаться в великокняжеской канцелярии. Позже такая формула инвокации встречается в завещаниях сыновей Василия – Андрея и Бориса и др. [2, с. 183]. Восстанавливаемые слова соответствуют длине утраченной части строки (80 мм) и примерному количеству букв в строке (примерно 30 букв), но поскольку такой текст встречается в завещании далее, нужно давать его

¹ Конявская Елена Леонидовна, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), Санкт-Петербургский государственный университет (РФ, Санкт-Петербург), д.ф.н., ekonyavskaya@gmail.com.

² Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 19–18–00247 «Двор русских княгинь в системе властных структур Древней Руси и Западной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени (XI – первая треть XVI в.)».

³ РГАДА. Ф. 135 (Древлехранилище). Отд. I. Рубр. I. № 20.

⁴ Не оговаривая, публикаторы добавили и символическую инвокацию (крест).

реконструкцию в той же форме (с учетом сокращений под титлами и выносных букв):

[Во има С(ва)тыа и Живоначныа Тро(и)ци, ѿ]ца и с(ы)на и С(ва)т(а)го Д(у)ха

Та же ситуация с восстановлением следующей утраты:

се аз, грѣш[наа и худаа раба Божіа Софѣа, пишу сию д(у)х(о)]вную грамоту

Предлагается опустить союз «и» между «грешная» и «худая», поскольку это будет больше соответствовать формуляру:

се аз, грѣш[наа худаа раба Божіа Софѣа, пишу сию д(у)х(о)]вную грамоту

Дальнейшие утраты восстанавливаются не столь уверенно. Могут быть предложены лишь те или иные гипотезы, которые далеко не всегда можно оформить как коньектуры:

А при[казываю]... [мое]му с(ы)ну, великому кн(а)зю Васил(ь)ю Васил(ь)евич(ю). А г(о)с(поди)нь мои, с(ы)нь мои, великїи кн(а)зь Василеи Василіевич, печа[луеть...]⁵

Первая утрата – начала 3-й строки составляет 75 мм (примерно 28–29 букв в строке). Вторая – начала 4-й строки – 106 мм (примерно 42 буквы в строке).

Аналогии духовных грамот князей и княгинь показывают, что в большинстве случаев речь здесь должна идти не о материальных феноменах. Как правило, князья «приказывали» своих детей своим княгиням, реже – старшему сыну. «Женских» завещаний сохранилось мало, и их аналогии тоже не дают нужной подсказки. Елена Ольгердовна, вдова Владимира Андреевича Серпуховского, в своей духовной (1433 г.) «приказывает» великому князю Василию Васильевичу и Софье Витовтовне печалование о ее снохах. К моменту составления духовной грамоты умерли и ее супруг, и все ее сыновья. Еще одно завещание – Юлиании, вдовы Бориса Васильевича Волоцкого (1503 г.), – подобных распоряжений вообще не содержит.

Могла ли Софья отдавать здесь распоряжение относительно попечения о внуках? Ее сын, их отец имел такую заботу как первостепенную обязанность. Сноха ее – великая княгиня Мария была женой здравствующего сына Софьи. Остается еще упоминаемая в завещании княгиня Евфросиния, по-видимому, вдова брата Василия Дмитриевича – Петра Дмитриевича. Тем не менее, было бы некоторой натяжкой считать, что первые строки духовной грамоты были посвящены только этой персоне. Возможно, были живы (но пребывали в монастырях) и другие родственницы вдовствующей княгини, о которых после преставления великой княгини должно печаловаться ее сыну. Могли в этой статье быть упомянуты и бояре.

Значительная утрата скрывает информацию о сакральных предметах, которые завещает Василию его мать:

[А бл(аго)с(ло)влѣю] своего с(ы)на, великого кн(а)зѣа, даю ему ѿ с(ва)ости ѧщик съ мѡщми, а в нем кр(е)сть въз[ъ]. [Ви]тѡвътъ.

⁵ В квадратных скобках – части слова, восстановленные Л.В. Черепниным.

Потеря текста в начале 5-й строки составляет 102 мм (около 40 букв в строке).

Понятно, что в этой статье перечисляются предметы «от святости», многие из которых Софья получила от своего отца Витовта. Из летописей известно, что в 1398 г. она с детьми ездила к Витовту в Смоленск и вернулась от отца с щедрыми дарами, получив «многы иконы, обложенныя златом и серебром, еще же часть Святых страстей Спасовых, иже давно принесены были в Смоленскъ от Царягорода» [4, с. 226]. С этими святынями, привезенными из Смоленска, связывает плохо сохранившийся текст завещания И.А. Стерлигова [6]. Учитывая эти соображения, а также формуляр и аналогии в тексте грамоты, можно предположить, что читалось:

[А бл(аго)с(ло)вляю] своего с(ы)на, великого кн(а)з(а), даю ему ѿ с(ва)тости ящикъ съ мѡщми, а в немъ кр(е)сть въ[двизальныи, чимъ ма бл(аго)сл(о)виль ѿ(е)ць мои великii кн(а)зь Ви]товтъ⁶.

Видимо, этот крест упоминает Василий Васильевич в своем завещании: «кр(е)сть золот, что ма бл(а)гословила моя мати, великаѧ | кн(а)г(и)ни»⁷, – им он наделяет сына Юрия.

В отношении следующей утраты (в начале 6-й строки – 102 мм, около 40 букв в строке) предположения могут быть гораздо менее определенными:

Да бл(аго)с(ло)вляю его, даю ему, чимъ ма бл(аго)с(ло)виль г(о)с(поди)нъ мои, мужъ мои, ѿ(е)ць его, вели[кii кн(а)зь Василии Дмитриевич]... по своей д(у)х(о)вной грамѡтѣ, и тѣ волости и села моему с(ы)ну, великому кн(а)зю, ѡпри[сно своего] при[купа], да ѡприс[но села Се]мчиньского и Кжели, въ чемъ есмь волна, по господара своего жалован(ь)ю, великого | княз(а) Васил(ь)а Дмитриевич(а).

Такого рода статья, казалось бы, вообще не нуждается в конкретизации: все, что завещал ей муж – завещается сыну. Эта норма предполагает владения вдовой княгиней завещанными территориями «до живота», затем они переходят к сыну / сыновьям. Исключением могут быть прикупы княгини и владения, которые особо оговорены в завещании супруга – в них она «вольна». А в данном случае о таких владениях речь идет, их упоминания и позволяют гипотетически ограничить владения, о которых говорилось в утраченном тексте. Видимо, это московские и коломенские территории, поскольку именно таковыми являются «опричные» сельцо Семчинское и Гжеля.

Из числа московских и коломенских можно выделить те, что не называются в дальнейшем тексте духовной Софьи (то есть не были завещаны ею другим лицам), но присутствуют в завещании Василия Дмитриевича (как завещанные княгине) и в последующих духовных – Василия Васильевича и его сыновей (как переданные им по завещанию матери / бабки). Из московских владений Софье Витовтовне Василий Дмитриевич завещал:

Митинъ починок со всѣм, что к нему пота[гло], да Семчинское село и з Самсоновъм лугом и со всѣм, какъ было за моею ма[терью], да селце Фе-

⁶ Благодарю В.В. Игошева за консультацию.

⁷ РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 21.

доровское Свиблoво на Лоуѡѡ и с мелницею, да Крилать|ское село, что было за Татаром⁸.

Из коломенских сел он передает:

Пѡсочну да Брашеву |з Селцем, з Гвоздною и с Иванем, да Оусть-Мерску, да Гжелю, и с путми, | и з селы з своими, что в тѣх волостех ни есть.

Правда, с коломенскими волостями дело осложняется тем, что в дальнейшем они окажутся среди владений Ивана Васильевича: их Василий Васильевич передает «из оудѣла с(ы)на своег(о) Иванова» «своеи кн(а)г(и)нѣ». Но так или иначе титулование князя и подробное перечисление волостей и сел не могут уместиться на 102 мм, поэтому здесь целесообразно предполагать некоторое обобщенное указание, например:

Да бл(аго)с(ло)вляю его, даю ему, чимъ ма бл(аго)с(ло)виль г(о) с(поди)нѣ мои, муж мои, ѿ(е)ць его, вели|[кии кн(а)зь Василеи Дмитриевичи из коломенских волостей и московских сел] по своей д(у)х(о)вной грамотѣ, и тѣ волости и села моему с(ы)ну, великому кн(а)зю, ѡпри|[сно своего] при[купа], да ѡприс[но селца Се]мчиньского и Кжели, въ чем есмь волна, по господара своего жалован(ь)ю, великого | кнз(а) Васил(ь)а Дмитриевич(а).

Последующие утраты не столь велики, но восстановление их оказывается не менее сложным:

А что есмь переже сего дала два свои села, Укуловское да Рѣпинское... | и тѣ ѡба села мои с(ы)ну же моему, великомѣ кн(а)зю Ва[силь]ю, в том воленъ ѡнѣ, за собою ли их держит, кого ли ими самъ пожалѣет.

За пропуском в конце 9-й строки может скрываться небольшое слово, отчасти оно видно, но буквы плохо различимы (одна из них «о», одна – выносная, возможно, последняя утрачена вместе с частью края бумаги). Попытка реконструкции этой утраты была предпринята М.А. Несиным, который предлагает конъектуру «ему», то есть сыну Василию. Вместе с тем, исследователь отметил возникающее в таком случае противоречие: указанные села фигурируют в приписной духовной грамоте Василия Васильевича как переданные Софьей Федору Басенку. Эти данные М.А. Несин предлагает проигнорировать, посчитав их ошибкой: «Причину этого противоречия и Василий Темный, и Басенок, и писавший грамоту дьяк Василий Беда, по-видимому, навек унесли в могилу». Ранее исследователь делает замечание, хотя и не развивает его: «Эти два села, которые княгиня дает сыну не просто в распоряжение, а в личное владение, она прежде передавала кому-то другому...» [3, с. 124]. Басенок в качестве «другого» им не рассматривается, поскольку его имя (равно как и прозвище) не может уместиться на столь малом пространстве. Представляется же целесообразным в утраченном слове видеть слово «кому» – в значении «если кому и давала...»:

А что есмь переже сего дала два свои села, Укуловское да Рѣпинское [кому], | и тѣ ѡба села мои с(ы)ну же моему, великомѣ кн(а)зю Ва[силь]ю, в том воленъ ѡнѣ, за собою ли их держит, кого ли ими самъ пожалѣет.

⁸ Там же. Ф. 135. Отд. I. Рубр. I. № 15.

Можно предложить реконструкцию небольшой утраты в 35-й строке (размером 21 мм, примерно 8–9 букв в строке) – в статье об остальных «святостях» (наиболее значимые сакральные предметы расписаны с подробностями и распределены ранее):

| [А что с]а ѿстанет которые с(вѣ)тости, ѿприсно того, кого есмь чимь бл(аго)с(ло)вила, ч(е)стные кр(е)сты и с(вѣ)тые иконы или мощи с(вѣ)т(ы)хъ |... въ болшемъ в дубовом и въ меншем ларчику, и въ шапку въ болшем, и въ корѡбьи, и ѡз всѣмъ тѣм бл(аго)с(ло)вила внѣка ж своего | ...

Можно предположить, что здесь читалось «чюдотворец». Следующая за этой статья будет посвящена не распределенному ранее – казне и личным вещам, и они будут завещаться любимому внуку Юрию⁹. Это делает возможным потерю текста в 36-й строке (42 мм, примерно 17 букв в строке) трактовать как завещание указанного ему же:

| [А что с]а ѿстанет которые с(вѣ)тости, ѿприсно того, кого есмь чимь бл(аго)с(ло)вила, ч(е)стные кр(е)сты и с(вѣ)тые иконы или мощи с(вѣ)т(ы)хъ | [чюдотворец] въ болшемъ в дубовом и въ меншем ларчику, и въ шапку въ болшем, и въ корѡбьи, и ѡз всѣмъ тѣм бл(аго)с(ло)вила внѣка ж своего | [кн(а)з]а Юрія].

Две утраты обнаруживаются в статье, где владения завещаются московскому Архангельскому собору и Вознесенскому монастырю. В последнем великая княгиня приняла пострижение и была погребена:

А на поминок д(у)ши своег(о) господаря, мѣжа своего, великого кн(а)зѣ, Васил(ь)ѣ Дмитріевич(а), и своее свекрови, великіе | [кнѣгини] Ѡвдот(ь)и, и по своей д(у)ши, и по д(у)ши с(ы)на своего, кнѣз(а) Ивана, даю великому архангилѣ Михаилѣ къ сборной ц(е)ркви |... село свое Баню, а къ с(вѣ)т(о)мѣ В(о)знесен(ь)ю въ монастырь даю село свое Дореньское, да внѣтри горѡда двор свои |...евьское мѣсто, что есмь взала оу Ивана оу Старкова.

В отношении кремлевского двора и имени «места» (55-я строка, утрачено 9 мм, 3–4 буквы в строке), предположения выдвигать затруднительно из-за недостатка информации. Там же, где речь идет о селе Бая (утрата 10 мм – 4–5 букв в строке), резонно ожидать пояснения – где оно находится, например: «в Горетов? село свое Баню»:

А на поминок д(у)ши своег(о) господаря, мѣжа своего, великого кн(а)зѣ, Васил(ь)ѣ Дмитріевич(а), и своее свекрови, великіе | [кнѣгини] Ѡвдот(ь)и, и по своей д(у)ши, и по д(у)ши с(ы)на своего, кнѣз(а) Ивана, даю великому архангилѣ Михаилѣ къ сбѡрной ц(е)ркви | [в Горетовѣ] село свое Баню, а къ с(вѣ)т(о)мѣ В(о)знесен(ь)ю въ монастырь даю село свое Дореньское, да внѣтри горѡда двор свои |...евьское мѣсто, что есмь взала оу Ивана оу Старкова.

⁹ Софья не перечисляет компоненты «казны» и «рухляди», видимо, считая безусловно приоритетными сакральные ценности. Но об одном предмете из этой части завещанного Юрию (что осталось от «казны или какіе рухляди моее клѣтны») можно узнать уже из его духовной: он оставляет сестре, великой рязанской княгине Анне «манисто, чѣм мѣ бл(аго)с(ло)вила баба моя великаа кн(а)г(и)ни Соѡѡ(ь)ѣ» [1, № 68, с. 222].

Наконец, пропуск в одно слово имеется в одной из последних статей (конец 67-й строки, утрата 9 мм, 3–4 буквы в строке), регламентирующих взывание долгов с серебряников:

[А кото]рьи будеть издѣлныи серебряникъ изможенъ в животѣ а не охѣдѣль, взможет заплатити и все серебро, и на том с(ы)нѣ мои, | [вели] кии княз(ь), велит все издѣльное серебро взати, то ѣчинит с(ы)нѣ мои великий княз(ь) и своег(о) ради сп(а)с(е)нiа, а и за мою д(у)шю по обыску без...

В утраченном слове в качестве предпоследней смутно видна широкая буква – «м» или «д». Аналогий подобных выражений в актах не обнаруживается, но по смыслу и размеру слова целесообразно предположить, что это слово «обида»:

[А кото]рьи будеть издѣлныи серебряникъ изможенъ в животѣ а не охѣдѣль, взможет заплатити и все серебро, и на том с(ы)нѣ мои, | [вели] кии княз(ь), велит все издѣльное серебро взати, то ѣчинит с(ы)нѣ мои великий княз(ь) и своег(о) ради сп(а)с(е)нiа, а и за мою д(у)шю по обыску без [обида].

Таким образом, лишь применение комплекса методик позволяет приблизиться к восстановлению актового текста со значительными утратами.

1. ДДГ.
2. *Капитанов С.М.* Русская дипломатика. М., 1988.
3. *Несин М.А.* Воевода Федор Васильевич Басенок // История военного дела: исследования и источники. 2015. Т. VII. [Электронный ресурс] (www.reenactor.ru/ARH/PDF/Nesin_04.pdf. Дата обращения 03.06.2018).
4. ПСРЛ. Т. 25.
5. СГГД. М., 1813. Т. 1.
6. *Стерлигова И.А.* Москва как ковчег [Электронный ресурс] (www.ng.ru/specfile/2000-06-15/1_kovcheg.html. Дата обращения: 02.06.2018).

А.А. Калашникова¹

Древнейшие русские судебные документы: к вопросу о формировании письменного делопроизводства

Правая грамота; земельный суд.

Древнейшие бумажные судебные документы сохранились от первой четверти XV в. В статье проанализировано, когда именно начала складываться письменная традиция судопроизводства и что этому предшествовало.

Древнейшая сохранившаяся до наших дней в подлиннике правая грамота на бумаге, т. е. протокол судебного разбирательства, датируется 1416–1417 гг. [6, с. 53–54.]. Это земельный спор между Чудовым монастырем и городчанами Паршей и др. о Городецких лугах и деревнях, разбираемый великим князем Василием Дмитриевичем. Самые ранние дошедшие до нас судебные документы уже имеют устоявшийся формуляр,

¹ Калашникова Ангелина Анатольевна, Санкт-Петербургский институт истории РАН (РФ, Санкт-Петербург), aastafieva@eu.spb.ru.

проследить пути заимствования которого пока не удастся. Фиксировались ли до 1416 г. судебные разбирательства на бумаге или каком-то другом носителе, когда начинает складываться письменная традиция судопроизводства?

От XV — первой половины XVI в. сохранилось около трехсот упоминаний о судебных разбирательствах². Абсолютное большинство этих судов было земельными спорами. Всего за полтора столетия известно только 18 дел, которые нельзя отнести к категории земельных: 6 холопских дел [6, с. 380–381; 3, с. 200–203, 203–207, 287–288; 4, № 457], 3 дела о кражах [16, с. 201–204; 13, с. 409–414; 4, № 154], 3 дела о поджоге [7, с. 194–197; 16, с. 109–111; 6, с. 402–405], три дела об убийстве и грабеже [2, с. 47–52; 15, с. 771–793; 6, с. 402–405], одно дело о разгроме монастырской мельницы [2, с. 92–110], одно — о невозврате долга [5, № 220] и одно — о клевете [5, № 502]. Все вышеупомянутые 18 дел так или иначе связаны с нарушением прав собственности. Таким образом, судебные разбирательства, фиксировавшиеся на бумаге, — это почти исключительно земельные споры. От вотчинного и монастырского суда, от суда волостелей и наместников до нас не дошло почти никаких письменных документов. Можно предположить, что либо процедура неземельного суда была преимущественно устной, либо весь массив судебных документов такого рода по каким-то причинам не сохранился.

Законодательные памятники, такие как псковская и новгородская судные грамоты, двинская уставная грамота, упоминают различные виды судебной документации и пошлины за ее составление [11, с. 144–146]. Однако существует зазор между законодательными нормами и их отражением в судебных актах. Правоприменительная практика, какой исследователи видят ее через призму правых грамот и судных списков, зачастую противоречит постановлениям судебных и уставных грамот, а многочисленные судебные акты, упоминаемые в законодательстве (например, позовницы, отсылки и полевые грамоты), не сохранились до наших дней.

Новгородская письменная традиция значительно старше московской. В новгородских берестяных грамотах, преимущественно в частной переписке, мы встречаем упоминания о судебных спорах, начиная с XI в. (грамоты XI в. № 247; XII в. № 804, 603, 502, 237; XIII в. № 112, 510; XIV в. № 289). В берестяных грамотах также встречаются названия типов судебных документов: в грамотах № 137 начала XIV в., № 366 1360–1380 гг. и № 251 1380–1400 гг. упоминаются бессудные грамоты [12, с. 565, 639]. Самая ранняя бессудная грамота Белозерского князя Михаила Андреевича сохранилась в подлиннике (РГАДА Ф. 281. № 723) и была составлена между 1455–1471 гг. Таким образом, новгородские берестяные грамоты упоминают бессудные грамоты на полтора столетия раньше первого сохранившегося источника этого типа. Однако что именно понималось в

² Все эти упоминания были сведены нами в единую базу данных. Туда входят сохранившиеся в подлинниках и списках правые грамоты, докладные правые грамоты, бессудные правые грамоты и судные списки, а также упоминания о судебных документах, содержащиеся в архивных описях, и включенные акты.

Новгороде под бессудными грамотами, насколько отличался их формуляр от московского, неизвестно.

Единственная сохранившаяся новгородская берестяная грамота, которую с уверенностью можно назвать судебным протоколом, – это грамота № 154 1420–1430 гг. [12, с. 672–673]. Это спор некого Филиппа с Иваном Стойком о денежном долге. По формуляру эта грамота не имеет ничего общего с правыми грамотами XV в. До нас дошли также две новгородских грамоты на пергамене с вислыми свинцовыми печатями, которые в историографии принято называть правыми. Первая из них 1380-х гг. хранится в отделе рукописей РНБ³ и издана А.А. Шахматовым [19, с. 108], вторая, первой четверти XV в., из собрания РГБ была опубликована в ГВНП [11, с. 148–149]. Эти грамоты, ни по форме, ни по содержанию нельзя классифицировать как правые грамоты.

Можно предположить, что на территории Новгорода судопроизводство велось иначе, чем в других русских княжествах. Новгородская письменная традиция судебного делопроизводства была значительно старше московской; судебное решение здесь излагалось иначе, чем в московских и всех прочих правых грамотах, использовались другие формулы, грамота оформлялась и заверялась иначе, хотя ее самоназвание в некоторых случаях могло совпадать с московскими грамотами.

Т.В. Гимон считает древнейшими сохранившимися судебными документами две записи XIII в. о судебных разбирательствах на стене церкви св. Пантелеймона в Галиче [8, с. 25]. И Т.В. Гимон, и А.А. Гиппиус считают эти надписи на стенах собора судебными актами [9, с. 57]. Акт в классической его трактовке – это документ, фиксирующий сделку [13, с. 5–10], но документ и надпись являются совершенно разными типами письма. С. Франклин выделяют три разряда письменности: первый включает в себя предметы, созданные специально для того, чтобы на них писать (рукописи и грамоты); второй состоит из предметов, созданных вместе с письменным сообщением, но не обязательно для этого сообщения (печати, монеты, амулеты, медальоны, иконы и фрески); наконец, предметы, на которых находится письменность третьего разряда, не были специально изготовлены для того, чтобы на них писать (граффити) [17, с. 52–131]. Таким образом, судебный акт и граффити – это первый и третий разряды письменности. Надпись на стене собора о судебном споре едва ли можно считать судебным актом, кроме того по своей форме упомянутые надписи не имеют ничего общего с формуляром ранних судебных документов.

Еще одним ранним упоминанием судебных актов является маргиналия в Апостоле 1389–1406 гг.⁴ На полях рукописи тем же почерком, что и основной текст, но более светлыми чернилами, помещена надпись: «Си суд судил архимандрит Серапион, тягался Куземька с Дитроком, тако рек Куземь...» [21, с. 176–177]. А.Д. Горский полагал, что это автобиографическая проба пера, то есть писец Куземка готовит руку к письму, излагая суть судебного дела, в котором принимал участие [10, с. 33]. Что представ-

³ ОР РНБ. ОСАГ. № 1.

⁴ ГИМ. Хлуд. 37. Л. 69а.

ляла собой эта надпись – пробу пера, незаконченное судебное дело (но почему тогда на полях пергаменной рукописи?) – пока не совсем понятно.

Наиболее близкой к ранним судебным документам является московская берестяная грамота № 1 1410–1420 гг. Это фрагмент документа длиной 170 мм и шириной 29–21,5 мм. В отличие от новгородских, московская грамота написана поперек прожилки бересты, поэтому перед нами не связный текст, а отдельные отрывки. С.З. Чернов интерпретирует первую строку грамоты как «суд суд(и)л» [18, с. 142]. Над вторым словом отчетливо видна выносная «л» вместо «д». С.З. Чернов полагает, что писец случайно описался, автоматически поставив привычное «л», поскольку в бумажных грамотах обычно в слове «судил» выносилась «л». Он также считал, что кусок грамоты слева был утрачен и там могло помещаться «си». Таким образом, реконструируется начальная формула правых грамот «си суд судил».

Эта формула не была единственным способом начать правую грамоту. Всего известно только три документа, сохранившихся в подлиннике, которые открываются этой формулой и в них действительно используется выносное «л» под титлом, которого нет в берестяной грамоте⁵. Еще три грамоты открываются этой же формулой, но во множественном числе («си суд судили») и тогда «л» не выносится⁶. Значительно чаще грамоты начинаются с формулы «По великого князя слову / грамоте *имярек* всея Руси си суд судил», которая также может варьироваться. Нам удалось посмотреть 31 судебный документ в подлиннике. Из них 13 содержат формулу «си суд судил» с выносной «л»⁷, а в 10 случаях «л» не выносится⁸, в оставшихся 8 используется другая начальная формула (типа «се бил челом» или «став на земле») или утрачено начало грамоты. Таким образом, формула «си суд судил» не являлась обязательной для всех судебных документов, а ее написание варьировалось, поэтому едва ли писец настолько привык к ней, что автоматически описался, составляя берестяную грамоту.

С.З. Чернов обратил внимание, что московская берестяная грамота № 1 покрыта углублениями, оставленными тупым предметом. Всего на грамоте их 88 штук [18, с. 145]. На основании этого исследователь приходит к выводу, что грамота не была черновиком. С.З. Чернов предполагает, что эта грамота или была украдена у выигравшей дело стороны, или была выдана проигравшей стороне, а затем варварски уничтожена. То есть прежде, чем грамоту разрезали на узкие полоски, по ней били тупым предметом, вымещая на ней негодование по поводу судебного разбирательства, в ней записанного. Данная гипотеза не кажется нам убедительной. Углубления могли появиться на грамоте и по другим причинам. Зато предположение, что на бересте мог записываться черновик судебного протоко-

⁵ РГАДА. Ф. 281. № 721, 4091, 8725.

⁶ Там же. № 779, 1788, 8737.

⁷ Там же. № 751, 721, 753, 796, 1141, 4091, 4677, 8725, 9679, 14 751, 14 753, 15 152; ОР РНБ. Ф. 531. № 81.

⁸ РГАДА. Ф. 281. № 719, 720, 734, 754, 755, 779, 1788, 8737, 11 820; Архив СПБНИИ РАН. Ф. 12. Оп. 1. № 555.

ла, выглядит очень заманчивым. Сохранившиеся до наших дней правые грамоты нередко детально фиксируют судебную процедуру, включают в себя показания свидетелей и копии документов, представленных в качестве доказательств. Ответить на вопрос, когда именно составлялись эти документы – в процессе судебного разбирательства или после него, а также пользовался ли писец при составлении черновыми записями или нет, было чрезвычайно сложно. Однако московская берестяная грамота № 1 дает больше оснований предположить, что писцы пользовались черновыми записями.

Итак, письменная традиция делопроизводства в земельном суде в Московском государстве складывается только к XV в. Формуляры правых грамот и судных списков, сохранившихся от этого времени, не находят аналогов в более древней Новгородской традиции. Отрывочные данные законодательных источников и эпиграфики позволяют предположить, что судебный процесс мог записываться и до XV в., однако, никаких судебных документов, напоминающих правые грамоты и судные списки, от этого времени не сохранилось.

1. *Алексеев Ю. Г.* Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., 2001.
2. Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Киев, 1860. Т. 1.
3. АСЗ. М., 1997. Т. 1.
4. АСЗ. М., 2002. Т. 3.
5. АСЗ. М., 2008. Т. 4.
6. АСЭИ. М., 1964. Т. 3.
7. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. М., 1951. Ч. 1.
8. *Гимон Т.В.* Древнерусские судебные документы XIII–XIV вв. // Письмо и повседневность. М., 2016. Вып. 3.
9. *Гиттус А.А.* Галицкие акты XIII в. из церкви св. Пантелеймона // Письменность Галицко-Волынского княжества: историко-филологические исследования. Olotouc, 2016.
10. *Горский А.Д.* О вотчинном суде на Руси в XIV–XV вв. // Россия на путях централизации. М., 1982.
11. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
12. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
13. *Капитанов С.М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970.
14. *Петров К.В.* Значение «закона» в средневековом русском праве XVI–XVII вв. // Cahiers du monde russe. 2005 № 1–2.
15. РИБ. СПб, 1875. Т. 2.
16. РИБ. Пг., 1915. Т. 32.
17. *Франклин С.* Письменность, общество и культура в Древней Руси. СПб., 2010.
18. *Чернов С.З.* Московская берестяная грамота № 1 – первый акт Московской Руси на бересте // Российская археология. 1997. № 2.
19. *Шахматов А.А.* Исследование о двинских грамотах XV века. СПб., 1903. Ч. 2.
20. *Штамм С.И.* Комментарий к Судебнику 1497 года // Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 2.
21. *Щепкина М.В., Протасьева Т.Н., Костюхина Л.М., Гольищенко В.С.* Описание пергаментных рукописей Государственного исторического музея. Ч. 1. Русские рукописи // АЕ за 1964 год. М., 1965.

К реконструкции текста древнерусской вассальной присяги

Вассалитет; вассальная присяга; служебные отношения.

Воспроизводится текст вассальной присяги середины XV в. Показывается использование ее основных статей и речевых формул на протяжении столетий, что демонстрирует раннюю формализацию вассальных отношений и их стабильность в течении всего времени бытования.

Принесение кандидатом в вассалы присяги предполагаемому сюзерену как обязательный исходный момент установления сюзеренитета-вассалитета (в отечественной терминологии – служебных отношений) было регулярной нормой средневекового права. Для владетельных князей выработалась практика сопровождать присягу оформлением письменного договора. С нетитулованными вассалами, по-видимому, применялась только обрядовая форма присяги, включавшая церемониальные действия и вербальную часть.

Задачей данной работы являлась реконструкция словесной составляющей присяги. Единственное воспроизведение ее текста принадлежит С.Б. Веселовскому. Поступавший «за себя и за своих детей давал клятву князю и его детям в верной службе, в том, что он с детьми всегда и во всем будут «хотеть добра» князю и его детям, по совести, без утайки сообщать своему государю о всяком «лихе и добре», касающемся князя, повиноваться ему безо всякого ослушания, не нарушать клятвы и «не отъехать» ни к кому и никуда» [2, с. 466]². Историк использовал формуляр «Грамоты жаловальной князя великого к его боярам о их вине», воспроизводящий текст «укрепленных» грамот – актов, с середины XV в. оформлявших прощение изменников и «укрепление» их присягой с документированием процедуры, чего, видимо, по-прежнему не делалось при традиционном оформлении поступления в службу [3].

Очевидно, что грамота в «укрепляющей» части содержит сложившийся к середине XV в. текст присяги. Это позволяет не только его пересказать, что уже сделано С.Б. Веселовским, но и с высокой степенью точности восстановить ее полный текст. Из грамоты легко выделяется добавленная часть, связанная с фиксацией прощения служилому человеку вины. Небольшая корректировка остального текста позволяет получить исходную основу. Так как неизвестно, когда служилые люди стали присягать от имени своих детей, принимая обязательства и перед потомками сюзерена, в приводимом далее тексте упоминание о детях обоих изъято, хотя, вероятнее, то и другое в присяге середины XV в. присутствовало, отражая трансформацию вассалитета в подданство. В московских княжеских договорах упоминание о детях вассала и сюзерена встречается с первой половины 1370-х гг. [4, № 7], но следует все-таки учитывать, что в отличие от вольных слуг отъезд членов династии и не предполагался.

¹ Пономарева Ирина Гавриловна, Московский государственный лингвистический университет (РФ, Москва), к.и.н., vasilii_ii@mail.ru.

² С.Б. Веселовский относит текст к первой половине XV в.

В приводимой далее реконструкции в соответствии с формуляром сохранено обращение к господину (в данном случае – великому князю) и как к «оспадарю» / «государю», что в оригинале соотносено с политико-идеологическим контекстом того времени.

1. *Се аз, имярек, что есмь бью челом своему господину и осподарю, великому князю имярек, иметь мне, имерек, тебя господином.*

В укрепленной грамоте: «Се аз, имярек, что есмь бил челом своему господину и осподарю, великому князю имярек, за свою вину».

2. *А служить мне, имерек, тебе, князю великому имярек, до живота.*

3. *А добра мне тебе хотети везде во всем. А лиха своему государю, великому князю, мне, имярек, не мыслити, ни хотети никакова. А аз, имерек, что иму думати и починати, или явится что, которое лихо мое перед нашим государем, перед великим князем имерек, ино не буди на мне милости Божие ни в сий век, ни в будущий.*

В укрепленной грамоте число заступников, чьей милости лишался изменник, расширено: «...и Его Богоматери, и святых чудотворцев, Петра митрополита и Леонтия епископа ростовского, и всех святых». Ранее их упоминаний, судя по княжеским договорам, не было. В реконструкции представлен более «традиционный» вариант.

4. *А государь мои, князь велики, над мною по моеи вине в казни волен. А по грехом по нашим какова придет на меня от кого объмолва государю нашему, великому князю имерек, и государю нашему, великому князю, без суда и без исправы не учинити мне ничего.*

5. *А на сем на всем яз, имерек, осподарю своему, великому князю имерек, целовал есмь честный и животворящий крест.*

В формуляре акцентирован «укрепляющий» характер акции: «А крепости деля яз, имерек, и с своими детьми осподарю своему, великому князю имерек, и его детям целовали есмь честный и животворящий крест, и дали есмь на себя сю свою грамоту».

Воспроизведенный вариант середины XV в. в общих чертах дает представление о содержании и ранних присяг (включая княжеские), так как на протяжении столетий присутствующие в нем статьи и формулы встречаются в дошедших договорах московских династий XIV–XV вв., присягах (не вассальных) XVII в. и раннем летописании, передающем фрагменты речей из присяг князей и дружинников.

1 статья. Фраза обозначала статус сторон. Присутствовала и в княжеских присягах. Так, обращаясь к Вячеславу Владимировичу, его племянник Ростислав-Михаил Мстиславич произносит: «отче, имею тя отцомь-господиномъ»³ (6662/1154 г.) [8, Стб. 471]. Аналогичный текст с признанием великого князя «отцом» (термин обозначавший старшинство, перешедший из родовой иерархии в служебную) встречается в договорах московских князей, где младший князь, адресуясь к сюзерену, обязуется его чтить / иметь в отцово место [4, № 2, 5 и др.].

2 статья. Формула «служить до своего живота», выражающая высшую степень преданности, соотносится с выявленными П.С. Стефанови-

³ Здесь и везде дается современная орфография, знаки препинания – авторские.

чем выражениями, бывшими в ходу в служилой среде с глубокой древности: «сложить голову», «служить животом»⁴.

Статья могла иметь продолжение: «*А служить мне, имерек, тебе, князю великому имярек, до живота, где пошлешь и без ослушанья*». Подобное есть в московских княжеских договорах («А тебе, брату моему молодшему мне служити без ослушанья...» [4, № 24 и др.] и в присяге бояр, окольничих и других чинов людей царю Михаилу Федоровичу, его жене и будущим детям 1626 г. («А где велит государь быти на своей государеве службе, и мне, будучи на его государеве службе, ему, государю, служити») [4, № 5, с. 21; 1, № 198, с. 217].

3 статья. Древние истоки и длительное бытование имела статья о «добре» и «лихе». Доброжелательность в помыслах и действиях по отношению к господину – исконная обязанность вассала. Когда в 6658/1150 г. князья Вячеслав Владимирович и Изяслав Давыдович оформили сюзеренитет-вассалитет (целовали крест на том, чтобы иметь друг друга отцом и сыном), «на томъ же и моужи целоваша хрестъ, ако межѣ има *добра хотети*». В 6685/1177 г., недовольные мягкостью Всеволода к побежденным противникам, владимирские бояре и купцы, требуя расправы, упрекали его: «княже мы тебе *добра хотимъ* и за тя головы свое складываемъ [7, стб. 385; 8, стб. 399, см. также стб. 542–543]. В договорах московских династий – соответствующая статья: «*А добра... хотети везде во всем. А лиха... не мыслити никакова*»; сообщать о ставшими известными «добре и лихе» [4, № 5, с. 20; № 7, с. 23 и др.]. Аналогичные обороты содержат присяги царице Марии Григорьевне, царю Феодору Борисовичу, царевне Ксении Борисовне 1605 г. и царю Михаилу Федоровичу, его жене, будущим детям 1626 г. «...*Хотети мне... добра во всемъ* въ правду, безо всякия хитрости; а лиха мне... не хотети ни в чемъ никакого, ни мыслити, ни делати...» «...*Служити... и прямиити и добра хотети во всем* в правду, безо всякия хитрости... *и никакова лиха... не мыслити*» [9, № 85, с. 191; 1, № 198, с. 217].

4 статья определяет порядок наказания за нарушение присяги, признавая древнее право вассала на суд, подразумевавшее расследование с возможностью оправдаться. Право «на исправу» присутствует, например, в древнейшей договорной грамоте московских династий середины XIV в. [4, № 2, с. 11]. Об институте княжеского суда на материалах XII–XIII в. подробно писал В.Т. Пашуто [5, с. 69–73].

5 статья фиксирует клятву во исполнение с целованием креста в знак нерушимости присяги.

⁴ Сам П.С. Стефанович отрицает связь формул с вассалитетом, полагая, что они «не скрепляли отношений между князем и боярами или «мужами» с формально-правовой стороны». Только с конца XIII в., когда их произнесение сопровождалось крестоцелованием, можно «в каком-то смысле» говорить о клятве верности, хотя это не были «договоры о службе», а лишь «укрепления» в верности «на случай», перед каким-то важным мероприятием, а в XIV в. этот принцип отступает на второй план перед идеей преданности (службы) князю и его детям [3, с. 175–182, 267–269].

Сходство присяг разностатусных лиц показывает системный и формализованный характер служебных отношений (по типу вассальных) на Руси.

1. Акты Московского государства. М., 1890. Т. I.
2. *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
3. *Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С.* Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. М., 2008.
4. ДДГ. М.; Л., 1950.
5. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
6. *Пономарева И.Г.* О происхождении московских «укрепленных» грамот // АЕ за 2012 год. М., 2016.
7. ПСРЛ. Т. 1. М., 1997.
8. ПСРЛ. Т. 2. М., 1998.
9. СГГД. М., 1819. Ч. 2.

А.Е. Тарасов¹

Эсхатологический контекст московской версии похода Ивана III на Новгород в 1471 году

Книга Толковых пророков; книга пророка Иезекииля; Паремийник; Откровение Мефодия Патарского; Иисус Навин.

В работе делается попытка проанализировать эсхатологическое содержание ряда свидетельств и библейских аллюзий создателя московской летописной повести о подготовке и проведении Иваном III первого военного похода на Новгород. Сделан вывод об обращении автора повести к книге Толковых пророков.

Так называемая «Московская повесть о походе Ивана III на Новгород», восходящая к великокняжескому летописанию 1470-х гг.², содержит любопытное свидетельство о поведении воинов великого князя Ивана III в отношении новгородцев, плененных в битве под Коростынью в 1471 г. Согласно повести, московские ратники заставили новгородцев совершить членовредительство, а их снаряжение было утоплено или сожжено: «...Тѣмъ же изнаймаемым самимъ межѣ себе повелѣша носы, и губы, и уши рѣзати, и отпуцати их назад к Новгороду, а доспѣхи их, снимающе, в воду метяху, а ини огню предаша, не бяху бо имъ требѣ, но своими доспѣхи всѣ доволни бяху» [9, с. 298]. В историографии предпринимались попытки объяснить данное свидетельство как через призму библейских аллюзий книжника, так и в рациональном ключе. В новейшей статье Е.Д. Подвальнова был проведен обзор существующих точек зрения. Сам автор склоняется к тому, что летописное свидетельство необходимо интерпретировать в его

¹ Тарасов Аркадий Евгеньевич, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., varzuga@gmail.com.

² Это название летописной повести, видимо, было предложено Я.С. Лурье. Мной используется публикация повести из Музейного сборника (Музейного летописца) в БЛДР. В комментарии к публикации Я.С. Лурье указал, что в Музейном сборнике читается наиболее ранний текст повести. Однако есть основания считать, что данный текст представляет компиляцию, восходящую к двум московским великокняжеским летописным сводам: начала 1470-х гг. и 1479 г. [13, с. 131, прим. 1].

символическом значении, применяя «центонно-парафразный метод» [13, с. 136]. Важно наблюдение Е.Д. Подвальнова о возможной аллюзии московского автора на 9 и 10 стихи 39-й главы книги пророка Иезекииля, в которых Иезекииль предвидит будущее торжество Израиля, когда он сожжет вражеское оружие и доспехи³. Это наблюдение удачно дополняет уже высказывавшееся исследователями предположение о влиянии 23-й главы той же книги на сюжет о наказании новгородцев посредством членовредительства⁴. Тем не менее, до сих пор не делалось попыток установить, какой именно вариант книги пророка Иезекииля был использован автором «Московской повести».

В славянской традиции до появления Геннадиевской Библии⁵ данная книга была известна в двух переводах – в составе Паремийника, сборника выдержек из Ветхого Завета, и книги Толковых пророков, сборника в составе всех 16 ветхозаветных пророческих книг, большая часть которых сопровождается толкованиями [1, с. 163–164]. Перевод Паремийника содержал всего пять чтений из книги пророка Иезекииля [14, с. 198], ни одно из них не относится к стихам 23 или 39 главы⁶. Таким образом, Паремийник не мог быть источником аллюзии книжника. В книге Толковых Пророков чтения из 23 и 39 глав представлены. Видимо, на нее и опирался создатель «Московской повести». По мнению В.В. Калугина, книга Толковых Пророков после длительного периода забвения на Руси была обнаружена в 1470–1480-е гг. в Новгороде: «Начиная с этого времени и до конца XV в. появилось более двадцати известных ныне русских списков памятника» [6, с. 98].

Однако несомненно – свидетельство о наказании новгородцев и уничтожении их доспехов входило уже в состав московского великокняжеского свода начала 70-х гг. XV в., создание которого может быть отнесено к 1472 г. [9, с. 522, комм. Я.С. Лурье]. М.А. Несин показал, что существуют определенные трудности с реконструкцией первоначального чтения этого свидетельства [13, с. 131–132, прим. 1–3]. Но ключевые фразы о членовредительстве и утоплении / сжигании доспехов там были, они читаются во всех летописях, восходящих к своду 1472 г. Поэтому если предположение об использовании автором «Московской повести» пророчеств Иезекииля верно, можно сделать следующий вывод. Либо книга Толковых пророков была обретаена в Новгороде не позднее самого начала

³ «И изыдут живущии во граех Израилевых, и пожгут оружие, и щиты и копия, и луки и стрелы, и железы ручныя и сулицы, и раждегут ими огонь семь лет: и не возмут древес с поля, ни изсекуть от дубравы, но оружием раждегут огонь, и пленят пленившия их и расхитят расхитивших я, глаголет Адонай Господь (Иез. 39: 9–10).

⁴ «И дам рвение мое в тебе, и сотворят с тобою гнев ярости моя, ноздри твоя и уши твои обрежут, и оставших твоих мечем изсекут: тии сынов твоих и дочерей твоих возмут, и оставших твоих потребить огонь» (Иез. 23: 25).

⁵ Наиболее ранний сохранившийся полностью список Геннадиевской Библии датирован 1499 г.

⁶ Иез. 1: 1–2: 1; 2: 3–3: 3; 36: 24–28; 37: 1–14; 43: 27–44: 4. Выражаю признательность В.В. Калугину, который указал мне состав чтений из книги пророка Иезекииля в Паремийнике.

70-х гг. XV в. и попала в Москву до завершения работы над великокняжеским сводом (например, в связи с новгородским походом Ивана III 1471 г.), либо в Москве в начале 1470-х гг. был известен другой ее список (списки?). Возможно, именно с этой, московской, традицией связан экземпляр книги Толковых пророков из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря⁷. В настоящее время исследователи склоняются к тому, что данная рукопись была создана в 1470-е или 1480-е гг. непосредственно в Москве, здесь же около 1489 г. отредактирована и поступила в обитель преподобного Кирилла в самом конце XV в. [7, с. 36–52; 11, с. 256–264; 17, с. 275–280].

Повышенный интерес к книге Толковых пророков на Руси в конце XV в. объясняется в историографии как распространением ереси жидовствующих и необходимостью борьбы с ней, так и ожиданием конца времен в связи с наступлением 7000 г. от сотворения мира. Читающиеся в книге пророчества Иезекииля, Исаяи, Захарии и Иеремии «преимущественно посвящены предсказаниям пришествия Спасителя, описаниям Страшного суда, мучений грешников» [5, с. 401–402], соответственно они несли очевидную эсхатологическую нагрузку и могли быть особенно востребованы в период обостренных предчувствий грядущего светопреставления. Е.Д. Подвальнов допустил, что наличие в «Московской повести» аллюзий на книгу пророка Иезекииля позволяет «рассматривать противостояние Новгорода и Москвы как противостояние Гога и Магога с Израилем. Москва, будучи Израилем, сокрушает с божьей помощью воинства новгородцев как олицетворение Гога и Магога» [13, с. 138]. Исследователь сделал предположение, исходя из самого факта пророчества Иезекииля о народе Магог и его предводителе Гоге. Но гораздо важнее, что сожженное Израилем вражеское оружие и доспехи, упоминаемые в 9 и 10 стихах 39 главы книги пророка Иезекииля, принадлежало именно Гогу и Магогу! Более того, это подчеркивается и в толковании данного места в книге Толковых пророков: «О семь дне многаци проповѣдахъ, симь днемь наричеть врѣмя Гогова мучения, потом же сказает, яко весь Израиль въ дрѣва мѣсто оружие онѣхъ възмутъ <...> и не будутъ имь трѣбѣ до 7 лѣтъ дрѣва...»⁸. Таким образом, предполагаемая аллюзия московского автора на 9 и 10 стихи 39-й главы книги пророка Иезекииля раскрывается еще глубже и непосредственно в эсхатологическом значении.

Эсхатологические намеки содержатся также в других местах «Московской повести». Исследователи обращали внимание и на указание ее создателя, что события происходят в «последнее время, за 20 лѣтъ до скончания седмыя тысящи», и на день выступления Ивана III в поход на Новгород «мѣсяца иуния въ 20, в четверток, на память святого отца Мефодья епископа Паторомска» [9, с. 294, 296; 10, с. 283–284; 12, с. 219; 16]. С первым сюжетом все предельно понятно, второй требует уточнения в связи с календарно-хронологической культурой Средневековья.

⁷ ОР РНБ. Кир.-Бел. № 9/134.

⁸ ОР РГБ. Ф. 173.1 (собр. МДА). № 19. Л. 252 об. Книга Толковых пророков конца XV века.

Авторству священномученика Мефодия Патарского в Византии, а затем и в странах «Византийского содружества наций» приписывалось знаменитое «Откровение», которое было одним из ключевых апокрифических текстов, способствовавших распространению на Руси представлений о конце света как до наступления 7000 г. от сотворения мира, так и после [2, с. 63–64; 15]. О важности для создателя «Московской повести» календарной памяти Мефодия Патарского свидетельствует описание им выхода из Москвы великокняжеского войска, которое покидало столицу несколькими отрядами в разные дни. До выступления Ивана III 20 июня рати провожали трижды, но ни одно выступление не сопровождается указанием автора на церковный праздник или память святого, книжник сообщает лишь число и день недели: пятница 31 мая, четверг 6 и четверг 13 июня. Известно, что выбор дня начала военного похода в Средневековье зависел не только от стратегических и тактических задач, но и зачастую определялся церковным календарем и даже днем недели. В эпоху Василия III и Ивана Грозного часто это были дни памяти покровителей воинского дела, почитаемых московским княжеским домом святых, большие церковные праздники, причем популярным днем начало похода являлся как раз четверг (при Василии III к четвергу было приурочено 40 % выходов, о точной дате которых сохранились сведения) [3, с. 34–35]. Особое внимание уделял четвергам и Иван III, многие его начинания приходились на «четверток» [3, с. 351]. Нет оснований видеть в свидетельстве «Московской повести» литературный конструкт, ее автор отразил реалии подготовки новгородского похода, когда выход из Москвы великого князя должен был символически засвидетельствовать глубинный смысл всего мероприятия. Видимо, и день недели, и число подбирались целенаправленно. Приуроченное к памяти Мефодия Патарского выступление связывалось с апокалиптическим содержанием событий.

Наконец, отмеченное С.С. Пашиным и В.А. Александровой влияние книги Иисуса Навина на текст повести, причины привлечения которой книжником они затруднились объяснить [12, с. 220], также можно рассматривать в эсхатологическом ключе. Иисус Навин не только благочестивый воитель, через которого осуществляется промысел Господень об Израиле, но и прообраз Иисуса Христа, пришествие которого ожидалось современниками новгородского похода в обозримом будущем. Явное эсхатологическое понимание деятельности Иисуса Навина было характерно для Ивана Грозного [8, с. 203, 208]. Образ Иисуса Навина был вышит и на знамени Василия III. Не свидетельствует ли все это о зарождении при Иване III не просто воинского великокняжеского почитания этого ветхозаветного деятеля, но и отражает его эсхатологическое содержание?

1. *Алексеев А.А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
2. *Алексеев А.И.* Под знаком конца времен: очерки русской религиозности. СПб., 2002.
3. *Борисов Н.С.* Иван III. М., 2000.
4. *Горюшкина Л.П.* О датах военных походов в правление Василия III и Ивана IV // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3 (61).
5. *Григорьев А.В.* Источниковедение истории русской библейской фразеоло-

- гии. Дисс. ... д.филол.н. М., 2008.
6. *Калугин В.В.* Протограф русских списков Толковых пророчеств конца XV–XIX в. и проблемы его реконструкции // Палеография, кодикология, дипломатика: Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов. Материалы Международной научной конференции в честь 80-летия доктора исторических наук, члена-корреспондента Афинской Академии Б.Л. Фонкича. Москва, 27–28 февраля 2018 г. М., 2018.
 7. *Калугин В.В.* Московская редакция Толковых пророчеств 1489 года дьяка Василия Мамырёва // *Palaeoslavica*. 2018. XXVI/1.
 8. *Михайлова И.Б.* «Казанское взятие» и эсхатологические представления Ивана Грозного // Матвей Кузьмич Любавский: К 150-летию ученого. СПб., 2013.
 9. *Московская повесть о походе Ивана III на Новгород* // БЛДР. СПб., 1999. Т. 7.
 10. *Мусин А.Е.* *Milites Christi* Древней Руси. Воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005.
 11. *Новикова О.Л.* Лихачёвский «Летописец от 72-х язык»: К истории создания и бытования // Летописи и хроники. Новые исследования. 2009–2010. М.; СПб., 2010.
 12. *Пащин С.С., Александрова В.А.* Герменевтический анализ летописных известий о битве на реке Шелонь // Новгородика-2010. Вечевой Новгород. Материалы международной научно-практической конференции. Великий Новгород, 2011. Т. 1.
 13. *Подвальнов Е.Д.* Интерпретация Коростынской битвы 1471 года в рамках центонно-парафразного метода // *Novogardia*. 2019. № 2.
 14. *Турилов А.А.* Иезекииля пророка книга. Славянская традиция // ПЭ. М., 2009. Т. 21.
 15. *Флоря Б.Н.* «Откровение» Мефодия Патарского и учение о Москве как «Третьем Риме» // *Вестник церковной истории*. 2017. № 1–2 (45–46).
 16. *Чирейкина О.Ю.* Традиции русской духовной культуры в языке летописной повести о походе Ивана III на Новгород в 1471 г. // Макарьевские чтения: Материалы второй международной конференции (21–22 ноября 2003 года) / Отв. ред. В.Г. Бабин. Горно-Алтайск, 2004 [Электронный ресурс] (e-lib.gasu.ru/konf/mak/arhiv/2004-1/index.html; дата обращения 8.07.2019).
 17. *Шibaев М.А.* К вопросу о летописных текстах в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря в XV в. // Летописи и хроники. Новые исследования. 2009–2010. М.; СПб., 2010.

А.А. Казаков¹

«Правило закону» в Житии Пафнутия Боровского

Пафнутий Боровский; агиография; каноническое право.

В статье рассматривается сообщение о каноническом казусе в Житии Пафнутия Боровского, который после принятия великой схимы соблюдал запрет на служение литургии. Показано, что поведение преподобного основывалось на нормах канонического права.

Принадлежащее перу Вассиана Санина Житие Пафнутия Боровского сообщает об интересном каноническом казусе из жизни преподобного. По свидетельству агиографа, старец Пафнутий, тяжело заболев, принял великую схиму, а по выздоровлении «от того времени не литоргисаше и до отшествия своего еже ко Господу, сохраняя правило закону, пастырская же

¹ Казаков Александр Александрович, Научная библиотека МГУ (РФ, Москва), astrubal@yandex.ru.

вся творяше» [2, с. 121]. Известие интересно тем, что связывает принятие великого ангельского образа с запретом на священнодействие и позволяет поставить вопрос о канонических основаниях прецедента.

Б.А. Успенский и Ф.Б. Успенский, обратившиеся к указанному сюжету, отметили, что никаких канонических оснований для такого поведения у Пафнутия не было: нормы церковного права отнюдь не запрещали литургисать иеросхимонахам. «Надо полагать, – отмечают исследователи, – что Пафнутий исходил из аналогии между игуменом и архиереем. По каноническим правилам архиерей, принявший великую схиму, не может служить литургию». Следовательно, старец Пафнутий, не имея на то никаких оснований, покушался на святительские прерогативы [6, с. 7–13].

Оригинальная точка зрения маститых исследователей, впрочем, не находит подтверждения на страницах Жития: Вассиан Санин ничего не сообщает о «неканоничном поведении» старца. Наоборот, рассказывая о его деятельности в качестве духовника, агиограф особо подчеркивает, что тот был «зело благоразсуден, и добре могий разумети сокровенную премудрость во священных правилех» [2, с. 141], то есть хорошо знал и строго следовал каноническим предписаниям.

Как представляется, адекватная интерпретация поведения святого невозможна без рассмотрения деталей его биографии, о которых подробно распространяется Вассиан Санин. Пафнутий постригся в великую схиму, будучи игуменом Покровского монастыря в Боровске, после чего «оставляет начальство сущим ту» и переселяется на то место, где вскоре возникает обитель во имя Рождества Богородицы [2, с. 121–122]. Вероятно, свидетельствует агиограф о том, что старец не служил литургии, относится как раз к обиходу вновь основанной обители, где подвизался и сам Вассиан, и его старший брат Иосиф Волоцкий, о пострижении которого Житие содержит подробный рассказ [2, с. 124–125].

Перемена обители Пафнутием, по-видимому, имела решающее значение для соблюдения им запрета на священнодействие. Правда, Вассиан Санин сообщает об однократном нарушении этого запрета: некогда в монастыре на Пасху не оказалось священника, и игумен Пафнутий служил литургию, «изволи паки преложити тои закон, такового ради пресветлага праздника» [2, с. 142]. Однако это нарушение скорее подчеркивает строгое соблюдение старцем канонического предписания, связывавшего принятие великого образа с запретом на служение литургии.

Правило, которому следовал Пафнутий, обнаруживается в главном труде его выдающегося ученика, Иосифа Волоцкого. «Пишет же святыи Никита митрополит Ираклийский в своих правилных завещаниих: яко аще кто священник быв в малом образе иноческом, потом же примет великий образ, да не священствует нигде же, точию в своем пострижении», – пишет Иосиф в 11 «слове» «Просветителя» [5, с. 451]. Эротопокритическое собрание митрополита Ираклийского Никиты, к которому восходит каноническая норма, появляется на Руси в XIII в. в составе Сербского Номоканона, а затем попадает в Кормчую Русской редакции [3, с. 24, 75; 4, с. 160; 7, с. 169–170]. Также оно присутствует в Кормчей, составленной волоцким игуменом Нифонтом Кормилицыным в 30-х гг. XVI в. [3,

с. 231]. Правило разъясняет ситуацию с пострижением в схиму как епископов, так и иеромонахов: первые после принятия великого образа должны оставить кафедру, вторым предписывается «в монастыри убо, в нем же постригошася, служити; индеже, никакоже» [4, с. 171–172]. К данной норме обращались новгородский митрополит Питирим и казанский митрополит Лаврентий, отвечая на вопрос царя Алексея Михайловича о возможности архиерейской хиротонии иеросхимонаха (1664 г.), причем если Питирим ссылался непосредственно на Кормчую, то Лаврентий – на 11 «слово» «Просветителя» [1, с. 113–117].

Вероятно, именно на правило Никиты Иракийского в составе Кормчей ориентировался Пафнутий Боровский, во всяком случае, намек на это содержится в тексте его Жития. Вассиан Санин упоминает, что старец не служил, «сохраняя правило закону». Вместе с тем, списки Сербской и Русской редакции Кормчих книг имеют в своих заглавиях устойчивые обороты «закону правило» и «правило закону» соответственно [7, с. 207].

1. Дело о патриархе Никоне / Издание Археографической комиссии. СПб., 1897.
2. Житие преподобного Пафнутия Боровского, написанное Вассианом Санинным / Изд. и вступит. статья А.П. Кадлубовского // Сборник историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине. Нежин, 1899. Т. II.
3. *Корогодина М.В.* Кормчие книги XIV – первой половины XVII века. М.; СПб., 2017. Т. 2: Описание редакций.
4. *Павлов А.С.* Канонические ответы Никиты, митрополита Иракийского (XI–XII века) в их первоначальном виде и в позднейшей переработке Матфея Властаря (XIV в.) // Византийский временник. СПб., 1895. Т. II.
5. Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих. Творение преподобного отца нашего Иосифа, игумена Волоцкого. Казань, 1896.
6. *Успенский Б.А., Успенский Ф.Б.* Неканоническое поведение святого в агиографических источниках // Факты и знаки: Исследования по семiotике истории. М., 2010. Вып. 2.
7. *Щапов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978.

С.И. Хазанова¹

«Видение Исайи о последнем веке» и «Слово святого Исайи, сына Амосова, о последних днях» в славянской письменности

Апокриф; пророк; слово; список.

В славянской книжности существуют два апокрифа эсхатологического содержания: «Видение Исайи» и «Слово Исайи, сына Амосова, о последних днях». Оба апокрифа повествуют о грядущих бедствиях: засухе, голоде, войнах, Страшном суде, но текстуально они не связаны друг с другом. «Слово Исайи» получило более широкое распространение в славянской письменности, на сегодняшний день оно известно в семи списках. Эти апокрифы, видимо, являются текстами славянского происхождения, а не переводом с греческого или какого-либо другого языка.

В славянской письменности читаются два апокрифа, связанные с именем библейского пророка Исайи. Основное содержание этих апокрифов:

¹ Хазанова Софья Игоревна, РГАДА (РФ, Москва), к.и.н., hazanovasi@mail.ru.

различные бедствия, которые ждут в грядущем людей, забывших Бога. В конце будет Страшный суд. В «Видении Исаяи о последнем веке», опубликованном Н.С. Тихонравовым по сербской рукописи XV в., говорится о судьбе Константинополя, называемого здесь Новым Иерусалимом, о воцарении там разных царей, их борьбе друг с другом [4, с. 29–31]. В начале апокрифа Исаяя говорит, что он был взят живым на небо и получил там откровение о последних днях, которое и послан возвестить людям. Здесь нашло отражение знакомство составителя памятника с другим апокрифом, «Вознесением Исаяи», где рассказано о пребывании пророка на семи небесах. В «Видении Исаяи» упоминается праведный царь Михаил, после смерти которого начнет царствовать антихрист. Сказание заканчивается вторым пришествием Христа и победой над дьяволом. В восточнославянских рукописях этот апокриф нами не обнаружен. Но в поздней русской рукописи XVIII в. содержится «Пророчество Исаяи», немного напоминающее «Видение», но гораздо более обширное². Здесь описываются разные несчастья, после которых наступят благоденствие и изобилие, праведный царь Михаил будет царствовать тридцать лет. В «Пророчестве» царь Михаил скрывается и вновь возвращается, после его исчезновения станут царствовать нечестивые цари. После смерти царя Михаила воцарится антихрист, он родится от черницы. «Пророчество», в отличие от «Видения», дает подробное описание картины Страшного суда. После суда ангелы разделят праведников и грешников: праведных справа, грешников слева. Праведных Бог возьмет в свое царство, они составят небесный Новый Иерусалим. Грешников ангелы погонят в огненную реку: «И погонят их ангелы господни к реце огненной на брегъ и возвратятца грешници во ад вспять»³. В «Видении Исаяи» и «Пророчестве Исаяи» нашли отражение апокрифические «Видения Даниила», не исключено, что они были созданы по их образцу. На это обстоятельство обратил внимание еще В.М. Истрин, он полагал, что все такие пророчества, подписанные именами других пророков или вообще безымянные, следует считать видениями Даниила [1, с. 259].

Но в русских рукописях читается еще один апокриф, связанный с именем пророка Исаяи, но не напоминающий совсем предыдущие памятники – «Слово святого пророка Исаяи, сына Амосова, о последних днях». В начале апокрифа Бог за то, что люди не исполняют его заповедей, обещает навести на них разные бедствия: голод, болезни, нашествие врагов, неправедных царей и вельмож и т.д. Но об антихристе, грядущем пришествии Христа здесь сказано кратко: «И тогда антихристъ яве ходити начнетъ с бесы своими, прельщая и изморяя человеки, донележе снидеть с небесе господь Саваофъ, въздая комоуждо по деломъ его» [2, с. 268]. Самый древний список «Слова Исаяи» относится к XIV в.⁴ Помимо него

² Пророчество Исаяя пророка о последних временах и летах. РГАДА. Ф. 188. Рукописное собрание ЦГАДА. Оп. 1. Д. 1365 – Сборник церковного содержания третьей четверти XVIII в. Л. 51–61.

³ Там же. Л. 59 об.

⁴ Слово Исаяя пророка, яже пророчествова о последних днех и летех. ОР РГБ. Ф. 304. Собрание Троице-Сергиевой лавры. Д. 39 – Сборник XIV в. Л. 42–48 об.

существуют следующие списки апокрифа: 1) список XVI в.⁵, 2) список начала XVII в.⁶, 3) Златоуст учительный XVII в.⁷, 4) список XVII в. Соловецкой библиотеки, опубликованный И.Я. Порфирьевым [2, с. 263–268], 5) Златоуст XVI в.⁸, 6) список первой четверти XVIII в.⁹ Все списки представляют собой одну редакцию, различения между ними очень незначительны и являются главным образом стилистическими, а не смысловыми. Так, в одном списке к словам «исполнися земля безакония» добавлено «и мерзости»¹⁰, в другом списке – «неправды»¹¹. В некоторых списках чтение «предаст мати дщерь свою на блуд»¹² вместо «дитя» остальных списков и т.д. Из всех списков наиболее близки один из Златоустов и сборник начала XVII в., они почти идентичны друг другу. Их различия можно наблюдать только в трех местах. В одном случае сборник XVII в. дает более правильное чтение: «И в древь места повернете оружие свое»¹³ вместо «въ древь место пожжеже оружие свое»¹⁴. Еще небольшое отличие: в сборнике Пискаревского собрания в тексте «аще кто будет всеель сто мерь, собереть едину меру жита»¹⁵ «сто» написано словом, а не цифрой «р» как в Златоусте и других списках. Последнее различие следующее: «и будет в вас плач и рыдание горкое»¹⁶ вместо «и будут в вас плачь велий и рыдание»¹⁷. Из всех различий между Златоустом из собрания Барсова и другими списками можно отметить, что в одном месте Златоуст дает неправильное чтение. Так, в нем читаем «пленять погани дщери ваши и вдовица ваша осквернять»¹⁸ вместо «девицы» остальных списков. Больше неправильных чтений и отличий от остальных списков встречаем в сборнике начала XVII в. Пискаревского собрания. Например, «и положю винограды ваша, и блата морская воскоурятся»¹⁹ вместо «мокрая». В пискаревском сборнике в тексте «и боудет плоть ваша во снedy птицам небеснымъ»²⁰ опущены слова о земных зверях. Но этот сборник дает и более пространные чтения в сравнении с другими списками. Только в нем встре-

⁵ ОР РГБ. Ф. 228. Собрание Пискарева. Д. 116 – Жития преподобных Зосимы и Савватия Соловецких. Л. 159–166 об.

⁶ Там же. Д. 130 – Сборник нач. XVII в.

⁷ ГИМ. Собрание Уварова. Д. 773. Л. 175–178.

⁸ ОР РГБ. Ф. 17. Собрание Барсова. Д. 1071. Л. 217 об.–221.

⁹ РГАДА. Ф. 188. Рукописное собрание ЦГАДА. Оп. 1. Д. 1342 – Сборник смешанного содержания. Л. 400–403 об.

¹⁰ ОР РГБ. Ф. 17. Собрание Барсова. Д. 1071 – Златоуст XVI в. Л. 218.

¹¹ ОР РГБ. Ф. 228. Собрание Пискарева. Д. 116 – Жития преподобных Зосимы и Савватия Соловецких. Л. 159 об.

¹² Там же. Л. 159. ОР РГБ. Ф. 17. Собрание Барсова. Д. 1071 – Златоуст XVI в. Л. 218.

¹³ ОР РГБ. Ф. 228. Собрание Пискарева. Д. 130 – Сборник начала XVII в. Л. 97.

¹⁴ Там же. Ф. 17. Собрание Барсова. Д. 1071 – Златоуст XVI в. Л. 218 об.

¹⁵ Там же. Ф. 228. Собрание Пискарева. Д. 130 – Сборник нач. XVII в. Л. 97 об.

¹⁶ Там же. Л. 98.

¹⁷ Там же. Ф. 17. Собрание Барсова. Д. 1071 – Златоуст XVI в. Л. 219 об.

¹⁸ Там же. Л. 218 об.

¹⁹ Там же. Ф. 228. Собрание Пискарева. Д. 116 – Жития Зосимы и Савватия Соловецких. Л. 163 об.

²⁰ Там же. Л. 161.

чается следующее чтение: «И драго есть во всех градех ваших. И боудет мятежь во странах, и тоуга языком и молва во градех. И вложю ярость въ сердца княземъ вашимъ»²¹. Более развернутое чтение этот сборник дает и в другом месте: «И от гласа вопля и стонания и рыдания вашего потрясется земля»²², тогда как в других списках просто «от кричания гласа вашего». Из других отличий следует отметить, что почти во всех списках «Слова Исайи» приводится цитата из пророка Аввакума, но только в сборнике Пискаревского собрания пророк назван Давидом²³. Кроме упомянутого сборника, пророка Давида встречаем в еще одном списке из собрания Соловецкой библиотеки [2, с. 265. Еще сам И.Я. Порфирьев в примеч. 3 на с. 265 отметил это разночтение, он указал, что в другом списке пророк Аввакум]. Список И.Я. Порфирьева из Соловецкой библиотеки, «Слово Исайи» с упоминанием Давида входит в состав сборника с названием «Жития Зосимы и Савватия Соловецких». Вероятно, это особенность списков соловецкого происхождения.

В конце почти все списки «Слова Исайи» идентичны, здесь практически нет разночтений и сокращений. Только в конце барсовского Златоуста и двух сборников из собрания Пискарева в конце апокрифа добавлено, что Бог Саваоф воздаст каждому по делам, праведникам вечную жизнь, грешникам кромешную тьму²⁴. Конец «Слова Исайи» немного напоминает другое апокрифическое сочинение, «Пророчество Исайи». В «Слове Исайи» перед Страшным судом читаем: «И тогда восплачется земля аки девица красна за погибель человеческоюю. И восплачется море и реки и вся глоубина и преисподнея. И тогда восплачется бездна гласомъ великимъ, аки в трубу златокवानоу» [2, с. 267–268]. Для сравнения в «Пророчестве Исайи» находим следующий текст: «И тогда восплачется земля аки вдова, а море аки дева и в то время небеса свиются аки гордия»²⁵. Но трудно определить, является ли «Слово Исайи» сокращением «Пророчества Исайи», возможно, в славянской письменности изначально существовали два разных апокрифа. Оба они могли испытать влияние «Видений Даниила». В одном из списков там тоже сказано: «И тогда въззоупиет земля къ небесномуу отцоу: дваа есмь, господь, дваа пред тобою» [3, с. 26].

«Слово Исайи» сохранилось только на славянском языке и только в восточнославянских списках. Но нельзя исключать, что этот апокриф, как и «Видение Исайи», возник у южных славян. Современный исследователь А.А. Турилов полагает, что в «Сказаниях пророка Исайи» нашли отражение события в Болгарии XI в. [5, с. 41]. Возможно, он даже не был переведен с греческого, а был написан изначально на славянском языке. Тогда «Видение Исайи» и «Слово Исайи» являются одними из немно-

²¹ Там же. Л. 160.

²² Там же. Л. 166.

²³ Там же. Л. 162 об.

²⁴ ОР РГБ. Ф. 17. Собрание Барсова. Д. 1071 – Златоуст XVI в. Л. 229 об.; Ф. 228. Собрание Пискарева. Д. 116 – Жития Зосимы и Савватия Соловецких. Л. 166 об. Там же. Д. 130 – Сборник нач. XVII в. Л. 99 об.

²⁵ РГАДА. Ф. 188. Рукописное собрание ЦГАДА. Оп. 1. Д. 1365 – Сборник церковного содержания третьей четверти XVIII в. Л. 57 об.

гих апокрифов, не переведенных, а имеющих славянское происхождение, образцом для которых служили византийские произведения, в частности, апокрифические «Видения Даниила». Самый ранний восточнославянский список «Слова Исайи» датируется XIV в., но на Руси оно могло появиться и раньше, в XIII в.

1. *Истрин В.М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исследования и тексты. М., 1897.
2. *Порфирьев И.Я.* Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1877.
3. Русский филологический вестник. 1882. Кн. 1.
4. *Тихонравов Н.С.* Апокрифические сказания // Сборник отделения русского языка и словесности. СПб., 1894. Т. 58. № 4.
5. *Турилов А.А.* Исследования по славянскому и сербскому средневековью. Белград, 2014.

А.В. Сергеев¹

Эволюция территориальных княжеских объединений Суздальских и Стародубских Рюриковичей в конце XV–XVI вв.

Государев двор; княжеские списки; фамилия, родословная; землевладение.

В статье рассматривается история объединений князей Суздальских и Стародубских, представленных в «Княжеских списках» разрядных книг, Дворовой тетради и иных памятниках конца XV–XVI вв. Установлено, что в их состав входили фамилии, сохранявшие тесные поземельные связи с «родовыми гнездами».

Территориальным княжеским объединением (ТКО) ниже именуется фамилия одной из ветвей Рюриковичей (в рассматриваемом случае – Суздальской и Стародубской), владевшие землями в «родовом гнезде». В силу близкого соседства указанные ТКО рассматриваются совместно.

Одно из ранних упоминаний ТКО Рюриковичей Северо-Восточной Руси относится к 1495 г., когда во время поездки в Новгород Ивана III сопровождала большая свита из бояр, окольничих, постельников [9, с. 24–26]. Состав участников этого похода, начавшегося 20 октября 1495 г., а окончившегося 24 марта 1496 г., рассмотрен В.Д. Назаровым [7, с. 189–206]. В перечне «князи и дети боярские с великим князем» Суздальские Рюриковичи были представлены: М.В. Шуйским, Б.И. Горбатым, В.А., И.В. Ногтевыми, И.А. Барбашей. После Суздальских были записаны князья Стародубские, что не обычно, поскольку в «родословной лестнице» они шли после Ростовских и Ярославских Рюриковичей и в позднейших документах Государева двора впереди них не писались. В данном случае отступление от этого порядка можно объяснить политическим весом, который Стародубские приобрели благодаря деятельности князей Ряполовских. В перечне Стародубских Рюриковичей порядок родового старшинства также не соблюдался, а запись велась в соответствии с политическим значением

¹ Сергеев Антон Вадимович, Институт промышленной безопасности, охраны труда и социального партнерства (РФ, Санкт-Петербург), к.и.н., sergeev1967@inbox. ru.

фамилий. Первым записан князь Василий Мних Рязполовской, после него Ромодановские: Иван Лихач, Юрий, Борис; Гундоровы были представлены Иваном Образцом с братом Андреем Пеструхой; трое братьев Кривоборских: Олешка (Александр), Федор, Семен Приимыш; следующий далее князь Иван Стародубский Черный, по-видимому, принадлежал к фамилии Льяловских; потом указан двоюродный брат Кривоборских Василий Ковер. За Стародубскими в списке 1495 г. следовали Ростовские, Ярославские, Белозерские Рюриковичи. В указанных перечнях князья образуют особую группу и не перемешаны с представителями нетитулованных фамилий. Был дописан позднее князь Иван Петрович Осиповский Стародубский.

В составе великокняжеских постельников значились: последний представитель мужской линии Шуйских-Глазатых Федор Дмитриевич, Михаил, Владимир Ивановичи Барбашины; князья Стародубские: Василий и Семен Ивановичи Тулуповы, Иван Гагарин. В этой части свиты отмечены молодые князья Суздальские, только начинавшие службу, и представители малозначительных фамилий Стародубских Рюриковичей, чья связь с «родовым гнездом» были ослаблены [11, с. 40–41].

Не все известные по родословным князья Суздальские и Стародубские отмечены в списке 1495 г. Тем не менее, можно констатировать, что он содержит довольно полный состав рассматриваемых ТКО. Суздальская ветвь представлена всеми фамилиями, кроме Скопиных, поскольку ее основатель Иван Скопа был молод и фамилии от него еще не «повелось». В походе он и его брат князь Иван Хрен не участвовали. Из 14 фамилий князей Стародубских в «Княжеском списке» указаны 7, а с учетом Гагариных и Тулуповых – 9. Отсутствуют еще не выделившиеся из Рязполовских Хилковы, Татевы, служившие волоцким князьям Небогатые, а также старшая в «родословной лестнице» фамилия Пожарских и самая младшая – Палецкие [11, с. 37–45].

Следующие упоминания «Княжеских списков» встречаются в 1540-х годах. Во время переговоров с литовскими послами в Москве в марте 1542 г. присутствовали «Князи и дети боярские, которые в думе не живут, а при послех в избе были» [10, с. 147]. Фрагменты «Княжеских списков» содержатся в «выписях» из «боярских списков» 1546 и 1547 гг. [6, с. 53–54]. В указанных памятниках записаны прямые потомки князей из списка 1495 г.: П.И., И.М. Шуйские, Ф.И. Скопин, Д.И. и В.И. Горбатые, И.Ф. Стригин-Рязполовский, П.И., А.И., Ф.И. Татевы. Не в составе ТКО, а «по Москве» упоминались князья А.М. и И.М. Ромодановские, А.И. Стародубский-Льяловский. В 1540–50-х гг. лидирующее положение в ветви Стародубских Рюриковичей заняли князья Палецкие. К сожалению, сведения 1540-х гг. слишком отрывочны по сравнению с данными 1495 г., и делать обобщения на их основе трудно. Тем не менее, можно заключить, что практика записи в документах Государева двора фамилий ряда ветвей Рюриковичей в особых списках существовала с конца XV в. Полнее всего ТКО представлены в Дворовой тетради (ДТ) 1550-х гг. В этом памятнике отмечены: «Князи Оболенские», «Князи Ростовские», «Князи Суздальские», «Князи Ярославские», «Мосальские князи». Частично со-

хранился список «Князи Стародубские». Он располагался после списка князей Ярославских, перед Мосальскими, но его начальная часть утрачена [14, с. 118–124].

В ДТ записаны все Суздальские Рюриковичи, служившие в 1550-х гг., являвшиеся потомками князей из списка 1495 г. Наиболее перспективные в плане службы лица были включены в Тысячную книгу 1550 г. (А.И. Ногтев (2-я статья), П.И. Шуйский, А.Б. Горбатый в составе бояр, И.А. Шуйский (3-я статья)). Единственный князь, указанный в 3-ей статье по Суздалью, но отсутствующий в ДТ – Петр Иванович Барбашин. Известно, что он принял пострижение в Спасо-Евфимьевом монастыре [8, с. 37]. Его уход «из мира» можно датировать 1549–1553 гг., а службу вместо него стал нести брат Василий. Отсутствующие в ДТ Суздальские князья либо сошли с политической сцены, либо были слишком молоды и служили позднее. Объединение Суздальских Рюриковичей включало всех лиц этой сравнительно малочисленной ветви.

Одним из главных вопросов при изучении ТКО является характер землевладения составлявших его лиц. Большинство фамилий Суздальских Рюриковичей имели представителей в Боярской думе (Скопины, Шуйские, Горбатые, Ногтевы), что обуславливало значительный размер их земельных владений (более 1000 четей). Вотчины и поместья у них были не только в «родовом гнезде». В связи с тем, что ко времени сохранившегося полного описания земель 1620-х гг. из данной ветви был жив один князь И.И. Шуйский Пуговка, информация о размерах и месте расположения владений других князей дошла отрывочно из ретроспективных указаний писцовых книг и иных источников. В Ростовском и Тверском уездах были вотчины князей Горбатых; в Можайском – Шуйских и Ногтевых; Дмитровском – Шуйских и Барбашиных; Ростовском, Пошехонском, Старицком и др. – Скопиных и Шуйских. В Суздальском уезде село Семеновское принадлежало Скопиным; Горбатым – села Дунилово, Ярлыково, Павловское с деревнями; Ногтевым – «Лежневские деревни», села Воскресенское, Петровское с деревнями [2, с. 85–93; 3, с. 173, 537, 1269]². И.И. Пуговка унаследовал родовые вотчины Шуйских и Скопиных: села Ивановское, Воскресенское, Парское и около 150 деревень³. Таким образом, наличие вотчин в «родовом гнезде» документально подтверждается для всех Суздальских Рюриковичей, кроме Барбашиных. Все же можно утверждать, что и у них владения там имелись. В пользу этого говорит запись в ТК и ДТ лиц этой фамилии по Суздалью, пострижение князя П.И. Барбашина в Суздальском Спасо-Евфимьевом монастыре.

Стародубский княжеский список (СКС) в ДТ сохранился частично. Его реконструкция выполнена автором на основе разных источников, при этом подтвердилось предположение Б.Н. Флори об утрате листа, содержавшего перечень князей Стародубских в протографе ДТ [11, с. 42–46]. По

² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 425. Л. 5 об.; Кн. 627. Л. 61; Кн. 862. Л. 102, 317 об.; Кн. 874. Л. 217; Кн. 875. Л. 100; Кн. 10 750. Л. 868 об.; Кн. 10 751. Л. 745 об., 746 об.; Кн. 10 815. Л. 569; Кн. 11 317. Л. 293 об.–305 об.; Кн. 12 573. Л. 646.

³ Там же. Кн. 11 317. Л. 791 об.–800; 717–791 об.; 1015 об.–1043 об.; 1043 об.–1048 об.; Кн. 11 320. Л. 480–534 об.

количеству записанных лиц (59 чел.) СКС был одним из самых больших, уступая только Ярославскому и примерно равняясь Оболенскому. Данный факт объясняется тесными поземельными связями с «родовым гнездом» почти всех фамилий князей Стародубских, кроме Гагариных.

По сравнению с предшествующим периодом состав СКС изменился мало. Из фамилий, отсутствовавших в списке 1495 г., в нем отмечены Пожарские, Татевы и Хилковы. Ряполовские были представлены только князем М.И. Стригиным. Палецкие числились в составе бояр и окольничих. Из списка 1495 г. остались: Кривоборские, внуки Василия Ковра Ковровы, Ромодановские, Гундоровы. Осиповские угасли до 1550 г. Все перечисленные князья владели вотчинами в Стародубском уезде. Льяловские, часть Ромодановских, Гундоровых, Тулуповых, Палецких служили с поместий и вотчин, расположенных в иных уездах, сохраняя земли в «родовом гнезде». Из этого факта можно заключить, что запись в ДТ была обусловлена не только наличием владений в уезде, но и служебной «пропиской» [5, с. 51, 56, 65].

Реализация указа об учреждении опричнины во второй половине 1560-х гг. мало отразилась на землевладении князей Суздальских и Стародубских. Хотя Суздаль вошел в опричнину, но в нее был принят В.И. Барбашин, а остальные князья данной ветви оставались в приближении у царя, опалам и ссылкам не подвергались (кроме А.Б. и П.А. Горбатых, казненных в начале 1565 г.) [1, с. 108–109; 4, с. 21–22, 98]. Большая часть «родового гнезда» Стародубских Рюриковичей в опричнину не попала [12, с. 54–55]. Таким образом, все фамилии князей Суздальских и большинство Стародубских сохраняли тесные поземельные связи с «родовым гнездом» в последней трети XVI в. и позднее.

После учреждения опричнины «Княжеские списки» в документах Государева двора не встречаются до 1589 г. Их последнее появление в источниках имело место быть в Боярском списке 1589 г. (БС1589) [13, с. 213–215]. В ветви Суздальских Рюриковичей к этому времени угасли Барбашины и Горбатые. Среди бояр был записан князь В.Ф. Скопин. Его сын Михаил еще был очень мал (р. 1587). Шуйские в указанных документах не представлены вовсе, поскольку И.А. Шуйский погиб в бою в 1573 г., 5 его сыновей попали в опалу около 1587 г. и были временно удалены из состава Государева двора. Тогда же сослали известного военачальника князя Ивана Петровича [1, с. 119–120]. В результате, в Суздальском «Княжеском списке» последний представитель Ногтевых Данило Андреевич оказался в единственном числе. В начале XVII в. князья Суздальские были представлены только М.В. Скопиным и тремя сыновьями И.А. Шуйского: Василием, избранным царем в 1606 г., его братьями Дмитрием и Иваном Пуговкой. Со смертью последнего около 1638 г. данная княжеская ветвь прекратила существование.

Из Стародубских Рюриковичей в «Княжеский список» БС1589 были включены В.Д., А.Д., А.В. Хилковы, Б.П., И.А., Ф.А. Татевы, Ф.И. Кривоборский, Г.П., И.П. Ромодановские. К этому времени угасли фамилии Льяловских, Ряполовских, Тулуповых, Палецких. Представители Пожар-

ских, Ковровых, Гундоровых, вероятно, не участвовали в походе, по случаю которого составлялся БС1589.

В отличие от ТКО Ростовских, Ярославских Рюриковичей Суздальское и Стародубское включали почти все фамилии соответствующих ветвей. Входящие в них князья сохраняли поземельные связи с «родовым гнездом» на протяжении XVI в. Прекращение существования «Княжеских списков» совпало с угасанием династии Рюриковичей и стало этапом в переходе от территориальной структуры Государева двора к чиновной. К этому времени Суздальское ТКО исчезло «естественным» образом в результате пресечения почти всех фамилий его составлявших, но Стародубское было еще жизнеспособным и включало князей семи фамилий.

1. *Абрамович Г. В.* Князья Шуйские и Российский трон. Л., 1991.
2. Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. М., 1998.
3. Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. М., 2010.
4. *Кобрин В. В.* Опричина. Генеалогия. Антропонимика: Избр. труды. М., 2008.
5. *Назаров В. Д.* Князья Ромодановские в эпоху становления Российского централизованного государства // Государев двор в истории России XV–XVII столетий. Владимир, 2006.
6. *Назаров В. Д.* О структуре «Государева двора» в середине XVI в. // Общество и государство феодальной России. М., 1975.
7. *Назаров В. Д.* О титулованной знати России в конце XV в. (Рюриковичи и Гедиминовичи по списку двора 1495 г.) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000.
8. Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011.
9. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.
10. Сборник РИО. СПб., 1887. Т. 59.
11. *Сергеев А. В.* Стародубские Рюриковичи в Тысячной книге 1550 г. и Дворовой тетради начала 1550-х гг. // Клио. 2018. № 8.
12. *Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб., 1992.
13. *Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII вв. М., 2004.
14. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950.

С.В. Городилин¹

**«Твоя отчина мужи псковичи люди добровольные»:
к вопросу о происхождении и политико-правовом контексте
летописной формулы**

Правовое наполнение понятия «отчина»; Псковская республика; великое княжество Московское; московско-псковские отношения XV – начала XVI в.; псковские летописи.

В работе рассматривается сложение и бытование формулы «твоя отчина мужи псковичи люди добровольные», определявшей статус Псковской республики в московско-псковских политических взаимоотношениях.

Формула «твоя отчина мужи псковичи люди добровольные» нередко встречается в псковских источниках. Она употребляется в ситуациях,

¹ Городилин Сергей Владимирович, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), sergey.v.gorodilin@gmail.com.

когда требовалось охарактеризовать статус Пскова и его *политического народа* в отношениях с великим князем Московским. Последний случай ее использования – Повесть о Псковском взятии, и после событий 1510 г. она естественным образом исчезает из обихода. Историография фиксирует ее достаточно рано, однако анализу долгое время подвергались только составляющие формулу элементы: на основании именованя самими псковичами Пскова отчиной великого князя делался вывод о том, что республика таким образом отказывается от суверенитета, а по поводу понятия «добровольные люди» имела место дискуссия. И.И. Полосин считал, что за ним скрывались «изменники-сепаратисты («добровольные люди», как себя называли бояре)», которые спекулировали на соглашениях то с Литвой, то с Новгородом, то с Москвой, но «были справедливо уничтожены историей (Москвой и псковичами-патриотами) к 1510 г.» [13, с. 4, 149]. По мнению Н.Н. Масленниковой, псковичи называли Псков «отчиной великого князя», а себя – «добровольными людьми» «не для того, чтобы подчеркнуть свою самостоятельность, а для того, чтобы подчеркнуть добровольность, а, следовательно, сознательность и охотность своего подчинения власти великого князя»², а «некоторый оттенок горделивости», все же присутствующий в выражении «добровольные люди» использовался «вовсе не для подчеркивания самостоятельности» [6, с. 57, 93].

Последующая историография приходит к определенному консенсусу, оценивая формулу как «несколько противоречивую» (Л.В. Черепнин) или «парадоксальную» (М.М. Кром). Содержанием ее первого элемента – *твоя отчина* – предлагается считать признание включения Пскова в состав Московского государства в качестве его части и отказ от суверенитета (как минимум во внешней политике), а последний элемент – *добровольные люди* – в рамках концепции выражает «добровольно-договорный характер взаимоотношений» Псковской республики с московской властью и «попытки сохранить основы внутреннего политического устройства феодальной республики» [14, с. 833; 2, с. 115; 5, с. 119–120]. Предполагаемый «компромиссный статус» формулы отражал, таким образом, «двойственный, неоднозначный статус Псковской земли в составе великого княжества Московского» [5, с. 120].

Появление формулы все авторы соотносят с событиями 1460 г., когда по инициативе Пскова восстанавливаются отношения с Москвой, при ее участии заключается мир с ливонцами, а на псковский стол сажается новый князь из руки великого князя Василия Васильевича. При этом сам контекст возникновения и бытования формулы связывается со сложившейся в 1460 г. «новой политической ситуацией», характеризующейся усилением великокняжеской власти над Псковом и постепенным ограничением его суверенитета на протяжении почти 50 последующих лет вплоть до окончательной ликвидации псковской автономии [5, с. 120]. Отмечено наличие схожей формулы в новгородско-московских отношениях: «как

² Н.Н. Масленникова тут следует за Н.М. Костомаровым, предположившим за «этим титулом» желание псковичей «напомнить, что если они и подчиняются великому князю, то по своей доброй воле, а не по нужде» [4].

и их соседи псковичи, новгородцы — не только «отчина» великого князя, т.е. органическая часть Русского государства, но еще и «мужи вольные» — как и псковичи, они сохраняют свой внутренний статус, свой особый порядок управления» [1, с. 84].

Анализ использования рассматриваемой формулы в источниках позволяет прийти к следующим выводам. Она присутствует в псковском летописании при изложении ситуаций, связанных с отношениями с великим князем, и вкладывается летописцем в уста псковских послов или самого великого князя. Ее преобладающим контекстом оказываются обязательства великого князя *жаловати и боронити* «свою отчину мужей псковичь добровольных людей» и *печаловатися* о своей отчине, либо псковские просьбы о том же: о предоставлении военной помощи, политической поддержки или о присылке Пскову желаемого им князя из московской руки. Имеется казус, когда формула как обращение к псковскому политическому народу включена в пересказ речи посланного Москвою в помощь псковичам воеводы Федора Шуйского, сообщающего веху о выполнении поставленной задачи и о заключении мира на псковской «воле». В московских источниках, однако, эта формула в полном виде не встречается за исключением случая, когда великокняжеский свод в рассказе о событиях 1477 г. целиком цитирует псковскую грамоту великому князю Ивану [12, с. 312]. Этот факт позволяет заключить, что формула использовалась в реальной политической лексике за пределами летописного узуса. Кроме того, помещение ее в состав текста официального свода демонстрирует: как минимум пассивное использование этой смысловой конструкции в последней четверти XV в. было с московско-великокняжеской точки зрения возможным. Вместе с тем нужно отметить, что в состав московского политического языка она так и не входит: в случаях, когда контекст описываемых ситуаций близок, о Пскове говорится исключительно как об *отчине великого князя*, а упоминание *мужей псковичь добровольных людей* опускается.

Первый случай, когда формула используется в полном виде, действительно относится к 1460 г.: узнав, что великий князь приехал «во свою отчину в Великий Новгород», псковичи отправляют туда делегацию с поручением «бити челомъ господину и господарю князю великому Василию Васильеву о жаловании и о печаловании своея отчины, мужей псковичь добровольных людей», что на практике предполагало его политическую поддержку в завершении конфликта с Дерготом и легитимацию псковского князя Александра Чарторыйского в качестве великокняжеского наместника. Так известие выглядит в П1Л и П3Л, более лаконичная П2Л сообщает о том же, не приводя рассматриваемой формулы. Великий князь соглашается на эти предложения: «аз вась, свою отчину, хощу жаловати и боронити от поганых, якоже отци наши и дѣди наши, князи великии; а что ми глаголети о князи Александрѣ Черторизкомѣ, и о томъ вас своихъ людей и свою отчину жалую» [9, с. 58; 10, с. 145–146].

Следует заметить, что именование Пскова отчиной великого князя, на которое опираются считающие его появление в составе формулы знаком признания псковичами в начале 1460 г. утраты суверенитета истори-

ки, вряд ли имеет столь судьбоносное значение. Так же, к примеру, «отчиной великого князя, нашего господина, русского царя»³ псковские послы уверенно называют свою республику еще в договоре 1417 г. с Дерптом. Особые отношения с Москвой, подразумевающие взаимные обязательства и приглашение князей из ее руки, сложились еще с 1399 г., когда после Салинского договора завершился длившийся много десятилетний период княжений во Пскове князей из Литвы. Прося у того же Василия поддержки перед лицом Витовта в 1426 г. псковичи хотят, чтобы он «послалъ своего посла ко князю Витовту, къ своему дѣду, за своих муж псковичь; и князь велики Василии Васильевич вреся печаловати о томъ о своихъ мужех псковичахъ» [9, с. 37]. Таким образом, говорить о новациях применительно к нашей формуле можно лишь по поводу ранее не встречавшейся составляющей *люди добровольные*, представления же о *мужах псковичах* как о «своих» для великого князя и о Пскове как его *отчине* фиксируются в том же контексте задолго до 1460 г.

В этом смысле важным направлением поисков видятся псковско-новгородские параллели. Наследный, отчинный характер связей Новгорода с великими князьями складывается гораздо раньше и не противоречит признанию сторонами действительности определявших политическую суть республики новгородских *старин* и *вольностей*. Программой Пскова на протяжении XIV–XV вв. становится выход из зависимости от Новгорода и переход от положения младшего партнера в отношениях с ним к подчеркнутому равенству статусов. Это равенство предполагало и равноценные самостоятельные связи с Москвой: для псковичей выстраивание отношений с великим князем, базирующихся на тех же основах, что и у Новгорода, но при этом без всякого посредства Новгорода, было важной целью. Не случайно описанное нашей формулой восстановление московско-псковских отношений зимой 1460 г.: вызвало ярко негативную реакцию новгородцев: «възбуяшася Псковичи в нестройнѣ умѣ, наша братіа мнимая, по нашимъ грѣхомъ, задашася за великого князя Василья Васильевича и за его сынове, утаився своего брата старѣйшаго Великого Новагорода» [11, стб. 203].

В данном контексте интерес представляет новгородский вариант рассматриваемой формулы: «ваша отчина Великий Новгород мужи вольные», «Новгород отчина своя мужи вольные», «весь Великий Новгород мужи вольные» [3, № 26, 77; 11, стб. 202]. В виде «Новгород свои мужи вольные» она зафиксирована еще под 1397 г. Там эта формулировка звучит в устах владыки Иоанна, предлагающего великому князю Василию Дмитриевичу вернуть отнятые у новгородцев волости и вернуться к *status quo* в отношениях с республикой, и не может быть расценена как отказ от суверенитета: «а отъ Новагорода отъ своихъ мужіи отъ волныхъ нелюбіа бы еси отложиль, а пріяль бы еси въ старину» [8, с. 390]. С учетом этого возникает предположение о заимствовании псковским политическим языком выработанной соседями конструкции. Аргументом в его

³ Послы согласно докончанию прибывают «van dem vederliken erve ers heren, de Rusche furste»; и от лица всего Пскова и «des groten heren erve, unse here de Rusche keiser Wassile Dymittrius» [3, № 334].

пользу служит то, что впервые псковские летописцы используют формулу при описании посольства псковичей к великому князю в Новгород в январе 1460 г., где, судя по Летописи Авраамки, как раз тогда же, во время визита Василия Васильевича, в церемониальной лексике применялся близкий к ней новгородский вариант: «князь великий... у архиепископа владыкъ Ионѣ благословеніе возмя, поклонися у всех седми соборовъ, а Новугороду отчинѣ своей мужемъ волнымъ такоже поклонився, поѣха на Москву... а князя сына своего въ Псковь отпустилъ по Псковьскому челобитію» [11, стб. 202].

В любом случае, важным новшеством видится элемент *добровольные люди*, заменяющий новгородских *вольных мужей* (явно восходящих к комплексу представлений о *вольностях* новгородцев). В псковском употреблении устойчиво сохраняется только этот вариант, более того, описывающая утрату независимости и ликвидацию республики Повесть о Псковском взятии говорит о действующем со времен прадедов и дедов великих князей крестном целовании, по которому псковичам от великого князя, «кои ни будет на Москве, не ити ни в Литву, ни в Нѣмцы; а нам жити по старине в добровольи». *Доброволье* тут оказывается важнейшим элементом псковско-великокняжеских отношений, связанным с определяющей политико-правовое устройство республики и ее сущность *старинной*.

Слово «добровольный» в данный период обладало широким спектром значений, предполагая свободный характер действий, осуществление их по собственной воле и выбору, применяясь и в правовых актах. Думается, одним из путей, позволяющих несколько конкретизировать смысловое наполнение сочетания «добровольные люди» в составе нашей формулы, представляется сопоставление его с известными в первой половине XVI в. и сложившимися в предшествующий период социально-правовыми институтами *добровольной службы* и *добровольных людей*. К особенностям этих институтов можно отнести их стихийное формирование и изначальное отсутствие четкой регламентации, а также такие их важные свойства, как противопоставление и на практике, и в общественной мысли любым видам холопства, службу добровольных людей как правило при дворе господина, наличие их устойчивой связи с господином, которая переходит по наследству, но может быть прекращена любой из сторон, и взаимный характер их не фиксируемых документально обязательств [7]. Представляется, что рассмотрение в предложенном контексте *отчины* как наследуемой великим князем совокупности прав и обязанностей в отношении сообщества *мужей псковичей добровольных людей* может представлять определенный интерес.

1. *Алексеев Ю.Г.* «К Москве хотим»: Закат боярской республики в Новгороде. Л., 1991.
2. *Алексеев Ю.Г.* Под знаменами Москвы: Борьба за единство Руси. М., 1992.
3. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М., Л., 1949.
4. *Костомаров Н.И.* Севернорусские народоправства во времена удельно-вечегового уклада Т. 1. Новгород-Псков-Вятка. СПб., 1863.
5. *Кром М.М.* Статус Пскова в системе великого княжения Владимирского XV

- начала XVI в. (к вопросу о суверенитете средневекового русского города) // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV–XVII вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства: сб. тр. международной научной конференции 19–21 мая 2010 г. Псков, 2011.
6. *Масленникова Н.Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955.
 7. *Панях В.М.* Холопство в XVI – начале XVII вв. Л., 1975.
 8. ПСРЛ. М., 2000. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.
 9. ПСРЛ. М., 2003. Т. V. Вып. 1. Псковские летописи.
 10. ПСРЛ. М., 2000. Т. V. Вып. 2. Псковские летописи.
 11. ПСРЛ. М., 2000. Т. XVI. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки.
 12. ПСРЛ. М., Л. 1949. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века.
 13. *Полосин И.И.* Псковская судная грамота // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1952. Т. 65. Кафедра истории СССР. Вып. 3.
 14. *Черепнин Л.В.* Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960.

П.С. Стефанович¹

Обращение служилых людей к правителю в России XVI–XVII вв.: происхождение и смысл

Древняя Русь; государственная власть; политические ритуалы.

В докладе исследуется происхождение и смысл трех элементов официального обращения служилых людей к правителю в России XVI–XVII вв.: именование правителя «государем», самоименование «холопом» и челобитье. Выясняется, что они сложились на основе древнерусских традиций, хотя под влиянием иноязычных и иностранных понятий и практик.

1. В России XVI–XVII вв. сложилась своеобразная практика обращения служилых людей к правителю: они называли его своим «государем», а себя его «холопами», и при личном общении с ним прибегали к обряду челобитья – «били челом» ему, то есть низко кланялись или опускались на колени, касаясь головой земли (в письменном обращении использовалась соответствующая формула). В данном докладе обращается внимание на происхождение этой практики, причем предлагается рассматривать ее как связанные элементы одного обрядово-формульного комплекса, имевшего первостепенное политическое значение.

В историографии разными элементами этого комплекса интересовались в разной степени, следуя, в общем, традиции, заложенной западноевропейскими наблюдателями «Московии» XVI–XVII вв. Иноземцы той эпохи не связывали эти политические жесты и термины вместе, а обращали внимание, прежде всего, на именование знатных людей «холопами», считая его выражением рабского сознания «московитов» и чертой их «деспотического» строя (Герберштейн, Флетчер, Маржерет, Мейерберг, Олеарий и др.). О титуле «государь» и о челобитье, если упоминали, то мельком и, как правило, в нейтральном контексте.

¹ Стефанович Пётр Сергеевич, НИУ ВШЭ / Институт российской истории РАН (РФ, Москва), д.и.н., petr.stefanovich@mail.ru.

В отношении челобитья ученые вплоть до недавнего времени довольствовались констатацией, что оно было принято на Руси как заимствование от тюркских народов, скорее всего, в эпоху «татаро-монгольского ига». Именование главы государства «государем», а знати «холопами» историки XIX в. объясняли в рамках вотчинной теории – как сознательный перенос частноправовых представлений и механизмов управления с княжеских вотчин-уделов на расширявшееся Московское великое княжество (то есть по образцу отношений господина и его рабов выстраивались отношения правителя и знати в государстве). К концу XX в. вотчинная теория потеряла популярность, но некоторые современные историки фактически используют ее для объяснения «холопства» московской знати [4]. Другие авторы, отказываясь от «вотчинной теории», ищут объяснение специфической «холопской» терминологии московского самодержавия в международном контексте – ориентации московских идеологов времени правления Ивана III либо на византийские порядки [9], либо на ордынские [1, с. 321–333]. Обобщая эти работы, один современный автор заключил, что три элемента важнейшей политической практики России имели происхождение совершенно разное, но символическое в смысле влияний на Московское государство: византийское («холопы»), татарское (челобитье) и славянское («государь») [8, с. 90].

Сегодня можно сказать, что это утверждение верно лишь частично и нуждается в существенной корректировке. На самом деле, все три элемента являются древнерусскими по происхождению, хотя в закреплении их как частей одного связанного политического ритуала иноземные обычаи сыграли, видимо, определенную роль.

2. Происхождение титула «государь» выяснено в работе А. Золтана [3]. Это было древнее славянское слово, употреблявшееся в сфере частных отношений в смысле «хозяин, господин». В политическую терминологию оно проникло в канцелярии галицко-волинских князей первой половины XIV в. для передачи латинского титула «dominus». В разных землях Северо-Восточной титул «государь» был воспринят в начале XV в., и в употреблении позднейших московских канцеляристов он должен был выглядеть естественным в значении «независимый (суверенный) властитель подданных». Таким образом, иноземное влияние здесь сказалось косвенно, задолго до формирования политического этикета Московского государства, и оно было западным. Ничего «вотчинного» в его происхождении не просматривается.

3. Недавняя работа А. Накадзавы убедительно показала домонгольское происхождение обряда челобитья [5]. Первые упоминания челобитья находятся в киевском летописании XII в. Автор приводит свидетельства распространения его как этикетного жеста вежливости и этикетной формулы переписки для выражения особенного уважения (часто обусловленного социальной иерархией) как среди князей, так и вне княжеской среды (фиксируется в новгородских берестяных грамотах). И жест, и письменная формула вошли в обиход русских земель Великого княжества Литовского (фиксируются уже в грамотах конца XIV в.).

Накадзава допускает происхождение челобитья как заимствования (в домонгольскую эпоху), потому что само выражение «бить челом» точно соответствует тюркскому фразеологизму *баи оре* (за которым стоял соответствующий жест). Однако он же сам указывает и на другие корни этого обряда. Хорошо просматривается связь челобитья как земного поклоня с христианскими идеалами смирения и жестами уважения и приветствия (особенно в среде духовенства). Так или иначе, к XV в. и жест, и формула переписки воспринимались на Руси как «свои», естественные и древние, широко распространенные, и применение их к сфере коммуникации с правителем стало лишь частным случаем общепринятой практики для выражения особого уважения и подчеркнутой иерархии. Возможно, какое-то дополнительное осмысление челобитье получило с течением времени после принятия и развития византийских политических ритуалов (венчания на царство, религиозных церемониалов типа Шествия на ослати и т.п.).

4. На мой взгляд, уподобление отношений правителя и знати отношениям господина и рабов надо тоже возводить к «автохтонным» (древнерусским) корням. Самым сильным аргументом такого рода являются свидетельства о назывании или сравнении людей, служащих князьям, с холопами (рабами), происходящие из времени задолго до конца XV в.

Два свидетельства такого рода содержатся в Галицко-Волынской летописи. Одно из них – в рассказе о походе Бурундая на Волынскую землю в 1259 г. Этот рассказ был написан владимирово-волыньским летописцем, вероятно, еще до смерти Василька Романовича (1269 г.), который выступает здесь главным героем. Именно Васильку приписаны слова, с которыми он обращается к двум боярам, возглавлявшим оборону города Холма (принадлежащего его брату Даниилу), – неким Константину и Луке Иванковичу. Стоя под городской стеной и (притворно) требуя сдачи города татарским войскам, Василько говорит: «Костянтине холопе, и ты, и другии холопе, Лука Иванковичю, се город брата моего и мои, передайтеся» [6, стб. 851]. К боярам князь прямо обращается именно как к холопам, подчеркивая их подчиненный статус.

В этом случае мы имеем дело с текстом, написанном уже после монгольского нашествия, а сам диалог князя и бояр происходит в присутствии татар, поэтому теоретически можно думать, что в именовании бояр «холопами» сказывалось татарское влияние. Именно таким образом рассуждает А.А. Горский, в недавних работах обративший внимание на этот эпизод [2, с. 187–188]. На мой взгляд, все-таки татарское влияние здесь маловероятно: в ответе Васильку бояре подтверждают свою верность Даниилу и готовность противостоять татарам, но никак не реагируют на это обращение к ним как к холопам (что было бы логично, если в таком именовании они видели бы татарский обычай).

Против такой интерпретации говорят и другие данные. Еще одно известие происходит из более ранней части Галицко-Волынской летописи – из так называемого «Летописца Даниила Галицкого» (составлявшегося, видимо, в несколько приемов или из разных повестей до начала 1260-х гг.). В рассказе о борьбе за Галич в 1221 г. летописец, сообщая о победе

Мстислава Мстиславича «Удалого» в этой борьбе, описывает, как он принимает на службу галицкого боярина Судислава, выступавшего до того против Мстислава: «приведоша Судислава ко Мьстиславу, – оному же не помыслившю о нем зла, но милость ему показавшю. Он же [Судислав] обумая нозе его [Мстислава], обещася работе быти ему» [6, стб. 738] «Работа» – это рабство, и значит, боярин готов был служить князю как раб (холоп). Разумеется, мы не знаем, говорил ли эти слова боярин на самом деле или их вложил ему в уста летописец, но, по крайней мере, летописец считал возможным описывать в категориях рабства отношения князя и знати.

Такой взгляд волянского летописца находит соответствие в памятнике, происходящем из Северо-Восточной Руси, – «Слове Даниила Заточника». В древнейшей его редакции, восходящей, видимо, к концу XII в., автор, описывая отношения князя и его окружения, тоже уподобляет их отношениям господина и рабов: «...князь щедр отец есть слугам многим, мнози бо оставляют отца и матерь, к нему прибегают. Доброму бо господину служба, дослужится слободы, а злу господину служба, дослужится болшей роботы». Здесь, правда, речь идет не о боярах, а «слугах», и сам автор себя не называет холопом князя, но в позднейших редакциях «Слова», уже XIII в., этот образ щедрого князя, милостивого к своим «рабам», широко и подробно развивается, и автор обращается к князю только как «раб» к «господину» [7, с. 19–20, 54, 60–61, 65].

5. Таким образом, ритуал обращения служилых людей к правителю в том виде, как он сложился в Московском государстве к началу XVI в., оказывается древнерусским по происхождению. Возможно, какие-то иностранные влияния способствовали его сложению, но лишь косвенно, и едва ли они осознавались современниками.

Значит ли это, что следует вернуться к «вотчинной теории» и к мысли о «рабском сознании» русской знати? Ни в коей мере. Смысл этого ритуала был не в том, чтобы как-то особенно унижить знать с помощью нововведений (например, переноса в придворный этикет вотчинно-холопских форм коммуникации), а возвысить власть правителя и сплотить служилое сословие. Он был принят как «старина», которая не могла и не должна была вызвать никакого переворота в сознании и возмущения. Все три символических элемента этого ритуала логично соотносились между собой и отсылали к принципам и понятиям, которые воспринимались как естественные: титул «государь» означал суверенного правителя, челолюбие было знаком особого уважения (но не связанного ни с сакрализацией, ни с каким-то особым раболепием), принятие всеми служилыми одного самонаименования «холоп» означало безусловную верность и равенство всех в обязанности государственной службы. В сущности, обрядово-формульный комплекс официального обращения знати к правителю отражал не вотчинные принципы, а наоборот, становление государственного сознания и публично-правовые начала. Просто политическая культура, ориентированная на «старину», в поисках наиболее адекватных форм выражения новых социальных явлений обращалась к устоявшимся традициям, отсюда налет и привкус какой-то архаики и патриархальности (ко-

торые, впрочем, давали пространство некоторой манипуляции, как показала эпоха Ивана Грозного).

1. Горский А.А. Русь: от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.
2. Горский А.А. Средневековая Русь. О чем говорят источники. М., 2016.
3. Золтан А. К предыстории русского «государь» // Из истории русской культуры. М., 2002. Т. II. Кн. 1.
4. Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (К постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4.
5. Накадзава А. К проблеме происхождения и эволюции этикетных формул «поклон» и «челобитье» в Древней Руси // ТОДРЛ. СПб., 2016. Т. 64.
6. ПСРЛ. Т. 2. Изд. 2-е. СПб., 1908.
7. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам / Пригот. к печати Н.Н. Зарубин. Л., 1932.
8. Ostrowski D. Muscovy and the Mongols. Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589. Cambridge (Mass.), 1998.
9. Poe M. What Did Russians Mean When They Called Themselves „Slaves of the Tsar” // Slavic Review. 1998. Vol. 57. No. 3.

Н.С. Борисов¹

Средневековая Русь в современных средствах массовой информации

Историческое кино; историческая память; патриотизм; популяризация исторических знаний; массовая культура.

В рамках доклада рассматривается эволюция отражения событий русской средневековой истории в отечественных средствах массовой информации XX–XXI вв. Выделяются исторические образы и сюжеты, вызывающие наибольший интерес в современном обществе. Дается характеристика основных проблем, связанных с изображением исторических событий в кино.

Вспоминая академика Леонида Васильевича Милова, мы смотрим на историю России его глазами – как на средство понять настоящее и предсказать будущее. Наследие Милова весьма разнообразно. Острым скальпелем историка он раскрывал современные политические процессы. Опираясь на глубокие познания в отечественной истории, он анализировал современные явления в экономике, политике и культуре. Его девизом могли бы стать слова Марка Блока: «Есть только одна наука о людях во времени, наука, в которой надо непрестанно связывать изучение мертвых с изучением живых» [1, с. 29].

Анализ ситуации в стране обычно приводил Л.В. Милова к горьким выводам. Некоторые из нас помнят, как сидя за чашкой чая в своем тесном кабинете, он с энтузиазмом средневекового проповедника раскрывал перед нами настоящее и будущее России. Утратив свою социально-политическую идентичность как граждане «первого в мире социалистического государства», нынешние россияне ищут себя в истории. «История – это наука народного самопознания», – говорил С.М. Соловьев [3, с. 44].

¹ Борисов Николай Сергеевич, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), д.и.н., muksalma@mail.ru.

История или ее адаптированная к массовому сознанию и политической конъюнктуре версия – историческая мифология, служит для самоидентификации любому народу. История амбивалентна. Она соединяет и разъединяет людей. Соединяют воспоминания об общих победах, успехах и достижениях. Разделяют воспоминания о братоубийственных войнах, классовых противоречиях, национальных и религиозных конфликтах.

История дает материал для создания идеологии новой исторической общности – российского народа. Осознав эту реальность, государственные власти в последние годы стали все чаще и чаще поддерживать разного рода проекты, направленные на популяризацию исторических знаний. Особенно заметна эта тенденция в массовой культуре – на телевидении, на радио и в кино.

Обращение к образам прошлого для решения актуальных пропагандистских задач – вечный прием любого правительства. И чем слабее власть, тем больше она говорит о своих исторических корнях. Эту закономерность можно отнести уже к первым годам советской власти. Памятники революционерам появились на площадях российских городов согласно «ленинскому плану монументальной пропаганды».

Развитие киноиндустрии в СССР позволило перейти к созданию таких агитационных исторических фильмов как «Чапаев», «Броненосец «Потемкин»», «Александр Невский», «Петр I», «Иван Грозный». Эти фильмы смотрела вся страна. Они создавали некий пантеон героев, предшественников советской власти. Критериями для включения в этот пантеон того или иного персонажа из дореволюционной истории были его заслуги в расширении и укреплении государства, в его защите от внешних и внутренних врагов. Святые самодержавной России (Иоанн Кронштадтский, Серафим Саровский), напротив, подлежали дискредитации.

Особое место в российской истории занимает Великая Отечественная война. Воспоминания о совместной борьбе всех народов СССР с гитлеровской агрессией консолидировали советское общество, смягчали остроту насущных социально-политических проблем. Закономерно, что при всех политических катаклизмах, и даже при формационном развороте от социализма к капитализму, тема Великой Отечественной Войны осталась сакральной и не подлежащей исторической критике.

В 1960-е и 1970-е гг. исторические фильмы в СССР не пользовались большой популярностью. Исключение составляет тема Петра Великого и соответствующие кинопродукты: телевизионный сериал «Россия молодая» по роману Юрия Германа, двухсерийный фильм «Юность Петра» с Дмитрием Золотухиным в роли Петра и Натальей Бондарчук в роли Софьи.

Ситуация существенно изменилась в постсоветский период. В связи с радикальными переменами в обществе происходит и своего рода реабилитация прежде табуированных исторических персон – царей и сановников, деятелей Русской православной церкви. Теряя свою идеологизированность, царская и церковная тема в кинопродукции приобретает все более и более познавательный и развлекательных характер. (Примером та-

кого рода может служить сериал «Иван Грозный» – своего рода иллюстрация к школьному учебнику истории» (реж. А. Эшпай, 2009 г)).

С приходом В.В. Путина на пост президента в 2000 г. во властной элите появляется тенденция к «укреплению вертикали власти», иначе говоря – стремление к усилению личной власти главы государства и укреплению государственного аппарата. Россия не хочет отказаться от статуса великой державы. Но любая держава, кроме экономической и военной мощи, должна иметь самостоятельную идеологию. России нужна идеология, основанная на общедемократических ценностях, но при этом учитывающая своеобразие исторического пути страны, ее сегодняшнее положение в мире.

В поисках решения этой стратегической задачи кремлевские идеологи, не довольствуясь расплывчатым понятием «суверенной демократии», обращаются к истории. Но сама по себе история не может стать идеологией. В прошлом есть все – и успехи и поражения. Под пером историка происходит выборка, суть которой раскрывает парадокс Монтеня: «Народ не должен знать многое из того, что есть истина, и должен верить во многое такое, что есть ложь» [2, с. 208].

Простейший пример такого рода выборки – школьный учебник истории. Он должен содержать не только подборку исторических фактов, но также оценку событий и личностей с позиции общечеловеческой морали, патриотизма и гордости за свою страну.

Привыкший думать, что его кругом обманывают и обворовывают власть имущие, народ и в истории, какой ее подавали в советский период государственные СМИ, чувствовал тенденциозность и неполноту. Не случайно огромные по размаху исторические выставки «Романовы», «Рюриковичи» и др. собирали многочасовые очереди любознательных граждан. Они хотели «узнать правду» о прежних правителях России, о ее дореволюционном прошлом. Сегодня эти и подобные им выставки можно увидеть во многих городах России.

Тяга народа к исторической правде непреодолима. В свое время (в поздний советский период) одна картина Ильи Глазунова «Мистерия XX века» собирала огромные очереди в центральном выставочном зале Москвы – Манеже. Причина состояла в том, что в этой картине можно было увидеть портреты запрещенных советской цензурой Троцкого и Солженицына.

Изображение в СМИ исторических персонажей сегодня контролируется не государственной цензурой, а общественным мнением, критериями нравственного характера. Один из них – религиозное чувство верующих. Образ святого в сознании рядового верующего человека неприкасаем для критики как икона. Противоречивость поступков и суждений исторического лица является нормой для режиссера и автора сценария. Но этот реализм (а иногда и натурализм) при создании образа святого, канонизированного РПЦ, может возмутить верующих. Свежим примером такого рода стала дискуссия о фильме «Матильда», где канонизированный РПЦ царь-мученик Николай II представлен в образе пылкого любовника балерины Матильды Кшесинской.

Показательна история создания в кино образа «крестителя Руси» – киевского князя Владимира Святославича. Две юбилейные даты (1988 г. – тысячелетие крещения Руси и 2015 г. – тысячелетие кончины Владимира) усилили общественный интерес к этому персонажу. В обращении российских властей к образу Владимира, гигантский памятник которому воздвигнут у ворот московского кремля, ощутил и привкус политической конъюнктуры – своего рода историко-церковного соперничества между Россией и Украиной.

Имя Владимира известно каждому школьнику. Принимаясь за экранизацию образа Владимира, режиссер сразу же получает своего рода индульгенцию – право на создание многогранного образа. Крещение Владимира разделяет жизнь князя на два периода: языческий и христианский. Показывая Владимира языческого периода, можно, следуя летописцам, не стесняться в красочном изображении его жестокости, коварства, многоженства и иных пороков. На этом направлении и создавали свое произведение авторы фильма «Викинг», вышедшего на экраны в 2016 г. Обилие спецэффектов и компьютерной графики не могло скрыть бедность сценария.

Князь Владимир – фигура весьма неоднозначная. Он, если так можно выразиться, одной ногой стоит в церковной истории, а другой – в светской. Былины прославили его пиры в стольном граде Киеве и дружбу с богатырями – Ильей Муромцем, Добрыней Никитичем и Алешей Поповичем. Владимир стал достоянием фольклора. Иначе говоря, он уже не историческая реальность и не акафист, а своего рода русская народная сказка. Именно этот сказочный и былинный аспект образа Владимира открывает возможность создания анимационного образа. И такой мультипликационный фильм «Князь Владимир» был создан и имел успех у зрителя.

Князь Владимир удачно попал в стилистику мультфильма. Кажется, никто не упрекнул создателей этого остроумного и жизнерадостного произведения. Но попытка создать к 700-летию со дня рождения Игумена Земли Русской мультфильм «Сергия Радонежский» успеха не имела. Работа над мультфильмом приостановилось в самом начале и так и не была возобновлена.

Исторические фильмы бывают весьма различны по исходной задаче. Фильм на историческую тему может быть прежде всего зрелищным (как например, многочисленные голливудские фильмы на тему истории Греции и Рима) или историко-философским (как «Андрей Рублев» Тарковского), либо воспитательно-педагогическим, либо учебно-познавательным. Эти элементы присутствуют в каждом реальном фильме. Их соотношение и определяет успех фильма у той или иной категории зрителя.

Своего рода «госзаказ», полученный современным российским кино, состоит в создании зрелищных фильмов, способных конкурировать с зарубежными образцами. Но помимо своей зрелищности эти фильмы должны воспитывать у зрителя патриотизм и исторический оптимизм. И наконец – иметь коммерческий успех, оправдать затраты на производство. На этой волне возник фильм «Евпатий Коловрат», посвященный героической борьбе русского народа против татаро-монгольского нашествия. Однако,

первый блин оказался комом. Перенасыщенный компьютерной графикой и построенный на стереотипах поведения суперменов и спецназа, фильм не вызвал у публики большого интереса.

Тема и отношений Руси с Ордой весьма сложна и для профессиональных историков. Но кажется, именно эта неопределенность и привлекла сценаристов и режиссеров. Сравнительно недавно прошел по телевидению сериал «Золотая Орда» (2018 г.). Бесхитростный сценарий фильма построен на любви русского князя Ярослава к монголке, а монгольского князя – к русской женщине. Татары строго названы «ордынцами». В фильме есть впечатляющие батальные сцены. Но если убрать средневековые костюмы и декорации, то в остатке будет все тот же финал «кухонных» сериалов – «все плачут».

Несколько лет назад была предпринята попытка сделать фильм о Руси и Орде на более высоком интеллектуальном уровне. Так появился фильм «Орда» известного режиссера Павла Лунгина. Сюжет фильма разворачивается вокруг подлинного исторического события – поездки в Орду главы Русской православной церкви митрополита Алексия в 1357 г. Целью поездки было исцеление ослепшей ханши Тайдулы, которая верила в чудодейственные способности «главного русского попа». Достоверность образа святого митрополита Алексея вызывает споры. Но в любом случае сюжет фильма очень мало связан с реальными проблемами Руси XIV столетия.

Пресыщенный однообразной чередой «кухонных» сериалов с их примитивными коллизиями, унылыми городскими пейзажами и незамысловатой игрой актеров, современный зритель среднего уровня интеллекта хочет чего-то более оригинального и качественного. И тут ему приходят на помощь развлекательные, но увы зарубежные исторические сериалы... Бесконечный «Великолепный век» с его восточной роскошью интерьеров и пылкими страстями турецкого гарема надолго приковал российского обывателя к телевизору. Этот успех заставил отечественных киношников задуматься. Тотчас явилась мысль о подражании. «А мы что, хуже?» Однако достойных подражателей у «Великолепного века» в российских СМИ пока не нашлось. И дело не только в материальных трудностях. «Великолепный век» – это не только красивые актеры и любовные коллизии. Это впечатляющая панорама истории Турции в XVI столетии. Перед зрителем проходит галерея правителей государства, озабоченных не только гаремными интригами, но и судьбой страны. Словом, это действительно «великолепный век» Турции. И Турция гордится своим прошлым великолепием. Эффектная зрелищность и благородная мораль персонажей дополнялась здоровым патриотизмом. Славное прошлое побуждало мечтать о славном будущем своей страны...

Наше общество тянется к истории. Даже скромные по исполнению отечественные «гаремные» сериалы нашли своего зрителя. Любвеобильная Екатерина Вторая с ее незадачливым мужем, коварными сановниками и могучими любовниками превращается в новом сериале в «Кровавую барыню» – любовную соперницу все той же Екатерины. Попыткой

уйти в глубину веков, подальше от надоевшей Екатерины и исчерпанного Петра Великого стал сериал «Раскол».

И тогда производители исторических сериалов решили погрузиться в историю еще глубже. Миновав скользкую тему Ивана Грозного, киношники ушли в эпоху Ивана III. Странно, но факт: образ действительно великого государя, о котором Карамзин сказал: «Россия нынешняя образована Иваном» прежде не привлекал сценаристов и режиссеров. И на сей раз не решившись вызвать в полный рост тень Державного, производители сериала ограничились более скромной персоной – женой Ивана Великого Софьей Палеолог. Не вдаваясь в анализ фильма, отметим очевидное: истории России как таковой в сериале нет. Как нет и полноценного образа «государя всея Руси» Ивана Великого.

Накопленный при работе над Софьей творческий опыт, а также оставшиеся материальные ценности (костюмы, бутафория) воодушевили съемочную группу на еще более дерзкий исторический проект – 16-серийный «Годунов». Успех этого фильма отражает его высокий рейтинг, едва ли не самый высокий среди сериалов последних лет. Отечественные художественные фильмы на исторические темы остаются востребованными зрительской аудиторией. Они являются важной частью той работы по патриотическому воспитанию, которая является необходимым условием выработки новой российской идеологии.

В этой ситуации задача историков состоит в своего рода «научной цензуре», в том, чтобы не допускать на экран явную историческую безграмотность или же сознательную дискредитацию героев нашего прошлого.

1. Блок М. Апология истории. М., 1973.
2. Монтень М. Избранное. М., 1988.
3. Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983.

Д.М. Володихин¹

Ведущие русские полководцы времен Василия III

Василий III; аристократия; русские полководцы.

В статье перечисляются полководцы Василия III, добивавшиеся наибольших результатов на поле боя. Дан также список военачальников, чаще всего назначавшихся на наиболее значительные командные должности.

Критериями оценки того положения, которое занимал полководец в составе военной элиты Московского государства, следует считать востребованность, т.е. частоту назначений его в определенном ранге (воеводском чине), а также его результативность. Что касается первого, то в исследовательский фокус данной работы поставлены первые воеводы Большого полка (т.е. фактически командующие самостоятельными полевыми соединениями) а также первые воеводы других полков, осуществлявшие

¹ Володихин Дмитрий Михайлович, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), д.и.н., volodih@mail.ru.

руководство, хотя бы формально, наиболее крупными тактическими единицами в рамках самостоятельного полевого соединения.

Источниковой базой исследования послужили разрядные книги за период правления великого князя Василия III (1505–1533 гг.), летописи, а также «Записки о Московии» Герберштейна и некоторые другие источники иностранного происхождения.

В числе наиболее результативных «государевых воевод» указанного периода должны быть названы прежде всего боярин князь Даниил Васильевич Щеня (во время войны с Великим княжеством Литовским 1507–1508 гг. осуществил опустошительное нашествие на Оршу, Дубровну и соседствующие города, затем отбил у литовцев Торопец; в 1514 г. являлся старшим воеводой в армии, которая взяла Смоленск), боярин Иван Васильевич Симский-Хабар (в 1521 г. отбил крымцев от Рязани, а в 1524 г. разгромил войнство казанцев на реке Свияге), князь Василий Данилович Холмский (возглавил набег на Мстиславль в начале войны с Великим княжеством Литовским 1507–1508 гг., выбил литовцев из Дорогобужа в 1508 г.) и, наконец, боярин князь Василий Васильевич Шуйский-Немой (его полководческая деятельность была пестрой: победы перемежались с поражениями, но, во всяком случае, два крупных успеха за ним надо признать – отражение королевских сил от Смоленска в 1514 г. и разорительное нападение на Литву в 1519 г.).

В целом же правление Василия III беднее и крупными военными достижениями, и значительными дарованиями полководцев, нежели правление его отца Ивана III. Более того, все наиболее результативные полководцы времен Василия III унаследованы от предшествующей эпохи. Когда воеводский корпус остался без них (с конца 1510-х – начала 1520-х гг.), найти им адекватную замену не удалось. Боярин И.В. Симский-Хабар, отмеченный исключительными боевыми заслугами и, по всей видимости, незаурядным тактическим даром, как ни странно, не попал в число полководцев, востребованных в наивысшей степени.

Что касается наиболее востребованных «государевых воевод», то среди военачальников, которым доверяли командование самостоятельными полевыми соединениями, в источниках чаще всего звучат имена боярина князя Александра Владимировича Ростовского, боярина князя Михаила Васильевича Горбатого-Шуйского по прозвищу Кислый, а также упомянутых выше князей Д.В. Щени и В.В. Шуйского-Немого, при этом последний – абсолютный лидер по количеству назначений. У каждого из них – четыре и более боевых операций, в рамках которых они возглавляли самостоятельные полевые соединения.

Особенностью эпохи Василия III (в отличие, скажем, от времен Ивана IV) является то, что к участию в боевых действиях нередко привлекались члены семьи великого князя, т.е. прежде всего, его братья, а также удельные князья Московского дома, имеющие более отдаленное родство с правителем. Чаще всего – Юрий Иванович Дмитровский. Любопытно, что другой брат Василия III, Дмитрий Иванович по прозвищу Жилка, как отмечалось в литературе, не имел воеводских способностей, и его назна-

чения на ключевые командные должности приводили к серьезным осложнениям на поле брани.

Кроме того, при Василии III самостоятельное значение в воеводском корпусе имеет широкий слой так называемых «служилых князей». По словам А.А. Зимина, емко охарактеризовавшего этот слой, «в первой трети XVI в. в Русском государстве существовала влиятельная прослойка так называемых „слуг“, или „служилых князей“, образовавшаяся в основных своих чертах в результате присоединения к России западнорусских земель. Это Мстиславские, Одоевские, Глинские, Воротынские, Бельские, Трубецкие и др. Они по своему положению занимали как бы промежуточное положение между удельными князьями и князьями Северо-Восточной Руси, потерявшими к концу XV – началу XVI в. суверенные права на старые княжения. Основное отличие „удела“ от княжения служилых князей сводилось к тому, что княжение рассматривалось как наследственная вотчина (перешедшая от предков „слуги“ или пожалованная ему великим князем) и обуславливалось несение военной службы московскому государю. Удел же – часть общерусских земель, завещанная великим князем своим прямым потомкам... Служилые князья в первой трети XVI в. не составляли единой сплоченной корпорации». Выше прочих стояли Шемячич и Стародубские (Северские), они считались как бы патронами северских княжат, часто находившихся во время войн на Юге и Западе под их командованием. Ниже – Бельские, Глинские, Мстиславские. Они связаны родственными узами с Василием III. Одоевские и Трубецкие таких связей не имели, но они, как выразился Зимин, «...сохраняли корпоративные связи на местах». Нечто среднее представляли собой Воротынские, которым земли были пожалованы великим князем, но в районах их старинных вотчин. Сохраняя за «служилыми князьями» часть их привилегий в их окраинных вотчинах, «Москва формально поставила их выше старомосковского боярства, но удалила их от реального управления страной» [1, с. 143–145].

Летописание и разрядные документы показывают, что если в начальные годы правления Василия III «служилых князей» на военной службе четко отделяли от «государевых воевод», не только ставя на первые места в разрядах, но и делая формальные оговорки, то уже с 1510-х гг. это различие исчезает, проявляясь лишь в редких случаях. Процесс «размывания отличий» коснулся прежде всего князей Мезецких, Одоевских, Белёвских и Бельских; довольно быстро исчезают черты формального отделения от «государевых воевод» и в отношении князя И.М. Воротынского.

Среди «служилых князей» своего рода «рекордсменами» по числу наиболее значительных воеводских назначений являются князь Иван Михайлович Воротынский, а также князь Василий Семенович Одоевский-Швих; к ним «подтгивается» князь Михаил Львович Глинский, перебежавший со стороны литовцев, а в начале 1530-х гг. – князь Иван Иванович Белёвский. У каждого из названных военачальников не менее четырех назначений на командование самостоятельными полевыми соединениями.

Князь И.М. Воротынский представляет собой необычный феномен. Он ставился во главе больших ратей полтора десятка раз, и сравниться с ним по количеству подобного рода назначений может один лишь князь В.В. Шуйский-Немой. Это, думается, свидетельствует о незаурядном доверии к Воротынскому со стороны Василия III и, не менее того, о тактическом таланте князя. С другой стороны, особое положение Ивана Михайловича при великих князьях московских может быть связано и с особым положением его до перехода под власть Москвы (это произошло еще при Иване III). По меткому замечанию М.М. Крома, под управлением великих князей литовских «...в отличие от своей „братии“ – других черниговских княжат, Воротынские и Одоевские не превратились в обычных вотчинников и сохранили к концу столетия княжеские права... Как подобает князьям, Воротынские и Одоевские имели собственных бояр и слуг, которых жаловали за службу селами... Воротынские располагали, можно предположить, внушительными отрядами вооруженных слуг – судя по их набегам на соседние территории в 80–90-х гг.» [2, с. 42–43].

Особое отношение Василия III видно к двум удельным князьям, занимавшим верхние позиции среди князей служилых: они сохранили полунезависимое положение, и московская разрядная документация никогда и ни при каких обстоятельствах не смешивает их самих, а также их войска с «государевыми воеводами» и государевыми полками. Это князь Василий Семенович Стародубский и князь Василий Иванович Шемячич. Вместе с тем, оба князя по многу раз выходили в поле, чтобы стоять под стягами великого князя московского. Судьба их хорошо известна: первый, брачный свойственник Василия III по первой супруге великого князя Соломонии Сабуровой, видный военачальник, жестоко пострадал в результате конфликта с Шемячичем, скончался, оставив свои громадные владения великому князю; второй, несмотря на крупные военные заслуги в обороне южнорусских рубежей, был арестован, провел несколько лет в заточении и скончался, так и не выйдя на свободу.

Таким образом, все наиболее востребованные в правление Василия III командующие самостоятельными полевыми соединениями – выходцы из титулованной знати, притом наполовину – из служилых князей. Это не значит, что старомосковское боярство не назначалось на такого рода должности. Однако частота назначений представителей нетитулованной аристократии значительно ниже. Заметнее других Яков Захарьич Кошкин, имевший два подобных назначения.

«Государевы воеводы», в наибольшей степени востребованные на уровне чина первых (т.е. старших) полковых воевод, гораздо многочисленнее. На данном уровне столь же четко прослеживается социальная тенденция, которую видно было и уровнем выше: среди первых полковых воевод абсолютно преобладают выходцы из титулованной знати. Это князь Андрей Иванович Булгаков-Курака, князь Семен Федорович Курбский, прославившийся еще при Иване III успешным походом за Урал, князь Иван Андреевич Микулинский-Лугвица, князь Александр Васильевич Оболенский Кашин, князь Петр Иванович Оболенский-Репнин, князь Иван Иванович Оболенский-Стригин по прозвищу Щетина, князь Федор

Васильевич Оболенский-Лопата, князь Иван Федорович Оболенский-Телепнев по прозвищу Овчина (особенно отличился, сражаясь с татарами в 1533 г.), князь Семен Дмитриевич Оболенский-Щепин по прозвищу Серебряный, князь Иван Александрович Ростовский-Хохолков по прозвищу Буйнос, князь Иван Михайлович Троекуров, князь Борис Уланов-Тебет (на счету каждого пять и более боевых операций «в поле» в названном чине, а в целом ряде случаев также тактическая работа в более низких воеводских чинах).

Из среды старомосковских боярских родов до этого показателя «дотянулись» только двое: Иван Андреевич Колычѳев-Черный и Андрей Васильевич Сабуров, также брачный свойственник великого князя по его первой супруге Соломонии.

Что касается служилых князей, то для их уровня назначение на должность полкового воеводы – относительная редкость. Время от времени князья Мезецкие и князья Одоевские принимали на себя такого рода функции, однако, скорее, в виде исключения.

Итак, три главных особенности состояния и развития военной элиты России при Василии III таковы: во-первых, на протяжении всей второй половины правления Василия III (с конца 1510-х) – после ухода князя Д.В. Щени и князя А.В. Ростовского – воеводский корпус не располагает ведущими (т.е. регулярно востребованными) и притом высокорезультативными командующими самостоятельных полевых соединений; во-вторых, сфера влияния старомосковского боярства (нетитулованной знати) на комплектование воеводского корпуса сокращается – по сравнению с временами Ивана III; в-третьих, на уровне полковых воевод видно полное и абсолютное преобладание различных ветвей княжеского дома Оболенских над всеми остальными родами титулованной аристократии.

1. *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.
2. *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой. М., 1995.

Н.В. Белов¹

Неизвестное боевое назначение князей Петра Щенятева и Андрея Курбского

Русско-казанские войны; П.М. Щенятев; А.М. Курбский; частные разрядные книги; основание Свяжска.

Изучение разрядно-родословного сборника РНБ. Q.IV.85 дает все основания полагать, что в одной из помещенных в нем вставок сохранился текст подлинной черновой разрядной росписи Свяжского похода весны 1551 г. Указанная роспись содержит сведения о неизвестном ранее боевом назначении князей П.М. Щенятева и А.М. Курбского.

Перечень боевых назначений князей Петра Михайловича Щенятева и, в особенности, Андрея Михайловича Курбского хорошо известен. Тем

¹ Белов Никита Васильевич, СПбГУ (РФ, Санкт-Петербург), belovnikita1997@yandex.ru.

не менее, изучение частных разрядных книг может существенно расширить наше представление о военной карьере представителей высшей служилой аристократии Московского государства XVI в.

В разрядно-родословном сборнике последней четверти XVII в. РНБ. Q.IV.85 содержатся выписки из Разрядной книги 1487–1577 гг. (Библиотечный VIII список по классификации Ю.В. Анхимюка [1, с. 239–241]). К ним присоединены две вставки за 7057 г. о приезде казанских послов и 7059 г. о строительстве Свяжска². Наше внимание привлекла вторая вставка, содержащая разряд пятиполковой рати, весной 1551 г. посланной в устье р. Свяги для обеспечения безопасности строительства Свяжской крепости и приведения к присяге местного черемисского населения³. Этот разряд практически полностью совпадает с известными нам разрядами официальных и частных разрядных книг. Исключение составляет разрядная роспись воевод Передового полка: «в Передовом полку князь Петр Михайлович Щенятев да князь Андрей Михайлович Курбской»⁴, тогда как во всех прочих разрядах и летописных известиях воеводами числятся Петр Андреевич Булгаков и Иван Федорович Карпов [8, с. 163; 9, с. 61; 10, с. 131; 12, с. 398; 13, с. 12].

Как же интерпретировать эту уникальную запись? Во всех прочих списках Разрядной книги 1487–1577 гг. князя Щенятев и Курбский в походе весны 1551 г. не упоминаются⁵. Видеть в записи фальшивую вставку нет никакой возможности: в выписках отсутствуют какие-либо указания на их близость к интересующим нас аристократическим родам. Значит, следует обратить большее внимание на характер помещенных в сборнике разрядных выписок.

Несомненно, автор этой разрядной компиляции располагал сразу несколькими источниками. Так, приписка о казанском посольстве в Москву имеет сходные черты с записями официального летописания⁶. А помещенный в самом начале выписок разряд Вяземского взятия 1492 г. не соответствует аналогичной росписи Разрядной книги 1487–1577 гг.⁷, кроме того, составитель сам указал его источник: «Выписана из розрядов государя великого князя Василья Ивановича всеа Руси»⁸. Таким образом, в распоряжении составителя сборника помимо собственно РК 1487–1577 гг. дополнительно находились какие-то неизвестные нам источники, скорее всего – еще одна разрядная компиляция, включавшая в себя разрядные записи времени правления Василия III и Ивана IV.

Мог ли автор сборника ошибиться, вписав имена Щенятева и Курбского в весеннюю роспись воевод 1551 г.? Едва ли. Князь Курбский неоднократно служил в полку Щенятева, самому князю Щенятеву впослед-

² РНБ. Q.IV.85. Л. 168–169.

³ Подробно об этих событиях см.: [2, с. 33–35].

⁴ РНБ. Q.IV.85. Л. 168 об.

⁵ См. напр.: РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1529. Л. 251; РГБ. Ф. 228. Собр. Пискарева. № 183. Л. 182.

⁶ РНБ. Q.IV.85. Л. 168. Ср.: [9, с. 48].

⁷ РНБ. Q.IV.85. Л. 160; РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1529. Л. 212 об. Более всего он похож на роспись РК 1475–1605 гг. [11, с. 37].

⁸ РНБ. Q.IV.85. Л. 160.

ствии приходилось возглавлять Передовой полк... Но об их совместных назначениях в Передовой полк ничего неизвестно.

По нашему мнению, сохранившаяся в сборнике РНБ. Q.IV.85 роспись является настоящей *черновой росписью* Свяжского похода 1551 г.

Косвенным подтверждением этому являются служебные биографии князей П.М. Щенятева и А.М. Курбского. Впервые Петр Щенятев и Андрей Курбский получают совместное назначение в полк Правой руки пятиполковой рати, вставшей на Оке «с Егорьева дня Вешнего» (23 апреля 1551 г.) для защиты южных рубежей [10, с. 132; 12, с. 402]. Произошло это через три недели после начала Свяжской экспедиции⁹. По своему местническому рангу П.М. Щенятев вполне мог быть назначен первым воеводой Передового полка в походе к устью р. Свияги. Весьма показательным является и тот факт, что в итоге во главе Передового полка был поставлен ближайший родич Щенятева, его троюродный брат П.А. Булгаков – еще одно подтверждение предложенной нами версии.

Почему же Щенятев вместе со своим «товарищем» А.М. Курбским оказались переброшены на Оку? Поход на Свиягу был спланирован еще весной 1550 г. [9, с. 60]. Следовательно, разряд предстоящего похода мог появиться никак не позднее конца зимы – начала весны 1551 г., после завершения осенних, но до начала весенне-летних боевых выходов. Этим то временем, по-видимому, и следует датировать нашу разрядную запись. Однако весной 1551 г. изменилась внешнеполитическая обстановка: в результате военного переворота к власти в Крыму пришел Девлет I Гирей, враждебно настроенный по отношению к России [3; 6, с. 78–79]. Правительство Ивана IV прекрасно осознавало степень угрозы, а потому действовало решительно. В апреле 1551 г. на южных рубежах началось строительство крепости Михайлов [10, с. 131]. Для наблюдения за происходящим в степи на Поле были направлены отдельные воинские соединения и – впервые за десять лет – станицы (конные дозорные отряды) из Путивля [4, с. 109–110]. Тогда же на Оке «для приходу крымских людей» встала многочисленная пятиполковая рать [12, с. 402]. В нее-то и были переназначены наши герои – князья П.М. Щенятев и А.М. Курбский.

О причинах этого переназначения можно лишь догадываться. Петр Щенятев имел в своем послужном списке меньшее число воеводских назначений, чем его родственник Петр Булгаков. Однако полевого опыта у Щенятева было не в пример больше: незадолго до того, в марте 1549 г. и декабре 1550 г. он проявил себя талантливым военачальником, наголову разбив отряды казанских и ногайских татар, вторгшихся в пределы Московского государства [7, с. 54; 8, с. 161; 10, с. 130; 12, с. 396–397; 14, с. 296]. Вероятно, опасность крымского набега была достаточно высока, и военное командование решило назначить подающего большие надежды Щенятева на ответственный пост руководителя полка Правой руки в размещившейся на «Берегу» армии (фактически – вторая по старшинству должность в войске после первого воеводы Большого полка¹⁰). Тем более, что последним боевым постом Щенятева была приграничная крепость Зарайск

⁹ Ее начало надежно датируется 3 апреля [12, с. 397].

¹⁰ Об иерархии полковых воевод см.: [5, с. 153–160].

– именно у Зарайска в апреле 1551 г. и встал в ожидании возможного прихода крымцев вверенный Петру Михайловичу полк Правой руки.

Подробный анализ обнаруженной нами разрядной росписи похода весны 1551 г. позволяет говорить о ее черновом характере. П.М. Щенятев и А.М. Курбский действительно, по-видимому, первоначально были распределены в отправлявшийся к устью р. Свияги Передовой полк, однако затем, в апреле, получили новое назначение в стоявший на Оке полк Правой руки. Это-то их окончательное назначение и вошло в тексты известных нам летописей и разрядных книг. Для Петра Щенятева это было лишь очередным боевым выходом. А вот для Андрея Курбского Свияжский поход мог стать первой в его жизни полевой службой – до того он всего-навсего несколько месяцев исполнял обязанности городского воеводы в крепости Пронск [10, с. 129]. И только в силу обстоятельств первым боевым назначением князя Андрея в историографии стали считать весенне-летнее стояние 1551 г. на Оке в должности второго воеводы полка Правой руки.

1. *Анхимюк Ю.В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков. М., 2005.
2. *Белов Н.В.* Свияжская эпопея лета 1551 г. и начало присоединения чувашских земель к Московскому государству // История военного дела: исследования и источники. 2017. Т. 9. [Электронный журнал] (<http://www.milhist.info/2017/01/27/belov/>).
3. *Виноградов А.В.* Крымские ханы в XVI веке // Отечественная история. 1999. № 2.
4. *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991.
5. *Корзинин А.Л.* Порядок иерархии полковых воевод в Ливонскую войну // Балтийский вопрос в конце XV–XVI в.: Сб. науч. статей. М., 2010.
6. *Пенская Т.М., Пенской В.В.* Главная война Ивана Грозного // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2013. Вып. 3.
7. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Публикация текста / Сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. Казань, 2006.
8. ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. СПб., 1904.
9. ПСРЛ. Т. 29. М., 1965.
10. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.
11. Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 1.
12. Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 2.
13. Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1975. Т. 1.
14. *Шмидт С.О.* Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. М.; Л., 1951. Т. 7.

**Способы фиксации хронологической информации
в посольских книгах (на примере известий за первую
половину – середину XVI в.)**

История России; посольские книги; календарь; церковный календарь; недельный цикл.

В статье рассматриваются способы выражения дат и фиксации хронологической информации на материале известий посольских книг за первую половину – середину XVI в.

Возможны разные способы фиксации хронологической информации. Например, для 1546 г. варианты «23 апреля», «в пятницу 23 апреля», «Юрьев день вешний», «Великая пятница», «в пятницу на Страстной неделе», «за два дня до Велика дни», «в четверг 22 апреля... а назавтрее...» равно указывают на 23 апреля. Однако если временная информация (количественная – конкретная дата) в них заключена одна и та же, то темпоральная (качественная – восприятие времени и отношение к нему) – различная. Исследователи давно обратили внимание на подобное многообразие. При этом подчеркивается: практические потребности порождают новые хронологические системы, происходит накопление способов счета времени и выражения представлений о нем и именно их разнообразие характеризует развитие общества. Однако люди считают время не единообразно, а так, как им удобно, как того требует ритм общественной жизни. Таким образом, в развитом обществе есть выбор «линеек», которыми можно измерить время, а количество, разнообразие и частотность использования тех или иных способов счета времени могут указать на особенность жизни общества, их применяющего [1, с. 20–21; 2, с. 154–155; 3]. Поэтому интерес представляют не только «хронологические новинки» той или иной эпохи, но и комплекс одновременно используемых в конкретном обществе (или его части) хронологических систем.

В данной работе мы предлагаем рассмотреть, как в посольской документации фиксировались даты. Более крупные единицы счета времени (годы, периоды, правления), равно и более узкие (части суток) мы опускаем. Обращение именно к датам дает возможность взглянуть, с одной стороны, на особенности делопроизводства: как было допустимо отражать время в официальных документах; с другой стороны, – на ритм жизни и временные маркеры (ориентиры) людей, причастных к дипломатической службе (какие способы счета времени для них актуальны, как им удобнее запоминать и фиксировать информацию).

Посольские книги – вторичные по своему происхождению документы, представляющие собой подборку и переработку наиболее значимых документов, касающихся конкретных посольств. При этом самые важные документы копировались полностью, менее значимые давались в пе-

¹ Горюшкина Людмила Павловна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), alae@mail.ru.

ресказе. Оригинальные тексты (тексты договоров и официальные посольства, верительные грамоты послов, инструкции и отчеты, сведения о ходе переговоров и т.п.) составлялись от лица высшей власти, администраторов разных уровней, участников посольства разного ранга и сотрудников дипломатического ведомства. Хронологический материал в них столь же разнообразен: календари посольств от отъезда до возвращения (по версии официального протокола и послов), даты предполагаемых сроков приезда послов и судей, даты документов, имеющих отношение к разным этапам посольства, и т.п. В то же время весь этот материал обрабатывался в одном учреждении и носил официальный характер. Следовательно, отражает если не общепринятые, то допустимые в официальном обращении способы измерения времени.

В XVI в. Россия поддерживала дипломатические контакты с довольно широким кругом стран, однако для рассматриваемого нами периода (1505–1567 гг.) сохранились посольские книги, касающиеся отношений только с восемью соседями: Швецией, Данией, Пруссией, Великим княжеством Литовским и Польшей, Священной Римской империей, Крымским ханством, Османской империей (об отношениях как с султаном, так и с православными иерархами в его подданстве) и Ногайской ордой². Но и этот комплекс не полон: имеются значительные утраты как на уровне копирования документов в книги, так и на уровне сохранности самих книг.

Таким образом, материал в нашем распоряжении позволяет говорить скорее о тенденциях, которые можно проследить. В то же время объем хронологической информации в посольских книгах статистически значим (почти 4000 дат³), а наличие книг по связям с католическими, протестантскими и мусульманскими государями позволяет поставить вопрос о взаимодействии людей разных культур, а следовательно – и разных традиций счета времени.

Почти половина рассматриваемых дат (порядка 1870) – сведения о днях прибытия / отбытия послов, приемов при дворе и т.п., зафиксированные непосредственно приказными служащими (т.е. внутренние записи дипломатического ведомства). Преобладают датировки через указание на месяц и число (77 %), либо месяц, число и день недели (19 %). По отдельным книгам соотношение варьируется, однако нигде число случаев, выраженных этими двумя способами, не опускается ниже 85 %. Указания на день недели содержатся (в рамках той или иной комбинации) только в 21 % дат Указания же на праздники церковного календаря крайне редки – менее 2 %. При этом даты, соответствующие двенадцатым или крупным праздникам, свободно передаются через указание на месяц и число.

Еще более единообразно передаются даты в конечном протоколе грамот. В общей сложности в рассматриваемых книгах сохранились конечные даты 351 грамоты: 314 от лица государя (перемирные грамоты, верительные, проезжие, инструкции и т.п.) и 37 от частных лиц к государю.

² См. [4; 5; 6; 8; 9; 10; 11; 12; 13]. РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1.; Ф. 89. Оп. 1. Д. 1; Ф. 123. Оп. 1. Д. 6–12; Ф. 127. Оп. 1. Д. 6–7.

³ Приведенное число отражает порядок цифр. При подсчетах нами опускались указания «того же дни» при описании событий.

Это число не отражает общего количества грамот, имеющих отношение к посольствам: в книги попадали только важнейшие, а многие грамоты, включенные в текст, не имеют точной даты. Однако 350 из них датированы единообразно – через указание на месяц и число, лишь в одной грамоте (частной!) добавлено указание на праздник. В этом типе известий большей вариативностью отличалось указание на год, а не дату (например, оно могло быть расширено информацией о годах правления государя на российском, казанском и астраханском престолах).

Внутри грамот, отправляемых от имени государя, в большинстве случаев обсуждалось только два вопроса, имеющие хронологическую составляющую: сроки перемирий и сроки съезда судей на границе или обмена послами. Заметны две тенденции в способах фиксации дат: а) использование церковного календаря (даты, состоящие только из числа и месяца, составляют четверть; зато даты, включающие отсылку к церковному календарю, – порядка 63 %) и б) «отзеркаливание» входящих текстов (если дата в каком-то виде была зафиксирована в документе, ее копируют и тиражируют дальше в официальных документах именно в этой форме). Последнее любопытно тем, что даты фиксируются в виде, удобном отправляющей стороне: к примеру, из России будут писать в Крым о сроке «на наше Петрово заговенье», а из Крыма в Россию – о сроке «на молодую месяца июня» (речь идет о начале лунного месяца – Л.Г.). Отдельно стоит заметить, что назначение сроков через отсылку к подвижному маркеру (к переходящему церковному празднику или дню по лунному календарю) смущения не вызывает, как, видимо, и неудобств. Контрагенты достаточно хорошо знают календарь соседей, чтобы даже следить за точностью в формулировке сроков⁴. Впрочем, постепенно в отношениях с Крымом переходят к выражению сроков через количество дней. Сроки перемирий в грамотах (если фиксировались) обозначались через дни церковного календаря; исключением стало лишь перемирие с Ливонией: впервые во всех грамотах срок был зафиксирован через месяц и число.

Изредка посольские книги передают пересказ государевых приказов (всего 2,6 % дат). Значительная их часть – распоряжения о движении послов. Передаются чаще через указания на месяц и число или месяц, число и день недели. Только в этом блоке известий время от времени звучит указание на часы (однако его нет в отчетах, соответствующих приказу). Поскольку часть распоряжений касается послов, уже находящихся в столице, встречается много относительных отсылок через указание дня недели («во вторник...»).

Из «входящих» документов нас интересуют только составленные русской стороной. Первый блок – это грамоты от наместников и воевод пограничных городов, содержащие информацию о прибытии посланников на границу или сроках движения послов. Эта разновидность текстов

⁴ Например, ситуация, когда «у грамоты говорил Богущь: заговение мясное у латыни ваше масленое заговение; и государь бы велель написати въ грамоту срокъ масленое заговение» [11, Т. 35, с. 587]. Срок был изначально сформулирован с опорой на православный календарь, но скорректирован по просьбе польско-литовской стороны.

не попадала в посольские книги систематически, кроме того, чаще они даются не целиком, а в пересказе. Здесь передавалась краткая и точная информация, очевидно оперативная, возможно, поэтому передавалась она чаще через число и месяц или число, месяц и день недели – таких случаев 84 %.

Второй блок – отчеты посланников. Вопрос авторства этих текстов поднимался [7, с. 99, 150–151, 159, 161], но определенно можно назвать только тех, кто официально отвечал за содержание документов. Каково было реальное участие в составлении грамот лиц, именами которых грамоты подписаны, кто вел промежуточные записи (если таковые велись) и составлял текст, мы не знаем. По количеству дат (около 1200) эта группа сведений вторая по размеру. И самая разнообразная по способам передачи хронологической информации. Формально, преобладающими остаются датировки через месяц и число и месяц, число и день недели – 46 % от общего числа. Указания на церковный календарь содержат лишь 30 % дат. Поскольку в отчетах описывается ход событий, распространены относительные указания («назавтрее», «[после того] в четверг», «спустя три дня» и т.п.). Однако если подойти к вопросу не с позиции общего количества дат, а с позиции количества текстов, авторы которых используют разные способы датирования (что существенно, поскольку тексты не равноценны по объему и насыщенности хронологической информацией), процент несколько изменится. В посольские книги включены отчеты нескольких десятков посланников и большинство содержат отсылки к церковному календарю. Тем заметнее на их фоне миссии, в отчетах которых приведены сплошь указания на месяц и число (кн. А. Ромодановского в Данию, А. Нагоя в Крым). Значительно число отсылок (самостоятельно и в комбинации с другими способами датирования) к недельному циклу (31 %).

Частота и количество отсылок к церковному календарю позволяют взглянуть на церковный год глазами служащего дипломатического ведомства. Временными маркерами выступают начала всех многодневных постов и праздники, эти посты завершающие (однако не упоминаются Святки). Отдельно выделяются подготовительные к Великому посту недели: Всеедная, Мясопустная и Масленая – и первая неделя поста с завершающим ее воскресением («Зборным», «Збором») – Зборная или Федорова. Внутри поста указываются все недели, но выделяются Крестопоклонная (3 неделя поста, и отдельно Средокрестье, среда 4 недели), Похвальная (5 неделя поста), Вербная и Страстная. Сама Пасха – «Велик день» и следующие за ней Святая и Мироносицкая недели. Далее до Троицы недели просто считаются (хотя в церковном календаре имеют и собственные названия). Иногда ведется счет и неделям Петрова поста (чего в собственно церковной практике нет). Здесь вновь уместно подчеркнуть свободную отсылку к подвижным праздникам. Встречаются указания на все двенадцатые праздники, а также на праздники широко почитаемые: Семен день, Покров, Дмитриев день, Николин день, Юрьев и Николин дни вешние, Рождество Предтечи, Петров день, Бориш день, Ильин день, Происхождение Креста. Упоминаются и новые праздники: Петра Чудотворца и Сретения Владимирской иконы. Стоит сказать и о способе передачи информа-

ции: не день св. Николы, а Николин день, то же с праздниками – Преображенев день, Благовещеньев день и т.п. Речь идет о той степени христианизации, когда церковный календарь настолько привычен, что его дни превратились во временные маркеры (ср. с современным «1 января», «Новый год» и «на новогодние праздники»).

Российский дипломатический корпус в XVI в. был полиэтничным и поликонфессиональным. Однако проследить влияние этого факта на способы фиксации дат в источниках не удается: большинство дошедших текстов подписаны русскими именами. Впрочем, одна особенность быта южных соседей России в посольские книги попала: это указания на дни пути и «днища» для выражения и расстояния, и времени.

Таким образом, разнообразие счета времени в быту отразилось в документах, сохранившихся в посольских книгах. Если оперативную информацию (отписки воевод или записи приказных служащих) фиксировали чаще через отсылку к числам юлианского календаря (часто – с упоминанием дня недели), то информацию, которую вспоминали (отчеты послов) – через дни календаря, по которому жили: здесь и отсылки к церковному календарю, очевидно задававшему ритм своими постами и праздниками, и счет от ярких для конкретного лица событий, и подсчет сроков, и частое упоминание дней недели. Превращение праздников церковного календаря во временные маркеры, понятные и удобные, отразилось не только в отчетах послов, но и в переговорах о сроках перемирий и обмена миссиями. Демонстрируют посольские книги и знание служащими ведомства календарных систем соседей России.

1. *Бородин О.Р.* Человек и время (Возникновение современной хронологии). М., 1991.
2. *Гумилев Л.Н.* Этнос и категория времени // Географическое общество СССР. Доклады отделений и комиссий. Л., 1970. Вып. 15. Этнография.
3. *Клейн Л.С.* Время в археологии. СПб., 2015.
4. *Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг.* М., 2016.
5. *Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг.* Махачкала, 1995.
6. *Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг.* Публикация текста. Казань, 2006.
7. *Рогожин Н.М.* Посольские книги России конца XV – начала XVII вв. М., 1994.
8. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранных = Памятники дипломатических сношений с империей Римскою. СПб., 1851. Т. I.
9. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. Т. II. 1508–1521 гг. // Сб. РИО. СПб., 1895. Т. 95.
10. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Немецким орденом в Пруссии. 1516–1520 г. // Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 53.
11. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. I–III. // Сб. РИО. СПб., 1887–1892. Т. 35, 59, 71.
12. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Шведским государством. Т. I. 1556–1586 гг. // Сб. РИО. СПб., 1910. Т. 129.
13. *Россия и греческий мир в XVI веке: В 2 т. / Отв. ред. С.М. Каштанов.* М., 2004. Т. 1.

Новые данные о биографии митрополита Афанасия (1564–1566)

История России; история Церкви; митрополит Афанасий; XVI в.; приходское духовенство; Переславль; Троице-Сергиев монастырь; служилые землевладельцы.

Рассматриваются возможные обстоятельства появления в Москве ок. 1550 г. в роли духовника Ивана IV Андрея (позднее – митрополит Афанасий). Показано, что, вероятно, не позднее 1547 г. он стал протопопом Спасо-Преображенского собора Переславля и, по сути, руководителем белого духовенства этого значимого в статусном отношении города, который регулярно посещали великие князья. Это, по-видимому, способствовало установлению им связей с влиятельными духовными и светскими лицами.

По сравнению с рядом других значимых фигур в истории Русской церкви XVI в. биография митрополита Афанасия (1564–1566 гг.) (ранее – протопоп московского Благовещенского собора Андрей) исследована существенно хуже. По-прежнему остаются неясными обстоятельства его появления в придворном Благовещенском соборе. Попытку найти ответ на этот вопрос мы представим ниже.

Главным источником для изучения раннего периода жизни Андрея является составленное им в 1550-е гг. Житие его наставника Даниила Переславского. Его текст с некоторой редакторской правкой вошел в составленную также Андреем на рубеже 50–60-х гг. XVI в. Степенную книгу. Помещенный в этих источниках рассказ под 1530 г. упоминает переславских священников, которые из Москвы возвращались домой. Клириков было трое – Андрей, а также два других священника той же церкви. Степенная книга прямо называет эту церковь «великой церковью того же града Переславля» [4, с. 51–52; 6, с. 336]. В историографии отмечалось, что речь идет об одном из древнейших соборов Северо-Восточной Руси – Спасо-Преображенском (середина XII в.). Однако в свете фактов биографии других великокняжеских духовников появление в столице в роли протопопа придворного Благовещенского собора священника даже столь знаменитого собора выглядит неожиданным.

Мы располагаем более или менее полными сведениями о двух протопопах Благовещенского собора первой половины – середины XVI в. Первым является Василий Кузьмич (в иночестве – Вассиан) – духовник Василия III (вероятно, ок. 1511–1515 гг. – 1532 г.). Судя по сохранившимся документам, он многими узами (в т.ч. родственными) был связан с целым рядом представителей московской и провинциальной элиты. Согласно предположению В.Д. Назарова, являвшийся протопопом суздальского кафедрального собора Рождества Богородицы Василий благодаря своей близости к местному епископу Симеону ок. 1511–1515 гг. перебрался в столицу [5].

Большим опытом несомненно располагал и другой протопоп Благовещенского собора – духовник Ивана IV Иаков Дмитриевич (ок. 1548–

¹ Усачев Андрей Сергеевич, РГГУ, МГИМО (РФ, Москва), д.и.н.; asuuas@mail.ru.

1550 г.), являвшийся непосредственным предшественником Андрея. До перехода в Благовещенский собор Иаков не менее 18 лет являлся протопопом столичного собора Николы Гостунского [8, с. 371–372].

Как видим, духовниками великого князя становились уже вполне зрелые священники, располагавшие определенным опытом служения в крупном соборе (в первом случае суздальском, во втором – московском). Неизбежен вопрос: что определило появление в этой роли переславского священника Андрея? Обратим внимание на фрагмент источника, который для изучения его биографии еще не привлекался.

Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря содержит исключительно важную запись:

«(1547)-го году июня в 4 день по старце Васьяне Айгустове дал вкладу ис Переславля спасской протопоп Андрей денег 50 рублей» [2, с. 69].

В источнике фигурирует протопоп Спасо-Преображенского собора Андрей, дающий вклад по представителю одного из родов переславских вотчинников. Полагаем, что речь идет об Андрее-Афанасии.

Если наше отождествление верно, то Андрей, по крайней мере, с лета 1547 г. был протопопом. В XVI в. протопоп, по сути, являлся главой белого духовенства города. В ряде случаев протопопов крупнейших соборов наряду с архиереями и настоятелями важнейших монастырей привлекали к работе главного института управления Русской церковью – Освященного собора. Особенно велика была роль протопопов в тех городах, в которых не было епископов. К их числу принадлежал и Переславль, находившийся на территории митрополичьей области. Судя по грамоте Ивана IV 1539 г. переславскому духовенству о поставлении в Даниловом монастыре архимандритом старца Илариона, протопоп занимал 2-е место в иерархии духовных лиц города (после настоятеля Горицкого монастыря), после получения настоятелем Данилова монастыря архимандритии – 3-е [3, № 3]. 3-е место закрепилось за настоятелем Спасо-Преображенского собора. На это, в частности, указывает текст Повести об освящении Никитской церкви переславского Никитского монастыря 14 мая 1564 г. [7, с. 253].

Трудно сомневаться в том, что переславский протопоп в качестве одного из главных лиц принимал участие во всех более или менее крупных церковных мероприятиях, которые имели место в городе. Очевидно, что он возглавлял белое духовенство города, встречавшее государя в случае его прибытия в Переславль. Великие князья в первой половине XVI в. регулярно посещали этот город. Это было связано, во-первых, с его исключительно высоким статусом – речь шла фактически о втором (после Владимира) городе великокняжеского домена. Во-вторых, источники фиксируют особый пиетет по отношению к переславским святым Василия III и Ивана IV.

Учитывая положение Андрея, трудно сомневаться в факте его знакомства с царем, а также митрополитом Макарием, в непосредственном ведении которого находился Переславль. С этим городом митрополита связывала и фигура его «единопостриженника» Даниила Переславского (оба деятеля Церкви приняли постриг в обители Пафнутия Боровского).

Последний не позднее 1530 г. стал наставником Андрея. Возможно, Макарий или помогавший ему в управлении митрополичьей областью крутицкий епископ – известный агиограф Савва Черный – обратили внимание на Андрея, который, как покажут последующие факты его биографии, проявлял интерес к писательскому творчеству. Общеизвестно, что Макарий в Новгороде, а с 1542 г. в Москве собрал группу книжников, воплощавших в жизнь его масштабные литературные замыслы.

Вероятно, протопопом Андрей стал несколько ранее июня 1547 г. Косвенно на это указывает размер его вклада по Вассиану Айгустову – 50 руб. (вероятно, речь шла о вкладе на вечное поминание). Трудно поверить, что такой вклад по лицу, которое не являлось его близким родственником, мог позволить себе обычный священник даже столь знаменитого собора. Для главы белого духовенства города подобный вклад гораздо более естественен. Очевидно, что было необходимо какое-то время для накопления соответствующих средств.

Факт более или менее длительного настоятельства Андрея в Спасо-Преображенском соборе до перехода в кремлевский Благовещенский собор хорошо согласуется с фактами биографии его предшественников – Василия Кузьмича и Иакова Дмитриевича. До своего появления в Благовещенском соборе они более или менее значительное время служили в иных крупных соборах (первый предположительно, второй – несомненно). Трудно сомневаться в том, что Макарий, в непосредственном ведении которого находились Москва и Переславль, избрал в духовники молодому царю уже достаточно опытных священников.

Конечно, нельзя исключать того, что Иван IV, неоднократно бывая в Переславле, мог и сам пригласить понравившегося ему, например, на службе священника в столицу. Подобные случаи известны. Например, вернувшийся из казанского похода 1552 г. Иван IV лично пригласил из Кириллова на игуменство в столичный Богоявленский монастырь инока Варлаама (Волкова) [8, с. 203–204].

На положение Андрея, по крайней мере, в период, предшествующий его поставлению в настоятели Спасо-Преображенского собора, мог оказывать влияние и еще один фактор. Он сделал вклад по представителю старинного рода переславских вотчинников Айгустовых. Помимо Троице-Сергиева монастыря они были связаны и с переславским Даниловым монастырем, основанным наставником Андрея. Так, купчая 1565/66 г. среди братии Троицкого Данилова монастыря фиксирует Максима Айгустова, который в перечне иноков помещен на 4-е место [1, № 149]. Трудно сомневаться в том, что он являлся одним из наиболее авторитетных старцев обители Даниила. Как видим, установление отношений Андрея с Вассианом Айгустовым было далеко не случайным. Конечно, статус Айгустовых не стоит переоценивать. Они стояли ниже представителей ряда других служилых родов переславских землевладельцев (Бутурлиных, Замыцких, Клобуковых, Нагих, Слизовых и др.). Речь шла о далеко не самом значительном роде провинциальной знати. Вряд ли Айгустовы непосредственно способствовали появлению Андрея в столице. Однако факт его вклада по одному из представителей этого рода дает возможность представить

круг тех социальных связей, в которые был включен переславский священник задолго до своего появления в столице. Среди его знакомых мы находим и принимавшего участие в крещении Ивана IV и его младшего брата Юрия Даниила Переславского, основателя монастыря, занимавшего 2-е место в церковной иерархии Переславля, и представителей местной знати. Трудно сомневаться в том, что включенность Андрея в этот круг по меньшей мере способствовала если не его появлению в Москве, то, по крайней мере, укреплению его позиций в Переславле.

Отмеченные выше связи Андрея с местными руководителями Церкви и вотчинниками позволяют поставить его в один ряд с другим провинциальным священником, ставшим протопопом Благовещенского собора, – духовником Василия III Василием Кузьмичем. Вероятно, близкий к суздальскому владыке протопоп кафедрального собора Суздаля был связан с представителями целого ряда родов местных вотчинников [5, с. 14–25]. Как видим, поставлению в столичном Благовещенском соборе протопопов из провинции предшествовало установление ими связей с представителями местной знати и духовенства. Они, по меньшей мере, не помешали появлению Василия и Андрея в придворном соборе.

Резюмируя, отметим, что, судя по всему, появление Андрея в столице ок. 1550 г. в роли протопоба Благовещенского собора и царского духовника предопределила, во-первых, его близость к связанному с великокняжеским семейством Даниилу Переславскому. Во-вторых, несомненное влияние оказал высокий статус Переславля, который регулярно посещали великие князья. В-третьих, протопоп играл одну из ведущих ролей в городе, занимая 2–3-е место в иерархии его духовных лиц. В-четвертых, к 1550 г. Андрей располагал уже определенным опытом настоятельства в одном из крупнейших и древнейших соборов Северо-Восточной Руси.

1. Антонов А.В. Перечни актов Переяславских, Ярославских, Костромских и Галичских монастырей и церковей XIV – начала XVII в. // Русский дипломатарий. М., 1997. Вып. 1.
2. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987.
3. Добронравов В.Г. История Троицкого Данилова монастыря в г. Переславле-Залесском. Сергиев-Посад, 1908.
4. Житие преподобного Даниила, переяславского чудотворца, Повесть ообретении мощей и чудеса его. К 400-летию Троицкого Данилова монастыря в Переяславле-Залесском (15 июля 1508 г. – 15 июля 1908 г.) / Изд. проф. С.И. Смирнова. М., 1908.
5. Назаров В.Д. Великокняжеский духовник в семейном портрете и в контексте кремлевского сообщества // Кремль в истории России: к 500-летию Александровского кремля: мат. междунар. науч.-практ. конф., 11–13 ноября 2013 г., г. Александров. Владимир, 2014. Т. 1.
6. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: тексты и комментарии. М., 2008. Т. 2.
7. Тихомиров М.Н. Новый материал об Иване Грозном // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14.
8. Усачев А.С. Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. М.; СПб., 2018. Т. 1.

«Да не возникнет другая глава»: Об одной неясной фразе в хронике псевдо-Дорофея

Учреждение патриаршества на Руси; Константинопольские соборы 1590 и 1593 гг.; главенство в церкви; Мелетий Пигас; хроника псевдо-Дорофея.

В состав греческой хроники псевдо-Дорофея входит важный источник по истории учреждения московского патриаршества. Автор проясняет идейные цели, преследовавшиеся составителем или редакторами текста, а также причины его явной антирусской направленности. В качестве гипотезы выдвигается утверждение о связи данного эпизода с идейным конфликтом, вызванным неприятием на Руси решений Константинопольского собора 1593 г.

Интерпретация одного из ключевых источников по истории учреждения патриаршества на Руси, вошедшего в состав хроники псевдо-Дорофея, представляет собой непростую исследовательскую задачу. Сложность ее усугубляется недостаточной изученностью рукописной традиции и истории издания хроники, что не позволяет решить важный предварительный вопрос о характере редактирования авторского текста при его подготовке к публикации [7]. Исследователи полагают, что очевидная «тенденциозность описания» событий, связанных с поставлением первого русского патриарха, в сочинении псевдо-Дорофея может восходить не только к авторской позиции, но, возможно, и к последующей издательской редакции [10, с. 306]. Однако для прояснения идеологической направленности эпизода, описывающего пребывание патриарха Иеремии в Москве, необходим и более глубокий анализ содержательной стороны этого многомерного текста. В частности, недостаточно внимания уделялось формулировке тех причин, по которым спутник патриарха Иеремии митрополит Иерофей отказывался подписывать уложенную грамоту об учреждении московского патриаршества: «А Моне́мвасийский митрополит был крайне против, да не разделится церковь и не возникнет другая глава и великий раскол» (*καὶ ὁ Μονέμβασίας ἦτον εἰς τὸ ἄκρον ἐναντίος, νὰ μὴν διαίρεθῃ ἡ Ἐκκλησία, καὶ γένη κεφαλή ἄλλη, καὶ σχίσμα μέγα*) [1, с. 453]. Непонятно, почему подписание уложенной грамоты в Москве увязывается автором текста с опасностью грандиозного церковного разделения? И причем здесь «другая глава», если в тексте грамоты вообще не затрагивается тема начальствования в церкви?

Образ двух глав, к которому отсылают слова о «другой главе», является одним из распространенных приемов антилатинской полемики. В то время как в православной традиции единственной главой всей церкви считается Христос, в латинской догматике получило развитие представление о двух главах церкви – Христе как невидимой главе и Римском епископе как видимой. С подобными взглядами активно боролись греческие богословы рассматриваемого периода. Например, Мелетий Пигас писал о попытках ввести в церкви «иную главу (*ἄλλην κεφαλήν*) наряду со Христом» [5, с. 155], равно как и Кирилл Лукарис обличал стремление «зло-

¹ Ермилов Павел Валерьевич, ПСТГУ (РФ, Москва), к.и.н., pavel_ermilov@mail.ru.

счастливых иезуитов» «отделить нас от самого Христа, вводя другую главу (ἄλλην κεφαλήν) и другое основание церкви помимо того, [о котором говорил] Павел» [2, с. 31]. Получается, что автор текста в хронике обращает в адрес русских властей характерное антилатинское обвинение, что несомненно нуждается в пояснении.

По всей видимости, мы сталкиваемся здесь с отголоском той критики, которую вызвало на Востоке идеологическое оформление проекта московского патриаршества. Из источников мы хорошо знаем о масштабной церковной реформе, задуманной в Москве при участии патриарха Иеремии. Речь шла о выведении римской кафедры из числа главных церковных центров и о замещении высвободившегося места престолом царствующего града Москвы с целью восполнения и актуализации принципа пентархии. Важным элементом этой реформы стал пересмотр положения Константинопольского патриарха, которому определялось «в папино место быть старейшим отцом» [9, с. 92]. Как отмечал позже патриарх Иов, «вместо же папино Констянтинопольский патриарх оттуда начат нарицаться» [8, с. 5]. Достигнутые договоренности были закреплены в грамоте Константинопольского собора 1590 г., в которой патриарх Константинополя объявлялся «главой» (κεφαλήν) всех патриархов, в том числе и московского. В послании участвовавших в соборе восточных первоиерархов, привезенном в Москву митрополитом Тырновским Дионисием, их русскому собрату предписывалось «иметь» Константинопольского патриарха «в началех тако же как и мы его начальником имеем» [9, с. 76]. Несмотря на то, что итоги собора были с удовлетворением приняты на Руси, они встретили серьезную критику на православном Востоке, которая вылилась в пересмотр данных решений на соборе 1593 г.

Александрийский патриарх Мелетий Пигас обвинил патриарха Иеремию в том, что в его лице «новый Рим» вздумал «последовать за древним» [4, с. 19], и обратил внимание своего собрата на то, что «никакой патриарший престол не подчиняется другому» [4, с. 21], чем намекал на неправильность определения собора 1590 г. С провозглашенным на соборе главенством Константинополя Мелетий никак не мог согласиться, ведь еще в одном из своих ранних сочинений он писал, что отдельные церкви являются «друг для друга членами, а не главами (ἀλλήλων οὖν αἱ ἐκκλησίαι μέλη εἰσὶν, οὐ κεφαλαί)» [5, с. 153]. Ему удалось убедить Иеремию в ошибочности осуществленной им реформы. В 1593 г. на соборе в Константинополе, прошедшем при подчеркнутом доминировании Александрийского патриарха, вопрос о возвышении московской кафедры в статус патриархата был рассмотрен заново, а модель пентархии во главе с Константинопольским патриархом была аннулирована. Собор занял охранительную позицию, выступив против любых изменений устоявшегося в церкви порядка престолов и положив тем самым конец начатому в Москве нововведениям.

Но несмотря на попытки патриарха Мелетия объяснить, что собор пересмотрел вопрос о московском патриаршестве в пользу, а вовсе не в ущерб русским интересам, решения собора 1593 г. в Москве приняты не были. На устойчивое игнорирование отправленного в Москву тома о

патриаршестве и сам Мелетий, и его последователи ответили умолчанием о московской патриаршей кафедре, как будто бы ее и не существовало [6, с. 107]. А около 1616 г. преемник и ученик Мелетия патриарх Кирилл Лукарис уже открыто называл «папистской» формулу о главе всей Церкви, использованную собором 1590 г., что подразумевало сложившееся к тому времени негативное отношение к московско-константинопольской церковной реформе.

Таким образом, в тексте хроники псевдо-Дорофея мы встречаем явные следы внутривосточной борьбы против попыток утверждения особого статуса Константинопольской кафедры в православной церкви. Но при этом объектом критики в данном эпизоде оказывается не общевосточный собор 1590 г., который собственно и принял ошибочное решение о главенстве Константинопольского патриарха и провозгласил ту самую «другую главу», а русские власти, якобы введшие в заблуждение патриарха Иеремию и поставившие своими неумелыми действиями всю церковь на грань раскола. Подобное смещение фокуса с Востока на Русь не может быть случайным. Возможно, автор эпизода – либо сам митрополит Иерофей, либо тот, кто писал с его слов – хотел таким образом показать, что инициатором доктринальной ошибки действительно были русские, а патриарх Иеремия, выставленный в эпизоде не в лучшем свете, лишь поддался их влиянию. Подобного, разумеется, нельзя исключать, но вместе с тем хорошо известно, что представление о главенстве Константинопольского престола в церкви глубоко укоренено в традиции этой некогда первенствующей кафедры. И даже сам патриарх Иеремия задолго до поездки в Москву писал в своем первом ответе тюбингенским богословам, что Константинопольская церковь «получила старейшинство в православии и поставлена во главе (εις κεφαλὴν τέτακται)» [3, с. 476]. А потому уместнее предположить, что именно патриарх Иеремия решил воспользоваться инициированной русскими церковной реформой для продвижения интересов своей собственной кафедры, с каковой целью и отправился в Москву лично вместо ожидавшегося там Иерусалимского патриарха.

Во всяком случае, не вполне оправданное перемещение из Константинополя в Москву источника неправильных идей и даже чуть ли ни инициатора церковного разделения, вполне согласуется с общей антирусской направленностью всего эпизода об учреждении московского патриаршества в хронике псевдо-Дорофея. Дальнейшее изучение данного текста возможно позволит прояснить замысел автора или напротив умысел компиляторов и издателей хроники.

1. Βιβλίον ἱστορικόν. Ἐν Βενετία, 1814.
2. *Θέμελης Τ.Π.* Ἐπιστολὴ τοῦ Λουκάρεως πρὸς τὸν Abbot // Νέα Σιῶν. 1909. Τ. 8.
3. *Καριώρης Ι.* Τα δογματικά και συμβολικά μνημεία της ὀρθοδόξου καθολικῆς ἐκκλησίας. Αθήνα, 1960. Τ. 1.
4. *Μεθόδιος Γ. Φούνας, μητρ.* Ἐπιστολαὶ Μελετίου Πηγᾶ, Πάπα καὶ Πατριάρχου Ἀλεξανδρείας (1590–1601) ἐκδιδόμεναι ἐκ τοῦ ὑπ’ ἀριθ. 296 χειρογράφου τῆς Βιβλιοθήκης τοῦ Πατριαρχείου Ἀλεξανδρείας. Αθήνα, 1976.
5. Ὁρθόδοξος διδασκαλία. [Μοσχόπολις], 1769.
6. *Κοροгодина Μ.В.* Неизвестное послание царю Федору Ивановичу из Константинополя // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2018. № 2.

7. Лебедева И.Н. Поздние греческие хроники и их русские и восточные переводы. Л., 1968.
8. ПСРЛ. СПб, 1910. Т. 14. Пол. 1.
9. Посольская книга по связям России с Грецией (православными иерархами и монастырями), 1588–1594 гг. / Подг. текста М.П. Лукичева, Н.М. Рогожина. М., 1988.
10. Ченцова В.Г. Поставление первого русского патриарха по хронике Псевдо-Дорофея: замечания к изучению // Человек в пространстве и времени культуры. Барнаул, 2008.

Е.М. Попова¹

«Вели тех убийц вперед себя поставить, а строение переписать»: правовой аспект жизни в оккупированном Новгороде в начале XVII в.²

Великий Новгород; шведская оккупация; Смутное время; Якоб Делагарди; русско-шведская администрация.

В статье рассматривается вопрос, связанный с поддержанием порядка в Великом Новгороде в начале XVII в. на примере документа из Новгородского Оккупационного архива. В результате анализа автор делает вывод о сохранении в Новгороде «относительной стабильности» и эффективной работе по поддержанию правопорядка.

Как известно, положение дел в Великом Новгороде в последние годы Смуты существенно отличалось от такового в других регионах [8, с. 7–10]. В то время как основные части страны, включая Москву, были разорены и подвергались бесконечным нападениям со стороны поляков и литовцев [11, с. 54–88], в Новгороде, как отмечал Г.А. Замятин, «живут по-прежнему без всякой скорби» [4, с. 85].

Данная ситуация, вероятно, была связана с присутствием в Новгороде русско-шведской администрации, во главе со шведским военачальником Якобом Делагарди и русским воеводой князем И.Н. Большим-Одоевским, которые обязаны были защищать город от нападения «лихих» людей и иной внешней угрозы. Однако каково было положение внутри самой Новгородской земли? Насколько эффективной и слаженной была работа данной администрации в вопросе правоохранительной деятельности? Действительно ли новгородцы чувствовали себя защищенными?

История Новгородской Смуты изучалась исследователями в связи с разными аспектами. Военно-политические события исследовались Г.М. Коваленко [6, с. 170–187; 7, с. 42–49] и др., а к вопросам, связанным с новгородской административной системой, неоднократно обращался А.А. Селин [9, с. 35–42]. Меньшего внимания удостоена судебно-правовая система, проблемы которой разбирает в своих работах Н.Б. Безус [2, с. 43–52; 3, с. 73–80], в связи с чем нам бы хотелось затронуть этот вопрос в данной статье.

¹ Попова Елизавета Михайловна, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (РФ, Великий Новгород), асп., kowkaforever@yandex.ru.

² Статья подготовлена при поддержке гранта РФФ № 19–17–00 183.

Безусловно, полностью охватить данный аспект в рамках одной статьи невозможно, поэтому мы постараемся выявить отдельные черты правоохранительной практики, опираясь на один из документов Новгородской Приказной избы, хранящийся в фонде Новгородского Оккупационного архива³.

Данный документ «Дело по челобитной подьячего Микифора Коптева и лебедчика Третьяка Яколцова об ограблении и убийстве дворцовыми крестьянами сельца Двориц строителя Леохнова монастыря Андроника»⁴ представляет из себя свиток, датируемый 1614 г. Документ написан скорописью на русском языке. Ввиду того, что источник еще не был опубликован, мы позволим себе привести текст полностью: «Пресветлейшему высокорожденному королевичу князю Карлосу Филиппу Карлусовичу бьет челом и извещает боголепного преображения новый пустоши вкладчики Дворцового приказа подьячий Микифорка да лебедчик Тренька Яковцев. Был государь в том монастыре строительства старец Андроник и в прошлом 122 году во Троицы на дни пошел он из монастыря в Новгород для монастырского дела и как он буде близ сельца Дворицы, то его взяв, государь, дворцовые крестьяне сельца Двориц <...> имян их не ведает да крестьянин Иванко Красин убили и взяли у него монастырских денег 30 рублей и монастырские крепости записи и кабала. А ныне в том монастыре предстал в нове черном попе Корнила, а церковный монастырский от немецких людей разорения и службы ныне нет, которая рожь ко 123 году на монастырской пашне сеяна, ту рожь тот черный поп велел молотить и возить в Новгород и которые списки бобыльские живут на монастырской земле и пашут, тот черный поп хлеб сноповой емлет же себе. А записи по церковной и монастырской казне нет, и владеет тем монастырем без твоего указу и монастырь пустошит. А вперед того монастырского строение спросить будет не на ком. Государь, окажи милость, вели тех убийц вперед себя поставить и вели в тех монастыре строение и хлеб переписать, а переписав приказать, кому мочно верить, чтоб впредь монастырское хозяйство не погибло. Подал Никифор Коптев с товарищи».

Из данного документа видно, что дело было заведено, благодаря подаче челобитной от лица подьячего Дворцового приказа Микифора. Это может свидетельствовать о том, что связь с администрацией у новгородцев сохранялась посредством письменных прошений. Подана была челобитная на имя фактического правителя Новгородской земли – шведского принца Карла Филиппа.

На что жалуются челобитчики? Произошло тяжкое преступление на пути в Новгород – убийство, сопровождаемое грабежом, жертвой которого стал монастырский старец Андроник. Более того, челобитчики просят администрацию посодествовать в решении проблем, связанных с ситуацией, сложившейся в монастырской вотчине. Поп Корнила, по их мнению, «разворовывает» монастырское имущество, присваивая себе монастырский хлеб. Более того, адресаты переживают за монастырскую казну, так

³ Riksarchivet. Ockupationsarkivet från Novgorod. Подробнее об архиве см.: [5, с. 179–183].

⁴ Riksarchivet. Ockupationsarkivet från Novgorod. Serie II:122. Л. 10–11.

как имущество не переписано. Интересным является факт, который подчеркивает, что разорение монастырского хозяйства – дело рук не только шведов и наемного войска, а непосредственно самих новгородцев, которые, пользуясь ситуацией, чтобы поживиться нечестным путем.

Таким образом, мы можем заметить, что, уследив преступные действия, новгородцы решили обратиться в надлежащую инстанцию за помощью, с целью получения правового содействия со стороны администрации. Это косвенно может говорить о доверии населения властям и попытках пресекать правонарушения, участвовать в раскрытии преступлений.

Однако был ли дан ход делу? Из документа мы получаем ответ на данный вопрос. Челобитная была послана Якобу Делгарди, который должен был решить ее дальнейшую судьбу. Исполняя свои должностные обязательства главы администрации, шведский наместник велит удовлетворить жалобу.

Какие предписания дает Делгарди исполнителям? «Лета 7123 года сентября месяца память Ивану Ленькину ехать в Шелонскую пятину в Дворицы, взять с собой людей и переписать все, что в имуществе у монастырей»⁵. В том числе было велено переписать иконы. Более того, мы видим предписание, как должна проходить опись имущества: необходимо обратиться к старым переписным книгам, найти понятых и переписать. После проведения переписи имущества, книги необходимо было выслать в Новгород.

Таким образом, мы можем видеть, что власти были заинтересованы в сохранении правового порядка в Новгороде. Данная жалоба была удовлетворена, были высланы представители власти с целью разобраться в ситуации, выявить нарушения и устранить их. Однако понес ли наказание поп Корнила, так лихо разграбляющий имущество монастыря, мы не знаем. Также, нам не известно, были ли наказаны крестьяне из села Дворицы, которые совершили нападение на монастырского старца, приведшее к его гибели. Однако сам факт обращения и начало заведения дела косвенно говорит нам о работе правоохранительных структур.

Подводя итог всему вышесказанному, мы можем предположить, что правоохранительная система в Новгороде в период Смуты, действительно работала. Задача администрации не ограничивалась защитой населения от внешних врагов, оккупационные власти старались поддерживать порядок внутри самой Новгородской земли. Поэтому обращения челобитчиков старались рассматривать, подобный документ не является чем-то исключительным, данная практика была стандартной [10, с. 273–278]. Таким образом, наличие администрации, лояльно настроенной на сотрудничество с населением, способствовало сохранению в Новгороде «относительной стабильности»⁶ и эффективной работе по поддержанию правопорядка.

1. *Turilov A. Introduction // Accounts of an Occupied City. Catalogue of the Novgo-*

⁵ Там же. Л. 11.

⁶ Данный термин был заимствован у А. Турилова. Подробнее см.: [1, р. 13–26].

- rod Occupation Archives 1611–1617. Stockholm, 2005.
2. *Безус Н.Б.* Из истории становления судебной власти в России (на примере Новгородца) // Вестник. Государство и право. 2011. № 14.
 3. *Безус Н.Б.* Применение норм права в Новгороде в период шведской оккупации в начале XVII в. // Столбовский мир и возвращение Новгородской земли в состав Российского государства. СПб., 2017.
 4. *Замятин Г.А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616 г.). Юрьев, 1913.
 5. *Коваленко Г.М.* Архивные изыскания С.В. Соловьева в Швеции // Скандинавский сборник. Таллинн, 1988. Т. 32.
 6. *Коваленко Г.М.* Великий Новгород 1611–1617. Между Москвой и Стокгольмом (по материалам архивов Швеции) // Наукові записки Інститута українсько-археологічного джерелознавства НАН України. 2009. Т. 19.
 7. *Коваленко Г.М.* Новгород в 1611–1617 гг. как региональный политический центр // Столбовский мир и возвращение Новгородской земли в состав Российского государства. СПб., 2017.
 8. *Курбатов О.А.* Военная история русской Смуты начала XVII века. М., 2014.
 9. *Селин А.А.* Новгородское общество эпохи Смуты: некоторые мысли о том, как писать социальную историю московского государства // Столбовский мир и возвращение Новгородской земли в состав Российского государства. СПб., 2017.
 10. *Сюндберг Х.* Жизнь в Новгороде во время шведской оккупации 1611–1617 гг. // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6 (16).
 11. *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005.

А.М. Кузнецова¹

Равноапостольные правители: святой Владимир и святой Стефан

Апостолы; жития святых; канонизация; христианизация.

В статье речь пойдет о феномене нового типа святости, правитель-апостол, появление которого в средневековой Европе пришлось на XI в. и представлено двумя святыми – Владимиром и Стефаном. Почитание киевского князя Владимира прослеживается по ряду источников вскоре после его кончины, хотя датировка его канонизации затруднительна. Канонизация короля Венгрии св. Стефана приходится на 1083 г. и сопряжена с появлением трех житий этого святого.

Осмысление обществом и церковью усилий по обращению народов в христианство в средние века традиционно относилось к области деятельности святых-миссионеров, которых сравнивали с апостолами их агиографы (как современники святых, так и авторы, описывавшие их жизнь через столетия после ее окончания) [10]. Что же касается прославления светских правителей за их вклад в обращение к вере их народов, ситуация была иной.

¹ Кузнецова Анна Михайловна, Институт славяноведения РАН (РФ, Москва), к.и.н., kuznetsova.anna.m@gmail.com.

Во введении к сборнику материалов конференции, посвященной св. Владимиру, А.В. Назаренко заметил, что «историки давно выстроили выразительный интернациональный типологический ряд чтимых государей-мучеников», в то время как о «почитании во святых» государей-крестителей практически ничего «не слышно» [3, с. 10].

Действительно, несмотря на широкую волну христианизации региона Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы на пороге второго тысячелетия, правители крещеных народов не прославлялись современными им церковью и обществом [5]. Только в средневековой Европе XI в. появляются два исключения из этого правила, а вместе с ними и новый тип святости – правитель-апостол.

Эти два правителя, осуществившие обращение своих народов к христианству, король Венгрии Стефан и князь Владимир, креститель Руси, удостоились почитания не только как святые, но как святые-апостолы вскоре после их кончины. В этой связи нам кажется уместным сравнение образа этих святых в текстах наиболее близких ко времени их жизни.

Если св. Стефан был канонизирован в 1083 г., через 45 лет после своей смерти, то о времени церковного прославления князя Владимира с уверенностью можно говорить, только опираясь на 1311 г., когда в Новгороде был построен храм в его честь.

Почитание крестителя Руси князя Владимира в качестве равноапостольного правителя уже вскоре после его смерти нашло отражение в «Слове о законе и благодати митрополита Илариона» (ок. 1050 г.), в «Памяти и похвале князю Владимиру Иакова мниха» (конец XI в.), а также в Повести временных лет [2; 3]. «Слово» Иллариона, торжественная проповедь в Десятинном храме у гробницы князя Владимира, наполнена параллелями между князем Владимиром и 12 апостолами, а также равноапостольным императором Константином. Описание деятельности Владимира как крестителя Руси не входило в планы автора. Мних Яков также не вдается в подробности государевых дел, называя князя апостолом во князьях, сравнивая его с императором Константином.

Однако на страницах «Повести временных лет» содержатся размышления и о других кандидатах в апостолы Руси. Повествование о хождении апостола Андрея по Руси, а также «Сказание о преложении книг на словенский язык», в котором говорится, что «учитель Руси есть Павел», свидетельствуют о том, что на Руси осмысление апостольского подвига князя Владимира происходило непросто [1, с. 435–450].

Более стремительно развивались события, связанные с почитанием во святых венгерского короля Стефана, родившегося в семье князя Гезы. Стефан, объединивший разные венгерские племена под эгидой христианской монархии, правивший с 997 по 1038 г., коронованный в 1000 г., предстает в источниках, ближайших к его жизни, как решительный и жесткий правитель. Несмотря на эти качества, св. Стефан канонизирован в 1083 г. при короле Венгрии Владиславе (Ласло) I. На это обстоятельство в свое время обратил внимание известный исследователь Г. Кляницаи, назвавший это событие первым в истории христианской святости

случаем канонизации правителя не «вопреки» связанным с его статусом обязанностям военачальника и судьи, а именно благодаря им [7, с. 136].

Конструирование образа святого короля Венгрии представлено в основном в его агиографии (Малое Житие, Пространное Житие, Легенда Хартвига) [8]. На наш взгляд, следует обратить внимание и на т.н. Начальную летопись венгерского королевства (Ur-Gesta), которая, если принять датировку этого источника 1060-ми гг. [9], является отражением самого раннего этапа формирования образа св. Стефана. В этом источнике фиксируется описание сражений короля с врагами, жестоких казней. Летописец рассказывает и об ослеплении двоюродного брата Стефана, Вазула, последовавшего после гибели единственного сына короля и наследника престола, Генриха (Имрэ). Вина за это злодеяние перекладывается летописцем на супругу короля – Гизелу. Рассказывается и об основании храмов и подаании милостыни. Одной из самых выразительных сцен летописи стало описание всенародной скорби по умершему в день Успения Богородицы королю [6, с. 8].

Жития св. Стефана подробно останавливаются на его деятельности по установлению христианства в Венгрии. Считается, что самое раннее из них – Пространное житие, было создано к канонизации 1083 г. Затем появилось и Краткое житие, в котором говорится о роли отца Стефана, князя Гезы, в христианизации Венгрии. Эти Жития также содержат эпизоды справедливого, но жестокого королевского суда.

Однако самым ярким из Житий св. Стефана можно по праву считать Житие, написанное епископом Хартвигом около 1110 г. по заказу венгерского короля Коломана (Кальмана). Это объемное сочинение, состоящее из 27 глав, подробно описывает действия Стефана по созданию церковной организации в Венгрии, строительству храмов в Константинополе и Иерусалиме. Король предстает в образе защитника вдов и сирот, щедрого жертвователя. Единственный эпизод военных действий короля описан как акт вынужденной защиты от врагов. Усердие короля увенчалось решением римского папы прислать ему корону и благословение править *utroque iure*, то есть по праву как светскому, так и церковному. Папа называет Стефана истинным апостолом, который привел к вере свой народ. Этот мотив апостольства Стефана мы встречаем и далее в Житии Хартвига, которое заканчивается подробным описанием обретения мощей святого [8].

Политический контекст канонизации св. Стефана тесно связан с борьбой за инвеституру между императором и папой, которой успешно воспользовался в своих интересах выдающийся венгерский король Владислав (Ласло) I (1077–1095), инициировавший прославление св. Стефана и других венгерских святых в 1083 г.

Таким образом, мы видим, что осознание важности апостольского подвига своих правителей проявилось достаточно ярко только в письменной традиции двух регионов средневековой Европы: Венгерском королевстве и Киевской Руси. Безусловно, обстоятельства и причины этого явления в каждом из двух наших примеров отличны друг от друга и достойны всестороннего анализа.

1. *Назаренко А.В.* Владимир – второй Павел? Следы древнейшей русской агрографической традиции о св. Владимире в латинских памятниках первой трети XI века // *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001.
2. Память и похвала князю Владимиру Якова мниха // *Шахматов А.А.* Жития князя Владимира. Текстологическое исследование древнерусских источников XI–XVI вв. / Подг. текста Н.И. Милютенко. СПб., 2014
3. Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура. Материалы Международной научной конференции в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба, Москва, 14–16 октября 2015 года / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Назаренко. М.; Вологда, 2017.
4. Слово о законе и благодати митрополита Илариона // БЛДР. СПб., 1997. Т. 1.
5. Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия / Отв. ред. Б.Н. Флоря. М., 2012.
6. *Bak J.M., Grzesik R.* “The Text of the Chronicle of the deeds of the Hungarians” // *Studies on the Illuminated Chronicle* / Eds. J.M. Bak, L. Veszprémy. Budapest, 2018.
7. *Klaniczay G.* Holy Rulers and Blessed Princesses. Dynastic Cults in Medieval Central Europe. Cambridge, 2002.
8. *Szentpétery B.*, ed., *Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque Hungaricarum gestarum.* Budapest, 1938. Т. 2.
9. *Szovák K.* “Utószó” // *Képes Krónika* / Eds. K. Szovák, L. Veszprémy, transl. J. Bollók. Budapest, 2004.
10. *Wood I.* The missionary life: saints and the evangelization of Europe, 400–1050. Harlow, 2001.

Т.А. Матасова¹

Попугай в Москве в 1490 году

Попугай; Софья Палеолог; Иван III; Максимилиан; Джорджо делла Торре («Юрий Делятор»); дар; посольство; Рай.

В статье предложены размышления о том, как мог восприниматься русскими придворными и книжниками попугай, преподнесенный Софье Палеолог Юрием Делятором – послом «короля римского» Максимилиана. Думается, что это был не только знак уважения Софье, призванный подчеркнуть ее статус добродетельной жены. Попугай был воспринят в первую очередь как «райская птица».

«Средневековье любило диковинное, загадочное, экзотическое», – отмечал еще О.В. Творогов [10, с. 22]. Правители того времени нередко использовали в придворном обиходе разнообразие диковины, в том числе экзотических животных. Обладание ими подчас имело глубокий символический смысл. Преподнесение в дар неведомых животных и птиц тем более предполагало подобный подтекст. Размышления над потаенным смыслом даров давно стало значимым направлением исследований в мировой историографии.

В 1490 г. посол «короля римского» Максимилиана Юрий Делятор (выходец из Северной Италии Джорджо делла Торре [1, с. 73–86; 5, с. 150–

¹ Матасова Татьяна Александровна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., tamatt2009@gmail.com.

156], он же – Георг фон Турн) приехал в Москву. Среди даров, которые он преподнес Софье Палеолог, была «птица *paragal*» [8, с. 30] – попугай. Кажется, это первый попугай, оказавшийся в России, и в 1490 г. в русском языке появляется слово для его обозначения (от греч. *παλαγάλος* и итал. *paragal, paragallo*). Такая этимология не удивительна: переводчиком был Юрий Траханиот – приближенный Софьи, грек на русской службе, одно время живший в Неаполе и Риме, главный «уполномоченный» Ивана III в длительных переговорах со Священной Римской империей 1489–1493 гг. Главной темой этих переговоров был вопрос о возможности брака между Максимилианом и одной из дочерей Ивана III и Софьи.

Каким символическим содержанием могла быть наделена эта птица со стороны дарителя и как этот дар мог быть воспринят в Москве? Прямых ответов на эти вопросы источники не содержат, однако косвенные данные подталкивают к следующему.

Максимилиан, по-видимому, стремился таким подарком подчеркнуть достоинства Софьи: она добрая жена и мать. Это был своего рода комплимент возможной будущей теще. К концу XV столетия в европейской культуре постепенно складывается представление о попугае как о символе доброй жены. Попугай – как и голубь – стал одним из символов Богородицы. (Попугай – это «цветной голубь», и даже первые русские описания попугая, относящиеся к XVII в., определяют его как «птицу дивную» с разноцветными перьями и с головой, подобной голубиной, размером с «лесного голубя» [2, с. 210–213].) Именно как аллегория традиционных женских добродетелей искусствоведы трактуют изображение попугая на картине выдающегося живописца Витторе Карпаччо «Две венецианки» (ок. 1490 г.)².

Остается неясным, понятен ли был Софье заложенный в подарке подтекст в полной мере. Сомнение в понимании глубинного смысла этого дара в России конца XV в. обусловлено тем, что попугай был экзотической птицей не только для нашей страны, но и для всей Европы. *Устойчивых и общеизвестных* ассоциаций, связанных с этой птицей, еще не было. До второй половины XV в. немного сведений о попугаях в Европе. Самое известное сохранилось на полях одной из рукописей, созданных при дворе неаполитанского короля Фридриха III, где помещено изображение австралийского какаду. Показательно, что в 1460-е гг. флорентийский гуманист Луиджи Пульчи включил в одну из своих новелл сюжет о том, как некий сиенец перепутал попугая, которого он мечтал подарить папе Пию II, с дятлом. Конечно, главная идея Пульчи состояла в том, чтобы осмеять жителя Сиены – города, с которым Флоренция издавна враждовала. Однако в данном случае важно другое: Пульчи подчеркивает, что хотя папа и его приближенные поняли ошибку сиенца, весь город считал, что в клетке сидел попугай, а не дятел [7, с. 148–149].

² Примечательно изменение традиции русского перевода названия этой картины (в оригинале – «*Due dame*»): сначала русские искусствоведы ее именовали «Две куртизанки», а потом, когда стала ясна символика изображенных на ней животных, стало понятно, что здесь воспеты самые лучшие черты этих женщин, и название картины стали переводить как «Две венецианки».

Хочется верить, что несохранившиеся «речи» Юрия Делятора, обращенные к Софье, разъясняли идею, вложенную Максимилианом в экзотический подарок.

Что же определенного можно сказать о том, как была воспринята яркая птица в Москве? Мне уже доводилось писать о несомненном изумлении от столь диковинного существа, подчеркивавшего богатство и изобилие, царившее при имперском дворе [7, с. 149]. Сегодня мне кажется, что имела место и более глубокая рефлексия.

Традиционным методом познания действительности для русских средневековых интеллектуалов был поиск библейских аналогий. Но в Библии нет ни одного упоминания попугая. Важно, однако, что традиционным атрибутом описаний Райского сада, отраженном в сочинениях Отцов Церкви и в широко распространенных на Руси апокрифах, были птицы с яркими перьями экзотических цветов. Так, в известном на Руси еще в домонгольское время апокрифе «Сказание старца Агапия» сказано, что в Райском саду «сѣдяху же пѣтиць на дрѣвѣхъ тѣхъ, различьны имуща одежда. Овѣмъ бѣше яко злато перие, а другыимъ багъряно, инѣмъ чървлено, а другыимъ сине и зелено и различьными красотами и пѣстротами украшены. Другыя же бѣлы яко и снѣгъ» [3, с. 340].

Традиционно «райской птицей» считался павлин. Неслучайно именно павлины на протяжении всего Средневековья (как на Востоке, так и на Западе христианского мира) изображаются справа и слева от райского источника живой воды. Значимо, что в 1480-е гг. Мелоццо да Форли в капелле св. Елены римской базилике *Santa Croce in Gerusalemme* («Святого Иерусалимского Креста») создает мозаику с изображением райского источника, где «парной» к павлину птицей избран попугай!

Несмотря на то, что известно несколько посольств в Рим конца XV столетия, в России едва ли знали о мозаике Мелоццо и особенностях ее символического толкования. И все же думается, что попугай в Москве 1490-х гг. воспринимался в контексте сходной – «райской» – образности. Как минимум с XIV столетия в русских землях размышляли о том, находится ли Рай где-то на земле (и оттуда вытекают четыре великих реки, которые «напоют» ойкумену, и приведены другие подробности, описанные в Хронике Амартола, Хронографах и т.д.), или существует только лишь «мысленный» Рай, присутствующий где-то в надмирной, божественной реальности (как полагали некоторые тверские богословы, в том числе сам тверской епископ Феодор Добрый) [4, с. 42–49]. Чудесным образом, попугай будто примиряет эти мнения. Попугай – птица, которую никогда не видели на Руси, она будто оказывается свидетельством *иной* реальности, «мысленного» Рая. С другой стороны, его вполне материальное присутствие означает, что Рай где-то рядом, он существует не «мысленно», а вполне реально. К многочисленным «книжным» свидетельствам о земном Рае добавлялось материальное подтверждение. Накануне конца света, ожидавшегося в 1492 г., размышления о Рае казались особенно важными.

Представления о земном Рае далеко на Востоке очень долго – вплоть до конца XVII столетия – сохраняются в русской книжности, причем не

как дань традиции, а как подлинное, «проверенное» знание. В русские космографические компиляции этого времени (например, в так называемую «Краткую Космографию», основанную в т.ч. на известиях М. Бельского и Г. Меркатора) войдут сведения о том, что далеко на Востоке – «в жребии Симове» – есть три волшебных острова, на один из которых иногда «залетают райские птицы Гамаюн и Финикс и благоухания разносят чудная» [6, с. 470; 6].

Таким образом, подаренный Софье попугай воспринимался на Руси конца XV в. как «райская птица», как свидетельство существования «земного» Рая, подтверждал возможность его достижения. Учитывая конкретно-политическую ситуацию, в которой этот дар был преподнесен, это могло быть воспринято и как «райская» перспектива замужества для великокняжеской дочери.

P.S. «Рай на земле» в рамках «отдельно взятой княжеской семьи» построить не удалось: предполагаемый брак не был заключен. В конечном счете Максимилиан женился на дочери миланского герцога Бьянке Сфорца. Так сложилось, что в 1493 г. – во время празднования этой свадьбы в Милане – туда прибыли посланники Ивана III Мануил Ангелов и Данило Мамырев. Они со скандалом отказались участвовать в торжествах, посчитав, что им было отведено место менее почетное, чем заслуживал пославший их государь. Вероятно, здесь проявилось не только стремление московских послов не уронить честь Ивана III за рубежом, но и память о несостоявшемся семейном счастье одной из великокняжеских дочерей.

1. Corti M. «Delator» o Von Turn? // Slavia. 2018. № 2.
2. Белова О.В. Славянский бестиарий. М., 2000.
3. БЛДР. СПб., 1999. Т. 3.
4. БЛДР. СПб., 1999. Т. 6.
5. Корти М. Делатор или Фон Турн? // Клио. 2017. № 4.
6. Матасова Т.А. Об одном географическом сборнике последней четверти XVII в. из собрания Чудова монастыря: размышления над содержанием и археографическое описание // Язык, книга и традиционная культура позднего русского Средневековья в науке, музейной и библиотечной работе. Сборник материалов IV Международной научной конференции в честь проф. И.В. Поздеевой 16–19 мая 2019 г. М., 2020. (В печати).
7. Матасова Т.А. Софья Палеолог. М., 2016.
8. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Т. 1.
9. Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869.
10. Творогов О.В. Античные мифы в древнерусской литературе XI–XVI вв. // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33.

**«Что есть аллегория?» Смена культурной парадигмы
в репрезентации верховной власти в Москве в первой
половине XVI в.**

Репрезентация власти; аллегория; Золотая Палата Кремля; Россия и Италия.

На рубеже XV–XVI вв. в Московском княжестве происходит серьезный культурный сдвиг, отражающий изменение политической ситуации и процесс формирования новых государственных структур. Осознание своего прошлого и места в мире находит отражение не только в военной и дипломатической сфере, но и в создании нового языка художественной репрезентации власти. Ключевым памятником стали росписи построенного итальянскими мастерами великокняжеского дворца, в частности, парадные Золотая и Переходная палаты.

Серьезные государственно-политические перемены эпохи Ивана III, продолженные его сыном Василием III, потребовали нового языка репрезентации власти, заявляющей о себе, как о важном участнике европейской и мировой политики, интегральной части мира. Среди прочих ярких манифестаций новой культурной парадигмы и нового художественного языка великокняжеской власти стала радикальная перестройка московского Кремля и, в частности, возведение в 1499–1508 гг. великокняжеского каменного дворца итальянским архитектором Алоизио ди Каркано (Алевизом). Его центральной парадной частью были Золотая (Средняя) и Переходная (Сени) палаты, живописная декорация которых была создана впервые в 1514 г., предположительно, Феодосием и Дмитрием Дионисьевыми сразу вслед за их же росписью Благовещенского собора, из которого в Золотую палату вел переход². В дальнейшем, после многочисленных пожаров, протечек и обветшания эти росписи неоднократно поновлялись: в первый раз после пожара 1547 г., в последний – в 1672 г. Симоном Ушаковым, который оставил нам подробное словесное описание всех изображений и текстов. В XVIII в., при сносе старого дворца памятник был уничтожен, однако тетради Симона Ушакова позволяют говорить о программе памятника; на их основе была составлена в XX в. графическая реконструкция К.К. Лопяло [1, с. 193–198 и схемы].

Историография памятника включает несколько важных работ. Первое исследование принадлежало О.И. Подобедовой и было опубликовано в 1972 г. [1]: она объясняла программу, исходя из политики митрополита Макария и в контексте недавнего венчания Ивана IV на царство, не учитывая предыдущую традицию. Зарубежные исследователи Д. Миллер [6], Ф. Кэмпфер [5] и Д. Роулэнд [2] не ставили под вопрос датировку и продолжали интерпретировать памятник как идеологическую манифестацию «грозенской эпохи». Наиболее глубокий и новаторский анализ

¹ Чумичева Ольга Валерьевна, Центр изучения восточнохристианской культуры (РФ, Москва-Санкт-Петербург), к.и.н., bening@mail.ru.

² Традиционная датировка росписей периодом «после 1547 г.» опровергается нами в ряде докладов (прежде всего, на Лазаревских чтениях 2015 г. в МГУ), соответствующая статья находится в печати.

был выполнен американцем М. Флайером [3], который также видел в нем «новый... литературный этикет» времен Макария и Ивана Грозного, однако указал на ключевые структурные особенности (три регистра росписи по вертикали) и сформулировал общую идею как образ Софии Премудрости Божией, освящающей «царство».

Наши недавние сравнительные наблюдения показали, что для структуры памятника существует иной контекст, который нельзя игнорировать, но который ранее не замечали исследователи. Росписи Золотой и Переходной палат соответствуют созданному в Италии в XIV–XV вв. и широко распространенному в Европе стандарту декорирования парадных, приемных залов княжеских дворцов, при котором нижний ярус («исторический»³ или бытовой) рассказывал о жизни и деяниях владельца дворца и его семьи, средний давал библейское или «классическое», античное аллегорическое толкование этих событий, а верхний представлял собой изображение Небес, выполненное в самом разном стиле, но неизменно задававшее космический, божественный, провиденциальный масштаб всей остальной росписи⁴.

Нижний регистр росписи включает сплошную сюжетную полосу иллюстраций к «Сказанию о князьях Владимирских» в Переходной палате (Сенях), где ожидали приема отечественные высокие чины и иностранные послы; в Золотой палате этот регистр разделен на отдельные компартименты, в которых размещена серия житийных сказаний о русских князьях, начиная с Владимира Святого и Бориса и Глеба, далее до великих князей Ивана III и Василия III – в этом ряду в Золотой палате стоял и великокняжеский / царский трон, так что присутствующий на приеме государь ступал в длинный ряд предков, начатый в Сенях и завершённый тронном и живым государем. Этот «исторический» уровень повествования утверждал земной, хронологический ряд московских князей, возводя его к князьям Владимирским и Киевским и утверждая приоритет Московского княжеского дома над всеми остальными в пределах Руси. Построение родословного древа правителей в православном мире восходит к знаменитому «Древу Неманичей» в Сербии, вариации «Древа Иессеева», которое появилось в Москве впервые в сопредельной к дворцу паперти Благовещенского собора.

Средний регистр давал аллегорическое толкование русской истории великокняжеского дома. В Сенях, над полосой «исторических сюжетов» протянулся ряд фрагментарных сцен, размещенных в полукруглых «шелыгах»; все они рассказывали о ветхозаветных царях. Еще чуть выше, в парусах свода Сеней высились крупные фронтальные фигуры важнейших библейских царей. Конкретное сопоставление эпизодов «Сказания о князьях Владимирских» и избранных ветхозаветных параллелей позволит выделить смысловые акценты. Использование ветхозаветных аллегорий

³ «Историческим» называют этот уровень росписи все исследователи, хотя, начиная с О.И. Подобедовой, все объясняют его «византийской храмовой традицией», что не выглядит убедительно.

⁴ Подробный анализ сводов Золотой и Переходной палат мы даем в отдельной публикации [4].

стало популярной частью программ церковной и светской росписи с конца XIII в., прежде всего в Сербии, и с XIV в. постепенно распространялось на Руси. Однако в Переходной палате кремлевского дворца эта тема использовалась новаторским для Руси образом: как аллегория земной княжеской истории, так же, как ветхозаветные (или античные) аллегории дополняли и разъясняли «исторические» или бытовые сцены в итальянских дворцах. В Золотой палате аллегорические сцены также размещены в «шелыгах», прямо над «историческими» фрагментами. Но, в отличие от Сеней, здесь аллегории новозаветные, это «толкования от притч»: о богатом и бедном Лазаре, о сеятеле, о званых на брак и т.д., причем они объединены единым контекстом «Повести о Варлааме и Иоасафе», так что новозаветные притчи становятся частью размышлений о мудром правителе, о смысле и цели христианской власти. Таким образом, совершается движение от ветхозаветной истории к новозаветной, и сквозная тема аллюгорий — мудрое правление, свыше, со сводов благословляемое Софией Премудростью Божией, Богоматерью и Иисусом Христом.

Сложный аллегорический язык живописи полностью отвечал индказательному, «притчевому» языку сочинений, которые легли в основу росписи. Более того: значительные фрагменты текстов были включены в роспись, не только имена персонажей, но целые литературные пассажи заполняли пространство между фигурами, превращая палаты в громгласное художественное, нарративное и политическое высказывание, цельный манифест формирующейся и утверждающей себя власти Московского государства. Однако для понимания этого высказывания важно сделать несколько шагов: 1) отказаться от «простого» объяснения «грозненской эпохой», которое как будто бы снимает необходимость глубокого анализа; 2) внимательно, шаг за шагом, проанализировать каждый исторический эпизод в параллели с аллегорическим, постепенно выстраивая и восстанавливая общий «текст» — не только словесный, но и визуальный, и аллегорический; 3) помимо анализа содержания учитывать аллегорическое и буквальное значение образов, воссоздавая художественный язык этой новаторской репрезентации власти в широком контексте. Важно подчеркнуть, что общая схема росписи итальянских дворцов была воспринята не формально, а по самой сути, «переведена на русский, московский язык» политики и искусства.

1. *Подобедова О.И.* Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972.
2. *Роулэнд Д.* (Rowland Daniel). Две культуры — один тронный зал // Древнерусское искусство: Русское искусство позднего средневековья: XVI век. СПб., 2003.
3. *Флайер М.* (Flier Michael). К семиотическому анализу Золотой палаты Московского Кремля // Древнерусское искусство: Русское искусство позднего средневековья: XVI век. СПб., 2003.
4. *Чумичева О.В.* Небеса Премудрости в интерьерах Кремлевского дворца XVI в. // Воздух и Небеса в иеротопии и иконографии христианского мира. Тезисы симпозиума в Российской Академии Искусств. Москва, 11-13 сентября 2019 г. (в печати)
5. *Kämpfer F.* Russland an der Schwelle zur Neuzeit: Kunst, Ideologie und historisches Bewusstsein unter Ivan Groznyj // Jahrbücher für Geschichte Osteuro-

pas. 1975. Bd. 23. Hft. 4.

6. Miller D. The Viskovatyi Affair of 1553–54: Official Art, the Emergence of Autocracy, and the Disintegration of Medieval Russian Culture // Russian History. 1981. Vol. 8. N. 3.

О.Е. Кошелева¹

Дополнения к Космографии Меркатора в списках Русского Севера

Рукописная книжность; Космография Меркатора; Сергей Шелонин; Алмаз Чистой; Соловецкий монастырь.

Рассматриваются авторские дополнения к главе о Московии трех рукописных списков краткой редакции Космографии Меркатора в русском переводе, сделанные на Русском Севере во второй половине XVII в.

Труд фламандского географа и картографа Герарда Меркатора (1512–1594) «Atlas sive Cosmographicae Meditationes de Fabrica Mundi et Fabricati Figura» завоевал огромную популярность. Он переиздавался на латыни много раз, был переведен на европейские языки. В 1637 г. в Посольском приказе его перевели на русский язык А. Дорн и Б. Лыков под названием «Космография». Сохранилось большое количество рукописных списков² в двух редакциях: полная в 230 глав и сокращенная в 76 глав [3; 4; 6; 11]. Им в литературе уделяется мало внимания, хотя Космография занимала важное место в книжности XVII в.

Латинская глава о Московии являлась компиляцией записок о ней иноземцев: 7 печатных страниц составили тексты более 15 авторов. В них было много устаревших и неверных сведений [5]. Переводчики на русский язык иногда подправляли латинский текст, понимая, что он явно ошибочен.

Через некоторое время первый русский перевод Меркатора был переработан: текст сделан менее громоздким (в 76 глав), и сокращен, и дополнен новыми сведениями³. Известно не менее 7 списков данной редакции. Ее возможно достаточно точно датировать. Важным для этого является упоминание Космографии в известном памятнике «Оглавление книг, кто их сложил», который ошибочно приписан его публикатором В.Н. Ундольским перу Сильвестра Медведева [10]. «Оглавление...» написано почерком Евфимия Чудовского [8, с. 118], ученика Епифания Славинецкого, в нем наиболее подробно описаны переводы книг, сделанные именно Епифанием. Поэтому более чем вероятно, что автором «Описания книг...» был Евфимий Чудовский. Он привел все названия глав краткой редакции Космографии, они полностью совпадают с главами в рукописях⁴.

Крайняя дата, упомянутая в «Оглавлении...», – 1664 г. (это публикация трудов Иоанна Златоуста). Т.е. «Оглавление книг...» составлялось не

¹ Кошелева Ольга Евгеньевна, Институт всеобщей истории РАН (РФ, Москва), д.и.н., okosheleva@mail.ru.

² Мне известно около 40 списков разных редакций.

³ О составе этой редакции подробнее см.: [11].

⁴ Такое сравнение проделано Н. Чарыковым: [11, с. 3.].

позже 1665 г., следовательно, 76-главая редакция появилась ранее этой даты. Н. Чарыков назвал время ее создания «между 1655 и 1658 гг., и не позже 1667 гг.» [11, с. 41–42], основываясь на формуляре царского титула, принятого в этот промежуток времени. Однако возможна и более точная датировка. Ее дает указание соловецким монахом Сергием Шелониным на патриарха Иосифа как на главу российской церкви в созданном им списке краткой редакции. Иосиф умер в апреле 1652 г., таким образом, Шелонин писал о нем не позднее начала лета 1652 г. Иначе говоря, можно предполагать, что 76-главая редакция появилась до лета 1652 г. во время патриаршества Иосифа.

Сравнение всех списков 76-главой редакции позволяет выявить ее исходный текст⁵, на основе которого видны вставки и изменения, сделанные при дальнейшей переписке. Таковые, имеющиеся в главе о Москве, и будут рассмотрены ниже.

Один из ранних дополненных списков – упомянутая выше рукопись Шелонина. В указанной главе он сделал несколько мелких исправлений и две больших вставки. При описании соборов московского Кремля им уточнено название колокольни Ивана Великого: «...*церковь Иоанна Лествичника, аки столп каменной зело высок...*»⁶. Шелонин в 1649 г. подготавливал труд Иоанна Лествичника для издания на Печатном дворе. Очевидно, что тогда он эту церковь посещал неоднократно, обращаясь с молитвой к данному святому. Его имя просилось под перо Сергия. Шелонин также поместил в текст перечень современных ему чинов высшей церковной иерархии во главе с патриархом Иосифом, к которому был близок. Он описал их личные печати и официальные титулы. Вся эта информация была для монаха важна, она показывала «лицо» Московского государства.

Наиболее значимая вставка Шелонина – описание его родного Соловецкого монастыря⁷. Он «специально для Космографии создал данную редакцию» [9, с. 346], опубликованную О.С. Сапожниковой [9, с. 358–359]. В заключительной части главы о Московии отец Сергей ничего не изменил кроме одного слова. Во фразе «*молодые люди воинских ратных дел искатели*» он вместо «воинских» вставил «в книгах». Смысл переменялся: вместо молодых людей, которые стремятся воевать («ратных дел искатели»), получилась молодежь, которая из книг узнает о военных делах. Здесь, видимо, повлияла публикация в 1649 г. книги «Учение и хитрость ратного строения»: в этот год⁸ Сергей был связан с Печатным двором и хорошо знал данную книгу.

Добавления, сделанные отцом Сергием (о российской церковной иерархии, о церкви Иоанна, о Соловецком монастыре, о книге «ратного

⁵ Первоначальный текст сохранился в рукописях РГАДА. Ф. 181. 696; РНБ. Q I. 27; РГБ. Большаков. Ф. 37. № 332.

⁶ РНБ. Сол. 9–1468. Л. 165 об.

⁷ Там же. Л. 155 об.–167 об.

⁸ С.О. Сапожникова высказывает это предположение, однако ошибочно относит издание книги «Учение и хитрость...» к 1647 г. [9, с. 359].

строения») оказываются связанными с позитивными событиями из жизни Шелонина.

Другой список 76-главой редакции⁹, имеющий добавления, написан в 1670 г. в Холмогорах и принадлежал дьяку Алмазу (Матвею) Ивановичу Чистому. Здесь к перечню природных даров Московии добавлены сведения о тех, что идут на экспорт: «...с Руси хлеб идет»; «...из Московского государства воск и мед идет» [11, с. 269] – и просто существующих: «Железных руд в том государстве в лесах находят множество», «Соли в том государстве родится великое множество» [11, с. 269].

Основные дополнения относятся к городам. Небольшие – к Новгороду, Вологде, Устюгу, Москве (в них живут люди «честные, богатые, вельможные», а сами города – «многолюдны»). Примечателен текст про Ярославль, о котором в протографе ничего не говорилось: «Ярославль подобен Нову городу, стоит над Волгою и Которослью в красовитом месте, а люди в нем честные и богатые, вельможные, в городе том монастыри и церкви каменные и деревянные многие, zelo благолепием красятся» [11, с. 269]. Видимо, эту запись внес ярославец, коим и был сам Чистой. Современная поправка сделана о статусе г. Владимира: он писался первым в царском титуле, «а ныне тот город пишут третий сначала» [11, с. 269].

Более обширен текст об Архангельске, представленном как крупнейший торговый порт. Но главной темой является пожар 1669 г., которому автор, видимо, был свидетель. Рассказ о нем выбивается из стиля Космографии, не отсылающего к сиюминутным событиям, но для автора они были важны. Акцент им сделан на начавшемся еще до пожара новом, и главное – каменном! строительстве гостиных дворов. Эти сведения были значимы для купечества, торговавшего через Архангельск; ему, видимо, они и адресовались [11, с. 270].

В таких добавлениях просматривается купеческий взгляд на мир. Их возможно отнести, с некоторой долей сомнений, к творчеству самого дьяка Алмаза Чистого, который хоть и являлся приказным человеком, все же оставался причастен к своей купеческой ярославской фамилии. Какими-то узлами он был связан с Архангельском и Холмогорами.

Третий список, приобретенный в XIX в. в Петрозаводске кн. Ю.А. Долгоруким и опубликованный его наследником [1], анонимен. Он написан между 1682 и 1696 гг. и представляет собой полностью переработанный текст Космографии. Два больших фрагмента – о Москве и о Соловках – выделяются как самостоятельные рассказы. Изображая Москву, автор писал о реках, мельницах, пушках, храмах и о многом другом. Он представил с подробностями все постройки московского Кремля, и не только его. Более краток рассказ о других городах, но в текст про Новгород, например, вставлена «Повесть о белом клобуке».

Текст о Соловецком монастыре не совпадает ни с одним из Соловецких сказаний [ср.: 2]. Он изображен как каменная неприступная крепость, в которой изобилие оружия, солидные запасы еды и одежды, есть больничные палаты. Но автор ничего не сказал о церковной стороне монастырской жизни.

⁹ ОР ГИМ. Син. № 127. Публ.: [11].

В описании рек, озер и монастырей Московии преобладают расположенные на Севере, особенно в Поморье. Отмечены северные соляные промыслы, также речь подробно идет о товарах, которые покупаются Европой и являются уникальным достоянием Московии. Это пушнина, прекрасный жемчуг, слюда, добываемая в Поморье, которой уделено особо много внимания. Наиболее детальный рассказ о «белом камне» подмосковного села Мячкова. Он сравнивается с известняковым месторождением на Двине не в пользу последнего. Разделы о государственном устройстве, вере, быте и нравах «москвитов» автор также снабдил множеством добавлений и сокращений.

Кто же был автором этой главы? Текст дает подсказки к тому, чтобы «расшифровать» его персону. Определенно наш автор – «северянин»: к какой бы теме он не обращался, он упоминал Русский Север и, в первую очередь, Поморье. Одна из ярких особенностей – навязчивое обращение автора к теме каменного строительства в России: характеристика различных зданий как «каменных» встречается чуть ли не в каждой фразе. Видимо, этим он хотел показать, что русские города мало отличаются от европейских, они тоже каменные. Из этого следует гипотеза – наш автор видел европейскую архитектуру.

Примечательно также внимание автора к экспортным товарам. Эти товары описаны им обстоятельно, со знанием дела. Рассказывая о добыче слюды, он отметил ее закупку на местах и продажу в Москве и в Архангельске на вывоз. И именно на этих городах автор заострил внимание: изображена экспортная и импортная торговля Архангельска, а в тексте о Москве – Гостиный двор, лавки на Красной площади и в Китай-городе. Иначе говоря, его интересовали проблемы торговли с зарубежными странами.

Так не был ли автор этого списка Космографии купцом, торговавшим слюдой, много времени проводивший в Поморье, и ездивший с ней в Архангельский порт и в Москву? Вероятно, он думал и о возможностях экспорта мячковского белого камня за рубеж. Ведь слюда так или иначе должна была связывать его со строительным делом, в котором она применялась.

Автор штудировал Космографию – книгу «о странах всего света», и даже нашел силы и время поучаствовать в ее усовершенствовании. Все вместе взятое дает некоторые основания считать, что он – один из «гостей», первостатейных купцов, торговавших с заграницей. Зачем автор решил переписать главу о Московии на свой лад? Как мне представляется для того, чтобы опровергнуть баснословные сведения «Меркатора» о России в переводе Дорна / Лыкова и дать точные. Можно проверить каждое слово автора с точки зрения достоверности его рассказа.

На какого читателя текст рассчитан? В первую очередь на читателя не знакомого с Россией, а возможно и на торговых партнеров. Купцы принадлежали к кругу людей, которых торговля вовлекала в международное общение, им были свойственны культурно-религиозная открытость и толерантность [ср.: 7, с. 24–46]. Автор ориентировал свой текст

также и на Высшего Судию, который любит Правду, и старался ее в данном тексте восстановить.

Итак, дополнения к исходному тексту краткой редакции Космографии в каждом из трех списков отразили личные мотивы авторов, опосредованные их социальным статусом, и показали их «северный» взгляд на Московское государство.

1. *Арсеньев Ю.В.* Описание Москвы и Московского государства по неизданному списку // Записки московского императорского археологического института. М., 1911. Т. 11.
2. *Буров В.А., Охотина-Линд Н.А.* Три произведения конца XVI – начала XVII в. о Соловецком монастыре // Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004.
3. *Глушкина С.М.* Космография Богдана Лыкова 1637 г. Автореф. дисс. ... к.фил.-л.н. Л., 1949.
4. *Глушкина С.М.* Космография 1637 года как русская переработка текста «Атласа» Меркатора // Географический сборник. М.; Л., 1954. Кн. 3.
5. *Дубровский И.В.* Сообщение о Московском государстве в Атласе Меркатора // Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2018. Т. XXIV.
6. *Кошелева О.Е.* Русский перевод 1637 года главы «О Московии» Атласа Герарда Меркатора // Русский сборник. Исследования по истории России. М., 2018. Т. XXIV.
7. *Морозов Б.Н., Стефанович П.С.* Введение // Роман Вилимович в гостях у Петра Игнатъевича. Псковский архив английского купца 1680-х годов. М., 2009.
8. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В. Горского и К.И. Невоструева). М., 1973. Ч. 2.
9. *Сапожникова О.С.* Русский книжник XVII века Сергей Шелонин. М.; СПб., 2010.
10. *Ундольский В.М.* Оглавление книг, кто их сложил. Составил Сильвестр Медведев. М., 1846.
11. *Чарыков Н.* «Космография» 1670 года. СПб., 1878.

Т.А. Опарина¹

Западный опыт греческих светских мигрантов первой половины XVII века

Миграция; Греческий мир; Западная Европа; Россия; Новое время.

Статья посвящена греческим светским иммигрантам, до приезда в Россию жившим или странствующим в Западной Европе. Показано, что они имели богатый западный опыт, полученный в Италии, Испании, Фландрии, Нидерландах, Великобритании, Франции.

«Греческая» светская миграция связана с Османской империей и ее вассальными государствами. Но покидая родину, многие греки проделывали более сложный путь, прежде чем оказались в России.

Наиболее ярким примером запутанного маршрута миграции служит переселение представителей греческой знатной семьи, признанной на родине Палеологами, а в России получившей фамильное прозвище Альбер-

¹ Опарина Татьяна Анатольевна, Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова (РФ, Москва), к.и.н., t-a-opart@yandex.ru.

тусов-Далмацких. Больше всего современникам запомнился Иван Елизарьев Альбертус-Далмацкий [2; 3; 4]. Решив уехать из Константинополя около 1617 г., не исключено, что при помощи французских дипломатов, он отправился во Францию. По его словам, здесь он находился пять лет и имел возможность причащаться в православном храме. Приблизительно в 1620 г. Иван Альбертус перебрался из Франции в Великобританию. Грек служил в королевской армии в звании капитана, за что получил свидетельственное письмо Карла I Стюарта. На Британских островах он провел семь лет, за время которых успел жениться на англичанке-протестантке.

Примерно в 1627 г. к Ивану Альбертусу присоединился его двоюродный брат Дмитрий, ранее служивший молдавским и валашским господарям. В Великобритании он поступил в английскую королевскую армию, в которой служил около трех лет.

На Британских островах Альбертусы встретили немало соотечественников, а некий Палеолог даже вступил к ним в службу. Но для последующей карьеры важнее оказались контакты с «греком» Юрием Трапезундским [5]. Плененный алжирскими пиратами, этот уроженец Трапезунда, наиболее вероятно, сам стал корсаром, затем в результате восстания невольников на корабле получил окончательную свободу. Христианские пленники нашли приют в Испании, из которой Юрий Трапезундский перебрался во Фландрию, а затем – в Нидерланды, далее он достиг Великобритании. Сколько лет провел здесь Юрий Трапезундский сказать невозможно, в его рассказе отсутствуют какие-либо конкретные даты.

В определенный момент все трое греков решили перебраться в Россию, вероятно, узнав о наборе наемников в русскую армию для готовящейся войны с Речью Посполитой (Смоленская война (1632–1634)). Но двигались к цели они разными путями, выбирая порты многих государств. Иван Альбертус не покидал Великобритании. В 1627 г. он присоединился к влиятельному английскому купцу Фабиану Ульянову², на корабле которого отплыл в Россию. Юрий Трапезундский в том же году предварительно уехал в Гамбург, чтобы добраться до России. Дмитрий Альбертус только в 1630 г. отправился в Россию, предпочитая выехать из Нидерландов. Он использовал судно голландского купца Юрия Клинка. Через Северный морской путь греки достигли Архангельска, откуда были перенаправлены в Москву. Кроме того, в 1630 г. из османской столицы через Путивль прибыл родной брат Ивана Альбертуса – Павел.

Вскоре выяснилось, что Альбертусы тесно связаны с иерархами Христианского Востока и купцами-фанариотами, исполнявшими роль агентов русского правительства. Это обеспечило братьям получение рекомендательных грамот константинопольского патриарха Кирилла Лукариса и иерусалимского патриарха Феофан. Документы, в свою очередь, дали возможность братьям беспрепятственно войти в Государев двор. Иван и Павел утвердили титул князя, Дмитрий не смог этого достичь, оставшись лишь московским дворянином. В России выходцы быстро

² В русской столице в Посольском приказе именно Фабиан Ульянов выступил «знатцем», готовым поручиться за благородное происхождение грека.

обустроились. Альбертусы сразу сблизились с Юрием Трапезундским, который последовательно продвигался по службе в Иноземском приказе и дошел до звания ротмистра «греческой» роты.

Клиентелла Альбертусов последовательно разрасталась, в Россию прибывали греки, также связанные с константинопольским патриархом Кириллом Лукарисом. Среди них был уроженец острова Корфу Остафий Власий (в России именуемый Власовым). Его родной брат – Гавриил Власий [9; 10; 11] имел высокий титул дидаскала Великой Церкви. Ухудшение положения Кирилла Лукариса, в 1635 г. в очередной раз лишённого кафедры, очевидно, отразилось на семье Власиев. Наиболее вероятно, Остафий Власий был подвергнут османскими властями насильственной исламизации и в 1636 г. юношу решили спрятать в России. В Москве грека вернули в православие, после чего он получил жалованье «за исправление веры»³. Не имевший документов, подтверждающих его статус на родине, Остафий Власий был первоначально записан в «греческую роту» Иноземского приказа, где опеку над ним взял Юрий Трапезундский. Вскоре и Гавриил Власий подвергся в Константинополе гонениям, начавшимся после трагической кончины в 1638 г. Кирилла Лукариса. Ученый грек бежал, найдя приют в Яссах при дворе молдавского господаря Василия Лупу. В Яссах находилось подворье иерусалимского патриарха Феофана, у которого в 1639 г. Гавриилу Власию удалось получить рекомендательную грамоту для своего младшего брата. В 1640 г. документ был доставлен в Москву. На его основании Остафий Власий смог войти в Государев двор [1, с. 62]. Получение следующей патриаршей грамоты⁴ в 1645 г. обеспечило греку право на земельные наделы. К 1646 г. Остафий Власий вместе с Антоном и Афанасием Селунскими [8, с. 158–159, 258] был испомещен в Ростовском уезде.

В 1648 г. в Москве оказался Юрий Карапиперов, рассказавший в Посольском приказе о своих странствиях: «многия государства учал ездить из младых лет и был во Италийской земле и в Шпанской и в Вениции и в иных государствах тамошних стран бывал же и... от державец был в великой чести и земли те все обильны»⁵. Прежде, чем переселиться в Россию, купец Юрий Карапиперов был русским агентом. Незадолго до миграции он взял на себя роль посредника между русским правительством и гетманом Богданом Хмельницким. Неблагородное происхождение не стало для него помехой в получении чина московского дворянина. Юрий Карапиперов убедил власти в важности своих заслуг перед правительством и добился включения в Государев двор [4; 1, с. 159].

Как показывают приведенные примеры, из Константинополя подданные султана могли оказаться в Западной Европе добровольно (как братья Альбертусы) или насильно (как в случае с Юрием Трапезундским). Они находили применение в качестве профессиональных военных. Альбертусы и Трапезундский не были одиноки. Греческие диаспоры возникали во Франции, Великобритании и, возможно, Нидерландах.

³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 292. Л. 34–34 об.

⁴ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1645. № 21.

⁵ Там же. Оп. 1, 1648. № 39. Л. 1.

Во Франции греки имели свое богослужение. В православном храме Франции причащался Иван Альбертус. Больше сохранилось сведений о греческой колонии в Великобритании [6]. Она укреплялась в период патриаршества Кирилла Лукариса, имевшего многочисленные контакты с протестантами, в том числе – английскими. Влед за греческим духовенством на Британские острова устремились миряне. Среди них были освобожденные бывшие пленники (Юрий Трапезундский), а также Палеологи (Альбертусы и не названный по имени слуга их). Через Нидерланды пролегал путь Дмитрия Альбертуса и Юрия Трапезундского. Отсюда было в 1635 г. с голландским кораблем получено анонимное письмо к московским властям. Его автору было известно не только о жизни братьев в Великобритании, о принятии ими в этот период на службу Палеолога, но факт их переселения в Россию, а также полученное в Москве фамильное прозвище «Альбердос». Таинственный наблюдатель, наиболее вероятно, протестант, продолжал следить за жизнью Альбертусов в России. Очевидно, что братья Альбертусы сохраняли контакты не только с Константинополем, но и поддерживали связь с западноевропейскими странами, в которых побывали ранее.

Но наиболее простым путем из Константинополя было путешествие в Италию, граничившую с Османской империей. Самой известной была греческая колония Венеции, с которой подданные султана стремились поддерживать тесные контакты. Через Италию не сложно было продолжить путешествие по Средиземному морю. Купец Юрий Карапиперов сумел побывать в Венеции и Испании, очевидно, с торговыми целями, а также с различными поручениями. Видимо, не без оснований, османские власти подозревали его в шпионаже. В результате он был вынужден покинуть родину и перебраться в Россию.

Под управлением Венеции находился ряд греческих островов. Корфиот Остафий Власий сначала вместе с членами своей семьи оказался в Константинополе, где подвергся религиозному давлению и поспешил уехать в Россию. В Москве он стал одним из самых преданных сподвижников братьев Альбертусов.

Таким образом, в России оказывались греки, обладающие богатым западным социальным опытом. Это проявилось, в частности, в свободном владении различными языками. При этом иногда даже отсутствие письменных навыков не мешало иммигрантам удобно пользоваться разговорной речью разных стран. Не владеющий грамотой отчаянный воин Юрий Трапезундский в зависимости от обстоятельств с легкостью переходил с греческого на турецкий или на татарский. Он также хорошо знал итальянский язык, в нужный момент представляясь итальянцем. Скорее всего, в странствиях по Западной Европе он усваивал языки и нашел возможность общаться с жителями Фландрии, Нидерландов, Великобритании.

В отличие от этого своего сподвижника, Иван Альбертус относился к числу наиболее образованных греков в сообществе Москвы. Пребывание на Британских островах и служба в королевской армии не прошли для него бесследно. Знание английского языка помогло Ивану Альберту-

су проявить себя перед московским государем. Он перевел труд по геометрии, ставший первым в России в этой области знаний. Полиглотом был Остафий Власов, даже подписывающийся по-латыни и по-гречески. Безусловно, знал эти же языки и Дмитрий Альбертус, но в России предпочитавший использовать русский язык для подписи. Языковые познания клана Альбертусов были отмечены соотечественниками, увидевшими в этом проявление неблагонадежности. Но власти использовали навыки Альбертусов. Дмитрий привлекался к ведению богословских споров с протестантами.

Опыт, глубокие знания, близость к окружению патриарха Кирилла Лукариса сближали Альбертусов с Остафием Власием; личные знакомства в период странствий – с Юрия Трапезундским. Иммигранты объединились в один клан, пользовавшийся значительным влиянием. В определенный период Альбертусы возглавили «греческое» землячество Москвы. Приехавший после ухода из жизни всех представителей семьи Альбертусов и ссылки в Сибирь Юрия Трапезундского [7] купец Юрий Карапиперов уже был настроен к ним крайне скептически. Он подверг резкой критике последнего оставшегося в живых члена клана – Дмитрия Альбертуса, умершего за год до его переселения в России. Утверждая бесполезность пребывания Дмитрия в России («службы никакие не служивал»), Юрий Карапиперов тем самым противопоставил свою деятельность в качестве агента русского правительства знатности Альбертусов. Но, убедив власти и достигнув включения в Государев двор, Юрий Карапиперов ничем не проявил себя. За период его жизни в России (скончался в 1654–5 г.) никаких московских служб зафиксировано не было. Остафий Власий, переживший Юрия Карапиперова, получал административные назначения. Ему поручили контролировать мордовское население Арзамаского уезда. Сосланный в Сибирь Юрий Трапезундский много воевал, расширяя границы Московского государства. Но, в целом, основным предназначением греческих мигрантов, прежде всего вошедших в Государев двор, было участие в церемониальной жизни московского двора.

1. *Белоусов М.Р.* Боярские списки 1645–1667 как исторический источник. Казань, 2009. Т. 2.
2. *Кошелева О.Е., Симонов Р.А.* Новое о первой русской книге по теоретической геометрии и ее автор // Книга, исследования и материалы. М., 1981. Сб. 42.
3. *Матвеева Е.Н.* Альбертус-Далмацкий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1.
4. *Опарина Т.А.* «Исправление веры греков» в русской церкви первой половины XVII в. // Россия и Христианский Восток. М., 2004. Вып. II–III.
5. *Опарина Т.А.* Ротмистр Юрий Трапезундский: заметки к биографии // Вторые чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева. Материалы. М., 2004.
6. *Опарина Т.А.* Алхимик, янычар и «родич византийских царей»: Палеологи в России конца XVI – первой половине XVII в // *Studia Slavica et Balcanica Petrograditana* (Петербургские славянские и балканские исследования). 2016. № 1.
7. *Опарина Т.А.* Сибирская ссылка греческих переселенцев XVII в.: пути и судьбы // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 1.

8. Писцовые материалы Ростовского уезда XVII века. 1646 год / Сост. В.А. Кадик. М., 2014.
9. *Флоря. Б.Н.* Два послания Г. Власьева царю Михаилу Федоровичу // *Славяне и их соседи.* М., 1996. Вып. 6.
10. *Фонкич Б.Л.* Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009.
11. *Ченцова В.Г.* Икона Иверской Богоматери (очерки истории отношений Греческой церкви с Россией в середине XVII в. по документам РГАДА). М., 2010.

А.В. Лазарева¹

«Сослать всех в Сибирь!»: представления о России и русских в немецкой художественной литературе XVII в.

Образ России; литература барокко; Германия; Мартин Опиц; Пауль Флеминг; Ганс Якоб Кристоффель Гриммельсгаузен.

В статье рассматривается проблема появления в немецкой художественной литературе эпохи барокко образа России. Пользуясь в качестве источников в основном не собственными наблюдениями, а уже существующим нарративом, немецкие литераторы создали как негативный, так и позитивный образ.

Утверждение о том, что знаменитый труд «Записки о Московии» дипломата Священной Римской империи Сигизмунда фон Герберштейна, посетившего Московское государство в 1517 и 1526 гг., открыл Западной Европе Россию, давно уже стал хрестоматийным в литературе, посвященной восприятию русских иностранцами [13, 9; ср. с 2]. На протяжении XVI в. сочинение Герберштейна оставалось единственным для формирования у иностранцев представления о «московитах». Век спустя, при более глубоком вовлечении Московского государства в орбиту европейской политики, увеличилось и количество различных свидетельств, которые стали неотъемлемой частью дипломатических документов иностранных дворов. Россия интересовала не столько Западную, сколько Центральную и Северную Европу, наибольшее количество различных сочинений на эту тему, принадлежала перу немцев – дипломатов германских княжеств или императора Священной Римской империи [2, с. 211]. Однако не только официальные лица проявляли живой интерес к «Московии». С XVII в. образ России становится важной составляющей немецкой художественной литературы эпохи барокко. Проникновение сведений о Московском государстве в художественную литературу полностью соответствовало специфике эпохи барокко, с характерным для нее смешением сведений из разных научных отраслей, в котором пальма первенства устойчиво принадлежала этнографическим данным [8; 15]. Особый спрос на литературу в жанре путешествий обусловил то, что на страницах своих произведений немецкие литераторы XVII в. создали увлекательные истории про «дальние страны», сведения о которых в Европе были еще не слишком четкими. Русское государство занимало все больше места в

¹ Лазарева Арина Владимировна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., unimoskau@yandex.ru.

умах и фантазиях немецких литераторов, стремившихся одновременно к увлекательности и нравоучительности своих художественных сочинений.

Никто из немецких литераторов эпохи барокко, за редким исключением, никогда не бывал в Московском государстве или хотя бы на его рубежах. Источниками для писателей и поэтов в основном служили одни и те же рассказы очевидцев, начиная с Герберштейна, побывавших в России. В 1621 г. образ России попал в немецкую высокую поэзию эпохи барокко благодаря перу крупнейшего немецкого поэта Мартина Опица (1597–1639). Для Опица Россия не была абстрактным понятием. Он много времени проводил в Польше. Многие из того, что Опиц в дальнейшем писал о России, создавалось им под влиянием устойчивой традиции, существовавшей как на имперских окраинах, так и в Польше по отношению к одному из главных польских соперников раннего Нового времени. Опиц одним из первых среди немецких литераторов поставил знак равенства между «Московией» и «Скифией», подчеркивая и в своем дальнейшем творчестве дикость и варварство, в котором, по его мнению, пребывали «московиты»: «Там безжизненный воздух, суровый и грубый. Там скачут неистовые дикие звери. Сколько еще ужасов можно сказать об этой мрачной стране» [11, s. 145]. В дальнейшем идея тождества «Московии» и «Скифии» неоднократно развивалась в немецкой художественной литературе XVII в., при этом главной составляющей этого родства стали категории «дикости» и «варварства». Это отразилось в «Словаре поэтических слов и понятий» Мельхиора Вайнриха, немецкого литератора и теоретика поэзии, благодаря чему неоднократно использовались немецкими поэтами, пользовавшимися словарем для подбора изящных рифм [17, s. 281]².

Русская дикость и варварство были вписаны немецкой художественной литературой в конкретный исторический контекст. Попытка Михаила Романова активизировать свою внешнюю политику и вернуть обратно Смоленск в ходе Смоленской войны, вызвала живой отклик некоторых немецких литераторов. В 1636 г. Опиц написал «Хвалебное стихотворение» в честь Владислава IV, в котором в стихотворной форме пересказывались события Смоленской войны, а особое внимание уделялось русскому поражению: «русские бросили к ногам победителей собственное чванство, их научили подчиняться» [12]. Вслед за Опицем, который на протяжении всего XVII в. считался современниками главным немецким поэтическим гением, его «братья по перу» создавали специальные заказные стихи, посвященные жизнеописаниям польских и прусских дворян, которые участвовали или в польской интервенции в России, или в Смоленской войне. В этих стихах, безусловно восхвалявших адресатов, неоднократно упоминались «дикие московиты с тяжелыми дланями», «московитские дикие орды» [5, s. 116, 231, 411].

Русские исключались немецкими литераторами XVII в. из круга «достойных» наций. Так в одном из поэтических произведений Г.Р. Векерлина перечисляются народы, которые, по мнению автора, имеют право называться европейцами. Это «воинственные римляне», «свободные, не-

² В XVII в. подобные издания были очень популярны в писательских кругах, так как из них можно было почерпнуть необходимые литературные клише.

победимые немцы», «смелые британцы», «отважные французы», «дальновидные сицилийцы» [16, s. 128]. Московиты же оставались частью «экзотического мира». Негативная картина, которая предстает в немецкой литературе как клише, была отражением существовавших исторических представлений о России, а также дополнялась конкретными историческими событиями, которые поэты барокко интерпретировали на свой лад.

Из всех немецких поэтов эпохи барокко только Пауль Флеминг (1609–1640) лично совершил поездку в Россию [10], и именно он создал в своей лирике ее позитивный образ. В стихотворении на прощание с Новгородом Флеминг впервые назвал Московскую Русь «не варварской страной»: «Ступай в полуночные страны, в ту землю, которая открывается перед тобой. Ту, которую некоторые бранят, хотя они о ней ничего не знают. Говори, что хочешь! Ты узнаешь истину! Потому что доверяешь тому, что ты видишь сам. И надейся, что варварство ты сможешь увидеть неварварским!» [3, s. 128]. Он подробно описывает русский быт, свидетельствует, что русские любят ловить рыбу и охотиться. Простую одежду местные жители шьют сами из тех материалов, которые им предоставляет природа («овца дает ему свою шерсть») [3, s. 128]. Он описывает русские церковные службы, называя их «искусством благочестия» [3, s. 129]. Однако в целом стихотворения Флеминга из русского цикла, несмотря на детализированный пересказ повседневности и целого ряда достоверных деталей, стоят в стороне от исторических реалий. Как каждый поэт эпохи барокко, Флеминг стремился скорее красиво и витиевато облечь слова в форму, чем передать реальную картину. В таком ключе поэты барокко искали образцы в высокой поэзии античности. Однако Флеминг столкнулся со сложной проблемой для своего стихосложения. Античная традиция для изображения «примитивных» народов имела всего лишь две ключевые составляющие. На одном полюсе стояло «дикое варварство», а на другом «идиллия» [4, s. 711]. Разрушение картины «русского варварства» – это не столько стремление Флеминга к «правде», которое он декларирует, сколько типичный для утонченного стиля эпохи барокко прием «диалога» с невидимым собеседником. В культуре образования барокко такие диалоги с заведомым противоречием своему визави были нормой галантного поведения [7, s. 224]. Флеминг полностью в духе традиции барокко поучал своих соотечественников: он представлял им простой в некотором смысле «невинный» мир «золотого века», в котором нет войн, нет злодейств. Он противопоставлял русскую действительность тому, что происходило в это время в германских государствах, разрушаемых Тридцатилетней войной (1618–1648), тема которой так или иначе звучит практически в каждом стихотворении поэта.

Классикой изображения России в литературе барокко стал знаменитый плутовской роман Г.Я.К. Гриммельсгаузена (1622–1676) «Симплициссимус» [1]. Гриммельсгаузен, который как доказано специалистами, никогда не бывал в Москве, выделяется среди литераторов эпохи барокко, создавших образ России XVII в., потому что его роман имел грандиозный успех и несколько раз переиздавался. Несмотря на то, что из почти 500 страниц романа России посвящены лишь 10, они позволили чита-

телю увидеть Московское государство, представленное живо, с большим юмористическим потенциалом, глазами иностранца [1, с. 341–351].

Одним из главных вопросов, на которые исследователи достаточно быстро нашли ответ, был вопрос, что легло в основу описания Московского государства. Ответ практически однозначен – это записки А. Олеария [6, s. 373]. Гриммельсгаузен составил из разрозненных небольших фрагментов из Олеария целостный рассказ, при этом он выбирал самые курьезные моменты, на которые обратил внимание голштинский посланник. Гриммельсгаузен не ставил перед собой цели «воссоздать объективную картину». Разгадка этому кроется в самом жанре плутовского романа эпохи барокко. Симплициссимус – бывший ландскнехт – в своем рассказе должен действовать как «идеальный ландскнехт», то есть он просто обязан исказить события и факты [14, s. 39]. Гриммельсгаузен стремился не пересказать или воссоздать русские реалии на основе существующих источников, а наоборот, хотел исказить их, чтобы его рассказ стал действительно похож на рассказ задровавшегося наемника, который на самом деле нигде не бывал. Однако из романа Гриммельсгаузена читатели получили не просто преувеличенный рассказ бывшего солдата, они получили оценку российских реалий, превратившуюся в стереотип. Так, на долгое время утвердилось убеждение, что иностранцы, которые хотят получить выгоду из службы Московскому царю, обязаны принять православие [1, с. 343]. Негодование Западной Европы вызывала идея, что иностранцы в России находятся под стражей и не имеют права свободного передвижения [1, с. 345]. Однако наибольший след в западном общественном сознании оставили две ключевые идеи, встречаемые у Гриммельсгаузена. Во-первых, он, продолжая традиции создания негативного образа России, доказывал конкретными примерами русскую отсталость, утверждая, что в середине XVII в. в Московском государстве нет даже пороха [1, с. 346]. Во-вторых, Гриммельсгаузен обосновывал мысль о царском всевластии, указывая, что ему принадлежит не только земля, но и каждый человек от боярина до холопа [1, с. 346]. Из всех возможных кар, которые грозили за неповиновение царю, Гриммельсгаузен обратил внимание читателей на ссылку в Сибирь: «За такое учиненное нами превеликое бесчинство сослать всех нас в Сибирь» [1, с. 345]. Ужас перед Сибирью в дальнейшем станет одним из главных страхов Запада перед Российским государством.

Для понимания образа России и образа «другого» в контексте немецкой художественной литературы эпохи барокко, необходимо учитывать, что она, в силу своих жанровых особенностей, была далека от объективности и просто передавала негативный или значительно реже позитивный нарратив, далекий во многом от исторических реалий. Литература барокко стремилась, выполняя свои дидактические цели, показывать курьезы, необычные происшествия, вокруг которых можно было развивать морально-нравственные концепции. Отсюда происходит увлечение сюжетами «варварства» москвитов, их утрирование. Литературное изображение гиперболизировало предлагаемые сведения, создавая из них частотные образы, далекие от реалий. Однако именно эти образы превращались в стереотипы.

1. *Гриммельсгаузен Г.Я.К.* Симплициссимус / Пер. А.А. Морозова, Э.Г. Морозовой. Л., 1967.
2. *По М.* Сочинения иностранцев о Московии // Homo viator. Путешествие как историко-культурный феномен / Под ред. А.В. Толстикова, И.Г. Галкова. М., 2010.
3. *Fleming P.* In Groß-Neugart der Reußen // Fleming P. Deutsche Gedichte / Hrsg. von J.M. Lappenberg. Stuttgart, 1865.
4. *Garber K.* Literatur und Kultur im Europa der Frühen Neuzeit. Paderborn, 2009.
5. *Herrn von Hoffmannswaldau und anderer Deutschen auserlesener und bisher ungedruckter Gedichte* / Hrsg. von B. Neukirch. Leipzig, 1697.
6. *Keller M.* Simplitianische Moskowienfahrt: Hans Jacob Christoffel von Grimmelshausen // Russen und Rußland aus deutscher Sicht 9. – 17. Jahrhundert. München, 1985.
7. *Kühlmann W.* Sprachgesellschaften und nationale Utopien // Föderative Nation. Deutschlandkonzepte von der Reformation bis zum I. Weltkrieg / Hg. von D. Langewiesche und G. Schmidt, München, 2000.
8. *Kühlmann W.* Wissen als Poesie: zu Formen und Funktionen der frühneuzeitlichen Lehrdichtung im deutschen Kulturraum des 16. und 17. Jahrhunderts // Alchemie und Poesie: Deutsche Alchemikerdichtungen des 15. bis 17. Jh. / Hg. von J. Telle. Berlin; Boston, 2013.
9. *Leitsch W.* Das erste Rußlandbuch im Westen – Sigismund Freiherr von Herberstein // Russen und Rußland aus deutscher Sicht 9. – 17. Jahrhundert. München, 1985.
10. *Lohmeier D.* Paul Flemings Bekenntnisse zu Moskau und Russland // Russen und Rußland aus deutscher Sicht 9. – 17. Jahrhundert. München, 1985.
11. *Opitz M.* Danielis Heinsij Hymnus Oder Lobgesang Bacchi darinnen der gebrauch vnd missbrauch des Weins beschrieben wird // Opitz M. Teutsche Pöemata und: Aristarchvs Wieder die verachtung Teutscher Sprach. Straßburg, 1624.
12. *Opitz M.* Lobgedicht an die koenigliche Majestät zu Polen und Schweden. Danzig, 1636.
13. *Scheidegger G.* Perverses Abendland – barbarisches Russland. Begegnungen des 16. und 17. Jahrhunderts im Schatten kultureller Missverständnisse. Zürich, 1993.
14. *Sienger H.* Der deutsche Roman zwischen Barock und Rokoko. Köln; Graz, 1963.
15. *Stagl J.* Das Reisen als Kunst und als Wissenschaft (16. bis 18. Jahrhundert) // Zeitschrift für Ethnologie. 1983. № 108.
16. *Weckherlin R.* Triumph Newlich bey der F. kindtauf zu Stutgart gehalten. Stuttgart, 1616.
17. *Weinrich M.* Melchioris Weinrichi aerarium poeticum hoc est phrases et nomina poetica. Francofurti, 1652.

Е.Б. Смилянская¹

Лорд Эффингем, сражавшийся вместе с русскими за освобождение греков в 1770 г.: неизвестные страницы биографии будущего губернатора Ямайки²

Русско-британские связи; Первая архипелагская экспедиция; Русско-турецкая война 1768–1774; Война за независимость США.

¹ Смилянская Елена Борисовна, НИУ ВШЭ, ИВИ РАН (РФ, Москва), д.и.н., esmilian@mail.ru.

² Статья подготовлена при поддержке РФФИ (грант а № 17–01–00261) «Екатерининская Россия: взгляд из Европы». Благодарю доктора Юлию Лейкин за помощь в разыскании архивных материалов в Британии.

Лорд Томас Говард Эффингем – в 1770 г. сражался как британский волонтер Первой архипелагской экспедиции российского флота, а позднее прославился своими выступлениями в Парламенте против «братоубийственной» войны в Американских колониях и в 1791 г. закончил жизнь губернатором Ямайки. В докладе рассматривается, могло ли пережитое в Архипелаге повлиять на дальнейшую деятельность этого английского лорда.

За полвека до того, как лорд Байрон отправился на Балканы поддерживать восстание греков против османского гнета, в мае 1770 г. на берег Лаконийского залива вместе с российскими кирасирами, морской пехотой и артиллеристами высадился другой лорд – «волонтир» граф Томас Говард Эффингем (Thomas Howard 3-d Earl of Effingham, 1746–1791) в сопровождении неких Степлтона, МакКинзли и слуг. Волонтеры проследовали на Пелопоннес из Англии на корабле «Святослав» в эскадре, которой командовал их соотечественник контр-адмирал Джон Элфинстон.

Вопрос о роли англичан и английской поддержки Первой архипелагской экспедиции российского флота неоднократно поднимался в историографии, и доказано, что Екатерина II в возрождении флота умело воспользовалась помощью Британии, ее политической поддержкой, ремонтной базой, опытом английских и шотландских моряков [4; 5; 10].

Известно также, что Пелопонесское восстание 1770 («Орлофика»), для поддержки которого и высадились в Греции английские волонтеры, заставило в Европе чаще говорить о греках как «наследниках спартанцев» и о желании возродить в их землях угасшую классическую культуру. Именно это время является периодом становления европейского *филэллизма*, которому англичане (включая лорда Байрона) долгие десятилетия также отдавали свою дань [6; 7; 11; 12; 13].

Однако были ли филэллинами английские волонтеры-пехотинцы, смело сражавшихся в Архипелаге в 1770 г., известно очень мало. Между тем, биография, по крайней мере, одного из них – лорда Эффингема позволяет поставить вопрос о влиянии, которое могла оказать память о сражениях за освобождение греков на политические воззрения и дальнейшую судьбу англичанина – участника российской Архипелагской экспедиции.

Позволю предположить, что для лорда Томаса Говарда Эффингема именно участие в сражениях на греческих землях сыграло роль в переоценке жизненных принципов, иначе трудно понять, почему храбрый воин, рвавшийся к новым подвигам, вернувшись в Англию, занялся парламентской деятельностью и прославился своими выступлениями против войны с восставшими американскими колонистами. В память об этой позиции лорда в США именем Эффингема назван округ в штате Джорджия, два военных корабля, ему открыты памятники, а в его охотничьем доме в графстве Саут-Йоркшир в Британии действует музей. При этом участие лорда в боях за освобождение греков почти выпало из немногих посвященных ему биографических трудов [9]³.

³ Отдельная благодарность госпоже Джанет Уоррал (*Janet Worrall*), секретарю Общества друзей имения Эффингемов *Boston Castle and Parklands* (www.rotherham.gov.uk/homepage/319/boston_castle_and_park), предоставившей черновики рукописи

Впрочем, биография лорда Эффингема восстанавливается по крупным преимущественно на основании переписки, парламентских бумаг, газетных публикаций. Лишь недавно обнаруженные записки об Архипелагской экспедиции контр-адмирала Джона Элфинстона, в которых приводятся отрывки из дневников Эффингема и лорду-волонтеру отведено заметное место, позволяя отчасти восполнить лакуны, узнать о его подвигах на греческих землях, открыв, таким образом, одну из примечательных «граней взаимодействия» России, Запада и греческого мира.

Судьба лорда Эффингема могла бы стать основой для классического английского романа: в ней есть все, чтобы представить идеального героя – аристократа, храброго воина, наездника, есть и романтическая любовь «до гробовой доски». Юношей он уже успел принять участие в Семилетней войне, но война закончилась и с ней перспективы получения нового чина. В 1763 г. он унаследовал титул графа и место в Палате лордов, вскоре он вышел на половинное жалование (по сути в запас), и после 1763 г. имя Эффингема мелькает лишь в газетных отчетах о скачках и бегах. Вероятно, увлечение лошадьми свело его тогда с юной Кэтрин, дочерью эсквайра Меткалфа Проктера, с которой они сначала в 1765 г. тайно обвенчались в Шотландии (Кэтрин в Англии считалась несовершеннолетней), а затем и открыто в родовой церкви Ротерема в Йоркшире и прожили счастливую жизнь.

В этой части биографии лорда нет только ответа на вопрос, почему он отправился сражаться на Балканы и в Архипелаг. Мы знаем лишь, что в начале 1768 г. чета Эффингем отбыла в путешествие по Северной Европе и после Льежа и Мекленбурга оказалась в столице России. В августе 1769 г. британский посол Ч. Каткарт представил Эффингемов императрице⁴. Из писем леди Кэтрин Эффингем известно, что императрица, двор, сам Петербург вызвали восторг у путешественников.

В британской прессе в 1769 г. появились статьи о том, что лорд получил якобы приглашение самой Екатерины II вступить на российскую службу и сражаться за освобождение греков. 16 ноября 1769 г., когда лорд Эффингем возвратился в Лондон (его супруга задержалась в России до весны 1770 г.), его приезд отметили английские газеты, писавшие, что лорд «очарован российской императрицей». В реляции российского посла в Лондоне И.Г. Чернышева главе коллегии иностранных дел Н.И. Панину сообщалось: «Сказывал мне Рочфорт [государственный секретарь], что возвратившиеся сюда пред несколькими днями из России [sic!] лорд Эффингам приехал к нему говорить, чтоб он испросил у Его величества дозволения сделать кампанию на нашем флоте под командою контр адмирала Элфинстона, которой, сказывают, всевысочайшее императорского величества дозволение имеет принять его и поручить команду капитанскую»⁵.

о лорде Эффингеме, в которой, правда, почти нет информации о его российской службе, благодарю также Питера Фика (*Peter Feek*) за материалы и гостеприимство в поместье Эффингема в Йоркшире.

⁴ The National Archive of Great Britain / TNA. SP 91/82. F. 26 об.

⁵ АВПРИ. Ф. 35/6. Д. 221. Л. 95 об. (от 22 октября н.с. 1769 г.).

С осени 1769 г., когда первая эскадра Архипелагской экспедиции появилась у Британских берегов, не один Эффингем выражал желание участвовать в войне на стороне России, и в упомянутой реляции Чернышев писал также: «ежели бы принимать всех англичан, которые на оном [российском флоте] служить желают, то бы можно, конечно, еще столько же кораблей вооружить». Между тем, в Британии к этому времени уже опасались возможных осложнений в отношениях с Османской империей, а потому на российский флот наняты были лишь британские лоцманы и лекари, а также арендованы на время несколько транспортных судов и фрегатов с их британскими командами⁶. Согласие короля на просьбу лорда Эффингема также было получено не без «затруднений», причем Эффингему было позволено отправиться без указания на его капитанский чин в Британской королевской армии и *только волонтером*. Он рисковал лишиться королевской службы, ему не гарантировали и дипломатической защиты, на которую он мог бы рассчитывать в Османской империи как подданный Британии⁷.

В мае 1770 г., когда Эффингем высадился на Пелопоннесе, этому представителю «одной из первейших британских фамилий» было приказано возглавить все греческие вооруженные отряды⁸. Однако в это время восстание уже терпело поражение, греческих добровольцев под его команду так и не поставили, и, судя по имеющимся описаниям, милорд и его спутники в дальнейшем сами выбирали, в каких операциях они будут принимать участие и когда вернутся домой в Англию.

Граф Эффингем в 1770 г. рвался в бой и сражался в десантной операции на Негропонте (Эвбее), был в Чесменской битве, участвовал в попытке прорыва через Дарданеллы и в осаде крепости Литоиди на Лемносе. Судя по запискам Элфинстона, молодой 24-летний лорд (граф Эффингем был вдвое моложе контр-адмирала) становится его близким собеседником, образцом благородства и храбрости для офицеров его эскадры. Сближало контр-адмирала и лорда-волонтера, очевидно, и постепенно растущее критическое отношение к российскому командованию Архипелагской экспедицией, и понимание того, что декларируемые Россией цели освобождения греческих единоверцев были в значительной степени лишь прикрытием военной акции против турок. 19/30 июня 1770 г. перед Чесменской битвой лорд Эффингем направил от острова Парос в Петербург британскому послу Чарльзу Каткарту письмо, которое сохранилось в перлюстрированном виде в бумагах Коллегии иностранных дел. В этом письме он благодарил за прием, оказанный ему и его супруге в Петербурге, и весьма туманно выражал сожаления «о слабом поступке и нерезолютно-

⁶ По мнению И.Ю. Родзинской, в Архипелагской экспедиции принимали участие 35 англичан, однако эта цифра, очевидно, неточна [3].

⁷ Newcastle Courant – Saturday 25 November 1769. Озабоченность относительно участия лорда в Архипелагской экспедиции высказал и британский посол в Константинополе Джон Мюррей (The National Archive of Great Britain / TNA. SP 97/46. F. 127 об.).

⁸ Сведения об участии лорда в Архипелагской экспедиции см.: [1], а также: John Elphinston Papers Relating to the Russo-Turkish War // Manuscripts Division (C0951). Department of Rare Books and Special Collections. Princeton University Library.

сти тех, коим [императрица] экспедицию вверить изволила»⁹. Скорее всего, речь здесь шла о просчетах А.Г. Орлова в Морее, особенно при оставлении Наварина, на которые указывал в своих записках и Элфинстон.

Еще большие разочарования в действиях российских командиров постигли лорда Эффингема на Лемносе, где он долго томился от бездействия при осаде крепости, а когда осада Литоды была снята при появлении турецкого десанта, с горечью наблюдал, как греческих и славянских соратников оставили на берегу в Порто-Мудро без защиты.

Вполне вероятно, что неудача лемносской операции и отрезвление, относительно действительных планов и возможностей русских действовать вместе с балканскими добровольцами в Архипелаге, повлияли на решение английских волонтеров вернуться на родину. Во всяком случае, если в июне 1770 г. Эффингем еще писал, что после зимовки в Порт Маоне он продолжит участие в российской экспедиции, то в декабре 1770 г. после отступления с Лемноса он и его спутники уже готовились к возвращению в Англию; в феврале 1771 г. они отбыли с острова Парос¹⁰.

В газетах писали, что в апреле 1771 г. лорда Эффингема видели вместе с графом Ф.Г. Орловым в Пизе, а в июне он появился в Лондоне¹¹. Его участие в освобождении греков на этом завершилось, но война в Архипелаге не была забыта «эксцентричным» лордом. В 1772 г. Эффингем, кажется, сумел донести свое мнение об успехах и просчетах российской Архипелагской экспедиции, когда в Англии было опубликовано, по сути, первое пространное описание событий 1770 г. в Архипелаге. Имя лорда, правда, присутствует только в посвящении к этому изданию, но, хотя об авторстве этого сочинения до настоящего времени высказывались разные предположения¹², очевидно, что оно соединило записки нескольких участников экспедиции, включая и дневники самого лорда Эффингема.

В Англии Эффингем начинает участвовать в заседаниях палаты лордов и из протеста против «братоубийства» в Америке в 1775 г. отказывается отправиться на эту войну. Известный масон, убежденный виг, Эффингем занимает пост главы монетного двора, приглашается в правительство, когда виги оказываются у власти. Его современник Хорас Уолпол писал в это время об Эффингеме как о человеке большой прямоты и возможностей, а о его выступлении в парламенте против насилия в Американских колониях: «Было ли что-то в прошлом или настоящем луч-

⁹ Перевод сделан при перлюстрации в Коллегии иностранных дел. В оригинале: «I so admire her uncommon talents, that regret more than she does herself, the weak condition or want of ardour in those who are intrusted by Her». АВПРИ. Ф. 6. Оп. 2 (Секретнейшие дела – Перлюстрации). Д. 532 (1765–1771). Перлюстрация переписки иностранных волонтеров. Л. 15–19.

¹⁰ Приказ адмирала Спиридова об увольнении 33 человек англичан, отбывающих «на бриге Газарте», помещен под 23 декабря ст.ст. 1769 г., специально Спиридов просил «волонтеру милорду» Эффингему выделить хорошую каюту (РГА ВМФ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 42. Л. 190–191). Судно отбыло 3 февраля 1771 г. (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1860. Л. 133 об.).

¹¹ Gazette d'Amsterdam. 1771. № 34; Leeds Intelligencer. 04 June 1771.

¹² В русском переводе стоит имя Вильяма Весли [1], однако Э. Кросс предполагает, что составителем «Authentic Narrative...» был Томас Ньюберри. Оба предположения представляются недоказуемыми [2].

шее, и по чувству, и по языку, чем его последняя речь!» [8, vol. 1, p. 194–195, vol. 2, p. 281].

В 1789 г. Уильям Питт-младший назначил Эффингема губернатором и вице-адмиралом Ямайки, было известно о его планах укрепить оборону, снизить социальное напряжение и развивать остров экономически, но там, на Ямайке в 1791 г. Эффингем вскоре скончался.

Обращение к биографии английского лорда, на год оказавшегося в составе российской Архипелагской экспедиции, готового в 1770 г. возглавить вооруженные подразделения греческих повстанцев, а затем прославившегося своими выступлениями во время Войны на независимость Американских штатов (1775–1783 гг.) дает дополнительные основания говорить о том, насколько в XVIII в. мир стал восприниматься как единое политическое пространство. Уже Семилетняя война показала тесную включенность Америки в политические дела Европы, а дальнейшие события лишь подтвердили то, что все больше людей, разделявших новое понимание справедливости и свободы, стали действовать и защищать свои идеи в обеих частях света.

1. *Весли В.* Воспоминания участника Архипелагской экспедиции // Морской сборник. 1914. Т. 382. № 5.
2. *Кросс Э.* Британцы в Петербурге: XVIII век / Авториз. пер. с англ. Ю. и Н. Беспятовых. СПб., 2005.
3. *Родзинская И.Ю.* Русско-английские отношения 60-х – 70-х гг. XVIII в. (1762–1775): дис. ... к.и.н. М., 1967.
4. *Anderson M.S.* Great Britain and the Russian Fleet, 1769–70 // *Slavonic and East European Review*. 1952. Vol. 31. No. 76 (Dec.).
5. *Anderson M.S.* Great Britain and the Russo-Turkish War of 1768–74 // *English Historical Review*. 1954. Vol. 69 (270).
6. *Augustinos O.* French Odysseys. Greece in French Travel Literature from the Renaissance to the Romantic Era. Baltimore, 1994.
7. *Constantine D.* Early Greek travelers and the Hellenic Ideal. Cambridge, 1984.
8. The Correspondence of Horace Walpole, Earl of Orford, and the Rev. William Mason; now first published from the original mss. / Ed., with notes by the Rev. J. Mitford. London, 1851. Vol. 1, 2.
9. *Feldhake H.E.* The Lords Effingham and the American colonies. Urbana-Champaign, 1976.
10. *MacDougall Ph.* ‘So Complete Was Our Victory! So Complete Their Ruin!’: An analysis of the battle of Çeşme, 1770 // *The Mariner’s Mirror*. Vol. 103:3 (August 2017).
11. *Navari L., Konstantinos S.* Greek Civilization through the Eyes of Travellers and Scholars. New Castle, DE, 2004.
12. *Rawson E.* The Spartan Tradition in European Thought. Oxford, 1969.
13. *Roessel D.* In Byron’s Shadow. Modern Greece in the English and American Imagination. NY., 2002.

Подходы к публикации настояльных грамот русских патриархов XVII в.

Патриаршество; настояльные грамоты; публикация.

В статье рассматриваются археографические и методологические проблемы публикации настояльных грамот русских патриархов XVII в., историография вопроса.

С апостольских времен в христианской церкви существовала практика оформления документов, подтверждающих статус священнослужителя – ставленных грамот. С принятием христианства эта практика возникла и на Руси. Рядовые священнослужители получали ставленную грамоту, сохраняя ее на протяжении всего служения, церковные иерархи – настоятели соборов, монастырей, главы епархий (епископы, архиепископы, митрополиты и, наконец, патриархи) – настоянную.

Настоянные грамоты представляют собой публично-правовой акт, юридически закрепляющий власть церковного иерарха, определяющий ее границы, обязывающий паству к подчинению, а самого иерарха – к послушанию главе церкви и церковному собору. Несмотря на сходство формуляра грамот, каждая из них представляет собой уникальный по содержанию исторический источник, содержащий важную информацию об обстоятельствах поставления, происхождении и биографии владыки.

Большая часть настояльных грамот русских патриархов XVII в. известна исследователям – это грамоты Филарета Никитича 1626 г.² [3], Иоасафа I 1634 г.³, Иосифа 1642 г.⁴, Никона 1652 г. [4], Иоасафа II 1667 г.⁵, Питирима 1672 г.⁶ [2], Иоакима 1674 г.⁷ Настоянные грамоты патриархов Смутного времени, а также патриарха Адриана в настоящее время неизвестны (утрачены). Из одиннадцати существовавших патриарших настояльных грамот XVII в. в настоящее время известно семь, а опубликованы только четыре из них. Оригиналы неопубликованных грамот хранятся в Отделе рукописей ГИМ. Каждая из сохранившихся патриарших настояльных грамот написана на одном большом александрийском листе, покрытом шелковой тканью, украшена орнаментом. Лист с текстом грамоты с помощью разноцветных шнурков скреплен со вторым, чистым, листом. К шнуркам привешены восковые печати архиереев – участников избирательного церковного собора. На обороте настоянной грамоты архиереи ставили свои подписи (на грамоте патриарха Иоасафа I подписи поставлены как на обороте, так и на лицевой стороне грамоты по оконча-

¹ Устинова Ирина Александровна, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), к.и.н., ilustinova@yandex.ru.

² РГАДА. Ф. 135. № 296.

³ ОР ГИМ. Син. грам. 1017.

⁴ Там же. 1023.

⁵ Там же. 1233.

⁶ Там же. 1298а.

⁷ Там же. 1305.

нии ее текста). Подобным образом оформлялись и архиерейские настояльные грамоты [см., например: 1]. Вполне очевидной в настоящее время представляется необходимость публикации этих источников. Однако в данном случае возникает целый ряд вопросов как методологического, так и историколингвистического характера.

Все существующие публикации патриарших настояльных грамот выполнены в XIX в. В целом, они сделаны в рамках трех основных подходов. Первый (хронологически) вариант представляет настояльная грамота патриарха Филарета Никитича 1626 г., опубликованная в Собрании государственных грамот и договоров наряду с другими документами этого хронологического периода. Публикация дополнена фототипическим воспроизведением печатей и подписей документа, а также кратким палеографическим описанием: «к сей грамоте, писанной на пергамене четкою скорописью с фигурными украшениями и утвержденной своеручными подписями Российских архиереев (из коих последние шесть подписались на обороте оной), привешены рядом десять восковых печатей, из которых восемь красныя на малиновых, а две черныя на черных шелковых снурках... Грамота в некоторых местах истлела» [3, с. 297]. При публикации грамоты были допущены поновления языка, не отмечены палеографические особенности текста, отсутствует описание орнамента, вставок и проч.

Второй подход представлен в публикации настояльной грамоты патриарха Никона, которая издана как самостоятельный памятник, отдельно, но также с минимальным археографическим описанием и без комментариев [4].

Третий вариант представлен в издании М.Г. Попова [2, с. 489–523]. В основу положен биографический подход – исследователем были выявлены и опубликованы настояльные грамоты патриарха Питирима при поставлении его на Крутицкую (1655 г.), Новгородскую (1664) и патриаршую (1672) кафедры. Описание патриаршей грамоты Питирима включает указание на место хранения, сведения о том, что она написана «красиво и богато украшена затейливыми виньетками золотом и красками» на большом александрийском листе бумаги и завернута в шелковую золотистого цвета материю [2, с. 499]. Комментарии по ходу текста практически отсутствуют, лишь однажды автор отмечает, что в грамоте «пропущено одно слово, которое нельзя было разобрать с рукописи, протертой в этом месте» [2, с. 504]. Описание печатей скромное: «к грамоте было прикреплено на шнурах 8 печатей красного воска, из которых сохранились в сохранности только 6 печатей (на трех из них можно разобрать имена: митр. Павла, архиеп. Варсонофея и епис. Иоакима» [2, с. 499]. Текст грамоты также передан с орфографическими и пунктуационными поновлениями в соответствии с грамматическими правилами XIX в. В целом археографическое описание грамоты в данной публикации минимально.

Важной особенностью публикационной концепции М.Г. Попова стало воспроизведение настояльных грамот в «окружении» ближайших связанных с ней документов – грамотой патриарха Питирима константинопольскому патриарху Дионисию с уведомлением о возведении на престол по смерти патриарха Иоасафа II; поздравительной грамоты гетмана Ивана

Самуиловича новопоставленному патриарху Питириму, текста духовного завещания Питирима [2, с. 509–523]. Такой подход представляется важным, поскольку позволяет оценить особенности и место исследуемого источника в документальном контексте эпохи.

Известные исследователям настоящие грамоты патриархов Иосифа, Иоасафа I и Иоасафа II остаются неопубликованными. При этом важным вопросом является выбор методологического подхода к публикации грамот. Представляется, что в настоящее время требуется публикация всех известных настоящих патриарших грамот в соответствии с более строгими палеографическими и источниковедческими критериями, предъявляемыми к современным публикациям. Безусловно, каждая грамота, созданная в конкретно-исторических условиях, достойна самостоятельного воспроизведения с приложением палеографического, сфрагистического, почерковедческого, филигранологического анализа и прочих специальных исследований. Однако по результатам работы с оригиналами грамот и подготовке их текста к публикации наиболее продуктивным представляется комплексное издание всех известных текстов настоящих грамот русских патриархов XVII в. с сопутствующими документами (например, наряду с оригинальным текстом настоятельной грамоты патриарха Иоасафа II, важен и ее список, сохранившийся в столбце⁸), перепиской с восточными патриархами по этому вопросу и др., в хронологическом порядке с комментариями. Такой подход позволяет оценить настоящие патриаршие грамоты как самостоятельный вид исторических источников в их динамике, поскольку за рассматриваемый период грамоты претерпели серьезные текстологические изменения, были существенно дополнены и расширены [подробнее см.: 5]. Кроме того, серьезно изменились и подходы к оформлению грамот – на смену скромным, слабо декорированным грамотам патриархов первой половины века пришли богато украшенные золотом и разноцветными чернилами грамоты второй половины века. Этот аспект выводит на следующую проблему публикации данного источника – необходимости сопровождения текста не только подробными комментариями, но и детальным палеографическим и сфрагистическим описанием, фотографиями печатей и подписей-автографов иерархов, многие из которых уникальны. Необходимы и подробные комментарии к публикации (относительно упомянутых в тексте иерархов и обстоятельств поставления патриарха, особенностей чина, сложных богословских пассажей и проч.), которые практически отсутствуют в дореволюционных изданиях.

За рамками настоящей статьи оставляем другие важнейшие вопросы, связанные с изучением и публикацией настоящих патриарших грамот XVII в., прежде всего о классификации этого вида источников, сравнительного анализа текстов грамот между собой и с другими подобными источниками (в частности, с настоящими грамотами русских архиереев) проблем почерковедческой экспертизы, атрибуции печатей и проч.

1. *Полознев Д.Ф.* Благословенные и ставленные грамоты ростовской и воло-

⁸ Там же. 1615.

годской епархии XVI–XVII вв. из фондов из фондов отдела письменных источников Государственного исторического музея // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1995. Вып. VIII.

2. *Попов М.Г.* Материалы для истории патриарха Московского Питирима // Христианское чтение. 1890. № 9–10.
3. СГГД. М., 1822. Ч. 3.
4. Список с настольной грамоты патриарху московскому Никону // Христианское чтение. 1882 г. Часть II.
5. *Устинова И.А.* Эволюция формул репрезентации патриаршей власти в России XVII в. (по патриаршим настольным грамотам) // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. VI Всероссийская научно-практическая школа-конференция молодых ученых (25 октября 2018 г.). Сб. ст. М., 2018.

М.А. Зинько¹

Проблема частичной подлинности исторических источников: опыт научного комментирования при подготовке сборника документов к публикации

Научное комментирование; частичная подлинность; Киевская митрополия; Константинопольский патриархат.

Статья посвящена анализу подписей иерархов Константинопольского патриархата в трех русских переводах документов 1686 г. Автором показано, что подписи частично «проставлены» в Москве, а адресатом этой акции являлись представители и паства Киевской митрополии.

В 2017–2019 гг. в Церковно-Научном Центре «Православная Энциклопедия» группой исследователей под общим руководством члена-корреспондента РАН Б.Н. Флори был подготовлен сборник документов (свыше 250 единиц) 1670–1680-х гг., подробно раскрывающих процесс вхождения Киевской митрополии в состав Московского патриархата.

Разрозненные части (их было 4) издания, готовившиеся разными исследователями, сводил научный редактор – автор настоящей статьи. Каждый исследователь знал лишь свои разделы, мы же видели издание в целом. Одной из проблем, с которыми нам довелось столкнуться, стала проблема частичной подлинности ряда источников, являвшихся к тому же важнейшими в сборнике.

Среди документов, зафиксировавших факт передачи Киевской митрополии из Константинопольского патриархата в Московский, выделяются грамоты и письма, врученные 5 июня 1686 г. в Стамбуле (Константинополе) патриархом Константинопольским Дионисием IV (занял патриарший престол 7 апреля) русскому гонцу подьячему Посольского приказа Никите Алексееву². Из доставленных в Москву подьячим документов в оригинале сохранился лишь один, он подписан только Дионисием IV³. Остальные же дошли до нас в русских переводах, современных оригиналам. Переводы датированных июнем 1686 г. патриарших грамот царям

¹ Зинько Мария Алексеевна (РФ, Москва), к.и.н., mazinko@yandex.ru.

² РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 26. Л. 137 об., 141 об.

³ Там же. Ф. 52. Оп. 2. Д. 669. Л. 1.

Ивану V и Петру I Алексеевичам⁴, патриарху Московскому Иоакиму⁵ и постановления синода Константинопольского патриархата⁶ о передаче митрополии содержат подписи иерархов этого патриархата – 19⁷, 21⁸ и 20⁹ имен соответственно.

Внимательное сравнение подписей в трех¹⁰ документах (первичную подготовку этих источников осуществляли два исследователя) между собой дало неожиданный результат. Для наглядности мы составили таблицу (в комментарий сборника она не включалась).

Грамота царям (19 имен)	Грамота патриарху Иоакиму (21 имя)	Постановление синода (20 имен)
<i>Совпали (с отклонениями в орфографии) по трем источникам и титулатура, и имя</i>		
Никомидийский Мелетий	Никомидийский Мелетий	Никомидийский Мелетий
Навпакта и Арта Варфоломей	Навпактский и Артский Варфоломей	Нафпарта и Арта Варфоломей (Ворфоломей)
Митилинский (Литилинский) Григорий	Митилинский Григорий	Мириофилии Григорий
Хийский Григорей	Хийский Григорий	Хийский Григорей
Визийский (Визиский) и Мидийский Захарий	Визийский и Мидский Захарий	Видиский Мизиский Захарей
Критцкий Калинин	Критский Калинин	Критцкий Калинин
<i>Совпали (с отклонениями в орфографии) по двум источникам и титулатура, и имя</i>		
Ираклийский Варфоломей	Ираклийский Варфоломей	Ираклийский Герман
Кизикийский (Кизисонийский) Кирил	Кизический Парфений	Кизикийский Кирилл
Фесалонийский Неофит	Фессалонитский Мелетий	Теосалофийский Неофит
Ларисийский Макарей	Ларийский Макарий	Ларисийский Парфений
Параноксийский Иоасаф	Паранаксийский Иоасаф	
Вирикий Афонасий	Верийский Иоаким	Верийский Афонасей

⁴ Там же. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 25. Л. 424–424 об., 424а–424а об., 425–431, 470; Ф. 52. Оп. 1. 1687 г. № 3. Л. 14–19, 21–24, 86.

⁵ ОР РНБ. Ф. 588. № 1115. Л. 310 об.–312 об.

⁶ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1687 г. № 3. Л. 25–32, 32а; Ф. 89. Оп. 1. Кн. 25. Л. 431–436 об.

⁷ Там же. Ф. 52. Оп. 1. 1687 г. № 3. Л. 21–22; Ф. 89. Оп. 1. Кн. 25. Л. 428 об.–429 об.

⁸ ОР РНБ. Ф. 588. № 1115. Л. 312–312 об.

⁹ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1687 г. № 3. Л. 32–32а; Ф. 89. Оп. 1. Кн. 25. Л. 436–436 об.

¹⁰ Это сделано впервые; ранее В.Г. Ченцова отметила отличие подписей в грамоте царям и в постановлении синода [4, с. 104, сноска № 65].

<i>Имена разные в трех (двух) источниках</i>		
Халкидонский Михаил	Халкидонский Симеон	Халкидонский Захарей
Афинеяский Афонасий	Афинский Арсений	
Прусиниский Калинник	Прусский Парфений	Прусский Макарий
Дористолский Неофит		Дистрийский Кирилл
Сириврийский (Сирийский) Арсений	Сиврийский Герасим	Сиврийский Дионисий
	Родостонский Герасим	Редестцкий (Редестцкий) Никодим
<i>Не коррелируют</i>		
Неокесарийский Киприан	Лавкидийский Варлаам	Кастелорозийский Калинник
Кесарийский Игнатий	Карийский Максим	Приконисийский Митрофан
	Дертский Парфений	Паролоксинский Иоасаф
	Коронский Митрофан	Аникалцкий Даниил

Проведенный нами сравнительный анализ имен показал совпадение (при незначительном отклонении в орфографии) и имени, и титулатуры лишь в 6 случаях (в трех из них это реально существовавшие лица – митрополиты Никомидийский Мелетий, Критский Каллиник I и Митилинский Григорий; по остальным кафедрам достоверные данные у нас, к сожалению, отсутствуют). В тех же 6 случаях имя и титулатура совпали в двух источниках: 5 раз имя в третьем документе отличалось, а в одном не нашло никакой параллели (по 3 раза совпали переводы обеих грамот и переводы грамоты царям и синодального (соборного) постановления, переводы же грамоты патриарху Иоакиму и постановления синода – ни разу). Трижды при совпадении титулатуры в трех источниках имена оказались совершенно различны (в одном случае имя митрополита Халкидонского известно – Дионисия II марте 1686 г. сменил Климент), еще трижды в двух источниках совпала титулатура, но не имена (по одному разу между всеми тремя документами). Также 10 имен (в совокупности) почти никак не коррелируют друг с другом. В переводе грамоты царям каждое имя с титулом в подписи сопровождается пышным эпитетом (как правило, «царствия вашего богомолец»).

Переводы грамоты царям и постановления синода имеются в посольской книге, идут друг за другом, написаны одним почерком (и опубликованы в «Собрании государственных грамот и договоров» под общим заголовком [3, № 176, с. 514–517; № 177, с. 517–519]), переводы же грамот царям и патриарху Иоакиму, в свою очередь, помещены в один патриарший рукописный сборник «Икона...» 1700 г. (и изданы в «Архиве Юго-Западной

России» недалеко друг от друга [1, № 42, с. 177–182; № 45, с. 186–189]). Однако ни переписчиков в XVII в., ни публикаторов в XIX в. отмеченные нами расхождения не смущали.

При общем очень высоком уровне перевода документов, тогда же осуществленного в Посольском приказе¹¹, столь значительные отличия в именах объяснить ошибками переводчика (или переписчика!) крайне затруднительно [ср. 4, с. 104, сноска № 65]. Между тем, логично предположить, что подписи, завершавшие переводы оригиналов, частично были «поставлены» уже в Москве в Посольском приказе, хотя протографа с общим перечнем имен иерархов Константинопольского патриархата не существовало, а тексты подписей не согласовали между собой.

В единственной сохранившейся¹² позднейшей греческой копии одного из трех документов – постановления синода – подписи отсутствуют. Однако же о том, что архиереи, находившиеся при патриархе Константинопольском Дионисии IV (собрать весьма представительный собор за полтора месяца едва ли ему удалось), действительно подписывали документы, свидетельствует статейный список Никиты Алексеева: дважды (11 апреля и 21 мая) патриарх говорил гонцу о намерении созвать синод («то, царского величества, изволение исполнил бы в Андриянеполе, толко, де, при нем никою нет митрополитов, и как он приедет в Царьгород, и то он все учинит собором с митрополиты, и руки к тем грамотам он и митрополиты приложат»¹³; «по грамоте великих государей соберет митрополитов и архиепископов, и епископов на собор и учинит по воле великих государей, и грамоты, де, о всем велит изготовить»¹⁴) и дважды (1 и 5 июня) о принятии решения синодом («он, патриарх, со всем собором постановил и Киевскую митрополию вручает святейшему Московскому патриарху и впредь по нем будучим святейшим патриархом, и грамоты белые Никите <...> чли»¹⁵; «он, патриарх, просит у великих государей <...> милости, дабы и они <...> сих архиереев, которые при нем есть и приписались руками своими, своим государским жалованьем пожаловали»¹⁶).

Главными же адресатами, для которых могли предназначаться более длинные перечни имен архиереев Константинопольского патриархата, скорее всего, являлись гетман Иван Самойлович, поставленный 8 ноября 1685 г. в Москве митрополит Киевский Гедеон Святополк-Четвертинский, духовенство и паства Киевской митрополии. Предполагалось, что с переводов привезенных Никитой Алексеевым грамот будут сдела-

¹¹ Это стало очевидно при сличении переводов конца XVII в. этих и ряда других документов, в том числе переданных Никите Алексееву патриархом Иерусалимским Досифеем II Нотарой, с переводами с сохранившихся оригиналов или греческих позднейших копий, выполненными для указанного сборника Д.Е. Афиногеновым.

¹² Хранится в Историческом и палеографическом архиве Национального банка Греции, впервые опубликован В.Г. Ченцовой [4, № 1, с. 100–102].

¹³ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 26. Л. 94–94 об.

¹⁴ Там же. Л. 130.

¹⁵ Там же. Л. 132.

¹⁶ Там же. Л. 139.

ны списки для гетмана («мы, великие государи <...> указали с тех выше-помянутых Костянтинопольского и Иерусалимского патриархов <...> грамот ж <...> послать к тебе <...> списки»¹⁷), копия перевода грамоты царям была послана в феврале 1687 г. владыке Гедеону [2, № 22, с. 110–113].

В Посольском приказе должны были учитывать существовавшие в Киевской митрополии негативные настроения в отношении смены ее юрисдикции («нецыи, как от среди духовных начальных и подначальных, так и от среди мирских люде[й], <...> чаяли, что сие к святейшему Кон-стантинопольскому патриарху послание не по нашему желателству благословение, но по их несогласию мне, гетману, и преосвященному митрополиту принесет запрещение»¹⁸), а также реакцию гетмана и митрополита, пришедших в «ужас» осенью 1685 г. из-за отсутствия в царской жалованной грамоте формулировок, на которые они рассчитывали¹⁹.

Возможно, свою роль сыграл и присланный летом 1685 г. в Москву Иваном Самойловичем перевод грамоты (датирована 7 февраля того же года) патриарха Константинопольского Парфения IV, выполненный с греческого языка на «белорусское письмо» в гетманской канцелярии. В переводе значится 12 имен иерархов Константинопольского патриархата, с уверенностью мы можем подтвердить лишь имя митрополита Митилинского («Ираклийский митрополит Варфоломей. Никомидийский митрополит Иосиф. Халкидонский митрополит Григорий. Кесарийский митрополит Григорий. Енский митрополит Даниил. Змиринский митрополит Макарий. Меленинский митрополит Митрофан. Амасийский митрополит Герасим. Коритинский митрополит Калист. Митилинский митрополит Григорий. Вединский митрополит Тимофей. Змонский митрополит Макарий»²⁰). В документе поясняется, что в оригинале подписи поставлены «аравийскими литерами»²¹, т.е. арабским письмом, лежавшим до 1928 г. в основе письменности турецкого (османского) языка. Однако же в этом случае подписи не могли быть переведены в гетманской канцелярии: из-за отсутствия переводчика с турецкого языка документы отсылались для перевода в Москву в Посольский приказ («тот лист везиря турского у нас не читан потому, что некому ево было перевести, того для прошу покорственно, дабы <...> переведен в государственном вашем Посолском приказе и прислан был ко мне список»²²).

Безусловно, царское правительство хотело представить процесс перехода Киевской митрополии в состав Московского патриархата на ее же территории как завершившийся с большим успехом и при полном согласии как Константинопольского, так и Иерусалимского патриархов: «отпустили они, святейшие патриархи, согласно» и «прислали свои благословенные отпустительные грамоты с подписью как своею, так и митрополитских рук» [3, № 181, с. 535].

¹⁷ Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 162. Л. 168.

¹⁸ Там же. Л. 68–69.

¹⁹ Там же. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 25. Л. 151 об.–152; Ф. 248. Оп. 29. Д. 1728. Л. 99 об.–100.

²⁰ Там же. Ф. 124. Оп. 3. Д. 460. Л. 1.

²¹ Там же.

²² Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 162. Л. 69–70.

Итак, следует заключить, что переводы проанализированных документов лишь в самой незначительной части не соответствует утраченным оригиналам. Несомненная, но частичная подделка подписей иерархов Константинопольского патриархата была вызвана внутривосточными причинами и не ставит под сомнение сам акт передачи Киевской митрополии под власть патриарха Московского.

1. Архив Юго-Западной России. К., 1872. Ч. 1. Т. 5.
2. Прибавление к Описанию Киево-Софийского собора и Киевской епархии, содержащее разные грамматы и выписки, объясняющия оное. К., 1825.
3. СГГД. М., 1826. Ч. 4.
4. *Ченцова В.Г.* Синодальное решение 1686 г. о Киевской митрополии // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 2 (68).

Л.А. Тимошина¹

О некоторых вопросах публикации столбцов Посольского приказа

Международные связи; Россия; Греция; Синай; архиепископ Ананий; Киевская митрополия.

В статье рассматриваются особенности публикации различных внешнеполитических документов XVII в. – посольских книг и столбцов. На основе анализа двух столбцов о русско-греческих связях 1680-х гг. и посольской книги делается вывод о неполноте представленных в книге сведений и необходимости полностью публиковать создававшиеся в Посольском приказе столбцы.

Издание внешнеполитических материалов, отложившихся в фонде Посольского приказа РГАДА и позволяющих во всех подробностях изучить условия отправления русских дипломатических миссий в зарубежные страны, встреч в Москве иноземных послов и посланников, ведения переговоров по различным вопросам международной политики, обсуждения конфликтных ситуаций и многое другое, является необходимым и обязательным условием для обеспечения возможности всем, даже находящимся вдали от центральных архивохранилищ историкам полного и подробного исследования отношений Русского государства XVI–XVII в. со странами Запада и Востока или находящимися на их территориях профессиональными структурами. В течение уже почти двух столетий публикуются подборки внешнеполитических грамот, посольских наказов, статейных списков и иных связанных с зарубежными поездками русских людей или иностранных дипломатов источников.

В последние десятилетия возрос интерес к подготовке текстов посольских книг [9; 12; 8; 13; 7 и др.], обусловленный рядом обстоятельств. Во-первых, повторно переписанные подъячими без исправлений и зачеркиваний тексты книг требуют от археографов гораздо меньше усилий, чем при воспроизведении трудночитаемых черновиков из столбцов, которые необходимо снабжать многочисленными подстрочными примечаниями.

¹ Тимошина Людмила Алексеевна, Научно-исследовательское и издательское объединение «Альянс-Архео» (РФ, Москва), timochalud@yandex.ru.

ниями. Во-вторых, хорошая, в большинстве случаев, сохранность посольских книг дает возможность относительно легко и быстро готовить их тексты к печати, не занимаясь восстановлением довольно часто встречающихся в сохранившихся гораздо хуже столбцах лакун. И наконец, определенную роль, по-видимому, играет историографическая традиция, когда в исследованиях по истории Посольского приказа большее внимание уделялось книгам, чем столбцам [5; 6].

Однако проведенный различными историками анализ дипломатических документов показал, что в готовившиеся после окончания работы над материалами посольств через некоторое, иногда довольно продолжительное время, вторичные по способу своего составления книги переписывались отнюдь не все первоначальные документы, которые к тому же подвергались подчас стилистической и смысловой правке [3, с. 290–291, 294–295; 10, с. 520–525].

Очевидно, что посольские книги, включая в себя только часть документации по истории международных отношений и, соответственно, содержа весьма ограниченный набор сведений, не могут служить полноценными источниками для изучения внешнеполитических контактов Русского государства XVII в. с другими странами. Только использование первичных делопроизводственных комплексов – столбцов Посольского приказа – позволяет обратить внимание на целый ряд вопросов, относящихся к деятельности дипломатических миссий: определить предварительные, организационно-финансовые этапы подготовки посольств, выявить, опираясь на текстологический анализ черновики, особенности составления направлявшихся в зарубежные государства грамот или переводов привозившихся в Россию посланий от иностранных правителей, охарактеризовать конкретные сферы деятельности приказных служителей различного ранга, обрисовать условия пребывания русских послов за рубежом и иноземных представителей в Москве с учетом возникавших подчас с обеих сторон трудностей дипломатического или бытового характера, проанализировать эффективную или, наоборот, не слишком удачную по объективным и субъективным причинам деятельность отдельных лиц, наконец, исследовать такую, выходящую за рамки собственно международных отношений проблему, как «стоимость», то есть общая сумма затрат на организацию поездок русских дипломатических миссий или приема зарубежных представителей [4, с. 425–427].

Вышеизложенные соображения позволяют утверждать, что на современном этапе развития источниковедения и археографии необходимо переходить от публикации посольских книг к изданию сохранившихся в архиве Посольского приказа столбцов по связям с теми или иными зарубежными странами, причем в их полном, естественно сложившемся в XVII столетии виде, без исключения каких-либо, в соответствии с индивидуальным вкусом археографа и пониманием стоящих перед ним задач, «повторяющихся» или иных документов и с максимально точным воспроизведением всех палеографических особенностей содержащихся там текстов [15, с. 98–104].

Однако такой подход требует учета того важного обстоятельства, что после упразднения Посольского приказа и перехода сначала к коллегиальной, а затем к министерской форме организации внешнеполитической деятельности структура архива этого учреждения претерпела ряд изменений, в результате которых были созданы никогда не существовавшие в XVII в. как отдельные комплексы подборки документов, например, «Сношения с Молдавией и Валахией». А при проводившемся в это же время расклеивании столбцов в целом ряде случаев допускалось или расформирование естественно сложившихся приказных столбцов на отдельные «дела» или, наоборот, объединение по «тематическому» принципу ранее не составлявших единого целого материалов [14, с. 210–227].

В наибольшей степени такое уничтожение сложившихся в XVII в. комплексов приказной делопроизводственной документации было характерно для «греческих» и «турецких» столбцов, характеризовавших связи Русского государства с Османской империей или находившимися на ее территории конфессиональными структурами, когда отдельные листы не только могли быть перепутаны в рамках одной подборки, но и попасть в совершенно другие по хронологии и содержанию столбцы, вызывая подчас серьезные смысловые ошибки у использовавших такие источники без должного критического разбора исследователей. Приведем всего один пример, связанный с документами о приездах в Москву синайских монахов в 1682 и 1687 годах.

Н.Ф. Каптерев, изучая отношения русского правительства с синайскими монахами в XVII в. и опираясь на столбец о приезде архиепископа Анании в 1682 г. в том виде, как этот документальный комплекс существовал во второй половине XIX в., пришел к выводу, что Ананий просил русских государей взять синайскую обитель под свое особое попечение, но желание синаитов не нашло должного отклика, и только высказанная повторно, в 1687 г., приехавшим из монастыря Неопалимой Купины архимандритом Кириллом просьба оказалась удовлетворена и было велено изготовить грамоту о том, что цари «Синайскую гору в призрение свое принять изволили» [1, с. 178–180, 530–536]. В дальнейшем это представление о двух попытках передать Синай под «высокую государеву руку» закрепилось в историографии и было не раз повторено в исследованиях современных авторов [11, с. 438–441; 17, с. 267; 18, с. 419, 423].

Вместе с тем, изучение внутренней структуры и содержания документов столбца о приезде архиепископа Анании в 1682 г. показывает, что в трех имеющихся там челобитных января-февраля 1683 г. содержались просьбы о разрешении съездить в Троице-Сергиев монастырь, о даче синайской обители «повсягодной» милостыни вместе с новой жалованной грамотой и о предоставлении в Москве подворья «для приезду и житья иноков наших»². Синаиты действительно получили новую жалованную грамоту на право приезда за денежным вспомоществованием раз в шесть лет и милостыню на 300 руб. соболями³, а в подворье им было отказано⁴.

² РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1683 г. № 1. Л. 68, 76–77, 98–99.

³ Там же. Л. 100, 103–109.

⁴ Там же. Л. 102.

Что же касается утверждения о якобы высказанном архиепископом Ананией пожелании о переходе Синая под покровительство русских царей, то оно основывалось на тексте трех входящих в этот столбец в его настоящем виде листов, где такая просьба действительно была высказана. «Писал того синайского монастыря, – читается в столбце, – архиепископ Ананий со всего того монастыря собору, с архимандритом Кирилом» бить челом великим государям, чтобы «той знаменитой и убогой обители горы Синайския» были «строители и обладатели яко нови и блаженнии вместо царя Иустиниана ктитори и приняли б во свое царское попечение то великое и светлейшее негибнущее сокровище». Как сообщается далее, в ответ на просьбу было велено выписать, «киные такие ж святыя места полестинския наперел сего во оборону их государскую и в снабденье приниманы ль. А к венетом великие государи указали послать свою великих государей грамоту», чтобы они «святыя места» «оберегли и разорять никого не допустили и не поволрили»⁵.

Сейчас эти три, представляющие собой приказную выпись, по некоторой, но, очевидно, совершенно другой, чем имеющиеся там, челобитной архиепископа, листа находятся между двумя другими, никак не связанными с ними документами: а) написанным рукой думного дьяка Е.И. Украинцева приговором царей Ивана и Петра и царевны Софьи от 3 ноября 1682 г. о выдаче синайтам поденного корма и питья; б) сделанной рукой приказного подъячего записью церемонии аудиенции архиепископа Анании и свиты царствующих особ⁶. Уже само современное расположение выписи о «строителях и обладателях» доказывает, что этот документ, разрушая делопроизводственную структуру столбца, находится не на своем месте, а его текстологический анализ показывает, что содержание выписи никак не связано с обсуждавшимися в 1682–1683 гг. вопросами. Во-первых, ни о какой грамоте к венецианским дожам и о военной помощи с их стороны в материалах первой половины 1680-х гг. не говорилось. Во-вторых, в начале выписи четко сказано, что архиепископ Ананий «писал» вместе со всем собором и отправил прошение с архимандритом Кириллом. Следовательно, в момент подготовки челобитной сам синайский иерей находился заведомо вне пределов Русского государства, а столь важное обращение доставил в Москву архимандрит Кирилл, что никоим образом не соответствует ситуации 1682–1683 гг. с приездом самого Анании, но замечательно совпадает с приездом в Москву Кирилла в 1687 г.

Следовательно, указанную в выписи челобитную архиепископа Анании стоит связывать с совсем другими временем и событием – приездом в Россию архимандрита Кирилла, датируемым второй половиной января 1687 г., который в расспросных речах в Посольском приказе 1 февраля этого же года заявил, что действительно привез с собой челобитную архиепископа Анании «со всем монастырем... за печатью»⁷. Повторно этот документ упоминается в докладной выписи, составленной не позднее 24 января 1687 г. Причем дословно совпадающий с листами из столбца 1682–

⁵ Там же. Л. 40–42.

⁶ Там же. Л. 38–39, 43–50.

⁷ Там же. Ф. 52. Оп. 1. 1687 г. № 6. Л. 7.

1683 г. текст – «...дабы они, великие государи, изволили той знаменитой и убогой обители горы Синайския быти строители и обладатели, яко новии и блаженнии вместо царя Иустинияна ктиторы и приняли б во свое царское попечение то великое и божественнейшее негибнущее сокровище...»⁸ – еще раз доказывает, что речь идет об одном и том же документе, только относящемся к совершенно иному делопроизводственному комплексу и времени. Более того, в столбце 1687–1689 гг. есть черновик грамоты от царей Ивана и Петра Алексеевичей венецианскому дожу Франческо Морозини⁹. Иными словами, соборная челобитная, инициированная архиепископом Ананией, о переходе Синая под «высокую царскую руку» в XVII в. существовала. Что же касается попавшей в столбец 1682–1683 гг. выписи по ней, то ее появление в этом, никак не связанном обращением Анании комплексе допустимо объяснить произошедшей в тот или иной момент бытования двух столбцов путаницей расклеенных, по-видимому, листов.

В целом, можно констатировать, что, вопреки устоявшемуся в историографии мнению, просьба архиепископа Анании о ктиторстве русских царей над Синаем была высказана только однажды, причем не в 1682, а в 1687 г., и в 1689 г. из-за двухлетней задержки синаитов в Москве удовлетворена. Датировать же саму челобитную Анании, учитывая необходимое на приезд архимандрита Кирилла в Москву время, стоит, по всей вероятности, 1686 г.

Нельзя не обратить внимание на чрезвычайно любопытное хронологическое совпадение. В мае – начале июня 1686 г. в Константинополе находился русский гонец Никита Алексеев, который вел переговоры с константинопольским патриархом Дионисием IV о переходе Киевской митрополии, епархии Константинопольской церкви, в подчинение Московскому патриархату, и в это же время были подготовлены грамоты от имени Дионисия IV и соборное постановление с изложением решения архиереев о таком переходе [16, с. 89–110]. Вполне вероятно, что пребывавший в 1686 г., по некоторым сведениям, именно в Константинополе архиепископ Ананий после провала своей более ранней попытки добиться автокефалии для Синая мог решить достичь своей цели другим путем – передать Синайскую область под покровительство русских царей. В таком случае становится понятной резкая отрицательная реакция иерусалимского патриарха Досифея II на жалованную грамоту царей Ивана и Петра Алексеевичей и царевны Софьи от 5 февраля 1689 г. монастырю св. Екатерины об их согласии «быти» этой обители «строителями и обладателями»¹⁰. Очевидно, что принимавший активное участие в переговорах 1686 г. о Киевской митрополии патриарх Досифей II не только никак не хотел повторить такой прецедент, хотя речи о переподчинении Синайской области московскому патриарху в грамоте не шло, но и вообще допустить уменьшение влияния иерусалимского патриархата на Синае.

⁸ Там же. Л. 138–139.

⁹ Там же. Л. 168–170. В новейшем исследовании [2] эта грамота не учтена.

¹⁰ Там же. Л. 175.

В посольской же «греческой» книге 1680-х гг. о приезде в 1682 г. архиепископа монастыря Неопалимой Купины Анании со свитой есть только чрезвычайно краткая, на одну страницу, запись об их появлении в Москве с воспроизведением пометы думного дьяка Е.И. Украинцева о выдаче синайским монахам поденного корма и питья¹¹, в то время как посвященный этому же событию столбец включает в себя около четырех десятков документов¹². В отношении же прибывших в 1687 г. архимандрита этого же монастыря Кирилла с причетниками в книгу в том или ином виде включены только 14 из 58 документов. Не стоит поэтому доказывать, что использование «греческой» посольской книги для изучения русско-синайских связей или публикация содержащихся в ней отрывочных документов вряд ли целесообразны.

Таким образом, полное, научно обоснованное издание материалов дипломатических миссий Русского государства в XVII в. предполагает, на наш взгляд, публикацию в первую очередь всех, относящихся к каждому конкретному посольству столбцов с возможным, а скорее, необходимым их дополнением в виде текстов соответствующих посольских книг. Конечно, такой подход требует от археографов гораздо большего времени, но и достигнутый результат – введение в научный оборот всего круга источников по отдельным направлениям внешнеполитических связей России XVII столетия – сделает приложенные усилия более чем оправданными.

1. *Каптерев Н.Ф.* Собрание сочинений. М., 2008. Т. 2.
2. *Карданова Н.Б.* Дипломатические послания Петра Великого домам Венецианской республики: тематика, жанр, стиль, эпистолярный этикет. М., 2013.
3. *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. Ч. 2.
4. *Моисеев М.В.* Бюджет посольства М.Н. Тиханова в Иран в 1613 г. К изучению экономики дипломатов // *Вспомогательные научные дисциплины в современном научном знании. Материалы XXV Международной научной конференции.* Москва, 31 января – 2 февраля 2013 г. М., 2013. Ч. 2.
5. *Рогожин Н.М.* Посольские книги России конца XV – начала XVII вв. М., 1994.
6. *Рогожин Н.М.* Посольский приказ: Колыбель российской дипломатии. М., 2003.
7. *Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг.* М., 2016.
8. *Посольская книга по связям России с Англией. 1614–1617 гг.* М., 2006.
9. *Посольская книга по связям России с Грецией (православными иерархами и монастырями) 1588–1594 гг.* М., 1988.
10. *Прудовский П.И.* Посольская книга и ее источники // *Россия и Пруссия в середине XVII века. Т. 1. Посольская книга по связям России с Бранденбургско-Прусским государством 1649–1671 гг.* М., 2013.
11. *Пятницкий Ю.А.* Жалованная грамота 1689 г. монастырю св. Екатерины на Синае // *Россия и Христианский Восток.* М., 2004. Вып. 2–3.
12. *Россия и греческий мир в XVI веке.* М., 2004. Т. 1.
13. *Россия и Пруссия в середине XVII века. Т. 1. Посольская книга по связям России с Бранденбургско-Прусским государством 1649–1671 гг.* / Сост. П.И. Прудовский. М., 2013.
14. *Тимошина Л.А.* Описание архива Посольского приказа 1673 г. и «Реестры греческим делам» конца XVIII – начала XIX в. // *Каптеревские чтения. Сборник*

¹¹ Там же. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 8. Л. 1.

¹² РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1683 г. № 1.

- статей. М., 2009. Вып. 7.
15. Тимошина Л.А. Публикация «бранденбургской» посольской книги как явление археографии // Вестник «Альянс-Архео». М.; СПб., 2014.
 16. Ченцова В.Г. Синодальное решение 1686 г. о Киевской митрополии // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 2 (68).
 17. Чеснокова Н.П. О жалованной грамоте синайскому монастырю Св. Екатерины 1689 г. // Каптеревские чтения. М., 2012. Сб. 10.
 18. Чеснокова Н.П. Описание Синайской горы 1686 г. из собрания Российского государственного архива древних актов // Россия и Христианский Восток. М., 2004. Вып. 2–3.

М.Т. Накишова¹

Проблемы выявления и публикации источников для реконструкции неформальных связей государственных деятелей России первой половины XVIII в. (на материалах канцелярии А.Д. Меншикова)²

Россия XVIII в.; А.Д. Меншиков; неформальные отношения; эпистолярные источники.

В работе рассматриваются вопросы поиска и публикации источников, содержащих сведения о неформальных связях государственных деятелей России первой половины XVIII в. В качестве примера анализируется эпистолярное наследие канцелярии А.Д. Меншикова.

Неформальные связи являлись и являются неотъемлемой частью государственного управления. Основанные на антропологической потребности индивида в общении, они, вкуче с официальными административными практиками, способствовали реализации интересов государства, формированию новых практик принятия политических решений.

Первая четверть XVIII в. в России ознаменовалась активными петровскими преобразованиями, которые требовали создания механизмов, позволяющих государственной «машине» своевременно реагировать на внешние вызовы. В такой ситуации именно неформальные связи в ближайшем окружении Петра I стали оказывать большое влияние на динамику и направление государственных реформ [3]. Выходя за рамки таких социальных явлений, как коррупция, фаворитизм, борьба придворных «партий», они в ряде случаев обеспечивали более эффективную административную деятельность.

Поскольку неформальные связи трудно поддаются документированию, при попытке их реконструкции возникает ряд источниковедческих проблем. Прежде всего, встает вопрос о выборе источниковой базы, содержащей достоверную информацию о неформальных контактах государственных деятелей. Так, исследователи, изучающие патрон-клиент-

¹ Накишова Марина Тазабаевна, Лаборатория эдиционной археографии УрГИ УрФУ им. Б.Н. Ельцина (РФ, Екатеринбург); m-nakishova@mail.ru.

² Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда по теме «Неформальные связи в контексте государственного управления в России XVIII в.: административные стратегии и социальные практики» (Соглашение № 18–78–10093).

ские отношения, привлекают документы личного происхождения: административную и личную корреспонденцию, дневники, мемуары, семейные архивы, отчеты современных политических обозревателей [11, с. 9–10]. Эти комплексы, не проходившие через систему государственных органов, представляют собой уникальное соединение личной и официальной информации, которое дает возможность проследить механизмы функционирования неформальных связей.

Одним из ключевых источников является переписка государственных деятелей. Именно письма выступали средством установления контактов, решения управленческих задач и поиска союзников на политической арене. В качестве примера обратимся к эпистолярному наследию одного из самых влиятельных вельмож петровского периода, Александра Даниловича Меншикова (1673–1729 гг.).

Документальное наследие А.Д. Меншикова подверглось разбору еще в XVIII в. в связи с его арестом и конфискацией его имущества, включая личные бумаги. Одна часть архива князя была сначала описана, а затем отправлена в Москву. Ее основная часть в настоящее время хранится в РГАДА. Вторая часть, в которую входили документы походной канцелярии за 1703–1713 гг., осталась в Санкт-Петербурге и в настоящее время хранится в НИА СПбИИ РАН. Как отмечает М.В. Бабич, «архивные стены, обратив документальные свидетельства жизни и деятельности А.Д. Меншикова в “фонды”, обеспечили им сравнительно редкую для “бумаг” сподвижников Петра I с более благополучными биографиями сохранность» [2, с. 20].

Первоначальное разделение единого документального комплекса повлияло на степень введения его материалов в научный оборот и затруднило для исследователей поиск источников. Кроме того, в состав фондов, связанных с меншиковской деятельностью, попали документы других государственных деятелей первой четверти XVIII в. В частности, фонд № 83 НИА СПбИИ РАН «Походная канцелярия князя А.Д. Меншикова» содержит в себе, помимо адресованных к князю писем, бумаги И.С. Мазепы, документацию походных канцелярий Б.П. Шереметева и П.П. Шафирова [3, с. 41].

В РГАДА материалы, связанные с Меншиковым, прежде всего, собраны в фонде № 198 «Князь А.Д. Меншиков». Исследователи не раз обращали свое внимание на реестр № II, где сосредоточено более 700 ед. хр, содержащих его личные письма [5; 6; 8; 10]. Тем не менее, большинство исследователей концентрировалось на узком круге элитарных корреспондентов Меншикова, тогда как эпистолярный раздел включает переписку с лицами, стоявшими на разных ступенях социальной лестницы: от московского губернатора и родственника царя К.А. Нарышкина³ до равского старосты Я. Грудзинского⁴. Если говорить о полноте сохранности меншиковской переписки, то следует отметить, что в фонде № 198 в основном отложилась входящая корреспонденция. При изучении описи нам удалось обнаружить только 9 единиц хранения, относящихся к исходящим пись-

³ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 790.

⁴ Там же. Д. 548.

мам: это письма к княгине Дарье Меншиковой, детям, Варваре Арсеньевой, канцлеру Г.И. Головкину, адмиралу Ф.А. Головину, П.П. Шафирову, ревельскому коменданту В.В. фон Дельдену, бельскому воеводе и коронному гетману А.Н. Синявскому и денщику В. Вечеслову⁵.

Помимо фонда № 198 фрагменты служебного архива Меншикова находятся в фонде № 26 «Государственные учреждения и повинности в царствование Петра I», фонде № 11 «Переписка разных лиц», в делопроизводстве Сената (фонд № 248) и Верховного тайного совета (фонд № 176) [2, с. 23–24; 3, с. 35]. Кроме того, в фонде № 9 «Кабинет Петра и его продолжение» отложилась входящая и исходящая корреспонденция князя с Петром I и Екатериной I.

Было бы ошибочно полагать, что фондами НИА СПбИИ РАН и РГАДА ограничивается сохранившееся до нашего времени эпистолярное наследие Меншикова. Отдельные архивные находки доказывают перспективность дальнейшей поиска эпистолярного наследия князя среди дипломатической переписки, материалов военно-походных и домашних канцелярий других крупных деятелей петровской эпохи. Например, письма к Меншикову составляют часть документов Приказа артиллерии и походной артиллерийской канцелярии Я.В. Брюса, которые отложились помимо РГАДА в РГВИА (г. Москва), Архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, Российском государственном архиве военно-морского флота и Отделе рукописей РНБ (г. Санкт-Петербург) [1, с. 11].

Таким образом, историк в процессе выявления эпистолярных источников для реконструкции неформальных отношений А.Д. Меншикова сталкивается с рядом трудностей. Прежде всего, это значительный объем меншиковской канцелярии, материалы которой при этом распределены по нескольким архивохранилищам. Затем, важной проблемой является заметное преобладание среди сохранившихся документов входящей корреспонденции над исходящей. Это не мешает реконструировать часть неформальных связей Меншикова, выделить тех, кто стремился получить его покровительство и продемонстрировать свою лояльность. Однако, осуществляя комплексное исследование, недостаточно выявить только ту информацию, которую Меншиков получал. Важным становится проследить его ответную реакцию на полученные сведения, а это требует дополнительных усилий по поиску исходящей меншиковской корреспонденции в нескольких архивохранилищах.

Помимо трудностей, возникающих с поиском эпистолярных источников, следует также указать на проблемы, связанные с их публикацией. Нередко авторы сборников документов, посвященных канцеляриям государственных деятелей начала XVIII в., систематизируют комплексы писем по хронологии. Издатели классических «Писем и бумаг Петра Великого» в каждый из томов поместили материалы за определенный период без тематических разбивок или группировки по корреспондентам. При этом в основной части тома были представлены только исходящие бумаги монарха. Сохранившиеся же ответы на них публикаторы поместили в

⁵ Там же. Ф. 198. Оп. 1.

приложении [7]. Схожим образом, первый том «Архив Я.В. Брюса» начинается с черновика письма Д.Е. Екимову от 1704 г. и заканчивается черновиком письма С.С. Спешеву от 1705 г. [1]. Подобным путем пошли Т.А. Базарова и Ю.Б. Фомина, публикуя материалы походной канцелярии П.П. Шафирова [9].

Однако такая систематизация для реконструкции неформальных связей может оказаться непродуктивной, поскольку в данном случае целью не является отражение политической деятельности конкретной личности в хронологическом развитии. Неформальные отношения – это, прежде всего, взаимовыгодные межличностные контакты, построенные на обмене материальными и нематериальными ресурсами. Поэтому, публикуя исторический материал, важно сделать акцент на динамике взаимоотношений между людьми. Такому подходу больше соответствует иной принцип: группировка источников по корреспондентам, обращавшимся к Меншикову. Кроме того, это отвечает логике архивного фонда РГАДА, где переписка разбита в начале на 5 тематических групп, а внутри каждой группы – по фамилиям корреспондентов⁶.

Итак, эпистолярное наследие А.Д. Меншикова является весьма перспективным комплексом документов для изучения неформальных связей государственных деятелей России первой половины XVIII в. Важными причинами, обусловившей недостаточное включение меншиковского фонда в историческую науку, можно назвать его значительный объем и разделение по архивным фондам, а также тесную связь с другими, более популярными фондами (например, «Кабинетом Петра I»). Кроме того, необходимость реконструкции неформальных связей ставит перед исследователем новые проблемы при публикации исторического материала и переносит акцент с создания истории одной конкретной личности на реконструкцию межличностных отношений.

1. Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. СПб., Щелково, 2004. Т. 1.
2. *Бабич М.В.* Военно-организационная деятельность А.Д. Меншикова в материалах Российского государственного архива древних актов // Меншиковские чтения – 2011. СПб., 2011. Вып. 8.
3. *Базарова Т.А.* Бумаги вице-канцлера П.П. Шафирова в походной канцелярии А.Д. Меншикова: Археографическое введение // Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: Новые источники по истории России эпохи Петра Великого. СПб., 2011.
4. *Бушкович П.* Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). М., 2008.
5. *Кочегаров К.А.* Мазепа и Меншиков: человеческие отношения и политическое сотрудничество // Меншиковские чтения – 2015. СПб., 2015. Вып. 10.
6. *Павленко Н.И.* Меншиков: Полудержавный властелин. М., 2016.
7. Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. (1688–1701). СПб., 1887.
8. *Полонский Д.Г.* Эпистолярный этикет во взаимоотношениях А.Д. Меншикова с представителями властной элиты Петровской эпохи // Меншиковские чтения – 2011. СПб., 2011. Вып. 2 (9).
9. Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: Новые источники по истории России эпохи Петра Великого. СПб., 2011. Ч. I–III.
10. *Савельева Е.А.* К вопросу о взаимоотношениях петровских военачальников

⁶ Там же.

Д.А. БЫКОВ¹

Источниковедческая критика документа 1784 г. об оранжерейном садоводстве из архива помещиков Гончаровых

История сельского хозяйства; вотчинные архивы; оранжерейные растения.

На основе анализа редкого архивного документа сделаны предположения о его значении для изучения экономики и культуры в «дворянских гнездах» России.

Приводимая ведомость из с. Ильицына Зарайской округи Рязанского наместничества от 8 марта 1784 г. отложилась в собрании материалов по управлению именными Гончаровых. Адресатом ее был Николай Афанасьевич Гончаров, прадед Натальи Николаевны и преемник скончавшегося в январе 1784 г. Афанасия Аврамовича (так в документах – Д.Б.). Небольшое распространение помещичьих тепличных хозяйств вдали даже и от второй столицы, тем более – не латифундистских вроде Воронцовских или Голицынских, к тому же с разнообразными видами продуктивных растений (а не с моно- или однородными культурами вроде ананасов, цитрусовых) определяет значимость полного источниковедческого анализа этого документа. Действительно, содержащиеся в нем данные позволяют представить себе пищевые, лекарственные, декоративные и других назначений растения иноземного происхождения, бывшие в культуре в «дворянских гнездах» России екатерининской эпохи. Военной, гражданской службой, художественным творчеством и предпринимательской деятельностью членов знаменитых фамилий во многом формировалось тогдашнее лицо страны и ее будущее. Расширение ассортимента используемых растений отражает политико-географические и общекультурные веяния эпохи Просвещения, развития империи. Представляется целесообразным сохранять орфографию и пунктуацию оригинала, если это помогает передать особенности стиля источника.

«1784 года марта 8 дня коликое число в Ильицынской ранжереи имеется плодовых дерев цветов и разных трав...»²

Персиков	в грунте	6	Все с цветом
	в кадках	13	
	в горшках	39	
Абрикосов		9	С цветом
Персиков и абрикосов одногодков	в горшках	11	

¹ Быков Дмитрий Александрович, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., Dmitbykov@mail.ru.

² РГАДА. Ф. 1265 (Гончаровы). Оп. 1. Ед. хр. 1206. Л. 156.

Миндалей	в кадках и в горшках	6	С цветом
Винограду	в грунту	1 куст	С цветом
Слив		7	1 с цветом
Французских груш черенковых прививков		4	
Померанец 2 лет		1	
Померанцевых дичков		1	
Розмарину кроннаго	горшков	22	
Гвоздики разных сортов	ящичков	5	
Гвоздики ж	горшков	40	
Лавровое дерево		1	
От него ж отводков		1	
Флос пасному (? – авт.)	горшков	3	
Буксеусу	горшков	2	
	молодых отводков	3	
Левкои	двоинных горшков	30	
Американских трав	горшков	3	

Одно из наиболее подробных, источниковедчески фундированных описаний тепличного и оранжерейного растениеводства второй половины XVIII в. встречаем в монографии Л.В. Милова [8, с. 265–270]. В обобщающих работах, хотя бы и весьма глубоко фундированных, отразить детали усадебной агрикультуры в локальном масштабе весьма затруднительно, хотя бы таковые и были известны их авторам [9; 4].

Сведения же о гончаровских растениях, может быть, нуждаются в пояснении. Буксеус, вероятно, более знаком современному читателю как самшит (сем. Вухасаеа). Какой из видов этого семейства выращивался у Гончаровых, из документа не ясно. Возможно, родовым названием в обиходе обозначали наиболее известный в силу широкого распространения и давности введения в культуру вид – *Vuxus sempervirens* (Самшит вечнозеленый). Использовать это растение южного умеренного / субтропического поясов можно для декоративного озеленения – оно хорошо переносит обрезку и отличается плотной кроной. В XVIII в. стереометрически правильные формы насаждений были в моде в садово-парковом искусстве. В масонской субкультуре расположение элементов «ландшафтного дизайна» свидетельствовало посвященному о месте обладателя парка в иерархии тайного братства. Значение языка цветов (шире – растений) в барочную, классическую и романтическую эпохи было велико в элитарной и субэлитарной средах, круглогодичное обладание обогащенным набором его вещественных символов могло быть весьма значимо для, мягко говоря, неродовитых Гончаровых.

Малое число экземпляров буксеуса в оранжерее может свидетельствовать как о еще только развивающемся у Гончаровых деле его культивирования, так и о его ином назначении – не ландшафтно-символическом, а лекарственном. Так, родственная самшиту брусника – *Vaccinium vitis-idaea*

– известна биологической активностью и свойством угнетать ряд групп патогенных для человека микроорганизмов, подавлять процессы гниения и брожения. Буксеус-самшит ядовит, но его также использовали для лечения лихорадок, воспалительных заболеваний слизистых оболочек и суставных тканей, инфицированных ран и свищей; обладая сам по себе противоопухолевой активностью, он еще способен усиливать действие лекарственных препаратов.

«Флос пасному» – предположительно, имеется в виду флокс. Возможно, речь идет об американском по происхождению Флоксе метельчатом или выведенных на его основе культурных сортах; например, о Флоксе пятнистом. Исходный дикий вид естественно распространен между 30 и 50 параллелями [6, с. 77].

В то же время трудно полностью исключить и возможность появления у Гончаровых Флокса сибирского (распространенного от Берингова пролива до Алтае-Саянского региона и, возможно, спорадически также восточнее и западнее по участкам каменисто-песчаных ландшафтов). По литературе, однако, флоксы из Нового света появились в России в первой половине XIX в. [7; 1, с. 139–155]. Подробнее этот вопрос рассмотрен Е.А. Константиновой: «Историю культуры флоксов в России мы можем проследить только по немногочисленным публикациям и свидетельствам современников. Так, в изданном в 1826 г. В. Левшиным справочном пособии для цветоводов „Цветоводство подробное, или Флора русская для охотников до цветоводства“ мы находим упоминание не только о многолетних флоксах весенне-летнего цветения, но и о флоксах однолетних с подробной инструкцией по выращиванию и использованию. Цензурный комитет дал разрешение на публикацию справочника 13 мая 1818 г., а готовился он, естественно, еще раньше. Так что есть основания считать, что флоксы появились в России на рубеже XIX столетия. В справочнике было названо пять видов, в том числе флокс, названный весенним, с фиолетовыми цветками, низкорослый, зацветающий ранее других, в мае. Он был определен как ф. волосистый. На самом деле это, видимо, был один из весеннецветущих видов стелющихся флоксов. Остальные из упомянутых видов — ф. гладкий, ф. рослый (так называли ф. пятнистый), ф. каролинский и ф. белый. Последний, скорее всего, был разновидностью ф. пятнистого с гладкими некрапчатыми стеблями, белыми цветками и нежным запахом...» [5].

Наличие «американских трав» без названий видов может, пожалуй, говорить в пользу присутствия в оранжерее и Метельчатого, и Сибирского флоксов. Хотя эти «травы», как, впрочем, и другие названные виды, могли быть получены из культуры, российской или зарубежной [11; 10; 3; 2]. Количество розмарина как будто вполне может свидетельствовать о его продовольственном использовании, вероятнее всего, на барском столе, а не на рынке. Во всяком случае, в деле не встречено сведений о продаже продукции оранжереи. Розмарин известен как лекарственное растение, способное оздоравливать воздух фитонцидами, пробуждать умственную и физическую активность. В Средиземноморской Европе его зелень используется в качестве приправы.

Имеется ли в виду гвоздика-травя (Dianthus sp.) или гвоздика-дерево с используемыми как пряность цветками (Sizigium sp.), сказать однозначно представляется затруднительным. Указание на разные сорта как будто свидетельствует о траве. Количество емкостей в оранжерее может объясняться задачами и озеленения, и получения пряности для столового или лечебного применения. Однако сравнительная с другими пряностями дешевизна сизигиума как будто служит дополнительным аргументом в пользу мнения о декоративном значении гончаровской гвоздики. В то же время запах эфирного масла растения неприятен комарам и другим кровососущим насекомым. Внесенные в дом летом цветущие деревца теоретически могли бы служить источником природного репеллента. Но и гнус от господских покоев, вероятно, проще было отпугнуть с помощью более доступных в Центральной России средств, живых растений или их обработанных частей. Кровоостанавливающее и ранозаживляющее действие, включая действие на маточные кровотечения и геморроидальные язвы, могло побудить выращивать диантус, но количество емкостей как будто позволяет сомневаться в исключительно медицинском применении этого растения.

Заметим, что на 8 марта цвели абрикос, виноград и одна из слив. Значит, их плоды могли застать летнее тепло в зарайских местах в период созревания. В природе эти культуры плодоносят примерно, с поправкой на местный климат и особенности сорта, в середине августа. Абрикос цветет весной до появления листьев, что облегчает доступ к генеративным органам солнечного тепла и насекомых-опылителей. На юге России, включая Таврический край, виноград цветет в последней декаде мая (после распускания листьев и начала роста побегов). Это примерно на неделю-полторы позднее сливы в Зарайских местах в открытом грунте.

Значит, урожай с этих деревьев Гончаровы могли получить ко времени от Успения Богородицы 15 августа ст. стиля до Успения Богородицы 28 августа по новому стилю. Может быть, перемещение растения с открытого воздуха в теплицу и обратно приводило к сокращению времени вызревания плодов, например, ко дню Преображения Господня (Яблочному Спасу в России и дню «запирания» (уборки) винограда у южных славян), 6 авг. ст. стиля.

Как осуществлялось опыление – приносились ли в оранжерею пчелы, или же другие насекомые-опылители (на 8 марта в природе Южного Поочья они еще, очевидно, не вылетали), прибегали ли к ручному опылению или сорта были самоплодными – из документа не видно. Остается также открытым вопрос о влиянии на жизнедеятельность (развитие и защиту от вредителей) содержащихся Гончаровыми растений летучих веществ, выделяемых их соседями по оранжерее. «Двойные горшки» с левкоями, возможно, использовались для обеспечения взаимодействия разных сортов (разновозрастных экземпляров?) путем опыления и, может быть, корневой конкуренции. Двойные горшки, в том числе бездонные соединенные каналом или глухой перемычкой сосуды, использовались древними земледельцами – трипольцами. Как выглядел двойной горшок из Ильицынской оранжереи, из документа не видно. Однако в двойных

горшках – с глухой перемычкой, конечно – в Южной России заведено было носить щи и кашу для обеда в поле.

1. *Елина О.Ю.* От развлечений аристократов до декретов большевиков: веки научной селекции. Конец XIX века – 1920-е гг. // На переломе: Отечественная наука в конце XIX–XX вв. / Под ред. Э.И. Колчинского и М.Б. Конашева.
2. *Елина О.Ю.* От царских садов до опытных станций: агрономические эксперименты в российской усадьбе // Вестник истории естествознания и техники. 2005. № 1–2.
3. *Elina O.* Private Botanical gardens in Russia: between Noble Culture and Scientific Professionalization // Studies in the History of Gardens & Designed Landscapes. Special Issue. Designing Botanical Gardens: Science, Culture, and Sociability / Ed. by N. Robin. 2007. Vol. 28. № 3–4.
4. *Козлов С.А.* Аграрные традиции и новации дореформенной России (Центрально-Нечерноземные губернии). М., 2002.
5. *Константинова Е.А.* Флоксы. М., 2002.
6. *Кудусова В.Л.* История и современное состояние коллекции сортов флокса метельчатого (*Phlox paniculata* L.) в Главном ботаническом саду им. Н.В. Цицина РАН // Материалы Всероссийского научно-практического совещания по флоксам «Phlox-2014». М., 2014.
7. *Мерзлов П.* На полпути к желтому флоксу [Электронный ресурс] (www.vestnik-cvetovoda.ru/plant_growing/encyclopaedia/na-polputi-k-zheltomu-floksu.html).
8. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.; 2006.
9. *Струве П.Б.* Крепостное хозяйство. Исследование по экономической истории России в XVIII и XIX вв. СПб., 1913.
10. *Сурова Е.А.* К вопросу о становлении естественнонаучных школ в России (по мемуарным материалам выпускников Имп. Московского Университета второй четверти XIX в). М., 1995. Деп. в НИИВО 05.01.1995, № 15–95.
11. *Сурова Е.А.* К истокам отечественной школы теоретиков сельского хозяйства (по материалам учебных курсов и сельскохозяйственных журналов, а также отчетов Московского общества сельского хозяйства 20-х–30-х гг. XIX в.). М., 1995. Деп. в НИИВО 05.11.1995, № 14–95.

В.Н. Никулин¹

С.С. Ланской в Главном Комитете по крестьянскому делу

Секретный Комитет по крестьянскому делу; Главный Комитет по крестьянскому делу; Положение 19 февраля 1861 г.; крестьянская реформа; крестьянство; С.С. Ланской; император Александр II.

Рассмотрено участие министра внутренних дел С.С. Ланского в работе Главного Комитета по крестьянскому делу. Охарактеризованы взгляды Ланского по важнейшим проблемам, связанным с предстоящей отменой крепостного права, его практические действия по подготовке крестьянской реформы.

Незадолго до преобразования Секретного комитета в Главный комитет по крестьянскому делу С.С. Ланской высказал ряд принципиальных соображений по содержанию записок Я.И. Ростовцева, барона М.А. Кор-

¹ Никулин Валерий Николаевич, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (РФ, Калининград), д.и.н., nikuliny@mail.ru.

фа и князя П.П. Гагарина, в которых были изложены проекты освобождения крестьян от крепостной зависимости.

Ростовцев считал, что крепостное право должно быть отменено, поскольку человек «не должен быть вещью»². Чтобы «успокоить умы крестьян и помещиков» он рекомендовал сделать гласными заседания комитета, а освободить крестьян предлагал за «денежный выкуп»³. Барон Корф предложил поручить определение условий освобождения крепостных «благomyсленным владельцам населенных имений», т.е. помещикам⁴. Князь Гагарин полагал, что правительству необходимо «даровать» помещикам право освобождать крестьян «целыми селениями без условий и без земли»⁵.

Предложение Гагарина об освобождении крепостных крестьян без условий и без земли было категорически отвергнуто Ланским, понимавшим всю опасность такой инициативы⁶. Позиция барона Корфа, предлагавшего привлечь к обсуждению основополагающих принципов предстоящей реформы широкие слои дворянства, заслужила одобрение министра внутренних дел и была им дополнена. Ланской считал вопрос о земле одним из первостепенных, с которого следовало начать обсуждение крестьянского вопроса. Поскольку этот вопрос касался не только крестьян, но и помещиков, необходимым условием его решения, считал он, является обсуждение его «широкими слоями дворянства». Ланской полагал необходимым, чтобы правительство указало дворянству, «каких главных начал должно оно придерживаться в суждениях своих» при рассмотрении вопроса о земле⁷. При этом, по мнению Ланского, следовало определиться: останется ли вся земля в руках помещиков? А если будет принят закон, обязывающий помещика выделить землю своим бывшим крепостным, получат ли землевладельцы какую-либо компенсацию за личность крестьянина и за утерянную землю⁸.

В выборе путей решения аграрно-крестьянского вопроса С.С. Ланской предпочел предложение М.А. Корфа, отвергнув позиции Я.И. Ростовцева и П.П. Гагарина. Александр II, опираясь на представителей либеральной бюрократии, в том числе и на министра внутренних дел, сумел настоять на том, чтобы в итоге предстоящих преобразований частновладельческие крестьяне получили свободу, сохранив усадьбу и получив наддел с правом пользования.

16 февраля 1858 г. Секретный комитет был переименован в Главный комитет по крестьянскому делу. При этом состав членов комитета остался прежним. За несколько дней до этого события Ланской обратился к императору с предложением учредить журнал для обсуждения «крестьянского вопроса». По его мнению, журнал должен был «служить органом,

² РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 451. Л. 17.

³ Там же. Л. 20, 40.

⁴ Там же. Л. 60.

⁵ Там же. Л. 1, 5.

⁶ Там же. Л. 74.

⁷ Там же. Л. 82.

⁸ Там же. Л. 90–93.

посредством которого дворяне помещики, получая необходимые для них сведения о всем том, что касается улучшения быта крестьян, проявляли и свои по этому вопросу мнения и замечания», так необходимые для правительства. Инициатива Ланского была положительно воспринята Александром II⁹.

Публикация материалов, связанных с разработкой крестьянской реформы в «Журнале министерства внутренних дел», обнародование рескриптов императора от 20 ноября 1857 г. виленскому генерал-губернатору В.И. Назимову [4, с. 85–87]) и 5 декабря 1857 г. петербургскому генерал-губернатору П.Н. Игнатьеву¹⁰ окончательно сделали подготовку реформы по освобождению крепостных крестьян необратимой и гласной [1, с. 104–105].

Несмотря на преемственность в содержании программных документов и постоянный состав членов, условия работы Секретного комитета и Главного комитета по крестьянскому делу заметно отличались. Главный комитет по крестьянскому делу был освобожден от стесняющих работу условий секретности, обсуждал пути решения крестьянского вопроса в обстановке гласности и привлекая к обсуждению общественность и поместное дворянство [2, с. 107].

Позиция Ланского и возглавляемого им министерства внутренних дел по узловым вопросам предстоящей крестьянской реформы ярко проявилась в ряде документов. Так, 28 июля 1858 г. глава МВД представил Александру II записку «О несогласии между членами Нижегородского комитета». Ознакомившись с мнениями большинства и меньшинства членов губернского комитета, С.С. Ланской посчитал необходимым поддержать позицию меньшинства представителей дворянства, выступивших против позиции большинства членов комитета, предлагавших установить обязательный выкуп крестьянами личной свободы. Высказанная министром внутренних дел точка зрения по конфликту в Нижегородском губернском комитете была одобрена императором. По мнению Я.А. Соловьева, такая постановка вопроса Ланским и реакция Александра II на его записку устранила всякую возможность для противников реформы добиться безземельного освобождения крестьян и законодательного закрепления обязательной денежной компенсации помещикам [3, с. 109–110; 5, с. 400–401, 407–410].

Во второй половине 1858 г. по поручению императора С.С. Ланским был рассмотрен проект ликвидации крепостного права, подготовленный дворянами Епифановского уезда Тульской губернии. В нем предлагалось предоставить крестьянам личную свободу, усадебную «оседлость» и по 1 дес. земли на ревизскую душу в собственность. При этом предполагалось, что помещик получит 25 руб. с каждого крестьянина за личное освобождение и усадебные постройки и 55 руб. за десятину земли. Ознакомившись с проектом, Ланской в записке от 24 сентября 1858 г. высказался за предоставление земледельцам «существующего надела крестьян».

⁹ Там же. Ф. 982. Оп. 1. Д. 51. Л. 1–2.

¹⁰ Там же. Ф. 577. Оп. 50. Д. 266. Л. 4.

Помимо этого, он признал необоснованной цену на землю, определенную землевладельцами уезда¹¹.

Есть все основания утверждать, что Ланской был убежденным сторонником освобождения крестьян с земель. Он одним из первых участников подготовки реформы выдвинул, а затем отстаивал идею о предоставлении крестьянам существующих наделов без изменений. Надельная земля, по мнению Ланского, должна была включать не только пашню, но выгон и сенокосные угодья, без которых любое крестьянское хозяйство не могло обойтись.

Наиболее полно позиция С.С. Ланского на предстоящее освобождение крепостных была изложена в его записке «Взгляд на положение крестьянского вопроса в настоящее время», которую он представил Александру II 2 августа 1859 г. Заметную помощь в подготовке записки Ланскому оказали его заместитель Н.А. Милютин, ставший к тому времени фактическим руководителем работ по подготовке крестьянской реформы, и управляющий Земским отделом Статистического комитета МВД Я.А. Соловьев. В записке была рассмотрена и оценена работа губернских дворянских комитетов по улучшению быта помещичьих крестьян, проанализированы точки зрения по ключевым вопросам предстоящей реформы, сформировавшиеся в среде поместного дворянства. В записке было констатировано, что все губернские комитеты закончили и прислали свои положения, «из которых можно вывести заключение о главных чертах направлений, ими руководящих»¹². По мнению составителей записки, в большинстве представленных проектов «выразилось стремление к безземельному освобождению крестьян», к «уменьшению наделов»¹³, «сохранению барщинного труда»¹⁴. Ланской считал необходимым «немедленно даровать крестьянам гражданские права», создать условия для успешного «разбора споров и недоумений между помещиками и крестьянами», сохранить за крестьянами существующий на момент реформы надел с угодьями и «немедленно облегчить повинности»¹⁵.

Своей запиской министр внутренних дел по сути дела предупреждал императора о том, что со стороны губернских дворянских комитетов об улучшении быта помещичьих крестьян, негативно воспринявших основополагающие принципы будущих преобразований, могут быть предприняты действия, нацеленные на изменение «правительственных начал»¹⁶.

В конце 1860 г. в недрах министерства внутренних дел родился документ «Об учреждении в губерниях особых временных комиссий». Циркуляр был подписан С.С. Ланским 7 декабря 1860 г. и разослан по губерниям. Согласно циркуляру в связи с предстоящим освобождением крепостных крестьян и для проведения подготовительной работы на местах учрежда-

¹¹ Там же. Ф. 1180. Оп. XV. Д. 33. Л. 90–110.

¹² Там же. Ф. 982. Оп. 1. Д. 56. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 7.

¹⁴ Там же. Л. 11.

¹⁵ Там же. Л. 17.

¹⁶ Там же. Л. 18–19.

лись под председательством губернаторов особые временные комиссии¹⁷. В состав каждой комиссии, помимо губернатора, входили: губернский предводитель дворянства, управляющий палатой государственных имуществ, губернский прокурор, два члена от правительства, два члена из дворян-помещиков, избранных губернским и уездными предводителями дворянства. Комиссии было предоставлено право приглашать на свои заседания для обсуждения отдельных вопросов местных помещиков. Губернский комитет об улучшении быта помещичьих крестьян обязан был передать все дела временной комиссии «для предварительных распоряжений по предстоящему преобразованию быта помещичьих крестьян»¹⁸.

Последовательная и твердая позиция, которой С.С. Ланской в целом придерживался при разработке и осуществлении правительственного курса в крестьянском вопросе, получила высокую оценку Александра II. В императорском рескрипте от 1 сентября 1859 г. в связи с награждением министра внутренних дел алмазными знаками ордена святого Андрея Первозванного были отмечены «благоразумные действия по направлению губернских комитетов об улучшении быта помещичьих крестьян». Тем самым, по мнению Александра II, Ланской оказал «важную государственную услугу к успешнейшему ходу сего дела, столь близкого нашему сердцу»¹⁹. Особо отмечены были императором его заслуги в процессе подготовки крестьянской реформы в рескрипте от 23 апреля 1861 г. в связи с пожалованием С.С. Ланскому графского титула²⁰.

1. *Джанишев Г.А.* Эпоха Великих реформ. М., 2008. Т. 1.
2. *Захарова Л.Г.* Главный комитет по крестьянскому делу 1858–1861 гг. // Социально-экономическое развитие России. М., 1986.
3. *Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России, 1856–1861. М., 1984.
4. Конец крепостничества в России (документы, письма, мемуары, статьи). М., 1994.
5. *Соловьев Я.А.* Записки сенатора Я.А. Соловьева о крестьянском деле // Русская старина. 1882. Т. 30. Кн. 5.

¹⁷ Там же. Ф. 1291. Оп. 123, 1860 г. Д. 35. Л. 1–2.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 282. Л. 96.

²⁰ Там же. Ф. 982. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

«Следил, растил и вразумлял»: Д.Н. Анучин у истоков становления специальных исторических дисциплин

Специальные исторические дисциплины; историческая география; этнография; Московский университет; археологические съезды.

В статье рассматриваются некоторые аспекты деятельности профессора Московского университета Д.Н. Анучина. В качестве источника использованы документы Археологических съездов, депутатом которых на протяжении более четверти века был Д.Н. Анучин. Материалы съездов дают возможность для анализа научной и научно-организационной деятельности ученого, позволяют рассмотреть его вклад в развитие исторической географии, этнографии, а также истории славян в ранние исторические эпохи.

В 2018 г. выдающемуся русскому ученому, заслуженному профессору Московского университета Дмитрию Николаевичу Анучину исполнилось 175 лет. Этот юбилей по праву отмечали географы, антропологи и этнографы, историки и археологи. Именно в этих научных областях трудился Д.Н. Анучин, заслужив среди коллег репутацию «патриарха» [10]. Результатом его трудов стали многочисленные статьи, новые университетские курсы и учебники, создание Антропологического и Географического музеев Московского университета. По мнению исследователей, «широта научных интересов и работоспособность Анучина были поистине впечатляющими... Исследовательскую работу Анучин сочетал с обширной преподавательской и методической нагрузкой... активной экспедиционной деятельностью, колоссальной организационной, редакционно-издательской и популяризаторско-просветительской работой» [11, с. 4].

О заслугах Д.Н. Анучина писали уже его современники. Так, В.В. Богданов отмечал, что «...антропология, этнография, археология, география – эти четыре области науки у нас в России все молоды, все только-только что начинают жить, и можно без колебания сказать, что в их молодые годы за ними внимательно следил, их растил и много вразумлял Дмитрий Николаевич Анучин» [3, с. X]. А общество любителей естествознания, антропологии и этнографии в первых номерах «Русского Антропологического журнала» печатало статьи в его честь [7]. В современной историографии внимание к Д.Н. Анучину и его трудам устойчиво, специалисты разных областей знания читают его работы и пишут об этом удивительном человеке и ученом [1; 4; 5; 8; 9].

Научная и преподавательская деятельность Д.Н. Анучина была связана с Московским университетом, где он последовательно занимал должность доцента, а затем профессора по кафедрам антропологии, географии и этнографии. На кафедре географии и этнографии Анучин читал с 1886 г. «древнюю» (историческую) географию, с 1887 г. курс географии России. В 1888 г. он впервые в отечественных университе-

¹ Петрова Ольга Сереевна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., olgaspetrova@mail@ru.

тах начал читать систематический курс этнографии России. За многочисленные исследования в области антропологии, географии и этнографии совет Московского университета в 1889 г. возвел Д.Н. Анучина в звание доктора географии *honoris causa*.

Археология, как наука о древностях, не могла не заинтересовать Д.Н. Анучина, который предпринял деятельное участие в работе Археологических съездов (1869–1911), организованных Московским археологическим обществом. Каждый из пятнадцати съездов был узловым событием для формирования определенных отраслей исторической науки, оформления новых научных центров и направлений. Круг вопросов, рассматривавшихся на съездах, был велик. Это связано с тем, что археология в то время понималась расширительно, археологию, как науку о древностях, по мнению ученых второй половины XIX в., отличала «беспредельность содержания» [6, с. 4]. К.Н. Бестужев-Рюмин говорил об археологии, как об учении о древностях, которое «должно обнимать весь круг памятников, оставшихся от древнейшей жизни... Все остальные знания, так называемые вспомогательные науки истории, суть часть археологии» [2, с. 14]. Д.Н. Анучин смог на археологических съездах не только представить научному сообществу результаты своих исследований, которые всегда находились на стыке нескольких дисциплин, но и обогатиться новыми идеями, расширить диапазон своих изысканий.

Д.Н. Анучин был депутатом одиннадцати съездов, впервые приехав на V съезд в Тифлис в 1881 г. Поскольку съезды носили регулярный характер, собирались каждые 3 года, то нетрудно определить, что деятельное участие Д.Н. Анучина в этих форумах не прекращалось на протяжении более тридцати лет. Он выступал в докладах и сообщениях, занимал ответственные посты, в частности, председателя отделения первобытных древностей, почетного председателя отделения историко-географических и этнографических древностей, входил в Совет съездов, был членом Редакционного комитета, а на VIII съезде он был избран председателем Ученого комитета. Можно утверждать, что Д.Н. Анучин был одним из организаторов работы этих представительных форумов.

Материалы съездов дают возможность для анализа научной и научно-организационной деятельности Д.Н. Анучина, позволяют рассмотреть вклад ученого в развитие географии, этнографии, антропологии, а также истории славян в ранние исторические эпохи. Следует отметить, что Д.Н. Анучин никогда не противопоставлял естественнонаучный подход подходу историческому. Изучая первобытную историю, ученый уделял внимание вопросам эволюции человека не только как биологического вида, как было принято в среде антропологов, но и наряду с этим учитывал влияние социальных причин, обращал внимание на этнокультурные аспекты развития человеческого общества. В этом смысле доклад Д.Н. Анучина «О культурных влияниях на доисторической почве России» (VIII съезд) [14] опережал многие современные ему концепции. По мнению И.Е. Забелина, именно в данный период «при помощи общих антропологических идей... возникает... особый отдел антропологического

знания в так называемой истории человеческой культуры... Раскрытие и объяснение общих законов природы человека, общих законов его мысли и дел» – вот задача, которая была сформулирована И.Е. Забелиным» [6, с. 6] и реализована Д.Н. Анучиным.

Будучи профессором кафедры географии и этнографии ученый читал курсы древней географии, географии и этнографии России, истории землеведения. Также как и раньше в его работах по географии систематически привлекались этнографические, антропологические и археологические данные. По мнению современных этнографов, Д.Н. Анучин сумел органически сочетать эти науки, создав «совершенно самостоятельную школу... которая была базирована на естественнонаучном фундаменте, но сочеталась... с глубоко понимаемым историзмом» [12, с. 173–174].

Следует отметить вклад Д.Н. Анучина в становлении исторической географии и этнографии. Для разработки вопросов исторической географии и этнографии было создано особое отделение «Историко-географических и этнографических древностей», задачи которого были определены Д.Н. Анучиным следующим образом: «отделение... должно заниматься разрешением... высших вопросов археологии, вопросов о тех народностях, к которым принадлежат памятники, и о развитии их культуры» [13, с. 44]. Сочетание в рамках одного отделения вопросов исторической географии и этнографии отражало состояние науки во второй половине XIX в. В этом соединении проявлялась нерасчлененность научных направлений, которая определялась единством их предметности, исследовательской практики. Однако такого рода интеграция, обеспечивавшая расширение содержания, укрепление междисциплинарных связей исторической географии и этнографии, в то же время намечала процесс дифференциации и постепенного обособления каждой из них.

Исторической этнографии были посвящены доклады, сделанные Д.Н. Анучиным на съездах – «О культурных влияниях на доисторической почве России» (VIII съезд), «К вопросу о дивных людях» (VIII съезд), «К истории ознакомления с Сибирью до Ермака» (VIII съезд), где исследована древнерусская рукопись XV–XVIII вв. «Сказание о человецех незнаемых». Материал этого доклада лег в основу будущей статьи Д.Н. Анучина «Город Мангазья и Мунгазейская земля», опубликованной в журнале «Землеведение» в 1903 г.

С проблемами исторической географии России были связаны экспедиции Д.Н. Анучина в Дагестан, на Урал, Тургайскую область, на Валдай, в Смоленск, Екатеринослав и др. Результаты поездок нашли отражение в отчетах и сообщениях, сделанных на съездах, и в статьях, опубликованных в изданиях Московского Археологического общества. Немало ценных наблюдений, фактических сведений, исследовательских соображений можно найти в трудах Д.Н. Анучина.

Заслуживает внимания выступление Д.Н. Анучина с докладом о древнейших иностранных картах Сибири, сделанном им на VIII съезде. Данная работа представляет важное значение для изучения формирования источниковой базы исследований в области исторической географии.

Об интересе к картографическим материалам, желании развивать данную проблематику, говорит предложение Д.Н. Анучиным для обсуждения на XV съезде вопроса «Новгород и Новгородская земля по старым иностранным картам».

Благодаря деятельности профессора Московского университета Д.Н. Анучина, в частности его участию в Археологических съездах, объединивших широкие круги исследователей, были поставлены новые исследовательские задачи и привлечены молодые силы к участию в разработке проблем таких научных направлений, как антропология, география и этнография.

Однако, как отмечали современники, «он не ушел от жизни в академии, он не заперся в свой профессорский кабинет, чтобы там систематически разрабатывать излюбленные им научные вопросы, он все время был в интеллигентной толпе, в среде людей, жаждавших его помощи, руководства, советов, авторитетных знаний, и он просвещал эту толпу, работал с ней и учил ее работать» [3, с. X].

1. *Берг Л.С.* Д.Н. Анучин (1843–1923) // Очерки по истории русских географических открытий. М.; Л., 1949.
2. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. СПб., 1872. Т. 1.
3. *Богданов В.В.* Дмитрий Николаевич Анучин: (ко дню 70-летия его рождения 27-го августа 1913 года). М., 1913.
4. *Волков В.А., Куликова М.В.* Московские профессора XVIII – начала XX веков. Естественные и технические науки. М., 2003.
5. *Есаков В.А.* Д.Н. Анучин и создание русской университетской географической школы. М., 1955.
6. *Забелин И.Е.* В чем заключаются основные задачи археологии, как самостоятельной науки? // Труды Третьего Археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года. Киев, 1878. Т. 1.
7. *Ивановский А.А.* Д.Н. Анучин // Русский Антропологический Журнал. 1900. № 1.
8. *Карпов Г.В.* Д.Н. Анучин. М., 1954.
9. *Левин М.Г.* Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923) // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. I. Памяти Д.Н. Анучина (1843–1923). М.; Л., 1947.
10. *Максимов А.Н.* «Разбросанность» в науке // Русские ведомости. 1913. № 197.
11. *Соловей Т.Д.* Институционализация науки в Московском университете (Жизнь и труды Д.Н. Анучина в контексте эпохи) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2003. № 6.
12. *Токарев С.А.* Основные этапы развития русской дореволюционной и советской этнографии // Советская этнография. 1951. № 2.
13. Труды Седьмого Археологического съезда в Ярославле. 1887 / Под ред. гр. Уваровой. М., 1890. Т. 1.
14. Труды Восьмого Археологического съезда в Москве. 1890. СПб., 1892. Т. 1.

Научное наследие Л.В. Милова в контексте Environmental history / Истории окружающей среды / Экологической истории

Environmental history; история окружающей среды; экологическая история; историография.

Научное наследие Л.В. Милова принадлежит к влиятельному направлению в мировой историографии – Environmental history, или Истории окружающей среды. Ее русский аналог, выраженный в термине «экологическая история», не соответствует масштабным междисциплинарным исследованиям, ведущимся в России в области исторических взаимоотношений человека, общества, государства и окружающей природной среды. В статье предлагается ввести в практику обозначение соответствующего направления в российской историографии как «история окружающей среды», совпадающего терминологически и содержательно с общепризнанной в мировом научном сообществе «environmental history».

Л.В. Милов принадлежал к многочисленной группе историков, философов, социологов, представителей естественных наук, а шире, тех зарубежных и отечественных мыслителей разных поколений, кто были убеждены в могучей роли природно-географического фактора, влияющего на судьбы людей, определяющего существенное содержание и направленность социально-экономических, этнополитических и культурных явлений и событий в мире. Естественно, что на каждом витке исторического развития и на различных, отличавшихся климатическим и природным разнообразием территориях эта роль изменялась, иногда разительно.

Мировая историографическая практика, корни которой обнаруживаются в глубокой древности, расширялась, распространяясь на всю окружающую человека природную среду и ее изменение, включающее физическое воздействие на человеческие общества земель, воды, атмосферы, биосферы. Изучались процессы использования людьми природных ресурсов, в том числе анализ последствий увеличения численности населения, промышленных и технологических революций, колониальных экспансий, изменений структуры производства и потребления. Особое место заняло осмысление образов природы в литературе и искусстве, религии и науке. Значение солидарного изучения взаимодействия человека и природы по времени естественными и гуманитарными науками становилась очевидной.

По мере подчинения окружающей среды человеку его зависимость или от «родной матери», или «мачехи-природы» ослабевала (С.М. Соловьев). И так вплоть до наших дней, до осознания необходимости защиты природы от ставшего во многих проявлениях весьма агрессивным антропогенного фактора.

У Дж. П. Марша, которого принято относить к первым защитникам окружающей среды, проблема «Человек и Природа» изначально носила и регионально ограниченный, и всеобщий, всечеловеческий характер [1].

¹ Дурновцев Валерий Иванович, РГГУ (РФ, Москва), д.и.н.,
vdurnovcev@gmail.com.

Точно так же в русской историографии, начиная, пожалуй, с С.М. Соловьева, природные условия жизнедеятельности людей рассматривались и на локальном, и на всемирно-историческом уровне, в контексте органического, взаимообусловленного взаимодействия человека, общества, государства и природы. На материале русской истории С.М. Соловьев высказал идею об основных факторах общественного развития – «природы страны», «природы племени» и «хода внешних событий», которые затем последовательно и взаимосвязанно исследовал, привлекая данные исторической науки, географии, этнографии в границах всеобщей истории [5; 6].

Список российских ученых, обращавшихся к природным корням социального развития, слишком велик даже для простого перечисления. Но он заметно сужается, когда речь заходит об исследователях, которые обнаружили «четкие контуры существенного влияния природно-климатического фактора на российский исторический процесс» [3, с. 5] в результате тщательного и всестороннего изучения конкретных данных, т.е. были учеными историками в полном смысле слова. И тут наш современник, академик Леонид Васильевич Милов, занимает одно из первых мест.

Многогранность научного облика Л.В. Милова – факт общеизвестный. Но если ввести наследие ученого, прежде всего «Великорусского пахаря...», в современный мировой историографический контекст, то очевидной станет его неразрывная связь с бурно развивающимся в последние десятилетия направлением в системе исторических наук – Environmental history, т. е. Истории окружающей среды.

Случилось так, что за как будто не допускающим вольного толкования Environmental history закрепился далеко не бесспорный аналог на русском языке – Экологическая история. А в некоторых случаях даже «историческая экология» [1].

Но нам не кажутся убедительными противоречивые аргументы в пользу термина «экологическая история» в русской версии и фактическом отказе от применения общепринятого в европейских языках термина. «Environmental history» соответствует реальным и методологически оправданным в современном научном знании процессам «историзации природы». Она развивается в исторической науке «на равных» с экономической, политической, социальной, культурной историей. Исследовательское пространство истории окружающей среды не сводимо к вопросам ее защиты, к экологической проблематике. Терминологически и содержательно «environmental history» явно богаче экологической истории.

Ряд российских исследователей, отправляясь от впервые заявленного в американской, а затем в европейской историографии научного направления, изучающего историю взаимодействия человека и природы во времени, выбравшие темами своих научных занятий именно историю окружающей среды, без каких-то видимых сомнений признали ее как «экологическую историю». Точно так же стали поступать переводчики текстов зарубежных авторов по истории окружающей среды, опубликованных в России. Впрочем, не всегда. Скажем, название одного из обстоятельных трудов, переведенных на русский язык, соответствует сложившейся терминологии [4].

Впрочем, исследования российской истории окружающей среды, опубликованные российскими и западными авторами в соавторстве и увидевшие свет за рубежом, имеют названия, соответствующие международной практике [8].

Но что поделаешь: термин «экологическая история» изобретен, стал привычным, придется с ним жить. Во всяком случае до поры до времени. Например, когда, в конце концов, станет понятно, что изучение человеческой истории под углом зрения биологической науки в некотором отношении такой же оксюморон, как и освоение исторической реальности исключительно с точки зрения рационального использования природных ресурсов – сферы прикладной экологии.

Или, когда адептам вступившую в полную силу российской экологической истории станет тесно в прокрустовом ложе обязывающего «ответствовать» понятию, отражающее только одну, хотя и важную сторону защиты окружающей среды.

Или, когда российские исследователи окружающей среды, а их количество несопоставимо с «экоисториками», сочтут целесообразным сопоставить свою деятельность с международной практикой.

Или, когда слишком заметной станет абсурдность изучения, например, ключевого фактора истории России, страны, которая колонизируется, как феномена экологической истории. И очевидность того, что тексты по исторической географии России от Н.П. Барсова до В.К. Яцунского и А.В. Дулова являются вовсе не компонентами экологической истории, а предвестниками именно истории окружающей среды в системе исторических наук. И в этом длинном списке будут и «горные вершины» русской историографии и естествознания, и выдающиеся ученые историки советской эпохи, и наши выдающиеся современники.

Активное применение термина «экологическая история», особенно без необходимого уточнения, может негативно сказаться, а по нашему мнению, уже сказывается, на существе дела. Термин жестко привязан к экологии. Он явно сужает исследовательское пространство, низводит историю окружающей среды до экологической истории, а на языке естественных наук до истории популяций, биоценозов, экосистем, биосферы. Короче, как кто-то заметил ядовито, сводит историю человечества до истории червяков.

Кстати, по наблюдениям Peter Szabo, проследившим применение термина «историческая экология», т.е. «historical ecology» за 65 лет (с 1948 по 2013 г.) в англоязычной историографии термины «ecological history» и «historical ecology» были взаимозаменяемыми [9;10].

Таким образом, произошедшая подмена названия научного направления, вошедшего в мировую историографию как «environmental history», как «история окружающей среды», его русской версией «экологическая история», во-первых, сужает исследовательское пространство историков, в том числе в ретроспективном аспекте, во-вторых, порождает постоянную путаницу между «исторической экологией» и «экологической историей», в-третьих, в массовом сознании и даже в кругах продвинутой научной общественности объективно прочнее связывает «экологи-

ческую историю» с экологией, чем с дисциплинами и направлениями в системе исторических наук.

Материальная, политическая и культурная история образовали исследовательское пространство истории окружающей среды, которое, в свою очередь, стало условием качественного глобального изучения социоприродной динамики, с одной стороны, и стимулом локальных многосторонних исследований, с другой.

Один из авторитетных историков окружающей среды Дональд Хьюз предлагает рассматривать «environmental history» в трех измерениях [11]. Первое – континуум культуры-природы. Второе – континуум между историей и наукой. Третье – континуум времени и пространства. «Три измерения истории окружающей среды» – это приглашение к широкой дискуссии по методологическим, источниковедческим, историографическим и терминологическим проблемам, ничуть не уступающим многовековым спорам в «традиционной» историографии.

1. Историческая экология и историческая демография. Сб. научных статей / Под ред. Ю.А. Полякова. М., 2003.
2. *Марш Дж. П.* Человек и природа, или О влиянии человека на изменение физико-географических условий природы. СПб., 1866.
3. *Милов Л.В.* Предисловие // История России с древнейших времен до конца XVII века. М., 2009.
4. *Радкау Й.* Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М., 2014.
5. *Соловьев С.М.* Курс новой истории. М., 1969.
6. *Соловьев С.М.* Собрание сочинений. СПб., б.г.
7. Человек и природа: экологическая история. СПб., 2008.
8. *Josephson P., Dronin N., Mnatsakanian C.A., Efremenko D., Larin V.* An Environmental History of Russia. Cambridge, 2013.
9. Historical ecology: past, present and future // www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5424069/ (дата обращения 23.07.2018).
10. *Whitehead N.L.* Ecological history and historical ecology: diachronic modeling versus historical explanation // *Balée W, ed.* Advances in Historical Ecology. New York, 1998.
11. *Hughes J. Donald.* Three Dimensions of Environmental History // Environment and History. 2008. № 14.

Н.В. Козлова¹

**Научная школа профессора Нины Борисовны Голиковой
в современных исследованиях по социальной истории
русского города раннего Нового времени**

Научная школа; ученый; социальная история; источники; методы исследования; город; купечество.

В статье прослеживается становление научной школы профессора МГУ имени М.В. Ломоносова Н.Б. Голиковой, преемственность и эволюция принципов и тематики исследований социальной истории русского города раннего Нового времени в условиях нового методологического пространства.

¹ Козлова Наталья Вадимовна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), д.и.н., kozlova.n.v.i@gmail.com.

Создание научной школы ученого связывается с его собственными научными трудами и с наличием учеников-последователей, не просто работающих в русле проблематики своего учителя, но следующих основополагающим принципам его научного творчества.

Становление научной школы Н.Б. Голиковой, признанного специалиста и одного из ведущих отечественных исследователей русского города петровского времени, происходило на протяжении 1960–1980-х гг. В это время Нина Борисовна, профессор кафедры истории СССР периода феодализма исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, публикует 4 монографии [7; 5; 4; 6], а ее многочисленные ученики начинают проявлять себя на научном поприще. Первые пять дипломных работ, написанных под ее руководством, были защищены в 1960 г. Среди первых дипломированных специалистов, выпущенных Ниной Борисовной, была Галина Сербинова, ныне хорошо известная как д.и.н, профессор Галина Александровна Леонтьева. И в дальнейшем вплоть до 1983 г. через спецсеминар Н.Б. Голиковой прошло 40 студентов. 10 из них в дальнейшем стали кандидатами и докторами исторических наук, большинство остались в профессии, работают в вузах, научных учреждениях, музеях, библиотеках. Характерно, что все ученики дарили своему учителю экземпляр дипломной работы, а Нина Борисовна до конца жизни хранила их, хотя это требовало отдельного шкафа, так как не только количество, но и объем большинства из них далеко превышал 100 страниц, а у иных был в два раза больше (например, работа В.А. Ковригиной «Нравы придворного дворянства Петровского времени» 1970 г. насчитывала 262 с.). В разнообразии тематики при цельности основных направлений, в рамках которых разрабатывались темы дипломных работ, каждый может убедиться, обратившись к описи научного архива Голиковой, сданного на хранение в РГАДА². Сама опись опубликована в виде приложения к посмертно изданной монографии Нины Борисовны, подготовленной к публикации ее учениками [8, с. 291–307].

Стоит обратить внимание на характерную черту абсолютно всех тем дипломных работ, разрабатываемых в рамках спецсеминара Нины Борисовны. Все они ориентированы на создание самостоятельных научных исследований, а потому по умолчанию предполагали наличие новизны и актуальности, что требовало освоения значительных комплексов и пластов новых источников. Не случайно для многих выпускников проблемы, заданные учителем, в дальнейшем на многие годы определили область их научного творчества. К примеру, дипломная работа Сербиновой (Леонтьевой) Г.А. «Первые русские экспедиции на Амур» (1960, 133 с.) определила направление трех будущих монографий о землепроходцах и служилых людях Восточной Сибири и Дальнего Востока. Дипломная работа Никитина Н.И. «К истории военно-служилых людей Тобольского уезда в первой половине XVII в.» (1970, 270 с.) стала первой в ряду его многочисленных трудов по истории колонизации и хозяйственного освоения Сибири. Работа Французовой Е.Б. «Отказные книги Костромского уезда (1642–1651) как источник по истории поместно-вотчинного зем-

² РГАДА. Ф. 1500. Оп. 1.

левладения» (1972, 124 с.), заложила основы устойчивого интереса автора к историко-географической тематике, реализованного в серии статей и научных публикаций источников. А работа Николаевой М.В. «Строительное дело и его организация в первой четверти XVIII в.» (1978, 175 с.) предопределила впоследствии появление серии фундаментальных изданий, в основе которых лежали подрядные записи. Этот список можно продолжать долго.

Для научного творчества Н.Б. Голиковой характерно разнообразие тем и сюжетов социально-экономической и политической истории России XVII–XVIII вв. Они охватывают историю государственных учреждений и политического сыска, сословий и народных движений, присоединения и освоения Сибири, среднеазиатских территорий и Приаралья. Однако главным направлением ее исследований была история русского города и купечества. Причем интерес к социально-экономической тематике применительно к городу проявлялся не только в изучении социально-экономических процессов и явлений, типа торговых связей, наемного труда, кредитных операций, что было характерно для историографии 70-х гг. XX в., выясняющей предпосылки генезиса капитализма, условия формирования всероссийского рынка и первоначального накопления. В еще большей степени ученого интересовала социальная жизнь русского города. Она рассматривалась через характеристику социального статуса, правового и хозяйственного положения различных групп городского населения.

В западной историографии в послевоенные десятилетия социальная история стала ведущей исторической дисциплиной. Основным вектор исследований был направлен на изучение социальной структуры, через анализ которой стремились понять устройство общества, механизм его функционирования. Причем в советской историографии социальная структура общества изучалась и нередко продолжает изучаться в дефинициях и основных конструкциях, предложенных государственной властью через законодательные установления. В итоге внимание исследователей сосредоточивалось на рассмотрении основных социальных групп, и в первую очередь, крестьянства во всех его категориях, рабочих людей, в меньшей степени дворянства и купечества.

На современном же этапе в рамках так называемой «новой социальной истории» обращено внимание на то, что в реальности социальная структура населения была более сложной и подвижной, чем она представляется в законодательстве и официальной документации. Это побуждает обратить внимание на изучение страт, которые прежде оставались в тени, и наличие которых не всегда задавалось и регулировалось государственной властью. Правда, еще в советское время, и именно в работах Н.Б. Голиковой, исследовались более мелкие социальные группы, возникновение и исчезновение которых происходило в результате структурных социальных изменений [4; 5; 6]. В них внимание сосредоточено на самых мелких, постоянно видоизменяющихся под воздействием общих социально-экономических и политических процессов группах городских жителей. В их числе приборные люди городских гарнизонов, записные ремесленники, казенные садовые мастера и рыбные ловцы, конюхи и птичники, ворот-

ники, разнообразные по составу церковные люди, обслуживавшие нужды митрополичьего дома, а также кабальные холопы, наконец, пестрые в своем составе разночинцы (отставные казенные и записные ремесленники, выбывшие из оклада сироты, отпущенные на волю холопы, «выходцы из полона» и пр.). То есть еще до прочтения социальной истории сквозь призму антропологического подхода Нина Борисовна обращала внимание на существование социальных групп, плохо вписывающихся в строго регламентированную классовую структуру, но подчас игравших весьма активную социальную роль.

В новейшей историографии это направление уже в русле «новой социальной истории» и свойственных ей методов и подходов разрабатывается особенно активно. Значительным стимулом для этого стала публикация в 2002 г. русского перевода книги американского историка Элис Виртшафтер «Социальные структуры: разночинцы в Российской империи» [3]. В монографии показаны разные ракурсы определения разночинцев: то, как они определялись властью в законодательных актах, а также в литературных и публицистических текстах; какими средствами происходила их самоидентификация, и как они обозначались представителями других групп общества. Наличие группы разночинцев в социальной структуре общества при изменчивости ее состава и содержания термина, ее обозначающего, является показателем сложности и подвижности социальной структуры российского общества. В рамках научной школы Голиковой изучение городских групп разночинцев было продолжено Н.В. Козловой. На основе разнообразных крепостных записей (жилых, рядных, сговорных, духовных) ею исследовано положение отдельных групп дворовых людей, обитавших в домах жителей Москвы петровского времени: рассмотрен характер деловой активности, правовое и имущественное положение, связи и отношения тех «людей боярских», кто в источниках обозначался термином «человек» и «послуживец» [22; 24]. В итоге исследовательница пришла к заключению, что лица, находившиеся в услужении в частных домах, составляли достаточно сложившуюся группу, занимавшую определенное место в общественной среде. Оно характеризовалось устойчивыми связями и отношениями делового и матримониального характера не только внутри этой группы, но и за ее пределами.

Апробирование новых методик и подходов к изучению исторического прошлого позволило значительно расширить тематику исследований, в первую очередь, за счет обращения к антропологически ориентированному изучению человека в его жизненном пространстве, будь то семья, городская усадьба, монастырь или богадельня [26].

Для всех научных трудов Н.Б. Голиковой характерна еще одна особенность, сближающая их с современными исследованиями по социальной истории, они «населены» людьми. Это позволяло ей при разработке сложнейших социальных процессов, будь то развитие внутреннего рынка, выяснение природы наемного труда или характера социальных движений, видеть конкретных людей, с их неповторимыми судьбами, устремлениями и поступками, а у читателя появляется возможность почувствовать колорит эпохи и конкретного события. И, напротив, при из-

ложении, казалось бы, камерного сюжета, связанного с частным эпизодом жизни конкретного лица, каким, например, был английский купец Роман Хогг, отправившийся к берегам Аральского моря в начале 1740-х гг., или прибывший из Англии на торговом корабле в Архангельск в конце XVII в. голландец Яков Янсен, Нина Борисовна виртуозно вписывала этот сюжет в общеисторический контекст, раскрывая его новые грани. Такой органичный переход от микро- к макроистории для иных современных поклонников казуальных сюжетов порой оказывается недоступным и рождает сомнение в возможности подобных переходов.

Камерные сюжеты и исторические зарисовки не чужды исследователям школы Голиковой [13; 17; 18; 20; 24; 27; 31]. Но все же для них более характерна работа с большими массивами исторических материалов, нередко формируемых в результате значительных поисковых усилий. В одних случаях они претворялись в масштабные научные публикации (Л.А. Тимошина, Н.В. Козлова, М.В. Николаева) [2; 9; 11; 14; 32; 37], в других реализовались в словарном жанре, вбирающем тысячи биографий архитекторов и мастеров, живописцев и иконописцев Москвы нескольких столетий (М.В. Николаева) [33; 36], или воплощались в исследованиях крупных научных проблем (В.Н. Захаров, В.А. Ковригина, Н.В. Козлова) [12; 19; 26; 39].

Наполнение современных исследований самыми обычными людьми, ставшими историческими персонажами, рождает стремление к реконструкции круга общения лиц разного социального статуса и положения. Подобные наблюдения помогают понять природу разнообразных связей между людьми ушедших эпох. Их изучение в современной историографии рассматривается как необходимое условие познания различных проявлений социальной жизни прошлого. Благодаря такой реконструкции появляется возможность представить конкретное лицо не изолированно, а в персонализированной среде обитания, в рамках некоего локального сообщества. Но чтобы реализовать такую возможность, необходимы источники, позволяющие сделать это. В настоящее время имеются удачные опыты изучения разнообразных конфигураций локальных социальных групп. Они базируются на источниках, в своей совокупности фиксировавшие масштаб и характер разнообразных связей и отношений, формировавшихся на протяжении жизни и деятельности, как отдельного человека, так и группы лиц, связанных разными узами. Это и источники личного происхождения, как у Д. Рэнсела (дневник купца г. Дмитрова Ивана Толченова XVIII в.) [40], и судебные дела, и метрические книги, как у Э.К. Виртшафтер [3], и книги протеста векселей, как у А.Б. Каменского [15]. Большой потенциал, пока не задействованный, для реконструкции личной среды обитания и характеристики связей и отношений, существовавших внутри локальных сообществ, имеют крепостные записи частнопрововых актов и, в частности, уже опубликованные записи свадебных актов и духовных завещаний купцов, разночинцев и дворян XVIII в. [9; 11].

Источники пополнения гостей и гостиной сотни, рассмотренные в фундаментальном исследовании Н.Б. Голиковой об этих привилегированных корпорациях, позволили показать, что между членами обеих корпо-

раций существовали тесные и крепкие связи. Они питались не только общими сословными и деловыми интересами, но и очень тесными родственными отношениями. Эти связи не только во многом определяли особенность роста корпораций гостей и гостинной сотни, но и проявлялись в организации единых семейных хозяйств и в формировании купеческих фирм, сохранявшихся на протяжении нескольких поколений. Установление факта их длительного функционирования весьма важно для решения вопроса об устойчивости купеческих хозяйств.

Подобные наблюдения ученого оказались весьма созвучными современным подходам к изучению деловой активности российских предпринимателей раннего Нового времени. При выяснении факторов устойчивости купеческих, в том числе промышленных династий в России, исходя из принципов «новой» (антропологически ориентированной) социальной истории и вытекающих из них методов персональной истории, социальных сетей («network theory») и локальных сообществ, акцентируется внимание на роли семейных и родственных связей в формировании партнерских отношений. Значение брачных связей и состава семей тех, кто закладывал основы фамильного «дела», а также их потомков и наследников для стабильности купеческих родов отмечалось и раньше [1, с. 75–84, 124–138]. Однако введение в научный оборот уникальных комплексов деловой и частной переписки великоустюгских и красноярских купцов конца XVIII – первой четверти XIX в. впервые позволило показать средства, методы и способы деловой коммуникации и реальные практики, используемые купечеством для организации своей торговой деятельности [29; 30].

Созданный Н.Б. Голиковой масштабный в своем воплощении социальный портрет купеческой элиты России конца XVI – первой четверти XVIII в. сориентировал современных ученых на поиск новых средств и возможностей придания ему дополнительных красок с использованием методов исторической биографии. Это достигается за счет расширения круга известий о биографии и чертах личности отдельных представителей привилегированной верхушки купечества. Изучается их служебная карьера и связи в правящей придворной среде [34; 35], торгово-предпринимательская деятельность и возникавшие в ходе нее связи и деловые контакты [21; 22; 38].

Обладая широкой эрудицией, глубокой теоретической и профессиональной подготовкой, великолепно зная архивы, Нина Борисовна и своим ученикам сумела передать стремление к постоянному общению с подлинным источником, особенное, трепетное отношение к нему, превращающие архивный поиск в увлекательнейший творческий процесс. Любовь к первоисточнику, желание через всю совокупность фактического материала и его осмысление проникнуть в суть изучаемых явлений, восстановить конкретные реалии исторической обстановки, фундаментальность источниковой базы, тщательность и весомость аргументации являются основополагающими принципами научной школы Н.Б. Голиковой. В числе ее представителей доктора исторических наук профессор Н.В. Козлова, В.Н. Захаров, В.М. Соловьев, кандидаты исторических

наук В.А. Ковригина, М.В. Николаева, И.Ю. Айрапетян, Т.Б. Соловьева, Л.А. Тимошина, безвременно ушедшая В.Р. Тарловская; многие другие питомцы школы Нины Борисовны, работающие в академических институтах, музеях, архивах и библиотеках. Выросло и новое поколение – «научные внуки» Голиковой, ученики ее учеников, разрабатывающие историю русского города, купечества, политических институтов и социальной жизни, Н. В. Козловой – М.В. Брянцев, Н.А. Четырина, М.В. Ворожбитова, О.В. Фомина, Е.Н. Наседкин, Я.И. Ларина, И.А. Масленникова, М.В. Мальцева (Гузакова); В.Н. Захарова – Д.В. Тараканов, В.П. Сидорова, Ю.А. Пospelова, О.В. Ларюшкин.

Следуя основополагающим принципам научного творчества своего учителя, ученики и «научные внуки» в своих работах по социальной истории русского города реализуют два основополагающих условия развития исторической науки. Первое связано с выявлением и введением в научный оборот больших комплексов новых источников, в том числе и за счет их научной публикации, и второе определяется использованием современных методов и подходов при изучении тех или иных проблем. Разнообразие методов исторического исследования, их познавательная эффективность являются наиболее динамичным компонентом науки, они обеспечивают ее движение и отражают уровень развития [16]. Однако, хорошо известно, что сам по себе метод не гарантирует получение нового исторического знания. Это становится возможным только при соединении добротной источниковой базы, адекватности применяемых в соответствии с ее характером и поставленными задачами методов исследования и профессиональными знаниями, умением, научной добросовестностью самого исследователя, к тому же обладающего и особым на чувственном уровне пониманием времени.

1. *Аксенов А.И.* Генеалогия московского купечества XVIII в. (Из истории формирования русской буржуазии). М., 1988.
2. Архив гостей Панкратьевых XVII – начала XVIII в. Т. 1–4 / Сост. Л.А. Тимошина. М., 2001–2013.
3. *Виртуафтер Э.К.* Социальные структуры: разночинцы в Российской империи / Под ред. А.Б. Каменского. Пер. с англ. Т.П. Вечериной. М., 2002.
4. *Голикова Н.Б.* Астраханское восстание 1705–1706 гг. М., 1975.
5. *Голикова Н.Б.* Наемный труд в городах Поволжья в первой четверти XVIII в. М., 1965.
6. *Голикова Н.Б.* Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М., 1982.
7. *Голикова Н.Б.* Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. М., 1957.
8. *Голикова Н.Б.* Привилегированное купечество в структуре русского общества в XVI – первой четверти XVIII в. Из научного наследия / Сост. Н.В. Козлова, В.Н. Захаров, И.Е. Тришкан. М.; СПб., 2012.
9. Городская семья XVIII в. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Сост., вводная ст. и комм. Н.В. Козловой. М., 2002.
10. *Гузакова М.В.* «Описание торговых обстоятельств»: семейное партнерство в торговой деятельности купеческой семьи в конце XVIII – первой четверти XIX в. // Российская история. 2017. № 4.
11. Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени / Сост., очерки и комм. Н.В. Козловой и А.Ю. Прокофьевой. М., 2015.

12. *Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. М., 2005.
13. *Захаров В.Н.* «Наши суда, отправленные в Архангельск... были задержаны королевскими властями». Из фондов Государственного архива Гамбурга. 1703 г. // Исторический архив. 2012. № 6.
14. Иконописцы и живописцы Оружейной палаты. 1630–1690-е годы. Сборник документов / Сост. М.В. Николаева. М., 2012.
15. *Каменский А.Б.* Россия в XVIII столетии. Общество и память. Исследования по социальной истории и исторической памяти. СПб., 2017.
16. *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М., 2003.
17. *Ковригина В.А.* «...За многую службу и за кровь и смерть отца моего...» (о судьбе француза, уроженца и жителя Москвы петровского времени) // Петровское время в лицах – 2016. Труды Гос. Эрмитажа. Т. 83. СПб., 2016.
18. *Ковригина В.А.* Из жизни часового мастера и «московского иноземца» Я.А. Гассениуса // Петровское время в лицах – 2008. Труды Гос. Эрмитажа. Материалы научной конференции. Т. 43. СПб., 2008.
19. *Ковригина В.А.* Немецкая слобода Москвы и ее жители конца XVII – первой четверти XVIII вв. М., 1998.
20. *Ковригина В.А.* «...Швейцарец, базельский уроженец, золотых дел мастер, по имени Густав...» // Петровское время в лицах – 2018. Труды Гос. Эрмитажа. Материалы научной конференции. Т. 93. СПб., 2018.
21. *Козлова Н.В.* Гость, дьяк К.С. Борин и Гостиной сотни Н.Г. Аристов – первые отечественные купцы-металлозаводчики // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Сборник материалов Третьей международной научной конференции (г. Коломна, 24–26 сентября 2013 г.). Т. 1: XVI–XVIII вв. Коломна, 2015.
22. *Козлова Н.В.* Гость, дьяк, металлозаводчик Кузьма Семенович Борин и его потомки: к вопросу об устойчивости промышленных династий в России петровского времени // Российская история. 2014. № 4.
23. *Козлова Н.В.* «И всякая служня работа работать...»: «послуживцы» в домах жителей Москвы первой четверти XVIII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2017. Вып. 5.
24. *Козлова Н.В.* «И то учинила невестка...»: один семейный конфликт петровского времени сквозь призму гендера // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2013. № 4.
25. *Козлова Н.В.* Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века. М., 2010.
26. *Козлова Н.В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е – начало 60-х годов. М., 1999.
27. *Козлова Н.В.* «Учинила она, Анна, наследником сына нашего Евграфа...»: неизвестные документы В.Н. Татищева // Исторический архив. 2013. № 6.
28. *Козлова Н.В.* «Человек ево, который за дела ходит...»: «люди боярские» в домах московских дворян петровского времени // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2015. Вып. 4.
29. *Комлева Е.В.* Из наследия красноярских купцов Ларионовых. Вып. 1: Письма конца XVIII – первой трети XIX в. / Отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск, 2016.
30. *Комлева Е.В.* Эпистолярное наследие красноярских купцов Ларионовых как источник по изучению коммуникативной культуры и менталитета сибирского купечества (конец XVIII – первая половина XIX в.) // Вопросы эволюции информационной среды и коммуникативной культуры сибирского города XVII–XIX веков: сб. науч. тр. Новосибирск, 2008.
31. *Николаева М.В.* Иконописцы и живописцы Оружейной палаты XVII века: быт и нравы // Уваровские чтения–IX: Досуг в столице и провинции: материалы всероссийской научной конференции. Муром, 22–24 апреля 2014 г. Муром; Владимир, 2014.

32. Николаева М.В. Санкт-Петербург Петра I: история дворовладений – застройка и застройщики. М., 2014.
33. Николаева М.В. Словарь иконописцев и живописцев Оружейной палаты, 1630–1690-е годы: дворовладения, события повседневной жизни, работа по частным заказам. М., 2012.
34. Павлов А.П. Гость и дьяк Михаил Смывалов: штрихи к биографии // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Сборник материалов Второй международной научной конференции (Курск, 2009). Курск, 2009.
35. Седов П.В. Хождение во власть гостя Аверкия Кириллова // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVIII вв. Сборник материалов международной научной конференции (Санкт-Петербург, 17–20 сентября 2001). СПб., 2001.
36. Словарь архитекторов и мастеров строительного дела Москвы XV – середины XVIII века / Отв. ред. И.А. Бондаренко. М., 2008.
37. Частное строительство в Москве и Подмоскowie. Первая четверть XVIII в. Подрядные записи / Сост., авт. вступ. ст., очерков и комм. М.В. Николаева. 2004. Т. I–II.
38. Черкасова М.С. Новые данные о деятельности вологодского гостя Г.М. Фетиева // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVIII вв. Сборник материалов международной научной конференции (Санкт-Петербург, 17–20 сентября 2001). СПб., 2001.
39. Merchant Colonies in the Early Modern Period / Ed. by Victor N. Zakharov, Gelina Harlaftis and Olga Katsiardi-Hering. London, 2012.
40. Ransel David L. A Russian merchant's tale: the life and adventures of Ivan Alekseevich Tolchënov, based on his diary. Indiana University Press, 2009.

Ю.И. Ибраева¹

**«Двора его высококняжеской светлости служители»:
«домовое подданство» князя А.Д. Меншикова**

Дом; «домовое подданство»; повседневность; семейный архив.

На основании хозяйственных документов из семейного архива рассматриваются состав и иерархия чад и домочадцев в структуре «домового подданства» двора князя А.Д. Меншикова.

В России первой трети XVIII в. понятие «дом» имело несколько смыслов. Это и семья в современном понимании, и непосредственно дом с хозяйственными постройками, и все «чады и домочадцы», проживающие в нем². В этом пространстве происходит, с одной стороны, воспроизводство старого уклада, с другой – его трансформация.

К сожалению, состояние отечественных семейных архивов первой трети XVIII в. таково, что исследователи не располагают большим количеством информации о составе и структуре «домового подданства»³ и существующих при нем взаимоотношениях членов большой фамилии. Ис-

¹ Ибраева Юлия Игоревна, НИУ ВШЭ (РФ, Москва), ibraevajulia11@gmail.com.

² Например, слово «дом» упоминается в разных значениях в следующем письме Александра Даниловича Меншикова: «...мы со всем своим домом прибыли сюда благополучно: при том предлагаем, извольте в доме нашем по нашему приказу исправлять не оплошно и смотреть над оставшими нашими служителями» (РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1170. Л. 87).

³ О «домовом подданстве» как особом социальном институте см.: [1].

ходя их этого ценным являются любые сведения, могущие дать дополнительный материал для реконструкции частного пространства человека петровской эпохи.

В обширном и хорошо сохранившемся архиве князя А.Д. Меншикова, кроме семейной переписки, хранятся «Книга расходная денежная его высоко княжой светлости домовою казны. Что кому будет в даче по посменным и по словесным ево светлости указом, и за какие по потребности оное все прописывать в сей книге с подлинным объявлением, именно с приложением по каждой статье суммой»⁴ 1716 г. и «Окладной дому его высоко княжеской светлости (с указителем) кому имянно и каковыя денежные оклады учинены на нынешней 1726 г.»⁵. В этих документах перечислены «чады и домочадцы», проживавшие в доме князя А.Д. Меншикова и получавшие жалование. За 10 лет домашний штат Александра Даниловича вырос вместе с его благосостоянием. В «Книге расходной денежной казны», которая не предоставляет полный список служителей, упоминается более 130 человек, а в «Окладной книге» насчитывается уже 360 человек. В «Книге расходной денежной казны» перечисляются около 40 «должностей», а в «Окладной книге» уже более 80. Кроме того жалование получают «хлопцы», «вдовы», «девицы» и бабы, чьи роли в доме светлейшего князя не обозначены. Встречаются и отдельные имена людей, также получающих содержание: «мамзель Близендорф 100 рублей», «Систенгарте 40 рублей»⁶ или Афанасий Андреев, с жалованием в 11 рублей, Павел Струнин – 12 рублей, Екатерина Лизавета – 45 рублей и т.д. Какова была их служебная задача, мы можем только догадываться. Так Н.В. Калязина называет мамзель Блезендорф художницей-миниатюристкой, автором портрета княгини Меншиковой [4, с. 413]. Но судя по письмам Дарьи Михайловны, мамзель Блезендорф была гувернанткой княжон Меншиковых. Не исключено, что, приехав как миниатюристка, она стала впоследствии воспитательницей княжон. Дома знатных фамилий России в этот период испытывали явный недостаток в людях, являющихся носителями новых необходимых придворному человеку знаний и умений. Таким образом, многие иностранцы, разными путями попадавшие в Россию, были востребованы и на ходу «переквалифицировались». Так, в «зарплатной ведомости» дважды упоминается Фридрих Шмит: в первый раз как музыкант с окладом в 174 руб., а затем как кухмистер с жалованием в 200 руб. Насколько вероятно, что это были два человека, при том полные тезки?

Расширился не только «профессиональный», но и этнический состав людей, служивших одной из первых семей России. Так, в «Книге расходной денежной казны» упоминаются следующие «иноземцы»: конюхи, кучера, «часовник», повивальная бабушка, паж, аптекарь, кондитер, «аглинский плотник», «кафельного дела мастер», шкипер, кок, «столярного дела мастер», кухмистер, лекарь, садовник. Через 10 лет штат иностранных служителей пополнился конфетным мастером, пажами,

⁴ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 1182.

⁵ Там же. Д. 260.

⁶ Там же. Д. 1182. Л. 44, 45.

берейтером, банбирами (брадобреями), кузнецом и коновалом, портным, мункохами (старшими поварами), шкипером, музыкантом, литаврщиком, «полотным мастером», гофмейстером, а затем дворецким и, даже, писарем дворецкого.

«Книга расходной денежной казны» и «Окладная книга» позволяют судить об иерархии «профессий». Различия в жаловании служителей дома Меншикова весьма значительны – от двух до шестисот рублей в год. Впрочем, оклады и на одинаковых должностях могли существенно отличаться. Так, у мучников разница составляла один рубль, а у подьячих уже доходила до 25 рублей, т.е. могла превышать низшее значение в 5 раз.

Традиционно иностранные «специалисты» получали жалование в несколько раз выше, чем отечественные. Так, русский конюх имел годовое жалование два-три рубля, а иностранный – 12 рублей; русский плотник – 10 рублей, английский – 120; русский садовник – 12 рублей, иностранный – 300. Самое высокое жалование получал гофмейстер Франц Мцег. Правда, получил он только половину оклада и был «отпущен в отечество»⁷, а на его место был принят дворецкий Яган Мракиш. Высокооплачиваемыми специалистами были также музыканты, кухмистер, лекарь, «полотной мастер» и садовник. Они получали от 174 до 300 руб. ежегодно, против самой высокой зарплаты для русских служащих в 100 руб.

Роста денежного оклада у человека, занимавшего одну и ту же должность, не наблюдается. Например, несколько человек – Варвара Кубасова, мамзель Блезендорф, лекарь Яган Шульц и садовник Яган Эйх – упоминаются в обоих документах, из чего можно предположить, что они жили в доме не менее десяти лет, получая одно и то же жалование.

И хозяйственные документы, и сохранившиеся письма дают только отрывочную информацию о том, как те или иные люди попали в дом князя Меншикова, сколько лет там жили, какие отношения у них складывались с прочими членами большой фамилии. Вторая часть «Окладной книги» озаглавлена как «Реестр двора его высококняжеской светлости служителям, а кто имяны и ис каких чинов в списках своих объявили значительно ниже сего»⁸. Здесь приводятся краткие резюме некоторых служителей. Например: «*Никифор Струнин родом был поляк, жил в знакомцах у князь Григория Волхонского, а отец его Никифор жил у Петра Измайлова, а по смерти отца своего он, Никифор, жил у князя Бориса Алексеевича Голицына, а по смерти его пришел в службу з детьми своими к его светлости*»⁹. Около ряда имен оставлена пустой треть страницы, видимо предполагалось внести туда сведения позже, но этого так и не произошло.

В текстах исследуемых документов встречаются отдельные ремарки, позволяющие судить о путях трансфера служащих в дом и из дома князя Меншикова. Например, пономарю Леонтию Григорьеву было «отказано от церкви», и он «от двора его светлости отпущен»¹⁰, вероятно, в чем-то, не поладив с другими членами клира. Покидали Меншиковых от-

⁷ Там же. Д. 260. Л. 9.

⁸ Там же. Л. 46–87.

⁹ Там же. Л. 47.

¹⁰ Там же.

пущенные на волю крестьяне, служившие при доме, уезжали на родину иностранцы военнопленные; и тем, и другим выдавали по 10 руб.¹¹ Покидали двор князя выданные замуж девицы, напротив, мужчины женились и приводили жен.

Управление все увеличивающимся хозяйством князя Меншикова требовало контроля. В этом князю, занятому множеством служебных обязанностей, помогал обширный штат служителей. При этом власть в доме князя была сосредоточена преимущественно в женских руках. И мы говорим не только о княгине Дарье Михайловне Меншиковой и ее сестре Варваре Михайловне Арсеньевой, проживавшей в доме Александра Даниловича и пользовавшейся большим авторитетом, но и о доверенном лице княгини Варваре Кубасовой, и даже о мамзель Блезендорф. Варвара Кубасова, которую в семье именовали «бабушка Кубасова» не только осуществляла надзор за детьми, но, как свидетельствует семейная переписка, ей доверялся и контроль за хозяйством в периоды отсутствия в доме взрослых членов семьи¹². О ее роли можно судить по следующим записям о денежных выдачах: «...внесено к его светлости вверх, которые Варвара Михайловна, приняв, изволила отдать бабушке Кубасовой 200 рублей», «...изволила принять сама светлейшая княгиня и отдать Варваре Кубасовой 100 рублей», «...внесено вверх, которые изволила принять госпожа Варвара Михайловна и отдать бабе Варваре Кубасовой 300 рублей»¹³ (при том, что жалование самой Кубасовой было всего 20 рублей годовых). Большим доверием пользовалась и мамзель Блезендорф. Так, ей в руки передавали «...72 лота серебра литорного, которое привезено из Берлина <...>, а по сказке ее оное вручено светлейшей княгине»¹⁴. Члены семьи могли одалживать у нее деньги: «...мамзеле Блезендорф, издержанные ее деньги: на покупку про детей их светлости телятины и пирожков рубль 30 алтын 6 денег, на раздачу в церкви рубль, который изволила у нее взять Варвара Михайловна, да на покупку про ее светлость игол и булавок»¹⁵.

«Домовое подданство» оставалось патриархальным и строилось на строгом иерархическом принципе. Хозяин дома (А.Д. Меншиков) был не только господином, но выполнял роль родителя, попечителя всех чад и домочадцев. Члены княжеской семьи гуляли на свадьбах своих подопечных¹⁶, крестили их детей¹⁷.

Домовые служители не только получали жалование, их кормили и одевали, лечили. Так, калмыку Ивану Портнову было выдано на «лекарства болезни его (на голове шелудей)»¹⁸ 4 рубля, что в два раза превышало минимальное годовое жалование, установленное в доме князя. Отли-

¹¹ Там же. Д. 1182. Л. 77, 115.

¹² Подробнее роль Варвары Кубасовой в доме Меншиковых освещена в статьях: [2; 3].

¹³ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 260. Л. 31, 129, 264.

¹⁴ Там же. Л. 61.

¹⁵ Там же. Л. 154.

¹⁶ Там же. Д. 1174. Л. 94, 95, 96, 98, 99, 100, 101, 107.

¹⁷ Там же. Д. 1182. Л. 158, 290.

¹⁸ Там же. Л. 30.

чившиеся служители получали денежное вознаграждение, например паж Ян Гардер получил два рубля «за находку алмазного перстня»¹⁹. Благодарили деньгами так же за «подношение именной пирога» и за поздравления с праздниками.

В доме проживали и люди, находившиеся под патронатом княжеской семьи. Дарья Михайловна, сама с детства состоявшая в комнатных барышнях царевны Натальи Алексеевны, имела обширный двор, состоявший из девиц и вдов. Видимо к близкому княгине Дарье Михайловне кругу относилась и некая «девица Муромцова», которая была «выдана сверху» за полковника Михаила Языкова. Во всяком случае на приданное ей была выделена приличная сумма в 500 рублей²⁰.

В быт Меншиковых активно проникали европейские новинки. Это касается предметов, которыми обставляются и украшаются дворцы, одежды; изменяется меню трапез, обновляется церемониал. Так, когда кондитеру Шрейтеру выдавали полтора рубля на покупку «яблоков свежих», то сопровождали это указанием: «которые подавать ему на сервизе»²¹. Солдат Исай Борисов получил деньги на покупку кожи, из которой «...по указу его светлости велено ему сделать вольнку и быть с нею при его светлости молодом князе»²². Вошел в штат князя и собственный «живописец» Андрей Баранов. В быту появляются и восточные заимствования, не случайно в Ораниенбауме армяне сделали князю турецкую баню²³.

Хозяйственные документы Меншиковых позволяют судить о сложной структуре «домового подданства» княжеской семьи. В этом межкультурном пространстве формировались новые стратегии поведения, изменялись ценностные ориентации, вырабатывались новые социальные позиции. Русские люди из разных социальных групп, входя в большие домовые сообщества петровских вельмож, получали возможность широкого ежедневного общения с представителями иных культур. Вероятно, в этом взаимодействии европейская культура и начинала укореняться в российской повседневности.

1. *Бекасова А.В.* Семья, родство и покровительство в России XVIII века: «домовое подданство» графа П.А. Румянцева: дисс. ... к.и.н. СПб., 2006.
2. *Ибраева Ю.И.* Эпистолярный роман первой четверти XVIII века в многолетней переписке Александра Даниловича Меншикова с супругой // Международный журнал исследований культуры. 2018. №1.
3. *Ибраева Ю.И.* «Зело от сердца радуюсь, что при помощи Божьей дети наши учатца»: воспитание наследников в доме светлейшего князя А.Д. Меншикова (по материалам семейной переписки) // Сборник научно-исследовательских работ студентов – победителей Конкурса НИРС 2016. М., 2017. [Электронный ресурс]
4. *Калязина Н.В., Калязин Е.А.* Александр Меншиков – строитель России. СПб., 2006. Ч. II.

¹⁹ Там же. Л. 266.

²⁰ Там же. Л. 15.

²¹ Там же. Л. 119.

²² Там же. Л. 158.

²³ Там же. Л. 248.

Повседневная жизнь Тулы 1790-х гг. в переписке отца и сына Болотовых²

Андрей Тимофеевич Болотов; Павел Андреевич Болотов; эпистолярное наследие; провинциальное дворянство

Статья посвящена повседневной жизни Тулы 1790-х гг. В ней рассмотрена переписка провинциальной дворянской семьи, что позволило день за днем проследить частную жизнь людей в контексте эпохи.

Обращение к истории повседневности позволяет день за днем проследить частную жизнь людей во внутренней динамике, «встроенности» в социум, а также в контексте исторических событий. В этой связи представляется важным исследование повседневной жизни провинциального дворянства XVIII в., корпоративных отношений и степени их влияния на процессы, происходившие в уездных городах. Ю.М. Лотман, изучая быт и традиции русского дворянства, отмечал, что «мир идей неотделим от мира людей, а идеи от каждодневной реальности» [6, с. 10].

О.Е. Глаголева и И. Ширле, осуществляющие исследование в рамках проекта Германского исторического института в Москве «Культура и быт русского дворянства в провинции XVIII века (по материалам Орловской, Тульской и Московской губерний)» (2009 г.) определяют объектом исследования не образ и миф, а исторический факт в локальном историческом контексте. И нельзя не согласиться с исполнителями проекта, что «серьезной задачей» является «широкомасштабное выявление в центральных и региональных архивах новых, еще не введенных в научный оборот материалов или редко использующихся в региональных исследованиях исторических источников» [3, с. 44].

К их числу относится неопубликованная до сих пор семейная переписка А.Т. и П.А. Болотовых. Она велась на протяжении тридцати лет (1796–1826) и насчитывает более 3000 листов³. Переписка показывает становление личности русского дворянина П.А. Болотова под воздействием провинциальной повседневности и воспитания его отца, А.Т. Болотова, тульского помещика, писателя, паркостроителя, агронома. Письма-отчеты к отцу П.А. Болотова отражают наметившийся в последней трети XVIII в. качественный скачок в эволюции бытового документа (по определению Е.Н. Марасиновой) – переход от наивного информативного пись-

¹ Козлов Сергей Александрович, Высшая школа технологии и энергетики Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна (РФ, Санкт-Петербург), д.и.н., sakozl@rambler.ru.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Эпистолярное наследие провинциальной дворянской семьи: комментированное издание переписки А.Т. и П.А. Болотовых (1796–1826)», № 19–09–00013.

³ См., например: ОР РНБ. Ф. 89 (Болотовы А.Т., П.А. и М.П.), Ф. 608 (Собрание И.В. Помяловского). Оп. 2; НИОР БАН. Ф. 69 (Собрание А.Т. Болотова); РО ИРЛИ РАН. Ф. 537 (А.Т. Болотов); ОР РГБ. Ф. 475 (А.Т. Болотов); ОПИ ГИМ. Ф. 349 (А.Т. Болотов).

ма о событиях повседневной жизни к доверительному размышлению-исповеди [7, с. 48–51].

Переписка Павла Болотова с отцом началась в 1789 г. после его отъезда в Петербург для вступления на военную службу. Однако не прошло и года, как Павел Болотов получил увольнение от военной службы с чином капитана армии и возвратился в Богородицк. В 1796 г. он занял «место судейское» – ассессора уголовной палаты в Туле и возобновил переписку с отцом.

В письмах П.А. Болотов подробно описывал перипетии повседневной жизни провинциального города. Впервые он побывал в Туле в июне 1787 г., когда по заданию тульского наместника М.Н. Кречетникова должен был вместе с отцом преподнести императрице Екатерине II (возвращавшейся в Петербург из знаменитого путешествия по России и в Крым) подготовленную «картинную книгу» акварелей с видами Богородицкого дворца и парка. Это было первое большое путешествие из «дворянского гнезда» 16-летнего Павла Болотова и его знакомство с высшим светом.

Впечатления от «пребывания государыни» в Туле Павел Болотов подробно описал в «Настольном календаре» – ежедневных записках, которые он вел на протяжении 1787 г. 21 июня он с огорчением отмечал: «Батюшка стоял возле самой Государыни. <...> Намесник подвел его с книгами, которые, как скоро были поднесены, то тотчас камер-пажем были приняты и отнесены прочь и следственно труды наши остались за краткостью времени все не рассмотрены и надежды наши чрез то кончены. Батюшка потом пожалован был к руке, а за ним все дворянство» [5, с. 207–208].

Гражданская служба П.А. Болотова началась с присяги, к которой он был приведен 22 октября 1796 г. в наместническом правлении. «Тотчас произведена была сия церемония, довольно для меня щекотливая, ибо в первой еще раз <...> обязывался я священной клятвою служить верно своему государю и отправлять безпорочно свою должность, в чем при помощи Божией осмеливаюсь на себя надеяться», – сообщал П.А. Болотов в письме отцу. И далее ассессор Тульской уголовной палаты поведал о первом рабочем дне на службе, когда ему пришлось подписывать «жестокия решения судеб несчастных убийц и преступников». «Признаюсь вам, – писал Павел Болотов отцу, – <...> сердце мое все-таки сильно, очень сильно билось при подписывании сих первых приговоров» [4, с. 40–41].

Исследователь И. Ширле рассматривает любую перемену мест дворянами, как составную часть в обмене информацией, то есть как поток новостей, шедший от столиц в провинцию и расхлывшийся между регионами империи. Путешествующие русские дворяне распространяли знание, передавали слухи, доставляли письма и журналы [8, с. 599, 614–615]. Переписка А.Т. и П.А. Болотовых дает тому множество примеров.

Менее чем через месяц после начавшейся переписки – 12 ноября 1796 г. П.А. Болотов «уведомил» отца о «великой и важной для всех новости» – кончине императрицы Екатерины II. Он ошибочно назвал дату смерти 5, а не 6 (17) ноября, ссылаясь на то, что так «гласят слухи и партикулярныя известия, ибо от новаго правительства нет еще ничего в народе». И далее П.А. Болотов отмечал: «Севодни весь город уже о том узнал,

и везде всеобщия и одни разговоры только о сем предмете <...> Велика и важна для всех сия всеобщая потеря <...> Конечно, не известно, может Бог милостив, и мы будем небезщастны! Но все произойдут великия важныя перемены, а какия важныя влияния произведет сие произшествие не только на соседственные государства, но даже и на все политические обстоятельства всей Европы, или лучше сказать, всего Света, а особливо при нынешних положениях». И далее П.А. Болотов делает приписку: «В разсуждении даже собственных наших обстоятельств должна произойти великая перемена» [4, с. 44].

И действительно, вскоре перемены затронули А.Т. Болотова, круто изменив его судьбу. Дело в том, что император Павел I признал внебрачного сына Екатерины II А.Г. Бобринского своим братом, возвел его в графское достоинство и произвел в генерал-майоры конной гвардии. А.Г. Бобринский был также пожалован (купленными ему Екатериной II) дворцовыми имениями в Богородицкой волости, управителем которых с 1776 г. был А.Т. Болотов. В сложившихся обстоятельствах Андрей Тимофеевич подал в отставку и уехал в родовое имение в Дворяниново. Как заметил А.П. Бердышев, имея за спиной около шести десятков лет, А.Т. Болотов не желал входить к кому-то под начало [1, с. 239–240].

П.А. Болотов в письме Андрею Тимофеевичу 15 ноября 1796 г. отмечал, что «наступило теперь время самое интереснейшее и только, что и готовся слышать новости, где ни завернись, везде известия». «Вы справедливо изволите говорить, что судьба еще к лучшему может быть сделала, что я к самому этому времени прильнул к штатской должности, – писал он отцу, – Бог милостив! Какие бы перемены не были, но несчастных и несносных не предвидимо»⁴.

П.А. и А.Т. Болотовы постоянно обменивались мнениями о нововведениях императора Павла I и высказывали уверенность, что все это поможет «искоренить, верно вкравшиеся повсюду, оплошности и злоупотребления». Но уже 31 декабря 1796 г. П.А. Болотов отмечал: «...открылось, что все ожидания было пустое и напрасное <...> и новой (огромной) Воинский устав, о котором страх послушать <...> основан весь на ужасных и чрезвычайных строгостях и многое очень ограничено». Тульский асессор с горечью констатировал: «Военный устав будет <...> главнейшею частью и душою узаконенною» и постои отныне будут «без изъятия по всем городам»⁵.

8 марта 1797 г. в Тульскую уголовную палату поступил указ «о скорейшем произведении реформы судебных мест», и П.А. Болотов писал с воодушевлением отцу: «...и дай Бог, чтоб поскорей решились наши участи и да естли бы только можно было получить штабной чин, то Бог бы с нею совсем с нынешнею службою. Свободность гораздо была бы дороже, милее и нужнее»⁶.

П.А. Болотов делился впечатлениями от посещения театра, музыкальных вечеров, маскарадов. Тульский театр, открытый в 1777 г., стал на

⁴ ОР РНБ. Ф. 89 (Болотовы А.Т., П.А и М.П.). Д. 111. Л. 27–27 об.

⁵ Там же. Л. 26, 54 об.–55.

⁶ Там же. Л. 110.

долгие годы центром культурной жизни в городе. В его репертуаре были пьесы Ж.-Б. Мольера, А.П. Сумарокова, Я.Б. Княжнина, В.А. Левшина [2, с. 118–119]. 10 ноября 1796 г. П.А. Болотов «с нескрываемым любопытством» смотрел в театре любимую комедию П.А.Д. Метастазии «Необитаемый остров», в вольном переводе с французского языка В.И. Лукина, и вспоминал о том, что в 1779 г. эта пьеса была поставлена в созданном А.Т. Болотовым детском театре в Богородицке, где он, восьмилетний мальчик, играл роль матроса. П.А. Болотов писал: «У нас она была лучше представляема или по крайней мере много бы надобно поправить игру здешних актеров и все театральные представления»⁷.

Тульский асессор с восторгом сообщал о «картинном зрелище с множеством разных экипажей и палаток» – «трактаменте и угощении», устроенном 4 мая 1797 г. вновь назначенным гражданским губернатором Н.Д. Граве. «Завелись разныя песни, пляски и игры, как то в веревочку, в горелки, в коих с нами молодежью участвовало самое даже генералство, так что нарезились и насмеялись очень довольно, и все это просто и без церемониев» – писал он⁸.

Письма П.А. Болотова наполнены размышлениями о «городской шумливости» и «прелестях» деревенской жизни. Менее чем через полгода после приезда в Тулу и вступления в должность, 29 апреля 1797 г., асессор уголовной палаты писал «милостивому батюшке» о том, что вынужден «безпрестанно с утра до вечер все время употреблять на скучныя судейския занятия при стукѣ ездющих мимо полат наших по мостовой экипажей вместо музыки вешних птичек и не наслаждатся даже благоразтворенностию и чистотою деревенскаго воздуха». И далее П.А. Болотов уверял: «Верно я не буду никогда городским жителем или верно буду себя считать несчастливым, ежели каким-нибудь с течением обстоятельств приневолен буду еще стонать в оковах городской жизни, а особливо в вешнее и в летнее время, но не отчаеваюсь, авось-либо я буду наслаждатся свободой и щастием прямо деревенскаго жителя»⁹.

В целом, сохранившиеся материалы семейной переписки Болотовых, как наиболее достоверные свидетельства провинциальной повседневности, позволяют рассмотреть городскую жизнь Тулы конца XVIII в. в личностном восприятии русского дворянина.

1. *Бердышев А.И.* Андрей Тимофеевич Болотов – выдающийся деятель науки и культуры. 1738–1833. М., 1988.
2. *Глаголева О.Е.* Русская провинциальная старина. Очерки культуры и быта Тульской губернии XVIII – первой половины XIX вв. Тула, 1993.
3. *Глаголева О.Е.* Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века: Подходы и методы изучения // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века / Ред. О. Глаголева, И. Ширле. М., 2012.
4. *Дмитриева З.В., Козлов С.А.* «Движение повсюду и перемена ужасная!» Письма П.А. Болотова А.Т. Болотову 1796–1797 гг. // Петербургский исторический журнал. 2018. № 2 (18).
5. *Козлов С.А.* Русская провинция Павла Болотова: Настольный календарь

⁷ Там же. Л. 18.

⁸ Там же. Л. 124, 138.

⁹ Там же. Л. 130 об.–131.

1787 года / Отв. ред. З.В. Дмитриева. СПб., 2006.

6. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994.
7. *Марасинова Е.Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. М., 1999.
8. *Ширле И.* Перемена мест: Дворянство в разъездах и в гостях // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века / Ред. О. Глаголева, И. Ширле. М., 2012.

Н.В. Серeda¹

Семья как субъект памяти

Семья; гендерные роли; гендерные отношения; самоидентификация; самоидентификация семьи.

В статье предпринята попытка проанализировать дневник, который вели члены семьи Блиновых-Куровых на протяжении столетия в XVIII–XIX вв. Автор предлагает рассматривать его как воплощение семейной памяти, а семью – как субъект семейной памяти.

Дневник тверских купцов Блиновых лишь весьма условно, следуя опубликованным справочникам [1], можно называть дневником. Прежде всего потому, что он не соответствует современным представлениям о дневниках. По лаконичности стиля изложения, который прекрасно сочетается с эпическим характером повествования, по некоторой отстраненности автора от фиксируемых событий, он напоминает летописные памятники.

Дневник был подарен С.А. Дчевским Тверской ученой архивной комиссии в 1913 г. Ныне он хранится в составе коллекции документов, собранной членами комиссии². Широкому кругу исследователей этот памятник стал известен совсем недавно, благодаря двум публикациям текста [3; 4]. В последние десять лет дневник активно исследовался автором статьи: с целью установления авторов записей и истории создания текста, крайне сложного по своей структуре [12], а также изучения темпоральных представлений авторов дневника [15] и гендерных представлений членов семьи Блиновых и других тверских купцов [13].

В данной статье автор ставит своей задачей исследовать дневник Блиновых – субъект семейной памяти, как пространство для самореализации некоторых членов семьи, проживавших в доме, где этот дневник находился, и как средство конструирования коллективной идентичности малой социальной группы – семьи [11, с. 8–9].

Проблема коллективной идентичности и инструментов ее формирования в последнее время часто привлекает внимание ученых. Рассматривается она либо в теоретическом плане, либо применительно к отдельным народам, этносам [9]. Когда речь идет об идентификации личности, то в центре внимания оказываются обычно иноязычные авторы и их тексты [2; 10]. Реже встречаются компаративные исследования, построенные

¹ Серeda Надежда Владимировна, Тверской государственный университет (РФ, Тверь), д.и.н., nv.sereda@yandex.ru.

² Государственный архив Тверской области. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1137.

на основе западноевропейских и отечественных источников [5]. В случаях попыток исследования на источниках по отечественной истории чаще пользуются другими понятиями: «самосознание», «менталитет», «представления» и др., но они не позволяют в полной мере выявить и описать неосознанный подчас процесс конструирования идентичности авторами этих текстов. Среди работ, исследующих «самосознание» купечества, следует отметить исследование Н.В. Козловой [6, с. 351–361], статью А.И. Куприянова, в основе которой лежат дневники русских горожан конца XVIII – первой половины XIX в., в том числе жителей Тверской земли. Дневник Блиновых в ней лишь упоминается в связи с тезисом о внимательном отношении авторов тверских купеческих дневников к событиям семейной жизни, причем это обстоятельство, по мнению А.И. Куприянова, не является достоинством этой группы источников [8, с. 137]. Между тем на наш взгляд, некоторых авторов этих источников личного происхождения история своей семьи интересовала меньше, чем история города, в котором они жили. Более того, автору статьи представляется, что историю города члены семьи Блиновых стали писать вполне целенаправленно и осознанно [14]. Это позволило Иову Блинову, а также и некоторым членам его семьи развивать наблюдательность, реализовать стремление к творчеству и, что важнее, в данном контексте, – создавать «нарратив идентичности» [11, с. 9.]. Лишь со временем «дневник» приобретал черты субъекта семейной памяти, в котором члены семьи создавали «нарратив идентичности» семьи.

Благодаря ведению записей, их авторы неосознанно сохраняли семейную **память**; транслировали семейные традиции и тем самым формировали представления о ценностях, и, по сути, конструировали и поддерживали идентичность семьи.

Так называемый «дневник» семьи Блиновых члены этой семьи вели на протяжении столетия. Рукопись содержит сведения о событиях за 1762–1865 гг. За этот период сменились поколения, а вместе с ними менялись представления о семейных традициях и ценностях. На представлениях о традициях и ценностях сказывались, в числе прочего, и заключаемые членами рода браки. Первые примерно 50 лет дневник вел по преимуществу Иов Карпович Блинов, привлекая иногда членов семьи, в том числе женщин и детей. После его смерти дневник вел младший сын Петр, который все время вместе со своей семьей жил в доме отца и после смерти отца стал главой большой семьи, хозяином дома, а значит и дневника.

Иов и Петр делали записи о погоде, о состоянии реки Волги, о строительстве, ремонте и росписи городских церквей, о молебне 18 января 1776 г. по случаю «установления губернии», о городском празднике по этому поводу, о визитах в Тверь членов императорской семьи, об открытии в городе «гимназии» и выпускном экзамене гимназистов. В рукописи за этот период содержатся заметки о Пугачевском бунте, отмечен факт «турецкого замирения», передан текст манифеста о разделении горожан на купечество и мещанство. Сын Иова Петр подробно описывал ход движения через Тверь процессии, сопровождавшей гроб с телом Александра I [12].

«Дневник» вели и хранили в доме главы рода – Иова, с ним этот памятник личного происхождения вместе с домашним скарбом и иконами переехал в 1816 г. из одного района г. Твери в другой – Затверецкий, и это при том, что в прежнем районе, за р. Тьмакой, остался жить младший брат Иова Никифор и его старший сын Иван. При этом в период, когда Иов был основным автором дневника, в тексте помимо почерка самого Иова встречаются несколько других вариантов почерка. Трудность установления авторов той или иной записи дневника заключается в том, что ни Иов, ни другие авторы обычно не называют своего имени, т.е. никак себя не идентифицируют. Сравнение почерков позволяет предположить, что иногда записи еще при жизни Иова делал сын Петр и внук Яким, несколько записей сделаны убористым мелким почерком, принадлежавшим, скорее всего, женщине, для которой процесс письма был вполне привычен. После смерти Иова дневник ведет в основном его сын Петр, при этом многолетность «дневника» сохраняется [12].

После смерти Петра (1835 г.) дневник становится сферой ведения его вдовы – Ксении и именно с этого времени со страниц «дневника» практически исчезают записи о событиях городской жизни и жизни страны.

В традициях семьи и в правилах ведения «дневника» происходят серьезные изменения. Основными авторами становятся представители женской части довольно большого рода, в основном – члены семьи умершего Петра: его вторая жена и дети от брака с ней.

После смерти своей первой жены Петр женился на вдове Ксении, урожденной Куровой, по первому мужу Крупинниковой³, *довольно сильной и властной женщине*. После смерти Петра именно она стала хозяйкой дома и главой семьи и по сложившейся уже традиции стала главным автором записей в «дневнике». Эти записи производят впечатление ученической тетради человека, осваивающего грамотность и навыки письма. Видно, что записи сделаны неумелой, даже неуклюжей рукой человека, которому процесс письма дается с трудом и напряжением. Петли строчных букв «д» и «у» несоразмерно велики и объемны по отношению к остальным элементам букв. Содержание сделанных Ксенией записей позволяет говорить, что стал происходить распад одной семейной идентичности и началось формирование новой со своими традициями и представлениями о ценностях. Изменилось само представление о составе семьи. В прежние годы и в дневнике не отражалась жизнь родственников, которые проживали вне дома, где велся «дневник», принадлежавшего главе рода. После смерти Иова главой рода и хозяином «дома с дневником» был Петр Иович. После смерти Петра главой семьи стала Ксения, и сразу же в семейном памятнике Блиновых появляются сведения о жизни рода Куровых, к которому принадлежала Ксения по рождению. Став «хозяйкой» семьи и «дневника» в 1835 г. Ксения сообщает даже ретроспективные сведения из истории рода Куровых, например, факт смерти своего батюшки в 1814 г. [7, с 255]. Сведения о жизни ее двоюродных братьев, Карпа Ивановича и Тита Ивановича, регулярно записываются в «дневник». Зафиксированы факты рождения их детей, передачи им де-

³ Так в тексте.

нег, по-видимому, в долг. В 1847 г. Карпу Ивановичу было дано 3010 руб. [7, с. 257, 254.]. Этот последний факт кажется удивительным, так как Куровы были более состоятельными людьми, чем Блиновы. Сумма, данная Карпу Ивановичу, очень велика, даже странно, что такая сумма нашлась у семьи Ксении. Круг тем, освещаемых дневником, при Ксении становится значительно уже, Ксению и ее детей практически не интересуют события, происходящие за рамками их двора. Представителям этой новой семьи, реализовавшим право на ведение «дневника», и на то, чтобы быть субъектом коллективной, семейной памяти, не хватало внутренней культуры, времени и сил на ведение «дневника» и, видимо, интереса к самому процессу. Очень скоро им стало не под силу продолжать записи, оставляя тем самым письменную память о самих себе. Семья постепенно перестала быть «субъектом памяти» [11, с. 8–9] не только о городской жизни, но даже о жизни семьи.

Поскольку «дневник», прежде всего, являлся принадлежностью дома, то потомки Петра от его первого брака тоже иногда делали записи в нем, но их записи не перемежаются с записями потомков от брака Петра и Ксении, каждая ветвь заполняла «свои» страницы [12]. Однако и содержание записей потомков от первого брака ограничивается фиксацией внутрисемейных событий: фактов сватовства, свадеб, рождений детей, смертей, семейных ссор.

1. *Голубев И.Ф.* Коллекция рукописей Государственного архива Калининской области: краткий обзор. Калинин, 1960.
2. Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 1999–2019. Вып. 1–66.
3. Дневник купцов Блиновых // Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX века. М., 2007.
4. Дневники тверских купцов / Отв. составитель Е.И. Барклай. Тверь, 2002.
5. *Зарецкий Ю.П.* Автобиографические «Я» от Августина до Аввакума (Очерки истории самосознания европейского индивида). М., 2002.
6. *Козлова Н.В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов). М., 1999.
7. Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX века. М., 2007.
8. *Курьянов А.И.* Русский горожанин конца XVIII – первой половины XIX века по материалам дневников // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени. М., 2000.
9. Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2010.
10. *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М., 1987.
11. *Репина Л.П.* Память о прошлом и история // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М., 2008.
12. *Серёда Н.В.* Дневник купцов Блиновых и его авторы // Очерки феодальной России. М., 2003. Вып. 7.
13. *Серёда Н.В.* Гендерные отношения в среде тверского купечества // Тверь и города побратимы: прошлое, настоящее, будущее. Материалы международной научно-практической конференции (Тверь, 25 мая 2007 г.) Тверь, 2007.
14. *Серёда Н.В.* Краеведение и процесс формирования местных сообществ // Первые всероссийские краеведческие чтения. История и перспективы развития краеведения и москвоведения (Москва, 15–17 апреля 2007). М., 2009.

А.Н. Гуслистова¹

Купеческая семья Пудовых в Вологде в XVII – первой половине XVIII вв.²

Вологда; генеалогия; купечество; посадские люди; торговля; предпринимательство.

В статье рассматривается генеалогия и предпринимательская деятельность купеческой семьи Пудовых в XVII – первой половине XVIII в., участие ее представителей в местном самоуправлении и на службе вологодского архиепископа.

В родоначальниках семьи можно видеть вологжанина Пуда Никифорова с., который в 1627 г. женился в третий раз [1, с. 156]. Явное происхождение фамилии Пудовых от христианского имени Пуд подтверждается и записью в синодике Спасо-Прилуцкого монастыря, где в роду Ильи Яковлева с. Пудова поминается священноиерей Пуд³. Исходя из факта третьего брака Пуду могло быть уже лет сорок, однако самое первое сохранившееся описание Вологды – дозорная книга 1616/1617 г. имени и отчества Микифоров не фиксирует.

Вполне можно допустить, что в 1620-х гг. дети Пуда от первых двух браков были уже взрослыми. Ими могли быть Федор и Перфирий Пудовы.

Сведений о Перфире намного больше, чем о Федоре. Его торговую деятельность подробно фиксируют таможенные книги Тотмы, Великого Устюга и Сольвычегодска в течение 1627–1636 гг. [11, с. 21, 47, 67, 213, 216, 223; 12, с. 19, 26, 58; 13, с. 265, 269; 14, с. 82, 129; 15, с. 88, 103; 16, с. 71; 17, с. 139, 202; 18, с. 11, 105, 176, 185, 330, 322, 413, 420, 430, 435, 445, 451]. Почти каждый год он как минимум дважды следует по Сухоно-Двинскому речному пути, используя собственные лодки – суда средней грузоподъемности, торгует собственным и чужим товаром. В его оптовой торговле прослеживается явная специализация на продаже дубленых кож и заготовок кожаной обуви, холста, деревянной посуды, мыла и продуктов питания. Все эти изделия ремесленно-промысловой деятельности требовали предварительной скупки в Вологде и окрестностях. Объемы сделок были достаточно большие – от 45 до 210 руб. но часто в качестве транспортного средства использовались чужие суда. О масштабе и продуктивности коммерческой деятельности Перфирия можно судить по 1634/35 г. – наиболее обеспеченному сохранившимся таможенными книгами торговому сезону. В трех таможенных книгах он был зафиксирован 13 раз,

¹ Гуслистова Анна Николаевна, НП НИЦ «Древности» (РФ, Вологда, annavalentina@mail.ru).

² Статья выполнена при поддержке РФФИ (проект № 19–09–00147 «Просопографическая база данных посадских людей г. Вологды первой половины XVII в.»).

³ Вологодский Областной Краеведческий Музей. № 2013. Синодик Спасо-Прилуцкого монастыря. XVIII в. Л. 331.

сумев осенью и весной сплавить через Тотьму до Архангельска и зимой повторить этот путь на санях.

В свете такой интенсивной торговой деятельности не вполне понятно отсутствие имени Перфирия в городских кадастрах 1627 и 1646 г., хотя в 1657 г. он упоминается в составе Федоровского сорока [9, с. 192]. Зато в 1646 г. встречается упоминание некоего бобыля Первушки Пудова, живущего на Пречистенском берегу, где в дальнейшем в 1678 г. располагался двор детей Перфирия – бобылей Ивана и Вахромея [7, с. 33, 116]. Вполне вероятно, что Первой могло быть вторым (домашним) именем Перфирия. В дальнейшем – с середины XVII в. и до начала XVIII в. – имена потомков Перфирия не упоминаются ни в таможенных книгах, ни среди владельцев лавок. Скорее всего, предпринимательская жилка на нем и закончилась, или к концу жизни он разорился. Недаром из вооружения по переписи 1657 г. у него упоминается только копые, его дети в 1678 г. названы бобылями, а в 1687 г. и вовсе записаны без фамилии [7, с. 116, 240]. Да и родовой двор Вахромею пришлось отдать по закладной в 1691 г., несмотря на то, что там имелись помещения для производства пива. Семья переезжает на Троицкую улицу, где по I ревизии упоминается его сын Михаил Вахромеев с. Пудов [8, с. 46]⁴.

Федор впервые упоминается постфактум в 1627 г., как продавший свой двор и пропавший без вести [9, с. 124, 229]. Однако в 1625 г., одновременно с продажей двора, он упоминается в таможенной книге Тотьмы все еще как вологжанин и владелец двух большегрузных речных судов – дощаника и лодьи [13, с. 265, 269]. Владение достаточно большим двором, площадью ок. 1 тыс. кв. м и крупнотоннажными судами подразумевало довольно большой объем торговли, однако после 1627 г. сведения о Федоре пропадают, и последнее упоминание о нем мы видим в ретроспективной записи купчей на двор 1655 г. в кадастре 1711 г. [8, с. 224].

Постник Ипатьева с. Пудова был ровесником Перфирия и Федора и также занимался торговлей, по крайней мере, до 1618 г., когда продал пол-лавки в городских рядах. Что заставило его годом позже в 1619 г. продать свой двор (общей площадью 1,6 тыс. кв. м и стоимостью 22 руб.), не совсем понятно [9, с. 124]. Вероятнее всего где-то в это время он и становится рассыльщиком. Должность, которая подразумевала частые деловые поездки, явно не сочеталась с мелким предпринимательством. [2, с. 169–170, 565–566]. Знающий грамоту Постник сделал неплохую карьеру для бывшего посадского человека – в приходо-расходных книгах вологодского архиерейского дома 1627 г. он упоминается как ключник, отвечающий за покупку еды и питья [1, с. 109, 174, 178–179, 182, 184, 186–188, 190, 192–193, 206]. А уже в сентябре 1628 г. получает жалованную грамоту архиепископа на тиунство как сын боярский [10, с. 132–133]. В отказной памяти 1658 г. также можно увидеть его достаточно широкие полномочия на службе – он разбирает спор о земле между монастырем и церковью [1, с. 679–680].

Наиболее заметными представителями рода Пудовых на рубеже XVII–XVIII в. стали внуки Федора – Илья и Василий (их младшие братья, Кирилл и Матвей в предпринимательстве никак себя не проявили). На

⁴ РГАДА Ф. 350 Оп. 2. 676. Л. 68 об.

1678 г. все они проживали одним двором с отцом – Яковом Федоровым с. Пудовым на Васильевской ул. на берегу р. Вологды. Этот же двор остается у старшего брата Ильи в 1711 г., который сумел расширить его за счет обмена в 1686 г. [8, с. 138, 224]⁵. Рядом с родовой усадьбой он в течение 1690-х гг. выкупает дворы для остальных братьев. Концентрация купеческих дворов на берегу реки – первейшая необходимость для успешной коммерческой деятельности, хотя зажиточная часть вологодского купечества предпочитала селиться на противоположном – Мироносицком берегу, а дворы иностранных и иногородних купцов располагались ниже по течению р. Вологды – в Новинках [6].

В общей сложности у Пудовых в переписной книге 1711 г. в период с 1686 по 1712 гг. зафиксировано 16 сделок с жилой недвижимостью, причем большую часть из них совершает Илья, на правах старшего брата, возглавившего семейную торговую компанию. Часть дворов и огородных мест было им получено по закладным кабалам, однако основная часть сделок связана с продажей дворов [8, с. 127, 170, 179, 193, 196, 201, 211, 216, 218, 219, 221, 223, 224, 228, 229, 244, 276, 277, 291].

Розничная торговля в городских рядах была еще одним видом деятельности семейной компании Пудовых – в 1685 г. Василий владел 2 амбарами, а в 1711 г. у двух братьев было 7 торговых помещений в хлебном и рыбном рядах. Вероятно, братья специализировались именно на торговле зерном, для хранения которого использовались не только помещения в городских рядах, но амбары в собственных дворах⁶. В эту же статью доходов можно записать и мелкооптовые поставки ячменного солода на архиерейский двор [3, с. 255, 257, 403, 409]. Операции с зерном, скорее всего, не выходили за рамки городской торговли, потому что на 1702 г. своих судов у Пудовых не было [19, с. 12–26; 5]. Но в дальнейшем семейная компания смогла расширить масштабы до межрегионального уровня – в 1740 г. Петр Васильев с. Пудов явил на вологодской таможне пшеницы на 90 руб., которую повез продавать в Ярославль⁷.

Интенсивная коммерческая деятельность принесла дивиденды и в деле укрепления социального статуса семьи – Илья Яковлев с. Пудов в 1700 г. был назначен бурмистром и принимал непосредственное участие в закупке и хранении снастей для государственного речного флота.

Потомки этой линии Пудовых проживали в Вологде до конца XVIII столетия. Матвей и Василий по I ревизии проживали в старых родовых усадьбах на Васильевской улице, там же жил и сын Ильи Василий⁸. По II и III ревизиям известны сын Василия – Петр и двое внуков – Михаил и

⁵ Топонима «Васильевская улица» в переписной книге 1711 г. нет, а данная территория указана как «каменный взвоз на берегу р. Вологды», но на месторасположение двора у Хрулева ручья указывают обе переписные книги – 1678 и 1711 г.

⁶ У всех братьев Пудовых во дворах амбаров было в два раза больше, чем в рядовом среднестатистическом дворе: *«по конец двора два амбара, в одной связи о два житья, да два ж амбара»*.

⁷ РГАДА Ф. 829. Оп. 1 Д. 354. Таможенные выписи на товары Вологодской таможни. Л. 2.

⁸ Там же. Ф. 350 Оп. 2. 676. Л. 72. В I ревизии район проживания Пудовых обозначен как «позади церкви Василия Великого».

Матрена. Матвей оставил более внушительное потомство – известны его дети – Григорий и Дмитрий, трое внуков (детей Григория) – Иван, Яков, Каптелина, четверо правнуков (детей Якова Григорьевца с.) – Анна, Федор, Яков, Маремьяна⁹.

Судьба вологодского купеческого рода Пудовых получилась очень разнообразной. Постник Ипатов с. сделал молниеносную карьеру от рядового посадского человека до архиерейского сына боярского. Перфирий сумел заработать внушительный личный капитал, но не смог передать его сыновьям. Дети Федора смогли создать семейную компанию со специализацией на торговле недвижимостью и зерном, возглавить местное самоуправление, а внук Дмитрий записаться в купечество Санкт-Петербурга и породниться с известной вологодской семьей Акишевых [4, с. 807].

1. *Башнин Н.В.* Приходо-расходные денежные книги вологодского архиерейского дома святой Софии и окладные книги церковью Вологодской епархии. XVII – начало XVIII в. М.; СПб., 2016.
2. *Башнин Н.В.* Дионисиево-Глушицкий монастырь и его архив в XV–XVII вв.: Исследования и тексты. М.; СПб., 2016.
3. *Башнин Н.В.* Хозяйственные книги вологодского архиерейского дома святой Софии XVII – начала XVIII в. М.; СПб., 2018.
4. *Грязнов А.Л.* Торговая компания Акишевых в конце XV–XVIII в. // Хозяйственные книги вологодского архиерейского дома святой Софии XVII – начала XVIII в. / Сост. Н.В. Башнин. М.; СПб., 2018.
5. *Гуслистова А.Н.* Торговый речной флот вологжан в начальный период Петровских реформ // Историческое краеведение и архивы: материалы межрег. науч. конф. Вологда, 2004. Вып. 11.
6. *Гуслистова А.Н.* Немецкая слобода: дворы иностранных купцов в Вологде в XVII – начале XVIII в. // Материалы Всероссийской науч. конф. 22–23 мая 2015 года. Вологда, 2016.
7. Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века. В 3-х томах. М., 2008. Т. 1.
8. Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века. В 3-х томах. М., 2008. Т. 2.
9. Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века. В 3-х томах. М., 2018. Т. 3.
10. Старая Вологда. XII – начало XX в. Сборник документов и материалов / Под ред. Л.Н. Мясниковой. Вологда, 2004.
11. Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. / Сост. С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. СПб., 2013. Вып. 1.
12. Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. / Сост. С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. СПб., 2014. Вып. 2.
13. Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. / Сост. С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. СПб., 2015. Вып. 3.
14. Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. / Сост. С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. СПб., 2016. Вып. 4.
15. Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. / Сост. С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. СПб., 2017. Вып. 5.
16. Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. / Сост. С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. СПб., 2017. Вып. 6.
17. Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. / Сост. С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. СПб., 2018. Вып. 7.
18. Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. 1. / Под ред.

⁹ Там же. Д. 689. II ревизия Вологды. Л. 81 об.; Оп. 2. Ч. 1. Д. 699. III ревизия г. Вологды. Л. 107, 107 об.

проф. А.И. Яковлева. М.; Л., 1951.

19. Черкасова М.С., Гуслистова А.Н. Вологда в период Петровских реформ. Сборник документов и материалов. Вологда, 2007.

Н.А. Четырина¹

Купеческий род Трегубовых из Сергиевского посада²

Сергиевский посад; Трегубовы; семья; род; общественное положение; внутрисемейные имущественные и межличностные отношения.

Материал содержит информацию о влиятельном в Сергиевском посаде роде Трегубовых на протяжении жизни четырех поколений, о достижениях и потерях представителей этого рода, о способности его членов мирно уживаться друг с другом и достигать материального благополучия, а также о пагубности открытого конфликта, приведшего к материальным и моральным потерям.

Сергиевский посад – подмосковное поселение, получившее городской статус в 1782 г. Начиная с этого момента и до 1866 г. (т.е. 84 г.) в нем действовала ратуша – орган городского самоуправления. Каждые три года из состава купечества и мещанства в ратушу избирали по 2 бургомистра и 4 ратмана [3, с. 76–79]. Всего за весь период действия ратуши выборы на трехлетие происходили 28 раз. Представители нескольких семейств неоднократно избирались в этот орган: Трегубовы 13 раз, Тарбинские 8 раз, по 7 раз избирались Ерофеевы, Лавровы, Мамаевы, Серебренниковы. При этом выяснилось, что члены семьи Трегубовых, лидирующей с большим отрывом от остальных, избирались 5 раз на должности бургомистров и 8 раз на должности ратманов за период с 1789 по 1866 гг. Это 7 человек из 4 разных поколений: глава рода Иван Савельев Трегубов (1789–1791, 1798–1800), его сын Матвей Иванов (1819–1821, 1825–1827), внуки Егор (1822–1824, 1828–1830) и Андрей (1831–1833, 1837–1839) Алексеевы, правнуки Илья Андреев (1858–1860, 1864–1866), Иван Иванов (1861–1863) и его троюродный брат Алексей Иванов (1846–1848, 1852–1854) [6, с. 171–172, 178]. Эта ситуация объясняет интерес к роду и его роли в жизни посада.

Источниками для этой публикации послужили сохранившиеся в Центральном государственном архиве Москвы в фонде ратуши Сергиевского посада документы: журналы и протоколы присутствия ратуши, книги записи условий и контрактов, книги записи духовных и отдельных, а также дела о вводе во владение и т.д. Кроме этого привлекались сведения из документов церковного учета населения – метрических книг и исповедных ведомостей.

Глава рода Иван Савельев Трегубов (1730–1807) не только дважды избирался в ратушу бургомистром, но в 1804–1806 гг. был градским гла-

¹ Четырина Наталья Аркадьевна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., ncheturina@yandex.ru.

² Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 17-01-00368 а(р) «Частно-правовые внутрисемейные акты в документах ратуши Сергиевского посада (1793–1866 гг.). Тексты и комментарии».

вой Сергиевского посада. Успешный коммерсант, который вел как розничную лавочную, так и оптовую торговлю. В 1780–1790-е гг. вместе с сыновьями Алексеем и Матвеем он стал основным поставщиком в Лавру крупных партий рыбного товара. Так, в марте 1789 г. продал монастырю 188 пудов коренной рыбы, 45 пудов теши, 58 пудов судаков сухих и 10 пудов зернистой икры на сумму 564 руб. 15 $\frac{3}{4}$ коп. В 1793 г. Иван Трегубов имел в своем амбаре в посаде партию коренной рыбы на 250 руб. и икры зернистой 2 бочки на 200 руб. В 1794 г. получил за поставленную в обитель рыбу 710 руб. 83 $\frac{3}{4}$ коп. Это стало возможным благодаря личным усилиям в доставке товара прямо из мест добычи, минуя посредников. Например, в 1789 г. Иван Трегубов отлучался по делам торговли в г. Саратов. Кроме этого, время от времени Трегубовы продавали в монастырь муку, деготь, крупы, постное масло, специи, сало, веревки, цветной ковер, оказывали посреднические услуги [3, с. 184–186, 189, 191, 196, 197]. В 1790 г. И.С. Трегубов за долг получил от московского купца Егора Иванова Бурдуньина купоросный завод на наемной земле сроком на 10 лет. Однако и через 10 лет сумел сохранить его в своей собственности³. В духовном завещании, написанном в 1800 г., Иван Савельев Трегубов перечисляет оставляемое в наследство движимое и недвижимое имущество: «одежду и прочее все к домовым надобностям принадлежащее имущество, посуду медную и оловянную», а также две лавки с товаром на Красногорском рынке, два дома в Вознесенском приходе и при экономическом селе Благовещенье деревянного строения купоросный завод⁴. Но к моменту засвидетельствования духовной в ратуше посада супруги Иван Савельев и его жена Евдокия Андреева Трегубовы пережили своего старшего сына Алексея, который умер 9 марта 1802 г. в возрасте 40 лет. После его смерти остались невестка-вдова Татьяна Алексеева и пятеро внуков: Иван, Андрей, Егор, Дмитрий и Василий. Умер Иван Савельев Трегубов 9 июля 1807 г. в возрасте 77 лет, а его жена вдова Евдокия Андреева – 20 ноября 1813 г. в возрасте 79 лет⁵.

После смерти родителя старшим в роду остался Матвей Иванов Трегубов (1765–1834). Его женой в 1786 г. стала мещанская дочь Дарья Алексеева Камаева (1764–1846). По данным исповедных ведомостей, в 1815 г. ему было 49 лет и он проживал своим домом в Вознесенском приходе вместе с женой Дарьей Алексеевой 49 лет, сыном Иваном 22, дочерьми Аграфеной 11 и Пелагеей 10, невесткой (женой сына Ивана) Авдотьей Петровой 24 и внуком Иваном 5 лет⁶. Позднее, родилась еще одна внучка Дарья, которая в 1836 г. стала женой третьего брака мещанина Павла Васильева Толченова – представителя известного дмитровского купеческого рода, переселившегося в Сергиевский посад [7].

В 1811 г. Матвей Трегубов был купеческим старостой, а затем дважды, как сказано выше, избирался ратманом в ратушу посада. Он был до-

³ Центральный государственный архив Москвы. Ф. 73. Оп. 1. Д. 433. Л. 20 об.–21; Оп. 2. Д. 2. Л. 13 об.

⁴ Там же. Ф. 73. Оп. 1. Д. 485. Л. 1–3 об.

⁵ Там же. Ф. 203. Оп. 745. Д. 997. Л. 21 об., Д. 2128; Оп. 1. Д. 55. Л. 17, 94.

⁶ Там же. Ф. 2128. Оп. 1. Д. 21. Л. 3 об.; Д. 54. Л. 48; Д. 66. Л. 3.

статочно активным предпринимателем: покупал (1808, 1810, 1811), нанимал (1809), продавал (1818) недвижимость – лавки, дома, дворы: нанимал работников (в 1809 г. – лавочного сидельца и мастера на купоросный завод), принимал участие вместе с другими торгующими в постройке каменных лавок (1810) и защите своих прав на владение ими (1830), извлекал прибыль от сдачи в наем недвижимости под питейную продажу (1811), при случае и сам пытался заниматься этим (1820), вместе с Е.И. Бурдуныным создал товарищество по купоросному заводу (1822), выполнял хлопотные обязанности опекуна малолетнего племянника жены (1823 и 1824)⁷. В 1812 г. выступил поручителем за своего племянника Ивана Алексея Трегубова при заключении последним контракта на покупку крупной партии кирпича. Из другого документа Ивана и Андрея Алексеевых Трегубовых, купивших половину кирпичного завода в 1813 г., выясняется, что второй половиной прежде владел их дядя Матвей Трегубов [4, с. 35, 109, 110]. Однако в документах 1820, 1822 и 1823 гг. он числится в статусе мещанина, а в 1830 г. – снова называется купцом. Следовательно, в его жизни были обычные для всякого человека взлеты и падения, приобретения и потери, удачи и неприятности.

Умер купец Матвей Иванович Трегубов 1 января 1834 г. в возрасте 69 лет. Его жена купеческая вдова Дарья Алексеева пережила его на 12 лет и умерла 5 октября 1846 г. в возрасте 82 лет. С именем их единственного сына Ивана Матвеевича связана запись в книгах условий и контрактов только одного документа 1834 г. Коллежская секретарша вдова М.Н. Иванова передала купеческому сыну И.М. Трегубову заемное письмо для получения с должника 10 000 руб. Трегубов не только обязался получить с должника всю сумму сполна, но еще заручился правом пользоваться полученной суммой в течение 5 лет за указанные проценты. В обеспечение этой сделки И.М. Трегубов выдал закладную на собственный двор с жилым и нежилым каменным и деревянным строением в Вознесенском приходе, полученным по духовному (пока не обнаруженному) завещанию от родителя. Неустойка за невыполнение контракта составляла 3000 руб. Как удалось реализовать этот договор и насколько он оказался удачным для обеих сторон неизвестно. Умер Иван Матвеевич 9 апреля 1859 г. в возрасте 69 лет (как и его отец). Его жена вдова Авдотья (Евдокия) Петрова Трегубова умерла 14 апреля 1867 г. в возрасте 79 лет⁸.

Их наследник, упомянутый еще в исповедных ведомостях 1815 г., Иван Иванов Трегубов являлся представителем уже четвертого поколения этой семьи. В 1861–1863 гг. он был ратманом ратуши. Был дважды женат. В 1836 г. после смерти жены Пелагеи Козьминой 22 лет, женился вторым браком на дочери дмитровского купца Кучина Прасковье Алексеевой, которая в своей духовной 1850 г. завещала мужу мещанину И.И. Трегубову все свое имение – деревянный дом с принадлежностями во

⁷ Там же. Ф. 73. Оп. 2. Д. 17. Л. 12 об.–13; Д. 19. Л. 5 об.–6, 7 об.–8, 28–29; Д. 21. Л. 6, 27 об.; Д. 36. Л. 8; Д. 39. Л. 5 об.; Д. 45. Л. 6–7; Д. 48. Л. 5 об. Д. 51. Л. 6 об.; Д. 83. Л. 6–6 об.

⁸ Там же. Ф. 73. Оп. 2. Д. 105. Л. 1–1 об.; Ф. 2128. Оп. 1. Д. 56. Л. 85 об.; Д. 57. Л. 50 об.; Д. 60. Л. 38 об., 110 об.

Введенском приходе. Дети в духовной не упомянуты. В 1841 г. мещанин И.И. Трегубов владел фабрикой, выпускавшей шелковый сатюр и тафту разных цветов⁹. С идентификацией этого представителя рода Трегубовых в документах ратуши возникают некоторые сложности, так как в посаде в это время проживал его полный тезка и троюродный брат купец Иван Иванов Трегубов, пришедший также правнуком основателю рода, но по линии умершего в 1802 г. Алексея Трегубова.

Согласно исповедным ведомостям 1815 г. семья покойного Алексея Трегубова проживала своим двором в Вознесенском приходе в составе 19 человек: вдовы Татьяны Алексеевой 50 лет, пятерых сыновей с невестками: Ивана 36 с женой Еленой Алексеевой 33, Андрея 35 с женой Настасьей Сергеевой 32, Егора 27 с женой Праскевой Алексеевой 26, Дмитрия 23 с женой Татьяной Андреевой 23, Василия 22 с женой Авдотьей Васильевой 17, а также восьми внуков и внучек: Ивана Иванова 12, Алексея Иванова 5, Прасковьи Андреевой 10, Ильи Андреева 6, Марьи Андреевой 3, Алексея Андреева 1, Аграфены Егоровой 3, Алексея Егорова 1 года. Здесь можно еще добавить, что в семье были и замужние дочери. Одна из них, Ирина Алексеева уже после смерти родителя в 1803 г. вышла замуж за купеческого сына Якова Сергеева Дрищева. Другая, полная тезка первой, также Ирина Алексеева в 1814 г. вышла замуж за купеческого сына Ивана Иванова Шапошникова. Как видно из данных исповедных ведомостей, к 1815 г. все пятеро сыновей были женаты, а трое имели собственных разновозрастных детей. Длительное время это была большая неразделенная семья, и только в 1825 г. Иван, Андрей, Егор, Дмитрий и Василий Алексеевичи Трегубовы полюбовно разделили наследство, полученное ими от покойного деда¹⁰.

Братья были весьма деятельными людьми. Как было сказано выше, Егор и Андрей избирались в ратушу, а также гласными в думу (в 1813–1815 – Андрей и в 1816–1818 – Егор), кроме этого Андрей в 1812 г. был старостой Красногорских торговых рядов и длительное время (1845–1856) еще и церковным старостой Вознесенской церкви. Егор Трегубов несколько лет выполнял обязанности опекуна малолетнего Павла Лаврова (1834–1838). В книгах записи условий и контрактов сохранились документы о хозяйственной деятельности братьев. Братья владели купоросным заводом (фабрикой) на наемной земле вместе со свяком Я.С. Дрищевым. Эту землю неоднократно нанимали у помещиков Рыловых в Александровском уезде на р. Каменке в 1811, 1819, 1825, 1828, 1833, 1839 гг. каждый раз на срок от 3 до 6 лет. Несмотря на сложности и конфликты, связанные с реализацией произведенного купороса, длительность существования этого заведения свидетельствует о его успешности. В 1813 г. еще одним приобретением Ивана и Андрея Трегубовых стала половина кирпичного завода. Кроме этого, Иваном и Василием покупалась разная городская недвижи-

⁹ Там же. Ф. 2128. Оп. 1. Д. 56. Л. 108, 111; Ф. 73. Оп. 2. Д. 243. Л. 6–8; Ф. 17. Оп. 10. Д. 1. Л. 88 об.–89.

¹⁰ Там же. Ф. 2128. Оп. 1. Д. 19. Л. 25 об.; Д. 66. Л. 4 об.–5; Ф. 203. Оп. 745. Д. 1087. Л. 14 об.; Ф. 73. Оп. 2. Д. 259. Л. 3.

мость (1811, 1812), нанимались лавочные сидельцы (1824, 1826), разносчик (1824), работница (1828)¹¹.

Материально успешным, но бездетным был Дмитрий Трегубов. К 1842 г. пятидесятилетний купец владел деревянным домом на Вознесенской улице, доставшимися по разделу с братьями частями в каменном доме и в купоросном заводе, двумя каменными лавками, а также движимым имуществом, товаром и деньгами. Во время смертельной горячки мужа, его жена Татьяна Андреева вызвала приходского священника, чтобы исповедать и приобщить святых тайн больного, а также канцелярского служителя для составления духовного завещания и еще троих человек в качестве свидетелей. Дмитрий был очень слаб и временами впадал в беспамятство, поэтому Татьяна сама надиктовала распоряжение и помогла мужу поставить подпись. По этому документу одна каменная лавка поступала в пользу Вознесенской церкви, другая лавка и часть каменного дома – брату Василию, остальное предназначалось бездетной жене Татьяне. Если бы завещание не было составлено и подписано, то по закону бездетная вдова могла рассчитывать только на получение $\frac{1}{4}$ части движимого и $\frac{1}{7}$ части недвижимого имущества. Обстоятельства написания духовной и суть сделанных распоряжений стали причиной длительного имущественного конфликта между вдовой и родственниками покойного. При этом купчиха Татьяна Трегубова сумела дать не голословные, а подтвержденные документами опровержения всем пунктам обвинений Василия Трегубова, продемонстрировала упорство в достижении поставленной цели и деловую хватку, даже в 1847 г. наняла лавку, завещанную покойным мужем Вознесенской церкви, на 2 года по цене 30 руб. сер. в год. Представитель другой стороны Василий Алексеев Трегубов в подтверждение своих обвинений не смог предоставить нужного числа свидетелей, документов, пропустил сроки подачи апелляции. Видимо и его предпринимательская деятельность шла на спад. Имевшуюся каменную лавку в 1848 г. он сдал в наем на 4 года по цене 60 руб. сер. в год. Наконец, указом Правительствующего Сената от 11 мая 1850 г. духовное завещание покойного Д.А. Трегубова было утверждено, а его вдова была введена во владение завещанным ей домом. Неспособность родственников мирно гасить возникающие конфликты имела неутешительные для обеих сторон последствия: помимо трат, связанных с ведением судебных исков, Трегубовы упустили значительные для них материальные ценности, а заболевшая после всего пережитого вдова Татьяна Андреева передала все свое имущество («дом с землею, святые иконы, платье, белье, посуду медную, оловянную, каменную и хрустальную, мебель и все что окажется в доме» и два векселя на 300 руб. сер.) лаврской богадельне и там закончила свои дни в 1855 г. Это редчайший случай поступления в богоугодное заведение достаточно состоятельной женщины [8]. От имени купчихи в Лавру были вложены 9 икон в драгоценных окладах, одна из

¹¹ Там же. Ф. 73. Оп. 1. Д. 407. Л. 1, 1 об., 15, 29, 36; Д. 58. Л. 151–168; Оп. 2. Д. 22. Л. 7 об.–8, 23 об.; Д. 24. Л. 15 об., 21–21 об.; Д. 29. Л. 20 об.; Д. 38. Л. 3; Д. 51. Л. 3 об., 6; Д. 57. Л. 3 об.–4 об.; Д. 62. Л. 3; Д. 73. Л. 8; Д. 73-а. Л. 2–3; Д. 99. Л. 1–1 об.; Д. 105. Л. 3 об.–4, 5; Д. 109. Л. 3–3 об.; Д. 145. Л. 3 об.–4; Д. 153. Л. 7 об.–8 об.

которых – «Богоматерь Казанская» (инв. № 5578 ихо) в серебряной ризе с жемчугом до сих пор хранится в музее-заповеднике Сергиева Посада [6, с. 174, 179].

Среди представителей следующего поколения этой ветви Трегубовых наибольших успехов добился купеческий сын, а позднее купец Иван Иванович Трегубов (1803–1854). Его деятельность способствовала расширению ассортимента кукольного товара. В книгах записи условий и контрактов сохранились записи четырех договоров-заказов (1836, 1841, 1842 и 1847 гг.) на производство разнообразных игрушек [5, с. 123–124, 134–135, 136–137, 143–145]. В 1840 г. еще в статусе купеческого сына он купил у мещанина Петра Михайлова Матвеевского каменную лавку на Красногорском рынке в каменных рядах за 1028 руб. 57 коп. сер. В 1851 г. – деревянный дом с землей в Дмитровской улице за 150 руб. сер. Постоянно бывал на крупнейших ярмарках в Ирбите и на Макарьевской в Нижнем Новгороде. В Ирбите имел солидный деревянный дом, проданный в 1851 г. тюменскому купцу за 2000 руб. сер. На Макарьевской ярмарке занимался торговлей в двух рядах – книжном и черевичном. Умер в 23 декабря 1954 г. холостым, не оставив прямых наследников, кроме братьев Алексея и Дмитрия Ивановичей и малолетних племянников – детей покойного брата Сергея Ивановича¹².

В целом история рода Трегубовых как будто иллюстрирует наблюдения, сделанные А.И. Аксеновым, изучавшим уездное купечество. Прежде всего, о «широкой демографической представительности коренных уездных купеческих фамилий, порождавшей расплывание генеалогии «по горизонтали» с неизбежным дроблением рода на многочисленные семьи. При этом их социально-экономическое положение не было равнозначным. Одни поднимались вверх по сословной лестнице, другие опускались в мещане, а потом снова преуспевали, но род или, точнее сказать, семейный куст оставался неизменным в уездном купеческом обществе» [1, с. 204]. А также о значимости личностного фактора: «Два брата, получив наследство, могут вести его совместно, а могут разделить. При этом один из них окажется смекалистей и разбогатеет, а второй пустит в распыл или консервирует и оставит детям. И может так случиться, что последние окажутся более предприимчивыми и, следовательно, через поколение ситуация кардинально изменится» [2, с. 22].

1. *Аксенов А.И.* Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. М., 1993.
2. *Аксенов А.И.* К вопросу о генеалогии уездного купечества // Города Подмосковья в истории российского предпринимательства и культуры. Серпухов, 1999.
3. *Четырина Н.А.* Сергиевский посад в конце XVIII – начале XIX вв. (посад как тип городского поселения). М., 2006.
4. *Четырина Н.А.* Контракты на строительные и отделочные работы, производство и продажу стройматериалов их фонда ратуши Сергиевского посада (1795–1863). М., 2012.
5. *Четырина Н.А.* «Для науки кукольного мастерства». Художественные промыслы в документах ратуши Сергиевского посада (1796–1864 гг.). М., 2015.
6. *Четырина Н.А.* Персональный состав ратуши Сергиевского посада в 1782–

¹² Там же. Ф. 73. Ф. 1. Д. 594. Л. 19–23, 114–123, 165–166, 210, 254, 292–292 об.

1866 г. (практика формирования) // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: духовное служение Отечеству. Сергиев Посад, 2016.

7. *Четырина Н.А.* Толченковы в Сергиевском посаде XIX в. // X Международная научная конференция. Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. 3–4 октября 2018 г. Тезисы докладов. Сергиев Посад, 2018.
8. *Четырина Н.А.* «При соображении имеющихся в деле по сему предмету сведений...» Тяжба родственников купца Сергиевского посада Дмитрия Алексеева Трегубова о его наследстве с вдовой Татьяной Андреевой. Середина XIX в. // Исторический архив. 2019. № 2.

А.Л. Грязнов¹

Население Рощенской улицы Вологды в XVII – начале XVIII в.²

Посадские люди; просопография; городская топография.

В статье сопоставляются сведения писцовых и переписных книг XVII – начала XVIII в. по топографии, населению и дворовладению в районе Рощенской улицы в Вологде.

Комплекс писцовых и переписных книг Вологды позволяет изучать различные аспекты жизни посадского населения на протяжении всего XVII в. К сожалению, сами кадастры составлялись с разной целью без единой методики и поэтому содержат разный объем информации, охватывают различные категории населения и не всегда описывают всю территорию города. В результате сопоставление этих источников затруднено и всегда возникают сомнения в корректности интерпретации информации писцовых книг о дворовладении и генеалогии посадских людей. Тем не менее, детальное изучение отдельных районов Вологды XVII в. позволяет вполне надежно решить эту проблему.

Топография древнейших районов Вологды складывалась под влиянием особенностей местности (чередования возвышенных и заболоченных участков, русел рек и ручьев). Поэтому для наиболее старых вологодских районов характерна густая сетка улиц с большим количеством изгибов, значительное число храмов. В результате, в этих районах преобладали короткие улицы с плотной застройкой. Для окраинных районов, складывавшихся в XVI в., характерна совершенно другая планировка. Здесь преобладали длинные прямые улицы с удаленными на большие расстояния храмами. Предварительный анализ писцовых и переписных книг показал, что поиск и отождествление дворов посадских людей, описанных в разных кадастрах, крайне затруднен вследствие большой мобильности населения и неустойчивости именования улиц и переулков в разных источниках [1, с. 9–10]. Тем не менее, особенности топографии

¹ Грязнов Анатолий Леонидович, НП НИЦ «Древности» (РФ, Вологда), rubicon-2@ya.ru.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00147.

новых районов позволяют с большой степенью надежности провести сопоставление данных кадастровых источников XVII – начала XVIII в.

Наиболее показательны в этом плане районы Новинки и Рошенье, располагавшиеся на юго-восточной окраине Вологды. Они представляли собой длинную улицу, шедшую от проезжих ворот городской крепости в сторону Московской дороги. От улицы в обе стороны отходило несколько переулков в шедшие параллельно Петровскую и Козленскую улицы. По названию местности Рошенье за основной частью улицы закрепилось название Рощенской. На ней располагались храмы Иоанна Предтечи в Рошенье и Кирилла Белозерского в Рошенье, которые условно маркировали начало и конец улицы. Несмотря на то, что Новинковская улица, по сути, являлась продолжением Рощенской, в плане населения оба района значительно отличались. Новинковская улица шла вблизи берега р. Вологды, здесь располагался Гостиный двор и дворы большого числа иностранных купцов с торговыми пристанями. Здесь же стремились приобрести дворы местные купцы и иногородние монастыри. Рощенская улица, судя по всему, была классическим жилым районом, в котором отсутствовали объекты торговой и транспортной инфраструктуры, вследствие чего она не представляла серьезного интереса для купцов. Поэтому на этой улице можно ожидать большую стабильность населения.

По переписной книге 1711 г. на обеих сторонах улицы описано 108 дворов («в Рощенской улице за Кирилловым монастырем», «улица Рощенская, в Город идучи от церкви Кирилла чудотворца, по правой стороне», «от Новинской улицы в город по левой стороне»). Переписные книги 1646 и 1678 г. перечисляют в этом районе 102 и 116 дворов соответственно («улица Рошенье от церкви Кирилла Чудотворца к городу идучи по правой стороне», «в той же улице по левой стороне»).

Благодаря тому, что переписная книга 1711 г. кроме указания владельцев фиксирует правоустанавливающие документы на двор, становится известна дата приобретения и его предыдущие владельцы. Первое, что удастся установить – это то, что общее число дворов и их последовательность, за очень редким исключением, полностью совпадают в книгах 1678 и 1711 гг. В большинстве случаев в них живут одни и те же лица, или в переписной 1711 г. указаны дети владельцев в 1678 г. В ряде случаев в 1678 г. обнаруживаются предыдущие владельцы двора, указанные в 1711 г. в качестве их продавцов. Разница в числе дворов в двух описаниях связана с отнесением в более позднем из них некоторых дворов к переулкам. Аналогичная картина наблюдается и при сопоставлении этих двух кадастров с переписной книгой 1646 г. Например, располагающийся по переписной книге 1711 г. в самом начале Рощенской улицы, у ц. Кирилла Белозерского «двор Галанской земли иноземца Володимера де-Юнга» был им приобретен в 1698/99 г. «по закладной кабале вдовы Татьяны Борисовы дочери Даниловския жены Киприянова сына Носкова» [5, с. 15]. По переписной 1678 г. этот двор записан за Киприяном Носковым [4, с. 98], который упоминается как житель Кирилловского сорока в 1657 г. [6, с. 196]. Или, например, «двор вдовой дьяконицы Ирины Григорьевы дочери Галахионовской жены Игнатьева» был приобретен через заклад ее мужем в 1680/81 г.

у Ивана, да Никулы, да Алексея Степановых детей Плотниковых [5, с. 27]. Однако, за дьяконом Галактионом Михайловым этот двор числился уже в книге 1678 г. [4, с. 100]. Старшего из бывших владельцев можно соотнести с жителем Кирилловского сорока Ивашкой Степановым, а их отцом, скорее всего, был владевший этим двором в 1646 г. Степка Лукьянов [6, с. 199; 4, с. 24]. Соседним двором в 1711 г. владел Михаил Дмитриев с. Попов, который сообщил, что в 1670/71 г. его отцу этот двор завещала вдова Григория Батракова [5, с. 27]. В книге 1678 г. действительно указан «двор Кирилловского попа Дмитрея Алексева сына, у него два сына – Васка 12 л., Мишка 4 л.», а по книге 1646 г. этим двором владел Гришка Поликарпов с. Батраков [4, с. 100, 24].

Из всей совокупности дворов, расположенных на Рощенской улице, удается выявить шесть дворов, находившихся в руках одних семей на протяжении всего XVII в. (Щукиных, Карзиных, Солодяниковых, Апраксиных, Мошонкиных и Хомутниковых). Еще несколько дворов, история которых прослеживается на протяжении всего XVII в., перешла к новым владельцам в результате браков. Несмотря на эти примеры, наблюдается большой разрыв между 1627 и 1646 гг. В книгах этих годов, за очень редким исключением, нет почти никакой преемственности по владельцам³. Потом стабильность нарастает и в целом, с 1646 по 1711 г. удается проследить владельческую историю подавляющего большинства усадеб (более 80 %).

Усадьбы 1627 г., которые удается связать с дворами по переписной 1646 г. (всего их 18) дают надежные ориентиры для оценки изменений в топографии и числа усадеб на протяжении всей улицы в 1627 и 1646 гг. Благодаря этому выясняется, что одной усадьбе 1627 г. соответствует 2–3 двора 1646–1711 гг. Подтверждает это наблюдение и сопоставление ширины дворов, которые указаны в писцовой 1627 г. и переписной 1711 г. Размеры дворов 1711 г. вполне точно складываются в ширину дворов, указанную в писцовой 1627 г. Например, ширина двора Владимира де Юнга (11 саж.) практически соответствует ширине двора Ермолки да Рычка Ивановых (10 саж.). Соседний двор Федьки Ерофеева, да Первушки Тестова, да Терешки Федотова сына Прядыльщикова (15 саж.) уже к 1646 г. был разделен на три, а в 1711 г. общая ширина этих дворов составляла 16 саж. Следующий двор, принадлежавший Якушке Тимофееву сыну Щуки и Сенке Павлову (12,5 саж.) к 1646 г. был разделен на два, общая ширина которых в 1711 г. составляла немногим более 12 саж. Большинство остальных усадеб на Рощенской улице подверглись аналогичной трансформации. Нетрудно заметить, что в писцовой 1627 г. во дворе, во многих случаях, показано несколько совладельцев, а уже к 1646 г. такая усадьба разделяется, как правило, именно на такое же количество дворов, и в дальнейшем их число на улице остается стабильным. Скорее всего, и писцовая 1627 г. фиксировала не реальное совместное прожива-

³ Показательно, что в 1690 г. в ходе разбирательства о границах участков между Рощенской и Козленской улицами только двое из восьми привлеченных к ответу жителей Рощенья смогли указать на владельцев соответствующих дворов по писцовой 1627 г. [3, с. 68].

ние нескольких семей в границах одной усадьбы, а некую формальность, созданную именно для писцов. Тем более, что в дозорной книге 1617 г. указано, что все эти посадские люди живут в своих отдельных дворах.

Точный подсчет ширины дворов по книгам 1627 и 1711 гг. показывает, что размеры подавляющего большинства дворов 1711 г. немного не укладываются в размеры дворов 1627 г. Получается разница (в большую или меньшую сторону) до 2 метров. Измерения ширины восьми дворов Рощенской улицы, проведенные в 1690 г., незначительно (в пределах 1–2 аршин) отличаются от ширины этих же дворов по переписной 1711 г. [3, с. 67]. Такая ситуация могла возникать как от неточности измерений при проведении описаний, так и в результате изменения границ участков. Во всяком случае, по материалам археологических раскопок на протяжении XVI–XVII вв. прослеживается подвижность расположения межусадебных изгородей и заборов, которые регулярно передвигаются в ту или другую сторону на 1–2 м [2, с. 85].

Правильность осуществленной реконструкции подтверждается тем, что длина улицы по Переписной книге 1711 г. (получаемая при сложении ширины дворов) – 570 м, совпадает с реальным расстоянием между Кирилловской и Предтеченской церквями. Визуальное представление о планировке Рощенской улицы можно получить по первому регулярному плану г. Вологды 1780 г.⁴ На нем отмечены границы участков, существовавших на тот момент, в том числе и на Рощенской улице. Соотношение их ширины в сравнении друг с другом вполне соответствует их ширине, указанной в переписной 1711 г.

Анализ персонального и фамильного состава дворовладельцев показывает высокую мобильность населения. Большинство дворов в тот или иной момент сменили владельца в результате продажи или других сделок. Для ряда дворов характерна крайняя неустойчивость населения (3–4 владельца). В Рошенье могли переселяться из других районов⁵, но есть примеры приобретения здесь дворов и жителями самой Рощенской улицы. Смена владельцев двора, судя по всему, могла быть связана не только с переселением в другой район. Значительное число сделок по продаже дворов заключалось вдовами.

В целом, на примере отдельного городского района удается получить надежные сведения о социальной истории, генеалогии посадских людей, их мобильности. Прослеживается владельческая история каждого двора на протяжении XVII – начала XVIII в.

Выявленные закономерности хотя и видны наиболее рельефно на примере Рощенской улицы, но, скорее всего, характерны и для остальной территории города.

1. *Андрианова Л.С., Гуслистова А.Н.* К вопросу о формировании городской территории Вологды в XVII–XIX вв. по результатам историко-археологических исследований // Жизнь в Российской империи: Новые источники в

⁴ РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Вологодская губ. Д. 7. Л. 1.

⁵ Например, в 1678 г. одним из дворов владел Иван Артемьев с. Пятышев. Родовой двор его семьи располагался на Троицкой улице, здесь же Пятышевы владели несколькими дворами в 1646, 1678, 1687 гг. [4, с. 53, 54, 101, 135, 256].

области археологии и истории XVIII века: материалы международ. науч. конф. М., 2018.

2. В глубину веков: очерки вологодской археологии. Вологда, 2016.
3. Вологда в период Петровских реформ: сборник документов и материалов. Вологда, 2007.
4. Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII вв. М., 2008. Т. 1.
5. Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII вв. М., 2008. Т. 2.
6. Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII вв. Вологда, 2018. Т. 3.

Н.А. Кореева¹

Социально-экономический портрет татарского купечества Казанской губернии в последней четверти XVIII в.

Казанская губерния; промышленность; татары; купечество; социальная мобильность; служилые татары.

В статье дается характеристика татарского купечества Казанской губернии, указаны источники его пополнения, некоторые особенности промышленной и торговой деятельности в последней четверти XVIII в.

Казанская губерния была учреждена в 1781 г., делилась на 13 уездов, центрами которых был губернский город Казань и уездные города². Особенностью губернии был ее полиэтнический состав, она занимала первое место среди губерний Волго-Уральского региона по числу татар (в 1795 г. в ней проживал 214 671 татарин, что соответствовало 52 % всего населения губернии). Количество татар по уездам Казанской губернии было различным. В 1795 г. 29 % всех татар губернии проживало в Казанском, 16,7 % – в Мамадышском, 14,2 % – в Тетюшском, 11,7 % – в Чистопольском, 9,2 % – в Лаишевском уездах [4].

Законодательство в качестве субъектов предпринимательской деятельности выделяло представителей дворянства, купечества, мещанства, крестьянства. Как самостоятельные субъекты предпринимательской деятельности дворяне татарского происхождения в источниках не фигурируют. Несмотря на малочисленность (менее 1 %), основными участниками коммерческих операций были купцы.

Источниками пополнения татарского гильдейского купечества являлись в основном три социальные группы населения: 1) «Казанские служилые татары», до 1821 г. пользовавшиеся правами купцов 2-й и 3-й гильдий и при этом не платившие налога за свидетельство (правительство указом Сената от 11 июля 1763 г. создавало определенные льготы для жителей Старой и Новой татарских слобод Казани «за их верную службу» [3, с. 492]; 2) лашманы или «служилые татары» – потомки мурз и служилых татар, которые в рамках выполнения лашманской повинности пользовались возможностью свободного передвижения по стране,

¹ Кореева Наталья Анатольевна, Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН Республики Татарстан (РФ, Казань), к.и.н., KoreevaNata@mail.ru.

² ПСЗ. Т. XXI. № 15 260. С. 289–291.

ежегодно передвигаясь по маршруту отбывания повинности на несколько сот верст туда и обратно; у них был большой опыт проживания в поликультурном пространстве, что способствовало изучению русского языка – важнейшего атрибута для ведения коммерческих операций в поликультурной среде; 3) государственные крестьяне (в документах – «ясачные татары»), которые занимались первоначально мелкой торговлей или накапливали первоначальный капитал, выезжали в Казахскую степь в качестве мелких торговцев, приказчиков или чернорабочих, или занимались покупкой у крестьян яиц, шерсти и их перепродажей. Несмотря на трудность перехода из крестьянского сословия в другое, в Казанской губернии в 1800 г. в купечество перешли 92 бывших ясачных крестьянина, 233 служилых татарина [8, с. 19].

Предприниматели-уроженцы Казанской губернии записывались в купцы как в городах губернии, так и за ее пределами. В составе татарского гильдейского купечества также были уроженцы из соседних губерний (например, Оренбургской, Вятской). Русские купцы были выходцами из Тулы, Астрахани, Нарвы и др. городов.

Татарские купцы брали свидетельства для торговой деятельности в Казани, Арске, Мамадыше, Чистополе, Тетюшах. Практически во всех городах, в которых были записаны татарские купцы, среди них имелись лица, проживавшие в сельской местности или в другом городе. В этом плане феноменом являлись татарские «арские купцы», записанные в купечество в заштатном городе Арск, где отсутствовала татарская община. М. Адамов с тремя сыновьями перешел в арское купечество из служилых татар Казанского уезда (д. Большие Менгеры), но остался жить в своей деревне³. В этом случае татарские коммерсанты получали выгоду – как купцы они имели право выезжать за пределы уезда, губернии, делать оптовые закупки товаров, сбывать оптом собственные произведения и крестьянские «рукоделия», иметь лавки в городе; как промышленники могли нанимать дешевую рабочую силу в сельской местности, получать некоторые виды сырья для производства, сокращая при этом издержки на оплату перевозок.

Структура гильдейского купечества среди татар и русских была в целом схожей. Самая богатая группа предпринимателей проживала в Казани. Именно здесь располагались купцы 1-й и 2-й гильдий, которые вели коммерческие операции в Казахской степи, Средней Азии, на крупных российских ярмарках, владели мануфактурами по обработке животноводческой продукции.

В последней четверти XVIII в. в Казани происходит рост татарских гильдейских капиталов – так, в 1785 г. насчитывалось 13 купеческих семей (из них 10 состояли во 2-й гильдии, остальные – в 3-й), в 1793 г. – 23 капитала (14 – в 3-й гильдии, остальные – во 2-й), в 1800 г. в Казани насчитывалось 31 татарское купеческое семейство, состоявшее из 126 душ. Сумма объявленного капитала составляла 553 549 руб. [6, с. 253]. Можно утверждать, что в данный период, наряду с активизацией торговли, про-

³ Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 114. Оп. 1. Д. 834. Л. 15.

исходило накопление капитала, необходимого для развития промышленности.

С середины XVIII в. среди татар Поволжья быстро развивается мануфактурная промышленность – особенно кожевенная, кумачная, мыловаренная отрасли. Уже к 1788 г. в Казани действовало 18 мыловарен: в 55 котлах ежегодно вываривалось 100–195 тыс. пудов мыла. Сырье для производства (сало, жир, известь, зола, соль, дрова) приобреталось в уездах губернии и за ее пределами [1, с. 193]. В 1799 г., по данным Казанской татарской ратуши, в Новой и Старой татарских слободах Казани было 11 мыловаренных, 5 козловых, 11 кожевенных предприятий (в первой – 20 предприятий, во второй – 7) [2, с. 70]. На них в общей сложности было занято 230 вольнонаемных рабочих. Практически все хозяева этих мануфактур являлись состоятельными купцами.

Предприятия бумажной промышленности, как правило, располагались при собственных домах их владельцев в сельской местности, представляя собой деревянные строения. Лишь в единичных случаях в источниках встречается упоминание о каменных строениях (кумачная фабрика арского 3-й гильдии купца К. Бурнаева в д. Верески Казанского уезда, основанная еще в 1775 г.) [7].

Татарские купцы являлись активными участниками местной торговли, они, прежде всего, опирались по покупательную способность местного татарского населения. Часть купцов являлись промышленниками, что отражалось на ассортименте продаваемых товаров – торговали продукцией собственного производства.

Татарские купцы занимали свою нишу в системе лавочной торговли, в Казани активно применяли сдачу в аренду русским коммерсантам под лавки своей недвижимости. Лавки татарских торговцев, располагавшиеся на хлебном базаре, например, князя Заманова (15 лавок), М. Юнусова (2 лавки) сдавались ими в аренду по цене от 42 до 200 руб. и приносили хороший доход – Юнусов получал от сдачи в аренду хлебных лавок 400 руб., Заманов – 800 руб. в год⁴. Лавки располагались также на первых этажах купеческих домов.

Для жителей татарских слобод в 1781 г. была открыта Казанская татарская ратуша, просуществовавшая до 1855 г. Часть татарских купцов и мещан были подведомственны Городовому магистрату, другая часть – Татарской ратуше. Например, в 1791 г. в ведомстве Татарской ратуши было 61 семейство (420 душ), а 201 семейство (1870 душ) перешли в ведение Казанского суда и магистрата.

Городские татары-мусульмане проживали компактной группой, занимая отдельные улицы и целые районы. Они размещались в основном на окраинных улицах, где располагались мечети, духовные школы. Особенности татарского населения в городах было обособленное расселение с максимальным сокрытием внутренней жизни, с более плотной застройкой [5, с. 31–32]. В 1799 г. в Казанской татарской ратуше был описан дом купца И. Кульметева: вход в дом начинался с сеней, закрытых дверью топорной работы на железных петлях, из них попадали в избу. В

⁴ Там же. Д. 216. Л. 363.

избе была кирпичная печь стропильной системы (дымоход выводился на улицу), четыре застекленных окна, сосновые нары, дверь в другие сени. Из вторых сеней был выход в другую избу, с кирпичной печью, с двумя окнами. Такое расположение помещений соответствовало мусульманской традиции делить пространство дома на мужскую и женскую половины.

На дворе располагались хозяйственные постройки: погреб, амбары, «поднавес» для содержания скота, «ворота створчатые о двух калитках на железных петлях»⁵. Дом купца был оценен в 200 руб.

Ценная информация о географии торговой деятельности татар и их мобильности содержится на оборотах выдаваемых купцам паспортов. Как видно из архивных источников, выдача паспортов напрямую зависела от намечавшихся в стране ярмарок и в разные времена года количество выданных документов претерпевало значительные колебания. Казанская татарская ратуша в 1785 г. выдала жителям Старой и Новой татарских слобод Казани 352 паспорта, из них 237 (67 %) были выданы в летние месяцы (особенно в июне – 125 штук), 59 паспортов (17 %) – весной, по 28 паспортов (8 %) – осенью и зимой⁶.

На основании имеющихся сведений можно определить направления торговой деятельности татар, то есть маршруты следования. Северо-восточное направление ярко иллюстрирует путь 23-летнего «служилого татарина» И. Муртазина, взявшего 6 июля 1792 г. паспорт. 20 января 1793 г. он отметился в Арске, затем в Перми, 1 февраля – в Кунгуре, 8 марта – в Екатеринбург⁷.

Татарские купцы Казанской губернии являлись активными участниками Макарьевской ярмарки, торговали в Оренбуржье. На меновом дворе Оренбургской пограничной линии в 1798 г. торговало 32 торговца из Казани и Мамадыша: 27 татар (84 %) и 5 русских (16 %). Тогда же во внутреннем гостином дворе Оренбургской пограничной таможни было 150 лавок, из них 10 занимали торговцы из Казанской губернии (7 %). Среди них преобладали лица, не имевшие купеческого звания, их в документах именovali просто «казанские татары»⁸.

Торгово-промышленная деятельность татарских купцов была основана на началах корпоративности: купцы татарских слобод совместно отправлялись на ярмарки, брали там лавки и места, расположенные, как правило, в одном ряду, выдавали друг другу кредиты и «верющие письма» для получения паспортов. Следует отметить также преемственность поколений татарских предпринимателей: «фабрики» и «заводы» переходили по наследству от отца к сыну, сыновья с малых лет участвовали в коммерческих операциях отцов, получая необходимые навыки. В последней четверти XVIII в., таким образом, были созданы необходимые предпосылки для дальнейшего капиталистического развития промышленных предприятий Казанской губернии, расширения коммерческой деятельности купечества.

⁵ Там же. Ф. 22. Оп. 2. Д. 977. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 1104. Л. 1–15.

⁷ Там же. Д. 1070. Л. 53–53 об.

⁸ Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 160. Л. 2–5 об.

1. *Андреева Н.Б.* Губернский и уездный города Казанской губернии в 1781–1860 гг.: проблемы политической и социально-экономической истории города в полиэтническом регионе: дисс. ... к.и.н. Чебоксары, 2006.
2. *Гилязов И.А.* Татарские слободы города Казани во второй половине XVI – середине XIX вв. // Татарские слободы Казани: Очерки истории. Казань, 2002.
3. История Татарии в материалах и документах. М., 1937.
4. *Исхаков Д.М.* Динамика численности и расселение татар в Поволжье и Приуралье // История татар с древнейших времен. Т. VI. Формирование татарской нации. XIX – начало XX в. Казань, 2013.
5. *Надырова Х.Г., Русинова А.А.* Архитектурно-пространственная организация уездных городов Казанской губернии конца XVII–XVIII вв. // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. 2016. № 4 (38).
6. *Свердлова Л.М.* Региональная и местная торговля // История татар с древнейших времен. Т. VI. Формирование татарской нации. XIX – начало XX в. Казань, 2013.
7. Состояние фабрик и заводов в Казанской губернии в 1828 г. // Журнал мануфактур и торговли. 1830. №11.
8. *Хайрутдинов Р.Р.* Управление государственной деревней Казанской губернии (конец XVIII – первая треть XIX в.). Казань, 2002.

А.Л. Полищук, П.И. Прудовский¹

Семья, род и посадское общество в конфликтах городских жителей в России второй четверти XVIII в.

Русский город XVIII в.; посадские люди; конфликт; история повседневности.

Прослеживаются механизмы возникновения и прекращения конфликтов в повседневной жизни горожан Трубчевска, Дмитрова и Чебоксар и роль сети социальных связей участников в их (конфликтов) развитии. В ходе столкновений фиксируется роль «групп поддержки» каждой из сторон, которая могла способствовать как обострению, так и умиротворению конфликта.

Одной из наиболее распространенных ситуаций, когда посадские люди становились «видимы» для государства и, следовательно, для историков, была ситуация конфликта, связанного с насилием. Подобные случаи влекли за собой обращение сторон в органы власти и фиксацию происшедшего в делопроизводстве. При таком положении дел столкновения между городскими жителями становятся той стороной жизни, через посредство которой мы знакомимся с целым рядом проблем социальной истории города. В этом аспекте они становились объектом интереса историографии [2, с. 141–143]. В данной работе на примере трех казусов мы рассмотрим вопрос о механизмах возникновения и урегулирования повседневных конфликтов в социуме русского города.

Три конфликта, рассмотренные в данной работе, объединяет одно обстоятельство: все они произошли между людьми, связанными отноше-

¹ Полищук Александр Леонардович, РГАДА (РФ, Москва), alex-pol82@yandex.ru; Прудовский Петр Игоревич, РГАДА (РФ, Москва), к.и.н., hypolimnion@gmail.com.

ниями свойства. В Трубчевске в 1724–1726 г. столкнулись теща и зять², в Дмитрове в 1747 г. – зять и шурин³, а в Чебоксарах в 1748 г. – зять и тесть⁴. Подобный расклад интересен тем, что в конфликт вовлекались представители семей, не связанных кровным родством, но между которыми при этом существовала определенная система отношений, что, в свою очередь, открывало путь к участию в развитии и успокоении столкновения более широких кругов городского населения.

Ход рассмотренных распрей состоял в следующем. В Трубчевске овдовевшая жена посадского человека, оставшись с тремя дочерьми, выдала старшую за посадского человека из Брянска с условием, что он будет ее почитать, кормить и поить до ее смерти, а юных своячениц выдаст замуж с приданым. Однако тот стал вести себя грубо и начал распродавать семейное добро. Тогда теща, чтобы обеспечить свое существование и выполнение тягловых повинностей, вышла замуж за калужского посадского человека. Это движение, ввиду появления еще одного претендента на родовое имущество, только обострило ее конфликт с зятем. После ряда бурных столкновений, в которых Трубчевская ратуша принимала крайне неохотное участие, не укрощая буйство зятя, а брат первого мужа тещи иногда пытался действовать примирительно, для урегулирования конфликта собрался третейский суд с участием группы посадских людей во главе с ратманом и трубчевских соборных попов. Суд вынес решение в пользу тещи, но никаких санкций к зятю применить не мог, в силу чего решение осталось на бумаге (если не устным). Наконец, новый муж тещи апеллировал к вышестоящей инстанции – в Севский магистрат, и тот оперативно приказал доставить зятя на разбирательство. С первого раза это не удалось, но когда в Трубчевск за нарушителем явился уже второй рассыльщик, по-видимому, окружение конфликтующих сторон сумело призвать их к компромиссу, и было заключено мировое соглашение. Стимулом для этого, надо думать, стала ставшая реальной угрозой государственной санкции.

В Дмитрове шурин, по-видимому, имел какие-то претензии, в том числе имущественные, к зятю и его жене – своей сестре. По крайней мере, однажды он требовал у них лошадь, а сам их двор называл своим. Нельзя исключать, что в деле было замешано его недовольство разделом наследства и выделенной его сестре на приданое долей. Документированная история конфликта насчитывала около десяти месяцев, в течение которых произошло несколько нападений и взаимных оскорблений. Зять несколько раз обращался в магистрат и даже добился наказания шурина, но по просьбе знакомого купца освободил свойственника от экзекуции. Противоречия достигли кульминации на праздновании свадьбы одного их знакомого, когда стороны нанесли друг другу тяжкие оскорбления. Однако меньше чем через месяц была заключена мировая. Учитывая публичность ссоры, можно думать, что какую-то роль в умиротворении сыграло посредничество гостей свадьбы.

² РГАДА. Ф. 786. Оп. 1. Д. № 45; Ф. 769. Оп. 1. Д. 5.

³ Там же. Ф. 724. Оп. 1. Д. 2127, 2128.

⁴ Там же. Ф. 796. Оп. 1. Д. 94.

В Чебоксарах зять с тестем встретились в гостях на крестинах. Последний был должен мужу своей дочери сумму денег, которую тот и потребовал вернуть. Спор перерос в перепалку, а та – в драку, и избитого зятя вытолкали из дома. Тот с женой пошли к себе, но вскоре их нагнала компания тестя и снова стала бить. Затем подобная встреча повторилась, и тогда зять, зайдя домой за ножом, заколол одного из избивавших его гостей. Отметим, что все участники столкновения были очень пьяны. Поскольку совершилось убийство, Кабанов (зять) был подвергнут инквизиционному уголовному процессу, в результате которого он был приговорен к смертной казни, подлежавшей конфирмации Главным магистратом и, возможно, так и не приведенной в исполнение.

В этом деле обращают на себя внимание три подробности. 1) Жена Кабанова в ходе розыска полностью встает на сторону своего мужа, тогда как ее брат – на сторону своего отца. 2) С самого начала распри выделилась группа сторонников тестя, своими действиями усугубившая конфликт и, в конечном счете, спровоцировавшая Кабанова на убийство. 3) В ходе розыска фигурирует целый ряд свидетелей, унимавших дерущихся, хотя и безуспешно. Эти моменты подчеркивают основные линии конфликтов и распределения сторон. Солидарность жен с мужьями, а не с кровными родственниками мы видели и в конфликте в Трубчевске. (Здесь сразу вспоминаются проникновенные строки А.Я. Гуревича в «Эдде и саге», где он обсуждает «Сагу о Гисли, сыне Кислого», тот момент, где сестра заглавного героя изменяет родовому принципу и встает на сторону своего мужа в его распре с шурином [1, с. 130–131].) Деятельность «групп поддержки», оказавшая столь деструктивной в последнем случае, прослеживается и в других случаях, но в силу того, что она была направлена на предотвращение и ограничение конфликта, она находила лишь косвенное отражение в источниках. Тем не менее, именно подобные конфликтные ситуации позволяют раскрыть сеть социальных связей среднего посадского человека в рамках его городской общины. Наконец, и за пределами рассмотренных случаев мы нередко видим участие посторонних лиц, стремившихся разнять или утихомирить ругающихся и дерущихся. Трубчевский и чебоксарский случаи демонстрируют малую эффективность и безуспешность подобного вмешательства, когда миротворцы воздерживаются от силового пресечения конфликта и не берут на себя де-факто функции государственной власти. Такая сдержанность во время всплесков насилия представляется типичной в столкновениях горожан и связана, видимо, либо с возможностью суровой правовой квалификации такого самочинного применения силы государством, либо с конкретным соотношением сил противоборствующих сторон и миротворцев. Напротив, при переходе конфликта в холодную фазу посреднические усилия общины активизируются, и происходит эффективное исключение государственной власти, чье вмешательство могло лечь тяжким бременем на тяжущиеся стороны, из решения конфликта.

1. *Гуревич А.Я.* Избранные труды. Норвежское общество. М., 2009.
2. *Каменский А.Б.* Повседневность русских городских обывателей: исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006.

**Казус выборов соляного головы в г. Гороховец в 1776 г. в
контексте выборов в казенные службы в XVIII в.**

Купечество; XVIII в.; выборы; соляная служба; социальные практики; история повседневности.

Доклад посвящен такой слабоизученной теме, как выборы в казенные службы на материале казуса выборов соляного головы, происшедших на сходе мещанства и купечества в г. Гороховец в 1776 г. Анализ данного казуса дает уникальную возможность для исследователя рассмотреть ряд традиционных выборных практик.

Многие повседневные реалии прошлого скрываются от исследователя ввиду слабой изученности вопроса или недостаточной обеспеченности источниками. Одним из таких важных, но слабо освещенных явлений являются посадские выборы в казенные службы. В историографии больше внимания уделялось выборам в органы городского самоуправления XVIII в. (имеются ввиду ратуши и городские магистраты до реформ Екатерины II) [2, с. 673–795; 3, с. 67], выборы в казенные службы интересовали исследователей в меньшей степени².

Данный вид служб купечества известен в российской истории со второй половины XVI в. Государство в порядке повинности обязывало купцов собирать таможенные пошлины, обеспечивать важнейшие государственные монополии, такие как торговля вином, солью и прочими казенными товарами, также купцы были обязаны исполнять полицейские обязанности и выполнять ряд других служб. Отбывать данный вид повинностей приходилось практически каждому посадскому тяглицу, и они касались большинства торгово-промыслового населения России. Как считается, система казенных служб начала упраздняться в период реформ Екатерины II.

Кандидатов в казенные служители выбирали посадские общины из числа своих тяглицов. Служить в финансово-хозяйственных государственных учреждениях необходимо было год (срок службы в органах самоуправления мог быть выше). Таким образом, длительный исторический период выборы в казенные службы были ежегодным заурядным событием посадской жизни, однако сведения о них в исторических источниках представлены крайне скупо.

Причин этому несколько. Первая – весьма фрагментарная сохранность источников. Вторая – весьма ограниченная информативность формуляра так называемого «выбора» – документа, которым оформлялось избрание посадскими людьми своего кандидата. Государство требовало, чтобы проведение выборов соответствовало ряду условий, и они были отражены в «выборе». Подписывая данную бумагу, выборщики брали на себя материальную ответственность за действия их представителя. Сво-

¹ Наседкин Егор Николаевич, РГАДА (РФ, Москва), к.и.н., ennhist@gmail.com.

² В последнее десятилетие появились работы, специально посвященные этому вопросу. См.: [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10].

ими «рукоприкладствами» они гарантировали, что их кандидат зажиточен и грамотен.

Других требований к самой процедуре выборов не выдвигалось, поэтому внутриобщинные практики выборов никак не фиксировались в текстах «выборов». Безусловно, доверять стандартному клише формуляра «выборов» не стоит. Исследование казенных служб Москвы второй четверти XVIII в. показало, что достаточно часто выбирали отнюдь не «грамотных и пожиточных», а равным счетом наоборот, многие из них были тяжелобольными и даже страдали сумасшествием [4, с. 200–205; 5, с. 77–78].

Регулярная практика выборов к службам «недостойных» волновала еще в XVII в. боярина Ордина-Нащокина. Будучи псковским воеводой (1665–1666), он писал в «памятях» (указаниях) псковичам следующее: «...в службах градских и хлебных сборах выборы бывают и недоборы чинятся от нерадения всенародного, что много не по достоинству выборы» [1, с. 2].

В 1724 г. известный экономист-самоучка Иван Тимофеевич Посошков сообщал: «...а выбирают в целовальники самых бедняков, то как ему правда делать, что есть-ли ему не украсть, то и хлеба добыть ему негде. И тако вси в грех впадают, те служители от нужды касаются краже, а другия ведают, что и первого дня без кражи не пробудут, а ко кресту принуждают. А егда увидят чье похищение, то пытаются и кнутом бьют и дома их разоряют, а за преступление клятвы и на том свете будут мучиться» [11, с. 287–288]. Таким образом, хотя в каждом «выборе» обязательно было записано, что кандидат в служители «человек добрый, пожиточный и грамоте и писать умеет» – далеко не факт, что это соответствовало действительности.

Реальные обстоятельства выборов выявляются в тех случаях, когда в ходе их возникал конфликт, и начиналось разбирательство на основе полученных жалоб. В этом контексте интересен казус выборов, происшедших в г. Гороховце в 1776 г. Гороховец, хотя, как известно, и не относился к крупнейшим городам России, однако являлся важным торговым центром. Торговля по р. Клязьме приносила его посаду существенный доход. До сих пор в Гороховце сохранилось немалое количество богатых каменных купеческих домов, активно строившихся в нем в конце XVII – начале XVIII вв.

В 1776 г. полным ходом шла реформа Екатерины II, и большая часть бывшего купечества г. Гороховца оказалась записана в мещанство. Но по-прежнему сохранялись старые механизмы выборов в казенные службы. «Купечество и мещанство» Гороховца собралось для того, чтобы выбрать голову «у приема соли» и его помощника ларечного. О развернувшейся далее коллизии нам известно из доношения мещанина Андрей Алексеева сына Сапожникова, который оказался избранным на должность головы и был этим страшно не доволен³.

Свое гневное «доношение» в воеводскую канцелярию Сапожников начал с того, что был выбран не по очереди – эта жалоба была весьма традиционна для XVII–XVIII вв. В ответном доношении староста Канун-

³ РГАДА. Ф. 479. Оп. 2. Д. 420. Л. 1–3.

ников, настаивал на том, что Сапожников был выбран «в очередь», а то, что он ранее уже привлекался к службам, то было это более десяти лет назад, когда несовершеннолетний Андрей Сапожников заменял у служб отца. Таким образом, та служба Андрею не засчитывалась. Кроме того, отмечал староста: все другие «очередные» грамотные мещане и купцы находились в отъездах.

Жалоба на нарушение служебных очередей была не единственным аргументом незаконности выборов Сапожникова, в своем доношении он приводит свидетельства серьезных махинаций. Со слов Андрея Сапожникова, поначалу собравшиеся договорились выбрать в головы купца Скосырева. За эту кандидатуру голосовало большинство пришедших мещан, правда, это большинство относилось к «маломощным». Против Скосырева выступил степенной голова Егор Канонников «с братия и родственники» (которые, видимо, представляли состоятельную и хорошо организованную силу).

Сторонники Канонникова «меж себя», не обсуждая с другими мещанами и купцами, выбрали купца Мишарина. На Мишарина был составлен «выбор» и его положили на стол для подписания остальными участниками схода. Однако тут произошло неожиданное: степенной голова Егор Канонников подошел к столу, схватил выбор и «азартным образом» его «изодрал». Разорванную бумагу он положил в карман и начал перешептываться со Скосыревым и некоторыми другими купцами. Вскоре после этого участников схода по указанию степенного головы заперли в помещении, где проходили выборы (это была одна из палат Магистрата) и стали там держать, пока они поставят подпись за кандидатуру мещанина Сапожникова. Подробное описание нарушений на выборах Сапожникова приводит с целью обосновать необходимость их пересмотра⁴.

Другое серьезное нарушение, о котором он сообщает, это выбор в ларечные неграмотного кузнеца Шумилова, которого тоже долго держали взаперти, пока он не согласился быть ларечным. Это было серьезным, хотя и не редким нарушением выборов.

Законодательство жестко запрещало выбор неграмотных некомпетентных служителей, особенно на такую ответственную должность, как должность ларечного. Финансово-хозяйственная деятельность подобного служителя неминуемо должна была привести к возникновению недоплат, которую должны были взыскать сначала с самого служителя, а потом с его выборщиков и общины.

В своем доношении Сапожников также намекает, что выбор его кандидатуры также не беспроblemен. Свалившаяся на его голову служба угрожала ему перспективой невыплаты долга кредиторам, у которых он взял денег для закупки рыбы в Астрахани. В этой жалобе также слышится скрытая угроза: у «впавшего в нищету» служителя был слишком высокий соблазн воспользоваться казенными деньгами⁵.

Степенной голова Канонников особых сложностей в этом не видел, он предлагал Сапожникову нанять своего поверенного, чтобы тот съез-

⁴ Там же.

⁵ Там же.

дил в Астрахань за рыбой. Неграмотность кузнеца Шумилова и махинации на выборах в ответном доношении степенной голова никак не комментировал⁶.

Давайте проанализируем ситуацию в целом. Перед нами очевидный конфликт. На выборах произошло столкновение «маломощной» части мешан с богатым родственным кланом степенного головы Канонникова. Состоятельная часть схода благодаря своеволию и финансово-административному весу сумела навязать свое решение сходу. Немало примеров столкновений между «первостатейными» и «малотяглыми» посадскими людьми в ходе выборов в органы городского самоуправления XVIII в. (имеются в виду ратуши и городовые магистраты до реформ Екатерины II) приводил А.А. Кизеветтер. Подобные конфликты рассматривались А.В. Муравьевым на материале выборов в Московскую ратушу [2, с. 673–795; 3, с. 67]. Но на выборах в органы городского самоуправления у первостатейных была задача любой ценой выбрать представителя в данные учреждения. А в рассмотренном нами примере выборов в казенную службу у соли у богатых родственников степенного головы была обратная цель: **не допустить выбора** состоятельного купца на должность соляного головы и тем самым уберечь его от исполнения разорительной службы. Скорее всего, купец, которого изначально выбрало «маломощное» купечество, находился в родственных или деловых связях с окружением степенного головы.

При этом итоговый выбор гороховецкого схода в 1776 г. угрожал перспективой возможной недостачи в соляном деле, поскольку выбранный в ларечные неграмотный кузнец точно не мог справиться с ведением приходно-расходной документации. И этот «недобор» мог быть вызван с самих выборщиков. Как уже отмечалось, подобная практика избрания людей, априори неспособных к исполнению казенных служб, фиксировалась и ранее. Казус 1776 г. также интересен тем, что он показывает, что начатая городская реформа Екатерины II не изменила сразу же практик казенных служб.

1. ДАИ. СПб., 1853. Т. 5.
2. *Кизеветтер А.А.* Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903.
3. *Муравьев А.В.* Образование Московского магистрата // Вестник МГУ. Сер. 8: История. 1963. № 3.
4. *Наседкин Е.Н.* Взыскание недоимок по казенным службам с посадской общины (по материалам Москвы второй четверти XVIII в.) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2011. Вып. 2.
5. *Наседкин Е.Н.* «И всегда находится болен...». Как уклонялись от служб наши предки // Родина. 2009. № 8.
6. *Наседкин Е.Н.* История одной кражи: реалии и практики выборной службы сторожей на Московском гостином дворе в конце XVIII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2015. Вып. 4.
7. *Наседкин Е.Н.* Источники и методики их изучения по истории казенных служб московского купечества в 20-е – 30-е гг. XVIII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2009. Вып. 1.
8. *Наседкин Е.Н.* Казенные службы московского купечества в 20-30-е гг. XVIII в.. Автореф. дисс. ... к.и.н. М., 2011.
9. *Наседкин Е.Н.* Отъезжие службы купечества в подмосковных таможах и

⁶ Там же.

- кабаках второй четверти XVIII в. (по материалам таможен и кабаков в селах Гжель, Новое, Вороново, Молоди, Сальково и др.) // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. № 1. Город: история и культура. М., 2014.
10. *Наседкин Е.Н.* Посадские выборы в московские таможни в 1739–1740 гг. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Курск, 2009.
11. *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве. М., 1951.

А.В. Белов¹

Московская полиция во второй половине XVIII в.: становление органов правопорядка и городская среда

Административная реформа; дореформенный город; Екатерина II; полиция; Москва; городская среда.

Во второй половине XVIII в. власти столкнулись с необходимостью создания в городах профессиональной полиции. Осуществление преобразований было сопряжено с целым набором трудностей и особенностей, которые отражались на жизни горожан и без знания которых нельзя понять городскую среду того исторического времени. В ходе реформ были заложены основы для функционирования органов защиты правопорядка.

Что представляло собой качество работы той городской полиции, которую получила Екатерина II? Пример дает всеподданнейший рапорт главы Новгородской губернии Якова Ефимовича Сиверса.

Будучи опытным администратором и доверенным лицом императрицы, он уже в 60-х гг. начал проводить реформу на территории Новгородского края. Здесь Сиверс столкнулся с работой местной полиции и буквально пришел в ужас. Как он писал императрице, все члены местной полиции «уже находятся под судом за взяточничество, [и] того же приходится опасаться и в других городах» [2, с. 26]. Исходя из сложившегося положения дел, Сиверс утверждал, что в его губернии полиции как силы правопорядка попросту не существует. Более того, ее чины были лишены постоянного жалованья, и наместник доказывал Петербургу, что добиться толку невозможно, «если только не будет обеспечено пропитание полицейских служащих» [2, с. 26]. Кроме того, Сиверс к своему удивлению обнаружил, что полиция не подчиняется никому и находится «неизвестно в чьем ведомстве» [2, с. 26].

Не лучше обстояло дело и в Москве. Итог ревизии, проводимой в середине XVIII в., ошеломил всех. Оказалось, что в городе «издавна» органы правопорядка состояли «большою частию из турок, волохов, поляков и других чужестранных наций»². При этом иноземцы нередко вели себя весьма агрессивно по отношению к коренным москвичам.

Кроме того, часть полицейских функций была возложена на самих горожан, которых в буквальном смысле «примучивали» заниматься охраной порядка. Известны случаи, когда рядовые торговые и посадские люди, исполнявшие должности пятидесятских и десятских, не только

¹ Белов Алексей Викторович, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), к.и.н., belovavhist@mail.ru.

² РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 576. Л. 114.

выявляли известного убийцу, у которого за плечами были десятки случаев «душегубства», но лично осуществляли его задержание.

Органам защиты жизни и имущества обывателей не хватало элементарных возможностей исполнять свои обязанности даже в Москве. Разбойный (или Сысканой) приказ в 40-х гг. XVIII в. ютился на небольшом участке между храмом Василия Блаженно и рвом кремлевской стены. Из-за нехватки помещений опасных преступников (колодников), содержали даже в помещениях присутственных мест [1, с. 19–23].

Таким образом, к 1762 г. перед властью стояла задача срочного создания при городах подразделений полиции, которые функционировали бы как полноценные государственные структуры.

Работы по упорядочиванию дел в сфере общественного порядка проводились еще до губернской реформы, получившей свое официальное начало в 1775 г. Но официальное учреждение полиции произошло в 1782 г., когда 8 апреля был высочайше утвержден «Устав благочиния или полицейский». Содержание известно, но отметим важные ключевые моменты: город получал полицейскую инфраструктуру с постоянным штатом; делился на полицейские территориальные единицы; вводились словесные суды; создавались мобильные отряды («полицейские эскадроны»); и др.

Реформа полиции в Москве началась одновременно с «учреждением» новой Московской губернии. 4 июля 1782 г. главнокомандующий Москвы Захар Григорьевич Чернышев отправил императрице отчет о разделении Москвы «в полицейском отношении». Согласно ему полицейские части были двух видов – полные и кратные, а территория разведена на 20 «дробных» частей и 88 кварталов³. Одновременно велись работы по комплектованию полиции.

К 1782 г. в Москве имелся полицейский «гусарский батальон» черноморцев, имевший в своем распоряжении 100 лошадей. Данное подразделение уничтожалось, а его «всадники» переходили в другие службы. При создании новой городской полиции в 1785 г. Сенат требовал комплектования штатных городских рот исключительно из лиц прошедших службу в «полевых полках»⁴.

20 июня 1788 г. Екатерина II издала повеление о комплектовании в Москве полицейских эскадронов. Данное решение было вызвано острой необходимостью. Страна вела войну, и армейские части ушли из города. В итоге в «Первопрестольной» катастрофически не хватало конных сил даже для борьбы с разбоями⁵.

Стремясь укомплектовать новые эскадроны, власти столкнулись с острым дефицитом денег. В итоге главнокомандующий обратился к купцам. Пригласив к себе голову купеческого общества, он дал понять, что ему надлежит «способствовать в сем государственным надобностям» и предоставить «от себя... на составление конных здесь эскадронов деньга-

³ Там же. Д. 575. Ч. I. Л. 159 об.–160.

⁴ Там же. Д. 576. Л. 114.

⁵ Там же. Д. 578. Ч. IV. Л. 116 об, 120 об.

ми пособие», тем более, «что оные учреждаются для хранения гражданского благоустройства»⁶.

Купцы, по утверждению главы Москвы, на это предложение ответили «охотно», что по ряду других случаев вызывает, по крайней мере, сомнение. Но, так или иначе, они выделили 20 тыс. руб. В итоге с июля 1788 г. в Москве стали создавать подразделения, которые именовались в документах как «конные гусарские эскадроны здешней Столицы полицейской команды»⁷. Таким образом, можно считать, что 13 июля 1788 г. (дата объявления Еропкина о создании двух гусарских полицейских эскадронов) в Москве появился прообраз ныне существующей профессиональной полицейской патрульно-постовой службы.

Не имея гарантированных источников пополнения полицейских отрядов, новый главнокомандующий П.Д. Еропкин предложил императрице одобрить набор в полицию из категории «праздношатающихся здесь людей», проживавших в городе. На что получил одобрение. Исполняя свой проект, он начал набор, но за три месяца привлек всего «несколько» человек⁸. Положение дел с комплектованием Еропкин охарактеризовал одним словом своего отчета – «безнадежно»⁹.

В итоге, не имея никакой возможности провести набор среди вольных людей, власти решили использовать привычный подход – переписать в новое состояние (т.е. в должность полицейских!) лиц из числа казенных крестьян!

Набор первого гусарского полицейского эскадрона Москвы был завершен в конце июля 1788 г. В августе 1788 г. с полицейскими гусарами велась работа по их обучению «военным действиям»¹⁰. Вскоре власти преступили к формированию второго эскадрона.

В начале 1790 г. на должность наместника в Москве вместо Еропкина пришел Александр Александрович Прозоровский.

Новый глава города провел ревизию Управы благочиния и в марте 1790 г. составил для императрицы подробную аналитическую записку. Данный документ вызывает большой интерес, так как описывает проблемы, сопряженные с этапом становления профессиональной полиции Москвы. Это дает возможность увидеть, какие результаты были достигнуты в первое десятилетие проведения реформы.

Основные замечания сводились к 16 пунктам¹¹, которые можно суммировать в несколько групп.

Первая – неготовность гусарских полицейских отрядов. В начале марта 1790 г. они представляли собой следующую картину. Первый эскадрон был готов, снаряжен и имел в своем составе 18 всадников. Во втором численность составляла лишь 10 чел., причем все они служили «в собственном платье» и без лошадей.

⁶ Там же. Л. 133.

⁷ Там же. Л. 134.

⁸ Там же. Д. 578. Ч. III. Л. 31.

⁹ Там же. Д. 578. Ч. IV. Л. 133.

¹⁰ Там же. Л. 152.

¹¹ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 582. Ч. I. Л. 57–61 об.

Прозоровский считал, что виновным в неготовности отрядов являлся майор Вердеревский, которому поручили их формирование. На это власти выделили «сумму довольную», но она была «освоена» (точнее присвоена) тем же майором. Выражаясь языком наместника, «сочиненная» Вердеревским часть была не укомплектована, не обмундирована и не имела лошадей, в то время как на их закупку и приобретение фуража деньги были потрачены на год вперед. Даже те лошади, которые имелись, не получали положенного: «летом содержал их майор на пасьбе»¹².

Вторая группа замечаний сводилась к тому, что полицейские структуры города (части) реальную деятельность подменяли аккуратным делопроизводством. Отсутствие своих обязанностей они легко оправдывали фразой – о том «[мы] подали рапорты». Как отмечал новый генерал-губернатор, многие работы исправлялись только к тому, чтобы «во всем ведении был порядок на письме только»¹³.

Третья претензия – неудовлетворительная работа низших словесных судов. Выяснилось, что многие москвичи вообще «о совестных судах и сведения не имеют», а сами судьи в присутствиях вообще не бывают.

Четвертый перечень погрешностей описывал положение дел с гербергами, которые подрывали винную монополию и покровительствовали крупному подпольному игорному бизнесу.

Пятая группа – работа сыска. В городе были частые случаи воровства, но виновных редко ловили, несмотря на то, что, как писал А.А. Прозоровский, «полиция слишком довольно чиновниками, которые, по его мнению, имеют «попечение о собственности только своей, а не о должности». Главнокомандующего вообще сильно удивило, что многие «сверхкомплектные» штаб- и обер-офицеры полиции «живут же не получая жалованья довольно хорошо»¹⁴.

Кроме этого, оказалось, что полиция откровенно манкировала одной из главных своих обязанностей – поиском беглых. В Москве отсиживалась масса не просто крестьян, а солдат и рекрутов. Некоторые из них проживали в «Первопрестольной» уже «в работах... по немалому времени», а другие творили «воровства и непристойности»¹⁵.

При этом налицо были и многие положительные изменения. За весьма незначительное время Москва, огромный город, получила новое полицейское деление и соответствующую ему полицейскую инфраструктуру, был набран штат офицеров и низших служителей, заработали мобильные отряды, действовали органы сыска. При этом они не только справлялись с текущими делами, но и были в состоянии расследовать, что называется, резонансные преступления. Наиболее громким криминальным событием этого времени было убийство «секретаря Степанова», которое произошло 1 сентября 1780 г. в Даниловском монастыре¹⁶. Надо отметить, что и уровень преступлений в Москве в это время был значительно ниже, чем в

¹² Там же. Л. 3.

¹³ Там же. Л. 57 об.

¹⁴ Там же. Д. 582. Ч. I.

¹⁵ Там же. Л. 58 об.

¹⁶ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 582. Ч. I. Д. 574. Л. 212–213 об.

последующие годы. Кроме того в ходе реформы полиция столкнулась с целым рядом трудностей материального и организационного характера, которые были сняты лишь к середине XIX в.

1. *Акельев Е.В.* Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М., 2012.
2. *Истомина Э.Г.* Границы, население, города Новгородской губернии (1727–1917 гг.): очерки по административно-территориальному делению. [Новгород], 1972.

Е.Д. Беспалёнок¹

Конфликты в повседневной жизни купечества провинциальных городов России XVIII в. (на материалах Смоленска)

Купечество; конфликты; земельные споры; военные постояльцы; консистория.

Статья рассматривает конфликты с участием купцов в Смоленске XVIII в. Исследованы стороны и предметы конфликтов. Купцов волновали земельные споры, денежные долги, а также притеснения со стороны военных постояльцев и консистории и другие проблемы.

Конфликты были одной из неотъемлемых сторон повседневной жизни различных социальных групп в разные исторические периоды. Изучение архивных документов позволяет сделать вывод о том, что социальные конфликты играли важную роль в жизни провинциального российского купечества XVIII в. Исследование конфликтов дает возможность выделить важнейшие сферы повседневной жизни провинциального купечества, его ценности и интересы. Сохранившиеся судебные дела содержат сведения о сторонах конфликтов, предметах спора, а также о разных способах поведения купцов в конфликтных ситуациях. Все это дополняет характеристику менталитета российского провинциального купечества XVIII в.

В современной историографии вопрос об участии российских провинциальных купцов в конфликтах в XVIII в. разработан недостаточно. Но отдельные исследования свидетельствуют об интересе историков к этой проблеме. Профессор Н.В. Козлова рассмотрела конфликт по поводу дележа наследства между вдовой и братьями купца Г. Чирьева [3]. Конфликт между ярославскими купцами и местным магистратом был изучен в работе историка Г.В. Ибнеевой [2]. В ряде статей автора данной публикации также исследовались конфликты, участниками которых были купцы Смоленской губернии, в частности, конфликты смоленских и вяземских купцов с военными постояльцами и др. [1].

Источниковая база исследования участия российских купцов в конфликтах внутри провинциальных городов в XVIII в. довольно обширна. В силу исторических причин, документы, раскрывающие вопросы исследуемой темы применительно к городам Смоленской губернии, со-

¹ Беспалёнок Елена Дмитриевна, Смоленский государственный университет (РФ, Смоленск), к.и.н., edb@mail333.com.

хранились только в РГАДА. При этом самый большой комплекс документов содержится в фонде Главного магистрата, поскольку купечество обращалось с челобитными и доношениями в этот орган при невозможности найти выход из конфликтной ситуации при участии только местных органов управления. Поскольку в РГАДА имеется и небольшое количество дел местных органов, в частности Смоленской ратуши, содержащих информацию о конфликтах в Смоленске в первой половине XVIII в., исследование этой небольшой выборки документов позволяет рассмотреть конфликты, которые разрешались и на местном уровне. Проблемой при проведении исследований является ветхое состояние многих документов.

В результате исследований в трех фондах РГАДА было выделено 20 архивных дел, содержащих сведения о конфликтах, произошедших в Смоленске с начала 40-х до середины 70-х гг. XVIII в. Изучено четыре дела из фонда Смоленской ратуши². В них рассматривается всего 14 конфликтов, в большинстве из которых обеими сторонами выступали сами купцы.

Четырнадцать из пятнадцати исследованных судебных дел фонда Главного магистрата посвящены отдельным конфликтам³. Одно дело выделяется по содержанию, поскольку в нем собраны сведения, как минимум, о тринадцати конфликтах между купцами и магистратскими служащими Смоленска, с одной стороны, и местной консисторией и архиерейскими служителями – с другой⁴.

Таким образом, в рассмотренных документах содержатся сведения о сорока одном конфликте 40-х–70-х гг. XVIII в., одной или обеими сторонами которых были смоленские купцы.

Сторонами конфликтов в рассмотренных судебных делах выступали смоленские мещане, то есть смоленские купцы, а противниками их были военные постояльцы, а также отставные солдаты, служители консистории и архиерея, иногородние купцы, канцеляристы и прочие.

Было семь случаев, когда с обеих сторон выступали смоленские мещане, пять случаев – когда конфликтующими сторонами против смоленских купцов были близкие к ним категории городского населения: канцеляристы, коллежский переводчик, смоленский житель.

Особое место среди конфликтов, в которые вступали купцы, занимали случаи жесткого притеснения со стороны служителей консистории и архиерея. Таких конфликтов в обнаруженном деле в фонде судебного магистрата, как указано выше, было тринадцать.

Различные конфликты с военными, в том числе – с военными постояльцами, были серьезной проблемой для смоленских купцов. В рассмотренных документах их отмечено восемь, причем три из них имели коллективный характер.

Определенное место занимали конфликты с иногородними купцами. Таких дел обнаружено три.

² РГАДА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 2–5.

³ Там же. Ф. 291. Оп. 1. Д. 2611, 4706, 5244, 6213, 7655, 9344, 9684, 10 262, 10 642, 13 718, 14 489, 15 648, 15 679, 17 787.

⁴ Там же. Д. 2292.

Редкими для Смоленска были конфликты смоленских купцов с местным магистратом. Найдено только одно такое дело, хотя известно, что в тот же период в близкой к Смоленску Вязме таких дел было довольно много. Обычно же магистрат выступал в спорах на стороне смоленских купцов.

Имеются единичные дела, в которых против купцов выступали приказчик дворянина Н.Н. Демидова, управитель дворцового села Поречье, полицмейстер.

В восьми конфликтах одной из сторон выступали женщины, которые чаще всего были вдовами. Купчих среди них было шесть.

Предметами споров, лежавших в основе конфликтов, было незаконное завладение землями, денежные долги, нарушение правил постоя военными постояльцами, обвинения в кражах, оскорбления, побои, деловая конкуренция, дележ наследства и пр.

Среди всех судебных тяжб особенно выделяется дело 1745–1746 гг. о притеснениях смоленских купцов и магистратских служащих со стороны смоленской консистории и архиерейских служителей. В этом деле содержится информация о 13 конфликтных ситуациях. Пять из них были связаны с препятствиями, чинимыми консисторией магистратским служащим в исполнении ими своих обязанностей. На основании формальных претензий к подаваемым в консисторию документам магистрат получал отказ в приведении к присяге его служащих. В деле отмечено 7 случаев притеснений смоленских купцов консисторскими и архиерейскими служителями, обвинявших горожан в кражах и других преступлениях. Однако в большинстве случаев купцы не понимали, за что они подвергались жестокому избиениям, заключению под стражу и пыткам. Во всех случаях смоленский магистрат во главе с И.Б. Пискаревым поддерживал купцов и магистратских служащих, подвергавшихся нападкам со стороны консистории и архиерейских служителей. Один из конфликтов, в котором магистрат выступил вместе с пятнадцатью купцами, был связан с попыткой земельного захвата, который пытался осуществить сын боярский Смоленского епископа Гедеона⁵.

Еще семь конфликтов в 40–60-х гг. XVIII в. было связано с попытками захватить земли, завладеть покосами, а также дворовым строением. Два спора из исследованных произошли между смоленскими мещанами. В остальных спорах смоленские купцы выступали против солдат, занимавших их земли в городе, а также против приказчика дворцового села, слуги дворянина, смоленского жителя. Только в одном случае двое смоленских мещан выступили против президента и ратмана смоленского магистрата⁶.

Значительное место в судебных делах 40–70-х гг. XVIII в., участниками которых были смоленские купцы, занимали денежные долги. В рассмотренной выборке их оказалось семь. Это были два спора между смоленскими мещанами, два – между мещанами и канцеляристами, по

⁵ Там же. Д. 2292. Л. 1–10.

⁶ Там же. Ф. 773. Оп. 1. Д. 2; Д. 5. Л. 10–10 об., 13–13 об., 18–19 об., 20–21; Ф. 291. Оп. 1. Д. 5244, 6213.

одному – между «грузинцем» и вдовой бургомистра, мещанином и коллежским переводчиком, полковником и мещанкой, на стороне которой выступал и магистрат⁷.

Четыре из исследованных дел содержат сведения о конфликтах, возникших между купцами и военными постояльцами. В реальности за этими судебными делами скрывалось множество конфликтов. Они были связаны с грубыми нарушениями военными правил постоя в городах. Так, в 1770 г. смоленские городовые квартирмейстеры во главе с М. Куликовым направили в Главный магистрат доношение о том, что находившиеся в Смоленске военные «без всякого их квартирмейстерскаго отводу занимают и становятся в домах смоленского мещанства сами собою да еще и по выбору, где кто пожелает, и занимают для себя все покои, а для лошадей – конюшни и сараи»⁸. Ранее, в 1759 г. смоленский бургомистр А.Ф. Сисоев пострадал из-за того, что генерал-майор фон Албедиль занимал его дом пять лет вместо одного года⁹. В 1760 г. поручик-постоялец жестокими побоями вымогал деньги у купца И.И. Большого Савельева¹⁰. В 1767 г. во дворе Я. Артюхова по вине военных постояльцев произошел пожар. Убыток купца составил 635 руб., при этом военные избili купцов, прибежавших тушить пожар¹¹.

Нередкими в повседневной жизни были взаимные оскорбления между жителями города. Обычно дела не доходили до Главного магистрата, а решались в городе. В сохранившихся малочисленных документах Смоленской ратуши имеется четыре таких дела. В этих конфликтах участвовали мещане, мелкие чиновники, офицеры. В двух делах с разных сторон участвовали мещанские жены¹².

Три из исследованных дел рассматривали конфликты, связанные с конкуренцией между смоленскими мещанами и чужаками – вяземскими купцами, московскими откупщиками, а также бывшим польским иудеем, приехавшим в Смоленск¹³.

Конфликты, связанные с кражами имущества обычно решались местными органами. Среди редких дел Смоленской ратуши есть одно дело 1741 г., в котором мещанин В.А. Подолякин обвинил другого мещанина И.И. Рудакова с его женой в краже имущества¹⁴.

В 1762 г. Смоленский магистрат обратился в Главный магистрат, потому что полицмейстер А. Лукин обвинил целовальника А. Шпакова в краже лошади и «долговременно не отсылая никуда, держит под караулом»¹⁵.

⁷ Там же. Ф. 773. Оп. 1. Д. 3; Д. 5. Л. 3–4, 8–9, 14–15; Ф. 291. Д. 13 718, 15 679, 17 787.

⁸ Там же. Ф. 291. Оп. 1. Д. 15 648. Л. 1, 1 об.

⁹ Там же. Д. 9344.

¹⁰ Там же. Д. 9684.

¹¹ Там же. Д. 14 489.

¹² Там же. Ф. 773. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–2, 7–7 об., 11–11 об., 16.

¹³ Там же. Ф. 291. Оп. 1. Д. 7655, 2611, 10 262.

¹⁴ Там же. Ф. 773. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–9.

¹⁵ Там же. Ф. 291. Оп. 1. Д. 10 642.

Всего лишь одно из рассмотренных дел было посвящено конфликту, возникшему при дележе наследства умершего купца А. Кремлицына между его братьями и вдовой. Можно предположить, что таких конфликтов было немало, но обычно они решались в Смоленске. Дело же Кремлицыных было связано с пожертвованием покойного на строительство храма, поэтому за его ходом следила Смоленская консистория, и оно попало в Москву¹.

Судебные дела позволяют выявить способы обычного поведения в конфликтах. Часто это были драки, взаимные обвинения и пр. Однако для смоленских мещан наиболее характерным было немедленное обращение в суд.

Проблема участия купцов в конфликтах в провинциальных городах XVIII в. рассмотрена здесь в общих чертах. Для смоленских мещан особенно важными были вопросы, касавшиеся земельных споров, денежных долгов, притеснений со стороны консистории, а также нарушение военными правил постояев в городах. Каждому из этих вопросов может быть посвящено специальное исследование.

1. *Беспалёнок Е.Д.* Купечество XVIII века в условиях военных постоев (по материалам Смоленска и Вязьмы) // Человек в экстремальных условиях: историко-психологические исследования: материалы XVIII международной научной конференции, Санкт-Петербург, 12–13 декабря 2005 г.: в 2 ч. СПб., 2005. Ч. 1.
2. *Ибнеева Г.В.* Екатерина II и купеческая община г. Ярославля: опыт политического разрешения проблем городского самоуправления в 60-е гг. XVIII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2017. Вып. 5.
3. *Козлова Н.В.* Из истории семейно-имущественных отношений в среде привилегированного купечества в начале XVIII в. // Экономика, управление, демография городов европейской России XV–XVIII вв.: история, историография, источники и методы исторического исследования: материалы международной конференции. Тверь, 18–21 февраля 1999 г. Тверь, 1999.

Г.В. Ибнеева²

Проблема «права торговли» в челобитных российского населения второй половины XVIII в.

Купечество; торговля; сокольи помытчики; челобитные.

В статье исследуется проблема «права торговли» в челобитных российского населения второй половины XVIII в., поданных императрице Екатерине II во время ее путешествий по стране; рассматривается отношение верховной власти к ним.

В ходе своих путешествий по стране императрица Екатерина II большое внимание обращала на развитие городов и городских сословий. Особенно ее интересовало купечество, на которое возлагались особые надежды в плане формирования «среднего рода людей». Известно, что уже в начале ее царствования был взят курс на либерализацию торгово-про-

¹ Там же. Д. 4706.

² Ибнеева Гузель Вазыховна, Казанский федеральный университет (РФ, Казань), д.и.н., Guzel.Ibneyeva@yandex.ru.

мышленной деятельности. В указе от 31 июля 1762 г. был обозначен принцип свободы торговли и предпринимательства, к которому власть относилась гибко и осторожно, стараясь держать ключевые отрасли экономики под своим контролем [3, с. 84].

После вышеназванного указа исключительное право торговли купечества с новой силой начинают оспаривать с одной стороны, дворянство, а с другой, крестьянство. И те, и другие продавали в городах сельскохозяйственную или ремесленную продукцию промыслов, изготовленную в деревне, при этом не записываясь в посад, купечество, и тем самым не платя налоги. Это обременяло тех, кто был приписан к городскому сословию. Согласно Соборному уложению, крестьянам дозволялось наравне с приезжими людьми и с иностранцами временно приезжать в города и продавать товары оптом из гостиных дворов с волов и стругов³. Указ же от 19 августа 1745 г. разрешил крестьянам мелочную торговлю вдоль больших дорог, но и в отдалении городов, причем не только производимыми в деревнях изделиями, но и городскими, приобретаемыми мелким оптом в городах и на ярмарках⁴. Основное требование купцов рассматриваемого периода заключалось в предоставлении им полного и исключительного права торговли, заведения заводов и фабрик, взятия подрядов и откупов [4, с. 321].

Беспокойство купцов вызывало развитие скупочных операций крестьян и помещиков внутри страны и привоз к портам продуктов своего хозяйства. Как известно, крестьяне не ограничивались сбытом русских сельскохозяйственных продуктов или изделий кустарных промыслов, закупаемых ими, оптом и в розницу – на ярмарках и в городах. Во многих случаях они производили такие операции, которые считались им недозволёнными: сбыт иностранных изделий внутри страны, доставка русских товаров к портам и даже экспорт последних за границу и др. [5, с. 300]. Купечество терпело убытки в конкуренции с крестьянами.

С этим комплексом проблем Екатерина II имела возможность ознакомиться во время ее путешествия в Белоруссию. Об этом свидетельствует факт подачи ей челобитных в 1780 г. купечеством Пскова и Опочки. Главный промысел Пскова – торговля «необделанным» льном – сырьем, который привозился для торговли в город Нарву [8, с. 31]. Купцы Пскова в своем прошении жаловались на экономических и дворцовых крестьян, в большом количестве поселившихся в Псковской области и занимавшихся тем же промыслом – торговлей льном. В прошении отмечалась незаконность ведения ими торговых операций: крестьяне пользовались равным с ними, купцами, правом в торговле, хотя не были записаны при этом в купцы⁵.

³ «А чьи крестьяне учнут к Москве и в города приезжати из уездов со всякими товары: и им те товары продавати по вольным торгом беспенно, на гостине дворе с волов и стругов, а в рядах лавок не покупати и не наймывати». ПСЗ. Т. I. № 1. С. 112 (Гл. XIX. Ст. 17).

⁴ ПСЗ. Т. XII. № 9201. С. 441–443.

⁵ Об изнеможениях псковского купечества // РГАДА. Ф. 16. Д. 382. Л. 104.

Пытаясь убедить императрицу в своей правоте, купцы Пскова несколько сгущали краски. Так, они отмечали, что крестьяне привозили лен в Нарву, составляли местным торговцам конкуренцию, которую выдержать было сложно: купцам приходилось продавать свой товар «нискими ценами» и нести убытки. Поэтому купечество просило «учинить» запрещение крестьянам заниматься торговой деятельностью. В тексте отражена также жалоба на иностранных купцов, которые скупали лен у крестьян по более дорогой цене, чем та, которую могли себе позволить местные купцы. С иностранными гостями псковские купцы конкурировать уже не могли⁶.

Соперничество наблюдалось не только между купечеством и другими сословиями, но и внутри самого купеческого сословия. В челобитной, поданной императрице в то же время купечеством Опочки (1780 г.), говорится, что большое «помешательство» в делах оно терпит от «приезду» иногородних – Санкт-петербургских и старорусских купцов. Последние покупают у крестьян и дворян не только посев (льна), но и дают крестьянам и дворянам деньги вперед, для того чтобы его закупить, когда созреет его урожай. Данную продукцию иногородние купцы продают «и в контракты и в порты». В силу этого, заключают купцы Опочки, местные купцы ни в «покупке», ни в «продаже» равняться с ними не могут. Они также жалуются на то, что иногородние собратья не только в их городе «без позволения всякую мелочную [т.е. розничную] продажу производят, но и в уездах, в деревнях, въезжая с товарами в господские дома»⁷.

Как Екатерина реагировала на жалобы, касающиеся конкуренции? Она повелела основать в Пскове казенную полотняную фабрику, на которой должна производиться работа вольнонаемными людьми. По ее мнению, заведение этой фабрики не должно было рассматриваться частными людьми как препятствие заводить свои собственные фабрики. Напротив, оно должно было служить поощрением. Императрица, таким образом, отразила свое положительное отношение к свободе предпринимательства и торговли и высказалась за конкуренцию как стимул их развития. Что же касается вопросов, относящихся «до поправления торгу», то Екатерина обещала их решить в будущем законе о городских учреждениях (т.е. будущей «Жалованной грамоте городам») [2, с. 395].

Екатерина II осознавала сложность этой проблемы. Официально еще указом 1778 г. власть подтверждала запрещение крестьянам торговать в городах или слободах, как и в селах, за исключением лишь знатных сел и деревень, находящихся от городов не ближе пяти верст. Однако даже в этом документе проведена мысль, оправдывающая допущение крестьян к торгу: крестьянам не следует препятствовать заниматься торговлей [5, с. 309].

Действительно, на практике Екатерина и ее экономические советники ни разу не пошли на ограничение крестьянской и дворянской торговли. Стремление купеческого капитала к господству на внутреннем рынке непосредственно затрагивало интересы помещиков и крестьян, поскольку

⁶ Там же. Л. 101 об.

⁷ РГАДА. Ф. 16. Д. 382. Л. 222.

ку ограничивало возможности использования дополнительного источника устойчивости и прибыльности их хозяйства. Государыня понимала, что проблема права торговли является актуальной, особенно для тех, кто не имеет возможности иначе добыть достаточных средств к существованию и, в частности, к уплате податей.

Об этом свидетельствует история с челобитной переяславских соколых помытчиков, которая была вручена императрице при проезде ее в августе 1763 г. через Переяславль⁸. Отметим, что данная челобитная впервые была введена в научный оборот В.И. Семевским [6, с. 191]. В тексте челобитной говорилось, что согласно указам Петра I им, когда они свободны от ловли птиц, для прокормления (вместо пашенной земли) разрешалось торговать в Москве и Переяславле-Залесском. Однако переяславское купечество, жаловались помытчики, их ни «до какого торгового промысла не допускает и причиняет... немалые обиды». В силу этого они пришли во «всеконечную нищету», а потому платить подушные деньги и различные государственные сборы не в состоянии. Помытчики просили высочайшего указа, чтобы им «с переяславским купечеством торговать в равенстве и... в том им не отказать»⁹.

По повелению Екатерины Сенат рассмотрел это дело и пришел к мнению, что претензии помытчиков на право торговли не обоснованы: в грамотах Петра не было пунктов, разрешавших «иметь лавки и равно как купечеству торги производить». Ссылаясь на уложенные пункты, а также на Таможенный устав 1775 г., Сенат указал, что торговать крестьянству (незаписанному в купечество) наравне с купечеством недозволёнными товарами «не подлежит»¹⁰. Данное вполне юридически обоснованное решение все же вызвало неудовольствие Екатерины, о чем свидетельствует ее записка к генерал-прокурору Сената А.И. Глебову: «для чего сокольникам отказано от Сената торговать в силе им данной жалованной грамоты, когда татарам и казанским ямщикам¹¹ дозволено в силе таких же грамот» [6, с. 288].

Сенат проявил принципиальность и в 1765 г., когда на заседании 17 августа 1769 г. Сенат, обсуждая доклад С.К. Нарышкина о мерах по улучшению положения архангелогородских помытчиков, сделал заключение о невозможности их снабдить судами, провиантом и прогонными деньгами¹². Таким образом, Сенат не поддержал доклад Нарышкина и не отступил от своих предложений¹³.

Резолюция Сената не была утверждена императрицей. Возможно, Екатерина хотела получить конкретные предложения Сената, направленные на существенное облегчение положения помытчиков, пусть даже в

⁸ Помыт – напуск ловчих соколов на добычу; помытчик – помыкальщик, соколятник, выпускающий ловчую птицу, направляющий ее. См.: [1, с. 277].

⁹ Челобитная переяславских соколых помытчиков // РГАДА. Ф. 248. Кн. 5484. Л. 196–196 об.

¹⁰ [Слушание в Сенате 8 августа, 1763 г.] // РГАДА. Ф. 248. Кн. 5484. Л. 199.

¹¹ Разрешение торговать служилым татарам и казанским ямщикам // РГАДА. Ф. 248. Кн. 3500. Л. 3500. Л. 65–66 об., 67–68.

¹² РГАДА. Ф. 248. Кн. 3629. Л. 553–554.

¹³ Там же. Л. 553–556.

порядке исключения, противоречащих нормам законодательства. 26 февраля 1784 г. Сенат вновь подал доклад, в котором уже вносилось новое решение, радикальным образом противоречившее его прежним постановлениям: помытчикам дозволялось торговать «чем захочется» как купцам¹⁴.

Однако императрица повелела оставить это дело впредь до рассмотрения на прежнем основании. Возможно, это было связано с предстоящим опубликованием «Жалованной грамоты городам», наделявшей городские сословия определенными правами и привилегиями и утверждавшей сословный характер реформы¹⁵.

Данная ситуация отражает сложность, противоречивость самой проблемы. С одной стороны, Сенат, приверженный существующему законодательству, был более последователен в реализации сословной политики. С другой стороны, Екатерина все же рассматривает челобитные непривилегированных слоев населения. Она готова предоставить право торговли лицам, которое не принадлежит им изначально, понимая, что в ней – торговле – источник пропитания, выживания в целом. В этом императрица верна себе и проводит курс на либерализацию экономической деятельности. Другое дело, что разрешить это официально она не могла, поскольку это подрывало один из основных столпов существования сословного государства, которое она строила. История с сокольскими помытчиками показывает, что Екатерина временами разводила идеологию и реальную политику. Официально, придерживаясь сословности, отражающейся в существующем законодательстве, она вместе с тем была достаточно гибкой, чтобы понимать: реальная политика не измеряется только идеологическими построениями.

1. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2003. Т. 3.
2. Дневная записка Ея императорского Величества чрез Псков и Полоцк в Могилев, а оттуда обратно чрез Смоленск и Новгород // Сборник РИО. СПб., 1867. Т. 1.
3. *Ковальчук А.В.* Экономическая политика правительства Екатерины II во второй половине XVIII в.: идеи и практика. М.; СПб., 2017.
4. *Козлова Н.В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке: 20-е – начало 60-х годов. М., 1999.
5. *Кулишер И.М.* История русской торговли и промышленности. Челябинск, 2003.
6. *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование Екатерины: в 2 т. СПб., 1901. Т. 2.
7. Собственноручная записка Екатерины II к генерал-прокурору А. Глебову с запросом касательно запрещения торговать сокольникам // Сборник РИО. СПб., 1871. Т. 7.
8. Топографические примечания на знатнейшие места путешествия Ея Императорского Величества в белорусские наместничества. СПб., 1780.

¹⁴ Там же. Кн. 4428. Л. 115.

¹⁵ Там же. Л. 117.

**Татарский язык и учителя-мусульмане в российских
общеобразовательных школах конца XVIII – начала XIX вв.**

Россия на рубеже XVIII–XIX вв.; история культуры; народное образование; реформы Екатерины II; межнациональные коммуникации.

В статье проанализировано обучение татарскому языку в народных училищах – общеобразовательных школах России, созданных в 1780-е гг. Образовательная политика, учитывавшая полиэтничность Российской империи, способствовала взаимопроникновению и взаимообогащению культур народов нашей страны.

Осуществление школьной реформы Екатерины II в русской провинции началось с 1786 г., когда был принят «Устав народным училищам в Российской Империи» и на его основе были открыты первые общеобразовательные всесословные школы. В некоторых регионах эта реформа имела хронологические и содержательные отличия, тем более на окраинах со сложным национальным составом, которые из-за специфики интеграции в единое имперское поле представляли «особые миры и структуры» [1, с. 13].

В данной статье основное внимание обращено на территорию Южного Урала, входившую с 1782 г. в состав Уфимского наместничества, преобразованного в 1796 г. в Оренбургскую губернию. Здесь первые народные училища появились в 1788 г. (Уфа) и 1789 г. (Мензелинск, Челябинск, Оренбург).

С проведением упомянутой реформы в России стала складываться общегосударственная система народного образования. Принципы этой реформы легли в основу отечественной школы нового времени, которая и сейчас сохраняет многие традиции, заложенные в конце XVIII в.: классно-урочную систему, специальную профессиональную подготовку учителей, научно-обоснованную методику обучения, наличие утвержденных на уровне верховной власти стандартов и программ, бесплатность образования и другие [2, с. 69, 77]. В перечне этих традиций следует отметить изучение в государственных общеобразовательных школах, кроме русского, языков других народов России.

Устав народных училищ 1786 г. законодательно предоставлял право преподавать наряду с русским иной язык, который используется на территории той или иной губернии «в общежитии»², а потому будет полезен учащимся. В соответствии с этим в программу некоторых главных народных училищ, например, Тобольского, был введен татарский язык [4, с. 229–230].

Этот случай не был единственным в школах России. Татарский язык был распространен не только среди рядового населения. «Политическая, военная, культурная и научная элиты России были многонациональными», включавшими в том числе заметный мусульманский тюркоязычный

¹ Артамонова Людмила Михайловна, Самарский государственный институт культуры (РФ, Самара), д.и.н., artamonovoi@mail.ru.

² ПСЗ. Т. XXII. № 16 421. С. 647–648.

компонент [3, с. 129]. Для его значительной части письменным литературным языком был именно татарский.

В 1790-е гг. в Уфимском главном народном училище по распоряжению губернатора А.А. Пеутлинга началось изучение школьниками татарского языка «как весьма употребительного в краю сем». Учителем определили «Сеитовской слободы купца Фетхуллу Сейфуллинова» с годовым жалованьем в 100 руб.³

Как указывалось в ведомостях о школах Уфимского наместничества, он являлся исключением среди других преподавателей главного и малых народных училищ, которые «обучались в Санкт-Петербургской учительской семинарии» или «наставляемы были учебному способу в Симбирском главном народном училище»⁴. Учитель же татарского языка не имел профессиональной педагогической подготовки, поскольку, «кроме татарской и русской грамоты, нигде и ничему не обучался и никого не обучал прежде»⁵.

При Павле I административный центр Южного Урала и Приуралья, а вместе с ним главное народное училище было переведено из Уфы в Оренбург. Это временно привело к прекращению преподавания в нем татарского языка. Дело в том, что в Оренбурге при Пограничной комиссии существовала училище «татарского диалекта» для русских мальчиков, продолжавшее прежнюю традицию школ Оренбургской экспедиции 1730–1740-х гг., в ходе которой осуществлялись изучение юго-восточных окраин России [7, с. 172], а также подготовка необходимых здесь кадров служащих со знанием языков местных народов [6, с. 195].

В ней «по примерному штату» было «учеников иметь положено в комплекте пять человек», которых по мере подготовки определяли на службу «в толмачи и переводчики». Они обучались «татарской грамоте читать, писать и разговору чрез переводчиков и толмачей», получали жалованье «из суммы, на комиссию определенной». В связи с этим губернский Приказ общественного призрения сообщил 18 июня 1798 г. в Комиссию народных училищ, «что, не предвидя надобности при тамошнем народном училище в классе для науки татарского языка», он решил «бывшего учителя того языка Абдул Амина Якумова от Оренбургского училища уволить»⁶.

Однако малочисленная и узкопрофессиональная ведомственная школа не могла удовлетворить потребности горожан, которые хотели дать своим детям языковую подготовку. Вскоре обучение татарскому языку в главном народном училище, переведенном в Оренбург, было сделано доступным для всех желающих. На этом настояли «вступающих в училище детей родители, приметя пользу и выгоду в учении детей в народной школе, где они вообще предполагаемым предметам обучаются». Преподавание этого языка в училище началось в 1801 г. «к пользе и удовольствию здешних обитателей, которые, имея всегдашнее обращение со окружающими

³ РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1909. Л. 7.

⁴ Там же. Д. 1905. Л. 3.

⁵ Там же. Д. 1909. Л. 6-7.

⁶ Там же. Ф. 730. Оп. 1. Д. 125. Л. 8; 11 об.–12.

их магометанцами, признают в сем языке необходимую нужду». На «позржую иностранного языка учительскую ваканцию» был принят «с произвождением от Приказа в год жалованья по 200 руб.» Рахметулла Кутлуметев сын Явшин, уроженец «Бугульминской округи, 12-го башкирского кантона, Киргизской волости, деревни Байреки, Каразирын тож». Он был далеко не рядовым жителем, имел чин походного старшины, одно время состоял в качестве сельского заседателя членом Приказа общественного призрения. В полном соответствии с принятым порядком, при поступлении на службу новый учитель «представил на знание правил магометанского закона, татарской и частию арабской и персицкой наукам данные ему от бывшего Уфимского магометанского закона собрания и от муфтия Мухаметхана Хусейнова аттестаты» и вступил в должность «по приводе по магометанскому закону к присяге» с 1 марта 1801 г.⁷

Обучался сам Р.К. Явшин, как выяснилось, «в домашних татарских школах татарской грамоте». По-арабски и по-персидски он знал «наслухом». От роду ему было при вступлении на службу в училище около 30 лет⁸.

К занятиям татарским языком приступили 28 детей по собственному их или родителей желанию из трех классов Оренбургского училища, то есть почти половина всех школьников. Состав этих детей по социальному положению родителей был очень пестрым, что говорит действительно о широком общественном интересе в Оренбурге к изучению татарского языка. Совершенно понятно присутствие в списке этих учеников Ахмета Гусейнова – сына муфтия, Динмухамета Батырханова – сына «киргизского султана» и трех детей таможенных служителей. Однако в числе пожелавших учиться татарскому языку отмечены и дети других чиновников, а также офицеров, приказных, мещан, солдат, казаков. В этом числе отмечены также незаконнорожденные Константин Шевяков и Александр Павловский, дворовый человек Иван Анучин, сын ссыльного Иван Лукьянов⁹.

Учитель старался вести занятия по «способу, сколько можно принаравливаемому к образу учения», принятому в народных училищах и «в Руководстве учителям 1-го и 2-го класса изображенному». Занятия языком шли для учащихся разных классов отдельно в полном соответствии с Расположением учебных предметов и часов, предусмотренным в Уставе народных училищ: 3 часа в неделю в 1 классе, по 6 часов во 2 и 3 классах. Уже в конце того же 1801 г. при «произведенном особом испытании ученикам, татарскому языку обучающимся», директором и учителями было «найдено, что большая часть из них в чтении, а некоторые и в письме с прописей на том языке оказывают успехи хорошие»¹⁰.

Петербургская Комиссия народных училищ выразила признательность оренбургскому директору и учителю татарского языка за их труды и пожелание впредь получать известия об опыте преподавания этого

⁷ Там же. Л. 7–7 об., 12.

⁸ Там же. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1920. Л. 10 об.; Ф. 732. Оп. 1. Д. 286. Л. 93, 96 об.–97.

⁹ Там же. Ф. 730. Оп. 1. Д. 125. Л. 14.

¹⁰ Там же. Л. 11; ПСЗ. Т. XXII. № 16 421. С. 663.

предмета. Действительно, в ведомостях за 1802–1803 гг. директор оренбургских училищ сообщал в Петербург об успехах школьников в изучении татарского языка¹¹.

Возможности изучения языков народов нашей страны, предоставленные Уставом 1786 г. в целом и реализованные в главном народном училище Оренбургского края в частности, способствовали процессу взаимопроникновения и взаимовлияния разных культур. Данная сторона школьной жизни подтверждает мнение о том, что «межэтнические взаимовлияния и заимствования охватывали широкий круг явлений материальной и духовной жизни народов Урала, способствовали взаимообогащению их культур» [5, с. 28].

В училищных делах, присланных в столицу из Оренбурга, находятся листы из тетрадей ученика Дмитрия Калеганова, сына солдата Оренбургской штатной роты Моисея Калеганова, и его товарищей. Они являются своеобразным отчетом об успехах школьников, изучавших татарский язык¹².

Эти странички, исписанные арабской вязью, представляют собой одно из свидетельств важной роли школьной реформы Екатерины II в деле сближения народов, населяющих Россию. Их более глубокому взаимопониманию, несомненно, способствовала такая образовательная политика, которая учитывала полиэтничность государства.

1. *Аракчеев В.А., Бугров К.Д., Редин Д.А. и др.* Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.: векторы исследования. СПб., 2018.
2. *Артамонова Л.М.* Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX вв. (Юго-восточные губернии Европейской России). Самара, 2001.
3. *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну. Изд. 2-е. СПб., 2018. Т. 1.
4. Описание дел архива Министерства народного просвещения. Пг., 1917. Т. 1.
5. *Побережников В.И.* Урал в контексте евразийской цивилизации: становление образа // Уральский исторический вестник. 2009. №4 (25).
6. *Смирнов Ю.Н.* Вклад В.Н. Татищева и сотрудников Оренбургской экспедиции (комиссии) в культурное развитие российского «фронта» // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. М., 2017. Вып. 5.
7. *Смирнов Ю.Н.* Начало научного изучения в России восемнадцатого столетия проблем регионоведения и геополитики // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14. № 3–1.

¹¹ Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6. Л. 35 об.–36, 49 об.–50.

¹² РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 286. Л. 103–107 об., 220 об.

Демография провинциальной дворянской семьи в России середины XVII в.: удельный вес боевых потерь и роль прожитка в функционировании поместной системы

Демография; дворянство; поместье; прожиток; нуклеарное домохозяйство; мультифокальное домохозяйство.

Источниковую основу исследования составили «сказки» о семейном положении отставных служилых людей, составленные в январе 1661 г. и отложившиеся в фонде Разрядного приказа. Рассмотрена структура и выявлена средняя численность дворянской семьи, показана взаимосвязь боевых потерь армии и феномена прожиточных поместий.

Проблема синтеза в исторических науках непосредственно связана, во-первых, с поиском методологических подходов, посредством которых можно предложить непротиворечивую модель сегмента общества в определенный исторический период, и, во-вторых, с поиском источников, позволяющих такую модель построить. В этом смысле история России второй половины XVII в. предоставляет уникальные возможности, обусловленные впервые проявляющимся обилием источников и решаемостью задач, стоящих перед историком. Невзирая на то, что в последние десятилетия появилось немало фундаментальных трудов, посвященных истории русского дворянства, степень изученности этой социальной страты нельзя признать удовлетворительной. Современным исследователям не известен достоверно размер и состав дворянской семьи, удельный вес боевых потерь дворян и то, какое влияние эти процессы оказывали на эволюцию социального статуса дворянства в допетровский период. Этим трем проблемам и посвящена наша статья.

Демография русской дворянской семьи не изучалась историками главным образом по причине отсутствия соответствующих источников; единственная попытка определить численность дворянской семьи в России XVII в. принадлежит А.Я. Водарскому, который без ссылок на источники и методики подсчета определил «среднюю численность семей служилых людей» в 3 чел. м. п., то есть в 6 чел. обоего пола [3, с. 64]. Как это ни парадоксально, уровень знаний о крестьянской семье в России XVIII–XIX вв., структура которой нашла отражение в фискальных документах, следует признать гораздо более высоким [7, с. 46]. Характерно, что М. Миттерауер и А. Коган вынуждены были ограничиться суждением о том, что сложная мультифокальная семья «не была характеристикой одного только крепостного населения деревни», но была распространена и среди посадских людей [7, с. 49].

Такое положение дел выглядит явным диссонансом по сравнению со степенью изученности демографической истории Западной Европы. Важную роль в изучении исторической демографии западноевропейских стран сыграли работы коллектива историков во главе с Л. Стоуном и их коллективная монография «Кризис аристократии». Не ставя задач ком-

¹ Аракчеев Владимир Анатольевич, РГАДА (РФ, Москва), д.и.н., arakk@rambler.ru

плексного изучения дворянской семьи, авторы на основе выборочных подсчетов определяли фертильность женщин и половой состав детей: «19 % всех первых браков в среде дворянства в 1540–1660 гг. были бездетными, и в не менее 29 % случаев семейная пара не имела наследников мужского пола» [13, р. 168]. В то же время, авторы отметили многодетность многих дворянских семей: умерший в 1636 г. Беньямин Брандт отметил, что его жена родила 12 детей, и «все были вскормлены ее собственным молоком» [13, р. 593].

Для нашей проблемы наиболее важны результаты работы коллектива демографов во главе с П. Ласлеттом, которым впервые в науке удалось получить достоверные данные о размерах домохозяйств различного социального статуса в Англии. Агрегированные за 1574–1821 гг. данные показали, что средний размер домохозяйства английских дворян составлял 6,63 человека, а землепашцев – 5,09 человек (76 % от размера дворянского домохозяйства) [16, р. 154]. Феномен вдовства был изучен П. Флемингом, по данным которого «до двух третей нобилитета и джентри оставляли вдовы, половина из которых жили не менее 16 лет после кончины их мужей» [14, р. 83–84].

В основе нашей статьи лежит уникальный источник – «сказки» о семейном положении отставных служилых людей, составленные в январе 1661 г. и отложившиеся в фонде Разрядного приказа². По времени составления эти сказки совпали с январским 1661 г. смотром 494 раненых служилых людей в Москве в Аптекарском приказе. Однако московский смотр касался людей, еще не получивших отставку; некоторые дожидались решения о ней до 7 марта [1, с. 279]. В рассматриваемых нами сказках служилые люди констатируют факт своей отставки как свершившийся; порой их отставка состоялась за два-три года до времени составления документа. Сказки подали 81 служилый человек из «городов» Замосковского края от Галича Мерского на северо-востоке до Вязьмы и Дорогобужа на юго-западе.

Как и все виды сказок и обыскных речей, собиравшихся с разных категорий населения, сказки помещиков начинались с даты предоставления информации. Далее в сказке читается клятва о предоставлении сведений «по святой непорочной Христовой Евангельской заповеди в правду», сведения о времени и причинах отставки со службы, а заканчивалась сказка записью о писавшем ее на обороте листа. Исключительный интерес представляют «анкетные данные»: сведения о детях, включая их возраст, служебный статус, места и обстоятельства ранения, плена или гибели сыновей, количество и в некоторых случаях возраст дочерей с указанием статуса («вдова», «на выданье», «мала»).

В качестве примера приведем сказку галицкого помещика Льва Нелидова: «169-го генваря в 14 день, галичанин Левка Федоров сын Нелидов сказал по святой Христове непорочной Евангельской заповеди, что я Левка в прошлом во 167-м году от государевы службы по подписной челобитной отставлен за увечьем, а в мое место с помещейца моего и вотчинки служит великому государю службу сын мой Федька, а другой сынишко

² РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Д. 312. Л. 1–81 об.

мой Афонька служит государю службу своим именем в полку боярина и воевод Василия Борисовича Шереметева с товарищи, а ныне они оба побиты или взяты в полон, того я не ведаю, да у меня ж пять сынишков: Оброска, да Алешка, да Игнашко, да Якушка, да Ивашко, да четыре дочеришки, две невестки, да внук Ивашко, сын Афонькин. То моя сказка, а сказку писал Ивановския площади подьячей Дорофейко Стефанов»³.

Рассмотрим размер и структуру домохозяйств отставных дворян. Классификация домовых сообществ основывается на типологии П. Ласлетта: простое или нуклеарное семейное домохозяйство – одна супружеская пара с детьми или без таковых; если в простом домохозяйстве живет еще кто-то из родственников, то оно называется расширенным; если домовое сообщество состоит из нескольких нуклеарных семей, то оно называется мультифокальным [16]. Типичным примером мультифокального домохозяйства является трехпоколенная семья Льва Нелидова, насчитывавшая 15 поименованных членов, из которых 9 мужчин и 6 женщин. В 81 «сказке» приведены сведения о 88 домохозяйствах: всего в нашей выборке состоят 61 простое и 27 мультифокальных домохозяйств; последние составляют 30 %.

По причине гибели мужчин старшие и более состоятельные родственники брали на содержание наиболее слабых и лишившихся кормильца, в результате чего в форме мультифокальных домохозяйств складывалась система опеки и патроната. Галичанин Кирил Богданов сын Нелидов писал: «служил племянник мой родной за себя Фома Петров сын Нелидов в полку боярина и воеводы Василия Борисовича Шереметева, и он в отходе под Канатопом на большом бою ис пушки убит, а после ево остались мать ево Федора да жена ево Просковья, да трое дочерей: дочь Просковья 10 лет, а другая дочь Мавра 7 лет, да третья дочь Ненила 3 лет, и я их пою и кормлю»⁴.

Наиболее сложной проблемой является определение среднего размера домохозяйства. Несмотря на упоминания дочерей с указанием их возраста, перечень женщин в «сказках» нельзя считать полным: в «сказках» не упоминаются жены самих отставных помещиков. Кроме того, из 495 названных по именам человек женщины составляли абсолютное меньшинство – 142 человека против 353 мужчин. Очевидно, что такая пропорция не могла быть реальной, и следует допустить, что количество мужчин должно быть примерно равным количеству женщин.

Кроме того, в нашем случае такие подсчеты затруднены самой ситуацией, отраженной в «сказках»: в момент ее составления значительная часть мужчин были убиты, пленены или пропали без вести и таким образом находились вне семьи. В то же время, учитывая в источнике, они составляли часть семьи, тем более, что пленные и пропавшие без вести могли и вернуться в ее состав. В подсчетах следует учитывать обе эти возможности, реализуемые в двух подходах. Первый подход предполагает исключение убитых, пленных или пропавших без вести мужчин из

³ Там же. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 3.

числа членов домохозяйств; таким образом, мы получим цифры среднего размера домохозяйства на момент составления сказок.

В таком случае итоговая расчетная цифра членов семей в изученных «сказках» должна составить не менее 626 человек, а средняя расчетная численность дворянской семьи (домохозяйства) должна составлять 7,8 чел. Второй подход основан на том, что убитые, пленные, или пропавшие без вести учитывались в «сказках» как члены семей, что позволяет нам учесть их в составе домохозяйств. В этом случае расчетная цифра членов семей должна составить не менее 706 человек, а средний размер домохозяйства – 8,0 человек, что на 25 % больше размера, предположенного А.Я. Водарским.

Дореволуционной историографии был свойственен скепсис в оценке боевых возможностей и умонастроений русского дворянства; Ю.В. Готье, опираясь исключительно на свидетельство наказа кн. Хованскому 1675 г., писал об «утрате воинственного духа русских дворян» и их стремлении «жить в своих поместьях пользуясь крепостным трудом» [4, с. 313]. Пересмотр устоявшихся представлений был осуществлен А.В. Черновым и А.А. Новосельским, показавшим высокие боевые возможности как дворянских сотен, так и рейтарских и иных полков «нового строя» в 50–60-х гг. XVII в. [8, с. 178]. Косвенно о «воинственном духе» дворянства свидетельствуют потери на поле боя.

Масштабы потерь в армиях европейских стран в XVII в. были ужасающими. По данным Ральфа Хольбрука, во французской армии ежегодно умирали до 25 % солдат, а из 20 тыс. английских солдат, отправленных во Францию в 1589–1594 гг., вернулось не более половины [15, р. 24]. Аналогичные расчеты привела Т.А. Лаптева: по ее данным, служилые города Северо-Запада (Новгород, Псков, Тверь, Торопец, Луки Великие), помещики которых служили в полку Хованского, к смотру 1660 г. потеряли от четверти до половины своего личного состава [5, с. 194]. В июле 1664 г. новгородец Козлянинов бил челом о воеводстве в Березове, указывая на свою 25-летнюю службу и гибель в боях 17 членов рода [1, с. 575].

«Сказки» отставных дворян содержат данные о гибели или пленении их сыновей во время военных кампаний 1654–1660 гг. Поименно перечислены 80 убитых, пленных или пропавших без вести, что составляет 21 % от всех поименованных мужчин. Как видно, эти данные существенно отличаются от выводов Т.А. Лаптевой, исчислявшей потери служилых городов «от четверти до половины... личного состава». Места гибели или пленения дворян указаны не всегда, однако даже имеющиеся данные показывают их участие во всех важнейших сражениях начального и самого «горячего» этапа Тринадцатилетней войны. В сказках упоминаются погибшие, раненые, плененные и пропавшие без вести в боях: под Смоленском в июне-сентябре 1654 г., под Дубровкой в августе 1654 г. и феврале-апреле 1655 г., под Витебском в сентябре-ноябре 1654 г., под Ригой 28 августа – 5 октября 1656 г., под Юрьевом Ливонским 7 июля – 10 августа 1657 г., в «Гансевском бою» под Вильно 11 октября 1658 г., под Конотопом 27–29 июня 1659 г., под Старым Быховым в марте-декабре 1659 г., под Киевом в

декабре 1659 г., на Полонке 18 июня 1660 г., под Могилевом 24 сентября – 10 октября 1660 г., под Чудновым 17 сентября – 23 октября 1660 г.

В ряде случаев точная дата и место сражений не указаны, но по контексту их легко определить. Приведем в качестве примера фрагмент сказки ярославца Савелия Долматова: «...Служат государю царю и великому князю Алексею Михайловичу... [полный титул – *В.А.*] четыре сынишка мои: сынишко мой Левка умер на государеве службе под Быховым от раны, а другой мой сынишка умер от раны ж под Вильнею, а третьей сынишка мой Сенька убит в полку боярина у князь Ивана Ондреевича Хованского, а четвертой мой сынишка служил великому государю за меня в полку у стольника у князь Григорья Афонасевича Козловского, и ныне тот мой сынишка взят в полон в Крым»⁵. Если первые два сражения идентифицируются легко, а третье лишь предположительно (бои на р. Полонке в июне 1660 г.), то четвертый случай определяется по контексту: это сражение под Чудновым.

Среди всех сражений Тринадцатилетней войны в первую очередь выделяется битва под Конотопом, где погибло или попало в плен 23 служилых человека (28 % от общего числа погибших и плененных) и бои под Чудновым, где попало в плен 13 человек (16 %). Косвенно о значительных боевых потерях русской армии в ходе Тринадцатилетней войны свидетельствуют и законодательные инициативы правительства. Спустя два года после завершения войны 29 октября 1669 г. был издан царский указ о справе прожиточных поместий за теми вдовами, которые вступили в четвертый брак до Уложения [9, с. 49]. Не отрицая того, что часть помещиков могла скончаться от естественных причин, полагаем, что боевые потери армии были виновником большей части случаев вдовства.

На фоне больших боевых потерь служилых людей неизбежно должен был вставать вопрос о наследовании поместий не только по агнатической – мужской – линии, но и по женской. В «сказке» «отставленного дарогобуженина» Микиты Ондреева сына Ознобишина представлена душераздирающая картина помещичьего дома с вдовами и малолетними детьми: «В большом бою под Канатопом убили у меня два сына Алексея да Офонася, Алексей служил государю за себя, а Офонасей служил за меня, а з боярином с Васильем Борисовичем Шереметевым в полку убили третьево сына Ивана, а у Алексея осталась жена Ариница, а с нею два сына: сын Трафим да другой сын Иоил, да три дочери девки Аксинья да Анница да Марьица, а у Ивана осталась жена Федосьица да сын Савка, да дочь девка Анютка, да у всех у трех братьев осталась сестра родная девка Ульянка невеста, и они поили кормили»⁶. После гибели трех сыновей Ознобишина в его домохозяйстве преобладают женщины, шансы которых на получение прожиточного поместья резко возрастают.

Проблема прожитка в России XVII в. принадлежит к числу старейших и недостаточно исследованных в науке. Историки давно обратили внимание на значительный удельный вес статей о прожитке в Соборном уложении: 23 из 69 статей гл. XVI трактуют вопросы прожиточной соб-

⁵ Там же. Л. 71.

⁶ Там же. Л. 47.

ственности. В соответствии с его статьями прожиток – это способ материального обеспечения вдов и детей помещиков в виде части поместья. Прожиток формировался на основе выморочного поместья, в том числе тех, владельцы которых погибли на войне, не оставив прямых наследников. Если после смерти отца оставались и сыновья, и дочери, то последние имели право на получение прожитка до того, как они вышли замуж. В случае выхода замуж или пострижения в монастырь вдова или дочь помещика лишались права собственности на него. Малолетние дети обычно получали прожиток совместно с матерью. Нормы получения прожитка зависели от обстоятельств смерти служилого человека: если он погибал «на бою», вдова получала 20 четвертей с каждых 100 четвертей оклада, а дочь – 10 [11, с. 75–81, 256–267].

В чем причина такого внимания законодателя к, казалось бы, маргинальному вопросу обеспечения вдов и дочерей помещиков? И когда государство инициировало разработку закона о прожитке? В науке предложены два объяснения этого явления. В.Н. Сторожев полагал, что факт существования прожитка вовсе не означает, что поместная система знала «юридическое наследование»; к этой трактовке присоединился К.В. Петров [12; 10, с. 138–144]. А.Г. Маньков трактовал прожиток как «одну из форм наследования поместья» и считал, что прожиток стал существенным звеном в закреплении сословно-классовых прав дворян на поместье» [6, с. 194]. К.В. Петров предложил также концепцию происхождения прожитка во второй половине XVI в. из обычая и жизненной практики; прожиток с его точки зрения не был результатом «осознанной и целенаправленной политики со стороны государства» [10, с. 142].

Начнем со второй проблемы, а именно возможного происхождения прожитка из обычая или, наоборот, как результата законодательной деятельности государства. Одним из важных аргументов К.В. Петрова является не только отсутствие известных правительственных указов о прожитке до 1619/20 г., но и отсутствие единой нормы обеспечения прожитком, размеры которого во второй половине XVI в. варьировались без определенной зависимости от величины поместья мужа или отца [10, с. 123]. Этот аргумент, однако, легко отводится следующим соображением: даже в Уложении 1649 г. ст. 57 была посвящена извечной проблеме несоответствия реальной поместной дачи окладу. Из этой статьи в частности следует, что в случае отсутствия достаточного количества земли, следовало «поместья их и вотчины малые дачи, смешав вместе, разделить женам их и детям по жеребьям поровну» [11, с. 81].

Очевидно, что при расхождении размеров оклада и дачи и во второй половине XVI в. дьяки «мешали» вместе поместья и «малые дачи», результатом чего были такие размеры прожитка, которые не соответствовали ни окладам, ни реальной величине поместий. Сами же нормы надделения прожитком, отразившиеся в статьях 30–32 Уложения и исчислявшиеся от 100 четвертей, на наш взгляд, отсылают к времени издания «Приговора о кормлениях и службе», датированного нами периодом до 29 апреля 1556 г. [2, с. 223]. Военная страда, начавшаяся с первых походов против Казани и завершившаяся лишь в начале 1580-х гг., привела к невиданным

жертвам среди служилых людей, слабые следы которых можно до сих пор увидеть в некрополе Псково-Печерского монастыря.

В этой же плоскости находится и ответ на первый из сформулированных нами вопросов. Значительные боевые потери среди дворян актуализировали проблему обеспечения вдов и дочерей прожитком. Исследованные нами «сказки» отставных помещиков показывают, что из 80 погибших на поле боя или в походе служилых людей 16 были к моменту смерти женаты, а значит, их вдовы и несовершеннолетние дети могли претендовать на получение прожитка. К этим наследникам 16 погибших молодых людей следует присовокупить неизвестное, но наверняка весомое количество вдов самих отставных помещиков, не учтенных в «сказках», и тогда получается, что выделение части поместной земли на прожиток было обычным явлением землеустроительной практики того времени.

В заключении коснемся вопроса о социальном значении практики прожитка. В дискуссиях о сословной стратификации в России XVI–XVII вв. в настоящее время преобладают концепции, с разной степенью убедительности отрицающие факт сословного деления общества допетровской России. Однако в ходе этих дискуссий совершенно не обсуждается гендерный аспект проблемы сословий: проблема женщины как члена социальной страты. Может ли существовать сословие, состоящее из одних мужчин, даже если их права прописаны в законе полнее, чем права женщин? И можно ли отрицать факт существования сословия, если закон гарантирует женщине сохранение ее социального статуса посредством материального обеспечения в случае потери кормильца? Арина Ознобишина, не дождавшаяся с поля брани под Конотопом своего мужа Алексея, ответила бы на этот вопрос отрицательно.

1. Акты Московского государства. СПб., 1901. Т. 3.
2. *Аракчеев В.А.* Власть и «земля»: правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII в. М., 2014.
3. *Водарский А.Я.* Население России в конце XVII – начале XVIII в. М., 1977.
4. *Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII в. М., 1906.
5. *Липтева Т.А.* Провинциальное дворянство России в XVII в. М. 2010.
6. *Маньков А.Г.* Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. М., 2003.
7. *Миттерпауер М., Каган А.* Структуры семьи в России и в центральной Европе: сравнительный анализ // Семья, дом и узы родства в истории. СПб., 2004.
8. *Новосельский А.А.* Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994.
9. Памятники русского права. М., 1963. Вып. VII.
10. *Петров К.В.* Некоторые формы земельной собственности и система русского права до начала XVIII в. Прожиток // Российское государство в XIV–XVI вв. СПб., 2002.
11. Соборное уложение 1649 г.: Текст. Комментарии. Л., 1987.
12. *Сторожев В.Н.* Указная книга Поместного приказа // Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ. М., 1889. Кн. 6. Отд. III.
13. *The Crisis of Aristocracy, 1558–1641.* Oxford, 1965.
14. *Fleming Peter.* Family and Household in Medieval England. London, 2001.

15. *Houlbrooke R. Death, Religion and the Family in England, 1480–1750.* Oxford, 1998.

16. *Household and Family in past time / Ed. by P. Laslett.* Cambridge, 1972.

Л.П. Найденова¹

Отношение к семейному насилию в средневековой Руси

Средневековая семья; семейное насилие; церковное право.

Доклад посвящен изучению эволюции представлений о допустимом в области семейного насилия. Анализ проведен, в основном, на материалах церковного и гражданского права, отражающих, хоть и косвенно, общественные настроения и представления.

Семейное или домашнее насилие как зло, требующее искоренения, было осознано цивилизованным человеческим сообществом недавно. Сформулировано даже понятие семейного насилия, которое включает не только физическое, но и психологическое, сексуальное, эмоциональное, экономическое насилие. И хотя семейное насилие современным обществом в целом осуждается и преследуется законом, но в реальной жизни существует в достаточно больших масштабах. Чаще жертвами домашней тираннии оказываются женщины, дети и старики. Доказано, что чем выше гендерное равенство в социуме, тем ниже уровень домашнего насилия. Принято считать, что чем ниже экономический и социальный уровень жизни человека, тем более он склонен проявлять агрессию по отношению к близким. Это правило действует далеко не всегда: известно немало случаев, когда домашним тираном и насильником оказываются вполне обеспеченные и интеллектуально развитые, «интеллигентные» люди.

Государство как особая социальная организация, призванная обеспечить безопасность своим подданным, призвано стремиться к снижению уровня насилия внутри управляемого ею общества. В этом смысле Древнерусское государство не является исключением. Широко известная первая статья Русской Правды: «Аще убьет муж мужа то мстити брату брата...» обычно трактуется как стремление искоренить такой пережиток родового строя как кровная месть. О том, что это узаконение, как и остальные статьи Устава Ярослава, ограничивает возможность применения физического насилия, вспоминают гораздо реже. Уже ранние письменные законы, принятые в государстве, свидетельствуют о его стремлении ограничить семейное насилие, но далеко не всегда в том виде, как это видится нашим современникам.

Физическая сила на протяжении всего периода Средневековья и раннего Нового времени играла важную роль в жизни общества и формировании представлений о возможности ее применения при решении самых разных вопросов как в судьбе отдельного человека, так и различных социумов, одним из которых является семья. Свидетельств отношения общества к семейному насилию сохранилось очень мало; правовые тексты,

¹ Найденова Людмила Петровна, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), к.и.н., histgeogr@yandex.ru.

отражают представление о норме в человеческих отношениях и способствуют их формированию и закреплению в сознании социума.

Одним из первых законов, касающихся проблемы семейного насилия, является Уставная грамота о церковной десятине, данная князем Владимиром церкви. В ней христианской церкви передана сфера семейных отношений. К преступлениям законодателем отнесено «пошибание» (изнасилование) и «умыкание» (похищение невест), но размер наказаний за эти преступления назначает церковь. (Это могло быть лишение причастия на довольно длительные сроки, длительный строгий пост, определенное число поклонов во время молитвы дома каждый день, недопущение вхождения в храм, стояние на паперти).

О прямом порицаемом существовании насилия в семейных отношениях свидетельствуют два положения: избивение детьми родителей и драки между братьями (и сестрами) из-за наследства. В древнерусских текстах категорическое требование почтительного отношения к родителям обосновывалось обычно ссылками на Священное писание, где действительно содержится утверждение необходимости казни для непослушных и непочтительных детей. В то же время можно предположить, что уважение к старшим существовало и в дохристианские времена, поскольку жизненный опыт старших поколений часто был залогом физического выживания. Была жестокости по отношению к детям со стороны родителей и практическая сторона: насилие подчиняло детей родительской воле и придавало уверенности в том, что если наказывать детей «в уности», то они «упокоят в старости». Наказанию подлежали даже дети, которые плохо говорили («злословили») или насмехались над престарелыми родителями (в текстах говорится о сыновьях. Видимо, подобная дерзость со стороны дочерей даже не предполагалась).

Традиция наказывать детей за плохое обращение с родителями сохранялась и позднее. Стоглавый собор 1551 г. провозглашал необходимость «градской казни» (публичной порки) для непослушных сыновей. Автор Домостроя, современного Стоглавуму собору, такой суровости не требует, более того, пытается обосновать необходимость почитания родителей, особенно матерей, вполне понятными и сейчас человеческими чувствами: убеждением, что материнская любовь сильнее сыновней, а потому заслуживает бережного отношения. Есть и практическая польза от материнской любви: материнская любовь и молитва может избавить от бед.

В то же время существует текст, который отношение к родителям делает не таким однозначным: в Стоглаве обсуждается вопрос о том, как поступать с «колосными», которых на «телешках» в городах родственники выставляют на улицу с тем, чтобы об этих несчастных заботились сердобольные христоробивые прохожие. Думается, что среди них были и уже совсем обессилившие и больные родители. Участники собора не призывают близких этих людей вернуть их в дом, а решают, что нужно создавать богадельни, где за ними будут ухаживать специально приставленные люди.

Детей, как известно, вообще считалось необходимым воспитывать с помощью физических наказаний. И здесь опять идет ссылка на авторитет Библии: «Розга и обличение дают мудрость; но отрок, оставленный в небрежении, делает стыд своей матери» (Притчи 29:15). Покорность родительской воле требовалась абсолютная, что нашло отражение и в постановлении Соборного Уложения 1649 г., которое предусматривает публичное наказание даже для детей, посмевших пожаловаться на притеснения со стороны своих родителей. Отношение к телесным наказаниям в процессе воспитания остается спорным и по сей день. О живучести представлений о необходимости телесных наказаний свидетельствует уже тот факт, что в гуманной и толерантной Англии телесные наказания были признаны незаконными в государственных школах в 1999 г. У учеников в связи с этим даже сформировался негласный кодекс поведения. (В Российской империи телесные наказания в учебных заведениях были окончательно отменены в ходе Февральской революции).

По современному пониманию, к семейному насилию можно отнести и отсутствие учета желаний и склонностей молодых при создании семьи. В Русской православной церкви вопрос о добровольности вступления в брак при венчании появился, самое раннее, в конце XVI в. При этом следует отметить, что насилие в такой ситуации имело свои пределы еще в Древней Руси: уже в грамоте Ярослава Мудрого о церковных судах существует положение, по которому в случае самоубийства девушки или юноши, не желающих вступить в брак, родители самоубийцы представляли перед церковным судом. По Уставной грамоте Ярослава, церковному суду подлежат также случаи инцеста (например, соития отца с дочерью); но при этом осуждается сам факт кровосмешения; вопрос о насильственности в этой ситуации законодательство не интересуется, и кто в этой ситуации считается пострадавшей стороной из текста грамоты также неясно. Можно предположить, что это решалось традицией, не нашедшей отражения в законе. В наказание за такое кровосмешительство назначалось тридцать лет епитимьи.

Самым ранним из известных нам текстов, где трактуется вопрос об избииении жен, является Домострой, чем он и обязан во многом своей «славе». (Такая острая реакция на постановку этого вопроса свидетельствует о том, что проблема до сих пор очень актуальна). Значит ли это, что раньше женщин не били? С полной уверенностью можно сказать, что избияения происходили и раньше. Об этом свидетельствует и текст Домостроя, который осуждает жестокое обращение с женами. Их, как пишет автор Домостроя, не просто били, а иногда и калечили: избивали до глухоты, слепоты; били даже беременных, что приводило к выкидышам. (Но со времен того же Ярослава Мудрого безнаказанно бить можно было только свою жену, за избияение чужой жены предусматривалось церковное наказание.) Домострой для XVI в. является текстом прогрессивным: его автор не может подняться выше восприятия своего времени и отказаться от телесных наказаний как таковых, но он пытается превратить зверское избияение в порыве гнева или раздражения, «с досады и кручины», в некий ритуал, где главным оказывается страх наказания как такового, а не связанной с ним

физической боли. (Заметим, что жестокое обращение с женой во всех слоях общества не было явлением чисто русским: благородные европейские рыцари, поклонявшиеся Прекрасной Даме, в порыве гнева вполне могли сломать нос родной жене.) Церковные установления того времени признавали за женщиной право развестись с избивающим ее мужем, но при условии, что будет доказана его супружеская неверность. Оговоримся, что такая ситуация была возможна в северных регионах средневековой Руси, где статус женщины, судя по некоторым данным, был более высоким. В то же время ни условия такого развода, ни последствия его для женщины неизвестны. Рукоприкладство, относящееся в наше время к семейному насилию, применялось не только в отношениях с детьми и женами. Бывало, что свекор бил сноху, деверь бил свекровь; семейные ссоры иногда заканчивались убийством, что осуждалось обществом и законодательством. Были и случаи избивания женами мужей. Эти инциденты, если становились достоянием гласности, также подлежали церковному судебному разбирательству, а виновные в таком преступлении жены наказывались.

Изнасилование, на древнерусском «пошибание» квалифицировалось как преступное деяние уже в Уставной грамоте Владимира и также подлежало церковному суду. Отношение к изнасилованию не было однозначным. Если насильник женился на жертве, то вопрос о его наказании снимался. Отношение жертвы к насильнику в таких случаях не учитывались. Некоторые церковные средневековые тексты дают основание полагать, что изнасилованная женщина не всегда признавалась жертвой. Во всяком случае, в них специально оговаривается, что на рабе, изнасилованной господином, и женщине, изнасилованной во время вражеского нападения, «несть греха», что наводит на мысль, что в других случаях «безгрешность» жертвы не считалась очевидной и тень позора ложилась на нее. Поскольку девственность, во всяком случае, по церковной оценке и в высших слоях общества считалась главной добродетелью девушки, то утрата ее, независимо от обстоятельств, снижала статус невесты. По церковным правилам, если после свадьбы обнаруживалось отсутствие девственности, то это было поводом для немедленного развода.

К экономическому насилию можно отнести случаи самоуправства старейшины дома. Он мог выгнать невестку после смерти своего сына, ее мужа, не вернув ей приданое и не разрешая встречаться с детьми. Женищине в этом случае оставалось только жаловаться суду или каким-то влиятельным лицам. Результаты обращений нам неизвестны.

Таким образом, мы видим, что при отсутствии сформулированного понятия «семейное насилие» отдельные его проявления осуждались обществом и карались законом; круг осуждаемых проявлений домашнего насилия постепенно расширялся.

К истории появления евреев в Московском государстве в первой трети XVII в.: селитренный промысел в Путивльском уезде

Московское государство; Путивльский уезд; Великое княжество Литовское; XVII в.; евреи; селитренный промысел.

В фонде Разрядного приказа (РГАДА) имеются документы, свидетельствующие о проникновении на территорию Путивльского уезда евреев – жителей разных городов Северной земли (ВКЛ), которые самовольно занимались здесь производством селитры. Переписка путивльских воевод с царем Михаилом Федоровичем 1620-х гг. была направлена на пресечение этого незаконного промысла.

Одним из важных направлений химических промыслов на Руси было селитроварение. Организация производства селитры и серы диктовалась потребностью в порохе, который входил в список материалов, относящихся «до воинской амуниции». Пороходелие в целом потребляло около 75 % этого химического реагента от веса пороха. В XIV–XVII вв. селитру называли «ямчугой» – от слова «яма», в которых обычно заготавливали «селитрянную землю»; позднее эти ямы назывались «селитрянницами». В то время «селитрянную землю» искали всюду, например, в степях, и поскольку в ней ощущался определенный недостаток, селитру добывали даже из земли старых крепостных и городских валов. В дальнейшем селитра стала применяться в технике получения серебра, для разделения золота от серебра на монетном дворе, в стеклоделии, при изготовлении различных «огненных» (зажигательных) составов для ядер и ракет, в медицине для изготовления различных лекарственных средств, наконец, в производстве удобрений для сельского хозяйства [3, с. 144–149].

Селитра изготовлялась во многих местах, и правительство всеми мерами способствовало развитию этого производства, о чем сохранился ряд исторических документов. Так, в 1638 г. присланный из Путивля в Воронеж селитровар-черкашенин С. Иванов писал царю Михаилу Федоровичу, что он нашел около Воронежа место для варки селитры, «и я тое селитры опыт послал к тебе, государю». На его письме была помета: «Распросить, какой надобе завод и на сколько чанов и пуд совсем и с привозкою добрые селитры станет» [1, с. 105 (№ 162)]. Для варки селитры вызывались «охотники». Царь предлагал им для селитренного варения отыскивать места и писал, что «мы тех людей пожалуем, велим в тех местах селитру варить» [1, с. 1006 (№ 154)]. Грамоты, в которых предлагалось организовывать выварку селитры, посылались в то время, как правило, на юг – в такие города, как Белгород, Курск, Воронеж, Елец, Ливны, Оскол [2, с. 40–41]. Известно, что в первой трети XVII в., в царствование Михаила Федоровича, селитру варили в Белгородском и Путивльском уездах «ратные люди» из Путивля, Курска и Рыльска [2, с. 154]. В записной книге Московского стола Разрядного приказа 1626–1627 гг. зафиксировано

¹ Фельдман Дмитрий Захарович, РГАДА (РФ, Москва), к.и.н., dzfeldman@rambler.ru.

одно из упомянутых ниже лиц – путивльский селитренник «Бориска Колесо». По государеву указу велено быть в Путивльском уезде на «Борискове варнице Колесова» по 30 человек конным «для бережения селитряной казны»; было также приказано, когда «Роман селитряник и Бориско Колесов учнут селитру варити», послать туда стрельцов для охраны [4, с. 466–467]. Примерно в это время среди «ямчужных мастеров» в документах упоминается и еврей-выкрест: за 1621 г. указаны литвин А. Мануилов, черкашенин П. Иванов, а также «жидовские земли новокрещен» Ицка [5, с. 276].

В РГАДА хранится комплекс документов, посвященных вопросу о незаконном ведении евреями – подданными ВКЛ селитренного промысла на территории Путивльского уезда. Несмотря на то, что по Деулинскому перемирию между Русским царством и Речью Посполитой 1618г. к последней отходили все земли Северщины, Путивль тогда все же остался за Москвой. В создавшейся ситуации он становился пограничным городом Московского государства, особо важным оборонительным рубежом. Такое географическое положение Путивля привело к тому, что уезд постоянно подвергался опасности нападения литовских феодалов, польской шляхты и крымских татар. Но помимо этого в Путивльский уезд проникали предприимчивые жители соседней Литвы, правда уже с «мирными» целями, например, реализуя свои хозяйственно-экономические интересы. Среди них мы встречаем и евреев, которые, используя природные условия этих земель, незаконно – в нарушение Деулинского перемирия – занимались здесь селитренным варением.

Инициативным документом всей переписки о запрещении селиться и заниматься промыслами в Путивльском уезде выходцам из ВКЛ, в том числе евреям, стала отписка путивльских воевод князя В.Г. Ромодановского и Г.А. Алябьева царю Михаилу Федоровичу от 28 марта 1623 г.² Воеводы сообщали, что узнали от «путивльцев посадцких и всяких торговых людей», ездивших в Литву, о намерении властей порубежных литовских городов уже нынешней весной послать в Путивльский уезд своих людей селиться здесь дворами и слободами, «драть» бортные уголья, заниматься охотой и рыбной ловлей, а также чинить всякие «шкоды». Кроме того, особо отмечалось, что литовские «жиды» и «салитарники» готовятся «на государеве земле» варить селитру.

11 апреля 1623 г. была составлена ответная наказная память Михаила Федоровича, отправленная воеводам 20 апреля³. Решение русских властей было вполне ожидаемо: всех «литовских людей», приезжающих в Путивльский уезд и попытавшихся здесь селиться, владеть угольями и заниматься разными промыслами, следовало немедленно высылать за границу. Текст резолюции гласил: «Государь указал и бояре приговорили: будет литовские люди учнут в Путивльском уезде селитца и угольями всякими владеть, и тех литовских людей ссылать и селитца, и угольи владеть не да-

² РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Севского стола. Стб. 77. Л. 496–496 об.

³ Там же. Л. 497–499.

вать по прежнему указу»⁴. Как видим, царская грамота содержала ссылку на предшествующий указ из Посольского приказа с требованием строго соблюдать принцип недопущения иностранцев к подобным занятиям на путивльской земле. Нарушителям закона следовало говорить, чтобы во избежание «ссоры и задора» они не нарушали мирного договора с Польско-Литовским государством 1618 г., а при их нежелании покинуть Россию добровольно – высылать «в неволю», но при этом «бою с ними не чинить».

Если в проанализированных выше архивных источниках о «жидах» говорилось вскользь, при перечислении «литовских людей», «болаховцев», «селиторников» и прочих иноземцев, то следующий документ уже содержит о евреях конкретные сведения: их имена, места жительства и устройства ими селитренного производства на реках в Путивльском уезде. Данный источник представляет собой список с отписки местных воевод князя В.Г. Ромодановского и Г.А. Алябьева царю Михаилу Федоровичу о выходе нескольких «жидов-селитренников» из разных городов Северной земли (ВКЛ), которая была прислана 10 мая 1623 г., а 14 мая рассмотрена в Разрядном приказе⁵. Эта информация была получена от двух торговых людей-путивльцев Ю. Сулешкина и Г. Пушкарева, которые находились в Литве по своим коммерческим делам. Приведем фрагмент указанной отписки: «...Пошли из Лубень на твою государеву землю в Путивльской уезд варить селитру за Ворсклом на речку на Рабынь жид Якухна на три котла; а от Рамановой де, государь, варницы, где варит селитру тот жид Якухна, всего толко пять верст. Да из Белой де, государь, Церкви поехали ж жида на твою ж государеву землю Путивльского ж уезду за Ворсклом на речку на Гусинец селитры варить жид Аврам; а от Рамановой де, государь, варницы ямчужного мастера всего в десяти верстах. Да из Белой же де, государь, Церкви жид Подкова да жид Синий на твоей государеве земле за Ворсклом на речке Охтыре варят селитру на пять котлов. Да на твоей же государеве земле Путивльского уезда за Ворсклом Белское городище варят жида селитру на пятнадцать майданов, котла по три и по четыре на майдане в бортном ужожи путивльского городского приказшика Василья Малово»⁶. Итак, «жид Якухна», выходец из г. Лубны, устроил свою варницу на р. Рабынь. Остальные три еврея вышли из г. Белая Церковь: «жид Аврам» стал варить селитру на р. Гусинец, а «жид Подкова» и «жид Синий» занялись этим промыслом на р. Ахтырь. Таким образом, та информация, которую путивльские воеводы передали в Москву в марте, оказалась верной. Далее они сообщили, что послали в обозначенные места путивльца сына боярского Г. Кротова в сопровождении упомянутых выше Ю. Сулешкина и Г. Пушкарева – им надлежало «с твоей государевой земли тех жидов и селитреников сослать, чтоб оне, жида и селитреники, на твоей государеве земле в Путивльском уезде селитры не варили и тем мирного постановленья не нарушивали, а

⁴ Там же. Л. 496 об.

⁵ Там же. Стб. 78. Ч. I. Л. 7–9.

⁶ Там же. Л. 7–8.

варили б на своей земле, а не в Путивльском уезде»⁷. Отписка содержала помету думного дьяка Посольского приказа И. Т. Грамотина с резолюцией: «Государь слушел, и боярем чтена. Указал государь: отписать, чтоб послали, а велели селитренников з государевы земли сослати, а не поедут волею, и их в неволю сослат. А о большой ссылке будет не послушают, указ в Розряде. А ся отписка, списав, отослат в Розряд»⁸.

Наконец, третий источник, из которого можно почерпнуть информацию о евреях-селитренниках, самовольно организовавших производство этого химического реагента в Московии, – отписка путивльских воевод А. И. Головина и И. И. Есипова царю Михаилу Федоровичу о самовольном варении селитры в подведомственном им уезде «жидом Мошкой» и о других известиях военного и криминального характера⁹. Она была доставлена в столицу 31 мая 1624 г., то есть спустя год после предыдущего донесения. Это позволяет проследить в динамике процесс решения вопроса о незаконном селитроварении литовских евреев на территории Московского государства. Из документа становится известно, что еще 1 мая воеводы извещали царя о событиях в уезде, связанных с селитренным производством. В частности, сообщалось, что некие «литовские люди» в 50 верстах от Путивля поймали, ограбили и держат в г. Ромны путивльцев-селитренников «Бориску Колесу да Митка Селиванова», а далее говорилось: «А на твоей государеве земли в Путивльском уезде жид Мошка и по ся места варит селитру»¹⁰. В дальнейшем обстановка в уезде сложилась следующим образом: оба селитренника были литовцами отпущены, однако Мошке, несмотря на приказ роменским казакам и жилецким людям выслать его за границу, удалось вернуться на старое место, «откуля ево преж сево сослали от Путивля сорок верст, и стал де варить тут селитру»¹¹. В связи с этим воеводы взяли обязательство перед царем еврея-селитренника «с твоей государевой земли... ссылать тотчас, розведав подлиных вестей»¹². Последняя часть отписки была посвящена военной обстановке на границе Московии и на сопредельной территории ВКЛ. Окончательный результат приведенной здесь переписки нам неизвестен, однако, учитывая весьма слабую защищенность и проницаемость тогдашних государственных границ, можно предположить, что незаконное проникновение на московскую землю «литовских людей», и евреев в том числе, продолжало носить перманентный характер, и случаи подпольного селитроварения на юго-западе страны, пусть и не в таких больших масштабах, как раньше, вполне могли продолжаться.

В заключение важно отметить, что приведенные здесь факты являются, пожалуй, одними из самых ранних задокументированных свидетельств появления евреев на территории Русского государства спустя все-

⁷ Там же. Л. 8.

⁸ Там же. Л. 9.

⁹ Там же. Столбцы Приказного стола. Стб. 12. Ч. I. Л. 120–124.

¹⁰ Там же. Л. 120.

¹¹ Там же. Л. 121–122.

¹² Там же. Л. 123.

го 10 лет после преодоления событий Смутного времени и избрания на московский престол молодого Михаила Федоровича Романова.

1. Акты Московского государства / Под ред. Н.А. Попова. СПб., 1894. Т. II.
2. Лукьянов П.М. История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX века. М.; Л., 1948. Т. I.
3. Лукьянов П.М. История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX века. М.; Л., 1949. Т. II.
4. РИБ. СПб., 1884. Т. IX.
5. ЧОИДР. СПб., 1882. Кн. 1.

М.С. Черкасова¹

Чума в России 1654/55 г.: опыт демографического учета

Города; демография; масштаб эпидемии; учет смертности.

Приведены данные о смертности в городах России в эпидемию чумы 1654/55 г., способы борьбы с ней и управления в условиях кризиса, отмечены религиозные и социокультурные аспекты проблемы.

Важной частью исследований по исторической демографии является изучение массовых эпидемий и масштабов смертности от них. Комплекс документации о чуме в России летом 1654 – зимой 1655 гг. включает более 80 указных царских грамот городовым воеводам и дьякам, различных челобитных, отписок с мест, росписей количества умерших и их сословно-чиновных группах [1, с. 442–512]. Ситуация с эпидемией в тот момент осложнялась начавшейся русско-польской войной, пребыванием царя Алексея Михайловича в действующей армии под Смоленском, а царицы М.И. Милославской с детьми и дьяками – в Калязине. Собирались сведения о природно-климатических условиях в столице: «каковы дни бывают в воздушном растворении, дождевны ли или жары». В тепло-влажностной атмосфере чумная палочка быстрее размножалась, при ветреной погоде быстрее разносилась.

Декада «после Семенова дни» (1 сентября) 1654 г. стала кульминацией пандемии в Москве, когда умерли управлявшие здесь князья М.П., И.В. и И.А. Пронские и окольный П.П. Головин [1, с. 448–450]. Дезорганизация работы приказов была обусловлена высокой смертностью их служителей. Согласно росписи дьяка К. Мошнина, к 16 декабря 1654 г. потери в некоторых составили: в Земском – 43 чел., Посольском – 30 чел., Новой Чети – 60 чел.

Сильно пострадали разные группы белого и черного духовенства – приходские и соборные священники, обитатели Чудова, Вознесенского, Ново-Спасского, Симонова, Ново-Девичьего монастырей, Кирилловского и Троицкого подворий. Гибель священников затрудняла погребения, поскольку исповедовать, причащать и хоронить умерших было некому. Смерть жен лишала овдовевших диаконов и попов права на служение и отправление таинств, согласно православному канону. Одной из при-

¹ Черкасова Марина Сергеевна, Вологодский государственный университет (РФ, Вологда), д.и.н., mscherkasova@mail.ru.

чин смертности среди священников было отпевание в церквях и погребение чумных покойников, отчего попы сами заражались. В этой связи неукоснительным требованием стало хоронить умерших в тех же дворах, где они умерли, в той же самой одежде, после чего те дворы обламывать и оставшихся там в живых людей оттуда не выпускать.

Обстановка в Москве в августе-сентябре 1654 г. осложнялась подъемом уголовной преступности – одни «тюремные сидельцы» умирали по 5–10 чел. в день, другие сумели бежать в тот момент, когда из тюрем выносили тела умерших, из них 40 чел. были пойманы, а 35 чел. вырвались на волю. Начались грабежи («умножилось воровство») имущества во дворах умерших людей (что становилось контактным способом расширения инфекции), церковной казны в опустевших храмах, товаров гостей и торговых людей гостиной сотни. Высокая смертность среди стрельцов, обеспечивавших порядок на улицах Москвы, не позволяла унять криминальные элементы [1, с. 492]. В рядах на Московском торгу оставалось «седельцов мало». Сбои в торговле привели к трудностям с продовольствием в Москве и в ряде городов. Из Кремля были вывезены большие запасы золотых и серебряных монет, «ефимочной казны».

Значительной была смертность зависимых людей во дворах московской знати, думных чинов: у Б.И. Морозова – 343 чел., Н.И. Одоевского – 295 чел., И.Д. Милославского (царского тестя) – 100 чел., Н.И. Романова – 352 чел., А.Н. Трубецкого – 270 чел., кн. Я.К. Черкасского – 423 чел., дворецкого В.В. Бутурлина – 68 чел., И.В. Морозова – 60 [1, с. 509–510]. Одновременно по тем же дворам в итоговых росписях указывалось число оставшихся в живых, что позволяет вывести процент потерь среди многочисленной боярской обслуги – до 70–90 %. Такой же процент приведен в отношении всего населения Москвы, принимаемого ориентировочно в 200 тыс. чел., С.В. Лобачевым [2, с. 151]. Не меньше была смертность и среди московского посада – Устюжской и Кожевницкой полусотен, Сретенской, Ордынской и Покровской сотен, Панкратовской, Екатерининской, Воронцовской, Заязуской слобод.

Эпидемия затронула и Подмоскovie. В сентябре-декабре 1654 г. в Троице-Сергиевом монастыре и слободах умерло 1278 мужчин и женщин. В это число входит 60 больничных старцев [1, с. 497]. Пик смертности в Троице пришелся на 1 ноября – 12 декабря 1654 г., после чего «поветрие учало быть тише». По внешним признакам умирающие разделялись на две группы – с язвами и без язв. Язвы – это признак бубонной чумы, поражающей лимфатические узлы человека. В больнице умерло 11 чел. с язвами и 49 – без них, а в слободах 403 чел. с язвами и 809 чел. – без них (указание на легочную форму чумы, с характерной для нее высокой температурой, кровохарканьем, стремительностью протекания и летальным исходом).

Чума охватила 40 городов: Бежецк, Верею, Звенигород, Зарайск, Рузу, Кашин, Воротынский, Калугу, Малый Ярославль, Дедилов, Алексин, Белев, Венев, Тулу, Епифань, Ефремов, Новосиль, Михайлов, Карачев, Мценск, Переславль-Рязанский, Шацк, Шую, Переславль-Залесский, Кострому, Соль Галицкую, Ярославль, Углич, Юрьев-Польский, Суздаль, Мологу,

Вологду, Тверь, Торжок, Старицу, Ржев Володимерову, Старую Руссу, Белхов, Путивль, Рыльск.

К октябрю 1654 г. эпидемия чумы дошла до севера. В документации вологодского архиепископа Маркела 17 сентября 1654 г. отмечен приезд царицына сына боярского Дм. Красенского «для сказок, сколько где померло людей» [5, с. 64]. В указной грамоте 6 октября 1654 г. на Двину воеводе Б.И. Пушкину и дьяку И. Ларионову говорилось, что в Вологде и уезде «объявилось на люди моровое поветрее», в связи с чем торговые люди с товарами и без товаров должны быть задержаны в Архангельске.

8 октября 1654 г. с царским наказом из Калязина до Белоозера был послан стольник В.С. Нарбеков с детьми боярскими «царицына чина» для расчистки дорог «сошными людьми» и получения данных о числе умерших. В.С. Нарбекову предписывалось провести рейд на расстоянии в 10–50 верст от Белоозера, в слободах, селах, приселках, деревнях, поместьях и вотчинах. 6 и 11 октября 1654 г. с царского стана в Калязине были посланы две указные грамоты в Великий Устюг и Устюжну Железопольскую. Адресатами первой был воевода кн. Е.Ф. Мышецкий и подьячий Е. Клочков. От них требовали присылки сведений о времени протекания эпидемии («сколь давно»), числе умерших, описания «злой прилипчивой» болезни – скорая или протяженная, признаках умерших – с язвами или без язв [1, с. 467–468, 470–472, 497]. Информация об этом должна быть собрана во всех типах владений – дворцовых, владычных, монастырских, вотчинах гостей и «всяких жилецких людей». Имеются данные и об обратной связи – воеводских отписках с мест в царский стан в Троице-Калязин монастырь. Костромской воевода В. Еропкин в ответ на царскую грамоту от 6 сентября писал не позднее 8 октября 1654 г. о принятых им мерах и масштабе людских потерь в Костроме и уезде. К исполнению царского указа он привлек отставных дворян и детей боярских, монастырских слуг, служек и посадских людей. «Сказки» об умерших с 22 августа по 8 октября 1654 г. были предоставлены приходскими попами и поповским старостой. На их основе воевода составил перечневую роспись, приложенную к своей отписке. Согласно ей, в Костроме у приходских церквей было похоронено 2658 мужчин и женщин, умерших «скорою смертью с язвами», в течение 2–3 дней. Учет затронул и монашество – Ипатьева, Богоявленского, Воздвиженского, Настасьина монастырей, их слобод и вотчин, пригородного с. Никольского, ряда поместий. Всего потери в Костроме и уезде с 22 августа по 10 октября составили 3247 посадских и «всяких жилецких человек» [1, с. 474–475].

В отписке калужского воеводы Ив. Камынина в царскую «ставку» в Вязме дворецкому В.В. Бутурлину и дьяку Д. Башмакову говорилось о сборе сведений земским старостой С. Герасимовым и сотскими. В дворцовой Ромодановской волости сведения подал дворцовый приказчик И. Айгустов. Данные по Калуге и уезду были структурированы «по чинам» – приходское духовенство, монашество, приказные люди, стрельцы, пушкарки, воротники, кузнецы, ямщики, посадские люди, а всего 1931 чел., не считая их жен и детей [1, с. 517]. Масштаб людских потерь был значительным в Переславле-Залесском – 3627 чел., Нижнем Нов-

городе с 31 августа по 25 ноября – 3666 чел., Туле с уездом – 2148 чел., Верее с уездом – 1324 чел., Путивле с уездом – 392 чел. В большинстве случаев городская смертность, судя по учетным данным, преобладала над уездной.

Учет смертности в Торжке показал: 70 мужчин, 53 женщины и 35 младенцев. Отдельно в росписи был отмечен умерший воевода Ф. Збарецкий и 63 чел. его слуг. В Твери умершие младенцы были учтены в составе данной половой группы – мужской (всего 114 чел.) и женской (всего 189 чел.) [1, с. 518]. В Ямской слободе Ржевы Володимеровой умерло 16 ямщиков, их жен и детей, то есть 3–4 семьи. В Бежецке не стало 50 чел. в 15 посадских дворах и еще в 4 дворах люди умерли «без остатку». В Бежецком Верхе в поместьях умерло 189 попов, крестьян, их жен и детей. Одновременно в перечневых росписях отмечалось количество оставшихся в живых, даты прекращения массовой смертности по городам (ноябрь–декабрь 1654 – январь 1655 гг.) и то, что «от язв многие люди скорбны, еще не обмоглись» [1, с. 474, 513, 517]. Ряд южных городов не был затронут чумой (Воронеж, Обоянь, Одоев, Серпейск, Трубчевск, Усмань, Хотмыжск и др.), но и тамошние воеводы направили отписки в царский стан в Вязьму в январе 1655 г. Это показывает определенную отработанность управленческих решений.

Анонимное «Сказание о моровой язве» в Вологде интересно для изучения «антропологии болезни» [4, с. 397–400]. Эпидемия в нем названа «смертоносной, еже есть мор великий. Бо умираху незапною смертию: ходил ли кто или стоял или сидел, и тако забывая в мале и вскоре умираху. А инии с вечеру спати ложахуся, а с утра мертвии являхуся. И тако изо многих домов малии и величии вси изомроша. И баше видети во граде на путех и в домах мертвья. И священницы едва успеваху мертвых погребати». 18 октября 1654 г. по благословению вологодского архиеп. Маркела горожане построили церковь Всемилоственного Спаса «единодневного строения», и «преста бо от того дни в людех смертоносная язва» [3, с. 623–626]. Осеннее похолодание, а затем и наступление зимы способствовали прекращению пандемии в стране.

Таким образом, в тяжелые для России месяцы чумы были опробованы некоторые новые принципы демографического учета «всяких жилецких людей», а не только податных сословий (крестьяне, посадские люди). В отличие от подворного принципа переписных книг 1640-х и 1670-х гг., показатели смертности в равной степени включали умерших мужчин и женщин, а иногда даже младенцев обоих полов. Более «точно» фиксировались сословно-профессиональные микро-группы умерших. Новой чертой демографической статистики стал учет смертности гражданскими властями по церковным приходам. Более внимательно описывались медико-социальные условия протекания «моровой язвы».

1. ДАИ. СПб., 1848. Т. 3.
2. Лобачев С.В. Патриарх Никон. СПб., 2003.
3. Малинина Н.Н. Сказание о моровой язве // Вологда. Краеведческий альманах. Вологда, 1997. Вып. 2.
4. Медведь А.Н. Актывые материалы об эпидемиях XVII в. как источник по ант-

ропологии болезни в Московском государстве // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археологии. Материалы XXIV международ. науч. конф. М., 2012.

5. *Черкасова М.С.* «Выдаточная книга» Вологодского архиерейского дома середины XVII в. // Вестник церковной истории. 2018. № 1–2 (49–50).

А.Н. Старицын¹

Проблема семейных отношений в выговских скитах в первой трети XVIII в.

Староверие; староверческие скиты; семейные отношения.

В статье поднимается вопрос об отношении крестьян к жизни в староверческих скитах. На основе изучения документов следственных дел и материалов I и II ревизий устанавливается, что староверы в скитах вели монашеский образ жизни. Но требования трудовой жизни вынуждали их обзаводиться семьями. Для этого они покидали скиты, женились и возвращались обратно с женами и детьми.

В исследовательской литературе, посвященной истории старообрядчества, господствует мнение, что в отличие от Выговского и Лексинского монастырей во всех без исключения выговских скитах проживали совместно мужчины и женщины и вели семейный образ жизни [1, с. 171; 2, с. 76; 5, с. 72; 4, с. 44–45; 6, с. 161; 7, с. 30]. Выпадает из общего ряда мнение американского исследователя Р. Крамми, который полагал, что скитские поселения староверов первоначально были организованы по монашескому принципу. Семейным парам там разрешалось жить при условии соблюдения ими целомудрия [8, р. 124–125]. Обращавшиеся в последнее время к теме выговских скитов М.Л. Соколовская и Л.К. Куандыков разошлись в их оценке. Если Соколовская видела в скитах только светские образования, то Куандыков, опираясь исключительно на выговские уставы, попытался разобраться, каким образом в староверческих поселениях совмещались светские явления с монастырскими [6, с. 167; 3, с. 35–36]. По мнению Л.К. Куандыкова, особая выговская идеология пустынножителства искусственно соединила монашеский устав с семейной жизнью. Недооценка важного фактора, заключавшегося в понимании выговцами переживаемого времени как «последнего», привела Л.К. Куандыкова к ошибочному утверждению, что не «могло называться скитом место, где мужчины и женщины живут вместе, а главная их цель не спасение души, а хозяйственная деятельность» [3, с. 35].

Следует заметить, что из выговских документов видно: семейная жизнь в скитах не признавалась уставами, а наоборот, запрещалась. Главной целью жителей выговских скитов, как следует из уставных документов, было спасение души. Хозяйственная деятельность являлась лишь средством для существования скитян. Выговские наставники рассматривали скиты как удаленные от мира места, где для спасения души собрались не столько монахи, сколько простые крестьяне.

¹ Старицын Александр Николаевич, Институт научной информации по общественным наукам РАН (РФ, Москва), profitens@yandex.ru.

Целью статьи является 1) выяснить, действительно ли в скитах существовала семейная жизнь, подразумевавшая сохранение между женатыми староверами супружеских отношений; 2) определить, насколько глубоко было различие между требованиями скитских уставов и реальной жизнью в выговских скитах.

Представление о том, как сами выговцы воспринимали скитские поселения, и о порядках в скитах можно почерпнуть помимо уставов, где эти порядки показаны в идеализированном виде, из свидетельств очевидцев-современников.

В показаниях священника Надвоецкого села Михаила, побывавшего в Сергиевом ските в 1709 г., говорилось о скитских порядках: «живут при часовни в разных избах мужеск и женск пол порознь особо»². Вероятно, в то время Андреем Денисовым еще не были написаны какие-либо уставные предписания для жителей скитов. Но очевидно, что скитяне жили в соответствии с требованиями монашеских правил, так как женщины проживали отдельно от мужчин.

В 1734 г. жители Сергиева скита не позволили посланным от келаря Соловецкого монастыря приставам входить в их дома с целью розыска беглых крестьян. В отписке о выполнении поручения пристава привели слова жителей скита, в которых те выразили свое понимание скитского жития: «не по что де вам к ней в келью ходить, понеже де она живет для спасения души»³. Обращает на себя внимание последняя фраза, однозначно объясняющая цель пребывания в ските.

Выговский житель Мануил Петров в 1737 г. рассказывал в Петербургском духовном правлении о скитской жизни: «И те расколники, со своими женами вместе живущии, в тамошних их расколнических местах детей не раждают и молодым людям мужеску и женску полу в единых домах несродственным жить не попускают, и брачнаго совокупления между ими не имеется, для того что священников у них ныне не обретается, а которые пожелають брачитися, оные отходят в тамошния погосты и волости и по чину церковному у тамошних священников венчаются»⁴. Из слов Мануила Петрова следует, что в действительности жители скитов соблюдали правила поста и целомудренного жития, прописанные в уставах. Желающие жениться покидали скиты и, повенчавшись у священников господствующей церкви, жили либо в соседних волостях, либо вблизи, но за пределами скитов.

Житель Боровского скита Венедикт Петров в 1738 г. в Тайной канцелярии говорил о себе: «А поныне де он, Венедикт, не женат... понеже де тот ево отец и мать говаривали им, что когда де уже они крестятца объявленным двуперстным сложением, то де уже ему, Венедикту, женитца и сестре ево замуж итти не подлежит»⁵. Следовательно, живущие в скитах люди понимали, что, если они принадлежат к старой вере и живут

² Государственный архив Архангельской области. Ф. 831. Холмогорский Спасо-Преображенский собор. Оп. 1. Д. 266. Л. 5.

³ РГАДА. Ф. 1201 (Соловецкий монастырь). Оп. 5. Ч. 1. Д. 1416 а. Л. 1.

⁴ РГБ. Ф. 17 (Собрание Е.В. Барсова). № 430. Л. 3–3 об.

⁵ РГАДА. Ф. 7 (Преображенский приказ). Оп. 1. Д. 561. Л. 227 об.

удаленно от мира, они должны придерживаться правил целомудренного жития.

Работавшая с материалами трех ревизий М.Л. Соколовская утверждала, что документы «прямо указывают на семейный характер жизни обитателей скитов и поселений, выделяя группы семей и даже указывая степень родства и свойства» [6, с. 161]. Можно согласиться с автором лишь в том, что в середине и во второй половине XVIII в. в скитских поселениях случаи семейной жизни стали более частыми. Однако в первое тридцатилетие XVIII в. картина была совершенно иной. К такому наблюдению можно прийти при более глубоком изучении источников. Для этого была произведена выборка данных, косвенно свидетельствующих о существовании семейных отношений в скитах. В материалах I и II ревизий встречается много примеров, когда крестьяне приходили семьями и жили в скитах целой семьей (муж, жена и их дети), не разделяясь. Однако это не говорит о том, что они не признавали предписания целомудренного жития и вели супружескую жизнь. Такие староверы приходили в скиты со взрослыми детьми, но после того, как они поселялись в скитах, случаи деторождения в их семьях отмечены не были. В материалах двух ревизий удалось обнаружить 66 случаев, из которых видно, что жители скитов женились и у них рождались дети в период их пребывания в скиту. В Волозерском – 8, в Выгорецком – 3, в Верховском – 7, у Кукомозера – 1, в Умборецком – 1, в Челозерском – 2, в Шелтопорожском – 2, в Боровском – 5, в Тагозерском – 2, в Водлорецком – 9, в Андоморецком – 26. В масштабах общего числа жителей всех выговских скитов (1884 мужчины и женщины)⁶ число нарушений составило 3,5 %.

Обращает на себя внимание то, что подавляющее большинство случаев рождения детей до I ревизии, якобы в скитах, связано с «прописными» или вообще не записанными старовеерами. В 1723 г. во время ревизии скитские старосты и выборные, подавая дополнительные сведения о не записанных в предшествующих сказках 1720 и 1721 гг. старовеерах, указывали, почему они не записали тех или иных жителей. Оказывается, все «прописные» староверы в момент подачи сказок отсутствовали в скитах и явились накануне 1723 г. Старосты подробно описали, где и в какие годы находились отсутствовавшие. Такие дополнительные сведения содержатся в деле № 2367, озаглавленном «Сказки о крестьянах Олонецкого уезда 1723 г.»⁷. Все исследователи, обращавшиеся к материалам I ревизии, использовали более компактное дело № 2373, в котором интересные нас подробности были опущены, а оставлены только готовые подсчеты⁸. Поэтому «невидимая» причина «прописки» осталась за пределами внимания исследователей. По данным II ревизии можно проследить, что крестьяне выходили из скитов, когда у них рождались дети. В

⁶ С учетом подсчетов, произведенных в разделах, посвященных Выговскому мужскому и Лексинскому женскому монастырям, в скитах жили 1818 бельцов и белиц. К этой цифре прибавим 38 монахов и 28 монахинь, проживавших в скитах, получаем 1884 человека обоего пола.

⁷ РГАДА Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 2. Д. 2367. 1390 л.

⁸ Там же. Д. 2373. 45 л.

большинстве случаев, обнаруженных в материалах II ревизии, дети рождались в 1730-х или начале 1740-х гг., что говорит об эволюции наблюдаемого явления в сторону его расширения. О существовании упрочившейся в конце 1730 – начале 1740-х гг. практике выхода из скитов, чтобы жениться в волости, свидетельствует запись в материалах II ревизии о жительнице Шелтопорожского скита Федоре Дмитриевой: «Привез ю отец в скит тому прошло 8 лет и, оставя ю сиротою, вышед, женился в Соловецкую ж вотчину в Кушреку»⁹. В данном контексте очень важно учитывать свидетельство Мануила Петрова: «только те жениющиеся живут хотя и под ведомством, но или в волостях между прочими крестьяны, или одаль того их Выгорецкого жилища»¹⁰. Его слова предельно просто поясняют сомнительную ситуацию, когда в скитах будто бы живут женатые старoverы, и у них рождаются дети. О чем писали М.Л. Соколовская и Л.К. Куандыков, распространив это явление как норму на все скиты [6, с. 161; 3, с. 35]. В действительности, женатые и рождавшие детей старoverы проживали в государственных волостях, а не в скитах. Но в то же время они не теряли своей приписки к выгорецким скитам.

Таким образом, можно заключить, что проживавшие в скитах старoverы в основной массе подчинялись уставным правилам, запрещавшим супружеские отношения. Но, оставаясь в первую очередь крестьянами, привыкшими заниматься сельским хозяйством, для чего требовалось наличие большой семьи¹¹, скитяне пытались восполнять «недостатки» скитской жизни поисками жен и рождением детей в государственных волостях. Для этого они выходили на время из скитов, а потом возвращались обратно уже с женами и детьми. Надо полагать, что именно таких людей называли «новоженами». Несмотря на постоянную борьбу выговских руководителей с проявлениями крестьянского менталитета, требования трудовой жизни накладывали свой отпечаток на скитскую жизнь. Наряду с «новоженством» были, вероятно, и другие редкие случаи нарушений правил целомудренного проживания, приводившие к рождению детей в скитских поселениях. Выявленные 3,5 % нарушений запретов на супружеские отношения показывают, что разрыв между требованиями скитских уставов и реальной жизнью был незначительным.

1. *Барсов Е.В.* Семен Денисов Вторушин, предводитель русского раскола XVIII века (Материалы для истории русского раскола) // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1866. Т. 2.
2. *Барсов Н.И.* Еще о спорных вопросах из первоначальной истории беспоповщины // Христианское чтение. 1877. № 7–8.
3. *Куандыков Л.К.* Выговские сочинения XVIII в. о скитском житии // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма (Археография и источниковедение Сибири). Новосибирск, 1990.
4. *Любомиров П.Г.* Выговское общежитие. Исторический очерк (С портретом А. Денисова и двумя снимками вида общежития). М.; Саратов, 1924.
5. *Островский Д.* Выговская пустынь и ее значение в истории старообрядче-

⁹ Там же. Ф 288 (Раскольническая контора). Оп. 1. Д. 964. Л. 215 об.–216.

¹⁰ РГБ. Ф. 17 (Собрание Е.В. Барсова). № 430. Л. 3 об.

¹¹ На это обстоятельство указывал Л.К. Куандыков [3, с. 36].

- ского раскола. Петрозаводск, 1914.
6. *Соколовская М.Л.* Северное раскольничье общежительство первой половины XVIII века и структура его земель // История СССР. 1978. № 1.
 7. *Юхименко Е.М.* Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература / Науч. ред. Н.В. Поньрко. М., 2002. Т. 1.
 8. *Crummey R.O.* The Old Believers and the World of antichrist. The Vyg Community and the Russian State 1694–1855. Madison; Milwaukee; London, 1970.

С.Л. Перечицкая¹

Практика возвращения беглых крестьян и рекрутов на Нижней Волге и Дону в конце XVIII в.

Беглые люди; Рекруты; Земля Войска Донского; Царицынская округа.

В статье определена одна из основных задач местной власти в южных областях Российской империи в конце XVIII в., на основании анализа межведомственной переписки и законодательных актов показан механизм государственной работы по поимке и возвращению беглых людей, а также названы группы лиц, заинтересованных в их существовании.

Процесс включения прежних окраин в общеимперское пространство в каждом конкретном случае имел свои особенности. Так соседние территориально-административные образования могли сильно различаться по составу населения, истории, темпам, векторам своего развития. Яркий тому пример – граничившие между собой Земли Войска Донского, Земли кочующих калмык и Царицынский уезд Саратовской губернии.

В статье проанализированы документы административно-судебного характера Царицынского уезда за 1799 г. (фонды Царицынского городского магистрата, Дубовской посадской ратуши, Царицынского уездного суда). На основании чего выявлены и представлены самые проблемные вопросы развития указанных территориальных образований в конкретный исторический период.

Так было установлено, что преобразования в Землях кочующих калмык в конце XVIII в. пошли по пути их ближайших соседей – Земли Войска Донского. Похожие условия кочевого образа жизни, выбора места жительства, длительной замкнутости в рамках своей общности, следование собственным внутренне выработанным правилам и законам общегития – все это было характерно и для калмыков. В описываемый период в феврале 1799 г. именованным указом императора Павла I в Калмыцкой Большого Дербета Орде было упразднено особое от Войска Донского сыскное начальство, а вместо него учреждено особое Правление². Предполагалось, что оно должно состоять из одного Генерал-майора и одного Штаб-офицера «общее с владельцем сей орды». На правление возлагались следующие задачи: прежде всего проведение поголовной переписи местного населения, отбор способных нести службу «по образу Донскому» лиц мужского пола, стремление приучать их к службе и к повиновению, а также оказание судебно-правовой помощи при разбирательствах

¹ Перечицкая Светлана Леонидовна (РФ, Волгоград), к.и.н., vsdt-ps@yandex.ru.

² ПСЗ. Т. XXV. № 18 860. С. 568.

и в разрешении споров, в рассмотрении исков и жалоб. Исполнение возлагалось на присланных из Войска Донского меньшего звания чиновников и рядовых казаков. Создаваемое правление должно быть подчинено войска Донского Войсковой Канцелярии. И, по мнению разработчиков указа, нововведения обеспечивали защиту населения орды и «по смежности их с войском Донским и Астраханскою Губернею» избавляли от каких бы то ни было притеснений.

Царицын с самого своего основания с 1589 г. был опорным пунктом центральной власти на Нижней Волге и имел устоявшиеся в государстве органы управления и систему организации общественной жизни. Интересно, что в документах уездного уровня конца XVIII в. достаточно широко представлена переписка административно-судебных органов местного управления Царицына и Земель Войска Донского, а между царицынцами и калмыками она отсутствует. Переписка могла касаться как хозяйственных вопросов, например, установления подлинности контракта, так и уголовных³.

Самое большое количество дел в официальной переписке учреждений Царицына и Земли Войска Донского касалась проблемы бегства и возвращения владельческих, в значительно меньшей степени казенных, крестьян и рекрутов из центральной России и Поволжья. Волго-Донская переволока традиционно притягивала к себе массу праздношатавшихся людей, более привлекательной она стала со времени учреждения посада (1785 г.), увеличения грузопотока с Волги на Дон и востребованности рабочих рук, а, следовательно, для беглых людей постоянной возможности заработка, в том числе и криминального характера.

Так в октябре 1799 г. Царицынский уездный суд подал рапорт о поступлении по законам с майором Мельниковым за прием беглых и выдачу им билетов. Войсковая канцелярия была проинформирована о решении Саратовского губернского правления⁴. А в ноябре того же года за отступление от законов помещицей Даниловой за держание беглого владельческого крестьянина было также сообщено в войска Донского войсковую канцелярию⁵.

На Волго-Донской переволоке и на территории большой излучины Дона самыми активными в приеме беглых людей были казачьи старшины, дослужившиеся до дворянского титула, посадское и крестьянское дубовские общества⁶. В феврале-марте 1799 г. по указу Саратовского губернского правления должно было быть установлено, за какие годы с жителей дубовского посада, пользовавшихся пристанью, следовало взыскать за проживание беглого помещичьего крестьянина подушных, рекрутских денег и хлебной подати.

³ Государственный архив Волгоградской области. Ф. 233. Оп. 2. Д. 191. Царицынский городской магистрат. Журналы заседаний магистрата. Л. 51 об.–52.

⁴ Там же. Ф. 240. Оп. 1. Д. 33. Царицынский уездный суд. Указы Саратовского губернского правления.

⁵ Там же. Д. 35. Царицынский уездный суд. Указы Саратовского губернского правления.

⁶ Там же. Ф. 235. Оп. 2. Д. 133. Дубовская посадская ратуша. Журналы заседаний ратуши. Л. 38.

В подтверждение существующей практики в конце 1799 г. вышел указ Саратовской палаты суда и расправы, который повелевал делать выправки с теми местами, откуда покажутся бежавшие и пойманные лица с обязательной проверкой на предмет совершения преступлений или уклонения от рекрутчины.

Ранее Царицынский уездный суд по указу его императорского величества разбирался о поступлении по законам с беглым крестьянином графа Нарышкина. Позднее занимался препровождением в суд беглого крестьянина помещика Наумова, выяснял обстоятельства появления у него фальшивого паспорта, определял меру наказания⁷. Параллельно вел еще несколько дел – выяснял прошлое колодника, называвшимся жителем Дубовского посада, опрашивал малороссиянина, задержанного при реке Пичуге «по сумнительству» данного от селения увольнения⁸.

Казачьи старшины Земли Войска Донского ни в чем не уступали дворянам, вышедшим из казаков Царицынского уезда, и это подтверждают многочисленные документальные свидетельства Государственного архива Волгоградской области. Долгое разбирательство и большая межведомственная переписка (допросы, прошения, справки и др.) Царицынского уездного суда и третьего Донского сыскного начальства длились по делу работника подполковника Чернозубова, прежде крепостного другого казачьего старшины, пойманного случайно с паспортом Астраханского уездного казначейства.

Рассмотрение дела о беглом графе Нарышкина велось по указу Саратовского губернского правления. Из допроса, произведенного в Городской полиции, выяснилось, что трудился подсудимый в Ершовой ватаге при реке Волге, проживал по разным местам, в том числе в Пятиизбянской станице у лейтенантши Денисовой. После завершения следствия был отослан для отдачи в воинскую службу⁹.

Царицынский уездный суд вел активную переписку по делам колодников с Войска Донского вторым и третьим Донскими сыскными начальствами. Дела инициировались на уровне уезда генерал-лейтенантом царицынским комендантом и кавалером фон Цеддельманом, на губернском уровне – Саратовским губернским магистратом или губернатором¹⁰. Губернский прокурор осуществлял общий контроль состоянию дел – магистраты и ратуши были обязаны предоставлять ему ежемесячную ведомость о содержащихся на тот момент колодниках.

В 1798 г. в Царицыне на средства купцов и мещан и из их числа учреждается городская полиция. В ее функции входило обеспечение правопорядка не только в городе, но и во всем уезде. Буквально за год, и это нашло отражение в документах уездного уровня, она становится полноправным участником местного аппарата управления. Допросы, конвои-

⁷ Там же. Ф. 240. Оп. 1. Д. 22. Царицынский уездный суд. Указы Саратовского губернского правления. Л. 48 об.–51.

⁸ Там же. Л. 57–60.

⁹ Там же. Д. 37. Л. 31–31 об.

¹⁰ Там же. Д. 36. Царицынский уездный суд. Протоколы заседаний уездного суда. Л. 13–13 об.

рование, содержание колодников под стражей – все это вошло в круг ее непосредственных обязанностей.

На конкретном примере рассмотрим действие законодательства в отношении беглых крестьян и рекрутов. Из выписки Войска Донского войсковой канцелярии из второго Донского сыского начальства по делу о колодниках и фальшивых паспортах стало известно, что пойманные проживали по разным местам, последнее – в хуторах на реке Царице у помещицы генерал-лейтенантши Денисовой. И по действующему законодательству наказание применялось в отношении как беглеца, так и принимающей стороны, обычно дворян или селений казенных крестьян. Согласно «Генеральному учреждению о сборе в государстве рекрут и о порядке, какие при наборах исполнять должно, также и о штрафах и наказаниях, кто как в приеме, так и в отдаче не истинною поступать будет» от 29 сентября 1766 г. главы 1 пункту 21 – проступившихся бить надлежало нещадно плетью, записать в службу в солдаты за бегство от помещика, а негодных к строевой ссылать к Нерченским заводам – в зачет рекрут. Указ его императорского величества самодержца всероссийского [О поступании с держателями военных дезертиров на основании указа 15 ноября 1797 г.] предписывал беглых бродяг без письменных свидетельств тотчас отдавать в рекруты в ближайшие воинские команды в зачет помещикам или казенным селениям¹¹. И, наконец, Сенатский указ от 9 марта 1799 г. закреплял основные положения ранее изданных – беглые люди в назидание подлежали наказанию плетью и записи в военную службу с зачетом в рекруты¹².

Архивные материалы позволили раскрыть один из путей заселения Царицынской округи. Так, в начале 1799 г. в суде рассматривалось дело некоего бродяги Войска Донского, вывезенного когда-то в детстве из польских земель казаком, проживавшего по разным станицам, в том числе в слободе генерал-майора Денисова по билету бежавшего ранее работника. Интересно, что упоминаемый бродяга сам явился в суд и попросил оформить свой легальный статус и платежи государственных податей в городе Саратове. Осознавал – имеет полное право просить подобное. Поскольку указ от 20 января 1773 г. давал свободу воли выходцам из польских земель избирать такой род занятий, как им самим заблагорассудится «на пользу общества и для собственного пропитания». Указ от 20 октября 1783 г. подтверждал право разным породам вольных людей в последнюю проведенную ревизию действовать по точной силе указа от 28 июня 1781 г. – как и в предшествующие годы, оставлял им свободу выбора рода жизни и занятий. Согласно Манифесту от 17 марта 1775 г. им дозволялось на их усмотрение записаться в купечество, мещанство или государственную службу. Таким образом, на основании всего вышеперечисленного названный в архивных документах бродяга по указу Саратовского губернского правления был причислен к поляцкому обществу Цацынского селения с начала пятой ревизии с платежом податей.

Еще четыре эпизода, приведенных в документах Царицынского уездного суда за 1799 г. объединяют следующие моменты: их герои были вы-

¹¹ Там же. Д. 37. Л. 33–35.

¹² ПСЗ. Т. XXV. № 18 884. С. 58.

везены родителями или казачьими старшинами на Нижнюю Волгу и Дон в юном возрасте во времена замешательства в Польше с обещанием сохранить им свободу. Показательно, что все в течение одного 1799 г. по собственной воле явились в Царицынскую городовую полицию с прошением о причислении их с начала V ревизии: на службу в Царицынскую казачью команду, в царицынское общество бобылей, в ведомство Саратовской казенной палаты. Решение дел было одно – удовлетворить прошение, предоставить свободу и паспорт для свободного проживания¹.

Таким образом, поддержание социальной стабильности и борьба с побегами крестьян на таком важном месте как Волго-Донская перемычка с целью бесперебойной поставки и сохранности военных и гражданских грузов в Северное Причерноморье и Крым достигалась усилиями различных ведомств двух соседних территорий – Саратовской губернией и Землями Войска Донского. На это были нацелены все предпринимаемые правительством организационно-административные и судебно-правовые меры, отмеченные в статье. Кроме того, материалы архива помогли выявить особенности заселения окраин – перемещение больших групп людей с одной окраины российского государства на другую по указу правительства, заинтересованность дворянства в дополнительном источнике пополнения зависимых от них лиц и рабочих рук, и, как следствие – поиск путей заселения края, лояльность и поддержка центральной властью, как показали решения вопросов с определением образа жизни выходцев из Польши, большого духа свободы населения на окраинах империи – в Землях Войска Донского и Царицынском уезде, состоявшем в значительной степени из казенных крестьян. Существуют вопросы государственной значимости, решение которых раздвигает административные границы и объединяет ведомственную разобщенность.

Д.В. Стрекалов, Н.В. Стрекалова²

**Возраст вступления в брак в провинциальном губернском городе в конце XVIII – первой половине XIX в.
(на материалах Тамбова)**

Брак; провинциальный город; возраст супругов.

В статье рассматриваются проблемы возраста вступления в брак, анализируется разница возрастов супругов в первых и повторных браках в провинциальном городе в конце XVIII – первой половине XIX в.

Брак является одним из факторов формирования семьи, рождения детей и их числа. Брак и его изменения применительно к российскому обществу XIX в. рассматривается как один из маркеров процесса соци-

¹ Государственный архив Волгоградской области. Ф. 240. Оп. 1. Д. 39. Л. 2; Д. 41. Л. 4–4 об., Л. 5–5 об., Л. 38–36 об.

² Стрекалова Наталья Валерьевна, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (РФ, Тамбов), к.и.н., strekalovanv@mail.ru; Стрекалов Дмитрий Валерьевич, к.и.н., strekalovdv@gmail.com.

альной модернизации. Матримониальные отношения в XVIII – первой половине XIX в. определялись законодательными, социально-экономическими, мировоззренческими и репродуктивными установками. Последние были тесно связаны с возрастными характеристиками.

Проблема точности возраста не только «простого человека», но и представителей привилегированных слоев в России в XVIII – первой половины XIX вв. не раз поднимался исследователями. У большей части российского населения этого периода отсутствовало четкое представление о числе прожитых лет. Часть тамбовских обывателей была неграмотна, не помнила или не знала собственный возраст (что иногда специально отмечалось в документах)³, указывала его приблизительно, завышая или занижая. Влияла на точность записей грамотность и добросовестность лиц, составлявших эти документы. Сравнительный анализ данных, включая возраст, об одном человеке по нескольким источникам позволил выявить заметные расхождения [4, с. 276]. Для исследования проблемы был использован комплекс источников: массовые персонифицированные, которые содержали данные о возрасте супругов, их сословном звании, месте жительства до вступления в брак (метрические книги⁴, ревизские сказки и обывательские книги⁵), а также опубликованные статистические данные⁶.

Возраст вступления в брак, изменение нижнего предела бракоспособного возраста были одними из факторов, оказавшими влияние на изменение модели брачности городского населения провинциального российского города.

В 1830 г. был законодательно повышен брачный возраст с 13 до 16 лет для женщин и с 16 до 18 лет для мужчин⁷. Анализ супружеских пар Тамбова позволил выявить случаи, когда возраст невесты, реже жениха был ниже установленных законом норм. В метрических книгах священники старались фиксировать возраст без нарушения законодательства, но анализ материалов ревизии позволил выявить случаи вступления в брак лиц, моложе установленного законодательством предела. По данным ревизии 1795 г. было зафиксировано шесть случаев замужества двенадцатилетних дочерей купцов Тамбова. В последующих ревизиях встречались подобные случаи. В ревизии 1833 г. как замужняя числилась двенадцатилетняя однодворка, проживавшая вместе с девятнадцатилетним мужем в его семье⁸. В ревизских сказках за 1857 г. была указана мещанская семья Воротниковых. Мужу на момент составления ревизии было 17 лет, а его супруге – 20 лет⁹. В столь ранних для мужчин-жителей губернского центра браках, как правило, они были моложе жены. О фактах замужества в

³ ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2071. Л. 46.

⁴ Там же. Ф. 1049. Оп. 5. Д. 2196–2521, 5734, 5735 и др.

⁵ Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 247, 462, 702, 1105, 1416–1426, 1801–1805, 2073–2127; Ф. 16. Оп. 13. Д. 14; Оп. 31. Д. 30 а; Оп. 91. Д. 29.

⁶ Памятная книжка Тамбовской губернии на 1866 год. Тамбов, 1868. С. 33; Статистический временник Российской империи. СПб, 1877. Вып. 12. С. 92–93.

⁷ ПСЗ. Т. XIX. № 14 229. С. 1063; ПСЗ-2. Т. XIX. № 14 229. С. 1063.

⁸ ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1417. Л. 37.

⁹ Там же. Д. 1897.

возрасте ниже установленного законодательством может свидетельствовать и подсчет разницы возраста матери и детей.

В 1857 г. епархиальные архиереи получили право в отдельных случаях разрешать браки, когда жених или невеста были моложе на шесть месяцев установленному законодательно возрасту [5]. В 1857 г. в метрической книге Знаменской церкви губернского центра был зафиксирован брак между мещанином 32 лет и мещанкой 15 лет и 7 месяцев от роду¹⁰.

Фактический средний брачный возраст жителей Тамбова был выше минимального возраста, установленного законодательно. Согласно проведенному анализу материалов ревизии в 1795 г. средний возраст холостых мужчин города составлял 20,1 лет, женщин – 22,5 лет, в 1833 г. – 22,3 и 22,9, а в 1850 г. – 23,04 и 23 года соответственно. К 1857 г. эти показатели выросли до 24,8 лет у мужчин и 24,7 лет у женщин¹¹. По данным ревизии в исследуемый период увеличился удельный вес холостых и незамужних, выросла доля семей одиноких и удельный вес обывателей Тамбова, проживавших в данном типе семьи [3, с. 121]. Отмеченная тенденция была характерна для городского населения Российской империи в целом в этот период [1, с. 177].

О росте среднего брачного возраста обывателей Тамбова свидетельствуют и данные метрических книг города. Однако согласно информации этого источника возраст невест на протяжении всего исследуемого периода был ниже приведенных выше данных среднего возраста незамужних жительниц губернского центра по материалам ревизий.

В 1860-е гг. 66 % жителей Тамбова вступили в брак в возрасте до 25 лет. Суммарно от 80 % до 85,7 % среди заключивших браки жителей Тамбова в этот период приходилось на лиц моложе 30 лет.

Средний возраст вступления в брак женщин был ниже брачного возраста мужчин за весь период исследования. Сравнение по возрастным группам мужчин и женщин, не состоявших в браке, показывает практически четырехкратное преобладание в 1795 г. в возрастной группе 20–25 лет мужчин, не состоявших в браке, по отношению к их ровесницам – жительницам губернского центра. Схожие показатели наблюдались и за другие годы. После 26 лет доля женатых и замужних достигает определенного паритета¹².

Данные тенденции сохранились и в 1860-е гг. Так, среди жителей Тамбова, вступивших в брак до 20 лет в 1860-е гг., 77 % составляли женщины. В остальных возрастных группах доминировали мужчины. В возрастной группе 26–30 лет на них приходилось 64 %, а в группе 31–35 лет – 85 % от числа жителей Тамбова, заключивших браки в этом возрасте.

В 1868 г. в возрасте до 20 лет вступили в брак 57,7 % женщин и лишь 15,8 % мужчин. 38,2 % мужчин заключили браки в возрасте от 21 года до

¹⁰ Там же. Ф. 1049. Оп. 5. Д. 5695.

¹¹ Посчитано по: ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 247, 462, 702, 1105, 1416–1430, 1800–1899, 2070–2127.

¹² Посчитано по: ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 247, 1890–1893, 1897–1899, 2070–2078, 2127.

25 лет. Суммарно в 1868 г. в возрасте до 26 лет в брак вступили 82 % женщин и 54 % мужчин. 25,2 % мужчин создали семьи в возрасте 26–30 лет¹³.

Таким образом, жительницы Тамбова вступали в брак, главным образом, до 20 лет, а мужчины – в интервале от 20 до 25 лет.

Возраст вступления в брак женщин был сконцентрирован в двух основных возрастных группах, а мужские браки отличала большая растянутость по времени. Поскольку для части мужчин (чиновников, военных, купцов) браки были «отложенными» до того времени, когда они «встанут на ноги», достигнут определенного материального благополучия и независимости, соответствующего положения на службе и др.

Возраст жителей Тамбова, вступавших в первый брак, был не только ниже установленного законом, но и выше для исследуемого периода среднего возраста вступления в брак. Например, в метрической книге 1857 г. одной из церквей города был зафиксирован брак 37-летнего денщика и 47-летней отпущенницы (бывшей крепостной), сочетавшихся первым браком¹⁴.

В возрасте старше 40 лет в первый брак, по данным метрических книг Тамбова, чаще вступили чиновники, рядовые и унтер-офицеры (в отставке)¹⁵.

В возрастной группе старше 51 года браки были единичными и, как правило, повторными для одного из супругов. В подавляющем числе случаев их заключали мужчины-вдовцы. Женщины отсутствовали и в более «молодой» возрастной группе – 46–50 лет. В.Л. Носевичем по материалам белорусской деревни первой половине XIX в. было выявлено всего несколько поздних браков женщин в возрасте 41,8 и 46,3 лет [2, с. 128]. Женщины после 35–40 лет сложнее было выйти замуж, при отсутствии «дефицита невест» в губернском городе. Данное обстоятельство может служить одним из объяснений заметного преобладания числа и удельного веса вдов, в сравнении с вдовцами в семейной структуре населения Тамбова во все анализируемые годы [3, с. 121–122]. Преобладание вдов объясняется, во-первых, более простым для мужчины вступлением в повторный брак, во-вторых, более высокой смертностью мужчин в городе.

С 1857 г. верхний возрастной предел для вступления в брак не был ограничен законодательно, но в случае заключения брака лицом старше 60 лет для венчания требовалось разрешение архиерея. Фактов вступление в брак жителей Тамбова старше 60 лет выявлено не было, что, очевидно, было связано как с существовавшим церковным положением, так и с господствовавшим традиционным сознанием и общественным мнением относительно целей брака, связанных, прежде всего, с продолжением рода.

С конца XVIII в. к середине XIX в. в Тамбове увеличилось число брачных пар, в которых муж был старше жены, сократилась средняя разница в

¹³ Посчитано по: Памятная книжка Тамбовской губернии на 1866 год. Тамбов, 1868. С. 33; Статистический временник Российской империи. СПб, 1877. Вып. 12. С. 92–93.

¹⁴ ГАТО. Ф. 1049. Оп. 5. Д. 5695. Л. 112.

¹⁵ Там же. Д. 2196–2202, 5051–5054, 5695–5697.

возрасте супругов, состоявших в первом браке. В 1795 г. этот показатель составлял 2,28 лет, 1833 г. – 1,95 лет, 1857 г. – 1,59 лет¹⁶. Для большинства супружеских пар Тамбова разница в возрасте в первом браке составляла от одного года до пяти лет. На подобные браки приходится около 65 % брачных союзов в 1795 г. и в 1833 г., в 1857 – 54 %. В повторных браках жителей Тамбова средняя разница в возрасте супругов была выше и составляла в 1795 г. – 6,2, в 1833 г. – 5,9, в 1850 г. – 5,7, в 1857 г. – 8,7 лет¹⁷.

Самая большая разница в возрасте супругов была установлена в браках, где муж был старше жены. Она составляла 30 лет. Среди выявленных первых браков, в которых жена была старше мужа, максимальная разница составляла 18 лет, а повторном для жены и первом для ее супруга – 19 лет. Этот брак был заключен в 1857 г. в Архангельской церкви г. Тамбова. Сорокалетняя вдова государственного крестьянина вышла замуж за двадцатидвухлетнего военнопленного француза¹⁸.

1. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. СПб., 1999. Т. 1.
2. *Носевич В.Л.* Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе. Минск, 2004.
3. *Стрекалов Д.В., Стрекалов Н.В.* Структура и типология провинциальной городской семьи в конце XVIII – первой половине XIX в. (на материалах Тамбова) // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Тамбов. 2018. Т. 23. № 172.
4. *Стрекалова Н.В., Стрекалов Д.В.* Источники для изучения социально-демографических процессов в российском провинциальном городе в конце XVIII – первой половине XIX в.: проблемы, возможности, перспективы // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. Сборник научных статей Всероссийской конференции с международным участием. СурГУ, 2015.
5. *Тютрюмов И.М.* Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. СПб, 1910. Книга первая.

¹⁶ Посчитано по: ГАТО. Ф 12. Оп. 1. Д. 247, 462, 702, 1105, 1416–1430, 1800–1899, 2070–2127.

¹⁷ Посчитано по: ГАТО. Ф 12. Оп. 1. Д. 247, 462, 702, 1105, 1416–1430, 1800–1899, 2070–2127.

¹⁸ ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 5695. Л. 123.

Демографическое поведение крестьян Устюжского уезда в первой четверти XVIII в.

Историческая демография; демографическое поведение; переписные книги; крестьянская семья.

Статья посвящена изучению демографического поведения крестьян Кинешемского уезда в конце XVII – первой четверти XVIII в. на материалах переписной книги 1717 г. В центре внимания находятся такие вопросы, как состав семьи, брачное поведение, детность, вдовство и т.п., а также связь демографического поведения с социально-экономической ситуацией в районе.

Демографическое поведение представляет собой систему взаимосвязанных действий или поступков, направленных на изменение или сохранение демографии, состояния субъекта (индивида, семьи, малой группы, нации и т.д.) [6, с. 330]. Существует непосредственная связь между демографическим поведением и социально-экономическим положением в стране, и такие его аспекты, как рождаемость, смертность, брачность, детность и т.п., отражают то, как население реагировало на изменения в различных сферах жизни страны.

Первая четверть XVIII в. – время правления Петра I. Основная тяжесть его преобразований легла на плечи простого народа, что не могло не отразиться на демографической ситуации в районе.

Основными источниками по демографической истории в указанный период являются переписи населения 1710 и 1717 гг. и материалы I ревизии. Переписные книги являются уникальными источниками, так как в них содержится информация о мужском и женском населении, имеются данные о том, кто проживал в каждом дворе во время предшествующего описания и что случилось с выбывшими членами семьи. Это дает возможность изучить вопрос о демографическом поведении крестьянства в петровское царствование.

Данную проблему в той или иной мере затрагивали многие историки [4; 8; 9; 10]. В последние годы к ней обратились М.С. Черкасова и О.Н. Адаменко. Они опубликовали переписные книги Великого Устюга 1710 и 1717 г. и на их основе написали ряд статей, где были изучены вопросы демографического поведения населения Великого Устюга [1; 2; 3]. Мы также обращались к этому вопросу, но в отношении населения Устюжского уезда [7]. Теперь же попытаемся выяснить особенности демографического поведения в других районах страны.

Целью предлагаемой работы является исследование демографического поведения крестьян Кинешемского уезда по материалам переписной книги 1717 г. Были изучены следующие аспекты: типы и формы семьи, брачное поведение, вдовство, детность, фертильность и интергенетические интервалы. Географические рамки исследования – Владыченская волость Кинешемского уезда.

¹ Жиборкина Анастасия Владимировна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), асп., zhib_anastasiya@mail.ru.

Для начала обратимся к вопросу о динамике численности населения. В период между 1678 и 1723 гг. наблюдается незначительный прирост населения (8,1 %) со значительным сокращением в 1710 и 1717 гг., которое объясняется скорее не реальной убылью населения, сколько его сознательной утайкой [5, с. 49]. Низкий показатель же обусловлен перемещениями населения за пределы уезда в результате побегов и правительственных мобилизаций. Каким образом это отразилось на демографическом поведении крестьянства?

Анализ имеющихся у нас материалов показал, что если в конце XVII в. преобладала малая семья, то анализ переписи 1717 г. показал совершенно обратную картину. Удельный вес больших семей увеличился в 2 раза, в то время как анализ поколенного состава семей показал рост количества двупоколенных семей. Как эти две тенденции соотносятся? Усложнение, прежде всего, шло за счет увеличения семейств с боковым родством. К примеру, Артемий Павлов с женой Афросиньей Политовой вел хозяйство совместно со снохой, вдовой своего брата Еремея, Татьяной Ларионовой и племянником Иваном Никитиным. При этом и у Артемия, и у Татьяны были малолетние дети².

Имели место и трехпоколенные семьи с боковым родством. Назар Федор сын из деревни Чиркова имел женатого сына, замужнюю дочь и 4 внуков. Также вместе с ним жил его племянник Иван Минин с женой и сыном Борисом³.

Таб. 1. Количество малых и больших семей в 1678 и 1717 гг. (в абс.числах и %)

	1678		1717	
	количество	%	количество	%
Малая семья	927	66,9	195	32,2
Большая семья	458	33,1	410	67,8

В целом же, среди двупоколенных и в 1678, и в 1717 гг. преобладали семьи, состоящие из родителей и неженатых детей. Нередко один из сыновей был женат, но еще не имел собственных детей. Также весьма распространенными были братские семьи. Чаще – это два женатых брата с детьми либо один женатый с холостыми братьями / сестрами. Много было семей типа «дядя-племянник». Среди трехпоколенных преобладали семьи типа «дед-отец-внуки». Менее распространенными были семьи, где у главы семьи были племянник(и) с детьми.

Перейдем к вопросу о брачном поведении крестьян. В ходе исследования мы пришли к заключению, что в среднем возраст вступления в брак в этом районе для мужчин составляет 20-22 года, а для женщин – 18-19 лет. Самый ранний зафиксированный возраст для вступления в брак у мужчин – 12 лет (2 случая), у женщин – 15 лет (1 случай). Мужчины в возрасте до 19 лет и женщины до 18 лет чаще являлись холостыми. При этом анализ показал, что разница между числом женатых и неженатых мужчин в возрасте от 15 до 20 лет небольшая, что свидетельствует о том,

² РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 181. Л. 517 об.

³ Там же. Л. 541 об.–542.

что мальчиков женили и раньше 20-летнего возраста. В случае с девушками подобное не наблюдается. Получается, что на 9 женатых 15-летних юношей приходилась всего 1 замужняя девушка этого же возраста. Объяснение скрывается в анализе возрастной разницы супругов.

Таб. 2. Разница в возрасте между супругами (в абс. числах)

	Количество семей												
	Жена старше мужа				Равно- возрастные браки	Муж старше жены							
	15– ...	10– 14	5–9	1–4		0	1–4	5–9	10– 14	15– 19	20– 24	25– 29	30– 34
До 19	1	3	8	11	2	–	–	–	–	–	–	–	–
20– 29	1	1	9	8	19	25	7	–	–	–	–	–	–
30– 39	–	2	6	10	27	37	54	11	–	–	–	–	–
40– 49	–	3	5	5	19	18	39	54	9	2	–	–	–
50– 59	2	2	–	2	8	7	18	28	17	14	–	3	–
60– 69	1	–	–	1	1	6	7	21	12	7	4	3	–
70– 79	–	–	–	1	1	–	6	8	6	3	2	5	–
80– ...	–	–	–	–	–	1	3	3	1	2	–	3	–

Таблица рисует следующую картину. Юноши до 20 лет были младше своей жены. Так, 17-летний Сидор Потапов сын из деревни Большое Борятино был женат на 20-летней Ксении Афонасьевой⁴. Также на 20-летней девушке был женат один его соседей – 16-летний Андрей Тимофеев⁵.

Чем старше был мужчина, тем больше у него была разница в возрасте с женой. 20-летние чаще были женаты на своих ровесницах или же девушках, младше их на 1–4 года. Для мужчин в возрасте от 30-ти до 70-ти лет характерна разница в возрасте в 10–15 лет, что, вероятно, объясняется повторными браками.

Обратимся к вопросу о вдовстве. Перепись 1717 г. зафиксировала 72 случая вдовца, из которых вдовцов – 12 человек, а вдов – 60.

Таб. 3. Количество вдовцов и вдов в 1717 г. (в абс. числах и %)

Возраст	Вдовцы		Вдовы	
	количество	%	количество	%
До 20 лет	–	–	–	–
20–29 лет	–	–	3	5
30–39 лет	2	16,6	12	20
40–49 лет	2	16,6	15	25

⁴ Там же. Л. 654.

⁵ Там же. Л. 655 об.

50–59 лет	3	25	12	20
60–69 лет	3	25	13	21,7
От 70 лет	2	16,6	5	8,3

Самый ранний возраст для вдовцов составил 32 года, для вдов – 20 лет. Среди первых преобладали мужчины в возрасте от 50 лет, среди вторых – женщины от 40 лет. В целом, количество вдовцов намного меньше числа вдов, что объясняется как более высокой смертностью среди молодых мужчин, так и стремлением вдовцов вновь жениться, что подтверждает и анализ возрастной разницы между супругами.

Анализ судеб вдов показал, что в большинстве случаев они значились во главе двора (27 человек), причем их дети могли быть как малолетними, так и взрослыми мужчинами. К примеру, вдова Катерина Осипова дочь из Сельца Стиберское заботилась о своем 9-летнем сыне Дмитрие⁶, а в сельце Дорки во главе одного из хозяйств числилась вдова Васса Мартынова дочь, вместе с ней жил ее 47-летний сын Момонт⁷. 23 вдовы проживали в семье покойного мужа. Так, Татьяна Ларионова вместе с детьми жила во дворе брата своего мужа, Пелагея Иванова – у свекра⁸, а Марфа Логинова – у племянника⁹. В 5 случаях мы имели дело со вдовами, проживавшими во дворе взрослого сына. 2 вдовы вернулись к отцу и брату. Еще 4 вдовы проживали в кельях при церквях.

Учет в переписной книге 1717 г. женщин и указание возраста позволяет нам вычислить количество детей в семьях, фертильность (способность к деторождению) и интергенетические интервалы.

Анализ данных показывает преобладание семей с 1–2 детьми. Максимальное количество детей составило 6 человек. Конечно, в семье могло быть и больше детей, необходимо учитывать тот факт, что некоторые дети могли умереть или покинуть родной дом. Также не стоит забывать и о таком факторе, как утайка населения.

Таб. 4. Количество детей в семье (в абс.числе)

Количество детей в семье	Количество семей
1 ребенок	230
2 ребенка	157
3 ребенка	74
4 ребенка	21
5 детей	7
6 детей	2

При изучении фертильности нами был проанализирован возраст матери на момент рождения старшего и младшего, а также единственного ребенка в семье.

⁶ Там же. Л. 527 об.

⁷ Там же. Л. 524.

⁸ Там же. Л. 525 об.

⁹ Там же. Л. 520.

Таб. 5. Фертильность (в абс.числе)

Возраст матери	Рождение старшего ребенка	Рождение единственного ребенка	Рождение младшего ребенка
15–19	27	31	1
20–24	41	51	26
25–29	46	50	30
30–34	34	40	42
35–39	21	23	43
40–44	13	12	27
45–49	4	9	19
Крайние значения	14	14	13

Как видим, пик рождения старшего ребенка приходился на возраст 20–29 лет, а младшего – 30–39 лет. Максимальное число единственных зафиксированных переписью детей в семье рождалось у женщин в возрасте 20–29 лет.

Анализ интергенетического интервала показал, что в большинстве своем этот промежуток составляет 2 года. Но поскольку уровень младенческой смертности в этот период был весьма высок, там, где источник показывает разницу в возрасте детей от 4 лет и выше, перерыв между родами мог быть меньше.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Во-первых, в Кинешемском уезде преобладала большая семья, что объясняется нежеланием крестьян разделять свое хозяйство. Во-вторых, брак заключался в среднем в возрасте 18 (женщины) и 20 лет (мужчины). В более позднем возрасте браки, как правило, были повторными. В-третьих, в центре страны такой показатель, как количество детей, составил не более шести. Семей с семью и восемью детьми перепись не зафиксировала. Среднее число детей на семью составило 1–3 ребенка. Рожали женщины в возрасте от 20 до 40 лет, а перерыв между родами составлял 2 года, но встречались и большие промежутки.

Таким образом, все это свидетельствует о том, что несмотря на тяжелое экономическое положение в стране, правительственные мобилизации, массовые побегі, которые негативно сказывались на демографической ситуации в районе, крестьянское население стремилось восполнить восполняло это потери и делало это весьма удачно, учитывая хоть и медленный, но постоянный рост численности населения в изучаемый период.

1. *Адаменко О.Н.* Городская семья по переписным книгам Устюга 1710 и 1717 гг. // Переписные книги Великого Устюга начала XVIII века. Исследование и тексты. Вологда, 2015.
2. *Адаменко О.Н.* Купеческая семья Устюга в XVII – первой четверти XVIII в.: демографический и историко-генеалогический аспекты изучения // Управление и экономика в условиях экономической нестабильности: проблемы и перспективы. Вологда, 2014.
3. *Адаменко О.Н., Черкасова М.С.* Опыт изучения брачности и семейно-родственной структуры населения по переписным книгам Великого Устюга

начала XVIII в. // Материалы XVIII Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков». Нижний Новгород, 2014.

4. *Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на русском Севере, конец XVII – начало XVIII в. М., 1976.
5. *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII в. М., 1977.
6. Демографический энциклопедический словарь. М., 1985.
7. *Жиборкина А.В.* Демографическое поведение крестьян Устюжского уезда в первой четверти XVIII века // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2017. Вып. 5.
8. *Кох О.Б.* Крестьянский двор и крестьянская семья на русском Севере в конце XVII–XVIII вв. Л., 1987.
9. *Миненко Н.А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.). Новосибирск, 1979.
10. *Швейковская Е.Н.* Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – начала XVIII в. М., 2012.

Н.М. Александров¹

Демографические процессы в российской деревне во второй половине XIX века (на материалах Верхнего Поволжья)

Динамика населения; семья; брак; рождаемость; Верхнее Поволжье.

В статье рассматриваются факторы, влиявшие на демографическую ситуацию в российской деревне во второй половине XIX в. Показаны региональные особенности демографического развития региона с высокой трудовой миграцией сельского населения.

Известно, что в пореформенный период резко возросли темпы прироста населения России. Так, если, по подсчетам А.М. Анфимова, ежегодный прирост крестьянского населения, которое являлось основной частью населения страны и определяло демографическую ситуацию, в 1815–1857 гг. составлял 0,83 %, то в 1863–1897 гг. ежегодный прирост сельского населения Европейской России составил 1,52 %. (По нашим подсчетам, прирост населения составил соответственно 0,82 % и 1,41 %). На самом деле, прирост населения в пореформенный период был выше, так как не учитывалась механическая убыль сельского населения из-за миграционных процессов; в частности, переход крестьян в города и переселение на новые земли [1, с. 10–11].

Основными причинами демографического роста крестьянского населения в пореформенный период были следующие: экономическая – повышение уровня жизни и юридическая – правовая самостоятельность крестьян. Более того, магическое слово «воля» способствовало прямому физическому росту крестьянского населения. На связь реформы 1861 г. и демографической ситуации в деревне указывали и современники. Так, В.П. Безобразов, сравнивая естественный прирост населения Костромской губернии в дореформенный и пореформенный периоды, отмечал: «Более значительное усиление в новейшее время прироста уездного или сельского народонаселения объясняется упразднением крепостного права» [2,

¹ Александров Николай Михайлович, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (РФ, Ярославль), к.и.н.; dreem10@mail.ru.

с. 39], а знаменитый русский поэт Афанасий Фет, являвшийся помещиком Орловской губернии, писал: «Интересна будет статистика браков 1861 года. Свадеб было без конца» [17, с. 79]. Это предположение А. Фета полностью подтвердилось. В 1861 г. в Европейской России приходилось 11,6 браков на 1000 человек населения. Это был самый высокий показатель за весь период с 1861 по 1911 гг., по которому имеются соответствующие данные. Высокие показатели брачности сохранялись до середины 70-х гг. В результате введения в 1874 г. всеобщей воинской повинности в последующие годы наметилось некоторое снижение этого показателя [13, с. 171].

Демографическая ситуация в пореформенной России имела существенную региональную специфику. Так, если сельское население Европейской России с 1863 по 1897 гг. возросло на 47,8 %, то в Верхнем Поволжье (Владимирская, Костромская и Ярославская губернии) оно увеличилось всего на 16,7 %. Больше всего население увеличилось в Костромской губернии – 27,1 %, меньше во Владимирской – 16,6 % и менее всего – 4,8 % – в Ярославской [16, с. 4–7, 10–11, 16–17, 30–31; 9, с. 4, 8, 9]. Низкие темпы роста в регионе объясняются двумя причинами: низким естественным приростом местного населения и сильным оттоком жителей в другие районы России.

Дело в том, что в Верхнем Поволжье были малопригодные условия для развития сельского хозяйства. Отмена крепостного права нанесла сильный удар земледелию нечерноземной зоны, которое поддерживалось долгое время за счет принудительного прикрепления крестьян к земле. Последовавшее за реформой 1861 г. быстрое развитие промышленности, путей сообщения и торговли подорвало земледелие в этом регионе за счет усиливавшейся конкуренции сельскохозяйственной продукции из более плодородных районов и оттока населения в другие сферы трудовой деятельности. Это делало сельское хозяйство нечерноземной зоны малоэффективным. Получили дальнейшее развитие разнообразные промыслы. Наибольшее распространение в регионе получили отхожие промыслы. К концу XIX столетия в отход уходило 20 % сельского населения Владимирской и Ярославской губерний и 14 % – Костромской [8, с. 122–123]. Данное обстоятельство оказывало сильное влияние на все стороны жизни деревни, в том числе и на демографическое положение. По материалам переписи 1897 г., в среднем на 100 мужчин в возрасте 20–59 лет приходилось во Владимирской губернии 136 женщин, в Костромской – 137, в Ярославской – 157. В отдельных районах соотношение мужчин и женщин среди производительного населения составляло 1 к 2 [10, с. 10–19; 11, с. 32–41; 12, с. 28–35].

Современники так характеризовали положение дел в сельской местности Верхнего Поволжья: «В некоторых местностях Ярославской, Костромской и Владимирской губерний все мужское население с 12 лет уходит на сторону, оставляя в полном смысле „бабье царство“. Бабы здесь работают не только на дому, но и в поле, отправляют общественные работы, несут должность десятских, старост и других деревенских чинов...» [15, с. 110].

Широко развитый отход крестьянского населения губерний Верхнего Поволжья оказывал влияние на такой институт как семья. Диспропорция, возникавшая среди сельского населения в связи с отходом значительной части взрослого мужского населения на заработки, отрицательно сказывалась на семейно-брачных отношениях в деревне. Вот что писал по поводу влияния отхожих промыслов на демографическую ситуацию в костромской деревне доктор Д.Н. Жбанков: «...сравнительно малое количество браков относительно числа женщин в отхожих уездах, почему многие женщины остаются девушками, т.е. невольно бесплодными». В доказательство этого он приводил цифры о соотношении численности женщин и количестве браков в уездах, отличавшихся разным уровнем развития отхода. Так, в Ветлужском уезде, где крестьяне не сильно были вовлечены в отхожие промыслы, на 1000 женщин приходилось 19,3 браков, а в одном из центров отхода крестьян в столицы – Чухломском уезде – только 15,6 браков [6, с. 116].

Указанная зависимость подтверждается и данными на уровне губерний. Если в 1897 г. в среднем по 50 губерниям Европейской России процент замужних среди женщин в возрасте 15 лет и старше равнялся 62,6 %, то во Владимирской губернии – 61,5 % (29 место в Европейской России), в Костромской – 58,5 % (33 место), а в Ярославской – 50,0 % (47 место). Более низкий показатель был только в трех губерниях страны: Санкт-Петербургской – 46,1 % (без Петербурга); Лифляндской – 47,8 % и Эстляндской – 49,9 % [9, Приложение, с. 52–53].

Низкий показатель числа женщин, состоящих в браке, отрицательно сказывался на естественном приросте населения. Если по данным за 1896–1897 гг. в среднем по 26 губерниям страны на 1000 женщин 15–50 лет, проживавших в сельской местности, рождалось 206 детей в год, то во Владимирской губернии было 207 рождений, в Костромской – 193, в Ярославской – 161 [3, с. 1451]. Необходимо отметить также следующую закономерность: чем сильнее в местности был развит отход, тем старше возраст мужчин и женщин, вступающих в брак. Этот факт неоднократно отмечали исследователи деревни еще в досоветский период [4, с. 11; 7, с. 14].

Поздние браки, в свою очередь, вели к сокращению репродуктивного периода у родителей (особенно женщин), что также оказывало влияние на количество рождений.

Длительные и частые разлуки супругов (в местах с развитым отхожим промыслом) во время их наиболее высокой плодовитости снижали вероятность зачатия и уровень рождаемости. На это неоднократно указывали современники: «Уменьшение рождаемости отхожей полосы, – писал Д.Н. Жбанков, – есть постоянное явление, подтвержденное наблюдениями за целые 25 лет... Первая и важнейшая причина – продолжительное отсутствие мужей, которые иногда не возвращаются по 1–5 лет домой, и поэтому невольное воздержание жен от половой жизни» [5, с. 17].

Свое наблюдение о том, что дальний отход сильно понижает рождаемость, Д.Н. Жбанков подтверждал данными по Костромской губернии. Согласно его исследованию, женщины, мужья которых постоянно прожи-

вали дома, рожали в среднем по 9,58 детей каждая, а жены, мужа которых отправлялись в отход на промыслы – около 5,0 детей [14, с. 272].

Итак, исследование демографической ситуации в пореформенной деревне показало, что, несмотря на то, что в целом по стране она имела общие тенденции, положение в разных регионах России существенно различалось. В значительной степени это было вызвано особенностями экономического развития регионов. Во второй половине XIX столетия для местностей с высокой трудовой миграцией населения из деревни характерны были относительно низкие темпы роста сельского населения, сильная половозрастная диспропорция, деформация привычных семейно-брачных связей и ускоренное распространение новых моделей демографического поведения (изменение роли женщин и детей в обществе, относительно поздние браки, высокая доля не вступивших в брак и т.д.).

1. *Анфимов А.М.* Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. М., 1980.
2. *Безобразов В.П.* Народное хозяйство России. Московская (Центральная) промышленная область. Ч. III. (Костромская губерния). СПб., 1889.
3. Вестник общественной гигиены. 1904. № 9.
4. *Воробьев Кл.* Отхожие промыслы крестьянского населения Ярославской губернии. Статистический очерк. Ярославль, 1903.
5. *Жбанков Д.Н.* Влияние отхожих заработков на движение населения // Врач. 1895. № 23–25.
6. *Жбанков Д.Н.* Влияние отхожих заработков на движение народонаселения Костромской губернии, по данным 1866–83 гг. // Материалы для статистики Костромской губернии. Кострома, 1887. Вып. VII.
7. Материалы для оценки земель Владимирской губернии. Владимир на Клязьме, 1902. Т. VIII. Вып. III.
8. *Мицу Л.Е.* Трудовые ресурсы СССР. М., 1975.
9. Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Т. 1.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. VI. Тетрадь 2.
11. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1903. Т. XVIII.
12. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. L.
13. *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет. М., 1956.
14. Россия: Энциклопедический словарь. Л., 1991.
15. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1899. Т. 1.
16. Статистический временник Российской империи. СПб., 1866. Серия 1. Вып. 1.
17. *Фет А.А.* Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство. М., 2001.

А.В. Беляков¹

Формирование границ в Мещере (история одной ошибки)

Московское государство XV–XVII в.; писцовые описания; Мещера; административно-территориальное устройство.

¹ Беляков Андрей Васильевич, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), д.и.н., feb@ru.u.

Анализ мещерских (шацких) писцовых книг позволяет установить особенности административно-территориального деления Мещеры XV–XVII в. При этом особенности писцового описания региона помогают разобраться с некоторыми «странностями» административно-территориальной реформы XVIII в. в крае.

В недавней своей публикации Д.А. Хитров обратил внимание на особенности формирования границ Шацкого уезда в XVII–XVIII вв. Исследователь отметил, что в XVIII в. уезд делится на Борисоглебский, Подгородный, Загородный, Середний, Цненский и Замокошский станы. При этом Борисоглебский стан разрывается на две части вклинившимся Касимовским уездом. В Замокошском станом, граничившем с Керенским и Темниковским уездами обнаруживаются три анклава – два относительно небольших внутри Темниковского и один, более обширный, на стыке Темниковского, Керенского, Верхне- и Нижнеломовского, в верхнем течении р. Парцы. Кадомский уезд выявить оказалось невозможно. Он расположен чересполосно с населенными пунктами Замокшанского стана Шацкого уезда. Исследователь отмечает, что если более или менее крупные анклавы являются довольно распространенным явлением, то отсутствие слитной территории у целого стана и даже целого уезда – ситуация, которая неизвестна в других частях государства. Объяснение этому феномену, вероятно, следует искать в истории складывания кадомской служилой корпорации в XVII в. [14].

Мы полностью солидарны с автором, однако сразу же внесем поправку, подобное деление связано не с историей складывания кадомской служилой корпорации, а с формированием территории Мещерского (Шацкого уезда) на протяжении XIV–XVII вв.

Дело в том, что Мещерский (Шацкий) уезд имел сложную и, по-видимому, уникальную для России внутреннюю структуру. Уезд делился на три стана, Борисоглебский, Подлесный и Замокшанский (Замокошский). В свою очередь на территории Борисоглебского стана находились Касимовский и Елатомский уезды, территорию Подлесного стана полностью занимал Шацкий (Малый)² Шацкий уезд, в Замокошском стане располагались Темниковский и Кадомский уезды. Уже в XVII в. из южной части Малого Шацкого уезда сформировали Тамбовский уезд, а из восточной и южной частей Темниковского уезда выделили Керенский, Верхнеломовский, Нижнеломовский, Краснослободский и Саранский уезды.

Такое необычное деление было обусловлено историей вхождения каждого из станов в состав Великого Московского княжества. В первой трети XIV в. были приобретены земли Борисоглебского стана, в конце XIV – первой половине XV вв. – Замокшанского стана, в 1503 г. Подлесного стана. земли последнего до этого принадлежали Рязанскому княжеству.

Уезды в свою очередь делились на станы и волости. При этом здесь имелись свои особенности. В отличие от центральных уездов, в Мещере уезды целиком не делились на волости. Они представляли собой отдельные вкрапления. Анализ источников с упоминанием волостей позволяет

² Определение Малого Шацкого или же собственно Шацкого уезда введено нами для того чтобы отличить Шацкий уезд от Шацкого Мещерского уезда.

сделать предположение, что первоначально все они являлись дворцовыми. Однако впоследствии эти земли стали жаловаться служилым людям (татарам по преимуществу). В настоящее время мы можем выделить следующие волости. В Касимовском уезде отмечены Бабинская, Рубецкая Давыдовская и Перьевская волости³. В Борисоглебском стане (по-видимому Елатомский уезд) известны Мутурская [16, с. 266] и Куморская (Кусморская)⁴ волости. Можно предположить, что Мутурская – это искаженное издателем название Кусморской волости. По косвенным данным в Борисоглебском стане имела еще одна волость, Ерахтурская. В Шацком уезде упоминаются дворцовые Конобеевская [7, с. 11–12] и Верхнеценская [10; 9; 15] волости. По косвенным данным волостными центрами также являлись села Чучково, Юрино, Пятаково, Коверино, Колтырино. В Кадомском уезде, по-видимому, Саватемская волость [4, с. 565; 5, с. 36]. В Темниковском уезде особым статусом обладала слобода (острог?) Красная Слобода. Первоначально она принадлежала Михаилу Нагому, позднее отошла Борису Годунову, а в Смугу досталась кн. Д.Т. Трубецкому [1]. Можно предположить, что это был одна из многочисленных частных городов-крепостей, возникавших в конце XVI в. на окраинах государства. Однако первоначально, возможно, это была дворцовая волость.

Деление по станам хорошо фиксируется только с рубежа XVII–XVIII в. Так Кадомский уезд на рубеже XVII–XVIII в. делился на следующие станы: Мансырев Угол, Водовский, Богданов Угол, Шокшанский и Еремшинский⁵. Шацкий уезд – на Подлесский, Средний Подлесский, Цненский, Загородный и Борисоглебский станы⁶. Темниковский уезд – на Подгородный, Почилловский, Аксельский и Верхоломовский станы⁷. Касимовский уезд – на Царицынский (Подлиппинский) и Охматов (Ахматов)⁸. При этом, судя по всему, данные административные единицы имели глубокие корни. Так Мансыров угол как некий географический ориентир упоминается еще в 1552 г. [13, с. 199] Следует отметить, что, по сведениям Д.А. Хитрова, в Шацком уезде также фиксируется 5 станов, однако их названия несколько отличаются от приведенных нами: Борисоглебский, Средний, Подгородный, Загородный и Цненский. Подлесский стан, по-видимому, стал называться Подгородным, а Средний Подлесский превратился в Средний.

Границы Мещерского уезда на востоке и юго-востоке были условны и были связаны не с расселением населения, а с уровнем удаленности мест хозяйственной деятельности. Также со временем часть Гусской волости Владимирского уезда к середине XVI в. отошла к Борисоглебскому стану [2]. Подобные изменения древних границ княжеств не являются уникальным явлением и встречаются в частности на московско-рязанском порубежье [6, с. 19–20].

³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 533. Л. 877–1209.

⁴ Там же. Ф. 1209. Оп. 4. Кн. 5980. Л. 493–516 об.; Ф. 131. Оп. 1. 1633 г. Д. 17.

⁵ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 130–132.

⁶ Там же. Д. 460–467.

⁷ Там же. Д. 414–415.

⁸ Там же. Д. 172.

Специфика внутреннего административно-территориального деления послужила причиной особенностей писцового описания этих земель. Дело в том, что в регионе проживали значительные по численности группы населения, отличавшиеся по этнической и религиозной принадлежности, а также своим обязательствам перед государством. Помимо русских помещиков и крестьян это были служилые татары и мордва (тарханы), мордва, бортники (русские владельцы вотчин – бортных ухажив, по своему положению близкие чернослободскому крестьянству русского севера, а по налоговому статусу отличные от иных групп населения региона) и некоторые иные категории населения. К тому же в крае существовало образование, получившее название «Касимовского царства (ханства)». Все эти категории населения описывались по отдельности. Поэтому известны русские, татарские, мордовские, «бортничьи» писцовые описания. Помимо этого территория «Касимовского царства» и дворцовые волости описывались отдельно. Также, благодаря своей истории, отдельно описывались земли Краснослободской волости. Описание осуществлялись по уездам, хотя «русские» писцовые книги могли охватывать всю территорию большого Шацкого уезда. Мордва описывалась по белякам, бортники по станам, русские помещики по станам отличным от бортничьих, а служилые татары могли описываться как по станам, так и целым уездом. При этом границы данных единиц никак не коррелировались между собой и существовали параллельно, накладываясь друг на друга. Точно так же, как наряду с воеводами в регионе встречаются и мордовские воеводы, ведавшие, однако, не только эту группу населения, но также в ряде случаев, русских посопных крестьян и бортников. В результате этого известны почти одновременные писцовые описания мордвы как целиком по уездам, так и по дворцовым волостям.

Таким образом, мы можем предположить, что когда в XVIII в. происходило территориально-административное реформирование региона, то люди, отвечавшие за него, обратились к единственно возможному для них справочному материалу, писцовым описаниям края XVII в. Однако, не являясь специалистами по исторической географии Мещеры, они воспользовались исключительно «русскими» писцовыми книгами. В результате этого сложилась такая странная ситуация с границами отдельных уездов. Следует отметить, что это же затруднение по тем же причинам значительно позже испытывали исследователи, занимавшиеся историей землевладения края. Так Л.Г. Дубинская (Лилина) писала: «В целом территория Мещерского края состояла из территории Шацкого и Касимовского уездов в границах XVII в., т.е. г. Елатьма и Кадом с их условными уездами находились на этой территории, как и г. Темников» [7, с. 12]⁹. Только комплексный анализ всех писцовых материалов по региону позволяет реконструировать особенности административно-территориального деления края в XIV–XVII вв. [11, с. 431–474] и, как оказалось, разобраться с формированиями административных границ в XVIII в. Получив в руки «русские» писцовые

⁹ Следует особо подчеркнуть, что данному исследователю принадлежит первый опыт создания карты региона на момент середины – второй половины XVII в. [8, приложение].

книги Шацкого уезда XVII в. администраторы XVIII в. сконструировали на основании их территорию Шацкого уезда XVIII в. При этом, поскольку в этих книгах отсутствовали бывшие поместья касимовских царевичей, их не включили в Шацкий уезд, а сформировали самостоятельный Касимовский уезд. В состав Кадомского и Темниковского уездов попали мордовские и татарские населенные пункты. Помимо прочего это указывает на то, что еще в XVIII в. сохранялись «мордовские» и «татарские» мещерские писцовые книги. В настоящее время известны только писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 1614 г. [3] и дозорная книга г. Темникова и Темниковского уезда 1614 г. [12]

Особо следует отметить тот факт, что неразбериха с принадлежностью той или иной территории к определенному уезду в составе Мещеры началась еще в XVII в. На эту тему сохранились две грамоты Рождества пречистые Богородицы Пурдышевского монастыря, расположенного в Темниковском уезде. В соответствии с ними мы узнаем, что писцы кн. Леонтий Шеховской и дьяк Бажен Степанов в 1617 г. передали право суда и сбора налогов с монастыря и вверенных ему крестьян воеводе г. Кадома¹⁰. Кстати, владения этого монастыря, с 1650 г. приписного к Саввино-Сторожевской обители, в XVIII в. составляли один из анклавов Шацкого уезда на территории соседнего Темниковского уезда.

Особо следует отметить, что сделанные нами наблюдения не снимают всех вопросов. Для того чтобы окончательно разобраться с исторической географией данного края необходима долгая и кропотливая работа в архивах, анализ картографического и археологического материалов.

1. *Беляков А.В.* Документы Темниковской и Кадомской приказных изб эпохи Смуты // Мининские чтения: 2012. Нижний Новгород, 2012.
2. *Беляков А.В.* Историческая география Мещеры XIV–XVII в. // Российская история. 2019. №1.
3. *Беляков А.В.* Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года // Средневековые тюркско-татарские государства. Казань, 2013. Вып. 5.
4. *Веселовский С.Б.* Акты писцового дела. М., 1913. Т. I.
5. *Веселовский С.Б.* Акты писцового дела. М., 1917. Т. II. Вып. 1.
6. *Дедук А.В.* Московско-рязанское порубежье XIV – начала XVI в.: методика локализации. Автореф. дисс. ... к.и.н. Екатеринбург, 2018.
7. *Дубинская Л.Г.* Социально-экономическое положение крестьян во второй половине XVII века (по материалам Мещерского края). Автореф. дисс. ... к.и.н. М., 1967.
8. *Дубинская Л.Г.* Социально-экономическое положение крестьян во второй половине XVII века (по материалам Мещерского края). Дисс. ... к.и.н. М., 1967.
9. Копии с Шацкой писцовой книги Федора Чеботова 131 года о владениях Великой старицы инокини Марфы Ивановны в Верхнеценской волости // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1893. Вып. 37.
10. *Пискарев П.И.* Писцовая книга новых сел Верхнеценской волости Тамбовского уезда // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1890. Вып. 30.
11. Писцовые книги Рязанской и Нижегородской земли. М., 2018.
12. Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковско-

¹⁰ РГАДА. Ф. 281. Оп. 20. Д. 14 468/1. Л. 60–64 об.

- го уезда 1613/1614 г. Казань, 2015.
13. ПСРЛ. М., 2000. Т. XIII: Никоновская летопись.
 14. Хитров Д.А. К вопросу о границах Шацкого уезда в XVII–XVIII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1.
 15. Холмогоров В.И. Переписная книга 7179 (1671) года сел и деревень Верхоценской волости и Рыбной пустоши и монастырских вотчин Тамбовского уезда // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1901. Вып. 45.
 16. Шацкий уезд XVII века. Государевы служилые люди. Ульяновск, 2014.

А.В. Дедук¹

Формирование границ Каширского, Тульского, Веневского и Соловского (Крапивинского) уездов в конце XV–XVI вв. и засечная черта

Границы; уезды; засечная черта; формирование территории.

В работе затрагивается проблема формирования границ уездов, расположенных «за Окой» в конце XV–XVI в. Показано, что в ряде случаев границы уездов проходили по засеке.

История формирования территорий административных образований Русского государства в позднее Средневековье и раннее Новое время все чаще привлекает внимание исследователей [См. напр.: 5, с. 76–82; 6, с. 178–192; 23, с. 110–154; и т.д.]. Несмотря на некоторые успехи в определении границ уездов, станов и волостей [2; 3, с. 233–263; 24, с. 399–403; и т.д.], остаются не изучены процессы и принципы формирования территории административных единиц. Стоит отметить, что в ряде случаев изучение формирования территории невозможно из-за сохранности источников, и исследователю приходится, используя немногочисленные факты, воздвигать пирамиду гипотез и догадок, имеющую весьма шаткое основание. Настоящая заметка посвящена проблеме соотношения границ уездов и засечной черты.

Самые ранние упоминания о засеках на правом берегу р. Оки датируются 10–20-ми гг. XVI в. В 50-х гг. XVI в. разворачивается работа по возведению засек под Тулой. Следующий этап строительства засек приходится на 70-е гг. XVI в. (под Лихвиним, Перемышлем, и «на Оке») [8, с. 456–461]. Вероятно, самая глобальная реконструкция засечной черты произошла в 90-х гг. XVI в. В это время номенклатура названий засек принимает вид, знакомый нам по документам XVII столетия [8, с. 461–462]. В XVII в. были проведены несколько реконструкций засечной черты в границах, сложившихся к концу XVII в. [8, с. 461–462]. Необходимо добавить, что в XVI в. известно несколько засек, которые потеряли свое значение уже к концу века [8, с. 469–473]. Это позволяет говорить о некоторых изменениях в обороне Русского государства.

Засака представляет собой лесной массив, в части которого был «засечен» лес. В местах, где через нее проходила дорога, устраивались

¹ Дедук Андрей Владимирович, РГАДА (РФ, Москва), к.и.н., deduk@list.ru.

«ворота» – совокупность оборонительных сооружений из «городков», острожков, надолбов, рвов и т.д. Наличие засеки между двумя близкими населенными пунктами затрудняло коммуникацию, что, соответственно, вызывало различную административную принадлежность. Проблема взаимосвязи административного деления и засек в изучаемом регионе фактически не рассматривалась в литературе [Из работ по региону см.: 1; 12, с. 26–28; 20, с. 24–25; 22, с. 40–43; 25, с. 283–373]. Единственным примером является материал, посвященный меже Каширского и Тульского уездов [9, с. 219–237].

Для рассматриваемого региона за некоторыми исключениями характерна неизменяемость границ уездов с конца XVI в. по административную реформу Екатерины II. Это позволяет использовать для определения границ уездов как данные писцовых и межевых книг (С.Б. Веселовский, А.В. Шеков) [25, карты 4, 5, 6]², так и ретроспективно привлекать «дореформенные» уездные планы [7, с. 161–163; 14, с. 44–113].

Ключевым в формировании границ уездов «за Окой» является процесс образования Каширского уезда. Его восточная граница совпадает с границей купли Василия Темного, впервые описанной в московско-рязанском докончании 1483 г. Каширский уезд первоначально был сформирован в конце XV – начале XVI в. из земель Рязанского княжества, исключая левобережный, относительно р. Оки Туровский стан, который был использован в качестве плацдарма для освоения присоединенных земель «за Окой» [11, с. 345–372].

На юге Каширский уезд граничил с Тульским уездом. Формирование последнего приходится на конец 1510-х – 1520-е гг., когда вместо крепости на Тороховском археологическом комплексе (последующая пустошь «Старое Городище» и вероятно, центр стана Старое Городище) возникает каменная крепость на левом берегу р. Упы [4, с. 57–58; 19, с. 44, 46–47]. Именно в это время при описании событий как раз где-то между Тулой и Беспутой (Беспутский стан Каширского уезда) впервые упоминается «засеченные дороги» в лесах [16, с. 261; 17, с. 352; 18, с. 517–518]. При формировании Тульского уезда были использованы как земли Каширского уезда, так и «верховские» земли (Нюхова – Нюховский стан, ранее относившиеся к Алексиному; южная часть Волконы – с. Супруты Колоденского стана) [13, № 89, с. 360; 25, карты 4, 5, 6]³.

Впервые описанный в 1577/78–1578/79 гг. западный участок границы Каширского уезда с Тульским шел на восток от верховьев р. Сулемы, затем же южнее с. Хвошны межа шла по «засеке» [15, с. 1469–1470]⁴. Засека в этом регионе уже не упоминается в XVII в., что позволяет предположить, что граница между двумя уездами была сформирована в 1520-е (первые упоминания засек и формирование Тульского уезда) или же в середине XVI столетия во время очередного этапа строительства засек [8,

² Архив РАН. Ф. 620. Оп. 1. Ед. хр. 321.

³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 559. Л. 57.

⁴ Ср.: РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Карта Тульской губ. Ед. хр. 1. Ч. 1.

с. 466–467]. С этим разделением, вероятно, связан переход вотчины Троицкого Белопесоцкого монастыря из стана Старое Городище [9, с. 223–228].

Несколько иная ситуация сложилась с Ростовецким станом Каширского уезда. К югу от него располагался одноименный стан Тульского уезда, который являлся анклавом последнего [26, карта]⁵. Граница между двумя станами проходила по засеке⁶. Таким образом, здесь мы наблюдаем иную ситуацию, когда создаются две различные административные единицы с одинаковым названием, а населенные пункты не приписываются к ближайшему стану, как в случае с северными землями стана Старое Городище.

Как мы уже видели, северная и северо-восточная граница Тульского уезда с Каширским проходила по засеке. На юге же к Тульскому уезду относились земли Малиновской засеки, за которой располагался Соловский (Крапивенский) уезд⁷. Единственным исключением их этого пограничного разделения являлось с. Орлово, которое находилось на полевой стороне засеки. Здесь граница Тульского уезда проходила по р. Упе.

На юго-востоке Тульский уезд граничил с Корницкой засекой и Корницким станом Соловского уезда. Последний сформировался в начале 60-х гг. XVI столетия. В отличие от Малиновской засеки, которая входила в состав «северного» Тульского уезда, Корницкая засека относилась к «южному» Соловскому уезду [10, с. 288–294].

Восточнее Тульского уезда находился Веневский уезд. Если северная граница Веневского уезда проходила по р. Осетр и частично по Веркушевской (Княжей) засеке, то западная частично была ориентирована на Щегловскую засеку. Интересно отметить, что здесь мы находим некую аналогию с Ростовецкими станами Каширского и Тульского уездов – в Тульском и Веневском уездах существовали смежные Веркошские (Веркошенские) станы.

Выделение «Венева» в отдельный уезд произошло не ранее 1549–1564 гг., когда он оказался вотчиной боярина Ивана Васильевича Шереметьева большого. Позднее Венев и уезд в конце 1560-х – начале 1570-х гг. являлся вотчиной князя Ивана Федоровича Мстиславского [21, с. 126].

Таким образом, на формирование границ Каширского, Тульского, Веневского и Соловского уездов большое влияние оказывала засечная черта. Граница между уездами чаще всего проходит строго по русской или польской кроме засеки. Единственное исключение мы можем наблюдать у Орловых ворот. При этом в некоторых случаях образуются два стана с одним названием, но относящиеся к разным административным центрам, в других же – населенные пункты приписываются к другому стану.

1. Белоцерковский Г.М. Тула и Тульский уезд в XVI и XVII вв. Киев, 1915.
2. Веселовский С.Б., Перцов В.Н. Исторические карты Подмосковья / Изд. подг. К.А. Аверьянов и Л.Е. Доде // История сел и деревень Подмосковья XIV–XX вв. М., 1993. Вып. 4.

⁵ РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Карта Тульской губ. Ед. хр. 1. Ч. 1; Ф. 1356. Оп. 1. Ед. хр. 6171. Ср.: Архив РАН. Ф. 620. Оп. 1. Ед. хр. 321.

⁶ РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Карта Тульской губ. Ед. хр. 1. Ч. 1.

⁷ Там же.

3. *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII в. (численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977.
4. *Воронцов А.М., Гриценко В.П., Фомин К.Н., Шеков А.В.* Позднесредневековые слои Тороховского городища // Позднесредневековый город III: Археология и история: Материалы III Всероссийского семинара. Тула, 2011.
5. *Гамаюнов А.И.* О становлении границ между уездами Верхнего Подонья в период первого валового описания рубежа 20–30-х годов XVII века // Проблемы социальной и политической истории России. М., 2009.
6. *Грязнов А.Л., Черкасова М.С.* О формировании межурездских границ на русском севере в XV–XVI вв.: Белоозеро – Вологда – Устюг // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства. Вологда, 2012.
7. *Дедук А.В.* «Дореформенная» карта Тульского наместничества // Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка: Матер. XXVI международной научной конференции. М., 2014.
8. *Дедук А.В.* Засеки на южных землях Российского государства в XVI в. (по данным письменных источников) // Единорог: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и раннего Нового времени. М., 2014. Вып. 3.
9. *Дедук А.В.* Из истории административно-территориального деления Каширского и Тульского уездов в первой половине XVI в. // Историк и источник: Сб. ст. к юбилею С.Н. Кистерева. СПб., 2018.
10. *Дедук А.В.* К исторической географии Корницкого стана Соловского (Крапивинского) уезда // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2013. Вып. 3.
11. *Дедук А.В.* Московско-рязанское порубежье XIV–XVI в.: Методика локализации: Дисс. ... к.и.н. М., 2018. Т. 2.
12. *Демидов С.И.* Формирование территории Тульского уезда в первой половине XVI в. // Краеведческие чтения, посвященный 220-летию образования Тульской губернии: Сб. тезисов докладов. Тула, б.д.
13. ДДГ.
14. *Кабузан В.М.* Обзор историко-географических источников по административно-территориальному делению России в 1720–1770 гг. // Историческая география России XVIII в. М., 1981. Ч. II.
15. Писцовые книги XVI в. / Изд. Н.В. Калачова. Отд. II. СПб., 1877.
16. ПСРЛ. Т. VIII. СПб., 1859.
17. ПСРЛ. Т. XXVIII. М.; Л., 1963.
18. ПСРЛ. Т. XXII. Ч. I. СПб., 1911.
19. *Фомин К.Н.* Историческая топография города Тулы XVI – начала XIX веков // Позднесредневековый город: археология и история. Тула, 2007. Ч. I.
20. *Фомин К.Н.* Заселение Тульского уезда в XVI–XVII вв. (опыт комплексного подхода к изучению вопроса) // Краеведческие чтения, посвященный 220-летию образования Тульской губернии: Сб. тезисов докладов. Тула, б.д.
21. *Фомин Н.К.* Заселение Елифанского уезда в XVI–XVII вв. // Труды ГИМ. Вып. 73. Куликово поле: Материалы и исследования. М., 1990.
22. *Фомин Н.К.* К вопросу заселения Тульского края в XVI в. // Историко-археологические чтения памяти Н.И. Троицкого. Тула, 1997. Вып. 1.
23. *Фролов А.А.* Административная система центральных районов Новгородской земли в X – начале XVII века (в контексте истории территориальных юрисдикций) // Историческая география. 2012. № 1.
24. *Хитров Д.А.* Электронные карты административно-территориального деления России накануне и после губернской реформы 1775 г.: о методике составления // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. М., 2013. Вып. 3.
25. *Шеков А.В.* Политическая история и география Верховских княжеств: Середина XIII – середина XVI в. М., 2018.
26. *Щепкина Е.[Н.]* Тульский уезд в XVII в.: Его вид и население по писцовым и переписным книгам. М., 1892.

«Шведская двоеданская» область на русской карте середины XVIII века

Двоеданство; Архангелогородская губерния; русско-шведская граница; историческая география.

В статье рассматривается вопрос о «шведской двоеданской» области, показанной на русской карте 1768 г. Она локализована на современной карте; разобран вопрос о том, действительно ли между Россией и Швецией в середине XVIII в. продолжали существовать неразграниченные территории.

В последние годы проблема истории определения границ государства в слабозаселенных окраинных областях привлекает большое внимание историков. В частности, активно исследуется феномен двойного подданства групп коренного населения в таких контактных зонах, т.н. двоеданства; в литературе описаны случаи, когда такие группы, наряду с Россией, платили ясак Джунгарии, Китаю, Хивинскому и Бухарскому ханствам [2]. Довольно большая литература посвящена истории двоеданства саамов на Кольском полуострове в средневековье. Считается, что тянувшийся несколько столетий «лапландский спор» был завершен в 1623 г., когда была окончательно демаркирована русско-норвежская граница, и власти с обеих сторон перестали разрешать чужим сборщикам ясака появляться на своей территории [5; 6; 7; 9]; что касается русско-шведского рубежа в этом регионе, то, как считается, будучи определен Столбовским договором 1617 г., он впоследствии не менялся в течение почти двух столетий. Действительно, на русских картах XVIII в. граница государства на Кольском полуострове всегда изображается как линия, без каких-либо указаний на буферные или совместно управляемые территории.

Тем более интересной представляется карта 1768 г.², созданная в чертежной Межевого департамента известным картографом Василием Дьячковым, на которой обозначена такая двоеданская территория.

Она принадлежит к серии из трех карт, охватывающих восточную, западную и южную части гигантской Архангелогородской губернии³. Эти памятники были введены в научный оборот еще В.М. Кабузаном [4], но до сих пор мало используются исследователями и вообще малодоступны⁴. Типологически они близки к другим среднемасштабным ранним

¹ Хитров Дмитрий Алексеевич, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., dkhitr@gmail.com.

² РГВИА. Ф. 846. ВУА. Оп. 16. Ед. хр. 21 225. Карта западной части Архангелогородской губернии, лежащей от устья реки Онеги по Белому морю до реки Поноя, а к западу до шведской границы, с лежащим в оном пространстве как селением, так и ситуациею. Масштаб в верстах российских, разделен английский дюйм в 5 верст. Сочинена 1768 году.

³ РГВИА. Ф. 8466. ВУА. Оп. 16. Ед. хр. 21 224, 212 266.

⁴ Причина состоит в том, что карты очень велики – более чем 3х3 м. Для того, чтобы развернуть их, необходимо сдвинуть вместе несколько столов, что редко бывает возможным в переполненном читальном зале РГВИА. Кроме того, манипуляции такого рода приводят к быстрому износу памятников, которые уже несколько

картам межевого ведомства, которые составлялись в преддверии начала работа Генерального межевания на этих территориях и должны были, видимо, помочь в их организации⁵. Составители наносили на карты прежде всего сеть поселений, которую пытались отразить максимально полно, работая, видимо, со сводными ревизскими материалами, и гидрографическую сеть, которая выступает в качестве организующего «каркаса». Особенности рельефа, дороги, растительность наносились выборочно и не систематически, в основном заполняя «белые пятна» в ненаселенных районах.

В северо-западном углу карты показан участок, подписанный как «швецкой двоеденской». Подлежащее опущено, но в контексте карты следует предполагать слово «уезд» – литеры такого размера и начертания используются для названий уездов. Конечно, это не уезд в принятом в историографии понимании, но в картографии середины XVIII в. так часто именуют любые округа, особенно имеющие налоговое значение⁶. Территория относительно невелика и уходит за северную рамку карты, проходящую примерно на 67° с.ш.

Попробуем локализовать ее положение. К сожалению, объем неточностей и искажений на карте таков, что она не может быть привязана к современной – ее авторы опирались на относительно небольшое количество данных и полевых измерений, и в результате многие поселения наносились приблизительно, а реки и озера, на которых поселений не было, часто не наносились вовсе. Дополнительную сложность представляет то, что с запада интересующий нас участок ограничивает шведский рубеж, который является краем карты – за ним начинается белое поле. Поэтому необходимо пойти по трудоемкому пути сплошной локализации всех имеющихся на карте топонимов. Это непросто, потому что на более поздних картах, как созданных во второй половине XIX в., так и современных, сильно изменилась топонимика – в 1833 г. приграничная полоса была передана Великому Княжеству Финляндскому, и русские названия (как правило, саамского происхождения) были заменены на финские. В XX же веке эта пограничная полоса несколько раз переходила из рук в руки, что также повлияло на устойчивость топонимики.

Основная территория интересующего нас участка показана как покрытая лесом и тундрой. Ее пересекают две речные системы, с которыми связаны немногочисленные поселения.

Первая, южная, идентифицируется хорошо – это система р. Оланги (Оуланкайоки, на карте названной Олонгой). Восточная граница «швецкого двоеданского уезда» проходит посередине «озера Пан швецкого» – оз. Паанаярви, на берегу которого к северо-востоку от впадения Оланги показана «деревня Панозерская» – вероятно, она локализуется на нежилом урочище близ устья р. Совайоки. В пределы карты попадает только не-

раз проходили реставрацию. Их оцифровка является весьма насущной задачей.

⁵ Например: РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Рязанская губ. Ед. хр. 1; РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Ед. хр. 118, и другие.

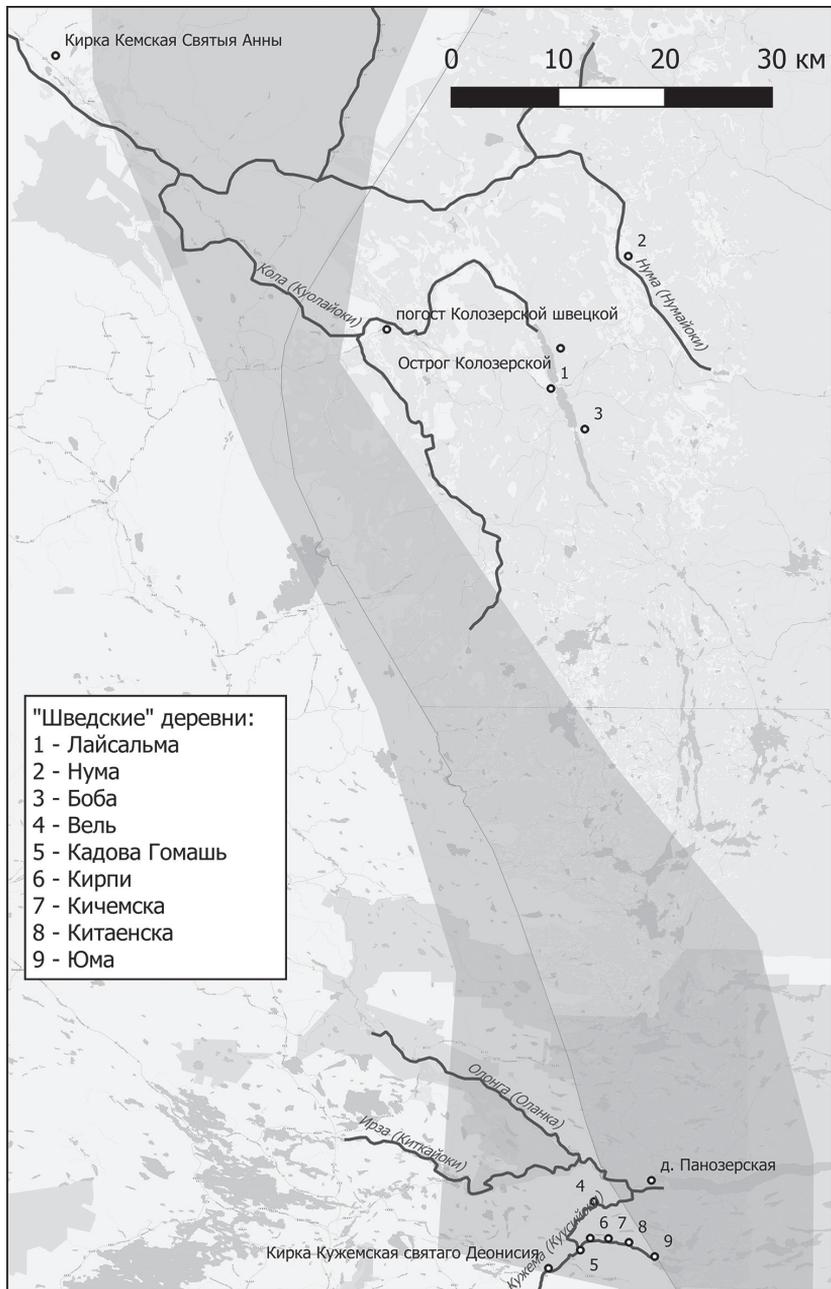
⁶ Например, «уезд Черкаского войска Донского» на карте Лесного атласа 1782 г. – см. ОР РНБ. Эрм. 610. Л. 46.

большой отрезок Оланги, на котором показано озеро Ярсо (видимо, одно из расширений реки) и устье р. Ирзы, которая по положению и очертаниям идентифицируется как р. Киткайоки. Значительно больше объектов показано по течению крупного правого притока Оланги, который назван Кужемой и определяется как р. Куусийоки. Недалеко от устья на ней находится «деревня Вель швецкая», которая может быть осторожно соотнесена с с. Куусийоки. Правый приток Кужемы, названный Шисмой, соотносится с р. Юумайоки. Из цепи озер, которые показаны на ней и на каждом из которых обозначено одноименное поселение – Кирпи, Кичама, Кит, Варма, Юма, – ныне сохранились только два, Юумалампи (вероятно, Кит) и Юумаярви (Юма). У впадения Шисмы в Кужему обозначена еще одна деревня – Кадова Гимашь, а несколько ниже по течению – «Кирка Кужемская святого Деонисия».

Значительно сложнее определить показанную на севере района систему реки, названной Колой, вытекающей из одноименного озера и текущей к западу, в сторону шведского рубежа. Даже допустив крайнюю неточность карты, ее невозможно идентифицировать с р. Колой и Колозером, которые находятся намного севернее и иначе ориентированы. Рассмотрев несколько вариантов, я склоняюсь к тому, чтобы соотнести ее с р. Куолайоки и оз. Куолярви.

Полоса «двоedanского уезда» здесь неширока, и на ней нет поселений. Зато недалеко от него, в пределах Двинского уезда, имеется целый ряд поселений, обозначенных как «шведские деревни»: «Погост Колозерской швецкой», возможно, находился на месте современного пос. Куолярви; на берегах озера показан «острог Колозерской» (стоит сказать, что он же отмечен, как единственный населенный пункт региона, и на карте из атласа 1745 г., однако в более позднее время больше не фиксируется [1, лист «Российская Лапландия»]), и две «шведские деревни» – Лайсальма на западном берегу и Боба на восточном. Недалеко от Колозерского погоста отмечена д. Нума на одноименной реке – ее следует связать с р. Нумийоки (правда, она впадает в р. Тенийоки, а не в р. Куолайоки, как показано на карте, но, видимо, это просто ошибка составителей). Наконец, два притока Колы, реки Тору и Кечу, можно, исходя из их положения и очертаний, осторожно идентифицировать как Саллайоки и Нарускайоки.

Крайний северо-западный объект, отмеченный на карте, расположен сразу за шведским рубежом, на правом берегу Колы – составители сделали для него исключение из общего правила. Это «Кирка Кемская Святыя Анны»; она также присутствует на карте 1773 г., на русской территории (правда, не исключено, что она была перенесена туда именно с карты Дьячкова). На данный момент нельзя сказать, действительно ли такой центр прихода существовал в низовьях Куолайоки, или же имеется в виду расположенное в рамках той же речной системы, но существенно ниже, на р. Кемийоки, с. Савулайоки. Не исключено даже, что имеется в виду г. Кемиярви, расположенный еще ниже, но бывший уже в то время заметным церковным центром.

Реконструированные очертания «двоеданского» района и перечисленные выше объекты показаны на карте 1, наложенными на современ-

ную основу. К сожалению, все поселения локализованы приблизительно; возможно, специалистам по истории края удастся сделать это точнее.

Означает ли сказанное, что, несмотря на четко определенную международными договорами линию русско-шведской границы, де-факто на этом ее участке границы еще в 1760-х гг. сохранялась некая неразграниченная полоса? Представляется, что на самом деле причина в другом. Вся описанная территория принадлежала России, однако часть ее использовалась подвижным саамским населением, которое считалось шведским по подданству или даже сохраняло двойное подданство⁷. Выделяя эту приграничную полосу в отдельный «уезд», В. Дьячков, в основе работы которого лежали материалы налогового учета населения, хотел показать, что на этих землях, несмотря на их российскую принадлежность, не ведется учет налогоплательщиков и не производится сбор налогов.

1. Атлас Российской, состоящий из девятнадцати специальных карт... СПб., 1745.
2. *Боронин О.В.* Двоедланничество в Сибири XVII – 60-е гг. XIX в. Барнаул, 2002.
3. Генеральная карта географическая, представляющая Архангелогородскую губернию, на свои провинции разделенную / Гравировал Я.Ф. Шмидт. СПб., 1773.
4. *Кабузан В.М.* Обзор историко-географических источников по административно-территориальному делению России в 1720–1770 гг. // Историческая география России XVIII в. М., 1981.
5. *Линд Х.* «Разграничительная грамота и новгородско-норвежские договоры 1251 и 1326 гг. // Новгородский исторический сборник. № 6 (16). СПб., 1997.
6. *Ушаков И.Ф.* Кольская земля. Мурманск, 1972.
7. *Федоров П.В.* «Лапландский спор» // Вопросы истории. 2006. № 9.
8. *Федоров П.В.* Северный вектор в российской истории: Центр и Кольское Заполярье в XVI–XX вв. Мурманск, 2009.
9. *Шаскольский И.П.* Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. Т. 14. М., 1945.

В.В. Ткаченко²

Исторические известия о древних русских городах в географических анкетах Академии наук и Сухопутного шляхетного корпуса 1760 г.

Историческая память; географические анкеты; Академия наук; Сухопутный шляхетный корпус.

В работе анализируются ответы, присланные из губернских, провинциальных и воеводских канцелярий Российской империи на опросник Академии Наук и Сухопутного шляхетного корпуса 1760 г. В центре внимания находится отражение в них известий об истории русских городов.

¹Об этом, говорит, например, интересное дело о размежевании границ в Пяозерском погосте в 1784–1785 гг., введенное в научный оборот П.В. Федоровым [8, с. 89–90].

²Ткаченко Виктория Владимировна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), victory.tkachenko@gmail.com.

Проведение географических опросов было частью масштабной работы по описанию территории, населения и хозяйства Российской империи, осуществлявшейся в XVIII в. Собранные таким образом материалы неоднократно привлекали внимание исследователей как источник, отразивший процесс становления социально-экономической географии и сохранивший ценные сведения о развитии регионов России [1; 2; 3; 5 и др.]. Обращение к ним открывает перспективы для изысканий и в других областях: в частности, для исследования распространения знаний об истории русских городов в XVIII в.

Первое анкетирование, охватившее все города Российской империи, было начато по инициативе Академии наук и продолжено Сухопутным шляхетным корпусом в 1760 г. Поводом для него послужила необходимость исправления Большого Атласа Российской империи и подготовка учебника по географии для кадетов. Не погружаясь в детали запутанных и конфликтных обстоятельств единовременного сбора сведений двумя учреждениями, отметим, что, в итоге, все материалы были переданы в Академию наук.

Несмотря на повсеместную рассылку анкет, далеко не отовсюду были получены ответы, и не всегда – полностью. Лишь некоторые из них были обработаны и изданы Л. Бакмейстером [1]. Большая же часть сведений так и не была введена в научный оборот.

В архиве Академии наук хранится 376 дел, содержащих ответы на академическую и кадетскую анкеты³. На данном этапе исследования нами была обработана лишь часть этих документов. А именно – сведения, присланные из древних городов европейской части России: Архангельска, Вологды, Зарайска, Ивангорода, Казани, Калуги, Киева, Козельска, Коломны, Копорья, Можайска, Москвы, Муромы, Нарвы, Нижнего Новгорода, Орла, Переяславля, Ростова, Смоленска, Суздаля, Ярославля.

Из 30 пунктов опросника сообщение исторических сведений предполагали следующие:

1. «В котором году город, от кого и для чего построен <...> какой герб имеет; при чем ежели есть известия, описать и происхождение того гербу; не был ли город осажден от кого и разорен или мужественно оборонялся» (только в кадетской редакции анкеты).

2. «Много ли приходов внутри и за городом, и которые церкви каменные или деревянные; есть ли каменные новые и старинные казенные строения, и каких они времен от постройки».

26. «Где есть старых городов оставшиеся развалины, или городища, в каких состоят остатках и признаках, и как их называют» (в кадетской анкете дополнено: «и нет ли о таковых древностях по преданию дошедших каких известий»).

29. «В городах буде есть летописцы, присылать с них верныя копии» (в кадетской анкете – «или в монастырях»).

Как показали результаты анкетирования, ответы на эти базовые вопросы вызвали в канцеляриях немало затруднений. На момент рассылки опросника в России не существовало печатных книг по русской истории,

³ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10а, 10б.

кроме «Синописа» Иннокентия Гизеля. Более того, одной из целей анкетирования был как раз сбор материалов для сочинения «Российской Истории», над которой работал в это время М.В. Ломоносов. Таким образом, почерпнуть необходимые сведения можно было только из архивов самих канцелярий и монастырей, рукописных книг и устных преданий. Можно утверждать, что мы имеем дело с последним срезом самобытных исторических знаний общества до того, как они подверглись массовому влиянию печатных изданий.

Уже на первый пункт анкеты большинство канцелярий ответить не смогли. Единогласно они повторяют формулу: «в котором году от кого и для чего оной город построен известия неотыскано»⁴. Тем не менее, удалось датировать основание Владимира (990 г.), которое приписывалось Владимиру Святому [1, с. 119]⁵. Хронологический список переходов от одного государства к другому был прислан из Нарвы и Ивангорода⁶. Коломенской канцелярией, понятие «основания города» было приравнено к строительству крепости и отнесено к 25 мая 1525 г.⁷ Описания гербов были присланы из Нижнего Новгорода, Ярославля, Ростова, Суздаля и Смоленска. Однако известий о происхождении этих символов канцелярии не имели.

Неполноту ответов можно связать с нежеланием чиновников выполнять навязанную им работу. Так московская канцелярия сообщила, что запрос об основании Москвы будет передан в оружейную палату⁸, где, в свою очередь, отчитались: «по справке во оной полате о вышписанном никакого известия не имеется»⁹. Некоторые города сослались на утрату документов. В Орле в ходе регулярных затоплений «полою водою с рек Оки и Орла» все «дела прошлых лет кои имели в архиве помокли»¹⁰. Казанский архив сгорел в 1749 г.¹¹.

В ряде случаев канцеляристы были вынуждены довольствоваться «слухами». Из Киева писали, что об основании города «в Киевской губернской канцелярии известия не имеется», «а что оный город верхний давно был от татар и других народов осаждаем и разоряем, о том с происходимого в народе слуху известно, но когда именно и от кого те разорения чинимы были, неизвестно»¹². Заметим, что в знаменитом «злом городе» Козельске не только татар, но и вообще какой-либо обороны города не помнили¹³. А в Казани, где татары составляли значительную часть

⁴ Там же. Ф. 3. Оп. 10а. № 154. Л. 6 об.

⁵ Опубликованная Л. Бакместером анкета отсутствует в фонде.

⁶ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10б. № 1. Л. 3–3 об.

⁷ Там же. № 48. Л. 2.

⁸ Там же. № 78. Л. 1 об.

⁹ Там же. № 108. Л. 1.

¹⁰ Там же. № 137. Л. 2 об.

¹¹ Там же. № 11. Л. 2 об.

¹² В СПФ АРАН хранится ответ из Киева только на академическую анкету. Кадетская анкета цитируется по изданию: [4, с. 117–118].

¹³ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10б. № 22. Л. 2.

населения, предпочли умолчать о том, «давноль они поселились и откуда происхождение имеют», сославшись на «погорение дел» в архиве¹⁴.

Целое историческое исследование было проведено в Суздале. О его результатах сообщалось, что хотя об основании города «достоверного описания в Суздальской провинциальной канцелярии не имеется: но признавательно оное канцелярией, что городовое строение строено было от защищения иноплеменников и междоусобныя брани». Далее следовали аргументы, натолкнувшие чиновников на это умозаключение: «при суждальской провинциальной канцелярии в каменном архиве хранятся древние самопалы (кои ныне за самую ветхостию и заржавением уже негодны), ядра каменные великие посредственные и малые и железные рубленныя малыми частями картечи и свинец, к тому ж из древних рукописных воеводских списков видится что все гражданские жители то есть до архиерейского спасского и покровского монастырей служители расписаны были кто с бердышами и саблями, а иные с копьями и другим студеным оружием»¹⁵. Приведенное свидетельство, безусловно, показывает искреннее желание ответчиков предоставить как можно более полные сведения о городском прошлом. Однако оно демонстрирует и другой потрясающий факт: орудия, сохранившиеся, вероятно, со времен осады и разорения Суздаля в Смутное время, местные жители к середине XVIII в. уже не могли идентифицировать. Об этом красноречиво свидетельствует единственный вывод, к которому они пришли: «знатно каковыя-нибудь неприятельския были на город нахождения»¹⁶.

Смуту, тем не менее, помнили в Вологде. Обратившись к писцовым книгам «Письма и меры князя Ивана Мещерского да подьячего Федора Стогова 7135 и 7136 годов», вологодские канцеляристы обстоятельно сообщали, что каменные городские стены были заложены при великом князе Иване Васильевиче, «а в котором году того непоказано», и что «был оной город Вологда литовскими людьми разорен, и соборная и другия церкви выжжены в 7121 году»¹⁷.

Недоумение вызывает ответ, полученный из Смоленска: «был ли [город] осажден от кого, разорен или мужественно оборонялся <...> о том в смоленской губернской канцелярии неизвестно»¹⁸. Тем не менее, при анкете были приложены копии царских жалованных грамот Смоленской шляхте с 1655 г. и касающиеся Смоленска выписки из «Вечного мира» России и Польши.

Значительно лучше сохранились сведения, связанные с церковной историей и храмовым строительством. Большинство канцелярий предоставили полные и иногда датированные списки храмов и монастырей. В том числе, было известно время основания домонгольских храмов – Софийского собора в Киеве¹⁹, Успенского, Дмитровского соборов и Рождест-

¹⁴ Там же. № 11. Л. 2 об.

¹⁵ Там же. № 7. Л. 2–2 об.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Ф. 3. Оп. 10а. № 35. Л. 2.

¹⁸ Там же. Ф. 3. Оп. 10б. № 3. Л. 2.

¹⁹ Там же. Ф. 3. Оп. 10а. № 153. Л. 7 об–8.

венского монастыря во Владимире [1, с. 116–117], Успенского собора в Ростове²⁰ и др. Несмотря на погибший архиерейский архив, Вологодской канцелярии удалось привести довольно точные хронологические выкладки об основании Софийского собора. Дата его освящения была локализована между смертью вологодского епископа Антония (1588 г.) и упоминанием собора в писцовой книге 1627 г.²¹

Сохранялись имена ктиторов и правителей, с которыми связывалось строительство храмов, – царя Ивана Васильевича (Преображенский храм в Копорье²², Богоявленский собор Авраамиева монастыря в Ростове²³), Федора Алексеевича (Никольский собор в Зарайске²⁴) и др. Ростовская анкета передавала легенду о железе преподобного Авраамия, который Иван IV взял «от гроба чудотворцова в помощь на взятие града Казани»²⁵.

Из Зарайска были присланы подробные сведения о почитаемом образе Николая Чудотворца, хранившегося в одноименном храме. Согласно описанию, образ был принесен из Корсуни, а на богато украшенном окладе иконы было вырезано повеление великого государя Василия Иоанновича (Шуйского), о его изготовлении в 7116 году, и надпись на золотой дощечке: «лета 7118 генваря в 27 день государь царь и великий князь Василий Иоаннович всея России приложил к чудотворному образу великаго чудотворца зарайскаго как Бог освободил де град его от воровских людей чудотворцовою молитвою и да били челом государю»²⁶. Эта табличка должна была служить для потомков напоминанием о событиях Смутного времени. Однако ответить на вопрос «был ли город от кого осажден и разорен или мужественно оборонялся», Зарайская канцелярия, подобно другим, не смогла: «за неизвестием»²⁷.

Что касается вопросов о поиске древностей, то «летописцев» ни в одном из городов обнаружено не было. Лишь к архангельской анкете были приложены копии жития Антония Сийского, жалованной грамоты царя Михаила Федоровича Архангельскому монастырю 1638 г, записи о построении церкви Николая чудотворца в память утонувших детей Марфы-посадницы и грамоты о построении Красногорского монастыря²⁸. Среди «развалин и городищ» было выявлено «старое городовое строение» в Холмогорах²⁹ и «превеликие бугры нарочитой величины» в Орле³⁰.

Таким образом, можно сделать вывод о крайне слабой осведомленности служащих губернских и провинциальных канцелярий об истории своих городов. Важно и то, что многие из них, кажется, не стремились

²⁰ Там же. Ф. 3. Оп. 106. № 49. Л. 2–2 об.

²¹ Там же. Ф. 3. Оп. 10а. № 35. Л. 2 об.

²² «По объявлению тамошних обывателей». Там же. № 174. Л. 2 об.

²³ Там же. Ф. 3. Оп. 106. № 49. Л. 4.

²⁴ Там же. № 151. Л. 2 об.

²⁵ Там же. № 49. Л. 4.

²⁶ Там же. № 151. Л. 2 об–3.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. № 57.

²⁹ Там же. Ф. 3. Оп. 10а. № 1. Л. 6 об.

³⁰ Там же. Ф. 3. Оп. 106. № 137. Л. 10 об.

ее выяснить. Молчание по отношению к «историческим» вопросам анкеты выглядит особенно красноречивым на фоне обстоятельных ответов на вопросы из области географии и экономики. Очевидно, что знание городской истории канцеляристы не считали обязательным и ценным. Память о происхождении местных святынь, основании храмов и монастырей заметно преобладала над знанием светской истории.

1. *Бакместер Л.* Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. СПб., 1771–1774, Т. 1. Ч. 1–4.
2. *Греков Б.Д.* Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII века // Летопись занятий Археографической комиссии за 1927–1928 годы. Л., 1929. Вып. 35.
3. *Илизаров С.С.* Анкеты XVIII в. как источник по историографии города // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978.
4. Описание г. Киева, составленное Киевской губернской канцелярией в 1760 г. // Исторические материалы из архива Киевского губернского правления. Киев, 1888. Вып. 3.
5. *Рубинштейн Н.Л.* Топографические описания наместничеств и губерний XVIII века – памятник географического и экономического изучения России // Вопросы географии. 1953. Вып. 31.

Д.В. Лисейцев¹

Расходы Московского государства на оборонные нужды в порубежных уездах в 1620–1650 гг. (по приходу-расходным книгам Разрядного приказа)

Государственный бюджет Московского царства; XVII в.; оборонные расходы.

Приходо-расходные книги Разрядного приказа как исторический источник имеют высокую ценность. В статье с опорой на этот источник рассматривается вопрос о затратах Московского государства на оборонные нужды в первой половине XVII в.

По завершении Смутного времени одной из основных задач, стоявших перед Московским государством, стало восстановление экономики, разрушенной в ходе длительной гражданской войны. Между тем внешнеполитическая ситуация, сложившаяся к началу 1620-х гг., отличалась неопределенностью. Деулинское перемирие 1618 г. не устраивало в полной мере ни Московское государство, ни Речь Посполитую. Эта неопределенность грозила в любой момент привести к возобновлению военных действий. Напряженным оставалось и положение на южных рубежах, постоянно находившихся перед лицом угрозы вторжения крымских отрядов. Поэтому к числу первоочередных проблем, стоявших на повестке дня московского правительства, относилось обеспечение обороноспособности приграничных городов и уездов – строительство укреплений и организация выплаты жалования служилым людям.

Значительная часть соответствующих расходов осуществлялась при непосредственном участии главного военного ведомства Московского государства – Разрядного приказа. При этом сам Разряд располагал относи-

¹ Лисейцев Дмитрий Владимирович, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), д.и.н., Liseitsev@mail.ru.

тельно скромными денежными ресурсами, которые складывались к началу 1620-х гг. главным образом из кабацких, таможенных и оброчных сборов с Белгорода, Валуйки, Воронежа, Ельца, Курска, Оскола, Ливен и Лебедяни. Они составляли на тот момент около 4–5 тыс. руб., а к середине XVII в. – около 7–8 тыс. руб. Этих денег вполне хватало на обеспечение собственных нужд Разрядного приказа (уплату жалования персоналу, закупку канцелярских принадлежностей, дров, свечей и т.д.), но их было совершенно недостаточно для уплаты жалования ратным людям порубежных городов. Поэтому Разрядный приказ постоянно обращался в другие, более «богатые» деньгами приказы с памятями о присылке денег на уплату жалования и закупку хлеба служилым людям порубежных уездов. Поступления этих довольно крупных сумм, равно как и их расходование, фиксировались в приходо-расходных книгах Разрядного приказа. Этот ценный источник, к сожалению, до настоящего времени почти не привлекал внимания исследователей. Исключением являются работы А.И. Раздорского, показавшего информативную значимость приходо-расходных книг Разряда на примере исследований по истории кабацкого и таможенного дела [4; 5]. Благодаря высокой сохранности документов Разрядного приказа мы имеем возможность оценить, во что ежегодно обходилось Московскому государству поддержание обороноспособности на границах.

Приходо-расходные книги Разрядного приказа позволяют проследить динамику расходов на нужды обороны западных и южных рубежей Московского государства по завершении эпохи Смуты. В начале 1620-х гг. Разрядному приказу приходилось привлекать для этих целей от 32 до 45 тыс. руб. в год. В середине – второй половине 1620-х гг. объем запрашиваемых Разрядным приказом средств заметно сократился – до 19–27 тыс. руб. Главным образом, это стало возможным за счет восстановления экономической ситуации на северо-западе страны – к середине 1620-х гг. Разрядный приказ перестал запрашивать деньги на жалование служилым людям Новгорода Великого и Пскова, которые обеспечивались теперь деньгами за счет местных средств. Расходы на жалование ратным людям пограничных уездов выросли до 34 тыс. руб. в год начала Смоленской войны (1631/32) и заметно упали после ее завершения – в 1634/35 г. Разрядный приказ перенаправил на эти нужды меньше 15 тыс. руб. Это абсолютный минимум за весь рассмотренный промежуток времени (вероятно, сказывался порожденный Смоленской войной экономический кризис). На вторую половину 1630-х – начало 1640-х гг. пришлось существенное увеличение расходов на оборонные нужды (в среднем ежегодно на них расходовалось 50 тыс. руб.). Причиной этому стало обострение военно-политической ситуации на южных рубежах, спровоцированное захватом донскими казаками турецкой крепости Азов в устье Дона (т.н. «Азовское осадное сидение»). На протяжении этих лет на южной границе спешно приводились в порядок и строились новые крепости, сложившиеся в итоге в Белгородскую черту, быстро росло количество служилых людей в «польских городах». После завершения острой фазы кризиса

расходы на оборону приграничных уездов остались высокими, составляя в разные годы от 36 до 50 тыс. руб.

Заслуживает анализа также вопрос о распределении вышеназванных сумм по стратегическим направлениям. В первые годы по завершении Смуты наибольшая часть средств (более половины) уходила в города «от литовской и немецкой украины». Существенными были и суммы, отправляемые в северские города (Брянск, Севск, Рылск, Путивль). На их фоне совершенно незначительными (от 2,5 до 3 тыс. руб.) выглядят средства, которые посылались из Москвы в «польские города», прикрывавшие центральные уезды страны от нападений с юга. С середины 1620-х гг., однако, картина стала меняться: Разрядный приказ стал запрашивать для западных и северо-западных городов относительно небольшие суммы. Надо полагать, связано это было с улучшением экономического фона – кабацких, таможенных и четвертных доходов Великого Новгорода и Пскова с пригородами, Торопца, Великих Лук и Вязьмы стало хватать на покрытие большей части оборонных нужд соответствующих уездов. Похожей была ситуация и в северских городах – достигнув своего максимума (около 17 тыс. руб.) к концу 1620-х гг., присылаемые из Москвы деньги на оборонные нужды региона ни разу до середины XVII в. этого уровня не превзошли, в отдельные годы падая до половины и даже трети этой суммы. И, наконец, с конца 1620-х гг. наблюдается постоянный рост затрат на нужды «польских городов». В максимуме во время «азовского осадного сидения» они выросли почти до 52 тыс. рублей. Данная динамика позволяет проследить постепенную смену главного вектора внешнеполитических и военных усилий Московского государства с западного (польско-литовского) на южное (крымское) направление.

Отдельно стоит рассмотреть два эпизода, отразившихся в документации Разрядного приказа. Приходо-расходная книга 1636/37 г. показывает существенное – более чем в два раза в сравнении с 1634/35 г. – увеличение оборонных расходов Московского государства (32 тыс. руб.). Почти 85 % из них – свыше 27 тыс. руб. – Разрядный приказ направил на жалование служилым людям «польских городов». Это как минимум вдвое (если не вчетверо) больше, чем тратилось на этом стратегическом направлении в предыдущие годы. На первый взгляд, ничего неожиданного в этом нет – взятие донскими казаками Азова в 1637 г. привело к конфронтации между Московским государством и Османской империей [1], и укрепление южных рубежей страны в этих условиях выглядит вполне нормальной реакцией на изменившиеся внешнеполитические обстоятельства. Однако подробное рассмотрение приходо-расходной книги Разряда позволяет заметить, что большая часть денег (почти 16 тыс. руб.) была запрошена из других приказов не только до взятия казаками турецкой крепости (июнь 1637 г.), но даже и до начала ее осады (21 апреля)².

Второй любопытный для анализа момент имел место в 1647/48 г. В том году мы наблюдаем совершенно аномальный всплеск «щедрости» столичных властей в отношении служилых людей приграничных уездов – Разрядный приказ направил туда более 130 тыс. руб. Это более чем вдвое

² РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-ж. Кн. 91. Л. 177–184.

превышает расходы на оборонные нужды в сравнении с «рекордным» в этом отношении 1639/40 г., когда служилым людям порубежных уездов было отправлено свыше 56 тыс. руб. Секрет такой «щедрости» прост – власть была напугана серией народных восстаний, начавшихся Соляным бунтом в Москве и в июне 1648 г. и прокатившихся затем по городам страны, в том числе и на южных рубежах (в Воронеже, Ельце, Козлове и Курске). Автор новейшей работы по истории этих восстаний Д.А. Ляпин отметил быстротечность событий, отсутствие у восставших внятной программы действий, сводившихся в основном к запугиванию местной власти, грабежам и разбоям [2]. Вероятно, на местах это выглядело именно так. Но столичные власти, напуганные разгулом социальной стихии во время Соляного бунта, пугались в тот момент любых проявлений непокорности со стороны провинциальных служилых людей. Результатом стала выплата служилым людям «польских городов» небывало крупных денежных сумм – почти 113 тыс. руб., причем огромная часть этих денег (93 752 руб.) поступила в Разрядный приказ из приказа Большой казны в промежуток времени между 12 июля и 30 августа 1648 г., т.е. уже после того, как в Москве были получены сведения о беспорядках в южнорусских городах³.

Подводя итог отмечу, что неплохо сохранившийся комплекс прихода-расходных книг Разрядного приказа содержит массу ценных сведений, которые могут оказать существенную помощь в деле реконструкции истории бюджета Московского государства, равно как и истории военной организации России XVII столетия.

Приложение. Денежные средства, отправленные из Разрядного приказа в пограничные уезды Московского государства в 1619/20–1649/50 гг.⁴

Год	«Польские Города»	«Северские Города»	«Города от литовской и немецкой укранны»	Всего
1619/20	2 500 руб.	11 305 руб.	23 431 руб. 85 коп. 1 д.	37 236 руб. 85 коп. 1 д.
1620/21	2 412 руб. 50 коп.	14 469 руб. 49 коп. 1 д.	27 704 руб. 1 коп. 1 д.	44 586 руб. 1 коп.
1621/22	–	15 208 руб. 62 коп. 1 д.	17 076 руб. 57 коп. 0,5 д.	32 285 руб. 19 коп. 1,5 д.
1624/25	2 996 руб. 50 коп.	14 100 руб.	2 000 руб.	18 996 руб. 50 коп.
1628/29	9 597 руб.	17 317 руб. 32 коп.		26 914 руб. 32 коп.
1631/32	13 800 руб.	14 193 руб.	6 916 руб.	34 909 руб.
1634/35	6 154 руб. 50 коп.	5 007 руб. 44 коп.	3 726 руб. 12 коп.	14 888 руб. 6 коп.

³ Там же. Кн. 306. Л. 183 об.–185 об.

⁴ Таблица составлена по материалам прихода-расходных книг Разрядного приказа: РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-ж. Кн. 77, 80, 86, 91, 276, 282, 289, 292, 293, 297, 302, 304–306; см. также: [3, с. 167–242].

1636/37	27 225 руб. 64 коп.	2 668 руб. 84 коп.	2 290 руб. 26 коп.	32 184 руб. 74 коп.
1638/39	36 585 руб. 73 коп.	9 977 руб. 84 коп.	1 090 руб. 68 коп.	47 754 руб. 25 коп.
1639/40	51 851 руб. 2 коп. 1 д.	5 248 руб. 6 коп.	500 руб.	56 599 руб. 8 коп. 1 д.
1640/41	42 113 руб. 90 коп.	5 525 руб. 4 коп.	440 руб.	48 078 руб. 94 коп.
1643/44	28 182 руб. 55 коп.	7 361 руб. 64 коп.	1 020 руб.	36 564 руб. 19 коп.
1645/46	21 782 руб. 70 коп.	14 638 руб. 88 коп.	–	36 421 руб. 58 коп.
1646/47	41 254 руб. 87 коп.	9 516 руб. 95 коп.	990 руб.	51 761 руб. 82 коп.
1647/48	112 700 руб. 62 коп.	17 182 руб.	963 руб.	130 845 руб. 62 коп.
1649/50	39 611 руб. 65 коп. 1 д.	?	468 руб.	42 529 руб. 65 коп. 1 д.

1. *Куц О.Ю.* Донское казачество времени Азовской эпопеи и 40-х гг. XVII в.: политическая и военная история. М., 2014.
2. *Ляпин Д.А.* К вопросу о «городских восстаниях» в России в середине XVII в. // *Российская история.* 2010. № 4.
3. Приходо-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. М., 1983.
4. *Раздорский А.И.* Головство и откуп. Очерки из истории таможенного и кабацкого дела на юге и западе европейской России в XVII веке (по материалам приходо-расходных книг московских приказов и городских таможенных и кабацких книг). М., 2017.
5. *Раздорский А.И.* Приходо-расходные книги Разрядного приказа XVII – начала XVIII в. как источник по истории торговли, купечества и таможенного дела // *Вестник архивиста.* 2011. № 3.

С.С. Порохина¹

Структура доходов государевой казны в Вологде в 1620–40-е гг.²

Феодалный город; система налогообложения; структура бюджета.

Статья посвящена изучению структуры государственных доходов в Вологде в 1620–40-е гг. Предложена их классификация и динамика на протяжении указанного периода. Рассмотрены основные статьи доходов вологодского бюджета и их соотношение.

В XVII в. важнейшим объектом государственной финансовой политики, обеспечивавшим формирование казны, был феодалный город. Именно там находились все административно-финансовые учреждения: приказная, таможенная, кабацкая избы. Вологда с уездом в XVII в. стала одним из крупнейших торгово-промышленных и административных цен-

¹ Порохина Светлана Сергеевна Порохина, Вологодский государственный университет (РФ, Вологда), porokhina.sv@mail.ru.

² Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ – грант № 18–09–00350–а «Сметные списки городов Русского Севера XVII в.: исследования и тексты».

тров не только Русского Севера, но и всего государства. Город стал связующим звеном основных историко-экономических районов страны – Центра, Поморья и Сибири, а также крупным транзитным пунктом в торгово-экономических связях России и Западной Европы.

Основным источником, дающим рассмотреть структуру доходов государевой казны во всей полноте, являются вологодские сметные списки 1627/28, 1628/29, 1633/34, 1643/44 и 1644/45 гг.³ Они представляют собой бюджетные росписи на каждый финансовый год и дают информацию о статьях бюджета, размерах оклада, реальном сборе налогов. Данный комплекс документов хранится в РГАДА в фонде «Городовые и боярские книги» в составе материалов финансового делопроизводства Новгородской четверти, которая ведала сбором государственных налогов и управлением ряда северных городов в том числе и Вологдой [1].

Терминология системы налогообложения в XVII в. была, по мнению А.С. Лаппо-Данилевского, «довольно спутана». По его мнению, это происходило потому, что один и тот же налог иногда рассматривался с разных точек зрения и поэтому назывался разными именами, или же, наоборот, под одним термином скрывались не только разные взгляды на один и тот же круг явлений, но и различное понимание принципиально различных данных.

В основу классификации налогов не было положено единого принципа, их в одно и то же время действовало несколько, поэтому эта классификация была несовершенна [3].

Однако в сметных списках все доходы государевой казны разделены на две большие группы, имеющие свои особенности начисления и сбора: окладные, неокладные. Первая группа – это точно регламентированные по номенклатуре и размеру налоги. Как правило, они начислялись в соответствии с результатами сбора прошлого года. Если реальный сбор на текущий год был больше оклада – на следующий год налог повышался, если меньше – понижался. К этой группе относился сошный оклад, кабацкая прибыль и таможенные пошлины, а также мелкие оброчные статьи.

Неокладные доходы представлены различными пошлинами – с судебных дел и подписных наказов, купчих на дворы, лавки и сенокосы, приставных памятей и др.

Существовали и, так называемые, новоприбылые доходы, к ним относились оброчные платежи с новых объектов налогообложения или увеличение налога на старые оброчные угодья [5]. Чаще всего они включались в состав окладных доходов, поэтому в отдельную группу не выделялись.

Сошный оклад представлял собой поземельный налог и взимался с тяглого населения посада и уезда. Платежи с оброчных дворовых, лавочных мест и хозяйственных угодий были отдельными статьями сошного оклада.

³ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 16. Ч. 1. Л. 375–454 об.; Новгород 18. Ч. 1. Л. 401–490; Новгород 22. Л. 73–88; Новгород 29. Л. 57–70 об.; Новгород 30. Л. 54–71; Новгород 31. Л. 309–386.

Так, сошный оклад с посада Вологды на 1644/45 г. составлял «соху и пол-полчети сохи», что в денежном выражении равнялось 199,33 руб. В эту сумму входил большой перечень мелких налогов и сборов, а именно – за наместничь доход, данные, пищальные и полоняничные деньги, ямским охотником на подмогу и на прогоны, оброк и пошлины за «бобры и за горностаи», судовые и меховые пошлины, поголовные деньги и др.⁴

В их число входили и оброки с торгово-промышленных заведений посадских людей. В конце 20-х гг. XVII в. эти сборы исчислялись отдельной статьёй. В 1627/28 г. «с Вологды ж с посаду с лавок и с анбаров и с полков и с шалашей и с харчевых избушек» было собрано оброчных денег 43,81 руб.⁵, при этом размер сошного оклада посада составлял 94,51 руб.⁶

В целом, за первую половину XVII в. динамика сошного оклада представлена в Табл. 1.

Табл. 1. Динамика сошного оклада в первой половине XVII в. (руб.)

Год	Оклад	Сбор
1627/28	1146,28	1192,40
1629/30	1192,40	1192,24
1633/34	824,74	619,52
1643/44	1425,44	1486,65
1644/45	1429,93	1670,77

Составлено по: РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 16. Ч. 1. Л. 375–454 об.; Новгород 18. Ч. 1. Л. 401–490; Новгород 22. Л. 73–88; Новгород 29. Л. 57–70 об.; Новгород 30. Л. 54–71; Новгород 31. Л. 309–386.

Основная доля сошного оклада собиралась с Вологодского уезда. На 1627/28 г. она составляла 1007,96 руб. из 1146,28 руб. или 88 %.

Как мы видим, размер сошного оклада оставался стабильным, его незначительное увеличение шло за счет «новоприбылых оброчных платежей». Уплата сошного оклада в 1620–40-е гг. не вызывала особых затруднений для тяглого населения, недоимок практически не было. Исключением стал только 1633/34 г., когда размер сошного оклада в сметном списке значительно меньше, а недобор составил 205,22 руб. Причин, по которым сложилась такая ситуация, сметные списки не называют.

Таможенные доходы составляли значительную часть в структуре государственных доходов. Этот налог охватывал всю внутреннюю торговлю и взимался в городских и уездных таможах с провозимых и продаваемых товаров.

В таможе платили пошлины приезжие купцы, и те, кто уезжал торговать в другое место. Основными видами пошлин были «мыт» – с провоза товаров и «тамга» – с торговых сделок. Если кто-то хотел обойти таможеню, вел торговлю без уплаты пошлин – наказывался особыми штрафами – «протаможьем» или «промытом». Эти штрафы были фиксированы и налагались вне зависимости от стоимости товара [2].

Сбор таможенных пошлин организовывал таможенный голова, который назначался из Москвы или выбирался из посадского населения спо-

⁴ Там же. Новгород 31. Л. 312–312 об.

⁵ Там же. Новгород 16. Ч. 1. Л. 378 об.

⁶ Там же. Л. 378.

ком на 1 год. Функциями головы были оборудование таможи, осмотр и оценка товаров, сбор пошлин, учреждение застав по уезду. В помощь голове выбирались ларечный, а также целовальники, которые занимались непосредственно досмотром и сбором пошлин. Общий размер таможенных доходов за первую половину XVII в. представлен в Табл. 2.

Табл. 2. Динамика таможенных доходов в первой половине XVII в. (руб.)

Год	Оклад	Сбор
1627/28	5555,67	5813,35
1629/30	5813,11	5923,13
1633/34	7576,57	7722,61
1643/44	10 878,61	10 902,14
1644/45	10 902,14	13 066,67

Составлено по: РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 16. Ч. 1. Л. 375–454 об.; Новгород 18. Ч. 1. Л. 401–490; Новгород 22. Л. 73–88; Новгород 29. Л. 57–70 об.; Новгород 30. Л. 54–71; Новгород 31. Л. 309–386.

Таможи находились в Вологде и Шуйском городке. Оклад определялся на каждую таможенную отдельно и на вологодской таможне был намного выше, чем на шуйской. Например, 1627/28 г. оклад таможен составлял 5555,67 руб., из которых размер доходов шуйской таможни был всего 17,15 руб.⁷ Это соотношение оставалось примерно одинаковым до середины XVII в. – в 1643/44 г. сумма таможенных доходов в Вологде составляла 10 878, 61 руб., в Шуйском городке – 42,30 руб.⁸

На протяжении второй четверти XVII в. объем таможенных доходов постоянно возрастал, и каждый год реальный сбор превышал оклад. Так, в 1627/28 г. оклад вологодских таможен составлял 5555,67 руб., а сбор – 5813,35 руб., в середине 40-х гг. оклад уже равняется 10 902,14 р., а сбор – 13 066,67 руб.

Второе место по объему сборов в структуре вологодских доходов занимала кабацкая прибыль. Сбором ее ведала кабацкая изба. Этот налог собирался целовальниками, контроль осуществлял кабацкий голова. В 1620–40-е гг. в Вологде было 7 кабаков, которые располагались в разных частях города: два в пределах крепости, третий на посаде за Пятницкими воротами, четвертый на старой Торговой площади, пятый в Новинках, шестой на Ленивой площадке, седьмой за рекой на Дмитриевском берегу [4]. На протяжении второй четверти XVII в. кабацкая прибыль увеличивается также за счет расширения их числа за пределы города. В сметном списке 1644/45 г. упоминаются кабаки на Обнорском яму (в откупе за Ивашкой Тюком с 1639/40 г. на пять лет)⁹ и Шуйском городке.

Табл. 3. Динамика кабацкой прибыли в первой половине XVII в. (руб.)

Год	Оклад	Сбор
1627/28	4734,22	5036,07
1629/30	5036,07	5133,02
1633/34	6770,15	5790,15

⁷ Там же. Л. 382.

⁸ Там же. Новгород 28. Л. 114.

⁹ Там же. Новгород 31. Л. 318 об.

1643/44	10036,82	9135,27
1644/45	9143,27	8032,57

Составлено по: РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 16. Ч. 1. Л. 375–454 об.; Новгород 18. Ч. 1. Л. 401–490; Новгород 22. Л. 73–88; Новгород 29. Л. 57–70 об.; Новгород 30. Л. 54–71; Новгород 31. Л. 309–386.

Основной доход приносили вологодские кабаки, масштабы деятельности уездных по сравнению с ними не так значительны. Так, годовой откуп Обнорского кабака составлял 105 руб. в год¹⁰, оклад Шуйского – 389,30 руб.¹¹, в то время как общий кабацкий оклад равнялся 9143,27 руб.

Последняя статья вологодских доходов – неокладные сборы. Их размер в сравнении с окладными доходами незначителен. К примеру, в 1628/29 г. общая сумма сбора неокладных доходов составляла 219,58 руб. или менее 1 % от общего сбора вологодских доходов. В 1644/45 г. ситуация аналогична, при сумме сборов окладных доходов в размере 22 770,02 руб.¹², неокладные доходы составляют всего 222,95 руб.¹³

Табл. 4. Динамика неокладных доходов в первой половине XVII в. (руб.)

Год	Оклад	Сбор
1627/28	209,05	138,66
1629/30	138,66	219,58
1633/34	120,70	132,92
1643/44	213,06	222,95
1644/45	222,95	226,89

Составлено по: РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 16. Ч. 1. Л. 375–454 об.; Новгород 18. Ч. 1. Л. 401–490; Новгород 22. Л. 73–88; Новгород 29. Л. 57–70 об.; Новгород 30. Л. 54–71; Новгород 31. Л. 309–386.

Вологда, как административно-финансовая единица в системе формирования государственных доходов, занимала важное место. Из северных городов она была на втором месте, после Архангельска, по объему доходов, поступающих в государственную казну. Структура доходов в первой половине XVII в. была устойчива. Основными статьями доходов в Вологде, как и в других крупных торгово-промышленных городах Русского Севера, являлись таможенные пошлины (город располагался на важнейших торговых путях: Московской дороге и Сухоно-Двинском водном пути) и кабацкая прибыль. Вологодские таможи и кабаки обеспечивали не менее 90 % денежных поступлений в казну.

1. Книги Московских приказов в фондах ЦГАДА / Под ред. Л.В. Черепнина. М., 1972.
2. Кондратьева С.К. Налоговое обложение посадских людей юга России в XVII в. // Сборник материалов Второй международной научной конференции. Курск, 2009.
3. Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890.
4. Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII в.: Т. 3. / Сост.,

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Новгород 28. Л. 123.

¹² Там же. Новгород 18. Ч. 1. Л. 401–490.

¹³ Там же. Новгород 31. Л. 309–386.

- ред. И.В. Пугач. Вологда, 2018.
5. Пугач И.В. Бюджет Вологды в середине XVII в. // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства. Вологда, 2012.

М.Б. Булгаков¹

Белозерский рыбный двор во второй половине XVII века

Государево хозяйство; рыбный двор; служебно-профессиональный функционал. Актуальность выбранной темы определяется относительной малоизученностью затрагиваемых в публикации вопросов, посвященных составу и функционалу персонала белозерского рыбного двора во второй половине XVII в.

Значение рыболовства в жизни российского социума во все времена было очень велико и причиной тому были и религиозные, и народные традиции. Царский стол, разумеется, всегда изобиловал различной деликатесной рыбой, которая доставлялась в Москву из разных мест, где находились дворцовые рыболовы. Так лучшая семга привозилась из Холмогор и Каргополя, свежие и паровые сельди – из Ростова Великого, Переславля-Залесского и Галича, севрюга, белуга и осетры – из городов средней и нижней Волги, ценная шекснинская стерлядь – из Белоозера и т.д. [6, с. 132].

Контроль за деятельностью дворцовых рыболовов в городах и подгородных дворцовых слободах осуществлял непосредственно воевода, а в других поселениях – специальный приказчик, назначаемый из Приказа Большого Дворца [5; 17, с. 167]. При большом рыболовецком хозяйстве какого-либо города организацией рыбной ловли на государев обиход занимался специальный рыбный государев двор, подчинявшийся Дворцу, но работающий под контролем местного воеводы. О таких дворах есть упоминания в отечественной литературе. Так, симбирский рыбный двор отмечен у А.Н. Зерцалова, белозерский двор – у Н.И. Костомарова, юрьев-повольский двор – у М.Б. Булгакова, белоярский двор – у Э.Л. Дубмана [14, с. 255–260; 16, с. 245; 8, с. 235–236; 13, с. 121].

В настоящей статье рассматривается состав и функционал персонала белозерского рыбного двора по организации рыболовного промысла по сезонам и доставки пойманной рыбы в Москву на государев обиход. Отметим, что о белозерском рыболовном промысле и о деятельности рыбного двора в XVII в. существуют публикации, которые, однако, носят общий характер и не отражают отдельные существенные моменты функционирования этого учреждения и его роли в системе многофункционального дворцового хозяйства [23; 24; 2; 3; 7; 19].

Основными источниками для данного исследования послужили документы писцового делопроизводства XVII в. и документация архива белозерского рыбного двора за вторую половину XVII в., когда в 1665 г. Белоозеро с уездом был переведен из ведомства Галичской четверти в ведомство Приказа Большого Дворца [10, с. 22]². С этого момента Приказ

¹ Булгаков Михаил Борисович (РФ, Москва), д.и.н., vrubel14@yandex.ru.

² Отметим, что эта выписка была не из писцовых книг, как указал публикатор

Большого Дворца усилил внимание к работе Белозерского рыбного двора и вся его делопроизводственная документация ежегодно стала отправляться в Москву, а на месте оставались только черновики и списки некоторых документов, в числе которых были: 1) росписи двора при смене воевод; 2) росписи двора при передаче его от воевод к начальным людям двора, полностью аналогичные записям воеводских передаточных росписей; 3) приходно-расходные книги «рыбной и денежной казны» заведения; 4) записные книги и тетради приема оброчной рыбы от рыбаков по сезонам лова; 5) записные книги государевых грамот и указов из Приказа Большого Дворца; 6) книги записей по делам о рыбной ловле; 7) именные росписи подьячих и целовальников двора; 9) именные росписи стрельцов, солдат и полоняников, «которые в россылке ходят». В приходно-расходных книгах упоминаются еще некоторые документы, составляемые администрацией двора, такие как подрядные записи на изготовление мастерами-крестьянами прорезных судов (стругов), в которых перевозилась живая рыба, и на изготовление железных скоб для этих судов, также упоминаются «доимочные книги сбора денег с сошных людей Белозерского уезда на расход рыбного двора». Годовые суммы сбора таких денег (полные или с небодором) фиксировались в ежегодных приходно-расходных книгах.

Все эти перечисленные документы в относительно хорошей сохранности дошли до нашего времени в составе фонда Белозерского рыбного двора РГАДА (Ф. 1199. Оп. 1).

Природные условия Белозерского края благоприятствовали местному населению заниматься рыболовством. Белое озеро, простиравшееся в длину на 50 верст и в ширину на 40 верст, глубиной до 3 сажень и принимавшее в себя 25 рек и выпускавшее одну полноводную р. Шексну, изобиловало рыбой. В нем водилось более 30 пород рыб [18, с. 8]. Еще в XVI в. С. Герберштейн отмечал, «что рыба, зайдя с Волги в Шексну и в Белое озеро, становится лучше» [11, с. 123].

Рыболовством в XVII в., как и в предыдущем веке, занимались многие волостные крестьяне и посадские люди-белозерцы. Среди горожан этот промысел был самым распространенным. До 1675 г. 36 посадских дворовладельцев входили в разряд «записных рыбных ловцов», которые ловили рыбу на государев обиход. Они были освобождены от тяглых податей и служб и подчинялись местному дворцовому учреждению – белозерскому рыбному двору. Однако, по государеву указу Алексея Михайловича и по грамоте из Приказа Большого Дворца этим «записным рыбным ловцам велено быть попрежнему в посаде и государевы службы служить и доходы платить с посадскими людьми» [10, с. 22]. Такое решение правительства было вызвано стремлением увеличить налоговые поступления в государственную казну и тем, что рыбакам, крестьянам и горожанам, непременно вменялось в обязанность по определенной норме ловить рыбу «на государя». Чтобы стимулировать эффективность ловецкого промысла (сверхоброчная белая (частиковая) и мелкая красная рыба – оставалась у ловцов), еще по государеву указу Михаила Федоровича посадские

источника Ю.С. Васильев, а из переписной книги 1675–1676 гг.

рыболовы при продаже в городе и на рыбных пристанях уезда рыбы не облагались таможенной пошлиной³.

Регламентация и правила рыбной ловли на государев обиход, выработанные ко второй половине XVII в. администрацией рыбного двора и утвержденные Приказом Большого Дворца, были подробно описаны в 1675–1676 гг. стольником Н.К. Торокановым и подьячим И. Пигиным в переписной книге г. Белоозера [10, с. 24–26].

Интересно, что переписчик города Н.К. Тороканов был в это время воеводой Белоозера и, контролируя работу рыбного двора, хорошо знал его традиции и порядки [10, с. 22]. В писцовых книгах XVI – начала XVII вв. многие дворцовые волости прямо названы езовыми волостями, от слова «ез» – частокол, плетень поперек реки, преграда для хода рыбы, место, где производился ее отлов [15; 4; 20].

Такое обширное рыболовецкое хозяйство уезда требовало централизованного управления, и можно определенно предположить, что в городе в конце XVI в. и, возможно, несколько раньше, уже функционировал специальный рыбный двор. Так, в дозорной книге г. Белоозера 7126 г. (1617–1618 гг.) Г.И. Квашнина и подьячего П. Дементьева «на посаде в Жукове и Логинове сороку», близ пустого места церкви Живоначальные Троицы отмечено пустое место государева рыбного двора, «на который двор привозили рыбу на государев обиход рыболове» [12, с. 59]. Рыбный двор стоял на этом месте, очевидно, до «морового поветрия» 1590 г. или до 1612 г. – времени погромов Белоозера литовскими людьми [1, с. 232; 9, с. 60–61]. Эта же дозорная книга 1617/18 гг. отмечает, что действующий рыбный двор стоял уже на новом месте – «в Петровском сороку под Андреевской улицей» – «на берегу двор государев рыбный, привозят рыбу на государев обиход рыболове, живут приказные люди, а наперед сего места было Кирилловское Евтихеива да место было Ларинское Александрова» [12, с. 66]. Из текста источника видно, что рыбный двор был вновь построен на двух пустых дворовых местах (выжженных литовцами в 1612 г.) посадских людей, «которые были убиты или сошли безвестно» [17, с. 67].

Во второй половине XVII в. белозерский рыбный двор представлял собой сложное специализированное хозяйственное заведение дворцового комплекса, связанное с организацией круглогодичного рыболовного промысла, хранением, переработкой и доставкой во Дворец выловленной рыбы. Персонал заведения состоял из «начального человека» – приказчика, назначаемого из местных дворян-помещиков приказом Большого Дворца. Руководить рыбным двором считалось государственной службой, которая у приказного человека могла продолжаться непрерывно несколько лет. По переписи 1675–1676 гг. стольника Н.К. Тороканова и подьячего И. Пигина возле «государева рыбного двора, где на обиход великого государя собирают оброчную рыбу и денежную казну» стоял «двор рыбного двора начальных людей» [10, с. 22]. Отсюда видно, что местный дворянин, определенный на службу на Рыбном дворе, чтобы не ездить каждый день из своего поместья в город, жил в особом дворе возле места своей службы. Так, в конце 60–80-х гг. XVII в. начальным че-

³ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Приказные дела новой разборки. № 182. Л. 4.

ловеком Белозерского рыбного двора был сначала Иван, а затем его брат Петр Моложенинов⁴. Иван Моложенинов дозорной книгой 1617/18 г. назван «смолянином Озадской волости Белозерского уезда». Он владел в городе осадным двором [12, с. 45].

Воеводский росписной список 1674 г. более подробно говорит о дворе начального человека – «на дворе Рыбного двора начального человека горница с комнатою на подклете... перед горницей сени, у сеней двои двери на железных крюках, у пяти окошек затворы, в сенях же две лавки, из сеней на землю лесница с рындиком и покрыта дранью и скалами... горница малая на жилом подклете ветха, жить в ней нельзя, изба ветхая с чюланом, а в ней печь кирпичная, перед избою сени, в сенях чюлан дощаной, перед сенями крыльцо ветхо да повалуша ветхая, под повалушей анбар с закромы... и с той избы и с сеней и с повалуши кровлю ветром разнесло и жить в них нельзя, конюшно, а наверху сеновня, а в нем пять стойл да чюлан, у конюшне и у чюлана двери на крюках и покрыты дранью, два хлева, наверху сеновня... баня с камнями и с дымоволочной деревянной трубою»⁵. Перед этим жилым двором начального человека и перед рыбным двором «от озерной большой воды» была построена земляная плотина «длиною 2,5 саж., поперек 4 саж., и в иных местах и 2,5 саж. и в этой плотине водою во многих местех землю розмыло и рознесло»⁶.

В подчинении у начального человека рыбного двора находились два подьячих, работающих по найму. Они могли быть из любого сословия – из крестьян, посадских людей, детей боярских. Они должны быть грамотными и знать приказное делопроизводство. В источниках их «чин» указывался редко, а размер оплаты вовсе не указывался. Они вели канцелярскую работу: составляли расходно-приходные книги рыбы и денежной казны, росписи отпускной рыбы во Дворец по ее породам, размеру и весу, записывали в книги распоряжения и указы из приказа Большого Дворца и делали росписи ловецкого инвентаря, имущества и строений городского рыбного двора и его филиалов на рыбных пристанях уезда. Все эти книги и росписи они составляли по черновым записям целовальников, а отписки во Дворец писали по распоряжению начального человека. В 1686 г. подьячим рыбного двора назван белозерец посадский человек Иван Пилигин⁷, а в 1688–89 гг. подьячими были братья Федор и Иван Рогачевы, но их «чин» в источнике не назван⁸. Обратив внимание, что перепись 1675–76 гг. определяет двор рыбного двора начальных людей уже как «двор на приезд» и отмечает, что «дворы и места дворовые Рыбного двора подьячих» [10, с. 22], можно предположить, что начальные люди постоянно уже не жили в этом дворе, а только иногда «наезжали» туда, и что у подьячих были какие-то жилые помещения на Рыбном дворе.

Для службы на Рыбном дворе ежегодно, преимущественно из белозерцев посадских людей выбиралось по пять человек в целовальники, ко-

⁴ Там же. Ф. 1599. Оп. 1. Белозерский рыбный двор. № 367. Л. 2 об., 26–26 об.

⁵ Там же. Л. 14 об–15 об.

⁶ Там же. Л. 14 об.

⁷ Там же. № 367. Л. 26.

⁸ Там же. Л. 26 об.

торые работали под руководством начального человека [8, с. 236]. Целовальники обеспечивали рыболовов лодками, лодочными парусами, якорями, ловецким инвентарем (снастями), принимали у них выловленную оброчную рыбу на белозерском рыбном дворе и на пристанях уезда, собирали с них оброчные деньги и деньги за недоловленную рыбу, покупали для них соль, тчаны и бочки для засолки рыбы, а для ремонта и устройства езов и рыбных садов покупали строительный материал: бревна, доски, жерди, осяджи, гвозди и нанимали плотников, принимали у подрядчиков-мастеров изготовленные прорезные струги, сопровождали эти струги с живой рыбой до Дмитрова, а оттуда на подводах до Москвы, составляли черновые росписи оборудования и инвентаря в хозяйственных строениях рыбного двора и рыбных пристаней и несли материальную ответственность за имущество и продукцию государева заведения. Отсюда следует, что вся текущая, рутинная работа по организации рыболовецкого промысла и доставки рыбы во Дворец и ответственность за четкое функционирование заведения лежала на плечах выборных целовальников. Эта безвозмездная служба была их тягловой повинностью, и она традиционно закреплялась за определенными семействами тяглецов – специалистов этой службы, что учитывалось посадским миром при выборах тяглецов на очередные службы, обычно через каждые 5–7 лет.

Таких же «узких» специалистов выбирали и для других служб, например, в целовальники на житные дворы, в таможни, в кабаки и т.д. Всего же во второй половине XVII в. на белозерском рыбном дворе отмечено свыше 10 целовальников из числа семейств посадских тяглецов. Так, в феврале 1672 г. целовальник Борис Чепыжников купил в Каргополе 11 рогоз белой соли (250 п.) и привез ее на белозерский рыбный двор⁹. В январе 1673 г. целовальники рыбного двора подрядили двух помещичьих крестьян деревни Новцы Вогневской волости Белозерского уезда «зделать и поставить к государевой погонной шехонской ловле на реке Шексне три судна и давали им за те суда 3 р. наперед все сполна»¹⁰.

Целовальники также подряжали посадских кузнецов обычно осенью ковать скобы для прорезных стругов «из своего мяхкова железа» тысячами штук за тысячу скоб по 16 алт. 4 дн.¹¹ Эти скобы предназначались для мастеров-судноделов, готовящих прорезные струги к внешней погонной шехонской ловли стерлядей. Мастера для работы также получали из рыбного двора смолу и, очевидно, еще какие-то необходимые материалы¹². Поселения Вогневской волости, где жили крестьяне-судноделы, находились на берегах р. Шексны южнее Крохинской пристани, и изготовленные прорезные струги незамедлительно использовались для перевозки живой рыбы.

Целовальники прямо с рыбного двора мелкую стерлядь и белую рыбу, не попадавшую в число государевой оброчной рыбы, продавали на сторону. Так, в октябре 1677 г. «уловная мелкая рыба Ковского озера

⁹ Там же. № 159. Л. 1.

¹⁰ Там же. № 102. Л. 1.

¹¹ Там же.

¹² Там же. № 178. Л. 17.

была продана торговому человеку, новгородцу Федору Ушакову¹³. Вырученные деньги использовались для нужд рыбного двора.

В 1686 г. белозерский воевода Савва Мусин-Пушкин, выполняя распоряжение Разрядного приказа, задействовал целовальников рыбного двора для покупки на Белоозере сухих снетков и отправки их в г. Белгород «ратным людям на жалованье» в дополнение к их хлебному и соляному натуральному жалованию. Деньги на покупку снетков были взяты у голов таможи и кружечного двора¹⁴. Отсюда следует, что персонал рыбного двора привлекался и для выполнения общегосударственных задач, в частности, по снабжению армии продовольствием. Однако самой главной и ответственной работой целовальников рыбного двора была доставка в Москву на государев обиход ценных пород живой рыбы.

Кроме подьячих и целовальников на белозерском рыбном дворе упомянут сторож (его имя не названо), который весной 1670 г. принимал у рыболовов оброчную белую рыбу: судаков, лещей, шук и др. «вышнего промыслу»¹⁵. Сторож принимал оброчную рыбу вместо целовальника, очевидно, выполнявшего какую-то срочную работу для рыбного двора. На Киснемской пристани в 1686 г. отмечен дворник Никифорка Петров, постоянно живущий там и охраняющий имущество пристани. Указано, что ему «дастца годового жалования з белозерского рыбного двора 3 р. и ему же дастца оброчного киснемского лугу земли на поле десятина»¹⁶. Возможно, что на других пристанях-филиалах белозерского рыбного двора также находились дворники, но сведений в источниках об этом нет.

К вспомогательному персоналу рыбного двора относились также розсыльщики (посыльные). В конце 80-х гг. XVII в. их было 9 человек: 3 стрельца, 3 солдата и 3 полоняника¹⁷. Принимая во внимание, что по определению местных источников «Белозерский уезд – место большое и людное, за помещики и за вотчинники крестьянских и бобыльских дворов тысяч с шесть, окромя Кириллова и иных монастырей и митрополичьих вотчин» [22, с. 24], и что воеводские розсыльщики были всегда в рассылке, воеводы использовали и розсыльщиков рыбного двора, поскольку выполняли распоряжения приказа Большого Дворца, связанные не только с дворцовым рыбным хозяйством. Оплату за «хоженное» («ездовое») розсыльщики получали с лиц или учреждений, куда они были направлены. Как обычно за 1 версту по 3 деньги¹⁸.

Служебные помещения и хозяйственные строения рыбного двора с находящейся в них утварью: ловецкими снастями, лодочным «нарядом», инструментами и продовольственными запасами – перечислены в передаточных росписях двора при смене воевод конца 60–90-х гг. XVII в. Так, во дворе рыбного белозерского дворцового заведения стояла приказная изба с комнатой и сенями, в которых находились образы (иконы) Всемилости-

¹³ Там же. № 165. Л. 11 об.

¹⁴ Там же. № 367. Л. 6.

¹⁵ Там же. № 78. Л. 7–11.

¹⁶ Там же. № 367. Л. 23.

¹⁷ Там же. Л. 26 об.

¹⁸ Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1640 г. № 38. Л. 322.

вого Спаса, Пречистой Богородицы, Иоанна Предтечи, чудотворцев Кирилла Белозерского, Зосимы и Савватия – всего 11 образов «на окладах и на красках»¹⁹. В комнате находились: государева казна и архив (приходно-расходные книги и тетради, разные хозяйственные документы и т.д.). В этой же комнате сидел начальный человек и при нем были два подьячих, к которым заходили целовальники и посетители для решения хозяйственных дел.

На территории рыбного двора отмечены «анбар и погреб с надпогребницею». Над сенями приказной избы, амбаром и погребом возвышались «сушила», покрытые «дранью и скалами», двери у сушил были «на крюках». В «сушилах» хранились рыболовные снасти: мережи оханные, переметные, трегубичные, с пеньковыми тетивами и матицы неводные, как новые, так и старые, используемые в основном для погонной шехонской ловли стерлядей каждую весну. Они выдавались целовальниками двора наемным крестьянам-рыболовам и мобилизованным посадским рыболовам для проведения этого массового мероприятия.

В «сушилах» также хранились «держанные рогожи» и отмечен хмель, который выдавался работникам двора не более 2 гривенок человеку к церковным праздникам для варки пива. Например, отмечена выдача хмеля к «Николину дню вешнему» и к «Кирилловой памяти»²⁰.

В амбаре и погребе отмечена разная хозяйственная утварь: целые и сломанные железные косы, заступы, багры ловецкие и пожарные, пила большая, крюки, «чем из садов для живой рыбы деревья вынимают» и другой инвентарь. Обращает на себя внимание тот факт, что в погребе хранилось «пятно, чем пятнают мяса, которые высылают из дворцовых волостей». В погребе также находились «клещи да ложки железные, что зделаны для сыску серебряной руды», а также детали для строящейся мельницы в дворцовой волости Иванов Бор²¹. Это говорит о том, что в хозяйственных постройках рыбного двора держали не только рыболовные снасти и инвентарь, но и другие предметы и приспособления для разных промыслов дворцового хозяйства в Белозерском уезде.

Около рыбного двора находился сад (пруд) под живую рыбу размером 7,5 саж. на 7 саж., «а кругом по заплоте 23,5 саж». Этот сад был рядом с естественным прудом, подпитываемым водой из родника. Вода в сад поступала «из чистого пруда и ис ключа трубою длиною 10 саж., а наверху той трубы наношено земли»²². В этот сад рыбного двора, как и в сады при рыбных пристанях и езах запускалась выловленная оброчная рыба, оставшаяся после весенней и осенней отправки рыбы в Москву.

Рыбные пристани при реках уезда были хозяйственными подразделениями городского рыбного двора – его уездными филиалами. В приходно-расходных книгах двора упоминаются пять таких пристаней: Иванборская, Киснемская, Ковская, Крохинская и Устьсудская.

¹⁹ Там же. Ф. 1599. Оп. 1. № 367. Л. 1–2 об., 9.

²⁰ Там же. № 78. Л. 9.

²¹ Там же. № 367. Л. 13–14.

²² Там же. Л. 16–16 об.

Хозяйственная структура каждого такого малого рыбного двора повторяла структуру большого белозерского рыбного двора – там также стояли амбары, погреба и «сушила», в которых держался инвентарь: ловецкие снасти, лодочное оборудование и т.д. Например, на всех этих пристанях с 1686 г. находилась 55 ужищ лычных, 20 мереж переметных, 20 бечев пеньковых, 56 рогож, 88 тчанов, 10 пудов соли, 2 лодки новые, 3 паруса лодочных, 5 прорезных судов, а также измерительные приспособления для приема оброчной уловной рыбы – 2 безмена, 2 гири железные, трубка железная и трубка медная, что принимают оброчную нервную рыбу у рыбных ловцов²³. В 1692 г. на всех пристанях находилась 215 ужищ лычных, 20 мереж переметных, 30 бечев пеньковых, 220 рогож, 56 тчанов, 20 пудов соли, 13 прорезных судов, а также 5 стоп бумаги, 4 пера, свечи сальные²⁴. Видно, что объем и номенклатура хозяйственной утвари на производственных объектах белозерского рыбного двора были непостоянны, отражая временные нужды рыболовного дворцового промысла.

При всех рыбных пристанях находились специальные выстроенные сады для живой рыбы, как рабочие, действующие, так и ветхие, в которые «рыбу сажать нельзя». На месте старых ветхих садов строили новые, как это было на Устьсудской пристани – «сад на роднике построен в прошлом во 189 (1681) г. по государеву указу и по грамоте из приказа Большого Дворца на прежнем садовом месте»²⁵.

В приходно-расходных книгах рыбного двора упоминаются два еза: Делинский и Цилинский. О Цилинском езе сказано, что он находился подле р. Шексны и при нем стояла изба, наверху который было «сушило», покрытое дранью и скалами, где отмечено 50 саж. канатов липовых, котел медной весом 4 гривенки, острога, да коза железная, чем рыбу лучат»²⁶. На Делинском езу отмечено «120 бревен мерою 7 и 8 саж., 500 оследей и 2200 березовых жердей по 6 саж.»²⁷. Этот строительный материал предназначался для ремонта или замены порченных езовых сооружений. Об остальных езах на реках уезда приходно-расходные книги не сообщают, но в переписи 1675–1676 гг. упоминаются еще два еза – Пидемское езовище и Ковский ез [10, с. 25].

Денежный и натуральный оброк, определенный с рыболовов в каждый ловецкий сезон, собирался целовальниками. Правила сбора оброков, как уже отмечалось, выработывались постепенно с учетом местных условий, сложившейся практики лова, вида ловецкой снасти и т.д. и корректировались приказом Большого Дворца²⁸.

Однако, изучив хозяйственные функции белозерского рыбного двора и работу его персонала, можно сделать следующие выводы: 1) белозерский рыбный двор во второй половине XVII в. был крупным местным

²³ Там же. Л. 8–9.

²⁴ Там же. Л. 9 об.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 25.

²⁷ Там же. Л. 10.

²⁸ Составу и размерам поставок в Москву с белозерского рыбного двора будет посвящена другая публикация.

дворцовым хозяйственным комплексом, организующим круглогодичную ловлю рыбы населением белозерского уезда на государев обиход, ее хранение, переработку и доставку в Москву; 2) белозерский рыбный двор являлся поставщиком денег (денежных оброков) в приказ Большого Дворца, собираемых с рыболовов за право ловли ими рыбы на себя в водоемах Белозерского уезда, и собираемых с рыбных прасолов за право заниматься перекупным промыслом; эти деньги приказ использовал для надобностей дворцового многопрофильного хозяйства; 3) этот хозяйственный дворцовый комплекс оказывал заметное влияние на экономическую жизнь города и уезда; он давал работу кузнецам, плотникам, судноделам, кормщикам и ярыжным, развивал договорно-подрядные отношения и наряду с использованием феодальных форм труда (тягловых служб-повинностей), использовал и наемный труд; 4) начальные люди рыбного двора, назначаемые из приказа Большого дворца из дворян-помещиков Белозерского уезда, хорошо знали местную хозяйственную специфику, выполняли распоряжения дворца, контролировались в своей работе местными воеводами, и все это обеспечивало полную управляемость учреждения.

1. *Ардашев Н.* Из истории XVII в.: очищение русской земли [польско-литовское нашествие в Поморье, в т.ч. на Кенозеро] // ЖМНП. 1898. № 6.
2. *Бараикова В.С.* Промыслы и ремесла города Белозера в XVI – начале XVII в. (по новым документам) // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. 1964. Т. 229.
3. *Бараикова В.С.* Торговля рыбой и солью белозерских посадских людей и крестьян в конце XVI – начале XVII в. // Промышленность и торговля России XVII–XVIII вв. М., 1983.
4. *Бараикова В.С., Дмитриева З.В., Прокофьева Л.С.* Писцовая книга езовых дворцовых волостей Белозерского уезда 1585 г. // Крестьянство Севера России в XVI в. Вологда, 1984.
5. *Булгаков М.Б.* О хозяйственных функциях воевод в первой половине XVII в. // Международная конференция «Государственное управление. История и современность» (Москва, 29–30 мая 1997 г.) М., 1998.
6. *Булгаков М.Б.* Пищевые промыслы и торговля продуктами питания в русском городе в XVII в. // Проблемы исторической географии и демографии России. М., 2001. Вып. 1.
7. *Булгаков М.Б.* Рыбный рынок г. Белоозера в XVII столетии: о развитии региональных торговых связей // Проблемы отечественной истории. М., 1974. Ч. 1.
8. *Булгаков М.Б.* Государственные службы посадских людей в XVII веке. М., 2004.
9. *Васильев Ю.С.* Борьба с польско-шведской интервенцией на Русском Севере в начале XVII в. Вологда, 1985.
10. Выписка из Белозерских писцовых книг письма и меры стольника Никиты Ксенофонтовича Тороканова и подьячего Игнатя Пигина // Белозерье. Краеведческий альманах. Вологда, 1998. Вып. 2.
11. *Герберштейн С.* Записки о московских делах. СПб., 1908.
12. Дозорная книга города Белоозера «письма и дозору» Г.И. Квашнина и подьячего П. Дементьева 1617/18 г. // Белозерье. Историко-литературный альманах. Вологда, 1994. Вып. 1.
13. *Дубман Э.Л.* Рынки соли промыслов понизового Поволжья в конце XVI–XVII вв. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVII вв. Сборник материалов Третьей международной научной конферен-

- ции (Коломна. 24–26 сентября 2013 г.). Коломна, 2015. Т. 1.
14. *Зерцалов А.Н.* Материалы для истории Симбирска и его уезда: приходно-расходная книга Симбирской Приказной избы 1665–1667 гг. Симбирск, 1897.
 15. *Копанев А.И.* История землевладения Белозерского края. XV–XVI вв. М.; Л., 1951.
 16. *Костомаров Н.И.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб., 1889.
 17. *Кочетков С.А.* Рыбаки великих государей: великокняжеские сельские ловещкие сообщества средней Оки: дворцовый рыбный промысел, судьба, субкультура. Рязань, 2014.
 18. Новгородский сборник: [Материалы для истории, статистики и этнографии Новгородской губернии, собранные из описаний приходов и волостей: В 5 вып.] / Под ред. Н. Богословского. Новгород, 1865. Вып. 1.
 19. *Новосельский А.А.* Рыбные промыслы в Белозерском уезде в XVII в. // Исследования по истории эпохи феодализма: научное наследие. М., 1994.
 20. Писцовая книга езовых дворцовых волостей и государевых оброчных угодий Белозерского уезда 1585 г. / Под ред. А.Г. Манькова. М.; Л., 1984.
 21. *Тимохина Е.А.* Торговля, ремесло и промыслы по городским дозорным книгам первой трети XVII века // Российская реальность конца XVI – первой четверти XIX в.: экономика, общественный строй, культура. М., 2007.
 22. *Успенский Н.П.* Белозерская старина: материалы для истории Белоозера, посада и уезда в XVII веке: [С публ. актов XVII в.] // Памятная книжка Новгородской губернии на 1894 г. Новгород, 1893. (Прилож.)
 23. *Яковлев В.В.* Государева погонная шехонская ловля стерлядей в XVII столетии. М., 1888.
 24. *Яковлев В.В.* Зимние рыбные промыслы на Белом озере в XVII столетии. СПб., 1901.

Н.В. Башнин¹

Архиерейские кафедры в России как хозяйственные учреждения в конце XVII – первой половине XVIII в.²

Архиерейские дома; Русский Север; Вологодская епархия; землевладение; источниковедение.

В статье рассмотрены материалы переписных книг 1678 г., ведомости 1730-х гг. и ревизии 1744 г. В этих документах содержатся сведения о количестве крестьянских дворов, пашне и душах м.п., которые принадлежали архиерейским домам. Сопоставление этих сведений по архиерейским кафедрам позволило определить место Вологодского дома Св. Софии как хозяйственного учреждения в конце XVII – первой половине XVIII в.

В России конца XVII – начала XVIII в. существовало два десятка архиерейских кафедр, большинство которых обладали разными по размерам вотчинами. Сведения о земельных владениях архиерейских домов и количестве дворов зависимого населения содержатся в переписных книгах 1678 г. и документации первой половины XVIII в.

¹ Башнин Никита Викторович, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина (РФ, Санкт-Петербург), к.и.н., nvbashnin@gmail.com.

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18–78–00108).

И.М. Покровский отметил, что перепись дворов в вотчинах архиерейских домов 1678 г. сохраняла свое значение до ревизии 1744 г., когда из статистических ведомостей было исключено количество дворов и оставлено только указание на количество душ [10, с. 4]. Историк опубликовал ведомости о средствах архиерейских домов 1739–1741 гг. [10, Прил. с. 1–45]. На основании этих документов мной была составлена таблица 1, сведения в ней представлены в алфавитном порядке названий церковных кафедр. В ней учтены сведения о количестве приписных к кафедрам монастырей и пустынь, количестве дворов (по переписи 1678 г.), душ м.п. (по переписи 1710 г.), размерах пашни и сенокоса, а также рыбных ловлях, мельницах и лесе.

Из таблицы 1 видно, что Вологодский архиерейский дом не относился ни к беднейшим (Белгородский, Устюжский), ни к богатейшим (Новгородский, Ростовский) кафедрам. К концу 1730-х гг. у Вологодского дома Св. Софии было 1328 дворов зависимого населения, что составляло 7,6 % от общего числа дворов в архиерейских вотчинах. Для сравнения отметим, что у Астраханского дома³ таких дворов не было вовсе, у Устюжского этот показатель равняется 141 (0,8 %), а у Новгородского и Ростовского составлял 1590 (9,1 %) и 4412 (25,2 %) дворов соответственно. Близкие пропорции зафиксированы при соотношении числа душ м.п. по данным на 1710 г.: Вологодской кафедре принадлежало 6662 человека, что составляло 6,4 % от общего количества учтенных людей в архиерейских вотчинах, у Астраханской зафиксированы только 23 служителя (менее 0,1 %), у Устюжской – 486 (0,5 %), а Новгородской и Ростовской принадлежало 16 668 (16,1 %) и 16 796 (16,2 %) соответственно. Похожие пропорции находим при сопоставлении объема пашни у вотчинников. Вологодскому архиерейскому дому принадлежало 8090 (5,9 %) четвертей земли от всего обчисленного объема, Астраханская кафедра пашни не имела, за Устюжской значилось 524 четверти (0,4 %), а за Новгородской и Ростовской числилось более 20 тыс. четвертей (более 15 %) за каждой, но наибольшим земельным фондом обладал Тверской архиерейский дом – 35 309 (25,5 %) четвертей. Наконец, у Вологодского архиерейского дома Св. Софии был приписной монастырь, а также имелись сениные покосы, рыболовные угодья, мельницы и лес, что было не у всех архиерейских кафедр. Из приведенных данных очевидно, что Вологодская кафедра была средним вотчинником на фоне всех архиерейских домов.

И.А. Булыгин составил таблицу о количестве крестьянских дворов за патриархом, архиерейскими кафедрами и обителями по итогам пере-

³ Согласно данным А.В. Дубакова, в 1697 г. Петр I запросил сведения об угодьях Астраханского архиерейского дома и монастырях, а также о том, «сколько в них людей и какие тратятся суммы на их содержание. В том же году по указу царя астраханский воевода И.А. Мусин-Пушкин изъял из архиерейской казны 10 тысяч руб., взамен архиерейский дом стал получать на содержание по 1996 руб. 16 алтын и 4 деньги в год. С 16 астраханских городских церквей впервые была собрана церковная дань, всего же по епархии данью было обложено 25 церквей. Начиная с 1697 г. Астраханским митрополитам было вменено в обязанность отсылать в Москву годовые приходные и расходные книги, с полученных духовенством доходов от продажи рыбы было велено брать пошлины» [6, с. 637–638].

Таб. 1. Владения архиерейских домов в Русском государстве по ведомостям 1739–1741 гг.

№	Архиерейский дом ¹	Приписные монастыри и пустыни	Дворы зависимого населения по переписным книгам 1678 г.		Души м.п. по переписи 1710 г.		Пашня в одном поле (в четвертях) ²		Сенные покосы		Рыболовья	Мельницы	Лес
			абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%			
1	Архангелого-родский	4	208	1,2	1306	1,3	–	–	7000 копен	1,6	+	–	–
2	Астраханский	–	–	–	23 служителя, положены в подушный оклад	< 0,1	–	–	250 десятин	–	–	–	–
3	Белгородский	1	165	0,9	1012	1	6574	4,8	4070 копен	1	–	5	–
4	Вологодский	1	1328	7,6	6626	6,4	8090	5,9	15 557 копен	3,6	+	1	+
5	Воронежский	–	203 (в 1710 г.)	1,2	1272	1,2	1060	0,8	2075 копен	0,5	+	5	–
6	Вятский	1	898	5,1	10712	10,4	–	–	нет сведений	–	–	11	–
7	Казанский	3	1387	8	7998	7,8	7862	5,7	118 220 копен	27,7	+	6	+
8	Коломенский	–	356	2	2493	2,4	4004	2,9	4164 копен	1	+	3	–
9	Крутицкий	4	941	5,4	6809	6,6	7516	5,5	10 470 копен	2,5	+	2	+
10	Нижегородский	2	429	2,5	2746	2,6	2746	2	2460 копен и 127 десятин	0,6	+	2	+

11	Новгородский	10	1590	9,1	16 648 (в 1737 г.)	16,1	21 430	15,5	89 903 копен	21,1	+	4	-
12	Ростовский	2	4412	25,2	16 796	16,2	21 191	15,4	23 091,5 копен	5,4	+	7	+
13	Рязанский	-	1862	10,6	7907	7,6	17 360	12,6	36 642 копен и 4 десятины	8,6	+	6	+
14	Смоленский	-	845	4,8	4459	4,3	58,5 служеб, 200 моргов и три четверти, пшяцов 245,25	-	4510 копен	1,1	+	10	-
15	Суздальский	-	1067	6,1	3679	3,6	4137	3	2885 копен	0,7	+	1	+
16	Тверской	11	1001	5,7	9518	9,3	35 309	25,5	61 764 копен	14,4	+	2	мельн. места
17	Тобольский	1	665	3,8	2654	2,7	1337,5 десятин	-	38 517 копен	9	+	3	-
18	Устюжский	-	141	0,8	486	0,5	524	0,4	5078 копен	1,2	+	1	+
Итого:		40	17 498	100	103 144	100	137 722 четверти	100	426 406,5	100			67 и 2 мельн. места

Источники: [10, Приложение, с. 1–41; 9, Приложение, с. 252].

Примечания: ¹Сведений о вотчине Псковского архиперейского дома нет. ²При подсчете абсолютных значений и процентов учтены только целые четверти пашни без перелога и десятин. Землевание Смоленского и Тобольского архиперейских домов в общем итоге не учтено.

писи 1678 г. Эти сведения относительно архиерейских домов с подсчетом процентов приведены ниже в таблице 2 и расположены в порядке убывания.

Таб. 2. Количество крестьянских дворов, принадлежавших архиерейским домам по переписи 1678 г.

№ п/п	Архиерейский дом ¹	Количество крестьянских дворов	
		абс.	%
1	Ростовский	4376	21,5
2	Новгородский	2014	9,9
3	Рязанский	1636	8
4	Суздальский	1602	8
5	Вологодский	1213	6
6	Псковский	1171	5,9
7	Казанский	1126	5,5
8	Крутицкий	1050	5,2
9	Тверской	1014	5
10	Белгородский	888	4,3
11	Смоленский	843	4,2
12	Вятский	755	3,7
13	Тамбовский	675	3,3
14	Коломенский	577	2,8
15	Сибирский	554	2,7
16	Нижегородский	357	1,8
17	Воронежский	196	0,9
18	Холмогорский	130	0,7
19	Устюжский	124	0,6
Итого:		20 301	100

Источник: [2, с. 43]. *Примечание:* ¹ Астраханский дом не включен в этот список, поскольку не имел в собственности крестьянских дворов.

Данные, сведенные в таблицу 3, свидетельствуют, что Вологодский архиерейский дом находился на пятом месте среди 19 архиерейских кафедр по количеству принадлежавших ему крестьянских дворов – 1213 (6 %).⁴ На первом месте находился Ростовский архиерейский дом – 4376

⁴ Согласно указу Петра I, как и прочие землевладельцы, архиепископ Вологодский и Белозерский Гавриил, представляющий Вологодский архиерейский дом Св. Софии, вместе с монастырями своей епархии создал кумпанство. Сохранилась роспись участников этого предприятия от 6 марта 1697 г. в которой перечислены ответственные лица и количество дворов, которые были в собственности у архиерейской кафедры и обитателей: «205 году марта в 6 день карабельного дела кумпанщики. Преосвященного Гавриила архиепископа Вологодского и Белоозерского Матфей Яковлев сын Волков с тысячи з двусот тринацати дворов; Кирилова монастыря Василей Марков сын Булгчов с пяти тысяч з двусот пятидесят дворов; Прилуцкого монастыря Яков Алферьев сын Старелов со шестисот с шеснатцати дворов; Корнильева монастыря Гаврило Павлов сын Беляницын с семисот с тритцати одного двора; да Матфей же Волков за Инокентьев монастырь со ста девятнатцати дворов, за Нуромской монастырь со ста четырех дворов» [11, с. 57]. Количество дворов в этой росписи указано в соответствии с переписными книгами 1678 г. и совпадает с данными, приведенными И.А. Булыгиным.

(21,5 %) дворов, а замыкает список Устюжская кафедра, которой принадлежало 124 (0,6 %) двора.⁵

В середине этого списка находятся семь архиерейских домов (№ 3–9), у которых было более 1000 и менее 2000 крестьянских дворов. Эти сведения подтверждают описанную выше картину и указывают на среднее в хозяйственном отношении положение Вологодского архиерейского дома.

Дополним статистическую картину о хозяйственном состоянии архиерейских домов в России в первой половине XVIII в. Архимандрит Амвросий (Орнатский) опубликовал данные о количестве крестьян за архиерейскими домами по итогам ревизии 1744 г. Эти показатели с подсчетом процентов занесены в таблицу 3 и расположены в порядке убывания числа крестьянских душ за кафедрами.

Таб. 3. Число крестьянских душ за архиерейскими домами по ревизии 1744 г.

№ п/п	Архиерейский дом ¹	Число крестьянских душ	
		абс.	%
1	Новгородский	21 500	13,7
2	Московский	18 681	11,9
3	Ростовский	16 681	10,6
4	Тверской	11 980	7,6
5	Костромской	11 266	7,2
6	Казанский	10 009	6,4
7	Рязанский	8502	5,4
8	Вятский	8064	5,2
9	Владимирский	7947	5,1
10	Крутицкий	7740	4,9
11	Вологодский	6356	4,1
12	Смоленский	5169	3,3
13	Переяславль-Залесский	4901	3,1
14	Тобольский	3901	2,5
15	Суздальский	3520	2,2
16	Нижегородский	2895	1,8
17	Коломенский	2796	1,7
18	Белгородский	1512	1
19	Воронежский	1351	0,9
20	Архангелогородский	1339	0,8
21	Устюжский	682	0,4
Итого:		156 792	100

Источник: [1, с. 1055–1095]. *Примечание:* ¹ Астраханский дом не включен в этот список, поскольку не имел в собственности крестьян.

Из таблицы 3 явствует, что из 21 кафедры Вологодский архиерейский дом по количеству принадлежавших ему крестьян занимал 11 место

⁵ Согласно ведомости 1706–1710 гг. о не определенных содержанием архиерейских кафедрах и монастырях (в ней сделана отсылка к переписным книгам 1678 г.) опубликованной И.А. Булыгиным, за Рязанским архиерейским домом было 1636 дворов, Казанским – 1126, Устюжским – 124, Воронежским – 196 [2, с. 203].

– 6356 (4,1 %) чел. На первом месте находилась Новгородская кафедра, у которой зафиксировано 21 500 (13,7 %) чел., а замыкает список Устюжский архиерейский дом – 682 (0,4 %) крестьянина.

Из приведенных данных за 1678–1744 гг. видно, что по количеству крестьянских дворов, размерам пашни и числу душ м. п. Вологодский архиерейский дом Св. Софии занимал среднее положение. Если в конце XVII – начале XVIII в. Вологодская кафедра была ближе к первым позициям в перечнях, то к середине XVIII в. она опускается на несколько ступеней вниз.

Вотчины архиерейских домов в XVII – первой половине XVIII в. располагались как в одном уезде, так и в нескольких. По наблюдениям А.Е. Виденеевой, земли Ростовского архиерейского дома находилась в 10 уездах Центральной и Северо-Восточной России: Ростовском, Ярославском, Вологодском, Белозерском, Московском, Епифанском, Балахнинском, Алатырском, Юрьевоцком и Свияжском. Согласно подсчетам А.Е. Виденеевой по описанию 1763 г., Ростовской кафедре принадлежало ок. 400 населенных пунктов, в которых проживало 16 тыс. крепостных крестьян [3, с. 80–81].

За Казанским архиерейским домом в Казанском уезде по приправочным книгам 1603 г. показано: 4 села, 5 селец, 19 деревень, 2 починка, пустошь, 371 крестьянский двор, 35 бобыльских дворов, земли 7871 четь с третником в каждом из трех полей, сена 20 730 копен, лесу в длину на 40 верст, поперек на 20 верст [9, с. 52]. В 1623/24 г., по подсчетам И.М. Покровского, за Казанской кафедрой значилось: 7 сел, татарское сельцо, 20 деревень русских и татарских, 5 пустошей, 386 дворов крестьянских, 233 двора бобыльских, 76 дворов татарских, земли «всяких сортов» 8863 чети без пол-полтретника в каждом из трех полей, сена 22 860 копен, лесу в длину на 40 верст, поперек на 20 верст [9, с. 52]. В первой половине XVIII в. за Казанским архиерейским домом по переписной книге, составленной по указу архиепископа Луки (Конашевича) (1738–1755), значилось 23 села, 28 деревень и починков, в которых проживало 9958 душ м. п. [9, с. 74–75]. Земельные владения Казанской кафедры располагались в одном уезде.

Б.Д. Греков опубликовал «экстракт» 1735–1737 гг., который содержит сведения о вотчинах Новгородского архиерейского дома. Согласно этому документу, владения Новгородской кафедры были в Шелонской, Воцкой, Деревской и Обонежской пятинах Новгородского уезда, а также в Старорусском, Холмском, Луцком, Пусторжевском, Новоторжском и Московском уездах. На этих территориях находилось 1827 дворов (в документе XVIII в. эти цифры указаны с отсылкой к переписным книгам 1678 г.) и 15 767 душ т.п. [4, Прил. с. 121–129].

Согласно выписи 1685 г. о количестве дворов по вятским переписным книгам 1678–1679 гг., за Вятской кафедрой значилось 755 крестьянских и бобыльских дворов, в которых проживало 3296 людей м.п. [5, с. 117]. Землевладение Вятского архиерейского дома находилось в одном уезде.

В 1682 г. появилась новая Великоустюжская епархия, которой через год в мае 1683 г. перешла вотчина Ростовских митрополитов в Устюжском уезде. Устюжский дьяк И. Чернеев отказал в дом к архиепископу Геласию

погост Благовещенский (к северу от города в Сухонском стане) с деревнями, а в них, по данным писцовых книг 1623–1625 гг., числилось 80 крестьянских и 40 половничьих дворов, 548 четвертей пашни среднего качества, 61 четверть лесом поросшей пашни и перелога, 171 десятина леса пашенного и 342 десятины непашенного, 4853 копыны сена [13, с. 208].

В начале XVIII в. Тобольский архиерейский дом насчитывал ок. 2000 десятин пашни (15,4 % всей пашни Тобольского уезда) с 437 дворами крестьян и 2650 душами м.п. [7, с. 81]. Владения Тобольской кафедры находились в Тобольском уезде [12].

Приведенные сведения о вотчинах архиерейских домов подтверждают ранее сделанный вывод о среднем уровне хозяйственного положения Вологодского архиерейского дома среди других кафедр и указывают на то, что Софийский дом в Вологде относился к землевладельцам, имевшим вотчины в разных уездах. Это привело к тому, что для управления разрозненными владениями привлекали архиерейских служащих, отправляемых в отдаленную Усть-Вымь в должности наместника [8, с. 63–64], а подмосковная вотчина находилась под контролем стряпчего, проживавшего в Москве на архиерейском подворье.

1. *Аверосий (Орнатский), архим.* История российской иерархии. М., 1815. Ч. 6.
2. *Булыгин И.А.* Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. М., 1977.
3. *Виденеева А.Е.* Ростовский архиерейский дом и система епархиального управления в России XVIII века. М., 2004.
4. *Греков Б.Д.* Новгородский дом Святой Софии. СПб., 1914.
5. ДАИ. СПб., 1872. Т. 12.
6. *Дубаков А.В.* Астраханская и Камызякская епархия // ПЭ. М., 2001. Т. 3.
7. *Никулин И.А., свящ.* Преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский. Екатеринбург, 2015.
8. *Новикова О.Л.* О происхождении архиепископа Астраханского и Терского Пахомия // Вестник «Альянс-Архе». М.; СПб., 2016. Вып. 15.
9. *Покровский И.М.* Казанский архиерейский дом, его средства и штаты, преимущественно до 1764 года. Казань, 1906.
10. *Покровский И.М.* Средства и штаты великорусских архиерейских домов со времени Петра I до учреждения духовных штатов 1764 г. Казань, 1907.
11. Старая Вологда. XII – начало XX в. Сборник документов и материалов. Вологда, 2004.
12. *Харина Н.С.* Тобольский архиерейский дом в XVII – 60-е гг. XVIII в. Автореф. дисс. ... к.и.н. Барнаул, 2012.
13. *Черкасова М.С.* Великоустюжский архиерейский дом: открытие и начальный этап деятельности (1682–1700 гг.) // Вестник церковной истории. 2017. № 1–2 (45–46).

Коррупционные схемы в организации лесозаготовительных работ в Казанском адмиралтействе в третьей четверти XVIII в.

Казанская адмиралтейская контора; Сенатская комиссия; А.И. Свечин; лашманы; коррупция.

По материалам сенатской комиссии под руководством А.И. Свечина 1763–1765 гг. (его отчеты и жалобы лашман) в статье рассматриваются основные формы получения взятки служащими Казанской адмиралтейской конторы при организации и проведении лесозаготовительных работ.

Коррупция в Российской империи носила системный характер и пронизывала все сферы общественной жизни [1, с. 13–22]. Глубоко осознавая социально-деструктивные последствия коррупции для государства, уже в первый месяц своего правления Екатерина II всенародно объявила войну великому злу в российском обществе – «богомерзкому» мздоимству, лихоимству, корысти в сфере государственного управления и правосудия².

Еще одной характерной чертой екатерининского правления было стремление активно использовать такой важный социальный канал связи с населением, как жалобы и прошения, адресованные в высшие инстанции. Так, после ознакомления с жалобами, поступившими из Казанской губернии, Екатерина II объявила 7 ноября 1762 г. в Сенате о крайней запущенности охраны и содержания корабельных лесов и тяжелом экономическом положении государственных крестьян, предложив командировать «надежную персону» для выявления беспорядков с последующим донесением ей результатов ревизии.

Императрица возлагала на комиссию большие надежды на предмет использования ее материалов в дальнейшем законотворчестве. Сенатским указом от 28 февраля 1763 г. руководителем ревизоров был определен подполковник А.И. Свечин, облеченный безусловным доверием императрицы.

Во исполнение рекомендаций Екатерины II, руководитель ревизионной комиссии лично встречался с обиженными местной администрацией людьми, уверил их в возможности восстановления справедливости, дав надежду в разрешении их насущных жизненных проблем. Подполковник Свечин уделял большое внимание сбору устных и особенно письменных, в большинстве своем коллективных, прошений татарских, чувашских, русских, марийских, удмуртских и мордовских крестьян, свидетельствующих о массовых, возведенных в повседневную практику злоупотреблениях, притеснениях со стороны чиновников, помещиков, православного духовенства и миссионеров, купцов и представителей сельской администрации. Всего в портфеле комиссии собралось 264 наказа, в том чис-

¹ Загидуллин Ильдус Котдусович, Институт истории имени Шигабутдина Марджани АН РТ (РФ, Казань), д.и.н., zagik63@mail.ru.

² ПСЗ. Т. XVI. № 11 616. С. 22.

ле от лашман не менее 36 жалоб [2, с. 55]. Из этого числа челобитен опубликованы 12. Среди них имеют отношение к нашей теме: одна жалоба, содержащая интересы 21 селения (№ 136), вторая жалоба, поданная от имени жителей 7 селений (№ 145), еще пять прошений (№№ 137, 138, 140–142) были поданы представителями конкретных сельских обществ [2, с. 406–428]. Соглашаясь исправно платить государственные налоги [3, с. 269], в своих жалобах крестьяне в 1764 г. сосредоточились на тех причинах и факторах, от которых сильно страдали и материально, и морально.

Следует также отметить два отчета Свечина. Первый документ – «Экстракт» Сенатской комиссии «О Казанской адмиралтейской конторе, ее управляющих, проезжающих командах и вальдейстерах» [2, с. 60–65], составленный в 1764 г. из челобитных крестьян. Здесь имеется раздел «О Казанской адмиралтейской конторе и той конторы подкомандующих» (пп. 132–151), содержащий беспристрастные свидетельства произвола и беззакония представителей власти в отношении служилых татар – лашман. Второй документ – аналогичный по содержанию «Экстракт» о причинах бедственного положения лашманов Казанской губернии – был представлен в Сенат Свечиным после назначения главным надзирателем за корабельными лесами в Казанском крае [2, с. 77–84]. Эти два документа являются важнейшими свидетельствами, подтверждающими правдивость жалоб крестьян. Они составлены лицом, который, посещая по время своих разъездов по исследованию и картографированию дубовых лесов селений, ночуя в крестьянских домах, наблюдая «изнутри» за бытом и хозяйственным укладом хлебопашцев, непосредственно общался с крестьянами, имел возможность для выявления подробностей коррупционных схем чиновников.

Для удобства анализа вышеназванных текстов всех должностных лиц Казанской адмиралтейской конторы, упоминаемых в документах, мы именовали «субъектом власти» (комиссары, корабельные мастера, подмастерья и ученики, плотники, пильщики и др.). Структурируя выявленные явления коррупции по приметам лежащего в ее основании принуждения, мы выделили несколько основных форм ее возникновения.

1. *Получение дополнительной выгоды, основанной на взаимной договоренности.*

1.1. За взятки «субъект власти» менял очередность исполнения лесозаготовительной повинности среди сотен [2, с. 407, 408, 409, 421].

1.2. За взятки лашманы, призванные отправиться на лесозаготовку, освобождались от работ, вместо них рекрутировались бедные однодеревенцы, которые терпели существенные материальные убытки, и их хозяйства разорялись «до основания» [2, с. 79, 407, 412].

1.3. Желая избежать отправки на дальние лесные участки, многие лашманы откупались, потому что проезд до места работы и обратно не учитывался за исполнение повинности, на пути лошади выбивались из сил и порой вовсе оказывались негодными для работ [2, с. 407].

1.4. За право трудиться на лесном участке, расположенном рядом со своим селением, каждый человек, исполняющий повинность, платил по 5 копеек [2, с. 79].

2. Уклонение от правомерного давления «субъекта власти».

2.1. В случае прихода во время работ кого-либо на замену «субъект власти» брал с каждого конного работника от 3 до 5 копеек, овес для своих лошадей, с каждого пешего лашмана – по 2 или 3 копейки [2, с. 79, 421].

3. Самозащита от неправомерного давления «субъекта власти».

3.1. «Такса» за регистрацию каждого лашмана по прибытии на место работы составляла 1 копейку [2, с. 79, 407].

3.2. Комиссары, наблюдающие за вывозом леса, еженедельно обходили свои участки, брали за каждую лошадь по 10 и более копеек. Иначе объявляли лошадь негодной к работе, что означало невыполнение повинности со всеми вытекающими последствиями [2, с. 80, 421].

3.3. Плотники, руководящие лесозаготовкой, через каждые два и три дня брали по копейки или две с лошади, иначе лошадь «впрягали в корень»: накладывали тяжелые бревна для вывоза, в результате из-за большой нагрузки лошадь оказывалась негодной для сельскохозяйственных работ, в таких случаях приходилось покупать новую лошадь [2, с. 80, 408, 409, 413]. Это был верный прием, потому для выполнения повинности пострадавший вынужден был нанимать тягловую силу и платить в зимнее время по пятнадцать копеек в день, в весеннее время – до двадцати пяти копеек, такие лашманы возвращались домой нищими и все в долгах [2, с. 80].

3.4. В отношении пеших работников применялась другая действенная мера, а именно – плотники портили топоры и объявляли, что топор не годен, значит, служилый татарин не может исполнять повинность. Упреждая действия плотника, каждый пеший лашман платил ему еженедельно 1 или 2 копейки [2, с. 80, 421].

3.5. За предоставление в воскресенье отдыха с конного работника собиралось 5 копеек, с пешего лашмана – 1 или 2 копейки. Иначе, работая непрерывно под большой нагрузкой под присмотром «субъекта власти», лошади выбивались из сил и падали [2, с. 79, 415].

3.6. При выдаче квитанции о заработанных днях некоторые «субъекты власти» брали ежемесячно с каждого работника по 1 или 2 копейки, а при выдаче квитанции по окончании работ – по 10 копеек с души.

3.7. Если на станции или месте заготовки дубового леса у командированных должностных лиц имелись семьи (жены и дети) и собственные лошади, то разными предложениями они заставляли лашман обеспечивать их продовольствием.

3.8. Некоторые «субъекты власти», получив указ Казанской адмиралтейской канторы об отправке лашман по домам, утаивали предписание и объявляли, что приказано направлять их на другие дальние пристани. Таким способом они вынуждали служилых татар платить за избавления от «новых работ» по 10, 20 и более копеек с каждого человека и затем распускали их по домам [2, с. 80].

3.9. После введения правила не делать «топорного тесу», один из вальдмейстеров дважды продавал одну и ту же пилу. Первый раз, собрав с сотни, состоящей из 1400 душ, с каждого по копейке, спустя год – на

эту же сумму уже оформив письменный акт о том, что пила использовалась на лесозаготовке [2, с. 416].

Таким образом, произвол и злоупотребления были характерной чертой социального поведения служащих Казанской адмиралтейской конторы. Причем, в период комплектования сезонных работников в действиях чиновников преобладали мздоимство¹ и лихоимство², а при распределении участков и в период лесозаготовки – вымогательство³ и лихоимство.

Вера в отсутствие в государстве справедливости, эксплуатация и унижения со стороны представителей администрации, которым подвергались лашманы при исполнении лесозаготовительной повинности, трансформировались в «горючий материал», который «вспыхнул» во время восстания под предводительством Е. Пугачева 1773–1775 гг.

1. *Кабанов П.А.* Коррупция и взяточничество в России: исторические, криминологические и уголовно-правовые аспекты. Нижнекамск, 1995.
2. Лашманы в строительстве российского флота: сборник документов и материалов / Сост., автор предисловия, примечаний, научно-справочного аппарата И.З. Файзрахманов. Казань, 2018.
3. *Файзрахманов И.З.* Документы выборов уполномоченных лиц от лашман Казанской губернии 1770-х гг. как исторический источник // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2017. №7.

В.П. Пушков⁴

Мельничное хозяйство крестьян Верхокамья (1724–1749 гг.)

Верхокамье; крестьянские мельницы.

В статье выявлена положительная динамика роста крестьянских мельниц в районе Верхокамья за 1724–1749 гг. Такая ситуация говорит о хорошем экономическом положении крестьян баронов Строгановых в первой половине XVIII в.

Археографическая лаборатория МГУ имени М.В. Ломоносова почти полвека ведет комплексное исследование Верхокамья – старинного района поморского старообрядчества Приуралья, одним из направлений которого является изучение истории крестьянства Верхокамья второй половины XVII–XX вв.⁵

Мельничное хозяйство являлось важным элементом единой системы полеводства. Мельницы были самой сложной механической машиной, используемой в земледелии. По степени их распространения можно судить

¹Мздоимство – получение должностным лицом не предусмотренного законом вознаграждения или бездействие по службе в интересах дающего, не сопровождающееся нарушением обязанностей по службе [1, с. 169].

²Лихоимство – получение должностным лицом не предусмотренного законом вознаграждения или бездействие по службе в интересах дающего с нарушением обязанностей по службе [1, с. 169].

³Вымогательство – требование должностным лицом не предусмотренного законом вознаграждения или выгоды имущественного характера под угрозой причинения вреда охраняемым законом интересам или причинением такового [1, с. 169].

⁴Пушков Виктор Петрович, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., pushkov@wwwcom.ru.

⁵ См., напр., наши работы: [3; 1; 6; 7; 5; 2; 4].

об уровне развития земледелия, освоения территории и росте населения. В первой половине XVIII в. обмолот хлеба в пермских вотчинах баронов Строгановых осуществлялся как на господских, так и на крестьянских мельницах.

На территории Верхокамья в 1724 г. вотчинная администрация по Карагайскому и Зукайскому «ведомствам» регистрирует 38 мельниц в 22 населенных пунктах⁶. Типичным примером их описания может служить следующий текст: «В деревне За Сепучем у Прокопия Федотова мельница мутовчатая на реке Сепуче, один амбар и в нем один постав» (т.е. одна пара жерновов)⁷. Отклонением от этого образца была лишь одна-единственная «колесчатая мельница», устроенная Степаном Мальцевым на реке Буб (один постав в одном амбаре)⁸. И только у карагайского крестьянина из д. Ошмоса оказалось сразу две мельницы-мутовки: на «речках Ошмос и Ягошерка». Таким образом, практически весь обмолот хлеба в этом крае осуществлялся небольшими маломощными крестьянскими мельницами с горизонтальным положением колеса (мутовки), которые могли обслуживать лишь ограниченное число крестьянских семей.

По плотности расположения мельниц по отдельным водоемам выделяются наиболее освоенные местности. Так, по пять мутовок стояли на таких малых реках, как Веж, Кошьяшерка и Пыжьанка, и по три – на Ошмаса, Сепыче и Чапыже (всего 24 мельницы из 38, или 63 %). Кроме этих шести водоемов, мельницы располагались по берегам еще 11 речек: Балабановка, Буб, Заричь, Карагайка, На Ключу, Нея, Романшерка, Сабанец, Сосновка, Урак и Ягошерка.

Пять селений из 22, имевших мельницы, располагались по рекам Бол. и Мал. Сепычу, причем четыре из них являлись починками, что говорит о процессе освоения данной местности. Так, помимо упомянутого выше Федора Тиунова из поч. На Усть Сепыча, мутовки имели также Филипп Черепанов из поч. По Сепычу (на реке Сабанец), Прокопий Федотов из д. За Сепычем («на речке Сепуче»), Леонтий Селиванов из поч. Верх Сепыча⁹ и Родион Пазников из поч. На Малом Сепыче¹⁰).

Ко времени «Солнцевой переписи» 1721 г. все сепычевские населенные пункты были очень плотно заселены (и прежде всего за счет пришлого беглого люда)¹¹, так что обеспечение хлебом всех жителей при наличии большой сети малых рек в верховьях Обвинского поречья объективно требовало определенного технического прогресса в земледелии. С другой стороны, наличие у немалого числа верхокамских крестьян мельниц свидетельствует о достаточно высоком уровне их благосостояния и хорошей урожайности в районе, которая в основном, видимо, достигалась путем подсеки.

⁶ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3314 б.

⁷ Там же. Л. 157.

⁸ Там же. Л. 158 об.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 156 об.–157 об.

¹¹ См. Там же. Л. 226–283.

Через пять лет, в 1729 г., карагайские приказчики, внимательно следившие за состоянием крестьянского мельничного хозяйства, обратили внимание баронов на то, что в их ведомстве нет господской мельницы, а до мельниц в смежных строгановских ведомствах далеко, «отчего крестьянам происходит немалая нужда»¹². Поэтому они просят разрешения баронам построить мельницу в центре Карагайского прихода на реке Лысьве. На этот запрос из Москвы пришел положительный ответ, но с предупреждением, что с каждой своей мельницы Строгановы платят налог в «государеву казну»¹³, а дохода с них немного, так как многие из них «стоят впусте»¹⁴.

Еще через 20 лет по «окладу с крестьянских мельниц» 1749 г.¹⁵ выявляется стабильность хозяйственного уклада, поскольку 33 крестьянина из 37, имевших мутовки в 1724 г., продолжали здравствовать и владеть своими мельницами (в том числе и все названные выше сепычевцы). Дальнейший же ход заселения и освоения Карагайского и Зукайского «приходов» выразился как в приросте селений, жители которых имели мельницы (с 22 до 28), водоемов, на которых стояли эти мельницы (с 18 до 27), так, естественно, и в увеличении числа самих мельниц (с 38 до 58). Если по рекам Кошьяшерке, Веж и Пыжьянке количество мельниц не изменилось (по 5), то на Бубу их количество также достигло пяти, что указывает на направление колонизации (починки Буб, Власов, Морозов и Лопатин). Новые мельницы были поставлены на речках Балабановка, Бол. Россоха, Зукайка, Комодарь, Кыш, Кызва, Лолпа, Нощ, Романшерка, Сосновка, Чир и Язвица. И на этот раз практически все мельницы оказались «мутовчатыми» и, судя по денежному сбору в пользу казны за их содержание (от 5 до 13 коп. в год), были самого разного качества. И лишь три человека имели по две таких мутовки. Это карагайцы Алексей Филимонов из д. Сильных («на речке На Ключю»), житель д. Ошмас Федот Чудинов (на реках Ошмасае и Ягошерке) и зукайский крестьянин из д. Вверх Язвицы Федот Тиуновых (на Лолпе). Более заметен по прошествии времени оказался прирост «колесчатых» мельниц – их стало пять против двух, владельцы которых должны были платить за них 60–80 коп. в год. В Карагайском ведомстве они принадлежали Дм. Чудинову (на реке Кошьяшерке) и Вас. Томилову из д. Ошмас (на реке Бол. Россохе). Продолжал владеть колесной мельницей сепычевский крестьянин Прокопий Федотов. В Зукайском же ведомстве таких мельниц было две: у Максима Афанасьева Лопатиных из поч. Лопатина и Степана Мальцева (обе мельницы располагались на реке Буб).

1. *Пушков В.П.* Беглые крестьяне по «Следствию 1725 г.» в Обвинском поречье Пермских вотчин баронов Строгановых // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2009. Вып. 1.
2. *Пушков В.П.* Графские новации и крестьянские традиции (чета С.Г. и Н.П. Строгановых и старoverы Верхокамья в середине XIX в.) // Традицион-

¹² Там же. Оп. 1. Д. 311. Л. 21.

¹³ В 1749 г. за свои мельницы при селе Кызвенском на реке Обве Строгановы платили в доход государства по 2,5 руб. в год. См.: РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 79. Л. 75 об.

¹⁴ Там же. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 311. Л. 21.

¹⁵ Там же. Ф. 576. Оп. 1. Д. 79. Л. 83 об.–86 об.

- ная культура Пермской земли. Ярославль, 2005. (Мир старообрядчества. Вып. 6)
3. *Пушков В.П.* Земля и люди Верхокамья во второй половине XVII – начале XVIII в. // Традиционная культура Пермской земли. Ярославль, 2005. (Мир старообрядчества. Вып. 6)
 4. *Пушков В.П.* Крестьянское хозяйство Верхокамья в начале XX века // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы XII международной заочной конференции (Боровск, 6–8 февраля 2018 г.). М., 2018.
 5. *Пушков В.П.* «Мирские прошения» как источник по истории крестьянства Верхокамья середины XIX в. // Традиционная книжность и культура Позднего русского средневековья. Ярославль, 2008. (Мир старообрядчества. Вып. 7. Кн. 2. История, книжность и культура русского старообрядчества)
 6. *Пушков В.П.* «Описание Сепычских деревень» 1760 г. как источник по аграрной истории Верхокамья // Особенности российского исторического процесса. Сборник статей памяти академика Л.В. Милова. К 80-летию со дня рождения. М., 2009.
 7. *Пушков В.П.* «Отказная книга» 1791 г. на Пермские вотчины графа А.С. Строганова как источник по истории крестьянства Верхокамья второй половины XVIII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2015. Вып. 4.

А.Г. Иванов, А.А. Иванов¹

Государственные марийские крестьяне Казанской губернии (по материалам Сенатской комиссии А.И. Свечина 1763–1764 гг.)

Государственные марийские крестьяне; положение; Казанская губерния.

На материалах Сенатской комиссии А.И. Свечина 1763–1764 гг. рассматриваются особенности сословно-правового и социально-экономического положения государственных марийских крестьян Казанской губернии в период массовой христианизации народов Поволжья середины XVIII в.

Категория государственных крестьян, юридически оформленная петровским «Плакато́м» 1724 г., помимо русских черносошных крестьян, однодворцев и других социальных прослоек, включала в свой состав и ясачных людей народов Поволжья и Приуралья, в том числе марийских крестьян – бывшую «ясашную черемису», служилых новокрещен и «черемисских тарханов» [3, с. 167–168; 4, с. 23–25; 5, с. 163; 6, с. 142–158]. Лично-свободное состояние, относительная самостоятельность хозяйственной деятельности, традиционные общинные устои способствовали в целом поступательному развитию марийской деревни. Однако даже в условиях проводимой политики «просвещенного абсолютизма» положение марийских крестьян, как и других государственных крестьян многонационального Поволжья никак не было «лучше», чем положение русских помещичьих крестьян центра страны второй половины XVIII в. [1, с. 64–66, 224–226; 3; 5, с. 177–197]. Об этом убедительно свидетельствуют и мате-

¹ Иванов Ананий Герасимович, Марийский государственный университет (РФ, Йошкар-Ола), д.и.н.; anani@marsu.ru; Иванов Алексей Ананьевич, Марийский государственный университет (РФ, Йошкар-Ола), д.и.н.; anani@marsu.ru.

риалы Сенатской комиссии А.И. Свечина, изложенные им в сжатом виде в экстракте 1765 г. [7, с. 3–40].

Подполковник А.И. Свечин возглавлял комиссию, назначенную Сенатом по предложению самой императрицы Екатерины II, для «осмотра и описи подчищенных дубовых рощ и лесов и протчаго разсмотрения»². Помимо основной своей задачи высокопоставленный чиновник попытался выяснить причины того, почему «государственные крестьяне в Казанской самой лутчей губернии живущие, в великую бедность приведены»³. Принятые и рассмотренные А.И. Свечиным и членами комиссии капитаном флота Назимовым и капитан-лейтенантом Пазухиным 264 явочных челобитных во всем многообразии дали объективный ответ на поставленный вопрос.

Среди обширных материалов Сенатской комиссии А.И. Свечина нам удалось обнаружить 12 явочных прошений марийских крестьян, в том числе 10 челобитных от «новокрещен ис черемис» Красноярской, Третьей Мушмарской, Большой Кужмарской, Большой Красноярской, Большой Ярамарской, Ярамарской, Пинжан Кукмарской (1 индивидуальная, 2 деревенских), Исменец Беляжской волостей Галицкой дороги Казанского уезда⁴. По одному прошению подали марийцы Шурминской волости Уржумского уезда Казанской провинции и Акпарсовой сотни Козьмодемьянского уезда Свияжской провинции Казанской губернии⁵. Представленные в комиссию между 9 августа 1763 г. и 13 января 1764 г. эти явочные челобитные, благодаря толмачам-переводчикам, позволяют услышать «живые голоса» самих крестьян. Приводимые в них обстоятельная и убедительная конкретность, множество фактов, имен и событий позволяют увидеть действительную картину взаимоотношений чиновной администрации и крестьянской общины, различные формы и размеры казенных податей и повинностей; охарактеризовать своеобразие сословно-правового и социально-экономического положения марийских крестьян в период массовой христианизации «иноверцев» 1740–1764 гг.

Содержание явочных прошений и других делопроизводственных материалов свидетельствуют о том, что марийские крестьяне обширнейшего Казанского уезда (половина территории совр. Марий Эл) находились в прямом управлении Казанской губернской канцелярии. Близко расположенные к административному центру марийские «сотни-волости» Галицкой дороги подвергались сильнейшей «утропленности» и произволу со стороны губернских властей, гражданских и воинских чинов, канцелярских служащих, рассыльщиков, толмачей, писарей и солдат, систематически присылаемых в марийские общины. Типичным в этом отношении является утверждение в свечинской комиссии 10 ноября 1763 г. «новокрещена ис черемис Данилы Андреева, по-черемиски Янбатыра» из д. Олокьял Пинжан Кукмарской волости о том, что в нарушение закона «послан-

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 10. Кн. 545. Д. 1. Л. 252.

³ Там же. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 3419. Д. 2. Л. 941.

⁴ Там же. Оп. 10. Кн. 545. Д. 1. Л. 252–252 об., 262–262 об., 278–280, 290, 312–312 об., 317–318, 325–327 об., 330–331.

⁵ Там же. Л. 361–362 об., 373–375 об.

ные ис Казанской губернской канцелярии для объявления состоявшихся разных исполнений указы, берут в каждой приезд по сороку, по пятидесять копеек, и по рублю з деревни, а без того и указа не объявляют»⁶.

Присланные в марийские волости приказные люди, по свидетельству очевидцев, повсеместно творили «многие обиды и разорения». В начале августа 1763 г. по поручению казанского вице-губернатора И.П. Кудрявцева в Красноярскую и Третью Мушмарскую волости были направлены канцелярский рассыльщик, отставной сержант Савелий Платцов с писарем, казанским цеховым ремесленником К.А. Сухановым с данной им инструкцией для проведения «большого повального обыска» в марийских новокрещенских жителях по делу «о разбое». Прибыв третьего числа в д. Третья Мушмара сержант со своим сподручным в первую очередь на общинном сходе крестьян «тасканием за волосы испод побои вымучил у них себе во взяток 8 рублей». Затем, «ис принуждения и побои» взыскал 14 руб. якобы «для выкупу ис-под караулу» содержащихся в казанской тюрьме «по оговору в воровстве» шестерых ододеревенцев⁷.

«Неведомо по какой причине» губернской рассыльщик с писарем 7 августа оказались в д. Большой Помьял Красноярской волости, где «не объявляя данной им ис Казанской губернской канцелярии инструкции» испод побоев потребовали себе по 20 коп. с каждой из 180 ревизских душ. Только получив поборы в размере 15 руб., Платцов зачитал инструкцию. После этого приказал собрать еще 19 руб., «а ежели-де они тех денег не соберут, и ему, сержанту, не дадут, то возьмет он их всех в губернскую канцелярию, где делается им убытки и больше того». Из-за угроз и опасения потери страдного времени «в посеянии озими и в снятии аржаного и ярового хлеба и в кошени сена» волостной сотник Борис Федоров «по-черемиски Юнус» с мирскими людьми с большим трудом «за скудостью» собрали 10 руб. Да сверх того, из принуждения сварили сержанту «меду 10 фунтов ценою на 50 коп.»⁸. По фактам вопиющего произвола Сенатская комиссия незамедлительно в течение 10–12 августа 1763 г. провела следственные действия по делу о злоупотреблениях сержанта и писаря. В ходе проведения очных ставок потерпевших с подозреваемыми, последние полностью были изобличены и признаны виновными. Решением Сенатской комиссии А.И. Свечина незаконно собранные деньги под расписку приказные люди «без всякого задержания» вернули марийским крестьянам⁹.

На основании явочных челобитных комиссия констатировала, что незаконные поборы имели не единичный, а массовый характер. Эти прошения свидетельствовали о целой системе вымогательств: губернские чиновники разных рангов и приказные служители ежегодно взимали в свою пользу по 2–10 коп. с каждой ревизской души при уплате подушной подати и казенного оброка, отдаче «сказок» о ворах и разбойниках, об

⁶ Там же. Л. 317 об.

⁷ Там же. Л. 262–262 об.

⁸ Там же. Л. 252–252 об.

⁹ Там же. Л. 254–258 об.

урожае и корчемстве, по 3 руб. и больше при подаче челобитен, по 50–90 коп. (вместо указанных 2–3 коп.) при выдаче временного паспорта. Незаконные поборы, взимаемые якобы за «прописных душ» во время проведения третьей ревизии 1762–1763 гг. доходили до 75 руб. Каждый год по 6–10 коп. с души вымогали вальдмейстеры Казанской адмиралтейской конторы¹⁰.

Проезжавшие чиновники и воинские команды брали у новокрещенных подводы «бес платежа прогонов, также съестной припас, куриц, яиц и прочее безденежно». Их же принуждали содержать в исправности дороги, мосты и речные перевозки. Определенные «к защищению новокрещен» военные и гражданские чины, возглавлявшие утвержденные Сенатом специальные «команды», сами погрязли в поборах и покровительстве нарушителей закона, как например, надворный советник Никита Зеленов. Последний за взятки «дружил» с губернскими чиновниками и деревенской верхушкой, в частности, с волостным сотником Ярамарской волости Ермаком Васильевым, чинившим незаконные поборы и «многие обиды» своим сородичам. Многолетние попытки мирских людей снять с должности названного сотника пресекались угрозами посадить всех «под караул» и оборачивались для них лишь новыми издержками¹¹.

В поборах не отставали православные миссионеры Новокрещенской конторы, как например, архимандрит Свяжского Богородицкого монастыря Евмений, который ежегодно приезжал в марийские волости «для обучения закона и молитв». При этом «брал подарки лисицами и куницами», взимал по 2 коп. с каждой ревизской души и разъезжал с подьячими, солдатами и келейниками по новокрещеным жителям «бес платежа прогонов». Марийские прихожане с. Вознесенского Помары Исменец Беляжской волости жаловались на священника Семена Васильева за «разные обиды и разорения», связанные с чрезмерными поборами при исполнении им церковных «треб» и при сборе с каждого венца денежной и хлебной руги. Несостоятельных должников священник самолично избивал «смертными побои»¹².

Выражая мнение всех марийских крестьян Казанского уезда, челобитчики Пинжан Кукмарской волости 9 ноября 1763 г. заявили перед Сенатской комиссией о том, что «от всех вышеписанных обид и излишних поборов пришли они во всекрайнее разорение и скудость и в несостояние платежа подушных денег; а просить им нигде невозможно: потому что никакого дела беспенно не делают»¹³.

Во многом схожая ситуация наблюдалась в соседнем Уржумском уезде, где 21 декабря 1763 г. в свечинскую комиссию обратились Шурминской волости «ис черемис новокрещены» волостной сотник Трофим Иванов и выборный Алексей Андреев. В своей явочной челобитной они просили оказать содействие в возврате их исконных крепостных рыбных ловель, захваченных уржумским воеводой Веригиным. Свою просьбу они

¹⁰ Там же. Л. 252 об., 262 об., 278–278 об., 280, 326 об.

¹¹ Там же. Л. 326 об., 327, 330–331.

¹² Там же. Л. 252 об., 262 об., 278–278 об., 280, 326 об.

¹³ Там же. Л. 326 об.

мотивировали тем, что воевода грозит «захватя их, содержать под караулом безвинно», а крестьянские ходоки, пытавшиеся найти защиту в Казани «у определенного командира надворного советника Зеленого» семь недель не могут попасть к нему на прием «по имеющейся дружбе» того «с объявленным воеводою Веригиным»¹⁴.

В последующих пунктах челобитной шурминские марийцы высказали сожаление, что законом причитающееся им вознаграждение за «восприятие» православной христианской веры они не получили. Между тем рассыльщики и солдаты Уржумской воеводской канцелярии, разъезжавшие по различным делам, «берут подводы бес платежа прогонов». За объявление указов в каждый приезд взимают «по 50 коп. и больше с каждой волости». Во время подушного платежа «в каждую половину года» вынуждены отдавать воеводе по 1 коп. с ревизской души, по 70 коп. канцеляристу и по 2 руб. «щетки»; рассыльщикам, солдатам, «пищикам» по 1 руб. и больше. «А посылаемые для повестки платежа подушных денег берут с их волости по 10 и по 15 копеек». При подаче «сказок» об урожае хлебов, ворах и разбойниках ежегодно в пользу воеводы взимают по 2 коп. с души, а с доношения о «пиловании соснового лесу» – по 1 коп. Определенный для смотрения заповедных лесов вальдмейстер дважды в году имеет «разъезд по волостям, берет по 10 подвод и больше бес платежа прогонов, также и съестной припас безденежно»; выколачивает себе по 4 коп. с каждой ревизской души. Как нынешний, так и прежние вальдмейстеры никогда не бывали «для смотрения» в лесах. Сохранность заповедных корабельных дубрав, по словам марийских крестьян, обеспечивают «выбранные из них новокрещен, особые сотники и десятники»¹⁵.

Горные марийцы 30 крестьянских деревень-общин Акпарсовой сотни Козьмодемьянского уезда в своей челобитной от 13 января 1764 г. выразили крайнее возмущение произволом «новокрещенского бурмистра» Ивана Андреева, «по-черемисски Алдаки Тораева». Пользуясь покровительством офицера команды «у защищении новокрещен» бурмистр ежегодно выколачивал «из побоев и угроз» по 3 коп. с души, брал пчел, гусей, уток, мед, рыбу, солод, сено; заставлял месяцами работать бесплатно в своем хозяйстве сородичей и построить ему дом «всем миром», о чем убедительно свидетельствует обширная ведомость, приложенная к крестьянскому прошению¹⁶.

В последующих 11 пунктах податели челобитной «объявили, что чинятся им обиды и разорения от нижеследующего». В годы массовой христианизации «бывший в Свяжску архимандрит Селиверст» разъезжал по их новокрещенским жителям «для обучения молитв» и брал без платежа прогонов для себя и сопровождавших его служителей Новокрещенской конторы по 8–10 крестьянских подвод, лошадей, сена, овса и съестных припасов. Обещанные льготы, кроме нательных крестов и по одной иконе в дом, «ничего не получили». Сборы подушных платежей, подача различных «сказок», выдача печатных паспортов, отдача ре-

¹⁴ Там же. Л. 361–361 об.

¹⁵ Там же. Л. 361 об.–362 об.

¹⁶ Там же. Л. 373–374, 376–379.

крутов, сопровождалась большими поборами в пользу городских воевод и приказных людей Козьмодемьянской воеводской канцелярии. Разорительными были краткосрочные денежные займы у местных купцов, когда крестьянам приходилось платить «за рубль по гривне на неделю проценты». Ежегодные разъезды вальдмейстеров, офицеров команды защищения и приказных людей оборачивались большими издержками. Тщетными оставались попытки защищаться от «вышеписанных обид» подачей челобитных в присутственные места¹.

Крестьянские прошения и другие материалы Сенатской комиссии А.И. Свечина свидетельствуют о тяжелом положении государственных марийских крестьян Казанской губернии, что являлось весьма характерным и для других податных сословных прослоек накануне пугачевского восстания.

1. *Белявский М.Т.* [Выступления на I сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы] // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1958 год. Таллин, 1959.
2. *Белявский М.Т.* Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева (формирование антикрепостнической мысли). М., 1965.
3. *Димитриев В.Д.* История Чувашии XVIII века (до крестьянской войны 1773–1775 годов). Чебоксары, 1959.
4. *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М.; Л., 1946. Т. 1.
5. *Иванов А.Г.* Очерки по истории Марийского края XVIII века. Йошкар-Ола, 1995.
6. *Козлова К.И.* Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978.
7. Пугачевщина. М.; Л., 1929. Т. 2.

М.В. Калинин²

Дорожная политика России в екатерининскую эпоху

Внутренняя политика Екатерины II; дорожная политика; А.А. Безбородко, Московско-Петербургский тракт.

В статье выполнен обзор дорожной политики Екатерины II, проанализированы мероприятия в дорожной сфере, предпринятые в этот период, дана оценка данных мероприятий.

Ключевой частью инфраструктуры страны являются сухопутные дороги. Их состояние оказывает непосредственное влияние на целый ряд социально-экономических и политических аспектов жизни общества и государства. С давних пор развитие сухопутных дорог в России затруднялось серией факторов: огромная территория, множество рек и болот, сравнительно редкое население и слабые хозяйственные связи между населенными пунктами. Местные жители, отрабатывая натуральные дорожные повинности, не могли (а в ряде случаев и не хотели) выполнять своевре-

¹ Там же. Л. 374 об.–375 об.

² Калинин Михаил Владимирович, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., mixail.k179@gmail.com.

менные строительно-ремонтные дорожные работы. В этих условиях решение дорожной проблемы падало на плечи государства.

Значение дорог для жизни государства хорошо осознавала Екатерина II. В ее Наказе Уложенной Комиссии мы видим строительство дорог среди мероприятий, относящихся «к пользе общей». Состояние российских дорог Екатерина знала не понаслышке: она не раз ездила из Петербурга в Москву. Кроме того, в первые годы своего правления она совершила два крупных путешествия: в Ростов (1763 г.) и Остзейский край (1764 г.) [1; 2].

К решению дорожной проблемы Екатерина II впервые подошла в 1764 г. Тогда она издает указ, по которому главой учрежденной еще при Елизавете Петровне Канцелярии от строения государственных дорог был назначен сенатор, генерал-поручик Николай Ерофеевич Муравьев³. Заметим, что Муравьев получил право личного доклада императрице – в том случае, когда Сенат «собою учинить не может»⁴. Вслед за назначением Муравьева последовал указ, который сделал Канцелярию от строения государственных дорог центральным дорожным ведомством страны. В соответствии с указом, воеводы и губернаторы были обязаны присылать в Канцелярию полугодовые ведомости о состоянии дорог в своих регионах. Отметим, что за год до этого, 11 сентября 1763 г., вышел аналогичный указ, по которому воеводы и губернаторы подавали полугодовые ведомости о состоянии дорог в своих губерниях – только не в Канцелярию от строения государственных дорог, а в Сенат⁵, который, по всей видимости, к 1764 г. решил избавиться от этой нагрузки.

Расширение полномочий Канцелярии, получение ее руководителем права доклада императрице – все это сулило начало большого преобразования дорожного хозяйства Российской империи. Однако оно не случилось. Неясно, удалось ли в 1764 г. собрать ведомости о состоянии путей сообщения в губерниях. В фондах Канцелярии от строения государственных дорог мы обнаружили всего один губернский отчет, присланный астраханским губернатором⁶. Были ли присланы отчеты из других губерний, и, если были, то где они находятся сейчас? Выяснение этих вопросов требует дополнительного исследования. На текущий момент ясно одно: в середине 1760-х гг. екатерининское правительство откладывает решение дорожного вопроса. Как свидетельствуют документы Канцелярии от строения государственных дорог, деятельность Канцелярии затухает. Сама Канцелярия была расформирована в 1780 г. Вместо нее, для достройки дорог Санкт-Петербургской губернии была создана Экспедиция по строению дорог. Данная экспедиция была ликвидирована в 1784 г. Таким образом, к 1785 г. в России не было государственного ведомства, которое бы занималось сухопутными путями сообщения.

В то же самое время правительство активно занималось развитием водных путей сообщения. Как показывает Э.Г. Истомина, в 1770-е –

³ РГАДА. Ф. 248. Сенат. Кн. 5472. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ ПСЗ. Т. XVI. №12 232.

⁶ РГАДА. Ф. 248. Сенат. Кн. 5472. Л. 916.

1780-е гг., строились новые шлюзы по Мсте и Волхову [3]; в эти же годы, в связи с присоединением земель Новороссии, велось развитие коммуникаций на днепровском водном пути [4].

В конце 1780-х гг. Екатерина возвращается к решению дорожной проблемы. 14 марта 1786 г. она учреждает Комиссию о дорогах в государстве. Основная причина создания Комиссии определена в указе об ее учреждении: «Когда на самых диких и непроходимых местах не только населения, но и целые города в торговле и ремеслах возрастающие появились, видимы необходимость и сию [дорожную] часть внутреннего устройства распорядить сообразно с другими на пользу и выгоды общие»⁷. Иными словами, после успешного проведения губернской реформы, встала проблема прокладки дорог между новыми городами. Кроме того, Екатерина предписала Комиссии разработать генеральные правила для строительства дорог в России.

В новую дорожную Комиссию вошли виднейшие государственные деятели екатерининской эпохи: действительный тайный советник и главный директор банков граф Андрей Петрович Шувалов; тайный советник, главный директор почт граф Александр Андреевич Безбородко (глава Комиссии); генерал-майор Петр Александрович Соймонов. Помимо них, в состав Комиссии вошли опытные дорожные специалисты: Сергей Никитич Зиновьев, служивший в Канцелярии от строения государственных дорог с 1768 г. и инженер Карл Иванович Реан. На основании документов Комиссии о дорогах в государстве можно сказать, что непосредственно делами Комиссии занимались именно Зиновьев и Реан. За несколько месяцев они разработали инструкцию по строительству дорог. В ней давались подробные указания о том, как и чем мостить дороги, как обустраивать придорожное пространство⁸. Важным нововведением была идея использовать для мощения дорог булыжники вместо фашины⁹. Это нововведение было опробовано в 1786–1787 гг. при ремонте Московско-Петербургской дороги. В соответствии с новыми техническими принципами дорожного строительства, было решено замостить камнем всю дорогу между столицами. Благодаря выделению крупной денежной суммы из казны (4 000 000 рублей), отказу от использования принудительного труда (работали подрядчики), Комиссии удалось совершить успешный ремонт Московско-Петербургского тракта. Так, за первый год работ, в полном соответствии с планом, было вымощено камнем 82 версты 895 саженей дорожного полотна, построено 28 мостов и 56 проточных каменных труб¹⁰.

Большой ремонт Московско-Петербургской дороги, а вместе с ним и деятельность Комиссии о дорогах в государстве, были остановлены 20 октября 1787 г., из-за начавшейся войны с Турцией. Было решено вернуть обратно в казну деньги, выделенные на дорожное строительство. Однако Екатерина не спешила распускать Комиссию, столь успешно показавшую

⁷ ПСЗ. Т. XXII. №16 346.

⁸ РГАДА. Ф. 16. Разряд. Оп. 1. Д. 268. Л. 1–48.

⁹ Фашины – связки хвороста, использовавшиеся в России в XVIII в. для мощения дорог.

¹⁰ РГАДА. Ф. 16. Разряд. Оп. 1. Д. 267. Ч. 4. Л. 150.

себя в первый год работы. Вплоть до 1791 г. казна ежегодно отпускала бездействовавшей Комиссии 30 000 руб. годового жалованья¹¹. Затем казна перестала отпускать Комиссии деньги, и та жила еще 5 лет в «автономном режиме». Комиссию закроет только Павел I, вернувший все дороги в ведение губернских властей¹².

Подведем итоги. За время своего правления Екатерина II несколько раз подходила к решению дорожной проблемы. Она прекрасно понимала значение сухопутных путей сообщения для жизни государства. Строительство дорог требовало огромных ресурсов – как организационных (создание специализированных ведомств, разработка теоретической базы), так и практических (выделение казенных средств). Эти ресурсы возникли у государства только к концу 1780-х гг., когда, после серии успешных внутриполитических реформ, правительство сумело организовать успешный ремонт главной дороги страны – Московско-Петербургского тракта. Однако его успешному проведению помешала начавшаяся в 1787 г. война России с Османской империей. Неясно, почему правительство не вернулось к ремонту этой дороги в 1791 г., после завершения войны. Этот вопрос нуждается в дальнейшем исследовании. Не вызывает сомнения гипотеза, что Екатерина II надеялась вернуться к решению дорожных проблем в более благоприятные времена и поэтому не закрывала в 1790-е гг. бездействовавшую Комиссию о дорогах. Ее закрыл только Павел I, действия которого легко объяснить: не испытывая уважения к учреждениям своей матери, он считал бесполезным и ненужным сохранение комиссии, которая уже 9 лет ничем не занималась. При этом я бы не спешил назвать екатерининскую дорожную политику провальной. Именно в этот период были разработаны и опробованы те меры дорожной политики, которые станут широко применяться в XIX в.

1. *Ибнеева Г.В.* Путешествия Екатерины II. Опыт освоения имперского пространства. Казань, 2006.
2. *Бессарабова Н.В.* Путешествия Екатерины II по России. М., 2005.
3. *Истомина Э.Г.* Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX вв. М., 1982.
4. *Истомина Э.Г.* Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX вв. М., 1982.

¹¹ Там же. Л. 173.

¹² ПСЗ. Т. XXIV. № 17 670.

Еще раз о поземельных актах крестьян Русского Севера
в XVII в.

Черносошные крестьяне; разновидности актов поземельных сделок; неявная информация частных крестьянских актов.

Рассматриваются частные акты на недвижимость, воссоздающие сделки на землю, обыденность их в практике землевладения черносошных крестьян, выявляется информация, не вытекающая из прямого содержания актов.

Интерес отечественных историков к поземельно-имущественным отношениям, которые бытовали у черных крестьян в XVI–XVII в. появился во второй половине XIX в. Вопрос о характере обладания «черной» землей у крестьян интересовал Б.Н. Чичерина, В.О. Ключевского, Н.П. Павлова-Сильванского, А.С. Лаппо-Данилевского; историки П.А. Соколовский, А.Я. Ефименко, М.А. Островская специально посвятили свои работы землевладению крестьян Русского Севера. Конечно же, имеет первостепенное значение фундаментальный двухтомный труд М.М. Богословского «Земское самоуправление на русском Севере в XVII в.» [3]. В нем ученый охарактеризовал важный вопрос о праве черных крестьян в XVII в. на используемую ими землю и сделал обоснованный вывод о черной земле как находящейся только во владении крестьян, но не в их собственности. При различной оценке поземельных прав черных крестьян историки прослеживали у них свободу земельно-имущественных отношений, и эта свобода реализовалась в совершении распорядительных сделок, фиксируемых в соответствующих актах.

Частные акты в отечественной историографии изучались с конца XIX в. Это исследования: А.А. Шахматова о двинских актах XV в., М.А. Дьконова о служилых кабалах, порядных и других грамотах, и разумеется, А.С. Лаппо-Данилевского о служилых кабалах XVI–XVII вв. и его учеников А.И. Андреева об отступных грамотах XVI в. северных уездов, С.Н. Валка о новгородских актах XIV–XV вв. Можно отметить линии, прослеживающиеся в историографии в период, приходящийся на рубеж XIX–XX вв., если не параллельные, то совпадающие во времени, когда ученые создавали на основе источников исследовательский нарратив и вели углубленное изучение самих источников как аккумулятора информации, сознательно заложенной в него создателем. Упомянутые и многие другие историки второй половины XIX – начала XX вв. ввели в научный оборот большие массивы разных источников, в том числе писцовые книги, а также акты, как жалованные, так и частные, оформлявшие поземельные сделки и отношения.

В историографии второй половины XX в. акты, фиксирующие разнообразие отношения государственной власти с феодалными владельцами, светскими и духовными, а также тех и других с черными крестьянами, продолжали публиковаться [1; 2; 4], они же изучались, как иссле-

¹ Швейковская Елена Николаевна, Институт славяноведения РАН (РФ, Москва), д.и.н., inslav@inslav.ru.

довательски, так и источниковедчески. В тот же период усиливалось развитие дипломатики, которая постепенно становится самостоятельным направлением в источниковедении, что связано с именами С.Н. Валка, Л.В. Черепнина, А.А. Зими́на, С.М. Каштанова. Для последнего дипломатика стала основным направлением научных исследований [5; 6; 7; 8]. В названных и других работах ученый обосновал принципы классификации средневековых публично-правовых и частных актов, предложил методики формулярного анализа и дипломатического исследования в целом.

Пристальное внимание уделялось также поземельным актам черносошных крестьян. Назову наиболее значимые работы Н.Н. Покровского и А.И. Копанева. Н.Н. Покровский в книге «Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV – начала XVI в.» [12], написанной в середине 1950-х гг., использовал принятое в то время деление актов на типы, группы и подгруппы. Он основывался на функциональном содержании актов и рассмотрел формуляр грамот, в том числе купчих, меновных, закладных, а сосредоточился, преимущественно, на характеристике их содержания. Другой исследователь поземельных актов черносошных крестьян, А.И. Копанев был, пожалуй, первым исследователем, который ввел объемный массив крестьянских актов Подвинья XVI–XVII в. в свои книги «Крестьянство Русского Севера в XVI в.» [11], «Крестьяне Русского Севера в XVII в.» [10]. Ему также принадлежит обстоятельная дипломатическая характеристика документов XVI в., которыми оформлялись поземельные сделки крестьян [9]. Известно, что Н.Н. Покровский и А.И. Копанев по-разному оценивали сущность землевладения черносошных крестьян. Однако каждый из них выделял наиболее характерные для него признаки: 1) обыкновенность межкрестьянских сделок, закрепленных в соответствующих актах, 2) их устойчивость и традиционность².

Черносошные крестьяне Севера в XVI–XVII вв. чаще всего совершали куплю-продажу и заклад земельных участков, и сделки на отчуждаемые ими держания воплощались соответственно в купчих и закладных грамотах. Операции крестьян с землей по своей юридической сущности были подобны тем же самым, которые практиковали представители привилегированных сословных групп, и фиксировались такими же разновидностями письменных поземельных актов. Налицо – явная практика бытования названных типов сделок и документов на них в различных сферах их действия и, главное, среди антагонистичных социальных слоев и групп, именно привилегированных владельцев и непривилегированных земледельцев. Наблюдаемая двойственность, присущая названным поземельным сделкам, объясняется общей целью и функциональной направленностью купли-продажи недвижимости, что не зависело от социальной сферы действия и, в свою очередь, было обусловлено внутренними закономерностями развития общества XVI–XVII вв., направленного на обеспечение его дееспособности.

² Историографическую характеристику землевладения черносошных крестьян и полемику вопросу в 1950–1970-е гг. см.: [13, с. 62–90].

В историографии, как известно, интерпретировалась практика поземельных сделок черных крестьян с привилегированными владельцами (частными феодалами или монастырями) и/или между собой. Так, Н.Н. Покровский исследовал комплекс основных разновидностей актов XIV – начала XVI вв. по Центру и Северу Руси с целью выяснить: способы утраты крестьянами своих земель и попадания в зависимость от феодалов, отношения между феодалами и крестьянской общиной, виды и размеры ренты. Одним из путей полной или частичной потери крестьянами земли были частные сделки с недвижимостью, которые регистрировались купчими, данными, меновными грамотами, а также закладными кабалами, а ими фиксировался договор займа, сопровождавшийся залогом должником своей земли. Ученый установил, что за счет отчуждаемых крестьянами земель, попадавших к отдельным владельцам, реально формировалась феодальная земельная собственность. Однако наряду с этим процессом земельные участки перетекали по сделкам от одного крестьянина к другому. Оба фактора свидетельствуют о разнообразии поземельных и социальных отношений в крестьянском сообществе и общине.

А.И. Копанев сосредоточился на вопросе о сущности землевладения черносошных крестьян Севера в XVI–XVII вв. Он отстаивал точку зрения о том, что крестьяне свободно манипулировали землей как частные собственники. Изученные им разновидности актов убедили его в существовании поземельных отношений в черносошной деревне, которые вели к изменениям в землевладении и землепользовании, росту неравенства, мобилизации земель в немногих руках. Основываясь на клаузулах поземельных актов, ученый убедился, что бытование поземельных сделок есть показатель «собственности» крестьян на свои земли, а свободное заключение сделок происходило в рамках активно действующих волостной общины и самоуправления.

Поземельные акты черносошных крестьян XVII в. исследовались мной в ином историографическом ракурсе, а именно для выяснения обычно-правовых норм, которым они следовали на практике. Наиболее явственно способ обращения земельных участков в межкрестьянской среде отразили купчие грамоты. Нормы, которых крестьяне придерживались при купле-продаже земли, были постоянны и практически неизменны, главное, они не зависели от государственных установлений и документально фиксировались на протяжении XVI–XVII вв. Собственно независимость этих норм от законодательного регулирования обеспечивала им обычно-правовой характер, тем самым создавая иное правовое поле.

Однако названными вопросами не исчерпывается информация, которую можно получить из межкрестьянских поземельных актов. Они содержат обильные данные по разным отраслям ономастики. Во-первых, по антропонимике. Контрагенты сделки, в актах, естественно, поименованы, нередко в трехчастной форме, при этом встречаются имена в неканоническом варианте. На их основе можно составлять частотные списки имен, преимущественно мужских, на протяжении значительных временных отрезков. Во-вторых, данные по топонимике. Продавцы, отчуждая

земельный объект, который мог состоять из нескольких долей, приводят их названия, и не только деревень, починков, но и полевых участков, в том числе, находящихся за деревенскими границами, а также пожен. Такие данные позволяют дать представление о топографии пахотных и сенокосных угодий, что и сделал А.И. Копанев. В-третьих, данные по гидронимике. Север — регион лесов и текущих в них крупных рек с сильно разветвленной сетью, состоящей из средних и малых притоков, имеющих, в свою очередь, более мелкие. Их названия хранят языковой субстрат как первых насельников края, так и следующих волн колонистов.

Поземельные акты хранят сведения о материальной культуре крестьян Севера, прежде всего, о жилых постройках, а также хозяйственных, расположенных на территории двора и за его пределами. Таких данных достаточно для суждений об инфраструктуре северных деревень, как правило, малодворных.

Факты продажи крестьянами земельных владений в литературе 1960–1980-х гг. трактовались прямолинейно и узко, как показатель обеднения одних крестьян и обогащения небольшого числа других. Однако содержание сделочных актов не столь ограничено. Межкрестьянские акты, действительно, свидетельствуют о внутريدеревенской имущественной градации. С другой стороны, они отражают ситуацию на дату сделки. Снижение материального состояния у продавца и повышение его уровня у приобретателя земли не означало еще ни разорения первого и обязательного обогащения второго, ни перехода каждого из них в другую дифференцированную группу. Частные акты черносошных крестьян – показатель происходившей внутренней пульсации хозяйств, регулирования их повышающегося и/или снижающегося уровня.

1. АСЭИ. М., 1952–1964. Т. I–III.
2. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. М., 1951–1961. Ч. I–III.
3. *Богословский М.М.* Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. М., 1909–1912. Т. 1–2.
4. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
5. *Каишанов С.М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970.
6. *Каишанов С.М.* Русская дипломатика. М., 1988.
7. *Каишанов С.М.* Из истории русского средневекового источника. М., 1996.
8. *Каишанов С.М.* Актовая археография. М., 1998.
9. *Копанев А.И.* Дипломатика поземельных актов двинских крестьян XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1974. Т. VI.
10. *Копанев А.И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984.
11. *Копанев А.И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978.
12. *Покровский Н.Н.* Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV – начала XVI в. Новосибирск, 1973.
13. *Швейковская Е.Н.* Государство и крестьяне России: Поморье в XVII веке. М., 1997.

Платежная книга новгородской Шелонской пятины
конца XV в. (РГАДА. Ф. 137. Новгород, 2в)²

Древнейшая писцовая документация; Новгородская земля; источниковедение.

Проанализированы структура и содержание одной из древнейших русских платежных книг, рассмотрены ее текстологическая и делопроизводственная связи с писцовыми книгами конца XV в., предложена атрибуция и датировка.

Рукопись, обозначенная в издании Археографической комиссии как «сокращенная» книга Шелонской пятины [4, стб. 1–70], обнаружена среди неразобранных бумаг Московского главного архива министерства иностранных дел на рубеже XIX–XX вв. Тетради этой рукописи прибыли в Москву (в приказ Новгородской четверти) в составе собрания писцовых книг конца XV–XVI в. в январе 1688 г. [6, с. 73–80, 375–377]. Отсутствие ее названия в перечне книг, переданных из Новгорода, означает, что в описи 1687 г. она была объединена с другими документами – вероятнее всего под названием «Книга писцовая Матфея Валуева 7006-го году».

В архиве МГАМИД рукопись получила номер 2а среди книг по Новгороду [4, предисловие]. В ф. 137 ЦГАДА шифр был изменен на Новгород, 2в (далее – «Новг. 2в»)³. Текст находится в 7 тетрадах на 52 листах «в четверку». В кодикологическом отношении это относительно простой документ. Пять тетрадей сохранили нумерацию (3–7) на первом листе, из них на трех тетрадах уцелела нумерация (4–6), и на последнем листе. Тетрадь, предшествующая номеру 3, имеет стандартный 8-листный размер, симметричное расположение филиграней, а на первом листе тетради (л. 7) сохранилось титло от кириллического номера. Первая тетрадь рукописи сохранила только титло от номера на последнем листе. Это, в совокупности с сохранившейся симметрией листовой формулы тетрадями 2–6, свидетельствует об отсутствии перебивок листов и утрат внутри текста. После изготовления рукописи в ней не производились вставки или замены листов, так как текст написан одной рукой «на одном дыхании» на бумаге одного сорта (филигрань «солнце» (Брике, 13 930 (1492–1506 гг.))). Первая и последняя тетради насчитывают по 6 листов и имеют характерное нарушение симметрии, указывающее на утрату первых двух листов первой и последних двух листов седьмой тетрадью.

Определение «сокращенная» не предлагает атрибуцию книги, а лишь констатирует отсутствие в ней подробного описания хозяйственных показателей каждого селения и подразумевает вторичный характер документа, являющегося результатом сокращения более пространныго

¹ Фролов Алексей Анатольевич, Институт всеобщей истории РАН (РФ, Москва), к.и.н., npkfrolov@gmail.com.

² Работа написана при поддержке РФФИ, грант № 18–09–00189А.

³ Это произошло между 1949 г. и 1959 гг.: в Карточке выдачи дела (первая запись в ней имеет дату 12.II.–49 г., последняя – 16.IV.–59) книга была записана под шифром 2а, однако затем он был исправлен на 2в.

текста. А.М. Андрияшев считал книгу «перечневой, практически имевшей значение платежной» [1, с. XII], К.В. Баранов – «платежной» [5, с. 17].

К.И. Зайцев предложил различать в писцовом делопроизводстве два типа платежных документов: 1. «Платежные книги» содержали «счисленные окладных единиц и те сборы, которые по своему постоянству и определенности могли быть занесены в писцовые книги» и 2. «Платежницы» – «результат какого-либо определенного сбора», в них «заносилась сумма полученного сбора, письмоводство сборщика, служащее вместе с тем отчетом о поступивших суммах» [2, с. 15]. **Новг. 2в** К.И. Зайцев обоснованно отнес к первому типу.

Наблюдения над кодикологией рукописи уточняют ее атрибуцию и определяют характер связи с писцовой документацией по Шелонской пятине рубежа XV–XVI вв.: двумя списками XVIII в. с дворцовых книг и фрагментами писцовой книги оброчных, помещичьих, своеземческих и церковных земель («сошной писцовой книги» Шелонской пятины – далее **СПК**). Последние хранятся, в основном, в ф. 137 РГАДА под шифрами Новгород, №2, 2а, 2б и Псков, № 2⁴.

В рукописи **Новг. 2в** нет описания объектов налогообложения – селений, их хозяйственных показателей и обежных окладов. Указаны только новый и старый владельцы, сошный оклад всего земельного владения, сведения о льготе и год ее истечения. Как и в **СПК**, внутри погоста владения сгруппированы по категориям (оброчные, поместные, своеземческие, церковные). Данные о доходе и подможных деньгах приведены только при совпадении адресата государственных налогов и платежей в пользу землевладельца (т.е. для оброчных земель). Не включены в книгу данные по городам.

Новг. 2в не является результатом простого сокращения **СПК** известной нам редакции: в ней сначала приведено имя нового владельца (причем первая буква его имени выделена жирным шрифтом и может быть быстро найдена среди окружающего текста), и лишь затем указано, чья это была волостка. В **СПК** порядок обратный – для каждого поместья сначала указан старый владелец, потом указано, за кем оно записано в настоящее время.

Еще два отличия структуры рукописи **Новг. 2в** от **СПК** появились уже после создания документа – в виде помет двух видов на полях рукописи: 1) указание в конце каждой главы на число сох, описанных в тексте соответствующей главы и 2) пометы «пис.», которые, как отмечается уже в предисловии к публикации, проставлены напротив имен тех «новых землевладельцев», о владениях которых упоминалось раньше. Появление помет на полях объясняется тем, что их содержание (конкретное число сох) и уместность (повторные упоминания владельца) могли быть определены уже по завершении работы над основным содержанием книги.

Итак, **Новг. 2в** от **СПК** отличается не только набором данных, но и структурой, адаптированной для быстрого поиска в ней плательщиков и для проверки «контрольных сумм», собранных со всего погоста. Как же

⁴ Подробное кодикологическое исследование **СПК** я планирую сдать в печать в 2019 г.

они соотносятся текстологически? Для некоторых владений сохранились описания в обоих источниках. Издатели **Новг. 2в** указали на ряд расхождений ее текста с **СПК**. Составитель **Новг. 2в** дважды, при упоминании подможных денег, выданных крестьянам оброчных земель, указывает: «**по Матвееву списку, в книгах не было**» [4, стб. 58], что было трактовано издателями как указание на использование в качестве основного источника сведений для **Новг. 2в** неких других книг, а сохранившуюся рукопись **СПК** они считали «Матвеевым списком». Но, как отметил К.И. Зайцев, приведенные примеры расхождения текстов «покоятся на ошибках и небрежности издателей». К тому же обе записи о подможных деньгах со ссылкой на «Матвеев список» – это вставки, сделанные той же рукой в готовый текст.

Предпринятое мной сличение **Новг. 2в** с текстом **СПК** не выявило расхождений, объяснение которых требует считать основным источником **Новг. 2в** рукопись, отличную от известной **СПК**. Более того, ряд наблюдений исключает возможность использования при изготовлении **Новг. 2в** редакции **СПК**, которая предшествовала бы сохранившейся: некоторые данные, включенные в основной текст **Новг. 2в**, появились в **СПК** уже после создания ее основного текста. Так, запись о принадлежности земли в Которском погосте Третьяку Безкунникову в **СПК** является припиской (сделанной почерком основного текста), при составлении **СПК** это владение числилось оброчным и, соответственно, было помещено среди оброчных земель.⁵ В **Новг. 2в** эти земли описаны уже как поместные – за Третьяком. Включенное в основной текст **СПК** сообщение об ошибочном упоминании д. Плюса в Которском погосте коррелирует с отсутствием упоминания этого владения в **Новг. 2в**⁶.

Наиболее важно то, как отражены в **Новг. 2в** суммы денег за хлебный доход с оброчных земель. В **СПК** я насчитал 22 случая исправления этих значений (в основном по подчищенному первоначальному тексту, иногда восстановленному). Они связаны с владениями, конфискованными у новгородцев раньше всего. По-видимому, в первые годы московской власти замена хлебного оброка денежным эквивалентом была оценочной, без точного расчета по числу коробей и ценам. Для земель, которые были пооброчены относительно поздно, денежный эквивалент хлебного оброка сразу был указан сообразно с действующими ценами и не нуждался в исправлении. В **Новг. 2в** все деньги за хлеб приведены уже в скорректированном виде. Значит, составитель **Новг. 2в** не мог пользоваться более ранней редакцией **СПК**, а корректировка сумм за хлеб непосредственно предшествовала составлению **Новг. 2в**.

Итак, именно известную рукопись **СПК** следует рассматривать как основной источник данных для **Новг. 2в**, т.е. «книги». «Матвеев список», как предполагал еще К.И. Зайцев, содержал некоторые добавочные данные, привлекаемые в **Новг. 2в** эпизодически [2, с. 5–6]. В шелонской **СПК**

⁵ РГАДА. Ф. 137. Новгород, 2а. Л. 16–17; [3, стб. 87]. Ср.: РГАДА. Ф. 137. Новгород, 2в. Л. 15 об.; [4, стб. 20].

⁶ РГАДА. Ф. 137. Новгород, 2а. Л. 51 об.; [3, стб. 130]. Ср.: РГАДА. Ф. 137. Новгород, 2в. Л. 16 об.; [4, стб. 22].

подможные деньги упоминаются сравнительно часто (9 случаев). Поэтому не исключено, что сведения о подможных деньгах, выписанные, например, из «старых книг», и составляли все его содержание.

На тесную делопроизводственную связь двух рукописей указывает близкое сходство основного почерка **Новг. 2в** и дополнительного почерка **СПК**, которым были сделаны упомянутые выше исправления денежных сумм, заменяющих хлебный оброк. Предположительно это одна рука. Это сходство чрезвычайно важно потому, что в сошной книге Бежецкой пятины рубежа XV–XVI вв. находится один лист, добавленный на финальном этапе работы с рукописью (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. Д. 17146. Л. 362), написанный, по предварительному заключению, тем же почерком, что и **Новг. 2в** (незначительные отличия могут быть связаны с черновым характером бежецкого листа), причем почерк этот в бежецкой книге больше нигде не выявлен. На л. 362 записан альтернативный вариант части итогов по волости Удомля, который, в отличие от первоначального, «оценочного» варианта (на л. 363), приводит сумму денег за хлебный доход, рассчитанную на основе хлебных цен (также включенных в книгу) [5, с. 210–211; Подробнее см. 7].

Обладатель этого почерка, таким образом, может быть охарактеризован не как простой подьячий – участник процесса перебеливания писцовой документации, а как ответственное лицо, причастное к организации сбора налогов и сеньориальных доходов в великокняжескую казну с новгородских земель (по меньшей мере – в Шелонской и Бежецкой пятинах). В данном контексте неслучайным может быть использование для **Новг. 2в** сорта бумаги, ни разу не встреченного в писцовой документации рубежа XV–XVI вв. (писцовые книги всех пяти пятин написаны в основном на бумаге с филигранями «голова быка», «весы» (с некоторыми исключениями)). Вероятно, место изготовления финансового документа – **Новг. 2в**, было обособлено от места переписки документов кадастрового учета.

Текстологическая и делопроизводственная связь между **СПК** и **Новг. 2в** позволяет скорректировать датировку обоих источников по датам выдачи и истечения льгот. Уже **СПК** в основном тексте учитывает льготу, выданную в начале 7008 г. (источник сообщает о пятилетней льготе, истекающей на Рождество 7013 г.), при этом другая льгота должна истечь на Рождество 7009 г. [3, стб. 4]. Значит, **СПК** была составлена между сентябрем 1499 г. и сентябрем 1500 г. Но **Новг. 2в** сообщает о выплате оброка на Рождество 7008 г. как о предстоящей [4, стб. 32], что позволяет датировать оба источника осенью – началом зимы 1499 г.

1. *Андряшев А.М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли. Вып. 1: Списки селений. М., 1914.
2. *Зайцев К.И.* К вопросу о платежных книгах и платежницах // Труды студентов экономического отделения Санкт-Петербургского Политехнического института. СПб., 1909. Вып. 3.
3. Новгородские писцовые книги. СПб., 1886. Т. IV.
4. Новгородские писцовые книги. СПб., 1905. Т. V.
5. Писцовые книги Новгородской земли. М., 1999. Т. 1.
6. *Фролов А.А.* Новгородские писцовые книги: источники и методы исследования. М.; СПб., 2017.

7. Фролов А.А. Фрагмент описания Бежецкой пятины конца XV в. и методы создания новгородских писцовых книг рубежа XV–XVI вв. // Вестник «Альянс-Архео». М; СПб., 2019. Вып. 29 (в печати).

С.В. Шпирко¹

О механизмах формирования погостной системы в Новгородской земле (по результатам математического моделирования на материале писцовых книг конца XV в.)

Математическое моделирование; историческая демография; писцовая книга; система размещения центров.

Изучаются механизмы формирования поселенческой структуры новгородской земли, отраженной в писцовых книгах конца XV в., с помощью одного подхода математического моделирования.

Математика – наука точная, оперирующая числами и формулами. Кажется бы, это имеет весьма отдаленное отношение к описанию исторических процессов, в которых одну из главных ролей играет субъективный фактор, воля и интерес индивидуумов, которые нельзя измерить числами. На самом деле, это не так, и мы имеем возможность на протяжении уже нескольких десятков лет наблюдать случаи удачного применения математики в той или иной области исторических исследований. Одним из возможных способов подобного применения является математическое моделирование. Суть математической модели состоит в намеренном упрощении, если угодно «компактизации», предмета исследования с целью выявления знания о наиболее важных его свойствах и закономерностях.

В настоящей работе рассматривается применение математического моделирования к изучению погостной системы, являвшейся в средневековый период формой пространственного размещения населения и территориальной организации управления ряда русских земель, в частности Новгородской². Мы покажем, что подобное моделирование позволяет не только проводить количественное описание исследуемой погостной системы, но и делать качественные выводы о характере протекавших в ней процессов. Так, полученные результаты оказались тесным образом связанными с вопросами происхождения и развития земледельческой общины, характера ее расселения.

Дискуссии по первому вопросу возникли еще с 1840-х гг., когда был открыт для европейской науки сам феномен русской общины, и которые разделили ученых на два противоположных лагеря. Первые (А. Гакстгаузен, И.Д. Беляев, К.С. Аксаков) рассматривали общину как добровольный союз людей, признавая ее изначальное существование и древнее происхождение. Так, Беляев писал: «Погост был чисто бытовым учреждением,

¹ Шпирко Сергей Валерьевич, Российский Государственный Гуманитарный Университет (РФ, Москва), к.ф.-м.н., shpirkos@mail.ru.

² Под Новгородской понимается собственно Новгородская земля, включающая территории позднейших Водской, Шелонской, Обонежской, Деревской и Бежецкой пятин (более подробно см. [1; 6]).

а не административным; здесь администрация в последствии только воспользовалась готовым учреждением жизни...» [1, с. 23]. Ученые из противоположного лагеря (Б.Н. Чичерин, П.Н. Милуков), наоборот, доказывали позднее происхождение общины, вызванное фискальными потребностями государственной власти.

Следующий этап в изучении феномена общины наступает, по мнению С.Д. Сказкина, в 1880–1890-х гг., и связан с исследованиями русских статистиков и экономистов (А.Я. Ефименко, А.А. Кауфман) [7]. Так, основываясь на статистическом обследовании русских переселенцев в Сибири, А.А. Кауфман выделяет этапы формирования поземельной общины. Исследователь полагает, что своим происхождением русская община обязана не государственному началу, а простому захвату земли и пользованию ею, не ограниченном в далеком прошлом никакими правилами и нормами [5].

Что касается изучения второго вопроса, то еще В.П. Семенов-Тянь-Шанский связывал характер расселения с наличием и естественным расположением удобных участков. Таковыми для северо-западной России являлись почвы в районах моренного ландшафта, что предопределило расселение земледельцев на водораздельных участках [8].

Исследования советских и российских археологов значительно продвинули решение этого вопроса, выявив общие закономерности в топографии средневековых русских поселений, организации расселения и направлении эволюции. Как указывает Н.А. Макаров, в X – начале XIII в. для всех территорий Центра и Севера Древней Руси был характерен приречный тип заселения, группировка населения в компактные гнезда, относительно крупные поселения. Следующий этап (конец XIII–XIV в.) связан с распространением населения на водоразделы, уменьшением размеров поселений, сменой гнездового расселения на иной характер локализации, занимающий большие участки с более слабой пространственной связью между поселениями [2].

Новый этап в изучении этих вопросов открывается, по нашему мнению, с применением *математических методов*, позволяющих дополнить и проверить результаты традиционных исследований, будь то анализ письменных источников или археологических раскопок. К настоящему времени известны несколько попыток количественного описания формы расселения рассматриваемого региона.

Так, подсчитанный А.Я. Дегтяревым по картам А.М. Андрияшева Водской, Шелонской, Деревской и Бежецкой пятин конца XV в. коэффициент ближайшего соседства дает значение в пределах от 0,88 до 1,28. Эти значения весьма близки к единице, которая в анализе ближайшего соседства соответствует случайному распределению. Полученные результаты позволили исследователю сделать вывод о распаде к этому времени гнездовой системы расселения, *срастанию* некогда существовавших гнезд, приводящему к их исчезновению и образованию сплошного массива поселений [4].

Вероятностное моделирование при изучении поселенческой структуры отдельных территорий Деревской пятины применяют О.Н. Трапез-

никова и А.А. Фролов. Авторы исходят из пуассоновской гипотезы, суть которой состоит в случайном расположении поселений на территории, причем новое поселение возникает на некотором расстоянии от соседних. Применяемая методика включала «набрасывание» случайным образом в пределах изучаемой территории серий пробных площадок одного радиуса и подсчета числа попавших в них локализованных поселений³. Проверка выдвинутой гипотезы статистическим критерием дала положительный результат для площадок малых размеров (радиуса в пределах 1,5–2 км), что позволило авторам сделать вывод, что структура расселения на рассматриваемой территории в целом формировалась *стихийно* и с учетом природных особенностей территорий [9].

На наш взгляд, последний тезис авторов нуждается в существенной корректировке. Как было указано выше, пуассоновский характер распределения подтверждается лишь на малых площадках («микроуровень»). При переходе на «макроуровень» (скажем, анализ погостной системы в пределах всей пятины, где природные особенности уже *не являются однородными*) приходится привлекать иные идеи и методы. В соответствии с этим автор настоящей работы развивает вариационный подход [11], предложенный к моделированию систем размещения центров советским и российским математиком С.М. Гусейн-Заде.

В качестве модели поселенческой структуры погоста мы используем систему *одноуровневой иерархии центров*: деревня – центральное поселение. С центральными поселениями можно соотносить погосты-места, которые еще в XV–XVI вв. сохраняли в новгородских землях значение волостных и церковно-приходских центров. Как пишет С.Б. Веселовский: «В трапезной погостной церкви происходили сходки волостного мира, производилась раскладка податей, а в праздничные дни устраивались братчины – мирские пиры в складчину» [3].

Возвращаясь к модели, неоднородность условий учитывается в ней с помощью функции плотности населения $p(x)$. Чем «гуще» заселенность окрестности точки x , тем больше значение этой функции. Далее, жители деревни, обладая свободой воли и действия, располагают свое поселение на территории погоста таким образом, чтобы находиться близко как от центра (центрального поселения), так и обрабатываемого ими участка. Математически это можно представить в виде задачи *минимизации* двух функционалов⁴, первый из которых является суммарным расстоянием от всех деревень погоста до центра, а второй – суммарным расстоянием от каждой деревни до контролируемой ею территории.

Очевидно, для нахождения величины первого функционала нужно знать не только функцию $p(x)$, но и функцию расстояния $g(x)$ от точки x до ближайшего центра. Функция $g(x)$ играет роль зависимого, а $p(x)$ – независимого аргумента обоих функционалов. Варьируя $p(x)$ при фиксированном $g(x)$ можно добиться большего или меньшего значения функцио-

³ В качестве таковой привлекалась территория Городенского погоста Деревской пятины площадью 604 кв. км и 191 локализованным поселением (см. [10]).

⁴ Под функционалом в математике понимается переменная величина, зависящая от функции как от своего аргумента.

нала. Как следует из математической теории, существует такое соотношение между $r(x)$ и $p(x)$, при котором значения обоих функционалов нельзя одновременно уменьшить (ситуация равновесия Парето). Таким образом, ситуация равновесия реализует компромисс между двумя тенденциями: концентрацией поселений вокруг центра и их дисперсным расположением на всей территории погоста.

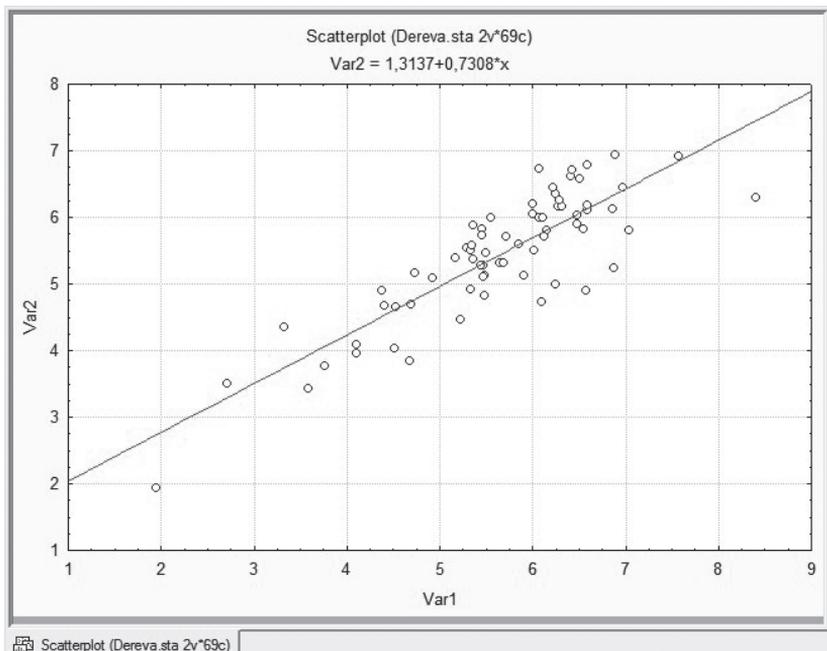

Рис. 1. Диаграмма рассеяния для логарифма от числа дворов (Var2) и логарифма от площади погоста (Var1)

Применяя математический аппарат, получаем формулу, связывающую $p(x)$ и $r(x)$ в ситуации равновесия: $p(x) = \lambda r(x)^{-2/3}$, где λ – некоторое положительное число. Таким образом, чем меньше величина $r(x)$, тем больше значение $p(x)$. Иными словами, при удалении от центра плотность населения падает. Зная эту формулу, можно получить оптимальные соотношения, связывающие и другие характеристики изучаемой системы. Так, численность N и население S погоста должны быть связаны следующим образом: $N = C S^{2/3}$, где C – положительное число. То есть, чем больше площадь погоста, тем больше в нем проживает населения. В то же время, зависимость между средней плотностью p населения погоста и площадью – обратная: $p = N/S = C S^{-1/3}$. То есть, чем меньше площадь погоста, тем плотнее в нем проживает население. Если перейти для удобства к логарифмической шкале, то полученный степенной характер зависимости всех характеристик заменяется на *линейный*.

Апробация модели проводилась на основе Исторического Атласа А.А. Фролова и Н.В. Пиотух [8], реконструировавших данные писцовых книг по Деревской пятине⁵ Новгородской земли конца XV в. Проверка соответствия эмпирических данных теоретическим дала хорошие результаты. Так гипотеза о линейной зависимости между логарифмом от числа дворов (деревень) и логарифмом площади погоста подтверждается с уровнем значимости 95 %. Коэффициент корреляции между ними составляет 0,85, а коэффициент регрессии отличается от теоретического (2/3) на величину 0,064.

		Correlations (Dereva.sta)			
		Marked correlations are significant at $p < ,05000$			
		N=69 (Casewise deletion of missing data)			
Variable	Var1	Var2			
Var1	1,00	0,85			
Var2	0,85	1,00			

Рис.2. Матрица корреляции для логарифма от числа дворов (Var2) и логарифма от площади погоста (Var1)

Таким образом, данные писцовых книг конца XV в. отражают *финальную стадию* процесса сельского расселения на землях Новгорода. Это расселение носило стихийный, *свободный* характер, но с глобальной точки зрения представляло собой развертывание в пространстве и времени двух противоположных тенденций: центростремительной и центробежной. Таким образом, процесс расселения обладал внутренней логикой и самоорганизацией. Взаимно компенсирующее влияние обеих тенденций должно было создать в конечном счете характерную «картину» поселенческой структуры: сгущение вблизи центрального поселения и все большую разреженность по мере удаления от него.

1. *Беляев И.Д.* Рассказы из русской истории: сочинение Ивана Беляева. Книга 2: История Новгорода Великого от древнейших времен до падения. М., 1864.
2. *Бужилова А.П., Захаров С.Д., Макаров Н.А.* Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001.
3. *Веселовский С.Б.* Подмосковье в древности. Три очерка. М., 2002.
4. *Дегтярев А.Я.* Русская деревня в XV–XVII веках. Очерки сельского расселения. М., 1980.
5. *Кауфман А.А.* К вопросу о происхождении русской земельной общины. М., 1907.
6. Очерки истории средневекового Новгорода / Ред. В.Л. Янин. Изд. 2-е. М., 2013.
7. *Сказкин С.Д.* Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968.
8. *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* Город и деревня в Европейской России // Записки русского географического общества по отделению статистики. СПб., 1910. Т. X.
9. *Трапезникова О.Н., Фролов А.А.* Математическое моделирование и геоэко-

⁵ В составе 63 погостов и 6 волостей (см. [10]).

- логическая оценка сельского расселения Валдайской возвышенности и его трансформации на рубеже средневековья и Нового времени // Известия Российского географического общества. СПб., 2017. Т. 149. Вып. 4.
10. *Фролов А.А., Пиотух Н.В.* Исторических Атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 годов). Том 1. Исследования и таблицы. М.; СПб., 2008.
11. *Штурко С.В.* О вариационном подходе к моделированию средневекового размещения населения (на примере Деревской пятины Новгородской земли конца XV века) // Историческая информатика. 2018. № 4.

Н.В. Соколова¹

Маргиналии нижегородских дозорных книг 1613/1614 г. как источник по истории писцового дела

Маргиналии; дозорные книги; писцовые книги; землевладение; «раздача дворцовых земель»; Нижегородский уезд.

В статье излагаются результаты исследования маргиналий наиболее раннего списка дозорных книг дворцовых владений Нижегородского у. С.И. Языкова и подьячего Емельяна Евсевьева (1613/1614 г.). Изучены типологические и видовые особенности маргиналий, их функции. На основе анализа совокупности помет доказано использование рукописи в ходе писцового описания 1620-х гг.

Наиболее ранний список «Дозорных книг Нижегородского уезда государевых дворцовых и бортных и оброчных и посошных и мордовских сел и деревень» Семена Ивановича Языкова и подьячего Емельяна Евсевьева 1613/1614 г. содержит маргиналии трех типов². Часть из них представляют собой библиотечные/архивные пометы XVIII–XXI вв.; они не являются предметом данного исследования. Вторая группа маргиналий, так называемые кодикологические пометы, связана с процессом создания рукописи. Например, рассматриваемый список датирован по скрепе («Диок Василей Юдин») «по времени пребывания В. Юдина в качестве дьяка в Нижнем Новгороде в 1618–1621 гг.» [3, с. 4–5]. К кодикологическим пометам относятся также исправления и/или восстановление пропущенного текста, которые могут быть оформлены не только как «интерлинейные вставки», но и на полях рукописи. Три маргиналии такого рода в данной рукописи подкрепляют тезис о необходимости учета кодикологических помет при изучении содержания документа.

Предметом исследования стали текстовые маргиналии третьей группы, представляющие собой следы, условно говоря, «читательских практик». По таким пометам – в контексте истории кадастровых описаний XVII в. – можно судить о характере использования рукописи и периоде ее «активного» бытования. В ходе исследования была создана база данных помет рассматриваемого списка, дополненная затем сведениями других источников. Классификация и комплексный анализ маргиналий рукописи позволили сформулировать гипотезу о функциях тех или иных помет и,

¹ Соколова Наталья Викторовна, Институт славяноведения РАН (РФ, Москва), к.и.н., natalia_sokolova@outlook.com.

² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 7513.

соответственно, о причинах их наличия/отсутствия в разных частях текста.

Маргиналии дозорных книг 1613/1614 г. ранее уже привлекали внимание исследователей. Так, А.А. Давыдова констатировала, что «после своего написания список с Дозорной книги Семена Языкова 1610-х гг. использовался как приправочный для документов, касающихся смены собственников» [1, с. 392; 2, с. 44]. Однако ошибочно датировав рассматриваемый список XVIII в., она не сочла целесообразным детальное изучение помет. Следствием этого стал ряд поверхностных или просто ошибочных суждений. К последним можно отнести, например, тезис о наличии таких помет «около начала каждой статьи, посвященной отдельному населенному пункту». Обращение к рукописи показывает, что, во-первых, в описании пяти дворцовых территориально-хозяйственным комплексов – с. Павлово с дер., с. Давыдово с дер., с. Сосновское с дер., дер. Большие и Малые Шаргали и Грудыцина, Матюшевская волость – какие-либо маргиналии вообще отсутствуют. Во-вторых, в рукописи насчитывается более ста поселений с текстовыми замечаниями на полях, но лишь при описаниях 32 из них имеются пометы представленного А.А. Давыдовой вида («Писано за Волынским», «Писано за Морозовым»). Еще в 14 случаях они содержат только имя (всего 7 человек). Таким образом, в книгах встречается 46 помет вида «за имярек». В 69 «статьях» помета «писано» не персонифицирована. Соответственно, в базе данных, созданной в ходе данного исследования, пометы «писано» и «за имярек» учитываются мной как самостоятельные.

А.А. Давыдова вообще не упоминает помету «прав», которая встречается 41 раз, в том числе и на полях 26 «статей», имеющих маргиналии «с именем». Публикаторы дозорных книг расшифровывают это как сокращение от «правлено». Наблюдения Е.И. Колычевой, сделанные при подготовке публикации приправочного списка с каширских дозорных книг 1588/1589 г., указывают возможность иной интерпретации: «На полях пометы двух видов: + (крест) и «справлено» (сокращено: прав. и даже п.)» [5, с. 98, 123, 124, 126, 141, 160, 166]. Невербальные знаки в виде крестов в нижегородских дозорных книгах также есть, причем часть из них находится за пределами указанного А.А. Давыдовой интервала листов («знаками «+» на полях отмечены все населенные пункты с листа 17 по 71 об.» [2, с. 44]).

Записи на полях той или иной «статьи» в основном представляют собой различные комбинации четырех основных маргиналий, например: «Пис(ано) за Ондрееем Шипо(в)ым. Прав(лено) +», «Пис(ано) за Морозовым. Прав(лено) +», «Пис(ано). Прав(лено) за Зюзиным +», «Пис(ано) за Шеиным +», «За Шеиным. Пис(ано) +», «За Мясным +», «Пис(ано). Прав(лено) +» [3, с. 497–548]. Чаще прочих текстовых помет встречаются: «писано» – 85,5 % «статей», имеющих маргиналии; «за имярек» – 63,5 %; «правлено» («справлено») – 53,5 %. Е.И. Колычева считала, что наличие рядом с текстовой маргиналией пометы «крест» – «это свидетельство того, что список в качестве справочного материала использовался при двух переписях» [5, с. 98]. Невербальные знаки в качестве са-

мостоятельных помет в нижегородском списке не фиксируются. Они отсутствуют лишь при четырех «статьях» с текстовыми маргиналиями, что говорит, скорее, об их появлении в ходе того же описания. Назначение пометы «крест» часто не поддается верификации; возможно, речь идет о «технической» разметке текста писцами для лучшей ориентации в нем. Отметим, что чем ближе «статья» к началу описания, тем выше вероятность присутствия при ней всех четырех самых распространенных маргиналий.

По мнению Е.И. Колычевой, «выявить для кого составлялся... список, помогают пометы писцов около селений» [5, с. 99]. Анализ маргиналий рассматриваемого списка нижегородских дозорных книг 1613/1614 г. позволяет определить, кем рукопись использовалась. Все пометы вида «за имярек» относятся к описанию трех территориально-хозяйственных комплексов – Поповская волость, «Лукинская соха», село Лекеево с деревнями – и однозначно «отсылают» к массовым дворцовым раздачам второй половины 1610-х гг. В маргиналиях упомянуты 12 человек (от 1 до 10 раз). Обычно записи содержат только фамилию (Шейдяков, Лыков, Морозов, Мясной, Ленивцев, Зюзин, Троекуров, Шеин). В трех случаях, когда для идентификации землевладельца требовалась дополнительная информация, они имеют более развернутый вид («за Федором Волынским», «за Ондреем Шиповым», «за протопопом Савою»). В помете на полях описания дер. Новая («за Яншиным») подъячим сделана ошибка; речь идет о Ю.Я. Сулешове («Отдано боярину князю Юрию Яншеевичю государевых бортных сел села Поповского деревня Новая...») [3, с. 656, 657].

Суть данного этапа работы наглядно иллюстрируют идущие вперемешку в описании «Лукинской сохи» пометы «с именем» Шеина или Троекурова. Подъячим надлежало «разнести» сведения предыдущего описания дворцовых земель по главам, посвященным их новым владельцам. Показательна правка маргиналии при «статье» дер. Лукина: «На поле пометы другим почерком: За Троеку... (не окончена, затерта). За Шеиным +». М.Б. Шеин получил нижегородские поместья раньше И.Ф. Троекурова, следовательно, пометы были сделаны одновременно, а не по мере пожалования дворцовых земель [3, с. 676].

Хронология царских раздач дворцовых земель Нижегородского у. после 1613/1614 г. позволяет установить дату, ранее которой маргиналии вида «за имярек» не могли появиться. Позднее прочих лиц, названных в пометах, царскую грамоту получил боярин князь Иван Федорович Троекуров. 8 сентября 1620 г. он был пожалован «за службу смоленскую и за белскую в Нижегородском уезде бортного села Офонасьева деревню Олистевою, деревню Чишковою, деревню Куликовою в вотчину со всеми угодьями». Следует подчеркнуть, что именно 7129 (1620/1621 г.) указан как год начала описания в преамбуле писцовых книгах Дмитрия Лодыгина самого Нижнего Новгорода [4, стб. 1] и нижегородских дворцовых земель³. С другой стороны, «троекуровские» маргиналии должны быть датированы не позднее того, как «примерная земля» (деревня Куликово, а Павлищево и Турашево тож) была отписана писцами «на государя» [3, с. 679–681].

³ Там же. Д. 1156. Л. 3.

Большая часть помет «писано», не сопровождающихся именем, – это маргиналии при описании владений, оставшихся по итогам кадастрового описания 1620-х гг. «за государем» («мордва запьянская», «мордва сескинская и татарская», «мордва березопольская», «мордва борцовская»). «Мордва симбилейская» подобным образом не помечена, но имеет маргиналию «правлено» («справлено»), вероятно, как отражение изменения ее статуса в результате пожалования Ю.Я. Сулешову.

Имена, по большей части, отсутствуют и там, где на момент описания в силу тех или иных обстоятельств сложилась ситуация, выходящая за пределы компетенции рядовых подьячих, требующая вмешательства «справных», дьяка или писцов. Так, в маргиналиях при описании с. Лекеево с деревнями не упомянут первоначально получивший дворцовые земли М.А. Кайбулина, а из трех новых владельцев, между которыми они были поделены позднее, упомянут лишь один – («Пис(ано) за Ленивцовым»). Но, как и в приведенном выше примере, при описаниях владений двух остальных (Ф.Ф. Лихачев и Ю.Я. Сулешов) стоит помета «правлено» («справлено»). В этом же контексте, вероятно, следует рассматривать маргиналии при описании с. Вельдеманово с деревнями. Владения вдовы А.И. Зюзина с детьми имеют пометы «Писано. Правлено +». Имя же указано лишь применительно к дер. Гридино, которой был пожалован «за московское осадное сиденье» его старший сын стольник Г.А. Зюзин. Надо думать, это объясняет не характерную для рукописи последовательность помет – «Пис(ано). Прав(лено) за Зюзиным +».

Некоторые маргиналии можно расценивать как отражение работы писцов «в поле». Так, пометы у двух «статей» фиксируют отсутствие необходимой информации и определяют их дальнейшие действия («Допросить», «Справитца с подлинными книгами в четверти»). Четыре пометы представляют собой запись «скаски» самого описываемого населения: «Сказ(ывают) Тредворцы тож», «А сказ(ывают) Бекетовка тож», «Сказ(ывают) Луговская тож», «Сказ(ывают) Густайновская тож».

Примечательны маргиналии около описания д. Тунботино (Тонбатово) – «За Морозовым. Не мерено». В дозорных книгах поселение приписано к Поповской волости, хотя находилось на левобережье Оки напротив с. Павлово, т.е. в Стрелицком стане. Известно, что в ходе писцового описания 1620-х гг. оно дважды сменило владельца и, по-видимому, более уже не входило в сферу деятельности тех, кто работал с данным списком [3, с. 748]. Отметим также маргиналии вида «Пис(ано) +» при расположенной там же пустоши Чернево («в Тунбатинских лугех») и дер. Нагулина («за Окою за рекою на речке на Гнилище»), при том что прочие поселения «Лукинской сохи», к которой они тянули, были расписаны по владельцам («за Шеиным», «за Троекуровым»). С учетом отмеченного выше отсутствия каких-либо маргиналий при описаниях сел и деревень Березопольского стана (включая с. Павлово) можно предположить, что рассматриваемая рукопись использовалась при описании лишь одного из трех станов Нижегородского у., а именно – Закудемского.

Данной гипотезе не противоречат маргиналии в описании Толоконцевской волости, поскольку соседние монастырские земли в Заволжье

относятся в писцовых книгах к Закудемскому стану. Ситуация, с которой писцы столкнулись при работе в с. Лекеево с тянувшими к нему деревнями, по-видимому, объясняет «неопределенность» деления на станы «бывших дворцовых» владений в нижегородском кадастровом описании 1620-х гг. [6, с. 50–51]. Будучи исторически единым территориально-хозяйственным комплексом, эти поселения располагались по обе стороны реки Кудьмы, бывшей, как принято считать, границей Закудемского стана (земель «за Кудьмой»).

Включение рукописи в определенный исторический и источниковый континуум, с одной стороны, дало дополнительные возможности интерпретации самих маргиналий, с другой – способствовало выработке суждений о датировке, локализации и месте бытования данного списка. В подлинных книгах, составленных писцовой комиссией Дмитрия Лодыгина, отсылки к дозору 1613/1614 г. присутствуют при описании землевладений, как имеющих маргиналии в рассматриваемом списке, так и в тех случаях, когда их нет (например, с. Сосновское с дер., Матюшевская волость). Последнее может быть объяснено использованием при описании Березополя другого списка дозорных книг. Однако, нельзя исключить, что пришедшее уже после начала работы «за Кудьмой» осознание писцами неполноты дозора 1613/1614 г. и побудило их обратиться в качестве «приправочных книг» к дозорным книгам Василия Борисова и подьячего Третьяка Аврамова 1587/1588 г.

1. *Давыдова А.А.* Материалы писцового делопроизводства Нижегородского уезда как источник по истории мордовских поселений конца XVI–XVII вв. // Мининские чтения: Труды научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (20–21 октября 2006 г.). Нижний Новгород, 2007.
2. *Давыдова А.А.* Пространственно-демографические изменения и особенности структуры расселения Нижегородского уезда в конце XVI–XVII вв. Дисс. ... к.и.н. Нижний Новгород, 2005.
3. Материалы по истории Нижегородского края конца XVI – первой четверти XVII века / Сост. А.В. Антонов, А.А. Булычев, В.А. Кадик, С.В. Сироткин. М., 2015. Ч. 1.
4. Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду, изданные Археографической комиссией. СПб., 1896
5. Писцовые материалы дворцовых владений второй половины XVI века / Сост. Е.И. Колычева, Н.П. Воскобойникова; отв. ред. Н.А. Горская. М., 1997.
6. Соколова Н.В. Полвека на сломе эпох: дворцовые земли как инструмент «большой политики» (1578–1628) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2018 год. М.; Брянск, 2018.

А.А. Голубинский¹

Российская картография первой половины XVIII в.: Ингерманландское межевание²

Ингерманландское межевание; российская география и картография; Генеральное межевание.

¹ Голубинский Алексей Алексеевич, ИРИ РАН, РГАДА (РФ, Москва), к.и.н., lexus.gol@gmail.com.

² Статья подготовлена при поддержке гранта РФФ № 14–18–02121.

В статье рассматриваются периодизация, способы осуществления и специфика проведения межевого процесса в Ингерманландии и Санкт-Петербургской губернии в первой половине XVIII в., приведены отличия принципов работы от Генерального межевания, включая кадровую, инструментальную, теоретическую основы процесса.

Вопросам, связанным с развитием отечественной картографии XVIII в., посвящено немало работ [10, с. 67–69], однако в данной статье хотелось бы рассмотреть несколько аспектов, связанных с пока недостаточно исследованным Ингерманландским межеванием. Упомянувшееся в исследованиях землемеров, посвященных главным образом практике межевого процесса в период Генерального межевания, оно, тем не менее, не получило подробной характеристики [8, с. 146–171].

Материалы Ингерманландского межевания не пользуются большой популярностью среди исследователей – малый географический охват и наличие в том же Межевом архивохранилище многочисленного³ картографического наследия Генерального межевания не способствуют интересу к планам более раннего времени. Для авторов XX в. характерен глобальный подход, связанный с изучением всех картографических памятников; их более всего интересовали мелкомасштабные изображения территории, поэтому такое относительно локальное мероприятие, как межевание в Ингерманландии, не стало объектом исследования [2; 14; 16; 19]. Редкие исследования землеустройства первой половины XVIII в. также не затрагивают данную тему [12; 1, с. 202–210], в частности, известны отдельные работы, связанные с петровскими геодезистами, однако и их недостаточно [9; 15, с. 144–163; 20]. Без внимания оно осталось и при изучении изображений Санкт-Петербурга [3; 4; 5; 6; 17; 18; 19].

В ходе межевого процесса в Ингерманландии (и Санкт-Петербургской губернии)⁴ можно выделить несколько периодов: 1) первый связан еще с петровским временем и датируется в основном началом 1710-х гг.; 2) второй относится к середине 20-х гг.; 3) третий же – оставшийся наибольшее количество картографических памятников – к середине 40-х гг.; 4) среди документов Санкт-Петербургской вотчинной конторы также были и более поздние дела, относящиеся к 70-м гг. XVIII в.⁵

Ингерманландия стала испытательным полигоном для многих новшеств в межевом процессе. Уже в первые десятилетия XVIII в. здесь на-

³ В описях РГАДА. Ф. 1354. Оп. 354–362 объединены планы Генерального межевания по Санкт-Петербургской губернии, включавшей 12 уездов. В общей сложности они насчитывают порядка 14 тыс. планов; текстовые материалы, в которых также немало абрисов и даже чистовых видов планов (среди спорных, специальных и мелочных дел – РГАДА. Ф. 1328. Оп. 1–5). Они включают в себя 14 тыс. 300 единиц хранения.

⁴ Отождествление Ингерманландии с Санкт-Петербургской губернией в плане административно-территориального деления неточно, однако возможно с точки зрения изучения эволюции межевого процесса.

⁵ В работе А.Н. Апонасенко [1, с. 202–210] Ингерманландское межевание в петровское время слито в единый период, однако среди межевых документов этого царствования имеется весьма существенная временная лакуна, что дает основания выделить дополнительный этап.

чали апробировать новые технологии для учета земельной собственности. Основные цели с течением времени менялись. Вначале оно было призвано упорядочить колонизацию новых территорий – 6 июня 1712 г. появился именной указ о раздаче земель в Ингерманландии, ориентированный в основном на скорейшее заселение данной территории. В зависимости от количества крестьян землевладельцу выделялось определенное количество земли; данный указ был ориентирован на создание местных помещиков и на предотвращение доступа новгородских помещиков на эти земли⁶. Впоследствии цель межевания несколько трансформировалась в направлении корректного разделения прав собственности на весьма ценные земельные угодья, располагавшиеся близко к столичному городу Санкт-Петербургу [1, с. 202–204].

Для многих участников межевания этот процесс был совершенно новым – как и для Вотчинной коллегии, в спешке набиравшей новые кадры [11]. Создание комплекса планов 40-х гг. по Ингерманландии (всего 928 планов) сопровождалось многочисленными сложностями по подбору кадров. В документах Вотчинной коллегии сохранился указ от 17 декабря 1744 г. «для исправления по Ингермоландии межевого дела велено инженерных афицеров кандукторов и учеников також минеров и инструменты дать канцелярии главной артиллерии и фортификации ис канторы немедленно, токмо оных и поныне не прислано. Того ради определено главной артиллерии и фортификации в кантору послать промеморию, которою требовать, чтоб повелено было для исправления объявленного дела в канцелярию о размежевании ингермоландских земель как инженер афицеров, кандукторов и учеников, так минеров и инструменты прислать неукоснительно, дабы за неписьлкою оных в показанном межевом деле не учинилось остановки...»⁷. Несмотря на данный указ, проблемы с кадровым обеспечением не прекращались⁸. Они решались привлечением сторонних специалистов вплоть до создания специализированного учебного заведения.

Новыми были и вопросы обеспечения межевого процесса. К сожалению, вследствие утилизации многих дел из фонда межевой канцелярии (ф. 1394 РГАДА) [7, с. 74–81] об этом известно сравнительно мало⁹.

⁶ ПСЗ. Т. IV. № 2540. С. 840–841.

⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. Ед. хр. 16 655. Л. 25–25 об.

⁸ «о командировании де к межеванию Ингермоландии инженерных офицеров указ Правительствующего сената ис канторы получен, токмо де ис показанных в том указе офицеров некоторые обретаюца при крепостях главными командирам и вместо их в те крепости других афицеров за неизмением артилериской и фортофикационной канторы определить некого, чего ради представлено о том к его светлости г[оспо]д[и]ну генералу фелтмаршалу над фортофикациями обер-директору и ковалеру принцу Гессен-Гомбургскому... объявлено, что о некомандировании означенных инженерных афицеров кандукторов и учеников и минеров за препятствием разных резонов... определено в Правительствующий сенат взнести доношение, которым требовать о присылке к розмежеванию ингермоландский земель инженер афицеров, кандукторов и минеров с ынструментами...» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. Ед. хр. 16 655. Л. 15).

⁹ Именной указ 1744 г. сохранил для нас свидетельства подготовки к началу межевания: «1744 г. декабря по указу Ея Императорского величества в канцелярии

Новшеством как для всего делопроизводства первой половины XVIII в., так и для картографии, стала норма его ведения в тетрадной форме. Систематизация дел происходила в виде объединения под один корешок до нескольких десятков дел, разнообразных по объему. Некоторые делопроизводства ограничивались несколькими десятками страниц, другие растягивались на сотни. Дела объединялись по хронологическому принципу, в рамках одного тома составлялся общий указатель (за исключением дел второй половины XVIII в.). Общей пагинации такие тома не имели. В такое делопроизводство включалось все, от «верующих» писем от владельцев своим поверенным до следственных вопросов по спорам, до проблем, связанных с собственно землемерами и документами по обмеру и «одабриванию» земли, выяснению конфигурации испорченной межи или проступкам землемеров. В тексте объединялось все делопроизводство по конкретной даче за все годы, доступное на момент брошюровки.

Поисковые возможности по территории были организованы следующим образом: при поиске нужного раздела конволюта читатель ориентировался на порядковый номер внутри тома, принимая во внимание количество дел в соседствующих с искомым материалом делах, информация об этом собиралась в предваряющем текст оглавлении. Впоследствии все заголовки повторялись в описи, также относящейся по времени своего создания к XVIII в. и остающейся актуальной и по сей день¹⁰.

Сложность и разносторонность делопроизводства Ингерманландского межевания не служили скорейшему завершению описания границ. Если в случае с позднейшим Генеральным межеванием (с 1754 г. – Генеральное межевание Елизаветы Петровны или 1765 – межевание Екатерины II) мы имеем дело с более или менее чистовым вариантом делопроизводства в рамках полевой записки и выделением всех побочных ветвей в спорные, следственные или мелочные дела, то невозможность выделения и специализации документов в первой половине XVIII в. делали проблемным поиск нужной информации.

Нововведением по сравнению с XVII в. также стало постепенное внедрение математического подхода к осуществлению картографической деятельности. Если для картографической практики XVII в. (и самого начала XVIII в. – см. иллюстрацию 1) была характерна соответствовавшая времени и назначению картографических памятников приближенность, символичность, выборочный подход при решении вопроса о

о размежевании в Ингерманландии земель; слушав поданного реестру сержанта Максима Павловского определено: за покупные им во объявленную канцелярию за шесть сажень дров, за одиннадцать столов, за десять скамей, за четыре сундука, за три постова, за двенадцать фунтов железа, которое взято для оковки сундуков, за десять фунтов клепанки, за пять сот гвоздей, за крашение зеркала, за пять замков, за десять пучков тоненьких веревочек, которые взяты для связывания писем, за один моток ниток, за двадцать иголок, которые взяты для сшивания писем деньги по показанной от него цене всего пятнадцать рублей шездесят шесть копеек выдать изо взятых на канцелярской расход из Статс канторы» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. Ед. хр. 16 655. Л. 21).

¹⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 299.

создании чертежа¹¹, то для XVIII в. стало очевидно, что подобная техника не позволит решить задач, стоявших перед межевщиками. Ценность земель Санкт-Петербургских пригородных дач, населявших их крестьян не позволяла пренебрегать землями и заставляла максимально использовать достижения того времени в области определения конфигурации земельных дачи. Таким образом, общая характеристика данного периода в области отечественной картографии – это переход от сравнительно нестандартизованной картографии к инструментальному и четкому подходу к фиксации земли; от фрагментарного ко всеобщему. Также очень сильно изменился изобразительный характер картографии – если для начала XVIII в. мы имеем дело с познавательной картой, на которой мы часто встречаем экспликации с изображениями географического (например, характерный ландшафт), культурологического (костюмы и иные признаки местных народностей), биологического характера¹², часто весьма легендарных, то для середины и второй половины XVIII в. – уже вполне реальные объекты, например, крепостные строения.

По сравнению с XVII в. радикально изменилась инструментальная основа межевого дела. Необходимость точной фиксации расстояний до сажени и углов (для планов 40-х гг.) требовало использования калиброванной веревки и астролябии.

На материалах Ингерманландского межевания видно, как формировались и менялись удостоверявшие подлинность материалов признаки. Если для обобщающих карт таковыми были символы государственной власти, а через нее – божественный промысел¹³, то в межевых картах – это исключительно государство, его воля; если в XVII и в начале XVIII вв. было принято отождествлять производство землемерных работ с конкретными персоналиями, то для XVIII в., а чаще всего, для середины этого века – с конкретными организациями. Иерархия удостоверяющих признаков для карты меняется в ходе Генерального межевания, в том числе и на планах, связанных с Санкт-Петербургской губернией, появляется межевая печать.

В начале XVIII в. адресат картографической продукции очень сильно меняется – от фактически подносных карт на высочайшее имя¹⁴ и сотрудников Академии наук, до всех землевладельцев – каждый имевший свой участок земли получал от государства за определенную плату (в частнос-

¹¹ Объемы картографической деятельности в России XVII в. были намного меньше, чем в XVIII в. [21; 22, с. 61–64; 13].

¹² Например, животного мира, как упоминалось на картах Ж.-Н. Делиля в заливе реки Лены: «ou se fait la pêche du Behemot mais la navigation en est difficile» («Место, где ловят бегемотов, но мореплавание затруднено»). Archives Nationales. 6J73. Pièce 54.

¹³ Это проявляется на обобщающих планах Генерального межевания и на оформлении чистовых вариантов Экономических примечаний Генерального межевания, особенно ранних (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 18 859. Ч. 6. Л. 1).

¹⁴ Так это было, например, с картами Каспийского моря, в их подготовке принимал участие сам Петр I, затем они оценивались французским ученым миром и позже вернулись, обработанные Гийомом Делилем, обратно в Россию.

ти, за приложение межевой печати) карту своих угодий и указание на смежных владельцев.

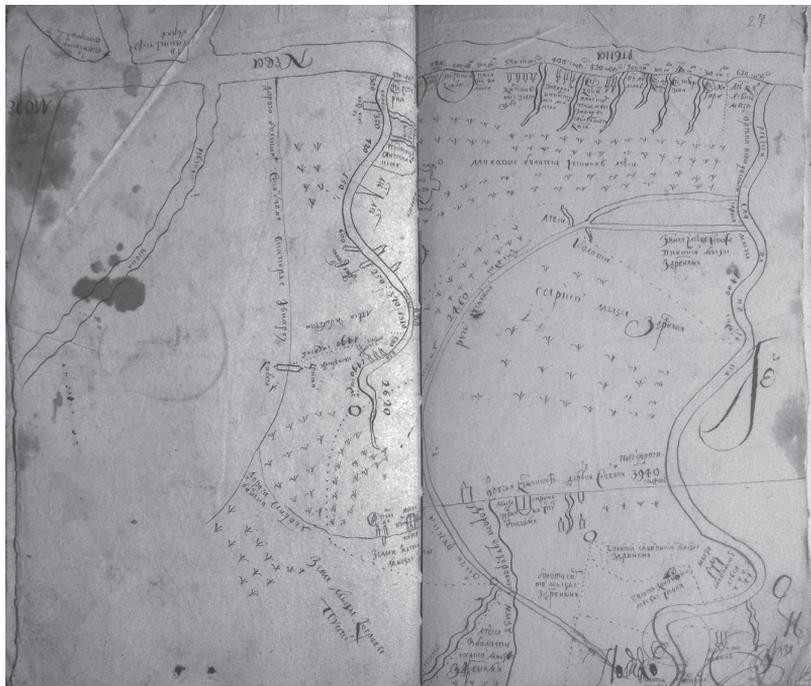

Иллюстрация 1. Чертеж Саратовской мызы¹⁵. Составлен в 1712–1713 гг.

Меняется отношение к пограничным знакам – если для XVII в. они были значительно более подвержены действию природных факторов (деревья, кустарники и др.), то для первой половины XVIII в. актуальным стало складывание представления об обязательности использования рукотворных – специфических межевых столбов, межевых ям с угольями или камнями. Фиксация межевых признаков, их точного местоположения, из факультативной становилась обязательной¹⁶. Подсчет площадей (сначала на основе буквенного исчисления, затем в цифровой форме) становился неперемennым атрибутом межевого делопроизводства.

Минимальные отличия в гамме условных обозначений планов разного времени привели к массовым ошибкам в датировке. Так, начальная дата возникновения дел описи 1 фонда 1358 РГАДА выведена по плану Л-7 («Лапинская мыза...»), который имеет в шапке сведения, что межевание данного участка начато в 1722 г., однако данный план является копийным и появился на свет в 1774 г. Подобное внесение Ингерманландского межевания в качестве первичного межевого процесса как в шапки планов, так и в описи, стало причиной некорректной датировки множест-

¹⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. Ед. хр. 16 776. Л. 27.

¹⁶ Там же. Ед. хр. 16 705. Л. 687 об.

ва планов, описей и даже названия фонда. Так, по Копорскому, Ораниенбаумскому, Петербургскому, Царскосельскому, Шлиссельбургскому, Ямбургскому уездам начальными датами названы 1746–1747 гг., даты эти перекочевали в название фонда 1354 («Планы дач Генерального и Специального межевания, 1746–1917 гг. (коллекция)»). Ни один из проверенных планов (по несколько для каждого из перечисленных уездов) не был в действительности составлен ранее 70-х гг. XVIII в.

Ингерманландское межевание стало полигоном для отработки способов взаимодействия с другими организациями. Для получения предварительных данных о территории был инициирован обмен информацией с Академией наук¹⁷. В Академии наук были обнаружены несколько карт, в частности:

- 1) Ладожскому озеру и часть Болтийского моря с надлежащею ситуациею реками и протчим в Ынгермоландии;
- 2) вторая и третья Невы реки от Санкт Петер бурга до Шлютельбурга на Выборской стороне Шлютельбургского уезду;
- 4) часть Ингермаландии и Финляндии;
- 5) Кронштату и всем приморским местам, причем и Санкт Петербургу со всеми островами показывает;
- 6) Ладожскому каналу;
- 7) Финляндии;
- 8) Санкт Петер бургу с принадлежащими к нему островами, которые взяты к сочинению о всей Ингермоландии генеральной ландкарты в канцелярии о размежевании Ингермоландии.

Данные карты приказано было принять, а за оные д[е]нги рубль шездесять пять копеек выдать изо взятых во оную канцелярию из Статс канторы на канцелярские росходы¹⁸.

Таким образом, пока недостаточно исследованные документы межевания Ингерманландии, помещенные в контекст развития межевого и картографического дела XVIII в., проливают свет на значительные изменения в области земельного учета, подготовки компетентных кадров и заполняют лакуны в изучении отечественной технической культуры XVIII в.

1. *Анонасенко А.Н.* Из истории развития форм землевладения и сети сельских поселений Петербургской губернии в XVIII – начале XIX в. (по материалам межевых документов) // Ежегодник по аграрной истории восточной Европы. М., 2012.
2. *Багров Л.* История русской картографии. М., 2005.
3. *Базарова Т.А.* Планы отдельных частей петровского Петербурга: общий обзор и состояние изученности // Феномен Петербурга: труды Второй Международной конференции, 27–30 ноября 2000 года во Всероссийском музее А.С. Пушкина / Ред. Ю.Н. Беспятых. СПб., 2001.

¹⁷ «...не имеется ль в той де Сианс академии всей и Ингермоландии печатных ланкарт, и ежели имеется, тоб соблаговолено было оные хотя за д[е]нги прислать в канцелярию о размежевании ингермоланских земель, а буде паче чаяния печатных ланкарт в той академии нет, а имеюются писменные, тоб оные соблаговолено было по том ж для скопирования с них к межевому делу точных копей прислать...» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. Ед. хр. 16 655. Л. 17).

¹⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. Ед. хр. 16 655. Л. 19–19 об.

4. *Базарова Т.А.* Планы Петровского Петербурга: общий обзор и состояние изученности / Ред. Ю.Н. Беспятых // Феномен Петербурга: труды Международной конференции, 3–5 ноября 1999 г. СПб., 2000.
5. *Базарова Т.А.* Санкт-Петербург и его окрестности на шведских картах и планах первой четверти XVIII в. // Полтава: судьбы пленных и взаимодействия культуры / Под ред. Т. Тоштендаль-Сальчевой и Л. Юнсон. М., 2009.
6. *Бородкина Л.М.* Обзор рукописных планов Петербурга XVIII и начала XIX века // Сборник ГИП. Л., 1954. Вып. 2.
7. *Бухерт В.Г.* Архив Межевой канцелярии (Центральный межевой архив) 1768–1939 гг. М., 2019.
8. *Герман И.Е.* История русского межевания: курс лекций. Изд. 2-е. М., 1910.
9. *Глушков В.В.* История военной картографии в России (XVIII – начало XX в.). М., 2007.
10. *Голубинский А.А.* Грамотность крестьянства Европейской России по материалам полевых записок Генерального межевания. Дисс. ... к.и.н. М., 2011.
11. *Гольденберг Л.А., Постников А.В.* Петровские геодезисты и первый печатный план Москвы. М., 1990.
12. *Каримов А.Э.* Докуда топор и соха ходили: очерки истории земельного и лесного кадастра в России XVI – начала XX века. М., 2007.
13. *Кивельсон В.* Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века / Пер. с англ. Наталии Мишаковой; научн. ред. перевода Михаил Кром. М., 2012.
14. *Медушевская О.М.* Картографические источники XVII–XVIII вв. Учеб. пособие по источниковедению истории СССР / Отв. ред. В.К. Яцунский. М., 1957.
15. *Мусихин А.Л.* Петровский геодезист А.Ф. Клешнин и его работы в вятской провинции // Петряевские чтения 2001. Тезисы докладов к чтениям. Киров, 2001.
16. *Постников А.В.* Развитие крупномасштабной картографии в России. М., 1989.
17. *Семенцов С.В., Красникова О.А., Мазур Т.П., Шрадер Т.А.* Санкт-Петербург на картах и планах первой половины XVIII века. СПб., 2004.
18. Собрания карт Санкт-Петербурга в библиотеках, архивах и музеях: материалы 5-й конференции по информационным ресурсам петербурговедения, 10 марта 2010 года. СПб., 2010.
19. *Фель С.Е.* Картография России XVIII в. М., 1960.
20. *Фель С.Е.* Петровские геодезисты и их участие в создании русской картографии XVIII века // Вопросы географии. М., 1950. Сб. 17.
21. *Фролов А.А., Голубинский А.А., Кутаков С.С.* «Чертежи Русского государства XVI–XVII вв.» [Электронная ресурс] (URL: rgada.info/geos2).
22. *Фролов А.А., Голубинский А.А., Кутаков С.С.* Веб-гис «Чертежи русского государства XVI–XVII вв.» // Цифровая Гуманитаристика: Ресурсы, Методы, Исследования. Материалы Международной научной конференции. В 2-х частях. 2017.

А.И. Акманов¹

Динамика развития башкирского землевладения в конце XVIII – первой половине XIX вв.

Башкиры; вотчинное право; Генеральное межевание; губернаторы; земли; переселенцы.

В исследовании рассматриваются ряд аспектов динамики развития башкирского землевладения по материалам ряда южных волостей Оренбургской губернии в

¹ Акманов Айтуган Ирекович, Академия наук Республики Башкортостан (РФ, Уфа), д.и.н.; aytuganakmanov@gmail.com.

конце XVIII – первой половине XIX вв. Правительство стремилось стабилизировать ситуацию в крае для разрешения важных социально-экономических проблем в контексте предоставления населению необходимых земельных угодий.

Во второй половине XVI в. башкиры добровольно вошли в состав Русского государства. Ключевым сюжетом данного события стало признание за башкирами вотчинного права на землю, которое было официально провозглашено правительством царя Ивана IV, а также сохранение системы традиционного местного самоуправления. В свою очередь, башкиры были обязаны выполнять за свой счет военную службу и выплачивать поземельную подать – ясак.

В последующее время эти привилегии и обязанности неоднократно подтверждались царскими властями, а переселенческий процесс на территорию края ограничивался. В частности, в конце XVI – первой половине XVII вв. на территории создаются преимущественно военные укрепления. Однако рост численности населения страны и отсутствие необходимой площади плодородных угодий в центральных уездах обусловил увеличение переселенческого движения на башкирские земли во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. Данное обстоятельство вызвало противостояние в виде башкирских восстаний.

Для урегулирования различных аспектов земельного вопроса в стране правительство провело Генеральное межевание земель – крупнейшее мероприятие в области аграрной политики в стране во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. На территории Оренбургской губернии оно проводилось в 1797–1842 гг. Тогда ареал башкирского землевладения был включен в состав четырех губерний: Оренбургской, частично Пермской, Вятской и Саратовской. На территории Оренбургской губернии башкиры проживали во всех уездах – Оренбургском, Верхоуральском, Бузулукском, Бугурусланском, Бугульминском, Мензелинском, Стерлитамакском, Белебеевском, Уфимском, Бирском, Троицком, Челябинском. Башкиры жили также в Осинском, Пермском, Красноуфимском, Екатеринбургском, Шадринском уездах Пермской губернии, в Елабужском, Сарапульском уездах Вятской губернии, в Вольском и Хвалынском уездах Саратовской губернии. В середине XIX в. произошли изменения в административном устройстве края. В 1851 г. Бугульминский, Бугурусланский, Бузулукский уезды были включены во вновь созданную Самарскую губернию. В 1865 г. из состава Оренбургской губернии выделена Уфимская, объединившая Уфимский, Белебеевский, Бирский, Мензелинский, Стерлитамакский и Златоустовский уезды.

По итогам Генерального межевания общая площадь башкирских вотчинных владений составляла к началу XIX в. около 14 млн дес. Эти земли с точки зрения представителей местной администрации использовались недостаточно эффективно. Однако они не учитывали, что для нормального функционирования башкирского полукочевого скотоводства и выполнения военной службы за свой счет требовалось значительно большая площадь угодий, чем для земледельческого хозяйства. Тем не менее некоторые представители губернской администрации, даже понимая эту

специфику башкирского хозяйства, исходили из мысли, что необходимо как можно скорее превратить полукочевников-башкир в земледельцев, чтобы освободившиеся земли использовать для поселения крестьян из центральной части страны.

В конце XVIII – начале XIX вв. отдельные представители оренбургской администрации выступали с предложениями об изъятии части башкирских угодий. В этой ситуации Сенат поручил оренбургскому губернатору Г.С. Волконскому выяснить позицию у представителей башкир². Последние не согласились с идеей об изъятии, обосновывая свой отказ тем, что «...оных земель из-за отобрания в казну для переселенцев и заводов и продажею помещикам остается теперь по преумножении народа для собственных нужд без излишества». С мнением башкир согласились губернатор, а затем и Сенат³.

В 20-е гг. XIX в. правительство отвергло предложения об организации широкой продажи земель башкир. Власти полагали, что у коренных жителей края остались ограниченные ресурсы. Кроме того, руководство страны полагало, что башкиры – скотоводческий народ, «...без скота если они останутся, то это будет в тягость государству и свою службу не смогут служить»⁴. Земельные угодья, по мнению представителей Сената, были предоставлены башкирам на праве собственности, поэтому заставлять башкир продавать их угодья, которые остаются после вычета 40 десятин на душу, будет нарушением их старинных прав. Таким образом, официально Сенат не видел необходимости в массивном приобретении угодий на территории края⁵.

Тем не менее, к рубежу XVIII–XIX вв. на территории края обозначилась серьезная проблема в виде нехватки плодородных угодий как для русских дворян, так и крестьян. Использование части башкирских вотчинных земель в общих интересах становилось неизбежным. Здесь следует отметить, что опыт перераспределения земли апробировался во второй половине XVIII в. В частности, угодья ряда волостей были объявлены «бунтовщичьими», поскольку принадлежали участникам восстаний 30-х гг. XVIII в. и стали казенной собственностью. Наряду с дворянами, власти способствовали наделению землей и государственных крестьян⁶.

Подобная политика превращения башкирских владений в казенные получила новый импульс в начале XIX в. при проведении Генерального межевания Оренбургской губернии. Поводом для изменения статуса этих угодий, расположенных преимущественно в западных и отчасти восточных уездах стало отсутствие у башкир обновленных вариантов владельческих документов. Ряд оригинальных царских грамот второй половины XVI–XVIII вв. на владение вотчинами не были представлены в межевые учреждения, либо были утеряны. Представляет интерес также материалы, показывающие решение властями конкретных вопросов, связанных с

² РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 563. Ч. 3. Л. 20–21.

³ Там же. Л. 22, 24.

⁴ Там же. Л. 20–21.

⁵ Там же. Ф. 1398. Оп. 1. Д. 424.

⁶ РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 201. Л. 39–40; Ф. 379. Оп. 5. Д. 466. Л. 5–6.

земельными правами башкир в различных частях края. Большинство этих материалов по земельным делам касалось собственности тех башкирских волостей, которые являлись окраинными территориями, либо граничили с вновь осваиваемыми территориями.

В начале 30-х гг. XIX в. по Бузулукскому уезду по решению правительства были осуществлены изъятия части земли у башкир Курпес-Табьинской волости – 319 000 дес., Бушман-Кипчакской и Сырнянской волостей – 203 000 дес. Затем эти угодья были пожалованы от имени государства в пользу генерал-майора Глазенапа, вице-губернатора Безобразова, полковника Бутовина⁷. Часть этих земель была направлена на обеспечение крестьян-переселенцев. За 20–30-е гг. XIX в. по сведениям министерства государственных имуществ на территорию края переселилось свыше 26 000 крестьян из Воронежской, Курской, Рязанской, Тамбовской губерний. Многие из них устраивались на башкирских землях, переведенных в казенный фонд. Так, за 1832 г. у башкир в Вольском уезде Саратовской губернии было изъято 837 497 дес., в Хвалынском уезде – 55 210 дес⁸. В 1840 г. последовало новое изъятие 300 000 дес. у башкир Николаевского уезда Саратовской губернии для Департамента уделов. В последнем случае земли предназначались для переселения 20 000 удельных крестьян из центральных губерний⁹. В связи с увеличением фонда казенных земель возникла необходимость в их детальном учете. С конца 30-х гг. XIX в. на территории Оренбургской и Саратовской губерний началась плановая работа по осуществлению топографической съемки новых казенных угодий. Она проводилась в течение 40-х – 50-х гг. XIX в.

В 1805 г. Сенат обязал военного министра и МВД рассмотреть ситуацию относительно периодических перекочетов башкир из Оренбургской в Саратовскую губернию. Поручение было возложено на эти структуры, поскольку военное министерство непосредственно руководило жизнью башкирского населения, а МВД отвечало за обеспечение стабильных экономических отношений и общего правопорядка среди населения. Практическую работу по сбору сведений обеспечивали оренбургский военный и саратовский гражданский губернаторы.

Исследование положения показало, что к началу XIX в. в Вольском и Хвалынском уездах Саратовской губернии проживало 160 башкирских семей, занимавшихся полукочевым скотоводством. Хотя они пользовались территорией площадью в 619 000 дес., но считали себя владельцами в Заволжье нескольких миллионов десятин на основе царских жалованных грамот. Губернаторы констатировали, что статус башкир-вотчинников приравнивается к дворянскому сословию. Доказательством этого, по их мнению, являлась возможность покупки земли помещиками у башкир-

⁷ Там же. Оп. 1. Д. 148, 257, 258, 260, 326, 327, 328, 329, 330, 431, 432, 531, 549, 873, 1008, 1062, 1063, 1223–1229, 1305, 1307–1309, 1409–1414, 1457–1463; Оп. 4. Ч. 1. Д. 744, 870, 871, 971, 1074, 1075–1077, 1196–1199, 1297, 1365, 1367, 1433–1437, 1528–1530; Оп. 4. Ч. 2. Д. 1531, 1581–1583, 1796, 1798.

⁸ РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 469, 503, 556, 581, 592, 597, 600, 609, 610, 626, 650, 652–654, 666, 670, 708, 711, 730, 732, 744, 746, 763, 766, 784, 786, 787, 803, 822; Оп. 4. Ч. 2. Д. 1556; Ф. 384. Оп. 11. Д. 1753.

⁹ Там же. Ф. 383. Оп. 4. Д. 3559. Л. 15, 30–30 об.

ских волостей согласно царским указам от 11 февраля 1736 г., 10 июля 1742 г. В докладе для Сената царские чиновники отмечали также наличие земельных споров между башкирами-вотчинниками и крестьянами Саратовской губернии. Наличие земельных конфликтов привело Сенат к мнению о необходимости прекратить переходы башкир из одной губернии в другую¹⁰.

Первоначально оренбургский генерал-губернатор предложил перевести этих башкир на территорию Оренбургской губернии. Однако скоро решили отказаться от этого варианта, поскольку, по мнению властей, за давностью лет самарские башкиры утеряли юридические права на земли в тех кантонах, где у них были вотчины. Исходя из данной ситуации, губернатор Безак предложил оставить башкир на тех же угодьях, обеспечив каждого вотчинника общей численностью в 2996 душ м.п. 40-десятиной пропорцией, т.е. им отвести всего 119 840 дес. А остающиеся затем свободными 73 160 дес. предоставить в распоряжение Министерства государственных имуществ¹¹.

В первой половине XIX в. правительство продолжало активно регулировать земельные отношения на южных окраинах Оренбургской губернии. Так, в 40-е гг. XVIII в. следовало передать отдельные участки приграничных башкирских волостей в распоряжение гарнизонов в радиусе от 10 до 30, а некоторых местах до 50 верст от каждой крепости. Этот проект не был реализован полностью, что в определенной степени отразилось и на результатах Генерального межевания. Владения башкирских волостей оказались на достаточно близком расстоянии от границы (4–8 верст). Теперь губернатор Г.С. Волконский предлагал установить 15-верстную пропорцию от границы для гарнизонов крепостей за счет башкирских угодий.

В 1829 г. рассматривалось состояние земельного обеспечения 25 военных укреплений. Власти признали необходимость передачи гарнизнам крепостей из владения башкир – 267 088 дес., из казенного ведомства – 206 117 дес. Наибольшие изъятия, по мнению комиссии, можно было осуществить из дачи Кизильской и Магнитной крепостей – 64 172 дес., дачи Уртазымской крепости – 53 900 дес. При этом допускалась возможность переселения башкир и казенных крестьян из этих территорий в глубь губернии и наделение казенными землями сопредельных уездов. Однако тогда же в 1829 г. против переселений с территории пограничной линии выступил министр финансов Е.Ф. Канкрин, ссылаясь на то, что «...лучшая ограда границы империи есть умножение населения». Исходя из этого, министр выступал с идеей о необходимости ускорения переселения казенных крестьян на башкирские земли.

Ответ на данное предложение последовал в июне 1833 г., когда Сенат распорядился о нарезке 15-верстной пропорции к приграничным укреплениям. Население этих территорий следовало перевести в подчинение Оренбургскому казачьему войску. Башкиры могли либо покинуть эти земли, либо причислиться в состав войска. Вопрос же о компенсации

¹⁰ РГИА. Ф. 1285. Оп. 1. Д. 48. Л. 6–9, 12–13 об., 15, 18–19 об., 31–32.

¹¹ Там же. Ф. 384. Оп. 11. Д. 1753. Л. 5 об., 7–8 об., 17 об., 19 об.–20, 22 об., 26.

башкирам за изымаемые земли для разрешения передавался оренбургскому военному губернатору¹.

Как видно в конце XVIII – первой половине XIX вв. представители губернской администрации перевели под контроль государства значительные площади вотчинных угодий юго-западных и южных башкирских волостей. Затем эти площади предоставлялись военным и гражданским чиновникам, казенным и удельным крестьянам. Одновременно власти рассматривали земельные споры вотчинников с дворянами, заводчиками, крестьянами-переселенцами. Большинство решений оказалось в пользу переселенцев и башкиры-вотчинники потеряли значительные угодья.

Л.Г. Степанова²

Особенности Генерального межевания Таврической губернии в первой половине XIX в.³

Таврическая губерния; Крым; Экономические примечания; Генеральное межевание.

В статье изучается ход Генерального межевания Таврической губернии в первой половине XIX в. Выявляются особенности межевания Крымского полуострова и материковой части губернии, связанные с местными формами землевладения, устоявшейся традицией наследования земель, насаиванием новой земельной собственности на новую.

В ходе Генерального межевания земель, начавшегося в царствование Екатерины II в 1766 г. и продолжавшегося более века, был выполнен огромный объем работ по описанию и картографированию земельного фонда большей части территории Российской империи [2, с. 15]. Генеральное межевание сопровождалось большими работами по составлению одного из первых статистических описаний Европейской России, отраженных в Экономических примечаниях к Генеральному межеванию [5, с. 85]. После присоединения к Российской империи во второй половине XVIII в. новых южных территорий встал вопрос освоения и межевания этих земель [4, с. 330].

Екатерина II подтвердила право местного населения на владение землей в Крыму в том случае, если ранее она находилась в их собственности. Однако сначала такое право получили только мурзы. Остальные земли попали в фонд, из которого должны были раздаваться новым помещикам. В 1794 г. старые землевладельцы получили возможность отстаивать свои интересы в судебном порядке⁴. Однако возникла проблема с документаль-

¹ РГИА. Ф. 379. Оп. 1. Д. 958. Л. 4–9, 11 об., 12 об., 13–14, 15 об., 16–17, 18 об.–19, 21, 22, 23–23 об., 24–27 об.

² Степанова Лилия Геннадьевна, Кубанский государственный университет (РФ, Краснодар), к.и.н, liliya_stepanova@list.ru.

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Генеральное межевание и освоение южных территорий Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX века», проект № 19–09–00236.

⁴ Об оставлении владельцев Таврической области в свободном распоряжении их

ным подтверждением их права, поскольку многие владели землей на основании устоявшихся традиций. В то же время присоединенная территория активно осваивалась колонистами, новая система землевладения наслаивалась на старую, причем новые земли получали не только российские помещики, но и лозельные к новой власти местные беи и мурзы, очень часто возникали поземельные споры. Не решенным оставался и вопрос с вакуфными землями, переходившими по завещаниям к мусульманским училищам и мечетям.

В 1784 г. Крым, Тамань и земли от Перекопа до границ Екатеринославского наместничества вошли в Таврическую область. В 1796 г. земли Таврической области были включены в Новороссийскую губернию. В 1798 г. на этой территории началось Генеральное межевание земель⁵, но вскоре его проведение было признано преждевременным, поскольку землемеры не знали местные традиции землепользования и единицы измерения, не хватало переводчиков, а у местного населения отсутствовали документы на право владения землей [1, с. 187].

Таврическая губерния была образована в 1802 г. по указу Александра I о разделении Новороссийской губернии на три губернии. Изначально в губернию входили семь уездов – Симферопольский, Перекопский, Феодосийский, Евпаторийский, Тмутараканский (с причислением к нему земель Черноморского войска), Днепровский и Мелитопольский⁶. Часть уездов находилась на материке, другая часть – на Крымском полуострове. Эти уезды отличались друг от друга по имевшимся формам землевладения. Уезды на равнинной части Таврической губернии продолжали активно заселяться казенными русскими крестьянами, русскими и иностранными колонистами, на их территории развивалось помещичье землевладение. Раздача земель здесь происходила так же, как в соседних Екатеринославской и Херсонской губерниях. В то же время земельный вопрос в Крыму из-за специфики местного землевладения долгое время оставался нерешенным.

Лишь в 1820 г. был разработан проект правил для Генерального межевания Таврической губернии⁷, в котором были учтены все особенности землевладения на Крымском полуострове и из всего имевшегося здесь массива земель выделены семь различных их видов: принадлежащие казне; общественные, принадлежащие целым селениям татар казенного ведомства; принадлежащие лично татарам казенного ведомства и состоящие в их собственности; принадлежащие старым и новым помещикам;

поместьями, вотчинами и тому подобными дворянскими имениями с распространением права сего и на их наследников // ПСЗ. Т. XXIII. № 17 265. С. 586.

⁵ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Экономические примечания к материалам Генерального межевания. Таврическая губерния. Д. 1559. Перекопский уезд. Экономические примечания на разные дачи, размежеванные в 1798–1809 гг. 142 л.

⁶ ПСЗ. Т. XXVII. № 20 449. О разделении Новороссийской Губернии на три Губернии: Николаевскую, Екатеринославскую и Таврическую, и обустройстве там судебных мест. 8 октября 1802 г. С. 287.

⁷ РГИА. Ф. 1251. Бумаги графа Сперанского. Оп. 1. Ч. 1. Д. 23. Правила для генерального межевания земель Таврической губернии, составленные в Пр. Сенате. 1820 г. 212 л.

состоящие во владении людей разных наций и разного звания, не имеющих дворянского достоинства; участки земель внутри казенных и помещичьих дач, находящиеся и принадлежащие к собственности татар; вакуфные земли.

После рассмотрения в Сенате и внесения различных исправлений проект правил межевания Таврической губернии поступил к Николаю I. В 1829 г. император утвердил эти правила и издал указ об учреждении Симферопольской межевой конторы и комиссии для размежевания земель в Таврической губернии⁸. Согласно этому указу землемеры Симферопольской межевой конторы должны были межевать все уезды на территории Крымского полуострова. Межевание Мелитопольского и Днепровского уездов Таврической губернии должны были проводить землемеры Екатеринославской межевой конторы.

Утвержденные правила учитывали не только особенности региона, но и результаты ранее проведенного межевания на полуострове. Дачи и земли татарских мурз, которые были обмежеваны в 1799 г., нужно было обходить только для проверки границ владений. Остальные земли мурз предписывалось межевать по отводам их самих или их поверенных. Землемеры на местах должны были также выяснить, действительно ли обмежеванные земли ранее принадлежали мурзам, а также когда и каким образом они стали их владельцами. Пожалованные после присоединения Крыма к Российской империи и обмежеванные ранее земли помещиков необходимо было сверять с участием понятых с границами выданных планов по отводам самих помещиков или их поверенных. При возникновении споров предписывалось требовать крепостные документы и старые выданные планы.

Принадлежавшие простым татарам земли межевались сначала окружной межей ко всему поселению. И лишь после признания представленных доказательств собственности основательными выделялось определенное количество земли каждому поселянину. Неприкосновенной собственностью мусульманских училищ и мечетей признавались вакуфные земли. Однако все документы и планы на них должны были сверяться с описями, предоставленными Таврическим муфтием. При неточностях рекомендовалось требовать крепостные документы, если документы отсутствовали – необходимо было приносить присягу, подтверждавшую право владения. Земли, переданные актами в частное владение, предписывалось межевать по отводам поверенных. В дальнейшем, чтобы не возникало споров, все завещания земли в пользу мечетей необходимо было объявлять в течение 6 месяцев в присутственных местах⁹.

Основные работы по межеванию земель Таврической губернии продолжались с 1830 по 1843 гг. По сравнению с межеванием других губер-

⁸ Об учреждении в Симферополе Межевой Конторы и Комиссии для размежевания земель в Таврической губернии. С приложением: Высочайше утвержденных правил для того межевания; форм и объяснения Татарских мер. 24 января 1829 г. // ПСЗ-2. Т. 4. № 2617. С. 50–59.

⁹ О вакуфских в Крыму имениях: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 22 марта 1829 г. // ПСЗ-2. Т. 4. № 2761. С. 190.

ний они были проведены в достаточно короткие сроки. За это время землемерами были обмежеваны и нанесены на планы 1686 дач [3, с. 163], а также составлены Экономические примечания на дачи Днепровского¹⁰, Мелитопольского¹¹, Феодосийского¹² и Ялтинского¹³ уездов.

Межевание южных территорий Российской империи, которые недавно вошли в ее состав, протекало разными путями. В Новороссийской губернии Генеральное межевание началось в 1797 г. и шло более сорока лет. Генеральное межевание Крымского полуострова началось в 1798 г., однако вскоре было признано преждевременным и отложено до 1829 г. Земли Тмутараканского уезда в 1820 г. были причислены к территории Черноморского казачьего войска. Их межевание началось только в 1847 г. после утверждения специального Положения и образования Межевой комиссии [1, с. 159]. В целом при проведении межевых работ в Таврической губернии в первой половине XIX в. землемерам приходилось учитывать устоявшиеся традиции землепользования местного населения и особенности колонизации земель, связанные с одновременными процессами формирования дворянского землевладения, заселением региона и его хозяйственным освоением.

1. *Герман И.Е.* История межевания. 3-е изд. М., 1914.
2. *Милов Л.В.* Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М., 1965.
3. *Петрова И.В.* Деятельность Симферопольской межевой конторы (1829–1843 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. III.
4. *Степанова Л.Г.* Использование опыта Генерального межевания при оценке и межевании южных территорий Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX века // Культурная жизнь юга России: социальная память. актуализация. Модернизация. Материалы III Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2018.
5. *Черненко Д.А.* Сведения Экономических примечаний к Генеральному межеванию о городских землях (на примере Владимирской губернии) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 6/2.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Экономические примечания к материалам Генерального межевания. Таврическая губерния. Д. 1555. Днепровский уезд. Экономические примечания на разные №№ дач. 1832 г. 37 л.

¹¹ Там же. Д. 1557. Мелитопольский уезд. Экономические примечания на разные №№ дач. 21 л.

¹² Там же. Д. 1560. Феодосийский уезд. Экономические примечания на 36 дач и каталог к генеральному плану на 136 дач. 1830 г. 27 л.

¹³ Там же. Д. 1566. Экономические примечания на разные №№ дач. 50 л.

Правовое обеспечение земельных измерений в конце XVIII – первой половине XIX вв. (по материалам Оренбургской губернии)

Указы; башкиры; землевладение; правительство; крестьяне; переселенцы.

Статья посвящена анализу земельных отношений в Оренбургской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв. В этот период российское правительство приняло большое количество указов касающихся башкирского землевладения, которые были направлены на сохранение вотчинных земель за башкирами. Но также были приняты указы, которые помогали наделять землями переселенцев.

В конце XVIII – первой половине XIX вв. царские власти стремились усилить контроль над территорией Оренбургской губернии ради ускоренного развития зернового хозяйства и промышленности. Следует отметить, что значительная часть земель в Оренбургской губернии находилась во владении башкир, поэтому правительство стремилось ускорить процесс перехода башкирских земель в пользу переселенцев из числа русских дворян и крестьян². В итоге, обстановка в крае стала напряженной вследствие участвовавших земельных споров. В этот период башкиры являлись военным сословием. Они выполняли важную общегосударственную задачу – охраняли границы Российской империи с казахскими ханствами, участвовали во многих войнах России с другими странами. Военную службу башкиры могли продолжать выполнять только при условии сохранения своих угодий как средства компенсации расходов, но сейчас им грозило обезземеливание [1, с. 285]. Такой ход событий обеспокоил некоторых представителей царской администрации³.

11 октября 1818 г. Сенат принимает указ по представлению оренбургского военного губернатора П.К. Эссена, который временно запрещал продажу башкирских земель переселенцам [3, с. 38]⁴. Согласно указу Сената от 15 апреля 1824 г. границы земельных дач, которые были установлены в ходе Генерального межевания, должны были быть бесспорными. Следовало прекратить составление арендных договоров между вотчинниками и различными категориями переселенцев. На местную власть была возложена обязанность ограничения движения переселенцев в башкирские вотчины. Однако, несмотря на эти решения, продолжалось несанкционированное переселение крестьян на территорию края [2, с. 335–337].

В 1818 г. оренбургский губернатор П.К. Эссен предложил правительству разделить башкирские вотчинные владения между их владельцами и крестьянами-переселенцами. Оставшуюся часть предполагалось продавать всем желающим. Для осуществления сделок следовало по-

¹ Даутов Азат Алтынбаевич, Академия наук Республики Башкортостан (РФ, Уфа), Sattar88@yandex.ru.

² РГИА. Ф. 1398. Оп. 1. Д. 424. Л. 21.

³ ПСЗ. Т. 39. № 29 870. С. 258–277.

⁴ РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 563. Ч. 3. Л. 4.

лучить согласие 2/3 голосов вотчинников конкретной волости. В случае, если вотчинники не продадут свободные земли в течение трех лет, то их следовало взять в ведение казны, заплатив вотчинникам по три рубля за каждую десятину⁵. Правительство не отреагировало на эти предложения, и поэтому губернатор 28 сентября 1826 г. обратился с рапортом на имя императора Николая I, где повторил основные положения своей записки от 1818 г. Сенат рассмотрел в 1826–1827 гг. предложения губернатора и решил сохранить запрет 1818 г. на продажу башкирских земель, оставив «все ныне находящиеся у башкир земли в их владении» до принятия основополагающих постановлений по краю⁶.

В 1827 г. был создан Особый комитет при Сенате по делам башкирских земель, который должен был решить задачи по урегулированию аграрного вопроса в крае [3, с. 38]. Особый комитет стал основным разработчиком правительственного закона от 10 апреля 1832 г. «О правах башкирцев, на принадлежащие им земли в Оренбургском крае». Новый акт подтвердил вотчинное право башкир на землю, но с другой стороны, эти полномочия носили несколько ограниченный характер. Еще одним важным моментом этого закона является восстановление положения указа от 11 февраля 1736 г. о продаже вотчинных земель⁷. Отныне земли могли продаваться при согласии 2/3 от численности вотчинников волости. Это облегчало продажи земель. Башкиры-вотчинники могли сдавать свои земли в аренду на срок не более 12 лет при согласии 2/3 от численности волостных людей. Третьим ключевым положением нового закона является наделение башкирскими землями припущенников⁸. Наделение припущенников было возможно, если в конкретной волости оставались угодья после обеспечения башкир-вотчинников по нормам данного закона [1, с. 287]. Для проведения в жизнь этого закона Сенатом были разработаны «Высочайше утвержденные правила, во исполнение Высочайшего указа 10 апреля 1832 г., составленные на продажу и отдачу в кортому башкирцами вотчинных земель их» от 2 сентября 1833 г.⁹.

В дальнейшем власти продолжали конкретизировать нормативные акты. 4 апреля 1834 г. Сенат опубликовал новый указ «Об обязанностях Оренбургской казенной палаты по обмежеванию башкирских земель и об учреждении для сего особой комиссии». Для реализации этого закона следовало произвести учет населения внутри башкирских дач и затем обеспечить примерный расклад угодий между вотчинниками и припущенниками¹⁰.

Очередными важными решениями властей по регулированию земельных отношений между вотчинниками и припущенниками стали опубликованные 11 июня 1837 г. и 14 октября 1838 г. определения Сената. В этих актах оренбургскому военному губернатору рекомендовалось про-

⁵ Там же. Ф. 1398. Оп. 1. Д. 424. Л. 21–25.

⁶ Там же. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 563. Ч. 3. Л. 1–191; Ф. 1398. Оп. 1. Д. 424. Л. 21–17.

⁷ ПСЗ–2. Т. 7. № 5287. С. 197.

⁸ Там же. С. 198.

⁹ Там же. Т. 8. Ч. 1. № 6334. С. 424–427.

¹⁰ Там же. Т. 9. Ч. 1. № 6957. С. 266–271.

вести мероприятия для узаконения пребывания припущенников на башкирских землях, где подчеркивалась необходимость полной реализации указа от 10 апреля 1832 г. При этом припущенники, водворившиеся на вотчинных угодьях по день получения сенатских определений, подлежали гарантированному земельному обеспечению¹¹.

Последнее обстоятельство вызвало необходимость уточнений. Так появилось высочайше утвержденное мнение Государственного Совета Российской империи от 14 декабря 1842 г. «О припущенниках на башкирские земли по Оренбургской и Пермской губерниям». В нем подтверждена действительность сенатских определений от 11 июня 1837 г. и 14 октября 1838 г. Также следовало определить тех припущенников, кого следовало переселить из башкирских вотчин на другие угодья. При этом оренбургский военный губернатор был обязан пресечь появление новых переселенцев в крае¹².

14 ноября 1855 г. вышел указ «О наделении землей мурз и мещеряков Челябинского уезда 30 десятиною пропорцією земли на каждую ревизскую душу», в котором говорилось о необходимости первоначально выделять наделы вотчинникам малоземельных башкирских волостей, а затем припущенникам¹³.

Сложность проблемы размежевания башкирских угодий обусловила появление двух законодательных положений – Государственного Совета от 10 июня 1857 г. и Комитета Министров от 23 июля 1857 г. Первый акт касался общего порядка наделения землей вотчинников и припущенников, второй затрагивал порядок наделения землей припущенников военного ведомства. Следует отметить, что указ «О порядке наделения землею башкир-вотчинников и их припущенников» от 10 июня 1857 г. подтверждал необходимость дифференцированного подхода к башкирским землям при наделении землей припущенников. А именно, в многоземельных дачах надел производился по нормам указа от 10 апреля 1832 г. На деле это означало, что здесь башкиры-вотчинники получают наделы от 40 до 60 десятин на душу мужского пола по данным VII ревизии, военные припущенники – 30-десятинные душевые наделы, а гражданские припущенники – 15-десятинные душевые наделы. В малоземельных дачах следовало разделить имеющиеся угодья пропорционально между вотчинниками и припущенниками согласно нормам указа от 10 апреля 1832 г. При этом вотчинники могли претендовать на угодья из казенного фонда, или получали компенсацию по 3 руб. серебром за каждую десятину¹⁴.

Положением Комитета Министров от 23 июля 1857 г. регламентировался процесс наделения землей припущенников военного ведомства. В качестве начальной меры предполагалось отмежевать из 10 наиболее крупных башкирских дач, где проживали припущенники военного ведомства, необходимое пространство для наделения таких же припущен-

¹¹ Там же. Т. 17. Ч. 2. № 16 330. С. 215–216.

¹² Там же.

¹³ Там же. Т. 31. Ч. 1. № 30 035. С. 16–20.

¹⁴ Там же. Т. 32. Ч. 1. № 31 968. С. 527–528.

ников малоземельных башкирских дач¹⁵. В начале 60-х гг. XIX в. правительственные структуры распорядились об ускорении размежевания башкирских земель¹⁶.

Большое внимание в законодательной практике в этот период было уделено регулированию процесса колонизации. При этом выделяются две группы законодательных актов. Часть из них посвящена земельному обеспечению военных и гражданских чиновников, а другая часть законов регулирует приток на территорию края государственных крестьян¹⁷. Новый импульс колонизация получила после появления указа от 10 апреля 1832 г. На этот раз акцент был смещен на земельное обеспечение чиновников различных ведомств и казенных крестьян [1, с. 292–293].

В то же время земельная политика правительства периодически корректировалась. Об этом свидетельствовало появление сенатского указа от 10 июля 1835 г. «О приостановлении переселения казенных крестьян в Оренбургскую губернию» и Высочайше утвержденному мнению Государственного Совета от 18 апреля 1838 г. «О прекращении отвода земель по Всемилостивейшему пожалованию в губерниях Саратовской и Оренбургской...»¹⁸. Однако уже указы от 31 января 1839 г. и 28 февраля 1839 г. санкционировали возобновление наделения землей чиновников и государственных крестьян¹⁹.

В последующее время правительство продолжало корректировать колонизационное движение. Так, сенатский указ от 10 мая 1840 г. обязывал оренбургского военного губернатора проверять и утверждать содержание заключаемых земельных сделок между башкирами и государственными крестьянами²⁰.

29 января 1837 г. последовала публикация именного указа, который позволял башкирам совершать в уездных судах акты на продажу и отдачу в аренду вотчинных земель и других угодий, на суммы до 1000 руб. При установленной сумме сделки следовало оформить в губернской гражданской палате²¹. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 7 июня 1856 г. подчеркивало необходимость опеки над башкирами-вотчинниками в случае изъятия или отчуждения у них земли по решению уездного суда. В этом случае губернская гражданская палата являлась дополнительной контрольной инстанцией наряду с оренбургским военным губернатором. Важным шагом государства в этом же указе стало решение об освобождении башкир и мишарей от штрафов и судебных издержек по делам о землях, отыскиваемых от них в частное владение²².

Таким образом, в конце XVIII – первой половине XIX вв. царское правительство приняло большое количество указов, касающихся башкир-

¹⁵ Там же. № 32 098. С. 634–635.

¹⁶ Там же. Т. 37. Ч. 2. № 38 951. С. 411.

¹⁷ Там же. Т. 13. Ч. 1. № 8302. С. 309–310.

¹⁸ Там же. Т. 10. Ч. 1. № 8302. С. 809.

¹⁹ Там же. Т. 14. Ч. 1. № 9906. С. 120; № 12 059. С. 174.

²⁰ Там же. Т. 15. Ч. 1. № 13 466. С. 328–329.

²¹ Там же. Т. 12. Ч. 1. № 9906. С. 65–66.

²² Там же. Т. 17. Ч. 2. № 16 330. С. 261.

ского землевладения. На протяжении первой трети XIX в. в основном осуществлялась политика, которая была направлена на сохранение вотчинных земель за башкирами. Однако принятие указа от 10 апреля 1832 г. означало серьезные изменения данного курса. Правительство продолжало официально признавать вотчинное право башкир, но оно все же начинает создавать правовую базу для более активного перераспределения земли в крае ради наделения различных категорий переселенцев.

1. *Акманов А.И.* Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI – начале XX в. Уфа, 2007.
2. *Чулошников Н.А.* К истории башкирского землевладения и русской земельной политики после указа 1832 г. // Труды Оренбургского общества изучения Киргизского края. Оренбург, 1921. Вып. 1.
3. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Уфа, 1996.

А.И. Раздорский¹

Производство и продажа алкогольных напитков в Можайске во второй половине 20-х – начале 40-х гг. XVII в. (по данным можайских кабацких книг 1627/28–1640/41 гг.)

Кабацкое дело; кабацкие книги; питейная торговля; Можайск.

В статье по данным пяти кабацких книг Можайска (1627/28, 1629/30, 1634/35, 1637/38, 1640/41 гг.) проанализированы сведения об объемах производства и продажи хлебного вина, пива и кислого меда в этом городе, себестоимости алкогольных напитков и отпускных ценах на них, формах реализации питей и размерах казенной питейной прибыли.

Производство и продажа алкогольных напитков во все времена занимали исключительно важное место в финансово-экономической системе Российского государства. Особое значение поступления от реализации питей приобретали после завершения войн и разного рода социально-политических катаклизмов, когда государственная казна оказывалась пуста, а в денежных средствах, необходимых для восстановления разоренной экономики, испытывался острый дефицит. Так было, например, в первые годы царствования Михаила Федоровича, когда страна только начинала приходить в себя после последствий многолетней разрухи. В это время кабацкий сбор, по выражению историка М.И. Смирнова, «продолжал свою спасительную миссию». В 1620 г. царь и его отец патриарх Филарет прямо говорили, что в государстве нет никаких других источников доходов, кроме как от таможи и кабака [7, с. 101].

История питейного дела в России исследована крайне неравномерно как в хронологическом и географическом, так и в тематическом плане. Применительно к XVII–XVIII вв. лучше изучена сфера производства алкогольных напитков (прежде всего хлебного вина²), казенная же питей-

¹ Раздорский Алексей Игоревич, Российская национальная библиотека (РФ, Санкт-Петербург), к.и.н., razdor@nlr.ru.

² Здесь в первую очередь следует упомянуть монографию М.Я. Волкова о развитии отечественной винокуренной промышленности [1], а также книги Б.В. Родионова об истории производства крепких спиртных напитков в России (см., напри-

ная торговля в меньшей степени привлекала внимание историков. Между тем в центральных и региональных архивах хранится значительное количество кабацких книг (книг кружечных дворов), содержащих сведения как о производстве, так и реализации спиртного. В этих документах имеется ценная информация об объемах производства и продажи различных алкогольных напитков, их себестоимости, отпускных ценах, формах реализации, размерах казенной питейной прибыли. Следует также отметить, что во многих кабацких книгах представлены данные о хлебных ценах, поскольку различные зерновые культуры (рожь, овес, ячмень) использовались при выработке хлебного вина и пива. Подавляющее большинство указанных источников до сих пор не изучено и не введено в научный оборот.

В настоящей публикации проанализированы сведения о производстве и продаже алкогольных напитков в Можайске, извлеченные из пяти кабацких книг этого города, которые относятся ко времени царствования Михаила Федоровича (1627/28, 1629/30, 1634/35, 1637/38, 1640/41 гг.)³. Аналогичные данные за последующий период, имеющиеся в 12 можайских кабацких книгах 1644/45–1673/74 гг., были рассмотрены нами ранее [3]. Таким образом, основные показатели, характеризующие состояние питейного дела в Можайске со второй половины 1620-х гг. до середины 1670-х гг., содержащиеся во всех 17 сохранившихся можайских кабацких книгах, вводятся в научный оборот в полном объеме.

В XVII в. существовали два основных способа заготовки хлебного вина, предназначенного для реализации через казенные питейные заведения: производство на казенных винокурнях или закупка у частных подрядчиков. В Можайске как в 20–40-е гг. XVII в., так и в последующий период, использовался в основном первый способ. В городе действовала казенная винокурня, на которой выкуривалось от 629,5 до 1050 ведер вина в год (подробнее см. Таб. 1). Сырьевая закладка для производства напитка включала здесь четыре компонента: ржаной солод, несоложеную рожь, овес и хмель. По данным, например, «винокурной книги» за 1640/41 г. (составной части кабацкой книги, содержащей сведения о казенных расходах на производство вина) перечисленные компоненты в процентном соотношении распределялись следующим образом: 24,7–17,3–27,1–30,9 (в разных брагах это соотношение могло незначительно меняться). Так, 14 сентября 1640 г. на можайской казенной винокурне была поставлена брага, в которую было положено 10 четвертей ржаного солода, 7 четвертей ржи, 11 четвертей овса и 12,5 четвертей хмеля. Всего из браги было выкурено 41 ведро вина, общая себестоимость которого составила 24 руб. 90,5 коп. При этом совокупная стоимость сырья составила 20 руб. 87,5 коп. (83,8 % всех расходов), за помол зерна (с провозом на мельницу и обратно) было заплачено 1 руб. 40 коп. (по 5 коп. за четверть) (5,6 %), дров изшло на

мер: [5, 6]).

³ РГАДА. Ф. 137. Можайск. Кн. 1-и. Л. 86–98, 102–255 (1627/28 г.); Кн. 1-а. Л. 10–64 (1629/30 г.); Кн. 1-в. Л. 56–105, 131–173 (1634/35 г.); Кн. 1. Л. 52–184 (1637/38 г.); Кн. 1-г. Л. 56–173 (1640/41 г.).

1 руб. 75 коп. (7 %)⁴, трем ярыжным было выплачено 60 коп. (по 20 коп. человеку) и 28 коп. получил за работу винокур (всего 3,6 %).

При определении способа заготовки вина местные кабацкие власти должны были исходить из того, где оно было дешевле – при выработке на местной винокурне или при покупке у подрядчиков. В этой связи представляет интерес сопоставить данные о начальных ценах на вино в Можайске и в соседней с ним Вязьме, где на протяжении большей части XVII в. (начиная по крайней мере с середины 1620-х гг.) вино приобреталось исключительно у частных поставщиков⁵. В 1627/28 г. себестоимость вина, выкуренного на можайской казенной винокурне, колебалась от 36 до 42 коп. за ведро, в то время как на вяземские кабаки в том же году оно закупалось в основном по 48–49 коп. за ведро. Иначе обстояла ситуация в начале 1640-х гг. В 1640/41 г. себестоимость ведра вина в Можайске составляла в основном от 41 до 61 коп., в то время как закупочные цены в Вязьме в том же году находились в пределах от 31 до 37,5 коп. за ведро. К этому времени большая часть вина для вяземских кабаков приобреталась у подданных Речи Посполитой (смоленских и дорогобужских поставщиков). Надо полагать, что закупать у них вино для продажи в Можайске местные власти считали, тем не менее, невыгодным из-за увеличения накладных расходов на перевозку.

В отдельные годы производственные мощности можайской винокурни не могли покрыть спроса на вино, особенно возраставшего при движении войск через город⁶. В этих ситуациях власти прибегали к закупкам вина у подрядчиков. Например, в 1629/30 г. у муромских, боровских и вяземских поставщиков было куплено в общей сложности 383,25 ведра вина.

В отличие от вина пиво и кислый мед в Можайске (как и в других городах) изготовлялись исключительно на местной казенной поварне. Состав сырьевой закладки при производстве пива и соотношение ее отдельных компонентов в разные годы менялись. В 1627/28 и 1629/30 гг. пиво в Можайске варили из ячменного и ржаного солода в пропорции 2,5 на

⁴ Производство вина требовало большого расхода дров. В одной из записей, содержащейся в можайской кабацкой книге 1627/28 г., отмечено, что в сентябре 1627 г. на производство 15 ведер вина было израсходовано 1,75 сажени дров стоимостью 73,5 коп. (РГАДА. Ф. 137. Можайск. Кн. 1-и. Л. 102–104). Если допустить, что имеется в виду мерная сажень (176 см), то получается, что на выкурку указанного количества напитка расходовалось примерно два кубометра дров ($1,75 \times 1,76 \times 0,7 = 2,15$; где 0,7 – традиционный коэффициент для расчета объема напильных дров в поленице). Производство пива и кислого меда было значительно менее энергозатратным. Так, на выработку 42 ведер пива и 30 ведер меда на можайской казенной поварне в сентябре 1627 г. было израсходовано дров, соответственно, на 9 и 1,5 коп. (Там же. Л. 145 об.–147, 150–150 об.).

⁵ О производстве и продаже питей в Вязьме подробнее см.: [4, с. 121–153].

⁶ Служилые люди являлись важной частью клиентуры русских кабаков первой половины XVII в. При недоборах питейной прибыли относительно заранее установленной окладной суммы кабацкие головы, в том числе можайские, регулярно ссылались на отсутствие или существенное уменьшение количества «питухов» из числа «воинских людей» по сравнению с предыдущими годами. Подробнее об этом см.: [2, с. 78–86].

1,5. В 1634/35 г. также использовался ячменный и ржаной солод, но уже в пропорции 2 к 1. Одна партия пива в указанном году была сварена из ячменного солода и овса в пропорции 2 к 3. В 1637/38 г. при производстве пива применялась либо трехкомпонентная закладка (ячменный и ржаной солод, овес) в пропорции 2:2:1, либо только ячменный и ржаной солод в пропорции 3 к 2. В 1640/41 г. использовалась либо трехкомпонентная сырьевая закладка (в той же пропорции), либо двухкомпонентные закладки двух видов: из ржаного солода и овса (в пропорции 3 к 2) или из ячменного и ржаного солода (в той же пропорции). Непременным элементом пивной сырьевой закладки был также хмель, однако его объем указан лишь в кабацких книгах 1620-х гг.: на 4 четверти солода («в московскую меру») употреблялось 6 четвериков («в старую в Можайскую меру»)⁷.

Основным компонентом при производстве кислого меда был пчелиный мед («пресный мед»), который разбавляли водой, а затем заправляли кипятком, предварительно вываренным с хмелем («хмелевым варом»). Полученная смесь варилась, остужалась, а затем заквашивалась хлебными дрожжами. Сваренный мед несколько раз переливался в разные бочки с целью остановить процесс спиртодрожжевого брожения на определенной стадии. Для этого засмоленные бочки с медом после второй или третьей переливки ставились на лед, в результате чего брожение в них тормозилось до такой степени, что его продукты не превращались в газы, а уходили в сам мед, в результате чего напиток приобретал необходимую крепость (обычно в пределах 10–16°). Отношение объема пресного меда к объему кислого меда, изготовленного на Можайской казенной поварне, в рассматриваемые годы постоянно менялось. Если в 1627/28 г. из пуда пресного меда выходило в среднем 4,6 ведра медового напитка, то в 1629/30 г. этот показатель увеличился уже до 4,9 ведра, в 1634/35 г. возрос до 5,8 ведра, а в 1637/38 г. – до 6,1 ведра. За десять лет, таким образом, объемное количество пресного меда уменьшилось в кислом меде в 1,3 раза (то есть мед стал менее концентрированным, более «жидким»), при этом отпускные цены на него возросли (см. Таб. 1). В 1640/41 г., правда, объемное количество пресного меда в напитке снова увеличилось: из пуда меда выходило в среднем 5,7 ведра, то есть данный показатель вернулся к уровню середины 1630-х гг.

Продажа питей в Можайске в рассматриваемый период осуществлялась на кабаке, а также из казенного погреба. При этом в Можайских кабацких книгах говорится только об одном кабаке (в других городах их мог-

⁷ Исходя из стоимости ржаного солода можно попытаться рассчитать соотношение московской четверти (после 1624 г. казенная четверть вмещала 6 пудов ржи или 5 пудов ржаной муки) и старой Можайской четверти. Объем ржаного солода, израсходованного при производстве вина и пива, показан в Можайской кабацкой книге 1627/28 г., соответственно, в Можайских и московских четвертях. Стоимость Можайской четверти солода в течение года колебалась от 96 коп. до 1 руб., московской четверти – от 36 до 40 коп. Следовательно, старая Можайская четверть превосходила московскую в 2,5 раза, то есть вмещала 15 пудов ржи. Таким образом, на 4 московских четверти солода при производстве пива расходовалось 15 московских четвериков (или 1,875 московской четверти) хмеля.

ло быть несколько⁸). На кабаке в Можайске напитки реализовывались в мелкий розлив: вино – кружками и чарками, пиво и кислый мед – ковшами (иногда также четвертями); из погреба – в крупный розлив (ведрами и четвертями). Отпускная цена питей была дифференцированной в зависимости от формы их продажи. Так, во второй половине 1620-х гг. вино в мелкий розлив (в чарки) продавалось на 14,3 % дороже, чем в крупный, а наценка при продаже кислого меда и пива в ковши составляла по сравнению с ведерной продажей 20 %. В середине 1630-х – начале 1640-х гг. в винной торговле в Можайске отпускные цены дифференцировались по трем категориям: при продаже напитка в чарку (наиболее высокие), в кружку, в ведро и четверти. При этом в чарочной и кружечной продаже стоимость вина оставалась неизменной в течение всего года, тогда как при его отпуске в крупный розлив цены в конце сентябрьского года (в июле-августе) снижались на 16,7 % (в 1634/35, 1637/38 гг.) или даже на 20 % (в 1640/41 г.). Отпускные цены на пиво и кислый мед в середине 1630-х – начале 1640-х гг. были одинаковыми как при продаже этих напитков в мелкий, так и в крупный розлив. Определяющим фактором при формировании отпускных цен являлась себестоимость алкогольных напитков.

Таб. 1. Статистические данные о производстве и продаже алкогольных напитков в Можайске во второй половине 20-х – начале 40-х гг. XVII в.

Год	Производство (ведер)	Продажа (ведер)	Начальная цена ведра (руб.)	Отпускная цена ведра (руб.)	Общая прибыль (руб.)
1627/28	761,75	776	0,36–0,42	1,05–1,2	549,065
1629/30	629,5	1219,5	0,55–0,675	1,05–1,2	637,77
1634/35	676,25	1250	0,7–1,02	1,25–2	1015,8775
1637/38	811,25	870,25	0,655–0,8	1,25–1,75	733,07
1640/41	1050	1022,5	0,365–0,61	1–1,72	895,1375
1627/28	1231	1212,5	0,045–0,055	0,1–0,12	67,0375
1629/30	467,25	519	0,05–0,065	0,1–0,12	17,835
1634/35	511,25	531,25	0,06–0,085	0,1–0,2	52,155
1637/38	1767,25	2195,75	0,06–0,09	0,15	149,485
1640/41	1389,25	1298,75	0,04–0,065	0,145	109,8625
1627/28	751	746	0,11–0,135	0,2–0,24	63,7675
1629/30	360,5	330,5	0,095–0,12	0,2–0,24	30,5875
1634/35	575	580,5	0,1075–0,16	0,3	91,1275
1637/38	322,75	314,75	0,105–0,16	0,3	52,965
1640/41	183,5	187,25	0,0975–0,15	0,3	29,6925

1. Волков М.Я. Очерки истории промыслов России: Вторая половина XVII – первая половина XVIII в.: Винокуренное производство. М., 1979.
2. Раздорский А.И. Головство и откуп. Очерки из истории таможенного и кабацкого дела на юге и западе европейской России в XVII веке (по материалам приходо-расходных книг московских приказов и городских таможенных и кабацких книг). М., 2017.

⁸ В Вязьме, например, в 1627/28 г. вино продавалось в трех кабаках и из казенного винного погреба, а в конце 1630-х – начале 1650-х гг. в пяти кабаках, чарочной избе и из казенного винного погреба.

3. *Раздорский А.И.* Производство и продажа питей в Можайске в XVII веке: По данным книг питейной прибыли 1644/45–1673/74 гг. // Клио. 2003. № 3.
4. *Раздорский А.И.* Торговля Вязьмы в XVII веке (по материалам таможенных и кабацких книг города). СПб.; М., 2010.
5. *Родионов Б.В.* История русских крепких питей. Книга-справочник по основным вопросам истории винокурения. М., 2017.
6. *Родионов Б.В.* Полугар. Водка, которую мы потеряли. М., 2009.
7. *Смирнов М.И.* Нижегородские казенные кабаки и кружечные дворы XVII столетия. Приложение: «Книги Нижегородского кружечного двора 166-го году» // Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. Сборник. Нижний Новгород, 1913. Т. 16. Вып. 2.

И.В. Пугач¹

Кабацкая прибыль на Русском Севере: административно-финансовые параметры к середине XVII в.²

Русский Север, государственный бюджет, русский феодальный город, кабацкая прибыль, кабацкая изба.

В статье рассматривается одна из важнейших статей дохода государевой казны – кабацкая прибыль в первой половине XVII в. на Русском Севере. Особое внимание уделяется административной структуре кабацкой сети и финансовым параметрам ее деятельности.

1. Основными источниками для выявления административной структуры кабацкой сети на Русском Севере и финансовых параметров ее деятельности служат четвертные приходные книги и сметные списки отдельных городов. В данном случае – это приходная книга Устюжской четверти за 1643/44 г.³, приходная книги Новгородской четверти за 1643/44 г.⁴ и сметные списки городов Новгородской четверти за 1644/45 г.⁵

Русский Север в административном отношении находился под управлением двух территориальных приказов. В ведении Новгородской четверти были Вологда, Вятка, Двина, Кайгородок, Каргополь, Кольский острог, Кеврола и Мезень, Пустозерский острог и Яренск, а в Устюжской четверти – Великий Устюг, Соль Вычегодская, Тотьма, Устьянские волости и Чаронда.

2. Кабацкая прибыль – одна из основных разновидностей окладных доходов, на протяжении всего XVII в., составляла важнейшую статью в формировании государственного бюджета.

Приходные книги и сметные списки в основном оперируют двумя понятиями – «кабацкая прибыль» и «кабак». С первым все очевидно – в нее включались все многочисленные статьи дохода, получаемые как от реализации спиртных напитков, так и от государственной монополии на их производство. Термин «кабак» употребляется же в приказном финан-

¹ Пугач Иван Васильевич, Вологодский государственный университет (РФ, Вологда), к.и.н., rugachivan@yandex.ru.

² Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ – грант № 18–09–00350–а «Сметные списки городов Русского Севера XVII в.: исследования и тексты».

³ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Суздаль 2.

⁴ Там же. Новгород 28.

⁵ Там же. Новгород 30, Новгород 31.

совом делопроизводстве как отдельная самостоятельная или автономная административная единица. Однако за этим чаще всего стоит довольно сложная производственно-торговая и управленческая структура с соответствующим административным персоналом.

Ярким свидетельством такого положения может служить пример Вологды. По описанию 1626–28 гг. в городе было семь отдельных кабаков: два в пределах крепости и пять на посаде. Все они представляют из себя комплекс производственных, складских и торговых зданий и помещений, компактно расположенных и связанных между собой. Так кабак, расположенный в Заречье, описан следующим образом: «Да за рекою за Вологдою на Дмитриевском берегу, что на Наволоке, кабак, три избы да погреб, да ледник с сарайми, да винокурня, да поварня пивная, да сенник на подклете, ставит вино» [1, с. 69].

Таб. 1. Кабацкая сеть на Русском Севере к середине XVII в. (города Новгородской четверти)

Финансовый округ	Кабаки	Кабацкая прибыль	
		Сумма (руб.)	%
Вологда	Посад	10 019,8075	95,30
	Шуйский городок	389,30	3,70
	Обнорский ям	105,00	1,00
	Всего	10 514,1075	100
Вятка	Хлынов	2989,1775	66,46
	Орлов	325,8125	7,24
	Котельнич	239,3225	5,32
	Слободской	825,4625	18,35
	Шестаков	117,8625	2,63
	Всего	4497,6375	100
Двина	Архангельск	1090,33	11,98
	Холмогоры: посады		
	- Верхний	935,865	10,28
	- Нижний	376,8975	4,14
	- Ненокоцкий	122,4675	1,35
	- Унский	33,3075	0,37
	- Елецкий	88,9375	0,98
	- Волоцкий и Кулуйский	138,1775	1,52
	Двинской уезд	6314,235	69,38
	Всего	9100,2175	100
Кайгородок	Посад	351,2625	100
	Всего	351,2625	100
Каргополь	Каргополь	3839,49	81,96
	Турчасово	574,8825	12,27
	Усть-Моша	270,0475	5,77
	Всего	4684,42	100
Кеврола и Мезень	Кеврола	431,19	42,32
	Мезень	587,7775	57,68
	Всего	1018,9675	100
Кольский острог	Посад	832,10	81,36
	Мурманский берег	37,06	3,62
	Кандалашский	112,23	10,98
	Ковский	20,345	1,99
	Керецкий	21,00	2,05
	Всего	1022,735	100

Пустоозерский острог	Посад	103,105	50,61
	Усть-Целемский	14,2175	6,98
	Ижемский	86,385	42,41
	Всего	203,7075	100
Яренск	Посад	743,565	100
	Всего	743,565	100

Составлено по: РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 28. Л. 116–123 об., 137–137 об., 338–344, 490–540, 581–630, 731–746, 757 об.–764; Новгород 31. Л. 756–757 об.

**Таб. 2. Кабацкая сеть на Русском Севере к середине XVII в.
(города Устюжской четверти)**

Финансовый округ	Кабаки	Кабацкая прибыль	
		Сумма (руб.)	%
Великий Устюг	Посад	7497,38	74,11
	Уфтожский	406,22	4,02
	Пермогорский, Кивокурский, Ягрышский	960,885	9,50
	Комарицкий, Юрьевский, Белослудский	683,4225	6,76
	Черевковский	568,0225	5,61
	Всего	10115,93	100
		3528,235	78,52
Соль Вычегодская	Посад	15,00	0,33
	Онтропьевский	15,00	0,33
	Учецкий	14,00	0,31
	Андреевский	10,00	0,22
	Лальский	713,92	15,89
	Луцко-Пермский	197,085	4,40
	Всего	4493,24	100
		1014,9925	87,24
Тотьма	Посад	45,30	3,89
	Усть-Толшемский	34,3325	2,95
	Сученгский	37,5025	3,22
	Коченский	31,3775	2,70
	Всего	1163,505	100
		131,6075	100
Чаронда	Посад с округой	131,6075	100%
	Всего	131,6075	100%

Составлено по: РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Суздаль 2. Л. 142–144, 269 об.–274, 337–344, 357.

3. Административная структура кабацкой сети на Русском Севере и их финансовые показатели за 1643/44 г. представлены в Табл. 1 и 2. К середине 40-х гг. XVII в. наблюдается значительный разброс, как по плотности кабацкой сети, так и по масштабам финансовой деятельности. Самые значительные показатели сбора кабацкой прибыли зафиксированы по Вологде, Великому Устюгу и Двине. Здесь же была и наиболее разветвленная сеть. Во многом, кабацкая сеть создавалась и сохранялась исходя из социально-экономического потенциала того или иного финансового округа или крупного поселения.

Таб. 3. Кабацкая прибыль на Русском Севере к середине XVII в. (города Новгородской четверти)

Финансовый округ	Кабацкая прибыль		Общий доход Сумма (руб.)
	Сумма (руб.)	%	
Вологда	10 514,1075	48,45	21 699,1075
Вятка	4497,6375	46,53	9666,17
Двина	9100,2175	22,14	41 100,155
Кайгородок	351,2625	22,04	1593,90
Каргополь	4684,42	55,13	8496,7925
Кеврола и Мезень	1018,9675	21,17	5050,7575
Кольский острог	1022,735	53,74	1903,1075
Пустоозерский острог	203,7075	45,80	444,7825
Яренск	743,565	28,73	2588,2525
Всего	32 136,62	34,73	92 543,025

Составлено по: РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 28. Л. 116–123 об., 137–137 об., 338–344, 462, 490–540, 581–630, 731–746, 757 об.–764; Новгород 30. Л. 64 об.–66, 127–128 об., 147–150, 177 об.–179, 189 об.–191, 196–199, 207 об.–209 об., 231–234, 241 об.–245; Новгород 31. Л. 756–757 об.

Таб. 4. Кабацкая прибыль на Русском Севере к середине XVII в. (города Устюжской четверти)

Финансовый округ	Кабацкая прибыль		Общий доход Сумма (руб.)
	Сумма (руб.)	%	
Великий Устюг	10 115, 93	47,09	21483,315
Соль Вычегодская	4493,24	47,21	9518,4525
Тотьма	1163,505	34,83	3340,78
Чаронда	131,6075	7,69	1711,0075
Всего	15 905,2825	44,12	36 053,555

Составлено по: РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Суздаль 2. Л. 138–344, 355–370.

4. Плотность кабацкой сети определяла и реальный сбор кабацкой прибыли, его долю в общем объеме доходной части каждого из поморских городов. Наблюдается существенная разница этих параметров, как между отдельными финансовыми округами, так и внутри каждого из них. Эти показатели представлены в Табл. 3 и 4.

В ряде случаев, прежде всего в крупных городах, она составляет почти половину всех доходов – Вологда, Вятка, Великий Устюг, Соль Вычегодская, а иногда и более половины – Каргополь, Кольский острог. Исключение из этого правила только одно – Двина. При развитой кабацкой сети, доля кабацкой прибыли здесь составляет только 22 %, хотя по ее размерам этот финансовый округ, наряду с Вологдой и Великим Устюгом, самый крупный. Главная причина такого положения дел, на наш взгляд, в структуре двинских доходов, а точнее размерах таможенных пошлин, которые собирались на Корабельной пристани Архангельска и холмогорских посадах. Их сбор в 1643/44 г. составил огромную сумму – более 27 831 руб., или 67,72 % от всех доходов⁶.

5. Таким образом, все доминанты административной, торгово-промышленной и демографической инфраструктуры Русского Севера к середине XVII в. были покрыты разветвленной сетью кабаков или их филиалов. Это позволяло извлекать максимальную выгоду от государствен-

⁶ Там же. Новгород 30. Л. 122.

ной монополии на производство и продажу спиртных напитков. В общем объеме доходов государевой казны кабацкая прибыль составляла более 34 % по Новгородской четверти – 32 136,62 руб. из 92 543,025 руб., и более 44 % по Устюжской четверти – 15 905,2825 руб. из 36 053,555 руб.

В целом, кабацкая прибыль в структуре государственных доходов, собираемых на Русском Севере к середине XVII в. была одной из основных статей дохода, а ее доля на 1643/44 г. составляла более 37 %.

1. Писцовые и переписные книги XVII – начала XVIII века / Отв. ред. И.В. Пугач. Вологда, 2018. Т. 3.

А.В. Барсукова¹

Строения и имущество питейных заведений г. Коломны во второй половине XVII века

Питейная торговля; кружечный двор; хозяйственная утварь; учетная документация.

Публикация основана на архивном материале и позволяет детально познакомиться с состоянием двух питейных заведений подмосковной Коломны во второй половине XVII в. Материал имеет практическую значимость для тематических музейных экспозиций.

Появление кабаков в Коломне следует, по всей вероятности, отнести к рубежу XVI–XVII вв. Об определенном опыте развития питейной торговли в городе свидетельствуют данные об ее успешном функционировании во втором десятилетии XVII в. на откупном принципе. Так из кабацкой «копилки» не раз восполнялись нужды самого разного рода. Суммы, получаемые с откупного держания питейных заведений города, были настолько высоки, что позволяли обеспечить затратные государевы потребности на «столовые запасы, и на покупку белки, горностаев»². В 1616 г. коломенские целовальники Наум Иванов и Максим Данилов без приказных людей должны были купить «на государя к оспожинскому мясоеду гусей и утят» в Коломне. Деньги на эту покупку «7 рублев с гривною» им должен был выделить коломенский кабацкий откупщик Семен Яковлев «с товарищи» по памяти воеводы кн. Б.Н. Приемкова-Ростовского [2, с. 270]. Из коломенских кабацких доходов по царским указам в 1610-х гг. неоднократно получали деньги верные правительству дворяне: в 1613 г. – Волынский Ф.В. (60 руб.), Колтовский С. (17 руб.), в 1614 г. – вдова кнг. Засекина Е. за умершего мужа (30 руб., причем в это время кабаки держали целовальники); в 1618 г. коломенские подьячие Захарьин Б. (7 руб.) и Перфирьев С. (5 руб.) [5, с. 243, 251, 258, 304–305]. Все это говорит о том, что кабаки в Коломне исправно работали и давали большой доход.

¹ Барсукова Анжелика Владимировна, Государственный институт новых форм обучения (РФ, Москва), к.и.н., yrubel14@yandex.ru.

² РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 1. № 230. 1616/17 г. Памяти и на иные отписки о том, что было выдано государева денежного жалованья в разных городах всякого звания чинов людям и что взято на государев обиход за столовые запасы, и на покупку белки, горностаев и прочего из кабацких коломенских откуповских доходов деньги.

С 1619 г. доходами кабаков в России ведала Новая четверть (за исключением Устюжской четверти). В городах могло быть по несколько кабацких изб. В Нижнем Новгороде, Пскове и на Холмогорах в первой половине XVII в. насчитывалось по 6 кабаков в каждом, в Вязьме – 5, в Касимове – 4, в Коломне – 3, но в большинстве городов их было по одному-два [2, с. 209–210]. Финансовые отношения между посадской общиной и государством, в том числе и в сфере питейной торговли, определялись в уставных грамотах, упоминание об одной из которых для Коломны относится к 1619 г.³

По-видимому, древнейшим и самым крупным питейным заведением подмосковной Коломны, существовавшим уже в самом начале XVII в., был кабак – Большой, который располагался близ пристани и Живого моста через Москву-реку (чуть ниже по течению), непосредственно на берегу, там, где начинался городской торг. По соседству с ним располагались пивоварня (здесь производились пиво и вино для продажи) и склады для хранения продукции. До наших дней дошла хозяйственная постройка 1730-х гг. комплекса винных складов – каменная палатка для хранения выкуренного вина [4, с. 78].

Большой кабак с середины XVII в. – это коломенский кружечный двор, в РГАДА сохранилось подробное описание его строений и имущества. Кружечный двор являлся местом приготовления спиртных напитков – вина, «пьяной» браги, пива, кислого меда – для последующей продажи и сбыта. На кружечных дворах часто собирались налоги даже выше, чем с самой товарной торговли. Кабацким головам в этом процессе помогали специально избранные для этого целовальники, а в документации – подьячие.

При передаче кабака в откуп или «на веру» специально приглашались оценщики, которые определяли стоимость строений и имущества, а суммы оценки записывали в ценовную роспись.

В отписке коломенского воеводы Леонтия Ивановича Кафтырева, направленной в приказ Галицкой чети, зафиксировано, что в 7185 г. коломенский кружечный двор находился на откупе у Стенки Логинова «с товарыщи», а с нового 7186 г. передан на веру голове Лучке Дутикову. Как и полагается, была составлена ценовая роспись строений и имущества, в проведении которой приняли участие 12 оценщиков, выбранных из коломенских посадских людей, 2 земских старосты и 2 «сотцких»⁴.

Важным сырьевым компонентом при приготовлении затора (сусла) в русском винокурении служил солод. Русский солод всегда был и до сих пор остался исключительно ржаным. Его перемол на коломенском кружечном дворе осуществлялся жерновами стоимостью в 5 алт.

Источники подтверждают, что винокурня находилась на берегу Москвы-реки⁵, потому что для ее функционирования в большом количестве

³ РГАДА. Ф. 396. Столбцы Оружейной палаты. № 39 508. Л. 5.

⁴ РГАДА. Ф. 159. Оп. 4. № 119. 1677 г. Отписка коломенского воеводы Леонтия Ивановича Кафтырева об отправке в приказ ценовой росписи коломенского кружечного двора; ценовая роспись. Л. 2.

⁵ РГАДА. Ф. 159. Оп. 4. №119. 1677 г. Л. 3.

была нужна вода. Для обеспечения деятельности винокурни имелся колодец, над которым находилась водоливня на четырех дубовых столбах. К 7186 г. дерево сгнило, но стоимость в 4 руб. для колодца определили такие части, как «новое сто(л)но сосновое з жировцом», а у жировца – два кольца да два крюка железные, на чем жировец ходит⁶. Для доставки воды из колодца было предусмотрено специальное колодезное ведро ценой в 2 алт. 2 ден.

В составе хозяйственного инвентаря винокурни для разведения браги водой числились 16 чанов и 4 желоба ценой в 1 руб. 16 алт. 4 ден. Сбор субстрата из винокурренных труб проводился в двадцать одно специальное «подставильное» (т.е. корыто) ценою 15 алт. Готовое вино переносили в ушатах с железными ушами, т.е. петлями. Их стоимость равнялась 8 алт. 2 ден. Для зачерпывания винной браги использовались 4 специальных липовых наливки, которые были оценены в 10 ден. Под «ветхими трубными» понимали колоды дубовые «витные», количеством 3 штуки и ценою в 8 алт. 2 ден.

Главная часть винокурненного оборудования называлась куб, для его обслуживания использовались 3 поскребушки железные стоимостью в 2 алт. 4 ден. Для сбора остатков барды от винокурненного производства за воротами винокурни находились 10 больших и малых чанов, правда, прохудившихся, и оцененных в 5 алт.

Рядом с винокурней находился большой амбар, состоящий из двух помещений: одно предназначалось для хранения сырья (хлебного запаса), и готового вина, а во втором находилось «сушило» и свободные, незанятые, бочки⁷. Обе половины и крыша этого амбара подгнили, поэтому цена была 1 руб. Общая стена объединяла данную постройку с еще одним большим амбаром «о трех стенах» стоимостью в 4 руб. В летнее время он использовался для хранения пустых бочек, а зимой служил для винокурненного сырья – хлебного запаса, солода, муки. В той части, которая отводилась под солод и муку, пол был выстлан струговыми досками, т.е. вторично использованным деревом. Крыт амбар был дранью и лубом, двери «скародные» держались на железных петлях, на них была расположена специальная навесная петля, с помощью которой амбар закрывался.

В состав коломенского кружечного двора входила пивоварня площадью 12 сажень в длину и 4 сажени в ширину, окруженная плетнем, с двумя воротами с притворами. Два чана и горн в пивоварне были накрыты лубом – их стоимость была приравнена к 1 руб. Кроме того, имелись хозяйственная утварь и посуда: большой заторной чан для первого гона хлебного вина из барды, который продолжался до тех пор, пока технически возможно вести перегонку, не допуская исчезновения из барды жидкости до такой степени, чтобы гуща барды подгорела; корыто, которое ставили под большой заторный чан, чтобы избежать потерь сула в процессе его «сидения», в случае сплывов закипевшей жидкости, возможно, что при длительном нахождении в печи и при определенном ее ровном тепловом режиме происходила (наряду с варкой) стихийная дистилляция,

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 4.

продукты которой механически попадали в корыто; 3 чана «квасников пивных»; 2 липовых ушата; большая липовая воронка; большое решето для процеживания. Ее цена составила 2 руб. с полтиною.

Реализация произведенной винной продукции в зимний период осуществлялась в большой пивной избе. Вино продавали в розницу, разливая его в чарки. Лубяная крыша строения находилась в ветхом состоянии, но дверь на железных крюках прочно запиралась железной цепью.

К избе была пристройка – «казенка дощатая», предназначенная для целовальников, которые должны были выполнять государственный контроль за порядком сбыта спиртного⁸. У этой части была отдельная дверь на железных крюках, для затвора использовали цепь и скобы ручные. Так как это помещение предназначалось для ведения отчетной документации, были предусмотрены дополнительные меры предосторожности. Для затвора подстава была еще одна дверь «верховая», а для затвора трех окон были предусмотрены 6 железных скоб. Стоимость этих построек оценили в 11 руб.

В ценовой росписи назван «рубленой» большой пивной ледник в очень ветхом состоянии. Над ним располагался еще один большой амбар, крытый дранью и лубом, с перилами и «мостом» из струговых досок, с дверью «пенною» и дверью «верховой» для закрытия подстава, с железными крюками и скобами. В этом же амбаре была предусмотрена еще одна казенная винная лавка. Амбар вместе с ледником оценили в 3 руб. с полтиною. Здесь находился мерный инвентарь: липовое ведро объемом в одну четверть, 7 мерных медовых и пивных ковшиков, 2 липовых ковшика. Это тара использовалась для хранения пива и меда на «подставе». Деньги, вырученные в ходе продаж, собирались в деревянный ящик, который вместе с набором утвари оценили в 2 алт. 2 ден.⁹ Для стока талой воды из ледника в земле было сделано углубление – «рубленой» приямок, который в результате эксплуатации сгнил, и оценщики определили его стоимость в 2 алт. 2 ден.

Чтобы летом в Коломне в рассматриваемый период приобрести вино, разлитое в кружки, следовало направиться в кружечный большой амбар. Здесь в отличие от вышеописанного располагалось две казенки дощатые с двумя пенными дверьми, а также было четыре окна, которые запирались восемью железными скобами. В силу ветхости крыши цена амбара составляла 4 руб. Кроме деревянного ящика, набор мерной тары был другим и состоял из мерной дубовой бочки, медного и оловянного фарта в худом состоянии, общей стоимостью 8 алт. 2 ден.

Площадь «земляного выхода», т.е. спуска в винный погреб, составляла в длину – 5 сажень, а в ширину – 4 сажени. Потолок был сделан из необтесанных, распиленных вдоль, дубовых бревен. Из такого же материала построили пристен. У выхода было двое дверей – одни с решеткою, другие – дощаные. Для их затвора использовались два навесных замка, один из которых – большой «клинчатый» немецкого дела. В составе утвари числились 8 жестяных воронок, 3 деревянных красных корыт-

⁸ Там же. Л. 5.

⁹ Там же.

ца, мерная винная дубовая четверть. На специальном столбе была сделана навесная железная петля для размещения казенного ящика под деньги.

Подобно утопленному в землю спуску, был сконструирован омшаник из «дубовых стоячих пластин». Согласно источнику, он предназначался для оптовой продажи вина, которую целовальник вел по четвертям. Но к 7186 г. омшаник находился в непригодном для использования состоянии и был оценен вместе с выходом и «со всяким строением»¹⁰ в 18 руб.

На территории коломенского кружечного двора для хранения вина, меда и пива существовал «малый ледник сытенный», сделанный из дуба. Над ним, как и над большим ледником, располагался амбар с пятью окнами. Цена этих строений была определена в 1 руб. 18 алт.

Этот же амбар далее в источнике назван кружечным, рядом с ним был расположен еще один большой амбар с «закрамы» (закромами) под винокуренный запас солода и муки¹¹.

Для проживания пришлых голов и винокуренных работников стояла казенная изба, к 7186 г. она находилась рядом со старой, вероятно, поэтому помещение названо «двоини». Вместе с сениями цена избы была определена в 2 руб. Возле старых казенных изб отдельным строением стоял амбар для хранения хлебного запаса для производства пива. «Закрамы» были отгорожены досками. Цена этого амбара была определена в 1 руб. 6 алт. 4 ден.

Внутри хозяйственных построек находилась мебель – 5 дубовых столов и 1 скамья. Также перечислен специальный инвентарь – «напол», т.е. кадушка липовая, железные крюки для подвешивания котлов, большое кольцо с пробоем – «железные журавцовые», три больших железных котла, в одном кипятили воду для медовых ставок, в другом – для винных браг. Но эти котлы к 7186 г. прохудились.

Описание 1677 г. большого кабака показывает, что он функционировал длительное время, о чем свидетельствует эксплуатационное состояние утвари, видимо, в связи и с активным ее использованием.

Один из трех городских кабаков Коломны второй половины XVII в. располагался на выезде из города в сторону Рязани и по документам известен как «Лубянка». Локализовать его следует в районе дома 228 на современной ул. Октябрьской революции¹², рядом с несохранившимся прудом. В уже упомянутой ценовой росписи 1677 г. особо подчеркивается назначение этого питейного заведения, потенциальными клиентами которого являлись люди, проезжающие через город, здесь пиво и вино им продавалась чарками¹³. В царских кабаках «раздробительное» вино, т.е. продаваемое небольшими мерами – чарками, чашками и кружками, стоило в 4 раза дороже своей заготовительной цены. Вино было разной кре-

¹⁰ Там же. Л. 6.

¹¹ Там же. Л. 7.

¹² Там же. Л. 8; Там же. Ф. 210. Разрядный Приказ. Столбцы Приказного стола. № 1170. 1683–1686 гг. Л. 36–38. Допрос целовальника отхожего кабака, что слышет Лубянка, о найденном у него краденном кожаном.

¹³ Там же. Ф. 159. Оп. 4. № 119. 1677 г. Л. 8.

пости: простое, двойное, дворянское, «с махом». Почти во всех городах кабацкая прибыль превышала размеры таможенных сборов в 1,5–2 раза» [3, с. 33].

В составе строений этого кабака были описаны – изба, ледник, сени «рубленные о трех стенах», две казенки дощатые. Стоимость этих строений составила 13 руб. В рассматриваемой подробной росписи медной посуды названы – два больших котла, один весом 10 пуд 30 гривенок и ценой в 4 алт. 2 ден за гривенку (полная стоимость – 55 руб. 30 алт.), а другой – 11 пуд 30 гривенок в 4 алт. за гривенку (56 руб. 13 алт. 2 ден), 5 кубов винных и 31 труба (10 пуд 4 гривенки, 4 алт. 2 ден за гривенку (52 руб. 17 алт. 2 ден.)), казан («котел польский») весом 1 пуд 19 гривенок ценой по 4 алт. 2 ден. за гривенку (7 руб. 22 алт. 2 ден.), 7 кубов винных в 5 пудов 20 гривенок, в 4 алт. за гривенку (26 руб. 13 алт. 2 ден.)¹⁴. Высокая стоимость нового инвентаря показывает заинтересованность властей в исправном функционировании данного питейного заведения, доходы которого, вероятно, и позволили так дорогостояще обновить состав посуды с истекшим сроком эксплуатации.

Наряду с новой имелась и другая посуда, тоже медная, но «худая с дирями» – 10 кубов и 7 труб (8 пуд 36 гривенок, 3 алт. 2 ден. за гривенку (35 руб. 20 алт.)), 6 кубов и 1 воронка вместе с 4 кольцами и ломаной медью составили 6 пудов ценой 3 алт. 2 ден. за гривенку (24 руб.). В числе медной посуды, находящейся в этом питейном заведении, учтены были 8 «ялдов», лохань, форта. Поражает количество новых бочек и их разнообразность – 40 винных бочек, 12 бочек «черкасского дела», 3 бочки больших напольных, 55 бочек средних. В качестве ветхих в утвари этого кабака находилось 126 винных, медовых и пивных бочек, 15 бочек-стоек были и в «добром, и плохом состоянии»¹⁵. Видно, что кабак этот работал с размахом и недостатка в любителях «питей» не было.

Разнообразный состав строений и набор инвентаря и имущества городских кабацких заведений свидетельствуют об интенсивном развитии питейной торговли в Коломне в XVII в., являвшемся закономерным следствием ее транзитного положения на пути следования торговых потоков зернового хлеба, в том числе ржи – сырьевой основы винокуренного производства [1].

1. Барсукова А.В. География торговых связей Коломны в XVII веке // Проблемы исторической географии и демографии России: сборник статей Института российской истории РАН / Отв. ред. К.А. Аверьянов. М., 2013. Вып. II.
2. Булгаков М.Б. Государственные службы посадских людей в XVII веке. М., 2004.
3. Булгаков М.Б. Организация мелких откупов в России в первой половине XVII столетия. Тюмень, 1997.
4. Мазуров А.Б. Топография коломенских кабаков XVII–XVIII вв. // Исторические чтения КГПИ. Коломна, 2006. Вып. 4.
5. Сухотин Л.М. Четвертки Смутного времени (1604–1617) // Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг. Материалы, изданные ИОИДР. М., 1912. Вып. 9.

¹⁴ Там же. Л. 9.

¹⁵ Там же. Л. 10.

**Система таможенного и питейного управления в Азове
в конце XVII – начале XVIII в. по документам Азовской
приказной палаты**

Таможенная изба; кабак; таможенный голова; таможенное и питейное управление. Статья посвящена проблеме становления таможенного и питейного управления в Азове в конце XVII – начале XVIII в., проанализированной по документам Азовской приказной палаты. Автором рассмотрены процедуры комплектования азовской таможенной избы и кружечного двора, сфера деятельности таможенных и кабацких служителей, конфликты местного населения вокруг таможенных и питейных сборов.

Таможенное и питейное управление Азовской губернии на сегодняшний день практически обделено вниманием исследователей. Тем не менее, отметим, что этот регион заслуживает пристального внимания, так как многие обычные для центра России процессы здесь протекали особенно быстро и отличались региональной спецификой [1; 5]. Рассмотрим эти нюансы на примере становления системы таможенной и питейной системы управления.

Как известно, Азов находился в составе России с июля 1696 г. по июль 1711 г., фактически до января 1712 г., то есть непосредственной передачи его туркам [2]. Практически сразу же здесь строится таможенная изба, кабак, налаживается система местного управления сбором таможенных и кабацких пошлин под общим руководством воеводы.

Следует отметить, что организация таможенного управления в Азове вызвала определенные сложности. Эти сложности были связаны с наличием в регионе большого количества так называемых «неблагонадежных» людей, отбывающих здесь наказание за государственные или уголовные правонарушения. Велико было также число нерусского населения. Если на юге страны проблема комплектования штата таможенного и кабацкого аппарата была действительно сложной, то здесь она представляется практически нерешаемой [3].

Итак, какими источниками располагают исследователи в этом вопросе? В нашем распоряжении имеется целый комплекс документов, находящихся на хранении в государственном архиве Воронежской области (ГАВО) в фонде И-5 Азовская приказная палата. Судя по всему, они попали в Воронеж после 1711 г.

В 1984 г. была составлена первая опись фонда (425 документов за 1696–1710 гг.), имеется также вторая опись (553 дела) документов, находившихся в россыпи. Часть из них сохранилась плохо, многие представляют собой отрывки документов, некоторые имеют пометку «без даты». Тем не менее, отметим, что приведенный фонд весьма информативен и интересен. Здесь содержатся указные грамоты азовским воеводам о строительстве в г. Азове и г. Алексеевском таможенных и кружечных дворов,

¹ Жиброва Татьяна Валерьевна, Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко (РФ, Воронеж), к.и.н., tashazhibrova@rambler.ru.

выборе целовальников, отпуске спиртных напитков на разные нужды, корчмах, задержании торговцев вином и т.д. Дополненные материалами из других фондов ГАВО и РГАДА, эти сведения позволяют довольно подробно представить некоторые моменты, связанные с форсированными попытками наладить государственное таможенное и питейное управление в новом регионе.

Как известно, Азовская таможенная изба появилась в городе по государственному распоряжению от февраля 1698 г. Воеводе А.П. Прозоровскому поручалось найти место, подходящее для такой цели и нанести его на чертеж. Уже в марте 1698 г. такое место было найдено². Таможенная изба изображалась на плане размером 30 на 16 саженей и должна была располагаться «под горою». Интересно, что самое подходящее место, найденное воеводой, уже было застроено. Там находилось 9 куреней казаков и их войсковая изба. С умыслом или нет выбирал А.П. Прозоровский место для таможенной избы и кружечного двора, к сожалению, осталось неизвестным.

Уже в конце мая 1698 г. было начато строительство на выбранном месте после государственного одобрения «как пристойно и лутчи построить»³.

Были организованы выборы таможенного и кабацкого головы, целовальников и дьячка. Необходимый инвентарь, бумаги, скарб и т.д. ждали из Москвы.

В итоге первый азовский таможенный и кабацкий голова был выбран «из сыльных которые в Азове написаны в посад» людей, а целовальники «из новоприведенных солдат». С.М. Мартюшев – первый азовский таможенный и кабацкий голова – был приведен к крестоцеловальной присяге летом 1698 г. Ларечными целовальниками при нем состояли И. Хлепятин и Г. Фомин. Сам Мартюшев был неграмотен, однако, судя по всему, на тот момент, это был самый благонадежный житель Азова и подходящий на роль таможенного и кабацкого головы.

Выборы таможенных и кабацких целовальников состоялись только в конце августа. Было выбрано десять человек из числа солдат, по которым также составили поручные записи. К сожалению, в документах не нашла отражение фигура подьячего, обязательная в системе таможенного и питейного управления. Возможно, его функции взял на себя грамотный ларечный Иван Хлепятин.

В Азове было очень много выходцев с вольного Дона, которые свободно торговали запрещенной продукцией и, более того, отказывались признавать незаконность и противоправность своих действий. Судя по документам, азовский рынок был переполнен корчемной продукцией, табаком и другими товарами, запрещенными к свободной продаже.

Приведем в пример события октября 1697 г., когда солдаты Преображенского полка проводили рейд по выемке корчемной продукции и задержали с поличным жителя г. Азова некоего Г. Обакумова, который отговорился, что запрещенное вино купил свободно на рынке для

² ГАВО. Ф. И-182. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.

³ Там же. Оп. 4. Д. 7. Л. 1.

собственного употребления⁴. Приведенный пример весьма показателен в отношении господствующих нравов. В Азовской приказной палате хранились документы, связанные с кражей вина у иностранцев (например, словесная челобитная капитана городского дела Адама Вейделя⁵), незаконных закупок вина разными категориями населения⁶, подпольном изготовлении табака и его продаже⁷.

Согласно изученным документам, азовские таможенные и питейные сборы, как и на юге России, находились под общим строгим контролем воеводы, который осуществлял общее руководство, надсматривал за торговой жизнью в регионе и мог, с разрешения Москвы, распоряжаться местными денежными суммами по своему усмотрению [4]. Так, из азовского кружечного двора выплачивалось жалование стрельцам (по полведра вина на человека)⁸, плотникам, мастеровым и «всяким другим людям»⁹.

Интерес для исследователя представляет также тот факт, что в Азове свободно функционировали винные лавки. Например, в 1698 г. их сдавал в аренду азовским стрельцам грек Юрий Папа¹⁰. Упоминаются в документах харчевные избы, также передаваемые на откуп¹¹. Мед, солод, хмель могли закупаться у местного населения свободно, о чем свидетельствуют отписки капитана А. Блудова в Москву за 1699 г.¹²

Своей винокурни, судя по всему, в городе не было. Подрядчики конца XVII в., чьи имена мы знаем по документам, И. Степанов и Ф. Брюхов, были крупными торговцами. Так, в 1698 г. они продали на государственный кружечный двор 5000 ведер вина «самого доброго хлебного пенного бес пригари и безо всякой охулки) и 10 000 пудов соли. Интересно, что оплату они получили в Москве, о чем и была сделана запись в приходной книге¹³.

Отдельно остановимся на таком аспекте таможенного дела как организация торговли табаком. По сравнению, в частности, с южными уездами России, табак здесь упоминается в документах чаще и в связи с такими событиями, как его незаконное производство и продажа. Так, например, некий тюремный сиделец турчанин организовал производство и сбыт табака¹⁴. К 1701 г. относится судное дело о пропаже денег у табачного головы Николая Симонта¹⁵.

Итак, находясь в составе Российской империи г. Азов оставался стратегически важным регионом, окончательно войдя в состав России только в 1774 г. Обозначенный период с 1696 по 1712 г. означал для местных жи-

⁴ Там же. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–2.

⁵ Там же. Оп. 2. Д. 397. Л. 1.

⁶ Там же. Оп. 1. Д. 375. Л. 1.

⁷ Там же. Оп. 2. Д. 372. Л. 1.

⁸ Там же. Оп. 1. Д. 54. Л. 1.

⁹ Там же. Д. 170. Л. 1.

¹⁰ Там же. Д. 44. Л. 1.

¹¹ Там же. Д. 147. Л. 1.

¹² Там же. Оп. 2. Д. 164. Л. 1.

¹³ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 28. Л. 13–14.

¹⁴ Там же. Оп. 1. Д. 373. Л. 1.

¹⁵ Там же. Д. 364. Л. 1.

телей новые обязанности и заботы, связанные, в том числе, со становлением таможенной и кабацкой государственной службы.

1. *Андрющенко О.В.* Азовская таможенная книга 1698–1699 гг. как исторический источник // Страницы российской истории: сб. научн. ст. Воронеж, 2005.
2. *Глазьев В.Н.* Донесения А.С. Шеина из похода под Азов 1696 г. // Воронеж – колыбель российского военно-морского флота. Тезисы докладов и сообщений республиканской научной конференции, посвященной 300-летию русского военного-морского флота. 1996.
3. *Жиброва Т.В.* «Без государева указу не велено»: из истории Азовского таможенного управления на рубеже XVII–XVIII веков // Власть и общество: практики взаимодействия и конфликты. Материалы Девятой региональной научной конференции. 2015.
4. *Жиброва Т.В.* Организация таможенного и питейного управления в г. Азове в начале XVIII в. // Історія торгівлі, податків та мита. Днепропетровск, 2015. № 1(11).
5. *Комолов Н.А.* Азовская губерния (1709–1725 гг.). Территория и высшие администраторы. Ростов-на-Дону, 2009.

А.С. Алмазов¹

Доходы нежинского «кружечного двора» в 1670-е – 1700-е гг. в структуре доходов и расходов воеводской администрации

Левобережная Украина; гарнизон «ратных людей»; «кружечный двор»; воевода; Нежин.

В работе рассмотрен вопрос о доле доходов нежинского «кружечного двора» с 1672 г. до 1700-х гг. в общем объеме доходов и расходов воевод. Автор пришел к выводу о том, что «питейная прибыль» позволила Москве сократить объем средств, присылавшихся в Нежин.

Начиная с 1654 г. гарнизоны «ратных людей» в украинских городах играли важную роль в интеграции Запорожского Войска в составе России, а также имели ключевое военно-оборонительное значение. Этим объяснялось стремление Москвы ввести во все ключевые города Гетманщины воевод с гарнизонами. Притом, содержание гарнизонов в украинских городах было чрезвычайно обременительно для царской казны. Введение налогов в 1666 г. в пользу Москвы для украинских мещан и селян было призвано решить эту проблему, и в значительной степени эти надежды оправдались. Однако эта реформа стало одной из важнейших причин восстания украинских казаков против власти царя в 1668 г., во время которого сбор налогов прекратился. Глуховские русско-украинские статьи (1669 г.) предусматривали сбор налогов только на жалование реестровым казакам Запорожского Войска, но и эта норма не выполнялась по неформальному обоюдному согласию Москвы и Батурина².

¹ Алмазов Александр Сергеевич, Государственный академический университет гуманитарных наук (РФ, Москва), al.almazov@yandex.ru.

² Про сбор налогов на Левобережной Украине в 1666–1668 гг. и невыполнение нормы Глуховских статей про сбор налогов см.: [1, с. 373–375; 4, с. 69–71; 7, с. 45–121; 8, с. 250–295, 305–306].

В результате Москве пришлось искать иные источники доходов, чтобы снизить внушительные по размерам расходы на содержание гарнизонов в украинских городах, в том числе – в Нежине. Продажа вина на «кружечных дворах» стала одним из немногих подобных источников дохода, и, пожалуй, самым значительным и регулярным из них³. Тем не менее, «кружечные дворы» в городах Гетманщины на сегодняшний день изучены достаточно слабо⁴.

История «кружечного двора» в «верхнем земляном городе» (замке) Нежина берет свое начало в 1671 г.: 24 сентября нежинскому воеводе И.И. Ржевскому пришел царский указ, предписывавший построить в нежинском замке «кружечный двор» для «ратных людей» и отдать его на откуп. Однако желающих взять откуп не нашлось, из-за чего указ был выполнен с задержкой, после того, как на строительство «кружечного двора» из Москвы было прислано 250 руб. Затем за короткий срок были выбраны целовальники, куплено вино и построен сам «кружечный двор» – уже 13 февраля 1672 г. на нем началась продажа вина⁵.

В Нежине со времени строительства «кружечного двора», как и в других украинских городах с русскими гарнизонами, действовал запрет для служащих гарнизона на посещение шинков за пределами нежинского замка. В царской грамоте, отправленной 18 ноября 1671 г. гетману Левобережной Украины Д.И. Многогрешному, запрет обосновывался тем, что из-за посещения «ратными людьми» мещанских шинков у них «с мало-российскими жителями чинятся ссоры, драки и грабеж»⁶.

В украинской историографии существует точка зрения, согласно которой, функционирование «кружечных дворов» нарушало монополию мещан на торговлю алкоголем. Так, А.С. Доманова высказала такую мысль относительно «кружечного двора» в черниговском замке [3, с. 149]. Однако в связи с этим встает вопрос: почему украинские мещане не требовали от Москвы закрыть «кружечные дворы»? Ответ на него дал другой украинский исследователь В.Н. Назаренко. Он отметил, что в Киеве в XVIII в. мещанские шинки успешно конкурировали не только с «кружечными дворами», но и с занимавшимися винокурением казаками и монастырями, а доходы от продажи алкогольных напитков в шинках составляли от 67 до 78 % от всего бюджета магистрата. Поэтому киевские мещане требовали не закрыть «кружечный двор», а отменить запрет на посещение мещанских шинков «ратными людьми» [5, с. 166].

Важнейшим фактором, способствовавшим успешности конкуренции шинков с «кружечными дворами», была более низкая цена алкогольных напитков. В том числе, такая ситуация была характерна и для Нежина. Так, в январе 1673 г. на «кружечном дворе» вино продавалось по 20 ал-

³ В частности, еще одним источником дохода была продажа сена, накошенного сверх потребностей кормления почтовых лошадей. Так, в Великий пост 1674 г. нежинский гарнизон продал сена на 21 руб. 20 алтын: РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Ед. хр. 107. Л. 278–280 об. Однако сено не всегда оставалось на продажу.

⁴ Одна из немногих работ, посвященных этому вопросу, статья А.И. Раздорского о книгах киевского «кружечного двора»: [6].

⁵ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Ед. хр. 15. Л. 8 об.–9, 58–59, 82–83, 136–137.

⁶ Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1671 г. Ед. хр. 11. Л. 158–163.

тын за ведро, а в феврале того же года мещане продавали вино «врознь» по 5–6 алтын за ведро⁷. Причиной относительно высокой цены вина на «кружечных дворах» было отсутствие собственного производства, из-за чего приходилось закупать алкогольные напитки у казаков, мещан и селян. Например, в январе 1707 г. на нежинском «кружечном дворе» вино продавалось по цене 21 алтын 4 деньги за ведро, а покупалось за 13 алтын за ведро⁸.

Таб. 1. Прибыль нежинского «кружечного двора» по годам⁹

Год	Сумма «питейной прибыли»
7202 (1693/1694) г.	218 руб. 26 алтын 1 деньга
7203 (1694/1695) г.	378 руб. 11 алтын 2 деньги
1701 г.	1105 руб. 5 алтын 4 деньги
1702 г.	974 руб. 17 алтын 2 деньги
1707 г.	1022 руб. 9 алтын 5 денег

В таблице 1 представлены найденные в источниках сведения о годовой прибыли нежинского «кружечного двора». Из указанных сумм необходимо вычесть расходы на дрова, которые не вычитались из суммы выручки при вычислении прибыли, хотя являлись издержками. Точную сумму этих затрат посчитать не представляется возможным – за 7202 г. и 7203 г. расходы на дрова не были указаны отдельно, а были включены в структуру «мелких расходов»¹⁰. Однако издержки на покупку дров были относительно небольшими. Так, 13 января 1673 г. у жителя с. Вертеевка Харка Сенкова куплено 2 воза дров на «кружечный двор» за 5 алтын¹¹.

Чтобы выяснить долю «питейной прибыли» в общем приходе воеводской казны необходимо ее сравнить с теми средствами, которые присылались в соответствующие годы из Москвы. На жалование на вторую половину 1701 г. «ратным людям» и клиру замковой Богоявленской церкви была запланирована присылка 1090 руб.,¹² т.е. за весь год – 2180 руб. Относительно другой важнейшей статьи, финансировавшейся из присланных денег, – хлебной покупки – есть сведения за 7202 и 7203 гг., за оба года было прислано 680 руб. 20 алтын,¹³ т.е. на год – приблизительно по 340 руб. 30 коп.

В общей структуре расходов воеводской администрации доходы с «кружечного двора» также занимали существенное место. Прежде всего, эти средства расходовались на выдачу жалования клиру Богоявленской церкви и на так называемые «мелкие расходы», в том числе, на покупку писчей бумаги для приказной избы, почтовых телег, оплату работы кузнеца, ремонт городских укреплений, единовременные выплаты духо-

⁷ Там же. Ф. 210. Оп. 8. Вязка 5. Ч. I. Д. 5. Л. 15 об.; Оп. 16. Ед. хр. 62. Л. 20.

⁸ Там же. Ф. 229. Оп. 3. Ед. хр. 150. Л. 2 об.–3.

⁹ Там же. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. Ед. хр. 137. Л. 334 об., 335; Ф. 210. Оп. 6з. Ед. хр. 40. Л. 540, 542; Ф. 229. Оп. 3. Ед. хр. 150. Л. 7.

¹⁰ Там же. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. Ед. хр. 137. Л. 336 об.

¹¹ Там же. Ф. 210. Оп. 8. Вязка 5. Ч. I. Д. 5. Л. 17.

¹² Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1701 г. Ед. хр. 31. Л. 5.

¹³ Там же. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. Ед. хр. 137. Л. 335 об.

венству за молебны в дни именин членов царской семьи и т.п. В 1670-е и 1680-е «питейная прибыль» расходовалась только на эти цели¹⁴.

Однако к 90-м гг. XVII в. она достигла таких размеров, что ее стало возможным использовать для финансирования важнейших воеводских расходов – на жалование «ратным людям». В частности, в 7202 (1693/94) г. и 7203 (1694/95) г. нежинским солдатам из прибыли «кружечного двора» выдавались деньги вместо соляного жалования: 24 руб. 19 алтын и 25 руб. 4 деньги соответственно¹⁵. Осенью 1695 г. на средства из «питейной прибыли» было куплено 444 четверти ржи за 175 руб. 4 алтына 2 деньги и 24 четверти овса за 2 руб. 26 алтын 4 деньги, что позволило выдачу хлебного жалования гарнизону на полгода¹⁶.

Кроме того, наличие в нежинском замке «кружечного двора» позволяло экономить средства за счет выдачи вина гарнизону в дни именин членов царской семьи и на другие важнейшие праздники. Так, 8 июля 1686 г. в честь заключения Вечного мира с Речью Посполитой нежинским стрельцам было роздано в общей сложности 4 ведра 10 кварт вина¹⁷. До появления в Нежине «кружечного двора» вино для раздач в праздники приходилось покупать на деньги из воеводской казны. Так, 1 февраля 1668 г., накануне начала осады нежинского замка восставшими украинскими казаками, воевода И.И. Ржевский купил у нежинских мещан в общей сложности 64 ведра 7 кварт вина за 25 руб. 13 алтын 2 деньги для раздачи стрельцам в период осады¹⁸.

Таким образом, доходы, получавшиеся воеводской администрацией с «кружечного двора», были сопоставимы с присылавшимися из Москвы средствами, по крайней мере, в 1690-е и 1700-е гг. Они позволили Москве существенно сократить расходы на содержание нежинского гарнизона, хотя, конечно, речь не шла о полном отказе от присылки денег из Москвы.

1. *Алмазов А.* Воеводская администрация Нежина: особенности функционирования в середине XVII – начале XVIII в. // *Quaestio Rossica*. 2018. Т. 6. № 2.
2. *Алмазов А.* Осада «верхнего земляного города» Нежина во время Украинского восстания 1668 г. [Электронный ресурс] (historians.in.ua/index.php/en/doslidzhennya/1883-aleksandr-almazov-osada-verkhnego-zemlyanogo-gorodanezhina-vo-vremya-ukrainskogo-vosstaniya-1668-g).
3. *Доманова Г.С.* Чернігівський магістрат: статус, структура та основні напрями діяльності (друга половина XVII–XVIII ст.). Дисс. ... к.і.н. Чернівці, 2006.
4. *Лазарев Я.А.* Союзники и/или враги?: городские корпорации «Малой России» и процесс интеграции региона в состав Российского государства (1654–1669 гг.) // *Вестник Вятского государственного университета*. 2016. № 12.
5. *Назаренко В.М.* Російський гарнізон м. Києва (друга половина XVII–XVIII ст.): військово-політичний та соціально-економічний аспекти діяльності: дисс. ... к.і.н. Київ, 2015.

¹⁴ См. расход «питейной прибыли» в декабре 1672 – феврале 1673 г. и с 14 мая по 1 сентября 1686 г.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 8. Вязка 5. Ч. I. Д. 5. Л. 16–20об.; Ф. 137. Оп. 1. Нежин. Ед. хр. 2. Л. 9–24 об.

¹⁵ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. Ед. хр. 137. Л. 336.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Ф. 137. Оп. 1. Нежин. Ед. хр. 2. Л. 30.

¹⁸ Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1667 г. Ед. хр. 23. Л. 114–117 об. Об осаде нежинского замка в 1668 г. см. подробнее: [2].

6. *Раздорський О.* Книги київського «кружечного двора» 1665/66 та 1669 рр. // Київська старовина. 2003. № 6.
7. *Романовский В.А.* Перепись населения Левобережной Украины 1666 года, ее организация и критическая оценка. Ставрополь, 1967.
8. *Шевченко Ф.П.* Русские воеводы на Украине. Очерки взаимоотношений Украины и Московского государства во второй половине XVII столетия (1940) // *Історичні студії: Збірка вибраних праць і матеріалів (До 100-річчя від дня народження).* Київ, 2014.

Т.А. Круглова¹

Грамоты Военной коллегии Войску Донскому (1735–1739 гг.): некоторые источниковедческие характеристики

Военная коллегия; Войско Донское; грамоты; русско-турецкая война (1735–1739 гг.); «Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генералом-майором А.А. Лишиным».

В статье охарактеризованы форма и содержание грамот, отправленных из Военной коллегии на Дон в годы русско-турецкой войны 1735–1739 гг.

Указ Петра I о переводе донских, терских и оренбургских казаков в ведение недавно созданной Военной коллегии датирован 3 марта 1721 г.² Лаконизм документа позволяет предположить, что его текст представляет собой запись устного царского распоряжения, вслед за которым должна была последовать детальная разработка положений закона. В дальнейшем, однако, распоряжение не получило развития. Несмотря на краткость и явную недоформленность указа, его последствия для казачьих сообществ трактуются в историографии крайне негативно. По мнению большинства историков Войска Донского, исполнение именно этого царского указа обозначило рубеж, когда «завершалась полная ликвидация суверенных прав и государственной автономии Войска Донского, что давало царскому правительству возможность неограниченного вмешательства во все сферы жизни донского казачества» [5, с. 87; см. также: 3, с. 151; 4, с. 121–122, 226, 227].

Вместе с тем в очевидном противоречии с подобной трактовкой содержания указа находятся формы письменной коммуникации российских властей и Войска Донского. Эти формы переписки, сохранные от XVII в., на фоне проведенных Петром I административных и военных преобразований выглядели архаичными: спустя десятилетия после указа 3 марта 1721 г. Войско Донское продолжало посылать в Петербург отписки, повсеместно замененные в государственном делопроизводстве доношениями, а Военная коллегия, как и Посольский приказ в XVII в., вела переписку с казаками в формате грамот, причем не только с донскими, но и с волжскими, оренбургскими и другими казачьими сообществами. В то же время подразделения российской регулярной армии и лицам, в них служившим, Военная коллегия рассылала указы.

¹ Круглова Татьяна Александровна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., istochmsu@list.ru.

² ПСЗ. Т. VI. № 3750.

«Главным регламентом» 1720 г. в российском делопроизводстве были узаконены две разновидности грамот: дипломатические и так называемые внутренние, предназначенные для использования в пределах страны. Войско Донское получало и те, и другие. Дипломатическими являлись грамоты, тексты которых оформлялись с полным императорским титулом и оригиналы которых закреплялись печатью Коллегии иностранных дел. Для Войска Донского дипломатические грамоты оформлялись по случаю событий, по мнению властей, особо важных. Внутренние же грамоты представляли собой средство для организации письменных контактов российских властей с Войском Донским по текущим вопросам. Согласно законодательству, адресант должен обозначаться в них кратким вариантом титула и оригиналы грамот должны запечатываться сенатской печатью. Поскольку казацкие сообщества, в том числе и донское, являлись с 1721 г. объектом ведения Военной коллегии, постольку именно там создавались эти документы и оттуда отправлялись на Дон. В грамотах Военной коллегии были представлены практически все принятые российскими властями относительно донского казачества решения, о которых следовало его информировать. Причем рассмотрение вопросов нередко инициировалось самим Войском Донским. Таким образом, заключенная в грамотах разноплановая информация делает их ценным источником по истории взаимоотношений российской верховной власти и Войска Донского. Однако всестороннему анализу документы еще не подвергались, поэтому стоит остановиться на некоторых характеристиках данной делопроизводственной документации.

Объектом нашего изучения стала совокупность грамот, посланных на Дон из Военной коллегии в период русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Выбор хронологического периода обусловлен тем, что в условиях войны нарастал объем переписки с обеих сторон, и при этом она затрагивала не только военную тематику, но касалась и других сторон жизни донских казаков. Изучение совокупности грамот позволяет выявить существовавшие проблемы, длительность и интенсивность их обсуждения, механизм принятия решений и др.

Совокупность анализируемых грамот находится в давно известной историкам публикации «Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генералом-майором А.А. Лишиным». В рамках заявленного хронологического периода в публикации издано 139 грамот [1, с. 117–235, № 116–254]. Однако из них следует исключить три документа, составленные не в Военной коллегии, а, по-видимому, в Кабинете императрицы Анны Иоанновны. Каждая из грамот имеет для изъятия из совокупности индивидуальные основания. Так, грамота от 5 марта 1737 г. [1, с. 189–190], в отличие от коллежских тематически однопредметных грамот, включала три самостоятельные темы: о разрешении донским казакам ловить рыбу в Дону, Донце, Азовском море и других местах; о необходимости наряжать казаков в армии генерал-фельдмаршалов фон Миниха и фон Ласси; о возвращении казакам денег, затраченных ими на ремонт походной артиллерии. Пафосная риторика второй грамоты от 13 марта 1739 г. [1, с. 217–218] соответствует скорее императорским дипломатическим грамотам, чем де-

ловой стилистике грамот из Военной коллегии. В связи с этим с большой долей вероятности можно утверждать, что данная грамота была подготовлена в недрах Кабинета Анны Иоанновны накануне военной кампании 1739 г. В третьей грамоте от 20 сентября 1739 г. [1, с. 229–230] прямо указано, что она составлена в Кабинете: «Таков оригинальный, за подписанием господ кабинетных министров, послан с присланным есаулом Козловым того ж числа...» [1, с. 230]. Для исключения из совокупности этих источников можно привести еще один аргумент: в них отсутствуют исходящие номера. Правда, без исходящих номеров, помимо этих трех, в совокупности грамот имеются еще две [1, с. 162–163, 173–174], но их формуляр и стилистика со всей очевидностью демонстрируют, что грамоты составлены в Военной коллегии, но по каким-то причинам не были пересланы адресату. В итоге в анализируемую совокупность вошло 136 коллежских грамот.

Относительно представительности опубликованных в «Актах, относящихся к истории Войска Донского, собранных генералом-майором А.А. Лишиным» грамот из Военной коллегии за указанный хронологический период пока можно сказать следующее: А.А. Лишин не предполагал делать выборку грамот из архивных фондов, в том числе и из архива Военной коллегии [2], поэтому в совокупности источников, если и имеются пробелы, то, по всей видимости, незначительные.

Тексты документов переданы в публикации полностью, и это обстоятельство позволяет исследовать формуляр коллежских грамот и сделать вывод о его устойчивости. В грамотах выделяются, согласно терминологии, принятой при изучении построения актовых источников, начальный протокол, основной текст и конечный протокол. В начальном протоколе указывался адресант – императрица, титул которой приводился в кратком варианте, и адресат – Войско Донское, для обозначения которого использовалась традиционная, со времен XVII в., формула «на Дон, в нижние и верхние юрты нашим атаманом и казаком, и всему нашему Войску Донскому», иногда с включением в нее имени войскового атамана. В основном тексте грамоты можно выделить три части: описание «предыстории» (если она имеется) рассмотрения вопроса, по которому принято очередное конкретное решение; текст этого решения; сжатая формулировка относительно дальнейших действий Войска Донского. В каждой грамоте рекомендовался один из трех вариантов отношения Войска Донского к присланному решению: 1) «И как вы сию нашу Императорского Величества грамоту получите, и вам чинить о том по сему нашему указу» [например: 1, с. 120]; 2) «И как вы сию нашу Императорского Величества грамоту получите, и вам о том ведать и учинить по сему нашему указу» [например: 1, с. 123]; 3) «И как вы сию нашу Императорского Величества грамоту получите, и вам о том ведать» [например: 1, с. 191]. Примечательно, что последняя рекомендация встречается в 51 грамоте, что составляет 37,5 % от всех грамот рассматриваемой совокупности. Завершалась грамота конечным протоколом, где как место написания грамоты всегда назывался Санкт-Петербург и очень редко Военная коллегия, а также

указывалась дата грамоты. Последним помещался исходящий номер грамоты, хотя, возможно, данное место ему определили издатели.

Рассматривая грамоты в совокупности, их можно систематизировать по содержанию и, определив тематику вопросов, которые относительно Войска Донского обсуждались в российских органах управления, привести количественное соотношение тематических полей, установленных благодаря предметному содержанию основных текстов. Изучение этой структурной части документов показало, что по содержательному признаку выделяется несколько групп грамот.

Самую значительную тематическую группу представляют грамоты, которые отражают различные аспекты казачьей службы (Таб. 1). В эту группу попали документы, касавшиеся как традиционной службы казаков по охране границ, борьбе со шпионажем, разведывательной деятельности, выполнению дипломатических поручений и т.д., так и грамоты, освещавшие отдельные стороны участия казаков в русско-турецкой войне: это наряды казаков в регулярную армию; строительство лодок для военной кампании на Азовском море 1737 г.; учреждение на территории Войска Донского временных почтовых маршрутов для войсковых курьеров и т.д. Большое количество грамот такого содержания естественно в условиях войны, в которой участвовал почти весь списочный состав Войска Донского. Но стоит отметить, что в опубликованных коллежских грамотах о непосредственном участии донских казаков в совместных боевых операциях с регулярными войсками почти ничего не говорится. Подобная информация должна содержаться в иных источниках, прежде всего в рапортах главнокомандующих российскими армиями. Военная же коллегия посылала свои грамоты войсковому атаману, который, находясь в станице Черкасской, командовал казаками, оставшимися дома.

Таб. 1. Тематические группы грамот Военной коллегии (1735–1739 гг.)

Тематическое поле	Грамоты Военной коллегии Войску Донскому	
	Абс.	%
Служба казаков	55	40,4
Жалование казакам и награды	43	31,6
Население и территория Войска Донского	22	16,2
Конфликты	9	6,6
Разное	7	5,2
Итого	136	100,0

В документной совокупности такую же значительную долю составляют послания из Военной коллегии, возникшие по поводу вознаграждений казаков за службу (Таб. 1). Эти грамоты и в мирное, и в военное время связаны с документами предыдущей группы. В совокупности грамот за 1735–1739 гг. они вместе охватывали две трети коллежских посланий на Дон.

Оставшаяся треть грамот не затрагивала службу казаков, но поскольку в условиях войны изменилась жизнь и населения, не участвовавшего в походах, постольку у российских властей возникала необходимость ре-

шить ряд его проблем (Таб. 1). В российской столице принимались решения, например, об обеспечении казацкого населения солью; назначении лекаря в станицу Черкасскую; оглашении права донских казаков пользоваться рыбными ловлями вокруг возвращенного Азова и т.д.

Итак, даже бегло очерченное содержание грамот Военной коллегии и количественное соотношение их тем свидетельствуют об интенсивных письменных контактах с Войском Донским в военной области. Основными темами грамот, направляемых в 1735–1739 гг. Военной коллегией на Дон, являлись служба донских казаков, а также жалование и награды за нее. Эти аспекты преобладали, по наблюдениям исследователей, и в переписке предыдущего столетия, когда взаимные отношения Российского государства и Войска Донского строились на договорной основе. В коллежских грамотах периода русско-турецкой войны 1735–1739 гг. количественно скромнее представлены темы, которые не связаны с военными аспектами службы казаков и которые вряд ли демонстрируют «неограниченное вмешательство во все сферы жизни донского казачества». Впрочем, для восстановления более точной картины взаимных отношений Российской империи и Войска Донского необходимо продолжить основательное и детальное исследование как грамот на Дон, так и других видов исторических источников.

1. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Новочеркасск, 1894. Т. 2. Ч. 1.
2. Вебер В.Ф. Петербуржец – Войску Донскому. К 120-летию выхода в свет первого тома труда А.А. Лишина «Акты, относящиеся к истории Войска Донского» // Донской временник [Электронный ресурс] (www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m15/2/art.aspx?art_id=745 (дата обращения: 24.04.2019 г.)).
3. Мининков Н.А. Сыскные начальства на Дону XVIII в. и начало формирования донского войскового административного деления // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2017. Вып. 5.
4. Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII в. Ростов-на-Дону, 1961.
5. Тикиджьян Р.Г., Скорик А.П., Кочегаров А.В., Трут В.П. Донское казачество и Российское государство: исторический опыт взаимоотношений // Казачий Дон: Очерки истории. Ростов-на-Дону, 1995. Ч. 1.

**Геополитическая конкуренция и ее влияние на положение
великороссийских военно-служилых корпораций
Юго-Запада России 40-х – середины 60-х гг. XVIII в.:
мобилизационные возможности и государственная
политика²**

Однородцы; Крымское ханство; ландмилиция; Украинская линия; П.И. Шувалов.

В работе рассматривается влияние геополитической конкуренции на мобилизационные возможности и правовое положение великороссийских военно-служилых корпораций Юго-Запада России. Отсутствие у российского правительства планов по их радикальному реформированию вплоть до середины 1760-х гг. автор объясняет алармистскими настроениями, которые постоянно актуализировали угрозу с Юга (Крым, Турция).

На протяжении нескольких столетий Юго-Запад Российского государства оставался очагом напряженности, утягивавшим людские и материальные ресурсы государства. С XVI в. главным источником опасности, исходившей с юго-западного направления, становится Крымское ханство, за спиной которого находилась могущественная Османская империя. Наличие постоянной геополитической угрозы стимулировало российское правительство к реализации больших оборонительных проектов – строительство т.н. *засечных черт*. Социальной стороной данного процесса стало *испомещение* в регионе тысяч служилых людей и формировании из их числа системы т.н. *разрядов* (сначала Украинного, а затем Белгородского и Севского). Испомещенные служилые люди, основную массу которых составляли *дети боярские / дети боярские украинцы*, верстались в разные виды служб – гарнизонную, сотенную, рейтарскую, драгунскую, солдатскую, а также несли государственные повинности в натуральном, денежном или отработочном виде, за что они получили некоторые привилегии. Эти великороссийские военно-служилые корпорации в сочетании с украинскими³ и донскими казаками составляли сложную и гетерогенную систему обороны против крымских татар.

В первой трети XVIII в. военно-административные и фискальные преобразования Петра I и Анны Иоанновны внесли ряд корректив в сложившуюся систему обороны. Значительная часть великороссийских служилых людей была объединена в социально-фискальную категорию *однородцев*⁴, из числа которых с начала 1730-х гг. стали комплектоваться полки ландмилиции, объединенные затем в *Украинский ландмилицейский*

¹ Лазарев Яков Анатольевич, Лаборатория эдиционной археографии Уральского федерального университета (РФ, Екатеринбург), к.и.н., 9lazarev@gmail.com.

² Исследование подготовлено в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18–39–00083 («Геополитическая конкуренция как фактор административных и социальных трансформаций на Юго-Западе Российского государства в XVIII в.»).

³ В данном случае речь идет о казаках Гетманской и Слободской Украины.

⁴ Об истории категории *однородцев* и историографии по теме см. подробнее [1, с. 215–234].

корпус. Именно на него в итоге была возложена основная обязанность по обороне южного пограничья от крымских татар. На смену старым засечным линиям пришла *Украинская линия*, обязанность по обороне которой было возложено на девять из 20 ландмилицейских полков корпуса, специально поселенных при линии. Следовательно, оборона юго-западных рубежей Российской империи по преимуществу опиралась на ресурсы и структуры великороссийских военно-служилых корпораций, сформировавшихся еще в XVI–XVII вв. и имевших особый правовой статус и социально-экономические особенности. По своему правовому статусу однодворцы представляли собой индивидуальных помещиков, которые могли иметь даже своих крепостных. При этом в среде однодворцев не существовало общинной организации и, соответственно, выработанных механизмов круговой поруки, что в потенциале могло затруднять применение в их отношении мер принуждения агентами государства.

С точки зрения геополитической ситуации русско-турецкая война 1735–1739 гг. произвела настолько неизгладимое впечатление на Турцию и Крым, что ни турецкое правительство, ни крымская знать не стремились более раздражать северного соседа своими набегами. Кроме того, свою роль сыграло перенесение основного внимания турецкой дипломатии на Кавказ и противостояние с Ираном. В этой связи показательными выглядят провалы шведской и французской дипломатий финансово или при помощи дезинформации заставить крымских татар и турок вступить в войну против Российского государства в начале 1740-х гг. [2, с. 80, 83, 85, 88, 92]. И уже со второй половины 1760-х гг. Российская империя перехватывает инициативу и начинает вести активную наступательную политику на южном направлении. В тоже время пришедшая к власти Екатерина II стала проводить драматические преобразования казачьих корпораций Гетманской и Слободской Украин, которые в итоге привели к их ликвидации. Однако ничего подобного нельзя сказать в отношении великороссийских военно-служилых корпораций (однодворцев) вплоть до 1780-х гг. Чем объяснялась подобная ситуация – высокими мобилизационными возможностями, боевой эффективностью или экономическими аспектами? Например, Н.Н. Петрухинцев применительно к 1730-м гг. настаивает на экономической выгоде от формирования ландмилицейских полков по сравнению с регулярными армейскими солдатскими и драгунскими полками [4, с. 232–234].

Если обратиться к восприятию российской правящей элитой крымско-татарской угрозы в 40–50-е гг. XVIII в., то вырисовывается довольно любопытная картина. Несмотря на то, что значимых событий на крымском пограничье не происходило до второй половины 1760-х гг., российская правящая элита рассматривала данное направление как геополитически напряженное. Удивительно, но подобные алармистские настроения базировались на слухах, которые циркулировали в пограничных районах и периодически доносились до региональных гражданских и военных властей непрофессиональными агентами – посланными в Крым казаками, однодворцами, волохами и сербами, – а затем передавались дальше в столицу империи. Доверие этим слухам проистекало из-за стойкого убежде-

ния в «непостоянстве» кочевых народов⁵. Алармистские настроения приводили к различного рода мобилизационным мероприятиям, касавшихся и однодворцев. Одно из ключевых мероприятий, проводившихся в годы Семилетней войны генералом-фельдмаршалом А.Б. Бутурлиным (конец 1756 г.), показало серьезную некомплектность оборонительных сооружений Украинской линии, которая, по словам Бутурлина, не могла «никакова супротивления и защищения дать надежды»⁶.

Столь явная мобилизационная слабость накладывалась на налоговые проблемы в среде однодворцев (рост подушной недоимки), которые в потенциале должны были подвести к мысли о необходимости трансформации их в регулярные армейские полки. Тем не менее, российское правительство продолжало рассматривать однодворцев в качестве важного мобилизационного ресурса, необходимого для обороны южных границ, а в годы Семилетней войны и для комплектования Обсервационного корпуса генерала-фельдцейхмейстера П.И. Шувалова. В целом, это было логичным решением. По данным на середину 1750-х гг. общая численность однодворцев в Российской империи насчитывала 430 219 м.п. душ, 92 % которых составляли однодворцы Белгородской (177 500 м.п. душ) и Воронежской (218 573 м.п. душ) губерний⁷. По этой причине стараниями того же Шувалова в конце октября 1756 г. был подготовлен проект о создании *однодворческих управителей* (1757–1763 гг.). Эти управленцы, выбиравшиеся от 5 до 20 тыс. чел. однодворцев, должны были способствовать более эффективному сбору рекрут и подушной подати, в т.ч. недоимок по ней. По мысли Шувалова, введение однодворческих управителей позволило бы сформировать в среде однодворцев некоторое подобие общинной организации и компенсировать издержки, связанные с несостоятельными однодворцами. Это достигалось бы за счет того, что управители в качестве посредников договаривались бы с местной администрацией, ограждали бы однодворцев от административного и судебного произвола чиновников и помещиков. Кроме того, общинные солидарности предполагалось усилить законодательным запретом для однодворцев на самовольное оставление поселений, в которых их зафиксировала перепись⁸. Практически полностью положения данного проекта вошли в текст инструкции генерал-лейтенанту Ф.И. Ушакову, который был поставлен во главе комиссии «для рассмотрения об однодворцах».

Изложенные П.И. Шуваловым предложения подразумевали, что в условиях усилившейся геополитической конкуренции повышение военной и финансовой эффективности однодворцев возможно исключительно консервативными методами. Как показала практика, однодворческие управители сами не были чужды злоупотреблениям (взяточничество, принуждение к работам на себя). Также одни управители предпочитали повышать эффективности силовыми методами (физические наказания неплательщиков подушной), а другие и вовсе не могли договориться

⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 998. Л. 25–25 об., 28, 65–65 об., 118–121.

⁶ Там же. Д. 1078. Л. 12.

⁷ Там же. Д. 3023. Л. 218–226 об.

⁸ Там же. Д. 3023. Л. 163–188 об.

с местными однодворцами по поводу имевшихся недоимок, так как последние отказывались компенсировать издержки своих односельчан по принципу круговой поруки. Все это вместе вызывало напряженную ситуацию в среде однодворцев [1, с. 229–232]. Провал проекта Шувалова и нерешенные проблемы с военными и финансовыми мобилизациями однодворцев, скорее всего, привели к появлению в декабре 1763 г. проекта о реформировании ландмилицейских полков и превращении их в регулярные армейские. Казалось бы, для его реализации имелись все необходимые аргументы, но проекту не был дан ход. Только после присоединения Крыма в 1783 г. и продвижения государственной границы на юг было принято решение о ликвидации Украинской линии и ландмилицейских полков [3]. Предположим, что несмотря на успешную русско-турецкую войну 1768–1774 гг. в среде российской правящей элите продолжали курсировать прежние алармистские настроения, лжившиеся на представления о «непостоянстве» восточных народов. Именно благодаря таким культурным механизмам, подчас вопреки геополитическим конъюнктурами, происходила консервация социальных отношений и правового статуса великороссийских военно-служилых корпораций Юго-Запада России.

1. *Lazarev J.* Однодворцы в системе прямого налогообложения России XVIII в. // *Cahiers du monde russe.* 2014. Vol. 55. № 3–4.
2. *Михнева Р.* Россия и Османская империя в международных отношениях в середине XVIII века (1739–1756). М., 1985.
3. *Пенской В.В.* Украинский ландмилицейский корпус в XVIII веке // *Вопросы истории.* 2000. № 10.
4. *Петрухинцев Н.Н.* Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М., 2014.

А. Юссон¹

О службе казачьих детей (середина XVIII в.)

Дети донских казаков; дети городских казаков; служба казачьих детей; Войско Донское; Вторая Ревизия податного населения; Астраханская губернская канцелярия; полковник Андрей Слободчиков.

В статье на примере службы казачьих детей в середине XVIII в. раскрыт один из механизмов подчинения казаков, в том числе и донских, интересам Российской империи и ее военной политики.

Обязательная военная повинность донских казаков стала реальностью сразу после подавления Булавинского восстания. Одним из последствий этой ситуации оказалось привлечение в XVIII в. к исполнению военной повинности и их сыновей. Продолжая нести службу по охране границ, а также походную службу за пределами территории Войска Донского рядом с регулярными войсками, донские казаки с трудом обеспечивали запросы российских властей, в первую очередь, из-за недостатка людских ресурсов. Сложившаяся демографическая ситуация стала объек-

¹ Юссон Александр, Университет Париж 1 – Пантеон-Сорбонна, ИМС-UMR 8066 (Франция, Париж), асп., nekarrassovtsy@gmail.com.

тивной основой для привлечения к службе казачьих детей до достижения ими совершеннолетия.

В непосредственную военную деятельность на территории Войска Донского казачьих детей вовлекали примерно с 17 лет, когда они несли «станичную службу» и «земскую повинность» вместе с отцами и родственниками, а с 19 лет юношей вносили в список тех казаков, кто имел право служить на границах и участвовать в походах, при этом, чтобы отличить еще неопытных казаков от опытных, всегда рядом с фамилией молодого человека указывалось, что он «малолеток» [2, с. 126].

Источники первой половины XVIII в. редко отражают использование казачьих детей на военной службе, поэтому мы не будем говорить об общей институционализации детской службы в рядах казаков. Здесь речь пойдет об эпизоде, показывающем, как в некоторых случаях российская администрация решала в середине XVIII в. вопрос о службе детей донских казаков, а также детей городских казаков. Предварительно заметим, что в новейшей литературе по истории казачества обращено внимание на необходимость разграничивать социальные категории XVI–XVII в.: казачество вольное и казачество городское [1, с. 27–28]; в середине XVIII в., несмотря на некоторые изменения в положении Войска Донского, эти категории сохранялись как независимые друг от друга.

Первые сведения о попытках включить в военную службу за пределами территории Войска Донского казачьих детей зафиксированы в небольшом комплексе переписки Астраханской губернской канцелярии, Сената, Военной коллегии, «Канцелярии генеральной ревизии Астраханской губернии» за 1746–1750 гг.² Как известно, в эти годы была проведена вторая ревизия податного населения и осуществлялась проверка ее результатов. Проживавшие на территории Войска Донского казаки не подлежали ревизии, поскольку они не несли бремя подушного оклада. Что касается Астраханской губернии, то там она проводилась³.

В Астраханскую губернскую канцелярию стекалась информация об обнаруженных в ходе ревизии не положенных в подушный оклад казачьих детях, среди которых были и дети донских казаков, и дети нерегулярных городских казаков. Как показывают архивные документы 1746–1750 гг., относительно детей донских и городских казаков власти разных уровней обсуждали несколько вопросов, касавшихся их будущей военной службы: 1) о цели включения казачьих детей в службу; 2) о процедуре проверки их социального статуса; 3) о перспективах службы разных возрастных групп казачьих детей и др.

Для властей было важно определить казачьих детей в службу, «чтобы не могли миновать службы и прошататься праздно»⁴. Местом службы для них была определена Астраханская губерния, где так же, как и в Донском Войске, не хватало людских ресурсов. Поэтому Астраханская губернская канцелярия стремилась пополнить местные городские казаки

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 471. Л. 456–468; РГВИА. Ф. 13. Оп. 1. Св. 83. Д. 8. Л. 174 а–186 об.

³ ПСЗ. Т. XI. № 8835; 8836.

⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 471. Л. 458.

команды за счет казачьих детей, в том числе и детей казаков с Дона, и сформировать резерв.

Сенатским указом от 6 декабря 1746 г. был создан прецедент, когда Астраханской губернской канцелярии разрешалось распределить по местным городским командам донских казачьих детей, обнаруженных в ходе ревизии⁵. Уже достигшие совершеннолетия казачьи дети должны были сразу отправиться на «активную службу» туда, куда их определила Астраханская губернская канцелярия. Как видим, в этом случае дети донских казаков не служили там, где служили их отцы. К сожалению, документы не дают оснований для определения более или менее точных возрастных групп детей казачьих. Однако можно предположить, что вошедшие в эту группу, где были и дети донских казаков, уже достигли совершеннолетия и готовы к службе.

Примечательно то, что в годы проведения ревизии и проверки ее данных казачьи дети направлялись в Астраханский трехсотный казачий полк, которым командовал полковник Андрей Слободчиков и в котором на момент ревизии было только 233 казака⁶. На основе имеющихся архивных материалов можно предположить, что за период с декабря 1746 г. по май 1748 г. полк Слободчикова пополнился 53 новыми служащими из числа казачьих детей, среди которых более 20 человек являлись детьми донских казаков⁷. Это был, по-видимому, неплохой результат, поскольку в количественном отношении полк почти приблизился к своему полному штатному расписанию. Но результат был важен и по другой причине: был найден один из источников комплектования на территории Астраханской губернии пятисотного казачьего полка, сформированного к 1750 г. вместо трехсотного. Как видим, в ходе создания нового казачьего подразделения Андрей Слободчиков стремился включить в него людей из разных сословий, и Астраханская губернская канцелярия его в этом поддерживала.

Дети младшей возрастной группы, можно сказать, «служили пассивно» при родственниках – их отправили туда, где проживали родные⁸.

Архивные документы свидетельствуют, что принадлежность как донских, так и городских казачьих детей к заявленному ими социальному статусу подвергалась тщательной проверке. Первоначальная проверка проходила либо в Канцелярии генеральной ревизии Астраханской губернии, либо проводилась самим полковником Слободчиковым. Отмечены случаи, когда проверки проводились дважды относительно одних и тех же лиц и их поручителей. Для проверки иногда использовали первичные материалы – списки казачьих детей, присланные из некоторых городов и составленные еще до проведения второй ревизии. Об одном таком списке с именами более двухсот казачьих детей, составленном в Саратове, известно из рапорта Канцелярии ревизии в Архангельскую губернскую канце-

⁵ Там же. Л. 457.

⁶ Там же. Л. 458.

⁷ Там же. Л. 457–458 об.

⁸ «Пассивная» служба казачьих детей отражает несамостоятельные аспекты военной службы. Родственники детей играли роль «опекуна» или «военного инструктора».

лярию⁹. Важно то, что в ходе самой проверки создавались новые реестры с указанием имен казачьих детей, их лет и роста. Эти списки должны были помочь астраханским властям следить за своевременным вхождением детей, записанных в них, в обязательную военную службу¹⁰. Иногда в подобные реестры вносились и те, кто по праву происхождения не мог служить в казачьих войсках, но которым власти разрешили эту службу. К примеру, в списки попали два поляка, которые пожелали служить казаками и которые, по-видимому, были направлены в полк Слободчикова¹¹.

Строгие проверки отражают меры, которые были предприняты властями, всегда опасавшимися фальсификации сведений о казаках, в первую очередь об их возрасте: казак мог изменить возраст для того, чтобы, например, отсрочить свое участие в военных действиях. Но проверки проводились еще и для того, чтобы среди обнаруженных казачьих детей выявить тех, у кого родители были беглыми людьми, мигрировавшими на юг и скрывшимися среди казаков. Для этих беглых военная казачья служба казалась единственной возможностью освободиться от крепостной зависимости, но решать вопрос о вхождении в казачью службу в условиях проведения ревизии было весьма затруднительно. Представителям старшего поколения было нелегко долго скрываться под чужими именами и с чужими документами, и поскольку пытаться получить казачий статус было небезопасно, беглые вносили своих детей в дополнительные реестры, фальсифицируя их личные данные. Однако если во время проверки обман выявлялся, указом из Сената предписывалось: «буде же впредь из них явятся чьи беглые люди и крестьяне, а не казачьи дети, оных по явным свидетельствам, отправить тем людям, чьи они явятся»¹².

Именным указом от 27 ноября 1749 г. властями была предложена еще одна модель включения в военную службу «драгунских, солдатских и казачьих детей, не положенных в подушный оклад». Эта модель была разработана в связи с доношениями, поступившими в центральные органы управления из Сибирской губернии. В указе предписывалось молодых людей «разобрать и годных... отправить в Москву», скорее всего, для дальнейшей службы в регулярных войсках; «негодных» – в «полевую службу по тамошней (т.е. Сибирской. – А.Ю.) губернии в городовые нерегулярные казаки»¹³. Это постановление касалось, без сомнения, великовозрастных драгунских, солдатских и казачьих детей. Что же касается малолетних, то предписывалось «отдавать их в гарнизонные школы, которыми, как в возраст придут, комплектовать тамошние полевые и гарнизонные полки»¹⁴. Таким образом, после обучения в школах и по достижении совершеннолетия они могли бы пополнить ряды регулярной армии.

⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 471. Л. 462.

¹⁰ Там же. Л. 463.

¹¹ Там же. Л. 457–458.

¹² Там же. Л. 457.

¹³ РГВИА. Ф. 13. Оп.1. Св. 83. Д. 8. Л. 175–175 об.

¹⁴ Там же. Л. 175 об.

Рассмотреть данную модель было предложено и Астраханской губернской канцелярии. По поводу положений, содержащихся в именном указе, канцелярия направила в Военную коллегию отрицательное мнение¹⁵. Она констатировала постоянную нехватку казаков в губернии и опасалась, что «ежели ныне тех казачьих детей, что их в здешней губернии налицо ни есть годных в военную службу, а малолетних для обучения в школу определить, то в тех городех в казаки на порозжие вакансии[и] определять будет некого, от чего в той казачьей службе не без остановки быть может»¹⁶. Нежелание исполнять именной указ относительно малолетних казачьих детей Астраханская губернская канцелярия обосновала экономическими причинами: «А если из школы к тому способных в казаки употреблять точно, они в бытность свою как денежным, так и хлебным жалованьем, и мундиром содержаться будут из воинской (т.е. армейской. — *А.Ю.*) суммы, от того тот казенный кошт невозвратно пропадать может»¹⁷. В свою очередь Астраханская губернская канцелярия предлагала распределить казачьих детей таким образом: выявленных в настоящий момент «годных» отправить в те места Астраханской губернии, где, согласно штатам, казаков не хватает, и в будущем из них же заполнять «убылые места». О «негодных» к службе речь не поднималась. Малолетних же до достижения ими «указного» возраста отправить по месту жительства родителей или родственников. Эти дети должны находиться также под присмотром комендантов местных городов. Фактически Астраханская губернская канцелярия предлагала возвратиться к сенатскому решению 1746 г., когда без оговорки все казачьи дети, в том числе и дети донских казаков отправлялись служить по городovým казачьим командам данной губернии. На мнение Астраханской губернии из Военной коллегии последовал указ от 15 мая 1750 г.: «Астраханской губернии все казачьи команды комплектовать по-прежнему из казачьих детей, а оставшим быть до указа в ведомстве у городских командиров...»¹⁸

Архивные документы, таким образом, показывают, что правительство нарушало регламентации вольного Донского казачества, отрывая детей донских казаков от мест службы их отцов и направляя на службу в команды городских казаков Астраханской губернии; усиливало контроль за учетом детей казаков, которые по достижению определенного возраста обязаны продолжить службу своих отцов; возлагало ответственность за подготовку к военной казачьей службе на родителей и родственников, а также на местные власти в лице комендантов тех городов, где находились нерегулярные городские казачьи команды. Эти меры были направлены, по-видимому, на то, чтобы обеспечить людьми сформированный в 1750 г. вместо Астраханского трехсотного полка пятисотный полк, на который возлагались надежды в защите южных границ Российской империи.

1. *Никитин Н.И.* Взаимоотношения вольного казачества и Российского госу-

¹⁵ Там же. Л. 175–179 об.

¹⁶ Там же. Л. 178 об.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 186–186 об.

- дарства в XVI – начале XVIII в.: историографические подходы и исторические реалии // Российская история. 2018. № 5.
2. *Пронштейн А.П.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961.

Н.А. Мининков¹

Культ Кондратия Булавина среди донской интеллигенции второй половины XIX – начала XX вв.

Булавинокое восстание; К.А. Булавин; историческая память донского казачества. В условиях нарастающего кризиса самодержавия, и особенно в условиях гражданской войны в историческом сознании донской интеллигенции сложился своеобразный культ Кондратия Булавина, ставшего символом борьбы за права казачества и их самостоятельность.

Булавинокое восстание 1707–1708 гг., крупнейшее среди массовых народных движений времени царствования Петра I, и сопровождавший его подавление разгром государством донского казачества, по-особому отложился в исторической памяти. Среди участников этого восстания и их прямых потомков оно нашло выражение в фольклоре казаков-некрасовцев, ушедших в сентябре 1708 г. на Кубань, под власть крымского ханства, спасаясь от карателей. В их памяти о восстании атаман Игнат Некрасов и «заветы Игната» как своеобразный кодекс внутренней жизни имел значительно более прочные позиции, чем память о самом Булавине. При этом Кондратий Булавин в ней подчас рассматривался как атаман Игната Некрасова.

Особенностью исторической памяти о Булавинокоем восстании на Дону и его предводителе стало то, что хранителем ее по существу стало не столько рядовое казачество, сколько образованные круги его, а после середины XIX в. значительная часть донской интеллигенции. Это было, по-видимому, не случайно. Историческая память казачества формировалась не просто. С одной стороны, это был стихийный процесс, при котором из поколения в поколение передавались знания о событиях и явлениях прошлого, как недавнего, так и отдаленного. Но, с другой стороны, центральные и местные власти проявляли заботу о формировании исторической памяти казачества в строго определенном направлении, как память о службе казаков царям, о награждениях за службу. Результаты такого формирования сказывались. С одной стороны, выветрить память о Степане Разине власти оказались не в силах, и образ этого предводителя восстания занимал свое место в исторической памяти казачества. Несколько по-иному произошло с исторической памятью о Кондратии Булавине. Формирование исторического забвения атамана облегчалось тем, что все-таки Булавинокое восстание было явлением регионального значения, тогда как Разинское восстание оказалось движением, охватившим всю страну.

¹ Мининков Николай Александрович, Южный федеральный университет (РФ, Ростов-на-Дону), д.и.н., namininkov@sfedu.ru.

В таких условиях формирование и сохранение исторической памяти о Булавине и возглавлявшемся им восстании оказалось в руках историков и писателей, казачьего и неказачьего происхождения, но тесно связанных происхождением или службой с Доном. Особенностью процесса формирования стало то, что она опиралась прежде всего на письменные источники, которыми были документы, составленные в период восстания. Для этого процесса также было характерно то, что в них содержался ярко выраженный оценочный подход к личности атамана и к восстанию.

Первым историком, подробно осветившим ход восстания, был служивший долгое время на Дону генерал А.И. Ригельман. Резко негативное отношение к восстанию и к его предводителю хорошо передано его фразой, что в Черкасске Булавин «кончил мерзкую жизнь свою», однако по поводу того, как это произошло, Ригельман допускал две версии, как самоубийство, так и его убийство, когда некий казак «из ружья его в голову застрелил» [6, с. 144]. Тем самым выразилось критическое отношение Ригельмана к версиям из разных источников. Однако это первое описание в историческом труде по истории донского казачества восстания и его предводителя на Дону известно не было и стало известно лишь после 1846 г., когда труд А.И. Ригельмана был впервые опубликован. В исторической мысли донского казачества первое упоминание о Булавине и о Булавинском восстании имело место в историческом труде В.Д. Сухорукова «Историческое описание Земли войска Донского». Оно закладывало традицию резко критического отношения к восстанию и его предводителю [9, с. 400, 406, 407]. Следует вместе с тем иметь в виду, что после 1827 г., когда Сухоруков был сослан на Кавказ за связь с декабристами, рукопись этого труда подвергалась редакции, в результате чего негативное отношение к массовым движениям было в ней усилено.

Традиция негативного отношения к Булавинскому восстанию и его предводителю в войске Донском сохранялась и в более позднее время. Выражением ее стали труды офицера Генерального Штаба донского происхождения и статистика Н.И. Краснова, автора статистических описаний Земли войска Донского. В историческом предисловии к описаниям он упоминал о событиях Булавинского восстания и о его предводителе, характеризуя восстание как бунт и оправдывая меры властей, направленные на его подавление. Он подчеркивал особую опасность бунта в условиях войны со Швецией [1, с. 47]. В то же время Н.И. Краснов относился к группе казачьих офицеров, которых называли прогрессистами и которые полагали, что перемены в жизни казачества, изменение в традициях его службы приведут к значительному экономическому подъему на территориях казачьих войск [5, с. 83–84]. Поэтому, оценивая последствия подавления восстания, он особо отметил, что казаки после этого стали «рачительнее заниматься хозяйством» [1, с. 48], и последнее замечание соответствовало особому вниманию прогрессистов к экономике.

С тех же позиций описывал восстание сын его, генерал П.Н. Краснов, донской писатель и атаман Всевеликого Войска Донского в 1918 г. Отличаясь ярко выраженными монархическими настроениями, П.Н. Краснов отмечал, что Булавин «был хуже Разина», который «шел не против царя,

но против бояр», тогда как «Булавин восстал против царя». Тем самым он, по оценке П.Н. Краснова, навлек на Дон «бесславию». Разъясняя это на уровне своей «казарменной» истории, предназначенной для чтения в казачьих частях, он подчеркивал, что «Тихий Дон, искони русский, не мог и не должен был идти против России. Слава донская так тесно связана со славою русскою, что донцы всеми силами должны отстаивать славу, величие и неприкосновенность России и ее государя!» То, что при Петре I «закончилась самостоятельная, вольная жизнь донских казаков» [2, с. 137, 141], он оценивал как положительное для казачества явление.

Вместе с тем в пореформенный период среди донской интеллигенции стал проявляться все более заметный интерес к расширению самостоятельности войска Донского и к истории борьбы казачества против стремления царских властей к усилению своей власти на Дону. Это способствовало оживлению интереса к личности и деятельности К. Булавина как наиболее яркой в истории Дона личности, выражавшей идею самостоятельности Дона. Как подчеркивал донской писатель Ф.Д. Крюков, Булавино восстание было вызвано действиями карателей полковника князя Ю. Долгорукого, с крайней жестокостью проводившего розыск беглых в казачьих городках по Северскому Донцу. В повести «Шульгинская расправа», посвященной разгрому восставшими карательного отряда полковника Долгорукого в Шульгинском городке 9 октября 1707 г., с которого началось Булавино восстание, он указывал, что действия восставших казаков вызвала «зверская резня» со стороны карателей. По его словам, в действиях казаков во главе с Булавиным имела место «страшная месть озлобленных и оскорбленных людей своим притеснителем» [4, с. 231], но месть справедливая. В специальном исследовании об этих событиях Крюков отмечал, что, тем не менее, борьба «с царем-исполном была непосильным делом для одного казачества и с первых шагов обрекалась на неудачу. Исторический момент был против Булавина». Но, по его словам, «тем трогательнее образ мятежного атамана, звавшего казаков стать за неприкосновенность Старого Поля» [3, с. 71, 72]. Образ Булавина, созданный Крюковым, был вполне позитивным и героическим. Общая оценка последствий поражения Булавино восстания была, с его точки зрения, негативной. Неудача восставшего казачества во главе с Булавиным «закончила последнюю страницу самобытной истории войска Донского», а казаки в результате своего поражения «обратились в самых настоящих холопов» русского самодержца.

Идея самостоятельности Дона получила значительно более широкую поддержку в условиях гражданской войны. Эту идею активно продвигали деятели Донского Статкомитета, в котором начиная со времени основания его в 1839 г. сложились традиции изучения истории Дона. Члены Статкомитета видели будущее Дона в качестве части России с самыми широкими автономными правами и обращали особое внимание на историю борьбы за самостоятельность Дона против стремления самодержавия к полному его подчинению. Донской историк Е.П. Савельев указывал на действия карателей Ю. Долгорукого как на причину, заставившую подняться на борьбу казаков. Поэтому, по его словам, «за Була-

вина встал почти весь Дон». Вместе с тем он видел, что во всех восстаниях казачества были «изменники», в том числе во время Булавинского восстания, готовые «сговориться с правительственной властью». Это сыграло свою роль в подавлении восстания и гибели Булавина. Описывая его гибель, Савельев отмечал, что атаман во время нападения на него казачков-заговорщиков 7 июля 1708 г. «защищался отчаянно и некоторым саблех снес головы», но в безнадежной ситуации «пустил себе пулю в висок». Гибель Булавина он оценивал как гибель донской свободы и писал, что царь услышал о ней «с великой радостью» [7, с. 403, 406, 407].

Распространение знаний о Булавинском восстании в казачьей среде прослеживается в лекционном курсе члена Статкомитета донского историка и выпускника исторического факультета Харьковского университета П.П. Сахарова, которые он читал в 1919 г. для казаков Донской армии. В лекциях Сахаров очень четко характеризовал последствия для казаков поражения Булавинского восстания. К ним он отнес потери казачества «убитыми, уведёнными и разосланными», потерю войском Донским части территорий и новый порядок, при котором избранный казаками войсковой атаман подлежал утверждению царем². Эти лекции вызывали недовольство деникинской контрразведки³, поскольку настраивали казачество вразрез с духом политики «единой и неделимой России», проводившейся при генерале А.И. Деникине.

Уже после гражданской войны, в условиях белой эмиграции, в 1924 г. вышло в свет фундаментальное исследование историка-юриста С.Г. Сватикова, связанного происхождением с Доном. В нем он проводил идею особого независимого государства, республики донских казаков, полностью задавленной самодержавием после поражения Булавинского восстания. По его словам, Булавин еще до восстания приобрел среди казаков славу, поскольку вел «тяжкую борьбу с надвигавшейся на Дон правительственной колонизацией» и защищал «вольности Войска и „казачий присуд“ от московских чиновников». Булавинское восстание он оценивал в качестве «революционной эпохи» на Дону, а известие о гибели Булавина «Петр I торжествовал молебствием» [8, с. 139, 146].

В исторической памяти донской интеллигенции повстанческий атаман Кондратий Булавин выступал как своеобразный символ вольного и самостоятельного Дона, павший в неравной, но справедливой борьбе против царской власти, стремившейся к полному подчинению донских казаков. В советский период отмечалась новая идеализация образа Булавина, однако уже не как атамана, выступавшего против российской власти, но как предводителя мощного народного восстания, которое стало оцениваться как крестьянская война. Эта новая идеализация образа Булавина ничего общего не имела с культом атамана среди донской интеллигенции конца XIX – начала XX вв.

² Сахаров П.П. Дон и Россия. 1918 г. Программа-конспект чтения лекций на местах – Ростовский областной музей краеведения. Рукописный отдел. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1/9–16. Л. 23 об.–24.

³ Архив УФСБ РФ по Ростовской области. Д. П-51968. Л. 12 об., 13.

1. *Краснов Н.И.* Материалы для географии и статистики России. СПб., 1863.
2. [*Краснов П.Н.*] Картины бывшего Тихого Дона. Ростов-на-Дону, 2006.
3. *Крюков Ф.Д.* Булавинский бунт (1707–08 гг.). Эпизод из истории отношений Петра Великого к Донским казакам. М.; СПб., 2004.
4. *Крюков Ф.Д.* Шульгинская расправа // *Крюков Ф.Д.* Казацкие мотивы. М., 1993.
5. *Перетьяко А.Ю.* «Деньги и труд оплодотворяют самые бесплодные земли; иллюзии казачьих прогрессистов 1860-х гг. // Новое прошлое The New Past. 2017. № 1.
6. *Ригельман А.И.* История о донских казаках. Ростов-на-Дону, 1992.
7. *Савельев Е.П.* История казачества (Историческое исследование). Новочеркасск, 1918. Ч. 3.
8. *Сватиков С.Г.* Россия и Дон. Издание ДИК, 1924.
9. *Сухоруков В.Д.* Историческое описание Земли войска Донского. Ростов-на-Дону, 2001.

М.А. Киселев¹

Вышнее горное начальство в Соликамске (1722–1724 гг.)²

Реформы Петра I; история уральской металлургии, промышленная политика.

В статье анализируется история региональных органов Берг-коллегии на Урале в контексте борьбы за направление развития уральской казенной металлургии в 1720-е гг.

Создание учреждений Берг-коллегии на Урале в 1720-е гг. является одним из примеров успешной реализации коллежской реформы Петра I в провинции. В то же время их история, несмотря на солидную историографию, до конца не прояснена. В ходе архивных изысканий нами был выявлен факт существования Вышнего горного начальства в Соликамске, на который историки фактически не обращали внимания. Соответственно, в данной работе планируется рассмотреть историю появления и ликвидации данного органа Берг-коллегии в связи с развитием казенной металлургии на Урале в 1720-е гг.

В конце 1721 г. В.Н. Татищев, один из руководителей *горного начальства* на Урале, подчиненного Берг-коллегии, отправился в Москву. На время его отсутствия Сибирским горным начальством на Уктусе, получившим весной 1722 г. статус *Вышнего*, управляли берг-советник М. Михайлис и берг-мейстер И. Блиер. Татищев в Москве из-за жалоб Демидовых попал под следствие. Указом коллегии от 10 августа 1722 г., полученном на Уктусе 10 декабря, сообщалось, что хотя Татищев возвращался на Урал, однако до окончания следствия он отстранялся от должности члена Сибирского Вышнего горного начальства (СВГН). На его место был назначен берг-фогт И.Ф. Патрушев, которому с Михайлисом и Блиером следовало «управлять... дела с общего совета»³.

¹ Киселев Михаил Александрович, Институт истории и археологии УрО РАН (РФ, Екатеринбург), к.и.н.; strateg-mk@rambler.ru.

² Публикация подготовлена в рамках реализации исследований по гранту Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук МК–5210.2018.6.

³ Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 10. Т. 1. Л. 71.

К моменту получения указа Михайлис, бывший по своему рангу (VI класс по Табели о рангах) выше и Блиера (X класс), и Татищева (VIII класс), не говоря о Патрушеве, едва ли не единолично управлял СВГН. По отъезду Татищева в конце 1721 г. Михайлис попытался изменить государственную политику в отношении казенной металлургии на Урале. Татищев считал, что казне следует развивать как производство меди, так и железа, и в 1721 г. настаивал, чтобы государство не просто сохранило в своих руках старые железоделательные заводы, а и приступило к постройке новых [2, с. 53–105]. Михайлис полагал, что надо сконцентрироваться на производстве меди, отказавшись от казенных железоделательных заводов. В связи с этим он предложил Берг-коллегии 26 апреля 1722 г. отдать казенный Уктусский завод на откуп в частные руки. Правда, коллегия не приняла это, написав в своем решении от 6 июля: «Оного ныне учинить невозможно, покамест оное дело подлинно будет рассмотрено в Берг-коллегии и в обер-берх-амте»⁴.

Михайлис решил перенести центр своей деятельности в Прикамье, где были залежи медной руды. 10 июня 1722 г. он с Блиером, оставив Патрушева на Уктусе, отправился в Кунгур. В начале июля они переместились в Соликамск⁵. 17 сентября 1722 г. Михайлис отправил доношение в Берг-коллегию, где заявлял: «К спешеству рудного дела зело бы много и великую помощь учинило, когда бы горное начальство над всем городом и уездом власть имела». Он желал получить себе в подчинение весь Соликамский уезд, так как рассматривал Прикамье как центр своей деятельности. Не видя перспектив в добыче медной руды на Шиловском руднике «в Уктуском дистрике», равно как и в Кунгурском уезде, Михайлис запросил у коллегии разрешение перевести в будущем горных работников в Прикамье, «чтоб здешнее дело ноивящее поступано было и перво хотя бы одну плавильную печь в постоянном действе привести и учредить». Что же до государственных железоделательных заводов, то, говоря о казенном Мазуевском заводе, он предложил коллегии «удостоить бы в Кунгуре особливому воеводе, и которому бы оное дело владеть, купно же бы мог и протчие Сибирские железные заводы содержать»⁶. Итак, к сентябрю 1722 г. руководство СВГН находилось в Соликамске и в лице его старшего члена Михайлиса собиралось там обосноваться на постоянной основе. При этом его фактический руководитель хотел избавить себя от управления казенными железоделательными заводами.

В Берг-коллегии не видели проблемы в перемещении Михайлиса в Соликамск и фиксировали получаемые от него доношения как документы «от Вышняго горного начальства», а ответы на них адресовали «в Сибирь Вышнему горному начальству»⁷. Правда, коллегия не спешила одобрять предложения по окончательному переносу центра казенной металлургии в Прикамье. Дело в том, что весной 1722 г. Петр I отправил на Урал генерала-майора В.И. Геннина, наделив его экстраординарными полномочи-

⁴ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 620. Л. 256.

⁵ Там же. Д. 757. Л. 39 об., 47.

⁶ Там же. Д. 620. Л. 386 об., 389 об.–390.

⁷ Там же. Д. 759. Л. 47, 38.

ями как для проведения следствия по делу Татищева, так и по управлению на Урале казенными заводами [1, с. 107–114]. В связи с этим коллегия предписала Михайлису дожидаться прибытия Геннина и «сношение иметь» с ним по вопросам управления заводами⁸.

Геннин, прибывший на Урал в ноябре 1722 г., поддерживал татищевскую программу развития казенной металлургии и предполагал привлечь *горное начальство* как для работы по увеличению плавки меди, так и для расширения производства железа, в связи с чем в 1723 г. недалеко от Уктуса начал строительство казенного железодельного завода, будущего Екатеринбургa. Михайлис же намеревался и далее реализовывать свою программу строительства медеплавильных заводов в Прикамье. При этом он, не получив прямого указа о подчинении Геннину, считал себя вправе действовать независимо от него. Как результат, между ними возник конфликт из-за распоряжения кадрами и ресурсами *горного начальства*.

В конфликте перевес административных сил оказался на стороне Геннина. Он обладал генеральским чином и являлся личным эмиссаром Петра I, так что основная часть местных управленцев предпочла подчиниться ему. Это проявилось, например, в том, что Геннин забрал в свое распоряжение Блиера. Михайлису же оставалось уповать на Берг-коллегию. 1 февраля 1723 г. он писал туда, что «в Уктуском дистрикте горное строение никакое не сочиняется», и просил разрешить Патрушеву переехать в Соликамск, где «в канцелярии мог бы он показать полезные услуги»⁹. Уже 22 марта 1723 г. бывший при Михайлисе секретарь СВГН М. Ловзин написал в коллегию, что «имеет Вышнее горное начальство нужду в подьячих», после чего сообщил, что «приняты здешние жители три человека з доношениями в копиисты, от которых один определен кандуктору Игнатью Юдину, которой управляет должность камисара до времени и имеет на руках казну». Ловзина беспокоило следующее: «Патрушев в горном начальстве на Уктуском заводе и сюда, как пишет, для множества там дел отпущен быть не может. А... берг-мейстер (Блиер. – М.К.)... имеет ехать на Верхотурье, и тако здесь в канцелярии Вышняго горного начальства начальствующих ни единого не будет... Берг-советник хотя здесь присудствует, то однако ж на все требование... для управления горного дела столько иногда способного время и не имеет, чтоб служить ответом». Ловзин утверждал, что также «случаются здесь всякие дела... указы и прочее, куда надлежат иметь расыланы быть», и заявлял: «Оного мне никоим образом чинить невозможно»¹⁰.

Берг-коллегия, сама испытывавшая проблемы с кадрами, не имела возможности помочь Михайлису. Что же до Патрушева, то, по мнению коллегии, здесь следовало договариваться с Генниним. Последний не собирался отпускать его. 5 апреля 1723 г. он направил Патрушеву такой указ: «По указу его величества поверены мне все здесь горныя дела... Ныне... я в канцелярии быть и дела решить времени не имею. Вы же

⁸ Там же. Д. 620. Л. 387 об., 390.

⁹ Там же. Д. 759. Л. 55.

¹⁰ Там же. Д. 759. Л. 80 об., 83 об–84 об.

определены здесь от Берг-коллегии в горное начальство ко общему правлению с протчими и в небытности оных имеешь должность и силу до оно-го касающихся дела по указом решить и над подчиненными во отправлениях надзирать. Того ради объявляю вам, дабы имели горного начальства канцелярию со всеми служители... Ежели же ты, имея о каком деле указы и безумнительныя приклады, будешь решения продолжать или меня докладывать, за тем имеешь пред судом ответствовать, а которые дела указов согласных со учинением не имея, о таких написав тебе мнение присылать ко мне доношения и ожидать указа, а наипаче радеть и смотреть тебе в горном деле... и... чинить... по присланным... из... Берг-коллегии и по сему указом»¹¹. Геннин фактически превращал Патрушева, бывшего лишь одним из трех руководителей СВГН, в его единоличного руководителя и при этом подчиненного самому Геннину.

16 мая 1723 г. было отправлено ведение за подписью секретаря Ловзина со следующей адресацией: «От Соли Камского Вышнего горного начальства в Сибирское горное ж начальства»¹². Похоже, Михайлис, желая отграничить себя от органа во главе с Патрушевым, решил определить учреждение, от имени которого он действовал, как *Соликамское Вышнее горное начальство*.

Итак, к маю 1723 г. на Урале оказалось два *вышних горных начальства*. СВГН на Уктусе, которое стали называть обер-берг-амтом, опиралось на административную поддержку Геннина. Соликамское вышнее горное начальство, состоявшее едва ли не из его руководителя Михайлиса, секретаря Ловзина и нескольких подчиненных, могло надеяться только на Берг-коллегию. О его непростом положении свидетельствовало письмо Ловзина к Патрушеву от 27 июня 1723 г., где он заявлял: «Не имею и такого подьячева, кто б с концепта набело без многих погрешений перенести мог... еще недавно в приказной порядок знать зачал, ежели бы у меня не токмо два или три, хотя бы один был дельной человек... Ныне я и сам себе знать – что я? – не могу, купно секретарь, и канцелярист, и копиист»¹³.

Берг-коллегия, наблюдая раскол *горного начальства* на Урале, не решилась вступить в конфликт с Генниным и 11 февраля 1724 г. распорядилась «Михайлису быть у Соли Камской при заводах, и покамест генерал майор будет в Сибирской губернии, то ведать ему только у Соли Камской медных заводы, а в протчия заводы без ведома ево генерала майора не вступать и во всем быть ему послушну», а после отбытия Геннина следовало управлять «обер-берг-амт ему советнику вообще» с Татищевым и Блиером¹⁴. Проблема была решена упразднением Соликамского вышнего горного начальства и временным низведением Михайлиса до представителя коллегии на медеплавильных заводах под Соликамском, подчиненного Геннину. Главным органом Берг-коллегии на Урале стал переехавший к этому времени в Екатеринбург Сибирский обер-берг-амт, временно подчинявшийся не только коллегии, а и Геннину. Помимо таких админист-

¹¹ Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 24. Л. 84–84 об.

¹² Там же. Л. 104.

¹³ Там же. Д. 46. Л. 78.

¹⁴ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 97. Л. 11–11 об.

ративных последствий указ от 11 февраля 1724 г. также означал победу татищевско-геннинской программы, что вело к дальнейшему развитию сильной казенной металлургии на Урале, ориентированной как на выплавку меди, так и на производство железа, и, соответственно, к строительству новых заводов.

1. *Киселев М.А.* К вопросу об экстраординарном управлении уральской горно-заводской промышленностью в 20–30-е гг. XVIII в. (в порядке дискуссии) // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2009. Вып. 7. Ч. 1.
2. *Юхт А.И.* Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в. М., 1985.

И.Н. Юркин¹

Василий Белов – историограф Демидовых и их промышленного хозяйства

В.Д. Белов; Демидовы; Урал; история металлургии; историография.

Охарактеризованы работы В.Д. Белова, касающиеся истории рода Демидовых, включая атрибутируемую ему неопубликованную «Историю рода Демидовых».

Василий Дмитриевич Белов (1829 или 1830–1910) принадлежит к числу авторов, на работы которых историки экономики устойчиво ссылаются вплоть до сегодняшнего дня. Ссылаются, иногда с ним не соглашаясь, иногда же характеризуя достаточно лестно. Его, единственного из дореволюционных авторов, авторитетный специалист по истории уральской промышленности Т.К. Гуськова отнесла к тем, кто создал «капитальные исследования, авторы которых наряду с обширным и тщательно проработанным фактическим материалом пытались увидеть и оценить... процессы, определявшие особенности развития уральской горнозаводской промышленности» [4, с. 6].

В.Д. Белов происходил из семьи, тесно связанной с демидовским Нижним Тагилом – его отец служил управляющим заводов Тагильского округа. И он, и сын Василий долго жили на Урале; сын, помимо прочего, занимался здесь земской деятельностью. Позднее В.Д. Белов переехал в Петербург, работал там в Главной конторе демидовских заводов, которую со временем возглавил. Связь с демидовскими предприятиями сохранял долго: в 1903 г. вошел в состав Главного правления объединенного Нижнетагильского и Луньевского заводского округа. Был членом объединений предпринимателей и экономистов, участвовал в съездах уральских горнопромышленников.

Белову принадлежит ряд работ, посвященных теории и практике бухгалтерского учета. Другой тематический блок в его творческом наследии образуют сочинения по истории уральской промышленности – «Исторический очерк уральских горных заводов», «Кризис уральских горных заводов» и другие [1; 2]. Современный читатель обращается чаще

¹ Юркин Игорь Николаевич, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (РФ, Москва), д.и.н., ig-yurkin@yandex.ru.

всего именно к ним. Анализируя текущее состояние уральской промышленности, Белов искал обусловившие его причины и привлекал для этого исторический материал. Очевидно, однако, что он обращался к нему не только для этого – он интересовал его и сам по себе, как интересует историка экономики. Естественно, что Белов не мог обойти вниманием промышленников Демидовых, оставивших исключительный по значимости след в истории российской промышленности. Несомненно, играли роль и биографические обстоятельства – тот факт, что автор служил у Демидовых.

Важнейшей опубликованной работой Белова, посвященной истории российской экономики, явился «Исторический очерк уральских горных заводов», вышедший в свет в Петербурге в 1896 г. В нем предпринята попытка рассмотреть вопрос за весь обозримый период: с древнейших времен до момента написания сочинения. Материал распределен по главам, соответствующим шести выделенным автором периодам.

Наибольшее внимание Демидовым автор уделил в описании третьего, петровского, периода. Он рассказывает о встрече царя с тульским кузнецом, о данном ему разрешении построить завод под Тулой и разрешения рубить засечный лес. (Любопытно, что упоминается только о лесе, не о руде. Это объяснимо: автор смотрел на проблему глазами человека рубежа XIX и XX вв. – времени, когда на Урале больших проблем с рудами не было, тогда как лесная проблема стояла остро.) Далее сообщается о просьбе Демидова передать ему казенный Невьянский завод, о соответствующем указе, объясняются причины решения, перечисляются условия передачи. Приводятся данные о выплавке чугуна демидовской и казенными домнами. Указано, что успехи Демидова дали толчок всему «уральскому делу». Отмечены «знаки внимания» Петра Демидову, но сказано, что его деятельность «не оставалась без надзора». Именно он составлял одну из целей посылки на Урал В.Н. Татищева. Описано содержание их претензий друг к другу. Сообщается о роли Демидова в удалении Татищева с Урала, в отправке туда для разбирательства В.И. Геннина, о том, что он «скоро поладил с Демидовым». Автор отмечает участие демидовских заводов в производстве металла, отправлявшегося за границу.

Дальше о Демидовых говорится меньше и реже, но автор не забывает о них до конца очерка. Он приводит мнение Татищева, полагавшего одной из причин медленности развития уральской экономики то, что «почти вся честная промышленность находилась в руках одного Демидова». Говорит о них, сравнивая использование им и казенными заводами приписных крестьян, сообщает о производительности заводов, упоминает, что только у Демидова смогли освоить производство железнодорожных рельс.

Автор вспоминает о Демидовых, касаясь и такого, в то время необычного для историко-экономических исследований вопроса, как благотворительность. Он отмечает, что «эта сторона внутренней жизни Уральских горных заводов почти вовсе неизвестна печати; между тем она по своей оригинальности и по своим экономическим результатам заслуживает полного внимания». Автор указывает на Н.Н. Демидова, личность которого, по его мнению, недооценена – «отмечается только по ее ничтожест-

ву», тогда как он «весь отдался этому доброму делу, не жалея на него средств».

Как видим, о Демидовых в книге сказано немало, и охарактеризованы они с разных сторон. И все же впечатление от них «Очерк» позволяет составить только общее, поверхностное. Показательно, что в одной из глав, охватывающий период в три четверти века, Белов говорит о Демидове в единственном числе, тогда как в это время действовало более десятка родственных между собой промышленников с этой фамилией и им принадлежали разные промышленные хозяйства. «Исторический очерк» рассказывает не о Демидовых на Урале, а о горнозаводском Урале, с которым связаны *многие* замечательные личности, Демидовы в том числе.

Самим же Демидовым Белов посвятил особое сочинение, до сего дня не опубликованное. Его текст (рукописный беловик) находится в РГАДА, в фонде Демидовых, где, в описи № 13, оно описано как две самостоятельные единицы хранения – № 22 и 23. На первом листе не имеющего переплета дела № 22 присутствует надпись в две строки: «История рода Демидовых. / Аркадий». На крышке переплета дела № 23 надписей нет, но на корешке находится наклейка с надписью: «История рода Демидовых / Ч. II».

Листы в обоих делах имеют двойную нумерацию: старую постраничную и более позднюю полистовую. Новая нумерация в деле № 22 нарушает первоначальную последовательность листов. В деле № 23 она ей соответствует. Почерк рукописи писарский; имеются исправления.

Начало рукописи отсутствует. Ближе всего к началу фрагмент, образующий дело № 23. Основной его текст находится на листах с 1 по 190 об. Листы до 250 включительно занимают примечания к нему. Продолжение основного текста находим на листе 161 дела № 22. Отсюда текст продолжается до листа 174 об.; его продолжение и окончание находится на листах с 15 по 160. Примечания к этой части текста находим на листах 1–14 об.

На листе 175 дела № 22 начинается новое сочинение – то, к которому относится стоящее на титульной странице название «Аркадий». Работа посвящена деятельности пермского (с 1831 г.) архиепископа Аркадия (Федорова), события в ней относятся к 1830–1860-м гг. Статья продолжается до листа 235, далее (листы 236–241 об.) располагаются к ней примечания.

Как было отмечено выше, на старом переплете дела № 23 указано, что оно содержит вторую часть сочинения. Исследование показало, что в обеих единицах хранения, заключающих в себе данную рукопись, находится текст, относящийся к одной, причем именно ко второй ее части. В сохранившемся тексте упоминается и первая часть. Обращаясь к биографии Н.Д. Демидова, автор замечает: «Мы уже говорили в 1-м томе о его происхождении и знакомстве с Петром I-м»². Можно предполагать, что этот недоступный нам «том» был посвящен раннему, относящемуся ко времени Никиты Демидовича, этапу истории рода.

² РГАДА. Ф. 1267. Оп. 13. Д. 23. Л. 76.

В описи № 6 того же фонда мы выявили единицу хранения № 219 – рукопись, которая, судя по названию («Появление и распространение раскола в Пермской губернии» (История рода Демидовых)) и палеографическим признакам могла бы являться отсутствующей частью рассматриваемого сочинения. Ознакомление с ней, однако, показало, что перед нами вполне самостоятельная законченная статья, посвященная истории распространения раскола на восток империи. Уральский материал в ней доминирует, а материал о Демидовых доминирует в нем, занимая примерно половину объема. Но это, несомненно, не отсутствующая часть описанной выше рукописи.

Имя автора «Истории рода Демидовых» ни в рукописи, ни в архивной описи фонда не названо. Однако оно уверенно восстанавливается по указанию, содержащемуся в одном из примечаний. В нем сказано: «Более подробно о Городищенских заводах и о деятельности Винууса см[отри] в моем историческом очерке Уральских горных заводов, изд[анном] Высочайше утвержд[енной] Постоянной Совещательной конторой железозаводчиков, 1896 г.»³. О том, что подразумевается книга Белова, говорит не только совпадение названий, но и присутствие в «Очерке» страниц, посвященных А.Д. Винуусу [1, с. 13–15].

В известных нам списках трудов Белова книга под названием «История рода Демидовых» не значится, не обнаружили упоминаний о ней мы и в работах о Демидовых.

Судя по датам издания упоминаемой в книге литературы, она была написана не ранее 1896 г. Косвенные данные склоняют к тому, чтобы отнести эту работу к последним годам жизни Белова (обоснование датировки см. в [7, с. 135, 138]).

План сохранившейся части книги таков. Рассказ начинается с развернутой характеристики итогов жизни и деятельности основателя рода⁴. За этим следует раздел, посвященный его старшему сыну Акинфию Никитичу⁵, после чего излагается история раздела наследства последнего⁶. Далее внимание переключается на сыновей Акинфия – дана характеристика хозяйств каждого. Значительное внимание уделено отношениям между заводовладельцами и теми, кто у них работал, – мастерами и работными людьми. Автор подробно останавливается на волнениях крестьян Ромодановской вотчины Н.Н. Демидова⁷, рассказывает о том, как на положении заводов отразилось восстание Пугачева⁸.

Оценивая текст в целом, можно констатировать, что его содержание соответствует названию: речь в нем идет именно об истории рода – о вопросах, относящимся к сфере генеалогии и биографики. Но автор – историк промышленности, а род Демидовых – промышленная династия, в связи с чем очень значительное место в рассказе о ее истории занимают во-

³ Там же. Л. 192 об.–193.

⁴ Там же. Л. 1–81.

⁵ Там же. Л. 81 об.–190 об.

⁶ Там же. Д. 22. Л. 161–174.

⁷ Там же. Л. 91 об.–105.

⁸ Там же. Л. 124 об.–160.

просы, связанные с экономической деятельностью представителей фамилии. Объем информации о Демидовых в книге Белова многократно превосходит тот, который находим в его же «Историческом очерке», тематика – шире и разнообразнее. Глубина постановки и качество решения поставленных им вопросов, как правило, выше, чем в двух других известных дореволюционных работах по истории этой фамилии – очерках историка-краеведа и журналиста К.Д. Головщикова [3] и горного инженера и писателя В.В. Огаркова [6].

Был ли знаком с неопубликованной работой Белова автор более позднего блестящего исследования, посвященного истории хозяйства Демидовых, Б.Б. Кафенгауз? В своем труде он упоминает только его «Исторический очерк». В нем он цитирует и критикует слова предшественника, полагавшего, что насильственные реформы Петра отклонили развитие русской промышленности от естественного пути ее развития, что созданная благодаря им крупная промышленность не имела исторических корней [5, с. 9, 10, 80, 81, 149]. В этом вопросе в Белове он видел предтечу П.Н. Милокова. Любопытно, однако, что об одиозной (для того времени) фигуре последнего он говорил со всей хлесткостью, присущей тогдашней историографии («будущий идеолог империалистической буржуазии»), о Белове же высказывался нейтрально («один из историков Урала», «историк уральской промышленности») [5, с. 10, 80, 149].

Как бы оценил Б.Б. Кафенгауз работу Белова о Демидовых? Не исключаем, что, работая с архивными материалами, он мог натолкнуться на эту рукопись; ее могли указать ему и сотрудники архива. Впрочем, также не исключаем, она прошла мимо его внимания из-за отсутствия первой половины и перепутанной последовательности сохранившихся листов.

1. *Белов В.Д.* Исторический очерк уральских горных заводов / Высочайше утвержденная Постоянная совещательная контора железозаводчиков. СПб., 1896.
2. *Белов В.Д.* Кризис уральских горных заводов. СПб., 1910.
3. *Головщиков К.Д.* Род дворян Демидовых. Ярославль, 1881.
4. *Гуськова Т.К.* Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых во второй половине XIX – начале XX в. Заводы. Рабочие. Нижний Тагил, 2007.
5. *Кафенгауз Б.Б.* История хозяйства Демидовых. М.; Л., 1949.
6. *Огарков В.В.* Демидовы, их жизнь и деятельность. СПб., 1891.
7. *Юркин И.Н.* История науки и техники в сочинении В.Д. Белова, посвященном истории рода Демидовых // Архив истории науки и техники. М., 2018. Т. 6 (15).

Д.А. Редин¹

Формирование лояльности: Механизмы социального компромисса на Тагильских заводах Н.А. Демидова (1750–1770-е гг.).

Социальная лояльность; вечноотданные; мастеровые и работные люди; Н. А. Демидов.

¹ Редин Дмитрий Алексеевич, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (РФ, Екатеринбург), д.и.н., volot@mail.ru.

Рассматривается комплекс мер, предпринятых Н.А. Демидовым для стабилизации социальной обстановки и формирования лояльности в среде населения на Нижнетагильских заводах после волнений 1750-х – начала 1760-х гг. и результаты этих усилий.

Историческим исследованиям чаще присущ интерес к конфликту и этот интерес понятен. Драматургия конфликта ярче и насыщенней, чем драматургия покоя, к тому же конфликт выявляет зоны напряженности и проблемности, латентно существующие в жизни любой социальной системы, и позволяет лучше понять суть того или иного исторического явления. Между тем существование в постоянном конфликте – вещь если не невозможная, то некомфортная и неконструктивная. Любое общество своим существованием нацелено на примирение и сотрудничество, а человеческая природа ищет стабильности, необходимой для ее нормального воспроизводства и, тем самым, нацелена на компромисс. В целом же будет справедливым признать, что вся история – и в макро- и в микро-проявлениях есть постоянный баланс между конфликтом и сотрудничеством, демонстрирующий те самые ритуалы интеракций и поля социальных взаимодействий, о которых писали авторы влиятельных социологических теорий вроде Р. Коллинза или П. Бурдьё [2; 1].

Однако любая теория имеет смысл, если она верифицируется эмпирическим материалом. Для истории, оперирующей понятиями места и времени, это особенно важно. Мы знаем массу примеров, когда абстрактные и вневременные определения оказывались не рабочими и заводили исследовательскую мысль в интеллектуальный тупик, соприкасаясь с конкретно-историческим материалом (достаточно в этой связи вспомнить судьбу таких понятий как «государство», «социальные классы», «сословия», «абсолютизм» и тому подобное).

Настоящий доклад посвящен сюжету, который демонстрирует, каким образом при вполне определенных обстоятельствах проявляли себя интеракции, направленные на достижение социального компромисса, каким образом могли реализовываться механизмы формирования лояльности и социального дисциплинирования, к каким результатам приводили меры, предпринятые в результате крупного конфликта, охватившего горно-металлургические заводы Урала в середине – начале второй половины XVIII в.

На рубеже 1750-х – 1760-х гг. на уральских заводах произошли массовые протестные акции, известные в советской историографии как волнения приписных крестьян [3]. В самом деле, наибольший удельный вес в этих волнениях приходился именно на названную категорию рабочих, недовольных как самим фактом их приписки к заводам, так и условиями труда и оплаты. Но в зависимости от конкретной обстановки на тех или иных предприятиях, к волнениям присоединялись и другие категории заводского населения – мастеровые и рабочие люди разного юридического статуса. Таким своеобразием отличалось и протестное движение на заводах крупнейших владельцев – Демидовых.

На Нижнетагильских заводах, части демидовской «империи», доставшейся по разделу 1757 г. Никите Акинфиевичу Демидову (Нижнетагильский, Выйский, Черноисточинский, Висимо-Шайтанский, Верхний и Нижний Лайские), активными участниками волнений стали мастеровые и работные люди, относившиеся к категории вечноотданных. Это были потомки государственных крестьян и «непомнящих родства», в разное время осевшие на металлургических мануфактурах, ставшие квалифицированными мастеровыми или мелкими предпринимателями – ремесленниками и торговцами. Демидовы и другие владельцы, на чьих предприятиях количество вечноотданных было значительным, стремились превратить их в своих крепостных. Протест против смены юридического статуса и стал главным основанием для присоединения вечноотданных к волнениям. Сам хозяин Нижнетагильских мануфактур хорошо понял, что главную опасность для социального мира (и, соответственно, бесперебойного производства) на его предприятиях представляют именно вечноотданные, особенно торгово-ремесленная группа, «торгаши и рукоделщики», как назвал их сам заводчик в одном из ордеров, адресованных приказчикам². Если приписных крестьян можно было относительно легко успокоить сменой наиболее одиозных управителей и увеличением оплаты труда, то вечноотданные, более сплоченные, состоятельные и «идейные», чье недовольство было вызвано причинами принципиального характера, требовали иных мер.

Добившись от правительства законодательного решения по «сверстыванию» своих вечноотданных с крепостными, Н.А. Демидов приступил к комплексу мероприятий, которые могли бы укрепить успех и показать, что крепостной статус более выгоден его подданным, чем статус государственных крестьян, который отстаивали вечноотданные. Самые масштабные действия такого рода были предприняты заводчиком в 1763–1764 гг, по горячим следам комиссии кн. А.А. Вяземского, подведшей черту под расследованиями причин волнений. Руководствуясь сугубо прагматическими соображениями («Холоден и голоден может ли служить? А как хлеба нет, так и глупой дороги спознается»³), Демидов провел масштабное повышение оплаты труда практически всем категориям работников основных и вспомогательных производств на своих предприятиях. В результате, размеры оплаты труда всех видов работ на его заводах оставили далеко позади расценки, принятые на казенных мануфактурах⁴. Помимо прямого повышения ставок оплаты, Н.А. Демидов начал практиковать систему стимулирующих надбавок (за ресурсосберегающие, говоря современным языком, технологии, за перевыполнение норм выработки), размеры которых были весьма заметными⁵. При этом хозяин проявлял известную гибкость в стремлении интенсифицировать производство и оптимизировать формы оплаты труда. Так, например, он не

² РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 112. Л. 138.

³ Там же. Д. 175. Л. 25.

⁴ Там же. Д. 179. Л. 43 об.

⁵ Государственный архив Свердловской области. Ф. 102. Оп. 1. Д. 17. Л. 394 об.; Ф. 643. Оп. 1. Д. 112. Л. 79–79 об.

стал настаивать на внедрение в 1762 г. сделной оплаты вместо поденной за выполнение некоторых видов вспомогательных работ, когда понял, что это вызывает недовольство занятых на них людей⁶.

В течение 1760-х – начала 1770-х гг. заводовладелец восстановил или развернул на своих предприятиях разнообразные меры материальной поддержки заводчан. Упорядочил и укрепил систему централизованных хлебных запасов для раздачи нуждающимся или продажи по фиксированным ниже рыночных ценам; установил пенсии для заслуженных отставных работников; не скупился на безвозмездные ссуды, натуральные и денежные пособия; наладил элементарное медицинское обслуживание, включавшее, в том числе, выдачу нуждавшимся в нем минеральной воды, ревеня и виноградного вина.

Примечательно, что все эти меры касались *исключительно крепостных*. Мастеровые и работные люди, сумевшие сохранить за собой после решения комиссии Вяземского статус государственных крестьян, демонстративно исключались из всего комплекса материальной поддержки. Исповедуя принцип: «Своим – все, врагам – закон», Н.А. Демидов приказал приказчикам тщательно следить, чтобы такие работники получали оплату в строгом соответствии с государственными расценками⁷. Не крепостным была закрыта дорога к карьерному росту: с 1764 г. им запрещалось занимать конторские и приказчицьи должности и в исключительных случаях, по особому письменному прошению соискателя, дозволялось брать таковых лишь на низшие позиции с окладом не более 30 руб. в год⁸. Показательный характер имели выборочные решения Демидова, делавшего исключение для некоторых мастеровых из казенных крестьян, доказавших свою лояльность и непричастность к беспорядкам – он разрешал производить им оплату по повышенным ставкам, установленным для крепостных.

В некоторых ситуациях заводчик демонстрировал полную солидарность со своими подданными. Особенно ярко это проявлялось в деле покупки рекрут. Исходя исключительно из нежелания терять квалифицированных мастеровых, Н.А. Демидов покупал крепостных в различных уездах Поволжья и центральной России и сдавал их в зачет своих заводов. При этом заводские жители собирали деньги, которыми впоследствии компенсировали хозяйские расходы. На основе имеющихся у меня документов видно, что эти взносы были велики, в среднем по 210 руб. за рекрута. Разумеется, такие значительные суммы могли позволить себе только состоятельные заводчане, вносящие взносы за всех рекрут, «разверстаных» на заводы. В ответ заводовладелец предоставлял таким семьям разнообразные и существенные льготы⁹.

Весь комплекс мер достаточно быстро привел к тому, что социальная обстановка на Нижнетагильских заводах стабилизировалась, на них сформировалось лояльное большинство, настолько значительное, что новый,

⁶ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 189. Л. 583.

⁷ Государственный архив Свердловской области. Ф. 643. Оп. 1. Д. 112. Л. 216.

⁸ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 189. Л. 556^а – 556^б.

⁹ Там же. Д. 296. Л. 424–425.

гораздо более масштабный и угрожающий конфликт – восстание под руководством Е.И. Пугачева – не смог разрушить эту систему лояльности. Население названных заводов и других предприятий, на которых социальная структура и механизмы социального регулирования были аналогичными, приняло деятельное участие в отражении повстанцев и дало крупные отряды ополчения, использовавшиеся при обороне Екатеринбургa и в ключевых сражениях на Среднем Урале до подхода регулярных войск [4].

1. *Бурдые П.* Социальное пространство и генезис «классов» // Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. Н.А. Шматко. М.; СПб., 2007.
2. *Коллинз Р.* Программа теории ритуала интеракции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 1.
3. *Орлов А.С.* Волнения на Урале в середине XVIII века (к вопросу о формировании пролетариата в России). М., 1979.
4. *Редин Д.А.* Этюды по русской истории Нового времени (административный и социальный аспекты). Екатеринбург, 2019.

М.О. Акишин¹

Документы следствия о В.Н. Татищеве 1739–1743 гг. как исторический источник

Оренбургская экспедиция; В.Н. Татищев; следствие; суд.

В докладе представлены итоги источниковедческого исследования документов следствия о В.Н. Татищеве 1739–1743 гг. Особое внимание обращено на процесс проведения расследования и фиксирующие его документы. Выявлены указы следственной комиссии, свидетельствующие о политическом влиянии на ход расследования со стороны высшей власти. Изучены обстоятельства вынесения приговора В.Н. Татищеву в 1745 г.

Малоизученным эпизодом жизни В.Н. Татищева остается следствие о нем 1739–1743 гг. и осуждение в 1745 г. Характеризуя этот этап его жизни, историки ограничиваются замечанием о влиянии на следствие придворных интриг. Ю.В. Татищев, а вслед за ним А.Г. Кузьмин и Е.В. Анисимов считали, что следствие началось по инициативе Э. Бирона, жаждавшего расправиться с Татищевым, а в состав комиссии вошли «доверенные люди» фаворита [1, с. 315–334; 2, с. 256; 4]. Эти выводы вызывают ряд вопросов. Во-первых, следствие велось не только о Татищеве, но и о тех, кому он сам предъявлял обвинения. Во-вторых, начавшись в царствование Анны Иоанновны, следствие продолжалось в годы регентства Анны Леопольдовны и закончилось только в царствование Елизаветы Петровны. Отсюда возникает потребность в изучении документов следствия и суда над В.Н. Татищевым².

Следствие против В.Н. Татищева началось по обвинениям полковников И.Г. Бардекевича и А.И. Тевкелева, купцов С. Иноземцева и Т. Фир-

¹ Акишин Михаил Олегович, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина (РФ, Санкт-Петербург), д.и.н., к.ю.н., Akishin-MO@yandex.ru.

² РГАДА. Ф. 248 (Сенат). Кн. 308–318.

сова. 25 января 1739 г. от Тевкелева поступило два доношения. В первом он доносил, что Татищев определил своих братьев Никифора – комиссаром к денежным сборам в Москве, Ивана – воеводой и полковником в Исетскую провинцию (для чего она была необоснованно отписана от Сибирской губернии). По утверждению Тевкелева, не зная местных условий, В.Н. Татищев своей алчностью подорвал авторитет начальника Оренбургской комиссии и нанес ущерб межнациональной торговле, что привело к обострению башкирского восстания. Второе доношение Тевкелев посвятил изобличению взяточничества Татищева.

И.Г. Бардекевич представил 16 и 20 февраля 1739 г. свое оправдание по обвинениям, предъявленным ему в Мензелинске, и доношение о упущениях В.Н. Татищева по службе и взяточничестве. С. Иноземцев в феврале 1739 г. подал челобитную, в которой рассказал о своих заслугах в обеспечении Оренбургской экспедиции провиантом до 1737 г. и жестоким обращении с ним Татищева (арест, вымогательства взяток под угрозой пыток и казни).

Доносителям удалось скомпрометировать Ивана Татищева, брата В.Н. Татищева. И.Г. Бардекевич представил в комиссию копию доношения 1737 г. от 133 капралов и солдат Шешминского полка с обвинениями И. Татищева во взяточничестве и использовании солдат в своем личном хозяйстве: солдаты «ходили в летнее время за грибами, и за ягодами, и за хмелем», «ходили ловить журавлей и обивали коляску, делали сани», «жали хлеб», «кололи лед» и т.д.

Разрешить вопросы об организации и деятельности следствия, влияния на него верховной власти позволяют протоколы заседаний комиссии³. В соответствии с указами от 27 мая и 2 июня 1739 г. комиссии было предписано вести следствие как «воинский процесс», т.е. в соответствии с нормами «Краткого изображения процессов» 1715 г. При этом следствие было организовано Кабинетом, который и должен был выполнить функции суда по его окончании. Отсюда, можно заключить, что комиссия являлась «фергером» (досудебным следствием).

В состав присутствия «фергера» вошли подготовленные юристы-практики. «Презус» комиссии В.Я. Новосильцев, генерал армии Петра I, в 1718–1736 гг. занимал должности президента Мануфактур-коллегии, сенатора (с 1726), генерал-кригс-комиссара и др. В. Центаров с 1719 г. по 1752 г. – сначала генерал-аудитор-лейтананта, а затем генерал-аудитора Военной коллегии. П. Квашин-Самарин, князь С. Долгорукий, М. Чебышев получили опыт в годы работы в Юстиц-коллегии, И. Кольчугин – Вотчинной коллегии, Ф. Эмме – Коммерц-коллегии Лифляндских дел. Многие из них были старшими офицерами и участвовали ранее в «кригс-рехтах». В качестве аудитора в состав комиссии в 1739 – начале 1740 гг. входил генерал-аудитор-лейтанант И. Дивов. Перевод в июле 1740 г. Дивова в члены комиссии привел к назначению нового аудитором А. Шишкина, присланного из Военной коллегии. В качестве аудитора Шишкин присутствовал на заседаниях комиссии до сентября 1742 г.

³ Там же. Кн. 310.

На заседаниях комиссии по каждому доношению извечки и обвиняемый допрашивались, представляли документы. 10 апреля 1739 г. В.Н. Татищев был допрошен в Кабинете. Ему задали 109 «вопросных пунктов», на которые он дал развернутые ответы. Обвинения против В.Н. Татищева, как и его оправдания были в равной степени убедительны, выяснить истину можно было только проведя допросы свидетелей и собрав необходимые документы. Этим и занимались следователи. Только переписка В.Н. Татищева с Кабинетом, входящая в материалы следствия, насчитывает более 200 указов и доношений. Среди документов следствия сохранилась выписка из «дневальной книги, происходившей в бытность Татищева в оренбургском походе», приходно-расходные книги Оренбургской комиссии и т.д.

Верховная власть пыталась ускорить проведение следствия. Первый указ об окончании следствия был прислан из Кабинета 23 июля 1740 г. В ответ комиссия составила ведомость, согласно которой к 26 июля 1740 г. были окончены дела о бывшем уфимском воеводе С. Шемякине, полковнике И. Бардекевиче, по доношению купца Т. Фирсова и др. По делу о самом В.Н. Татищеве проведены все необходимые допросы. Окончание его дела аргументировалось задержками с получением документов.

8 сентября 1740 г. генерал-прокурор Сената кн. Н.Ю. Трубецкой объявил членам комиссии именной «изустно данный... указ» об окончании следствия. Комиссия проигнорировала этот указ. 15 сентября 1740 г. в Кабинет был вызван Ф. Эмме, которому «от самих господ кабинет министров» был объявлен именной изустный указ от 14 сентября повелевавший, «чтоб то дело всеконечно в сих числах рассмотрено и решено было». Того же 15 сентября «по полуночи» состоялось заседание комиссии, на котором Эмме рассказал о своем ответе кабинет-министрам: «...о решении того дела камисия трудится с прилежанием и по нескольким пунктом в сих числах имеет быть решено и в Кабинет представлено, а по протчим многому числу пунктов неполуча из разных мест справок решить никак невозможно». Этот ответ был поддержан всеми членами комиссии.

Смерть Анны Иоанновны не повлияла на отношение представителей высшей власти к делу В.Н. Татищева. 25 октября 1740 г. по высочайшей резолюции на мнению комиссии Татищев был лишен чинов. 15 декабря 1740 г. и 16 июня 1741 г. последовали указы об окончании следствия. Положение изменилось после того, как Татищев принес «повинную» на высочайшее имя. Это смягчило отношение к нему. 31 июня 1741 г. Татищев был назначен начальником Калмыцкой комиссии, а затем губернатором в Астрахань.

Воцарение Елизаветы Петровны привело к свертыванию следствия. 21 июня 1743 г. по именному указу комиссия была распущена, а ее дела повелено «отдать по описи в сенатский архив». Но почти через два года, в апреле 1745 г., материалы следствия вновь были подняты из архива и на их основе вынесен приговор Сената⁴.

⁴ Там же. Кн. 2238. Л. 117–134 об.

Приговор по делу В.Н. Татищева состоялся на заседании Сената 3 апреля 1745 г. и был подписан В. Долгоруковым, Н. Трубецким, А. Ушаковым, А. Куракиным, А. Румянцевым, А. Нарышкиным, А. Бутурлиным, И. Бахметевым, П. Шуваловым, А. Голицыным и обер-секретарем Д. Нежеиным. Помета под протоколом сообщает, что сенаторами приговор был «подписан 7-го июня 1745 году», т.е. между датой заседания и подписанием протокола прошло два месяца.

Объяснить такую задержку можно только одним – приговор и материалы следствия изучала сама Елизавета Петровна. Какие обстоятельства побудили императрицу возобновить дело, остается загадкой. Отмечу только, что в это время в столицу приезжали башкиры и жаловались канцлеру А.П. Бестужеву-Рюмину на В.Н. Татищева. Канцлер попытался замять жалобу, но И.Г. Лесток сообщил императрице, что Бестужев-Рюмин получил в подарок от Татищева 30 тыс. рублей за то, чтобы он оставил жалобу башкирцев «без последствий» [3, с. 177, 313–314].

Приговор сенаторов по делу В.Н. Татищева основывался на «экстрактах» следствия 1739–1743 гг. На основании указов 1713, 1714, 1720 гг., инструкции рентмейстеру, Морскому уставу (п. 131, гл. 1; п. 146, гл. 20), Военному артикулу (пп. 27, 28, 148), Генеральному регламенту (гл. 50), по мнению сенаторов, Татищева надлежало «лишить всех чинов и учинить смертную казнь». Но, учитывая именные указы об амнистии от 15 декабря 1741 г. и 15 июля 1744 г., сенаторы предложили только снять Татищева с должности астраханского губернатора и взыскать с него все суммы, которые были ему инкриминированы в «экстрактах».

Внесение приговора по делу В.Н. Татищева вызвало возражение. Обер-прокурор Сената И.А. Брылкин подал протест ссылаясь на то, что, во-первых, все денежные взыскания приговорено требовать только с Татищева, но некоторые пункты обвинений против него не доказаны; во-вторых, по именованным указам 1741 и 1744 г. повелевалось тех из ссыльных, кто еще годен, возвращать на службу с прежними чинами, а Татищева снимают с должности губернатора⁵. С этим протестом не посчитались. Императрица указала Татищеву сдать губернию преемнику и ехать жить в свои деревни⁶.

Подведем итоги. Анализ документов следствия приводит к выводу о том, что члены комиссии стремились к строгому соблюдению процессуальных норм, что вело к затягиванию следствия. Собранные в ходе следствия документы являются ценным источником о государственной деятельности В.Н. Татищева в Оренбургской экспедиции. На ход следствия оказывали политическое давление лично Анна Иоанновна, Анна Леопольдовна и Елизавета Петровна. Явное недовольство В.Н. Татищевым трех столь разных по своим взглядам носительниц верховной власти, видимо, свидетельствует о том, что он вызывал их раздражение своей независимой позицией.

1. *Анисимов Е.В.* Дело о доносе В.Н. Татищева 1738 г. // *Quaestio Rossica*. 2019.

⁵ Там же. Кн. 2240. Лл. 235–237.

⁶ Там же. Кн. 2246. Лл. 405.

Vol. 7. № 1.

2. Кузьмин А.Г. Татищев. 2-е изд. М., 1987.
3. Соловьев С.М. Сочинения. М., 1993. Кн. XI.
4. Татищев Ю.В. К истории управления В.Н. Татищевым Оренбургской экспедицией (1737–1739). М., 1901.

С.А. Никонов¹

Инфраструктура и логистика монастырских промыслов Поморья: организация варужской службы Николо- Корельского монастыря в XVII в.²

Поморье; монастырское хозяйство; рыбный промысел; Варзуга.

В статье рассматривается вопрос об организации промысла Николо-Корельским монастырем в волости Варзуга в XVII в. Выявлены основные элементы инфраструктуры монастырской службы: судовые перевозки, перевалочные пункты и их роль в хозяйстве. Деятельность службы обеспечивалась бесперебойными поставками продовольствия и рыболовных снастей, которыми руководили старцы и слуги.

Монастыри Русского Севера в суровых природно-климатических условиях обеспечивали свое благосостояние за счет промыслов. Особенностью промысловой деятельности являлась отдаленность и труднодоступность мест ее ведения, требовавшая сложной организации хозяйства. В историографии последних лет уделяется внимание проблеме инфраструктуры монастырского хозяйства в XVI–XVIII вв. В частности, обращается внимание на судовые перевозки, осуществлявшиеся по речным и морским магистралям, благодаря которым обеспечивалось сообщение между разными частями вотчинного хозяйства и осуществлялась транспортировка грузов [1; 2; 3; 4]. Можно говорить о том, что в той или иной мере обеспечение жизнедеятельности рыбных и соляных промыслов с помощью водных коммуникаций было присуще всем монастырям Поморья. Исключение не составляет и Николо-Корельский монастырь – крупный духовный и хозяйственный центр Поморья. Основные хозяйственные центры монастыря находились в Подвинье, где развивались такие отрасли, как земледелие, солеварение, вылов рыбы. Монастырь имел промыслы и в отдаленных местах, находившихся за сотни верст от обители. Так, в XVII – первой половине XVIII в. монастырь занимался выловом трески и палтуса на Мурманском берегу, на рубеже XVII–XVIII вв. – зверобойным промыслом на архипелаге Новая Земля. И тот, и другой промыслы не имели постоянной монастырской службы, поскольку происходили на необитаемых землях. Другой характер имел промысел семги в Варзуге – поморской волости Терского берега Белого моря, став-

¹ Никонов Сергей Александрович, Мурманский арктический государственный университет (РФ, Мурманск), к.и.н., snikopov-77@mail.ru.

² Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00154 А. «Монастырская и крестьянская промысловая колонизация районов Европейской Арктики в XVI–XVIII вв.»).

шей объектом хозяйственных интересов целого ряда монастырей Севера и Центра России³

Основной источник в раскрытии нашей темы – приходо-расходные книги монастыря. Нами были проанализированы две группы документов: казначейские книги, отражающие хозяйство монастыря в целом, и книги Варзужской службы. Вопрос о приходо-расходных книгах Николо-Корельского монастыря получил освещение в исследовании В.И. Иванова. Дал историк и краткую характеристику книгам варзужского промысла [5, с. 27–28]. Наиболее ранние книги не сохранились: сведения о них мы находим в описях монастырского имущества, из которых следует, что в архиве хранились книги начиная с 1589/90 г.⁴ На данный момент удалось выявить книги за 1640, 1643, 1644, 1646–1658, 1661, 1676, 1689, 1692, 1696–1700 гг. Структурно каждая книга делится на две части – приходную и расходную. В первую заносились сведения о выданных приказчикам средствах, доходах от различных видов хозяйственной деятельности (продажи рыбы, сдачи пожен в кортому, перевозки товаров и др.), во вторую – сведения о тратах, связанных с покупкой товаров, наймом работников, обслуживанием промысла.

Поддержание отдаленного промысла было возможным при наличии отлаженной инфраструктуры и отработанной логистики. Важными аспектами в раскрытии проблемы организации промыслового хозяйства являются обеспечение деятельности службы продовольствием и предметами промысла, штат «сотрудников» и управление, доставка продукции промысла на большую землю.

Деятельность службы делилась на два периода – летний и осенне-зимний. Первый длился с конца весны и до сентября, второй – с сентября до мая. В летний период готовили припасы к промыслу и доставляли их в Варзугу. Тогда же происходила добыча рыбы, ее реализация и доставка в монастырь. В осенне-зимний период занимались поддержанием службы и подготовкой к началу промыслового сезона.

Летний период начинался с подготовки припасов для отправки их в Варзугу. Часть припасов – прежде всего хлеб и другие виды продуктов – приказчик получал в монастыре, часть закупал на Холмогорах и в Архангельске. К покупным припасам относились посуда и тара, материалы для судостроения, инструменты, продукты и др. Подготовленные припасы грузились на монастырскую лодью, которая шла в Варзугу. Монастырский груз не составлял всего объема перевозимого: практически каждый год судно догружалось припасами «кладчиков» – промышленников и монастырей, также отправлявшихся в Варзугу.

Высчитать точные сроки пути монастырского судна с Двины до Варзуги невозможно. Согласно отрывочным данным документов, лодья прибывала к месту назначения во второй половине июня – начале июля⁵. Порожистая и мелководная, река Варзуга не приспособлена для судоход-

³ Процесс развития монастырского землевладения в Варзуге во второй половине XVI – начале XVII в. рассмотрен в ряде исследований. См.: [6; 7; 8, с. 50–58].

⁴ ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 6. Л. 40.

⁵ Там же. Д. 293. Л. 3 об., 9 об., 17; Д. 488. Л. 4 а.

ства: добраться до селения, находящегося примерно в 25 км от побережья Белого моря, можно только на лодках. Это обстоятельство учитывалось монастырем при организации инфраструктуры промысла. Доставленные припасы сгружались в низовьях реки, в месте, носившем название Кош⁶. Здесь у монастыря были поставлены келья «поземная» и два амбара, где хранились суда, промысловый инвентарь и продуктовые запасы (хлеб, толокно, соль)⁷. Припасы перегружались в нанятые у местных крестьян небольшие суда – карбасы – и перевозились в волость. Количество нанятых карбасов составляло 10–15 судов⁸. Такую же роль – перевалочной базы – Кош выполнял и при отправке лодыи обратно на Двину. Так, сюда вниз по реке спускали рыбу, а также хлеб – возможно, не израсходованный в период промысла⁹.

Роль перевалочной базы играло еще одно место – Яма¹⁰, куда также доставлялись запасы, далее отправлявшиеся в волость, и выловленная рыба, затем перегружавшаяся на лодью¹¹. Отсюда же припасы и рыболовные снасти развозились по тоням, где велся промысел семги¹².

Свое значение Кош сохранял и в зимний период. Так, в «зимний путь» сюда привозили с тоней снасти (неводы и гарвы), отвозили в волость продукты. Транспортным средством в таких перевозках служили олени¹³, реже – лошади.

С окончанием промыслового сезона монастырская лодья, груженная рыбой, отправлялась из Коша обратно на Двину. Точные даты выхода судна в море документы не указывают, ограничиваясь замечанием, что это происходило «в осень»¹⁴. Отвозилась далеко не вся рыба: часть добычи промысла реализовывалась приказчиками в Варзуге.

На обратном пути лодья иногда вынуждена была делать остановки в поморских волостях. Причиной таких остановок могла стать сложная ледовая обстановка, в результате которой судно попадало «в замороз». Так, в 1625 и 1626 гг. монастырем были подряжены крестьяне везти «варзужскую» рыбу в Холмогоры¹⁵. Казначейские книги не уточняют, из какой волости осуществлялся вывоз рыбы. Конкретную информацию об этом находим в книге 1644 г. приказчика варзужского промысла старца Про-

⁶ Кош находился в устье реки и выполнял роль судовой пристани. По данным писцовой книги Двинского уезда 1622–1624 гг., здесь были поставлены амбары крестьян и бобылей. См.: РГАДА. Ф. 1209. Кн. 9. Л. 426 об.

⁷ Книга росписная Варзужской службы Николо-Корельского монастыря. 1693 г. октября 13 // ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 955. Л. 2 об.

⁸ ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 374. Л. 3 об.; Д. 362. Л. 4 об.; Д. 374 а. Л. 7; Д. 413. Л. 4 об.; Д. 432. Л. 5 об.; Д. 488. Л. 3 об.

⁹ Там же. Д. 330. Л. 15 об.–16; Д. 374 а. Л. 9 об.; Д. 431. Л. 6; Д. 488. Л. 5 об.–6.

¹⁰ По данным писцовой книги Двинского уезда 1622–1624 гг., здесь находилась судовая пристань и стояли крестьянские и бобыльские амбары. См.: РГАДА. Ф. 1209. Кн. 9. Л. 426.

¹¹ ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 330. Л. 14 об.; Д. 374. Л. 9; Д. 440. Л. 9 об.; Д. 467. Л. 10 об.; Д. 533. Л. 7–7 об.; Д. 647. Л. 2 об., 3 об.; Д. 666. Л. 4 и др.

¹² Там же. Д. 488. Л. 5 об.–6; Д. 533. Л. 5 об.

¹³ Там же. Д. 879. Л. 4 об.; Д. 954. Л. 4 об.

¹⁴ Там же. Д. 374 а. Л. 9 об.–10; Д. 413. Л. 7 об.

¹⁵ Там же. Д. 112. Л. 64 об.; Д. 123. Л. 23 об.

тасия, где указывается, что «в замороз» судно остановилось в Куе. Здесь рыбу сгрузили в амбары¹⁶.

Вынужденную остановку сделало монастырское судно осенью 1646 г. в Золотице, о чем сообщает книга приказчика старца Антония. Судя по тому, что здесь сушили лодейный парус¹⁷, судно могло попасть в шторм и получить какие-то неисправности. Рыба была сгружена в амбары. В Золотицу приехали монастырские подводы и забрали груз в обитель¹⁸.

Варзужской службой управляли двое приказчиков – старцы Николо-Корельского монастыря. Возможно, приказчики сменяли друг друга: один находился в волости в летний период, второй – в осенне-зимний. Известен ряд случаев, когда один и тот же приказчик руководил доставкой грузов или оставался в Варзуге на зимний период несколько лет подряд¹⁹.

Приказчики выполняли разные функции: руководили доставкой грузов и организацией промысла, следили за порядком в службе, ведали наймом рабочих людей. Известно, что они лично выезжали на тони и реки «для монастырского дела», участвовали в доставке рыбы с тони в Кош²⁰.

Численность слуг в Варзужской службе не всегда может быть установлена. В ряде приходо-расходных книг содержатся записи о выдаче и покупке слугам одежды и сукна²¹. Из них следует, что в Варзуге находилось от четырех до пяти слуг.

Таким образом, инфраструктура Николо-Корельского монастыря включала морские и речные перевозки: лодья по морю доставляла к устью р. Варзуги грузы, которые затем на речных карбасах доставлялись в волость. Функции складов и перевалочных пунктов выполняли стоянки в Яме и Коше.

Непростая задача поддержания деятельности службы обеспечивалась поставками основных продуктов в период навигации. Необходимость поддержания годового цикла службы обосновывалась временем начала добычи сёмги (весна), наличием других участников (крестьяне, монастыри, патриарший дом), включенностью в волостные структуры поддержания промысла (совместное содержание тоней, строительство забора). Приказчики, руководившие промыслом, должны были владеть профессиональными навыками. Это объясняет замещение должности одним и тем же старцем в течение нескольких лет.

1. *Адаменко О.Н.* Управление монастырскими промыслами в XVII веке: организация работы, администрирование, контроль и учет в солеварении // Управление территориями и хозяйствующими субъектами в условиях экономической нестабильности: глобальные вызовы и механизмы развития. Материалы научно-практической конференции (г. Вологда, 1 декабря 2015 г.). Вологда, 2016.

¹⁶ Там же. Д. 311. Л. 5 об.

¹⁷ Там же. Д. 330. Л. 16.

¹⁸ Там же. Д. 330. Л. 16 об.–17.

¹⁹ Так, в 1650–1651 гг. в летний период службой руководил старец Ферапонт Варзужанин, в 1654–1658 гг. в осенне-зимний период – старец Долмат. В 1694–1696 гг. в Варзуге круглогодично пребывал старец Калист.

²⁰ ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 533. Л. 6 об.

²¹ Там же. Д. 311. Л. 6 об.–7 об.; Д. 330. Л. 11–11 об.; Д. 362. Л. 9; Д. 374. Л. 8–8 об.

2. Богомазова А.А. Транспортные связи Соловецкого монастыря с усольями в первой половине – середине XVII в. (на примере Летнорецкого усолья) // Соловецкое море: историко-литературный альманах. Архангельск; М., 2014. Вып. 13.
3. Богомазова А.А. Лодейные кормишки XVI–XVII в. в документах Соловецкого монастыря // Соловецкое море: историко-литературный альманах. Архангельск; М., 2015. Вып. 14.
4. Дадькина М.В. Управляя пространством: организация Спасо-Прилуцким монастырем водных коммуникаций и их структура (XVI–XVII вв.) // Quaestio Rossica. Vol. 4. 2016. № 3.
5. Иванов В.И. Бухгалтерский учет в России XVI–XVII вв.: Историко-источниковедческое исследование монастырских приходо-расходных книг. СПб., 2005.
6. Копанев А.И. Неземледельческая волость в XVI–XVII вв. // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Сборник статей памяти Ивана Ивановича Смирнова. Л., 1967.
7. Никонов С.А. Комплекс варзужских актов XVI в. Антониево-Сийского монастыря // Живущие на Севере: Альманах. Мурманск, 2010. Вып. 1.
8. Ушаков И.Ф. Избранные произведения в 3-х т.: Историко-краеведческие исследования. Т. 1: Кольская земля. Мурманск, 1997.

А.В. Лаушкин¹

Русские кресты XVI века на южных берегах Баренцева моря в записках Херрита де Вейра и Яна Хёйгена ван Линсхотена: к вопросу о навигационном предназначении

Русский Север; история освоения Арктики; традиционное русское мореплавание; береговые кресты.

Автор показывает, что русские береговые кресты, упомянутые в материалах голландских экспедиций 1594–1597 гг., действительно могут рассматриваться как навигационные знаки.

В 1597 г. после страшной зимовки на севере Новой Земли, потери корабля и гибели Виллема Баренца выжившие участники голландской экспедиции, намеревавшейся отыскать путь в Китай, возвращались на двух шлюпках домой. 20 августа, миновав Воронку Белого моря, они приблизились к побережью Кольского полуострова. И тут попутный ветер переменялся на встречный. Нужно было срочно искать укрытие среди неприветливых прибрежных скал, что без хорошего знания местности было совсем небезопасно. Однако голландцам повезло. На берегу они разглядели русские кресты с некими знаками (*waerders*), «по которым поняли, что тут удобный рейд для кораблей» (по-видимому, рейд располагался во фьорде и оставался незаметен при подходе к нему с востока²). В укрытом от непогоды заливе моряки нашли большую русскую лодью, несколько домов и теплый прием [1, с. 159; 12, р. 242].

В опубликованных записках участников голландских экспедиций 1594–1597 гг. Херрита де Вейра и Яна Хёйгена ван Линсхотена отсут-

¹ Лаушкин Алексей Владимирович, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., laushkin@list.ru.

² По мнению В.Л. Державина, этим фьордом была Ивановская губа [2, с. 58–62].

ствуют другие эксплицитные свидетельства, что береговые кресты устанавливались русскими как навигационные знаки. Разве что нечто подобное можно усмотреть в рассказе де Вейра о пяти крестах на м. Канин Нос, по которым голландцы, заранее проинструктированные русскими мореходами, и опознали 18 августа 1597 г. эту важнейшую точку на границе Баренцева и Белого морей [1, с. 154–155, 158, 192: прим. 428 и 433]. Между тем, большие русские кресты на арктических берегах, включая побережья Новой Земли, де Вейр и ван Линсхотен упоминают неоднократно.

Некоторые исследователи, не приводя конкретных аргументов и скорее отталкиваясь от аналогичной поморской практики более позднего времени, склонны видеть и в этих крестах элементы русской системы ориентации в прибрежной зоне [см., напр.: 10, с. 84–90; 6, с. 256]. В поисках недостающих аргументов, способных подкрепить данное мнение, вновь обратимся к запискам голландцев. Небольшой объем настоящей статьи не позволяет рассмотреть всю совокупность имеющихся в них данных. И потому мы ограничимся крестами, замеченными ван Линсхотеном и де Вейром вдоль трассы кратчайшего морского пути от м. Канин Нос в Карское море. Этот важнейший путь проходил близ материка мимо островов Колгуев, Матвеев, Долгий и Вайгач и заканчивался в узком извилистом проливе Югорский Шар, который современные гидрографы относят уже к акватории Карского моря. На очерченном маршруте авторы дневников отметили девять географических пунктов с русскими крестами. Перечислим их в той последовательности, в какой они обнаруживались моряками.

(1) В 1594 г. два голландских корабля (на борту одного из которых находился ван Линсхотен) под общим командованием адмирала Корнелиса Ная направились от о. Кильдин в сторону Вайгача. 7 июля отряд приблизился к северному побережью п-ова Канин, где на некой «высокой крутой горе» заметил крест; позднее в этом же районе моряки увидели «церковь» (часовню?) с двумя крестами [7, с. 486].

(2) 21 июля моряки достигли Вайгача и заметили у мыса «в береговой черте 2 деревянных креста». Решив, что рядом должны быть люди, голландцы высадились на берег, убедились, «что кресты были русские», но не нашли поблизости ни жилищ, ни людей кроме одного убежавшего от них язычника-«лапландца» [7, с. 491–492]. Можно думать, что эта высадка произошла на юге п-ова Лямчин.

(3) В тот же день неподалеку от упомянутого мыса с двумя крестами путешественники обнаружили большой закрытый залив, «на W [западной. – А.Л.] стороне которого на высокой скале стоял большой русский крест» [7, с. 492]. Если наша предыдущая локализация верна, то здесь речь идет о бух. Лямчина и м. Большой Лямчин Нос.

(4) 22 июля, продолжив движение вдоль Вайгача на юго-восток, корабли достигли другого мыса, перед которым увидели несколько поднимавшихся над водой утесов, и на одном из них, записал ван Линсхотен, «стояло еще два деревянных креста такой же формы, как мы видели раньше». [1, с. 199; 7, с. 492]. Видимо, речь идет об объектах у противоположного конца бух. Лямчина: Карповых островах [1, с. 199, прим. 1], либо рас-

положенных по соседству с ними островках и полуостровах в районе м. Карпово Становье.

(5) 25 июля голландцы подошли к м. Гребень на юго-западе Вайгача [1, с. 202, прим. 1], и на этом «самом выдающемся мысе видели много деревянных крестов, по поводу которых можно предположить с достаточной долей уверенности, что тут часто бываают русские». Впрочем, и на этот раз рядом с крестами не было обнаружено «ни домов, ни людей» [1, с. 202; 7, с. 494].

(6) В тот же день, углубившись в пролив Югорский Шар, участники экспедиции нашли севернее м. Дьяконов («мыса Идолов») еще один деревянный крест и рядом с ним – свежее кострище и охотничьи ловушки (кому они принадлежали, не сообщается), однако жилья по соседству вновь замечено не было [1, с. 202; 7, с. 494].

(7) 31 июля, сумев пробраться еще дальше в забитый льдами пролив, путешественники достигли другого вайгачского мыса – Сухой Нос, который по стоявшему на нем кресту нарекли «Крестовым» [1, с. 205; 7, с. 496]. Позднее и ван Линсхотен, и де Вейр еще не раз упомянут этот мыс как приметный пункт и место якорной стоянки [7, с. 503; 8, с. 573, 575–576, 578, 580–581; 1, с. 57, 62, 64, 181: прим. 159].

(8) 15 августа, возвращаясь домой, Най со своими людьми подошел с востока к о. Матвеев, и там путешественники заметили большой деревянный крест [1, с. 210]. Через два дня, обследуя этот небольшой остров с изрезанной береговой линией, моряки нашли «на мысах и при входе... в заливы» еще «несколько больших русских крестов с надписями русскими буквами». Один из этих крестов, поставленный в 1575 г. некими Березой и Федором Павловым и отличавшийся искусностью столярной работы, ван Линсхотен зарисовал [1, с. 211].

(9) 18 августа 1597 г. участники третьей экспедиции В. Баренца опознали по пяти крестам м. Канин Нос, о чем мы уже упоминали выше.

Приведенный материал позволяет сделать ряд наблюдений.

Во-первых, отмеченные голландцами кресты или группы крестов (кроме № 6 в нашем перечне) располагались в точках, хорошо заметных с моря: на мысах, горах и уединенных островках.

Во-вторых, почти все они (быть может, кроме № 1) были воздвигнуты в местах необжитых, где появление крестов не вытекало из обычной логики развития русского поселения [см., напр.: 11, с. 168–169] и должно было иметь особые и при том веские причины (учитывая трудоемкость изготовления и установки большого креста); особенно тут показательна пара крестов на голом скальном островке в окрестностях м. Карпово Становье (№ 4).

В-третьих, большинство крестов локализируются в ключевых навигационных точках рассмотренного маршрута. К числу таких точек относятся: его начальный пункт – м. Канин Нос (№ 9); о. Матвеев, лежащий на прямой линии между проливами Поморский и Югорский Шар и позволяющий судам найти укрытие во время любой непогоды (№ 8); м. Гребень – «северо-западный входной мыс западного входа в пролив Югорский Шар» [9, с. 289] (№ 5); м. Сухой Нос, расположенный в месте крутого по-

ворота пролива Югорский Шар и имеющий около себя надежное якорное место (№ 7). Значимы с навигационной точки зрения и пункты расположения крестов рядом с бух. Лямчина, способной дать мореходам убежище при любом направлении ветра: кресты в районе м. Большой Лямчин Нос маркировали северный край бухты (№ 2 и 3), а кресты на Карповых островах или вблизи м. Карпово Становье (№ 4) – южный. Кроме того, согласно новейшей «Лоции Баренцева моря», Карповы острова «являются хорошим ориентиром при подходе к проливу Югорский Шар» с северо-запада, а на одном из островков у м. Карпово Становье и ныне «стоит крест, который становится виден с 3 миль» [9, с. 290–291]. Эта деталь, отмеченная военными гидрографами, указывает на то, что крест рассматривается ими как навигационная примета, сохраняющая актуальность.

Все сказанное дает основания предполагать изначальное навигационное предназначение по крайней мере некоторых из перечисленных русских крестов XVI в.

Согласно более поздним источникам, русские кресты на берегах Белого и Баренцева морей имели четыре главных навигационных функции. Они служили для 1) дальнего опознания географических объектов, 2) прокладки курса в узкостях, 3) обозначения удобных якорных мест и 4) маркирования подводных опасностей [10, с. 90; 3; 4; 5]. По крайней мере первая из этих функций вполне определенно просматривается в русских приметных крестах, упомянутых ван Линсхотеном и де Вейром.

1. *Вейр, Херит де.* Арктические плавания Виллема Баренца 1594–1597 гг. / Под общ. ред. П.В. Боярского. М., 2011.
2. *Державин В.Л.* Северный Мурман в XVI–XVII вв. (к истории русско-европейских связей на Кольском полуострове). М., 2006.
3. *Лаушкин А.В., Аксютин-Лаушкина В.В.* Навигационное значение деревянных крестов в Соловецком заливе по официальным лоциям XIX – начала XX века // Историко-культурное и духовное наследие Соловков. Сборник докладов научной конференции (Соловки, 10–14 сентября 2018 г.). Соловки, 2018.
4. *Лаушкин А.В.* «Крестъ на крестъ»: еще о навигационных крестах в поморских лоциях // Соловецкое море: историко-литературный альманах. Архангельск; М., 2018. Вып. 17.
5. *Лаушкин А.В.* Навигационные функции береговых крестов в поморских рукописных лоциях XVIII–XIX вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2017. Вып. 5.
6. *Лаушкин А.В.* О соловецких навигационных крестах XVI века // Север и история: Материалы международной историко-краеведческой конференции «Четвертые Феодоритовские чтения». Город Кандакаша – село Варзуга, 11–14 августа 2011 года. Мурманск; СПб., 2012.
7. [*Линсхотен, Ян Хёйген ван.*] Нидерландские экспедиции к северным берегам России в 1594–1595 гг. [Ч. I.] // Записки по гидрографии. Пг., 1915. Т. 39. Вып. 3.
8. [*Линсхотен, Ян Хёйген ван.*] Нидерландские экспедиции к северным берегам России в 1594–1595 гг. [Ч.] II. // Записки по гидрографии. Пг., 1915. Т. 39. Вып. 4.
9. Лоция Баренцева моря. СПб., 2006. Ч. 2.
10. *Старков В.Ф.* Очерки истории освоения Арктики. М., 2001. Т. 2: Россия и Северо-Восточный проход.
11. *Филин П.А., Фризин Н.Н.* Крест в промысловой культуре поморов Русского

- Севера // Ставрографический сборник. М., 2001. Кн. 1.
12. *Veer; Gerrit de. The Three Voyages of William Barents to the Arctic regions (1594, 1595 and 1596).* London, 1876.

О.Д. Шемякина¹

К вопросу об особенностях экспозиционирования предметного мира крестьянской культуры

Традиционная культура; музейная экспозиция; вещь в мифологической системе; антропологическое изменение вещи.

В работе ставится проблема особенностей экспозиционирования предметного мира крестьянской культуры, сложного с точки зрения семантических связей и простого и неприметного с точки зрения визуальных образов.

Самоценное внимание к новому и прежде неизвестному было реализовано в просветительских проектах Петра I, в частности, в указе о доставке «культурных вещей» в Кунсткамеру. Употребление слов, указывающих на любопытство, на стратегию познания всего неизвестного, приобретало положительную коннотацию. Тем самым была преодолена теологическая неприязнь к любопытству как к пагубной гордыни и античному противопоставлению поиска истины бестолковому интересу к разным вещам, которое будет позже переводиться на латынь как *curiositas* – сосредоточенное удивление философа не схоже с желаниями любопытствующего невежи [1, с. 19–37].

В глазах как русских, так и иностранных современников индивидуальное пристрастие Петра к коллекционированию курьезов воспринималось как контрастное к ценностям традиционной русской культуры. Радикализм поощряемых монархом нововведений выразился в том, что Кунсткамера специальным указом «объявлялась бесплатной и более – ее посетителей надлежало «приучать, потчевать и угощать», им предлагали «кофе и цукеброды» закуски и венгерское вино» [1, с. 25]. Монстры, уроды и раритеты, располагавшиеся в емкостях для хранения на полках шкафов и прочих демонстрационных поверхностях, возбуждали любопытство обывателя.

Возникает вопрос – насколько далеко ушла практика современного музейного экспонирования от причуд «странного монарха», как называл его А.С. Пушкин? Стремление выставить в витрине способные вызвать визуальное возбуждение курьезы, имеющие автономную ценность уникального и / или забавного, широко представлено в практике экспозиционирования краеведческих музеев. Как же выставлять рутинное, повседневное, визуально неприятное? Предметная среда крестьянского быта, созданная домашними ремеслами, скупая и аскетичная с точки зрения декоративных качеств и материалов включает следы жизнедеятельности – сколы, потертости, трещины, загрязнения. Вещи эти, изъятые из среды обитания, выглядят по-сиротски, да и растаскивать их по витри-

¹ Шемякина Ольга Дмитриевна, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., Shemyakin3@gmail.com.

нам, не разрушая смысловые связи между предметами, не представляется возможным. Самой логикой своего существования они принадлежат конкретному пространству (избе, бане, клетки и т. д.). И в этом пространстве единичная вещь может существовать в разных смысловых контекстах. Так, например, стол, накрытый белой скатертью, мог быть частью моленого пространства и служить поверхностью для книг в избах старообрядцев-беспоповцев, а накрытый обычной скатертью – поверхностью для размещения бытовых предметов. Плошка с водой в доме, где умер человек, могла стать местом, где купалась душа усопшего, а рушник, брошенный на оконную раму – дорогой, по которой душа уходит из дома.

Эмоция удивления у человека традиционной культуры возбуждалась не столкновением с диковинным раритетом, а вхождением в зону контактов с иными мирами, которые обладали таким же антологическим статусом, как и повседневная жизнь. А возбуждение могло быть связано с неожиданностью пересечения с иной реальностью, именно поэтому зона контакта появлялась, сопровождаемая акустическими и динамическими эффектами. Лошадь, везущая сани, дровни на дороге, идущей через лес, может быть остановлена припустившими впереди нее елочками, машущими ветвями и кричащими: «Возница, поворачивай обратно к дому, и видишь, что в деревне пожар» [3, с. 163]. Физическая природа стихий в мире традиционной культуры могла стать незначимой, а границы между ними проницаемыми. Так, поднимающаяся из глубин озера пылающая свеча символизировала способность ушедших из этого мира к коммуникации с живыми [4, с. 777].

В мире, в котором для живущих в нем людей, очевидна способность к всеобщим метаморфозам, предметы раскрываются во множестве ипостасей, и этой динамикой распяты и растащенные по витринам вещи лишены. Удивление в культуре, где господствует миф, имеет другую природу – не праздное любопытство, а ожидание застигнутости чудесным, даже если, например, конкретный локус не является местом обитания добродетели. Сложная природа символа создавала широкий простор для его истолкования. Например, «змеиная сущность Вавилона – не просто общее место средневековой литературы и впоследствии фольклора: она служила атрибутом царствующего града вообще, как амбивалентного, в равной мере опасного и притягательного для человека» [2, с. 166].

И еще об одном аспекте, антропоцентрическом, нужно упомянуть, если выстраивать стратегию экспонирования вещи мира крестьянской культуры. Я имею ввиду сложность репрезентации коммуникативного аспекта вещи, с которой контактируют люди, связанные узами родства. Приведем только два небольших примера. Новорожденного на юге России заворачивали на короткое время в грязный рукотерник или отцовские портки, чтобы «все любили». Это обрядовое действие было направлено прежде всего на «привязывание» младенца к пространству культуры, так как грязные и старые вещи, «пожившие» в домашней среде, наделялись положительной семантикой» [6, с. 219]. В семейных ссорах между невестками и золовками часто вспоминается изначальная неродственность собственнo мужа и жены. Если две женщины не поделили серп, то в этой

ситуации важен не столько сам предмет, а то, что чужая вещь актуализирует весь контекст чужести, связанный с новым членом семьи [5, с. 186].

Распятые в витринах вещи, часто невзрачные и непривлекательные, сгруппированные по принципу функциональной или видовой принадлежности, лишают атрибуции вещи традиционной культуры, как полисемантического объекта.

Представляется сомнительным, что в преодолении подобной ситуации существенную роль могут сыграть новейшие визуальные технологии. Ручная графика (от рисунка до мультипликации), аудиозаписи, в которых текст культуры обретает свой собственный голос, могут стать той опорой, которая запускает процесс собственного воображения посетителя.

1. *Богданов К.А.* О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М., 2006.
2. *Дутчак Е.Е.* Геополитическая символика сквозь призму эсхатологии (вопросы формирования социальной основы староверия) // *Общественные науки и современность.* 2010. №3.
3. *Криничная Н.А.* Крестьянин и природная среда в сфере мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарий. М., 2011.
4. *Криничная Н.А.* Русская мифология: Мир образов фольклора. М., 2004.
5. *Кушкова А.* Крестьянская ссора: опыт изучения деревенской повседневности европейской части России второй половины XIX – начала XX века СПб., 2016.
6. *Русские дети.* Основы народной педагогики. СПб., 2006.

А.А. Богомазова¹

К вопросу о строении и оснащении сойм Соловецкого монастыря XVII в.

Соловецкий монастырь; лодья; сойма.

На основе опубликованных и архивных документов Соловецкого монастыря и его материковых промыслов в статье рассматриваются вопросы, связанные с размерами, строением, парусным вооружением и грузоподъемностью монастырских сойм XVII в.

Исследователи народного судостроения П.А. Филин и С.П. Курноскин отмечают: «понятие „сойма“ объединяло целую группу судов озерного и прибрежного морского плавания, пригодных к тому же для крупных и средних рек», и далее: «соймы отличались хорошими мореходными качествами... были приспособлены к характеру волнения Ладожского и Онежского озер, ходки под парусами (а малые и на веслах), поворотливы, способны держаться круто к ветру». По географическому принципу (месту постройки и использования) выделяют несколько типов сойм: онежская, ладожская, финская, невская, ильменская, Белого моря. Исследователи дают подробную характеристику каждого типа судна, опираясь,

¹ Богомазова Анастасия Александровна, РГАДА (РФ, Москва), anabogomazova@yandex.ru.

главным образом, на данные XIX–XX вв. [9, с. 307–311]. Сведений о соймах XVI–XVII вв. крайне мало, тем более важно собрать и проанализировать те редкие упоминания, которые мы находим в источниках.

Понятие «сойма» встречается в документах Соловецкого монастыря с последней трети XVI в. В 1574 г. керетчанин Сидор Иванов завещал обители три карбаса и сойму [1, с. 56]. По данным монастырской приходо-расходной книги в 1579 г. в обитель был куплен соемный парус [6, с. 178]. В 70-х – 80-х гг. XVI в. в монастырь были даны в качестве вкладов шесть сойм, в том числе мурманская сойма со снастью и парусом, сойма с парусом, сойма «со всею снастью и з запасом»². Таким образом, соймы были известны в монастыре еще в 70-е гг. XVI в., хотя в описях монастырского имущества их начинают фиксировать только в XVII в.

Монастырские документы середины XVII – начала XVIII в. позволяют выделить три «типа» сойм (по размеру): *большие* и *малые соймы*, а также *полусоемные суда*. В 1615 г. в монастыре купили *полусоемное судно* за 2 руб. 13 алт. 2 ден. и в том же году *полусоемное судно* продали за 3 руб. 16 алт. 4 ден. Стоит отметить, что в том же 1615 г. в монастыре была куплена сойма с парусом за 2 руб. 25 алт. В 1667 г. куплена у сороченина Тита Доркова «новая *полусоймы*» за 9 руб.³ Однако, что представляли собой полусоемные суда в XVII в., установить пока не удалось.

В отводной книге Чупского усолья 1657 г. от старца Измаила старцу Афонасию названа *сойма большая* стоимостью 2 руб. 16 алт. 4 ден.⁴

В отводной книге карбасной службы Соловецкого монастыря 1697 г. среди лодий названа одна сойма: «Пятнатцать лодей новых и старых, в них одна сойма потаповская со всякою лодейною снастию». В той же книге названы и другие соймы, явно меньше лоды: «Две соймы, гридинская⁵ да вонская⁶ со всею снастию, з парусы, и верховая снасть вся, да по 2 якоря». В старом большом амбаре, «что против Святых ворот» на нижнем этаже хранились: «з двух соем ветхих, что за губою стоят, снасть верховая: дроги⁷ и ноги⁸ и два паруса з буглинами⁹» [2, с. 180, 181]. Вероятно, имеются в виду еще две другие соймы. В описи монастыря 1705 г. также названа одна сойма вместе с лодьями, а две другие, «малые», отдельно¹⁰.

² СПбИИ РАН. Кол. 2 (Актовые книги). Ед. хр. 125. Л. 196, 211, 201 об., 260 об., 281 об., 322 об. Записи датированы О.В. Панченко по почеркам дьячков (Панченко О.В. Вкладная книга Соловецкого монастыря. Рукопись).

³ РГАДА. Ф. 1201 (Соловецкий монастырь). Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 10 об., 66 об., 69; Оп. 1. Ед. хр. 490. Л. 14.

⁴ Там же. Ф. 1201. Оп. 7. Ед. хр. 365 (врем. номер). Л. 8 об.

⁵ Гридино – село на берегу Белого моря в устье р. Гридины. Ныне входит в состав Кемского района Республики Карелия.

⁶ Вонга (Воньга) – рыболовный промысел Соловецкого монастыря. Ныне деревня в Кемском районе Республики Карелия.

⁷ Дрог – фал, снасть для подъема реи с парусом [7, с. 12].

⁸ Ванты.

⁹ Буглины (по данным XIX в.) – идущая от середины паруса веревка, посредством которой натягивается парус для того, чтобы не рябил при крутых ветрах [5, с. 11].

¹⁰ Музеи Московского Кремля. Инв. № Рук.–1404. Л. 338 об.

Только однажды в документах Соловецкого монастыря названы размеры сойм. В 1612 г. приказчик Сумского острога старец Досифей нанял мастера Тихона карбасника пошить «на монастырский обиход» две соймы: одну длиной 7 сажень «по верхнему набою с корга на корг», высотой «по 12 набоев на сторону»; другую – длиной 6 сажень, высотой «по 10 набоев на сторону» и с «деревянную снастью»¹¹. В XVII в. официальная (казенная) сажень составляла 3 аршина, или 216 см. В.А. Буров указывает, что в Соловецком монастыре в XVI–XVII в. применялась мерная сажень (176,4 см) [4, с. 64]. Следовательно, длина первой соймы составляла 12,35–15,12 м, длина второй соймы – 10,58–12,96 м. М.И. Белов опубликовал описание самого крупного «староманерного» морского судна – лодки из документа 1695 г., длина которой составляла 11 сажень с локтем (ок. 19,6 м) [3, с. 211]. Следовательно, соймы, названные в документе 1612 г., были короче лодки, описанной в документе 1695 г. Однако, мы не можем сказать, большие или малые соймы и большая или малая лодья названы в этих документах.

П.А. Филин и С.П. Курносин отмечают, что соймы XIX–XX вв. были двухмачтовые [8, с. 307]. В документах Соловецкого монастыря XVI–XVII вв. мы нашли упоминания только о соймах с одним парусом, следовательно, и с одной мачтой. Следовательно, по этому признаку мы не можем проводить параллель между соймами XVII – начала XVIII в. и более поздними судами (XIX–XX вв.). Какими парусами были оснащены беломорские соймы XVI–XVII вв.: прямыми либо косыми, пока мы сказать не можем, в источниках мы не нашли указаний на этот счет.

В приходе-расходной книге приказного старца Чупского усолья Измаила мы находим свидетельство о размере соежной паруса. В июле 1656 – июле 1657 гг. он «делал парус новой соежной, пошло точива¹² сто локот по 5 алтын по 2 денги десятков, итого рубль 20 алтын»¹³. В 1657 г. от старца Измаила старцу Афанасию была отведена *большая сойма* и «*парус большой* Измаилова дела, цена рубль»¹⁴. Следовательно, на изготовление паруса *большой соймы* уходило 100 локтей точива (около 45–47 м). П.А. Филин указывает, ссылаясь на историка Е.В. Вершинина, что «ширина обычного крестьянского домотканого холста в XVII в. составляла $\frac{3}{4}$ аршина, т.е. 54 см» [7, с. 12]. Таким образом, если парус был прямым, то его общая площадь ткани, пошедшей на его изготовление, составляла $45 \times 0,54 = 24,3 \text{ м}^2$ (или $47 \times 0,54 = 25,38 \text{ м}^2$).

Для сравнения, в 1638/39 г. колежемский приказчик старец Илья Пестриков заказал пошить новый лодейный парус, «простыни пошло 800 локот, по 3 алтына по 4 денги десять, да от шитья дано и с веревками 20 алтын, и всего стал парус 9 рублей 13 алтын 2 денги»¹⁵. Следовательно, на изготовление паруса пошло 800 погонных локтей полотна (360–

¹¹ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 218. Л. 9 об.–10. За указание на этот документ благодарю научного сотрудника ИРИ РАН Е.Б. Французову.

¹² Точиво – «узкий крестьянского изделия холст» [5, с. 174].

¹³ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 463. Л. 12.

¹⁴ Там же. Ф. 1201. Оп. 7. Ед. хр. 365 (врем. номер). Л. 8 об.

¹⁵ Там же. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 510. Л. 38–38 об.

376 м), а общая площадь полотна, пошедшего на изготовление паруса, составила 194,4–203,04 м². Как видим, на изготовление паруса большой соймы пошло в 8 раз меньше ткани, чем на изготовление лодейного паруса, и изготовление его обошлось примерно в 8 раз дешевле.

В документах Соловецкого монастыря есть только несколько указаний на грузоподъемность сойм. В 1625 г. из Варзуги в монастырь на сойме было отправлено 1190 «просольных» семог и «вялых пластей» 100 семог¹⁶. Если средний вес промысловой рыбы составлял 5–12 кг, то 1190 рыб могли весить не более 14 т. В данном случае мы не знаем, «в полный ли груз» были нагружены соймы, перевозили ли на них что-либо еще, кроме рыбы. В 1608 г. из монастыря в Кузему приходил на сойме старец Карп и взял в сойму 377 пуд соли (6,160 т)¹⁷. Летом 1704 г. из Летнерецкого усолья в монастырь два раза было отпущено на «вонской сойме», то есть сойме рыбного промысла на Воньге, с кемским стрельцом Иваном Рышковым по 400 пуд соли, то есть чуть более 6,5 т¹⁸. Таким образом, в среднем грузоподъемность соловецкой соймы XVII в. была до десяти тонн (мы не знаем, о больших или малых соймах идет речь в приведенных примерах). Для сравнения, грузоподъемность лодьи XVII в. в среднем составляла 2000–2400 пуд (32,76–39,312 т), наибольшая грузоподъемность лодьи, названная в приходе-расходных книгах соляных промыслов Соловецкого монастыря, – 2750 пуд (45,045 т)¹⁹.

Таким образом, в XVII в. Соловецкий монастырь использовал соймы разных «типов» (большие, малые, а также полусоемные суда). В конце XVII – начале XVIII в. монастырские описи называют одну из сойм в числе лодий. Возможно, это была большая сойма, близкая по оснащению, а возможно и по каким-либо другим характеристикам к лодье. Кроме того, сама сойма с оснащением, соемный парус и соемный якорь стоили дешевле лодьи и ее снастей. Однако если даже близкие к лодьям суда все же назывались именно соймой, а не лодьями, значит, они имели определенные специфические черты, позволяющие выделять их как самостоятельный класс судов. Возможно, такими чертами являлись конструкция корпуса судна и/или особенности парусного вооружения. Для человека XVI–XVII вв., живущего на Севере и имеющего дело с морскими судами, эти особенности были понятны, поэтому они не требовали специальных оговорок в документах.

В документах хозяйственного архива Соловецкого монастыря упоминаются соймы только с одним парусом. Длина сойм в начале XVII в. могла составлять 6 сажен (10,58–12,96 м), 7 сажен (12,35–15,12 м), площадь паруса большой соймы – около 25 м². В хозяйстве обители соймы служили для сообщения с промыслами, перевозки небольших грузов (в среднем до 10 т) и использовались на рыболовном промыс-

¹⁶ Там же. Ед. хр. 493. Л. 2 об.

¹⁷ Там же. Ф. 1201. Оп. 7. Ед. хр. 901 (врем. номер). Л. 25.

¹⁸ Там же. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 437 б. Л. 18 об.–19 об.

¹⁹ Столько было отправлено из Чупы в 1622 г. на усольской лодье (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 436. Л. 7 об.).

ле¹. В основном, соймы были в ходу на западном побережье Белого моря (Сорока, Кемь, Кереть, Чупа), хотя на них могли ходить на р. Онегу, в Холмогоры и даже в Куйское усолье (самое восточное усолье Соловецкого монастыря в XVI–XVII вв.).

1. Акты социально-экономической истории Севера России: Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990.
2. *Богомазова А.А.* «Досмотря карбасную службу, переписав, что есть налицо людей и карбасов, и людейных снастей». Отводная книга карбасной службы Соловецкого монастыря. 1697 г. // Исторический архив. 2015. № 5.
3. *Белов М.И.* Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. // История открытия и освоения северного морского пути. М., 1956. Т. I.
4. *Буров В.А.* История келейной застройки Соловецкого монастыря XV–XIX веков. Архангельск, 2011.
5. *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
6. Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря. 1571–1600 гг. / Сост. Е.Б. Французова. М.; СПб., 2013.
7. *Филин П.А.* Новые документы об эксплуатации кочей на северо-востоке Сибири в XVII веке // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Архангельск; М., 2017. Вып. 16.
8. *Филин П.А., Курноскин С.П.* Народное судостроение в России. Энциклопедический словарь судов народной постройки. СПб., 2016.

Е.Б. Французова²

Соловецкие страницы биографии патриарха Иоасафа I

Патриарх Иоасаф I; историческая биография; Соловецкий монастырь; хозяйственные книги; приходо-расходные книги.

В статье на основе данных хозяйственных книг Соловецкого монастыря реконструируются детали раннего периода биографии патриарха Иоасафа I.

Еще в первой половине XIX в. было известно, что преемник патриарха Филарета Иоасаф I (1634–1640) был соловецким постриженником [2, с. 48]. Однако за исключением не подтвержденного, к сожалению, ссылками на источники утверждения, что будущий патриарх после возведения на новгородскую кафедру соловецкого игумена Исидора (1603 г.) последовал за этим иерархом в Новгород и пережил рядом с ним шведскую оккупацию [1, с. 37; 3, с. 315; 4, с. 208 и др.], прочих сведений о раннем периоде жизни четвертого по счету патриарха всея Руси в исторической литературе не приводится.

¹В XVII в., возможно, на соймах ходили стрельцы. В 60-е гг. XVII в. в монастырской оружейной казне хранились соемные кровельные кожи (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 470. Л. 6 об.). Косвенным подтверждением этому предположению может служить фраза из приходо-расходной книги приказного старца Пияльского усолья Иора: в июне 1637 г. он отпустил в монастырь «сойму монастырскую с старцем Сергием и с стрелцами» (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Ед. хр. 986. Ч. 2. Л. 26).

²Французова Екатерина Борисовна, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), histgeogr@yandex.ru.

Между тем в отводной книге крепостной службы Соловецкого монастыря 1639 г., представляющей собой подробную опись монастырского архива, в перечне книг вологодской службы обители значится книга «125-го, и 126-го, и 127-го году старца Иоасафа, *что ныне патриарх*»³. Прочитанная запись свидетельствует, что по крайней мере в указанных в источнике годы будущий первосвятитель оставался соловецким иноком и находился в Вологде в качестве главы вологодской торговой службы. Привлечение к исследованию всей совокупности сохранившейся хозяйственной документации монастыря позволяет реконструировать некоторые детали исторической биографии этого церковного деятеля XVII в.

Названный в описи 1639 г. документ – приходо-расходная книга вологодской службы. Она дошла до наших дней в расшитом на 6 частей виде, с утратой ряда листов и с прочими утратами текста⁴. Книга охватывает время с 25 мая 1616 г. по май 1619 г. Источник позволяет наглядно очертить круг деятельности главы важнейшей службы, которая благодаря реализации выработанной на монастырских варницах соли обеспечивала пополнение большей части монастырского бюджета и одновременно производила закупки существенной массы продуктовых запасов и непродовольственных товаров, от которых зависело поддержание жизнедеятельности как насельников островной обители, так и ее промыслов на материке.

В подчинении у старца Иоасафа состояли находившиеся в Вологде два соловецких монаха, 14 человек монастырских слуг, 2 наемных повара. Ему же подчинялась менее многочисленная служба в Устюге Великом: старец и пятеро слуг.

Первое испытание управленческих способностей главы службы ждало его сразу же после назначения, когда он должен был руководить транспортировкой в Вологду каравана с солью, отправленного из Холмогор его предшественником на посту главы вологодской службы. Караван состоял из пяти насадов и двух дощаников. Старец Иоасаф, по-видимому, догнал караван лишь в Устюге, поскольку до этого пункта он добирался на небольшом наемном судне в обществе нового келаря вологодской службы и двух слуг⁵. Именно от Устюга до Тотьмы предстоял самый трудный участок речного пути. Поэтому в Устюге необходимо было нанять опытных лоцманов и удвоить количество ярыжных, нанять дополнительные разгрузочные суда-павозки и обслуживающих их «прибавочных» казаков для преодоления порогов, перекатов и мелей. Часть соли из-за мелководья пришлось выгрузить в Устюге и на Осиновом плесе на Верхней Сухоне и обеспечить ее кровлей и охраной. По прибытии в пункт назначения требовалось организовать разгрузку 30-пудовых рогож с солью и перенос их в амбары. Зимой была организована перевозка на подводах 5326 пуд. «заморозной» соли с Осинового плеса. Подобным образом доставка соли в Вологду осуществлялась весной 1617 и 1618 гг. В 1617 г. насад дважды курсировал из Вологды в Устюг и обратно за «уметной», т.е. сгруженной в 1616 г. солью. Проще проходила весенняя «сплавка» судов вниз по по-

³ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. № 37. Л. 6.

⁴ Там же. № 17, 16, 18, 26, 19, 21.

⁵ Там же. №. 16. Л. 1–1 об.

лой воде, но и путь в Холмогоры требовал больших усилий: вологодские служебники должны были управлять деятельностью 330 транспортных рабочих. На пути от Устюга вверх это количество возрастало до 650 чел. и более.

С сентября начиналась продажа соли торговцам-оптовикам, которая становилась особо интенсивной с установления санного пути. Здесь было необходимо хорошее знание рыночной конъюнктуры, поскольку цена соли на вологодском рынке колебалась. За три года в службе было продано свыше 238 000 пуд. соли на сумму около 26 800 руб. Особое знание рыночной конъюнктуры требовалось для приобретения монастырских «запасов». Глава службы, вероятно, получая консультации своих помощников, должен был разбираться в качестве разнообразных товаров, закупавшихся на вологодском рынке (зерна и круп всех видов, меда, воска, коровьего и конопляного масла, кож, овчин, войлоков, сукон, крашенин, шитого платья, гвоздей и т.д.), ориентироваться в ценах, контактировать с купцами, выбирать наиболее подходящие моменты для осуществления сделок. Глава службы должен был следить и за поддержанием в исправном состоянии амбаров, оград и жилых построек службы и своевременно обеспечивать их ремонт. А в осенне-зимний период 1618/19 г., когда Вологде стал угрожать очередной «приход литовских людей» (по-видимому, набег отдельных отрядов войск Владислава), старец Иоасаф и его помощники должны были организовать перевозку товаров с монастырских складов в укрепленный «город» – на гостиный двор и в собственное подворье⁶.

Особое значение придавалось подготовке к следующей навигации. Почти ежегодно артели судостроителей заказывался новый дощаник. Для наблюдения за работами одного из слуг посылали в местность, где строилось судно (в данном случае – с. Шуйский городок). Остальные суда ремонтировали, конопатили, смолили на месте, шили и занимались починкой парусов. Кроме того было необходимо организовать изготовление канатов: приобреталась пенька, которую отдавали трепать, прясть, плести («спущать снасти»). Требовалась и подготовка упаковочного материала: шились соляные рогожи и мешки («кули») для зерна.

С началом новой навигации, чтобы суда, груженные хлебом и прочим «запасом», отправить вниз по Сухоно-Двинскому пути, в очередной раз осуществлялся найм транспортных рабочих. В Холмогорах разгружали привезенные вологодские товары, нанимали рабочих для набоя соли в рогожи, грузили эти рогожи на суда. Одновременно заказывали изготовление снастей, занимались текущим ремонтом судов и парусов.

Вологодские служебники оперировали колоссальными для своего времени суммами: при старце Иоасафе было выручено в общей сложности 30 523 руб., а израсходовано 29 849 руб.⁷ На службу в Вологду монастырские власти отправляли лишь иноков, внушавших особое доверие, принадлежавших к управленческой элите обители, имевших статус членов монастырского «черного собора».

⁶ Там же. № 21. Л. 20.

⁷ Там же. № 17. Л. 33 об.; № 21. Л. 30.

Вологда была не единственным местом служения старца Иоасафа. В сохранившейся приходо-расходной книге сумской службы Соловецкого монастыря старца Досифея, которая доведена до 1 апреля 1614 г., говорится об отводе службы старцу Иоасафу⁸. Главной задачей сумского служебника, как явствует из книги старца Досифея, были управление монастырской волостью Сума и прилежавших к ней волосток, сбор крестьянских платежей, обеспечение находившегося в Сумском остроге стрелецкого гарнизона (100 чел. и более) денежным и хлебным жалованьем, поддержание острога в боеспособном состоянии. Должность сумского приказного старца была достаточно статусной и, как правило, влекла за собой членство ее носителя в монастырском соборе. Поэтому в числе лиц, проверявших 27 августа 1615 г. приходо-расходную книгу старца вологодской службы Моисея и заверивших ее рукоприкладствами, мы находим соборного старца Иоасафа⁹.

В 1619 г. свою вологодскую службу старец Иоасаф завершил в Холмогорах, которые, однако, не покинул. Передав денежные средства своему преемнику, 29 мая он возглавил холмогорскую службу монастыря.

В Холмогорах, являвшихся распределительным центром монастыря, аккумулировались все «запасы», прибывавшие из Вологды, а также соль, поступающая с солеваренных промыслов для отправки в вологодскую торговую службу. В функции холмогорских служебников входили прием, учет и хранение соли, раздача в усолья денежных сумм, хлеба, прочего продовольствия и непродовольственных товаров, отправка другой части товаров вологодского привоза в островную обитель.

В связи с пребыванием старца Иоасафа в Вологде и Холмогорах, где он самым непосредственным образом соприкасался с торговыми людьми и хорошо знал их интересы, в новом свете предстает известный эпизод его биографии, когда он, будучи псковским архипастырем, выступил против свободной торговли западноевропейских купцов, подав вместе с псковичами челобитье государю, «чтобы не быти во Пскове немцам» [5, с. 282]. Несколько раньше он был непосредственным свидетелем того, какую конкуренцию создавали голландские и отчасти английские купцы местным торговцам в Вологде.

В конце августа 1619 г. старец Иоасаф передал службу своему преемнику и вернулся в обитель¹⁰. Почти сразу же по возвращении он приобретает за 12 руб. «келью владычню Филофеевскую»¹¹, т.е. келью, которую когда-то занимал опальный епископ Рязанский Филофей, сосланный на Соловки Иваном IV и покинувший эту обитель в 1593 г. Эта келья была одной из самых престижных в монастыре. Рядовые монахи в то время приобретали доли в кельях за 2–3 руб., только игумен Иринарх отдал за келью бывшего игумена Исидора большую сумму – 15 руб.¹² Келья, преж-

⁸ Там же. № 218. Л. 18 об., 33–33 об.

⁹ Там же. № 128. Л. 99–101; № 12. Л. 39 – 42, 108 об.–109.

¹⁰ Там же. Оп. 5. № 490. Л. 8 об.; № 495. Л. 2–2 об., 4; Оп. 1. № 224. Л. 6.

¹¹ Там же. Оп. 1. № 224. Л. 8–8 об.

¹² Там же. Л. 43.

де принадлежавшая архиерею, должна была подчеркивать социальный статус инока.

2 мая 1620 г. в качестве соборного старца Иоасаф участвует в проверке финансовой отчетности по поездке в Москву игумена Иринарха¹³, а между 6 и 22 мая казначейская приходо-расходная книга уже называет его келарем¹⁴, т.е. вторым после игумена должностным лицом. Однако внезапно 28 июля в источнике появляется запись о том, что старец Иоасаф «отпущен» в Москву вместе со старцами Варфоломеем Коноплевым и Илией Старым¹⁵. Больше упоминаний об Иоасафе в казначейской книге нет. Нет о нем упоминаний и в отчетном документе о поездке в Москву старца Варфоломея¹⁶. Очевидно, что Иоасаф покинул обитель навсегда. Внезапный характер отъезда позволяет утверждать, что он был обусловлен царским и патриаршим вызовом. Первое упоминание Иоасафа в качестве архимандрита Псково-Печерского монастыря относится к 3 февраля 1621 г. [6, стб. 385].

Патриарх Иоасаф I известен как человек книжный, при котором получило развитие книгоиздание, проводилось исправление книг. В сознании с трудом соединяется образ человека, вложившего в Соловецкий монастырь Толковую Псалтирь Максима Грека и Толковую Палею, с представлением о деятельном и искушенном в хозяйственных делах иноке, хорошо ориентирующемся во всех проблемах «мира сего», своего рода «менеджере». Однако подобный путь искуса в суровых природных условиях Севера проходили и другие соловецкие постриженники, потрудившиеся во имя материального процветания обители, но также оставившие заметный след в книжной культуре. Среди них митрополит Новгородский и Великолуцкий Исидор, старцы Александр Булавин, Иоасаф Сорочкий и др. Управленческие способности, хозяйственный опыт, ответственность нашего героя пригодились ему на всех его дальнейших поприщах: в качестве архимандрита Псково-Печерского монастыря, псковского архиепископа, патриарха всея Руси.

1. Всероссийские патриархи // ЧОИДР. 1847. № 3. Смесь.
2. *Досифей (Немчинов), архим.* Летописец соловецкий. М., 1833.
3. *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. М., 1996. Кн. 6.
4. *Макарий (Веретенников), архим.* Соловецкий постриженник на патриаршем престоле (Патриарх Иоасаф I: 1634–1640) // Альфа и Омега. 2006. № 1 (45).
5. Псковские летописи / Под ред. А.Н. Насонова. М., 1955. Вып. 2.
6. *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877.

¹³ Там же. Оп. 1. № 222. Л. 6 об.

¹⁴ Там же. № 224. Л. 24.

¹⁵ Там же. Л. 93.

¹⁶ Там же. № 223.

Монастырское хозяйство и практики обращения с природными ресурсами на Русском Севере, XVI–XVII вв.²

Монастырское хозяйство; Русский Север; ресурсы.

В статье рассмотрена структура промыслового хозяйства монастырей Русского Севера на примере соляных промыслов Спасо-Прилуцкого монастыря. В рамках подходов экологической истории исследованы хозяйственные практики взаимодействия человека и природы.

Применительно к рассматриваемому периоду понятие «ресурсы», безусловно, является научным конструктом, но исследование практик взаимодействия отдельного человека или институтов (в нашем случае монастыря) с окружающим пространством, позволяет говорить о том, что в это время представление о том, что из природных богатств и каким образом можно использовать для экономической деятельности, уже начинает формироваться.

Для многих обителей, расположенных на севере России, важнейшую роль в их хозяйственной деятельности играли не столько земельные пахотные угодья, сколько различные промыслы, в первую очередь – соляные [8, табл. VI; 9]. В 1675 г. власти Спасо-Прилуцкого монастыря, подавая челобитную Алексею Михайловичу по поводу выдачи новой Жалованной грамоты о беспошлинном провозе и последующей продаже 14 тысяч пудов соли для покупки также беспошлинно товаров для монастырского обихода, указывают на важность этих доходов, так как у монастыря земель мало и кормить братию и слуг и детенышей нечем³.

Вопросам солеварения и торговле солью в той или иной степени посвящено большое количество исследований [см., например: 10; 3; 8; 9]. Общим недостатком работ, при всей глубине проработки отдельных сюжетов, можно считать фрагментарность, поскольку, как правило, исследователи разделяли производственную и торговую части промыслов. Кроме того, слабо, и в ряде случаев неверно, были отражены вопросы обеспечения топливными ресурсами, вообще не было обращено внимания на теснейшую связь соляного производства, например, в Уне и Соли Вычегодской, с природными циклами, которые играли важную роль в экономике доиндустриального и раннеиндустриального типа.

В данном исследовании монастырские соляные промыслы рассматриваются как целостная природосообразная хозяйственная структура, выстроенная в соответствии с возможностями и условиями производства и реализации продукции, их сравнительный анализ позволяет расширить наше знание о монастырском хозяйстве и о развитии одного из основных направлений российской экономики раннего нового времени.

¹ Дадькина Маргарита Михайловна, НИУ ВШЭ (РФ, Санкт-Петербург), к.и.н., mdadykina@hse.ru.

² Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18–09–00633А.

³ ОР РГБ. Ф. 287. Оп. 2. Д. 5. Жалованная грамота 1675 г. Список.

Источниками исследования стали две группы материалов вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря: 1) приходо-расходные книги его соляных промыслов – Тотемского, Унского и Вычегодского, и 2) книги судебного хода и книги холмогорского торга⁴.

Структура хозяйства. Формирование своей промысловой системы Спасо-Прилуцкий монастырь начал в первые десятилетия XVI в. Первым этапом стала организация торговых операций по перепродаже дешевой поморской соли («морянки») на быстро развивающемся в это время вологодском оптовом рынке: 1530-ми годами датируется получение первой грамоты, предоставлявшей монастырю право беспошлинного провоза 7000 пудов соли от Холмогор к Вологде [7, с. 40]. Это количество не случайно: 7–8 тыс. пудов вмещало одно судно (насад или дощаник), на котором осуществляли грузовые перевозки по рекам. В конце XVI в. количество соли, которое монастырь имел право перевозить беспошлинно, увеличивается до 14 тыс. пудов и остается таковым на протяжении последующего столетия – монастырь регулярно получал подтверждение этой льготы. Следующим шагом стало приобретение собственного солеваренного производства: грамоты 1548, 1575–1577, 1586 гг. [7, с. 40, 84–86] свидетельствуют о том, что к концу XVI в. Спасо-Прилуцкий монастырь уже владел дворовыми местами и варницами или долями варниц в трех разных регионах: Тотме, Соли Вычегодской и Уне.

Этапы создания системы промыслового хозяйства Спасо-Прилуцкого монастыря хорошо прослеживаются также по учетно-отчетной документации – приходо-расходным книгам различных служб. К 1580-м гг. относятся дошедшие до нас первые приходо-расходные книги тотемского, к 1590-м – вычегодского, и к концу этого столетия – унского промыслов [2]. Это означает, что подготовительный этап, включавший постройку варниц, установку или ремонт купленных труб, приобретение необходимого оборудования, был завершен, и промыслы начали регулярную выварку соли (по подсчетам Е.Б. Францужовой⁵ такой комплекс, расположенный, например, на побережье Белого моря, можно было купить за 100 руб., немалые для небольшого тогда монастыря деньги).

Гидрологические ресурсы. В отличие от сельскохозяйственных угодий, которые были собраны в основном вокруг Вологды, варничные комплексы Спасо-Прилуцкого монастыря оказались разбросаны по территории Русского Севера. В сходной ситуации оказывались и иные монастыри, находившие разные способы решить эту проблему. Так, власти Соловецкой обители просили обменять некоторые свои «вотчинки», оказавшиеся удаленными от речных судоходных путей, на государевы, расположенные вблизи таковых [9].

Дискретность промыслового пространства преодолевалась логичным использованием одного из основных ресурсов, которыми богат Се-

⁴ Использованные в исследовании материалы сосредоточены в следующих фондах: РГАДА. Ф. 196. Оп. 1; СПИИ. Ф. 271. Оп. 2; ОПИ ГИМ. Ф. 61. Оп. 1.

⁵ Выражаю благодарность Е.Б. Францужовой за ценные сведения сравнительного характера, полученные ею при подготовке к публикации книг соляных промыслов Соловецкого монастыря и сообщенные при обсуждении данной темы.

вер Европейской части – водных систем. Они включали в себя как речные системы, так и часть моря вдоль береговой линии. Это хорошо прослеживается в случае Спасо-Прилуцкого монастыря: Сухоно-Двинской путь соединял между собой расположенный у Вологды монастырь с Тотемским усольем на Сухоне, Вычегодским – по Вычегде (приток Северной Двины), Холмогорами, куда поступали крупные партии соли со всего Поморья, а отрезок морского пути вдоль побережья Белого моря до низовьев Северной Двины – с Унским усольем. Верховья Сухоны, кроме того, давали возможность доставлять соль в Кубенское Заозерье. Аналогичные транспортные системы можно выявить и для других северных монастырей, например, от Соловецких о-вов – к Кеми, Коле, Мурману, Онеге, устью Северной Двины и далее, к той же Вологде.

Среди различных факторов, позволявших успешно решать коммуникационные задачи, было умение приспосабливать свои нужды к природным гидро-климатическим условиям. Многие реки России, и Сухоно-Двинская система не исключение, не могли полностью использоваться в течение всего времени навигации из-за мелководья. Тяжело нагруженные суда должны были успевать пройти во время «высокой воды» – от середины апреля до июля – начала августа. Даты отправки судов из Вологды в Холмогоры находятся в промежутке между 16 и 24 апреля, время их прибытия в Холмогоры совпадает с открытием морского пути вдоль побережья Белого моря, отправка лодий с унской солью заканчивается в первых числах августа, что связано с началом сезона морских штормов [4; 5].

Гидрологические факторы влияли также на характер солеваренного промысла. Основанием для закладки трубы и начала соледобычи служило качество соляного раствора. Из трех промыслов Спасо-Прилуцкого монастыря наилучшими являлись тотемские соляные источники, а наиболее слабыми были вычегодские. В последнем, кроме того, цикл работ зависел от времени подъема и спада воды в Вычегде, ее притоках и грунтовых вод. Во время половодья соляные растворы становились совсем слабыми, поэтому варницы останавливали в середине – конце апреля до начала – середины июля. Этот цикл получил название «от завару до помету». Внутри годового цикла шел счет на поваренные недели, по 10–14 дней каждая. В итоге одна варница Вычегодского усоля отработывала 20–21 неделю в год. Отсчет неделям велся обычно от завара, но иногда его прерывали какие-либо обстоятельства, например, в некоторых случаях смена старца зимой приводила к началу нового счета неделям.

В Уне, расположенной на «горе» над рекой, крепость рассола, по-видимому, мало зависела от весеннего подъема воды, поэтому цикл выварки соли не прерывался, а делопроизводство подчинялось календарному году и начиналось с 1 сентября.

Энергетические ресурсы. Традиционное солеварение было очень затратно с точки зрения расхода энергии. В Вычегодском усолье в 1640-х гг. на дрова шел особый лес, его называли «мяндач» – выросшая в заболоченном месте сосна с рыхлой древесиной [6]. О характеристиках унских дров сведений почти не выявлено, но известно, что их заготовка произ-

водилась на высоких местах, следовательно, древесина была более плотная, а подсчеты показывают более высокую теплотворность этих дров (при всех оговорках, связанных также с разницей в насыщенности соляных растворов). Важно то, что и этот ресурс требовалось сначала сделать таковым: лес нужно было доставить к варницам. В трех разных усолях рассматриваемого монастыря данный процесс имел свои особенности. В Тотьме и Уне монастырь имел свои лесные угодья (такой вариант наиболее характерен для монастырского солеваренного комплекса), а потому основная задача состояла в том, чтобы нанять работников и лошадей для рубки и вывозки дров, а затем сплавить дрова, используя плотины-запруды рядом с варницами. В Вычегодском усолье своего леса у монастыря не было. Здесь поставка дров для варниц была в руках крестьян, чьи деревни располагались вдоль р. Вычегды и ее притока р. Виледи. Они гнали дрова плотами к Вычегодским варницам и продавали их владельцам, после чего следовало еще порубить плоты в поленницы.

Существенным оказывался вопрос о том, на каком расстоянии от реки должны / могли находиться места вырубки, чтобы затраты на это производство были оправданы. Савич приводит любопытный случай, когда соловецкие монахи, осматривая свои варницы, пришли к решению забросить производство на некоторых из них, мотивируя это тем, что лес оказался уже далеко [9]. Итак, не всякий лес был потенциальным ресурсом, но только тот, который можно было взять, применяя достаточные и адекватные усилия. Важной составной частью и этой системы опять оказывались водные пути сообщения, обеспечивавшие возможность коммуникации.

Заключение. Главными чертами создаваемой монастырями хозяйственной системы были достаточность (усилий, вложений) и адекватность (природным, социальным, экономическим условиям). При этом практики экономического характера тесно переплетались с религиозными практиками: молебны в начале и по пути следования судов, отправлявшихся с товаром, раздача символических даров – калачей – работникам солеварен в начале работы варниц, баня (полагаем, она имела не только практический, но и символический смысл) в конце пути для осначих, тянувших монастырские суда по реке, пожертвования в часовни при выходе в море и т.д. Переплетение этих видов практик обращения с ресурсами придавало природному пространству, включенному в монастырскую хозяйственную деятельность, новое значение – освященного, преобразуемого; к нему приспособлялись, и его приспособляли для своих нужд [1, с. 29].

1. *Arnold Ellen F.* Negotiating the Landscape: Environment and Monastic Identity in the Medieval Ardennes. Philadelphia, 2013.
2. Вотчинные хозяйственные книги. Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574–1600 гг. М; Л., 1979. Вып. I.
3. *Гейман В.Г.* Материалы по истории русской соляной промышленности. Труды ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. Т. V (8). 1958.
4. *Дадыкина М.М.* Управляя пространством: организация Спасо-Прилуцким монастырем водных коммуникаций и их структура (XVI–XVII вв.) // *Quaestio Rossica*. 2016. Т. 4. № 3.
5. *Дадыкина М.М.* Монастырь, монахи, менеджмент: структура монастырской

торговли в конце XVI–XVII вв. // Торговля, Купечество и таможенное дело в России в XVI–XX вв. Сборник материалов Четвертой международной научной конференции (Нижний Новгород, 28 – 30 сентября 2017 г.). Н. Новгород, 2018.

6. *Мызников С.А.* Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб., 2003.
7. Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: исследование и тексты. Вологда, 2011.
8. *Прокофьева Л.С.* Вотчинное хозяйство в XVII веке: по материалам Спасо-Прилуцкого монастыря, М.; Л., 1959.
9. *Савич А.А.* Соловецкая вотчина XV–XVII в. Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем Русском Севере в древней Руси. Пермь, 1927.
10. *Устюгов Н.В.* Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке: К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М., 1957.

А.Р. Мустафин¹

Цены на соль Русского Севера в 1640–1670-е гг.²

Временные ряды; цены на соль; Русский Север; приходо-расходные книги.

В статье рассматриваются приходо-расходные книги Соловецкого мужского монастыря и Кирилло-Белозерского мужского монастыря. На основании сведений из приходо-расходных книг за 1640–1670-е гг. составлены временные ряды цен на соль, представлен анализ их динамики.

Сведения о ценах вызывают интерес у исследователей при решении целого комплекса задач как на микро-, так и на макроисторическом уровне. Обращаясь к исследованиям по истории цен в России, мы можем оценить их движение в XVI, XVIII и в последующих столетиях [1; 2]. Однако фактически неизученным остается движение цен в XVII в.

В представленном исследовании реконструируются ряды цен на соль в 1640–1670-е гг. на основе сведений приходо-расходных книг Соловецкого и Кирилло-Белозерского монастырей. При анализе приходо-расходных книг исследователь сталкивается с многочисленными статистическими проблемами и ограничениями. Среди важнейших нужно упомянуть следующие.

Во-первых, эта проблема определения среднегодовой цены. Дело в том, что в приходо-расходных книгах, как правило, указывались цена товара и количество проданного товара по каждой сделке. Поэтому возможно использование различных способов расчета среднегодовой цены.

¹ Мустафин Артур Рашидович, НИУ ВШЭ (РФ, Москва), к.и.н., art-staf@yandex.ru.

² Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 19–04–060) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2019 г. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100». Автор выражает благодарность участникам Научно-учебной группы «Цены в России во второй половине XVII – первой трети XVIII вв.: реконструкция динамики и верификация данных»: М.Д. Аксеновой, Д.В. Бондаревой, А.О. Видничук, Я.Р. Дзюбинскому, К.Д. Москалевой, А.Д. Новиковой.

Отметим, что ее расчет по формуле средней арифметической (простой или взвешенной), моды или медианы достаточно сложен на практике, поскольку за каждый месяц приходо-расходные книги рассматриваемого региона содержат десятки записей о продаже соли, которые встречаются заметно чаще, чем сделки по другим товарам. Крайне проблематично и верифицировать полученные таким образом среднегодовые цены: необходимо учесть все сделки, указанные в источниках [см.: 3]. Можно было бы в качестве среднегодовых цен использовать средние цены за определенный месяц. Однако нет строгой закономерности изменения сезонных цен на соль: максимальные и минимальные цены и объемы сделок приходятся на разные месяцы. Полученные таким образом уровни временных рядов будут не сопоставимы. Представляется целесообразным в качестве среднегодовой цены использовать цену самой крупной сделки. Полученные таким способом цены вполне несложно перепроверить другим исследователям, обратившимся к анализируемым нами источникам. Так или иначе, сезонные колебания цен на соль не столь значительны, как правило, составляют не более 2 коп. за пуд. Поэтому в нашем случае выбор способа расчета среднегодовой цены не столь принципиален, важно его придерживаться при построении временных рядов, в том числе и рядов цен на другие товары.

Во-вторых, это проблема определения границ экономических районов. Необходимо учитывать, что в приходно-расходных книгах Соловецкого и Кирилло-Белозерского монастырей отражены цены двух экономических районов: Северного и Центрально-Нечерноземного. Б.Н. Мионов справедливо отнес Вологодчину к Центрально-Нечерноземному региону [2, с. 34]. К примеру, в 1650 г. цена соли за пуд в Вологде составляла 12,5 коп., а в Холмогорах – 8 коп.³; в 1668 г. соль в Вологде стоила 17 коп., а в Холмогорах – 7 коп.⁴; в 1672 г. в Вологде цена составляла 11 коп., а в Каргополе – 7,5 коп.⁵. Поэтому в представленном исследовании по документам упомянутых монастырей реконструируются ряды цен в Вологде и ближайших городах, сознательно не включаются в эти ряды цены других центров торговли Русского Севера.

В-третьих, это проблема смыкания рядов цен. Нередко исследователи, выявляя цены в допетровской России, выражали их в денежных единицах и мерах, представленных в источниках; а также описывали их динамику относительно дат сентябрьского стиля. Для нас важно построить ряды, которые в перспективе можно будет смкнуть с рядами цен XVIII в. В представленном исследовании цены выражались в копейках относительно пуда.

В итоге нами были получены результаты, представленные в таблице 1 и на рисунке 1.

³РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 54; Ф. 1441. Оп. 1. Д. 1479.

⁴Там же. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 63; Ф. 1441. Оп. 1. Д. 1481.

⁵Там же. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 71, 519.

Таб. 1. Цены на соль в 1644–1674 гг., коп. серебром за пуд

	1	2	1	2	
1644	10,5		1660	18	
1645	10	12	1661	19	
1646	10,5	11	1662	29,5	
1647	28,5	27,5	1663	33	
1648	13	11	1664	10,5	
1649	9,5	9,5	1665	13	
1650	12,5		1666	14,5	14
1651	12,5		1667	15,5	
1652	10		1668	17	
1653	12		1669	15	
1654	12		1670		
1655	10		1671		10,5
1656	11		1672	11	
1657	11,5		1673	10	
1658		17	1674	10	
1659					

Составлено по: РГАДА Ф. 1201. Оп. 1. Д. 46, 49, 54, 56, 58, 63, 67, 519; Ф. 1441. Оп. 1. Д. 1433, 1441, 1455, 1460, 1464, 1470.

1 – сведения из приходо-расходных книг Соловецкого монастыря, 2– сведения из приходо-расходных книг Кирилло-Белозерского монастыря.

Учитывая тот факт, что Вологодский рынок был одним из главных центров торговли солью, мы можем сделать осторожные выводы о связи динамики цен на соль и социально-политических конфликтов второй трети столетия. Так мы видим, что цены в середине 1640-х гг. увеличились почти в три раза, однако после окончания Соляного бунта достаточно скоро опустились до прежнего уровня. Начало Русско-Польской и Русско-Шведской войны, по всей видимости, не оказали значительного влияния на движение цен на соль в регионе. Напротив, денежная реформа Алексея Михайловича привела к резкому скачку цен, которые в 1663 г. достигают максимума в изучаемом периоде. Обратим внимание, что здесь не приходилось переводить медные деньги, уплаченные за соль, на серебряные деньги: в приходо-расходных книгах фиксировалось то, какими деньгами совершались сделки. К примеру, цена за пуд в Вологде в 1662 г. в серебряных деньгах составляла 58 коп., в медных деньгах – 108 коп⁶. Уже в 1664 г. цена за пуд опустилась до 10,5 коп. Позднее, по всей видимости, на некоторое повышение цен оказало влияние начало Соловецкого восстания.

Разумеется, вопрос о факторах цен требует дальнейшего глубокого изучения. Тем не менее полученные нами ряды показывают, что на динамику цен на соль в изучаемый период оказала наибольшее влияние денежная реформа Алексея Михайловича.

⁶ Там же. Д. 58.

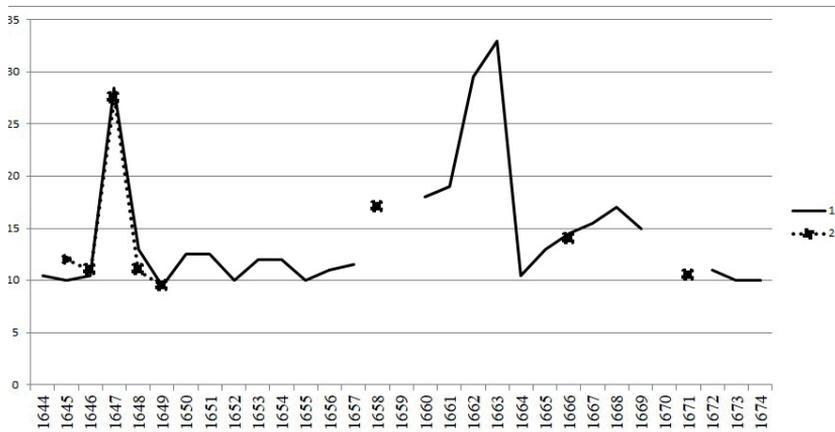

Рис. 1. Цены на соль в 1644–1674 гг., коп. серебром за пуд.

1 – сведения из приходо-расходных книг Соловецкого монастыря, 2– сведения из приходо-расходных книг Кирилло-Белозерского монастыря.

1. Маньков А.Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М., 1951.
2. Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.) Л., 1985.
3. Мустафин А.Р. «Ведомости одна с другою никакого сходства не имеют»: верификация данных о хлебных ценах в России в XVIII веке // Российская история. 2017. № 2.

В.М. Брезгунова¹

О материальном обеспечении вдов и детей приборных служилых людей Юга России в XVII в.²

Юг России; XVII в.; материальное обеспечение; вдовы и дети; служилые люди по прибору.

Статья рассматривает предпринимаемые центральной администрацией меры, направленные на материальную поддержку вдов и детей приборных служилых людей Юга России в XVII в., которые могли варьироваться в каждом отдельном случае.

В XVII в. в истории России – это время крупных социальных потрясений и изменений, когда происходило становление и укрепление власти в центре и на местах, шли широкомасштабные колонизационные и миграционные процессы. Именно в этот период идет заселение и освоение южных окраин России в условиях непрекращающейся внешней опасности [2, с. 71]. Спецификой южнорусских уездов в XVII в. было наличие в общей массе жителей региона значительной доли служилого населения [6, с. 75].

¹ Брезгунова Виктория Михайловна, Воронежский государственный университет (РФ, Воронеж), bvm1792@mail.ru.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18–09–00313 А.

Именно они участвовали в защите рубежей Российского государства от нападений, ходили в походы, строили оборонительные укрепления. Исследователями очень подробно уже были изучены самые разные категории служилого населения, их жизнь и военная служба, но при этом поразительно мало работ затрагивают повседневные, социальные аспекты [4; 5]. Постоянное участие мужчин в военных кампаниях неизбежно было связано с потерями и попаданием в плен к татарам, и закономерно возникает вопрос о том, что происходило с их вдовами и детьми, решался ли каким-либо образом государством вопрос их дальнейшего материального обеспечения. Особый интерес в этом плане вызывает обеспечение вдов и детей тех категорий служилого населения, которых относят к служилым по прибору – казаков, служилых черкас, станичников, стрельцов, пушкарей и т.д., чему и будет посвящено данное исследование.

В 1643 г. на государево имя подали челобитную четыре жены черкас города Корочи, в ней они пишут о нападении «крымских людей» на Яблонов и Оскольский уезд в январе 1642 г., в ходе которого их мужья попали в плен, будучи на службе³. Это нанесло непоправимый ущерб материальному состоянию их семей, их жены и дети «помирают голодною смертью». На места попавших в плен и скорее всего погибших (в тексте источника жены называют себя «вдовами») черкас были верстаны новые люди – «черкаские дети», видимо, это произошло сразу же, уже в 1642–1643 гг., при этом они должны были получить весь комплекс владений, обычно выделяемых служилым черкасам – дворовые, гуменные, пашенные, огородные, отъезжие земли, а также сенные покосы [1, с. 39]. «Новоприборные» выселяют жен и детей попавших в плен черкас со своих дворов, именно поэтому женщины просят оставить им их дворы, подраумевая под этим, как можно предположить, также и земельные угодья, которые могли бы обеспечить им средства к существованию. Ответа правительства на эту челобитную, к сожалению, в нашем распоряжении нет, но с высокой долей вероятности можно говорить о том, что просьба черкасских вдов был удовлетворена.

Более подробно возможные причины обнищания жен и детей служилых людей описываются в челобитной сорока чугуевских станичников 1658 г.⁴ Отличительной чертой этого документа является его отчасти превентивный характер: служилые люди просят о материальном обеспечении их вдов и сирот в случае и уже имевшего место, и возможного несчастья. В своем обращении станичники ссылаются на многолетнюю верную службу государю, указывают на получение ими земли, сенных покосов и «всяких угодий». Пишут они и о своей проблеме – о сложном материальном положении жен и детей их товарищей, «которые... устаеют и помирают, и татаровя в полон емлют или которые конми опадут и обедняют». Под влиянием фактора постоянной внешней опасности воеводы на освободившиеся места сразу же набирают новых станичников и все земельные угодья «отдают новоприборным», из-за чего жены и дети погибших, уведенных в плен и, как можно предположить, обнищав-

³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 158. Л. 241.

⁴ Там же. Д. 397. Л. 207.

ших и не имеющих возможности служить дальше станичников «скитаютца меж дворы и помирают голодною смертью». Очень значимо для нашего исследования то, что сохранился официальный ответ на эту челобитную, который отражает отношение к проблеме и механизм решения государством вопроса о материальном обеспечении вдов и детей своих служилых людей.

Распоряжение государя было отправлено из Москвы уже в феврале 1658 г., указания имеют довольно краткий и предметный характер. Чугуевских станичников пожаловали – «которых их братьей станичников на нашей государьской службе воинские люди убьют или в полон возмут, и которые из них собою умрут их земель со всякими угоди у жон их и детей отымать не велели покамест дети их в нашу государеву службу поспеют»⁵. Краткость ответа весьма ограничивает возможные варианты решения проблемы – в нем идет речь только о передаче земель вдовам и детям погибших, плененных и умерших своей смертью станичников, при этом государством выдвигается единственное, но существенное условие – «покамест дети их в нашу государеву службу поспеют». Таким образом, государство дает гарантии материального обеспечения вдов и детей на время взросления последних, но для дальнейшего пользования землей сыновья должны были потом поступать на службу. При этом, как мы видим, не рассматриваются те варианты, когда после смерти или пленения станичника остаются вдовы без детей или только с дочерьми. Что обращает на себя внимание, о материальном обеспечении жен и детей тех станичников, «которые конми опадут и обедняют», в правительственном ответе сведений не содержится, что, видимо, связано с тем, что в этом случае не идет речи о потере кормильца.

Интересно, что проанализированный ответ правительства об обеспечении вдов и детей чугуевских станичников 1658 г. практически полностью совпадает с отрывком из грамоты царя Михаила Федоровича, который приводит А.Г. Чепухин, рассматривая похожую на приведенную нами ситуацию, но с иной стороны. Прибраным в 1628 г. волуйским станичникам на «выбылье» места на новой службе земли и санных покосов не дали, оказалось, что имуществом убитых и взятых в полон станичников, вместо которых они заступили, продолжали владеть их вдовы, жены и дети. Воевода ссылаясь на распоряжение государя – «каторых станичников убьют или татарове возьмут или умрет, и у их жон и у детей до твоево государева указу пашенных земель и дворовых мест отнимать не велена» [7, с. 332–333]. Такое совпадение разновременных царских указов говорит о наличии единой правительственной линии, которая, тем не менее, требовала отдельных распоряжений в каждом конкретном случае и могла варьироваться, так как, как мы видим, формулировки близки, но не совпадают полностью.

Важно отметить, что после смерти своих мужей вдовы вели хозяйство, могли активно отстаивать свои интересы и даже участвовать в различных конфликтах, что отражено в источниках. Например, в феврале 1658 г. воронежский воевода Иван Яковлевич Кушелев писал об отпуске

⁵ Там же. Л. 209.

в Москву вдовы воронежского казака Дмитрия Илюева Оленки, которая ехала в столицу «бити челом о своей нуже»⁶. Известен гораздо более поздний конфликт 1692 г., когда в селе Ендовище Воронежского уезда служилые черкасы требовали от не желавшей решить дело миром вдовы сотника Ивана Хорунжева Ульяны отдать им «великих государей грамоты» «впредь для владения на всякие наши угоди», чтобы это помогало им в разрешении возникающих земельных споров с соседями⁷. В феврале 1694 г. в Землянске «землянская черкашенка вдова Савелевская жена Ситникова Матрена Иванова дочь» продала по частям мельницу⁸. А.А. Люцидарская в своей работе о вдовах сибирских служилых казаков в XVII в. отмечала, что вдовы служилых людей, располагавшие земельными угодьями в уезде, успешно справлялись с организацией сельскохозяйственных работ и реализацией излишков производства [3, с. 332–333].

На основе изученных документов по вопросу материального обеспечения вдов и детей приборных служилых людей Юга России в XVII в. мы можем сделать следующие выводы: по источникам прослеживается наличие предпринимаемых центральной администрацией мер, направленных на материальную поддержку вдов и сирот служилых людей; при этом необходимость написания служилыми по прибору и их родственниками приведенных челобитных о материальном обеспечении и ответов на них из центра говорит об отсутствии каких-либо постоянных административных и законодательных норм, которые бы предоставляли, если можно так выразиться, социальные гарантии, так как вдовы и малолетние дети погибших служилых по прибору могли оказаться в сложной материальной ситуации. Например, воеводы, согласно уже разработанному алгоритму действий, сразу же набирают на службу новых станичников, так как эта процедура уже отработана, в то время как обеспечение средствами к существованию их вдов и детей в каждом отдельном случае требовало внимания правительства.

1. *Брезгунова В.М.* Черкасское землевладение в Воронежском крае в 1630–1690-е годы // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2018. № 3.
2. *Глазьев В.Н.* Военная повседневность российского пограничья XVII в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 10.
3. *Люцидарская А.А.* Вдовы сибирских служилых казаков в XVII веке // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2011. Т. 17.
4. *Лятин Д.А.* Ритуалы власти: очерки социально-политической истории России раннего Нового времени. М., 2014.
5. *Лятин Д.А.* Формы поведения сельского населения Юга России в XVII в. // История: факты и символы. 2019. № 1 (18).
6. *Скобелкин О.В.* Структура служилого населения Воронежа и Воронежского уезда в XVII в. // Из истории Воронежского края: сборник статей. Воронеж, 2011. Вып. 18.
7. *Чепухин А.Г.* Волуйка: крепость на южнорусской окраине (судьбы служи-

⁶ Там же. Д. 400. Л. 90.

⁷ ГАВО. Ф. И-288. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.

⁸ РГАДА. Ф. 840. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

Н.А. Жиров¹

Хозяйственное освоение территории Верхнего Подонья в первой трети XVII в. (Воронежский, Елецкий и Ливенский уезды)²

Община: землевладение; Юг России; однодворцы; колонизация.

В центре внимания данной статьи – анализ платежных (дозорных) книг 1615 г. по Елецкому, Ливенскому и Воронежскому уездам. Эти уезды находились на южной окраине России и географически тяготели к Верхнему Дону. Автор изучает социальную организацию и хозяйственное развитие этих уездов, на основе анализа данных платежных книг.

Территория Верхнего Подонья исторически являлась приграничной зоной между Русью и Степью, а в конце XVI – начале XVII вв. стала форпостом в охране государственных границ от кочевников, главным образом от Крымского ханства и ногайцев. Присоединение новых пространств Юга в XVII в., в условиях постоянных военных действий, заставило русское население приложить максимум усилий для хозяйственного освоения обширных степных и лесостепных территорий.

Впервые социально-экономическая история южных уездов России в конце XVI–XVII вв. оказалась в центре внимания в дореволюционных работах Д.И. Багалея и И.Н. Миклашевского и других авторов [1; 2; 3]. Советская историография уделила внимание социальным процессам на территории южнорусского региона в конце XVI – начале XVII вв., поскольку здесь был один из центров народного движения 1606–1607 гг. («Восстания Болотникова») [4; 6].

Сегодня тамбовские историки изучают освоение Юга как особой фронтальной зоны [5]. Вопросы социальной истории и поведенческих реакций населения в контексте пограничной ситуации затрагивались в работе А.И. Папкова [13]. Проблемы землевладения на юге России изучаются также Е.В. Камараули, которая основывается в основном на материалах Воронежского уезда [7].

Историей служилого землевладения на Юге России в различных аспектах занимается Д.А. Ляпин [9; 14]. В соавторстве с ним была написана серия статей, посвященных демографическим и хозяйственным вопросам изучаемого региона [10].

Изучаемые уезды начали свое развитие в начале XVII в., и составленные по ним переписные (дозорные) книги 1615 г. зафиксировали первый этап их хозяйственного освоения. Основная методика исследования заключается в комплексном изучении документальных материалов, хра-

¹ Жиров Николай Анатольевич, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (РФ, Елец), к.и.н., zhirov-nikolai@mail.ru.

² Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект № 8–39–20001 мол_а_вед.

нящихся в РГАДА, прежде всего, переписных (дозорных) книг описаний 1615 г³.

На основании анализа документов можно говорить об особой роли в процессе первоначальной колонизации региона семейно-родовых групп мелких помещиков, именовавшихся в источниках «детьми боярскими». Именно они стали основателями первых сельских поселений и на их плечи ложился процесс хозяйственного освоения новых земель [8, с. 241–244].

Первые помещики переселялись на новое место жительства без крестьян, поскольку юридически законный переход крестьян на новые земли был невозможен. В условиях отсутствия крестьян помещики должны были выработать новые формы социальной организации, позволившие им успешно приспособиться к тяжелым условиям пограничной жизни.

Заселение Ливенского уезда началось с освоения территории левого бережья Быстрой Сосны, изобиловавшего лесами и водными ресурсами – мелкими речками и ручьями. С ростом количества населенных пунктов в начале XVII в. в Елецком и Ливенском уездах были образованы по четыре стана в каждом, в которых первоначально находилось всего по несколько поселений. Формирование станов строилось по принципу разграничения отдельных локальных групп сельских поселений, поэтому наличие станов – показатель хозяйственного развития уезда.

Общая структура земельного фонда Ливенского уезда (с учетом земель, закрепленных за жителями слобод крепости Ливны) была следующей: пашня равнялась почти 21 510 четям земли, из которой 17 031 составляла «добрую землю». «Дикого поля» у разных категорий населения в уезде насчитывалось 161 925 четей земли, а всей земли – 183 435. Таким образом, пашня с учетом переложной земли составляла всего 11,8 % от всей площади земель, а «добрая земля» и того меньше – 9,4 %. То есть, почти 9/10 земли, бывшей во владении населения, представляло собой «дикое поле» – не обработанную целину, совершенно не введенную в с/х оборот. Сенокосные угодья также являлись огромными массивами земли – всего 108 614 копен.

Доля «порозжей земли» во всем уезде равнялась 9,5 %. Связано это было с тем, что запустения во владениях слободских жителей зарегистрированы не были, а в Красном и Серболовом станах являлись совсем незначительными.

В Воронежском уезде у детей боярских числилось пашни паханной «доброй земли» почти 1290 четвертей, пашни паханной в перелог 1512 четвертей, а также 48 504 четверти «дикого поля». Таким образом, помещичья пашня занимала всего 1/17 от предоставленного фонда свободных земель, что указывает на сложности освоения целины вследствие нехватки рабочих рук и слабой заселенности. Атаманская пашня, прикрепленная за 4 слободами, распределялась следующим образом: «добрая пашня» – 112 четей, земля паханная «наездом» – 167 четей, дикого поля – 6714 четей [11].

³ РГАДА. Ф. 1209.

Доля порозжих земель в Воронежском уезде составляла 650 четвертей в 4 деревнях, и главной причиной запустения являются набеги «ногайских людей». Итак, всего в Воронежском уезде в 1615 г. было распаханной земли – 1880 четей, перелога и «порозжей» – 2160, дикого поля – 57 604 чети.

О хозяйственном освоении Елецкого уезда могут поведать сведения из писцовой книги 1628 г., так как более ранние документы менее информативны⁴.

Распределение сельскохозяйственных земель по угодьям в Елецком уезде выглядело следующим образом: всей земли – 232 095 четей, в том числе пашни – 62 676 чети, сенокосов – 62 738 копен сена. На долю пахотных угодий приходилось приблизительно 26 % земли, причем большая часть относилась к перелогу, а собственно самой пашни, занятой с/х культурами, было не более 8 %. Земли, находящейся в «диком поле», то есть не введенной в с/х оборот, было почти 169 500 четей или 73 %. Во владении церкви числилось 2490 четей пашни и 1054 копен сена.

Полученные сведения говорят об устойчивом росте распашной обрабатываемой земли на территории исследуемого региона, так как доля «порозжих земель» в Елецком уезде была значительно ниже, чем Ливенском, и равнялась всего лишь нескольким процентам. Таким образом, можно предположить о начале распашки целинных земель «дикого поля» в Елецком уезде в 1620-е гг. и попытке введения их в с/х оборот. Но вследствие различных причин, в первую очередь из-за малочисленности местного крестьянства, данный процесс протекал довольно медленно, и поэтому площадь, занятая под с/х культурами оставалась прежней.

К концу первой трети XVII в. прошел первый этап хозяйственного освоения региона Верхнего Подонья. Изучение данных переписей показывает, что занятие сельским хозяйством и другими видами экономической деятельности проходили в сложных, экстремальных условиях. При этом регион постоянно подвергался татарским нападениям, как крупным, так и небольшим, больше напоминающим разбойные рейды. Кроме несения военной службы служилое население имело целый ряд обязанностей: строительство укреплений, валов, струговое дело, летние и зимние службы (посылка по вестям, патрулирование степи и проч.), государственный оброк («на государев обиход»), сопровождение послов до Азова и обратно, сменная служба в пограничных крепостях, доставка хлеба и овса в пограничные остроги и крепости и т.д. Почти все местные служилые люди несли тягло, выплачивая государству в основном хлебом и незначительную часть – деньгами [12, с. 163].

Катастрофическая нехватка рабочих рук, постоянная военная опасность, лесные массивы и целинная земля («дикое поле») – все это вынуждало первопоселенцев объединяться в сообщества – общины [3]. Община была закономерной формой социальной организации местного «мира», направленная на эффективное освоение окружающего ландшафта. Прежде всего, община была необходима для распашки «дикого поля».

⁴ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 132.

Хозяйственное освоение территории Верхнего Подонья в первой трети XVII в. в территориальных рамках изучаемых уездов являлось процессом, осложненным рядом объективных факторов, одним из которых стала опасность, исходившая из Степи, от крымских татар и ногайцев. Регулярные разорения со стороны степняков мешали местному населению вплоть до середины XVII в. спокойно заниматься земледелием и иными формами хозяйственной деятельности. В местных уездах с самого начала их истории сформировался особый тип служилого землевладения, где преобладал слой мелких собственников (однодворцев) при недостаточной численности крестьян. Община, как основа социальной организации местного населения, была исторически вынужденной мерой, направленной, прежде всего, на эффективную распашку уездных земель.

1. *Багaley Д.И.* Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний. Харьков, 1890.
2. *Багaley Д.И.* Заселение Харьковского края и общий ход его культурного развития до открытия университета. Харьков, 1889.
3. *Благовещенский Н.А.* Четвертое право. М., 1899.
4. *Буганов В.И.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М., 1976.
5. *Жуков Д.С., Лямин С.К., Канищев В.В.* Фронт и фрактал: результаты компьютерного моделирования динамики южно-российского фронта в середине XVII–XVIII вв. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 10 (126).
6. *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений. Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986.
7. *Камараули Е.В.* Динамика землевладения и изменения в персональном составе служилых землевладельцев Воронежского уезда в период от разбора 1621/22 года до писцового описания 1627–1629 годов // История: факты и символы. 2017. № 4 (13).
8. *Ляпин Д.А.* Елецкие дети боярские в конце XVI в. // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества: материалы международной конференции. Тамбов, 2003.
9. *Ляпин Д.А.* Крупное вотчинное землевладение и колонизация земель Верхнего Дона в 30–50-е годы XVII века // Россия-Запад-Восток: Археология. История. Право. Философия. Вып. 22–23 (1–2). Елец, 2013.
10. *Ляпин Д.А., Жиров Н.А.* Динамика социальной организации городов юга России в контексте урбанизации и освоения региона в конце XVI – первой половине XVII вв. // *Filo Ariadne*. 2016. №2.
11. Материалы для истории Воронежской и соседних губерний: Воронежские писцовые книги. Воронеж, 1891. Т. II.
12. *Мацук М.А.* Город Ливны и Ливенский уезд в 1615/1616 году. Сыктывкар, 2001. Ч. II.
13. *Мацук М.А.* Фискальная политика Русского государства и будущие государственные крестьяне Коми края, Севера и Юга России: общее и особенное (XVII век). Сыктывкар, 2007.
14. *Патков А.И.* Порубежье российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). Белгород, 2004.
15. *Скрынников Р.Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985.
16. *Луарин Д.А.* The social composition of the service class and urban population of the south of Russia in 1640–1650-ies // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 41 (3).

Сельские поселения Елецкого уезда в XVII в.: динамика развития и особенности географического расположения²

Сельские поселения; писцовые книги; Елецкий уезд; Юг России.

В статье рассматривается динамика развития сельских поселений Елецкого уезда Засосенского стана в XVII в. Особое внимание уделяется природно-ландшафтно-му фактору. Авторы статьи приходят к выводу о значительном росте количества поселений к концу XVII в.

Процесс хозяйственного освоения Юга России в XVII в. был напрямую связан с развитием сельской округи городов-крепостей. Вокруг большинства из них почти сразу появлялись сельские поселения, а затем происходило и образование уезда [2; 7, с. 160; 10; 12, с. 23]. В 1615 г. были составлены первые платежные (дозорные) книги, зафиксировавшие уездное деление региона на начальном этапе освоения русским населением южных пространств.

На протяжении всего XVII в. процесс хозяйственного развития Юга России не был равномерным: он несколько раз останавливался и затем продолжался вновь. Эта особенность нашла свое отражение в соотношении появления и исчезновения сельских поселений, что наблюдалось на протяжении всего XVII в. Совершенно очевидно, что трудности в хозяйственном развитии были связаны с военными действиями, происходившими на южной окраине регулярно. Особенно катастрофическими по своим последствиям были 1630–1638 и в 1658–1661 гг., когда татарские нападения получили особенно большой размах [3; 14, с. 212; 15].

Военный фактор оказывал существенное воздействие на процесс развития сельской округи городов-крепостей, но, с другой стороны, этот процесс был тесно связан с природно-ландшафтными особенностями конкретной местности [11]. Ранее мы уже останавливались на вопросе о влиянии военных действий (татарских набегов) на развитие сельских поселений Елецкого уезда [8]. Теперь наша задача связана с изучением взаимосвязи динамики развития сельских поселений уезда и особенностей их географического расположения.

В свое время ценные данные по сельскохозяйственному развитию региона в XVII в. собрал и проанализировал В.М. Важинский, выделивший общину однодворцев как важнейший фактор освоения южных уездов [1]. Исследованию служилого землевладения Юга России, главным образом, Воронежского уезда, посвящены статьи Е.В. Камараули [6, с. 101]. Различные аспекты истории южного «фронтального участка» Рос-

¹ Ляпин Денис Александрович, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (РФ, Елец), д.и.н., denis-l@mail.ru; Гайтерова Кристина Геннадьевна, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (РФ, Елец), k43r78i5s@yandex.ru.

² Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 8–39–20001 мол_a_вед.

сийского государства были в центре внимания тамбовских историков [4; 5; 13].

В центре нашего внимания – динамика развития сельских поселений Засосенского стана Елецкого уезда с 1615 по 1691 гг. Для этого мы использовали материалы трех массовых источников: переписной книги 1615 г., платежной книги 1646 г. и писцовой книги 1691–1693 гг.³. Все они были составлены приблизительно через равные промежутки времени, что является очень выгодным для нас, поскольку мы можем увидеть наиболее полно всю картину развития сельских поселений в данном регионе и понять особенности их географического расположения.

Засосенский стан Елецкого уезда получил свое название благодаря месторасположению – за рекой Быстрая Сосна. Он был самым значительным по своим размерам в уезде, однако ввиду специфики расположения большая часть его территории была заселена слабо, либо не заселена вовсе. Основным местом сосредоточения сельских поселений здесь выступал правый берег Дона, в том месте где река делает крутой изгиб. Это был самый значимый в промысловом плане и пригодный для жизни и ведения сельского хозяйства участок Заососенского стана (См. фото 1).

Важно отметить, что размеры и границы Засосенского стана не всегда были одинаковыми. В начале 1640-х гг. часть его территории и четыре поселения отошли новообразованному Чернавскому уезду⁴. В 1660-е гг. небольшой южный участок стана вошел в состав Землянского уезда, а вместе с ним и еще четыре населенных пункта⁵ [9]. Мы учитывали все эти территориальные изменения в нашем исследовании при подсчете общей динамики развития поселений.

Изучение географического расположение сельских поселений показывает, что многие из них были объединены в отдельные группы. Первоначально около 91 % сельских поселений Елецкого уезда были объединены в локальные группы, а в 1691 г. число таких «кластерных» поселений составило 46,7 %⁶.

Расположение сельского поселения, помимо ландшафтно-географических факторов (наличие леса и источника воды), определялось военно-стратегической функцией. Села и деревни находились на важных участках, имеющих оборонительное значение для округа города-крепости, их задача – предотвратить внезапность татарского набега, задержать неприятеля на пути в крепость. Внезапное нападение татар на одно поселение локальной группы позволяло жителям соседних населенных пунктов своевременно принять меры для спасения. В случае нанесения урона всей локальной группе в крепости появлялось время для принятия необходимых военно-оборонительных мер.

Перейдем теперь к непосредственному рассмотрению динамики развития сельских поселений Засосенского стана. В 1615 г. общее число сельских поселений, отмеченных платежной книгой 1615 г., составило 14.

³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 201; Ф. 1209. Оп. 1. Д. 131, 132, 135, 138.

⁴ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 131, 135, 138.

⁵ ГАВО. Ф. 289. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3.

⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 131, 135, 138.

Фотография 1. Изгиб Дона - наиболее освоенный участок Засосенского стана Елецкого уезда в XVII в.

Семь из них представляли собой локальную группу, располагаясь довольно близко друг от друга. Остальные находились в отдалении, но тяготели к правому берегу Дона, где река делала большой изгиб, а на возвышенном участке располагались несколько крупных лесных массивов. Кроме того, в этом же месте находилась переправа на пути из Воронежа в Москву.

Диаграмма 1. Соотношение исчезнувших и появившихся сельских поселений Засосенского стана Елецкого уезда в XVII в.

Данные переписной книги 1646 г. показывают, что с 1615 г. исчезло двенадцать поселений Засосенского стана (эти данные были уточнены нами и по повторной переписи 1620 г., составленной после похода армии гетмана П.К. Сагайдачного в 1618 г.)⁷. Исчезновение очевидно было связано с военными действиями 1630-х гг., развернувшимися на южном пограничье и нанесшими большой вред хозяйственному развитию местных уездов [14, с. 212]. С другой стороны, к 1646 г. в Засосенском стане появилось тринадцать новых населенных пунктов (См. диаграмму 1).

Все сельские поселения, существовавшие в 1615–1646 гг., так или иначе тяготели к водным пространствам, в частности, к небольшим речкам и ручьям, впадающим в Дон. Кроме того, они были привязаны к крупным лесным массивам, которых здесь было достаточно. Большинство новых поселений появилось к 1646 г. на возвышенном участке правого берега Дона, в месте его излучины, о котором мы уже упоминали. Одни стали частью уже существующий здесь локальной группы, другие – образовали две новых группы подобного рода и несколько поселений появилось в отдалении.

⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 132.

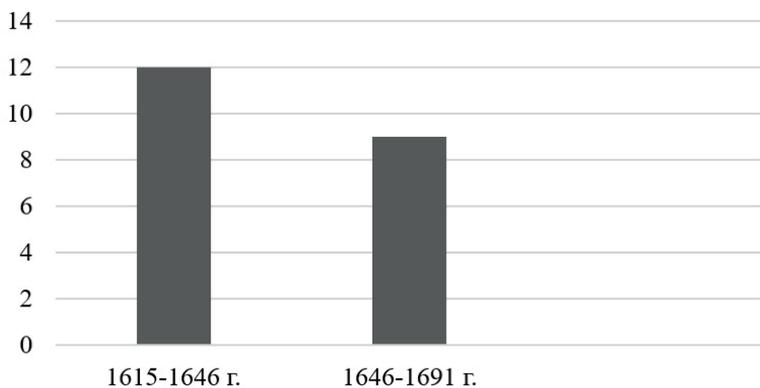

Диаграмма 2. Исчезновение сельских поселений Засосенского стана Елецкого уезда в XVII в.

При сравнении данных писцового описания 1646 и 1691 гг. мы наблюдаем процесс исчезновения одних и появления других поселений. В этот промежуток появилось 39 сельских поселений, а исчезло – 9 (См. диаграмму 2).

Наибольшую устойчивость показали поселения, которые входили в состав отдельных локальных групп, включающих до четырнадцати единиц. Самое крупное сосредоточение поселений подобного рода располагалось под Яковлевским лесом, самым большим лесным массивом Засосенского стана. Этот лес охватывал берега многих малых и больших рек, что, безусловно, являлось очень выгодным для проживания здесь людей и для занятия ими промысловой деятельностью различной направленности. В составе этой группы исчезли два поселения, но на этом же участке лесного массива появилось четыре новых поселения.

Две другие локальные группы заметно тяготели к другим лесным массивам: Сновскому и Дубовскому лесам. Сновский лес начал осваиваться еще в 1615 г., тогда здесь существовали два поселения, к 1646 г. – четыре, а в 1691 г. их было восемь. Все местные населенные пункты располагались по берегам небольшой реки Сновы (правый приток Дона). Как видим, по мере освоения данного региона осваивались и новые водные пространства, важные в промысловом плане, обычно это были мелкие речки и ручьи, являющиеся притоками крупных рек (Быстрая Сосна и Дон).

Что касается группы поселений под Дубовским лесом, то она была небольшой и состояла в 1646 г. всего из одного села и двух деревень. По данным платежной книги 1615 г., этот участок не был заселен. К 1691 г. здесь оставались все те же три поселения. Объяснить это можно тем, что водных ресурсов на территории Дубовского леса было недостаточно, и, вероятно, только военные действия 1630-х гг. вынудили население перейти на эти места, не столь удобные в плане хозяйственного освоения, но защищенные лесным массивом и отдаленные от открытых пространств.

Отметим, что, по нашим наблюдениям, появление новых поселений в 1615–1691 гг. происходило поблизости от уже существующих. Все населенные пункты тяготели к небольшим рекам, ручьям и крупным лесным массивам, но главное – они возникали в пределах уже осваиваемых местным населением территорий.

С 1615 по 1691 г. количество сельских поселений Засосенского стана Елецкого уезда возросло на 80 %, при этом, на 71,4 % оно увеличилось только в промежутке с 1646 по 1691 гг. Этот существенный рост связан, конечно, с оборонительным строительством, происходившим на степном пограничье в это время и защитившим территорию Верхнего Дона от регулярных татарских набегов. Увеличение количества сельских поселений было пропорционально росту численности населения уезда, которое тоже значительно выросло во второй половине XVII в.

1. *Важинский В.М.* Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. Воронеж, 1974.
2. *Глазьев В.Н.* Заселение городов-крепостей Центрального Черноземья в контексте социальной политики российского правительства в конце XVI в. // Столица и провинция: история взаимоотношений. Материалы Шестой региональной научной конференции. Воронеж, 2012.
3. *Глазьев В.Н.* Противоборство в степном пограничье в 20–40-е годы XVII века: русские и татары // Исторические записки Воронежского государственного университета. 2006. Вып. 10.
4. *Жуков Д.С., Лямин С.К., Канищев В.В.* Фронт и фрактал: результаты компьютерного моделирования динамики южно-российского фронта в середине XVII–XVIII вв. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 10 (126).
5. *Жуков Д.С., Лямин С.К., Канищев В.В.* Эвристический потенциал фрактального моделирования процессов включения южнорусского фронта в состав России в XVII – середине XIX вв. // Границы и пограничье в южнороссийской истории Материалы Всероссийской научной конференции. Тамбов, 2014.
6. *Камараули Е.В.* Формирование поселенческой структуры в южных уездах России в первой половине XVII в. (на примере Воронежского уезда) // История: Факты и Символы. 2018. № 3 (16).
7. *Лаврентьев А.В.* Епифань и Верхний Дон в XII–XVII вв. М., 2005.
8. *Ляпин Д.А., Гайтерова К.Ю.* Влияние военного фактора на хозяйственное освоение юга России в XVII в. (на материалах Елецкого уезда) // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 2 (11).
9. *Ляпин Д.А., Гайтерова К.Ю.* Специфика распределения пограничных земель на юге России во второй половине XVII в. (на примере Елецкого и Землянского уездов) // Гуманитарные исследования Центральной России. 2018. № 3 (8).
10. *Ляпин Д. А., Жиров Н. А.* Численность и размещение населения Ливенского и Елецкого уездов в конце XVI – начале XVII веков // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2013. Вып. 3.
11. *Ляпин Д.А.* От крепостей к городам: повседневно-бытовые и поведенческие модели населения южнорусской крепости конца XVI в. // История: Факты и символы. 2016. № 2.
12. *Мацук М.А.* Город Ливны и Ливенский уезд в 1615/16 году. Сыктывкар, 2001. Ч. 1.
13. *Мизис Ю.А., Каценко С.Г.* Проблема формирования русского фронта на юге России в XVI – первой половине XVIII в. в отечественной историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История.

2011. № 1.

14. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948.
15. *Петрухинцев Н.Н.* «Разрядная» военная реформа Алексея Михайловича и ее влияние в 1658–1660 гг. на южные служилые «города» России (по материалам городов Липецкого края) // История: Факты и символы. 2018. № 3 (16).

Ю.А. Мизис¹

Обеспечение служилых людей обмундированием, снаряжением и оружием на юге России в XVII в.²

Служилые люди; крепости; пушки; стрельцы; пушкарки.

В статье рассматривается процесс формирования гарнизонов южнорусских уездов служилыми людьми в XVII в. и обеспечение их за счет государства амуницией, огнестрельным оружием, боеприпасами, одеждой и лошадьми.

В связи со строительством новых городов на южной границе России после 1635 г. и возведения Белгородской, Тамбовской и других оборонительных линий начался процесс быстрого набора в местные гарнизоны служилых людей разных категорий и военных специальностей: стрельцов, сторожевых, полковых, городских казаков, пушкарки, детей боярских, а затем солдат, драгун и рейтар. Абсолютное большинство из них были беглыми, выходцами из крестьянской среды или неимущих посадских людей. Встречались бывшие служилые люди, которые в смутное время подписали кабальные грамоты. Естественно, все они не имели своего оружия, боеприпасов, амуници и даже лошадей. Хотя по существовавшим правилам коня и амуници служилые люди в России должны были приобретать себе сами, за счет полученных земельных наделов и денежного жалования, что в основном касалось конных воинов, однако в некоторых уездах, как Козловском, численность детей боярских достигала 70 % всех жителей и они без поддержки государства не могли позволить себе купить все необходимое для службы [3, с. 188].

Воеводы новых городов вели обширную переписку с московскими приказами о присылке строителей из соседних уездов. Они должны были прибыть на сборный пункт полностью экипированными: с рогатиной, пищалью и двумя пудами «зелья» ружейного, фунтом свинца для пуль, топором и телегой с лошадью. Специалистов пушкарского дела, плотников и казенных кузнецов для нового города поставляли Переяславль-Рязанский, Рязск, Сапожок, Шацк и Пронск.

Пушкарский приказ сразу озаботился присылкой в города артиллерии, ядер, запаса пороха и свинца. Так, тамбовский гарнизон располагал значительным нарядом. Первые 8 пушек и 20 затинных пищалей с запасом боеприпасов из Пушкарского приказа направили еще в 1636 г. Среди

¹ Мизис Юрий Александрович, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (РФ. Тамбов). д.и.н. umizis49@yandex.ru.

² Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 180900313 А.

них упоминалась пищаль вестовая, то есть для подачи сигналов. Требовалось прислать 20 пуд. «зелья пушечного», 40 пуд. «зелья пищального» и свинец для ружейных пуль. К 1665 г. в Тамбове уже насчитывалось 31 орудие разных калибров и 20 затинных пищалей. Основная часть пушек концентрировалась в кремле (21 орудие) на угловых башнях и у проезжих ворот. В каждом городе имелись пороховой погреб и пушечный амбар, для хранения пороховых запасов, пушек, ядер и свинца. Здесь же размещался казенный амбар с запасами ружей – мушкетов [2, с. 29–31, 37].

Таким образом, центральные органы полностью обеспечили материальную базу строительства. Такая же история происходила и со строительством Козлова. При сооружении Козловского земляного вала в 1636 г. одновременно трудилось 950 служилых людей из 10 южных городов. Служилые люди должны были явиться на строительные работы с ружьем, рогатиной, топором, лопатой и шестинедельным запасом продуктов, так как каждые шесть недель производилась их замена. Для земляных работ Разрядный приказ послал из Москвы в Козлов заступы и лопаты.

В южных городах формировался стрелецкий гарнизон. Требование Разрядного приказа записывать в стрельцы «прожиточных и семьянистых» воеводы выполнить не могли из-за отсутствия предложений. Стрелецкая служба на юге России зачастую являлась и формой наказания за различные правонарушения. Например, в сентябре 1651 г. группу служек московского Чудова монастыря обвинили в различных правонарушениях и приговорили к вечной ссылке в новые города по черте. Среди них был и сторож монастыря Лунка Тимофеев. Его обвинили в краже 100 руб. монастырских денег, пытали и приговорили к вечной ссылке в стрельцы г. Козлова³. Стрельцов всех поголовно обеспечивали оружием, амуницией и сукном на кафтаны [5, с. 47–50]. Из смет служилых людей видно, что двое из трех стрельцов были вооружены казенным оружием. Большинство казаков также имели ручное огнестрельное оружие. Важной задачей воевод и голов оставался контроль за использованием ружей и казенных боеприпасов к ним. Местное население часто отлучалось на охоту, уходя даже за черту, не спрашивая особого разрешения у воеводы или своего головы. Разрядный приказ постоянно напоминал воеводам требования контроля за использованием государственных боеприпасов только на военные цели, что говорило о случаях их применения местными служилыми людьми для охоты.

Наличие оружия в домах на южной границе стало также обычным явлением в южнорусских уездах. Огнестрельное и холодное оружие становилось гарантом выживания в моменты внезапных нападений кочевников. Его брали с собой даже во время сельскохозяйственных и промысловых работ. Поэтому огнестрельное оружие имелось не только у служилых людей, но и у многих крестьян. Дворцовых крестьян Верхоценовской волости Тамбовского уезда в первые годы функционирования крепости использовали для охраны границы и преследования кочевников. Многие из них имели ружья и своих лошадей. Тамбовские воеводы отмечали отличившихся в таких походах местных крестьян. Цена на пищаль в первой

³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 190. Л. 47–48.

половине XVII в. колебалась в районе 1 руб., что в целом было доступно многим местным жителям, попутно с земледелием занимавшимся бортным промыслом и охотой. Помимо огнестрельного оружия на рынках южных городов шла продажа пороха и свинца для пуль [4, с. 508–509, 786–787].

Считая себя военными холопами русского царя, служилые люди в экстремальных ситуациях позволяли себе обращаться на имя государя с просьбами о помощи. Это могла быть челобитная о приобретении оружия, амуниции, отрезов сукна на кафтан и даже лошади в случае ее утраты во время военных действий. Такие челобитные позволяли себе особенно отличившиеся по защите государевых рубежей. Во время военных походов на границу и столкновений с татарами служилые люди теряли лошадей и по возвращению обратно обращались в приказы на имя царя, прося лошадь из государевых запасов или компенсацию деньгами. Так рязшанин С.И. Германов в своей челобитной на царское имя перечислял свои подвиги и материальные потери⁴. Он в 1642 г. находился на государственной службе в Козлове и принял участие в походе на татар под руководством головы С. Ушакина. На р. Татарке во время боя с противником убил татарина и потерял коня. В 1645 г. во время похода и боя с противником на р. Токае он снова сумел убить татарина, что дало ему повод попросить увеличить поместный оклад землею и деньгами, а также компенсировать потерю лошади. Подобных просьб только за битву на р. Токае было несколько⁵. Группе козловских черкас, переведенных при строительстве города из Корочи, участников этой битвы за убитых противников и потерю своих лошадей выдали компенсацию по 4 руб. за лошадь и по 1 руб. за убитого татарина.

Формирование солдатских полков на юге России пришлось на период Русско-польской войны за Украину [5, с. 40–46]. Так указ о создании Тамбовского полка воеводы получили 24 марта 1659 г. Его штатный состав определялся в 1600 человек. Набирать в солдаты рекомендовалось «с тонбовцев служилых и жилецких со всяких чинов людей и Тонбовского уезду с Верхоценовской волости с крестьян детей и братьев их, и племянников, и зятьев их, и внучат, и захребетников» и некоторых сел Шацкого уезда⁶. Им давали по 7 руб. за службу. Солдаты полностью вооружались за казенный счет. В 1659 г. Разрядный приказ прислал в Тамбов 1443 мушкета, 1600 лядунок, ружейные фитили, бандельеры, знамена и барабаны⁷. В 1668 г. из Разрядного приказа для тамбовских солдат поступило 1118 руб., 13 алтын и 8 денег на пошив 592 кафтанов.

В 1658 г. в Тамбове были сосредоточены значительные воинские силы, связанные с русско-польской войной. В Тамбов послали стольника, князя Александра Лобанова-Ростовского «для бережения от приходу

⁴ Там же. № 560. Л. 184.

⁵ Там же. Л. 235–237.

⁶ Там же. № 951. Л. 117.

⁷ Там же. Л. 263–265; Стб. Белгородского стола № 459. Л. 113. Лядунка – сумка для патронов и пороха; бандельер, по-русски берендейка, – кожаный ремень для ношения оружия.

воинских людей», а так же дополнительно к местным гарнизонам 87 поллевенских, 100 рязских и 20 шацких драгун⁸. Козловский воевода В. Лихарев переходил в подчинение к новому воеводе, ему вменялись обязанности присылки козловских воинских людей для помощи А. Лобанову-Ростовскому. В Тамбов в сентябре 1658 г. выслала большое количество оружия и боеприпасов: 20 пуд. ручного пороха, 2 тысячи кремней для ружей, 30 пуд. свинцу для пулек⁹. Из Новгородского стола Разрядного приказа в Тамбов отправили 8 сотенных знамен «киндячных, разными цветами». Из Рязани воеводе О.В. Наумову было приказано отправить А. Лобанову-Ростовскому мушкеты для вооружения тамбовских солдат.

Особое внимание правительство уделяло оснащению полков действовавших в военное время на театре военных действий. Так во время русско-турецкой войны, получив известия о возможном крупном приходе татар под Тамбов, Боярская дума специальным указом от 12 июля 1680 г. перебрасывало часть войска известного русского полководца К.О. Щербатова, действовавшего на Украине, в район Козлова и Тамбова¹⁰. Это был конный полк стольника К.П. Козлова и солдатский полк полковника В. Шварта. В полки к К.О. Щербатову из московской Оружейной палаты направили дополнительное оружие 590 карабинов и 1090 пистолей рейтарского строя, 1361 мушкетов и 4563 бердыша солдатского строя, 16 полковых пищаей разного калибра¹¹.

В это же время в Козлов отправили большой запас ружейного и пушечного зелья и свинца. С учетом опыта Чигиринских сражений, когда турецкая армия широко применяла гранаты, было предложено выслать запас гранат и устроить «гранатные стрельбы». В 7 полках Тамбовского разряда выдавали по одной гранатной пищали в 3 или 2 пуда на полк. К ним прилагалось по 150 ядер, гранатчик с одним учеником. На 1 полк выдавалось по 1000 ручных гранат. Таким образом, на весь Тамбовский разряд выделяли 7 гранатных пищаей, 1050 ядер и 7000 ручных гранатных ядер, 4 гранатчика и 7 учеников. Из Москвы с оружием и боеприпасами вместе с гранатчиком Федором Савельевым были посланы 3 пуда селитры, 2 пуда 50 гривеннок серы, а также камфара, воск и другие материалы. Из вышеизложенного ясно, что местные вооруженные силы готовили к большой войне с Турцией.

Таким образом, видно значительное внимание на протяжении всего XVII в. правительства России к вооружению и оснащению служилых людей в южнорусских пограничных городах. Милитаризация жизни и повседневности объяснялась постоянной военной угрозой со стороны кочевников. Шло централизованное снабжение не только артиллерией, но и ручным огнестрельным и некоторыми видами холодного оружия. Накануне крупных военных событий присылались и пополнялись запасы пороха, пуль и другие необходимые материалы. Правительство стремилось

⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 302. Л. 27.

⁹ Там же. Л. 22–23.

¹⁰ Там же. Стб. Белгородского стола. № 301. Л. 11–23; № 950. Л. 113–114, 131, 494–496; № 1301. Л. 310–325.

¹¹ Там же. № 1000. Л. 57, 92–94, 167–171, 185, 217–259.

унифицировать внешний вид местных служилых людей периодически посылая им деньги или отрезки сукна на кафтаны.

1. *Загоровский В.П.* Изюмская черта. Воронеж, 1980.
2. *Лаврентьев А.В.* Епифань и Верхний Дон в XII – XVIII вв. Очерки из истории русской крепости на Куликовом поле. М., 2005.
3. *Мизис Ю.А.* Заселение Тамбовского края в XVII–XVIII веках. Тамбов, 1990.
4. *Мизис Ю.А.* Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. Тамбов, 2006.
5. *Романов М.Ю.* Стрельцы московские. М., 2004.

В.Н. Глазьев¹

Порядок назначения городовых воевод южного пограничья во второй половине XVII в. (по материалам Разрядного приказа)

Россия; XVII в.; южное пограничье; управление; воеводы; Разрядный приказ.

Статья посвящена изучению процедуры назначения воевод в города России XVII в. Рассматриваются основания для назначения: служба претендента на назначение и его родственников, материальное положение соискателя должности. Изучаются документы, которые составлялись при назначении воевод.

В XVII в. Разрядный приказ производил назначение в подведомственные ему города и уезды воевод, приказных людей, стрелецких и казачьих голов, подьячих «с приписью». Эта процедура получила документальное оформление в делах об определении на должности местного управления.

Документы о назначениях должностных лиц местного управления сохранились в составе «воеводских» столбцов, относящихся к определенным годам. В столбце объединялись документы, относящиеся к определенному региону и периоду. Например, столбец 471 Белгородского стола содержит назначения воевод с 1661/62 г. по 1667/68 г. в города Белгородского разряда. В столбце № 205 Белгородского стола объединены дела о назначениях воевод в 1675–1676 гг. в города Белгородского разряда.

Дело начиналось, как правило, с челобитной служилого человека об «отпуске» в тот или иной город воеводой, приказным человеком, стрелецким или казачьим головой. Для обоснования своей просьбы служилые люди в челобитных сообщали о себе следующие сведения: одним из важнейших оснований для назначения воеводой, приказным человеком или головой являлась служба. Челобитчик отмечал год начала службы, участие в дальних походах, выполнение важных правительственных поручений. Проситель должности сообщал о полученных им ранах в боях, пребывании в плену. В челобитных служилые люди приводили сведения о своих родственниках. Отмечались их длительная служба, раны, гибель в боях, пребывание в плену. Термин «родственники» понимался весьма

¹ Глазьев Владимир Николаевич, Воронежский государственный университет (РФ, Воронеж), д.и.н., bob60_12@mail.ru.

широко. К их числу относили дедов и отцов, родных и двоюродных братьев, племянников, сыновей.

Как правило, в челобитной о назначении приводилось несколько оснований. Подполковник солдатского строя Г. Спешнев был ранен в боях несколько раз: на приступе под Черковым «ушиблен в груди каменем», на р. Серете ранен саблей по правой руке, под Конотопом ранен из пистали в голову. На том же бою под Конотопом был убит брат челобитчика Д. Спешнев, а также убито 6 дядей и племянников. 27 октября 1662 г. Г. Спешнев был назначен воеводой Корочи².

Служба в качестве воевод, приказных людей, стрелецких и казачьих голов считалась «корыстной», т.е. позволяла улучшить материальное положение служилого человека. Поэтому аргументом в пользу назначения челобитчика могло выступать то обстоятельство, что ранее подобные должности он не занимал: «у дел нигде не был», «на воеводствах и ни у каких *корыстных* дел не бывал», «в *пожиточных* городах воеводою не бывал», «на воеводствах и на приказах нигде не бывал». Челобитчики приводили сведения о своем стесненном материальном положении: «поместья и вотчины за мной небольшие».

Жилец Д.М. Фуников сообщал, что во время боя в 1661 г. он упал иррубленный саблями, с него сняли одежду и оружие, увели коня, ущерб составил более 50 руб. «И ныне мне служить не чем и не на чем, поместьецо за мною небольшое, всего два бобыля и те разорены». Челобитчик был назначен воеводой в Коротояк³.

В конце XVII в. участились ситуации, когда несколько служилых людей претендовали на одну должность. Как видно по документам, челобитчики знали о вакантных местах. 15 апреля 1694 г. ливенский рейтар С.Б. Алехин в челобитной о назначении коротояцким стрелецким и казачьим головой отметил, что «ныне на Коротояке у стрельцов и казаков головою никого нет». С.Б. Алехин был назначен коротояцким головой 30 апреля 1694 г. 8 мая 1697 г. капитан солдатского полка Л.Н. Роговский просил отправить его в Коротояк стрелецким и казачьим головой, потому что прежний голова бежал из Коротояка. 16 мая 1697 г. Л.Н. Роговский был определен в коротояцкие стрелецкие и казачьи головы⁴. Служилый человек мог подать несколько челобитных одновременно о назначении в разные города. Добываясь назначения, служилые люди приводили компрометирующие соперников сведения.

На обороте челобитных ставилась помета с указанием даты подачи челобитной и распоряжение об оформлении выписки. Выписка – развернутая справка, заполненная в Разрядном приказе. Составители выписки обращались к *записным книгам Московского стола всяких дел, годовым сметным ростисям*, где содержались сведения о том городе, куда просили назначения служилые люди. Разрядные подьячие отмечали: кто и с какого срока находится там на воеводстве, какого числа и месяца истекает двухлетний срок его пребывания в должности, высчитывали время с мо-

² РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Д. 471. Л. 1, 1 об.

³ Там же. Л. 27.

⁴ Там же. Д. 1395. Л. 336; Д. 1694. Л. 44–47.

мента составления выписки до этой даты. Затем сообщалось о численности в том городе служилых людей полковой и городской службы.

Следующая часть выписки посвящалась проверке сведений, сообщенных в челобитных. Для этого привлекались различные документы, в частности, просмотренные списки военных походов, записные книги раненых. При составлении выписки присутствовал челобитчик, часть сведений записывалась с его слов. Так, 25 февраля 1694 г. ливенский копейщик Аким Дементьевич Ковелин подал в Разряд челобитную о назначении воеводой в Верхососенск. В просмотренном списке Львовского похода 1656 г. подьячие обнаружили в числе убитых Степана Дементьевича Ковелина, в просмотренном списке Черниговского похода 1668 г. в числе взятых в плен Ивана Дементьевича Ковелина. Родство подтверждал сам проситель: «А по сказке челобитчика Акима Ковелина, что Степан и Андрей ему братья родные»⁵.

Устными показаниями челобитчика в Разряде ограничивались в том случае, если он служил в полках нового строя и сведения о его службе находились в другом приказе. Рязанец рейтар И.П. Немтинов, подавший челобитную о назначении в Карпов стрелецким и казачьим головой, подал сказку о службах в Разряд, но проверить ее там не смогли, потому что «он службою ведом в Рейтарском приказе»⁶. В дополнение к челобитной соискатели должности представляли росписи своих служб. При подведении итогов подсчитывалось их число для того или иного челобитчика.

В состав выписок включались коллективные челобитные жителей городов и уездов о должностных лицах местного управления (подлинники или копии). Они имели прямое отношение к рассматриваемому вопросу. В совместных прошениях содержались просьбы продлить срок пребывания в том или ином городе должностного лица. Например, в 1694 г. ливенцы «всем городом и уездом» ходатайствовали об оставлении воеводы В.С. Жемайлова на третий год⁷.

В коллективных челобитных, как правило, приводились следующие аргументы: воевода, приказный человек или голова «с великим радением» выполняет «государевы» поручения; бескорыстно, «безволокитно», «в правду» решает «челобитчиковы» дела. «А обиды и налог никаких нам... и крестьянишкам нашим от него... нет», «никакова разорения и убытков не чинит». И, наконец, личная характеристика: «Человек доброй и нам всем годен», «человек он доброй и живет смирением». Наличие коллективной челобитной, как правило, оказывалось весомым аргументом за или против того или иного должностного лица. Совместные требования с мест в значительном числе случаев удовлетворялись.

Составленная выписка передавалась для рассмотрения руководителю Разряда. Срок вынесения решения не нормировался. 31 января и 2 февраля 1698 г. Е.Д. Арсеньев и воронежец Л.Н. Полазов подали челобитные о назначении в Талицкий. Выписка по их челобитным была «положена на стол», но до 6 октября 1698 г. распоряжения не было. Тем вре-

⁵ Там же. Д. 1395. Л. 333.

⁶ Там же. Д. 1694. Л. 235.

⁷ Там же. Д. 1395. Л. 304–309.

менем Л.Н. Полазов подал другую челобитную и был направлен в Елец стрелецким и казачьим головой¹. Челобитчик должен был хлопотать о вынесении решения – «ходить за выпиской». Если он этого не делал, выписка без решения передавалась в архив. До 3 февраля 1681 г. воронежец Василий Титов подал челобитную о назначении воронежским стрелецким и казачьим головой. На это же место претендовал курский есаул Е. Звягинцев. В деле есть помета о том, что В. Титов «за выпиской не ходит. И та его выписка снесена с иными выписками, которые бьют челом на Воронеж к стрельцом в головы». Поэтому на должность был определен Е. Звягинцев².

Дело завершалось распоряжением о назначении на должность, содержащимся в помете и указной грамоте. Формулировки обоснования: «за его службы», «за многие службы отца и родственников и за его службы», «за службу и за смерть сродников его». Руководители Разряда предписывали выдать назначенному на должность подробную инструкцию – наказ и грамоту о расписке с его предшественником. Как правило, новый начальник занимал свой пост после того, как его предыдущий отслужит в городе 2 года: «в тот город отпустить в то время, как прежнему воеводе срок дойдет». Но в некоторых случаях (если должность пустовала) срок вступления в нее не определялся, назначенный должен был сразу приступить к своим обязанностям. Указ о назначении записывался в Разряде в соответствующую книгу.

При сравнении документов о назначениях воевод 1660–1670-х гг. и документов 1690-х можно сделать предварительное наблюдение о том, что в конце XVII в. число претендентов на посты местного управления увеличилось, возникли своеобразные «конкурсы», когда несколько человек соперничали при определении на одну вакансию. В конце XVII в. процедура назначения усложнилась, что отразилось в делопроизводстве. В частности, аргументом в пользу назначения стали коллективные челобитные населения.

О.В. Скобелкин³

Хлебные запасы в городах южного фронта в 1676/77 году⁴

Южный фронт; хлебные запасы; XVII век.

В статье анализируются данные годовой сметной книги 185-го года о количестве зерна, круп, муки, толокна и сухарей в хранилищах городов Белгородской черты и городов «за чертой».

В фонде Разряда РГАДА среди «Книг Белгородского стола» отложились так называемые «Годовые сметные книги городов, ведавшихся Бел-

¹ Там же. Д. 1310. Л. 39–397.

² Там же. Д. 981. Л. 125.

³ Скобелкин Олег Владимирович, Воронежский государственный университет (РФ, Воронеж), д.и.н., olegskob@mail.ru.

⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта 18–09–00313 А.

городским столом». Это название, данное архивистами XIX в., не вполне корректно; правильное их было бы назвать годовыми сметными книгами городов Белгородского полка.

Сохранилось 26 таких книг; самая ранняя относится к 1667/68 г., самая поздняя – к 1702 г. Каждая из книг представляет собой переписанные, отредактированные и переплетенные в единый том (в отдельных случаях – в два тома) отчеты воевод и приказных людей о состоянии городов (эти отчеты назывались либо так же – годовыми сметными книгами, либо годовыми сметами). В разных книгах сохранилось различное число отчетов, в силу чего объем их различен – от 329 до 2867 листов. Все отчеты составлены по единому плану, имеют почти одинаковую структуру, а содержащийся в них набор сведений чрезвычайно широк.

В то же время, исследователи крайне редко обращались к этому виду делопроизводительной документации, а если обращались, то почти исключительно для получения информации о городских укреплениях [1, с. 79, 84, 163, 180–181 и др.].

Одним из обязательных пунктов воеводских отчетов была информация о наличии и объемах хлебных запасов в городе. Для анализа этой информации была привлечена одна из наиболее полных сметных книг, относящаяся к 7185 (1676/77) г.⁵, содержащая данные о 55 из 64 городов Белгородского полка (о количестве городов Белгородского полка в «185-м» г. см.: [2, с. 75–76.]). Географически исследование охватывает все города Белгородской черты (25 городов⁶) и города, расположенные «за чертой» (14 городов), большинству из которых вскоре предстояло стать крестьями Изюмской черты.

Из 39 городов в 21 городе в 1676/77 г. хлебных запасов не хранилось. Это были Ахтырский, Боровлянский, Белоколодск, Богодухов, Большкля, Валки, Городное, Добрый (Доброе Городище), Змиев, Колонтаев, Красный Кут, Мояцкий, Мурафа, Новый Оскол, Олешня, Орлов, Салтов, Сокольск, Усмань, Харьков и Царев-Борисов. Среди этих городов есть города как «по черте», так и «за чертой»; как центры уездов, в которых были села и деревни, так и «пригороды».

В остальных 18 городах хлебные запасы на момент составления воеводских отчетов были, и сведения о 17 из них содержатся в сметной книге. Исключение составлял лишь Белгород, по сути, главный город огромного региона.

В Белгороде, в отличие от большинства других городов, был огромный комплекс для хранения зерна и иных запасов, названный в книге, впрочем, стандартно – житенный двор. Это был дубовый острог, длина которого по периметру составляла 129 сажень, а высота стен – 2. Имелись двустворчатые ворота с железным замком, а рядом с воротами в стене была сделана «фортка». Внутри огады, помимо трех амбаров, «где кладетца государева свинцовая казна и всякое ружье», и двух соляных

⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97.

⁶ По традиции Разряда, Боровля, Олешня и Ахтырский отнесены к этим городам, хотя В.П. Загоровский убедительно показал, что все они находились вблизи Белгородской черты, но не на ней [1, с. 164–169].

амбаров, располагались 23 житницы. Они и были основным хранилищем хлебных запасов. Однако в предшествующем, «184-м» г., на житенном дворе появились новые строения: были построены крытые лубом «сарай», в длину – 27,5 сажень и в ширину – 3. Сарай предназначались для экстраординарного мероприятия: там разместили хлебные запасы, присланные из городов Севского полка, а предназначались они «для Крымского походу»⁷.

Несмотря на такое подробное описание житенного двора, о том, чего и сколько там хранилось, в белгородском отчете говорится весьма своеобразно. Там помещено пространное, с пересказом грамот из Москвы, описание организации сбора и приема хлебных запасов «в крымский промысл... ратным людем на корм» в первой половине 1676 г. В нем упоминается, по отчетности разных приемщиков, 8 742,5 + 1155 четей крошенных сухарей + севских 277 ч. + лежалых 1 тыс. + затхлых и гнилых 1760 ч. + толокно лежалое 150 + затхлого и кислого 450 ч. «И те хлебные запасы не мерены, потому что из житниц и из онбаров переместить негде. А по скаске целовальников... те хлебные запасы у них налицо в целости»⁸. Что же касается основных, не экстраординарных, запасов, которые формируются за счет ежегодного сбора четверикового хлеба, то о них в разрядной избе «не ведомо», «а ведомы те запасы в Приказе денежного и хлебного сбору, и те наличные хлебные запасы написаны в росписном списке... и тот список послан к великому государю к Москве» в октябре 1676 г. Кроме того, данные о сборе и запасах четверикового хлеба содержатся в приходных и расходных книгах, которые «посылаютца из Белагорода к великому государю к Москве в Розряд ежегод ис Приказу денежного и хлебного сбору»⁹. Иначе как отпиской (в современном значении слова) эту информацию трудно назвать.

Для представления масштабов белгородских хлебных запасов, осенью 1684 г., когда были представлены данные, а не отписка: в городских житницах хранилось 1710 четей ржи, 1823 чети овса и чуть больше полутора четей овсяных круп¹⁰.

Все данные о запасах в остальных городах приведены в Табл. 1. Нецелые числа округлены до меньшего значения.

При этом нужно иметь в виду несколько моментов.

Во-первых, в отчетах ряда воевод и приказных людей отмечено, что хлебные запасы целиком или частично пришли в негодность: в Болховом «тот запас лежит... в житницах со 173-го году, вперед в запас на еду людем не годитца – излежался»¹¹; в Хотмышке «сухори и крупы, и толокно излежалось, в запас не годятца»¹²; в Короче «и греча, и проса погнило, потому что зборов давних годов»¹³; в Валулке, помимо учтенного запаса,

⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 53об.–54об.

⁸ Там же. Л. 67 об–68.

⁹ Там же. Л. 67–68 об.

¹⁰ Там же. Кн. 130. Л. 239.

¹¹ Там же. Кн. 97. Л. 497.

¹² Там же. Л. 558.

¹³ Там же. Л. 720.

было еще и «гнилова запасу в 33-х кулях, а сколько чети и какой, того... не написано»¹⁴.

Во-вторых, в некоторых городах запасы формировались не только за счет собственных ресурсов: в Карпове, помимо местной овсяной крупы, хранилось чуть более 20 четей «круп овсяных курские присылки»¹⁵; в Короча часть ржи, гречи и пшеницы, вся ржаная мука, все пшено и весь ячневый солод были осенью 1670 г. присланы из Острогожска, где их конфисковали на мельнице казенного организатора проразинского мятежа черкасского полковника Ивана Дзиньковского¹⁶.

В-третьих, рожь, хранившаяся в Острогожске, названа рожью «беглых черкас». Скорее всего, она предназначалась для выплаты натурального жалования очередным переселенцам, но те, по каким-то причинам передумали обосновываться на новых местах и ушли, не успев получить положенное.

В-четвертых, в Острогожске был учтен «мельничный сбор» – судя по всему, натуральная оплата за помол на казенной мельнице. Он включал в себя рожь, солод, пшеницу, гречу и пшено. В книге для каждой составляющей этого сбора объемы не указаны, а приведен его общий объем.

В-пятых, для Коротояка и Воронежа не указано зерно, из которого были сделаны крупы хранились крупы, и в Коротояке толокно и крупы были учтены вместе.

И наконец, любопытная подробность хранения хлебных запасов встречается в отчете из Карпова: там из государевых житниц давали хлеб в займы – «на карповцах по заемным памятям» числилось 68 четей ржи и 9,5 четей овса¹⁷.

Таб. 1. Хлебные запасы в 1676/77 г.¹⁸

		рожь	овес	толокно	крупы	сухари	греча	просо	пшено	пшеница	ячмень	солод	мельнич- ный сбор
1	Болховой	47м	—	23	23о	—	—	—	—	—	—	—	—
2	Карпов	80	80	—	35о	—	—	—	—	—	—	—	—
3	Хотмышск	—	—	21	21о	20	—	—	—	—	—	—	—
4	Вольный	209м	60	91	92 ¹⁹	58	—	—	—	—	—	—	—
5	Нежегольск	16	15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
6	Короча	349 ²⁰	—	—	—	—	40	15	4	7	—	47я	—
7	Яблонов	608	98	—	—	20	18	—	—	—	—	—	—
8	Верхососенск	—	27 ²¹	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
9	Усерд	—	34	—	—	—	—	50	—	—	—	—	—

¹⁴ Там же. Л. 1357.

¹⁵ Там же. Л. 528.

¹⁶ Там же. Л. 720 об. О событиях в Острогожске и роли в них И. Дзиньковского см.: [3].

¹⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 528.

¹⁸ Условные обозначения: м – мука, о – овсяная, я – ячневый.

¹⁹ 35 четей овсяной и 57 четей гречневой.

²⁰ Включая 57 четей ржаной муки.

²¹ «Что не донето в донской отпуск» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 806.).

10	Ольшанск	545	812	—	—	—	—	—	—	—	—	—
11	Острогожск	76	340	—	—	—	5	—	—	3	7	269 ¹
12	Коротояк	15м	—	230		—	—	—	—	—	—	—
13	Урыв	25	15	—	—	—	—	—	—	—	—	—
14	Воронеж	1191м	4227	1216	1117	—	—	—	—	—	—	—
15	Костенск	7	200	—	—	—	—	—	—	—	—	—
16	Валуйка	537	965	30	30о	30	—	—	—	—	—	—
17	Чугуев	164	164	—	—	—	—	—	—	—	—	—

1. *Загоровский В.П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969.
2. *Новохатко О.В.* Разряд в 185 году. М., 2007.
3. *Скобелкин О.В.* Разинские атаманы в Воронежском крае // Классовая борьба и революционное движение в Воронежском крае. Воронеж, 1983.

Н.Н. Петрухинцев²

Военные и социальные структуры «черкасских» городов Белгородского разряда в 1679–1680 г.³

Города «за чертой»; Слободская Украина; служилые города; XVII в.

В статье исследуется военная и социальная структура городов «за чертой» в 1679–1680 гг. Показано, что эти города, значительную часть населения которых составляли украинцы, уже в первое полувековье своего существования в XVII в. составляли особую типологическую группу, кардинально отличающуюся от служилых «городов» других регионов России.

В ходе военных реформ Алексея Михайловича, за три десятилетия, прошедшие со времени составления «Сметы 1651 г.», подытожившей итоги развития военной организации на основе традиционной поместной системы, на юге России появилась целая группа новых городов. Она составила основу группировки городов «за чертой», опирающейся на линию укреплений Белгородской черты и врезающейся в степь клином, образуемым слиянием Северского Донца и Оскола с их притоками.

Лишь единицы из них возникли на исходе первой половины XVII в. или ранее (Чугуев на рубеже 1638/1639 гг.; Валки в 1646 г.; особняком стоят основанные еще в 1599 г. Валуйка и надолго запустевший после Смуты Царев-Борисов). Основная масса этих городов возникла уже во второй половине XVII столетия.

Города эти значительно отличаются и типологически от городов «по черте».

В большинстве своем – это «черкасские» города, ставшие результатом целенаправленной правительственной колонизации этой части территории Российского государства украинцами, активно развернутой с начала 1650-х гг. и ускоренной вхождением в 1654 г. Украины в состав России

¹ «Ржи и солоду, и пшеницы, и гречи, и пшена» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 885.).

² Петрухинцев Николай Николаевич, Липецкий филиал РАНХиГС (РФ, Липецк), д.и.н., nicpetrukhintsev@ya.ru.

³ Статья подготовлена в рамках реализации гранта РФФИ № 17–01–00389/а.

и начавшейся в связи с этим русско-польской войной 1654–1667 гг., а также последующей «руиной».

Именно это и обусловило их типологические отличия от традиционных русских служилых городов и городов «по черте». Эти города стали базой для «слободских» украинских полков и основой формирования территории будущей Слободской Украины, а потому не могли не нести в своей внутренней структуре отпечатков их особого статуса, связанного с режимом льгот и привилегий, предоставленных украинским поселенцам.

Однако города эти находились в административном подчинении Белгородского разряда и рассматривались как часть его территории, что отражалось и на их внутренней организации – они были подчинены контролю русских воевод, распространявшемуся прежде всего на «черкас»-украинцев «городовой службы», организация которой сохраняла и ряд традиционных черт, присущих русским городам Белгородского разряда.

Все это в значительной степени отразилось в их внутренней структуре в кризисный период кульминации русско-турецкой войны 1673–1681 г., связанный с последствиями второго решающего Чигиринского похода 1678 г. Исключив относящуюся скорее к «старым» городам Валуйку, мы рассмотрим категории служилых людей большей части этих городов (23 города) по материалам сметных книг «188 г.» (1679/1680 г.)⁴. На их базе с добавлением чуть более поздних сведений сметы 1681 г. (скорее всего, основанной на данных 1680 г.) по полкам «нового строя»⁵, построена таблица 1, основанная на стандартном формуляре, едином для описания городов и служилых людей городской службы Белгородского разряда, который как раз и позволяет оценить типологические особенности «черкасских» городов.

Как видим, большую часть их населения действительно составляют украинцы («черкасы») – 9405 из 11 443 чел. (82,2 %). Исключительно ими представлен практически весь контингент людей городской службы в двух третях городов (в 15 городах из 23). В этих городах номенклатура людей городской службы предельно проста – здесь, как правило, помимо «черкас городской службы» эпизодически встречаются лишь пушкари (почти в половине этих городов, в 7 городах из 15, хотя артиллерии, возможно⁶, нет только в половине оставшихся). Никаких других категорий служилых людей городской службы (детей боярских, стрельцов, казаков, станичников, воротников, затинщиков, сторожей, казенных кузнецов и плотников) в этих городах нет. Русские люди городской службы совместно с украинцами служат лишь в 8 городах из 23. Из них в трех крайних южных, обеспечивающих контроль над соляными промыслами Соленом (Торе, будущем Славянске), Маячком и Цареве-Борисове, отличающихся столь же простой структурой, как и чисто украинские, есть лишь маленькие гарнизоны русских служилых людей. В Маячком они численно

⁴ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Кн. 110. Л. 533–881 об.

⁵ Там же. Ф. 210. Оп. 6. Д. 124. Л. 54–62 об.

⁶ Сведения по артиллерии сохранились не по всем городам.

преобладают над украинцами, а в Цареве-Борисове (вновь заселенном в 1654–1656 г. при активном участии черкас, в 1656 г. переданном в вотчину патриарху Никону, восстановившему его укрепления, и сильно сократившем численность служилых в 1670 г. в результате репрессий после восстания Степана Разина [2, с. 53–62]) – уступают им.

В итоге лишь пять городов по своей военно-служилой структуре напоминают русские города по Белгородской черте и имеют хотя бы некоторые основные категории служилых людей городской службы (детей боярских, стрельцов, городских казаков, станичников, пушкарей) – это в первую очередь Чугуев, Салтов, Харьков и относящееся уже к Сумскому черкасскому полку Мирополье; незначительный контингент детей боярских есть еще и в Змиеве.

Максимальной шириной этой номенклатуры обладал один только Чугуев, наиболее близкий по своему типу к традиционным служилым городам с русским населением «по черте».

Как известно, он был построен на рубеже 1638/1639 г. как прообраз будущих «черкасских» городов – первый опытный полигон для приема крупной партии украинских переселенцев «гетмана» Якова Острянина (Остряницы), «вышедших» в Россию после казацкого восстания 1637–1638 гг., но весной 1641 г. бежавших обратно в Польшу [1, с. 24–31]. После этого он развивался скорее как русский форпост «за чертой», ставший в последующем базой для основания в период украинской колонизации края Харькова, Салтова и Змиева. Не случайно он стал первым из двух городов с решительным преобладанием русского населения в этой группе (79,7 %) (второй – Салтов с 77,3 % русских), и в XVII в. оказался своего рода экстерриториальным анклавом, не подчиненным Харьковскому слободскому полку и его полковнику [1, с. 31]. Более половины его военного контингента (включая рейтар и солдат полков «нового строя») составили дети боярские (в Чугуеве был даже единственный человек в городах «за чертой», служивший «по дворовому» списку), в чем он уступал только Салтову (74,3 %). Чугуев был единственным городом, в котором были контингенты стрельцов (91 чел.), городских казаков (88 чел.) и станичников (35 чел.), а также воротники, кузнец и плотники, т.е. существовали основные элементы «правильной» традиционной организации городской и сторожевой службы с соответствующими военно-сословными группами внутри города и порядком ее несения. В большинстве чисто «черкасских» городов сторожевая служба была результатом самоорганизации украинцев городской службы (нередко определявших себя как «мещане») – число сторож было невелико, они были расположены вблизи городов, службу на них (и даже караулы на городских воротах) «городовые черкасы» несли попеременно по очереди, нередко (как минимум в 6 городах) в той или иной форме практикуя наем «всем городом».

Города с контингентами русских детей боярских (Чугуев, Харьков, Салтов и Мирополье) были единственными из всех, которые поставили часть этих контингентов в полки «нового строя» – в солдатские и рейтарские. Украинцы-«черкасы», естественно, в формировании полурегулярных полков «нового строя» участия не принимали. Это не значит, что

Таб. 1. Структура «черкасских» городов Белгородского разряда в 1679-1680 г.

№ по/п	город	рейтар в 1680	солдат в 1680	дворян и детей боярских отставных	детей боярских городской службы	стрельцов	казаков	СТАНИЩИКОВ	русских людей городской службы	черкас городской службы	Городовой службы русские и черкасы	ПУШКАРЕЙ	итого
1	Соленый (Тор)								114	70	90	10	90
2	Маяцкий								65	108			194
3	Царев-Борисов									162			173
4	Балаклея									285			162
5	Андреевы Лозы									223			285
6	Липан									193			223
7	Чугуев	78	174	14	240	91	88	35		78		22	951*
8	Салтов	67	62	20	106					1433		10	343
9	Харьков	42	69	3	120					741		7	1684**
10	Змиев				35					103		21	797
11	Саколовка									300			103
12	Мерефа (Мерехва)									507		6	300
13	Валки									760			513
14	Ольшана									834			760
15	Золочев									575			834
16	Богодухов									195		7	575
17	Мурафа (Мурахва)									105		3	202
18	Городной									325		6	108
19	Краснокут									451		4	331
20	Колонтаев									1276		28	455
21	Лебедин									264		32	1304
22	Сумин (Сумы)	30	172	1	110					417		30	296
23	Мирополье	217	477	38	611	91	88	35	179	9405	90	186	760
	Итого	217	477	38	611	91	88	35	179	9405	90	186	11443

* включая 4-х воротников, 1 кузнеца, 11 плотников. ** включая 2-х воротников и 8 сторожей.

они не несли «полковой» службы – в тех же городах и около них проживал значительный массив «полковых» казаков, составлявших основу иррегулярной кавалерии слободских полков (учтенные нами города в основном принадлежали к Харьковскому, и в меньшей степени – к Сумскому и Ахтырскому полкам). Судя по данным по Харьковскому полку на тот же 1679 г., приведенным в свое время Е.А. Альбовским [1, с. 89], в нем на 3817 черкас городской службы (без Соколова и Ольшаны) (51,1 %) приходилось 3646 полковых казаков (48,9 %), т.е. число служилых черкас в этих 23 городах следует по меньшей мере удвоить, с учетом чего общий контингент военнослужащих-черкас в них может превысить 18 тыс. чел., и доля немногочисленных русских гарнизонов (особенно в Харькове, где она явно в этом случае менее 1/10) будет еще менее значительной.

Это отражалось и на административных структурах городов, которые тоже отличались от традиционных, характерных для служилых «городов» северной части Белгородского разряда – в «черкасских» городах (и даже в Чугуеве) отсутствовали традиционные должности в системе управления и самоуправления (губные старосты, городовые приказчики, осадные, стрелецкие и казачьи головы), и даже подьячие приказных изб существовали менее чем в половине всех городов. Украинское население будущей Слобожанщины с 1669 г. было фактически освобождено от налогов [1, с. 75], и в большинстве городов (за исключением Чугуева и Салтова) отсутствовали таможенные, кружечные и житенные дворы. Административные и финансовые полномочия русских должностных лиц в итоге были существенно сужены.

Это сказывалось и на статусе городских воевод – в большинстве случаев людьми городской службы в этих городах ведали не воеводы, а люди «на приказах» (со статусом «приказной человек», а иногда и без него). Даже Чугуев и Харьков управлялись людьми «на приказах», а официальный статус «воеводы» имели русские должностные лица лишь двух городов – Лебедина и Сум (Сумина). Назначение на «непочетные» воеводства в этих городах вряд ли было «честным» и привлекательным для людей «московского списка», и невысокий социальный статус русских воевод «черкасских» городов вряд ли делал их влиятельными фигурами в глазах сотенной и полковой украинской старшины.

Таким образом, «черкасские» города уже в первое полу столетие своего существования в XVII в. составляли особую типологическую группу городов, кардинально отличающуюся от служилых «городов» других регионов России.

1. *Альбовский Е.А.* Харьковские казаки. Харьков, 2009.
2. *Загоровский В.П.* Изюмская черта. Воронеж, 1980.

**Конфликты на фоне военных реформ в г. Талецке
в конце XVII – начале XVIII в.**

Петровские армия и флот; передвижение войск; постои; применение насилия.

Нападение жителей г. Талецка на проходящих солдат в 1701 г. рассматривается на фоне конфликта этих жителей с местными крестьянами, которые исполняли обязанности для Воронежской верфи. Поднят вопрос о том, насколько нажим марширующей армии на местное население на собственной территории соотносится с нажимом на население на зарубежном театре военных действий.

В начальный период Северной войны полки Петра Первого передвигались по огромным просторам его государства. Пехотный полк полковника А.И. Митчеля, сформированный в 1700 г. в Казани, оказался годом позже на пути из Лебедяни в Белгород. Во время марша группа солдат в городе Талецке под Ельцом натолкнулась на вооруженное сопротивление со стороны местного населения. В своей челобитной капитан полка Johan («Ивашка») Jakobsohn рассказывает следующее: Он был отправлен с солдатами вперед полка в Талецк к воеводе «для заимки дворов», где полк должен был остановиться. Дойдя до Талецка, они начали кормить лошадей. Однако в выделенной им воеводой слободе оказалось мало места. Не нашедшие себе дворов солдаты пошли назад, а по дороге попробовали занять дворы в Казацкой слободе. Жители, однако, не дали им сделать этого. Вместо этого, они начали их бить насмерть «цепами и поленьями, и колыями, и рогадинами», ссылаясь при этом на приказ воеводы. Преследуя отступавших солдат, жители «дубьем» переломали у них «багинеты и фузеи» в большом количестве².

Все это произошло на фоне другого талецкого скандала. В деле 1698–1701 гг. находится челобитная патриарха Адриана на жителей той же Талецкой Казацкой слободы, которые «ночною порою приехав нарядным делом со всяким боевым ружьем у [патриарших] крестьян... взяли 683 лошади». Руководил угоном стада лично воевода Ефим Арсеньев, который и велел «побрать» преследующих разбойников крестьян и держал их в тюрьме, из-за чего они не могли запахать десятинную пашню. В дальнейшем воеводу еще обвинили в том, что он через своих людей вымогал у крестьян деньги за возврат каждой лошади.

Подобная интерпретация событий была резко отвергнута талецким казаком и стрельцом, которые утверждали, что «загнали то стадо» в Талецк «бив челом тебе... а не воровским умыслом». Согласно этой версии, воевода предусмотрительно взял стадо под свое покровительство. Угон стада явился реакцией на нестерпимые поступки патриаршего стряпчего и крестьян, которые «казачью землю вымучивают», построили на ней мост через Дон и пускали своих лошадей пастись на поля и сенные покосы. Эту версию подтвердили талецкие «всяких чинов» люди.

¹ Рустемайер Ангела, Дюссельдорфский университет им. Генриха Гейне (ФРГ, Дюссельдорф), Dr., Angela.Rustemeyer@hhu.de.

² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Ст. 1872. Л. 1, 3.

Крестьяне, со своей стороны, указали на то, что мост через Дон построен «на проезд ратных и служилых и посыльных с Москвы на Воронеж... и для подвода на Елец подрядных людей, и под... полковые и коробейные припасы»³.

Эти два случая, рассматриваемые вместе, позволяют поставить вопрос о локальном измерении конфликтов, связанных с военными реформами. С одной стороны, город Талецк являлся предполагаемой остановкой нового полка регулярной армии на пути в региональный центр. С другой стороны, Талецк был крепостью, предназначенной для защиты Верхнего Дона [1, с. 291], население которой ощущало последствия новых государственных потребностей, связанных с обеспечением постройки флота в Воронеже, для своей земельной собственности. Для более глубокого понимания обоих эпизодов предлагаются три подхода:

Во-первых, рассказываемые в данных двух делах события можно рассматривать на фоне описанных К. Белкин Стивенс, Д.А. Ляпиным и другими социальных перемен на юге Московского государства [2; 4]. Во-вторых, значение слободы в качестве основы коллективного действия в обоих случаях указывает на пределы претензий центральных властей в данном микропространстве. В-третьих, описанные конфликты, приходящиеся на канун и на первые годы Северной войны, можно рассматривать в связи с организацией тыла действующей армии. Последнее, однако, из-за недостатка источников пока приходится формулировать на уровне гипотезы.

Возвращаясь к первому походу, следует сказать, что агрессия против представителей регулярной армии, о которой рассказывает первое из использованных нами дел, может быть связана с тенденцией к классированию служилых людей по прибору, к которым, очевидно, принадлежала значительная часть населения Казацкой слободы. Эту тенденцию надо рассматривать в контексте общего развития социальных и имущественных отношений на юге Московского государства в годы перехода к петровской империи. Для поверстанных служилых людей в южных уездах стало невозможным пожалование в московские чины, потому что в глазах чиновников Разряда их статус становился спорным ввиду размывания традиционного отношения социальной позиции и землевладения в их регионе. Кроме того, и поверстанные, и неверстанные служилые люди на юге испытывали конкуренция крупных землевладельцев из центра. В 1690-х гг. те служилые люди, которые не добились вовремя земельных пожалований, были записаны как посадские люди, что предполагало уплату налогов (тягла) [4, с. 145–151, 156, 158]. Что-то подобное, очевидно, имело место и в Талецке⁴.

Значит, статус талецких служилых по прибору, действующих в обоих наших делах, становится в исследуемый период довольно шатким. В то же время они сталкивались с требованиями, связанными с созданием армии и постройкой петровского флота – с обеспечением полка, с использованием их земли крестьянами, строившими мост на пользу воронежского кораблестроения. При этом отношения между тальчанами с одной

³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Ст. 2440. Л. 227, 238–241, 287, 421.

⁴ Там же. Ст. 2527. Л. 5.

стороны и патриаршим стряпчим и патриаршими крестьянами с другой были, видимо, не исключительно маркированы насилием. Так, воевода Арсеньев утверждал, что угон стада произошел лишь потому, что не удалось заключить с патриаршим стряпчим договор о компенсации за нанесенный тальчанам ущерб. В деле тоже находится указание на выданную крестьянину талецкому черкашенину кабалу, в которой лошадь является залогом⁵. Эти указания на контрактные отношения показывают, что и крестьяне и тальчане при всех противоречиях между ними принадлежали к одному и тому же региональному сообществу. Правда, развитие военного дела в петровском государстве содействовало ослаблению структуры воеводского управления этим сообществом из-за вмешательства воронежского Адмиралтейства⁶.

Обращаясь ко второму подходу, следует сказать, что особая роль талецкой Казацкой слободы бросается в глаза. Жители Казацкой слободы обвиняются патриархом в разбое и захвате. Слобода, кажется, находилась под особенным покровительством самовольного воеводы Арсеньева. И воевода, и сами жители защищали слободу от солдат полка Митчеля, претендовавших на постой и на припасы. Сопротивление жителей не стало настоящей военной обороной, поскольку огнестрельное оружие не применялось. Зато широко применялось холодное. Итог оказался впечатляющим: около 120 солдат были либо ранены, либо лишились оружия, либо пострадали в обоих отношениях. Бунт слободы в этом южном городе против требования краткосрочного поста для полка кажется тем более ярким событием, если учесть статус слобод в той системе регулирования поста, которая отразилась в делах из центра России 1705–1706 гг. Здесь слобода являлась не субъектом, а объектом. Власти концентрировали солдат на дворах в отобранных слободах, причем казной резко ограничивалась прибыль хозяев от поста. Некоторому балансу интересов жителей слобод и их «гостей» из полков служила возможность переезда последних на другие дворы согласно челобитным⁷.

Обращаемся к третьему подходу. Исследуемый случай с бунтом в талецкой Казацкой слободе указывает на трудности, которые встретило обеспечение войск во время передислокации. В этом отношении мы имеем дело с типовым случаем раннего Нового времени.

Обеспечение передвигающихся по территории войск населением вело к конфликтам не только в России. Применение насилия было, скорее всего, везде взаимным, но солдаты во многих случаях были лучше подготовлены к нему, нежели большинство местных людей. Джон Линн в своей работе о Франции XVII в. ограничивается обследованием насилия солдат против невоенных. Он характеризует практику снабжения войск французского короля на дороге по Франции местным населением в первой половине XVII в. как «tax of violence»: Применение насилия при выдавливании королевскими войсками ресурсов из собственных подданных

⁵ Там же. Ст. 2440. Л. 298, 314.

⁶ Там же. Л. 295, 419. О деятельности Государева разрядного шатра см.: [3].

⁷ РГАДА. Ф. 26 (Разряд XXVI). Оп. 1/5. Ед. хр. 15–27. Л. 72 об.–95 об.; Ед. хр. 186. Л. 561 об.

короля было тогда не исключением, а системным феноменом. Изменилась эта практика лишь при Людовике XIV, заботившегося о сбережении своих подданных. Облегчение было достигнуто за счет населения оккупированных армией Людовика чужих территорий, которое в свою очередь было вынуждено оплачивать эту «tax of violence». В самой Франции зато был организован настоящий этап, были созданы *maréchaussées* для защиты населения от насилия солдат, наказывались проступки. Позже и в оккупированных территориях перешли на регулярные контрибуции, которые и там начали заменять «tax of violence» [5, с. 184–217]⁸.

Можно предположить, что сглаживание конфликтов, вызванных требованиями регулярной армии, было легче там, где противостояли друг другу лишь две стороны: регулярные войска и гражданское население. Так было в описанной Линном Франции Короля-солнца. На юге России на пороге XVIII в. положение было сложнее. Урегулирование отношений населения с передвигающимися войсками в этом регионе вызывает особый интерес, потому что территория существовавшего до 1707 г. Белгородского разряда вскоре после рассмотренных выше событий стала тылом вооруженных сил, действовавших на театре Северной войны на Левобережной Украине [2, с. 389]. Работа Линна указывает на взаимосвязь между эксплуатацией ресурсов собственных подданных воюющего государя и эксплуатацией ресурсов населения в стране противника. На раннем этапе Северной войны Петр Первый был, видимо, заинтересован тем, чтобы беречь гражданское население гетманства⁹. В качестве гипотезы можно было бы предположить, что успех или неудача подобного намерения не в меньшей мере зависело от того, как власти справлялись с конфликтами между войсками на марше и местными жителями на юге России.

1. *Ляпин Д.А.* Социально-экономическая эволюция населения юга европейской России в контексте модернизации аграрного общества в конце XVI–XVII вв. // Белгородский государственный университет. Научные ведомости. Серия История. Политология. 2018. Т. 45. № 2.
2. *Пархоменко И.Г.* Белгородская засечная черта. Белгород, 2013.
3. *Перегудов А.В.* О компетенции Государева разрядного шатра и документировании его деятельности // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2013. Вып. 3.
4. *Belkin Stevens C.* Soldiers on the Steppe. DeKalb, 1995.
5. *Lynn J.* Giant of the grand siecle: the French Army, 1610–1715. Cambridge, 1997.
6. *Schröder M.* Die bewegte Bellona. Die kursächsische Durchzug- und Marschorganisation am Beispiel eines braunschweig-lüneburgischen Durchzugs von 1685 // Militärgeschichtliche Zeitschrift. 2018. Т. 77. № 2.

⁸ В Германии второй половины XVII в. конфликтным оказался даже проход войск через территории союзников и членов той же самой династии [6, с. 1–36].

⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Ст. 1157, 1704 г., столпик 1: Наказ боярину П.И. Хованскому. Л. 39.

Нелинейные эффекты в процессе освоения зоны южного русского фронта в XVII – первой половине XIX вв.²

Фронт; Юг Центральной России; территориальная организация систем управления; социально-экономические процессы.

В статье показаны «забегания» вперед и «попятные» движения в процессе освоения южнорусского фронта, связанные с деятельностью далеких от официальной границы сторожей, долгой самостоятельностью местных властей и служилых людей от Московских властей, формированием на южных окраинах значительных групп непокорного официальной православной церкви населения, возникновением бортных и других ухажей к югу от оборонительных линий и т.п.

Теория фронта как бы по определению предполагает постепенное движение этой границы «шаг за шагом». Но изучение конкретных фактов освоения вновь входящих в состав русского государства территорий показывает неоднозначность этого процесса с некоторыми «забеганиями» за пределы еще официально не присоединенного пространства или, напротив, «попятными» движениями в укреплении отношений с метрополией местных властей и населения.

В административном освоении фронтальной территории Юга России XVII в. явным «забеганием» вперед было устройство так называемых сторож, которые порой отстояли на сотни километров от уже установившихся границ, оборонительных линий.

В свое время сторожевую службу ряжских и шацких казаков подробно описал А.А. Новосельский [14, с. 20–205]. Совсем недавно вопрос об организации такой службы шацким воеводой Р.Ф. Боборыкиным конкретизировал Ю.А. Мизис. При этом он отмечал, что Боборыкин, как и другие воеводы, не могли в полной мере контролировать сторожевых казаков [11, с. 40–48].

С точки зрения «прямого пути» административного обустройства фронтальной территории необычными предстают проявления самостоятельности самих служилых людей XVII в. В частности, известный историк-архивист А.И. Гамаюнов сумел обосновать реальность существования легендарного лебедянского «разбойника» Тяпки, который оказался стрелецким и казацким головой И.К. Кузьминым, имевшим прозвище Тяпка. Прочная историческая память об этом человеке, вероятно, связана с его стремлением быть самостоятельным в отношениях с местным воеводой. А.И. Гамаюнов приводит слова Лебедянского воеводы Волжинского, который жаловался на Ивана Кузьмина в Разрядный приказ: «Иван в то шаткое время соблазн чинил в мире», чтобы его, воеводу, «лебедянцы всяких чинов люди в... государевых делах не слушали и не почитали...» [16].

¹ Канищев Валерий Владимирович, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (РФ, Тамбов), д.и.н., valcan@mail.ru; Лямин Сергей Константинович, к.и.н, laomin@mail.ru.

² Статья выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18–09–00313 А.

Традиционно считается, что после переноса границ к Азову территории юга европейской России полностью вошли в состав Русского государства. Однако некоторые исследования последних лет (О.Е. Глаголевой, С.А. Мезина, Ю.В. Мещерякова, Н.Н. Петрухинцева и др.), показывают, что на протяжении всего XVIII в. на территории от Саратовской до Тульской губерний многие представители местных властей демонстрировали немалую степень самостоятельности по отношению к порядкам и законам метрополии [2; 9].

Пожалуй, самым крупным проявлением «нелинейного» поведения служилых людей фронтальной зоны середины XVII–XVIII в. стало участие их отдельных групп в антигосударственных протестных движениях С. Разина и К. Булавина, городских восстаниях.

Факты поддержки этими группами, как правило, казаков, служивших на оборонительных линиях в тамбовских, пензенских, саратовских уездах, своих донских «собратьев» дают историкам дополнительные основания для опровержения крестьянской природы этих социально-политических движений. Советские историки, обосновывая теорию «крестьянских войн», попросту не обращали внимание на то, что в большинстве уездов южнорусского фронта до начала XVIII в. не было крестьян.

Поэтому в ходе рассуждений о «нелинейных эффектах» в поведении населения фронтальной зоны невольно вспоминается подзабытое определение А.А. Кизеветтера восстаний XVII–XVIII вв. как движения окраин [6].

Конечно, Александр Александрович не знал термин фронт, но он точно уловил одну из самых характерных черт этой переходной зоны: нежелание местного населения, в т.ч. части служилых людей, сразу и всецело подчиняться московской метрополии.

Интересным нелинейным эффектом социально-политического освоения зоны фронта на завершающем этапе стало обретение вольности от службы дворянами, которые в значительной своей части заслужили чины, титулы, земли, крепостные души именно делами на южных окраинах России. Получив возможность избирать дворянское собрание, бывшие рьяные служаки порой вставали в противодействие с имперскими властями. В частности, тамбовский историк Ю.В. Мещеряков показал характерные факты противодействия местных дворянских деятелей наместнику Г.Р. Державину в таких серьезных делах, как рекрутские наборы или закупки хлеба для армейских нужд [9].

Изучение изживания специфических черт социального состава населения недавно окраинной территории Российского государства в конце XVIII – первой половине XIX в. показало, что к концу этого периода завершился процесс превращения различных специфических категорий фронтального населения (однородцев и их дворовых людей, социально-национальных групп ясачных и будных крестьян, мурз и татар, черкас, малороссиян, цыган и др.) в единую сословную группу государственных крестьян [4]. Но следует учитывать и то, что государственные крестьяне в дальнейшем оставались по своему менталитету «остатками» фронтального населения, помнившими свое прежнее вольное положение служилых

людей. В этом смысле они не в полной мере вписывались в социальную структуру населения московской метрополии.

Весьма нелинейно выглядят религиозные процессы, протекавшие в зоне фронта (но окраинах Московского государства). Прежде всего, необходимо обращать внимание на активное и пассивное сопротивление местного, еще языческого населения миссионерской деятельности русской православной церкви вплоть до убийства цнинской мордвой рязанского архиепископа Мисаила [12, с. 18–19].

Как показала на тамбовских материалах Н.Н. Байдакова, проблемы в политике российских властей по отношению к нехристианскому населению и новокрещенам в зоне бывшего фронта сохранялись до начала XX в. [1].

Еще более крупным «нелинейным эффектом» представляется широкое распространение на фронтальной территории начиная с XVII в. среди уже переселившихся сюда русских старообрядчества и различных видов православных сект, особенно духоборов и молокан, а также изуверско-скопцов [7; 8; 15].

Конечно, источники XVII–XVIII вв. не могут содержать точных сведений о количестве староверов и сектантов в зоне фронта. Мы оценочно предполагаем, что порядок цифр – десятки тысяч человек, не признававших официальную православную церковь.

При моделировании религиозных процессов на фронтальной территории мы посчитали достаточными утверждения типа «православные составляли более половины населения», «православные составляли значительную часть населения», «православные составляли незначительную населения». Конечно, большинство уездов юга Центральной России попали в первую группу. Но несколько десятков уездов не только еще не стали православными (некрещеные мордва и татары), но и перестали быть таковыми (переход крещенных православных в сектанты) [3].

В хозяйственном отношении самым заметным нелинейным эффектом в освоении зоны фронта, как уже не раз отмечалось, явились бортные и иные ужожаи, сотни которых в конце XVI–XVII в. располагались в еще неподчиненной российским государством части «Дикого поля» [10; 13].

Более того, как показали совместные исследования тамбовских историков и почвоведов МГУ, земледельческое освоение территорий к югу от Тамбова началось задолго до строительства здесь крепости и оборонительного вала. Анализ почвенных проб, взятых под Тамбовским валом, свидетельствует о наличии там земли, которая распаивалась многие десятилетия [5].

В общем можно сказать, что движение южного русского фронта вовсе не было легкой прогулкой под барабанный бой, «рытвин» и «ухавбов» встречалось немало.

1. *Байдакова Н.Н.* Политика российских властей по отношению к нехристианскому населению и новокрещенам в XVI – начале XX вв.: на примере Тамбовского края. Автореф. дисс. ... к.и.н. М., 2006.
2. *Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века.* М.,

- 2012.
3. Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. Конкретно-историческое обоснование расчета значений управляющих факторов динамики южнорусского фронта в XVII – середине XIX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 10.
 4. Канищев В.В. Преодоление социальной специфики населения южнорусского фронта в конце XVIII – первой половине XIX вв. (по материалам Тамбовской губернии) // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. 2018. Т. 45. № 2.
 5. Канищев В.В., Ковалева Н.О., Ковалев И.В. Историческое почвоведение Тамбовской области: первые результаты исследований // Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки. 2012. № 6.
 6. Кизеветтер А.А. К истории крестьянских движений в России // Вопросы истории. 1994. № 1.
 7. Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России (60-е гг. XIX в. – 1917 г.). М., 1965.
 8. Малахова И.А. Духовные христиане. М., 1970.
 9. Мецерыков Ю.В. Гавриил Романович Державин: тамбовский период деятельности (1786–1788). Тамбов, 2006.
 10. Мизис А.Ю. Бортные ухажья как форма заселения и освоения южно-русского пограничья в XVI–XVII вв. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 10 (126).
 11. Мизис Ю.А. Воевода Московского царства. Р.Ф. Боборыкин на государственной службе. Тамбов, 2012.
 12. Мокшин Н.Ф. Из истории крещения мордвы (по материалам Шацкого уезда) // Социально-политические науки. 2004. № 4.
 13. Напольникова П.К. Цнинская мордва. Вхождение в состав Московского государства в XVI – первой четверти XVII века. Автореф. дисс. ... к.и.н. Тамбов, 2017.
 14. Новосельский А.А. Борьба московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948.
 15. Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002.
 16. Гамаюнов А.И. Троицкий монастырь и боярин Тяпка [Электронный ресурс] (www.lebedyan.com/istoriya/legendy/legendy-i-byli-lebedyani/).

И.Г. Акманов, И.У. Минлебаев¹

Новая правительственная политика на юго-востоке Европейской России в 30-х – начале 40-х гг. XVIII в.

Башкиры; волости; дороги; крепости; Оренбургская экспедиция.

Новая политика России на юго-восточном направлении стала реализовываться в начале 30-х гг. XVIII в. Она была обусловлена необходимостью ввести в оборот новые плодородные земельные ресурсы края для развития зернового хозяйства и обеспечить разработку новых источников сырья для горных заводов. Основные мероприятия этой политики были связаны с организацией Оренбургской экспедиции в середине 30-х – начале 40-х гг. XVIII в.

В начале 30-х гг. XVIII в. правительство императрицы Анны Ивановны обратило внимание на необходимость активизации политики Российского государства в юго-восточном направлении. В частности, был подго-

¹ Акманов Ирек Гайсеевич, Башкирский государственный университет (РФ, Уфа), д.и.н.; akmanov_ig@mail.ru; Минлебаев Ильшат Уралович, Башкирский государственный университет (РФ, Уфа), асп.; ilshatminlebaev@mail.ru.

товлен проект обер-секретаря Сената И.К. Кирилова, который определял предварительный порядок действий государственных структур. Указом от 1 мая 1734 г. «О построении города при устье реки Орь для подданных башкирцев и пришедших вновь в подданство Киргис-Кайсакского и Кара-колпакского народа...» правительство одобрило проект И.К. Кирилова². Позже правительством были приняты 18 мая 1734 г. «Инструкции ст. сов. Кирилову, отправленному для постройки города при устье реки Орь», затем утверждена 7 июня «Привилегия городу Оренбургу»³. Появление вышеперечисленных решений правительства означало, что проект И.К. Кирилова стал основой политики Российского государства на юго-восточной окраине. В дальнейшем деятельность Оренбургской экспедиции конкретизировалась и развивалась во многих указах правительства, среди которых особо выделяется указ от 11 февраля 1736 г.⁴. С началом мая 1734 г. начинается практическая подготовка к мероприятиям, а 15 июня 1734 г. личный состав экспедиции выступил из Санкт-Петербурга и к осени 1734 г. прибыл в Уфу. Здесь она находилась 7 месяцев, где шла подготовка к походу к р. Орь. В состав Экспедиции дополнительно включены разнообразные воинские формирования.

К весне 1735 г. подготовка к походу к р. Орь в основном была завершена. Команда, которая должна была основать город на р. Орь, состояла из 3150 регулярных и нерегулярных военнослужащих, вооруженных 29 пушками, 4 гаубицами и мортирой, стрелковым вооружением. Появление крупных правительственных сил в крае в условиях происходившего процесса перераспределения земельных ресурсов вызвало протестные настроения среди башкир, которые проявились в развернувшемся башкирском восстании. Тем не менее 15 августа на степной стороне реки Яик, в двух верстах от места впадения р. Орь была заложена первая Оренбургская крепость. Строительство крепости было завершено 30 августа.

Таким образом, первоначально поставленная цель была выполнена. Экспедиция достигла р. Орь и основала город. Однако появление последнего вызвало недовольство коренного населения края в лице башкир. Подобная обстановка серьезно беспокоила И.К. Кирилова. По его мнению, следовало срочно предпринять меры для беспрепятственного продвижения обозов и караванов к новому городу. В итоге, руководство Экспедиции пришло к выводу о том, что в крае необходимо построить крепости.

Начавшееся восстание башкир было умело использовано И.К. Кириловым, чтобы убедить правительство в том, что единственным путем решения имеющихся проблем является военное подавление недовольных. Составленные в начале 1736 г. И.К. Кириловым и одобренные генералом А.И. Румянцевым предложения о подавлении восстания и дальнейших мероприятиях Оренбургской экспедиции легли в основу указа правительства от 11 февраля 1736 г. В нем предусматривалась целая серия мероприятий военного, политического и экономического характера, чтобы создать благоприятные условия для колонизации Башкортостана.

² ПСЗ. Т. IX. № 6571.

³ Там же. № 6576, 6584.

⁴ Там же. № 6890.

И.К. Кирилов и его помощники составили план по основанию на всей территории края сети крепостей, форпостов и редутов. С весны 1736 г. начались эти мероприятия. Так, в верховьях р. Уфа их строительством занималась команда под руководством полковников А.И. Тевкелева и П. Мартакова. В марте на землях Елдяцкой волости была построена одноименная крепость, в апреле того же года – Красноуфимская крепость на территории Упейской волости, западнее г. Уфы между рек Ик и Менеус – основана Нагайбакская крепость, в мае 1736 г. П.С. Бахметев на реке Самара основал Красносамарскую и Красноборскую крепости.

Сам И.К. Кирилов 14 июня 1736 г. заложил Табынскую крепость, укрепил земляным валом и рвом. Эта крепость состояла из пяти бастионов и оборонительного частокола. Дорогу от Сакмарска до Красноборска И.К. Кирилов назвал Московской, на ней были основаны 16 крепостей, в том числе Бузулукская, Тощкая, Сорочинская, Верхне-Озерная, Переволоцкая, Чернореченская и другие укрепления. Другая часть Экспедиции под командованием начальника уральских заводов В.Н. Тагищева возвела Чебаркульская, Миасскую, Челябинскую, Ачитскую, Кленовскую и другие крепости в Зауралье⁵.

Первыми жителями крепостей были участники экспедиции. Их начальниками были командиры из числа строевых офицеров, либо из казаков (сотники, пятидесятники). Гарнизоны состояли из солдат и казаков. Кроме них, для функционирования городов требовались ремесленники, торговцы и другие гражданские лица. В «Привилегии» городу Оренбургу был определен круг лиц, которым разрешалось здесь поселиться. Запрещалось поселяться «...беглым из службы и крестьянам, в подушный оклад положенным»⁶.

Опираясь на новые города, И.К. Кирилов надеялся изменить среднеазиатские торговые пути в выгодных для России направлениях. Ради усиления торговли И.К. Кирилов полагал ввести право беспошлинной торговли для купечества. Данное обстоятельство могло привлечь, по его мнению, «торговых людей» из других городов.

В 1734 г. несколько ташкентских купцов, узнав о возможности строительства города вблизи устья р. Орь, сообщили об этом своим городским старшинам. Тогда же несколько купцов отправились с товарами в Уфу через владения Абулхаир хана, который не только позволил им свободно пройти через свои земли, но предоставил еще и проводников из числа казахов. В начале 1735 г. ташкентские купцы прибыли в Уфу и заявили И.К. Кирилову о желании учредить ярмарку в будущем городе. При этом они обещали ежегодно приезжать торговыми караванами и даже приглашали русских купцов с их товарами в Ташкент, который был крупным торговым центром Средней Азии. Кирилов поддержал это предложение, но ввиду отсутствия большого торгового оборота на территории Башкортостана, посоветовал ташкентским купцам отправиться с их товарами в Казань. Начальник Оренбургской экспедиции предоставил им рекомендательное

⁵ Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 40. Л. 455; Д. 41. Л. 224–225, 435.

⁶ ПСЗ. Т. IX. № 6584.

письмо, где просил казанского губернатора чтобы было организовано «всякое приласкание и увольнение от пошлин». Сарты воспользовались советом Кирилова. В Казани они с выгодой продали свои товары. На обратном пути они возвращались в Ташкент через Оренбург, где смогли познакомиться с развернувшимся строительством нового города.

Летом 1736 г. Кирилову было предписано отправить караваны с русскими товарами в Хиву, Бухару и Ташкент. [2, с. 673–674]. Кроме того, для привлечения в Россию индийских компаний, Кирилову было велено отправить с первым бухарским караваном индийского купца Марвария. Оренбургская экспедиция предоставила Марварию кредит в 1000 руб. на покупку товаров. Кроме того, предприниматель получил копию текста Оренбургской привилегии. Намереваясь послать небольшие партии товаров к 1736 г. в Хиву, Бухару и Ташкент, Кирилов определил маршрут караванов. Он хотел, чтобы все караваны сначала двигались наиболее коротким путем от верховьев Ори к северному побережью Аральского моря, а затем их следовало разделить. Караваны, направляющиеся в Хиву и Бухару, должны были идти по западному побережью, а караван, направленный в Ташкент – по восточному побережью Аральского моря. При этом Кирилов придавал большое значение такому мероприятию, как устройство на побережье Аральского моря пристани: он называл ее «ключом азиатской коммерции». Для того, чтобы компенсировать затраты, связанные с формированием караванов и деятельностью геодезистов, Кирилов намеревался отправить с ними разнообразные товары: сукна, растительные краски, меха, красные кожи, галантерейные мелочи [1, с. 109].

Предложения Кирилова рассматривались Сенатом и были в основном приняты с некоторыми коррективами. Тем не менее Кирилов не смог осуществить многие планы, в частности, относительно развития торговли с Казахстаном и Средней Азией. Ввиду восстания башкир и скоропостижной кончины И.К. Кирилова ряд внешнеэкономических проектов реализовывались последующими руководителями экспедиции.

Экспедиция вела некоторую научную работу, без которой было бы невозможно выполнение основных задач Экспедиции. По прибытии в Уфу специалисты занялись проверкой схем и карт Уфимского уезда, составленных в 1723 г. Проверка показала наличие различных погрешностей. С учетом выявленных недостатков геодезисты должны были осуществить топографическую съемку территории Башкортостана. Практически одновременно И.К. Кирилов 24 февраля 1735 г. обратился в Сенат с просьбой ускорить отправку к нему английского капитана Джона Эльтона. В 1737 г. Эльтон составил карту реки Волги от Сызрани до Царицына и произвел описание р. Яик.

Одновременно с картографическими работами были организованы разведка и добыча полезных ископаемых. Позднее Кирилов указывал, что в окрестностях Оренбурга было «... найдено много редких камней, а особенно множество медных руд, и на первый случай заложены три шахты». Большое количество медной руды было обнаружено экспедицией в окрестностях Сакмарска, где была построена одна шахта.

Ввиду наличия богатых залежей медной руды под Табынском, Кирилов предложил построить здесь казенный завод с предполагаемым объемом производства в 50 000 пудов за год. Начальник уральских горных заводов В.Н. Татищев возражал против сооружения подобного крупного производства. Однако Кирилов проигнорировал его мнение. В январе 1737 г. он уже доносил Сенату о развертывании промышленного строительства. Этот объект получил название «Воскресенский медеплавильный завод». Одновременно было начато строительство трех рудников на р. Ике и сооружение на одном из них соответствующего производства.

Большое внимание И.К. Кириловым было уделено также разработке месторождений илецкой соли. Он «приохотил» местное население к поставке этой продукции в Уфу, и несколько тысяч пудов соли было отправлено «...на судах Белою рекою в Каму и Волгу и далее». По пути Экспедиции к р. Орь в горах Башкирии, по словам И.К. Кирилова, обнаружили дорогие и редкие камни. Он обратил внимание правительства на необходимость дальнейшего развития поиска и обработки этих ценных камней [4, с. 124].

Сам Кирилов после приезда в Уфу уделяет внимание изучению истории и географии края. На основании сведений Уфимской канцелярии и башкирских старшин он составил так называемое «Разделение Башкортостана по волостям или родам». Этот материал П.И. Рычков включил в «Историю Оренбургскую». По распоряжению Кирилова производились записи рассказов индийских и среднеазиатских купцов относительно их стран. Кроме того, собирались сведения об остатках древней культуры на территории Башкортостана [3, с. 695–696; 4, с. 125].

Одной из главных задач организации Оренбургской экспедиции являлось укрепление позиций царских властей в Башкортостане, усиление контроля над коренными жителями края – башкирами. Начальник Оренбургской экспедиции И.К. Кирилов рассчитывал, что новый город Оренбург станет основным средством контроля над башкирами. Но после его основания выяснилось, что поставленная задача не под силу гарнизону Оренбурга, что в крае для этого следовало возвести ряд крепостей. Поэтому уже летом 1735 г. основным мероприятием Экспедиции становится возведение крепостей. Только за 1735–1736 гг., в различных частях края были заложены 26 городков. В последующие годы их строительство продолжалось. К середине 50-х гг. XVIII в. в крае насчитывалось 53 крепости и 40 редутов. Земли вокруг них в радиусе 10–12 верст, иногда гораздо больше, заняли офицеры, солдаты, драгуны и казаки, которые несли службу в этих укреплениях, и другие их жители, и в итоге башкиры потеряли около 2 млн. десятин своих вотчинных земель.

Организация Оренбургской экспедиции дала новый импульс к колонизации края. Дворяне, чиновники, офицеры, мелкие служащие люди, отставные солдаты и драгуны, русские и нерусские крестьяне центральных уездов и Среднего Поволжья стали переселяться в Башкортостан. При содействии властей, либо самовольно они стремились приобрести вотчинные земли башкир, что вызвало увеличение количества спорных дел относительно земельных угодий в крае.

1. *Аполлова Н.Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX вв. М., 1960.
2. *Витевский В.Н.* И.И. Неплюев Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1895. Вып. IV.
3. Материалы для истории Академии наук. СПб., 1885. Т. 3.
4. *Новлянская М.Г.* И.К. Кирилов. М.; Л., 1964.

Ю.Н. Смирнов¹

Литературные обработки фамильных преданий Аксаковых и Рычковых как источники по истории юго-восточных краин России в конце XVIII в.

Источниковедение; региональная история; Заволжье; Приуралье; Н.А. Рычков.

На произведения С.Т. Аксакова о «Багровых»-Аксаковых последовал литературный ответ их соседей «Рожновых»-Рычковых. В статье показано, как художественно обработанные записи дворянских семейных преданий конца XVIII столетия расширяют источниковую базу исследований.

Публикация произведений С.Т. Аксакова «Семейная хроника» (1856) и «Детские годы Багрова-внука» (1858) [1; 2], вызвала литературный ответ их соседей Рычковых, выведенных в упомянутых повестях под фамилией Рожновых. Он прозвучал в «Отрывке из семейных записок Рожновых», написанном Н.А. Рычковым и опубликованном в «Библиотеке для чтения» в январе и феврале 1862 г. [11; 12].

Произведения С.Т. Аксакова широко и плодотворно используются как исторический источник, например, при изучении помещичьего хозяйства в конце XVIII – начале XIX вв. [14, с. 62–93]. Менее многочисленным является число историков, которые ссылаются в своих трудах на свидетельства Н.А. Рычкова [6, с. 13–14], собирают документальные сведения о нем [8, с. 226–239], обращают внимание на взаимосвязь его сочинения с аксаковскими [10, с. 212–214].

Однако и малоизвестный провинциальный дворянин, и выдающийся деятель русской культуры сохранили предания своих семейств. Привычная характеристика аксаковских творений как «автобиографических» является не совсем точной. События «Семейной хроники» происходят до рождения Сережи Багрова (С.Т. Аксакова) в 1791 г., а в «Детских годах» речь идет о воспоминаниях маленького мальчика, которые неизбежно корректировались рассказами и комментариями старших даже о том, что он видел воочию. Что касается Н.А. Рычкова, то содержание его произведения полностью черпалось из семейного предания и лишено «автобиографической» части. В «Отрывке из семейных записок Рожновых» автор ограничивается рассказом о прадеде и деде, даже не касаясь жизни отца, родившегося не ранее 1806 г.

Перед теми, чьи родные и близкие оказались персонажами книг С.Т. Аксакова, стоял вопрос о признании достоверности фактов, реальности событий, адекватности характеристик повествования. Мало кто поверил

¹ Смирнов Юрий Николаевич, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королёва (РФ, Самара), д.и.н., smirnov195503@yandex.ru.

аксаковскому «предупреждению» о том, что возможное сходство имен собственных и географических названий с реальными людьми и местами является случайностью [2, с. 5]. Свидетельством тому является ответ Н.А. Рычкова и появившаяся благодаря ему «возможность сопоставить факты и сверить предания из прошлого видных дворянских родов Заволжья, “Багровых”-Аксаковых и “Рожновых”-Рычковых» [13, с. 18].

Исследователи обратили внимание, что о проявлениях «благодарной памяти», упоминаемых в аксаковском тексте, автору «доводилось слышать», а не читать. Обращения к памяти семьи не имеют отсылок на письменный текст, а передаются формулой «часто рассказывали» [3, с. 17].

Не удивительно, когда в виде устных преданий доносится историческая память крестьян Заволжья [4, с. 471–475]. Однако вербальный способ ее трансляции, как видим, преобладал и в той социальной среде, для которой практика чтения и процесс письма были обычными [7, с. 205].

Степан Михайлович Багров, под именем которого представлен в «Семейной хронике» дед С.Т. Аксакова, отслеживая историю рода на протяжении семи веков, но только в самых ответственных жизненных ситуациях, «писал» ее. Предпочтение, отдаваемое устной традиции, заметно и у Н.А. Рычкова, который имел веские причины предложить читающей публике взглянуть на предания с точки зрения не только Аксаковых, но и Рычковых, так как те были выставлены известным литератором не в лучшем виде.

В «Семейной хронике» их представляет одна из самых злых мачех в русской классической литературе – дочь известного ученого и государственного деятеля П.И. Рычкова от второго брака Александра Петровна. Она буквально изводит падчерицу Сонечку Зубину, как именуется мать С.Т. Аксакова – Мария Николаевна, урожденная Зубова.

Второй эпизод в «Детских годах» выведен очень комичным с точки зрения маленького Сережи и всего семейства «Багровых»-Аксаковых. Речь идет о попытке сватовства к уже немолодой тетушке Багрова-внука со стороны Митеньки Рожнова. Он описан С.Т. Аксаковым как «урод по своей толщине», напоминавший «что-то похожее на небольшую калмыцкую кибитку или копну сена». С ним приехала его мать, «претолстая и не очень старая женщина». После их отъезда в доме Багровых «много было шуток и смеху, и тетушка объявила, что ни за что на свете не пойдет за такого урода и увальня». В незадачливых соседях, приехавших в багровское имение, можно распознать вдову Фиону Алексеевну и ее сына Петра Андреевича Рычковых. Н.А. Рычков, который приходился им родным правнуком и внуком, не стал оправдывать предков напрямую. В его повествовании (следовательно, и в родовом предании) неловкое сватовство деда к одной из дочерей С.М. Аксакова тоже имеет место. Там «полновесный» П.А. Рычков с трудом и только с помощью слуг выбирается из экипажа, а потом засыпает после обеда прямо в гостиной, отказ со стороны семьи предполагаемой невесты, делается «по многим и весьма основательным причинам»: болезненное состояние и непривлекательная внешность жениха, тяжелый характер возможной свекрови [11, с. 35].

Однако смеяться читателю при описании этой сцены в «Отрывке» в отличие от того, как она предстает у С.Т. Аксакова, не хочется. На предшествующих страницах ему было показано, что это не гротескные персонажи, а живые люди с непростыми судьбами.

Пересказ семейных преданий в «Отрывке» начинается с прадеда – симбирского коменданта Андрея Петровича «Рожнова»-Рычкова, который был убит пугачевцами и предавшими его солдатами. Его жена, упомянутая Ф.А. Рычкова, несмотря на опасность, поехала, переодевшись мордовскою крестьянкою, на поиски мужа и нашла на поле сражения среди трупов его тело, изуродованное бунтовщиками, временем и стервятниками, чтобы забрать с собой и предать земле. Взвалив груз семейных забот, «из робкой, почти дикарки, девушки» молодая вдова сделалась «ухарской барыней» [12, с. 124]. Она бранила своих крепостных, распускала руки, а то и охаживала плеткой. При этом помещица не садилась завтракать, пока не накормлены работники, обходила избы крестьян, пока те в поле, чтобы вынуть вовремя из печей хлеба, накормить оставленных дома детей и цыплят, а потом сама везла в поле обед крепостным. «Все отрасли хозяйства, как мужского, так и женского ей были известны в подробности», – писал правнук [12, с. 126].

Реальная судьба сына погибшего симбирского коменданта походила на выдуманную А.С. Пушкиным для Петруши Гринева. Петю «Рожнова»-Рычкова тоже зачислили в гарнизонный батальон для проформы, чтобы только получить необходимую выслугу лет для офицерского чина. Однако ему пришлось принять боевое крещение во время пугачевского восстания. Увезенный верными людьми с поля проигранной битвы юноша даже подвергся аресту и угрозе военного суда.

Затем жизнь П.А. Рычкова была отягощена смертью детей от любимой первой жены и ее самой. Одной из причин свалившихся на него невзгод стал «старик Багров». В преданиях Рычковых дед С.Т. Аксакова представлен как «известный сутяга и кляззник» [11, с. 15]. Желая поставить своего человека на должность земского исправника, занимаемую Петром Рычковым, старший Багров не побрезговал ложным доносом. Оправдаться невинно обвиненному помогли его родная тетка А.П. Зубова, та самая, что была выведена в образе злой мачехи, и ее муж Н.Ф. Зубов [11, с. 16].

Свататься к дочери уже покойного Багрова-старшего приехал потрепанный неудачами, переставший следить за своей внешностью и обрюзгший, хотя еще нестарый мужчина. Поездку устроила его мать, лелеявшая мечту женить сына-вдовца и дожидаться внуков. Повествование о прабабушке Н.А. Рычков завершил так: «Если в тебе и являлись дурные наклонности, то виновато более то время, в которое ты жила, и понятия, под влиянием которых сформировался твой характер!» [11, с. 48].

В данной статье рассмотрены лишь отдельные эпизоды в записях семейных преданий Аксаковых и Рычковых. Так, не были затронуты вопросы крепостнических порядков и помещичьего хозяйства. Они уже освещались в научной литературе, хотя остается непонятно, почему эти

произведения не упоминают о земельных конфликтах, которыми изобилуют документы второй половины XVIII в. [5, с. 222–230].

Нет сомнений, что в аксаковской прозе и в «Отрывке» Н.А. Рычкова отражены реальные факты. Взаимопересекающиеся события в произведениях двух авторов дополняют и подтверждают друг друга. Семья Аксаковых и Рычковых дали России в «каждом поколении по несколько замечательных деятелей» [15, с. 15]. Они выражали коллективные представления, без которых нельзя «понять и объяснить ход российской модернизации» [9, с. 373].

Произведения С.Т. Аксакова и «Отрывок из семейных записок Рожновых» расширяют источниковую базу изучения «дворянских гнезд» на юго-востоке Европейской России. Предания двух старинных родов Заволжья и Приуралья обогащают знания о повседневности, хозяйстве, культуре, по целому ряду других вопросов региональной и российской истории конца XVIII в.

1. *Аксаков С.Т.* Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением Семейной хроники С. Аксакова. М., 1858.
2. *Аксаков С.Т.* Семейная хроника и Воспоминания. М., 1856.
3. *Анненкова Е.И.* «Семейная хроника» С.Т. Аксакова: история рода в художественно-мемуарном освещении // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 2014. Вып. 27.
4. *Артамонова Л.М.* Использование массовых источников и устных преданий при реконструкции освоения лесостепного Заволжья в 1750–1760-е гг. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27.
5. *Артамонова Л.М.* Региональные особенности землевладения и землепользования государственных крестьян Поволжья в их наказах депутатам Уложенной комиссии Екатерины II // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 1.
6. *Артамонова Л.М.* «Учили меня ещё во младенчестве». Принципы и традиции образования молодых дворян в XVIII столетии // Родина. 2010. № 11.
7. *Бирюкова А.Б.* Социокультурное пространство поволжских городов первой половины XIX века. Дисс. ... к.и.н. Самара, 2006.
8. *Зубова И.К.* История потомков Петра Ивановича Рычкова, рассказанная ими самими: повесть-исследование // Гостиный двор: литературно-художественный и общественно-политический альманах. Оренбург, 2000. № 9.
9. *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну. Изд. 2-е. СПб., 2018. Т. 3.
10. *Мишанина Е.В.* Крепостные порядки в оренбургской помещицкой дворянской усадьбе (по произведениям С. Аксакова и Н. Рычкова) // Сельское население России в условиях модернизации XIX–XXI веков: сб. ст. Оренбург, 2012.
11. *Рычков Н.А.* Отрывок из семейных записок Рожновых. Окончание // Библиотека для чтения, журнал словесности, наук и политики. 1862. Т. 169. № 2.
12. *Рычков Н.А.* Отрывок из семейных записок Рожновых. Статья первая // Библиотека для чтения, журнал словесности, наук и политики. 1862. Т. 169. № 1.
13. *Смирнов Ю.Н.* Народ и власть в освоении Российского Заволжья (XVIII – середина XIX вв.). Автореф. дисс. ... д.и.н. М., 1999.
14. *Степченко В.А.* Отражение в творчестве Аксаковых 1830–1880-х гг. трансформации помещичьего хозяйства России. Дисс. ... к.и.н. Омск, 2014.
15. *Чеканова Э.В.* Дворянское общество и государственная власть николаевской

Р.Б. Зайтунов¹

Тенденции изменений в социально-экономическом укладе населения Оренбургской губернии (конец XVIII – первая половина XIX вв.)

Оренбургская губерния; хозяйственное освоение; полукочевое скотоводческое хозяйство; развитие земледелия; межевание; государственная политика.

В статье рассматриваются ряд особенностей социально-экономического развития уездов Оренбургской губернии в условиях активного включения региона в сферу экономических взаимоотношений с центральными губерниями Российского государства в конце XVIII – первой половине XIX вв.

Выдающийся российский исследователь академик Л.В. Милов в своих трудах обратил внимание на специфику и многообразие форм социально-экономического развития различных регионов нашей страны. Важным источником в этом отношении являются материалы различных исследований регионов, предпринятые под эгидой академического сообщества и материалы Генерального межевания земель. В этом контексте представляет значительный интерес информация по юго-востоку Европейской России рубежа XVIII – первой половины XIX вв.

Одной из крупных губерний этой части страны была Оренбургская губерния. Она включала 12 уездов: Оренбургский, Уфимский, Стерлитамакский, Белебеевский, Бирский, Мензелинский, Верхнеуральский, Троицкий, Челябинский, Бугульминский, Бугурусланский и Бузулукский. По сведениям сенаторов М.Г. Спиридова и И.В. Лопухина, обследовавших Оренбургскую губернию в 1800 г., густонаселенными считались уезды, расположенные в западной, центральной и северо-западной частях края. Так, например, в четырех уездах из десяти – в Мензелинском, Уфимском, Бугульминском и Бирском – числилось более половины населенных пунктов и жителей губернии. В уездах же, расположенных в южной и юго-восточной части края, – в Бузулукском, Оренбургском, Троицком и Верхнеуральском – насчитывалось немногим более четверти населения губернии [4, с. 7, 589]. Следует сразу отметить, что деятельность вышеуказанных сенаторов было направлено на разработку предложений для осуществления мероприятий по восстановлению социально-экономической жизни в крае в связи с событиями Крестьянской войны 1773–1775 гг.

Н.Ф. Демидова, посвятившая специальное исследование особенностям землевладения и землепользования в Уфимском уезде, отметила некоторые тенденции развития башкирского общества с кочевым и полукочевым скотоводческим хозяйством, где юридическим собственником на землю являлась башкирская община в целом. Все члены сельских общин имели одинаковые права на использование земельных угодий. Однако

¹ Зайтунов Расих Батырович, Башкирский государственный университет (РФ, Уфа), к.и.н., zaitrasich@gmail.com.

неравенство во владении скотом, находящимся в индивидуальной, а не в общинной собственности, влекло за собой фактическое неравенство в области землепользования. Владельцы большого количества скота захватывали лучшие пастбища и присваивали право отводить районы для кочевков других членов общины [2, с. 266].

Так, к концу XVIII в. на территории края создались достаточно сложные отношения в сфере земельных отношений. Это выразилось в том, что на одни и те же земли нередко претендовали различные группы населения. Такое положение явилось следствием двух параллельно идущих процессов: 1) развития производительных сил и производственных отношений в башкирском обществе, приводившего к серьезным изменениям в области землевладения и землепользования; 2) колонизации края этого периода различными группами населения, представленных преимущественно крестьянами.

В ходе хозяйственного освоения края в конце XVIII и особенно в первой половине XIX вв. наметились районные различия на севере Башкортостана, где быстро развивалось земледелие. Р.Г. Кузеев предлагает следующую структуру для определения экономических различий. Так, весь север башкирской территории в этом отношении подразделяется на три района: а) север и северо-запад – сюда относилось башкирское население долины рек Быстрый Танып, Буй, Пизь, Тулва, Тую и некоторых других; б) северо-восток – башкиры лесостепных районов Уфимского плато вплоть до Уральского хребта (бассейн рек Ай и Юрюзань), а также башкирское население бывшего Красноуфимского уезда и северных притоков реки Уфы (Бисерть и др.); в) Северное Зауралье – башкиры, жившие по долинам рек Исеть, Синара, Теча, Караболка, а также по берегам многочисленных озер между течениями рек Миасс, Тобол и Уй [3, с. 208, 217].

Всю южную и центральную часть Башкортостана в природно-географическом и хозяйственном отношениях удобно рассматривать, подразделив на два больших района: а) запад и юго-запад, куда входит населенная башкирами Бугульминская возвышенность; б) юго-восток – башкирское население Южного Урала с прилегающими к нему предгорьями.

Запад и юго-запад Башкортостана, или заселенная башкирами Бугульминская возвышенность, – район древнего кочевого скотоводства. К середине XIX в. здесь произошли существенные изменения как в способах ведения скотоводства, так и в самой структуре хозяйства. Западный Башкортостан (особенно бассейн р. Большой Ик и территории, прилегающие с юга к нижнему течению Белой) постепенно стал объектом широкой колонизации для русских, татарских, чувашских крестьян в лесостепные районы верховьев Чермасана и Кармасана, нижнего и среднего течения рек Дема и Уршак примерно до линии Стерлитамак-Бузулук на юге. Лишь на самом юге, в верховьях Демы, Саелмышы, плотность расселения еще не превышала 3 человека на кв. км., за исключением района, прилегающего к Оренбургу. Западный Башкортостан привлекал переселенцев выгодным географическим расположением, спокойным рельефом, плодородным, преимущественно черноземными почвами [3, с. 217].

Резкий рост численности населения, развитие арендных отношений (припуск), углубление социальной дифференциации в башкирском обществе, начавшийся процесс включения общинных земель в земельный оборот вызвали постепенное перераспределение земельных площадей. Таким образом, началось обезземеливание части рядовых башкир-общинников, что существенно подорвало экономическую основу господствовавшего здесь полукочечевого скотоводства.

В первой половине XIX в. на территории края было реализовано Генеральное межевание земель, в ходе которого основные группы населения сохранили и официально закрепили свои земельные владения. По мнению А.И. Акманова, одним из главных итогов межевания является получение точных сведений как об общей площади земельных угодий в крае, так и о размерах владений различных групп населения. На их основе правительство разработало реальную программу аграрной политики и дальнейшего освоения Башкирии.

Одним из крупных социально-политических мероприятий царского правительства в Оренбургском крае в XIX в. было введение кантонной системы управления, которое было распространено на башкир, мишарей и русских казаков, где детально регламентировалось выполнение военной службы этими категориями населения. Основным содержанием хозяйственной жизни башкир этого времени является переход от полукочечевого скотоводства к земледелию и оседлости. Этот процесс заметно ускорялся изъятием значительной части башкирских земель дворянами, чиновниками, купцами, крестьянами-переселенцами. Кроме того, важное значение имело соседство башкир-полукочечников с крестьянами-переселенцами, в результате которого происходило взаимовлияние на формы ведения хозяйственной деятельности земледелия. Тем не менее представители царской администрации, недовольные темпами перестройки башкирского хозяйства, предпринимали принудительные меры по ускорению перехода башкир к земледелию. В 1845 г. оренбургский генерал-губернатор В.А. Обручев приказал жителям ряда башкирских кантонов, имеющим небольшие площади зерновых культур, обеспечить увеличение посевов из расчета не менее двух пудов на двор [1, с. 276, 280].

Для предохранения населения на будущее время от голода было обращено особое внимание на действия продовольственной комиссии, функционирующей с 5 июля 1834 г. Согласно решению правительства в оседлых башкирских кантонах был осуществлен сбор зерна и началось устройство запасных магазинов. В кочевых кантонах стало осуществляться составление запасного капитала в виде денежного сбора по 30 копеек с души ежегодно. Кроме того, для распространения хлебопашества в этой части башкир предполагалось устроить т.н. семенные магазины, употребив на это часть денег, собранных с башкир и мишарей согласно указам 14 апреля 1822 г. и 7 августа 1823 г. [5, с. 54–55].

Таким образом, в исследуемый период на территории Башкортостана происходили глубокие социально-экономические перемены. Предпосылки этого процесса были связаны с необходимостью перестройки хозяйственного уклада региона с включением в земельный и ры-

ночный оборот земель. Все это означало соответственно и изменения в занятиях населения. Введение кантонной системы управления, меры по обеспечению населения продовольствием, а также проведение Генерального межевания земель также обеспечили появление колоссальных возможностей для стабильного развития края. Хозяйственное освоение края и экономическое обособление отдельных уездов позволяют определить особенности социально-экономического процесса в контексте взаимовлияния земледельческой и полукочевой (скотоводческой) культур. Указываемые в историографии различные мнения о хозяйственных укладах, которые формируются исходя из факторов рельефа долины рек, зон ландшафта, должны позволить нам в перспективе выявить различные особенности земельных отношений, в том числе в контексте итогов Генерального межевания земель на территории.

1. *Акманов А.И.* Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI – начале XX вв. Уфа, 2007.
2. *Демидова Н.Ф.* Землевладение и землепользование в Уфимском уезде в XVI–XVIII вв. // Ежегодник по аграрной истории восточной Европы. 1962 г. Минск, 1964.
3. *Кузеев Р.Г.* Историческая этнография башкирского народа. Собрание научных трудов: в 7 т. Уфа, 2016. Т. 5.
4. Материалы по истории Башкирской АССР / Сост. Н.Ф. Демидова. Под ред. С.М. Васильева. М., 1960. Т. V. Ч. 1.
5. Отчет оренбургского военного губернатора В.А. Перовского по управлению краем (1833–1842 гг.) Документальная публикация / Сост. И.М. Гвоздикова. Уфа, 2010.

В.Д. Черный¹

Древнерусские путешественники за границей: особенности восприятия архитектуры и изобразительного искусства

Путешественники; архитектура; икона; скульптура; отношение; восприятие.

Рассматривается впечатление русских путешественников от увиденных в зарубежных странах памятников, связанных как с истоками христианской веры «в Святой земле», так и в Европе, представлявших для них «актуальный» интерес. В зависимости от стоящих перед ними задач они по-разному подходят к оценке произведений.

Путешественник, покидая родную землю с привычной обстановкой, окружавшей его всю предыдущую жизнь, невольно сталкивался с массой непривычных явлений и реалий, которые вызывали в нем различные чувства. Опираясь на свой опыт и сложившиеся представления, он вольно или невольно сравнивал увиденное с тем, что было знакомо ему с детства. Далеко не все путевые впечатления древнерусских путешественников были запечатлены в рукописях. Особая ответственность написать о своих странствиях накладывалась на человека, когда он осознавал значение своей миссии и должен был донести свои новые знания до соотечествен-

¹ Черный Валентин Дмитриевич, РГГУ (РФ, Москва), доктор культурологии, tchernie@rambler.ru.

ников или пославших его лиц. Не случайно, основная часть «хождений» относились к паломническим походам в святые места или выполнением конкретных заданий. Позже эти заметки неоднократно переписывались и становились всеобщим достоянием русского общества.

В этом жанре «народной литературы» присутствовали как стереотипы, свойственные средневековым произведениям, так и свои интересы, знания и эмоции. Исходным «путеводителем» для путешественников стало Священное Писание, Апокрифы, жития святых и некоторые другие памятники христианской литературы, содержащие упоминания особо почитаемых христианами мест. Русские путешественники знали и использовали данные греческих проскинитариев, своеобразных прототипов их собственных путевых заметок о походах по святым местам [2, с. 24–26]. Нередко паломники находились под влиянием путевых заметок своих предшественников и даже повторяли в своих записках некоторые их фрагменты. Тем не менее, они сумели отразить в своих текстах некоторые собственные пристрастия. Несмотря на разнообразие видов путевых заметок, и их качественные особенности, на Руси складывается особый литературный жанр «хождений» с набором типовых характеристик [6].

Главным для паломников было знакомство с сакрально значимыми объектами, о которых они имели общее представление еще до путешествия. Хотя в круг задач паломников не входила оценка увиденных ими памятников архитектуры и живописи, они не могли не высказать своего к ним отношения. Диапазон этих отзывов довольно широк – от основанных на профессиональных знаниях до основанных на бытовых представлениях и весьма специфических интересах.

Исследователи «хождений» уже не раз отмечали редкую осведомленность одного из первых русских паломников, игумена Даниила, в вопросах архитектуры. Принимая во внимание точные описания построек и изображений, его даже называли «предтечей русского искусствознания» [9, с. 34], а отдельные авторы допускали «прикладные цели» игумена, связанные с использованием полученной информации в отечественном зодчестве [5, с. 83]. Даниил фиксирует планы, а иногда размеры построек, их конструкции и формы. На архитектурные особенности сооружений со знанием дела указывают и некоторые другие путешественники. Например, в середине XIV в. Стефан Новгородец так описал устройство свода собора Студийского монастыря в Константинополе: «церковь же та велика вельми и высока полатою сведена» (т.е. коробовым сводом. – *В. Ч.*) [4, с. 36]. Смолянин Игнатий, заинтересовавшийся на исходе XIV столетия куполом, перекрывавшим Софию Константинопольскую, пересчитал окна в барабане главы и даже измерил размеры одного из них [4, с. 102]. Увидевший столетие спустя Синайский монастырь священнослужитель Варсонофий отмечает конструкцию главного храма: «Святая же великая соборная церковь Христова Преображение стоит на 12 столбах» [4, с. 167]. Судя по этому замечанию, речь идет действительно о монументальной пятинефной постройке. Примерно в эти же годы обошедший значительную часть Малой Азии, Египта и Палестины купец Василий

счел нужным оставить «разведывательные» данные о планировке и фортификационных возможностях сирийской крепости Алеппо. По его словам, эта круглая в плане крепость стоит на насыпном холме «вельми високо», она окружена мощными каменными стенами с «брамами» (брустверами. – *В. Ч.*) и обладает единственным входом-выходом. Как заметил Василий, город окружен рвом, заполненным водой, и соединен мостом и потайными ходами.

Наряду с рациональным отношением к отдельным памятникам зарубежной архитектуры, в путевых заметках присутствует и стремление оценить их художественные достоинства. Чаще всего для этого используют стандартный набор эпитетов и односложных фраз для оценки понравившихся сооружений – «чудный», «красный», «хитрый», «удивлен», «дивный», «хорош», «добр» – иногда они усиливаются наречием «вельми». Оценочные определения «великий» и «высокий» по смыслу приближены к названным выше эпитетам. Именно о зданиях, наделенных этими качествами, в первую очередь с одобрением пишут путники. Обобщая свои впечатления от посещения Константинополя, Игнатий, побывавший здесь в конце XIV в., написал: «дивящиеся чудесем святых, и величеству и красоте церковней» [4, с. 101].

Примечательны случаи, когда в записках отмечаются достоинства определенной части здания. Например, в «Хождении Анонима» отдается должное устройству купола Софии Константинопольской: «А верхи еа чудно украшены и утворены» [3, с. 83].

Одобрительных отзывов удостаиваются и отдельные поселения. Так, несмотря на определенные предубеждения, названный дьяконом Зосимой «фряжским» город Галата, тогда пригород Константинополя, тем не менее, получил весьма лестную характеристику: «И бьяше град красен и хорош вельми» [4, с. 124]. Поистине, тонким художественным чувством отмечена оценка игуменом Даниилом поселения в окрестностях Иерусалима поблизости от монастыря Савы: «На высоте бо той стоят келии... яко звезды на небеси утверждены» [4, с. 46]. Ориентируясь на существующие стереотипы, гость Василий формирует представление о городе Антиохии. Он называет его подобием Царьграда, стоящим на семи холмах, а ее Софию, «величеством с цареградскую...» [4, с. 176–177]. В свою очередь, в городе Кара большую церковь Георгия для наглядности он сравнивает по размерам с Софией Киевской [4, с. 172].

Обращая свои взоры к изобразительным памятникам, иконам, монументальной живописи и скульптуре, путешественники стараются четко определить персонажа, сюжет, материал и технику исполнения работ и выразить свое к ним отношение. В «хождениях» как средневековых путеводителях точно обозначается место каждого объекта. Наиболее стереотипные описания паломников относятся к священным местам. Они не считают нужным отмечать своеобразие рисунка, цвета и композиции в целом. В лучшем случае авторы ограничиваются общими словами. Например, Стефан Новгородец отметил, что в церкви Иоанна Студийского монастыря «иконы..., аки солнце сияють», поскольку «велми украшены златом» [4, с. 96]. При обращении к изображениям паломники выделя-

ют технику мозаики и наиболее почитаемые христианские образы и сюжеты.

Несколько иначе описываются скульптуры, обычно называемые столпами, реже, «болванами». Чтобы донести до своих читателей представление о них, паломник вынужден сообщить о внешнем виде изваяний. В этом отношении показательно описание скульптуры Стефаном Новгородцем: «Ту стоять столп чюден вельми толстотою и высотою и красотою... и на верх его седить Иустиниан Великы на коне... в руке – яблоко злато велико, а на яблоке крест, а правую руку простер буйно на полъдни на Сороциньскую землю к Иерусалиму» [4, с. 92].

Особенности восприятия подавляющего большинства произведений изобразительного искусства средневековыми путешественниками объединяет их популярная и явно преувеличенная оценка: «яко жив». Подобное «оживление» персонажей, далеких от реалистического искусства, можно было представить только «мысленно». Глядя на мир не «телесными», а «разумными» очами, они могли в своих представлениях «дорисовать» увиденное [6, с. 12–13].

Если в Святую землю русские паломники вступали с «благоговением», о чем, в частности, писал Даниил [4, с. 204], то западное направление нашими путешественниками воспринималось настороженно, как чуждое пространство. Посетивший Италию в 1659 г. с посольством стольник Василий Лихачев заметил, что за исключением двух греческих церквей в Венеции и Ливорно, на территории «от Рима и до Кольского острога нигде нет благочестия» [8, с. 344]. Отчужденное отношение русских к этим землям настраивало их на деловой лад и стремление дать рациональную оценку городам и отдельным памятникам. Например, некоторые лица обращают внимание на регулярную планировку городов («а градское строение зело стройно» [9, с. 344], «град безмерно строен» [9, с. 347]) и площадей («площадь изрядная, ровная и великая» [8, с. 191–192]). Иногда города сравниваются между собой. Например, Василий Лихачев считает Болонью «больше и краснее» Флоренции [9, с. 355]. Другие замечают, что декоративные сады подвергаются художественному обустройству и аккуратной стрижке («деревья обрезаны по веревке» [3, с. 179]) и т.п. Отдельные произведения искусства разных видов и эпох зачастую вызывали у русских путешественников удивление и даже восторг [1, с. 104–119]. Явно осведомленный в области искусства стольник П.А. Толстой отмечает удачно найденные пропорции зданий [8, с. 187–188], а другой знаток, один из неизвестных сановников Петра I, скептически высказывается об изображении Богоматери на престоле в соборе Венеции, якобы написанном евангелистом Лукой: «мастерства средняго» [4, с. 173].

Таким образом, особенности восприятия русскими средневековыми путешественниками архитектуры и изобразительного искусства за рубежом в целом было обусловлено стоящими перед ними целями и установками, а также степенью личной осведомленности.

1. Головин В.Н. Италия в восприятии русских путешественников второй половины XVII века // Итальянский сборник. М., 1999. Вып. 1.

2. Данилов В.В. О жанровых особенностях древнерусских хождений // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18.
3. Записки русских путешественников XVI–XVII вв. / Сост., коммент. Н.И. Прокофьева, Л.Н. Алехиной. М., 1988.
4. Книга хожений: Записки русских путешественников XI–XV вв. (Антология) / Сост. и пер. Н.И. Прокофьев. М., 1984.
5. Коянская Е.Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.). М., 2000.
6. Прокофьев Н.И. О литературно-художественных взглядах и представлениях в Древней Руси XI–XVI веков // Литература Древней Руси. Межвузовский сборник научных трудов. М., 1986.
7. Прокофьев Н.И. «Хождения» как жанр в древнерусской литературе // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1968. № 288.
8. Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе 1697–1699. М., 1992.
9. Статейный список посольства дворянина и Боровицкого наместника Василия Лихачева во Флоренцию в 7167 (1659) году // Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. М., 1788. Ч. 4.
10. Художественно-эстетическая культура Древней Руси / Под ред. В.В. Бычкова. М., 1989.

В.П. Богданов¹

Природно-климатический и религиозный фактор в книжной культуре России (по записям на старопечатных кириллических изданиях)

Записи на книгах; старопечатные кириллические издания; хронология; природно-климатический фактор; религиозная жизнь; социальная трансформация; патриархальность.

Автор статьи продолжает тему источниковедения записей на книгах старопечатных кириллических изданий, разрабатываемую им в рамках Миловских чтений. В центре внимания новой публикации – хронология записей. Автор анализирует информацию 4785 записей, имеющих датировку вплоть до года (из них 2868 – вплоть до месяца) и охватывающих период с 1575 по 2008 гг. Статистика записей за разные хронологические периоды и за разные месяцы позволяет наглядно проследить процессы, проходившие в обществе в XVII–XX вв., в частности глубокую трансформацию, начавшуюся в ходе Великих реформ Александра II. Она показывает отход (с 1860-х гг.) русского общества от патриархального уклада, одним из элементов которого была книжная культура, основанная на старопечатных кириллических изданиях.

В предыдущих докладах, сделанных на «Миловских чтениях», автор сосредоточился на проблеме источниковедения записей на старопечатных книгах кириллической печати. Этот своеобразный вид исторического источника был рассмотрен с точки зрения общих социально-экономических процессов, происходивших в России в XVI–XX вв., генеалогии отдельных родов, церковной книжной культуры. Автор уже приводил описание методики работы с указанными материалами [1]. В данном докладе автор сосредоточится на проблеме хронологии записей.

¹ Богданов Владимир Павлович, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), к.и.н., vpbogdanov@gmail.com.

В настоящее время в базе данных фигурируют 14 919 записей, из них 4785 имеют точную датировку вплоть до года², а 2868 – вплоть до месяца. При этом крайние даты – 1575–2008 гг. Таким образом, теоретически база данных позволяет получить представления о макро-процессах, происходивших в истории России на протяжении более трех веков.

Для большей наглядности записи были сгруппированы по 10-летиям (что позволило в значительной степени сгладить случайные колебания), а затем по «половинам века» (первая половина XVII в., вторая половина XVII в., первая половина XVIII в. и т.д.). Итоговые данные приведены в таблице № 1.

Первое, что бросается в глаза, это пики появления записей. Так наиболее активно записи велись в 1690-е гг. (276 записей), в 1750-е (235), 1760-е (210), 1790-е (221), 1850-е (210). Мы видим, что это своего рода «кануны» знаковых преобразований российского общества: время перед реформами Петра I, Екатерины II, Александра I и Александра II.

При этом самые «урожайные» в плане записей годы следующие: 1754 (77), 1763 (48), 1767 (68), 1795 (68), 1859 (100). Эти годы влияли на объем датированных записей в десятилетия, однако не определяли его. Так на пятом месте по числу датированных записей стоит 1692 г. А, как мы видели, 1690-е гг. по числу датированных записей занимают первое место!

Не менее интересно распределение записей по месяцам. Здесь следует сразу взять динамику по «половинам века» (за 10-летия статистика слишком не полная). Мы располагаем полными данными за период с первой половины XVII в. по первую половину XX в. включительно.

Мы видим, что графики показывают поразительное совпадение. Так четко выделяются два периода в году: с июня по ноябрь (наименьшее число записей) и с декабря по май (наибольшее число записей). В большинстве случаев именно на первую половину года приходится максимальное и второе за ним значение показателя.

Как представляется, это связано с сельскохозяйственным циклом. В период наиболее активных полевых работ было явно не до чтения. В свою очередь период «вынужденного бездействия», совпадающий с двумя длительными постами, ознаменовывался повышенным интересом к религиозным текстам.

Однако заметно и постепенное снижение роли природного и религиозного факторов. Так, например, количество текстов «с декабря по май» всегда значительно превышает количество текстов «с июня по ноябрь». Это соотношение в первой половине XVII в. равно 1,84, во второй половине XVII в. – 1,76, в первой половине XVIII в. – 1,58, во второй половине XVIII в. – 1,91, в первой половине XIX в. – 1,56. Но во второй половине XIX в. соотношение резко меняется: 1,22. В первой половине XX в. – 1,45. Интересно, что именно во второй половине XIX в. и в первой половине XX в. второй количественный показатель числа записей

² К ним относятся те записи, в которых точная дата указана (например, большая часть вкладных), или те, в которых она легко устанавливается (например, визы работников типографии, которые ставились перед выходом книги).

приходится на вторую половину года – октябрь месяц. При этом он лишь немного «уступает» марту.

Как представляется, перед нами наглядный показатель ломки традиционного уклада жизни во второй половине XIX в.

Это же подтверждает и более внимательный анализ непосредственно данных по месяцам. Практически в четырех столбцах (с первой половины XVII в. по первую половину XIX в. включительно) пик записей приходится на март месяц. Это объясняется тем обстоятельством, что именно на март приходится Великий пост. Исключение – вторая половина XVIII в. (здесь пик приходится на май). Связано оно с тем, что в Ростово-Ярославском крае в 1754 г. именно в мае проходила основная часть кампании по изъятию из церковных библиотек «старых с новыми не согласных» книг, данные о которой отражены в записях³.

Интересно, что если экстремум приходится на март, то второй показатель – всегда также на первую половину года: апрель (первая половина XVII в.), январь (вторая половина XVII в.), май (первая половина XVIII в.), февраль (первая половина XIX в.). Во второй половине XVIII в. пик приходится на май, а второй показатель – на март.

Ситуация меняется во второй половине XIX в. Во второй половине XIX в. и первой половине XX в. март не является явным «лидером» по числу сделанных в этот месяц записей. В первом случае на март приходится 60 датированных записей, а на октябрь лишь на одну меньше – 59. Во втором случае за март выявлено 28 записей, а на май и октябрь лишь на две записи меньше – 26.

Перед нами наглядный показатель перехода России из аграрной страны в индустриально-аграрную, где сельскохозяйственный цикл не так важен. Рост городского населения и постепенный исход людей из аграрного сектора привел к таким интересным социокультурным изменениям.

При этом можно попробовать более точно определить время этих общественных трансформаций. Рассмотрим данные за XIX в. (см. таблицу № 2) И хотя их не так много как, например, для XVII в. (всего лишь 715), статистика, как представляется, показательна. За первую половину XIX в. графики выглядят вполне традиционно. На март приходится экстремум общей динамики. За исключением 1830-х гг., когда лидером по числу записей стал февраль (11 записей, март оказался на следующем месте – 6 записей). Но уже в 1860-х гг. экстремум приходится на октябрь (причем с большим отрывом от остальных – 27 показателей), на втором месте – апрель и декабрь (по 11 показателей). У марта лишь третий показатель – 9. В 1870-е гг. экстремум приходится на ноябрь, хотя перевес незначительный (9), на февраль и март приходится второе место (8 случаев). В 1880-е гг. март снова на первом месте, но с минимальным перевесом (9). У стоящего на втором месте января лишь на один случай меньше – 8 (как в 1860-е и 1890-е). В 1890-е гг. экстремум приходится на июнь (12), а на март приходится снова второе место (10).

³ Кампания эта длилась на протяжении 10 лет. В ходе нее было собрано (судя по соответствующим записям) несколько сотен памятников [Подробнее об этом: 2].

В связи с этим, как представляется, именно 1860-е гг. следует считать переломными в этой социально-психологической перестройке. Они наиболее радикально отличаются, как от более раннего, так и от более позднего периодов.

Таким образом, как представляется, информация о датах записей наглядно традиционный уклад XVII–XX вв. (важным элементом которого была книжная культура) и его трансформацию со второй половины XIX в.

Таблицы⁴

Таб. 1. Динамика количества записей по месяцам в XVII – первой половине XX вв.

	XVII в.		XVIII в.		XIX в.		XX в.
	XVII в.	XVII в.	XVIII в.	XVIII в.	XIX в.	XIX в.	XX в.
	1	2	1	2	1	2	1
Январь	18	69	26	46	28	36	13
Февраль	23	47	33	46	35	31	18
Март	60	83	47	63	55	60	28
Апрель	30	51	15	26	26	25	19
Май	18	33	36	73	28	25	26
Июнь	16	30	18	33	20	30	8
Июль	15	37	16	29	14	17	14
Август	17	18	15	14	14	18	9
Сентябрь	22	49	19	35	25	26	14
Октябрь	11	32	22	27	32	59	26
Ноябрь	10	22	23	21	23	24	12
Декабрь	19	49	22	51	28	36	17
	259	520	292	464	328	387	204

Таб. 2. Динамика количества записей по месяцам в разные десятилетия XIX в.

	1800	1810	1820	1830	1840	1850	1860	1870	1880	1890
Январь	7	5	7	5	<i>11</i>	12	5	6	8	6
Февраль	4	4	6	<i>11</i>	10	11	5	8	2	5
Март	10	10	15	6	14	24	9	8	9	10
Апрель	1	5	5	4	<i>11</i>	5	<i>11</i>	1	3	5
Май	4	6	3	5	10	4	5	7	4	6
Июнь	3	6	3	5	5	1	6	4	7	12
Июль	1	7	2	2	2	2	5	1	5	4
Август	3	2	2	3	4	2	5	4	2	5
Сентябрь	5	5	5	3	7	8	3	3	6	6
Октябрь	8	5	9	4	6	13	27	5	4	9
Ноябрь	4	3	3	4	9	6	6	9	2	2
Декабрь	7	6	7	2	6	7	<i>11</i>	2	7	9

1. Богданов В.П., Высоцкий Н.А. Записи на книгах старопечатной кириллицы XV–XVIII вв.: живые цифры для социальной истории [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал История. 2017. № 8.
2. Гулина Т.И. К вопросу об источниках формирования библиотеки Ярослав-

⁴ Внутри таблиц полужирным и курсивом выделены экстремумы, просто курсивом – вторые показатели.

ского архиерейского дома // Язык, книга и традиционная культура позднего русского средневековья в жизни своего времени, в науке, музейной и библиотечной работе XXI в. М., 2011.

Л.А. Черная¹

Девизы в городской жизни петровского времени

Источниковедение; русская культура; Петр Великий; триумфальные арки; фейерверки; корабли; эмблематика; символика.

Рассматривается использование девизов в русской городской культуре петровского времени. Показана роль Петра I в создании девизов в разных областях: при создании триумфальных врат, фейерверков, при спуске кораблей на воду и др.

Девизы петровской эпохи прочно вошли в жизнь русских городов, в особенности, Санкт-Петербурга и Москвы. Они наиболее сжато и емко отражают основные идеи преобразований Петра I, которые монарх стремился донести до народа в разных формах, в том числе и в форме девизов. Эти краткие сентенции, сопровождаемые часто метафорическим изображением, получили самое широкое распространение во всех сферах городской жизни своего времени, начиная с девизов многочисленных новых кораблей, надписей на триумфальных вратах, текстов фейерверков и заканчивая девизами, заполнявшими речь Петра Великого и созданными им самим. Внедрением девизов как новой формы, непривычной для традиционной русской средневековой культурной парадигмы, занимался непосредственно сам преобразователь. С этой целью была издана в 1705 г. книга «Симбола и эмблемата», использовавшаяся как пособие при создании надписей к картинам триумфальных врат и фейерверков. Были и другие западноевропейские издания эмблематики, известные в России [3, с. 521–526]. При этом, сравнительный анализ текстов «Симбола и эмблемата» с русскими надписями показывает, что доля прямых заимствований была незначительна. В частности, любовная тематика, широко присутствующая в этой книге, практически совсем не нашла отражения в русской массовой эмблематике петровского времени.

Инициатором и созданием девизов, и их распространения был царь, поэтому наиболее любимые им изречения многократно повторялись в разных произведениях и видах искусства. Иногда девизы создавались из общеизвестных «ходячих» выражений типа библейских цитат, поговорок или пословиц; в иных случаях сочинялись ни на что не похожие по горячим следам каких-то значимых событий. Чаще всего автором таких лаконичных емких новообразований был сам Петр Великий. К примеру, на одном из медальонов Гренгамской пирамиды 1720 г. был показан рыбак, вытаскивающий четыре большие рыбины, что должно было ассоциироваться с четырьмя захваченными русскими моряками шведскими фрегатами в Гренгамском сражении. Рисунок сопровождался надписью: «Пагубное лакомство».

¹ Черная Людмила Алексеевна, Московский государственный академический художественный институт им. В.И. Сурикова при Российской академии художеств, НИУ ВШЭ (РФ, Москва), д.и.н., tchernie@rambler.ru.

Впервые девизы появились в городской жизни Москвы еще в 1697 г. вместе с первыми триумфальными воротами в честь взятия Азова. На одной из картин на воротах был изображен «крылатый муж» как аллегория Славы с сопровождавшим изображение девизом: «Достоин делатель мзды своея». Эту цитату из Библии в качестве девиза предложил сам Петр I, что явствует из его письма А. Виниусу по поводу устройства первых триумфальных ворот в Москве. Там же царь указывал и место для устройства триумфальных ворот [4, с. 109–110].

Вслед за триумфальными воротами в городскую культуру постепенно начали входить фейерверки, празднование Нового года, маскарады и праздничные катания, причем не только по улицам в санях или повозках, но и по водной глади Невы, и, самое главное, невиданные доселе массовые празднования спуска кораблей на воду. Во всех этих городских мероприятиях обильно использовались девизы. Они являются ценным источником по целому ряду вопросов культурной политики Петра Великого, методов «европеизации» русской культуры, просвещения и пропаганды, менталитета и образа мышления самого преобразователя и его современников и т.п.

Целый ряд девизов был теснейшим образом увязан с эмблемами, зримыми метафорами, образуя синтез изображения и вербального осмысления его в духе барочного «остроумия» [2, с. 184–226]. В городской культуре наиболее распространенными были образы «российского орла» и «свейского льва», олицетворявших Россию и Швецию. Образ российского орла обыгрывался постоянно в разных вариациях и сопровождался в связи с этим разными девизами. Например, на гравюре А. Шхонебека, изображающей фейерверк в Москве 1 января 1704 г., орел на центральном транспаранте, держащий на груди Андреевский крест, на крыльях карты Белого и Азовского морей, в правой лапе карту Каспийского моря, сопровождался девизом «Сим чрез единаго». Еще 4 изображения орла имели другие девизы: с пучком молний и оливковой ветвью – «Имею обои»; орел, сидящий на пушке, над ним купидон, дуящий ему на крылья, – «От обоих бесстрашен»; орел, сидящий на ветке, пригнувшейся к земле, – «Не гласом, но делами моими»; орел, нападающий на льва, – «Приключаю и сильному трясение».

При сравнительном анализе девизов вырисовывается четкая картина предпочтений. Самыми востребованными и употребляемыми были девизы, выражавшие Божественную помощь России и ее монарху во всех деяниях: «Божьим провидением», «С божьей помощью», «Божье сему есть предвидение», «Бог всем управляет» и т.п. Уже на первых триумфальных воротах 1697 г. в Москве девиз «Бог с нами, никто же на ны, никогда же бываемое» сопровождал главное изображение на фронте: двуглавого орла среди знамен, прапоров, протазанов, копей, пушек, ядер, бомб и морских судов. В 1700 г. был спущен на воду 58-пушечный корабль, построенный без участия иностранных специалистов и по чертежам самого царя, «Гото предестинация», имевший девиз, написанный на корме по-голландски и раскрывающий ту же идею: «Божье сему есть предвидение». На транспаранте фейерверка в январе 1702 г. были изображены аллего-

рические фигуры Фортуны и Хроноса, держащие лавровый венок, сопровождаемые девизом «Богу за сие благодарение». Из 57 надписей на триумфальных вратах учителей Славяно-греко-латинской академии в Москве в 1703 г. значительная часть носила религиозный характер, в том числе было несколько раз повторенное благодарение Богу за помощь и покровительство. На вратах в честь Полтавской победы был показан античный бог войны Марс, под которым подразумевался Петр I, с мечом в правой руке, на мече были начертаны слова: «Божия помощь, российская правда» [5].

Вторым наиболее часто встречающимся был блок девизов, призывавших к движению России вперед, как бы говорящий о том, что преобразования Петра Великого должны обязательно продолжаться, нарастать и ни в коем случае не прерываться. В них утверждалась мысль, что то, что началось, должно распространиться, что от малого необходимо переходить к большому. В этом плане неоднократно обыгрывался знаменитый ботик Петра I, названный «дедушкой русского флота» и ставший символом этой идеи движения России вперед. Целый ряд мероприятий был посвящен переносу и установке ботика в Санкт-Петербурге. На одном из них в начале июня 1723 г. напротив Сената на Неве был устроен фейерверк на барках, где горела декорация с изображением ботика и надписью «От малых причин могут быть большие следствия» [8, с. 42]. Ботик был установлен на постамент перед Петропавловской крепостью, на торцах постамента читался девиз «Децкая утеха принесла мужески триумф», который хорошо виден и на гравюре, изображающей ботик с двух сторон, созданной гравером Иваном Zubовым по рисунку Ивана Зарудного в 1722 г. [6].

Еще одной популярной темой девизов петровского времени была тема осуждения Швеции «за похищение чужого». Так, центральным образом, венчающим триумфальные врата 1703 г, был двуглавый орел, который метал перуны-молнии в лежащего внизу «свейского льва», держащего в когтях четыре «похищенных града». Отсюда же и центральной идеей целого ряда надписей можно считать изречение под этой картиной, переведенное с латыни как: «Не похищай чуждаго». Там же было много надписей, предсказывающих дальнейшие победы русского оружия и дальнейшие поражения шведов: «достоинно есть бояться его», «земле страшен и водам», «далее и морем», «торжествует на водах», «трегубою поразит язвою побеждена», «паде, иже многим во уме своем пасти хотяше» и др. [7, с. 135–149].

Долгожданное окончание Северной войны также нашло свое отражение в девизах. Декорация фейерверка 22 января 1722 г., посвященного Ништадскому миру, имела транспарант с изображением Меркурия, летящего с севера на юг под девизом «Плоды мира». Там же на гравюре Алексея Зубова показан «Ноев ковчег», осевший на вершине горы, со словами «Утешается по волнении».

Широкую популярность в городской среде получили девизы, даваемые спускаемым на воду судам. Петр I особым указом от 25 мая 1699 г. закрепил за собой право давать имена и девизы всем строящимся в России кораблям: «...чтоб на корабли до нашего великого государя указы знамен

не делали бы, и на кораблях гербов назад... не писали бы и не резали... каким гербам на которых кораблях быть и о том им наш, великого государя, указ прислан будет...» [1, с. 51]. Кроме корабельных имен и девизов плодом творчества монарха бывали и эмблематические изображения. Свидетельством его работы над этими вещами является собственноручная выписка с примерами эмблем и девизов к ним 1700 г.: «Ветвь виноградная обрезаная» – «После слез происходит плод»; «Мяч с двумя лаптами» – «Коль вяще биен бываю, толь вяще подымаюсь»; «Рожденное железо» – «надлежит делать, пока время есть»; «Черепаша с вымпелом» – «Терпением увидишь делу окончание» [4, с. 323–324]. Известно, что последний девиз был присвоен российскому кораблю «Черепаша».

Из 147 линейных кораблей и фрегатов, построенных в петровское время, многие носили имена животных и птиц («Слон», «Орел», «Журавль стерегущий», «Спящий лев», «Скорпион» и мн. др.) с устоявшимися девизами: «Злым – лих» (девиз корабля «Элефант»), «Сердце его бдит» («Спящий лев»), «Смертью его исцеляются» («Скорпион») и т.д. Ряд девизов был связан с названием кораблей типа «Бомба», «Шпага», «Барабан»: «Горе тому, кому достанусь», «Покажи мне суть лаврового венца», «Непотребен без грому». Особую группу составляли «юмористические» девизы, обычно использовавшиеся для небольших судов, к примеру, «Три рюмки» (девиз «Держи во всех делах меру»). Многие девизы были взяты из книги Даниэля де ла Фея «Девизы и эмблемы», вышедшей в Амстердаме еще в 1697 г. [9].

В целом, благодаря распространению девизов во всех сферах городской культуры петровской эпохи, последнюю можно охарактеризовать как стремящуюся к краткости и лаконичности в выражении основных идей, к эмблематичности, к соединению вербального и визуального начал в некую новую форму пропаганды и просвещения одновременно. Поистине, ни до, ни после правления Петра Великого русская городская культура не была столь насыщена самыми разнообразными девизами, символами и эмблемами.

1. *Елагин С.* История русского флота. Период Азовский. СПб., 1864.
2. *Морозов А.А.* Эмблематика барокко в литературе и искусстве петровского времени // XVIII век. Л., 1974. Т. 9.
3. *Пекарский П.А.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1.
4. Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. Т. 1. (1688–1701).
5. Политиколепная апофеозиз... Петра Алексиевича... по преславной виктории... под Полтавою... возвращающагося. В царствующий град Москву... от еллинославнолатинския академии... М., 1709.
6. *Ровинский Д.А.* Обзорение иконописания в России до конца XVIII века. Описание фейерверков и иллюминаций. СПб., 1903.
7. Торжественная врата, вводящая в храм безсмертной славы, непобедимому имени Новаго в России Геркулеса... Петра Алексеевича... в Москве, от учительнаго собрания... // Панегирическая литература Петровского времени / Сост., введ. и коммент. В.П. Гребенюк. М., 1979.
8. Фейерверки и иллюминации в графике XVIII века. Выставка / Сост. М.А.

Алексеева. Л., 1978.

9. *La Feuille D. de. Devises et emblems anciennes et modernes tirees des plus celebres auteurs ave plissieuses autres.* Amsterdam, 1697.

Б.Л. Шапиро¹

Костюм российской знати и мода после петровских реформ (по описям имущества частных лиц и семейно-правовым актам 1723–1730 гг.)

XVIII в.; петровские реформы; Петр II; Долгоруковы; Наталья Шереметева; история костюма.

Рассматривается эволюция придворной моды, инициированная костюмными реформами Петра Великого. Период исследования – от оформления России как империи до фиксации понятия «мода» на русском языке.

Как известно, большинство петровских указов, регламентирующих внешний вид подданных, относится к доимперскому времени: к образованию империи (1721) костюмные реформы были в целом завершены [14]. Результат реформ был изложен в «Табели о рангах...» (1722) с формулировкой: «понеже также знатность и достоинство чина какой особы часто тем умаляется, когда убор и прочий поступок тем не сходствует... того ради напоминаем... чтоб каждый такой наряд, экипаж и ливрею имел, как чин и характер его требует»².

Вопреки последовательно проводимой политике против роскоши, Петр Великий не препятствовал щегольству царедворцев, понимая взаимосвязь материальных атрибутов статуса, блестящего двора и престижа государства. Так западноевропейский костюм стал не только одним из визуальных кодов вестернизации петровской России, но и символом близости к власти. Итогом реформ стало помещение в пространство русской материальной культуры так называемого «немецкого» платья, сформированного на основе актуального западноевропейского.

Состояние вопроса можно существенно уточнить по описям имущества частных лиц и семейно-правовым актам – источникам, пока недооцененным и малоизученным применительно к истории вестернизации России и к истории русской материальной культуры XVIII в.

Так, согласно описи имущества Виллима Монса³, законодателя мод при петровском дворе, основу его гардероба составляли камзолы и кафтаны. Это были штучные, т.е. отдельные предметы, и так называемые «пары», состоявшие из кафтана и камзола, а также полные комплекты «пара и штаны» – не обязательно сделанные из одной ткани, но подходящие друг к другу. Цвета, оттенки и их сочетания в одежде были самые разнообразные, но всякий раз изысканные (голубой, кофейный, красный с фиолетовым, васильковый). В центре внимания были светлые, по последней моде, камзолы – серебряной парчи или с серебряной отделкой.

¹ Шапиро Бэлла Львовна, РГГУ (РФ, Москва), к.и.н., b.shapiro@mail.ru.

² ПСЗ. Т. VI. С. 493.

³ Галанта Екатерины I и брата фаворитки Петра I. Опись его имущества относится к 1723–1724 гг.

Отделку составляло серебро и золото (расшивка и вышивка, золотые и серебряные пряжки, нашивки на чулки). Одежда застегивалась на алмазные или золотые пуговицы. Аксессуары были весьма изысканны – шелковые чулки самых разных цветов (включая подвязки с серебряными пряжками), кружева, драгоценные табакерки и кошельки, шляпы [4].

Существенной частью гардероба Монаха были тонкие перчатки, сохранявшие белизну и мягкость кожи рук этого «бело-розового... женственно-красивого камергера» [2, с. 106-107] и «накладные волосы кавалерские», т.е. парики [12, с. 158] (в описи упомянутые как «волосы белые с калмыка» [4, с. 371]). Вещи поступали преимущественно из Берлина, определявшего моду для русского двора 1720-х гг. [11, с. 155].

Истинное «время берлинских мод и великолепного шитья» [6, с. 209] наступает уже после смерти Петра Великого (1725), когда роскошь костюмов знати заметно возросла. В этом отношении весьма показателен гардероб А.С. Меншикова, одного из самых могущественных среди некоронованных особ Европы первой трети XVIII в., что, несомненно, отразилось в его костюме. Степень роскоши и изящество вкуса светлейшего князя можно представить по описи его гардероба от 1726 г.

Основу гардероба составляли «пары» и пары с штанами (чаще суконные с отделкой шитьем золотом или серебром); имелось значительное количество отдельных вещей. Встречаются пары «берлинские», «шведские» и французские, в т.ч. кафтаны с французскими обшлагами. Одежды покрывались шитьем и вышивкой, вокруг по полам, воротнику, обшлагам, карманам, иногда по швам; есть предметы, сплошь покрытые золотым и серебряным декором. Дополнительной отделкой выступали золотосеребряные галуны, прорезные позументы (ажурные галуны) и бахрома.

Среди верхней одежды любопытен ряд суконных сюртуков (суртуков). Отдельно нужно отметить летнее светлое платье, в т.ч. камзолы из беленого или небеленого полотна, на тонком шелке, с золотой или серебряной вышивкой (иногда с черным контуром), либо вышивкой белым или черным шнуром. Несомненно, во второй половине 1720-х гг. светлые тона (материи и отделки серебряные и оттенков белого) находились на пике моды [7, с. 89–94].

Стоит добавить, что по описи 1728 г., светлейшему князю принадлежали 147 рубак без манжет и с кружевными манжетами и около 50 кружевных галстуков, 55 пар кружевных и шелковых чулок, 25 париков, парчовые домашняя одежда и туфли [1, с. 261; 2, с. 140], по менее известной описи 1732 г. – еще и соболья муфта [5, с. 173].

Еще один пример фешенебельного гардероба представлен в описи «платья и прочего» приверженца версальской моды императора Петра II (вероятно, от 1730 г.). Согласно документу, пары и комплекты одежды выполнялись чаще всего из бархата красных (алого, пунцового, малинового), синих (голубого, синего) и темных (черного, темно-зеленого) оттенков. Отделкой служило привозное кружево «подишпан», любимое при дворе.

Кроме бархатных, в описи упомянуто множество одежды в серебряной гамме (варианты: глазет, серебряная парча по алой или зеленой зем-

ле, гладкая парча, серебряная отделка). В рамках «светлой» летней моды отмечены светлые шелковые кафтаны на белых тафте и муаре. Также упоминаются прогулочные трости («заморская» и «черепаховая»), лайковые перчатки и шелковые чулки с серебряными и золотыми стрелками [8].

Женский аристократический костюм второй половины – конца 1720-х гг. может быть представлен благодаря документам, имеющим отношение к двум обручениям государственной важности.

30 ноября 1729 г. состоялось обручение Петра II с «государыней-невестой» Екатериной Долгоруковой, дочерью А.Г. Долгорукова⁴ [13, с. 130]. Последовавшие за тем известные события послужили к опале семейства; перед высылкой их в Березов (1730) была составлена опись имущества, куда вошла и одежда.

Согласно описи, основу женского костюма составили пары «кафтан и юбка». Так же упоминаются пары «самара (распашное платье) с юбкой» и придворные платья (робы). В качестве модных мелочей можно назвать корсеты, чепцы (бархатные и тафтяные), множество платков шейных и головных, шелковые чулки, большой воротник (краган). Достойны упоминания золотые табакерки и галстук из крупных жемчужных зерен [13, с. 142–151].

К свадьбе невесте были приготовлены три парадные юбки («белая с золотом тканя», «белая серебром тканя», «голубая серебром тканя») и модное головное украшение из кружева и лент под названием фонтанж [13, с. 151]⁵.

Второе обручение, случившееся вскоре после первого (24 декабря 1729 г.) также имело непосредственное отношение к семье Долгоруковых. Главными участниками события были старший брат «государыни-невесты» обер-камергер Иван Долгоруков⁶ и Наталья Шереметева⁷; император был в числе гостей. По словам самой невесты, действо было весьма роскошным: «редко кому случилось видеть такое знатное собрание» [10, с. 11]; одни только кольца молодых в общей сложности стоили 18 тыс. руб. [10, с. 12].

Костюм молодой аристократки, близкой ко двору, можно представить из описи приданого Н. Шереметевой. Основной объем приданого платья составили парчовые одежды, парчовые и бархатные чепцы, шелковые чулки и платки, кружевные вещи (прежде всего манжеты и модные фонтанжи, дорогие «подишпаны»), лайковые перчатки (30 пар), драгоценные табакерки, веера (21 штука). Детали модного гардероба составили украшения из золота и бриллиантов, серебряная муфта, золотные и серебряные ленты, корсет («шнуровка гарнитурная черная») и декор для придворной робы (робные аграманты) [9, с. 437–439].

⁴ Сенатора, гофмейстера и воспитателя великого князя Петра Алексеевича, обладателя одного из крупнейших состояний в Российской империи.

⁵ «Торговый иноземец Яков Левий в январе 1730 г. для невесты императора отдал безденежно фонтанж кружевной брабантский ценой 450 р.».

⁶ Фаворит Петра II и его первый советник.

⁷ Дочь сподвижника Петра Великого генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева.

Гардероб жениха составляли суконные и бархатные кафтаны и пары из золотой и серебряной парчи. Камзолы и домашнее платье были изготовлены из шелкового штофа [13, с. 140, 150]. Гардероб младших братьев жениха был составлен по аналогии; в них можно отметить «пару с золотым позументом» и «сертут с серебряным позументом» [13, с. 150].

Основой гардероба отца-сенатора были пары и полные комплекты с штанами преимущественно темных тонов (черные, серые, темно-зеленые); немецкие кафтаны («кафтан немецкий серый»), полукафтанья и сюртуки. Чаще, чем у молодежи, встречались суконные одежды [13, с. 139].

Можно утверждать, что рассмотренные документы 1723–1730 гг. довольно подробно представляют костюм русской знати того периода, когда мода оформлялась при императорском дворе как самоценное явление. В 1731 г. этот феномен впервые в русском языке был зафиксирован в словаре Э. Вейсмана, где модой было названо следование наиболее актуальному или иностранному «обыкновению» [3, с. 420].

Полученный результат исследования описей имущества частных лиц и семейно-правовых актов позволяет включить их в круг значимых и востребованных источников по истории русской материальной культуры и истории костюма, в частности, и русской истории XVIII столетия в целом.

1. *Андреева Е.А.* Петербургская резиденция А.Д. Меншикова в первой трети XVIII в.: Описание палат, хором и сада: Исследование и документы. СПб., 2013.
2. *Бердников Л.И.* Щеголи и вертопрахи: герои русского галантного века. М., 2008.
3. *Вейсман Э.* Немецко-латинский и русский лексикон. СПб., 1731.
4. Гардероб и некоторые вещи Виллима Монса в 1723–1724 гг. // *Семевский М.И.* Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс. 1692–1724. М., 1994.
5. *Жаркова Н.Ю.* Имущество А.Д. Меншикова по неизвестной описи 1732 года // Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 2013. Т. 70.
6. *Корнев Д.М.* «Грамматика костюма» Российской Империи: от кафтана к... кафтану // Коммуникативное пространство культуры. Материалы Междунар. научн. конф. в ОГИК. Орел, 2017.
7. *Моисеенко Е.Ю.* Опись гардероба А.Д. Меншикова. К истории мужского костюма первой четверти XVIII века в России // Культура и искусство петровского времени. Л., 1977.
8. Опись о гардеробе Его Императорского Величества Петра Второго, платье и прочее // *Павленко Н.И.* Петр II. М., 2017.
9. Отголоски XVIII века. Приданое княгини Н.Б. Долгоруковой // Русский архив. 1897. № 11.
10. Памятные записки княгини Натальи Борисовны Долгоруковой // Русский архив. 1867. Вып. 1.
11. *Семевский М.И.* Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс. 1692–1724. М., 1994.
12. *Суслина Е.Н.* Повседневная жизнь русских щеголей и модниц. М., 2003.
13. *Тихонов Ю.А.* Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства (по новым источникам первой половины XVIII в.). М., 2011.
14. *Шатило Б.Л.* Русский костюм: между царством и империей // История: факты и символы. 2017. № 3 (12).

Богословская антропология свт. Димитрия Ростовского и его полемика со старообрядцами²

Димитрий Ростовский; невежество; мудрость; православная антропология; «Розыск раскольнической брынской веры»; старообрядчество.

Доклад посвящен связи между богословской антропологией свт. Димитрия Ростовского и его обличениями невежества старообрядцев. Для митрополита невежество, это, прежде всего, не отсутствие знаний и образования, но сознательный отказ от апостольского предания в духовной жизни, духовная слепота и незнание истинного Бога.

Одной из важных тем сочинения Димитрия Ростовского «Розыск раскольнической брынской веры» является обличение невежества старообрядцев-«брынян». В исследовательской литературе это нередко трактовалось как свидетельство культурной дистанции между митрополитом и «брынянами» – как взгляд малоросса, не разбирающегося в «особых обстоятельствах великорусской церковной жизни» [12, с. 412; 4 с. 447; 13, с. 79] или как предубеждение барочного интеллектуала по отношению к простому народу [9, с. 52–53; 10, с. 226–227]. Справедлива ли такая оценка? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к богословским воззрениям митрополита Димитрия, его взглядам на премудрость и невежество.

Определяющее влияние на свт. Димитрия Ростовского как богослова оказали изучение им Библии, чтение толкований свт. Иоанна Златоуста, а также исихастская аскетико-мистическая традиция [6; 7; 8; 11]. По этой причине в сочинениях свт. Димитрия Ростовского получило особое развитие учение о внешнем и внутреннем человеке и двух мудростях – внешней и внутренней.

Внешняя мудрость редко привлекает внимание св. Димитрия сама по себе. Так, если свт. Димитрий рассказывает о святом, прославленном внешней мудростью, то хотя и хвалит его за познания в философии, но обращает внимание паствы на то, что истинная слава святого – внутренняя мудрость, которая и в этом случае превосходит внешнюю³. Митрополит не раз упоминает о глупости мудрецов, которые не знают Бога [6, с. 42].

В одной из своих проповедей свт. Димитрий задается вопросом, справедливо ли необразованных людей называть истинными невежами, неразумными, безумными? И ответ святителя отрицательный: «Людии коварнии, пронирливи, умеюции из неправды правду, а ис правды неправду соделати видяще человека незлобна, сердцем проста, рекут: глуп тои. О человецы, не яму вам веры, поразсмотритея токмо между собою обрящете, и меж самема вами доволно безумных. О любомудрецах гла-

¹ Крылов Алексей Олегович, МГТУ им. Н.Э. Баумана, ПСТГУ (РФ, Москва), к.и.н., dismal.enigma@yandex.ru.

² Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18–39–00099 мол. а.

³ ОР РГБ. Ф. 394 (собр. А. И. Хлудова). № 25. Л. 260 об., 270–270 об.

голет апостол: “Глаголюще быти мудрии обьюродеша”, и художникам некто от отечника возглаголет: “Дело ваше яко дело, дело Божие яко поделие”. А незлобивых простосердечных людий сам Христос от коварников заступаи, и себе приторгает, незлобивии и правии прилепляху мне (Пс. 24:21)»⁴.

Внутренняя мудрость, пути ее обретения и утраты – центральная тема всех сочинений свт. Димитрия Ростовского. Митрополит учил об особой важности очищения ума для приближения к Богу и достижения святости. По его словам, через чтение Священного Писания, участие в церковных таинствах и молитву, Святой Дух сообщает христианину истинную мудрость, «пособствует нам, отгоняя от разума невежество и научая, что творити достоин и чесого бегати подобает»⁵. Этот Дух некогда просветил апостолов «ниже прежде невежде бяху, но егда во вселенную с благовестием послани быша исполни я разумом, витийством и мудростию»⁶. Поэтому Святому Духу молится и сам митр. Димитрий Ростовский, называя себя невежей⁷.

Свт. Димитрий Ростовский немало пишет и о том, что разумное начало в грешнике повреждается, так как его ум отвергается от Бога. «Как лицо человеческое безобразуется от приятия на себе каковыя язвы или проказы, сице разум обезразумляется от возвращения на грех по покаянии, и человек соделывается не человек разумный, но скот несмысленный, по писанному: “Приложися скотом немысленным и уподобися им” (Пс. 48, 13)»⁸. Эти мысль лежит в основе множества бестиарных образов проповедей свт. Димитрия и достигает апогея в описаниях чудовищных людей-монстров, в которых по преданию превратились строители Вавилонской башни [6].

Противопоставление внешней и внутренней мудрости было хорошо знакомо древнерусской книжности, при этом «сладость книжного учения» неизменно относилась к внутренней мудрости. Отношение к «эллинской» философии было сложным, однако чаще всего она отождествлялась с особым «премудрым» образом жизни, поисками нравственного совершенства [2, с. 19]. Тема противопоставления светской образованности, «философии и риторики» и «внутренней мудрости» появляется в западнорусской полемической литературе XVI–XVII вв. как ответ на обвинения в невежестве со стороны католических и протестантских авторов. Старообрядцы обратили этот полемический прием уже против самих западнорусских клириков. В сочинениях старообрядческих авторов XVII–XVIII в. не раз восхваляется благочестивое невежество древнерусских подвижников, порицается знание риторики и философии, а сочинения «никониан» характеризуются как творения «человеческого разумения» и земной мудрости [3, с. 58–66; 10, с. 322–341; 15, с. 119–136; 16]. Так, С.А. Денисов в послании к митрополиту Иову Новгородскому отозвался о «Розыске» свт. Димитрия

⁴ РГАДА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 235. Л. 53 об.–54.

⁵ ОР РГБ. Ф. 394 (собр. А. И. Хлудова). № 25. Л. 272.

⁶ Там же. Л. 273–274.

⁷ Там же. Л. 260.

⁸ ОР РГБ. Ф. 394. Оп. 1. Д. 25. Л. 103 об.

Ростовского следующим образом: «И яже в ней свояразсудительныя человек доводы и силлогисмы сия мимотечением прехожду. Сим бо вверяти... спасение души своя не смею, церковным святым учителемъ повинуюся, от силлогисмовъ бегати научающымъ» [16, с. 513]. Эта апология невежества была не выражением глубоких богословских или философских основ старообрядчества, но ситуативным полемическим ходом. К концу XVIII столетия выговские авторы уже составляли панегирики, прославлявшие ученость проповедников Старой Веры, превзошедших риторику и философию, и именовали Выг староверческими Афинами [16, с. 515–516].

Однако ростовский митрополит в своем сочинении упрекает «брынян» вовсе не в том, что они не знают Аристотеля или не умеют строить силлогизмы, а в том, что они сознательно пренебрегают апостольским преданием и церковными таинствами, вследствие чего лишены Святого Духа, действующего в Церкви. Как уже говорилось, для свт. Димитрия «внешняя мудрость» или ее отсутствие не приближают человека к Богу и не удаляют от него, а стало быть – не имеют отношения к обретению истинной мудрости или ее утрате. «Брыняне» по мысли свт. Димитрия Ростовского невежды потому, что руководствуются не Святым Духом и Божественным Откровением, но своим собственным разумом – причем разумом «некнижным» и «простым».

Ученость и «книжность» для свт. Димитрия Ростовского, как и для древнерусских книжников – это прежде всего знание и верное понимание Священного Писания. Поэтому Ростовский митрополит упрекает «брынян» в том, что они учат, опираясь на свой «некнижный» разум, в то время как учение Православной церкви опирается на Священное Писание и Священное Предание: «Наша же истинная христианская вера, еяже не от брынских заколдонников, простых мужиков научихомся, но от самого Христа Спаса нашего, во святых Евангелиях ны учащаго, и от святых Его Апостолов ю прияхом, и седми вселенскими соборами в ней утвердихомся»⁹.

Если апостолы были «некнижными», но их просветил Святой Дух и дал им мудрость, то «брыняне» лишены таких благодатных даров: «Вы же, о брыняне, неученныи учителя, некнижныи мудрецы, рцйте нам, когда со Христом ходисте, когда Духа Святаго во огненных языцех приасте, когда странными языки глаголати научистесь, якоже апостоли? Отверзесь ли вам ум разумети Писания, якоже апостолом? Постыдитесь убо брынскиеи учителя, простиии мужики и бабы, сан учительский на ся восхищающии, имже довлело бы учениками, а не учителми быти, и от церковных правоверных учителей учитися, а не самим иныя учити и изобретати себе новыи различныи веры»¹⁰.

Итак, для свт. Димитрия Ростовского невежество – это состояние ума, не знающего Бога. По мысли митрополита, истинную, внутреннюю мудрость подает христианам Святой Дух – потому истинным мудрецом порой может быть и необразованный человек, но никогда – тот, кто враж-

⁹ РГАДА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 235. Л. 20–21 об.

¹⁰ РГАДА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 235. Д. 74–75 об.

дует с Церковью, не знает ее учения и опирается только на собственный горделивый разум. Потому было бы ошибочным оценивать обличения в невежестве «брынян» как свидетельство непонимания митрополитом аксиологии старообрядческих авторов. Утверждения свт. Димитрия о невежестве оппонентов проистекали из традиционной православной богословской антропологии, хорошо знакомой еще в Древней Руси. Главным, что разделяло ученого митрополита и старообрядческих проповедников было различное понимание того, где и как проявляет себя «Дух премудрости, Дух разума».

1. *Алексеев А.А.* «Невеглас», или Похвала невежеству // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50.
2. *Громов М.Н.* Образы философов в Древней Руси. М., 2010.
3. *Гурьянова Н.С.* Старообрядцы и творческое наследие Киевской митрополии. Новосибирск, 2007.
4. *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество. М., 2009.
5. *Крылов А.О.* Ссылки на источники поучений в сочинении свт. Димитрия Ростовского «Чуда пресвятой и преблагословенной Девы Марии» // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2017. Вып. 5.
6. *Крылов А.О.* «И лишаются невежеством своим многих благ духовных». Понятие «невежество» в «Розыске раскольнической брынской веры», проповедях и учительных сочинениях святителя Димитрия Ростовского // Манускрипт. 2018. № 5 (91).
7. *Крылов А.О.* Что превращает человека в зверчеловека? Териантропия в богословии свт. Димитрия Ростовского // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 84.
8. *Крылов А.О.* Пища для насыщения «душевного глаза»: место латинской книжности и барочной проповеди в пастырском наследии свт. Димитрия Ростовского // Коммуникации в мультикультурном обществе. Материалы I международной научно-практической конференции 6–8 декабря 2015 г. М., 2015.
9. *Панченко А.М.* Русская культура в канун петровских реформ // *Панченко А.М.* Русская история и культура. Работы разных лет. СПб., 1999.
10. *Робинсон А.Н.* Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974.
11. *Рубцова М.Л.* Святитель Димитрий Ростовский о внутреннем человеке и умной молитве // Православие и православная культура в эпоху Димитрия Ростовского. Ростов, 2018.
12. *Сорокин В.Б.* Древнерусская литература об уме и глупости // Русская речь. 2007. № 6.
13. *Флоровский Г.В., прот.* Пути русского богословия. М., 2009.
14. *Шляпкин И.А.* Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709). СПб., 1891.
15. *Шумило С.* Старец Иоанн Вишенский: афонский подвижник и православный писатель-полемист. Материалы к жизнеописанию блаженной памяти великого старца Иоанна Вишенского Святогорца. Киев, 2016.
16. *Юхименко Е.М.* Невежество и премудрость в интерпретации выговских писателей-старообрядцев // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55.
17. *Юхименко Е.М.* Старая вера в новых условиях // Человек между Царством и Империей. М., 2003.

**Реакция русского православного духовенства
на конфессиональную политику власти
во второй половине XVIII в.**

Конфессиональная политика; секуляризация; церковь; православное духовенство; митрополит; богословие.

Конфессиональная политика Екатерины II началась с секуляризации церковных владений в 1764 г. Иерархи русской православной Церкви не оказали серьезного сопротивления секуляризационной реформе. Единственным исключением был Ростовский митрополит Арсений Мацеевич, сурово наказанный властью. Автор обращается к материалам его дела. В связи с положением духовенства и Церкви затрагивается вопрос о богословской мысли в России в последние десятилетия XVIII в.

Неизбежность и необходимость секуляризации церковных владений в полной мере осознавалась властями в XVIII в. В России спор о праве Церкви владеть землями уходил своими корнями в XV столетие. Со времени Петра I шло неуклонное наступление светской власти на архиерейские, церковные и монастырские земли.

К середине XVIII в. идея секуляризации церковного землевладения сама по себе носилась в воздухе. Даже богобоязненная Елизавета Петровна предприняла попытку наступления на духовенство. Из членов Синода и светских лиц была учреждена Конференция для решения вопроса о церковных имениях. С ее подачи 30 октября 1757 г. последовал указ, согласно которому монастырскими имениями следовало управлять назначенным для этого офицерам, а не «монастырским служкам»; монастырские крестьяне переводились на оброк. Духовным учреждениям было предписано употреблять свои доходы «только на положенные штатом расходы»². По-видимому, церковники, входившие в окружение Елизаветы Петровны, смогли ее убедить в опрометчивости подобных решений, и указ остался нереализованным.

Петр III предпринял решительные шаги в плане секуляризации церковных владений. 21 марта 1762 г. был издан указ об изъятии земель и крестьян у епархий, храмов и монастырей и передаче их в казну, а также о создании Коллегии экономии для управления монастырскими вотчинами и обложении бывших монастырских крестьян, как государственных и дворцовых, рублевой податью³.

Полная секуляризация недвижимых церковных имуществ была приостановлена Екатериной II. На первых порах она с осторожностью заметила, что Петром Федоровичем все, что касается церковных владений, «учинено без всякого... порядка и рассмотрения» [4, с. 110]. Поэтому 12 августа 1762 г. она приостановила действие указа Петра III о секуляризации. Движимые и недвижимые архиерейские, монастырские и церков-

¹ Вдовина Людмила Николаевна (РФ, Москва), к.и.н., alvdo@yandex.ru.

² ПСЗ. Т. XV. № 10 765.

³ Там же. № 11 441.

ные имения изымались из ведения Коллегии экономии и управления посланными офицерами и возвращались Церкви⁴. Но с первых шагов своей политической карьеры Екатерина-политик предусматривала разные варианты решения сложных вопросов. Еще 3 июля 1762 г. Сенату было приказано рассмотреть политику относительно церкви, а в ноябре 1762 г. учредили особую Комиссию по духовным делам. В состав Комиссии вошли как лица духовные (президент Синода Новгородский митрополит Димитрий Сеченов, архиепископ Санкт-Петербургский Гавриил, епископ Переяславский Сильвестр), так и светские (граф И.И. Воронцов, князь А.Б. Куракин, князь С. Гагарин, обер-прокурор Синода А.С. Козловский и статский советник Г.Н. Теплов). Личный состав Комиссии демонстрировал полное послушание власти. Инструкция предписывала Комиссии выяснить «истинные» доходы от церковных имений, провести опись имущества Церкви, определить штаты каждой епархии; также давались рекомендации по развитию духовного образования и благотворительности⁵. В 1764 г. Комиссия завершила свою работу. Манифестом 26 февраля 1764 г. все церковные и монастырские крестьяне и вотчины (8,5 млн десятин земельных угодий) были переданы в государственное ведомство – Коллегию экономии – под названием экономических. Крестьяне платили в казну оброк в размере 1 руб. 50 копеек с ревизской души⁶. Двадцать шесть епархий, мужские и женские монастыри были разделены на три категории с соответствующими денежными окладами. В результате проведенной секуляризации казна стала ежегодно получать 1 366 299 руб. с отобранных 910 866 душ муж. пола крестьян; при этом на духовное ведомство из этой суммы отпускалось 462 868 руб. [5, с. 199]. Выгода для казны была очевидной. Церковь оказалась в полной административной и финансовой зависимости от государства. Введение штатов больно ударило по монастырям: из 1052 монастырей, пустынь и скитов упразднено было 573 (осталось 479), а численность монашествующих сократилась с 11 000 до 5450 [8, с. 59–60].

Высшее духовенство России, в первую очередь, выходцы из Малороссии, было недовольно секуляризацией, но покорно молчало. Единственный голос против действия властей принадлежал Ростовскому митрополиту Арсению Мацеевичу (1697–1772). Он был родом из Малороссии, образование получил в Киевской академии. В 1729 г. оказался при Тобольском и Сибирском митрополите Антонии Стаховском, в дальнейшем судьба его забрасывала в Соловецкий монастырь, во вторую Камчатскую экспедицию, в Петербург законоучителем в Сухопутный шляхетский корпус и гимназию при Академии наук, в 1740 г. он стал Тобольским митрополитом, а в 1742 г. – Ростовским и Ярославским.

Преданность архиерейскому служению соединялась у Мацеевича с неуживчивым характером, хозяйственной хваткой и бесхитростным исканием правды. Ростовская епархия владела 16 340 душами и платила в казну 4395 руб. в год. Еще в 1763 г. митрополит Арсений подал в Синод

⁴ Там же. № 11 643.

⁵ Там же. № 11 716.

⁶ Там же. Т. XVII. № 12 060.

два доношения (от 6 и 15 марта), в которых отстаивал неприкосновенность церковного землевладения и недопустимость вмешательства светской власти в хозяйственные дела его епархии. В случае секуляризации он предрекал упадок архиерейства и монашества и превращение России в протестантское, безбожное государство. Арсений настаивал как на духовной, так и на материальной независимости Церкви. Он не мог представить превращение духовенства из землевладельцев и душевладельцев в государственных служащих на жалованье. Он считал, что в России это невозможно. «У нас не Англия – едиными деньгами жить и пробиваться... Придется тогда мужика просить-молить, чтобы за какие угодно деньги – двойную, тройную плату – послужил» [7, с. 296].

Императрица отдала дело Арсения Мацеевича на рассмотрение суду Синода. Его обвинили в оскорблении ее величества. Поводом стала анафема, которая произносится в первое воскресенье Великого поста, тем, кто отпал от православия. К положенным анафематствованиям еретиков Арсений добавил от себя: «Все насильствующие и обидящие святые Божие церкви и монастыри, отнимающее у них данная тем... имения яко крайняя врази Божии да будут прокляты» [2, с. 25–39]. В доношениях напоминалось, что императрица обещала защищать православную веру, а также присутствовали обвинения грабителей церковного имения, на которых нельзя найти суда. Нетрудно было догадаться, на кого он намекает. Судебные заседания прошли 1 и 4 апреля, 7 апреля суд был окончен. Несмотря на просьбу Мацеевича об отставке, члены Святейшего синода приговорили лишить его сана и отправить в ссылку под строгий надзор в Николо-Карельский монастырь с условием не давать ни бумаги, ни чернил.

Но дело этим не закончилось. В 1767 г. из монастыря поступил донос, что Мацеевич говорил «де Величество наше неприродная и в законе нетверда, и не надлежало бы ей престола принимать, но следовало бы Ивану Антоновичу... Государыня Анна вступила на престол не по порядку. Государыня Елизавета Петровна настоящая наследница была, а бывший император Петр III не настоящий наследник, так как иностранного закону, что и по делам оказалось». Мацеевич называл законными наследниками на престол братьев убитого Ивана Антоновича [3, с. 464]. В 1767 г. его снова судили и лишили чина монашества. Под именем «Андрея Вралья» он был заключен в Ревельскую крепость, где находился в полной изоляции (его стражники не знали русского языка) и полуголодном содержании. Там он и умер 28 февраля 1772 г.

Трагическая судьба церковного оппозиционера – единичный факт. За личной смелостью, граничащей с наивностью (митрополит Арсений надеялся на поддержку некоторых церковных иерархов, обязанных ему своим карьерным продвижением, и покровительство графа А.П. Бестужева-Рюмина) видно его непонимание проводимой государственной политики и недооценка сил, с которыми он столкнулся. Екатерина, выставив свой антиклерикализм, писала Вольтеру: «люди, подвластные церкви, страдая от жестоких нередко притеснений, к которым еще более способствовали частые перемещения их духовных особ, возмутились в

конце царствования Елизаветы Петровны и, при моем вступлении на престол, их было более 100 тысяч под ружьем (речь идет о выступлениях монастырских крестьян. – *Л.В.*). Вот почему я в 1762 году выполнила план совершенно изменить управление именными духовенства и определить доходы лиц этого сословия. Арсений, епископ Ростовский воспротивился тому, подстрекаемый некоторыми из своих собратий, которые заблагорассудили скрыть свои имена. Он отправил две записки, в которых старался провести нелепое начало двоевластия... но когда его дерзость еще усилилась, то он был судим митрополитом Новгородским и всем Синодом осужден, как фанатик, виновный в замысле противном, как православной вере, так и верховной власти... Я простила его и удовольствовалась что перевела его в монашеское звание» [3, с. 468]. Непримируемость позиций сторон просматривается со всей очевидностью. Не защитив митрополита Арсения Мацеевича, церковные власти окончательно потеряли возможность самостоятельного голоса и права противиться политике секуляризации. Екатерина выиграла с блеском эту партию. Она воплотила в реальной политике свое кредо: «Уважать веру, но никак не давать ей влиять на государственные дела» [3, с. 452].

После расправы с Арсением Мацеевичем был все-таки слабый отклик в среде высшего духовенства. Так, в 1764 г. генерал-прокурору А.А. Вяземскому поступили доносы на архимандритов новоторжского Боголюбского монастыря Феофилакта и угличского Покровского монастыря Геннадия. Первый – в пьяном виде ругал власти, «бояр и начальников», лишивших монастырь земли и крестьян. Второй – называл себя учеником Ростовского митрополита Арсения. С делом Мацеевича обер-прокурор Синода И.И. Мелиссино безуспешно пытался связать жалобы на земляка Арсения митрополита Тобольского и Сибирского Павла (Канючкевича) [7, с. 190–194; 3, с. 481–483].

В политическом аспекте секуляризация церковных земель была закономерным явлением в историческом развитии Российской империи. Церковь была включена в государственную систему как структура, зависимая от нее в финансовом и административном отношении. Сходные процессы происходили в странах Западной Европы. Это общеизвестно. Но секуляризационная реформа в России имела социальный и духовно-нравственный аспекты.

Духовенство оставалось крайне замкнутой сословной группой. Численность православного приходского духовенства (священников, дьяконов и причетников) в 1783 г. составляла 95,3 тыс. [6, с. 108]. Хотя правовое и социальное положение белого духовенства после 1764 г. улучшилось, его материальное обеспечение и образование были на низком уровне. Просвещенное дворянство относилось к приходским священникам свысока, как стоящим на более низкой социальной ступени. Этим отчасти объясняется то, что некоторые русские дворяне связывали свои духовные искания «истинного христианства» не с православной Церковью, а с вольтерьянством и масонством [1, с. 92–105]. В этом проявился духовный разрыв части русского дворянства с Церковью, который отзовется в следующем столетии.

Ко времени реформы и особенно после нее заметно вытеснение из среды высших иерархов малороссов, питомцев Киево-Могилянской академии [10]. В церковной верхушке появились такие умные, образованные, энергичные деятели, как Московский митрополит Платон Левшин (1737–1812) и Санкт-Петербургский и Новгородский митрополит Гавриил Петров (1730–1801). Сторонники учености и просвещения своими трудами (в том числе и литературными) они сделали немало для того, чтобы поднять уровень церковной жизни и авторитет русского духовенства, улучшить семинарское образование и сохранить памятники культуры.

Церковные круги не оказали серьезного сопротивления секуляризации. И это объясняется не только сервилизмом высшего духовенства. Православная церковь приняла новые условия и правила отношения со светской властью. Рационализму века Просвещения она противопоставила богословские мистические учения. В духовно-нравственном отношении русские богословы святитель Тихон Задонский (1724–1783) и старец Паисий Величковский (1722–1794) обратились к поиску познания Бога через безмолвную личную молитву. В определенной степени это было новое обращение к исихазму, течению, пришедшему из Византии, и известному на Руси в XIV–XV вв.

Тихон Задонский получил образование в Новгородской семинарии, где впоследствии преподавал. В 1758 г. он принял постриг, затем был архимандритом Желтикова монастыря, настоятелем Тверского Отроча монастыря. В 1761 г. стал епископом Кексгольмским и Ладонежским, в 1763–1767 гг. – епископом Воронежским. Вскоре он ушел на покой, проведя последние годы в основном в Рождество-Богородицком монастыре в г. Задонске. Главными его литературными произведениями стали книги «Об истинном христианстве» (1770–1771, в 6 томах) и «Сокровище духовное, от мира собираемое» (1777–1779). Его сочинения, наполненные идеями христианской любви к ближнему и милосердия, следования за Христом в земной жизни, пафосом Преображения через мистическое осмысление, оказались востребованными. Г. Флоровский видел в них «не догматическую систему», а мистическую этику, «первый опыт живого богословия» [9, с. 125]. Тихон учил искать сокровенное в христианском учении, отказываясь от суетного и ложного. В трудах и монашеской жизни Тихон проявил себя приверженцем древней монашеской традиции – старчества [11, с. 300–367].

Исключительное воздействие на возрождение в России монашества в старческой традиции оказал Паисий Величковский. Не окончив обучения в Киевской духовной академии, он ушел искать руководства в монашеской жизни в молдавских скитах. В 1741 г. Паисий принял постриг. С 1748 г. он живет на Афоне, где происходит его приобщение к афонской монашеской традиции. Внимательное изучение посланий святых отцов приводит его к мысли о необходимости их переводов на славянский язык. Впоследствии он переведет более 40 святоотеческих книг. Вернувшись с Афона и обосновавшись с 1779 г. в Нямецком монастыре в Молдавии, он с учениками создает свод «Добротолубие». Эта книга стала событи-

ем в истории русской Церкви и монашества [11, с. 457–490]. В истории православия в России имя Паисия Величковского неотделимо от развития в дальнейшем старчества и главного его центра – Оптиной пустыни.

Итак, за, казалось бы, хорошо известными фактами, связанными с секуляризацией церковного землевладения, просматриваются не только меняющиеся материальные отношения между светской и церковной властями. В последние десятилетия XVIII в. отмечается некоторый подъем духовной жизни в церковной среде; теологическая мудрость, мистическая этика и аскетика нашли отражение в богословских трудах. «Разум без просвещения Божия слеп», – таков компромисс, предложенный Церковью, и принятый властью.

1. *Вдовина Л.Н.* Вольтерьянство и масонство в контексте духовной жизни русского общества в последние десятилетия XVIII в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2006. № 3.
2. Дело об Арсении Мацеевиче, бывшем митрополите Ростовском // ЧОИДР. 1862. Кн. 2. Разд. V. Смесь.
3. *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. М., 1992. Т. 2.
4. *Комисаренко А.И.* Русский абсолютизм и духовенство в XVIII веке. М., 1990.
5. *Мадариага И.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.
6. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1.
7. *Попов М.*, свящ. Изгнанный ради правды. Жизнь святителя Арсения (Мацеевича). СПб., 1905. Репринтное воспроизведение. М., 2001.
8. *Федоров В.А.* Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М., 2003.
9. *Флоровский Г.*, прот. Пути русского богословия. Изд. 3. Paris, 1983.
10. *Харламович К.В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. I.
11. Хранители России. Антология. М., 2015. Т. 2.

А.Н. Лобин¹

Посоха в военных мероприятиях Российского государства XVI в.

Посоха; посошные люди; посошные деньги; артиллерия; наряд.

В статье рассматривается посошная служба населения в военных мероприятиях XVI в. На основании источников опровергается мнение о посошных как о пешем боевом войске. Ни о каком боевом значении посошных не может идти речи, ибо у них не было никакого вооружения, кроме шанцевого инструмента. Посоха в военных мероприятиях занималась прокладыванием просек, гатей, мостов, транспортировкой артиллерии и строительством укреплений.

С количественным и качественным развитием артиллерии появилась потребность в ее обслуживании. Большие стволы и боеприпасы необходимо было перетаскивать на значительные расстояния. Для этой цели к XVI в. появляется посошная служба «конная» и «пешая». Тяглое население вы-

¹ Лобин Алексей Николаевич, Дирекция выставочной, экскурсионной и научно-просветительской деятельности филиала «Государственный комплекс Дворец конгрессов» Управления делами Президента РФ (РФ, Санкт-Петербург), к.и.н., alobin@mail.ru.

ставляло с различных категорий земель («с сох») определенное количество людей в поход.

Некоторые историки относят посошных к ратной категории, к пешему войску. В качестве аргумента они ссылаются, в частности, на сообщения Псковской летописи: о походе на шведов в 1495 г.: «псковичи срубившись з десяти сох человек конны, да и священников и священнодьяконов почали рубити». Через пять лет псковичи «пороубившиися з десяти сох конь, а з сорока рублиев конь и человек в доспехе, а бобыли пеши люди» [9, с. 81, 84]. Н.Е. Носов отмечал: «В данном случае... сам термин «посоха» не употреблен, но не вызывает сомнений, что конные ратники с сох... представляли собой псковскую «посошную рать...» [8, с. 116, прим. 163].

Подобное мнение, на наш взгляд, является ошибочным. Псковская летопись под 1495 и 1500 гг. упоминает принципиально другую страту – вооруженных конных ратников, набираемых на средства «сох». Если «псковская соха» тогда равнялась «новгородской» («соха» = 3 обжи = 30 четьей), то получается, что в дальнем походе конный ратник набирался с 300 четьей, а не со 100, как в 1550-х гг. согласно «Уложению о службе».

Рассмотрим, в каком же контексте упоминаются «посошные люди» в военных мероприятиях XVI в.

В Смоленском походе 1502 г. вместе в «воинством» отмечено: «да и посошные с ними были» [11, с. 214–215]. В этом же году фиксируется термин «посошная служба», означающий сбор с крестьянских дворов людей для инженерных работ («чтоб великих князей дань и посошная служба не залегла») [2, с. 220, № 293].

В 1506 г. на Двине производился набор «посошных людей Двинские земли на нашу службу с сохи по человеку, а у дву человек лошедь, а найму де им довали много» [13, с. 92–93].

В 1508 г. «князь великий велел з городов нарядить пищальников и посошных людей да послать... в Дорогобуж» [13, с. 108]. В наказе 1512 г. к угорским воеводам говорилось: «А пищальников и посошных князю Михаилу Ивановичю и Ивану розделить по полком, сколько где пригоже быти на берегу» [12, с. 48]. Пищальники обслуживали наряд, а строительством позиций и укреплением занимались посошные.

Об участии посошных людей говорится при описании осады Смоленска в 1513 г.: когда пищальники пошли на штурм, а «посоха примет понесли» [10, с. 259]. В этом случае мы видим, что посошные люди играли в штурме вспомогательную роль, а именно — обеспечивали воинам проход через препятствия. Однако под обстрелом «много под городом пищальников и посохи прибили».

В 1518 г. для похода из Пскова на Полоцк были реквизированы «з священников кони и телеги». Артиллерию тогда перевозили по р. Великой до пристани, а от пристани «на псковские кони и на телеги положиша весь наряд поушечный и приставиша к нему посоху к Полоцку» [11, с. 100]. В этом походе посоха перетаскивала псковскую артиллерию под Полоцк.

В 1530 г. под Казанью посошные занимались возведением гуляй-города и установкой артиллерии («посошные и стрелцы те пищали в тот дождь пометали»).

В период войн 1558–1583 гг. мобилизованные крестьяне и посадские помогали возводить укрепления, позиции для стрелков и артиллерии.

В походе на Пайду 1560 г. «...посоху наймавав посылали с сохи по 22 человека, а на месяц давали человеку по 3 рубли, а инья и по пол четверта рубли и с лошадьми и с телегами под наряд...» [11, с. 240–241]. В этом походе посоха должна была тянуть артиллерию и прокладывать дорогу для нее.

При описании Полоцкой кампании 1563 г. Третья Псковская летопись приводит колоссальную цифру: «...посохи было пешей и коневой 80 000 и 9 сот человек, а посошаном в Пскове давали коневиком по 5 рублей, а пешим по 2 рубли...» [11, с. 244]. Наличие в войске большого числа крестьян породило в нарративных источниках фантастические цифры, которые перекочевали и в историческую литературу. во фразе «80 000 и 9 сот человек», мы имеем дело с опiskой: вместо тысячного значения «и» (8000) поставлено тысячное значение «п» (80 000). Но 8900 человек, с другой стороны, цифра небольшая, если принимать во внимание тот факт, что перевозилось около 150 стволов артиллерии, среди которой были и гигантские 16–20-тигонные орудия «Кашпирова пушка», «Степанова пушка», «Павлин» и др. Фраза «а посошаном в Пскове» может свидетельствовать, что летописец имел в виду посоху, набранную только с псковских земель, без учета других уездов.

Выявить пределы численности возможно при сравнении разрядов 1563 и 1577 гг.: если в Ливонском походе 57 орудий тащили 12 430 посошных, то в походе на Полоцк посохи для транспортировки около 150 стволов могло быть примерно 30 000–33 000 чел.

По расчетам Леонарда Фронспергера, имперского военного теоретика XVI в., для большого похода артиллерии, состоящей из 105 пищалей (от шарфметцов до полковых) и 18 мортир, необходимо нанять для перевозки 891 чел. с 2675 лошадьми, т.е. в среднем по 9 чел. и 26 лошадей на орудие [7, с. 147]. Однако восточноевропейские реалии вносили свои коррективы. При Иване Грозном в походах принимали участие гигантские бомбарды весом до 1000–1200 пудов, перевозка которых требовала привлечения значительных сил. Если сопоставить с задействованными посошными в Ливонском походе 1577 г. (8600 человек пеших и 4124 человека с лошадьми), то получим 224 чел. и 73 лошади на орудие.

Дефицит конского состава часто перекрывали использованием ручного труда. Иностранцы отмечали, что гигантские бомбарды русские двигали с помощью крестьян, что, очевидно, могло происходить из-за недостатка конной тяги. Так, согласно легучим листкам 1563 г., под Полоцк 4 гигантских пушки тащили 1040, 1000, 900 и 800 крестьян соответственно. В 1578 г. Якоб Ульфельдт видел своими глазами, как перетаскивали большую бомбарду «Павлин» (с 1577 г. она участвовала в Ливонском походе): «Когда пушки сдвигают с места, при этом присутствует священник, который кропит их святой водой и освящает их, произнося русские молитвы и

песнопения, потом несчастных крестьян заставляют их тянуть: для этой работы их используют вместо лошадей. Я видел, как орудие огромной величины тащили 800 человек» [7, с. 147].

Кроме этого посоху часто привлекали для городских строителъств.

Согласно наказной памяти 1554 г. направленные на тульские засеки 1177 чел. посошных с собой должны были брать не менее 588 лошадей («у дву человек лошадь с колесы и с хомуты и з дугами и с ужищи»), «да у всякого человека по топору по болшему по плотному, да пяти человек просек и липазник... а корму тем посошным людем велено с собою имати своего и конского до тех мест, как лес листом оденеца» [1, с. 207]. Таким образом, строительные части, посоха, осуществляя строительство и ремонт засеки под Тулой. Сохранились отписки городовых воевод времен Ливонской войны, отмечавшие, что «посохи нет, делать некем» или «город делати тою посохою, коя з запасом иде государьским» [6, с. 62, № 6]. Отмечено, что возглавляли группы посошных по 20–30 чел. старосты [6, с. 29, № 2].

В 1591 г. для строительства Ельца с сохи нанимали по 7 чел., а для оплаты труда выделяли по 10–13 руб. [5, с. 34, 62].

В 1597 г. в Перми для строительных работ велено «нанять посошных людеи пеших, конных и плотников со всякою посошною снастью по договору» на срок до месяца [14, с. 58–61, № 44].

Централизованный набор посохи в походы и на строительство укреплений стал возможен после 1550-х гг, когда была введена единая окладная поземельная единица – соха. Тогда же появился и денежный налог «за посошные люди», который собирали взамен посошной службы. В 1552 г. в Важском уезде «с станов и с волостей, и с церковных и с своеземцевых» собирали деньги «за посошные люди» (за 224 чел.) «по старому наряду» деньгами, «за человека по два рубля». Важане же просили взять с них деньги 370 руб. за 185 чел., а с пустых дворов денег не брать [4, с. 230, № 233].

С сохи выставлялось в поход от 4 до 22 чел., а для строительства укреплений – от 1 до 4 чел. на срок от одного до четырех месяцев.

Разные требования мобилизации посошных с сох связаны с тем, что, во-первых, в некоторых случаях речь шла об экстраординарных требованиях правительства, а во-вторых, состав посадской сохи постоянно менялся – в ней могло быть от 40 дворов зажиточных людеи, или до 120 малых дворов. Посошные нанимались «с лошадью и с телегою и с хомутом и кирками и с топоры и з заступы и с лопаты и со всякою посошною снастью».

Посоху выставляли также и монастырские земли. В 1573 г. с вотчины Соловецкого монастыря Спасского Выгозерского погоста «по государеву наказу и по росписи» было поставлено «под государев наряд к походу» конных посошных 11 человек, пеших 12 человек. Столько же людеи было передано и в 1578 г. [3, с. 33, 111].

За бегство посошных со службы полагался штраф. В 1580 г. «за беглюю посоху, которая посоха збежала изо Пскова», Соловецкий монастырь

выплатил «по расчету» 26 руб (за 2 человека с лошадьми 11 рублей и за 5 человек пеших 15 рублей) [3, с. 33, 111].

Таким образом, в XVI столетии посошными людьми называли, говоря современным языком, саперные подразделения. Привлекали посоху для вполне определенных работ: «к наряду к повороту и к земляному промыслу, к полковому делу». Посошный человек – это прежде всего необученный военному делу крестьянин, набранный с «сохи» для ведения инженерно-саперных работ. Ни о каком боевом значении «посошных» не может идти речи, ибо вооружения у них никакого не было, кроме шанцевого инструмента. Нет ни одного упоминания о каком-либо боевом оружии у посошного.

Большое число посохи в походах объясняется тем, что она использовалась в качестве саперно-инженерных частей для обеспечения провоза артиллерии и провианта, а также создания фортификационно-осадных сооружений.

1. АСЗ. М., 1997. Т. I.
2. АСЗ. М., 2008. Т. IV.
3. Акты социально-экономической истории Севера России конца XV — XVI в.: Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. / Сост. И.З. Либерзон; отв. ред. А.И. Копанев. Л., 1990.
4. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографического экспедицией Императорской академии наук. В 4 т. Т. 1: 1294–1598. СПб., 1836.
5. *Глазьев В.Н., Новосельцев А.В., Тропин Н.А.* Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца и заселении окрестностей в 1592–1594 гг. Елец, 2001.
6. Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. М.; Варшава, 1998. Т. III.
7. *Лобин А.Н.* Артиллерия Ивана Грозного. М., 2019.
8. *Носов Н. Е.* Очерки истории местного управления. М.; Л., 1957.
9. Псковские летописи / Подг. к печ. А.Н. Насонов. М., 1941. Вып. 1.
10. Псковские летописи / Подг. к печ. А.Н. Насонов. М., 1955. Вып. 2.
11. ПСРЛ. Пг., 1921. Т. XXIV. Летопись по Типографскому списку.
12. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.
13. Разрядная книга 1475–1605. М., 1977. Т. I. Ч. 1.
14. РИБ. СПб., 1875. Т. II.

А.И. Филюшкин¹

Мобилизация населения русско-литовского и русско-ливонского пограничья для военных нужд в XVI веке

Великое княжество Литовское; Ливония; Россия в XVI в.; военная логистика; мобилизация; шпионаж; пограничье; фортификационное дело.

Невоенное население пограничья между Россией, Великим княжеством Литовским и Ливонией активно привлекалось для военных нужд. Оно выполняло четыре функции. Первая функция – помощь в материальном обеспечении. Ремонты дорог, мостов, крепостей, копанье колодцев, заготовка леса, фуражирование и т.д. Вторая функция – участие в административных, судебных делах там, где не хватало сил у должностных лиц. Это управленческие функции старост, осадных голов, исполь-

¹ Филюшкин Александр Ильич, Санкт-Петербургский государственный университет, (РФ, Санкт-Петербург), д.и.н., a.filushkin@spbu.ru.

зование для полицейских функций местных казаков. Третья функция – разведка, «шпегство». Четвертая функция местного населения – поддержка перманентной войны в пограничье. Здесь местные власти поощряли откровенные разбои, участие местных дворян, казаков, даже крестьян в грабительских налетах на поселения противника. В целом можно говорить о крайне высокой степени вовлеченности невоенного местного населения в пограничной зоне в разные сферы боевых действий и их обеспечения. По сути, речь идет о привлечении всего населения как вспомогательной военной силы.

Мобилизационный потенциал российских вооруженных сил в XVI в. может быть расценен максимум в 100 000 человек. Это самый большой показатель в Восточной Европе в данном столетии (к нему могло приблизиться только Крымское ханство). Однако, учитывая размеры территории, протяженность рубежей и частоту военных конфликтов, Россия постоянно испытывала дефицит военной силы, исключая несколько кампаний, когда она сумела путем чрезвычайных мобилизационных усилий достичь радикального перевеса над противником (Казанская кампания 1551–1552 гг., вторжение в Ливонию в 1558 г., Полоцкий поход 1563 г., Ливонский поход 1577 г.). Когда мобилизационный градус неизбежно спадал, русская армия сталкивалась с проблемой недостаточного людского и материального потенциала для решения повседневных задач.

Особенно отчетливо это проявлялось в пограничье, причем, если так можно выразиться, действующем – русско-литовском и русско-ливонском. Рубежи со Швецией в Ингрии и Карелии имели слишком много пустынных залесенных и заболоченных неосвоенных территорий, что в обычное (невоенное) время делало контакты и конфликты местного населения с участием государств достаточно редкими. Между Россией, отгораживающейся засечными чертами и линиями крепостей, и Крымом лежало ничейное Поле. Конфликты здесь носили характер дальних набегов. А вот между Российским государством, ВКЛ и Ливонией весь XVI в. на рубеже шла перманентная необъявленная война, которая сопровождалась 38 годами объявленных русско-литовских и русско-ливонских войн. Эта непрекращающаяся борьба требовала высокого напряжения сил. Проблему их нехватки решали за счет разнообразных форм мобилизации мирного населения для военных нужд. Причем это делалось по обе стороны противостояния.

Что из себя представляло пограничье между Россией, ВКЛ и Ливонией в XVI в.? Как таковой линии обороны границы не существовало. Впрочем, само понятие «линия границы» применительно к данной эпохе довольно условно и находилось в стадии формирования. Она была довольно устойчивой в местностях, где опиралась на очевидные географические ориентиры (река Нарова, Чудское и Псковское озера и т.д.). В других районах граница весь XVI в. была подвижной, диффузной, несмотря на попытки ее демаркации, которые активизируются с 1520-х гг. (когда возникает понятие «рубежные списки» и появляются чертежи границы, использовавшиеся дипломатами) [2].

Не существовало линии крепостей, которые бы стояли на границе и «держали» ее. Нередко крепости, «ответственные» за контроль над тем

или иным участком, стояли не на границе, а в глубине территории, и при этом располагались довольно точно. Так, русско-ливонскую границу на ее участке южнее Псковского озера на протяжении почти 50–70 км «держали» всего две крепости, стоявшие в глубине территорий – Нейгаузен с ливонской стороны и Изборск с псковской. Остальная территория контролировалась временными заставами, разъездами, то есть непостоянно. В этих условиях без привлечения местного населения для организации обороны и выполнения функций, на которые не хватало сил у стоявших в горах войск, было невозможно обойтись.

Из документов Городового приказа нам известны минимальные требования к составу населения города / крепости. Речь идет о небольших крепостях приграничной зоны (так называемые псковские, смоленские, полоцкие пригороды, крепости-замки «Русской Ливонии» и т.д.). Это 3–5–7-башенные крепости с гарнизонами от 50–80 до 400–600 человек (в любом случае меньше тысячи). Для правильного функционирования такой крепости как боевой единицы, помимо гарнизона из детей боярских, городских казаков и в ряде случаев стрельцов (не везде) был нужен: 1) поп; 2) дьякон и пономарь; 3) проскурница; 4) пушкари (от нескольких человек до нескольких десятков); 5) воротники (то же); 6) житничий сторож; 7) тюремный сторож; 8) казенные сторожа; 9) палач; 10) плотники и кузнецы (которые помимо прочего лили пули и ядра); 11) каменщики (если есть каменные строения); 12) вожи; 13) толмачи; 14) ямской дьячок и ямские дворники (они же «охотники») [1, с. 58, 62, 70, 73]. Все эти люди могли набираться из местного населения (охотники, охочие люди), но часто присылались из других городов (из России) по запросам воевод. То есть получалась служба мобилизованного на какой-то срок невоенного населения (кроме «военных») пушкарей и воротников). Управление населением, привлеченным к обеспечению военных функций, осуществлялось осадными головами. Примечательно, что с некоторых должностей бралась присяга на верность – они целовали великому государю Крест (например, ямщики) [1, с. 88].

Поскольку людей, привлеченных на эти должности, надо было содержать, были разные формы содержания. В основном это ружники и оброчники. Некоторые получали пашню около города. В ливонских городах фиксируются случаи, когда пушкарей отправляли в другие города торговать [1, с. 56, 64, 70].

Работы, которые требовались от привлеченного невоенного населения, были разнообразны: от заготовки фуража, ремонта городских укреплений, мостов, дорог, изготовления боеприпасов, рубки леса, перевозки грузов, копания колодцев, вывоза навоза из города на поля, участия в заставах до предоставления подвод и просто грубой физической силы (чернорабочих). Формы привлечения населения также были разными: посоха (получала денежное содержание на период службы), даточные люди, прямые разовые мобилизации на конкретные работы, вербовка «за интерес» (разбойники, шпегги).

Какие функции использования невоенного населения можно выделить, если сгруппировать сферы его занятости?

Первая функция, о которой уже говорилось – помощь в материальном обеспечении. Ремонты дорог, мостов, крепостей, копание колодцев, заготовка леса, фуражирование и т.д. У русской армии в XVI в. не было службы тылового обеспечения и инженерных войск. Все эти вопросы решались через мобилизацию невоенного населения и его ресурсов.

Вторая функция – участие в административных, судебных делах там, где не хватало сил у должностных лиц. Это управленческие функции старост, осадных голов, использование для полицейских функций местных казаков. Наиболее интересен здесь феномен приведения к присяге. Местные казаки и дети боярские порубежных крепостей приводили к присяге население захваченных деревень (или громили их, если в силу каких-то обстоятельств «присягу взять немочно»). При этом для детей боярских был шанс получить приведенную ко Кресту деревню в придачу к поместью (что оказывалось прямым стимулом) [1, с. 92]. По сути, местные дворяне и казаки здесь выступали (за материальный интерес) агентами центральной власти, делали то, что должны были делать на завоеванных территориях новые военные и административные власти.

Третья и очень важная функция – разведка, «шпегство». «Шпегство» как профессия и род занятий в пограничье представляло собой целую, если можно так выразиться, индустрию, с которой активно кормилось местное население [3]. Армия большими возможностями разведки (кроме разъездов и застав) не располагала, поэтому вся надежда была как раз на информантов из местных жителей.

Четвертая функция местного населения – поддержка перманентной войны в пограничье [1, с. 24]. Здесь местные власти поощряли откровенные разбои, участие местных дворян, казаков, даже крестьян в грабительских налетах на поселения противника. Это был очень удобный ресурс, поскольку позволял вести мелкие войны в пограничье «на изнурение» противника, при этом войны неофициальные. Власти в любой момент при предъявлении претензий со стороны ВКЛ или Ливонии могли откеститься от нападавших, объявить их самодеятельными «ворами» и даже пообещать найти и наказать виновных (что, впрочем, бывало крайне редко).

В целом можно говорить о крайне высокой степени вовлеченности невоенного местного населения в пограничной зоне в разные сферы боевых действий и их обеспечения. По сути, речь идет о привлечении всего населения как вспомогательной военной силы. Эти мобилизации и милитаризованность формировали особый тип населения в пограничье: «граничников», «людей украинных» и т.д. Именно эта особенность стала важнейшей причиной той легкости, с которой пограничное население вовлекалось в Смуту и в последующие события «бунташного века».

1. Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. М.; Варшава, 1998. Т. III.
2. *Филлошкин А.И.* Рубежные списки XVI века // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2016. № 3.
3. *Филлошкин А.И.* «Шпегу» иду в разведку: Неизвестные страницы шпион-

О.В. Комаров¹

Военный потенциал Поморских городов и дворцовых земель Верхнего Поволжья в XVI в. (социально-экономические аспекты)

Россия XVI в.; «зборные» ратные люди; Поморье; Верхнее Поволжье.

В статье приводятся тезисы о проблемах изучения механизмов реализации воинской повинности в Поморских городах и дворцовых землях Верхнего Поволжья.

По итогам написания статьи «Ратные люди Поморских городов вт. пол. XVI – нач. XVII вв.» [7] можно обозначить ряд направлений в вопросе, требующих дальнейшего углубленного изучения. Начиная с труда А.В. Чернова, при описании ратной службы тяглого населения обычно обходят сам механизм реализации [14]: кто шел в ратники, откуда происходили ресурсы на их обеспечение? Только в недавних работах эти вопросы стали предметом изучения и дискуссии [9; 10; 13].

Данные, которые мы можем получить по источникам второй половины XVI – начала XVII вв., могут не соответствовать ситуации более раннего времени, периоду феодальной раздробленности и начала складывания централизованного государства. В XV–XVI вв. происходили глубокие социально-экономические изменения, которые не могли не сказаться на механизме реализации воинской повинности (земские реформы при Иване Грозном, ликвидация ряда институтов в процессе присоединения земель к Москве и пр.).

Ю.Г. Алексеев утверждал, что в середине XVI в. устюжская рать почти полностью состояла из «земских людей», а служилого землевладения там не было (хотя сам привел пример обратного) [3, с. 10–11].

Московское летописание описывает присоединение Вятки в 1489 г.: «князь великий вятчан земских людей в Боровьске да в Кременце посади, а арских князей пожаловал князь великий отпустил в свою землю» [11, с. 154]. В Записной книге Полоцкого похода называются среди детей боярских «вятчан из Боровска 80» [4, с. 128]. «Арские князья» до 1588 г. продолжали получать доходы с удмуртов [5, с. 29, 354]. Т.е., как и в Новгороде, произошло выселение военной элиты, но при этом ее замещение не было произведено.

До присоединения к Москве новгородское Заволочье имело обширные боярские владения, существовал слой «бояр двинских». Коми изначально имели традиционный родовой уклад. До 1502 г. московскими наместниками у зырян были «вымские князья», а у пермяков – «великопермские князья». Они потом были высланы, причем великопермские князья влились в состав детей боярских центральных уездов. В грамоте 1482 г.: «наместникам моим, князем вымским и волостным людем большим волостных деревень и рек и озер, и иных угодий никоторых владыке и вла-

¹ Комаров Олег Владимирович, независимый исследователь, oleggg888@yandex.ru.

дычны слуге и десятильником, и игумном, и попом не давати ни в закуп, ни по душе» [2, с. 311]. Т.е. среди зырян в конце XV в. отмечается социальный слой «больших людей», имеющих крупные промысловые владения.

К будущим Поморским городам не относился, но был близок Белозерский уезд. Он был старинным княжеством, существовал многолюдный род князей Белозерских, но к XVI в. там остались только монастырские, черные и дворцовые земли.

Т.о. можно уверенно предполагать, что до XVI в. в будущих Поморских городах костяк военных отрядов составляла местная элита, имевшая возможность снаряжаться за счет получения доходов с подвластных людей. В отличие от других регионов эти «лучшие люди» не превратились в служилых людей, а были выселены или иным образом ликвидированы.

По разрядным документам 1562, 1572, 1576 и 1579 гг. видно, что кроме Поморских городов, во второй половине XVI в. «зборных» людей выставляли верхневолжские города.

В Костроме в 1562 г. на 745 детей боярских было 100 «зборных» людей, в Галиче – на 250 детей боярских было 100 «зборных» людей с Галича и 280 с прочих земель Галичского уезда, в Юрьевце – 146 детей боярских на 60 «зборных» людей. Явно преобладали дети боярские в Нижнем Новгороде, Муроме, Мещере, Суздале, Ярославле. Небольшие корпорации детей боярских были в Лухе, Кинешме, Гороховце (эти города продолжительные периоды входили в удельные владения). Только Балахна и Коряково выставляли одних «зборных» людей (если удастся оценить численность их населения на 1562 г., то для верхневолжских городов можно понять пропорцию ратных людей относительно населения, которое их выставляло).

В целом верхневолжские поселения, выставлявшие «зборных» людей, выглядят анклавами среди массивов служилых корпораций. Но значит была причина, почему и во второй половине XVI в. с них считали нужным брать ратных людей, а не посоху. Можно заметить, что это была Казанская «украина», что дало населению основательный боевой опыт. Можно предположить, что, в отличие от более западных земель, на территориях, которые выставляли «зборных» людей, была практика широкого использования сложного лука в народных охотничьих промыслах. Хотя в верхневолжских землях промысловое хозяйство было представлено преимущественно солеварением, рыболовством, бортничеством, а не охотой, но по Поморским городам не прослеживается связь между повышенной ролью охотничьих промыслов (в наиболее северных регионах) и возможностью выставить больше ратников относительно численности населения. Это ограничение, в первую очередь, имело экономические основания.

О том, в каком виде сложилась система воинской повинности в Поморских городах, наиболее наглядно из опубликованных документов показывает разрубной список Куросторовской волости (близ Холмогор) от 17 сентября 1589 г. Сотскому и волостным людям «розрубили есмя в

своей волости ратным казаком в наем, что им итти на каянские немцы, за лук и за стрелы и за пищали и за все ратное оружие и в судовой наем. И того розрубили и уложили на свои верви земли на всякую веревь по десяти алтын, и на выхожие верви уложили по тому ж... Да теми ж деньгами заплатить и за посопной хлеб» [8, с. 398–431, 415–416]. Виден механизм сбора денег на ратных людей, который был сходен с раскладами налогов и повинностей внутри общины, показанных в этом сборнике документов. Для воинской повинности определили сумму денег, которую распределили по вервям. Расписано, сколько каждый дворовладелец дал денег (при этом нет указаний, чтобы кто из них сам пошел в ратники). На эту сумму наняли и оснастили ратных казаков. Эту повинность можно сопоставить с разрубным списком от 29 июня 1581 г.: «в судовой наем и в казачей наем в подводы под государьскую казну» [8, с. 410]. Тогда с верви брали по деньге, т.е. в 60 раз меньше.

К тому времени в Поморских городах под «казаками» понимали наемных работников (понимая в первую очередь род занятий – отхожие промыслы, а не социальный статус). «Плавными казаками» называли ратников, выставленных Вычегодским уездом в 1579 г. для несостоявшегося государева «немецкого похода» [6, с. 432–486, 438–442]. Обычно в документах писали «ратные люди», а использование термина «казаки» отражает не официальную, а местную терминологию. Соответственно, чтобы понять, кто шел наниматься в ратные люди, нужно изучать явление отхожих промыслов в XVI в., «казаков».

В 1598 г. Борис Годунов, а в 1605 г. Лжедмитрий выдали Успенскому собору подтвержденные жалованные грамоты на вотчины в Московском, Дмитровском, Ярославском уездах, в которых прописывалась льгота: «казаков в посоху не дают» [1, с. 24, 30]. Т.е. тех, кто шел в посоху, здесь тоже называли «казаками».

Повинность ряда чернососных и дворцовых земель выставять ратных людей следует сравнить с повсеместной обязанностью выставять пососных людей и (в первой половине XVI в.) пищальников. Земли, которые выставляли ратных людей, могли вместо них выставить пососных людей.

Источники свидетельствуют, что в XVI в. пососных людей и пищальников общины именно нанимали. Причем наиболее ранее свидетельство (но в позднем списке) относится к Двинской земле под 1506 или 1507 г. [12, с. 9]. Откуда видно, что уже тогда пососных людей «наймовали», давая человеку по несколько рублей; у пососных людей были «поручики», т.е. община за них индивидуально поручалась. Генрих Штаден подробно описывает набор пососных людей: община нанимала гулящих людей или крестьян (Kerig oder Bauer), за которых поручалась, и брала поруки с них [15, с. 100]. Эти данные соотносятся со сведениями источников Смутного времени, что нанимаемые ратные люди не могли быть случайными людьми, за них поручались. Соответственно, это могли быть только люди, так или иначе связанные с общиной (члены общины или имевшие с ними давние отношения).

«Зборных» людей XVI в. неправомерно называть «архаичной формой военной организации». Архаичным можно назвать разве только то, что они продолжали широко использовать луки, устаревшие для пешего боя в сравнении с ружьями уже в начале XVI в. Организация набора, оснащения и прохождения службы явно отражает процесс строительства централизованного государства, когда многие старые институты и целые социальные слои ликвидировались, а региональные различия постепенно нивелировались. На индивидуальном уровне это было не архаичное право-обязанность свободного общинника участвовать в войне, а оплачиваемая временная работа. «Зборных» людей нужно рассматривать в контексте реформ XVI в., организовавших привлечение к походам посошных людей и пищальников, также поставляемых тяглыми общинами.

Если временно набравшихся пищальников в середине XVI в. сочли нужным заменить находившимися на постоянной службе стрельцами и казаками, то людей с Поморских городов и Верхнего Поволжья, а также пограничных с Финляндией земель, находили необходимым привлекать не только к посошной, но и к походной боевой службе (судовой или лыжной) вплоть до Смуты (в остальных регионах представители невоинских сословий во второй половине XVI в. использовались только для местной ратной службы). Значит военная необходимость достаточно соотносилась с экономическими затратами на оснащение и дальнюю переброску «зборных» людей.

1. Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начала XVII вв. М., 1998.
2. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1965. Т. 3.
3. *Алексеев Ю.Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009.
4. *Баранов К.В.* Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10.
5. Документы по истории Удмуртии XV–XVII вв. / Сост. П.Н. Луппов. Ижевск, 1958.
6. *Зимин А.А., Копанев А.И.* Материалы по истории Вымской и Вычегодской земли конца XVI в. // Материалы по истории Европейского севера СССР: Северный археографический сборник. Вологда, 1970. Вып. I.
7. *Комаров О.В.* Ратные люди Поморских городов вт. пол. XVI – нач. XVII вв. // История военного дела: исследования и источники. 2014. Т. VI. [Электронный журнал].
8. *Копанев А.И.* Куростровские столбцы XVI в. // Материалы по истории Европейского севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 1. Труды Вологодской научной конференции по историографии и источниковедению, декабрь 1969 г. Вологда, 1970.
9. *Молочников А.М.* Даточные люди черносошных земель в войске Ивана Грозного: лыжная и судовая рать // История военного дела: исследования и источники. 2012. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч. I. Статьи. Вып. II. [Электронный журнал] (http://www.milhist.info/2013/04/10/molochnikov_1/).
10. *Молочников А.М.* Замечания на отклик Д.А. Селиверстова по поводу статьи о даточных людях черносошных земель в войске Ивана Грозного // История военного дела: исследования и источники. 2012. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной

- дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч. II. Дискуссия. Вып. II. [Электронный журнал] (http://www.milhist.info/2013/07/08/molochnikov_2/).
11. ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г.
 12. Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. I.
 13. *Селиверстов Д.А.* К вопросу о службе «даточных людей» в войске Иоанна Васильевича Грозного (отклик на статью Молочникова А.М.) // История военного дела: исследования и источники. 2013. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч. II. Дискуссия. Вып. II. [Электронный журнал] (<http://www.milhist.info/2013/05/23/seliverstov/>).
 14. *Чернов. А.В.* Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв.: с образования централизованного государства до реформ при Петре I. М., 1954.
 15. *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Л., 1925.

П. Гаврон¹

Любители или профессионалы? Образование и профессиональная подготовка высших офицеров в Речи Посполитой в 1587-1648 гг.²

Речь Посполитая; Польская армия; Литовская армия; офицерский корпус; полки иноземного строя; Сигизмунд III Ваза; Владислав IV.

В статье рассматриваются различные аспекты проблемы профессионализма офицерского корпуса Речи Посполитой в период правления двух первых королей из династии Ваза – Сигизмунда III и Владислава IV, и в контексте общеевропейского процесса профессионализации армии.

Польские исследователи современной военной службы чаще всего используют определения «профессионализма» («профессионал», «профессиональный»), которые апеллируют к профессиональной подготовке и долговременной оплачиваемой работе. Также обращают внимание – хоть и в меньшей степени – на идеологическую составляющую профессии, т.е. на существующие в обществе и в изучаемой профессиональной группе взгляды на цели, функции, а также традиции и место в социальной иерархии конкретной профессиональной группы (имидж) [15, с. 6–7; 21, с. 217–221; 11; 14]. Для нужд дальнейших рассуждений под понятием высших офицеров будут пониматься гетманы, региментари («старшие полковники»)³, полковники, писари, стражники польные и войсковые обозники, полковники, а также капитаны (оберштеры) и капитаны-лейтенанты (оберштеры-лейтенанты) в отрядах иноземного строя и капитаны польской пехоты.

Здесь необходимо напомнить, что в Речи Посполитой существовал так называемый феномен титулярного (номинального) командования, т.е. люди получали офицерские звания, но на практике не выполняли своих служебных обязанностей сообразно должности и званию, а делегировали их различным заместителям. С конца XVI в. и на протяжении XVII в эта практика лишь укрепилась, приобретя характер традиции. Бывали также

¹ Гаврон Пшемислав, Университет кардинала Стефана Вышинского в Варшаве (Польша, Варшава), доктор истории, przemekgawron@wp.pl.

² Перевод с польского выполнен О.С. Смирновой.

³ Командующие соединением в несколько полков.

ситуации, даже в случае коронных сановников, таких как Томаш Замо́йский (воевода Киевский, заместитель великого канцлера и, наконец, канцлер Коронный), или Станислав Любомирский (виночерпий Коронный, а позднее поочередно воевода Русский и Краковский), что магнат сначала лично участвовал в военных действиях и командовал подчиненными ему войсками, а затем, по прошествии некоторого времени, отказывался от этой деятельности, по-прежнему сохраняя формальное руководство над военным формированием – обычно гусарская хоругвь или полк пехоты или кавалерии иноземного строя – остающимся в составе армии.

Следует также добавить, что в описываемую эпоху в Польско-литовском государстве организация полка не имела постоянного характера. Кроме королевского войска, которое использовалось в государстве для борьбы с татарами, и в котором из-за малой численности (максимально до 3–4 тысяч солдатских ставок), полков не существовало, в Речи Посполитой не было постоянной армии. Поэтому разделение войска на полки обычно происходило при формировании более многочисленных вооруженных сил для нужд конкретной кампании.

В описываемый период ни в Польше, ни в Литве формальное образование не было обязательным условием для получения какого-либо воинского звания, также не записывали ни в какой форме данные, касающиеся воинской подготовки. Несмотря на достаточно многочисленные попытки создать рыцарскую школу, такая институция не существовала в Речи Посполитой вплоть до 1765 г., что, впрочем, не было исключением и для всей остальной Европы. Таким образом, определение профессиональной подготовки высшего офицерского состава требует кропотливых и трудоемких биографических исследований, касающихся отдельных офицеров. Это затруднено, однако, плачевным состоянием источников для большинства шляхетских семей, что делает либо крайне сложным, либо даже невозможным отслеживание ранних этапов профессиональной военной карьеры даже в среде магнатов [20].

На основе существующих биографий, монографических исследований [2; 3; 5; 6; 7; 9; 16; 17; 18; 19; 22; 23], а также статей в Польском биографическом словаре можно рискнуть предположить, что часть офицеров (например, великие коронные гетманы Ян Замо́йский, Станислав «Ревера» Потоцкий, полный коронный писарь и воевода Брацлавский Ян Потоцкий, воевода краковский Станислав Любомирский, великие литовские гетманы Лев Сапега, Кшиштоф Радзивилл Младший, Януш Радзивилл Младший) имела образование, полученное за границей, иногда совмещенное с «практическими» занятиями западноевропейским военным искусством – как правило во время пребывания в военном лагере во время военной кампании. Это включало в себя изучение самого лагеря, а также посещение крепостей и укреплений. Что касается остальных офицеров, то данные об их пребывании за пределами страны отсутствуют. Таким образом, возможно, что они получали образование дома, скорее всего при дворах: королевском или магнатском, а также в национальных учебных заведениях (Краковская Академия, Замо́йская Академия). К этой группе можно отнести гетмана великого Коронного Николая По-

тоцкого, гетмана полного Коронного Мартина Казановского, региментаря «украинных войск» в 1626–1629 гг. Стефана Хмельницкого, киевского воеводу, полковника коронной армии в 1626–1629 гг., визненского старосту Николая Коссаковского, в некоторой степени великих гетманов коронных, двух Станиславов: Жолкевского и Конецпольского. Меньше известно об образовании офицеров из отрядов иноземного строя. Известно, что представители родов Денхоффов (Герард, Эрнест Магнус, Хенрик) и Вейгеров (Якуб, Николай, Людвиг) обучались как в стране, так и за границей. Однако, данных относительно офицеров, происходивших главным образом не из Речи Посполитой, например, Жан Марион, Филипп де Марей, Артур Астон, Питер Лермонт и Джеймс Батлер, не хватает.

Гораздо больше можно сказать о времени и характере военной службы – здесь складывались определенные традиции. В Короне гетманские булавы получали люди, которые могли похвастаться по крайней мере несколькими годами ротмистровской службы, обычно в гусарских хоругвях, хотя и необязательно это были регулярные государственные («кварчяные») войска. Здесь нужно, однако, добавить, что это правило не коснулось Яна ЗамоЙского, который, благодаря милости Стефана Батория, начал военную карьеру в качестве командира крупных вооруженных соединений, без ротмистровского опыта в кварчяных хоругвях. Иначе дело обстояло в Великом Княжестве Литовском, где почти наследственный статус гетманства в семье Радзивиллов биржайской линии имел следствием то, что некоторые представители рода, такие как Кшиштоф младший и Януш младший, получили булавы, несмотря на крайне незначительный боевой опыт. Особенным является повышение Льва Сапегы, который стал великим гетманом в преклонном возрасте, не исполняя ранее важных военных функций. Известно, однако, что назначение бывшего литовского канцлера, прославившегося прежде всего на ниве политики и дипломатии, было одним из пунктов плана Сигизмунда III, который хотел, с одной стороны, ограничить влияние Кшиштофа Радзивилла в Литве, противопоставив его Льву Сапеге, а с другой, надеялся использовать имущественный и организационный потенциал свежеепеченного гетмана, от которого монарх не ждал личного командования.

Для региментарей, полковников и офицерского корпуса воинский стаж даже номинального командования воинскими подразделениями магнатов, таких как Станислав Любомирский и Томаш ЗамоЙский, не говоря уж о литовских представителях этой социальной группы, был определенно короче, чем у офицеров, которые не входили в этот круг, например, представители семьи Потоцких (в первые десятилетия правления Сигизмунда III): Ян, Николай и Станислав «Ревера», Стефан Хмельницкий, а также Николай Коссаковский. Например, Станислав Любомирский стал полковником повятовых отрядов Сандомирского воеводства в 1618 г., после кратковременной службы в армии Сигизмунда III под Смоленском в 1609–1611 гг., а спустя два года стал командиром всей коронной армии накануне войны с Оттоманской Портой в 1621 г. Тем временем Ян Потоцкий служил в армии коронной с 1576 г., ротмистром стал спустя шесть лет, но на должность полного писаря был назначен в 1588 г. Николай Потоц-

кий прослужил по крайней мере пару десятков лет в качестве гусарского ротмистра, начиная с 1609 г., прежде чем дождался чина полковника в 1626 г., а затем повышения до должности полного писаря тремя годами позднее. Аналогично сложилась карьера и Николая Коссаковского.

Однако, в случае отрядов иноземного строя (немецкая пехота, драгуны, рейтары) финансовые расходы и организация такого рода подразделений привели к тому, что монарх склонен был доверять эту службу либо состоятельным представителям сенаторско-чиновничьей элиты Королевской Пруссии (Вейгеры), Ливонии (Фаренсбахи, Денхофы), Курляндии (Сакены фон дер Рек) и Великого княжества Литовского (Януш Радзивилл Младший), опытным иностранцам (Джеймс Батлер, Питер Лермонт, Жан Марион), либо шведам из окружения Сигизмунда III (Густав Спарр). Большинство из вышеназванных лиц обладало финансовыми средствами или связями – особенно при королевском дворе – позволяющими в короткий срок собрать солдат и содержать их в лагере, несмотря на задержки в выплате жалованья, также они имели доступ на международный рынок наемников.

Важным элементом современного понятия «профессионализма» является финансовый аспект, иначе говоря, становится ли эта сфера деятельности основным источником дохода для человека. В случае офицеров польско-литовской армии в обозначенный период офицерская воинская служба не выполняла этого условия, что не означает, однако, что она не приносила вообще никакого дохода. Из-за специфики состояния европейской казны государственная казна задерживала выплаты жалованья, причем не только обычным солдатам, но и их командирам. Помимо прочего это имело следствием и то, что для большинства офицеров, особенно для командующих «национальными» войсками, жалование не было основным источником дохода. У офицеров традиционных «национальных» родов войск («строев») эту роль выполняли доходы с земельных владений, как частных, так и королевских. Однако же в случае иностранцев, не имевших владений на территории Речи Посполитой, жалование приобретало большое значение в обеспечении повседневной жизни. Поддержание отрядов в состоянии готовности требовало от офицеров различных уровней доплат из собственных средств, в том числе полученных по ссудам. Как и во всей Европе, офицеры рассчитывали здесь не столько на возврат вложенных денег, сколько на «королевскую милость», и связанные с ней пожалования – землями, денежным жалованием или долей в королевских доходах, которые должны были компенсировать потраченные на войско деньги⁴.

Пробуя ответить на поставленный в заголовке статьи вопрос, можно сказать, что в свете современных понятий офицеры в Речи Посполитой были частично любителями, частично профессионалами. Недостаток, а зачастую и отсутствие теоретического и методичного военного обра-

⁴ Например, Роберт Деверё, граф Эссекс, см.: [12, s. 85–86, 123–124; 10, s. 125, 178–179, 193]; Роберт Дадли, граф Лестер, см.: [1]. Относительно Франции в XVII в., см.: [8, s. 101–141; 13, s. 902]; больше об этом вопросе в западноевропейских странах на рубеже XVI–XVII вв. см.: [4, s. 46].

зования, как и получение средств на каждодневное содержание из невоенной деятельности позволяет говорить о них как о дилетантах. Однако длительная служба в чине ротмистра или капитана – хотя у некоторых офицеров она была чисто номинальной – привела к накоплению значительного опыта и приобретению важных и ценных навыков в области служения Марсу. Более того, в значительной мере благодаря этой группе офицеров, как и их заместителей – поручиков, и наиболее опытных ветеранов более низших чинов, в шляхетском сообществе утвердилось мнение об исключительном характере военной службы, основанное на том, что часть шляхты зарабатывала службой деньги, то есть служба составляла их «профессию» в финансовом смысле. Нужно также подчеркнуть, что ситуация в Речи Посполитой не отличалась в этом смысле от ситуации, господствующей в Западной Европе, по крайней мере до перемен в эпоху Людовика XIV.

1. *Adams S.* A puritan crusade? The composition of the earl of Leicester's expedition to the Netherlands, 1585–86 // *Leicester and the court, Essays on elizabethan politics*, Manchester. New York, 2002.
2. *Besala J.* Stanisław Żółkiewski. Warszawa, 1988.
3. *Chachaj M.* Zagraniczna edukacja Radziwiłłów od początku XVI do połowy XVII wieku. Lublin, 1995.
4. *Chagniot J.* Guerre et société à l'époque moderne. Paris, 2001.
5. *Ciara S.* Kariera rodu Weiherów 1560–1657. Warszawa, 1980.
6. *Czapliński W., Długosz J.* Podróż młodego magnata do szkół (Studium z dziejów kultury XVI i XVII w.). Warszawa, 1969.
7. *Czwołek A.* Piórem i buławą. Działalność polityczna Lwa Sapiehy kanclerza litewskiego, wojewody wileńskiego. Toruń, 2012.
8. *Drévilion H.* L'impôt du sang. Le métier des armes sous Louis XIV. Paris, 2005.
9. *Grzybowski S.* Jan Zamoyski. Warszawa, 1994.
10. *Hammer P.E.J.* Elizabeth's Wars. War, Government and Society in Tudor England, 1544–1604. Basingstoke; New York, 2003.
11. *Kościelniak K.* Kadra oficerska w wojsku koronnym w latach 1576–1648. Studia nad zawodem wojskowym. Toruń, 2011.
12. *Lloyd H.A.* The Rouen Campaign 1590–1592. Politics, warfare and the early modern state. Oxford, 1973.
13. *Lynn J.A.* Recalculating French army growth during the Grand Siècle, 1610–1715 // *French Historical Studies*. Vol. 18. No. 4 (Autumn, 1994).
14. O kadrze oficerskiej armii koronnej doby Stefana Batorego i dwóch pierwszych Wazów (na marginesie pracy Karola Kościelniaka Kadra oficerska w wojsku koronnym w latach 1576–1648. Studia nad zawodem wojskowym, Toruń 2011, s. 253) // *Przegląd Historyczny*. T. CIV. Z. 1. Warszawa, 2013.
15. *Plewczyński M.* Żołnierz jazdy obrony potocznej za panowania Zygmunta Augusta. Studia nad zawodem wojskowym w XVI w. Warszawa, 1985.
16. *Podhorodecki L.* Karol Chodkiewicz 1560–1621. Warszawa, 1982.
17. *Podhorodecki L.* Stanisław Koniecpolski ok. 1592–1646. Warszawa, 1978.
18. *Podhorodecki L.* Stanisław Żółkiewski. Warszawa, 1988.
19. *Prohaska A.* Hetman Stanisław Żółkiewski. Warszawa, 1927.
20. Szkolnictwo wojskowe I Rzeczypospolitej – 250 rocznica powołania Szkoły Rycerskiej / Red. W. Włodarkiewicz. Warszawa, 2015.
21. *Wagner M.* Korpus oficerski wojska polskiego w drugiej połowie XVII wieku. Oświęcim, 2015.
22. *Włodarski J.* Jakub, Mikołaj i Ludwik Wejherowie. Mężowie stanu Prus Królewskich

kich i dowódcy wojskowi Rzeczypospolitej. Gdańsk, 2016.
23. *Wolski M.* Potoccy herbu Pilawa do początku XVII wieku. Studium genealogiczne – własnościowe. Kraków, 2013.

Т. Бохун¹

Ремесленники в составе полков Миколая Струся и Юзефа Будзиллы, командиров Московского гарнизона в 1612 г.: по материалам 38-й книги Польского стола Посольского приказа (Ф. 79. Сношения с Польшей. Оп. 1. Кн. 38)²

Речь Посполитая; Смута начала XVII в.; московский гарнизон 1611–1612 гг.; Миколай Струсь; Юзеф Будзилло; Посольский приказ; ремесленники.

Доклад, отраженный в данных тезисах, посвящен ремесленникам и иным специалистам-некомбатантам полков Миколая Струся и Юзефа Будзиллы, обслуживавшим польско-литовский гарнизон Кремля в 1611–1612 гг., сведения о которых сохранились в 38-й польской посольской книге.

Контролирующее обмен пленными с московской стороны великое посольство в составе бояр Федора Ивановича Шереметева и князя Данилы Ивановича Мезецкого, окольничего Артемия Васильевича Измайлова и дьяков Ивана Болотникова и Матвея Сомова составило подробный отчет о проделанной работе – статейный список, переписанный подьячими Посольского приказа в отдельную посольскую книгу («польскую книгу» Польского стола Посольского приказа), в которой есть списки польско-литовских пленнх из полков Николая Струся и Юзефа Будзиллы. Среди пленнх преобладали слуги и ремесленники, выполнявшие различные вспомогательные службы по обеспечению солдат-шляхтичей. Группа военнопленнх из полка Струся насчитывала 185–190 человек, из которых 150–155 человек были слугами и ремесленниками (в том числе сапожники, портные, шорники, повара, цирюльники и т. д.). В свою очередь, в насчитывающей 88–96 человек группе военнопленнх из полка Будзиллы гражданские слуги и ремесленники составили 49 человек.

В посольской книге есть также списки находящихся в московском плену польско-литовских пленнх, которые не участвовали в обмене 10 июня 1619 г. Это очень интересный источник, поскольку в нем отражена не только их профессия – солдаты или гражданские, но и указывается их местонахождение в плену. Множество московских знатных людей привлекало их на работу в своих владениях.

Эти источники таким образом позволяют описать характер и, приблизительно, размер вспомогательной и хозяйственной службы польско-литовских отрядов, которые в 1610–1612 гг. находились в столице Московского государства. Данные персональных списков пленнх, составленные командирами полков и некоторыми ротмистрами, дают представление как о профессиональной специализации ремесленников – мас-

¹ Бохун Томаш, журнал «Mówią Wieki» (Польша, Варшава), доктор истории, bohuntomasz@gmail.com.

² Перевод с польского выполнен О.С. Смирновой.

теров и их учеников – и слуг в «ремесленных списках», так и о возрастной шкале этих категорий заштатных чинов.

В целом, можно выдвинуть тезис, что хозяйственная часть этих военных формирований могла составлять дополнительно около 30 % (может, немного больше) от штатной численности личного состава рот и полков.

А.И. Папков¹

Участие неслужилого населения южных уездов России в боевых действиях в XVII веке²

Южная окраина России; порубежье; крестьяне; боевые действия.

Рассматривается участие неслужилого населения южных уездов России в боевых действиях в XVII в. Определяются условия и обстоятельства участия крестьян и жителей посадов в обороне городов южной окраины России.

Количество неслужилого населения на южной окраине России, которая на протяжении XVII столетия находилась в процессе колонизации, было не очень значительным. В силу опасности регион не был густо заселен и осваивался, преимущественно, служилыми людьми [3, с. 109–110]. И.Н. Миклашевский отмечал наличие неслужилого населения на польской окраине России, в частности, он писал о слободе Никольского монастыря в Белгороде. Другое дело, Воронеж, в котором в 1651 г. «оброчным людям» принадлежало 163 двора (18,7 % от общего количества дворов в городе) [5, с. 67–81]. В округе Воронежа, Курска, Ельца, Оскола и Белгорода часть земель была отмежевана в собственность государя, возникла «государева десятинная пашня», которую первоначально обрабатывали служилые люди, находившиеся в этих городах. Хозяйственное разорение во время Смуты привело к постепенному сокращению и даже ликвидации государевой десятинной пашни на южной окраине страны. Известно, что в 1626 г. в Белгородском уезде на государя пахали 300 десятин. Затем на этих землях были поселены государственные крестьяне, с которых взамен урожая с десятинной пашни стали взимать «посопный хлеб». Таким образом в Белгородском уезде появилась «посопная» (дворцовая) волость, в которой было порядка 400 дворов черносошных крестьян. Она занимала среднее течение рек Кореня и Корочи. К ней относились села Городище и Заячье, деревни Ломова, Новая Слободка, Мазикина, Тюрина и Коренская.

Очень сложно точно определить количество крестьянского населения в окраинных уездах России в первой половине XVII столетия. В приграничной зоне оно было непостоянным. После завершения Смутного времени отмечается прирост численности крестьян, который продолжался до 30-х гг. XVII в. В 30–40-е гг. этого столетия количество крестьян в ряде уездов резко сократилось. Кроме того, различные уезды очень сильно от-

¹ Папков Андрей Игоревич, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (РФ, Белгород), к.и.н., papkov@bsu.edu.ru.

² Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18–09–00313 А.

личались друг от друга плотностью крестьянского населения. По имеющимся данным в Белгородском уезде количество крестьянских дворов в 1626 г. оценивается в 597, а в Воронежском уезде, занимавшем огромную территорию, примерно в 40 тыс. кв. км, в 1629 г. насчитывается 1570 крестьянских и бобыльских дворов. В пограничных уездах, находившихся севернее, – Курском, Ливенском, Елецком – крестьян было значительно больше, а в восточной части Лебедянского уезда даже сформировался район крупного феодального землевладения [4, с. 37–50].

Таким образом, неслужилое население постепенно появлялось на польской Украине России. В силу различных обстоятельств эти люди, не выполнявшие военной службы по своему социальному статусу, оказывались вовлеченными в боевые действия.

В боевых действиях могли участвовать местные жители, оборонявшие свою территорию. Количество таких примеров незначительно, относится к периоду Смутного времени и, вероятно, жители нуждались в организации управления для участия в военных действиях. Так, жители Путивльского уезда в 1613 г. били челом государю, прося «...их пожаловать, послати к ним воевод, а с ними ратных людей, с кем бы им над литовскими людьми и над черкасы промышлять и Путивль от польских и литовских людей очистить» [9, с. 167].

Во время обороны крепостей, в ней участвовало все население округа. Примером может служить крепость Белгород во время Смоленской войны. Судя по осадному списку 1633 г. [6, с. 123–136], защитники острога были сосредоточены в башнях³. Острог защищали как служилые люди («по прибору» – казаки, станичные вожи и ездоки (по всем башням – 330 чел., от 9 до 38 в каждой), так и «их дети, братья и племянники», т.е. еще не поверстанная в службу лично свободная часть населения города (всего 264 чел., от 13 до 24 в башне). Кроме того, здесь же «государю служили и бились явственно» крестьяне, собранные в округе (всего – 586 «подымовных», в каждой башне от 20 до 56 чел.). Следует отметить, что наибольший урон противнику нанесли служилые люди, поскольку в «Списке...» нет указаний на крестьян или родственников служилых, убивших хотя бы одного из нападавших, между тем как казаки, ездоки и вожи, державшие оборону в остроге, уничтожили 78 чел.

На стенах и в башнях детинца оборонялись 190 стрельцов (видимо, наиболее боеспособная часть гарнизона), а также 152 их неслужилых родственника и 264 крестьянина из посошной волости. Как и в остроге, урон противнику нанесли лишь служилые люди – стрельцы, убившие во время приступа 36 чел. Но наибольший ущерб нападавшим причинила крепостная артиллерия, от огня которой штурмующие потеряли 365 чел.

Во время осады отряд белгородцев под командованием стрелецкого и казачьего головы Варфоломея Хитрого совершил вылазку, в которой участвовало 214 чел. По своему составу это была лучшая часть гарнизона: 24 станичных головы, 86 дворян и полковых детей боярских, 28 станичных детей боярских, девять стрельцов, 63 донских и два верстанных

³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 50. Л. 1–65.

казака, а также стрелецкий сотник и подъячий съезжей избы Потап Степанов.

Таким образом, в обороне Белгорода летом 1633 г. участвовало 2050 чел., причем 20 % из них составляли родственники служилых людей, а 41 % – крестьяне, хотя основную ударную силу представляли собой служилые люди и донские казаки.

Черкасский отряд появился под стенами Белгорода в следующем году. Его численность достигла семи тысяч человек. Черкасы начали штурм крепости в 4 часа утра 8 июня 1634 г. К 5 часам вечера большой острог был захвачен и сожжен. До 12 июня продолжались приступы к детинцу, но гарнизон сумел отбиться⁴, черкасы ушли с полоном в пределы Речи Посполитой [1, с. 625].

После отступления врага был составлен соответствующий осадный список⁵ [7, с. 111–123]. Судя по нему, защитники острога в 1634 г., как и ранее, были сосредоточены в башнях. Острог защищали служилые люди «по прибору» – казаки, станичные вожи и ездоки (по всем башням – 304 чел. против 330 в 1633 г., от 3 до 34 в каждой) и еще не поверстанная в службу лично свободная часть населения города (всего 267 против 264 чел. в 1633 г., от 13 до 27 в башне). В остроге оборонялись крестьяне, собранные в округе (всего – 515 вместо 586 «подымовных» в 1633 г., в каждой башне от 17 до 57 чел.). Наибольший урон противнику в 1634 г., как и в предшествующем году, нанесли служилые люди, поскольку в «Списке...» нет указаний на крестьян или родственников служилых, убивших хотя бы одного из нападавших, между тем как казаки, ездоки и вожи, державшие оборону в остроге, уничтожили 70 чел. (в предшествующем году – 78 чел.).

В это время на стенах и в башнях детинца оборонялись 176 стрельцов (в 1633 г. – 190), а также 97 (против 152 в 1633 г.) их неслужилых родственника и 174 крестьянина из посопной волости (в предшествующем году – 264). В угловой башне находилось также 14 донцов. Как и в остроге, урон противнику нанесли лишь донские казаки и служилые люди – стрельцы, убившие во время приступа 31 чел. Но наибольший ущерб нападавшим причинила крепостная артиллерия, от огня которой штурмующие потеряли около 250 чел.

В этот раз вновь отряд белгородцев под командованием стрелецкого и казачьего головы Варфоломея Хитрого совершил вылазку, в ней участвовало 76 чел. Как и ранее, по своему составу это была лучшая часть гарнизона: 21 чел. станичных голов, 27 полковых детей боярских, 25 станичных детей боярских, а также стрелецкий сотник, подъячие съезжей избы Потап Степанов и Федор Спесивцов.

Таким образом, в обороне Белгорода летом 1634 г. участвовало 1547 чел., что на 503 чел. меньше по сравнению с предшествующим годом. Следовательно, белгородский гарнизон сократился на четверть, что сказалось на обороноспособности крепости. Причем, в составе гарнизона увеличился процент неслужилых людей: 24 % составляли родственники служилых людей (ранее – 20 %), а 44 % – крестьяне, против 41 %. Как и

⁴ Там же. Столбцы Московского стола. № 101. Л. 629–630.

⁵ Там же. Столбцы Белгородского стола. № 50. Л. 66–111.

ранее, основную ударную силу представляли собой служилые люди и донские казаки, действия которых, в совокупности с артиллерийским огнем, и нанесли противнику основной урон.

Вероятно, мобилизация неслужилого населения уезда для обороны города была сложившейся практикой для приграничных территорий, особенно там, где такое население могло представлять значительную силу. К примеру, в наказе князю М.И. Солнцеву-Засекину, данному 26 февраля 1618 г., при назначении его на службу в Белев, предписывалось расписать сотни служилых людей различных категорий, а также «посацких и уездных всяких людей, пеших, росписать по городу и по острогу, по воротам и по башням, со всякими бои, и учинить у них голов и списки голов дать же, и места всяким осадным людем указать, где кому быть...» [2, с. 128]. Из отписки севского воеводы С. Стрешнева известно, что 14 мая 1630 г. он получил грамоту из Разрядного приказа, в которой ему предписывалось, в соответствии с предыдущим государевым указом, велеть крестьянам Чемлижского и Радогощского станов Комарицкой волости ставить в Севске осадные дворы и клети, а также держать в них запасы. Совершенно ясно, что крестьяне должны активно участвовать в обороне крепости: «...и для б осадного времени были у них, крестьян, пищали и рогатины, и никаков бы человек в осадное время в Севску без ружья не был; и росписать велено мне тех дву станов крестьян и всяких людей к осадному времени в Севску по местом, вместе с севскими служилыми людьми, и голов к ним написати, и по вестям велеть им, крестьяном, с женами и с детьми и со всеми своими животы быть в Севску в осаде» [1, с. 323]. Из дальнейшего текста ясно, что аналогичные указания были даны брянскому воеводе по отношению к крестьянам Глодневского и Брасовского станов Брянского уезда, но крестьяне их не выполняли, что служило дурным примером для севских крестьян.

Жители окраины могли, воспользовавшись обстановкой военного времени, организовать самовольный поход на вражескую территорию, как это было, например, во время Смоленской войны. Так, в ноябре 1632 г. в Москве получили донесение Ф. Плещеева, в котором он докладывал о несанкционированном походе за рубеж. Жители Болхова и Севска в количестве 35 чел. разграбили две деревни, несмотря на запрет «ходить в Литву». По возвращении они были доставлены в съезжую избу, где повинились в содеянном. Помимо одежды, холстов и прочего имущества, у них изъяли: 12 лошадей, 25 коров, 33 овцы, девять кадушек меда⁶. В ноябре 1633 г. некоторые жители Валуйки, Оскола и Белгорода во главе с вдовым попом Микулой пошли в район Полтавы. Предприятие не увенчалось успехом, из 90 жителей Валуйки, отправившихся с Микулой, 10 было убито и пленено⁷. Однако такие походы являются разбойными нападениями, а не военными операциями.

Таким образом, даже на южной окраине России, в приграничном регионе, для которого была характерна высокая активность боевых действий, неслужилое население не являлось активным участником боевых

⁶ Там же. Столбцы Белгородского стола. № 95. Л. 213–216.

⁷ Там же. Столбцы Белгородского стола. № 53. Л. 288.

действий в качестве военной силы. Крестьяне и жители посадов привлекались к обороне крепостей на южной окраине России в первой половине XVII в. Однако, сделать это можно было только там, где в округе крепостей имелось сельское население (значительного посада в южных городах практически не было). Во второй половине XVII в. подобных фактов уже не отмечается, вероятно, связано это с военными реформами, в результате которых основу военных сил стали составлять полки «нового строя», что привело к изменению военной тактики.

1. Акты Московского государства, изданные императорскою Академиею наук. СПб., 1890.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедициею императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. III.
3. *Багалеи Д.И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887.
4. *Загоровский В.П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969.
5. *Миклашевский И.Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства. М., 1894. Ч. I.
6. *Папков А.И.* Осадный список города Белгорода 1633 года // Белогорье. Белгород, 2002. № 3.
7. *Папков А.И.* Осадный список города Белгорода 1634 года // Белогорье. Белгород, 2003. № 4.
8. *Танков А.А.* Историческая летопись курского дворянства. М., 1913. Т. I.

К.В. Петров¹

Сословие «гулящих людей» в России XVII в.

История России; XVII в.; сословия; сословное общество; гулящие люди; правовое неравенство.

Рассматривается правовое положение гулящих людей, определяется наличие у них всех гражданских и процессуальных прав. Особенностью гулящих людей является их не связанность с государством; гулящие люди не платили налоги и не несли личную службу в пользу государства; особое внимание уделяется правовому положению детей крестьян, посадских людей, служилых людей по прибору.

Гулящим людям в отечественной исторической науке традиционно уделяется немного внимания. В советское время они (подсоседники, захребетники, задворные люди) рассматривались как категория феодально-зависимого населения (А.Л. Шапиро, А.Г. Маньков и др.); их положение изучалось в контексте развития крепостничества и зарождения капиталистических отношений в XVII (Н.В. Устюгов, И.В. Степанов, Н.А. Бакланова и др.) и XVIII вв. (В.И. Недосекин, А.С. Черкасова, А.В. Ковальчук и др.). В постсоветской науке единственное известное мне исследование, посвященное гулящим людям XVII в. принадлежит В.Е. Борисову [1].

Представление о «гулящих людях» как о маргинальной группе не подтверждается источниками, как и мнение о том, что «гулящие люди» – нищие, живущие за счет милостыни. Данный подход в обусловлен современной коннотацией слов, обозначающих данную группу населения.

¹ Петров Константин Васильевич, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина (РФ, Санкт-Петербург), к.и.н., к.ю.н., 1petrov_kv@ail.ru.

В контексте источников XVII в. слово «гулящий» следует понимать как – ни от кого не зависящий, делающий то, что захочет, никому не подчиняющейся.

В настоящей работе основное внимание уделено гулящим людям как сословию допетровской эпохи. В настоящей работе под сословием понимается часть населения, обладающая особым набором прав и обязанностей, закрепленных в различных источниках права (законах, санкционированных государством обычаях; санкционированных государством нормах повседневной практики) [6]. В рамках данной классификации допетровское население делилось по меньшей мере на 11 сословий. Вполне возможно сословий было больше; в это число не вошли «служилые мурзы и татары», «кормовые ясаулы, атаманы и поместные казаки», «служилые черкасы», «ямщики».

Социально-правовой облик «гулящих людей» достаточно выясняется по имеющимся материалам. Они были субъектами уголовного права; будучи потерпевшими, могли требовать возмещения причиненного ущерба. Предусматривалась их ответственность за нарушение финансовых прав государства (ст. 14 и 16 главы XXV Соборного уложения). Они также могли нести имущественную ответственность за бой и грабеж², быть ответчиками по искам детей боярских о «безчестье»³; по имущественным искам крестьян⁴; заключали договоры займа⁵, были ответчиками по искам в холопстве⁶. «Безчестье» гулящих людей наказывалось штрафом в размере 1 руб. (ст. 94 главы X Соборного уложения).

В социально-экономическом отношении «гулящие люди» XVII в. представляли собой людей, работающих по найму. Однако наиболее значимым было то, что «гулящие люди» не несли «тягло». Они проживали в своих домах на посаде: «на посаде живут вольные люди себе дворами кормятся работаю в миру». В переписной книге 1646 г. Оскольского уезда: «на посаде у аскольских у детей боярских на дворах живут вольные всякие ремесленные люди во дворничестве» [4, с. 192]. В воеводской отписке от 15 февраля 1635 г.: «а которые на Осколе живут гулящие люди себе дворами, не в тягле, и твоего государева оброку не платят, а живут в белых» [4, с. 193].

Отметим самое существенное в правовом положении «гулящих людей». Будучи лично свободными, «гулящие люди» могли приобрести права и обязанности любого иного сословия. Они могли «верстаться» в дети боярские⁷; могли стать тяглыми людьми (посадскими или крестьянами)⁸. Холопы, отпущенные на свободу, становились «гулящими людьми»⁹. Более того, **правовое состояние «гулящих людей» является ба-**

² РГАДА. Ф. 210. Оп. 20. Д. 224. Л. 209.

³ Там же. Л. 248 об.

⁴ Там же. Л. 209.

⁵ Там же. Л. 223 об.

⁶ Там же. Л. 242 об.

⁷ Там же. Д. 221. Л. 284 об.

⁸ Там же. Д. 224. Л. 401а–401а об.

⁹ Там же. Л. 146 об.–147.

зовым при переходе из сословия в сословие по воле самого человека. Стать сыном боярским, через процедуру «верстанья», или служилым казакom, путем процедуры «прибора», мог лишь тот человек, который не нес обязанности в пользу государства иным образом (налогом-тяглом, или службой-действием). Например, посадский человек, несущий обязанности по уплате «тягла», мог перейти в другое сословие, только передав кому-либо (сыну, зятю и т.п.) свои тяглые обязанности. При этом важно отметить, что обязанности по несению тягла были обусловлены занятием на посаде собственным «делом».

Переход из сословия в сословие, минуя промежуточную стадию – «гулящего человека» – возможен был лишь в том случае, если подобное приобретение сословных прав происходило в результате решения органа власти (царя, боярской думы, приказа). Таковым является пожалование царя. Например, в результате пожалования царя, Кузьма Минин утратил права и обязанности посадского человека, и приобрел права и обязанности представителя сословия «дворян и детей боярских» в чине думного дворянина. В равной степени решением органов власти был, например, перевод части служилых казаков в дети боярские во вновь создаваемые «служилые города» в уездах на белгородской «черте» во второй половине XVII в. Безусловно подобный акт был возможен в отношении представителей сословий (дьячества, служилых людей по прибору или по отчеству), несущих службу в пользу государства своими действиями. Подобные меры в отношении сословий, платящих в пользу государства налоги-тягло (крестьян или посадских людей), тем более в отношении «гулящих людей», были невозможны.

Важным представляется утверждение о том, что, по существу, «дети, братья, племянники» крестьян и посадских людей, поскольку они не несли тягло, являются «гулящими людьми», и, в силу этого, могли без труда перейти в любое сословие. Тяглые обязанности ложились на главу двора. Это в свою очередь означает, что **значительная часть населения России (до середины XVII в.) было лично свободным, никак не связанным с государством обязанностями**, но в силу этого, не обладавшего политическими правами (т.е. не участвовавшими в работе земских соборов и органах местного самоуправления – земских и губных изб).

В исторической науке этому обстоятельству не уделяли внимание, поскольку считалось, что «гулящие люди» – достаточно малочисленная группа населения. Однако отсутствие постоянной фиксации было обусловлено как раз тем, что «гулящие люди» не были никак «связаны» с государством и подвергались учету фрагментарно и зачастую в военно-оперативных целях (по южным уездам страны). Судя по этим данным их численность варьировалась от 20 до 60 % от населения. Например, в 1735 г. на Сапожке было «гулящих людей» 292 человека, представителей остальных сословий – 181 чел.; в 1734 г. на Ливнах 234 человека «гулящих людей», представителей остальных сословий – 1093 чел. По сметной книге Белгорода 1716 г., служилых и посадских людей 1320 ч., «гулящих людей» («братья и племянников») – 632 ч.¹⁰

¹⁰ Там же. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 10. Л. 328–372, 337.

Важный этап в жизни российского общества связан с воцарением Алексея Михайловича. К тому времени было очевидно, что в стране отсутствуют финансовые ресурсы. Это обстоятельство было сдерживающим фактором для реорганизации армии и приказного аппарата, что сделало необходимым проведение реформ – от переписи 1646–1648 гг. (несмотря на мнение С.Б. Веселовского о том, что «перепись не преследовала финансовых целей» [2, с. 228–229]), сбора недоимок и увеличения косвенных налогов в 1646–1648 гг., до «денежной реформы» 1654–1661 гг.

В 1646 г. в писцовом наказе говорилось: «по тем переписным книгам крестьяне и бобыли, и их дети, и братья, и племянники будут крепки» [Цит. по: 3, с. 184]. Переписные книги 1646–1648 гг. стали основой процедур, предусмотренных Соборным уложением 1649 г.: для крестьян – в статьях 10, 20, 24 Главы XI, для посадских людей – в статьях 4, 22, 23, 27 Главы XIX. Указанные нормы имеют прямое отношение к судьбе «гулящих людей» – их число юридически сократилось.

Принципиальная позиция изложена в статье 27 Главы XIX: «которые московских и городовых посадских людей дети отходили от тяглых людей и писались в стрелецкую службу, а у отца толко один сын, или два, и тех имати в тягло, а будет у отца три сына, а третей написан в стрелцы, и третьяго сына не имати, быти ему в стрелцах». Вполне вероятно, что подобным образом (путем аналогии закона) поступали в случае прибора первых двух детей посадских людей в служилые казаки, либо прибора первых двух детей крестьян в стрельцы или иные приборные служилые люди. Таким образом, только третий сын посадского человека, и, по-видимому, крестьянина, оставался свободным в возможности выбора своего «сословного будущего». Здесь возникает следующая правовая коллизия – не имея прав и, соответственно, обязанностей по уплате «тягла», сын крестьянина или посадского человека оказывался в составе сословия крестьян и, соответственно посадских людей, но в качестве его неполноправных членов. С этой точки зрения, первых двух детей крестьян и посадских людей, следует отнести к субсословию крестьян и, соответственно посадских людей.

Итак, «гулящие люди» – категория свободных, ничем не обязанных государству людей, основное занятие которых заключалась в работе по найму. Она составляла в первой половине XVII в. от 20 до 60 % от населения (по данным южных уездов страны). «Гулящие люди» работали исключительно на себя и свою семью, не платили прямые налоги («тягло»), не несли обязанности в пользу государства в виде личных действий (службы). В силу этого, они были лишены политических прав в виде участия в работе земских соборов, земских и губных изб. С середины XVII в. часть «гулящих людей» из числа первых детей крестьян и посадских людей образовали субсословия крестьян и посадских людей, соответственно; число «гулящих людей» значительно уменьшилось. Данные действия не были юридически корректны, поскольку налагали на них обязанности и ограничения без предоставления субъективных прав. Впрочем, как показывают проведенные исследования, для XVII в. характерно приня-

тие юридически корректных решений постепенно, путем «проб и ошибок» [5].

1. *Борисов В.Е.* Гулящие люди и другие нетяглые категории населения за Уралом в XVII в. // Новый исторический вестник. 2013. № 37.
2. *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и пошного обложения Московского государства. М., 1916. Т. 2.
3. *Маньков А.Г.* Развитие крепостного права в России во 2 пол. XVII в. М.; Л., 1962.
4. *Никулов А.П.* Переписная книга 1646: текст и комментарий. М., 2017.
5. *Петров К.В.* «Прецедент» в средневековом русском праве (XVI–XVII вв.) // Государство и право. 2005. № 4.
6. *Петров К.В.* Термин «сословие» и проблемы изучения сословной структуры средневекового русского общества // Политические институты и социальные страты России (XVI–XVIII вв.). Тезисы междунар. конф. М., 1998.

Т. Чещельский¹

Вспомогательные и обеспечивающие службы в войсках Речи Посполитой обоих народов в первой половине XVIII в.²

Польская и литовская армии в XVIII в.; логистические службы; бухгалтерская служба; финансы, закупки и лагеря; медико-санитарная служба; ветеринарная служба; оружейно-технические службы; служба юстиции; военное пастырство.

Статья посвящена различным обеспечивающим службам и специалистам в войсках Речи Посполитой эпохи Саксонской династии, без которых было невозможно функционирование регулярной армии как важной части государственной системы. Эти службы и должности укомплектовывались как младшими офицерами и нижними чинами, так и сугубо гражданскими лицами.

Казначейские и военные постановления немого Сейма сделали возможным проведение в 1717–1719 гг. частичной модернизации польской и литовской регулярной армии [1, с. 19–47; 2, с. 61–72; 13, с. 189–265; 19, с. 430–487]. Из-за ограниченности бюджета ее не удалось довести до стандартов, принятых тогда в Европе, а в последующие десятилетия XVIII столетия армия все более обретала черты анахронизма, особенно по сравнению с изменяющимися армиями государств, граничащих с Речью Посполитой [5, с. 81–116]. Касались также вопросов организации отрядов и существования в них широко понимаемых квартирмейстерских служб, без которых в первой половине XVIII в. было трудно себе представить существование современных армий. Между тем, в коронном и литовском войсках они нормально функционировали только в так называемом «иностранном контингенте», то есть в полках пехоты и драгун. В «национальной» кавалерии этих служб практически не было, а если и существовали, то только в составе капеллана, цирюльника и конюшего, но и то только в нескольких из 157–162 хоругвей кавалерии. Более того, обычно в хоругви был только один из них, в отрядах, носивших название королевских или королевичевых, – не более двух, и не было хоругви, в которой одновременно были

¹ Чещельский Томаш, Институт Истории Опольского университета (Польша, Ополье), доктор хабилитованный, ciesielski2@wp.pl.

² Перевод с польского выполнен О.С. Смирновой.

бы капеллан, цирюльник и конюший. Однако, это не должно удивлять, поскольку в хоругвях обычно служили по 30–35 чел., в самых больших около 100, а в самых маленьких всего пара десятков всадников [4, с. 24–64; 10, с. 35–61]³. Выделять в них даже квартирмейстерские службы было бы слишком дорого и просто бессмысленно. В более крупных подразделениях, какими были полки пехоты и драгун, их существование было необходимо, но и в самом крупном полку коронной гвардии 20–50 человек отвечало за логистику, медицинское и техническое обеспечение, а также за соблюдение закона и дисциплины. В исполнении ряда перечисленных функций были задействованы гобоисты (флейтисты) и сигнальщики (как правило, барабанщики в пехоте и горнисты в кавалерии), хотя в части полков, особенно в янычарских хоругвях на их основе формировались военные оркестры [1, с. 280–350; 2, с. 73–92; 11, с. 265–317, 16, с. 69–100]. Однако вся эта практика армейской жизни не была закреплена никакими нормативно-правовыми актами, а происходила из личной инициативы и в результате превышения своих служебных полномочий руководителями и комендантами полков.

Большинство служб были введены в состав «иностранный контингент» с того момента, как он стал постоянной составляющей коронной армии, т.е. с 1630-х гг. Однако в следующие сто лет они не были расширены, наоборот, в первой половине XVIII в. можно говорить об их некотором ограничении из соображений экономии [1, с. 280–350; 2, с. 73–92; 18, с. 306–351; 21, с. 11–30]. При этом они были немногочисленны и на практике не были выделены в отдельную структуру в составе полков. Единственно в случае медицинских служб можно говорить о подчинении цирюльников-фельдшеров из более мелких подразделений полковому медику. Он не был выше солдат рангом, так как таковым являлся полковой квартирмейстер.

В обязанности квартирмейстера входило ведение финансов и бухгалтерской документации полка (в том числе и полковых архивов). Прежде всего, он ведал кассой, а точнее полковыми кассами, так как для нормального обеспечения полков практиковалось выделение денежных средств на снабжение. Также он вел бухгалтерскую и материальную документацию всего полка. Квартирмейстер выплачивал жалованье непосредственно офицером, а деньги для младших командиров и рядовых передавал командиру роты. Он также отвечал за сбор денег, необходимых на обмундирование, в случае младших командиров и рядовых, в том числе так называемого «малого мундира». Более того, в большей части полков на него возлагалась обязанность закупки сукна, полотна и необходимых принадлежностей, их транспортировка к местам дислокации войск, а также забота о пошиве белья и униформы. На практике он также вы-

³ Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (AGAD). Archiwum Skarbowo-Wojkowe. Dz. 85. Nr 117–120, 127; AGAD. Archiwum Skarbu Koronnego. Dz. 82. Nr 11; AGAD, Archiwum Radziwiłłowskie. Dz. VII. Nr 127–136, 138–168, 170, 172–216, 218, 244–249; Archiwum Narodowe w Krakowie (ANK). Archiwum Podhoreckie. II. Nr 74; Biblioteka im. Książąt Czartoryskich w Krakowie (BCz). Nr 1095, 1098; Biblioteka Kórnicka PAN (BKPAN). Nr 426. K. 2–51; Центральный державний історичний архів України, м. Київ. Ф. 49. Оп. 3. Спр. 131.

полнял обычные офицерские командные обязанности ротного и батальонного уровня – в XVIII в. большинство полковых квартирмейстеров были в чине капитана или даже майора [1, с. 86–88, 209, 239–240, 290]. При этом они не были начальниками квартирмейстерских служб, так как им не подчинялись даже штабные фурьеры и кучеры, не говоря уж о ротных. Что касается первых, то они имели статус младших офицеров и отвечали прежде всего за обеспечение квартирами и выбор места для лагеря, поста и обоза во время передвижения войск: вагенмистр, или обозный (изредка называемый штабной фурьер) – для всего полка, фурьеры, также называемые ротными квартирмейстерами – для роты. На практике, в мирное время (после 1717 г.) и при очень длительных постоях полков и рот на фурьеров-квартирмейстеров возлагалась обязанность ротной документации, как кассовой, так и личной. Поэтому, согласно уставу, квартирмейстеры должны были уметь читать и писать, знать немецкий язык, а во время службы должны были овладеть навыками составления месячных табелей и ведения корреспонденции, исходя из интересов роты. Кроме того, им часто поручали задачи, связанные с закупкой снабжения и обеспечением роты всем необходимым. Для перевозки же всех закупок они могли пользоваться повозкой и кучером, которые, согласно штату, должны были быть в каждой роте пехоты и драгун, если только, конечно, от них не отказывались из соображений экономии, или если они не использовались для личных целей командиром отряда, что было весьма распространенным явлением [1, с. 100, 157, 240, 243]. Даже при всех возможных недостатках, службы, которые сегодня мы бы назвали снабженческо-квартирно-транспортными, были наиболее многочисленными в коронных армиях. Так в коронной армии названные обеспечивающие службы насчитывали 238 человек (нехватка обозных в 1 полку пехоты и в 3 драгунских), а в литовской – до 42 человек [1, с. 280–350; 2, с. 73–92; 11, с. 265–317, 16, с. 69–100]⁴. В указанную численность обеспечивающих подразделений коронной и литовской армий входили 2 бухгалтера и «хозяева» арсеналов в артиллерийских коронных и литовских корпусах [1, с. 357–379; 15, с. 54–59]. Тем не менее, они составляли лишь небольшой процент среди военных – самый большой в иностранных корпусах, согласно штату 3,6 %, но случалось, что фактическая их численность вырастала до 4 %.

Сравнительно многочисленная служба, если бы была сохранена прежняя организационная структура, была бы технической, отвечающей за оснащение полков. Однако, при реорганизации полков пехоты, в большинстве из них отказались от каптенармусов, то есть офицеров, отвечающих за хранение и состояние оружия и боеприпасов, оставшихся на вооружении роты. Они были обязаны регулярно проверять содержание солдатами личного оружия (в первую очередь, мушкетов, карабинов и фу-

⁴ Lietuvos Valstybės Istorijos Archyvas. Vilnius (LVIA). SA 4274, k. 353–354; SA 13681; SA 18581; SA 18259. AGAD. Archiwum Radziwiłłowskie. Dz. VII. Nr 2, 89–126. AGAD. Archiwum Rodzinne Poniatowskich. Nr 362. AGAD. Archiwum Roskie. Militaria. Pudła 5–17. AGAD. Branicy z Suchej. Nr 68/85. ANK. Archiwum Podhoreckie. I. Nr 93; II. Nr 74, 229, 250, 245, 256, 363; III. Pudła V 1/6; VI 3/1; 6/1, IV. Pudła III. 6; Pudło IV, Pudło LV 12. BCz. Nr 1095, 1098, 2639, 2648. BKPAN. Nr 426. K. 52–57, 71–76.

зей), а боеприпасы – на предмет их годности к использованию. Также они вели учет боеприпасов, находящихся на вооружении роты. Таким образом, они были не только полезными, но и необходимыми младшими офицерами службы обеспечения как полевой армии в мирное время, так и гарнизонной службы, но после 1717 г. они остались только в 3 коронных полках пехоты, при этом в гвардейском полку был только один – в штабе, а в двух остальных полках каптенармусы были в каждой из 8 рот [1, с. 210, 310–313, 323, 325]⁵. Совокупно это дает лишь 17 каптенармусов из 10 756 штатных единиц «иностранный контингент» обеих армий Речи Посполитой. В драгунских войсках каптенармусов не было, но в 1730-х гг., – то есть относительно поздно, – при штабах полков появились расчеты кузнецов и шорников (по одному), которые не только чинили конное снаряжение и подковывали коней, но и контролировали состояние снаряжения полка. Они увеличили численность служб обеспечения максимум на 22 человека [1, с. 280–300]⁶.

Относительно хорошо была развита медицинская (точнее санитарно-гигиеническая) и ветеринарная службы. Первая была представлена во всех полках иноземного строя, а также в нескольких десятках кавалерийских национальных хоругвей. Самым важным человеком был полковой фельдшер, у которого должно было быть медицинское образование, поскольку в его обязанности входило медицинское обслуживание солдат полка, а также содержание аптеки. Он обязан был обеспечить медицинскую помощь всем больным и раненым солдатам полка, поэтому должен был быть и терапевтом, и врачом внутренних болезней, и хорошим хирургом. При необходимости, при большом количестве пациентов, он организовывал помещения для больных или лазарет. Во время сражения он должен был находиться не далее 300 шагов от поля битвы, чтобы как можно быстрее перевязывать раненых. Ежедневно он составлял отчет о состоянии здоровья солдат. По приказу командира полка он проводил осмотры и даже вскрытие умерших солдат. Также он мог платно лечить людей, которые в полку не служили. Содержал аптеку, приобретая в нее лекарственные средства на деньги, передаваемые ему из полковой кассы, удержанные из жалованья младших офицеров и рядовых. Поэтому от фельдшера ожидали соответствующего фармацевтического образования и знания трав, что позволяло самому готовить некоторые медикаменты и тем самым снижать стоимость лечения солдат. Также на них возлагалась обязанность проверять квалификацию фельдшеров и цирюльников, которых принимали на службу в роту, а затем нужно было осуществлять за ними надзор в вопросах, связанных с заботой о больных. От ротных фельдшеров требовалось умение оказывать первую медицинскую по-

⁵ AGAD. Archiwum Rodzinne Poniatowskich. Nr 362. AGAD. Archiwum Roskie. Militaria. Pudła 5–12. AGAD. Branicey z Suchej. Nr 68/85. ANK. Archiwum Podhoreckie. I. Nr 93; II. Nr 74, 229, 250, 245, 256, 363.

⁶ LVIA. SA 4274, k. 353–354; SA 13681; SA 18581; SA 18259. AGAD. Archiwum Radziwiłłowskie. Dz. VII. Nr 2, 89–126. AGAD. Archiwum Rodzinne Poniatowskich. Nr 362. AGAD. Archiwum Roskie. Militaria. Pudła 14–17. AGAD. Branicey z Suchej. Nr 68/85. ANK. Archiwum Podhoreckie. I. Nr 93; II. Nr 74, 229, 250, 245, 256, 363; BCz. Nr 1095, 1098, 2639, 2648. BKPAN. Nr 426. K. 52–57, 71–76.

мощь солдатам в соответствии со своей квалификацией. В случае необходимости они доставляли больных полковому медику. Если не было полкового лазарета, ротный фельдшер занимался больными из назначенных ему рот. Кроме этого, к числу его обязанностей относилось бритье солдат дважды в неделю в те дни, когда они несли караульную службу. В коронной и литовской армиях полковые медики-фельдшеры получали жалованье при полковых штабах на уровне младшего офицерского состава [1, с. 245–247; 9, с. 13–21]. Они должны были служить в каждом полку, то есть в обеих армиях на них была выделена 21 ставка, но на практике медиков не хватало. Этот недобор частично компенсировали доктора, нанятые, прежде всего из соображений престижа, командирами рот пехоты «янгичарской» и т.н. «венгерской», а также национальной кавалерии. Ротные фельдшеры или цирюльники, как правило, обслуживали по 2 роты, что дает цифру в 74 ставки [1, с. 280–350; 2, с. 73–92; 9, с. 13–21; 11, с. 265–317, 16, с. 69–100; 17, с. 238–249]⁷. В драгунских полках сюда же относилась ветеринарная служба, отвечающая за заботу о лошадях – по одному полковому ветеринару при штабе и по 2–4 ротных в каждом полку. Совокупно это дает 42 ставки конских лекарей, но на практике их было меньше [1, с. 280–300; 2, с. 73–79]⁸. Это не меняет того факта, что с 137 ставками и в среднем со 140 реальными служащими докторами, фельдшерами и конскими лекарями медико-ветеринарная служба была второй по численности в коронной армии.

В этом отношении им уступала служба правосудия, в которую входили аудитор, профос и его помощник, служившие в штабе каждого полка иноземного строя, то есть численно их было 63–65 [1, с. 280–350; 2, с. 73–92; 9, с. 13–21; 11, с. 265–317, 16, с. 69–100]⁹. В задачи аудитора входила организация расследования дел виновных в нарушении закона солдат (от рядового до офицера), формулировка обвинительного акта, секретарские функции с правом голоса на заседаниях военных судов. В ходе церемонии присяги рекрутов и на специальных собраниях целого полка он зачитывал все документы, содержание которых требовалось довести до личного состава. Отвечал также за выполнение последней воли умершего солдата, а если последний не оставлял после себя завещания, то решал вопросы о разделе оставшегося имущества между наследниками или передаче его в полк. Аудитор не обязан был быть действующим военным, но на деле эту долж-

⁷ LVIA. SA 4274, k. 353–354; SA 13681; SA 18581; SA 18259. AGAD. Archiwum Radziwiłłowskie. Dz. VII. Nr 2, 89–126. AGAD. Archiwum Rodzinne Poniatowskich. Nr 362. AGAD. Archiwum Roskie. Militaria. Pudła 5–17. AGAD. Branicy z Sucheju. Nr 68/85. ANK. Archiwum Podhoreckie. I. Nr 93; II. Nr 74, 229, 250, 245, 256, 363; BCz. Nr 1095, 1098, 2639, 2648. ВКРА. Nr 426. K. 52–57, 71–76.

⁸ LVIA. SA 4274, k. 353–354; SA 13681; SA 18581; SA 18259. AGAD. Archiwum Radziwiłłowskie. Dz. VII. Nr 2, 89–126. AGAD. Archiwum Rodzinne Poniatowskich. Nr 362. AGAD. Archiwum Roskie. Militaria. Pudła 14–17. AGAD. Branicy z Sucheju. Nr 68/85. ANK. Archiwum Podhoreckie. I. Nr 93; II. Nr 74, 229, 250, 245, 256, 363; BCz. Nr 1095, 1098, 2639, 2648. ВКРА. Nr 426. K. 52–57, 71–76.

⁹ LVIA. SA 4274, k. 353–354; SA 13681; SA 18581; SA 18259. AGAD. Archiwum Radziwiłłowskie. Dz. VII. Nr 2, 89–126. AGAD. Archiwum Rodzinne Poniatowskich. Nr 362. AGAD. Archiwum Roskie. Militaria. Pudła 5–17. AGAD. Branicy z Sucheju. Nr 68/85. ANK. Archiwum Podhoreckie. I. Nr 93; II. Nr 74, 229, 250, 245, 256, 363; BCz. Nr 1095, 1098, 2639, 2648. ВКРА. Nr 426. K. 52–57, 71–76.

ность занимали офицеры в чине поручика или хорунжего, от которых требовалось знание военного права и судебной процедуры, а также владение немецким языком [1, с. 144–145, 193, 209, 239, 305, 408, 423]. Профос и его помощник проводили полковые и гарнизонные аресты, осуществляли надзор за заключенными солдатами, а также приводили в исполнение приговоры о легком телесном наказании, наложенные офицерами и младшими офицерами, обладающими полномочиями наказывать за мелкие правонарушения и нарушения военной дисциплины [1, с. 209, 240].

Пасторская службы была самой малочисленной, но зато самой старой, ее истоки, по мнению некоторых исследователей, нужно относить к периоду раннепястовской монархии. До XVII в. не существовало постоянных капелланских ставок, но в определенном количестве военных отрядов были священники, в основном монахи. В сфере их обязанностей была проповедь слова Божья, поддержание солдат в благочестии, исповедование и совершение иных таинств, посещение больных, а прежде всего – проведение богослужений для войска: еженедельных – в гарнизонах и лагерях, а также перед битвами и после их победоносного завершения, перед штурмами укрепленных объектов противника, а также в собственных крепостях и городах, осажденных неприятелем. Наряду с религиозным служением, они организовывали доставку продовольствия, госпитали для солдат, оказывали помощь раненым и больным, выполняли разного рода военные миссии, такие как доставка корреспонденции, иногда занимались шпионажем, улаживали споры между офицерами, поддерживали дисциплину среди младших офицеров и нижних чинов, а в критических ситуациях могли даже взять на себя командование группами солдат. До 1710 г. содержание капелланов оставалось на усмотрение командиров полков, а изменили это участники Генеральной Варшавской Рады (Польского сейма), приняв решение, что в штабе каждого полка драгун и пехоты должен быть один священник. Капелланских ставок таким образом должно было быть 36 в коронном войске и 21 – в литовском. В действительности их было значительно меньше: так, в 1714 г. – едва ли пара десятков. Пасторская служба не была увеличена после 1717 г., хотя в организационных проектах, разработанных для всех коронных полков пехотных и части драгунских, были выделены капелланские ставки. Это касалось и обоих подразделений регулярной литовской гвардии. В результате в войсках иноземного строя обеих армий Речи Посполитой должно было быть 11–12 капелланов. Из них несколько капелланов из соображений престижа находилось в национальных хоругвях, число которых часто менялось. Это приводило к тому, что войсковых капелланов в 1720-е гг. было более 20, а в 1745 г. только 17 [3, с. 413–434; 14, с. 138–146].

В первой половине XVIII в. в армиях Речи Посполитой было 6 вспомогательных служб, которые должны были обеспечивать нормальное функционирование подразделений во время мира и войны. Выделенные для них ставки занимали как солдаты (как правило, офицеры и младшие офицеры), так и гражданские люди. Эти службы были не многочисленны, и в этом коронное и литовское войско уступало модернизующим-

ся европейским армиям, но все же они отвечали уровню минимальной достаточности. В организационных структурах они были выделены только в войсках иноземного строя, занимая около 5,3 % ставок, которые «съедали» менее 3 % бюджета. В масштабе целой армии эта доля была значительно меньше – в кадровом исчислении едва достигая 3,3 % ставок.

1. *Ciesielski T.* Armia koronna w czasach Augusta III. Warszawa, 2009.
2. *Ciesielski T.* Armia Wielkiego Księstwa Litewskiego w latach 1717–1775. Komput, budżet i struktury organizacyjne oddziałów // *Studia z dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego* / Red. S. Górzyński i M. Nagielski. Warszawa, 2014.
3. *Ciesielski T.* Duszpasterstwo w armiach Rzeczypospolitej Obojga Narodów w czasach saskich // *Staropolski ogląd świata. Kultura staropolska – poszukiwanie sacrum odnajdywanie profanum* / Red. B. Rok, F. Wolański. Toruń, 2013.
4. *Ciesielski T.* Jazda koronna i Wielkiego Księstwa Litewskiego autoramentu narodowego armii Rzeczypospolitej Obojga Narodów w latach 1717–1776 // *Do szarży marsz, marsz.... Studia z dziejów kawalerii. T. 1* / Red. A. Smoliński. Toruń, 2010.
5. *Ciesielski T.* Potencjał militarny Rzeczypospolitej Obojga Narodów w okresie polskiej wojny sukcesyjnej 1733–1735. Wybrane aspekty // *Klio*. 2013. T. 25.
6. *Ciesielski T.* Wojsko litewskie w latach 1698–1709 // *Wojny północne w XVI–XVIII wieku. W czterechsetlecie bitwy pod Kircholmem* / Red. B. Dybaś. Toruń, 2007.
7. *Ciesielski T.* Źródła do dziejów regimentów i chorągwi wojska koronnego z lat 1717–1763 // *Miscellanea Historico-Archivistica. T. XIII* (2001).
8. *Dudek L.* Rozmieszczenie i zakwaterowanie wojsk w dawnej Polsce // *Przegląd Kwatermistrzowski*. 1972. R. XXXII. Z. 1 (123).
9. *Giedroyc F.* Służba zdrowia w dawnym wojsku polskim. Warszawa, 1927.
10. *Machynia M.* Kawaleria litewska w początkowym okresie działań Komisji Wojskowej Rzeczypospolitej Wielkiego Księstwa Litewskiego. Lata 1765–1766 // *Do szarży marsz, marsz.... Studia z dziejów kawalerii. T. 2* / Red. A. Smoliński. Toruń, 2012.
11. *Machynia M.* Войска Вялікага Княства Літоўскага ў пачатковы перыяд дзеянняў Вайсковай камііі Вялікага Княства Літоўскага // «Arche». № 6 (105), червень 2011.
12. *Nowak E.* Rys dziejów duszpasterstwa wojskowego w Polsce: 968–1831. Warszawa, 1932.
13. *Nycz M.* Geneza reform skarbowych sejmu niemego. Studium z dziejów skarbowo-wojskowych z lat 1697–1717. Poznań, 1938.
14. *Odziemkowski J.* Duszpasterstwo wojskowe w dobie królów elekcyjnych // *Historia duszpasterstwa wojskowego na ziemiach polskich* / Red. J. Ziółek i in. Lublin, 2004.
15. *Rakutis V.* Artyleria Wielkiego Księstwa Litewskiego 1717–1764 // *Między Barokiem a Oświeceniem. Wojny i niepokoje czasów saskich*. Olsztyn, 2004.
16. *Rakutis V.* Lietuvos kariuomenės organizacija reglamentuojantys dokumentai 1717–1775 m. // *Karo archyvas. T. XVIII*. Vilnius, 2003.
17. *Srogosz T.* Lekarze pochodzenia niemieckiego w służbie Rzeczypospolitej podczas panowania Stanisława Augusta Poniatowskiego // *W służbie obcych monarchów i państw* / Red. T. Ciesielski. Warszawa, 2015.
18. *Wimmer J.* Historia piechoty polskiej do roku 1864. Warszawa, 1978.
19. *Wimmer J.* Wojsko Rzeczypospolitej w dobie wojny północnej. Warszawa, 1956.
20. *Woloszyn A.* Projekt komputu armii litewskiej z 1703 r. wraz z podziałem na poszczególne chorągwie i regimenty // *Przegląd Historyczno-Wojskowy*. 2017. R. 18 (69). № 4 (262).
21. *Woloszyn A.* Преобразования в структуре компута литовской армии в 1698–1717 гг. // *Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Вось*

С.М. Шамин¹

Переводчики на Турецкой войне. Абдрахман Тевкелев в полку князя Г.Г. Ромодановского (1674 г.)

Переводчики Посольского приказа; Русско-турецкая война 1672–1681 гг.; описи имущества.

Статья посвящена службе переводчиков Посольского приказа в полках князя Г.Г. Ромодановского в период Русско-турецкой войны 1672–1681 гг. Основываясь на описи имущества переводчика Абдрахмана Тевкелева, автор приходит к выводу, что он был не только переводчиком, но и профессиональным военным.

В настоящее время повседневная жизнь людей все больше привлекает внимание исследователей. К сожалению, источники, позволяющие изучать данную тему, становятся многочисленными и разнообразными лишь начиная с XVIII столетия. Для допетровского времени таких материалов гораздо меньше. Важную роль здесь играют различные описи личного имущества. Чаще всего их используют для изучения костюма. При этом документы анализируются в самых разных ракурсах – хронологическом [3, с. 121–128], гендерном [2, с. 14–33], социальном и региональном [4, с. 37–53] и др.

Иной вариант использования подобных описей – попытки восстановить предметный мир, в котором жил изучаемый исследователем исторический деятель. К примеру, Н.В. Башнин рассматривал в этом ключе опись келейных вещей Преосвященного Симона, архиепископа Вологодского и Белозерского [1, с. 5–29], а И.Н. Юркин – домашний быт дьяка А.А. Винуса [8, с. 254–264].

И.Н. Шамина попыталась рассмотреть жизнь русских монастырей XVII столетия через предметный мир монастырских кладовых. Исследование показало, что бытовая сторона монастырской повседневности была гораздо сложнее, чем ее обычно представляют. К примеру, даже в отдаленных северных обителях можно найти до 20 наименований столовой и кухонной утвари, что является ярким показателем разнообразия монастырской кухни. Некоторые из явлений, обычно связываемых с более поздним временем, удалось отнести к XVII в. Оказалось, что для рассматриваемого периода обычными были башенные часы на монастырских колокольнях и келейные часы, для посетителей монастырей изготавливалась «сувенирная» продукция: «13 братинок с кровлями... в поднос раздают вкладчиком, венчики писаны по серебру». В монастырском быту обнаружили такие неожиданные вещи, как немецкая шляпа, винокуренный куб, уют... [5, с. 487–493].

В настоящей работе предпринята попытка взглянуть на военную службу переводчиков Посольского приказа через призму описи вещей переводчика Абдрахмана Тевкелева. Речь идет о службе в полках Белго-

¹Шамин Степан Михайлович, ИРИ РАН (РФ, Москва), к.и.н., shaminy@yandex.ru.

родского разряда, которым командовал князь Г.Г. Ромодановский. Это направление стало особенно опасным после начала войны с Османской империей и Крымским ханством – уже в 1673 г. на Белгородской засечной черте шли тяжелые бои с татарами [9, л. 135]

С конца 1660-х гг. при Ромодановском находились переводчики татарского и польского языков. Переводчики польского языка оставались на службе без перерыва. До середины 1671 г. в полках Белгородского разряда находился Иван Гуданский. 1 июня 1671 г. на перемену ему отправили Стахя Гадзаловского. Он оставался «в полках» более трех с половиной лет из-за того, что назначенный ему на смену переводчик Малороссийского приказа Иван Молчанов умер, не выехав на службу. Ромодановский не отпускал Гадзаловского из полка до прибытия смены. В итоге Гадзаловского решили заменить Гуданским². Последовательно проследить смену переводчиков не удалось, зафиксировано, что 30 апреля 1677 г. к Ромодановскому послали Ивана Тяшкогорского³

Татарские переводчики находились в полку Ромодановского также еще в конце 1660-х. В 177 (1668/69) г. сюда посылали Кучнокая Сакаева⁴. 8 июля 1671 г. в полк был прислан переводчик Асан Месетев, но уже 8 сентября 1671 г. его прямо «ис полка» послали в Крым с посланником Василием Шишкиным⁵. Складывается впечатление, что переводчик татарского языка был нужен Ромодановскому не так сильно, как переводчик польского – письмо в Москву «из полков» с просьбой прислать нового переводчика датируется 15 августа 1673 г. Крайне интересна аргументация, при помощи которой Ромодановский «с товарищи» обосновывают свое требование – «взятых татар, которых емлют на бою государевы ратные люди, о вестях расспрашивать и языка их толмачить некому». В делах об отправке переводчиков в полки речь идет, в первую очередь, о письменных переводах. В этом нет ничего удивительного, поскольку «толмачить» полагалось толмачам. Аргументация Ромодановского показывает, что большого объема письменной работы у переводчиков татарского языка не имелось. Лишь 17 сентября 1673 г. последовал царский указ о посылке к Ромодановскому Абдрахмана Тевкелева, а 30 сентября датируется «память», с которой переводчика отправили из Посольского приказа в Разряд. Однако тот прослужил «в полках» всего несколько месяцев – 18 января 1674 г. он умер. Только в первой половине июня до семьи Тевкелева дошли слухи о его смерти. В Посольском приказе эту весть официально получили «из полков» 26 июня 1674 г. Возможно, такая задержка в движении информации связана с тем, что переводчиков изначально посылали в Разряд и лишь оттуда отправляли на службу⁶. В любом случае, руководство Белгородского разряда явно не спешило. В Посольском приказе дело с отправкой нового переводчика также шло очень медленно. В сентябре 1674 г. в

² РГАДА. Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служащих в нем. Оп. 1. 1673 г. № 5. Л. 16–18; № 8. Л. 8.

³ Там же. Оп. 2. Кн. 12. Л. 161.

⁴ Там же. Оп. 1. 1673 г. № 5. Л. 14.

⁵ Там же. Л. 7–8.

⁶ Там же. Л. 11, 13, 15, 95, 198–201.

Посольский приказ зачислили нового переводчика Сулеймана Тонкачева, 15 января 1675 г. указано послать его в полк к Ромодановскому, но лишь 27 марта 1675 г. последовал указ о выдаче жалованья для отправки в полк⁷. В дальнейшем татарские переводчики при Ромодановском продолжали меняться – 30 апреля 1677 г. к Ромодановскому Качюкай Сакаев⁸, а на следующий год его сменил Сулейман Тонкачев⁹.

Переводчиков посылали и к другим воеводам – 21 мая 1679 г. в полк к М.А. Черкасскому отправили Ивана Тяшкогорского и Сулеймана Тонкачева¹⁰. К В.В. Голицыну посылали лишь переводчиков польского языка. В 1676 г. это был переводчик польского и латинского Иван Васютинской¹¹, а с 30 апреля по 2 ноября 1677 г. – Григорий Колчицкий¹².

До настоящего времени было практически ничего не известно о том, как в реальности жили находившиеся при воеводе Белгородского разряда переводчики. «Роспись рухледи татарского языка переводчика Абдрахмана Тевкелева, генваря 18 числа нынешняго 1674-го году»¹³ позволяет сделать некоторые наблюдения по данному вопросу.

Интересующую нас в данной работе часть описи можно условно назвать «снаряжение коня и всадника». Первый блок – подробное описание конского убранства: «Седло: падушка телятинная красная, стремяна деревянные, подпруги волосенные плетеные. Войлок седельной, подбит крашениною, опушены кумочом красным, на них крышка телятинная, на них же две бляхи медные луженые. Узда оправная медная». Кроме того, мы узнаем из описи, что за время недолгой службы подбой войлока уже пришлось поменять – споротый «лоскут ветчаной червчатого сукна, бывал на седельных войлоках» также хранился среди имущества переводчика. Из конского снаряжения отдельно отмечены «попона ветчаная кызылбаская» и сетка для лошадиного корма – «рептух посконной».

Следующий блок информации составило описание оружия: «Саадак с лубьем, в колчане дватцать две стрелы, пояс оправной – оправка медная лужена. Сабля оправная – оправка и пояс медная, лужена. Пара пистолей шкоцких с олстры. Натрусок пороховой деревяной, поцепка шолковая. Дватцать две пульки свинцовых».

Дальше идет описание обуви и одежды: «Сапоги сафьянные красные поношеные, другие черные ветхи. Чулки червчатые, суконные, поношеные. Шапка вершок, сукна червчатого с соболем. Лоскут зеленой суконной, подложен червчатым сукном, отодран от рукова у кобенека. Мех посконной». Отдельно записана также «кашуля боранья, поношеная».

Вряд ли переводчик, отправляясь в поход, брал с собой изношенные вещи. Тем не менее, один подбой под войлок уже превратился в лоскут,

⁷ Там же. 1674 г. № 6. Л. 43, 100, 127, 172, 185.

⁸ Там же. Оп. 2. Кн. 12. Л. 161.

⁹ Там же. Л. 103 об.

¹⁰ Там же. Л. 102.

¹¹ Там же. Л. 103.

¹² Там же. Л. 161.

¹³ Там же. Оп. 1. 1673 г. № 5. Л. 202–208.

одна пара его сапог после трех месяцев службы оказалась поношенной, а другая – ветхой. На этом фоне ветхость чулок представляется вполне естественной. Бросается в глаза поношенность верхней одежды. Кашуля (верхняя теплая одежда) описывается как поношенная, а у кобенека (верхняя одежда с капюшоном) оказался оторван рукав. В перечне ездовой одежды эти вещи не встречаются [7, с. 36–49], так что ответить на вопрос, как именно переводчик смог заносить их до такого состояния, сложно. В любом случае можно сделать вывод о том, что, находясь на службе, Тевкелев вел весьма подвижный образ жизни.

Однако самым говорящим в наборе вещей, пожалуй, является перечь оружия. Пара седельных пистолетов, убранные в чехлы (ольстры – седельные кабуры), могла оказаться обычным средством самозащиты, нелишним практически в любой дальней поездке. Поскольку стреляли из них в упор, серьезных навыков такое оружие не требовало. Седельные пистолеты были очень распространены: «три пары пистолей с олстрами: у одной пары шкоцкие замки, у дву русские» находим даже в удаленном вологодском Инокентиевом Комельском монастыре [6, с. 70], где они, вероятнее всего, предназначались для монастырских служек.

Сабля и лук, напротив, требовали серьезной профессиональной подготовки и тренировок. В ином случае они были бы совершенно бесполезны. Их наличие позволяет говорить о Тевкелеве как о профессиональном воине. Нам не известно, участвовал ли Тевкелев (или другие переводчики) в боях, но, в любом случае, он был готов к такому развитию событий.

Обычно мы рассматриваем работу переводчика как сугубо мирную. Особенно это касается тех, кто занимается письменным переводом. Даже в военное время их деятельность проходила вдали от полей сражений, там, где находится командование. На примере Тевкелева мы видим, что он был способен не только к «бумажной» работе, но и к военной службе. Трудно сказать, требовались ли военные навыки от всех переводчиков, посылаемых в полки. Если да, то такое требование существенно ограничивало руководство Посольского приказа в выборе сотрудника для подобных посылок. Ведь в Посольский приказ набирали по умению переводить письменные тексты, а не владеть оружием.

1. *Бащин Н.В.* Опись келейного имущества архиепископов Вологодских и Белозерских 1683 // Вестник церковной истории. 2016. № 1/2 (41/42).
2. *Жабрева А.Э.* Описи приданого как ценный тип письменных источников по истории древнерусского женского костюма // Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время Материалы научно-образовательного семинара / Сост.-ред. Ю.В. Степанова, науч. ред. Н.В. Жилина. 2015.
3. *Селин А.А., Герасимов В.Д., Красильщиков К.Д.* Пограничные ситуации: возможные источники для изучения истории костюма конца XVI – начала XVII вв. // История военного костюма: от древнего мира до наших дней Материалы Международной военно-исторической конференции. СПб., 2016.
4. *Фролов Д.В.* «Да платья мужскаго и женскаго теплага и холоднаго...» костюм дворян мордовского края второй половины XVII в. // Центр и периферия. 2017. № 1.
5. *Шамина И.Н.* Что хранилось в монастырской кладовой: предметный мир русского монастыря рубежа XVII–XVIII вв. // От Смуты к империи: новые

открытия в области археологии и истории России XVI–XVII вв. М.; Вологда, 2016.

6. *Шамина И.Н.* Преподобный Иннокентий Комельский и основанный им монастырь // Вестник церковной истории. 2009. № 1–2 (13–14).
7. *Шапиро Б.Л.* «Терлики деланы к государьской радости»: Мужская ездовая одежда в Московии XVI–XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 1 (71).
8. *Юркин И.Н.* Предметная среда домашнего быта А.А. Виниуса по описям его имущества // Петровское время в лицах – 2006. СПб., 2006.
9. *Яфарова М.Р.* Русско-османское противостояние в 1677–1681 гг. Дисс. ... к.и.н. М., 2017.

П. Кроль¹

Посполитое рушение и поветовые войска как форма феодальной милиции в сражениях на украинском театре военных действий во второй половине XVII в.²

Поветовые войска; посполитое рушение; войско Речи Посполитой; битвы на Украине с казаками.

Поражения коронного войска, понесенные в первых столкновениях с казаками в 1648 г., вынудили политическое руководство Речи Посполитой искать другие возможности быстрого пополнения вооруженных сил для борьбы с повстанцами. Решением этой проблемы стало создание на Украине поветовых войсок, а позднее посполитого рушения. Первые были наемными отрядами, собираемыми и оплачиваемыми местным шляхетским самоуправлением, а вторые состояли из призванных под оружие всех землевладельцев, шляхты и не только. Оба рода войсок сначала должны были заменить, а в последующие годы дополнять профессиональные государственные войска. Они были не только главной или добавочной военной силой государства, но также и элементом политических игр с королем и его советниками за контроль над войском и войсковой казной.

С начала XVI в. оборона границ Короны польского королевства, а позднее Речи Посполитой, лежала на наемных войсках, содержащихся на налоги, собираемые с королевских владений, а также принятых на сейме и предназначенных для оборонительных целей. Сначала они насчитывали около 1000 солдат, но после реформ в 60-х гг. XVI в. повысили численность до 3000–5000 человек (войско кварчяне³) [1, s. 35–36; 14, s. 53–55], а после очередных перемен в 50-е гг. XVII в. их численность зависела от постановлений сейма, устанавливающего личный состав и род войсок, находящихся на государственной службе (так называемый «компут»⁴) [14, s. 65], а также определяющего сферу их деятельности. Их численность в мирное время составляла 12 000 солдат в Короне, а в военное время достигала 36 000 солдат. Это были не единственные военные формирования, которые принимали участие в сражениях, проводимых польско-литовским государством. Кроме военных сил, подчиняющихся цен-

¹ Кроль Петр, Варшавский университет (Польша, Варшава), доктор истории, p.kroll@uw.edu.pl.

² Перевод с польского выполнен О.С. Смирновой.

³ Войско, которое содержалось на деньги, полученные с королевских владений. – *Прим. переводчика.*

⁴ Количество регулярной армии, утвержденной сеймом. – *Прим. переводчика.*

тральной власти, в государстве действовали также войска, подчиняющиеся местным властям, органам местного самоуправления и частным лицам. Таким образом, государство не имело монополии и юридической исключительности в сфере содержания войск, и кроме государственной власти вооруженные силы могли выставлять воеводские и поветовые сеймики, а также магнateria. Все эти негосударственные формирования, хотя в их создание центральная власть и не вмешивалась, в случае необходимости подчинялись приказам короля, как своего сюзерена, или гетмана, как главнокомандующего вооруженными силами государства.

В состав постоянных общегосударственных войск входили, помимо уже упомянутых наемных войск (сначала кварчяных, позже компут), также реестровые запорожские войска. В войска же, формируемые на период кампании, – выбранецкая пехота, то есть пешая милиция, составленная из крестьян, проживающих в королевских владениях, а также посполитое рушение [13, s. 34]. К негосударственным войскам можно причислить войска, выставленные шляхетским самоуправлением, вооруженные силы королевских городов, личная королевская гвардия, частные войска магнатов [14, s. 34–35].

Войны, которые вела Речь Посполитая в XVII в., а особенно политический кризис с 1648 г. вынудили центральную власть обратиться к иным формированиям, кроме профессионального войска, чтобы защитить страну от атакующих врагов. Эти формирования должны были, исходя из скорости их приведения в состояние готовности или из дешевизны их снаряжения, сначала заменить государственные войска, а позже их укрепить и дополнить. Этими формированиями были поветовые войска, а также посполитое рушение шляхты Речи Посполитой [2, s. 129–130; 10, s. 94–96; 11, s. 15–17].

Посполитое рушение имело характер шляхетской милиции, а основой этой происходившей из средневековья институции была обязанность службы в ней в случае угрозы стране на основании получаемых земельных владений. Оно также включало землевладельцев не из шляхты и, в силу принадлежности к шляхетскому положению, безземельную шляхту [9, s. 35–54; 12, s. 99–104]. Посполитое рушение созывал король по предложению сейма, создавая так называемые вичи⁵, или возвания к шляхте. Во времена средневековья вичи были символическими и представляли собой горящие связки ремней, в современную эпоху замененные универсалами. Вичи было три: первые означали организацию экспедиции шляхты конкретной земли или воеводства посредством указания места и даты смотра ее участников, вторые – поручали подготовиться к экспедиции всем ее участникам (смотр своего вооружения и вооружения свиты, приготовление запасов продовольствия и боеприпасов), и третьи – выдвигание на место сбора шляхты конкретной земли или воеводства. Количество людей в свите, несмотря на предпринимаемые попытки, никогда не было оговорено, и каждый выходил с такой свитой, с какой считал нужным. В течении трех дней от срока сбора ждали, пока шляхта направится на место, затем составлялся список прибывших, их делили на хоругви, и на чет-

⁵ Королевский приказ о созыве ополчения. – *Прим. переводчика.*

вертый день выдвигались на место сбора всего посполитого рушения, указанное королем. Список был необходим, поскольку неявка в экспедицию без позволения, выдаваемого королем или воеводой, наказывалась конфискацией имущества. А список являлся доказательством. В походе принимала участие вся шляхта, несмотря на имеющееся имущество (однако, можно было отправить кого-либо вместо себя). Это касалось также и тех землевладельцев, которые владели имением по закладной или как арендаторы, а также войтов, солтысов, свободных крестьян, владеющих землей по ленному праву, и мещан (города выставляли одного пешего с имущества стоимостью до 4000 злотых или одного конного с имущества большей стоимости). По прибытии на место сбора всего посполитого рушения шляхта переходила под командование короля, который мог ею распоряжаться на поле боя. По закону, король не мог поделить это формирование на более мелкие группировки, хотя случалось, что он и нарушал закон. Существовал также обычай, что после двух недель пребывания в одном месте, шляхта освобождалась от службы. По завершению службы каждый старался получить письменное подтверждение своего там пребывания согласно закону [3, s. 46–54; 9, s. 35–54, 295–336; 14, s. 33].

В эпоху профессиональных войск посполитое рушение стало анахронизмом. Составленное из необученных гражданских оно было не в состоянии дать достойный отпор наемным войскам. Оно более подходило для политических игр, чем для военных действий, и не было способно противостоять ни более подготовленному и дисциплинированному противнику (как шведы в 1655 г.), ни даже просто более решительному (как татары под Зборовом и Берестечком) [10, s. 107, 110; 11, s. 22–23, 32–35, 50–51]. Также посполитое рушение было недисциплинированным и подвержено паническим настроениям. Шляхта на сеймах и сеймиках уверяла в своем желании защищать родину «собственной грудью», но на деле всячески старалась избежать службы во всеобщем ополчении или же искала себе замену. Это поведение было связано не только с недостатком мужества, но и с высокой стоимостью снаряжения военной свиты и оплаты расходов, связанных с длительной или/и дальней службой, высоким риском потери имущества, жизни или свободы. Стоимость сбора свиты была высока, потому что богатейшая шляхта не могла себе представить появления в лагере без пышного сопровождения, подчеркивающего ее социальный статус. На конец XVI в. рассчитано, что стоимость снаряжения «почта» на нескольких лошадях (шляхтич, его «почтовые» (военные слуги), личные слуги, несколько возниц, вооружение и одежда для них) достигала 1200 злотых, то есть была равна годовому доходу с фольварка. К этому нужно прибавить расходы на содержание и постой на театре военных действий, часто очень отдаленном для некоторых воеводств (например, из Великопольши подо Львов в 1621 г. или на Вольнь в 1651 г.). И расходы росли, когда сопроводительные отряды шляхты становились добычей врага или бывали ограблены во время переходов армии. Поэтому нет ничего удивительного в том, что шляхта искала себе заместителей, которым она платила квартальное жалованье в размере 150 злотых на гусара, и 100 – на панцерного. А если заместитель получал еще и во-

оружие, то жалованье уменьшалось до 50 злотых. Предполагается, что таким образом поступало от 25 до 50 % шляхты (наибольший процент был на Подляшье и Мазовии) [9, s. 517–523].

В XVII в. перед началом восстания Б. Хмельницкого посполитое рушение было создано только один раз. Это было в 1621 г. во время серьезной угрозы со стороны Турции, однако оно не приняло участия в военных действиях, став тылом для воюющих под Хотинем и устрашением для осаждающих его турецких войск. В последующие годы подобной формы обороны, но уже внутренней (или против татар), придерживались уже местные сеймики. Только в 1648 г. вернулась идея выставления против неприятеля посполитого рушения всей шляхты Речи Посполитой [2, s. 129–130; 10, s. 94–96]. В конце концов, было признано, что наилучшим решением будет набор наемных войск, оплаченных и организованных поветами и воеводствами (поветовые войска), а если бы такими силами не удалось сломить неприятеля, то тогда призывали бы к оружию всю шляхту [2, s. 130; 7, s. 361–372]. К идее созыва посполитого рушения, как защиты против казацко-татарских войск, вернулись годом позже, в ходе так называемой кампании Зборовской [10, s. 94–95]. Однако тогда королевский двор, а особенно канцлер Ежи Оссолинский, настоящий руководитель государственной политики, не поддержал эту идею, опасаясь того, что съехавшаяся шляхта вместо того, чтобы бороться с врагом, потребует отставки канцлера, возложив на него вину за начало восстания и за провал его попыток подавить мятеж в предыдущем году. Позиция канцлера привела к тому, что король слишком поздно выпустил универсалы о созыве посполитого рушения, и под его начало собралась только шляхта из близлежащих воеводств – Русского и Бельского, насчитывающая в общей сложности около 2000 человек. Остальные не могли или не хотели успеть вовремя [10, s. 95–99; 11, s. 17–24]. Их прибытие могло изменить исход сражения, ведь Ислам-Гирей и Богдан Хмельницкий должны бы были быть более осторожны в планировании военных действий, считаясь с тем, что им придется иметь дело с многочисленными отрядами посполитого рушения (в 1651 г. их было 15–20 тыс. человек [10, s. 105; 11, s. 30]). Нужно помнить, что до того времени казаки и татары встречались с ополчением из южных воеводств, где шляхта имела боевой опыт и, соответственно, была достаточно хорошо подготовлена. Ни хан, ни гетман не знали, не представляли степени военной подготовки остальной части посполитого рушения, редко имеющей возможность упражняться в военных действиях. Только опыт кампании зборовской дал им понять, насколько несерьезным противником были эти формирования. Вернемся, однако, к оценке шляхетских хоругвей под Зборовом. Участвовавшая в битве шляхта понесла значительные потери, была разбита на правом берегу реки Стрыпа уже в первый день столкновения. Оказала, правда, достойное сопротивление противнику, уступив его значительному численному превосходству, но несмотря на это вскоре выяснилось, что военные качества посполитого рушения значительно уступают профессиональным отрядам [10, s. 99; 11, s. 23–24].

Следующей кампанией, в которой принимало участие посполитое рушение, стала кампания Берестецкая в 1651 г. Благодаря заранее разосланным универсалам шляхта почти в полном составе прибыла в лагерь, серьезно укрепляя королевские войска. Тем не менее, эта кампания показала, насколько неподходящим формированием для современного поля боя является посполитое рушение. Шляхта неохотно покидала свои земли и очень медленно двигалась в королевский лагерь, рассчитывая на то, что военные действия закончатся еще до ее появления (как это было в 1649 г.). Во время переходов она выказала серьезное неповиновение и только угроза оставить ее одну, без прикрытия наемных войск, заставила ее следовать вместе с королем. Во время битвы, в связи с худшими, по сравнению с наемным войском, обученностью и дисциплиной, посполитое рушение выполняло роль резервов главных сил. Когда же ему пришлось мериться силами с татарскими отрядами, то несмотря на мастерство, с которым оно пошло в бой, его часто должны были спасать компутовые отряды. В конце концов татары быстро разобрались в слабых сторонах дворянских отрядов и сконцентрировали на них свои удары, нанося им серьезные потери. Именно их масштаб, поразивший шляхту, а также грозные слухи о дорогостоящей и небезопасной экспедиции в глубь Украины, привели к тому, что отряды посполитого рушения оказались деморализованы, а затем начались случаи дезертирства. Моральное разложение дошло до того, что при получении приказа о погоне за неприятелем посполитое рушение отказалось повиноваться и продолжать. Ссылались на право, которое позволяло шляхте разехать по домам, если она пребывала в одном месте в течении двух недель [10, s. 104–112; 11, s. 26–35].

Кампания берестецка была поворотным пунктом в истории посполитого рушения. Король убедился, что оно не является наилучшим решением в ведении военных действий. Особенно в длительных, изматывающих кампаниях, проводимых вдали от дома. Выявились недостатки в обучении, склонность к дезертирству и панике. Большое количество обоза, который брала с собой шляхта, сильно влияло на мобильность армии, задерживая ее движение. Все это привело к тому, что в течение ближайших лет королевский двор рассылал универсалы только для того, чтобы склонить шляхту либо к большей покорности во время повышения налогов, либо к согласию выставить солдата (один вооруженный рекрут от десятка хозяйств, содержащийся и вооруженный остальными хозяйствами) [11, s. 47]. Ситуация изменилась во время шведского нашествия (1655–1660 гг.), когда неприятель овладел центральными районами страны. Шляхта поднялась на борьбу с ним, в ходе этих сражений приобретая подготовку и военный опыт [13, s. 139–144]. Хотя битва под Варшавой (28–30 июля 1656 г.) вновь выявила недостатки этих формирований (недисциплинированность и повышенная подверженность панике целых отрядов) [11, s. 69]. Лучшим итогом для нее стало отношение львовской и пшемысльской шляхты, которая во время нападения трансильванского князя Георгия II Ракоци закрылась в городах и заняла нейтральную позицию, несмотря на то, что противник был не очень устрашающим

[11, s. 77]. После этого посполитое рушение созывалось лишь единожды в 1672 г. – формально для обороны страны от турок, а в действительности, – для расправы с антикоролевской оппозицией.

Исходя из определенной слабости такого воинского формирования как посполитое рушение и сложностей с выставлением наемных войск, нужно было обратиться к иному способу обеспечения эффективной защиты Речи Посполитой от врагов. Одной из подобных идей стало создание повятовых войск. Это были наемные войска, оплачиваемые и организованные местным шляхетским самоуправлением на основе постановлений сеймиков. В них были определены численность и род войск, цель и срок службы, были установлены размеры налогов, предназначенных для этой цели, назначалось жалование наемным солдатам. Также избирали командиров всего ополченческого формирования и командиров отдельных подразделений. Причинами этих мер были, с одной стороны, стремление шляхты контролировать процессы найма и финансирования войск и тем самым ограничить влияния короля на формирование армии. С другой стороны, целью этих мер должно было стать усиление коронной армии, что неразрывно увязывалось с поддержанием мира и общественного порядка на территории конкретного воеводства или земли [7, s. 23–34].

Характерной чертой поветовых войск являлся тот факт, что решение об их сформировании принимали отдельные шляхетские органы местной власти. Они решали вопросы о роде войска, численности, командовании, обеспечении. Их финансирование шло из фондов, собранных на основании решений местного сеймика (жалование солдатам выплачивал непосредственно воеводский сборщик или земский) о введении специального налога. Решения в основном выполняли местные сановники или должностные лица, отвечающие за безопасность воеводства или земли. Иногда сам сеймик назначал ротмистров, а иногда это решение оставалось за местными сенаторами. Они также имели влияние на способ использования войск, в качестве местной защиты или в качестве защиты Речи Посполитой [7, s. 67–105].

Первые отряды были сформированы во времена первого бескоролья, чтобы обезопасить государство в условиях отсутствия монарха. Во время правления Сигизмунда III идея создания поветового войска приобрела реальные очертания, набирая все больше сторонников среди шляхты. Причинами этого были восприятие существующей финансовой и военной системы как непригодной, многочисленные конфедерации неоплачиваемого войска, расширение дисциплины в коронной армии, стремление шляхты контролировать монарха в военных вопросах. В итоге на весеннем сейме 1613 г. была принята Конституция, в которой было записано, что в ситуации серьезной угрозы войска кварчяне должны быть поддержаны повятовыми отрядами. Ими должны были командовать ротмистры, которых выбирали в среде оседлой шляхты конкретного воеводства, состоять они должны были из известных ротмистрам жителей. Размер этих отрядов был ограничен – сеймик мог нанять столько солдат, сколько был в состоянии содержать с утвержденного для этого одного денежного сбора (40 грошей с крестьянского поля). Таким образом, эти войска были связа-

ны с воеводствами и поветами, что затрудняло создание конфедераций, бесконтрольное перемещение по стране и грабеж шляхетских имений. Увеличивалось также влияние шляхты на обороноспособность страны и военные начинания монарха. Сохранив в своих руках выдачу вербовочных листов (листы пшиповедны), король контролировал назначение ротмистров, а сами завербованные подразделения с момента прибытия в гетманский лагерь переходили под его командование [7, s. 71–95].

Во времена Вазов несколько раз обращались к этим формированиям, прежде всего в качестве пополнения войск кварчяных. Так случилось, когда государству грозила опасность со стороны Турции (1589, 1619, 1621, 1634 гг.) [7, s. 219–243]. В 1621 и 1634 гг. поветовые войска составляли около 10 % вооруженных сил, выставляемых государством. Наибольшей численности поветовые формирования достигли в 1648 г., когда после разгрома кварчяных войск тогдашние руководители государства во главе с канцлером Ежи Оссолинским решились на их создание. Считалось, что это наилучший способ быстро восстановить армию. Коронные сеймики продекларировали, что они выставят на борьбу с казаки 15-тысячную армию (11 600 – кавалерия и 4200 пехота и драгуны) [4, s. 42; 7, s. 235]. В итоге в военных действиях (кампания пилавецкая – осень 1648 г.) приняли участие 9500 солдат из поветовых формирований, что составляло 1/3 всей сформированной тогда армии (большая часть из них были отрядами частных магнатов) [7, s. 239–242]. Несмотря на то, что они плохо себя проявили в битве под Пилавцами [2, s. 155–159], было решено не отказываться от такой формы пополнения вооруженных сил государства, и войска повятове продолжили служить вплоть до кампании 1649 г., составляя почти половину 14-тысячной коронной армии [7, s. 245]. Войска повятове появлялись в королевских вооруженных силах под Зборовом (лето 1649 г.) и под Берестечком (лето 1651 г.) [7, s. 245–247; 254–256]. После поражения под Батогом в 1652 г. вновь вернулись к идее пополнения коронного войска поветовыми отрядами. Впоследствии уже редко прибегали к наему поветовых солдат. Только отдельные сеймики обращались к этому в ситуациях, когда была угроза непосредственно их территориям.

Нужно обратить внимание, что в первой половине XVII в. поветовые боевые единицы пользовались признанием со стороны власти. Их достоинством была быстрая мобилизация и появление в гетманском обозе. В этом период они отличались послушанием и не игнорировали приказы. Первые случаи отсутствия дисциплины стали появляться в 1648 г. Позднее это стало частым явлением. С середины века командование никогда не было уверено, будут ли выставленные сеймиками боевые единицы сформированы и доберутся ли до лагеря вовремя. К этому прибавлялось то, что сеймики назначали разный срок начала и продолжительности службы боевых соединений, которые нередко в ходе кампании могли бросить лагерь и театр военных действий. Это плохо сказывалось на мнении о них политиков и особенно гетманов. С одной стороны, постановления о поветовом войске затрудняли планирование кампании и снижали численность коронного войска. С другой стороны, означали трату

значительных финансовых средств и кадровых ресурсов (часто поветовые отряды получали большее жалование, чем государственные войска, а задержка прибытия в лагерь уменьшала время пребывания в нем и несения тягот кампании). Кроме того, часто поветовый солдат использовался для частных целей данного воеводства. Их использовали, например, в качестве гражданской обороны, в политической борьбе во время внутренних кризисов (так было во время сандомирского рокоша в 1607 г. и при конфликте короля с оппозицией в 1672 г.). Государство теряло контроль над формированием войска, численностью отдельных его родов, и даже над тем, кто (опытный офицер или дилетант-новичок) будет командовать боевыми единицами. Все это привело к тому, что войска поветовые из достаточно эффективного способа усиления королевских войск превратились во второй половине века в малоэффективные формирования. Не столько, однако, из-за падения боевого значения, сколько из-за организационных недостатков, связанных с нарастающей зависимостью солдат от конкретного сеймика и использованием их в разного рода частных целях [7, s. 305–308].

Все это привело к тому, что оба типа воинских формирований – и посполитое рушение и войска поветовые – быстро пропали с поля битвы. Их призывали в ситуациях серьезных кризисов в районах боевых действий. Происходило это редко, так как было их низкие боевые качества были хорошо известны. Они считались довольно хлопотным дополнением к силам, составленным из наемников на государственной службе, которых, несмотря на часто предпринимаемые попытки, не смогли заменить.

1. *Borowiak A.* Wojska powiatowe przed kampanią piławiecką w 1648 roku // *Studia nad staropolską sztuką wojenną*. Т. II / Red. Z. Hundert. Oświęcim, 2013.
2. *Kupisz D.* Chorągwie powiatowe województw małopolskich jako formacje samoobrony terytorialnej w pierwszej połowie XVII wieku // *Studia i Materiały do Historii Wojskowości*. 2006. Т. 42.
3. *Kupisz D.* Chorągwie powiatowe ziemi chełmskiej w XVI–XVII wieku // *Rocznik Chełmski*. 2006. Т. 10.
4. *Kupisz D.* Próby organizacji wojsk „obrony domowej” przez szlachtę województw kijowskiego, braclawskiego i czernihowskiego (1649–1650) // *Kwartalnik Historyczny*. R. 125. № 1. 2018.
5. *Kupisz D.* Wojska powiatowe samorządów Małopolski i Rusi Czerwonej w latach 1572–1717. Lublin, 2008.
6. *Kupisz D.* Wojsko powiatowe województwa wołyńskiego w XVII wieku // *Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки*. 2009. Т. 22.
7. *Łopatecki K.* Organizacja, prawo i dyscyplina w polskim i litewskim pospolitym ruszeniu (do połowy XVII wieku). Białystok, 2013.
8. *Nagielski M.* Pospolite ruszenie szlachty w świetle kampanii zborowskiej i beresteckiej przeciw Kozakom (1649–1651) // *Studia Historyczno-Wojskowe*. Т. 3: Armia i społeczeństwo / Red. T. Ciesielski. Zabrze, 2009.
9. *Wierzbicki L.A.* Pospolite ruszenie w Polsce w drugiej połowie XVII wieku. Ostatnie wyprawy z lat 1670–1672. Lublin, 2011.
10. *Wilamowski J.* Przyczynek do dziejów okazowań i pospolitego ruszenia w

- województwie plockim za Zygmunta III Wazy // Studia Historyczno-Wojskowe. T. 2 / Red. K. Bobiatyński, P. Gawron, M. Nagielski. Zabrze, 2008.
11. *Wimmer J.* Wojsko polskie w drugiej połowie XVII wieku. Oświęcim, 2013.

М.В. Хацкевич¹

Из «вольных людей» в солдаты: о причинах и характере наборов из «вольницы» в конце XVII в.

Вольные и гулящие люди; комплектование армии; военные реформы Петра I; русская армия XVII в.

В докладе рассматривается привлечение к военной службе так называемых «вольных и гулящих» людей в конце XVII в., делается попытка выделить общее и особенное в наборах в вольницу 1690-х гг., определить причины удачной практики призвания вольницы на военную службу.

Вопросы реформирования армии Петром I имеют давнюю историю изучения. Одному из основных нововведений – системе комплектования армии рекрутами – уделялось, однако, заметно меньшее внимание. [6; 9; 10; 13; 14]. Те же формы призыва на военную службу, которые непосредственно предшествовали введению рекрутчины, а именно наборы в армию даточных людей и вольницы конца XVII в., до сих пор остаются практически вне пределов интереса исследователей.

Между тем представляется немаловажным изучение характера системы комплектования армии нижними чинами в той форме, в какой она сложилась к концу XVII в.

Особый интерес вызывают наборы из вольных и гулящих людей именно до известных политических событий 1699 г. Поскольку мотивы проведения наборов даточных и вольницы после 1699 г. кажутся вполне понятными: «раскасование» значительной части стрелецких полков повлекло за собой необходимость в срочном порядке создать новые полки и укомплектовать их солдатами².

Появление и стремительный численный рост такой социальной категории, как вольные и гулящие люди, были вызваны развитием ремесел и процессами горообразованием. Крестьяне и посадские, бежавшие от тягла и в поисках работы переселявшиеся в города или в места, где имела потребность в наемном труде, пополняли собой число вольных и гулящих [4, с. 8].

Неудивительно, что столь многочисленная социальная группа обратила на себя внимание государства, которое начало привлекать вольных и гулящих к военной службе. Служба в армии «вольных и гулящих» людей отнюдь не являлась новаторством конца XVII в. На протяжении всего столетия государство неоднократно принимало их на военную службу. Практика наборов в солдаты из «вольных охочих людей» и даточных

¹ Хацкевич Максим Валерьевич, РГАДА (РФ, Москва), mhackevich@gmail.com.

² М.Д. Рабинович и, позднее, В.С. Великанов установили, что стрельцы продолжали занимать определенное место в армии и принимали участие в сражениях Северной войны. См.: [12; 3].

встречалась еще в Смоленскую войну. Причем из даточных было сформировано несколько полков [11, с. 159]. Во второй половине XVII в. практика призыва на службу вольных и гулящих получила еще большее распространение. А.В. Чернов отмечает, что ввиду военных потребностей государство вынуждено было призывать вольных людей на службу в поместную конницу [15, с. 157]. Известны также случаи верстания во второй половине XVII в. вольных людей в казаки [15, с. 165].

Государство активно старалось привлечь вольных и гулящих людей к участию в Азовских походах. 13 декабря 1695 г. «...на Болоте кликали клич, чтоб всяких чинов люди шли в Преображенское, и записывались, и шли б служить под Азов» [8, с. 285].

Готовясь ко второму походу на Азов, в начале 1696 г. правительство приняло известный указ о даровании свободы записавшимся в военную службу холопам [5, с. 254, Примечание 42]. Это повлекло за собой довольно частые случаи записи беглых крестьян и холопов под видом вольницы. О беглых крестьянах в Бутырском полку сообщает П. Гордон [5, с. 7].

После завоевания Азова и в условиях продолжающегося конфликта с Турцией государство было вынуждено направлять к новоприобретенным рубежам значительные силы. Так, указом 1 декабря 1696 г. планировалось серьезное увеличение численности Белгородского разряда. В указе говорится о необходимости иметь в Белгородском разряде 10 полков конницы и 20 полков пехоты, причем каждый из последних должен был состоять из тысячи человек³. Согласно подсчетам Разрядного приказа, полагалось набрать в службу (в том числе из «гулящих и из охочих людей») 17 800 чел.⁴ Набранным в службу солдатам полагалось ежемесячное жалованье по 16 алтын и 4 деньги (или 6 руб. в год), кроме того им выдавалось жалованье хлебом и продовольствием⁵.

Судя по сохранившейся отчетной документации набор проходил затруднительно. Так, 22 января 1697 г. (месяц с момента объявления указа) Б.П. Шереметев сообщал царю об отсутствии желающих записаться в Курский жилой стрелецкий полк⁶.

Видимо, предшествующий опыт наборов был учтен при составлении нового указа о наборе в службу вольных людей от 2 января 1697 г. В указе специально отмечалось, что набирать следует, помимо прочих, «из вольных и гулящих людей, которые в службе ни в какой не написаны и не крепостные боярские и всяких чинов людей холопы и крестьяне...»⁷

Отдельно разъяснялось, откуда и каких чиновников следует направить для осуществления связанных с записью в солдаты процедур. Набором руководил думный дьяк Михаил Прокофьевич Прокофьев, обладавший опытом службы в Стрелецком приказе, в Новгородском и Белгородском полках и пожалованный в думные дьяки в 1691 г. [7, с. 456]. Вторым

³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1674. Л. 381.

⁴ Там же. Л. 384–385.

⁵ Там же. Л. 388–389.

⁶ Там же. Л. 329–331.

⁷ ПСЗ. Т. III. № 1564.

отвечавшим за проведение набора чиновником был Прокофий Деревнин, дьяк с 1687 г., служивший в Архангельске, Новгороде и Псковском дворцовом приказе [7, с. 165]. Кроме того, для помощи в проведении набора под начало М. Прокофьева и П. Деревнина были направлены подьячие из Земского приказа, а также «из Поместного приказа старых 2, да молодых 4 человека»⁸. Набор должен был проходить в селе Воскресенском, где полагалось «занять и очистить под хоромами подклет».

Помимо административного обеспечения набора, в указе также отводилось место дисциплине новобранцев. Последних полагалось связывать круговой поручкой (для предотвращения побегов), а также брать с них росписи в получении жалованья и провианта. Все солдаты должны были быть учтены и на них следовало составить именной список для отправки в Разрядный приказ.

Великое посольство и последовавшие затем внутривластные события временно прекратили практику набора вольницы. О новых наборах даточных и вольницы было объявлено в конце 1699 г. Указы ноября 1699 г. имеют важнейшее значение: именно с них начался широкий сбор даточных и массовые наборы вольницы. По мнению ряда историков, в частности Л.Г. Бескровного, именно с первых крупных наборов даточных и вольницы 1699 г. следует отсчитывать введение рекрутской системы в России [1, с. 22].

Рассмотрим некоторые особенности указа «о сборе всяких чинов вольных людей» 17 ноября 1699 г. Прежде всего обращает на себя внимание ограничение контингента набираемых на службу: специально оговаривается запрет принимать в службу «отставных московских полков стрельцов»⁹. Впервые встречается указание на возраст новобранцев: «...лет по семнатцати и по дватцати и по тритцати или малым чем болши тритцати, а ниже пятнатцати лет не были»¹⁰. Крайне важным изменением в сравнении с указами прошлых лет является значительное повышение жалованья. Теперь, наряду с хлебным жалованьем, записавшиеся в вольницу получали по 11 руб. за год службы.

Немалое значение в указе придается ведению связанной с набором документации – записных книг, со сведениями о новобранцах «кратко как их имена, которых городов и какова чину»¹¹. Для сохранения дисциплины среди солдат во время постоа в городах предусматривалось разделение всех набранных на сотни и размещение их по постоянным дворам или «кто где доброволно жить похочет».

Наконец, наиболее важной административной мерой стала передача полномочий по осуществлению наборов даточных и вольницы Генеральному двору в Преображенском. Это ведомство вскоре стало центральным органом, ответственным за призыв на службу даточных и вольницы и формирование новых полков. Помимо этого, Генеральный двор отвечал за выплату жалованья новоприборным полкам, за снабжение их об-

⁸ Там же.

⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 5102. Л. 53.

¹⁰ Там же. Л. 53 об.–54.

¹¹ Там же. Л. 54 об.

мундированием и провиантом, а также за осуществления суда над солдатами. Для осуществления указанных функций на Генеральном дворе со временем появился серьезный бюрократический аппарат. Все это дало основание военному историку П.О. Бобровскому считать Генеральный двор своеобразным аналогом военного министерства конца XVII – начала XVIII вв. [2, с. 360].

Подводя итоги, отметим, что вплоть до 1699 г. посредством наборов вольных и гулящих людей осуществлялось пополнение полков, которые продолжали, тем не менее, сохранять основной состав из солдат и стрельцов. С 1699 г. начинается практика формирования целых полков из вольницы и даточных людей. Как уже отмечалось выше, это объяснялось прежде всего необходимостью заменить расформированные стрелецкие полки новыми подразделениями. Однако, решение формировать полки полностью из вольницы принималось также с учетом предшествующего – в целом успешного – опыта привлечения вольных и гулящих людей к военной службе.

Таким образом, можно видеть, как на протяжении 1690-х гг. менялся подход правительства к привлечению «вольных и гулящих» людей к военной службе. Не вполне удачный опыт призыва 1696–1697 гг. заставил правительство искать новые практические подходы. Прежде всего записывающимся в солдаты было значительно повышено годовое жалованье (с 6 до 11 руб.). Вслед за тем стали совершенствоваться административные институты, с определенным штатом чиновников, ответственные за осуществление наборов на службу. Развивалось делопроизводство и отчетность. Наконец, делались попытки ужесточить дисциплину для снижения числа побегов и исключения конфликтов с населением во время постоев.

Все эти меры, наряду с продолжавшимися различными социальными процессами, позволили в дальнейшем провести в ряде городов несколько крупных наборов из вольницы и укомплектовать полки для участия в сражениях Северной войны.

1. *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958.
2. *Бобровский П.О.* История лейб-гвардии Преображенского полка: Том первый. СПб., 1900.
3. *Великанов В.С.* Участие стрелецких полков в боевых действиях на начальном этапе Великой Северной войны (1700–1706) // Пятая международная научно-практическая конференция «Война и оружие. Новые исследования и материалы». СПб., 2015.
4. *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII в.: (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977.
5. *Гордон П.* Дневник: 1696–1698. М., 2018.
6. *Горелов В.Н.* Карательная функция рекрутчины в России 1705–1874 гг. Севастополь, 2015.
7. *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700): Биографический справочник. М., 2011.
8. *Желябужский И.* Дневные записки // Рождение империи / Под ред. А. Либман, С. Шокарева. М., 1997.
9. *Иванов Ф.Н.* Периодизация истории рекрутской повинности в России в XVIII – XIX веках // Вестник военного университета. 2011. № 4(28).
10. *Корсунов А.* Опыт истории отправления личной воинской повинности в Рос-

сии от начала государства до издания рекрутского устава, с 862 по 1831 год. СПб., 1850.

11. Курбатов О.А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656–1658 годов // Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8.
12. Рабинович М.Д. Стрельцы в первой четверти XVIII в. // Исторические записки. 1956. Т. 58.
13. Славнитский Н.Р. Гарнизоны крепостей Северо-Запада России как части для подготовки рекрут в годы Северной войны // История в подробностях: Научно-популярный журнал. 2014. № 10 (52) (Рекрутство) Октябрь.
14. Тихонов В.А. Рекрутская система комплектования русской армии при Петре I. Дисс. ... к.и.н. М., 2013.
15. Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954.

И.А. Кирпичников¹

Выборные дворяне в начальный период Смуты (опыт сравнительного анализа «боярских списков» 1602–03 и 1606–07 гг.)

Московское государство; Смутное время; Лжедмитрий I; государев двор; дворянство; служилый город.

На основе сопоставления «боярских списков» проанализированы изменения, произошедшие в составе и структуре выборного дворянства в 1605–1606 гг. Показано, что имели место массовое зачисление в данную чиновную группу новых лиц, а также систематическое повышение окладов в рамках «выбора». Предложено рассматривать эти значительные перемены в контексте верстания Лжедмитрия I.

В конфигурации служилой иерархии, сложившейся в Московском государстве к началу XVII в., особое место принадлежало выборным дворянам. Носители этого чина, с одной стороны, призывались на столичную службу, с другой – составляли элиту уездных сообществ [6, с. 255–261]. Важнейшим источником для анализа состава «выбора» этого времени являются «боярские списки» (далее – БС) – учетно-служебные документы Разрядного приказа. Относительно недавно в широкий научный оборот были введены обнаруженные В.И. Корецким части БС 1606–07, содержащие перечни выборных дворян [5, с. 140–155]². Сохранность «выбора» также в БС 1602–03 [8, с. 260–291] позволяет сравнить состояние уездной верхушки незадолго до Смуты и в начале правления Василия Шуйского.

При издании сведенных воедино частей БС 1606–07 было высказано предположение о неполноте перечней выборных дворян [5, с. 12; 9, с. 357]. Во-первых, в БС 1606–07 представлены лишь 36 из 56 городов, в которых

¹ Кирпичников Иван Алексеевич, МГУ имени М.В. Ломоносова (РФ, Москва), асп., ivkirs@mail.ru.

² БС 1606–07 «представляет собой не оригинал документа, а черновую заготовку, которая четырьмя разрозненными частями хранятся в двух архивах», причем некоторые фрагменты остаются утраченными [5, с. 11–12]. Список датирован А.Л. Станиславским, который на основании помет напротив имен «московских» чинов заключил, что он был составлен осенью 1606 г. и перестал использоваться как действующий документ в начале лета 1607 г. [8, с. 59–63].

существовала данная чиновная группа. Однако, как показал Д.В. Лисейцев, такое положение вещей не является следствием случайной утраты, а связано с оформившимся «организационным обособлением» Московского и Новгородского разрядов. В БС 1606–07 вошли только уезды, подведомственные первому из них [3]. Во-вторых, предпологалось, что в имеющихся городских перечнях БС 1606–07 представлены не все выборные. Действительно, как будет показано далее, сравнение с данными БС 1602–03 позволяет выявить значительную убыль в их рядах. Представляется, однако, что эти изменения отражают действительные потери первых лет Смуты (большинство городов БС 1606–07 – находившиеся в зоне вооруженного противостояния южные центры), а не неполноту списка³. Гипотеза о полноте перечней выборных в БС 1606–07 может быть поддержана сопоставлением с десятками первых лет Смуты⁴.

Дальнейшее сравнение будет проводиться на материале 29 городов⁵, для которых перечни «выбора» без утрат представлены в обоих списках (1602–03 и 1606–07). На них по БС 1602–03 приходится 443 выборных дворянина или 54 % от их общего числа (822). Сопоставление суммарных показателей по данным центрам обнаруживает, что количественная разница несущественна: общее число выборных увеличилось в БС 1606–07 лишь на 4 % (18). Между тем, внутри этой совокупности произошли значительные изменения. Так, количество выборных в городах с крупнейшим «представительством» (Коломна, Рязань, Суздаль) существенно (на 25 %) уменьшилось, в то же время в ряде центров (Мещовске, Серпейске, Арзамасе и др.) численность данной чиновной группы заметно возросла.

Как можно охарактеризовать эти перемены при обращении к персональному составу «выбора»? Прежде всего, из выборных БС 1602–03 по рассматриваемым городам 8 % (35) попали в «московские» чины (данный аспект затронут в исследовании И.О. Тюменцева [9, с. 344–359] и заслуживает отдельного рассмотрения) и 30 % (133) выбыли, т.е. отсутствуют в БС 1606–07. При обратном сравнении можно выяснить, что в БС 1606–07 состав «выбора» преобладает на 60 % (275 человек можно найти также и среди выборных 1602–03). Оставшиеся 40 % (186) выборных в БС 1606–07 – лица, которые ранее не появлялись в данном чине. Обратимся к двум последним группам.

В рамках совокупности из 275 выборных, представленных в обоих списках, в 87 % (238) случаев произошло возрастание окладов, и лишь у 13 % (37) они остались неизменными. Обработка данных по изменению окладов показывает, что оно подчинялось единому принципу: чем ниже

³ Кроме того, некоторые выборные дворяне из БС 1602–03 могли оказаться в утраченных фрагментах БС 1606–07.

⁴ Все четверо выборных из десяти по Мурому (1605 г.) (РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Кн. 6) представлены в БС 1606–07; из десяти по Нижнему Новгороду (1607) (кн. 9) в БС 1606–07 не упомянут один человек из 11; из десяти по Юрьев-Польскому (1608) (кн. 8) – один из 22.

⁵ Алексин, Арзамас, Болхов, Боровск, Брянск, Верей, Волок, Воротынский, Калуга, Карачев, Кашира, Козельск, Коломна, Лух, Малоярославец, Медынь, Мещера, Мещовск, Муром, Нижний Новгород, Орел, Перемышль, Переславль-Залесский, Руза, Рязань, Серпейск, Суздаль, Тула, Юрьев-Польский.

был исходный оклад, тем больше (в среднем) была придача к нему (см. табл.)⁶. Наибольшие прибавки (на 150–250 ч.) были сделаны тем выборным, которые ранее находились в нижней части БС 1602–03 с окладами 200–400 ч. Лица с исходными 450–550 ч. получали в основном придачи 50–100 ч. Все выборные, оклад которых превышал 600 ч. (включительно), остались без прибавок⁷.

Исходный оклад (четв.)	Кол-во (чел.)	Среднее повышение (четв.)
200	3	250
250	20	240
300	46	198
350	38	176
400	50	141
450	33	109
500	50	79
550	10	40
600	19	0
650	1	0
700	3	0

В результате произошедших изменений структура «выбора» коренным образом преобразилась. Традиционная «лестница» окладов с относительно равномерным иерархическим распределением сменилась ситуацией, когда свыше 80 % выборных имели оклады в диапазоне 500–600 ч. Неравные прибавки «подтянули» нижнюю часть «выбора» к единообразным высоким окладам. Характерно, что при этом прежняя верхушка «выбора» в большинстве случаев сохраняла свои первые позиции в городских перечнях.

Сравнение данных по 29 городам показывает, что в начальный период Смуты произошло не только систематическое повышение окладов выборных, но и массовое появление в данной чиновной группе новых лиц (не упомянутых в таком качестве ранее). Подсчеты позволяют установить, что свыше половины из них принадлежали к родам, представители которых на протяжении последней четверти XVI – начала XVII в. числились в «выборе» по тем же городам. Еще более значительной (порядка

⁶ Величины как окладов, так и их повышения, кратны 50; не учитываются лица, которые в БС 1602–03 указаны «без оклада».

⁷ Последняя тенденция соответствует общему правилу, заявленному в преамбуле десятой Водской пятины (1605 г.): лица, имевшие оклад 600 ч. и выше, оставались «не верстаны, потому что по государеву указу болши шти сот чети им окладу учинити не велено» [7, с. 229]. В то же время, у нескольких выборных дворян, оклад которых изначально был ниже данной планки, он после прибавок существенно превысил ее и достиг 650–800 ч. (кн. Г.И. Барятинский, Я.С. Змеев, В.И. Лодыженский, П.П. Ляпунов, Д.К. Протасьев, Ф.И. Челюскин, М.Г. Соловцов). Следует предполагать, что подобные пожалования производились за особые заслуги перед властями (так, Я. Змеев, П. Ляпунов и Ф. Челюскин, вероятно, отличились во время похода Лжедмитрия I на Москву).

80 %) генеалогическая преемственность оказывается, если проследживать связь новых выборных с фамилиями всего «государева двора» предшествующей эпохи. Таким образом, несмотря на весьма существенное обновление персонального состава выборных, в семейно-родовом плане изменения были невелики. Как и ранее, «выбор» оставался консервативным институтом; массовое попадание новых для «государева двора» родов в эту чиновную группу приходится на последующий период [6, с. 344–347].

Когда произошли описанные изменения в структуре и составе «выбора»? Следует предполагать, что основная их часть связана с верстанием Лжедмитрия I, при котором происходил общий пересмотр окладов [7, с. 228]. Сравнение с «росписью войска» 1604 г. [8, с. 366–420] показывает, что на завершающем этапе царствования Годунова не происходило ни систематического повышения окладов, ни массового зачисления в «выбор» новых лиц. В начале правления Шуйского придачи делались со значительным запозданием⁸ и, вероятно, коснулись поначалу лишь отдельных дворян⁹. При обращении к десятням Муром и Нижнего Новгорода можно выяснить, что новые выборные появлялись здесь уже при Лжедмитрии. Наконец, как показано А.М. Молочниковым, именно к самозванческому верстанию относится известная смоленская десятина [4], структура «выбора» в которой полностью соответствует картине, проанализированной ранее (все выборные получили оклады 500–700 ч., причем основной «планкой» повышения здесь стали 500 ч. – как, например, в Мещовске).

Итак, по нашему мнению, состояние «выбора» в БС 1606–07 отражает результаты прежде всего общероссийского верстания Лжедмитрия I, и полученную информацию необходимо учитывать в дискуссию о его направленности и результатах. В.Н. Козляковым было высказано мнение, что главной целью верстания являлась унификация, но не сплошное повышение окладов [2, с. 112]. Анализ изменения окладов выборных дворян не позволяет согласиться с этой точкой зрения: в рамках «выбора» имело место именно «поголовное» и (отчасти) «уравнительное» увеличение окладов. Другая крайняя позиция высказана В.М. Воробьевым: основываясь на материалах новгородских десятен, он пришел к выводу, что «целью верстания было не просто разовое увеличение поместных окладов, а коренная ломка основополагающего принципа службы “по отечеству”» [1]. Значительная консервативность «выбора» не позволяет распро-

⁸ См. об этом: [7, с. 230–231]. Одним из редких упоминаний хронологии прибавок к окладам за этот период является челобитная В.П. Ляпунова. Грамоты о земельных пожалованиях демонстрируют, что полученный при Лжедмитрии I оклад оставался у него даже в марте 1607 г. – несмотря на ряд придач от Шуйского за предшествующие службы [5, с. 127, 156, 302–303; 2, с. 109–110].

⁹ Сопоставление с данными десятен показывает, что отдельные прибавки, сделанные уже после верстания Лжедмитрия I, успели отразиться в БС 1606–07. В Муроме они коснулись И.А. Черткова. Благодаря отсылкам к «старой десятне» в нижегородском случае можно узнать, что оклад М.Г. Соловцова также зафиксирован в БС 1606–07 с придачами, сделанными уже после верстания (не вполне ясно, кроме того, чем обусловлены разночтения в информации об окладе Я.Г. Соловцова). Хотя данная «погрешность» не может в полной мере учтена в силу состояния источниковой базы, следует предполагать, что она является минимальной, и речь идет о единичных пожалованиях, которые делались в адрес верхушки «выбора».

странить на него и это радикальное заключение: помимо преемственности генеалогического состава, можно указать на сохранение позиций прежней верхушки. Для выборного дворянства в верстании переплетались преемственность и изменения: с одной стороны – масштабный приток новых лиц в «выбор», изменение количества выборных в городах и повышение окладов с тенденцией к их выравниванию, с другой – сохранение семейно-родового принципа комплектования «выбора» и позиций верхушки в иерархии окладов.

1. *Воробьев В.М.* Лжедмитрий I и судьбы службы «по отечеству» и поместной системы // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Великий Новгород, 2003.
2. *Козляков В.Н.* Служилые люди России XVI–XVII веков. М., 2018.
3. *Лисейцев Д.В.* Новгородский разряд в начале XVII столетия // Новгородский исторический сборник. М., 2011. Вып. 12 (22).
4. *Молочников А.М.* Смоленский служилый город Смутного времени. Часть I. Поместное верстание 7114 (1605/06) года [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2013. Т. IV [Электронный журнал] (www.milhist.info/2013/10/11/molochnikov_3).
5. Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608. Сборник документов. М., 2003.
6. Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: Очерки истории / Отв. ред. А.П. Павлов. СПб., 2006.
7. *Седов П.В.* Поместные и денежные оклады как источник по истории дворянства в Смуту // Архив Русской истории. М., 1993. Вып. 3.
8. *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004.
9. *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. М., 2008.

М.В. Королева¹

Становление государственной присяги в России после Смутного времени

Государство Раннего Нового времени; политические ритуалы; крестоцелование; присяга.

В статье прослеживается эволюция ритуала присяги на верность царю в России XVII в. Изменения в процедуре и содержании государственной присяги связываются с изменениями в представлениях о природе власти царя и обязанностях населения.

Отношения между людьми, касающиеся будущего и связанные с обещаниями, нуждаются в гарантиях. В Средние века и Раннее Новое время эти гарантии обеспечивались религиозной санкцией. На Руси эта санкция (клятва) укоренилась в виде крестного целования, несмотря на то что вообще клятва осуждалась христианской церковью как нарушение евангельской заповеди, запрещающей клясться именем Бога. И, тем не менее, присяга получает широкое распространение в европейских государствах Нового времени, особенно в периоды политической неста-

¹ Королева Марина Владимировна, НИУ ВШЭ (РФ, Москва), асп., marinna_74@mail.ru.

бильности. Причины этого, сущность, смыслы и значение этого ритуала как в древности, так и в новое время, привлекали внимание зарубежных исследователей довольно давно. Прежде всего, их интересовали политико-правовые и религиозные аспекты присяги, поэтому изучение этого явления разворачивалось по нескольким связанным между собой направлениям: ее практическое и религиозное значение для государства, связь с понятием суверенитета, использование письменной формы и особого ритуала для контроля подчиненных, приемлемость с религиозной или этической позиций, эффективность. В отечественной историографии присяга как явление сопровождающее формирование государства Нового времени практически не изучалась.

Началом трансформации присяги от обязательств личной верности князю к подданству государю, воплощающему собой государство, следует считать введение Борисом Годуновым обязательного ритуала целования креста. Крестоцелование было обязательно для всех совершеннолетних мужчин, проходило в церквях по образцовым крестоприводным записям под руководством священников. Дьяки фиксировали имена и социальный статус присягнувших в специальные крестоприводные книги. От периода воцарения Бориса Годунова сохранился один подобный документ – Смоленская крестоприводная книга 1598 г., опубликованная С.П. Мордовиной и А.С. Станиславским [2, с. 131–166]. Новшество, введенное этим царем, было воспринято не всеми, о чем свидетельствовала критическая оценка дьяка Ивана Тимофеева сына Семенова в его «Временнике» [1, с. 66–67] и донесение неизвестного автора, опубликованное Ю.Н. Щербачевым в числе других документов Датского архива [3, с. 298–300]. Принуждение людей клясться царю в верности за себя и свою семью, а затем прикасаться к кресту, по мнению Ивана Тимофеева, лишало человека всякой надежды на спасение в случае нарушения обязательств. Им указывалось, что принесение присяги в храмах нарушает древние уставы и демонстрирует гордыню Годунова, ставящего земные интересы выше евангельской заповеди, а также непонимание царем вездесущности Бога. Иван Тимофеев осуждал привлечение Годуновым к участию в обряде священников и превращение их тем самым из пастырей в своих служителей. Дьяком было отмечено, что осознали эти нарушения и оценили их опасные последствия далеко не все, а лишь «разумевающие». Неизвестный автор донесения из Датского архива сообщает о случаях уклонения от присяги, и, в частности, об отказе монахов Печерского монастыря (Успенский Псково-Печерский) присягать без грамоты от игумена.

Но практика утвердилась. Вступления на царство Федора Борисовича, Лжедмитрия I, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича сопровождалась рассылкой грамот с образцовыми записями и требованием прислать в Москву «книги именные» или «книги крестоприводные». Алексей Михайлович установил еще одно изменение – были разработаны специальные чины (чиновная книга), где был регламентирован порядок действий в процессе принесения присяги. Но форма и структура списков лиц, присягнувших на верность службы (крестоприводных книг), остались неизменными на протяжении всего века, включая начало царствования

Петра Алексеевича. В фондах РГАДА комплекс крестоприводных книг представлен преимущественно списками присягнувших Алексею Михайловичу. Вероятно, крестоприводные книги Федору Борисовичу, Лжедмитрию I и Василию Шуйскому были уничтожены по политическим причинам, но, возможно, какие-то из них уцелели в зарубежных архивах, как, например, крестоприводная запись Лжедмитрию, опубликованная И.О. Тюменцевым в числе некоторых других документов архива гетмана Яна Сапеги, хранящаяся в архиве Швеции [6, с. 330–331]. Списки присягнувших Михаилу Федоровичу также не дошли до нашего времени, но, скорее по причине пожара или иным случайным обстоятельствам.

Алексей Михайлович порывает с сложившейся традицией целования креста и приводит процедуру присяги в соответствие с евангельской заповедью о запрещении клятв [Мф 5:37]. В 1654 г. на Московском книгопечатном дворе по распоряжению царя печатается специальная чиновная книга, в которой обряд целования креста заменяется ритуалом принесением обязательств перед Евангелием. Она была издана в значительном количестве – 1200 экземпляров, из которых 12 книг в переплете были отданы патриарху Никону, 5 книг в тетрадах и одна кавычная книга были отданы справщикам². В фонде Приказа книгопечатного дела сохранилась и рукописная кавычная книга³, содержащая исправления, демонстрирующие размышления справщиков о том, какие элементы богослужения, псалмы или обязательства остались в отпечатанном варианте, а какие были вычеркнуты. В приходной книге сообщалось о продажной цене чиновной книги – по 8 денег каждая и указывалось, что эти книги «отдаются по чем в деле стали», т.е. по себестоимости. Отпечатанная чиновная книга содержала «Чин како подобает приимати и уверяти обещающегося служити государю царю всею правдою», «Чин бываемый во явление истины между двояма човекома тяжущимися», «Чин бываемый како подобает егда кто хошет государю царю служити всею правдою, у его государевых дел» [5]. Первый и последний чины содержат в себе радикальные изменения в ритуале принесения присяги на верность службе царю. Начиная с 1654 г. источники (крестоприводные книги, грамоты о крестоприводных пошлинах приведенных к вере должностных лиц, отписки воевод) уже сообщают о приведении к вере по книге чиновной, хотя довольно часто встречаются и традиционные формулировки о том, что ответственное должностное лицо привело людей к кресту или просто к вере без ее упоминания.

Приобщение к подданству согласно чиновной книге представляло собой почти литургическое действие, включающее исповедь, поклоны с молитвой Макария Великого, входные молитвы, чтение псалмов 50, 5 и 27. Псалом 50 – покаянный, 5 представляет собой молитву царя Давида, который видит приближающуюся опасность и молит о защите, в 27 псалме содержится просьба Богу о спасении для тех, кто остался верным царю, о смирении и верности. Далее следовало чтение тропарей, после чего произносилось исповедание веры. Символ веры предварял обяза-

² РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 53. Л. 82.

³ РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 216.

тельства, тем самым устанавливая двойную ответственность присягающего – перед Богом и перед царем. После произнесения обязательств следовало поучение священника с указанием позитивных и негативных санкций, среди которых было вечное проклятие (оно было позднее отменено Федором Алексеевичем) [4, с. 375]. Завершали церемонию ектенья, отпуст и благословение крестом. Ритуал принесения обязательств на верность царю возвышал власть до уровня божественной и был призван вызывать у участников церемонии ощущение значимости принятых на себя обязательств, а правителю гарантировать лояльность.

Это изменение ритуала свидетельствовало о переменах в восприятии природы власти и подданства. Исполнение обязательств по отношению к царю связывалось с принадлежностью к кругу православных подданных. Вступление в подданство должно было пробуждать у подданных осознание ответственности перед высшими силами. Присягающий обещался «служити», «прямити», «добра хотети», «них государского здравия во всем оберегати», «зла на них государей не мыслити», «будучи на его государеве службе, с его государевыми недруги, и со изменники битися за него государя своего царя... не щадя головы своя до смерти», «во инья государства не отъехати», «города не здавати», «не изменити никоторыми дель» и т.п. [5]. Таким образом, основной перечень обязанностей подданных связан с верной службой, исполнение которой гарантировано ритуалом, совершаемым перед Евангелием. Речь священника включает указание на то, что ангелы, невидимо предстоящие в церкви, записывают обязательство, нарушение которых будет учтено на страшном суде.

Таким образом, согласно ритуалу, обещания хранить истинную веру принимались вместе с обязательствами верной службы царю. Чины принятия в подданство и вступления в должность практически не отличались. Замена крестоцелования присягой перед Евангелием сделали также возможным многократное принятие обязательств. Так, губные целовальники, дьяки и тюремные сторожа, избираемые ежегодно, проходили подобную процедуру после каждых выборов, а поскольку одни и те же лица стабильно занимали одни и те же должности, то и присягали каждый год заново. Иноверцы принимались в «под государеву высокую руку» и даже допускались к исполнению ими государевой службы согласно правилам исповедуемой ими религии. В этих ситуациях практический интерес в исполнении службы доминировал над теоретической конструкцией освященного обрядами подданства.

1. Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951.
2. Источники по истории русского языка. М., 1976.
3. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене 1326–1690 гг. М., 1893.
4. СГГД. М., 1828. Ч. 4.
5. Три чина присяг. Москва: Печатный двор, 1654. [Электронный ресурс] (Режим доступа: dlib.rsl.ru/viewer/01002438148#?page=1 свободный (дата обращения 13.04.2019)).
6. Тюменцев И.О. Жители Московского уезда и воры в 1608–1611 гг. (по материалам русского архива Яна Сапеги) // Памяти Лукичева: сборник статей по истории и источниковедению. М., 2006.

К вопросу о структуре служилого землевладения и системе землепользования в южных пограничных уездах в XVII в.²

Писцовые книги; землевладение; землепользование; южное русское пограничье; Воронежский уезд; XVII в.

В исследовании представлены некоторые итоги изучения системы южнорусского служилого землевладения в XVII в. Анализируются особенности структуры землевладения основных военно-служилых групп, помещенных на территории Воронежского уезда. Приведены сведения о развитии системы землепользования, степени аграрного освоения уезда.

Будучи важнейшими источниками для изучения аграрной истории России XVI–XVII вв., писцовые и переписные книги легли в основу группы исследований, посвященных истории окраин, территорий со специфическим землевладением. С 60-х гг. XX в. это исследовательское направление развивается и апробируется в ходе работы Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы [6, с. 19–20]. Определенные итоги научного освоения писцовых книг были подведены в коллективной монографии о тенденциях аграрного развития России в первой половине XVII в. Л.В. Милов высоко оценил достоверность и потенциал определенных типов книг валового письма 20–40-х гг. XVII в., в частности, речь шла о так называемых книг «с неразделенной пашней», составленных по Воронежскому и некоторым другим южным уездам [5, с. 151, 155]. В последние годы заметен исследовательский интерес к комплексу документов, связанных с писцовыми работами в 80-х гг. XVII в. [7].

В рамках проекта по изучению южнорусского служилого землевладения XVII в. на основе сведений воронежских писцовых книг двух валовых описаний, 20-х и 80-х гг. XVII в.³, а также данных отказных книг XVII в.⁴, была проделана работа по реконструкции структуры землевладения и системы землепользования, сложившихся на территории Воронежского уезда. Вовлечение территорий южного пограничья в орбиту государственных интересов положило начало ряду процессов на этих землях. В регионе формировались военно-служилые корпорации. Верстание земельными окладами и испомещение сплеталось с займой и распашкой земель, их аграрным освоением. Члены новых служилых корпораций новых «полевых» уездов набирались из числа неслужилых родственников детей боярских иных городов. Так, в окрестностях Ельца до 19 августа 1592 г. елецкий воевода кн. А.Д. Звенигородский и И.Н. Мясной поверстали 164 человека из разных городов [1, с. 28].

¹ Камараули Елена Владимировна, Воронежский государственный университет (РФ, Воронеж), к.и.н., kamarauli@bk.ru.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке Отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ в Воронежском государственном университете, проект № 16-01-00058-ОГН.

³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 76. Л. 1–1104; Д. 79. Л. 1–164.

⁴ Там же. Ф. 1209. Оп. 2. Ч. 1. Д. 12 287. Л. 1–1006.

Обратимся к структуре землевладения. Обилие свободных земель «дикого поля» способствовало землеустройству значительной массы воронежских детей боярских [2]. Однако, внутренние регуляторы поместно-вотчинной системы замедляли освоение целинных земель и вовлечение их в сферу служилого землевладения. Во-первых, действовали регуляторы служебно-иерархического порядка, такие как оклад поместного жалования, а также соответствие размера единовременной земельной дачи количеству и качеству служб. В коллективных испомещениях прослеживалась некая «субординация», когда земельные дачи детей боярских разных статей верстания различались размерами. В середине столетия были определены законодательно нормы, устанавливавшие размер дачи из «дикого поля» сообразно окладу. В реальной жизни действовала вторая группа регуляторов, имевшая хозяйственное происхождение. На местности участки пашни и угодий отделялись с оглядкой на экономическое положение и трудовой потенциал каждого конкретного помещика. Часто порядок землеустройства складывался таким образом, что земельная дача, отделяемая из «дикого поля», по своему размеру была обратно пропорциональна величине нажитого ранее поместья. Так поддерживался некий баланс землевладения внутри служилой корпорации – «города».

В ходе землеустроительных работ на территории Воронежского уезда в 1627–1629 гг. далеко не вся земля, пригодная для освоения, была внесена в систему государственных земельных кадастров. Вовлечение «дикого поля» в сферу служилого землевладения продолжалось на протяжении всего XVII столетия, а повседневные обязанности землемеров и межевщиков вне валовых писцовых работ выполняли отказчики и отдельщики земель. Традиционно, в их качестве выступали местные землевладельцы, уважаемые люди, нередко входившие в коллегию окладчиков или занимавшие должности в местном управленческом аппарате. Такие отказчики выделяли участки целинных земель сослуживцам, руководствуясь своими собственными знаниями и представлениями об их служебной годности. Во второй половине XVII в. процедура отведения земель служилым людям обрела некоторые «бюрократические» черты, поскольку к ней стали привлекаться представители городской и уездной воеводской администрации – подьячие приказной избы.

Дальнейшее перераспределение «освоенной» в служебном отношении земельной собственности, внесенной в земельные кадастры, происходило в рамках воронежского служилого «города». В круг землевладельцев не допускались чужаки из столичных чинов и представители иных городских корпораций. Внутри служилого «города» работала система перераспределения поместной земли в соответствии с размерами окладов. Фактические угодья, своими размерами превышающие установленный оклад, должны были изыматься у служилых людей и передаваться в пользу тех помещиков, у кого оклады были велики, а земельные дачи непропорционально малы. Средняя наполняемость поместных окладов реальными пашенными землями (дачами) в уезде составляла 20–40 %.

Освоенные земли постепенно распределялись в пользу социальной верхушки служилого «города», то есть помещиков с более высоким хозяй-

ственно-трудовым потенциалом. Но процесс протекал таким образом, что не затрагивал сложившейся мозаичной жеребьевой системы землевладения и не способствовал развитию крупного землевладения [4]. Установлено, что количество владельческих жеребьев в селах колебалось в пределах от 2 до 70 единиц, в среднем, на землевладельца приходилось 1,5 жеребья, отдельные помещики были владельцами 3–4 жеребьев, разбросанных по территории всего уезда, так что их пашенные и иные угодья были рассеяны и располагались в отдалении друг от друга. Что касалось обеспечения земель малоземельных и безземельных служилых людей, поверстанных пониженными окладами, то оно осуществлялось преимущественно за счет введения в служебный оборот южнорусского «дикого поля», что могло и не сопровождаться хозяйственным освоением целинной земли.

Переход большей части фонда поместных земель был по-прежнему был связан с переходом военных обязательств перед государством. Но расширялась на практике и укреплялась в законодательстве традиция выделения «прожиточного» поместья вдовам и девушкам, не связанного с несением службы.

К 80-м гг. XVII в. среди освоенных в служебном и хозяйственном отношении участков оказалось немало незаконно присоединенных к владениям «примерных» земель. Отчасти для их регистрации было предпринято описание уезда в 1685–1686 гг., охватившее ряд поселений Чертовицкого стана. Новое описание, часть так называемого «второго валового письма», поставило главной задачей регистрации земельной собственности, состав и размещение которой претерпели существенные изменения со времен «первого письма» 1620-х гг. Только на территории Чертовицкого стана воронежские землевладельцы прирастили свои земельные дачи, как в своих межах (на 695,5 дес.), так и за счет «примерной» и «лишней» земли, узаконенной описанием 1685–1686 гг. Заметим, что фискальные функции и попытка оценить хозяйственное состояние уезда сохранились как задачи валового письма, но переместились на второй план.

Развитие системы землепользования выглядит следующим образом. На основании схемы, опубликованной Я.Е. Водарским, нам удалось картографировать уезд в границах 1678 г. и получить его площадь, равную 8443,245 кв. км, то есть округленно 775 тыс. десятин. Реальная территория Воронежского уезда, попавшего в описание в 1627–1629 гг., должна приблизительно соответствовать территории уезда в 1678 г. Полученные данные показали, что в поле зрения писцов в 1627–1629 гг. попало около 6 % от реальной площади уезда. Очевидно, что это малая часть потенциально пригодных для освоения земель, даже если отбросить угодья, «неудобные» для хозяйствования. Вокруг располагались обширные земельные пространства, «дикие поля», которые писцовое описание не видело и не пыталось фиксировать. Было распахано 1,32 % земель от общей площади уезда, а зафиксированные писцами в виде перелогов и «диких полей» земли, потенциально пригодные для распашки, составили 5 % от этой площади. Что касается 6 % земель, внесенных в земельные кадастр

ры, то соотношение обрабатываемых и необрабатываемых площадей составило пропорцию 1:5. Основная доля распашки падала на поселения, и очень незначительный ее процент в виде «наезжей» пашни – на пустоши, если таковые были связаны с поселениями как неотъемлемая часть их хозяйственной альменды [3].

В отношении трудового потенциала, в среднем на помещное владение приходилось 2–3 крестьянских двора в поселениях. Писцовая книга зафиксировала тот факт, что пустопоместные дети боярские или однодворцы, по терминологии В.М. Важинского, были вынуждены вести трудовое хозяйство – самостоятельно пахать пашню. В том числе помещики, имевшие один полноценный тяглый двор, могли участвовать в обработке земли, наряду с крестьянами. Косвенно об этом может свидетельствовать высокий показатель распашки в подобных хозяйствах из расчета на один крестьянский двор. Например, в Чертовицком стану средний показатель «пашни паханой» для пустопоместного владения – 11,4 дес. на двор, для владения с 1 крест. двором – 18,9 дес. на 1 крестьянский двор, для владения с 2 крест. дв. – 10,5 дес. на 1 крестьянский двор. В помещичьих владениях с 3–4 или 5 и выше крестьянскими дворами этот показатель начинает снижаться до 5,4 и 6 дес. соответственно в расчете на 1 крестьянский двор.

Таким образом, на южных землях постепенно утверждались крепостнические порядки, несмотря на то, что некоторые дети боярские продолжали вести трудовое хозяйство, ограниченные в людских ресурсах. В малодворных помещичьих хозяйствах крестьянский труд эксплуатировался интенсивнее. По мере возрастания количества рабочих дворов в помещичьем хозяйстве происходило снижение среднего размера запашки из расчета усилий одного крестьянского двора. Видимо, при наличии 4–5 крестьянских дворов помещик прекращал трудиться на пашне. К концу XVII столетия слой служилых землевладельцев был существенно дифференцирован. Только часть помещиков сумела населить свои владения и отойти от трудового хозяйства.

1. *Глазьев В.Н.* Особенности взаимодействия власти и общества в условиях южнорусского пограничья в XVII веке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2018. № 4.
2. *Камараули Е.В.* Вовлечение южного русского «дикого поля» в орбиту служилого землевладения в первой половине XVII века (по материалам Воронежского уезда) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2018. № 4.
3. *Камараули Е.В.* Итоги аграрного освоения Центрального Черноземья в первой трети XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 2016 год. Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв. М., Уфа, 2016.
4. *Камараули Е.В.* Основные тенденции перераспределения земельной собственности на территории южного русского пограничья в первой половине XVII в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2018. Т. 45. № 3.
5. *Миров Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография, компьютер, мето-

ды исследования. М., 1986.

6. Хитров Д.А. Изучение писцовых и переписных книг Московского государства на сессиях Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2018. № 1.
7. Швейковская Е.Н. О некоторых источниковых вопросах писцового наказа 1681 г. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2015. Вып. 4.

П.В. Чеченков¹

Фамильный состав нижегородской служилой корпорации от кануна Смоленской до конца Русско-польской войны 1654–1667 гг.

Московское государство; дворяне и дети боярские; военно-служилые корпорации; служилый «город»; землевладение; Нижний Новгород.

Работа посвящена анализу общей численности, персонального и фамильного состава нижегородского служилого «города» по данным неопубликованных списков служилых людей 1630 и 1667 гг. в сравнении с информацией более ранних документов схожего характера.

Наши предыдущие выступления на «Миловских чтениях» были посвящены анализу разборных списков по Нижнему Новгороду кануна Смоленской войны 1632–1634 гг. В этот раз обратимся к сопоставлению ряда полученных данных со списком служилых людей, фиксирующим состав той же уездной корпорации в конце Русско-польской войны 1654–1667 гг.² [2; 5].

За прошедшее между оформлением двух документов время (37 лет) общая численность служилого «города» не сильно изменилась. В первом случае было описано почти 320 человек, способных нести службу, во втором – около 340 (оба документа имеют повреждения). В предыдущем по хронологии документе, полно описывающем состав данной корпорации, десяти 1622 г., таковых было 308. Заметное сокращение отмечалось к концу Смуты (1618 г.), а до того как ее события затронули Нижний Новгород, он мог выставить 334 служилых человека «по отечеству» [3]. Налицо положительная тенденция постепенного восстановления численности и ее возврата к состоянию начала XVII в. Это несмотря на то, что Россия продолжала участвовать в военных действиях.

Между 1630 и 1667 гг. произошла фактически полная смена поколений. Лишь 31 человек (8,5 %) фигурирует в том и другом списке. Из них 12 во втором случае помещены в раздел «отставленные», еще двое числятся в разделе «выбор», но около их имен стоят пометы, что служат вместо них сыновья. 177 человек сами отсутствуют в разборных списках 1630 г., но имеют в них отцов или дедов. Еще 38 – сыновья или внуки служилых людей из более ранних документов (десяти 1607, 1618, 1622 гг.). Таким образом, 60 % списка 1667 г. – прямые потомки нижего-

¹ Чеченков Павел Валерьевич, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева (РФ, Нижний Новгород), к.и.н., chechenkoff@yandex.ru.

² РГАДА. Ф. 210. Оп. 6Б. Д. 4. Л. 1–47 об.

родских дворян и детей боярских первой трети XVII в. Большая часть тех, для кого не удалось найти непосредственных предков – это неверстанные в службу, т.е. у многих из них отцы были слишком молоды для того, чтобы быть учтены разбором 1630 г., а то и не родились к тому времени.

Количество фамилий, оставшееся стабильным в первой трети XVII в. (около 140), заметно сократилось к 1667 г. (до 109). Разборные списки 1630 г. упоминают всего четыре новые фамилии по сравнению с десятилетней 1622 г. Из них только одна повторяется списком 1667 г. (Бестужев). Следовательно, остальные можно считать эпизодическими для данного сообщества. Не известны разборным спискам 1630 г. 11 фамилий десятилетней 1622 г. и только одна из них вновь появляется в 1667 г. (Булгаков). Две относятся к эпизодическим, а пять к коренным, чьи представители были связаны с Нижним Новгородом еще с последней четверти XVI в. (Космынины, Молоствовы, Нерадовы, Хохловы, Чернеевские). В целом, изменения, произошедшие за 20-е гг., можно считать незначительными. Иная ситуация сложилась к концу 60-х гг. XVII в. Сорок фамилий списков 1630 г. отсутствуют в списке 1667 г., а семь, наоборот, появилось. Однако лишь четыре являются новыми (все представлены одной персоной). Остальные находим в предыдущих документах. К временам Ивана Грозного восходят 22 выбывших рода (Анцыферовы, Арефины, кн. Болховские, Борисовы, Босоволковы, Воронины, Есины, Злобины, Зыковы, Игумновы, Лозины, Лопатины, Малышкины, Микитины, Онучины, Парфеньевы, Расщепихины, Рушениновы, Теряевы, Троецкие, Черницыны, Чириковы) и еще 3 к концу XV – первой четверти XVI в. (Бартеневы, Василисовы, Протопоповы). Вообще ко второй половине XVII в. сохранилось 43 из 103 нижегородских родов первой половины – середины XVI в. [4].

Прослеживаются постепенные изменения семейной структуры корпорации (таблица 1).

Таб. 1. Семейная структура нижегородского служилого «города» по спискам 1630 и 1667 гг.

Количество представителей фамилии	Число фамилий				Общее количество в составе всех членов корпорации (чел.)			
	1630		1667		1630		1667	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1–2	98	70	59	54	131	39	85	24
3–4	26	18	26	24	89	27	93	26
5–7	13	9	18	16	74	22	104	29
8–10	2	1,5	2	2	16	5	16	4
11–25	2	1,5	4	4	22	7	60	17
Всего	141	100	109	100	334	100	362	100

Большинство фамилий было представлено одной-четырьмя персонами. Однако количество этих малочисленных родов снижалось. В 1630 г. они составляли почти 90 % от общего числа фамилий, в 1667 г. – менее 80 %. Увеличилось число родов, насчитывавших пять и более членов: с 17 до 24. Постепенное укрупнение родов наблюдается с начала века. В

1607 г. было девять фамилий, имевших пять и более представителей, а восемь и более – лишь две (Доможировы и Жедринские). В 1622 г. восемь и более представителей насчитывали уже семь фамилий (Колбецкие, Кречетниковы, Омачкины и Скорятины – по 8, Взовские и Мошенские – по 9, Жедринские – 10) [3]. В 1630 г. Колбецкие и Омачкины по-прежнему были представлены восьмью персонами, а Жедринские и Мошенские уже одиннадцатью. К концу 60-х гг. XVI в. Кречетниковых и Стружских было зафиксировано по 8 человек, Мошенских – 11, Колбецких и Зубатовых – 12, Жедринских – 25.

Соответственно увеличивался вклад этих родов в общий количественный состав «города». Если в 1622 г. фамилии с пятью и более членами давали 30 % списочного состава, а в 1630 г. – 34 %, то в 1667 г. – уже 50 %. Доля фамилий с восьмью и более представителями в 1667 г. составляла более 20 %.

Таким образом, если для первой половины XVII в. говорить о каких-то мощных дворянских кланах не представляется возможным, то для второй половины можно выделить несколько относительно крупных родов, сохранявших свои позиции на протяжении десятилетий. Это Зубатые, Колбецкие, Кречетниковы, Мошенские. Безусловное лидерство по этому показателю удерживали Жедринские, которые еще с XVI в. отличались своей многочисленностью. Все эти фамилии были связаны с Нижним Новгородом как минимум с середины XVI в., а Жедринские – с первой его четверти. Сложно сказать, помогало ли наличие многочисленной родни в продвижении по службе. Лишь Жедринских безусловно можно отнести к местной элите. С начала столетия они постоянно входили в состав высшего городского чина – выборного дворянства, а в 1667 г. Богдан Микитин сын Жедринский был первым в иерархии служилого сообщества. Представители Колбецких лишь к 1630 г., а Мошенских к 1667 г. смогли выбиться в дворовые дети боярские. Зубатых в списке 1667 г. находим и в выборе, и в дворовых. В тоже время Кречетниковы больших высот не достигли. В 1630 г. все они без исключения числились среди бедных, неспособных собраться на службу и нетчиков, т.е. неявишихся на смотр.

Серьезные перемены произошли в составе выборных дворян и дворовых детей боярских. К 1630 г. число представителей каждого чина увеличилось на десяток, чего не наблюдалось в предыдущие десятилетия, а к 1667 г. еще на десяток и составило с учетом отставленных 35 и 37 человек соответственно. В первой трети столетия состав нижегородского «выбора» был довольно консервативен. Его пополнение происходило медленно в основном за счет дворовых и представителей фамилий уже основательно закрепившихся в высших чинах. Существовало ядро из семи родов: Болтины, кн. Болховские, Доможировы, Жедринские, Онучины, Приклонские и Соловцовы. В списке 1667 г. Болтовых, Болховских и Соловцовых нет совсем. Однако даже с учетом значительного увеличения «выбора» оставшиеся четыре рода укомплектовали его на треть. Семейный состав высшего городского чина между 1630 и 1667 гг. обновился больше чем наполовину. Сохранилось восемь, выбыло двенад-

цать и столько же появилось. Из выбывших восемь фамилий не находим в списке 1667 г. вообще, представители двух остались среди дворовых (Арбузов) и верхушки городских (Рохманов). Среди новых родов представители пяти числились ранее среди дворовых (Бородины, Карамзины, Кемецкие, Княжгорские, Русиновы), двух – среди городских чертвертчиков (Ивины, Матюнины). Три рода до 1667 г. не особо продвинулись в иерархии «города», но служили здесь с середины – третьей четверти XVI в. (Воецкие, Зубатые, Кушниковы). Наконец, две фамилии ранее были не заметны в данной корпорации (Булгаков, Кошкаров).

Еще радикальнее обновился состав дворовых. Только четыре фамилии сохранилось с 1630 г., четырнадцать выбыло, двадцать две появились. Из выбывших пять отсутствуют в списке 1667 г. вовсе, четыре находим в «выборе», пять – среди городских с разными окладами, неверстанных, недорослей и даже солдат. Пять новых фамилий связаны с выборными дворянами, четыре – с верхушкой городских, семь – можно отнести к старинным, но ранее непродвинувшимся родам, шесть – к малозаметным. Тенденция к демократизации группы дворовых, наметившаяся в 20–30-х гг. XVII в., еще более ярко проявилась в 1667 г. Этот чин становится более доступным. По-видимому, его получение, в отличие от выборного чина, в меньшей степени, было обусловлено принадлежностью к заметным родам и в большей – конкретными заслугами. Поэтому не всем родам, чьи представители его выслужили, удавалось закрепиться в высших чинах.

В списке 1667 г. впервые для Нижнего Новгорода выделены разделы рейтар и солдат. Однако они невелики (19 и 11 человек соответственно) и традиционную структуру корпорации не разрушают. Полагают, что рейтарская и особенно солдатская служба считалась менее престижной по сравнению с традиционной и являлась уделом служилой бедноты. Действительно, в рейтары оказались записаны дети боярские, отцы которых занимали в 1630 г. довольно скромные места в своей среде с окладами от 100 до 350 четей. Некоторые были бедны. Но при этом у рейтар, как правило, много родственников, в том числе с высокими окладами. Отцы же солдат почти поголовно были бедны, а родственников у них мало. В то же время среди рейтар находим трех Колбецких и двух Крашовых, а среди солдат Омачкина, чьи родственники еще недавно числились среди дворовых.

Анализ списка 1667 г. в контексте предыдущих учетных документов Разрядного приказа приводит к мысли о достаточной устойчивости нижегородского служилого «города». Это касается и численности, и фамильного состава. Более того, наблюдается некая кристаллизация его структуры. Значительная часть старых родов за столетие сошла со сцены, но укрепились другие. Состав высших чинов, безусловно, размывался, терял прежнюю элитарность, но в то же время сохранял определенное ядро. Это заставляет вновь серьезно задуматься о так называемой проблеме распада служилого «города» во второй половине XVII в., которая уже поднималась на «Миловских чтениях» [1, с. 331–332].

1. *Камараули Е.В.* Обновление состава воронежской служилой корпорации в период борьбы с восстанием Степана Разина 1670–1671 гг. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2015. Вып. 4.
2. *Чеченков П.В.* Об опыте изучения разборных списков по Нижнему Новгороду 1630 г. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2015. Вып. 4.
3. *Чеченков П.В.* Служилый Нижний в 1622 году (нижегородская десятина 1622 г.: персональный состав и основные параметры уездной служилой корпорации) // Открытый текст: электрон. периодич. издание. [Н. Новгород], 2014 (www.opentextnn.ru/history/istochnik/istXIII-XIX/index.html?id=5379).
4. *Чеченков П.В.* Формирование землевладения и фамильный состав нижегородской служилой корпорации первой половины – середины XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 1 (59).
5. *Чеченков П.В.* Элита нижегородской служилой корпорации накануне Смоленской войны // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2017. Вып. 5.

Е.Н. Горбатов¹

Гусары и рейтары в жилецком списке 1635/36 г.

Рейтары; гусары; жильцы; государев двор; дворяне; Смоленская война.

В статье рассматривается социальный состав жильцов, служивших военную службу в полках нового строя по окончании Смоленской войны, имена которых были выделены в особый перечень под соответствующим заголовком в жилецком списке 1635/36 г.

По окончании Смутного времени Россия занималась восстановлением своего хозяйства и намеревалась вернуть утраченные позиции в восточно-европейском регионе. К началу новой войны с Польшей в 1632–1634 гг. Россия окрепла. В это время возник вопрос о создании в российской армии подразделений по европейскому образцу. В Россию были вызваны из Европы офицеры, которые должны были обучить русских воинов новым способам ведения боя. Благодаря им были созданы солдатские полки, которые насчитывали несколько тыс. человек. В разгар военных действий армия М.Б. Шеина была доукомплектована солдатскими полками Кита и Маттисона, общим числом превышающими 3500 чел., а также рейтарским полком под командованием Шарля Д'Эберта, насчитывающим около 2,5 тыс. бойцов [6].

Хранящийся в фонде Разрядного приказа список этого рейтарского полка позволяет утверждать, что состоял он в большинстве своем из русских людей, служивших городовую службу. Также имеются в нем и имена патриарших стольников (3) и жильцов (13), записавшихся в рейтары. К концу войны была создана первая гусарская рота под командованием служилого иноземца Христофора Рыльского, пожалованного вскоре по московскому списку [4, с. 140–141; 5, с. 124]. После окончания войны правительству пришлось принять экстренные меры против бывших соратников атамана Ивана Балаша, намеревавшихся путем грабежа населения поправить свое материальное положение. Казачья орда, насчитывающая

¹ Горбатов Егор Николаевич, РГАДА (РФ, Москва), e.gorbatov@yandex.ru.

несколько тысяч сабель, разделилась, одна часть под командованием Ростоचना подошла к Серпухову, надеясь договориться с правительством. Однако против них было послано войско во главе с кн. Иваном Никитичем Хованским, в составе которого были и рейтарские роты, в которых служили жильцы. Об этом они потом писали в своих сказках, поданных к разбору в 1643 г. Согласно данным И.Л. Андреева балашовцы сдались ротмистру Х. Роимскому [1, с. 125]. По всей видимости, это опечатка, должно быть – Рыльский. Другая часть балашовцев была изгнана из пределов Московского государства полками кн. И.Н. Хованского.

С окончанием всех военных действий рейтарские, гусарская и драгунская рота не были распущены. Они несли так называемую «береговую» службу в Тульском Большом полку [5, с. 124; 8, с. 69]. Так в смотренном списке 1635 г. насчитывается пять рейтарских, одна гусарская и одна драгунская роты. Судя по именам, они были укомплектованы из московских чинов, уездных дворян, иноземцев и холопов. Подавляющее большинство составляли в них городовые дети боярские. Кроме жильцов в гусарах и рейтарах служили некоторые стряпчие и московские дворяне.

До нашего времени не сохранилось «подлинных» боярских списков того времени, где могли быть зафиксированы пометы о прохождении этой службы московскими дворянами. Однако в жилецком списке 1635/36 г. эта служба нашла отражение. Жилецкие списки составлялись ежегодно и содержали полный состав жильцов на текущий год, учитывающий все изменения, произошедшие в нем. Также напротив имен жильцов ставились пометы о службе, верстании окладом или его повышении, переводе в другой чин, состоянии здоровья, смерти и др. Имена жильцов располагались в соответствии с размером оклада в убывающем порядке.

В жилецком списке 1635/36 г., хранящемся в РГАДА в фонде Разрядного приказа (ф. 210) по описи 9 (Столбцы Московского стола) за номером 837 часть 3, после общего перечня лиц на листах 79–85, имеется список жильцов под заголовком «жилцы ж написаны в гусарскую и в райтарскую службу». Всего в нем насчитывается 70 человек. Из них 28 написаны в гусарскую службу, а остальные – в рейтарскую. Всего в жилецком списке этого года насчитывается чуть более тысячи имен. Соответственно, жильцы, служившие в рейтарах и гусарах, составляли 7 % от общего количества жильцов на данный момент. Данные жилецких списков и сказок, поданных к разбору в 1632 и 1643 гг. [2; 3; 7], позволяют составить служебно-биографические портреты указанных выше лиц и выявить социальный облик жильцов, служивших в первых полках «нового строя», что и является целью доклада.

Наибольшее количество жильцов из этого перечня давно уже находились на службе. Только 25 из них имели служебный стаж до десяти лет. Остальные начали службу более, чем за десять лет до времени составления списка. Самый старый из них, Иван Иванович Жабин, прослужил уже 22 года. Средний срок службы жильцов, написанных в гусары, составляет 12 лет, рейтаров – 11 лет. При этом все жильцы начали службу до Смоленской войны или в самом ее начале. По данным жилецких сказок удается определить возраст 36 лиц из перечня. Из них 15 гусар и 21 рейтар, т.е. по

половине. Троиц было до 20 лет, десяти нет и 30 лет, 17 человек имели возраст от 30 до 40, шестерым было от 41 до 43. Самому младшему жильцу из перечня было всего 16 лет. Средний возраст составляет 31 год. Средний возраст гусар – 33 года, рейтар – 29 лет. Соответственно, жильцы, записавшиеся в гусары, были по большей части старше, чем рейтары.

В числе не верстанных окладом написано 11 жильцов из перечня, из них только 2 гусара. Один жилец, написанный в рейтарах, имел поместный оклад в 300 четей. 19 жильцов имели оклад в 350 четей (8 гус.); 29 – 400 четей (14 гус.); 7 – 450 четей (2 гус.). Оклад в 500 четей имели 2 жильца, написанные в гусары. Один жилец, написанный в рейтары, был с окладом в 550 четей. Таким образом, средний поместный оклад жильцов, написанных в гусары, составлял 367 четей, рейтар – 308 четей. Денежный оклад одного из жильцов, написанных в гусары, составлял 4 руб.; 5 жильцов имело оклад в 6 руб. (1 гус.); 9 – 7 руб. (5 гус.); 13 – 8 руб. (5 гус.); 8 – 9 руб. (5 гус.); 10 – 10 руб. (5 гус.). С окладом в 11 руб. написан жилец из рейтар, в 12 руб. – 4 жильца, из них 2 гусара, 13 руб. – 1 рейтар, 14 руб. – 3 (1 гус.), 15 руб. – 4 (1 гус.). Средний денежный оклад жильцов, написанных в гусары, составляет 8 руб., рейтар – семь с половиной руб. Соответственно, поместный и денежный оклад жильцов, записанных в гусары, чуть выше, чем рейтарский.

Материальное положение жильцов, записанных в рейтары и гусары, помогают определить данные жилецких списков 1625 и 1629–1631 гг., а также сказок, поданных в 1632 г. накануне войны. Всего удалось определить сведения о землевладении 57 жильцов. Из них 16 не имели ни поместий, ни вотчин (из них 8 гус.), 9 имели поместья и вотчины размером до 100 четей (4 гус.), 13 – до 200 четей (7 гус.), одно из них отнято, 5 – до 300 четей (1 гус.), 3 – до 500 четей (1 гус.), 2 – до 600 четей (1 гус.), один гусар имел вотчину и поместье, частично владеемые сообща с братьями, размером в 614 четей. Не установлены размеры поместий 5 жильцов (все рейтары). В 9 случаях количество дворов не указано, 6 жильцов владели пустыми поместьями (1 гус.), в 18 случаях количество дворов составляло не более десяти (9 гус.), четыре жильца имели от 11 до 16 дворов (2 гус.), один – 26 дворов, двое гусар вкуче с братьями владели 45 и 53 дворами. Таким образом, материальное положение жильцов, написанных в гусары и рейтары, не было богатым. При этом материальное положение жильцов, написанных в гусары, в совокупности было чуть лучше, чем рейтар.

Согласно сказкам жильцов, поданных к разбору в 1632 г. имеется представление о боеспособности 29 жильцов. Из них все обещали выйти на службу на коне, но только 24 со слугами. 13 жильцов обещали выйти в поход с более, чем одним слугой.

Накануне своей службы в рейтарах некоторые из жильцов уже имели большой служебный опыт. 19 жильцов, упомянутых в списке 1635/36 г., были на службе в Северском походе во время Смоленской войны. Четверо жильцов служили в рейтарском полку Д'Эберта, двое упоминаются в списке 1632/33 г. с пометой «в Разбойном», т.е., на службе в Разбойном приказе.

Практически все отцы жильцов, служивших в гусарах и рейтарах, были из представителей уездного дворянства. Благодаря сказкам жильцов и другим материалам удается определить точное происхождение отцов 36 жильцов. Происхождение отцов 22 жильцов пока гипотетично и не имеет подтверждения. В двух случаях удалось выяснить происхождение дядьев. Отцы восьми жильцов остаются не установленными. Из всех жильцов только четыре были сыновьями московских дворян, один жилец, видимо, по матери, приходился московскому дворянину племянником. В одном случае отцом жильца является дьяк, и в одном дьяком был дядя. Остальные имели отцами уездных дворян и детей боярских. Из подтвержденных данных отцами были 1 белевец, 1 борович, 1 волочанин, 2 дорогобужца, 3 зубчан, 1 каширянин, 7 костромичей, 3 лушан, 1 медынец, 1 можаич, 1 нижегородец, 1 новгородец, 1 старичанин, 2 суздальца, 1 тарушанин, 1 торопчанин, 2 тулянина и 1 юрьеvec. По неподтвержденным данным отцами являются 1 арзамасец, 1 вязьмич, 1 кинешемец, 3 коломнича, 5 костромичей, 1 курмышанин, 1 лихвинец, 1 новгородец, 1 ржевич, 3 ростовца, 3 суздальца и 1 ярославец. У 7 жильцов отцы погибли во время Смуты. Практически все жильцы происходят из незнатных родов и нетитулованного дворянства. Однако несколько жильцов являлись представителями известных в прошлом фамилий Заболоцких и Кутузовых. 22 жильца, написанных в гусары и рейтары, состояли между собой в кровном родстве и являются представителями девяти дворянских фамилий.

Сказки жильцов, поданные к разборам 1632 и 1643 гг., позволяют определить их грамотность. Так трое из жильцов, написанных в рейтары и гусары, свои сказки не подписали по причине неграмотности. Грамотны были 33 жильца из рейтар и гусар. Из них 12 свои сказки написали сами, а 21 только подписали.

Дальнейшая судьба практически всех жильцов, служивших в гусарах и рейтарах в 1635/36 г., известна. Двадцать один жилец в материалах разбора 1643 г. и в жилецком списке того же года не упоминается. О пятерых из них имеется помета в другом жилецком списке 1635/36 г. о переходе их на службу с городом. Один стал служить с городом в 1637 г. Имена двух встречаются среди коломничей в 1640 г., двух – среди суздальцев в 1644 г. Судьба остальных 11 жильцов остается пока не выясненной, скорее всего, они также перешли служить с городом. Судьба двух жильцов, упоминающихся в жилецком списке 1642/43 г., после этой даты неизвестна, нет о них сведений и в материалах разбора этого года. Кроме них, в жилецком списке 1642/43 г. и в материалах разбора упоминаются 47 жильцов, служивших в гусарах и рейтарах в 1635/36 г. Двое из них умерли в 1642/43 г. 10 жильцов продолжили службу в московских дворянах, 2 – в жильцах, а остальные были написаны по городу.

Таким образом, по окончании Смоленской войны в гусарах и рейтарах служила небольшая часть жильцов. По большей части это были бедные дворяне, выходцы из провинции, перешедшие затем на службу с городом. Служба в рейтарах и гусарах давала возможность получить необходимые средства наличными и поправить свое имущественное положение, которое было ослаблено в годы войны. Выделение перечня жильцов,

служащих в рейтарах и гусарах, в жилецком списке было сделано, по всей видимости, для того, чтобы отделить их службу от остальных. В дальнейшем необходимо изучить социальное положение представителей уездного дворянства, служивших в рейтарах и гусарах во время и после Смоленской войны.

1. *Андреев И.Л.* Движение балашовцев // Вопросы истории. 1977. № 6.
2. *Горбатов Е.Н.* Материалы к истории жилецкого разбора 1643 г. // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2015. Вып. 18.
3. *Изюмов А.Ф.* Жилецкое землевладение в 1632 году. М., 1913.
4. *Малов А.В.* Командиры частей нового строя в 1628–1636 гг. (от подготовки к Смоленской войне до роспуска частей нового строя после ее окончания) // АЕ за 2009–2010 г. М., 2013.
5. *Малов А.В.* Конница нового строя в русской армии в 1630–1680-е годы // Отечественная история. 2006. № 1.
6. *Меньшиков Д.Н.* Боевая сила армии М.Б. Шеина в Смоленском походе 1632–1634 годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2008. Вып. 4. Ч. 1.
7. *Павлов А.П.* Ценный источник по истории русского дворянства XVII в. (материалы жилецкого разбора 1643 г.) // Российское государство в XIV–XVII вв. Сборник статей, посвященных 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексеева. М., 2002.
8. *Цвиркун В.И.* Гусары в русской армии XVII века // Военно-исторический журнал. 1993. № 6.

А.В. Воробьев¹

Об особенностях организации губных изб в России середины XVII в.

Губные избы; Разбойный приказ; региональные особенности.

В XVI в. Разбойный приказ создал общую модель института губных изб, которая должна была видоизменяться в зависимости от реалий определенной территории. В представленной работе на основе архивных и опубликованных материалов середины XVII в. выявляются некоторые особенности организации, присущие этим органам местного управления.

В конце первой половины XVI столетия в России появляются губные избы, представляющие собой новый институт местного управления, основная задача которого заключалась в борьбе с преступностью. Для губных изб было характерно двуединство их структуры и принципов организации. Как справедливо указывали еще дореволюционные историки [4, с. 451], эти органы власти совмещали в себе приказные (т.е. регулярные, государственные) и земские (т.е. выборные) начала. С одной стороны, губные избы подчинялись Разбойному приказу в Москве, а с другой, они были тесно связаны с населением, которое выбирало, обеспечивало и оказывало влияние на служившие в губной избе чины.

Во взаимоотношениях государства в лице Разбойного приказа и общества, представленного губными избами, многое предопределил соци-

¹ Воробьев Александр Владимирович, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), к.и.н., alexandr_vorobe@mail.ru.

ально-экономический уклад различных территорий Русского государства, пока еще недостаточно исследованный в нашей исторической науке. Установленные Разбойным приказом общие нормы деятельности и организации губных институтов на местах должны были нивелировать локальные особенности. Однако на практике именно реализация решений центральной учреждения выпукло проявила своеобразие регионов.

Задача предлагаемого очерка состоит в том, чтобы указать на некоторые особенности организации губных изб, опираясь, прежде всего, на два сохранившихся дела² из канцелярии Печатного приказа 50-х – начала 60-х гг. XVII в. Речь идет об отписках воевод и губных старост, в которых они сообщали о количестве собранных печатных пошлин с выбранных к губному делу целовальников, дьячков, сторожей и, в редких случаях, палачей³. Здесь же агенты московских приказов сообщали и о некоторых интересующих нас региональных вариациях официального порядка проведения выборов, зафиксированного в Соборном уложении [3, гл. XXI, ст. 4, 97, 98].

Ежегодно Разбойный приказ отправлял губным старостам грамоту о проведении новых выборов, которые должны были проводиться до 1 сентября, когда служившие по году целовальники и сторожа сменяли друг друга. Обычно в отписках в Разбойный приказ указывается, что в выборах принимали участие две основные страты местного общества – посадские и уездные люди. Как видно из документов, под обитателями уезда в основном понимаются землевладельцы, весьма неоднородная категория, в которую входили дети боярские, члены государева двора, монастыри и церкви⁴. Считалось, что все они представляли крестьян и других зависимых людей, проживавших на их землях и в их дворах.

Население города и уезда заключало договор, который, если и заносился на бумагу, то уж точно не отправлялся в Разбойный приказ. Договор этот указывал, кто и в какой очереди должен будет поставить людей к губному делу. В отписках часто упоминается, что год от года жители старались избирать одно и то же количество целовальников и сторожей «по сколку у твоего государева дела наперед бывало»⁵. С одной стороны, здесь прослеживаются следы исполнения договора, а с другой – воздействие Разбойного приказа, которому был выгоден стабильный состав губных изб.

О том, что представлял из себя подобный договор в общих чертах можно судить на примере Елецкого уезда. Ежегодно местный служилый город выбирал в губную избу два целовальника и два сторожа с каждого из четырех станов уезда⁶. В других регионах мы обнаруживаем лишь отдельные черты таких договоров. В частности, из посадских людей нередко, с

² РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Д. 68, 81.

³ Имелось еще и низовое звено губных изб – сотских, десятских и пятидесятских. Их существование прослеживается далеко не во всех регионах и отражает степень самоорганизации местного общества.

⁴ См., например: РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Д. 68. Л. 265–266.

⁵ Там же. Л. 213–214.

⁶ Там же. Л. 267–268.

учетом их небольшой численности, выбирали одного-двух сторожей к тюрмам⁷. По-видимому, это делалось в интересах самих посадских людей, которые могли не выезжать из города, находясь поблизости от дома, в отличие от целовальников, которые часто ездили по уезду, посылались в соседние губные округа и даже отвозили документы в Москву. Поэтому неудивительно, что губные целовальники как правило происходили из уездных сел и деревень.

Впрочем, и в данном случае заметно желание не сосредотачивать какую-либо должность в руках представителей одной из групп местного сообщества. Случалось, что и целовальники избирались из посадских людей⁸, а, например, относившиеся к уездным людям иноверцы-мордвинь, давали в губу равное число целовальников и сторожей⁹.

Несмотря на устойчивость договорных обязательств, их могли пересматривать, когда выбрать нужное число не представлялось возможным. Однако нередко инициатива по ревизии договора исходила от Разбойного приказа. Последний отправлял в уезд сыщика, которому, среди прочего, поручалось любой ценой усилить губную избу, увеличив количество ее служащих. Так, в Суздале по традиции выбирали четырех сторожей и четырех целовальников, но с прибытием туда сыщика, количество их выросло вдвое и оставалось таким по меньшей мере с 1669 по 1672 гг.¹⁰

Еще одной чертой, в которой проявлялась специфичность организации губных изб, было то, что границы губы как полицейского округа не всегда совпадали с уездом. В каждой из половин пятин огромного Новгородского уезда имелось по губному старосте [2, с. 49–58], Серпуховский и Тарусский уезд похоже образовывали единую губу¹¹, а тульские и рязанские губные старосты до середины XVII в. ведали не только свои уезды, но и ряд мелких пригородов [1, с. 146–147]. Наконец, Троице-Сергиев монастырь обладал особой, объединявшей все владения обители, губой с центром в селе Клементьево¹².

Региональные вариации распространялись даже на то, из какого слоя общества происходил губной староста. Из устоявшейся практики назначения на этот пост представителя служилого города известно несколько исключений. В Балахонском уезде в середине XVI в. данную должность занимал С. Строкин – известный торговец солью, относившийся к чернососным крестьянам [2, с. 41], а в Пскове в 1677 г. упоминается в губных старостах сын гостя В.М. Хозин [2, с. 106].

Приведенные нами к каждому тезису примеры можно дополнить и умножить. Очевидно, что локальные особенности организации губных изб нуждаются в дальнейшем изучении, которое должно заключаться не только в выявлении новых фактов, но и в соотнесении их с реалиями жизни различных уездов Московского царства. Впрочем, уже на данный

⁷ Там же. Д. 81. Л. 75.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 167–168.

¹⁰ Там же. Л. 51, 61–62.

¹¹ Там же. Д. 68. Л. 278–279.

¹² Там же. 23–24.

момент можно уверенно полагать, что не только крестьянские миры Русского севера, но и уездные сообщества других областей обладали определенной степенью самоорганизации.

1. *Глазьев В.Н.* Власть и общество на Юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001.
2. *Синелобов А.П.* Персональный состав городских приказчиков и губных старост Московского царства XVI–XVII вв. М., 2018.
3. Соборное Уложение 1649 г. Текст. Комментарии. Л., 1987.
4. *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения России в XVII в. М., 1856.

С.В. Черников¹

К вопросу о размещении дворянской собственности в Европейской России в середине XVIII века (по материалам III ревизии)²

Дворянство; собственность; правящая элита.

Автор приходит к выводу, что в первой половине XVIII в. шло перераспределение вотчинного фонда от «старых» фамилий, представители которых сидели в Боярской думе XVII в., к «новым», представители которых вошли в правящий слой в 1700–1762 гг. Однако, несмотря на это, старой элите даже к середине века удалось сохранить ведущие позиции в сфере собственности.

Важнейшими источниками для изучения развития дворянской собственности в первой половине XVIII в. являются материалы подворных переписей и ревизского учета. Именно на их основе были подробно исследованы численность, размещение помещичьих крестьян, структура дворянских имений этого времени (В.И. Семевский, Н.М. Шелукова, В.М. Кабузан, Я.Е. Водарский, М.Ф. Прохоров и др.). Родовой состав помещиков и вотчинников начала XVIII в., на основе Алфавитов к сказкам Генерального двора 1699–1700 гг. и подворных переписей 1705–1717 гг., рассматривался в трудах Я.Е. Водарского и О.А. Шватченко. Сопоставимые массивы данных по более позднему времени были введены в научный оборот лишь частично. Обработанные мною материалы III ревизии по 175 уездам Европейской России (75 % крепостных; более 3,4 млн душ³), в со-

¹ Черников Сергей Васильевич, Липецкий государственный технический университет (РФ, Липецк), к.и.н., zserg72@gmail.com.

² Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19–09–00002 (а).

³ Здесь и далее в статье численность крестьян указана в душах мужского пола. Основные источники: прокурорские ведомости 1766–1767 гг. (РГАДА. Ф. 248. Оп. 109. Д. 158; Оп. 117. Кн. 197, 1464; Ф. 264. Оп. 2. Кн. 37; Ф. 447. Оп. 1. Кн. 541; Ф. 453. Оп. 1. Кн. 2094–2095), ведомости о «количестве мужских душ в вотчинах» по Московской провинции 1765 г. (Ф. 400. Оп. 4. Кн. 2171), ревизские сказки (Ф. 350. Оп. 2. Кн. 322, 324, 408–410, 568–572, 843–846, 952–956, 992–998, 1289–1292, 1299–1301, 1360–1367, 1500, 1676–1682, 1707–1708, 1736–1739, 1854–1867, 1903–1906, 1935–1941, 2330–2333, 2354–2355, 2876–2884, 2891, 3402–3404, 4060, 4064, 4074, 4177–4180). Из прокурорских ведомостей Н.М. Шелуковой и М.Ф. Прохоровым ранее использовались количественные показатели населенности имений без данных об их владельцах.

вокупности с уже имеющимися данными, позволяют проанализировать родовую структуру и размещение дворянского вотчинного фонда в петровский и послепетровский период, а также проследить, как изменения в составе правящего слоя этого времени отразились на распределении собственности⁴.

Проведенный анализ позволяет не согласиться с утверждением Я.Е. Водарского, что «преобразования Петра I и политика его преемников не изменили существенно структуру помещичьего землевладения» [1, с. 78]. Мои расчеты, с учетом родовой принадлежности вотчин, показывают иное. В изучаемый период шло перераспределение собственности от «старых» к «новым» фамилиям. За 1700–1762 гг. численность крестьян выросла у всех слоев дворянства, но в различной мере: у думных фамилий – в 1,3 раза, у родов, представители которых вошли в правящий слой лишь в XVIII в., – в 3,5 раза, у остального дворянства – в 2,2 раза (при естественном приросте среди помещичьих крестьян в 2 раза). За то же время доля крепостных, принадлежавших думным фамилиям, снизилась с 50 до 33 %, а у новых, напротив, увеличилась – с 18 до 33 %.

Однако, несмотря на утрату части собственности, положение думных фамилий – благодаря обширным родственным связям, длительной службе на высших государственных постах и накопленным богатствам – оставалось очень прочным. Оно мало зависело от краткосрочной придворной конъюнктуры, смены монарха, опалы отдельных представителей рода и конфискации их вотчин. Тезис Е.И. Индовой о массовом «оскудении» в этот период старой знати не находит своего подтверждения [3, с. 290–291]. Обратим внимание на состав крупнейших душевладельцев страны. В 1700 г. в первую десятку богатейших фамилий входили кн. Черкасские (46 тыс. душ), Нарышкины (41), Салтыковы (29), кн. Голицыны (29), кн. Долгоруковы (28), кн. Одоевские (20), Головины (18), Шереметевы (16), кн. Прозоровские (15), кн. Куракины (14) и Бутурлины (14). За исключением Нарышкиных, остальные фамилии в этом списке имели аристократическое происхождение. Ко времени III ревизии перечень крупнейших собственников выглядел следующим образом: кн. Голицыны (108 тыс. душ), Шереметевы (88), Строгановы (65), кн. Долгоруковы (51), Салтыковы (49), Нарышкины (41), Лопухины (29), Головины (28), гр. Разумовские (27), Головкины (24). Можно заметить, что состав стал более «пестрым»: наряду с аристократией (5 родов) и фамилиями, попавшими в Думу в XVII в. (3 рода), здесь также были представители новой элиты – Строгановы и Разумовские. Но, несмотря на рост собственности у «новичков», центральное место среди самых состоятельных дворянских родов в середине XVIII в. по-прежнему занимала старая элита.

Размеры вотчин, принадлежавших представителям думных фамилий, отличались большим разнообразием. Но в целом, как показывают расчеты, старая элита сохранила ведущие позиции в сфере собственности. Если сравнить медианные размеры душевладения по группам фами-

⁴ В качестве правящего слоя Московского государства в работе рассматриваются обладатели думных чинов, а в рамках новой служилой иерархии – чины 1–5 классов Табели о рангах.

лий, то мы увидим, что даже к середине XVIII в. «новичкам» (1466 душ) не удалось приблизиться по благосостоянию к думным фамилиям (3341 душа). Размеры собственности думных фамилий, представители которых остались в элите XVIII в., выросли за 1700–1762 гг. примерно вдвое (с 3525 до 6702 душ), а у выбывших из правящего слоя – почти не изменились (1184 и 1097 душ). То есть утрата властных позиций не приводила к бедности или разорению рода.

Теперь сравним размещение собственности на время III ревизии у различных слоев дворянства и обратим внимание на районы, в которых доля собственности по группам превышала среднероссийскую. Напомню, что по стране в целом думные и новые фамилии владели равной долей крестьян – по 33 %, а фамилиям, представители которых не входили в элиту, принадлежало 34 %.

У представителей думных фамилий самые высокие показатели наблюдались в историческом центре страны, ряде провинций Черноземья и Среднего Поволжья. Так, в Московской, Калужской, Переяславль-Залесской, Юрьев-Польской, Суздальской, Владимирской, Ярославской, Белозерской, Нижегородской, Арзамасской и Свияжской провинциях им принадлежало более 40 % крепостных. Самые крупные владения (свыше 5000 душ) здесь имели Шереметевы, Голицыны, Долгоруковы, Салтыковы, Лопухины, Головкины, Головины, Нарышкины, Бутурлины, Щербатовы, Шепелевы, Черкасские, Собакины, Хованские, Мусины-Пушкины, Трубецкие, Татищевы, Толстые, Прозоровские, Языковы, Хитрово, Стрешневы и Апраксины (суммарно 297 тыс. душ). Для сравнения, из числа новых фамилий более 5000 душ здесь имели лишь Грузинские, Демидовы, Брюсы, Воронцовы и Разумовские (52,5 тыс. душ). Менее значительная доля крестьян (33–40 %) принадлежала думным фамилиям в Тверской, Орловской, Тульской, Тамбовской, Пензенской и Алатырской провинциях. Среди регионов нового освоения особое место занимала черноземная Слободская Украина, где на территории Острогожского, Ахтырского и Харьковского полков размещались крупные вотчины Шереметевых, Голицыных, Трубецких, Бутурлиных, Репниных и Головкиных.

В отличие от старой элиты, у «новичков» самые высокие показатели отмечались не в центре Европейской России, а на ее периферии. Это столичная Санкт-Петербургская провинция (64 %); более 1000 душ крестьян здесь принадлежало Орловым, Разумовским, Шуваловым, Скавронским, Вульфам и Жеребцовым (15 623 души). В соседней Псковской провинции (49 %) имениями владели Ягужинские, Разумовские, Сумароковы, Елагины, Бороздины, Окуневы, Философовы, Щербинины, Алексеевы, Кошелевы (26 793 души); на юге – в Харьковском слободском полку (44 %) – Гендриковы, Хорваты, Спичинские, Дунины, Щербинины, Шидловские, Пасеки (18 325 душ); на востоке – в Великоустюжской (100 %) и Пермской провинциях (83 %) размещались обширные вотчины Строгановых с населением почти в 60 тыс. душ. В центральных районах доля собственности, принадлежавшей представителям новых фамилий, была более умеренной, а наиболее высокие показатели (33–40 %) отмечались в Угличской, Московской, Тульской, Переяславль-Рязанской, Шацкой, Ар-

замасской, Нижегородской и Костромской провинциях. Такая же доля крестьян принадлежала новым фамилиям в южных Севской, Елецкой и в восточных, менее населенных, Казанской и Уфимской провинциях.

У фамилий, представители которых не входили в элиту, самые высокие показатели тоже наблюдались в периферийных районах⁵. Это Новгородская, Великолуцкая, Смоленская, Белгородская, Воронежская, Симбирская, Казанская, Уфимская провинции, а также Ахтырский, Изюмский и Сумской слободские полки.

Таким образом, несмотря на активную мобилизацию вотчин, думные фамилии даже в середине XVIII в. сохраняли прочные позиции в Волго-Окском междуречье, а «новичкам» удалось опередить старую элиту по размерам собственности лишь на окраинах Европейской России. Важно и другое, старая элита, несмотря на наличие таких возможностей, проявляла очень мало интереса к приобретению вотчин в Ингерманландии. Раздача земель в этом регионе, в отличие от принудительного перевода царедворцев Петром I «на жительство» в Санкт-Петербург, осуществлялась на «добровольных началах» – по челобитью. По сравнению с Черноземьем и Поволжьем, земли Ингерманландии были малоплодородны, поэтому решающим аргументом для приобретения здесь вотчин становилась близость к столице. В этой связи, контраст в поведении старой и новой элиты весьма показателен. Так, за 30 лет (1732–1762 гг.) доля крепостных, принадлежавших представителям думных фамилий в Ингерманландии, снизилась с 43 до 24 %, а у новых, напротив, выросла с 48 до 64 %⁶. Анализ порайонных данных приводит нас к выводу, что эти различия не случайны. На Северо-Западе думным фамилиям принадлежало лишь 19 % крестьян, а новым – почти вдвое больше (37 %). С другой стороны, в плодородном Черноземном центре, на Востоке и Юго-Востоке, где приобретение вотчин, как можно ожидать, обуславливалось соображениями доходности, думные и новые фамилии обладали примерно равной долей собственности (29–32 %). Особенности размещения вотчинного фонда думных фамилий, низкий интерес к приобретению имений в районе новой столицы позволяют не согласиться с утверждением Ю.В. Готье об «отчужденности между землей и ее владельцем» [2, с. 421–422]. Очевидно, что старые фамилии хорошо осознавали свою связь с Московским центром. Более того, в отличие от «новичков», которые, «следуя за властью», стремились получить вотчины под Санкт-Петербургом, думные фамилии, видимо, мало нуждались в подобном подтверждении своего высокого статуса.

1. *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII века. М., 1977.
2. *Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII веке: опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906.
3. *Индова Е.И.* К вопросу о дворянской собственности в России в поздний

⁵ Исключением была лишь Галичская провинция.

⁶ Показатели 1732 г. рассчитаны по материалам переписи И.А. Шипова. – РГАДА. Ф. 248. Кн. 1110. Л. 1865–1952.

И.В. Курукин¹

Русский императорский двор: распределитель благ и «милостей» в системе послепетровской монархии XVIII в.

Анна Иоанновна; Екатерина II; императорский двор; «комнатная сумма»; «пенсион»; денежные раздачи.

Доклад посвящен развитию одной из характерных функций императорского двора в XVIII в. – систематической раздаче денег, льгот и подарков. Такая практика должна была обеспечить лояльность элиты и повысить престиж монарха среди военных и чиновничества.

Уже в конце царствования Петра I статус великой державы требовал соответствующего оформления, призванного подчеркивать богатство и могущество российских государей. Согласно «Реестру придворным и дворцовым служителям» от 31 января 1725 г., при дворе (с конюхами и чинами ведомства дворцовой канцелярии) насчитывалось почти 700 «служителей»². В 1727 г. на его содержание шло почти 200 тысяч руб.³

В 1730-х гг. оформилась структура двора и функции его подразделений. К середине века штат двора составлял 1015 чел., а при Екатерине II достиг 3 тысяч «служителей». Одновременно повышался престиж дворцовой службы. При Анне Иоанновне высшие чины двора из IV класса перешли во II, а камергеры и камер-юнкеры из полковников и капитанов были повышены до генерал-майоров и полковников; при Елизавете камер-юнкеры были приравнены к бригадирам. Соответственно росли расходы. С 1733 г. на содержание двора отпускалось 260 тыс. руб. в год и еще 100 тыс. на конюшню. Но при Екатерине II затраты на двор достигли 3 млн 600 тыс. руб.⁴ [1, с. 172, 173]

Рост расходов был вызван не только увеличением числа дворцов и «служителей». В «эпоху дворцовых переворотов» двор и личные средства государей («комнатная сумма») стали своего рода «распределителем» пожалований «деревень» (или возвращения прежде конфискованных имений), персональных «пенсион» и нерегулярных денежных выплат, оплаты представительских расходов избранных особ или драгоценных подарков.

Екатерина I за короткое царствование охотно повышала в чине, но деревни жаловала скупно – только А.Д. Меншиков получил царский подарок – город Батурино с 1302 дворами и еще 2705 дворов в окрестных селах. Большинство денежных подарков составляло сумму в 100–200–300 руб.; порой императрица лично подносила вельможам по чарке водки, оделяла их присланными ей из Астрахани арбузами [2, с. 21] и распорядилась приодеть сибирского губернатора князя М.В. Долгорукова: по ее заказу для

¹ Курукин Игорь Владимирович, РГГУ (РФ, Москва); д.и.н., kurukin@mail.ru.

² Подсчеты наши по: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 74. Л. 471–486 об.

³ См.: РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. № 22. Л. 49, 49 об., 85.

⁴ См.: Там же. Ф. 14. Оп. 1. №55. Ч. 1. Л. 89.

князя сшили «платье суконное с позументом» за «135 рублей 5 алтын с денгою».

Анна Иоанновна из «комнатной суммы» целенаправленно направляла поток милостей в виде денежных выдач. Большая и лучшая часть выпадала на долю находящихся в милости должностных лиц – братьев Левенвольде, Б.Х. Миниха, А.И. Остермана, А.М. Черкасского, С.А. Салтыкова⁵. Обычными выплатами были пожалования придворным, фрейлинам на приданое или офицерам гвардии. Размер суммы, выдача просто так или в долг – решалось индивидуально, как и освобождение или отсрочка уплаты долга. Одним доставались деньги на лечение, «за проезд за моря» или «для удовольствия экипажу» – в то время как иные из направленных к императрице челобитных оставались без рассмотрения и ответа. Согласно ведомостям камер-цальмейстерской канторы за девять лет (1731–1739 гг.) подобные расходы Анны составили 898 312 руб., то есть примерно по 100 тыс. руб. в год⁶.

При Екатерине II документы Кабинета позволяют говорить о разветвленной системе пожалований. Императорские «пенсии» были разнообразны (от 4,5 руб. до 25 тыс. руб., выплачивавшихся с 1766 г. А.Г. Орлову) и порой достигали крупных сумм – как, например, 150 тыс. руб. Г.Г. Орлову или «секретно» платившийся не упоминавшемуся по имени лицу с 1776 г. «пенсион» в 75 000 руб.⁷ Однако, получали их не только великие мира сего и собственно придворные, но и безвестные титулярные советники Козырский (300 руб. «по смерть») и Рябинкин (300 руб.). В декабре 1793 г. царица пожаловала вдове коллежского советника саратовской гражданской палаты Василия Болдырева 300 руб. «пенсiona» и 1 тыс. руб. единовременно на выплату долгов⁸.

Единовременные выдачи (по «именным» или «изустным» указам) Екатерины или «по письму» генерал-адъютантов) охватывали широкий круг лиц – от первых вельмож империи до отставного регистратора Барабанова и «матросской жены Петровой». Конечно, прежде всего милостями пользовались персоны известные и занимавшие ответственные посты: Е.Р. Дашкова (37 100 руб. в 1783 г.), генерал-аншеф Н.И. Салтыков (10 тыс. руб. в 1786 г.), генерал-аншеф А.А. Прозоровский (6 тыс. руб. в 1790 г.), генерал-поручик Е.П. Кашкин (20 тыс. руб. в 1783 г. и 10 тыс. руб. в 1785 г.). Однако они распространялись не только на приближенных и фаворитов, и порой, видимо, были приятными подарками или оказанием «материальной помощи» – государыня дала на «убор покоев» в доме И.И. Бецкого (13 204 руб.); на строительство дома «в Валдаях» генерал-губернатору Тверской и Новгородской губерний Н.П. Архарову (7 тыс. руб.) или Е.Р. Дашковой «на построение загородного дома» (25 тыс. руб.). В 1784 г. Екатерина оплатила учителям 2200 руб. за обучение четырех дочерей калужского губернатора П.С. Протасова. В 1791 г. 450 руб. получила неутешная вдова новолодожского городничего Прохорова, а в 1795 г.

⁵ См.: Там же. Ф. 1261. Оп. 1. № 335. Л. 2 об.–3.

⁶ См.: Там же. Ф. 19. Оп. 1. № 182. Ч. 2. Л. 2–7об.

⁷ Там же. Ф. 14. Оп. 1. № 31. Ч. 13. Л. 364.

⁸ Там же. № 47. Ч. 11. Л. 189.

капитан Санкт-Петербургского гренадерского полка Фома Маврикий отправился для излечения ран в Италию «к теплым водам» с пожалованными 150 червонными на проезд. За труды по подготовке школьной реформы педагог Ф.И. Янкович получил 1500 руб. в 1782 г. и 10 тыс. руб. в 1784 г.); людям искусства платили поменьше: скульптору Ф.И. Шубину и художнику Д.И. Левицкому пожаловали только по 500 руб., но конкретные заказы мастерам оплачивались отдельно. Иногда подобные выдачи помогали быстро решить какую-либо конкретную задачу – так, например, калужский, тульский и рязанский наместник генерал-поручик М.Н. Кречетников в 1786 г. получил 1500 руб. на заведение типографии в Калуге.

Императрица за свой счет содержала в 1776–1779 гг. 14 благородных, 4 мещанских девиц и 8 кадетов. Иногда она оплачивала долги – но не только сына и невестки (201 258 руб. в 1776–1779 гг.); в 1769 г. повелела главе Кабинета А.В. Олсуфьеву оплатить сравнительно небольшие суммы (в 100–1000 руб.) Дворянскому банку за четырех морских офицеров – капитанов Бешенцева и Игнатьева, лейтенанта Бахметева и мичмана Хвостова: «Не сказав откуда, прикажи внести вместо сих бедняков деньги по сему реестру в банк»⁹.

Пожалования были как индивидуальными, так и групповыми: придворным по праздникам, по случаю выпуска камер-пажей в офицеры гвардии, кадетам при окончании корпуса. В 1782 г. государыня подарила 1 тыс. руб. Украинскому гусарскому полку, а в 1783 г., проездом во Фридрихсгам, 2756 руб. гарнизону Выборга. В 1779 г. 10 тыс. руб. получили «на убор» кавалергарды; в 1776 г. 11 688 руб. пошли на мундиры гребцам и лакеям. Отличившимся солдатам и офицерам «в награждение по случаю нынешней (русско-шведской 1788–1790 гг. – *И.К.*) войны» в 1788 г. было выдано 50 111 руб., в 1789 – 136 428 руб., в 1790 – 99 322 руб.; еще 221 386 руб. были потрачены на изготовление наградных шпаг и 157 624 руб. за дорогие подарки-«вещи». За победное морское сражение при Роченсальме в 1789 г. все нижние чины получили 18 тыс. руб.¹⁰

Наконец, особую статью расходов «комнатной суммы» составляли заказанные императрицей драгоценные изделия, предназначенные для раздач и награждений. Так в 1786–1789 гг. она указала купить «для разных подарков»¹¹:

вещи	количество	цена за 1 шт. (руб.)	всего (руб.)
табакерки «с финифтью и без финифти»	16	150–500	5200
табакерки с бриллиантами	37	500–6 000	64 400
перстни с бриллиантами	29	200–500 (8) 500–1000 (9) 1000–2000 (8) 2000–4000 (4)	35 400

⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 39. № 61. Л. 2.

¹⁰ РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. № 47. Ч. 11. Л. 67, 133–137 об.

¹¹ Там же. № 47. Ч. 10. Л. 31–32.

серьги	18	350–3000	20 600
«цветки»-эгреты	5	800–2500	7800
«букеты»	2	3000 и 5000	8000
«сердечки» и «браселеты»	10	150–1500	6700
«склаважи»	6	500–4500	13 000
«погоны»-эполеты	4	?	13 000
набалдашники к тростям	5	800–4000	9300
«наперники»	6	1000–2000	8300
записные книжки	4	500–1500	4200
золотые часы с бриллиантами	13	150–3000	10 550
ИТОГО	155		206 450

В богатом на военные действия 1790 г. Екатерина должна была за драгоценности ювелирам 383 982 руб., а купцам и гоф-маклеру Фоку 1 032 391 руб. – всего 1 416 373 руб. за ордена (лишь одна звезда ордена Александра Невского обошлась в 13 158 руб.), аграфы, «цветки», табакерки, часы, трости, «склаважи», «сердечки», перстни, эполеты, браслеты, цепочки, две шпаги с бриллиантами (40 434 руб.) и 13 шпаг без бриллиантов за 9 425 руб.¹² В 1794 г. за взятие Варшавы для А.В. Суворова был заказан фельдмаршальский жезл (22 553 руб.), за его же победы при Крупчицах и Бресте – алмазный «бант с петлицею и пуговицею на шляпу» (85 018 руб.) и еще одна награда под названием «Победоносный лавр» (40 976 руб.)¹³.

По нашим подсчетам на основании данных «ведомостей» и «окладных книг приходу и расходу комнатной суммы»¹⁴ получается, что за пять лет (1780, 1781, 1783–1785 гг.), по которым есть сопоставимые данные о расходах на «пенсии» и «в награждение», а также о секретных и прочих выдачах «на известные вашему величеству расходы» эти суммы составляли от 13 до 32 % от всех трат личных денег императрицы. Раздачи и прочие милости заставляли оказавшихся в этом «поле притяжения» дворян показывать свою «верность», соперничать за внимание государыни. «Подарки» привязывали их получателей к «хозяйке», тем более что они часто превосходили их жалование, которое к тому же получалось нерегулярно. Подобная практика препятствовала складыванию сословной солидарности, но в то же время стремление повысить свой статус и упрочить материальное положение порождало «давление» на вершину властной пирамиды.

1. Агеева О.Г. Императорский двор России. 1700–1796 годы. М., 2008.
2. Общий архив Министерства императорского двора. Описание дел и бумаг. Высочайшие повеления по придворному ведомству. 1723–1730. СПб., 1886.

¹² Там же. № 47. Ч. 11. Л. 21–27.

¹³ Там же. Л. 139.

¹⁴ См.: Там же. Ф. 14. Оп. 1. №31. Ч. 11. Л. 103–110 об., 189–195; Ч. 12. Л. 37–41, 314–323 об.; Ч. 13. Л. 356–372; Ч. 14. Л. 373–392 об.; Ч. 15. Л. 39–50 об.; Ч. 16. Л. 246–266 об.

Вышний суд, «дело» кн. Д.М. Голицына и логика развития петровской государственности

Государственность; законность; правительство; комиссия; суд.

В статье анализируется преемственность между государственностью России 1720-х и 1730-х гг. сквозь призму аннинского Вышнего суда, который впервые оценивается с этой точки зрения.

Вышний суд рубежа 1736/37 гг. (далее: ВС) до сих пор не получил обоснованных историко-государствоведческих оценок, хотя и известен выдвижением обвинений признанного вождя аристократической оппозиции в иных «важных винах». «Суд над кн. Д.М. Голицыным», в 1879 г. монографически охарактеризованный Д.А. Корсаковым как типичный политический процесс XVIII в., для разворачивания которого использовали причастность одного из лучших людей эпохи к сомнительному имущественному спору, со временем превратился во фразеологизм из числа штампов живописания мрачности режима. А учреждение, в котором он был начат, по аналогии с теми, где одни представители элиты «сочиняли» приговоры другим, стало восприниматься как обычная для периода следственная комиссия.

Политическая подоплека «дела» Д.М. Голицына, вообще не упомянутого в объявленном «судьям» указе по якобы «неправо вершенному» Сенатом иску кн. Н.И. Кантемир к ее пасынку К.Д. Кантемиру (относительно вдовой доли наследства) несомненна. Кроме доводов Д.А. Корсакова, ее подтверждает окружение работы ВС вплоть до ареста и ссылки главного обвиняемого 8–9 января 1737 г. беспрецедентной секретностью и ошеломивший привлекавшихся к допросам по официально «партикулярному делу» сановников их порядок, принятый лишь для государственных и тяжких уголовных преступлений². О, видимо, нарочито раздуваемых страхах императрицы ввиду активизации ее давнего обидчика говорит и беспрецедентная «милость», которая была проявлена к мнимым сторонникам Д.М. Голицына и не затронула его самого едва ли не из-за откровенно вызывающего, до «богопротивных» реплик, поведения.

Однако ни придание пересмотру «кантемирова дела» политическо-го формата, ни его негласная цель отложенной, по Д.А. Корсакову, мес-ти старому князю под предлогом его пособничества зятю-ответчику, не объясняют создания взамен уже образованной для этого Комиссии гр. Н.Ф. Головина особого суда с прерогативами высшего учреждения. Тем более с присутствием там е.и.в. «своею персоною»³ [1, с. 215, 573].

Обращение к петровской традиции поставленного «над» Сенатом ВС правильнее связать с замеченными в литературе попытками оптимизировать затем «журналы и протоколы» [2, ч. 1, с. 2–4], течение граждан-

¹ Бабич Марина Виленовна (РФ, Москва), д.и.н., mbabich1@yandex.ru.

² РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 189. Ч. 2. Л. 10–12 об., 322, 325, 354–355 об., 420 об.

³ ПСЗ. Т. IX. № 7113.

ских тяжб и подготовку Нового Уложения [4, с. 943–944]. Помня, что тогда она была фактором не столько вчерашней, сколько сегодняшней повседневности. Так, пошлины с «челобитчиков» рассчитывались по указу от 28 января 1715 г., выражавшему и концепцию обжалования решений вплоть до «вышнего суда», а составление «челобитных» и все производство по ним регламентировал указ от 5 ноября 1723 г.⁴ Войдя в оборот как Указ о форме суда, он, думается, был и источником распространения убеждения, что «форма» в «пунктах» – венец законодательной мысли, а последовательный переход от «пункта» к «пункту» – залог побед в каждом предприятии.

Такие действия в 1730–1733 гг. предписывались органам, призванным реформировать армию и ревизовать финансово ответственные институты, пока в области военно-морского управления и организации сбора доходов появились десятки «форм», во многом реализованных⁵. Поэтому постановка ВС вопроса, «каким наилучшим образом указ о форме суда пополнить, дабы впредь не могли происходить... неправды»⁶ значима конкретизацией намерения совершенствовать и эту сферу. С провозглашения высочайшего попечения 1730 г. о правосудии оно ограничивалось преимущественно риторикой с подчеркиванием, что любое «злодейство» есть «преступление указов», караемое по «государственным правам» (и дополнением ее разве отказом от расправы без суда)⁷.

В этих параметрах вокруг тянувшегося с 1724 г. конфликта в семье Кантемир, которым Анна Иоанновна интересовалась и до выявления замешанности Д.М. Голицына⁸, и раскручивалась придворная интрига, склонившая ее признать вступившим в силу должное, но не апробованное сенатское постановление, чтобы затем принять жалобу на него (с 1718 г. запрещенную). Кто персонально был архитектором интриги, вероятно, не установить, как не распутать клубка слившихся в ней добрых побуждений, личных амбиций и неудовольствий против ныне самоустранившегося от административной жизни вельможи. Но за ее рамки не вывести кабинет-министра гр. А.И. Остермана (который следил за сенатским «делом» и что-то «решал» по Комиссии Н.Ф. Головина), а из мотивов открытия ВС – поиска актуального для дворянства в целом бесспорного подхода к проблеме «насильного владения». Тогда как задачу оспаривания сенатского приговора упрощали опыт ВС 1723 г. по нарушению «сенатской должности» бар. П.П. Шафировым и указ от 20 января 1724 г. о так и не возникшей «особливой палате для случающихся дел чрезвычайных» вроде «Шафирова»⁹.

Учрежденный 29 ноября 1736 г. ВС удовлетворял всех. Он состоял из деятелей, не бывших в тесном родстве и «ссорах» с тяжущимися, но без-

⁴ ПСЗ. Т. V. № 2879; Т. 7. № 4344.

⁵ ПСЗ. Т. VIII. № 5474, 5900, 6061, 6063; Т. IX. № 6486, 6842, 6855.

⁶ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 189. Ч. 2. Л. 346.

⁷ С отступлением только при ссылке кн. Долгоруких, которое в тут же изданном Манифесте оправдывалось монаршим снисхождением к ним, иначе подлежащим «по государственные правам... жестокому истязанию» (ПСЗ. Т. VIII. № 3751, 3752).

⁸ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 189. Ч. 2. Л. 31, 42–42 об.

⁹ ПСЗ. Т. VII. № 4427.

условно принадлежавших к доверенным советникам императрицы (Н.Ф. Головин, кн. А.Б. Куракин, А.П. Вольнский, Д.А. Шепелев, В.Ф. Салтыков). Отвечал приведенным нормам, а полученный по наряженности над сенаторами статус позволял ему принять меры, если бы угроза складывания антиправительственной группы оказалась подлинной. Юридическая же грамотность подобранного кабинет-секретарем А.Я. Яковлевым канцелярского контингента обещала успех акции в правовом аспекте при доказательстве давления Д.М. Голицына на поверенного его зятя.

«Повинная» вызванного для отстаивания интересов К.Д. Кантемира из Москвы камерира Л.Л. Перова превзошла ожидания заказчиков данными о принуждении князем к сокрытию его «винности» и игре (со слушаний с 1734 г. в Юстиц-коллегии) на противоречиях Уложения 1649 г. и «указов» по возмещению вдове. Следствие же, развив их и убедившись в безопасности Д.М. Голицына для верховной власти, вскрыло и неожиданную легкость, с которой руководство Камер-коллегии помогло А.Д. Голицыну по просьбе отца перевести Л.Л. Перова в Петербург и наградить секретарским чином. В результате П.Н. Мельгунов был отрешен «от прокуратурства... за неспособность» с прощением вины по его очевидной «простоте», а оставшиеся на местах вице-президент П.И. Засецкий с советником С.Т. Кафтыревым подвергнуты существенным штрафам и вскоре удалены без порочащих коллегию «определений»¹⁰. Прочие же «приличившиеся» к ВС (помимо Голицыных 24 носителя «классных» чинов) были оправданы или отделались мелкими взысканиями.

Но на этом удаче ВС закончились. О выговоре сенаторам, по поводу «несмотрений» которых он устраивался, Анна Иоанновна только уведомила его членов, «произведение суда о объявленных в экстракте князь Дмитрия Голицына винах» вовсе вверив другому собранию (уже при оглашении замены тому смертной казни крепостью наименованному Генеральным). И пусть тексты соответствующих указов от 6 и 9 января 1737 г. вышли из ВС, он готовил их, как и реестр «генеральных судей», отнюдь не на началах органа с «правительствующими» функциями.

Исполняя высочайшие поручения как «подчиненная» комиссия, он лишился даже вменяемого большинству таковых «слушания» «экстрактов и выписок» из «Уложения и указов» с высказыванием «мнений» и подписанием объединявшей их «сентенции». В совокупности с передачей перечисленного Генеральному собранию, где члены ВС 8 января 1737 г. заседали на равных с еще 15 «министрами, сенаторами», представителями генералитета, «флагманами и коллежскими президентами и членами»¹¹, все это отсылает к казалось бы забытому образцу «дела» царевича Алексея Петровича. Ведь и оно готовилось в Комиссии П.А. Толстого «с товарищи», прославившейся как Канцелярия тайных розыскных дел, с выведением затем главного фигуранта на суд «министров, сенато-

¹⁰ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 189. Ч. 1. Л. 208–210; Ф. 248. Кн. 624. Л. 257 об.; Кн. 2110. Л. 147.

¹¹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 189. Ч. 1. Л. 378–385 об.; Ч. 2. Л. 351–351 об., 357 об., 419–421 об.

ров, военных и гражданских чинов», поступавших по «правам всероссийским, а имянно по Уложению и по Воинским артикулам» [6, с. 530].

Что стало толчком к реанимированию алгоритма распределения судебно-следственных полномочий, после инцидента с Д.М. Голицыным надолго закрепившегося в практике ведения «дел чрезвычайных», из изученных материалов не видно. Зато хорошо видно, что ВС не смог подать пример ведения «дел» массовых. Предложить иную сравнительно с отвергнутой учредительным указом версию вознаграждения «обиды» княгине, чей доступ к 250 наследственным дворам до 1730 г. блокировался (не без участия Д.М. Голицына) дважды, оказалось сложнее, чем «усмотреть» ее недостатки. И если Сенат при назначении компенсации по многим колебаниям применил «неположенные» уложенные статьи и опустил фактически невыполнимые процедуры, то и ВС, «восстановив правду», был вынужден, отложив последние на неопределенный срок, отступить от устоявшегося обычая, из-за чего сенатский запрос, считать ли его «против того» отмененным, остался без ответа [1, с. 618–622; 2, ч. 1, с. 35].

Не справился ВС и с обновлением «формы суда», хотя обсуждая и внося соображения по ней в проект указа опирался на присущие высшим установлениям законодательные права. Его поправки, раскритикованные, по Н.Н. Петрухинцеву, Кабинетом министров, так и осели без движения в сенатских «Письмах, полученных из ВС». Близкая П.Н. Мельгунову «простота» встретившегося в ВС почти в полном составе столичного истребительного, из которого только А.И. Ушаков и П.П. Шафиров проявили компетентность и достоинство, перекладывание насущной землевладельческой коллизии на будущую Уложенную комиссию, а пресечение судебных «непорядков» на только что уличенный в них Сенат говорят в пользу тезиса об ослаблении интеллектуального потенциала «верхов» вплоть до кризиса их дееспособности [4, с. 943, 1005].

Но скомпрометированный ВС аппарат вышел из него без «остановки в делах» и заметных кадровых потерь, а итоговые акты продемонстрировали освоение его лидерами навыков самопрезентации в координатах петровской законности. Публичное заклеивание Д.М. Голицына открывалось положением проекта указа от 17 апреля 1722 г. о первойшей нужности «к правлению... крепкого хранения прав гражданских и правосудия», предпосылая его «прочим... преступлениям» презрение должности сенатора как «прав государственных хранителя»¹² [3, с. 342]. Чуть раньше секретарей Сената и Юстиц-коллегии наказали как несостоявшихся гарантов незыблемости «всех прав и указов», которые обязаны «предостерегать», надзирая за их применением присутствующими. То и другое предварялось подтверждением «формы суда», продолжившись распоряжениями по детализации документальных записей и укреплению всякого, но прежде всего дисциплинарного контроля¹³ [2, ч. 1, с. 6, 22, 411–412; ч. 2, с. 92, 250].

История показала, что упование на точное соблюдение присутственных часов и заполнение «форм» чаще всего отражает утрату власть пре-

¹² ПСЗ. Т. X. № 7151.

¹³ ПСЗ. Т. IX. № 7139, 7597; Т. X. № 7143, 7151.

держащими понимания перспектив развития. Но характерно, что «вред» правосудию из недочетов по канцелярской части согласно с вершителями ВС выводили и ставший его жертвой Д.М. Голицын, и пресловутый Л.Л. Перов, чьи предложения против «ябеды» с готовностью отправили в Сенат. И еще знаменательнее, что подобный взгляд, неотрывный от представления о секретарях как своего рода замковом камне коллежской конструкции, соответствовал Генеральному регламенту 1720 г., служившему персоналу всех рангов равно библией и конституцией.

Почему старательно проводимая идея законности свелась в сознании «всех» к комплексу бюрократических правил, спорить можно бесконечно. «Дело» Д.М. Голицына и его последствия обнаруживают тем не менее, что не аннинское правительство негативно повлияло на этот выбор России, предопределивший бюрократизацию в качестве магистральной линии эволюции ее государственности. Скорее, реалистично подошло к ранее недооцененным трудностям диктуемого «общим благом» всестороннего регулирования на системном уровне. И предпочло надстраиванию иерархии «мест» уже доведенное до автоматизма выделение неординарных «производств» в специальные комиссии независимо от стадии, на которой «явились» сложности, не исключая и Сенат, которому вернули положение высшей апелляционной инстанции. Но отреагировало на высказанные настроения кампанией повышения квалификации секретарского корпуса¹⁴, аттестовавшейся только с точки зрения сужения доступа разночинцев в дворянское сословие [5, с. 134–139].

Вожделенное в 1730-е гг. сосредоточение «всех дел в руках» секретарей достигло апогея только в XIX в. Доминирование в центральном управлении идеологически так и не осмысленных комиссий прекратилось к концу XVIII в. Борьба же за так называемую трудовую дисциплину «присутствия» и «канцелярии» утасла еще до начала 1740-х гг., на разных этапах государственной жизни попеременно возобновляясь. И все это направлялось заданной по крайней мере в 1720-е гг. «силою вещей», для познания которой события 1736–1737 гг. дают весьма удачный фокус.

1. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731–1740 гг. / Собр. и изд. А.Н. Филипповым. Юрьев, 1902. Т. 5 (Сб. РИО. Т. 114).
2. Журналы Правительствующего Сената за 1737 г. / Подгот. А.Н. Филиппов. М., 1910–1911. Ч. 1–2.
3. Законодательные акты Петра I / Сост. Н.А. Воскресенский. М.; Л., 1945. Т. 1.
4. *Петрухинцев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны. Формирование внутривойска и флота, 1730–1735 гг. СПб., 2001.
5. *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974.
6. *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6.

¹⁴ ПСЗ. Т. X. № 7410, 7599.

Представления сотрудников дома Бэрингов о ведении дел
России в конце XVIII в.²

Экономическая история; Российская империя; XVIII в.; международные кредиты; дом Бэрингов.

В статье рассмотрен вопрос кредитной надежности Российской империи и ее жителей с точки зрения европейских партнеров, в частности Роберта Вута (Voute), который, имея опыт проживания в России и возможность вести дела на месте, консультировал своих коллег из дома Бэрингов и Хоуп и Ко.

«Торговля в этой стране удивительна, но если не будет никаких изменений в отношении закона и справедливости, ее нужно оставить тем, кто готов потерять здесь свое состояние»³. Так писал из России 14 октября 1793 г. Роберт Вут (Voute) Френсису Бэрингу, одному из совладельцев знаменитого торгового банковского дома Baring Brothers & Company, Limited.

История дома Бэрингов необыкновенна и драматична. Основание фирмы относится к 1760-м гг., а уже в 1803 г. Бэринги совместно с фирмой Хоуп и Ко участвовали в выпуске бондов на 11,2 млн долларов для того, чтобы профинансировать Соединенные Штаты в покупке Луизианы у Франции. В 1818 г., по мнению герцога де Ришелье, в Европе было шесть великих держав: Великобритания, Франция, Пруссия, Австрия, Россия и Baring Brothers. На протяжении всего XIX–XX вв. они становились официальными финансовыми агентами многих правительств и открывали представительства по всему миру, но в 1995 г. стали банкротами из-за действий одного из «азиатских» трейдеров. В 2002 г. имя Бэрингов было убрано из названия фирмы, хотя некоторые ветви этого в прошлом финансового монстра продолжают свое существование. Например, Бэринг Восток, который изначально был связан с фирмой Бэрингов, активно работает на территории России и по сей день.

Данная работа выявляет, как экономическое положение Российской империи и особенности ведения дел в конце XVIII в. представлялись одному из основных европейских кредиторов – сотрудникам дома Бэрингов, которые наряду с голландской фирмой Хоуп и Ко выступали в этой роли. Не удивительно, что в архиве Бэрингов в Лондоне сохранилась переписка, связанная с оценкой состояния ведения дел в России в эпоху Екатерины II, Павла и Александра I. Мнение иностранцев, которые ссужали деньгами Российское правительство, можно смело назвать экспертной оценкой экономического климата в России, именно потому, что они тщательно взвешивали риски при проведении тех или иных финансовых операций.

¹ Корчмина Елена Сергеевна, НИУ ВШЭ (РФ, Москва), к.и.н., e.korchmina@gmail.com.

² Материал собран в рамках Paulsen Fellowship. Автор благодарит Лондонскую школу экономики за предоставленную возможность работать в архивах Британии.

³ Baring Archive NP1. A. 16. 5.

Основатель будущей фирмы 20-летний Иоганн Бэринг (Johann Baring) приехал из Бремена в Эксетер в 1717 г. Натурализовавшись к 1723 г., он стал зваться Джоном Бэрингом I, его основным занятием было производство и торговля шерстью, подобное сочетание было в те времена редкостью. В 1729 г. он удачно женился на не только богатой, но и выдающейся своими талантами и характером Элизабет Воулер, которая возглавила бизнес после смерти мужа в 1748 г. Начиная с основателя фирмы, стали видны отличительные черты Бэрингов: деловая хватка, умение завоевывать доверие и удачные браки.

После смерти матери три ее сына встали во главе бизнеса, и незадолго до окончания Семилетней войны, в 1762 г. были основаны, а 1 января 1763 г. открыты две фирмы: John & Charles Baring & Company, Exeter and John and Francis Baring & Company, London – впоследствии Baring Brothers. Несмотря на формальное партнерство трех братьев, первоначально именно старший Джон Бэринг II был безусловным лидером. По словам Ralph W. Hidy, он имел прозвище «Ноги старой индейки» (Old Turkey legs), «но он мог смело улыбаться в ответ на эту шутку, поскольку именно эти ноги, с помощью избирателей, конечно, привели его в благородную Палату общин (honourable House), где и были заложены семена будущего величия». В конце 1790-х гг. Джон отошел от дел, и в 1806 г. умер [См.: 2].

Одним из столпов будущего величия дома Бэрингов стало сотрудничество с известным голладским домом Хоуп и Ко, заслуга установления связей с этой фирмой по семейной легенде принадлежит Френсису Бэрингу, который смог быстро и с прибылью для Хоупов реализовать выданные ему счета, в архивах обеих фирм нет достоверных сведений на этот счет, но начиная с 1770-х гг., эти две фирмы стали близкими партнерами, что безусловно, связано в том числе и с похожими взглядами на ведение дел. С 1793 по 1815 гг. дом стал одним из самых крупных торговых банков в Европе, особенно тесно он был связан с правительствами Аргентины, Соединенных Штатов, Канады и России. Если роль Бэрингов в финансировании американского бизнеса известна достаточно хорошо, то их роль в российских делах кроме общего представления об их важности пока не раскрыта, особенно в период конца XVIII в. А зря, поскольку они вместе с Хоуп и Ко были одними из первых, кто активно участвовал в финансировании.

Начало сотрудничества с Россией можно отнести к 1775 г., когда был открыт первый счет для русского клиента, я не смогла установить для кого, но в 1790-х гг. среди заемщиков банка регулярно встречаются фамилии двух русских купцов: Г[ригория] Кирьякова и М[ихаила] Губина. Причем в 1791 г. почти 9 % от общей суммы ссуженных частным лицам и компаниям денег были выданы именно им. Всего по балансовой ведомости фирма кредитовала на сумму в 378 тыс. фунтов, из них Губин получил около 25 тыс. фунтов, а Кирьяков около 7 тыс. фунтов. Но Бэринги вместе с Хоупами кредитуют не только частных лиц, но и российское правительство, так в 1820 г. Бэринги и Хоуп выдали России займ на сумму в 40 млн рублей.

Каково же было отношение главных кредиторов к ведению бизнеса в России? Во многом оно было основано на мнении Роберта Вута, который выступал в качестве ключевого финансового игрока в России в 1790-х гг., хотя обычно его упоминают мельком [1, с. 71]. Но степень его влияния в делах в целом была очевидна и заметна, если вспомнить, что 5 июня 1794 г. именно он удостоился двухчасового приема Екатерины II. Поводом для встречи было разрешение проблемы банкротства барона Сатерленда, после смерти которого остались колоссальные долги. Но по этому вопросу Екатерина заняла однозначную позицию: барон злоупотребил ее доверием, поэтому она не хочет выступать гарантом по его долгам. Более того у Вута создалось впечатление, что она хотела бы, чтобы финансовые претензии короны к Сатерленду были рассмотрены на тех же основаниях, что и других. Поэтому Вуту в этом направлении не многого удалось добиться, но у него была возможность обсудить экономическое положение России в целом. Вут чрезвычайно высоко отзывался в своем письме о российской императрице. Так, по его словам, Екатерина II неутомимо служила России, с 6 утра и до обеда, а потом и до самого вечера была занята исключительно делами управления государством, такого в России Вут не встречал никогда. Это встреча произошла перед самым отъездом Вута, поэтому вряд ли высокое мнение о российской правительнице могло повлиять на его убежденность, что с Россией необходимо сотрудничать [2, с. 152].

На протяжении всего времени пребывания в России он писал своим коллегам зарубежом, не бывавшим в России, что эта страна достойна того, чтобы вести здесь бизнес, несмотря на все временные сложности.

«Эта удивительная империя открывает большие возможности для тех, кто знает торговлю на практике»⁴. По его мнению, здесь так же, как и везде в мире, торговлей управляет свой собственный интерес. Но надо понимать, какой смысл в это понятие вкладывает российский торговец/бизнесмен. Из писем Вута не совсем понятно, смог ли он определить, в чем состоит этот постоянный справедливый интерес, который движет местную российскую торговлю. Хотя Вут приводит пример русского торговца, который взял в кредит миллион рублей для игры на курсе, а когда курс неожиданно упал, не стал пытаться спасти хотя бы часть капитала, произведя обмен, а стал ждать лучшего курса и одновременно платить проценты по кредиту. С точки зрения Вута, это были дикие представления о ведении бизнеса.

При этом он очень высоко оценивал потенциальные условия и возможности для ведения бизнеса в России. Так, он сообщает, что законы о банкротстве в этой стране действительно очень хороши. Надо признать, что законы в России действительно всегда писались на очень высоком уровне, и во многом были передовыми для своего времени. И важно, что Вут, вопреки распространенному убеждению, считал, что русские, в целом, очень добросовестные плательщики, поскольку во многом это подкреплялось религией и обычаями. Увы, в современной Вуту ситуации, положение дел стало резко меняться, именно потому, что иностранцы

⁴ Baring Archive NP1. A. 16. 4. 22 августа 1793.

приносят в Россию свои правила. Вут с горечью отмечает, что сейчас русские заняты больше зарабатыванием денег, не обращая особого внимания на то, каким именно способом эти деньги получены. Наверно, его высказывания укладываются в представлении о бремени белого человека, поскольку причисляя себя к цивилизованным народам, он считает, что именно цивилизованные народы несут разложение устоявшихся хороших традиций тем, с кем они начинают сотрудничать¹.

Вут убежден, что несмотря на временные финансовые сложности вызванные войной и присоединением польских земель, русские кредиторы выплатят все должные деньги, и именно поэтому ни фирме Хоупа, ни Бэрингам нельзя покидать страну. Он подчеркивает, что все могут оказаться в тяжелой финансовой ситуации, но значительно опаснее «цивилизованные» сотрудники своей собственной фирмы, которые не соблюдают правил. И 1995 г. показал насколько он был прав. Как показывает история, многие предсказания Вута сбылись, Россия стала одним из главных деловых партнеров этой фирмы, Беринги активно участвовали в строительстве железных дорог в России, активно ссужали деньгами российское правительство, и для них это направление было очень выгодным, иначе они бы ушли, спасая свои капиталы.

1. *Mousséev C.P.* Происхождение долга Российской империи: макроэкономика и уроки финансовой истории // Деньги и кредит. 2017. № 8.
2. *Buist M.* At spes non fracta: Hope & Co. 1770–1815. Merchant bankers and diplomats at work. The Hague, 1974.
3. *Hidy R.W.* The House of Baring in American Trade and Finance English Merchant Bankers at Work, 1763–1861. Harvard, 1949.

А.В. Виноградов²

Российское государство и Крымское ханство на завершающем этапе Смуты

Смута; Крымское ханство; Российское государство; Речь Посполитая.

Автор рассматривает ранее малоизученный период дипломатических связей Российского государства и Крымского ханства после воцарения Михаила Федоровича Романова, приведший к установлению относительно мирных взаимоотношений между ними на заключительном этапе военно-политического противостояния России с Речью Посполитой и Шведской Короной.

Восстановление Российской государственности в 1613 г. неизбежно повлекло за собой активизацию московской дипломатии. Для правительства «новоизбранного царя» Михаила Федоровича Романова жизненно необходимо было найти союзников среди ведущих держав, или по крайней мере добиться их дружественного нейтралитета в продолжавшемся противостоянии с Речью Посполитой и Шведской короной. Именно эту цель

¹ Baring Archive NP1. A. 16. 5. 14 октября 1793.

² Виноградов Александр Вадимович, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), к.и.н., avinogradov1957@yandex.ru.

преследовала предпринятая в июне 1613 г. беспрецедентная дипломатическая акция по одновременному отправлению посольств в Иран, Турцию, Империю, Англию и Данию [5, с. 105–106; 7, с. 214; 10, с. 333]. Однако первым дипломатическим демаршем московских властей стало отправление дипломатической миссии В. Пургасова и подъячего Д. Радцова в Крым в марте 1613 г. [11, с. 278]. Таким образом лица, определявшие внешнеполитическую линию «новоизбранного» царя, и руководство воссозданного Посольского приказа сознавали, что особое место во внешней политике Москвы занимал вопрос об отношениях с Крымским ханством. Это определялось ролью, которую играли обладающие значительными военными ресурсами крымские ханы в осуществлении крупномасштабных вторжений на территорию сопредельных восточноевропейских государств – Российского и Польско-Литовского. Стремление направить набеговую активность в сторону Польско-Литовского государства в периоды открытого военного противостояния с ним являлось неотъемлемой частью московской дипломатии на протяжении всего XVI в. Весьма остро перед московскими властями стояла проблема борьбы с татарскими нападениями на территорию России. Правда они осуществлялись в основном мурзами Большой Ногайской Орды и Малой Ногайской орды, однако в них участвовали и отдельные мурзы «Арсланаева улуса», подданные крымского хана [14, с. 75–77]. Однако главной задачей московской дипломатии являлось обеспечение содействия Крыма в военном противостоянии с Речью Посполитой, для чего предполагалось установление союзнических отношений, закрепленных заключением очередного «докончания», – договорного акта, по которому крымский хан обязался воевать против «общего недруга». Исходя из этого хронологические рамки рассматриваемой проблемы определяются ходом военного противостояния России с Речью Посполитой. Летом 1613 г., когда постепенно разворачивается «регулярная» война с Речью Посполитой, после возвращения из Крыма миссии Пургасова в Посольском приказе начинается подготовка отправления туда посольства с целью заключения «докончания». В дальнейшем «ссылки» с Бахчисараем продолжают с нарастающей интенсивностью, причем в 1617–1618 гг. они осуществляются в условиях похода королевича Владислава на Москву. Деулинское перемирие знаменует собой конец открытой военной конфронтации России и Речи Посполитой, после чего, как отмечает Д.В. Лисейцев, «союз с Крымом перестал быть для Московского государства насущной потребностью» [11, с. 279]. Однако и после завершения открытых военных действий высокая интенсивность обмена дипломатическими миссиями между Москвой и Бахчисараем сохраняется на протяжении всего 1619 г. и снижается только к 1620–1621 гг.

Значение установления «ссылок» с Крымским ханством для хода внешне-дипломатического противостояния России с Речью Посполитой и Швецией на завершающем этапе Смуты отмечалась еще в дореволюционной отечественной историографии. Вместе с тем эта проблема практически не исследовалась. Помимо общей констатации установления союзных либо близких к союзным отношений с Крымом после 1613 г. не-

посредственно ход русско-крымских дипломатических «ссылок» рассматривался только в классическом труде С.М. Соловьева «История России с древнейших времен». Исключением является работа А.А. Сергеева, рассматривающая начало восстановления обмена дипломатическими миссиями с Крымом в 1613 г. [15, с. 7–19].

В советской историографии изучение проблем русско-крымских отношений получило дальнейшее развитие. Действиям московской дипломатии «на крымском направлении» после 1613 г., как известно был посвящен значительный раздел фундаментального труда А.А. Новосельского «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века» [14, с. 82–88]. На протяжении длительного времени труд А.А. Новосельского являлся практически единственным фундаментальным исследованием, показывающим место крымской проблемы во внешней политике Москвы. Однако многие оценки А.А. Новосельского взаимоотношений Москвы и Крымского ханства нуждаются в серьезной корректировке, что показано в ряде работ современных исследователей «внешнеполитической истории» Смуты, в первую очередь, Д.В. Лисейцева [11, с. 238–282, 12, с. 422–423, 13, с. 69–77].

Следует отметить, что помимо работ Д.В. Лисейцева к истории отношений Крымского ханства и Российского государства в период Смуты практически никто не обращался. Впрочем, следует признать, что дипломатическая история Смуты вплоть до настоящего времени, к сожалению, не разработана в отечественной историографии в полной мере [4, с. 40].

Д.В. Лисейцев реконструировал обмен посольскими миссиями между Москвой и Бахчисараем за весь период Смуты (с 1604 по 1619 г.) в рамках обшего обзора деятельности Посольского приказа за этот период [10, с. 327–342]. Большое значение имеет проведенный Д.В. Лисейцевым анализ сохранившихся материалов 123 фонда РГАДА «Сношения России с Крымом». Из выявленных Д.В. Лисейцевым столбцов 123 фонда по периоду 1613–1618 гг. сохранилось 6 дел, из общего количества (51 дело, начиная с 1604 г.) [11, с. 243]. Сохранность документации различная. Так в столбцах за 1613 г. полностью утрачены все материалы посланников В. Пургасова и Д. Радцева, но сохранились документация посольства А. Лодыженского и П. Данилова. Практически полностью сохранилась документация по проведению посольского съезда под Ливнами и по пребыванию в Крыму в 1614–1615 гг. посольства князя Г.К. Волконского, однако утрачена значительная часть документации следующего посольства И. Спешнева.

Возобновление обмена дипломатическими миссиями между Москвой и Бахчисараем произошло уже в течении 1613 г. При этом дипломатические связи Москвы с Портой к этому времени еще только восстанавливались [17, с. 4–5]. Как отметил Б.Н. Флоря, «крымская знать раньше, чем османские политики, поняла, что события 1612 г. в России означают восстановление Русского государства и возобновление традиционного для Восточной Европы конфликта, и вернулась к своей тактике поддержки более слабой стороны» [20, с. 59]. Следует отметить, что обе стороны были достаточно подготовлены к возобновлению дипломатических «ссылок». Москва располагала «кадрами» Посольского приказа, прежде

всего «самой многочисленной категорией служащих Посольского приказа» – служилых татар и новокрещенцов [10, с. 319], а также значительным количеством опытных дьяков, задействованных в «ссылках» с Крымом при царях Василии Шуйском и Борисе Годунове. В составе государства двора царя Михаила Федоровича оказались опытные дипломаты, непосредственно совершавшие дипломатические миссии в Крым: князь Григорий Константинович Волконский, успешно исполнивший посольство в Крым в 1601–1602 гг., и Амброзий Лодыженский – посольство в 1598 г. Именно они исполнили основные посольские миссии в Крым – А. Лодыженский в 1613–1614 гг. и 1617–1620 гг., князь Г.К. Волконский в 1614–1615 гг. Успех обоих посольств в значительной степени объяснялся большим опытом послов, прежде всего в переговорах с «ближними царевыми людьми» – лицами из состава крымской знати, входившими в состав ханского «дивана» (думы).

В Крыму по-прежнему пользовался влиянием клан наследственных московских «амиатов» Яшлавских [2, с. 26–73, 3, с. 25–41, 14, с. 19–20]. Его с 1591 г. возглавлял престарелый Ахмед-паша Яшлавский «князь Сулешев», «ближний человек» четырех крымских ханов: Гази-Гирея II (1588–1596, 1597–1607), Тохтамыш-Гирея (1607–1608), Селамет-Гирея (1608–1610) и, наконец, Джанибек-Гирея (1610–1623). Ахмед-паша проводил два посольских съезда и размена под Ливнами в ноябре 1593 г. и под Царевом Борисовым в мае 1602 г. Оба посольства, которые он сопровождал в Крым, – князя М.А. Щербатова и князя Г.К. Волконского добились принесения шерти (клятвы) ханом Гази-Гиреем II при заключении «докончаний». Сам Ахмед-паша шертовал в ноябре 1593 г. под Ливнами, обязуясь содействовать в организации «ссылок» Москвы и Крыма. Участвовал Ахмед-паша и в переговорах с князьями Б.М. Лыковым и И.М. Воротыньским при царе Василии Шуйском в июле 1609 г. на реке Оке, сопровождая татарские силы во главе с Богатыр-Гиреем «Дивеевым» [11, с. 265]. Ахмед-паша уже в 1613 г. взял под контроль все «ссылки» с Москвой. Он вместе с представителями своего клана провел посольский съезд и размен под Ливнами в августе 1614 г., когда в Москву вернулось посольство А. Лодыженского, а в Крым отправилось посольство князя Г.К. Волконского. Во время посольского съезда Ахмед-паша вновь принес шерть, возобновляя свои обязательства в осуществлении «ссылок» между двумя государствами [9, с. 11–12]. Ахмед-паша явился инициатором проведения дальнейших посольских съездов и разменов у крепости Волуйки. В 1616 г. Ахмед-паша скончался и ему наследовал его брат Ибрагим-паша, в 1593 г. отпущенный из московского плена, куда он угодил в «смутные времена» борьбы за бахчисарайский престол между Ислам-Гиреем II и Сеадет-Гиреем II в 1580-х гг. Укрепление наследственного «амитства» Яшлавских наряду с положительными последствиями в организации «ссылок» между Москвой и Крымом несло с собой и вероятность конфликтов: Ахмед-паша жестко требовал увеличения количества «жалования» ему и его многочисленным родственникам.

Попытки московской дипломатии использовать для давления на Ахмед-пашу факт нахождения в составе двора царя Михаила Федоровича

его племянников – сыновей оставшегося «на Москве» его брата, посла хана Мухаммед-Гирея II к Ивану Грозному Янши-мурзы Яшлавского во главе со знаменитым воеводой князем Юрием Яншеевичем Сулешевым не достигли успеха [1, с. 145–146].

Неоднозначными оказались и контакты московских дипломатов с бежавшими в Крым в разгар Смуты князьями Петром и Александром Араслановичами Урусовыми (Урак-мурзой и Зурбек-мурзой) [19, с. 337]. Братья, пользовавшиеся влиянием при дворе хана Джанибек-Гирея, не уклонялись от контактов с московскими дипломатами, но отстаивали свои интересы, а также интересы своих союзников из крымской знати.

Отношения Российского государства и Крымского ханства с 1613 по 1618 г. следует рассматривать прежде всего в контексте общей ситуации в Восточной Европе, сложившейся после восстановления Российской государственности. Прежде всего это затяжной характер продолжавшейся военно-политической конфронтации Москвы с Речью Посполитой. Оптимистичная оценка положения на театре военных действий, содержащаяся в инструкциях московским дипломатам, направляющимся в Крым в 1613 г., в значительной степени действительно опиралась на реальное положение, сложившееся с началом в сентябре 1613 г. блокады Смоленска [16, с. 35–36].

Помимо относительно устойчивого положения на театре военных действий укреплению позиций московской дипломатии в «ссылках» с Крымом в 1613–1614 гг. содействовал переход под контроль правительства Михаила Федоровича Астрахани. Следует отметить, что водворение в Астрахани Марины Мнишек с ее «воренком» рассматривалась в Крыму в контексте тесных связей с бием Большой Ногайской Орды Иштереком, чья самостоятельная активность вызывала серьезные опасения в Бахчисарае. Союз Иштерека с «астраханскими сидельцами», осуществлявшийся И.М. Заруцким, сулил хану Джанибек-Гирею непредсказуемые последствия [14, с. 90–94, 18, с. 396–398].

В дальнейшем враждебное отношение к Иштереку, вплоть до предложений начать против него совместные военные действия, было одной из главных черт крымской дипломатии при «ссылках» с Москвой [11, с. 275, 14, с. 94]. Послу князю Г.К. Волконскому было передано одобренное ханом Джанибек-Гиреем «челобитие» братьев князей Урусовых содействовать свержению Иштерека и замене его в качестве бия их отцом Джан-Арсланом. В дальнейшем у хана возник план замены Иштерека самим князем Петром Урусовым [14, с. 94]. Оба плана в Москве были отвергнуты.

Посольству князя Г.К. Волонского удалось в 1614–1615 гг. прийти к взаимопониманию с ханом Джанибек-Гиреем и с наиболее влиятельными кланами крымской знати по основным вопросам: необходимости военного союза против Речи Посполитой и признанием со стороны Крыма принадлежности к Русскому государству всех территорий Нижнего и Среднего Поволжья. Кроме того крымская сторона не препятствовала восстановлению русских крепостей, непосредственно примыкавших к крымским кочевьям, которые были возведены при Борисе Годунове. Это объяснялось прежде всего и необходимостью использовать их как опорные пунк-

ты при осуществления посольских разменов, которые сопровождались доставкой в Крым значительного количества «казны».

Однако уже в 1613–1615 гг. обозначаются серьезные проблемы, затруднявшие установление полноценного военного союза Российского государства с Крымским ханством. К ним относились, прежде всего, требование крымской стороны обусловить заключение союзного договора с четко зафиксированным обязательством царя Михаила Федоровича о выплате «казны», включавшей, помимо традиционных «поминок», т. н. «запросные деньги» в Крым при каждом посольском размене («запросные деньги» с 1590-х гг. должны были отправляться в Крым наряду с «поминками») и отказ от четко зафиксированных обязательств крымской стороны совершать ежегодные нападения на территорию Речи Посполитой.

Все это привело к фактическому отказу крымской стороны от заключения полноценного договора с посольством князя Г.К. Волконского подобно тому, как это произошло в правление царя Федора Ивановича в апреле 1594 г. (посольство князя М.А. Щербатова) и в правление Бориса Федоровича Годунова в 1602 г. (посольство того же князя Г.К. Волконского). Хотя хан Джанибек-Гирей и шертвал на разработанном в Москве тексте «докончания», он не был вручен послам. Вместо этого с крымским послом в Москву был отправлен другой текст договора [9, № 34, с. 12–15]. Это было предварительное соглашение, ввод в действие которого обуславливался присылкой «поминок» и «запросных денег», сумма которых определялась в 10 тысяч рублей при каждом посольском размене.

Трудности переговоров русских дипломатических представителей в Крыму этого периода усугубляются традиционными для московской дипломатии сложностями в отношениях с политической элитой Крымского ханства, прежде всего с родом наследственных (с точки зрения крымских ханов) «амиатов» московских государей беков Яшлавских, которые касались их материальных претензий. Так конфликт посла князя Г.К. Волконского с Ахмед-пашой Яшлавским существенно усложнил ход посольского размена под Валуйками летом 1615 г. Проблема заключалась в том, что Ахмед-паша не только требовал исполнения московской стороной обязательств по выплате т. н. «разменного жалования», но и отказался выделить для обеспечения безопасности посольского размена т. н. «провожатых».

Тем не менее период отношений Российского государства и Крымского ханства 1613–1615 может в целом характеризоваться установлением между ними отношений близких к союзным. Польско-литовская дипломатия четко уловила эту тенденцию, что проявилось уже в ходе посольского съезда под Смоленском в ноябре–декабре 1615 г.

Период 1615–1616 гг. характеризовался усилиями московской дипломатии по закреплению союзнических отношений с Крымом. Это явилось главной целью посольств И. Спешнева и Ф. Челюскина в 1615–1617 гг.

Первая половина 1615 г. действительно ознаменовалась серьезными нападениями крымцев на территорию Речи Посполитой. Ситуация в отношениях Москвы и Бахчисарая существенно изменилась после вступ-

ления Крыма по приказу Порты в войну с сефевидским Ираном. Война оказалась тяжелым испытанием для хана Джанибек-Гирея и потребовала привлечения «крупных татарских сил» [6, с. 397, 14 с. 99]. Это привело к снижению набеговой активности Крыма на Речь Посполитую. Частичное снижение крымской угрозы повлияло на позицию правящих кругов Речи Посполитой в плане принятия решения об организации похода королевича Владислава на Россию в июне 1616 г.

Третий период «ссылок» Москвы и Бахчисарая осуществлялся в условиях похода королевича Владислава на Россию 1617–1618 гг.

Главной задачей русской дипломатии этого периода было стимулировать хана Джанибек-Гирея к организации крупноформатных нападений на территорию Речи Посполитой, как это имело место в 1615 г. Эта задача была поставлена перед повторно отправленным в Крым послом А. Лодыженским и была им частично выполнена.

Усиление крымских нападений на польские земли отмечается с середины 1617 г., но это не привело к изменению ситуации на театре военных действий в России.

Тем не менее крымское нападение на южные области Речи Посполитой в апреле 1618 г. отчасти повлияло на ход переговоров в ставке королевича в Вязме послов И.Г. Кондырева и подъячего Ф. Степанова. В инструкциях к комиссарам, находившимся при Владиславе, король Сигизмунд III не исключал дальнейших переговоров, учитывая при этом невозможность водворения сына на московском престоле [4, с. 60]. Однако военно-политическая ситуация изменилась с началом похода гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного. В историографии отмечается, что направление похода в значительной степени было связано с уничтожением крепостей на южных рубежах, обеспечивавших «ссылки» с Крымом [8, с. 211–212; 11, с. 276–277].

В июне 1618 г. в условиях, когда ситуация на театре военных действий приобретала угрожающий характер, в Крым было отправлено посольство Степана Хрущева. Предполагалось, что оно должно было сменить посольство Амброзия Лодыженского. С ним отпускались гонцы во главе с Шебаном-агой и Резваном мустафой. Предполагалось провести очередной посольский размен. Крымская сторона подтвердила свое согласие, о чем Посольский приказ был извещен прибывшим в июле 1618 г. гонцом Ибрагимом-мурзой. Однако организовать посольский размен в условиях военных действий не представлялось возможным. Вместо движения на Ливны традиционной «посольской дорожкой» посольство вынуждено было двигаться запасным маршрутом на Елец, где в начале июля было захвачено запорожцами Сагайдачного. Крымское посольство было уничтожено, Рамазан-Мустафа попал в плен, Шебан-ага убит. Захваченные русские дипломаты были доставлены в лагерь королевича.

Однако двигающееся навстречу отправляемой из Москвы миссии крымское посольство во главе с Мустафой-мурзой сумело в августе 1618 г. благополучно достигнуть Тулы. Ввиду разворачивавшихся в окрестностях Москвы военных действий крымское посольство оставалось в Туле и добралось до Москвы только в январе 1619 г. Срыв посольского разме-

на с утратой отправляемой в Крым «казны» был максимально использован руководством Посольского приказа для разжигания в Крыму курса на конфронтацию с Речью Посполитой. С этой целью в Крым в августе 1618 г. был послан служилый татарин Айгилдей Бинюков – последний гонец в Крым, отправленный до начала осады Москвы войсками королеви́ча Владислава

Таким образом московская дипломатия сделала максимум возможного для установления союзнических отношений с Крымским ханством в исключительно тяжелых условиях. Реализация союзнических отношений в полном объеме оказалась затрудненной в связи с изменениями в системе межгосударственных отношений, прежде всего участием Крыма в войне Порты против сефевидского Ирана. Необходимо также учитывать, что союзником Ирана являлся главный противник хана Джанибек-Гирея, претендент на крымский престол Шагин-Гирей. Однако в целом после 1613 г. Крымское ханство выступало как союзник Российского государства, а его политика «носила ярко выраженную антипольскую направленность» [11, с. 278].

1. *Беляков А.В.* Крымские выходы в России: служба и правовой статус // Золотоордынское обозрение. 2016. №1.
2. *Виноградов А.В.* Род Сулейша во внешней политике Крымского ханства второй половины XVI в. // Тюркологический сборник 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М., 2006.
3. *Виноградов А.В.* Состав политической элиты Крымского ханства в 1560-х – 1590-х гг. по материалам русской и польско-литовской посольской документации // Восток (ORIENTIS). 2016. № 5.
4. *Виноградов А.В.* К вопросу о месте «Смуты» в военно-дипломатической конфронтации Русского государства и Речи Посполитой на рубеже XVI–XVII столетий // Смутное время: итоги и уроки. Материалы III Всероссийской научной конференции. Иваново, 2016.
5. Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1.
6. *Зайцев И.В.* Политическая история Крымского ханства в XVI–XVII вв. // История Крыма. М., 2017. Т. 1.
7. *Кобзарева Е.И.* Смута. Иностранная интервенция и их последствия (конец XVI – первая половина XVII в.) // История внешней политики России. Конец XV –XVII в. М., 1999.
8. *Курбатов О.А.* Военная история русской Смуты начала XVII века. М., 2014.
9. *Лаииков Ф.Ф.* Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI–XVII вв., хранящиеся в Московском Главном архиве Министерства иностранных дел // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1890. Т. X.
10. *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003.
11. *Лисейцев Д.В.* Русско-крымские дипломатические контакты в начале XVII столетия // Тюркологический сборник 2005. М., 2006.
12. *Лисейцев Д.В.* Русско-крымские отношения в Смутное время // История Крыма. М., 2017. Т. 1.
13. *Лисейцев Д.В.* Северное Причерноморье в период Смуты в России в начале XVII в. // История Новороссии / Отв. ред. В.Н. Захаров. М., 2018.
14. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948.
15. *Сергеев А.А.* Посольство Амвросия Лодыженского и подъячего Петра Данилова в Крым в 1613 году (К 300-летию юбилею Царствующего Дома Романовых) // Известия Таврической Архивной Ученой Комиссии. Симфе-

- рополь, 1913. Т. 50.
16. *Сергеев А.А.* Наказ, данный отправленным в Крым посланникам Амбросию Лодыженскому и подъячему Петру Данилову, с объявлением об избрании на Российское царство государя Михаила Федоровича. С отписками их и статейным списком бытности их в Крыму // *Известия Таврической Архивной Ученой Комиссии. Симферополь, 1913. Т. 50.*
 17. *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. М.; Л., 1946. Т. 2.
 18. *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2001.
 19. *Трепавлов В.В.* Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // *Тюркологический сборник – 2002. М., 2003.*
 20. *Флоря Б.Н.* Османская империя, Крым и страны Восточной Европы в конце XVI – начале XVII в. // *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 1998. Ч. 1.*

А.С. Лавров¹

Сколько пленников из Московского государства находилось в Крымском ханстве в XVII веке?

Крымское ханство; пленники; выкуп; XVII в.

Статья посвящена сопоставлению османских и русских источников о численности невольников из Московского государства в Крымском ханстве в XVII в. Ставя под сомнение сообщение османского путешественника Эвлии Челеби о сотнях тысяч невольников, автор полагает, что численность невольников не должна была существенно превышать численность крымского войска. Интересное свидетельство, относящееся к 1666 г., позволяет оценить общую численность рабов в ханстве в 30 тысяч. К 1690-м гг. численность зависимого населения возрастает – крымские дипломаты на переговорах с московскими оценивали общую численность рабов «пленников московского и казачьего народа» в 100 тыс. (понятно, что сюда не попали рабы с Северного Кавказа).

Вопрос, вынесенный в заголовок этой статьи, интересовал многих исследователей, занимавшихся историей Московского государства и Крымского ханства. После депортации крымских татар в 1944 г., когда история Крыма стала в очередной раз переписываться заново, этот вопрос приобрел новое измерение: численность невольников стала и аргументом в вопросе об автохтонности и удельном весе восточнославянского населения полуострова.

К числу наиболее высоких оценок принадлежат данные османского путешественника Эвлии Челеби, посетившего Крымское ханство. Согласно Челеби, в Крыму одновременно находилось более миллиона «казацких» пленников. «Ибо в самом Крыму находится около четырехкратно по сто тысяч пленников казацких, четырехкратно по сто тысяч жен этих казаков и троекратно по сто тысяч так называемых „кония“, или же малых юношей и девушек казацких» [1, с. 105]².

¹ Лавров Александр Сергеевич, Университет Сорбонна (Франция, Париж), д.и.н., проф., allavrov@yahoo.com.

² Большую трудность представляет терминология османских источников. Упоминания о «казацких пленниках» можно расшифровывать по-разному. Скорее всего, автор имел в виду тех, кто был угнан из гетманской Украины и с земель Речи Посполитой (в таком случае, большинство этих «казацких пленников» составляли

Казалось бы, подобное сообщение следовало бы отнести к области поэтического преувеличения. Тем не менее, абсолютно интересен тот контекст, в котором Челеби сообщает эти данные. Согласно Челеби, ханство может выставить «сто и еще двадцать шесть тысяч» воинов. Но на войну могут идти сорок или восемьдесят тысяч, так как остальные должны оставаться в Крыму и стеречь пленников.

Представляется, что логика Челеби совершенно верна: общая численность пленников в Крыму находится в какой-то связи с численностью двух частей крымского войска, одна из которых оставалась на полуострове, а другая – отправлялась в поход. Данные о последней обобщены Брайаном Дэвисом. Если в XVI в. в набегах на польско-литовские земли принимало участие до 10–20 тыс. всадников, то к 30-м гг. XVII в. общая численность татарских отрядов, действовавших на Украине, доходила до 80 тыс. На помощь османской армии в 1621 г. Джанибек-Гирей смог привести к Хотину 50 тыс. всадников [4, р. 18]. Таким образом, эти данные могут позволить предположить если не численность, то порядок (несколько десятков тысяч), которому могла соответствовать численность войск, оставшихся в Крыму, и численность невольников, способных при случае воспользоваться оружием для своего освобождения.

В источниках из делопроизводства Посольского приказа находятся гораздо более точные указания на численность пленников. К их числу относятся и сообщения информаторов Посольского приказа, относящиеся к 1666 г. В этом году хан Адил-Гирей попытался собрать по пять ефимков с полоняников, находившихся в частном владении. Эта попытка вызвала такое негодование, что мурза Имит Ширинский призвал татар к неповиновению и призвал их собраться в Старом Карасу, чтобы идти на Бахчисарай. Согласно сообщению толмача Полуекта Кучумова, «черные люди с невольников по 5-ти ефимков платили, а у кого де ефимков не было, и с тех имел хан по невольнику, а иных невольников на те ефимки покупал» [2, с. 82]³.

украинцы). Впоследствии крымские дипломаты предпочитали говорить и о пленниках «казацкого и московского народа». Отметим, что ни в ту, ни в другую группу не попадают невольники с Северного Кавказа – наиболее бесправная категория невольников, интересы которой не защищали дипломаты. Таким образом, оценки Эвлии Челеби, какими преувеличенными они ни были бы, не позволяют восстановить общую численность невольников на полуострове.

³ Самым трудным вопросом оказывается здесь вопрос о том, сколько ефимков (иоакимсталеров) стоил один невольник. Историк допетровской России сразу же вспоминает о денежной реформе Алексея Михайловича, в которую заложена была эквивалентность талера и ефимка. Затем можно было бы пересчитать по этому курсу цены выкупов, которые платились в 1660-е гг за пленников из Московского государства. Однако ничто не свидетельствует в пользу того, что в Бахчисарае был тот же курс ефимка, что и в Москве. Поэтому мы предпочитаем отрывочные сведения о тех выкупных операциях, которые были обчитаны в ефимках. Так, в 1650 г. полковому казаку потребовалось в долг 120 ефимков для того, чтобы выкупиться из плена. В 1701 г. для выкупа из плена понадобилось либо 108, либо 150 ефимков (РГАДА. Ф. 210, Разрядный приказ. Столбцы Белогородского стола. № 264. Л. 41; Столбцы Приказного стола. № 2375. Л. 177). Но выкупающийся из плена платил столько, сколько с него требовали, в то время как крымский хан платил за невольников скорее столько, сколько хотел. Именно поэтому мне пред-

Последнее сообщение настолько важно, что здесь приходится даже прервать цитату из источника. Ясно, что последняя мера – замена денежного побора реквизицией одного из невольников – вряд ли была задумана так, чтобы она была убыточной для ханской казны. То есть, принимаемая средняя цена полоняника в 100 ефимков, мы должны предположить, что эта мера вряд ли должна была огорчить рабовладельцев, имеющих 20 и более полоняников, потому что в таком случае один реквизируемый невольник (ценой в сто ефимков) не возмещал бы суммы неуплаченного налога, составляющего более ста ефимков. Это значит, что невольников отбирали, скорее всего, у мелких рабовладельцев, владевших менее, чем двадцатью полоняниками, у которых совершенно не было денег, что и вызывало у них понятное негодование – получалось, что с них брали столько же, сколько с их более состоятельных коллег, а то и больше.

Но вернемся к нашему источнику. Согласно тому же Полуекту Кучумову, «и собрал де крымский хан невольников, а иных покупил, с полторы тысячи человек, и послал их к турецкому султану в подарках за то, что ево учинил на Крымском юрте»⁴.

Понятно, что в реальности несостоятельная часть рабовладельцев рассталась с одним из своих невольников, а состоятельная заплатила. Но, поскольку определить, сколько было первых и сколько вторых, не представляется возможным, предположим, что искомый результат лежит между двумя границами. В первом случае (теоретически) все рабовладельцы оказались в таком сложном положении, что им пришлось отдать по одному рабу вместо налога. В таком случае получаем, что 1500 (количество отосланных в Стамбул рабов) надо помножить на 20 (верхняя граница, за которой реквизиция одного раба оказывалась невыгодной для хана). Получим 30 тыс. невольников. Теперь предположим, что все крымские татары оказались состоятельными плательщиками и внесли по пять ефимков, то есть что хану пришлось купить все полторы тысячи отосланных пленников на рынке. Тогда 1500 надо умножить на 100 (стоимость одного невольника в ефимках), потом поделив на пять. Снова получаем 30 тыс. невольников, то есть уже имеющийся результат. Понятно, что это какой-то минимум, которого никогда на практике не было⁵. Верны ли наши рассуждения?

Представляется, что не ставя под сомнения сам характер рассуждений, их можно скорректировать. Во-первых, взимание пятиефимкового сбора не могло коснуться домена самих Гиреев и, возможно, какой-то части его приближенных. Во-вторых, утайка могла быть достаточно весомой. Наконец, и это самое важное, мы взяли в качестве отправной точки цену самовыкупа. Именно понижение цены, за которую хан приобрел полуто-

ставляется возможным определить цену по нижнему порогу как 100 ефимков.

⁴ Интересно, что сообщение Полуекта Кучумова подтверждается Эвлией Челеби, который также упоминает введение Адил-Гиреем этого чрезвычайного сбора, после которого некоторые владельцы вынуждены были уступать своих невольников за одну золотую монету [6, р. 15].

⁵ Интересно, что эта цифра не так далека от данных других источников. Согласно письму польских пленников из Бахчисарая, написанному в 1660 г., в Крыму было до 40 тыс. польских пленных [5, р. 115].

ратысячную партию, и может повысить численность несвободного населения полуострова.

Следующие данные получены были российскими дипломатами уже в конце XVII в. Согласно статейному списку Василия Айтемирова, Алиш-Ага, приближенный хана, в очередной раз отвергнув предложенный российскими дипломатами обмен «всех на всех», заявил, что «пленников московского и казацкого народа» в ханстве «с сто тысяч человек и больше». Именно поэтому крымская сторона не видела никакого резона в том, чтобы менять их всех на две-три тысячи пленных, которыми могла похвастаться российская сторона [3, с. 21]. Интересно, что последняя цифра не так далека от той, которую называют для начала XVIII в. французские иезуиты, миссия которых действовала в Крыму. Согласно их данным, после эпидемий, от которых погибло до 40 тыс. невольников, численность несвободного населения Крыма упала до 15–20 тыс. (в результате получаем около 60 тыс. до начала эпидемии) [7, р. 414–458, ісi р. 420].

Если ход наших рассуждений корректен, то получается, что численность пленных, составлявшая к 1660-м гг. около 30 тыс. (без пленников, принадлежавших представителям династии Гиреев) или 40 тыс. (только пленники из Речи Посполитой, без пленников из Московского государства), поднимается к 1690-м гг. до 100 тыс., чтобы упасть к началу XVIII в. до 55–60 тыс.? Совершенно ясно, что численность несвободного населения в Крыму являлась равнодействующей нескольких показателей – общего количества угнанных с Северного Кавказа, из Речи Посполитой, с гетманской Украины и из Московского государства, количества тех, кого продали в рабство в Османскую империю, и количества тех, кто стал жертвой эпидемий. Все источники единодушны в том, что пиком угонов была середина XVII в. Значит ли это, что угнанные в середине XVII в. в значительной мере продавались «за море», а угнанные в конце века – оставались на полуострове, и с какими изменениями в экономике Крымского ханства это могло быть связано?

1. Книга путешествий Эвлии Челеби. Походы с татарами и путешествия во Крыму (1641–1667 гг.), Симферополь, 1996.
2. Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма, Москва, 1994.
3. Список со статейного списка подьячего Василия Айтемирова, посланного в Крым с предложением мирных договоров, сообщено и снабжено предисловием А.И. Маркевичем // Записки императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1895. Т. XVIII.
4. Davis B.L. Warfare, State and Society on the Black Sea Steppe, 1500–1700. London, 2007.
5. Kizilov M. Reports of Dominican Missionaries as a Source of Information about the Slave Trade in the Ottoman and Tatar Crimea in the 1660s // Osmanlı Devletinde Kölelik: Ticaret–Esaret–Yaşam / Eds. Zübeyde Güneş Yağcı, Fırat Yaşa, and Dilek İnan. Istanbul, 2017.
6. Kizilov M. Slaves, Money Lenders, and Prisoner Guards: The Jews and the Trade in Slaves and Captives in the Crimean Khanate // Journal of Jewish Studies. Vol. LVIII. 2007. № 2.

7. *Veinstein G. Missionnaires jésuites et agents français en Crimée au début du XVIIIe siècle // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 10. 1969. № 3–4.*

К.А. Кочегаров¹

К истории русско-крымских мирных переговоров 1679–1680 гг. Неудачное посольство в Крым дьяка Василия Михайлова и дворянина Ивана Сухотина

Русско-крымские отношения; внешняя политика России XVII в.; русско-турецкая война 1672–1681 гг.; Бахчисарайское перемирие 1681 г.

Переговоры о мире, которые Россия вела в 1679–1681 гг. с Крымским ханством, вассалом Османской империи, оказались крайне тяжелыми в виду ряда объективных и субъективных обстоятельств. К последним стоит отнести отправление в ханство неопытных дипломатов И. Сухотина и В. Михайлова, которые не только не смогли грамотно провести переговоры, но и вступили в острый конфликт друг с другом.

В истории русско-крымских и русско-османских мирных переговоров 1679–1682 гг., подводивших черту под русско-турецкой войной 1672–1681 гг. внимание историков фокусируется как правило на деталях последней (третьей по счету), успешной в целом миссии стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова в Крым, в первую очередь благодаря публикации статейного списка посольства, осуществленной Н. Мурзакевичем в «Записках Одесского общества истории и древностей» [1]. Первому посольству стольника Б.А. Пазухина и дьяка Г. Долгово, которое было разгромлено разбойниками из числа украинских казаков и не доехало до Крыма, посвящено небольшое исследование Н.И. Веселовского, который, впрочем, сосредоточился на деталях посольского быта и производившегося по результатам нападения розыска, оставляя в стороне цели самой миссии [2]. О втором посольстве дворянина И. Сухотина и дьяка В. Михайлова писал лишь А.П. Барсуков в рамках фундаментального труда по истории рода Шереметевых. Он посвятил свое внимание судьбе находившегося в плену В.Б. Шереметева, нежели русско-крымским отношениям, хотя и привел немало ценных подробностей [3, с. 371–380]. Между тем история миссии Сухотина и Михайлова представляет интерес не только с точки зрения формирования русской дипломатической программы в отношении Крымского ханства и Османской империи в указанные годы, но и для изучения функционирования русских посольских институтов в раннее Новое время. Именно потому, что миссия оказалась неудачной, ее история проливает свет на некоторые девиантные черты отечественных дипломатических практик, которые, как правило, не получали отражение в официальных реляциях большинства посольств.

Второе посольство в Крым было снаряжено после получения в Москве сведений о разгроме предыдущего посольского каравана. По всей видимости, под впечатлением произошедшего желающих принять на себя хлопотные обязанности не находилось и вести столь сложные перегово-

¹ Кочегаров Кирилл Александрович, Институт славяноведения РАН (РФ, Москва), к.и.н., kirill-kochegarow@yandex.ru.

ры были назначены не имевшие дипломатического опыта дворянин Иван Сухотин и дьяк Василий Михайлов. Первому при этом указали выдать все государево жалованье за поездку «вместо соболей денгами, а иным то не во образец, для того, что он от той службы не отбивался и едет с радостию»². Впрочем, прознавший об этом В. Михайлов тоже подал аналогичную челобитную. Хотя она и была удовлетворена³, не исключено, что это заронило в сердце дьяка определенную ревность к коллеге, которая в полной мере проявилась уже в ходе самой миссии.

Предыдущее посольство ехало через Слободскую Украину и Запорожскую Сечь, поэтому маршрут новой миссии в Крым решено было поменять. Сухотин и Михайлов должны были двинуться в Бахчисарай по Дону через Азов. При этом в Москве опасались, что донские казаки могут не пропустить русских дипломатов, не желая, чтобы они видели расположение казачьих городков⁴. В итоге опасения новых инцидентов на днепровском пути перевесили и посольство двинулось в путь донско-азовским маршрутом⁵.

При подготовке наказа для Сухотина и Михайлова в правительстве развернулись серьезные дебаты по поводу его территориальных условий, в том числе и в связи с тем, что для предыдущего посольства было подготовлено две версии инструкций. Первая была отозвана после просьб украинского гетмана Ивана Самойловича, и заменена другой, в которой территориальные претензии русской стороны касательно Правобережной Украины были значительно расширены. 7 сентября глава Стрелецкого приказа и один из наиболее влиятельных сановников при дворе Федора Алексеевича, князь Ю.А. Долгорукий докладывал о ситуации правительству в церкви св. великомученицы Евдокии (одна из домовых церквей Теремного дворца в Кремле). В результате царь приказал, а комнатные бояре приговорили, чтобы Ивану Сухотину говорить «о рубежах, как в последнем шертном письме», направленном Пазухину. И лишь если крымские татары будут «стоять накрепко», требуя, чтобы «положить рубежи знатные блиско Днепра», и отпускать посольство «без дела», Сухотину и Михайлову следовало вернуться к первому варианту наказа, который будет с ними послан в зашифрованном виде⁶.

«Тайный наказ» о рубежах (часть официально принятого главного наказа) послан самолично вручил глава Посольского приказа Ларион Иванов. В нем предусматривалось три варианта прохождения границы: 1) «Пристойно быть рубежу так как истари бывало по реку Днестр и как казацкие поселения искони были»; 2) «По Бог-реку, где казацкие поселения истари бывали»; 3) «за Днепром на Киевской стороне от верховья реки Рось вниз ею до реки Днепра и вниз Днепра правою стороною по реку Ирдень, которая течет к реке Тясме, и рекою Тясмою до Днепра, а Днепром вниз казацкими городами до Сечи», включая и саму Сечь; при

² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 60. Л. 116–116 об.

³ Там же. Л. 117–117 об., 129.

⁴ Там же. Л. 127–128.

⁵ Там же. Л. 130–140.

⁶ Там же. Л. 205 об.–207 об.

этом земли между Бугом и Днестром предполагалось превратить в буферную незаселенную зону.

Именно второй вариант прохождения границы считался основным. При нем послам требовалось «стоять накрепко, сколько Господь Бог помощи подаст». Третий же вариант считался крайним, более обозначенных в нем границ послам уступать категорически запрещалось, а в случае отказа от них крымской стороны Сухотин и Михайлов должны были прервать переговоры⁷.

На этом работа над комплексом инструкций посольства не закончилась. 14 ноября 1679 г. последовал царский указ, на основе которого для Сухотина и Михайлова было подготовлено новое «тайное письмо». Посланники должны были, «буде дойдет до прямова дела и мочно учинить мир с ханом и за салтана турецкого и тем людем, которые в том деле силны, и которыми людми чаять мочно мир зделать, посулить им кому что пристойно на тысячу рублев, а те ефимки или золотые с общаго совету занять у греков или у армян и дать на себя в том крепости»⁸.

По тому же указу к переговорам решено было подключить и гетмана Самойловича. В Крым должен был выехать подьячий, который следуя через Батурун, должен был добиться, чтобы казачий вождь послал с ним в ханство «знатного человека». Вместе с гетманским посланцем они должны были действовать совместно, поступая «разумно, применяясь к тамошнему делу, чтоб к миру привести»⁹. Данный шаг играл не только важное символическое, но и содержательное значение. Допуская представителя гетмана к переговорам с Крымом, русская сторона стремилась продемонстрировать Батуруну свою готовность к тесному сотрудничеству в тех вопросах, которые непосредственно касались интересов Гетманщины.

Указанным подьячим стал Леонтий Григорьев (Григоров), который повез в Крым новую, уже третью редакцию наказа из 17 статей. Основным ее отличием от предыдущих версий стало включение в текст положений о возможностях подкупа крымских и османских представителей в зависимости от сделанных ими уступок. Предлагать их стоило «разумно» и «нескорыми словами». Так, если бы крымская сторона согласилась уступить земли до Днестра, хану и его окружению полагалось 30 тыс. «золотых червонных», османскому султану и визирю – 20 тыс. руб. соболями, если граница между ханством и Россией прошла бы по Южному Бугу – 20 тыс. «золотых червонных» Крыму и 10 тыс. руб. соболями Порте (чтобы добиться этого варианта, русские дипломаты должны были искать «лоббистов» в ханском окружении обещая им дополнительно 5 тыс. «золотых червонных»). За третий вариант границы – по рекам Ирпень, Тясма, Рось и Ингулец хану и его советникам полагалось 10 тыс. руб., османской стороне 5 тыс. руб. соболями. В случае отказа «по последней мере» и за эту границу русское правительство готово было предложить хану 30 тыс. «золотых червонных», ближним людям хана – 5 тыс., османскому султану и визирю 20 тыс. руб. соболями. На полагавшиеся в итоге суммы сле-

⁷ Там же. Л. 208–212 об.

⁸ Там же. Л. 284–285 об.

⁹ Там же.

довало дать долговые письма, а сами послы при необходимости должны были остаться в Крыму до очередной посольской размены как гаранты их выплаты¹⁰.

Московский подьячий выехал из Москвы в Батурин 21 ноября, двинувшись оттуда на Сечь 13 декабря¹¹. Его сопровождал украинский представитель и черниговский полковой писарь Иван Ильич Скоропадский [2, с. 29].

Прибыв в Крым в середине января 1680 г., Григорьев и Скоропадский обнаружили, что посольского каравана Сухотина и Михайлова там еще нет, он прибыл спустя несколько дней (по другим данным одновременно с ними). Почти сразу же дела нового посольства не заладились. Отношения между Сухотиным и поддерживавшим его В.Б. Шереметевым, с одной стороны, и Михайловым с другой, не только не сложились, но и переросли в открытую вражду.

В частности, В.Б. Шереметев сообщал в отписках, что дьяк Василий Михайлов часто бывал пьян, что он дал взятку ближним людям хана и тем добился себе «отпуску», «покиня твои, великого государя, дела». На просьбы Шереметева не уезжать и товарища своего «не покидать» Михайлов боярина «лаял матерны». «И родителей моих, – жаловался знатный пленник царю Федору Алексеевичу, – называл ноугородцами и будто мы, холопы, твои в Новгороде бывали у ево братьи дьяков в разсылщиках». За такие оскорбления Шереметев просил выдать головой Михайлова его родственникам. По его просьбе его двоюродный брат Петр Васильевич Большой и племянник Петр Васильевич Меньшой Шереметевы били челом великому государю «в бесчестье». После соответствующего разбирательства В. Михайлова решили наказать кнутом на козлах.

Оставшийся в Крыму Сухотин медленность продвижения посольского каравана объяснял встречными ветрами и непогодой, в связи с чем лодки приходилось тянуть по берегу, сетовал, что донские казаки задержали посольство в Черкасском городке. Он заявлял, что В. Михайлов привезенные посланниками соболя «в роздачу не дает», его самого «до смерти лают» в том числе за то, что дипломат якобы «обнадежил» В.Б. Шереметева о скорой отправке его в Россию (взамен в Крыму должны были остаться сами посланники). «А на роздачу ничего не дает и в том великого государя делу учинитца какая поруха от него, а не от меня», – сокрушался Сухотин, сообщая в Москву, что его товарищ «великого государя казну, которая послана была с ними на... роздачу, увес с собою». Он жаловался, что Михайлов не только постоянно «лаял» его, но в пути вместе со своими людьми часто покидал посольский караван и «чинил многие разбои».

Более того, вернувшись в Москву 30 апреля 1680 г., Михайлов «казны... в Посольской приказ не отдал и в приказ не едет, укрываетца». В Разряд была послана память боярину М.Ю. Долгорукову «сыскать и доставить» В. Михайлова на допрос. В ходе розыска, стремясь оправдаться, Михайлов указывал на медленность продвижения посольства по вине

¹⁰ Там же. Л. 292–307.

¹¹ Там же. Л. 343, 348 об.

Сухотина, который набрал с собой множество возов с товарами (сухари, деревянная посуда и др.). Он отрещивался от всех обвинений, хотя Григорьев и Скоропадский также показывали против него. Более того, Михайлов подал в Посольский приказ фальшивый статейный список, «против которого» был «допрашиван» прибывший вместе с ним Григорьев. Подъячий свидетельствовал, что многих вещей, о которых там шла речь, на самом деле не было¹².

Помимо внутренних конфликтов, русская миссия в Бахчисарае не продемонстрировала и высоких дипломатических способностей. Гетман Самойлович, опираясь на свидетельство Скоропадского, заявлял, что Сухотин, прибыв в Крым «неразумын, о деле говорить так, как ему подобало в делех... государьских и отповеди чинити ближним хановым людем при договорах в розграничении Украйны тоебочной стороны [не смог], знатно не вытвердив себе статей... государьских, чрез Леонтья поверенных ему, и объявил оные прежде всего розговору как в себе содержатца ближнему некоему ханову человеку»¹³. Сухотин и Михайлов, уточнял позднее гетман в разговоре с прибывшему к нему стольником М.П. Головиным, «на том первом розговоре все статьи не токмо что наказано говорить, но и запасные тайные статьи объявили»¹⁴. Согласно же статейному списку В. Михайлова, на первом разговоре посланники отступились только от границы по Днестру, пытаясь отстоять рубеж по Южному Бугу, но крымская сторона упорно настаивала на Днепре, не прельщаясь ни обещаниями выплаты трехлетней «казны», ни дополнительных денежных подношений. «Ближний человек» хана заявил, что то, что царь «обещает салтанову величеству за [рубеж по] Рос реку» – 20 тыс. рублей соболями – «и салтанову де величеству за нет ничего, у него де под Чигириным в стрельбу исходило казны по 40 000 курашей на день». Хан потребовал от русских представителей нарисовать чертеж с желательным для них вариантом разграничения. Посланники плохо ориентировались в этом вопросе, поэтому план изготовили Григорьев и Скоропадский. Хан, ознакомившись с чертежом, «разгневался» на русских дипломатов, так как в нем за Россией был «написан Немиров», ставка подконтрольного османам правобережного гетмана Ю. Хмельницкого. Еще одной причиной недовольства крымской стороны стало включение в сферу русских претензий земель по р. Ингулец, «а речка де Ингулец впала в Днепр ниже Казыкермена и по той де Казыкермень стал в стороне царского величества». Хан отправил чертеж и предложение о выплате 20 тыс. руб. (крайний вариант выплат) за границу по Роси в ставку турецкого султана, что не сулило русскому посольству ничего хорошего¹⁵.

В итоге в Посольском приказе согласились с доводами гетмана, свидетельствами Григорьева и Скоропадского, констатировав, что Сухотин и Михайлов «будучи в Крыму делали многие ево государские дела не

¹² Там же. Л. 359–432, 466 об.–467. Ср.: [З, с. 373–378, 381–383].

¹³ Грамота И. Самойловича на царское имя. 20 апреля 1680 г. Батурин – РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 60. Л. 424 об.–425.

¹⁴ Статейный список М.П. Головина – Там же. Л. 532–533 об.

¹⁵ Статейный список В. Михайлова – Там же. Л. 605–611.

так как им было в ево государеве наказе написано и чинили с хановыми ближними людьми розговоры и ответы не по посолскому обычаю и не остерегательно, да они ж учинили между собою ссору и брань, и того своею ссорой сверх своих неразумных розговоров и ответов и пущее зло государским делам учинили тем, что мимо ево государева указа в разные времена отдали хановым ближним людям городам и землям и рекам... той стороны Днепра чертежи». «И тою своею глупостью и неостерегательством в государственных великих и в земских делах учинили великую поруху», – сделали вывод в Москве. Однако на тот момент никакого решения в отношении Сухотина и Михайлова вынесено не было. Хотя последний и «своровал», уехав из Крыма без царского указа, но из-за отсутствия Сухотина «очной ставки в том воровстве дать неким»¹⁶.

Посольство Сухотина и Михайлова стало свидетельством некоторого кадрового кризиса на восточном направлении русской внешней политики. После гибели Пазухина, за плечами которого была миссия в Персию [2, с. 4–5], в Посольском приказе не смогли подобрать кандидата с необходимым социальным статусом, соответствующим представительности посольства, и одновременно обладавшего хотя бы скромным дипломатическим опытом. В результате русским властям пришлось доверить ответственное дело людям, не только не обладавшим необходимыми навыками, но и рассматривавшим участие в посольстве как возможность обогатиться в ходе рискованного предприятия. И если Сухотин использовал для этого «полулегальный» способ, взяв с собой в посольство множество возов с товарами для продажи, то дьяк Михайлов и вовсе не гнушался совершать разбои под прикрытием дипломатического иммунитета и по всей видимости присвоил часть направленной в Крым государственной казны.

Неспособность посланников вести переговоры, выявившаяся на первой же встрече с крымской стороной, привела к обострению внутреннего конфликта, отчасти видимо, имевшего местнический характер. Михайлов, как это следует из слов, сказанных им Шереметеву, считал себя, выходца из дьяческого «сословия», не ниже отдельных представителей московского дворянства. Дело усугубилось и его невоздержанностью в употреблении алкоголя, что вылилось в громкие скандалы и ссоры между ним и Сухотиным, а также В.Б. Шереметевым. Но совсем уж неслыханной выходкой стал самовольный выезд Михайлова из Крыма, фальсификация статейного списка и отказ явиться в Посольский приказ для сдачи дел и остатков выделенных посольству средств.

В дипломатическом же плане посольство Сухотина и Михайлова стало тяжелым поражением русской дипломатии, негативные последствия которого были даже более серьезными по сравнению с разгромом миссии Пазухина и Долгово. В переговорах с одним из наиболее сложных контрагентов русского царя – крымским ханом, Сухотин и Михайлов допустили непростительную халатность, сразу же обнародовав все «тайные» варианты соглашения, на которые готовы были пойти в Москве, и предъявив подтверждающий предлагаемые рубежи чертеж, крайне

¹⁶ Там же. Л. 617 об.–619. Ср.: [3, с. 373–374].

осторожное обращение с которыми однозначно предписывалось дипломатическим наказом и было традиционной мерой предосторожности в переговорах с Крымом. Все это разительно оттеняет те сложные обстоятельства, в которых пришлось действовать в Крыму следующему, третьему по счету посольству В. Тяпкина и Н. Зотова.

1. Список с статейного списка великого государя его царского величества посланников: стольника и полковника и наместника переяславского Василия Михайлова сына Тяпкина, дьяка Никиты Зотова / Публ. Н. Мурзакевича // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1848. Т. 2.
2. *Веселовский Н.И.* Неудавшееся посольство в Крым стольника Бориса Андреевича Пазухина в 1679 году. Одесса, 1912.
3. *Барсуков А.П.* Род Шереметевых. СПб., 1904. Кн. 8.

М.Р. Яфарова¹

Позиция московского правительства после Чигиринского похода 1678 г. по документам Посольского приказа²

Чигиринские походы 1677–1678 гг.; русско-турецкая война; XVII в.; военная история.

В статье на материалах Посольского приказа рассматривается позиция московского правительства после Чигиринской кампании 1678 г., анализируется, как Москва видела итоги столкновения 1678 г. и какие меры предлагала для разрешения конфликта.

В апреле 1678 г. Османская империя, стремясь к реваншу за понесенное в 1677 г. поражение под Чигирином, официально объявила войну России [7, s. 10; 8, s. 378]. В Чигиринском походе 1678 г. османы направили на Украину вдвое большую и значительно лучше вооруженную, чем в 1677 г., армию под командованием великого визиря Кара Мустафы-паши, рассчитывая захватить Чигирин и Киев и, в случае успеха, двинуть войска на Левобережье. Столкновения, произошедшие в течение июля-августа 1678 г. между русско-украинскими и османскими войсками, привели к тому, что войскам великого визиря Кара Мустафы-паши удалось взять важную пограничную крепость, Чигирин, однако турки, не рассчитывая удержать, были вынуждены разрушить ее при отходе к Дунаю. В то же время они не смогли нанести решительного поражения русско-украинским войскам, сумевшим сохранить в целостности полевую армию и отступить к Днепру.

Неясность результатов второго Чигиринского похода, в котором ни одна из сторон не смогла нанести решительного поражения другой, как представляется, подтолкнула московское правительство к продолжению поиска дипломатического выхода из вооруженного противостояния [см. подробнее о посольстве Афанасия Поросукова: 6, с. 153–157]. Кроме того, с лета 1678 г. до Москвы стали доходить известия от различных информаторов

¹ Яфарова Мадина Рашидовна, Институт российской истории РАН (РФ, Москва), к.и.н., mryaf@bk.ru.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00496 (а).

о том, что «салтан турецкой прекращения войны желает»³. С этой целью в декабре 1678 г. в Турцию было направлено посольство дворянина Василия Даудова и подьячего Федора Старкова⁴. В этой связи представляет интерес, как московское правительство видело итоги столкновения с основными османскими силами в 1678 г. и какие меры предлагало для разрешения конфликта.

В историографии, несмотря на наличие работ, описывающих общую историю посольства [1; 2; 3; 5], данный сюжет специально не рассматривался. Однако существует комплекс источников, который позволяет рассмотреть представление московского правительства об итогах похода 1678 г. и выяснить официальную позицию Москвы в вопросе о мирных переговорах с Портой. В фонде Посольского приказа «Сношения России с Турцией» в РГАДА сохранился комплекс посольской документации, включающий в себя копии грамот к турецкому султану Мехмеду IV и великому визирию Кара Мустафе-паше, грамоту патриарха Иоакима верховному муфтию Османской империи, а также царский наказ В. Даудову.

1 декабря 1678 г. из Москвы «в гонцах» должен был быть направлен толмач Григорей Волошенин⁵, которому предстояло передать царские грамоты османским сановниками. Однако вместо него было решено отправить в Османскую империю дворянина Василия Даудова⁶, накануне вернувшегося из центрально-азиатского региона. Даудов был опытным дипломатом, у него имелся опыт посольских поездок в Турцию в 1668 и 1672 гг. [см. об этом: 5, с. 84–86, 102–106]. Кроме того, будучи выходцем из Персии, он также владел османским языком, что, как представляется, должно было облегчить разведывательную деятельность. Возглавляемая им посольская миссия выдвинулась из Москвы 31 декабря 1678 г.⁷

Основной вариант грамоты Федора Алексеевича к султану Мехмеду IV был составлен 27 декабря 1678 г.⁸. Ее начальная часть, как и в царской грамоте 1677 г., посланной с Афанасием Поросуковым, была посвящена краткому обзору русско-османских отношений первой половины XVII в., когда московские государи и османские султаны «имели великую братцкую дружбу и любовь, и послы, и посланники и гонцы ссылались почасту»⁹.

Далее в грамоте шла речь о том, что вторжение османских войск во главе с великим визирем на Украину сделало невозможным дипломатические переговоры накануне Чигиринской кампании 1678 г., турецкий султан «за теми между нас, обоих великих государей, любительными пересылки прислал в наши царского величества украинные города везирия своего с войски»¹⁰. Как представляется, московские власти оценива-

³ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 18. Л. 43 об.

⁴ Там же. Кн. 19. Л. 1–2.

⁵ Там же. Кн. 18. Л. 16.

⁶ Там же. Л. 26 об.

⁷ Там же. Кн. 19. Л. 3.

⁸ Там же. Кн. 18. Л. 36.

⁹ Там же. Л. 31.

¹⁰ Там же. Л. 33 об.

ли итоги русско-турецкого столкновения 1678 г. как ничью, выбирая при этом общие формулировки. Так, в грамоте отмечалось, что русско-украинские войска «имели с ними [османами – М.Я.] бой, и после тех боев войска обеих сторон разошлись в свои краи»¹¹.

Тем не менее, позиция Москвы о принадлежности Чигирина и правых османов на территорию Правобережья осталась неизменной. В грамоте подчеркивалось, что «тою Украинаю, которая зоветца Малою Росиею, владеем для того, что из древних лет пребывала та Украина под державою благочестивых государей, царей и великих князей российских и киевских предков нашего царского величества, и на некоторое время от подданства предков нашего царского величества поотлучились. И в прошлом во 162-м [1654 – М.Я.] году Войска Запорожского гетман Богдан Хмельницкой с Малою Росиею учинился в подданстве у отца нашего, <...>, и служил верно, а после того и ныне Малая Росия у нас <...> по тому жь в подданстве»¹².

Как видно, царская грамота упоминает только Переяславский договор 1654 г., игнорируя Андрусовское перемирие 1667 г., закрепившее разделение Украины на Левобережное и Правобережное гетманства между Московским государством и Польшей. Польско-турецкая война 1672–1676 гг. привела к тому, что земли, входившие в состав гетманства Петра Дорошенко, перешли под юрисдикцию Османской империи, что было закреплено сначала Бучачским (1672), а затем и Журавенским миром (1676). Таким образом, к 1676 г. Речь Посполитая перестала участвовать в борьбе за Украину [4, с. 89], при этом такой поворот событий открывал перед московским правительством возможность утвердить свою власть на территории Правобережной Украины без участия Польши. Османской империи, по мнению московского правительства, также следовало отказаться от претензий на украинские земли.

Конфликт с Петром Дорошенко рассматривался в грамоте как внутригосударственное дело, и, по мнению Москвы, Стамбулу, желая сохранить дружественные отношения, следовало «таких изменников не принимать и всякому нашего царского величества недругу быти недругом, и искать всякого добра, как о том свидетельствует исконная дружба»¹³. Более того, московские власти обвинили османскую сторону в развязывании этого конфликта: «а буде бы по каким ссорам показалось с стороны нашего царского величества вам и противно дружбе, и о том было вашему салтанову величеству надобно учинить по исконной дружбе обсылку и то исправить, а войны не всчинать, чего никогда между нашими государствами не бывало»¹⁴.

В конечном итоге Мехмеду IV в том случае, если у него «о исконной дружбе и любви будет намерение», следовало «о том <...> в своей салтанова величества грамоте писать»¹⁵.

¹¹ Там же. Л. 33.

¹² Там же. Л. 33 об.–34.

¹³ Там же. Л. 34 об.

¹⁴ Там же. Л. 34 об.–35.

¹⁵ Там же. Л. 35–35 об.

В царской грамоте к великому визирю повторялись основные положения грамоты, написанной к турецкому султану. Кара Мустафе-паше предлагалось Мехмеда IV «приводить к дружбе и любви, как исконно было»¹⁶. Однако, если в 1677 г. Москва рассчитывала в его лице заручиться поддержкой высшего османского сановника [см. подробнее: 6, с. 153], то в 1678 г. она ограничилась общими фразами о последующей благодарности за «радение».

Кроме того, уникальным случаем в дипломатической практике является послание патриарха Иоакима верховному муфтию Османской империи. В начальной части грамоты, как и в царских текстах, освещались взаимоотношения двух держав, при этом в патриаршем листе изложение военных столкновений 1677–1678 гг. с точки зрения московской стороны представлено подробнее. Так, по словам патриарха, в августе 1677 г. турецкий султан «многочисленные свои рати со многими пашами и хана крымского со всем собранием порушил из-за Дуная и из-за Днестра в державу великого государя <...> к Днепру малороссийских городов под Чигирин». Московский патриарх подчеркивает, что, несмотря на победу над турецко-татарскими войсками и освобождение Чигирина от осады, «за полки турецкими в тыл к Днестру и к Дунаю царского величества рати не пошли и войны большие без воли царского величества не чинили, и ни х какому военному задору впредь причин не дали»¹⁷. Последовавшее после этого предложение Москвы о возможности начать мирные переговоры были проигнорированы Стамбулом, и «через такие к любви содержательные случаи салтаново величество не только военного дела пресечь, но и больши расширить изволил»¹⁸.

В 1678 г., как отмечает патриарх, «салтанова величества везирь со многими пашами в державу царского величества к городу Чигирину и к Днепру войну великую чинили, и невинно на обе стороны кроворазлитие». Однако, как и в 1677 г., российские войска «во область салтанова величества в Турские державы не хаживали, и войны никакие с турскими людьми не чинили»¹⁹.

В грамоте также осуждались действия османских властей в связи с расстрижением Юрия Хмельницкого, подчеркивалась недопустимость поддержки изменников, а также высмеивался сам факт деятельности Хмельницкого на правом берегу Днепра, «для которого таким великим ратям рушиться х кровям многочисленным и возить его в ратях турецких для прелести и показыванья лехкомысленных некоторых жителей малороссийских никогда было не годилось»²⁰. В целом патриарх предлагал верховному муфтию попытаться склонить османскую власть к началу мирных переговоров, «яко духовному и первому начальнейшему и

¹⁶ Там же. Л. 41.

¹⁷ Там же. Л. 48 об.

¹⁸ Там же. Л. 49 об.

¹⁹ Там же. Л. 49 об.–50.

²⁰ Там же. Л. 50 об.

желателю народом своим правды и мира, и покою о сем деле подвижность свою богоугодной правды ныне показать»²¹.

В целом дипломаты не получили полномочий для ведения каких-либо переговоров с османами. Согласно царскому наказу, им поручалось только передать грамоты османским сановникам, при этом «сверх грамоты» говорить «ни о чем не наказано»²². Кроме того, специальных подарков, как и в 1677 г., турецкому султану не предполагалось. Несмотря на то, что с В. Даудовым было послано соболей на 400 руб. «на роздачу везирию и иным», ему следовало «тое мяккою рухлядь держать и давать от самых надобных дел»²³. Основная цель посольства, как представляется, заключалась в разведывательной деятельности и проведывании «всяких вестей»²⁴, для этого оно должно было ехать сухим путем через Правобережную Украину и Валахию.

Таким образом, Москва обозначала свои стартовые позиции для ведения возможных переговоров о мире: претензии османов на Правобережье, основанные на Журавенском договоре, русской стороной отвергаются, а итог вооруженного противостояния видится в том, что армия Кара Мустафы-паши была вынуждена покинуть Украину; считать, что Правобережье перешло к туркам по праву завоевания, оснований у Москвы нет. В грамотах не упоминалось о конкретных мерах для разрешения конфликта; очевидно, инициатива переговоров, по мысли русского правительства, должна была в этих условиях принадлежать Порте.

1. *Смирнов Н.И.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. // Ученые записки МГУ. М., 1946. Вып. 94. Т. 2.
2. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1991. Книга VII. Т.13–14.
3. *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. Ч. 2.
4. *Флоря Б.Н.* Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина в последние годы гетманства П. Дорошенко (1673–1677 гг.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 3 (65).
5. *Ходырева Г.В.* Взаимоотношения России и гетманов Украины с Турцией в 1666–1681 гг. Дисс. ... к.и.н. М., 2001.
6. *Яфарова М.Р.* Посольство Афанасия Поросукова в Стамбул в 1677–1678 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1 (75).
7. *Vuslati Alî Bey. Gazâ-nâme-i Çehgîn.* Ankara, 2003.
8. *Uzunçarşılı İ. H.* Osmanlı tarihi. Cilt. IV. Ankara, 1956.

²¹ Там же. Л. 51 об.

²² Там же. Л. 56.

²³ Там же. Л. 57 об.

²⁴ Там же. Л. 58.

Коломакский переворот 1687 года (процессуально-правовые обстоятельства избрания И.С. Мазепы)

Коломакская рада 1687 г.; смещение И.С. Самойловича; избрание И.С. Мазепы; Крымский поход 1687 г.

В августе 1687 г. в результате заговора руководства гетманской администрации по фиктивному поводу был арестован и смещен со своего поста гетман И.С. Самойлович. Благодаря многочисленным подтасовкам и нарушениям, а также поддержке царского главнокомандующего В.В. Голицына на его место был избран И.С. Мазепа. В статье анализируются как состав заговорщиков и суть предъявленных ими обвинений, так и процессуально-правовые обстоятельства избрания нового гетмана.

4 августа 1687 г. на реке Коломак состоялось историческое событие, оказавшее значительное влияние на все последующие российско-украинские отношения: вместо И.С. Самойловича, 15 лет верой и правдой прослужившего царскому правительству, малороссийским гетманом был избран И.С. Мазепа, который через 20 лет изменит присяге на верность, данной Российскому государству. Эти события были подробно описаны в дневнике их непосредственного очевидца П. Гордона [6, с. 146–150], и в последующем в том или ином виде были пересказаны в многочисленных исторических работах. Мы же в рамках данной работы хотим подробнее остановиться на некоторых процессуально-правовых нюансах и обстоятельствах избрания И.С. Мазепы.

Для начала необходимо сказать несколько слов об устройстве самой Левобережной Украины или Малороссии, состоявшей в 1687 г. из 10 военно-административных полков. Верховная власть в Малороссии принадлежала гетману, который избирался казаками на раде, и утверждался царскими представителями. Какой-либо единой устоявшейся процедуры избрания их не существовало. Традиции казацкой «сечевогой» демократии требовали выбора гетмана на всеобщей раде, но в большинстве случаев в выборной раде участвовали представители войсковой и полковой старшины (включая сотников), а также выборные казаки от полков и выборные представители духовенства и мещан. В этом случае большую роль играли полковники, которые влияли на отбор кандидатов в своих полках. Также традиция гласила, что гетман должен быть выбран «всем войском», т.е. в Раде должны принять участие представители всех полков.

Левобережным гетманом с 1672 г. был И.С. Самойлович, ставший гетманом в результате заговора казацкой старшины, арестовавшей его предшественника Д.И. Игнатовича [8]. В управлении Малороссией гетман опирался на свою администрацию – войсковую старшину. Вторым человеком в иерархии был генеральный обозный, который отвечал за составление войскового реестра, а также организацию снабжения войска продовольствием и вооружением. В случае смерти или низложения гет-

¹ Великанов Владимир Сергеевич, Фонд «Русские витязи» (РФ, Москва), к.э.н., vladvelikanov@inbox.ru.

мана власть автоматически переходила к нему. В 1687 г. эту должность занимал Василий Дунин-Борковский. Следующим в иерархии был генеральный судья Мелентий Вуяхевич-Высочинский, ведавший всю судебную власть. Войсковую канцелярию возглавляли два генеральных писаря, Савва Прокопович и Василий Кочубей, отвечавшие за все делопроизводство, включая переписку с Москвой и иностранными государствами, и сбор налогов. Должности двух помощников гетмана – генеральных есаулов занимали Иван Мазепа и Михаил Миклашевский. Затем следовали должности генерального хорунжего и бунчужного, не имевшие какого-либо существенного административного функционала. Таким образом, в 1687 г. будущий гетман И.С. Мазепа хотя и входил в число казачьей старшины, но занимал в ней далеко не первые роли. Военно-административными полками руководили полковники, которые опирались на полковую администрацию (полковую старшину). Формально полковники должны были избираться казаками, но начиная с конца 1670-х гг. И.С. Самойлович все чаще стал фактически напрямую назначать на эти должности своих ставленников.

Также необходимо отметить, что многие высшие посты в администрации И.С. Самойловича занимали выходцы с Правобережья (Вуяхевич, Кочубей, Мазепа, Гамалей, Скоропадский и др.), ранее служившие П.Д. Дорошенко. Причины, по которым И.С. Самойлович в 1676 г. столь массово принял на службу людей своего противника и сделал на них «ставку», довольно прозаичны. Во-первых, сам И.С. Самойлович был избран гетманом в возрасте всего 30 лет [1, с. 30], и на тот момент не имел широкой поддержки среди старшины и казачества. Поэтому новый гетман постарался «укомплектовать» свою администрацию людьми, не имевшими корней среди левобережного казачества, и которые, как он полагал, будут преданы лично ему. Во-вторых, наличие среди его ближнего окружения выходцев с Правобережья позволяло ему претендовать в перспективе на роль гетмана «обеих сторон Днепра».

Формальным поводом, запустившим процесс смещения И.С. Самойловича, стала челобитная, поданная В.В. Голицыну 17 июля группой представителей казачьей старшины. В этом документе гетман фактически обвинялся в государственной измене, однако реальные причины недовольства были иными, и они также довольно честно изложены в тексте челобитной: авторитаризм («все один делает, никого к думе не призывает»), и «уряды [т.е. должности] по своему гневу отнимает и не по пристойным причинам их наказует»), пренебрежение интересами старшины («людей старинных войсковых заслуженных всякими своими вымышленными способами теснит»), а также «старшине генеральной нет у него [гетмана] чести надлежащей»), многочисленные экономические конфликты, связанные с распределением собственности и прав аренды [2, с. 297–304]. Документ был подписан Дуниным, Вуяхевичем, обоими писарями Прокоповичем и Кочубеем – т.е. фактически всеми административными руководителями Гетманщины. Кроме них под челобитной также стояли подписи и нескольких влиятельных представителей войсковой старшины, ранее попавших в опалу к Самойловичу и смещенных им с занимаемых постов,

– бывшего киевского полковника К. Солонины, бывшего переяславского полковника Д. Райча, Г. Гамалея и Я. Лизогуба. Примечательно, что ни одного из действующих полковников, как и генерального есаула И. Мазицы, среди подписантов не было.

Челобитная старшины была поддержана и российским главнокомандующим В.В. Голицыным, которому в условиях фактически безрезультатного 1-го Крымского похода 1687 г. необходимо было найти виновника неудачи, и он решил «назначить» им И.С. Самойловича. Этому способствовало наличие между ними застарелого конфликта, вызванного тем, что в споре за пост главнокомандующего царскими войсками на Украине в 1677 г. гетман поддержал не его, а Г.Г. Ромодановского [3, с. 31, 36].

Донос на гетмана, подписанный почти всей верхушкой Гетманщины и подтвержденный В.В. Голицыным, поставил царское правительство в затруднительное положение. В Москве очень хорошо понимали «ценность» предъявленных гетману обвинений, но и не отреагировать на столь явный конфликт среди казачьих элит царское правительство не могло. В итоге 27 июля было принято решение о необходимости отстранения Самойловича от власти, и в отправленной Голицыну царской грамоте довольно четко зафиксировано, что главной и, по сути, единственной, причиной отстранения Самойловича было то, что он «всему войску малороссийскому негоден», и только поэтому ему «быть гетманом не указали». При этом в документе отдельно оговаривалось, что отстраненный гетман с семьей должен был быть под охраной отправлен на дальнейшее проживание в Россию: Самойлович много лет верой и правдой служил Москве, и выдавать его на расправу бывшим соратникам никто не собирался. Вопрос о выборе кандидатуры нового гетмана царским правительством был оставлен войсковой старшине и В.В. Голицыну: «на место гетмана учинить кого они старшина и всем войском малороссийским излюбят» [9, с. 542–543].

Гонец из Москвы с царским указом о смещении И.С. Самойловича прибыл в лагерь армии В.В. Голицына 1 августа, и уже на следующее утро 2 августа гетман был арестован. К этому моменту в лагере царской армии на Коломаке находились всего 5 казачьих полков: Переяславский, Лубенский, Гадячский, Стародубский и Киевский. Практически половина войска под командованием сына гетмана черниговского полковника Г.И. Самойловича (Черниговский, Переяславский, Миргородский и Прилуцкий полки, сердюки Яворского и Герасимового и кумпанейские полки Новицкого и Пашковского) находилась вместе с царскими войсками Л.Р. Неплюева в лагере на правом берегу Днепра в районе Каменного Затона [4, с. 38–44]. Нежинский полк, а также два оставшихся сердюцких полка Иванеева и Кожуховского были оставлены в устье реки Самары.

На следующий день после ареста И.С. Самойловича состоялась встреча В.В. Голицына с казачьей старшиной, на которой было решено провести выборную раду как можно скорее прямо в лагере на Коломаке, не привлекая к процессу остальные части Войска Запорожского, так как среди рядовых казаков начались волнения, и заговорщики всерьез опасались возможного бунта. Более того, были предприняты меры для того,

чтобы новости о смещении И.С. Самойловича не достигли Гетманщины и его сына Г.И. Самойловича. Однако одному из казаков удалось покинуть лагерь и добраться до сына гетмана, что стало причиной его неудачного мятежа, и последующих ареста и казни [4, с. 40–44; 5, с. 41–63]. Среди заговорщиков не было единого кандидата на пост гетмана, и на него претендовали сразу несколько человек: Дуний-Борковский, Кочубей, Мазепа, и еще целый ряд авторитетных представителей старшины. Но под давлением В.В. Голицына в качестве единственного кандидата был согласован И.С. Мазепа. Мы не будем сейчас в рамках нашей работы вдаваться в детали его биографии и причин, по которым именно он был выбран в качестве гетмана. Отметим лишь, что данное решение было результатом консенсуса между заговорщиками и В.В. Голицыным без какого-либо участия российского правительства.

Согласовав кандидатуру нового гетмана, заговорщики начали подготовку к проведению выборной рады, и в тот же вечер 3 августа постарались перехватить власть у возможных сторонников смещенного гетмана, заменив многих полковников и сотников. Как заметил Гордон: «члены клики поделили меж собою полковничьи и иные главные чины и решили отстранить всех тех, кто был креатурами прежнего гетмана» [6, с. 149]. Были назначены новые полковники в 3 из 5 полков, бывших на Коломаке: в Лубенском – Г. Гамалей, в Переяславском – Д. Райча, в Стародубском – Т. Алексеевич. При этом в Киевском полку накануне рады были заменены вся полковая старшина и сотники, и они подписывали акт об избрании в статусе «наказных» (т.е. временных) [7, с. 243].

На следующий день, 4 августа состоялась выборная рада, в которой приняло участие около 2 тыс. тщательно отобранных казаков от 4 из 5 полков, бывших на Коломаке (Лубенского, Гадячского, Переяславского и Киевского). Лояльность пятого (Стародубовского) полка была под вопросом, и от него никого приглашать не стали. Шатер и поле, на котором проводилась рада, были окружены плотным строем царских солдат и стрельцов. Аналогичным образом в присутствии крупных контингентов царских войск проходили гетманские избрания в 1663, 1669 и 1672 гг. Благодаря проведенной заговорщиками предварительной работе сами выборы прошли без происшествий, и новым гетманом был избран И.С. Мазепа. Интересен перечень лиц, подписавших документ об его избрании. Под ним стоят подписи представителей войсковой генеральной старшины и представителей 4 упоминавшихся нами полков. За остальные 6 полков, якобы в качестве их представителя, за Мазепу проголосовал («руку приложил») В. Кочубей [9, с. 560].

Таким образом, смещение И.С. Самойловича было результатом переворота, организованного и проведенного небольшой группой казацкой старшины, большинство из которых были выходцами с Правобережья, и не имевшей какой-либо широкой поддержки среди левобережного казачества. Само избрание И.С. Мазепы смогло состояться лишь благодаря явным подтасовкам со стороны заговорщиков, а также силовой поддержке со стороны царских властей и лично В.В. Голицына. Почему выбор пал именно на И.С. Мазепу? Как нам кажется, не последнюю роль в утверждении его

кандидатуры сыграло отсутствие у него широкой поддержки среди казачества. Царским властям был удобен слабый гетман, полностью зависящий от Москвы. И первые же действия Мазепы это подтвердили: уже на следующий день после избрания новый гетман попросил для себя сильный конвой царских войск, который сопроводил бы его по территории Гетманщины в его резиденцию Батурина «пока страна не успокоится» [6, с. 150].

1. *Алмазов А.С.* Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687 гг.). М., 2012.
2. *Бантыш-Каменский Д.Н.* Источники Малороссийской истории. Часть 1 (1649–1687 гг.). М., 1858.
3. *Беляев И.Д.* Письма к князю Василью Васильевичу Голицыну // Временник императорского московского общества истории и древностей российских. М., 1851. Кн. 10.
4. *Великанов В.С.* Днепровский поход Л.Р. Неплюева в 1687 г. // Крым – связующее звено и неприступный форпост на стыке двух империй: Сборник научных статей. Ростов-на-Дону, 2015.
5. *Востоков А.Х.* Суд и казнь Григория Самойловича // Киевская старина. Киев, 1889. Т. XXIV.
6. *Гордон П.* Дневник, 1684–1689. М., 2009.
7. *Кривошея В.В.* Козацка еліта Гетьманщини. Киев, 2008.
8. *Матвеев П.* Батури́нский пере́ворот 13 марта 1672 г. (Дело гетмана Демьяна Многогрешного) // Русская старина. СПб., 1903. Т. СХV. Вып. 9; Т. СХVI. Вып. 10.
9. СГГД. М., 1826. Ч. 4.

Д.В. Сень¹

Русско-крымские отношения в условиях нового «пограничного порядка» (конец XVII – начало XVIII вв.)

Крымское ханство; Османская империя; Россия; международные договоры; границы.

История Крымского ханства анализируется на фоне международных отношений указанного периода, в условиях которых правящие Гиреи были вынуждены включиться в создание, демаркацию и поддержание новых границ т.н. «европейского типа». Перед нами – переломный этап в развитии Крымского ханства, во время которого существенно ухудшилось его международное и внутреннее положение. Также принципиально изменился характер русско-крымских отношений, обострились крымско-османские отношения, трансформации подверглась набеговая система Крымского ханства.

Эволюцию русско-крымских отношений указанного периода необходимо анализировать в контексте международных отношений и т.н. нового «пограничного порядка», наступившего во взаимоотношениях, прежде всего, России и Османской империи. Тема доклада связана с изучением разнообразных реакций в Крымском ханстве на международные договоры, заключенные с участием России и Османской империи, наносив-

¹ Сень Дмитрий Владимирович, Институт истории и международных отношений Южного федерального университета (РФ, Ростов-на-Дону), д.и.н., dsen1974@mail.ru.

шие удар по традиционной для него набеговой системе. Нижняя хронологическая грань исследования – год заключения Бахчисарайского мирного договора (1681), верхняя – русско-турецкая война 1710–1713 гг. Внутри периода – множество знаковых для ханства событий, включая Крымские походы России 1687 и 1689 гг., завоевание Азова (1696 г.), заключение Карловацкого перемирия (1699 г.) и Константинопольского мирного договора (1700 г.). Эта тема актуальна потому что, *во-первых*, она может быть заявлена как *самостоятельная* в истории изучения многовековых русско-крымских отношений, несмотря на существенные результаты, уже достигнутые исторической наукой при изучении взаимоотношений указанных государств второй половины XV–XVIII вв. Подчеркнем, что эти взаимоотношения не оставались неизменными на протяжении столетий: в данном отношении событиям последних десятилетий XVII в. – начала XVIII в. принадлежит особая роль. Кроме того, политическая и военная история Крымского ханства именно указанного периода, несмотря на имеющиеся исследования [напр.: 1; 2; 6; 8; 9; 11], по целому ряду признаков изучена фрагментарно, несколько «размываясь» в пространстве более крупных научных направлений (с их традиционными тематическими сюжетами и устоявшимися историографическими оценками). Наконец, в современной историографии отсутствует аргументированная и подробная *сквозная* периодизация истории Крымского ханства – на фоне чего анализ заявленной темы может послужить площадкой для перспективной академической дискуссии.

Во-вторых, событиям последней четверти XVII – начала XVIII вв. принадлежит особое место в истории крымско-османских, русско-крымских отношений и, собственно – в истории Крымского ханства, *по-новому* реагировавшего на «непривычные» исторические вызовы – прежде всего, на формирование в Северном Причерноморье новых границ европейского типа, на «выдавливание» ханства со стороны Османов из европейской политики, на увеличение (впервые в истории ханства!) подданных Гиреев за счет разных групп казаков и пр. Крымские ханы пытались в тот период не просто уклоняться от исполнения султанской воли или выражать свою покорность падишаху. По аналогии с мыслью А.А. Новосельского о причинах «живучести» Крымского ханства [4, с. 421] заметим, что в описываемое время их можно связать не с *выгодной* для него международной обстановкой, как часто – раньше, а с попытками Гиреев оперативно и гибко отреагировать на ее *ухудшение*, пытаясь минимизировать возможные потери и даже упредить их. Поэтому мнение В.Д. Смирнова о «политической бестактности» потомков хана Селим-Гирея I (ум. в 1704 г.), якобы приближавших «конец самостоятельного существования Крымского ханства» [8, с. 494], о связи последнего периода его правления (1702–1704 гг.) с предыдущими веками в истории Крыма, которые якобы прошли «даром», предстает неоправданно категоричным. Предложенный нами подход вновь позволяет предметно говорить о наличии у Крымского ханства *собственных* политических интересов, о видении им собственных внешнеполитических перспектив и, вероятно, о новых тенденциях (в связи с ослаблением Османской империи после 1683 г. и ее «отступления из Ев-

ропы») в политической борьбе Крымского ханства за свою самостоятельность. Г.А. Санин высказался об этой проблеме в 1993 г.: «Вопрос о борьбе Крымского ханства за государственную самостоятельность в XVII в. практически не исследован, имеются только случайные упоминания в сопутствующих работах» [5, с. 224]. К сожалению, за прошедшие годы историографическая ситуация заметно не изменилась, не считая отдельных работ В.А. Артамонова, П.А. Авакова, В.Е. Возгрина, В.В. Станиславского и некоторых других. Указанный вопрос тесно связан с другим вопросом – об эволюции крымско-османских отношений анализируемого периода [10]. Заметим, что в последней четверти XVII в. – начале XVIII в. кризисные настроения охватили разные группы населения Крымского ханства и Османской империи не только в отношении России, но также в отношении друг друга. Сильная Османская империя (даже в смысле ее противодействия российской экспансии на Юге) тоже внушала опасения крымским ханам. К примеру, Девлет-Гирей II опасался, «когда б они (турки-османы. – Д.С.) сильны были против царского Величества, тогда могут их, как хана, так и мурз, давити и голов снимать, как они чинят»².

В-третьих, рубеж XVII–XVIII вв. неслучайно стал переломным этапом в истории Крымского ханства, а именно – *временем перемен и ожиданий*, переживавшимся не только крымскими элитами, но и массово – различными слоями рядового населения ханства. Крымский хронист Сейид-Мухаммед Риза подметил, что с того времени (после заключения Карловицкого договора и поездки Е. Украинцева в Стамбул – как излагает события В.Д. Смирнов. – Д.С.) «обитатели Крыма стали поглядывать через двери страха и ожиданий на события времени» [8, с. 473]. Османский хронист Фындыкльлы указал, что через несколько лет после заключения в 1700 г. мира между Россией и Османской империей, татары «проели то, что было в их руках, и теперь обеднели. А так как московский царь вопреки договору овладел крепостью Азовом, *то настали последние времена* (выделено нами. – Д.С.)» [8, с. 481–482]. Подтверждение подобным рассуждениям находим в документальных источниках описываемого времени. Выходец с Кубани волошенин В. Николаев, допрошенный в Азове в октябре 1700 г., показал, что после заключения в 1700 г. Константинопольского мира он слышал от ногайцев, что «...их татарские обызы (абызы/хафизы. – Д.С.) по чтению книг своих размышляют, *что де у них и Крыму не быт, потому что пришло де последнее время* (выделено нами. – Д.С.), и живут де они кубанцы от ево, великого государя, ратных людей в великом опасении...»³. По сообщению бежавшего с Кубани крестьянина Т. Иванова ногайцы рассуждали: «А когда де Азов взят, так де не устоят и Нагаю» (т.е. Кубанской орде), и если российские войска опять придут к Азову, то всем им придется бежать в горы. «И ныне де те татары юрты свои все пожгли, а сами с женами из детми живут, переходя по розным местам для того, что они от приходу руского войска к себе велми опасны...»⁴. Откочевка ногайцев за Кубань в «горские

² РГАДА. Ф. 123. Оп. 4. Д. 1. 1712 г. Л. 5 об.–6.

³ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 237. Л. 11.

⁴ Там же. Д. 15. Л. 15.

черкесы» стала тогда массовой. Ожидание тревожных перемен и чего-то едва ли не катастрофического (в связи с судьбой ханства и его возможным, как полагали современники, завоеванием Россией) отныне (и даже раньше – например, уже в 1690-е гг.) *постоянно* сопровождает жизнь, поведение и рассуждения самых разных крымских подданных, массовые настроения которых (в т.ч. отрефлектированные современниками – хронистами и пр.) еще не подвергались в науке сравнительному изучению.

Вышесказанное позволит по-новому оценить масштабы трансформаций, произошедших в Крымском ханстве в описываемый период, избегая схематичных оценочных суждений о нем, как о государстве, «застрявшем в средневековье из-за паразитического существования за счет работорговли» [3, с. 294]. Избранный подход позволит выйти за границы традиционных исследовательских сюжетов, например, о защите Россией южных границ от набегов кочевников и экспансии Османской империи [6, с. 3], или о том, что «татарская масса» могла жить только за счет «чужих народов, за счет грабежа...» [7, с. 276]. Необходимо уточнять или даже менять такую одностороннюю исследовательскую оптику, пренебрегающую исторической динамикой наблюдаемого явления, а также самой разной (в т.ч. внеэкономической) мотивацией элит / рядового населения, задействованных в набеговой системе. Крымское ханство негативно отреагировало на новую пограничную политику России и Османской империи, грозившую этому традиционному для ханства социальному институту существенными потерями. Кризис набеговой системы Крымского ханства, наступивший в указанное время, отразился на авторитете ханской власти, что, с одной стороны, не могло не тревожить правящих Гиреев. С другой стороны, существование «коридора возможностей» для дальнейшего «нормального» существования указанной системы породило бунты как со стороны кочевников (недовольных запретами со стороны ханов нарушать новые границы), так и выступления крымских элит против Османской империи (например, по реализации Константинопольского договора 1700 г.). С этой точки зрения тезис о непрекращающихся набегах и агрессии Крыма против России тоже нуждается в корректировке.

1. Артамонов В.А. О русско-крымских отношениях конца XVII – начала XVIII вв. // Общественно-политическое развитие феодальной России. М., 1985.
2. Артамонов В.А. Переговоры о переходе Крымского ханства в русское подданство при Петре Великом // Славяне и их соседи. М., 2011. Вып. 10.
3. Артамонов В.А. [Рец.]. Османы в Европе. Начало отката. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в.: Главные тенденции политических взаимоотношений. М., 1998. 288 с. // Славяне и их соседи. М., 2001. Вып. 10.
4. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в половине XVII века. М.; Л., 1948.
5. Санин Г.А. Некоторые проблемы истории Крымского ханства в XVII в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1993. Вып. III.
6. Санин О.Г. Отношения России и Украины с Крымским ханством в первой четверти XVIII в. Дисс. ... к.и.н. М., 1996.
7. Санин О.Г. Антисултанская борьба в Крыму в начале XVIII в. и ее влияние

- на русско-крымские отношения // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1993. Вып. III.
8. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты. В 2-х томах / Отв. ред. С.Ф. Орешкова. М., 2005. Т. 1 (Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века).
 9. *Сень Д.В.* Азовские походы и их последствия в истории Крымского ханства. Рубеж XVII–XVIII вв. (на примере ногайской Кубани) // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему: Материалы второй Международной научно-практической конференции (г. Черкесск, 12–13 октября 2016 г.). Черкесск, 2016.
 10. *Сень Д.В.* Международное положение Османской империи и эволюция крымско-османских отношений на рубеже XVII–XVIII вв. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2016. № 3.
 11. *Ходырева Г.В.* Российско-турецкие переговоры 1681–1682 гг. о ратификации Бахчисарайского мирного договора // Отечественная история. 2003. № 2.

П.А. Аваков¹

Зачем Петр I предпринял поход на Азов?

Русско-турецкая война 1686–1699 гг.; Азовские походы 1695–1696 гг.; Петр I; Азов; историография.

В статье анализируются причины и цели Азовских походов Петра I. Автор приходит к выводу, что общепринятая в историографии трактовка этого вопроса носит гипотетический характер и основана на априорном тождестве целей Азовских походов и их результатов. Целью походов было нанесение ощутимого удара по Османской империи, а получение выхода в море стало следствием взятия Азова.

Уже более трех столетий Азовские походы Петра I 1695–1696 гг. занимают знаковое место в историографии Петровской эпохи. Однако их событийная канва представлена в литературе несколько схематично, будто по заранее заготовленному лекалу. Слабая разработанность некоторых аспектов истории походов, в частности – касающихся их планирования и подготовки, побудила нас вновь обратиться к изучению этой проблемы. Далее мы попытаемся ответить на, казалось бы, риторический вопрос: зачем Петр I организовал Азовские походы? Иными словами, с какой целью он решил взять эту османскую крепость?

В качестве потенциальной цели для нападения Азов стал рассматриваться правительством царевны Софьи после того, как в 1686 г. Российское царство присоединилось к войне Священной лиги против Османской империи. Стратегические преимущества, которые могло дать России обладание крепостью, контролировавшей выход из р. Дон в Азовское море, были очевидны и польскому королю Яну III Собескому², и генерал-поручику П. Гордону [3, с. 220]. Однако в 1687 г. Москва избрала иную стратегию, и просчиталась. После провальных Крымских походов

¹ Аваков Пётр Ашотович, Южный научный центр РАН (РФ, Ростов-на-Дону), к.и.н., pavakov@mail.ru.

² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 226. Л. 128 об.

1687 и 1689 гг. российские войска не предпринимали крупных наступательных операций, и война перешла в вялотекущую фазу.

На рубеже 1694–1695 гг. Петр I начал подготовку новой кампании. В этот раз было решено нанести удар непосредственно по туркам и овладеть Азовом и четырьмя османскими крепостями в низовьях р. Днепр [1, с. 187]. Общим местом в историографии стала точка зрения, согласно которой мысль царя о необходимости взятия Азова «была мотивирована желанием выйти на морские просторы, проникнуть поскорее к берегам Черного моря» [9, с. 121]. Впервые в литературе это мнение озвучил французский публицист Жан Руссе де Мисси (1686–1762), один из первых посмертных биографов Петра I, издавший в 1725–1726 гг. в Нидерландах четырехтомный труд «Записки о царствовании Петра Великого, императора России, отца Отечества...». Он писал, что строительство флота являлось «заветным желанием» Петра I, «но хотя его земли и омывались тремя морями – Каспийским, Черным и Балтийским, – порта не было ни на одном из них, за исключением Астрахани, что выходит к Каспийскому морю; однако не от этого места царь ожидал большой торговли, которую он намеревался учредить». Поскольку подтвержденный в 1684 г. Кардиский мирный договор со Швецией «не оставлял никаких надежд обосноваться по ту сторону Ладожского озера», царю «оставалось Черное море, и не было вероятности, что турки позволят ему там закрепиться». Тем не менее, Петр I «обращал свои взоры в эту сторону», где его внимание привлек Азов, замечательный «своим расположением, замком и особенно портом». Ж. Руссе де Мисси полагал, что Азов был необходим царю как для того, чтобы «держат в узде» крымских татар, «так и для торговли, которую Его величество желал учредить, и для сообщения между Волгой и Доном»³ [13, р. 119–120, 122–124].

Несмотря на то, что труд Ж. Руссе де Мисси не получил широкой известности в России и даже не был переведен на русский язык, процитированные положения прочно укоренились в отечественной историографии. Во многом этому способствовало творчество греко-венетского просветителя протоиерея Антониоса Катифороса (ок. 1685–1763), автора вышедшей в Венеции в 1736 г. книги «Жизнь Петра Великого, императора российского». В 1743 г. это компилятивное сочинение было переведено на русский язык секретарем Коллегии иностранных дел С.И. Писаревым и поднесено императрице Елизавете Петровне⁴. Перевод приобрел в России популярность и разошелся по рукам многочисленных списках, но впервые был издан лишь в 1772 г. Констатируя «неотменное намерение» Петра I «о добыче Азова», вызванное его «горячим желанием» завести в России морской флот для «торгу в Средиземном море», А. Катифорос не был оригинален и лишь повторил суждения своего предшественника [12, р. 83–84; цит.: 4, с. 84–86].

Умозрительное построение Ж. Руссе де Мисси о столь раннем зарождении у Петра I идеи завоевать выход в южные моря и основать коммерческий флот, почитаемое в наши дни за азбучную истину, довольно быстро

³ Пер. с франц. к.филол.н. Н.М. Сперанской (РНБ).

⁴ ОР РГБ. Ф. 173. I. № 120. Л. 1, 3–5.

стало общепризнанным в европейской интеллектуальной среде. Так, сербский просветитель Захарийе Орфелин (Стефанович) в своем биографическом сочинении о Петре I, изданном в Венеции в 1772 г., тоже отметил стремление Петра I овладеть «Азовом и, следовательно, Азовским морем, яко дверми моря Чернаго». Российский историк-любитель Иван Иванович Голиков, использовавший книги А. Катифоро и З. Орфелина при написании своего многотомной эпопеи о Петре I, усвоил эту точку зрения [6, с. 192; 2, с. IV, XIII, 263]. Большая и многолетняя популярность труда И.И. Голикова способствовала ее превращению в историографический штамп, который уже более двух веков тиражируется в научной, учебной, справочной, популярной и художественной литературе. Отчасти это объясняется тяготеющей над историками навязчивой мнимой параллелью с Северной войной, начатой Петром I «с целью утвердить русское владычество на побережье Балтийского моря» [9, с. 125]. Между тем, хрестоматийный взгляд на цель Азовских походов не только не подтверждается источниками, но и противоречит всей логике событий.

Анализ военно-политической ситуации 1695–1696 гг. позволяет сделать вывод о том, что увлекшая Петра I идея взятия Азова была продиктована исключительно необходимостью нанесения ощутимого удара по Османской империи и достижения весомого военного успеха. Для этого Азов представлял собой наиболее удобную и весьма уязвимую цель, так как являлся ближайшей к российским границам османской крепостью, расположенной к тому же на крупной водной артерии, что значительно облегчало решение проблем, связанных с логистикой (доставка военных грузов и т.п.). Подготавливая в начале 1695 г. поход к Азову, царь вовсе не связывал его с идеей превращения России в морскую державу – по крайней мере, подобные планы не отражены ни в одном синхронном источнике. Более того, этот историографический стереотип опровергает сам Петр I, который в своем предисловии к «Уставу морскому» 1720 г. писал, что после поездки в Архангельск и хождения по Белому морю на иностранных кораблях в 1694 г. он «всю мысль свою уклонил для строения флота», но смог приступить к ее воплощению лишь после взятия Азова – «тогда по неизменному своему желанию, не стерпел долго думать о том: скоро к делу принялся», выбрав «место к корабельному строению удобное на реке Воронеже, под городом того ж имени» [11, с. 400].

Советские историки с воодушевлением восприняли сконструированную иностранными авторами второй четверти XVIII в. схему, объясняющую стремление Петра I обладать Азовом якобы имевшимся у царя намерением «пробиться к Черному морю». В советской историографии эта идея обычно обосновывалась соображениями экономической целесообразности. Важность достижения Россией морского могущества для развития внешнеторговых связей с Европой в глазах историков отодвинула на задний план даже извечную проблему борьбы за безопасность южных границ страны. Во многом это было обусловлено воздействием на советскую историческую науку идеологических установок марксизма, и в частности – положений классической работы Карла Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» («Revelations of the

Diplomatic History of the Eighteenth Century»), написанной в 1856–1857 гг. и представляющей собой часть незавершенного труда по истории русско-английских отношений XVIII в. К. Маркс утверждал, что целью «первой войны» Петра I с Турцией было «завоевание Азовского моря». Взятие Азова представлялось философу начальным звеном в цепи завоеваний царя, направленных на превращение России «из полностью континентальной страны в империю с морскими границами». Примечательно, что К. Маркс связывал территориальную экспансию Петра I не с потребностями развития страны, а с его стремлением к экономической гегемонии в Европе [5, с. 11–12].

Марксистский постулат о примате экономики над политикой, доведенный до абсурда М.Н. Покровским, связывавшим внешнеполитические акции Петра I с необходимостью удовлетворения интересов российского «торгового капитализма» [8, с. 542, 544–546, 590, 615, 617–618], надолго утвердился в отечественной историографии и оказал гипнотическое воздействие буквально на всех историков, писавших об Азовских походах. Немало этому способствовал и знаменитый роман А.Н. Толстого «Петр Первый», написанный под влиянием теории М.Н. Покровского [7, с. 432–436]. Посыл о необходимости завоевания выхода в море, содержащийся в нарисованной писателем картине царского двора, уподобленного «купеческой конторе» [10, с. 76], вдохновил целую плеяду отечественных историков.

Сам же Петр I в предисловии к «Уставу морскому» отметил, что Азов был осажден «за обиды татарския» [11, с. 400]. Он не только никак не связал эту военную акцию со своим намерением превратить Россию в морскую державу, но даже не подал читателю ни малейшего повода для такого домысла. Следовательно, обе идеи – о создании морского флота и о взятии Азова, – возникли у царя независимо друг от друга, около двух лет развивались параллельно, пересеклись лишь во время второго Азовского похода, а по его окончанию соединились и оформились в виде новой военно-политической доктрины России. Именно в ходе повторной осады Азова монарх осознал силу флота, обеспечившего ему победу.

Итак, Азовские походы были предприняты Петром I для оживления «тлеющей» на протяжении десяти лет войны с Османской империей, и мотивы их организации не имели ничего общего с теми задачами, которые позже историки приписали царю. Получение выхода в Азовское море стало следствием овладения крепостью, а целью операции было изгнание османов из низовьев Дона. Традиционная трактовка этого вопроса носит гипотетический характер и основана на априорном тождестве целей Азовских походов и их результатов.

1. Бушкович П. Петр Великий в борьбе за власть (1671–1725). СПб., 2009.
2. Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудраго преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1788. Ч. 1.
3. Гордон П. Дневник: 1684–1689 / Пер., ст., примеч. Д.Г. Федосова. М., 2009.
4. [Катифорос А.] Житие Петра Великого, императора и самодержца всероссийского, отца Отечества, собранное из разных книг, во Франции и Голландии изданных и напечатанных в Венеции, Медиолане и Неаполе на диалекте италянском, а потом и на греческом, / с коего на российской язык перевел

- статский советник Стефан Писарев. СПб., 1772.
5. *Маркс К.* Разоблачения дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. 1989. № 4.
 6. [*Орфелин З.*] Житие и славныя дела государя императора Петра Великого, самодержца всероссийскаго, с предположением краткой географической и политической истории о Российском царстве, ныне первое на славенском языке списана и издана. Венеция, 1772. Ч. 1.
 7. *Павленко Н.И.* Роман А.Н. Толстого «Петр I» глазами историка // Россию поднял на дыбы...: В 2-х т. М., 1987. Т. 2.
 8. *Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времен. Т. 2 // *Покровский М.Н.* Избранные произведения: В 4-х кн. М., 1966. Кн. 1.
 9. *Тарле Е.В.* Русский флот и внешняя политика Петра I // *Тарле Е.В.* Сочинения: В 12-ти т. М., 1962. Т. 12.
 10. *Толстой А.Н.* Петр Первый: Роман // *Толстой А.Н.* Собрание сочинений: В 10-ти т. М., 1959. Т. 7.
 11. *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 2.
 12. [*Catiforo A.*] Vita di Pietro il Grande Imperador della Russia; Estratta Da varie Memorie pubblicate in Franska, e in Olanda. Venezia, 1736.
 13. [*Rousset de Missy J.*] Mémoires du règne de Pierre le Grand, Empereur De Russie, Père De La Patrie, & c. & c. / Par le B. Iwan Nestesuranoi. La Haye; Amsterdam, 1725. Т. 2.

А.А. Рогожин¹

Русско-польские комиссии «об обидах» в 1710-1712 гг.

Великая Северная война; комиссии; русская армия; провиант.

В работе затронут вопрос об одном из способов регулирования противоречий между армией и населением на территории Речи Посполитой в годы Великой Северной войны. На основании изучения деятельности русско-польских комиссий «об обидах» определяются причины, почему они так и не стали действенным инструментом решения споров.

Русско-польские отношения стали одним из ключевых вопросов при изучении истории Великой Северной войны 1700–1721 гг. Выбор саксонского курфюрста Фридриха Августа I польским королем Августом II, а также политические предпочтения и цели нового монарха тянули Речь Посполитую к войне, хотя вступать в нее польская сторона не торопилась. Тем не менее, при всех попытках остаться в стороне от военных действий, Польша и Великое княжество Литовское быстро стали ареной битвы шведской, саксонской и русской армий. С вступлением Речи Посполитой в войну как итога Нарвского договора 1704 г., Альтранштадтским договором 1706 г. и возникновением Варшавской и Сандомирской конфедераций, польско-литовской территории пришлось испытать на себе все тяготы войны барочного века. Всем армиям во все исторические периоды потребны ресурсы, которые проще всего брать с той территории, по которой шли войска. Чтобы не превратиться во врагов для населения страны и не допустить перерастания простого недовольства в партизанскую войну, действия собственной армии стоит контролиро-

¹ Рогожин Александр Александрович, Орловский музыкальный колледж (РФ, Орел), к.и.н., rogozhin_alexander@bk.ru.

вать. Именно потребность в таком контроле подстегнула создание комиссий «об обидах».

Еще в первой половине 1709 г. в Польшу был отправлен «Заднепровский корпус» генерал-фельдмаршал-лейтенанта Г. фон Гольца, который должен был противодействовать польским сторонникам Карла XII и не пропустить на Украину шведский корпус генерал-майора Э.Д. фон Крассау. После Полтавы военное присутствие русской армии в Польше только росло [1, с. 30–31]. В августе 1709 г. в Польшу были отправлены драгунские и пехотные полки под командованием новоиспеченного генерал-фельдмаршала А.Д. Меншикова [1, с. 34]. Также через территорию Польши перебрасывались русские войска из-под Полтавы на осаду Риги [2, с. 89].

Русское военное присутствие в Польше было закреплено Торуньским договором между Петром I и Августом II в октябре 1709 г. [3, с. 401–402]. Пребывание русских полков в Польше обострило вопрос о сборе провианта. Даже вариант с выплатой денег за все предоставленные припасы (который отнюдь не был очевидным, исходя и из состояния финансов государства, и из препятствий в переводе денежных средств), не мог предотвратить потенциально взрывоопасную ситуацию. К тому же сбор провианта, который вызывал столько нареканий со стороны Речи Посполитой, использовался Петром I не только для обеспечения русской армии, но и как один из способов наказания противников России среди польских магнатов и поддержки ее сторонников [3, с. 350–351; 4, с. 281–282, 403]. Свои претензии к польским союзникам имелись и у русского командования [4, с. 38]. Такие противоречия в любой момент могли привести к стычкам и далеко идущим политическим последствиям, грозившим ослабить влияние России, поэтому был необходим инструмент, позволивший бы оперативно решать подобные споры в самом начале. Таким инструментом должны были стать русско-польские комиссии «об обидах».

По причине растущего обоюдного недовольства Петр I в начале 1710 г. распорядился о назначении представителя русской стороны, комиссара, который бы вместе с польскими комиссарами разбирал жалобы об «обидах», неправомерных действиях солдат и офицеров против населения. Выбор царя пал на генерал-майора Я.В. Полонского, которому предписывалось «розыскивать и чинить винным экзекуцию, чего которой по воинским правам будет достоин, не описываясь к его царскому величеству» [4, с. 31]. Вместе с ним назначались генеральный писарь и секретарь Л.С. Судейкин, а также нескольких подьячих «для письма»². 17 февраля было отправлена грамота Августу II, извещавшая об отправке комиссии Я.В. Полонского, его полномочиях и целях. Кроме того, Петр I просил польского короля о назначении комиссаров от Речи Посполитой для совместной работы [4, с. 53].

Работа Я.В. Полонского не смогла погасить недовольство польского населения. Не в последнюю очередь в этом была виновата и польская сторона, так как польские комиссары, встретившись с генерал-майором, ничего не решили по поводу совместных действий и вскоре отправились

² РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1710 г. № 33. Л. 1–1об.

обратно, парализовав этим работу комиссии «об обидах» [4, с. 404]. Но часть вины за недовольство должен нести сам руководитель русской комиссии. Август II передал царю жалобы поляков на «тяготы», которые они испытывали из-за генерал-майора, а особенно его многочисленной свиты, с которой он отправлялся для расследования злоупотреблений. Из-за неудовлетворительной работы Я.В. Полонского в ноябре 1710 г. Петр I назначил руководителем русской части комиссии генерал-поручика кн. М.М. Голицына, подчинив ему генерал-майора и его людей [4, с. 402, 404]. Я.В. Полонский в январе 1711 г. успел поработать с прибывшими в Терноград польскими комиссарами, после чего был переведен комендантом в Ригу [4, с. 442]³.

Новый виток в работе комиссии был связан с посольством в Москву М. Воловича в начале 1711 г. По прибытии посол зачитал обширный список злоупотреблений русских войск в Польше [1, с. 55–57]. В результате еще во время переговоров для решения вопроса о злоупотреблениях было приказано организовать новую комиссию во главе со стольником кн. Я.И. Кольцовым-Мосальским и М.М. Аргамаковым, которым были подчинены 10 комиссаров. Для них даже были установлены сроки начала работы, 13 апреля, когда должны были прибыть и польские представители [5, с. 392]. Это было ответом на обвинения с польской стороны, демонстрировавшим готовность русского правительства строго и беспристрастно провести расследование и наказать виновных.

Судя по дальнейшим документам, назначение кн. Я.И. Кольцова-Мосальского так и не состоялось, и работу русской комиссии возглавил обер-комиссар М.М. Аргамаков. 2 марта Сенату было приказано назначить на службу 10 дьяков, причем те из них, кто был в Москве, должны были отправляться с обер-комиссаром. Остальные должны были направляться в армию сразу, как они прибудут. К каждому из 10 дьяков прикреплялись 1–2 подьячих, для сугубо канцелярской работы⁴. Дьяки распределялись по территории Речи Посполитой для ведения порученных им «розысков»⁵. При этом в Польше оставался и по-прежнему работал Л.С. Судейкин⁶.

Обер-комиссар со своим сыном Федором отправились из Москвы в Польшу в марте 1711 г.⁷ 20 мая в Яворове М.М. Аргамакову была вручена инструкция. В них предписывалось начать расследование всех «обид», нанесенных русской армией польскому населению, в первую очередь тех, что были связаны со сбором провианта и фуража. Эта инструкция была основана на жалобах посла М. Воловича, причем обер-комиссару даже был выдан «список с разговором», т.е. копия речей посла по поводу «обид» польских обывателей от русских войск⁸. Тогда же М.М. Аргама-

³ Там же. 1711 г. № 30. Л. 1–2 об., 5–6, 7 об.

⁴ Там же. 1711 г. № 33. Л. 1, 3 об., 4–5.

⁵ Там же. Л. 12–13 об.

⁶ Там же. Л. 114–114 об.

⁷ Там же. Л. 7 об.

⁸ Там же. 1712 г. № 21. Л. 29.

ков и подчиненные ему комиссары принесли присягу⁹. Однако остаток 1711 г. прошел для М.М. Аргамакова бесцельно, так как польская сторона так и не назначила своих представителей в совместную комиссию¹⁰.

Роль русско-польской комиссии «об обидах» резко возросла в 1712 г. В конце 1711 г. турецкий султан Ахмед III потребовал от русского правительства оставить Польшу «ныне и впредь». П.П. Шафиров на переговорах в Стамбуле в 1712 г. смог добиться лишь письменной гарантии от визиря, что русские войска смогут войти в Польшу, если там будут шведы. Это требование турецкой стороны совпало с ростом недовольства польского населения и активизацией сторонников С. Лещинского. Все эти неприятности заставляли рассчитывать на работу комиссии «об обидах», на которую польская сторона несколько ранее все же направила своих представителей.

Русско-польская комиссия начала работу в Познани в феврале 1712 г. Польская сторона отправила 9 своих комиссаров, тогда как русскую часть комиссии представлял лишь М.М. Аргамаков и его сын¹¹. К несчастью, особенно продуктивную работу нового варианта комиссии «об обидах» не назовешь. По признанию самого М.М. Аргамакова, польские комиссары «отговариваютца что им шляхту неволно судить на комиссии кроме сейму», а хоругви им и вовсе неподсудны¹². Указы же прибыть на комиссию для «розыска» от самого М.М. Аргамакова зачастую просто игнорировались русскими офицерами¹³. В начале лета деятельность комиссии была приостановлена до 25 июля из-за подготовки наступления в Померании, и от польской стороны остался в Познани лишь один комиссар¹⁴. 13 июля Петр I из Эльбинга направил М.М. Аргамакову указ ведать сбором провианта для русских полков, отправлявшихся в Померанию, заставив обер-комиссара переключиться на другое направление деятельности [6, с. 17]. М.М. Аргамаков еще некоторое время принимал жалобы от польских обывателей на русских офицеров и вел «розыск»¹⁵.

Работа комиссии даже в таком виде позволила канцлеру Г.И. Головкину, который с конца июля 1712 г. вел переговоры с польским послом М. Пузыней под Штеттином, отвести требование о назначении «генеральной комиссии» для разбора жалоб польского населения, сославшись на ее реальное существование в течение уже двух лет [6, с. 384–387]. Однако в августе 1712 г. в Речь Посполитую был отправлен салахор Ахмед-бей, который должен был проверить, остались ли русские войска в Польше, а заодно настроить польские правящие круги против России [1, с. 126–128]. В итоге, исключая новый повод для войны с Турцией, к концу 1712 г. русское командование вывело с территории Речи Посполитой войска, за ис-

⁹ Там же. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Входящие письма. Оп. 3. № 14. Л. 821.

¹⁰ Там же. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1711 г. № 33. Л. 113–113 об., 115–116.

¹¹ Там же. 1712 г. № 21. Л. 1.

¹² Там же. Л. 1 об.–2об., 9–10 об.

¹³ Там же. Л. 15–16.

¹⁴ Там же. Л. 14–14 об.

¹⁵ Там же. 1712 г. № 24. Л. 13–16, 17, 19–22.

ключением арьергардных частей. Потребность в существовании русско-польской комиссии исчезла. В сентябре М.М. Аргамаков отправился в Померанию¹⁶, по сути, завершив работу комиссии «об обидах».

Почти три года ни России, ни Речи Посполитой не удалось организовать работу комиссий «об обидах» так, чтобы они приносили реальную выгоду. Искать виновных непросто, так как очевидные ошибки были допущены обеими сторонами. С одной стороны, вряд ли стоит подозревать Петра I в неискренности, когда он приказывал назначить комиссаров для разбора жалоб польского населения, ведь сохранение приемлемых отношений с обывателями не только было одной из составляющих военных успехов, но и позволяло не обострять отношения с союзниками. Однако реальной власти русской части комиссии не было дано, что только затрудняло ее работу, вынуждая обращаться к военному командованию, которое, в свою очередь, не могло, да и не особенно пыталось, постоянно поддерживать обер-комиссара в его работе. Примечательно, что русский посол в Польше кн. Г.Ф. Долгоруков писал канцлеру Г.И. Головкину в июле 1712 г. о необходимости дать обер-комиссару М.М. Аргамакову «какой мочи», чтобы он мог «обидимым сатисфакции чинить», потому что сейчас «никто его не слушает», а «господа офицеры по своей воле что хотят, то делают» [6, с. 301]. Через несколько дней в письме Петру I кн. Г.Ф. Долгоруков повторил, пусть и не в таком остром виде, свое мнение о работе комиссии [6, с. 315], но уже было поздно что-либо предпринимать. С другой стороны, постоянные проволочки, а затем сознательное ограничение круга своей деятельности польской частью комиссии также не могли не отразиться негативно на ее работе. Взаимное недоверие русской и польской сторон, отягощенное напряженной военно-политической обстановкой, не дало шанса создать реально действующий инструмент регулирования отношений армии и населения, несмотря на все попытки.

1. *Артамонов В.А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714 гг.). М., 1990.
2. История Северной войны. 1700–1721 гг. / Отв. ред. И.И. Ростунов. М., 1987.
3. Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1950. Т. IX (январь – декабрь 1709 года). Вып. 1.
4. Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1956. Т. X (январь – декабрь 1710 года).
5. Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1962. Т. XI. Вып. I (январь – 12 июля 1711 года).
6. Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1977. Т. XII. Вып. 2 (июль – декабрь 1712 г.).

¹⁶ Там же. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Входящие письма. Оп. 3. № 15. Л. 101–102.

Российское посредничество во время Тарноградской конфедерации в Речи Посполитой и ее значение для замирения страны²

Тарноградская конфедерация; Речь Посполитая; внутригосударственный конфликт; Россия; дипломатическое посредничество.

В ходе внутреннего конфликта между шляхетской Тарноградской конфедерацией и королевским двором Августа II Россия выступила как посредник. Действия царя Петра I были направлены главным образом на достижение политической стабилизации в Речи Посполитой. Цель эта была достигнута, однако российское посредничество вопреки расхожим суждениям не привело к подчинению шляхетской республики интересам царской дипломатии.

Начало великой Северной войны 1700–1721 гг., в которую была втянута и Речь Посполитая, положило начало одному из наиболее глубоких кризисов в истории шляхетской республики. Кризис этот носил разносторонний характер, в особенности в военной и политической сферах, имел важные демографические и экономические последствия. Начало его следует соотносить с вступлением шведских войск на территорию Речи Посполитой в 1702 г., а завершение – с событиями «Немого сейма» 1717 г. Принятые им в результате однодневного заседания конституции в общественно-историческом сознании не воспринимаются как имевшие важное значение для польской истории. Однако следует подчеркнуть, что их появление стало результатом долгих переговоров, которые велись при российском посредничестве во второй половине 1716 г. и касались основ политического устройства польско-литовского государства. Все предпринимавшиеся в этом направлении шаги привлекали пристальное внимание как в самой Речи Посполитой, так и за ее границами и особенно в России [12, s. 175].

У истоков внутреннего конфликта в Речи Посполитой лежало введение туда Августом II в 1713 г. саксонских войск. Их содержание было возложено на шляхту, которая увидела в этом угрозу абсолютистских устремлений польского короля [11, s. 263]. В конце ноября – декабре 1715 г. антисаксонское движение приобрело более организованный характер, выразившийся в создании генеральной конфедерации, которая обладала собственным бюрократическим аппаратом и вооруженными силами. Вокруг этого нового политического центра объединились все группировки шляхты, так или иначе недовольные внутренней политикой Августа II и даже польско-саксонской унией [11, s. 272–273]. Как известно конфедерации в Речи Посполитой нередко функционировали в форме государственного института, особенно в ходе событий, носивших чрезвычайный характер [6, s. 87–91]. Противдействие политике Августа II привело к сотрудничеству в рамках Тарноградской конфедерации прошведской и про-

¹ Косцьцельняк Кароль, Университет им. Адама Мицкевича (Польша, Познань), доктор истории, kkos@amu.edu.pl.

² Перевод с польского выполнен К.А. Кочегаровым.

русской магнатских группировок. Сотрудничество это стало важным фактором, определившим политику конфедератов, по крайней мере до момента переговоров с Петром I в Гданьске, в апреле 1716 г. [5, s. 254]. Россия была приглашена на эти переговоры тарногородскими конфедератами как посредник после того, как королевская сторона попыталась навязать встречу в Раве-Русской с целью достижения соглашения. Уже 23 января 1716 г. маршалы конфедерации обратились к русским представителям в Польше Г.Ф. Долгорукому и А. Дашкову, запросив у них сведения касательно условий русского посредничества и позиции царя в этом вопросе. Успокоительный ответ Дашкова подвиг одного из лидеров конфедерации, Станислава Ледоховского на обращение 13 февраля 1716 г. с формальной просьбой о посредничестве к Петру I в надежде, что царь поможет сохранить «честь, целостность, права и вольности Речи Посполитой» [1, s. 76].

Следует подчеркнуть, что с самого начала шляхетского конфедератского движения и королевский лагерь Августа II, и Петр I подозревали, что оно инспирировано прошведской группировкой польско-литовской шляхты³. Явные сторонники конфедерации, впрочем, отвергали подобные обвинения и в данном случае скорее прошведский лагерь старался использовать шляхетское движение в своих интересах [11, s. 266–267]. Подлинный же смысл развернувшихся событий состоял в соперничестве между сторонниками реформ и защитниками шляхетских свобод [3, s. 757]. С точки зрения ревнителей «золотой вольности» любой проект реформ по определению являлся покушением на привилегированную позицию шляхты, а точнее на положение магнатерии, которая занимала лидирующие позиции в шляхетском обществе. И здесь следует поставить вопросы: действительно ли Россия заняла позицию, враждебную любым политическим переменам в Речи Посполитой? И действительно именно поэтому Петр I столь усиленно настаивал на своем посредничестве во внутреннем конфликте в Речи Посполитой? А может быть, у русского царя были иные планы?

Петр I претендовал на роль гаранта прав и свобод шляхетской республики и одновременно желал выступить посредником в переговорах конфедератов с королевским двором, объявив о вручении соответствующих полномочий с целью участия в переговорах русскому послу в Речи Посполитой, князю Григорию Долгорукому⁴. Предложив Долгорукого в качестве посредника, Петр I поручил ему представить конфликтующим сторонам такие способы разрешения противоречий, которые помогут восстановить в Польше внутреннее спокойствие. Российский монарх подчеркнул, что, если предложения приняты не будут, он будет вынужден сделать вывод о существовании иных причин возникновения конфедерации и соответственно применить «иные» средства. Последнее заявление являлось ни чем иным, как ультиматумом [1, s. 65].

³ Грамота Петра I воеводствам Речи Посполитой, объединившимся в конфедерацию. 31 октября 1715 г. – Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Archiwum Radziwiłłów. Dz. VI. Rps. II–52. S. 42–43.

⁴ «Kopia listu Cara Jegomości moskiewskiego do województw skonfederowanych» – Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. Rps. 202. K. 399–401.

Принимая во внимание политические традиции шляхетской республики тогдашней эпохи, следует признать, что в принципе они допускали посредничество в конфликте, поэтому предложения русского монарха не были чем-то необычным. Однако в польской историографии продолжается дискуссия по вопросу о том, стояла ли Россия за шляхетским движением, спроводировав образование конфедерации, чтобы затем взять его под свое покровительство и тем самым усилить свое влияние на польско-литовское государство, не допустив обретения Августом II полного суверенитета во внутренних и внешних делах. Более того, высказываются мнения, что Варшавский договор от 3 ноября 1716 г., а особенно «Немой сейм» 1 февраля 1717 г., ставшие итогом российского посредничества, привели к ограничению суверенитета Речи Посполитой, открывая России путь к интервенции во внутренние дела шляхетской республики. Подобные мнения, однако, представляются в значительной степени преувеличенными, а само наличие разных точек зрения на исследуемую проблему происходит, прежде всего из-за отождествления стремлений и целей российской дипломатии в отношении Речи Посполитой с последующими результатами связанных с ними процессов. При этом не обращается внимание на трудности, с которыми столкнулись попытки осуществить российское посредничество. Их источником была не только сложная внутренняя ситуация в Речи Посполитой, но и прежде всего, международная обстановка, связанная главным образом с соперничеством ряда держав за гегемонию в Центрально-Восточной Европе. Отсюда вытекает и преувеличенная оценка той роли, которую сыграла в примирении короля и конфедератов Россия и ее представитель Григорий Долгорукий. На самом деле ему было очень далеко от тех позиций, которые занимал в Речи Посполитой в 60-е гг. XVIII в. другой царский дипломат, Николай Репнин [4, s. 57].

Предводители Тарногородской конфедерации, и в первую очередь Станислав Ледоховский, весьма трезво оценивали международную ситуацию. Необходимо особенно подчеркнуть, что не были они податливым инструментом в руках царя, как принято утверждать. Это следует хотя бы из совокупности действий конфедератов в отношении гетманов в связи с планами лишить их власти над армией Речи Посполитой и даже подвергнуть аресту и суду за действия, совершенные во вред республике [7].

Переговоры, которые начались в Люблине, не были легкими для обеих сторон. Трудная задача стояла и персонально перед Долгоруким [2, s. 105–107]. Посреднику сначала угрожали турецко-татарской интервенцией, а затем возможностью обращения к австрийской медиации, что было ловким дипломатическим шагом тарногородских конфедератов. Однако в конце концов они приняли точку зрения царского представителя, что именно благодаря ему удастся достичь поставленных конфедерацией целей. В целом ее сторонники полагали, что внешняя поддержка облегчит им достижение целей, которые не были реализованы при помощи вооруженной силы, а именно принуждение Августа II к принятию требований шляхетского общества⁵.

⁵ С. Ледоховский – Г.Ф. Долгорукому. 22 июля 1716 г. Ленчна – РГАДА. Ф. 79.

В августе 1716 г. Долгорукий, опираясь на врученную ему инструкцию, пригрозил конфликтующим сторонам, что если кто-то из них нарушит мир и не захочет исполнить оговоренных условий его соблюдения, царь может ввести русские войска в Польшу с целью успокоения и стабилизации ситуации. Эти отряды должны будут соединиться с одной из сторон, чтобы принудить к миру того, кто нарушает мирные постановления⁶. В подтверждение этого Долгорукий направил соответствующий ординанс генералу К.Э. Ренне, командовавшему войсками, предназначенными к возможному использованию в Речи Посполитой. Включение в инструкцию Долгорукому пункта, утверждавшего, что, если какая-то из сторон не захочет прийти к согласию на основе справедливых принципов, царь поддержит противную ей сторону, свидетельствует, что Петр I старался сохранить определенное политическое равновесие в польско-литовском государстве [1, s. 77]. Долгорукий предположительно еще в июле принял решение воспользоваться данными ему полномочиями по использованию русских войск, послав корпусу Ренне распоряжение готовиться к вступлению на польские территории. Уже 9 августа в Люблине появились слухи, что русские перешли Днепр⁷. Наконец 15 сентября Долгорукий проинформировал конфедератов, что отправил Ренне приказ о вступлении в Речь Посполитую [10, с. 545]. Как представляется, генерал немедленно приступил к его исполнению.

Российская вооруженная интервенция серьезно обеспокоила конфедератов. По свидетельству одного из ее активных участников, Кшиштофа Завиши, уже 6 октября 1716 г. представители конфедерации потребовали от королевской стороны сделать совместное представление Долгорукому с требованием вывести из страны русские войска. Королевские комиссары неохотно отреагировали на это предложение, полагая, что царские отряды должны остаться на территории шляхетской республики, пока соглашение не будет заключено и ратифицировано⁸ [9, s. 343–345]. В итоге, несмотря на все старания представителей конфедерации [10, s. 648, 655], российский посол не изменил своей позиции, и корпус Ренне продолжил свой марш на запад. К концу 1716 г. он достиг Западного Буга и Немана, располжившись на расстоянии около 200 км от Варшавы. Главная квартира царских войск находилась в Гродно. Дополнительно к этим силам 10 тыс. отряд солдат под командованием генерал-поручика Родиона Боура был направлен в границы Речи Посполитой из Поморья и Мекленбурга.

Исход битвы под Ковалевом от 5 октября 1716 г., в которой саксонские войска нанесли поражение противнику, и движение корпуса Ренне повлияли на позиции конфедератов в ходе начавшихся в Варшаве пере-

Оп. 1. 1716 г. Д. 15. Л. 46–46 об.

⁶ Biblioteka Kórnicka PAN. Rps. 419. K. 323v–324v.; «Projekt respektem uspokojenia wewnętrznego Rzeczypospolitej po wyrozumianych na kilku konferencjach z obu stron» – Biblioteka Raczyńskich w Poznaniu. Rps. 1148. K. 150v–151; Lietuvos Mokslų Akademijos Vrublevskių Biblioteka Vilnius. F. 9–3116. K. 263–263v.

⁷ «Wiadomości z Lublina». 9 и 16 августа 1716 г. – Archiwum Państwowe w Toruniu. Akta miasta Torunia. Katalog II. Rps. 4777. K. 30, 31, 32.

⁸ Г.Ф. Долгорукий – К.Э. Ренне. 27 сентября (8 октября) 1716 г. Варшава – Biblioteka Ossolińskich we Wrocławiu. Rks. 276. K. 125–126.

говоров, став основной причиной скорого достижения компромиссного Варшавского соглашения. Оно было подписано 3 ноября 1716 г. Еще в ходе составления его текста на основе перемирия, заключенного 10 октября, как саксонские, так и конфедератские войска четко и без каких-то конфликтов заняли назначенные им места расквартирования на расстоянии не менее 100 км от Варшавы [10, s. 642]. В самой столице оставались лишь отряды гвардии, по всей видимости, саксонской и коронной, для охраны персоны короля.

Следует подчеркнуть, что Долгорукий не являлся подписантом Варшавского договора, тем более нельзя сказать, что текст трактата был написан под его диктовку. Единственное в чем его можно обвинить – что он не был беспристрастным посредником, и это вызывало наибольшее недовольство шляхты [4, s. 66]. Участие Долгорукого, несомненно, ускорило процесс достижения соглашения между конфликтующими сторонами, которые видели серьезную угрозу в присутствии русских войск в стране.

После подписания договора 3 ноября 1716 г. Долгорукий не принимал уже активного участия в подготовке конституции «Немого сейма», был отстранен от участия в сессиях королевских представителей и комиссаров конфедерации. Стоит особенно отметить то, что конституция Немого сейма была принята 1 февраля 1717 г. без какой-либо консультации с Долгоруким и без его одобрения. Лишь накануне этого события, 30 января он получил возможность ознакомиться с ратификационными грамотами, которыми обменялись подписанты Варшавского договора [4, s. 66–67].

Сам Долгорукий рассчитывал на то, что конфликтующие стороны по прежнему не доверяют друг другу и рано или поздно это приведет их к необходимости обратиться к Петру I с просьбой о гарантии заключенного мира, однако эти надежды русского посла осуществились только пятьдесят лет спустя⁹.

Анализируя последствия российского посредничества между конфедератами и королем, следует признать, что действия Долгорукого, в первую очередь связанные с введением в Речь Посполитую русских войск, действительно привели в конечном счете к заключению соглашения. Отряды эти, хотя и были тягостным и незванным гостем, тем не менее не представляли угрозы для завершения процесса политической стабилизации в стране, так же как и для беспрепятственного проведения «Немого сейма», поскольку находились на значительном удалении от Варшавы, также как и находившиеся более чем за 100 км от столицы конфедератские и саксонские войска¹⁰. Лишь поздней осенью 1718 г. Петр I отдал приказ о выводе российской армии с польско-литовских земель [8, s. 65–66]. Окончательно они покинули Речь Посполитую весной 1719 г.

1. *Affek M.* Rola hetmanów koronnych w genezie i przebiegu mediacji w Rawie

⁹ Г.Ф. Долгорукий – Г.И. Головкину. 9 ноября 1716 г. Варшава – РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1716 г. Д. 11. Л. 470–471.

¹⁰ Biblioteka Kórnicka PAN. Rps. 419. S. 570.

- Ruskiej w 1716 r. // *Studia i materiały do historii wojskowości*. 1994. T. XXXVI.
2. *Dziennik konfederacji tarnogrodzkiej przeciw wojskom saskim zawiązany w Polsce (1715–1717 r.)* / Wyd. E. Raczyński. Poznań, 1841.
 3. *Gierowski J.* Pruski projekt zamachu stanu w Polsce w 1715 r. // *Przegląd Historyczny*. 1959. № 50/4.
 4. *Gierowski J.* Wokół mediacji w Traktacie Warszawskim 1716 roku // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne*. 1969. Z. 26.
 5. *Gierowski J.A.* „Opisanie” urzędów centralnych przez konfederatów tarnogrodzkich // *O naprawę Rzeczypospolitej XVII–XVIII*. Prace ofiarowane Władysławowi Czaplińskiemu w 60 rocznicę urodzin. Warszawa, 1965.
 6. *Gierowski J.A.* Konfederaci tarnogrodzcy wobec możliwości porozumienia szwedzko-rosyjskiego // *Słowianie w dziejach Europy. Studia historyczne ku uczczeniu 75 rocznicy urodzin i 50-lecia pracy naukowej profesora Henryka Łowmiańskiego*. Poznań, 1974.
 7. *Gierowski J.A.* Konfederacja a postawa polityczna szlachty // *Dzieje kultury politycznej w Polsce / Pod red. J.A. Gierowskiego*. Warszawa, 1977.
 8. *Kosińska U.* Sejm 1719–1720 a sprawa ratyfikacji traktatu wiedeńskiego. Warszawa, 2003.
 9. *Pamiętniki Krzysztofa Zawiszy, wojewody mińskiego (1666–1721)* / Wyd. J. Bartoszewicz. Warszawa, 1862.
 10. *Prochaska A.* Konfederacja tarnogrodzka // *Przewodnik naukowy i literacki*. 1917. Rocznik 45. № 1–12.
 11. *Stanek W.* Generalny zjazd tarnogrodzki w 1715 r. // *Między polityką a szlacheckim partykularyzmem. Studia z dziejów nowożytnej Polski i Europy, ku czci profesora Jacka Staszewskiego*. Toruń, 1993.
 12. *Zwierzykowski M.* Negocjacje pacyfikacyjne w okresie sejmu niemego (1716–1717). Porażka partykularyzmów i sukces racji stanu? // *Spory o państwo w dobie nowożytnej. Między racją stanu a partykularyzmem / Pod red. Z. Anusika*. Łódź, 2007.

У. Косиньска¹

В окружении трех «черных орлов». Генезис переговоров о заключении договора Левенвольде²

Договор Левенвольде; дипломатия XVIII в.; Анна Ивановна; Август II Сильный; Карл VI; Фридрих Вильгельм I.

Вступление на престол Анны Иоанновны ознаменовалось возобновлением Россией активной внешней политики, одним из проявлений которого стала подготовка миссии К.Г. Левенвольде в Берлин и Вену. В ходе нее был определен круг важных вопросов в отношениях России с Австрией и Пруссией, в котором заметное место занимала проблема польского наследства в случае смерти короля Речи Посполитой Августа II. Все это, вместе с изменением общего расклада сил на международной арене, стало основой для дипломатического сближения Вены, Берлина и Москвы, хотя ратификация заключенного ими так называемого договора Левенвольде не состоялась.

Генезис и ход переговоров о заключении так называемого трактата Левенвольде от 13 декабря 1732 г. до сих пор не представлены в исторической науке в монографической форме, а суждения и мнения об этом событии различаются [6; 13; 12; 8]. Одной из главных трудностей в его ис-

¹ Косиньска Уршула, Институт Истории Варшавского Университета (Польша, Варшава), доктор хабилюваний, u.kosinska@uw.edu.pl.

² Перевод с польского выполнен К.А. Кочегаровым.

следовании является необходимость проведения научного поиска аж в четырех государственных архивах: в Москве, Вене, Берлине и Дрездене. Только комплексное изучение источников позволит выяснить, каков был генезис данного соглашения Австрии, Пруссии и России – трех «черных орлов».

В течение великой Северной войны 1700–1721 гг. Речь Посполитая превратилась в государство, на которое Россия оказывала значительное политическое влияние. Начиная с 1720-х гг. польский вопрос фигурировал в двусторонних российско-пруссских договорах, заключавшихся в феврале 1720 и августе 1726 г. [3, с. 197–200, 236–251]. В конце 1726 г. появились первые признаки возможности трансформации этих соглашений в систему постоянного политического контроля над Речью Посполитой. В прусско-австрийском договоре, заключенном в Вустерхаузене 12 октября 1726 г. появился тезис, что в российских и польских делах стороны будут стремиться прийти к взаимному соглашению, признавая свои обязательства на этот счет [7, s. 54].

Фактор русско-австрийских отношений сыграл таким образом в формировании предпосылок к заключению договора трех «черных орлов» ключевую роль. С самого начала в их фокусе оказалась проблема совместно согласованного кандидата на польский трон. Император Карл VI не хотел, чтобы после смерти польского короля Августа II корону получил поддерживавшийся Францией Станислав Лещинский. Возражения вызывала и персона Фридриха Августа, который был сыном польского монарха и саксонского курфюрста, в том числе из-за отказа Августа II признать Прагматическую санкцию 1713 г. Еще в 1727 г., следуя основному смыслу российско-пруссского договора 1726 г., император согласился, чтобы общим кандидатом на польский престол стал кто-то из аристократов Речи Посполитой, но не выдвинул конкретной кандидатуры [2, с. 117–118].

Осенью 1728 г., когда Август II серьезно заболел, русский посол в Вене Людвиг Ланчинский, опираясь на упомянутые договоренности 1727 г., вновь вернулся к данной теме. Он получил уверения позитивного характера, что цели австрийской политики на данном направлении согласуются с российской политикой, выражаясь в стремлении сохранения в Польше свободной элекции, возведения на трон «Пяста», настроенного дружелюбно по отношению к соседям, и исключение из числа кандидатов Станислава Лещинского [2, с. 119–121]. В феврале 1729 г. Ланчинский получил указ провести с австрийской стороны переговоры по ряду вопросов и в том числе о заключении соглашения касательно польской элекции, по вопросу созыва конгресса европейских государств в Суассоне и об урегулировании проблемы Мекленбурга, герцог которого был женат на царевне и великой княжне Екатерине Ивановне. Это свидетельствовало о том, что с точки зрения России основой возможного соглашения с Веной должны были стать не только польские дела, но и вопросы, касавшиеся российских интересов в Священной Римской империи [2, с. 122]. Упомянутые российские инициативы могли привести к возникновению в начале 1729 г. австрийского проекта возведения на

польский престол португальского принца Эммануила, родственника императора Карла VI [7, s. 348, 351; 9, s. 433–434]. При этом австрийский двор полагал необходимым достичь в этом вопросе также соглашения с Пруссией, чтобы не допустить ее сепаратных договоренностей непосредственно с Августом II [2, с. 123–124].

В мае 1729 г. в Москве начались переговоры о возобновлении казавшихся Польши положений российско-прусского договора 1726 г. Австрийская сторона выразила готовность присоединиться к планируемому соглашению, которое должно было сохранить Речь Посполитую в сфере влияния трех держав и дать Австрии гарантии безопасности на востоке и западе. «Таким образом, – говорил граф Фридрих Генрих фон Зекендорф, – возник бы сильный союзу трех государств, с которым должны будут считаться остальные северные державы» [7, s. 356–357]. Это первое конкретное упоминание о желательности создания трехстороннего альянса, который под предлогом приемлемого для Вены, Берлина и Москвы решения польского вопроса мог бы контролировать «северные дела». Возобновление российско-прусского договора состоялось 9 (20) сентября 1729 г. Среди прочего, он регулировал взаимодействие дипломатов обеих стран в польских делах с возможностью доверительного обсуждения их с представителями третьих государств [3, с. 271; 10, s. 144–151]. В целом в заключавшихся двусторонних соглашениях все чаще фигурировали условия о возможности информирования третьей стороны о предпринятых внешнеполитических шагах.

В начале 1730 г. на российский престол вступила Анна Иоанновна. Объявленное ей восстановление самодержавных прав монарха в полном объеме обусловило возвращение России к активной международной политике. При этом германский император потребовал подтверждения Россией обязательств о предоставлении австрийской стороне 30 тыс. вспомогательного корпуса в соответствии с соглашением 1726 г. [4, с. 66–69]³. Российская же сторона ожидала, что Карл VI с большей охотой займется поддержкой интересов Москвы на Суассонском конгрессе, включая признание российских территориальных приобретений по итогам Северной войны и урегулирование мекленбургской и голштинской проблем. Однако Вена в указанное время была заинтересована скорее в возобновлении союза с Англией и Голландией, острие которого было направлено против Бурбонов, не упуская из виду и восточный фланг своей внешней политики [4, с. 93]. Летом 1730 г. австрийская сторона направила в Москву португальского принца Эммануила, не согласовав визит с российским правительством. Поездка была предпринята якобы по частной инициативе принца, однако все указывает на то, что главной ее целью было неофициальное представление Анне Иоанновне австрийского кандидата на польский трон. В итоге Эммануил не смог заручиться поддержкой ни в Польше, ни в России, что ставило под сомнение возможность его избрания. Однако сама по себе его миссия имела определенные дипломатические последствия [9, s. 435–437; 13, s. 24].

³ АВПРИ. Ф. 32. Оп. 1730. Д. 5. Ч. 1. Л. 133–134, 150–153 и след.

Вскоре, в октябре 1730 г. австрийский посол в России граф Вратислав устно представил вице-канцлеру А.И. Остерману проект нового трехстороннего австро-российско-прусского союзного договора, касавшегося замещения польского трона в случае бескорольевья. Из кандидатов на престол исключали Лещинского, а претензии саксонской династии Веттинов могли быть удовлетворены только при условии согласия на требования союзников. В противном случае предлагалось выдвинуть кого-то из польских магнатов либо представителя младших линий владетельных династий Европы. Хотя посол и не упоминал инфанта Эммануила, мысль о поддержке «принца-кадета» была несомненно связана с его фигурой [2, с. 126–127; 4, с. 93; 9, с. 438]. В декабре 1730 г. Вратислав изложил свой план на письме, сосредоточившись главным образом на политических принципах планируемого альянса. Проект договора предполагал соглашение трех держав касательно сохранения мира в Речи Посполитой, выдвижения одобренного тремя дворами кандидата на польскую корону, гарантии неизменности политической системы шляхетской республики, а также осуществление направленных на реализацию этих мер шагов еще при жизни Августа II [2, с. 127–129; 4, с. 93–94]. 2 (13) января 1731 г. царица одобрила проект соглашения [5, с. 381; 1, с. 50–51] и тем самым концепция союза трех «черных орлов» стала приобретать более отчетливые очертания, однако лишь после подписания договора с Англией 5 (16) марта 1731 г. Вена смогла вернуться к продолжению консультаций о его заключении [4, с. 81]⁴. 12 (23) июня 1731 г. австрийская сторона заявила о готовности одобрить присоединение России и Пруссии к новому договору и одновременно выступить в качестве посредника между Россией, с одной стороны, и Англией, Пруссией и Данией, с другой. Таким образом Россия получала возможность урегулирования тянувшихся уже много лет нежелательных для нее, но весомых с точки зрения династических интересов мекленбургской и голштинской проблем⁵.

Той же самой весной 1731 г. Пруссия обеспокоилась усилением активности дипломатии польского короля в Москве, а особенно предложениями о возобновлении российско-польского союза и брака герцога Фридриха Августа Саксен-Вейсенфельс с княжной Елизаветой Мекленбургской (Анной Леопольдовной) с передачей им герцогства Курляндского⁶. 5 мая 1731 г. Берлин представил Москве проект урегулирования курляндского вопроса, согласно которому трон герцогства должен был отойти Карлу Фридриху, маркграфу Бранденбург-Шведтскому, родственнику прусского короля Фридриха Вильгельма I, а также выразил свою поддержку по поводу возможно заключения трехстороннего договора с императором [14, с. 124–125]⁷.

Переговоры о заключении австро-прусско-российского союза внезапно ускорились. 6 (17) июля официальные австрийские предложения о

⁴ Там же. Л. 11–15 об., 28–31 об., 36–37.

⁵ Там же. Л. 254–269 об.

⁶ GStA PK (Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, Berlin–Dahlem). I HA. Rep. 11. 6710. P. 20, 37–38, 53–53v.

⁷ Ibid. 6711. P. 23–23v.

присоединении России и Пруссии к Венскому договору достигли Москвы [11, s. 574–579]. Двумя днями позднее, 8 (19) июля Анна Иоанновна распорядилась отправить в Вену камергера Карла Густава Левенвольде, доверенное лицо «известной верности и достоинства»⁸. Проект инструкции ему был подготовлен 15 (26) июля 1731 г., причем императрица лично «указала все те пункты, которые касаются до Польши, Курляндии, также же и пункту о дацкой негоциации, написать в секретной инструкции». Оригинал инструкции был подписан 19 (30) июля. Подписи вице-канцлера А.И. Остермана и канцлера Г.И. Головкина, а также участие самой Анны Иоанновны и ее фаворита Эрнста Бирона в подготовке и редактировании документа свидетельствуют, что он выражал официальную позицию российского двора⁹.

Публичной целью миссии Левенвольде было достижение соглашения как по вопросам общеевропейского характера, так и в партикулярных интересах обоих дворов. Обращает на себя внимание присвоение российскому дипломату высокого ранга полномочного министра. Левенвольде должен был затронуть в Вене ряд проблем и в том числе персидский и турецкий вопросы, задекларировать готовность участия в «генеральном успокоении Европы» и восстановления дипломатических отношений с Англией; выразить надежду, что Россия будет освобождена от обязательств в отношении герцогов голштинского и мекленбургского, наконец, напомнить о Курляндии, которая не должна быть включена в состав Речи Посполитой, сохранив ныне существующую форму правления¹⁰.

Секретные разделы инструкции¹¹ касались среди прочего пограничных польско-пруссских проблем, вызванных вооруженными акциями Берлина по похищению польских подданных как рекрутов в прусскую армию (эту акцию называли «насильственным беседованием»). Понятное недовольство поляков посол должен был представить в Вене как предлог, который Август II хочет использовать «чтобы ловить рыбу в мутной воде», реализовав – будто – в Речи Посполитой план установления наследственного правления саксонской династии или даже с целью аннексии части земель империи. И хотя Анна Иоанновна заявляла, что хотела бы предотвратить возможную войну, одновременно она выражала согласие на участие в ней в соответствии с обязательствами по союзному трактату с Пруссией, который был возобновлен 19 (30) сентября 1730 г. [3, с. 275–291]¹². Другая часть секретной инструкции касалась способов урегулирования отношений России с Данией в голштинском вопросе при посредничестве Вены¹³. Нашлось в секретном разделе инструкции и место для сугубо польских дел. Здесь говорилось о возможности заключения трехстороннего договора в деле определения наследника на польский трон, необходимости исключения из этого процесса Лещинского и согласова-

⁸ АВПРИ. Ф. 32. Оп. 1. 1731. Д. 6. Л. 12.

⁹ АВПРИ. Ф. 32. Оп. 1. 1731. Д. 6. Л. 70; GStA PK. I NA. Rep. 11. 7134.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 32. Оп. 1. 1731. Д. 6. Л. 12–22.

¹¹ Там же. Л. 54–58 об., 60–62 об., 67–70.

¹² Там же. Л. 55–56.

¹³ Там же. Л. 60–62 об.

ние кандидата, удобного всем трем соседям. Царица ожидала, что Вена сформулирует собственные условия, и поэтому приказала Левенвольде сначала ехать в Берлин, где он должен был вести переговоры касательно угрозы прусско-польской войны и обещать, с учетом остроты вопроса о Курляндии и польском наследстве, посредничество российского двора в урегулировании («тушении») данной проблемы одновременно с выражением согласия на передачу Курляндского герцогства маркграфу Карлу Фридриху [2, с. 129–130]¹⁴.

Ход переговоров Левенвольде, которые начались в первых днях сентября 1731 г. является темой отдельного дальнейшего исследования. Здесь же, в заключение, стоит поставить ряд вопросов: какие проблемы привели к сближению и объединили государства с такими различными интересами, как Россия, Австрия и Пруссия? Что стало основным импульсом для начала переговоров? Представляется, что таким импульсом не был исключительно вопрос польского наследства, а скорее комплекс причин, связанный с общим раскладом сил на международной арене. Австрия в 1731 г. нуждалась в углублении союзных связей с Россией по причине обострявшегося конфликта с Францией. В виду этого Вене следовало обезопасить турецкий и польский фланги, исключив вероятность вступления на польский трон французского кандидата и обеспечивая таким образом возможность марша русских войск через Речь Посполитую в направлении империи и Турции. Россия также нуждалась в союзе с Австрией, и особенно в ее поддержке на турецком и персидском направлениях своей внешней политики, также как в содействии Вены в делах решения своих давних проблем в рамках империи (Мекленбургский и Голштинский вопросы) и восстановления хороших отношений с Англией. Москва желала снова участвовать в европейских делах на правах крупной политической силы. Союз с Веной давал ей такую возможность, одновременно формируя надежную основу для российской политики в Польше (в данном случае, как показало время, Россия намеревалась играть первую скрипку). Пруссия же желала в первую очередь новых территориальных приобретений в виде Юлиха и Берга, Курляндии либо части польских земель. Да и в целом Берлин, принимая во внимание процессы внутривосточного соперничества в империи, был стратегически заинтересован в ослаблении саксонской династии Веттинов. Пруссия была самым слабым звеном трехстороннего соглашения, хотя и необходимым, поскольку ее отсечение на вторые роли могло оказаться на руку противникам Австрии (что и произошло в 1734 г.).

1. *Герье В.И.* Борьба за польский престол в 1733 году. М., 1862.
2. Историческое известие об избрании на польский престол короля Августа III в 1733 году / Изд. Н.Н. Бантыш-Каменский // *Русский вестник*. 1841. № 4.
3. *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 5. Трактаты с Германией. СПб., 1889.
4. *Нелитович С.Г.* Союз двуглавых орлов. Русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010.

¹⁴ Там же. Л. 67–69.

5. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 2002. Т. 19.
6. *Droysen J. G.* Geschichte der Preussischen Politik. Leipzig, 1870. Bd. 4. Th.
7. *Kosińska U.* August II w poszukiwaniu sojusznika. Między aliansem wiedeńskim a hanowerskim (1725–1730). Warszawa 2012.
8. *Kosińska U.* Finansowy aspekt wyboru kandydata do polskiego tronu na przykładzie przygotowań państw ościennych do bezkrólewia po śmierci Augusta II // Pecunia nervus belli. Z dziejów dyplomacji i stosunków międzynarodowych w XV–XVIII wieku / Red. M. Markiewicz, R. Skowron, F. Wolański. Katowice, 2016.
9. *Kosińska U.* Kandydatura Emanuela Portugalskiego (Don Manuela de Bragança) do tronu polskiego w latach 1729–1733 // Wokół wolnych elekcji w państwie polsko-litewskim XVI–XVIII wieku. O znaczeniu idei wyboru – między prawami a obowiązkami / Red. M. Markiewicz, D. Rolnik, F. Wolański. Katowice, 2016.
10. *Kosińska U.* Liberum veto jako narzędzie niszczenia sejmów przez państwa ościenne w czasach Augusta II // Biblioteka Epoki Nowożytnej. T. 4. 2016. № 1.
11. *Kosińska U.* Stosunki Augusta II z Rosją w latach 1730 – początek 1733 w świetle relacji saskiego posła w Moskwie i Petersburgu Jeana Le Forta // Kwartalnik Historyczny. Rocznik 121. 2014. № 3.
12. *Staszewski J.* Traktatu Loewenwolda nie było! // Sobótka. 1996. Z. 1–3.
13. *Strobl W.* Osterreich und der polnische Thron 1733 (diss.). Wien, 1950.
14. *Strohm K.* Die kurländische Frage (1700–1763). Eine Studie zur Mächtepolitik im Ancien Régime. Berlin, 1999.

М.Ю. Анисимов¹

Дипломатическая работа в Варшаве российского посланника Ф.М. Воейкова в 1760–1762 гг.

Русско-польские отношения; Семилетняя война; российская дипломатия XVIII в. После завершения Семилетней войны Речь Посполитая заняла главное место в российской внешней политике. Однако русско-польские отношения в предыдущий период, во время Семилетней войны в Европе, остаются малоизученной проблемой историографии. В 1759–1762 гг. пост русского посланника в Варшаве занимал Ф.М. Воейков, работа которого во многом противоречила прежней линии российской дипломатии в Речи Посполитой.

Одной из малоизвестных страниц российско-польских отношений является период Семилетней войны, когда территория Речи Посполитой превратилась в тыловую базу русской армии, действующей против Пруссии. В конце 1758 г. опытного дипломата Г. Гросса на посту русского посланника в Польше сменил генерал-поручик Ф.М. Воейков. Однако познакомиться в фонде «Сношения России в Польше» Архива внешней политики Российской империи с его донесениями не удалось, так как в связи с их плохой сохранностью (обусловленной в том числе и их невостребованностью исследователями ранее) все дела с реляциями за 1759–1762 гг. нуждаются в реставрации и исследователям не выдаются. О каких-то донесениях, впрочем, можно судить по отсылкам к ним в рескриптах Воейкову из Петербурга (эти документы доступны). Большой удачей стало обнаружение в описи фонда «Варшавская миссия» дела, озаглавленного как «Копии с двух реляций Воейкова 1760–1762 гг.». Как оказалось, это дело состоит из копий всех реляций Воейкова с 1 января 1760 г. до 31 декабря

¹ Анисимов Максим Юрьевич, Институт российской истории (РФ, Москва), к.и.н., rusintrel@list.ru.

1761 г.², что позволяет осветить его работу на посту посланника в Речи Посполитой.

Ф.М. Воейков не был боевым генералом, он имел опыт представления русских интересов в формально польской Курляндии, затем был рижским губернатором, а после работы в Варшаве в 1762 г. также занимал губернаторские должности. Сама работа Воейкова действительно может иметь параллели с губернаторской: он старался точно выполнять предписанные ему Петербургом инструкции, не проявляя особой инициативы (иногда получая рескрипты с неудовольствием этим канцлера Воронцова). Отсутствие дипломатического опыта и знаний специфики польско-литовского общества привели Воейкова к тому, что он стал первым российским дипломатом, однозначно вставшим на сторону одной из сторон магнатских конфликтов, раздиравших тогдашнюю Речь Посполитую, хотя ему и присылались рескрипты с указаниями поддерживать мир между магнатами и не раздражать стороны. Основным затяжным конфликтом была давняя борьба группировки магнатов князей Чарторыйских с королевским двором. Еще в 1756 г. группировка Чарторыйских относилась к партии российских сторонников, с которой поддерживали тесные связи все русские дипломаты, но Воейков не имел с ними никаких контактов, сосредоточившись на отношениях с королевским двором, который тоже придерживался пророссийской ориентации; после начала Семилетней войны и изгнания двора из Дрездена в Варшаву его стал поддерживать и официальный Петербург, предпочтя забыть прежние разногласия [1, с. 268–269]. В реляциях Воейкова проглядывает нескрываемое раздражение и недовольство Чарторыйскими, он гораздо больше описывает других магнатов, ставя их выше, что, безусловно, было большой ошибкой. Его предшественники в Дрездене и Варшаве всегда отмечали, что Чарторыйские «никогда в презрение не войдут»³, и оказались правы – именно Чарторыйские будут играть важнейшую роль в Речи Посполитой после смерти Августа III в 1763 г., когда племянник лидеров группировки братьев Чарторыйских Станислав Понятовский станет польским королем. Одной из новых задач русского посланника стало обеспечение спокойного прохода и нахождения в Речи Посполитой русской армии, использовавшей польско-литовские территории как тыловую базу в войне против Пруссии. Воейков часто признавал справедливость польских претензий к русским войскам и советовал военным начальникам действовать осмотрительно, учитывая специфику дворянской республики.

В целом опыт назначения в Варшаву посланником генерала нельзя признать удачным. Несмотря на успешные действия по обеспечению присутствия русской армии в польских владениях, Воейков не преуспел в налаживании контактов с ведущими оппозиционными политическими силами Речи Посполитой.

1. *Анисимов М.Ю.* Российская дипломатия в Европе в середине XVIII века: от Ахенского мира до Семилетней войны. М., 2012.

² АВПРИ. Ф. 80 (Варшавская миссия). Оп. 1. 1760–1762 гг. Д. 610.

³ Там же. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Оп. 1. 1754 г. Д. 5. Л. 100.

Просопографическое изучение дипломатического корпуса Русского государства XVII в.

Дипломатия; просопография; история России; XVII в.; служилые люди.

Обоснование необходимости комплексного просопографического изучения кадрового состава дипломатического корпуса России XVII в. на основании материалов архивов Посольского и Разрядного приказов и составления базы данных лиц, ездивших в дипломатические посылки, и изучения на этой основе проблем кадровой политики правительства, служебной иерархии и местничества, системы материального обеспечения, карьеры и профессионального самосознания, документального обеспечения в области дипломатической службы.

Россия в XVII столетии не поддерживала постоянного дипломатического представительства ни в одной европейской державе, за исключением недолгих эпизодов в Швеции, Польше и Крымском ханстве. В контактах России с ее внешнеполитическими партнерами преобладали чрезвычайные миссии, что отражало ограниченность связей с внешним миром, впрочем, понемногу преодолевавшуюся в течение столетия. Такое положение дел превращало дипломатию в один из важнейших способов контакта Русского государства и общества с внешним миром, а дипломатическую службу – в один из существенных видов службы, с которым в своей жизни приходилось сталкиваться и родовитому боярину, и представителю приказной бюрократии, и рядовому члену Государева двора. Между тем именно о персональном составе русских дипломатических представителей мы знаем не так много. Не существует специальных обобщающих исследований ни кадрового состава русских дипломатов, ни места дипломатических посылок в развитии их служебной карьеры.

В последние годы отмечается развитие целого ряда направлений исторического знания, релевантных для изучения государственной службы на материале XVII в.: развиваются биографические исследования (см.: [4]), изучается история различных категорий служилых людей – от боярской аристократии и членов Государева двора до приказной бюрократии, дворянских корпораций и служилых людей «по прибору», история государственного управления (работы А.П. Павлова, О.В. Новохатко, А.В. Белякова, Е.Н. Горбатова и мн. др.), внешняя политика и международное положение России. При работе над всеми этими направлениями историки сталкиваются с серьезными пробелами в справочной литературе, когда требуются огромные усилия и работа с большими массивами архивных документов, чтобы заполнить лакуны в карьерном пути исторических деятелей, попадающих в фокус исследования. В особенной степени это относится к дипломатическим службам, участие в которых большинства вовлеченных лиц вообще невозможно отследить, не обращаясь к архивам.

В эпоху, когда еще не были введены в практику учета личного состава послужные и формулярные списки, нет простого и доступного способа выяснить ход служебной карьеры того или иного лица. Частичную воз-

¹Прудовский Петр Игоревич, РГАДА (РФ, Москва), к.и.н., hypolimnion@gmail.com.

возможность сделать это предоставляют боярские списки, т.е. документы по учету личного состава Государева двора, составлявшиеся несколько раз в год и содержащие пометы о служебных назначениях тех или иных представителей элиты. Однако, несмотря на большое продвижение в последние годы, пока издана лишь их меньшая часть. В любом случае, даже при полной публикации использование их для выяснения дипломатических назначений остается крайне неудобным и громоздким делом.

Фактически исследователь, стремящийся выяснить историю дипломатических служб того или иного лица, сейчас может воспользоваться лишь тремя изданиями: незаконченным справочником С.А. Белокурова [2], трудом Н.Н. Бантыша-Каменского [1] и перечнем дипломатов «всех стран» с 1648 г. [11]. Во всех этих работах учтены лишь главы миссий и их товарищи. Сами издания являются библиографической редкостью и не слишком удобны в использовании. В первом из них учтены лишь миссии в Австрию и Венгрию. В последнем собраны сведения лишь о миссиях с 1648 г. В итоге приходится сначала брать указатели к этим трудам и по ним выяснять, какими миссиями руководил данный человек, а затем обращаться к подлинным архивным делам и выискивать там необходимые сведения: дату указа о назначении, размеры денежного и натурального обеспечения, состав свиты и др. При этом имена второстепенных членов посольства вообще не попадают в поле зрения историков, поскольку не учитывались в существующей справочной и, по большей части, научной литературе по внешнеполитическим связям России.

Отсутствие в справочной литературе по допетровской Руси работы о дипломатическом корпусе – лакуна тем более заметная, что по другим категориям служб и служилых людей существуют классические справочники и обширная историография.

Исследовательская литература, в которой на систематическом материале рассматривались бы проблемы, связанные с просопографическим изучением дипломатического корпуса, фактически отсутствует. Более того, подобных исследований крайне мало и в мировой историографии применительно к дипломатическим службам других стран той эпохи. За исключением работы об английском дипломатическом корпусе при последних Стюартах [8], фактически можно назвать лишь работы, посвященные дипломатической практике и организации дипломатической службы в целом или на примере отдельно взятой страны, как правило, Франции [10; 9; 12; 5; 6; 7].

По предварительной оценке, в XVII в. в дипломатических посылках за границу побывало несколько тысяч человек, значительная часть которых относилась к слоям правящей элиты Русского государства – членам Государева двора. При этом более двух третей этих путешественников посещали европейские страны, какая-то доля ездила и в страны Запада, и в страны Востока (характерный пример – В. Тяпкин, заключивший Бахчисарайский договор 1681 г.). Все это должно было способствовать расширению политического и культурного кругозора как самих дипломатов и их спутников, так и членов их домохозяйств и круга близких им людей. Есть основания полагать, что помимо иностранных специалистов,

приезжавших на службу в Россию, пленных, захваченных в ходе войн с Речью Посполитой и Швецией (характерен пример переводчика Посольского приказа Леонтия Гросса, попавшего в русский плен в ходе Рижского похода царя Алексея Михайловича – см. [3, с. 37–50]), именно лица, ездившие в посольства, стали одними из основных проводников польского и западноевропейского культурного влияния, усилившегося в России второй половины XVII в. В частности, этому способствовал постепенный отказ в западноевропейских государствах от практики изоляции иностранных дипломатов.

Назрело создание базы данных, содержащей сведения о всех лицах, направлявшихся в дипломатические посылки в XVII в., о которых сохранились данные в архиве Посольского приказа. Для контроля имеет смысл привлечь и данные учета личного состава Государева двора Разрядным приказом. Именно в архивных фондах содержится источник наиболее систематической информации о персональном составе дипломатических миссий. Его не могут заменить ни опубликованные источники, ни историография внешнеполитических связей России, поскольку ни публикаторы, ни исследователи не ставили себе целью собрать и представить полных данных о личном составе; многие периоды и направления внешней политики исследованы пока еще совершенно недостаточно. Между тем сохранность фондов Посольского приказа после Смуты весьма высока, а немногочисленные утраты возможно восполнить благодаря имеющимся описям архива Посольского приказа 1626 и 1673 гг.

Что должна из себя представлять подобная база данных? Думается, она должна включать следующие сведения: руководители миссий всех уровней (великих послов, послов, посланников, «посланных», гонцов), их товарищи, сопровождающие их дьяки и подьячие, толмачи и переводчики, при наличии данных – члены свиты. Далее, едва ли можно составить представление о службе дипломатических лиц без данных об их номинальных окладах и денежном и натуральном жаловании для данной посылки. Далее, необходимы датировки основных документов миссии: верующих и проезжих грамот, наказов, начальные и конечные даты статейных списков. Конечно, собирать данные необходимо о посылках не только за границу, но и на пограничные (или условно пограничные, как в Деулине в 1618 г.) «съезды», на которых, в частности, были заключены важнейшие мирные договоры Русского государства той эпохи (Столбовский, Андрусовский и др.). Кроме того, имеет смысл привлечение данных о пограничных межеваниях, которые также можно рассматривать как разновидность дипломатической службы.

Географически нет оснований выделять какие-то регионы – нужно охватить все внешние контакты России, о которых сохранились первичные материалы в архиве Посольского приказа. Сюда включаются как независимые державы Европы и Азии, так и вассальные и зависимые территории (украинский Гетманат, донские казаки, калмыки и др.), поскольку, по-видимому, принципы назначения в посылки туда соответствуют такому в независимые государства, во всех случаях это оформлялось как посольское дело.

Подобная база данных станет незаменимым источником информации о карьере тысяч служивых людей и позволит историкам составить намного более точное представление о дипломатической службе в допетровской России.

Целый ряд актуальных проблем истории дипломатической службы и практики может быть решен только на основании полного и систематического обследования всего комплекса первичных данных. Напротив, любые попытки ограничиться выборками или сузить хронологические рамки грозят существенными упущениями данных, могущих кардинально изменить всю картину. К таким проблемам относятся, например:

1) Принципы кадровой политики правительства при выборе кандидатов на дипломатические посты, факторы, определявшие эти назначения.

2) Развитие системы денежного и натурального обеспечения дипломатических миссий и оценка финансовой нагрузки дипломатии на государство.

3) Система посольских рангов и ее соотношение с системой, принятой в странах Западной Европы. Зависимость ранга от придворного положения лица, от страны назначения, в том числе от ее положения в представлениях об иерархии государств Европы и мира, от дальности пути. Решение данной проблемы позволит проверить данные Г.К. Котошихина, на которых до сих пор во многом основываются историки.

4) Посольская свита и, в частности, «посольские дворяне». Сопровождение посла как особый вид службы.

5) Документальное обеспечение и наследие дипломатической миссии. Основные виды документов и развитие их формуляра.

6) Посольская служба и местничество.

7) Самосознание и профессиональный этос дипломата.

1. *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1894–1902. Ч. 1–4.
2. *Белокуров С.А.* Списки дипломатических лиц русских за границей и иностранных при Русском дворе: (с начала сношений по 1800 г.). М., 1892. Вып. 1.
3. *Лаврентьев А.В.* Люди и вещи: Памятники русской истории и культуры XVI–XVII вв., их создатели и владельцы. М., 1997.
4. Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Материалы международной научной конференции, Москва, 13–14 октября 2016 г. М., 2016.
5. *Anderson M.S.* The Rise of Modern Diplomacy, 1450–1919. New York, 1993.
6. *Bely L.* L'art de la paix en Europe. Naissance de la diplomatie moderne XVIe – XVIIIe siècle. Paris, 2007.
7. *Krischer A.* Das Gesandtschaftswesen und das vormoderne Völkerrecht // Rechtsformen internationaler Politik: Theorie, Norm und Praxis vom 12. bis 18. Jahrhundert / Hrsg. von M. Jucker, M. Kintzinger, R. Ch. Schwinges. Berlin, 2011.
8. *Lachs Ph. S.* The Diplomatic Corps under Charles II and James II. New Brunswick, New Jersey, 1965.
9. *Mattingly G.* Renaissance Diplomacy. Boston, 1955.
10. *Picavet C.-G.* La diplomatie française au temps de Louis XIV (1661–1715). Institutions, moeurs et coutumes. Paris, 1930.

11. Repertorium der diplomatischen Vertreter aller Länder seit dem Westfälischen Frieden (1648). 1. Bd. 1648–1715 / Hrsg. von L. Bittner und L. Gross. Oldenburg, 1936.
12. *Roosen W. J.* The Age of Louis XIV: The Rise of Modern Diplomacy. Cambridge, Mass., 1976.

А.А. Селин¹

Карьера «московского немчина» Ээриики Антинпойка: от переводчика до военного комиссара

Эрик Андерссон Трана; Смутное время; размежевание; переводчик; военный комиссар.

Функция переводчика в годы Смуты была чрезвычайно востребована. Статья посвящена биографии одного из таких переводчиков, Э. Андерссона, прошедшего путь от крестьянского мальчика Выборгского лена к переводчику при генерале Деллагарди, а затем к королевскому военному комиссару.

Потребность в переводе, острая в сложных политических баталиях Смуты, делала «профессию» толмача и переводчика крайне востребованной. Заметное место среди переводчиков Смутного времени, появившихся в разных областях государства, играли «московские немцы», поселенные в Москве пленники Ливонской войны и последующих военных действий на «немецкой уkraine». Н.Б. Шеламанова [2] и Т.А. Опарина [1] показали, что с 1570-х гг. в Москве существовало компактное поселение ливонцев. Потомки этих людей в годы Смуты охотно принимались на службу как в приказы, так и в действовавшие военные отряды. В 1610 г. несколько «немцев» были прикомандированы к войску Якоба Деллагарди и позднее прошли с шведским корпусом долгий путь, от Москвы к Клушину, Кореле (Кексгольму) и Новгороду Великому, а после 1617 г. в большинстве своем стали субъектами шведского королевства.

Одна из самых ярких карьер среди «московских немцев» принадлежала Эрику Андерссону (Ирику Андрееву, Ээриики Антинпойка Куркинену). Жизнь нашего героя можно разделить на три части: детство, включавшее в себя, вероятно, путь из Выборгской округи в Москву и обучение русскому языку, затем – служба в переводчиках сперва при Я. Деллагарди, а затем в межевых комиссиях в Ингрии и Карелии и, наконец, административная и военная служба дворянина Траны в Шведском королевстве, завершившаяся гибелью при осаде Миндена в 1634 г. Первый и последний период наиболее подробно освещен в биографии Э. Андерссона пера А. Корхонена [3], второй гораздо менее изучен.

Эрик Андерссон родился приблизительно в 1586 г. в семье финского крестьянина в округе Выборга. Его отец Анти Пекко 13 лет пробыл в плену в Москве и выучил там русский и татарский языки, которым впоследствии обучил сына. Андерссон был одним из тех четверых мальчиков, занятия которых по русскому языку оплачивал король Карл IX. Какое время пришлось на «московский» период жизни Эрика Андерссона, неясно.

¹ Селин Адриан Александрович, НИУ ВШЭ (РФ, Санкт-Петербург), д.и.н., aselin@hse.ru.

Квитанции на получение его жалования в войсках Делагарди известны с января 1610 г. После взятия Новгорода Великого в июле 1611 г. Эрик Андерссон – среди значительной группы переводчиков и толмачей в «штабе» Якоба Делагарди (скорее, впрочем, в административном аппарате секретаря М.М. Пальма) [4]. По всей вероятности, в первое время ему не доводилось соприкасаться с новгородцами; в любом случае имя Э. Андерссона до 1614 г. не известно новгородским приказным документам. Видимо, именно при М.М. Пальме молодой переводчик сформировался в будущего военного администратора. С 1614 г. переводчик «Ирик Андреев» неожиданно занимает ведущую роль не только в хозяйственной жизни, но и в целом – в управлении городом. Полагаю, это было связано с переменами в режиме: фактическому отказу шведской администрации от альянса с новгородцами и переходу к открытой оккупации. По времени это соотносится с отпуском Якоба Делагарди, которого заместил Эверт Горн, а также с отстранением дьяков П. Григорьева и С. Лутохина от принятия решений в Новгороде после возвращения из Москвы посольства хутынского архимандрита Киприана. А с 1615 г. именно Э. Андерссон играл важнейшую роль в управлении Новгородом. Его скрепа стоит на значительной части документов новгородского Дворца.

Когда в августе 1615 г. началась подготовка к переговорам на Песках, Эрик Андерссон был назначен строить на реке Поле острог и посольские дворы для шведской делегации. Он был во главе отряда из 20 конных и пеших шведских солдат и 50 «русских людей», посланного обустроить шведский стан переговоров².

В начале июня 1616 г. Э. Андерссон вместе с подьячим Григорием Собакиными проводили обыск у хутынского архимандрита Киприана и обнаружили в его келье «челобитную, писана от ноугоротцкого митрополита и от нево и от всяких чинов людей, а в той де челобитной написаны Якова Пунтусова неправды», которая предназначалась стоявшим в Тихвине московским послам кн. Д.И. Мезецкому с товарищами. После этого шведские власти арестовали Киприана³. Архимандрит Киприан не забыл, кто был инициатором его ареста. В начале октября 1616 г. он предупреждал послов о том, что во время болезни митрополита Исидора именно Э. Андерссон, стакнувшись с подьячим Григорием Собакиным, «приходили в Софею Премудрость Божию и многую казну и поставленье пограбили, а досталь хоят из Софеи Премудрости Божии и из ыных церквей Божиих грабити»⁴.

Осенью 1616 г. Э. Андерссон получил ответственное поручение доставить в Ладогу (где Я. Делагарди и М.М. Пальм начали переговоры с английским представителем Джоном Мерриком) родственниц новгородцев-участников московской мирной делегации⁵. В документах марта

² РГАДА. Ф. 96. Сношения России со Швецией. Оп. 1. Столбцы 1615 г. № 10. Л. 322–330.

³ Там же. Столбцы 1616 г. № 7. Л. 274–278.

⁴ Там же. № 6. Л. 10–11.

⁵ Там же. № 10. Л. 62–63.

1617 г. Э. Андерссон называется одним из инициаторов вывоза из Новгорода в Швецию колоколов и пушек, часть которых он присвоил⁶.

Осенью 1617 – весной 1618 г. Э. Андерссон был назначен в переводчики на миссию Й. Берндеса на межевые переговоры в Ингрии. Однако его роль не сводилась лишь к переводу. На съезде в Ложголове на Луге он обратился к русской миссии с секретным предложением изменить границу в пользу шведской стороны в обмен на скорое подписание договора. Глава русской комиссии С.И. Жеребцов, для которого такие предложения были неприемлемы, апеллировал к прежним разграничениям по Плюсскому перемирию 1583 г. и по Тязвинскому миру 1595 г. Но Э. Андерссон утверждал, что шведские комиссары не помнят досконально условий переговоров на Плюссе и Тязвинских договоренностей, а в договоре в Столбове четко написано: уточнять линию границы у старожильцев и «шведские» старожильцы указывают на предлагаемый Э. Андерссоном вариант границы⁷. 19 февраля произошёл заключительный съезд межевых послов. На нем договорились о новом сроке подготовки последних документов – с 22 февраля по 17 марта. Видимо, в эти последние дни продолжалась совместная работа переводчиков Т. Фанемина и Э. Андерссона над образцовой записью о границе, составленной в феврале 1617 г. в Столбове⁸.

Из Ингрии Э. Андерссон был направлен в Карелию. При подготовке к переговорам о размежевании в Карелии шведы очень серьезно отнеслись к выбору участников своей делегации. Эрик Андерссон попал в нее, видимо, как человек, в совершенстве владевший русским языком.

Во время переговоров в Карелии Эрик Андерссон все время находился в стычках с русскими межевыми послами. Те, в свою очередь, демонстрировали к нему свое негативное отношение и всегда были готовы к отповеди. На упреки Э. Андерссона они отвечали достаточно резко: «А что в вашем письме было писано, что Ирик Ондреев от нас говорил с вами о одном прямом месте, где съехатца, и так у нас не подумано и менши писано, мало слушать ево в своем деле хотим, то мы умеем догадатца, что толмач всяким другом, которое мы добро хотим писать неправду переводит, или вы вашею думою неправду думати хотите, больше у нас думано, что дело не хотим задержать»⁹. Сам Эрик Андерссон активно интриговал против личностей московских посланных, настаивая, что те столь некомпетентны, что не владеют русским языком и не фиксируют все речи шведских послов¹⁰.

В январе 1620 г. шведские послы, находясь в отчаянии и стремясь найти управу на русских межевщиков, отправили Эрика Андерссона сначала в Нарву, к генерал-губернатору К.К. Юлленгельму и к заместителю Хенрику Флемингу, а потом – к новгородскому воеводе¹¹. На эту миссию

⁶ Там же. Л. 76–82.

⁷ Там же. Столбцы 1617 г. № 9. Л. 239–249.

⁸ Там же. Л. 343–348.

⁹ Там же. Столбцы 1619г. № 2. Л. 114а–115.

¹⁰ Там же. Л. 105–112.

¹¹ Там же. Столбцы 1620 г. № 2. Л. 120–123.

Эрика Андерссона в Новгород шведские комиссары возлагали большие надежды, однако она кончилась ничем.

Нет сомнения в том, что новгородцы, участвовавшие в переговорах о меже в Карелии, многие годы служили в Новгороде одновременно с самыми главными участниками переговоров – Эриком Андерссоном и Хансом Мунком. В этом была причина многих взаимных претензий, суть которых подчас не всегда ясна из имеющихся документов; в этом, видимо, была и причина попыток шведской посольской делегации отвести от переговоров одного из участников русской миссии – подьячего Василия Частого. В спорах об этом неожиданно проявилось сведения о происхождении Эрика Андерссона, известные московским властям. В одной из грамот, отправленной из-под Москвы на межевание, посольские дьяки писали, что государь волен послать на межевание кого хочет, а шведам «в том указывати непригоже и бездельем заминать непристойно, а Василей Частой искони вечной наш подданный, а не сваянин, а с их сторону переводчики хотя и прямые наши изменники, а ныне служат свейскому королю, и наши послы тех дел не отсылают. И ныне с ними на съезде толмач Ирик был московской немчин, а на Москве с послы их был толмач Анца Брякилев, бывал московской же немчин»¹².

Успешное (для обеих сторон) завершение переговоров в Карелии пришло только в 1621 г. В 1626 г. Эрик Андерссон получил дворянское достоинство с фамилией Трана (Trana). В 1626–1628 гг. он служил наместником Дерпта и Восточной Ливонии (в Западной Ливонии в это время военным комиссаром служил его прежний начальник М.М. Пальм) [7], а после этого – переведен в Ригу на должность генерального комиссара. Здесь он служил под началом Юхана Шютте до 1631 г. Затем король назначил Э. Трана военным комиссаром Померании и Мекленбурга, в королевскую ставку. Весной 1626 г. Эрику Андерссону Тране было поручено проверить деятельность зернового писца в Яме Исаака Торчакова, вызванного в Стокгольм. Будучи экспертом по русскому делопроизводству, Э. Трана охарактеризовал деятельность Торчакова как «предательство» [6]. Э.А. Трана получил в эти годы владения в Лисинском погосте (Liissillään) Нотебургского уезда [5]. В августе 1632 г. он принимает участие в осаде Вольфенбюттеля, позднее его прикомандировали в шведскую армию в Вестфалии. В августе 1634 г. ему было поручено обеспечивать артиллерией осаду Миндена. 25 октября 1634 г. Трана погиб во время ночного нападения католиков [8].

Биография Э.А. Траны, в особенности – те ее эпизоды, которые относятся к «новгородскому» десятилетию (1611–1621 гг.), показывает, что для европейца оказаться «московским немцем» на рубеже XVI–XVII в. не было приговором. Возросшая мобильность во всех социальных группах в трагическую эпоху Смуты допускала резкие повороты в карьерных путях; знание языков, административный талант служили здесь серьезным преимуществом.

1. *Опарина Т.А.* Ливонские пленники в политической игре Бориса Годунова //

¹² Там же. Столбцы 1619 г. № 2. Л. 143–147.

- Средние века. М., 2009. Вып. 70 (1–2).
2. Шеламанова Н.Б. К вопросу о появлении пленных ливонцев в Москве во второй половине XVI века // Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. М., 1965.
 3. Korhonen A. Eerikki Antinpoika. Porvoo, 1953.
 4. Maier I. Foreign-language specialists in Muscovite Russia (16th and early 17th century) // Slavica Helsingiensia 35. С любовью к слову. Festschrift in Honour of Professor Arto Mustajoki on the Occasion of his 60th Birthday. Helsinki, 2008.
 5. Partanen J. Väestösiirrot ja tulomuutto Tuuteriin 1600-luvun alussa // Liikkuvuutta suurvallan paineissa. Joensuu, 1996.
 6. Pereswetoff-Morath A.I. Isaak Torčakov – en ingermanländsk diak // Novgorodiana Stockholmiensia. Stockholm; Novgorod, 2012. (Stockholm Slavic Papers. 19)
 7. Tarkiainen Ü. Maarevisjonid Eestija Liivimaa Rootsiviimuperioodi alguses // Ajalooline Ajakiri. 2013. № 2 (144).
 8. Warlich B. Trana auf Sataniemi und Raisala (Karelien), Eerikki Antinpoika [Erik Andersson, Andersohn, Anterson; «Erich Krana Enderßon»] // Der Dreißigjährige Krieg in Selbstzeugnissen, Chroniken und Berichten [Электронный ресурс] (www.30jaehrigerkrieg.de).

В.Д. Жуков¹

Сравнительный анализ расходных документов о выкупе пленнх на валуйской размене (1640-е – 1650-е гг.)²

Выкуп пленнх; Крымское ханство; расходные книги; валуйская размена; южная граница.

На основе сравнительного анализа данных расходных документов 40–50-х гг. XVII в. прослеживаются не только устойчивые тенденции в социальном составе полонянников, но и динамика выкупных цен на них. Отмечается изменение направлений татарских набегов в связи со строительством Белгородской черты.

В составе крымских посольских документов (РГАДА. Ф. 123) мы находим росписи полонянников, которые в большом количестве отложились в составе крымских посольских книг (в этом случае они называются «Книгами расходными на окуп полонянников») а также в составе столбцов. Данные документы являются ключевым источником по истории государственного выкупа пленнх из Крыма.

Ведомством, которое занималось организацией выкупа пленнх, был Посольский приказ, который предписывал посольствам, отправлявшимся в Крым, помимо прочих дипломатических действий, осуществлять поиск полонянников и договариваться с работоторговцами о цене их выкупа. Результатом этой договоренности становилось составление так называемой «полоняничной росписи», где фиксировались имена и выкупные цены пленнх. Роспись отправлялась в Посольский приказ, где выделялась необходимая сумма денег, которые вместе с окольничим и дьяком отправлялись на валуйскую размену – ежегодное мероприятие, где производился не только размен приставов у посольств, но и обмен и выкуп пленнх.

¹ Жуков Вячеслав Дмитриевич, РГАДА (Россия, Москва), zhvd@list.ru.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–09–00496.

Пик активности русских посольств по выкупу пленных приходится на конец на конец 30-х – 50-е гг. XVII в., в связи с чем возрастает объем документооборота, главным образом, расходных документов о выкупе полоняников.

Целью данной статьи является разбор предоставляемой источниками информации о выкупленных людях. Рассмотрение портрета каждого пленного раскрывает такие подробности как:

- а) Фамилия, имя, отчество полоняника;
- б) Его территориальное происхождение;
- в) Социальное происхождение или род службы;
- г) Когда был взят в плен, где и при каких обстоятельствах;
- д) Сколько лет провел в плену – это можно узнать, выяснив разницу между годом выкупа и годом взятия в плен;
- е) По какой цене, у какого посредника и на какие деньги выкуплен;
- ж) За пленного дали поручную запись в том, что по приезде в Москву он вернет уплаченные за него деньги, которые он должен был заплатить еще на валуйской размене.

з) Пленный не смог заплатить ту сумму, которая от него требовалась в счет окупа, поэтому окольный заплатил за пленного из своего кошелька. Тем самым пленный является должником перед окольным.

Приведенный перечень не является типовым для всех росписей полоняников. В разных росписях некоторые данные о пленных могут отсутствовать. Но такие сведения, как фамилия, имя, отчество и цена выкупа присутствуют всегда.

Общим началом для всех расходных росписей является указ великого государя окольному о выкупе пленных на валуйской размене, а также данные о сумме денег, которые на это выделены. Затем, в основной части, дается список выкупаемых по статьям, в которых фигурируют означенные выше характеристики. После этого, в конце книги, приводится баланс оставшихся и потраченных денег.

Учитывая схожесть структуры данных о полоняниках, попытаемся произвести сравнительный анализ содержания расходных документов 40–50-х гг. XVII в.

23 апреля и 13 ноября 1640 г. на валуйской размене было выкуплено в общей сложности 47 полоняников³. 23 ноября 1643 г. – 50 человек⁴. В сентябре 1650 г. на Валуйках освободили 79 полоняников⁵, и 12 марта 1655 г. – 67 полоняников⁶.

Социальный статус выкупленных людей обозначен не во всех случаях, особенно это касается 1650 г. Подавляющее большинство людей – служилые по прибору, попадавшие в плен во время боевых столкновений с крымцами. Немало в числе освобожденных и служилых по отечеству.

³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1640 г. Стб. 7. Л. 31, 150–196.

⁴ Там же. Кн. 26. Л. 132–153 об.

⁵ Там же. Кн. 32. Л. 91–111.

⁶ Там же. Л. 209–231 об.

Таб. 1. Социальные категории

Социальная категория	1640 г. количество человек	1643 г. количество человек	1650 г. количество человек	1655 г. количество человек
Служилые по отечеству	12	21	15	12
Служилые по прибору	28	17	29	25
Духовенство	–	1	2	2
Посадские люди	–	2	–	2
Крестьяне	3	5	7	12
Вольные казаки	–	–	4	–
Всего человек	43	46	57	67

Если количество выкупаемых служилых людей на протяжении 40–50-х гг. XVII в. остается примерно одинаковым, то количество выкупленных крестьян в 50-х гг. растет. Это связано с тем, что в это время строительство Белгородской черты было в значительной степени завершено, «резко ухудшились условия для совершения татарских набегов на русские земли... В таких условиях внимание крымской знати все более стало обращаться в сторону Речи Посполитой, где подобная система обороны южных границ отсутствовала»; «создались благоприятные условия для колонизации “прикрытых” новыми оборонительными линиями обширных территорий Юга, которые стали интенсивно заселяться не только русскими, но и украинскими крестьянами и казаками» [5, с. 165]. Тем самым, усилия Московского государства по вызволению из Крыма представителей крестьянского сословия стали отражением политики освоения южной Украины.

Теперь приведем данные об изменениях выкупных цен на пленных.

Таб. 2. Цена выкупа

Социальная категория	1640 г. Средняя цена (в руб.)	1643 г. Средняя цена (в руб.)	1650 г. Средняя цена (в руб.)	1655 г. Средняя цена (в руб.)
Служилые по отечеству	100	89	124	116
Служилые по прибору	94	90	110	110
Духовенство	–	80	103	105
Посадские люди	–	70,5	–	115
Крестьяне	–	14	76	111
Вольные казаки	–	–	96	–

Цены, о которых московским посланникам следовало договариваться с крымскими работорговцами, должны были соответствовать установленным правительством, т.е. тем, которые впоследствии были прописаны в Соборном Уложении:

«2. А на окуп давати полонеником за дворян и детей боярских... с их окладов, которые взяты на боех с поместных окладов, со ста четвертей по дватцати рублев. 3. А которые будут взяты... не на бою, и не в посылках, и тем давати на окуп со ста четвертей по дватцати рублев. 4. За московских стрелцов по сороку рублев. 5. О украинских городов, за стрелцов и за казаков по двадцати по пяти рублев. 6. За посадских людей по дватцати рублев за человека. 7. За пашенных крестьян и за боярских людей по пятинатцати рублев за человека» [4, с. 89–90].

В 1640 г. минимальная цена выкупа служилого по отечеству составила 80 руб., максимальная – 130 руб. Минимальная цена служилых по прибору – 70 руб., максимальная – 168 руб. Крестьяне были отпущены на волю без выкупа.

В 1643 г. минимальная цена выкупа за служилого по отечеству составила 50 руб., максимальная – 150 руб., за служилого по прибору: минимальная – 56 руб., максимальная – 110 руб. За крестьян минимальная цена составила 14 руб. 13 а. (причем, это цена провоза и пошлин за человека, отданного без выкупа), максимальная – 80 руб.

В 1650 г. минимальная цена за служилого по отечеству – 56 руб., а максимальная – 400 руб. Минимальная цена за служилого по прибору – 60 руб., максимальная – 140 руб. (330 руб. оплатили за выкуп сразу двух пленных: стрельца Савки Ондреева сына Микулина и его жены Овдотьицы). За крестьян минимальная цена была 40 руб., максимальная – 100 руб.

В 1655 г. минимальная цена выкупа служилого по отечеству составила 100 руб., максимальная – 150 руб. Минимальная цена служилого по прибору – 50 руб., максимальная – 135 руб. Минимальная цена за крестьян – 50 руб., максимальная – 110 руб.

Сопоставление средних, а также максимальных и минимальных цен во всех случаях показывает их превышение по сравнению с теми, которые установило государство. Цена за служилых по отечеству устанавливалась исходя из их поместных окладов. Поскольку оклады в южных уездах редко превышали 200 четвертей [2, с. 483–485, 488], очевидно, что выкупная цена была завышена в несколько раз.

Выкупная цена полоняника зависела не только от его социального статуса, но и от экономического и внешнеполитического положения Крымского ханства, которое существенно ухудшается в конце 40-х – начале 50-х гг. [5, с. 191–193]. В 50-х гг. XVII в. попытки крымцев проникнуть вглубь Московского государства разбиваются об укрепленную оборону южной границы. Набеги в сторону Польши приносили большую добычу [1, с. 139], но количество московского полна сокращается. По этой причине мы наблюдаем увеличение средней цены. Помимо этого, доля крестьян в выкупе увеличивается, что стимулировало повышение цены на эту категорию пленных.

Немаловажным будет затронуть вопрос о территориальном происхождении полоняников, хотя источники не дают таких данных обо всех людях.

В 40-е гг., как и в 50-е гг. XVII в., большинство пленных – выходцы с южной окраины Московского государства: 1640 г. – 28, 1643 г. – 32, 1650 г. – 32 и 1655 г. – 33 чел.

С 50-х гг. мы наблюдаем появление в числе выкупленных представителей Северских уездов, причем их количество весьма существенно, по сравнению с предыдущим периодом: в 1640 г. отсутствуют уроженцы Северских уездов; в 1643 г. зафиксирован всего лишь один человек. В 1650 г. мы имеем уже 32 и в 1655 г. – 33 человека из Северских земель.

В 1640 г. большую долю освобожденных занимают московские стрельцы, которые в конце 30-х гг. XVII в. привлекались для строительства новых городов Белгородской черты и попали в плен в 1637 г. во время вторжения нурядына Сафат-Гирея [1, с. 95–97]. Общее количество представителей Москвы и Замосковья в 1640 г. составляет 17 чел. В следующие годы их становится меньше: 1643 г. – 3 чел., 1650 и 1655 гг. – по 5 чел., соответственно.

Есть данные о выходцах из Поволжских городов: в 1640 г. было выкуплено 2 чел.; для 1643 г. сведений нет; по 5 чел. было выкуплено в 1650 и в 1655 гг.

Рассмотрим вопрос о месте и времени пленения людей.

Таб. 3. Место пленения

Где взяты в плен	1640 г.	1650 г.	1655 г.
За чертой	6	10	22
На черте	16	4	2
В черте	14	3	6
В Поволжье	–	1	1
Всего	36	18	31

Необходимо отметить, что в 1640 г. выкупались, главным образом, те кто попал в плен в 1637 г. во время набега Сафат-Гирея. Среди выкупленных также присутствуют люди, захваченные в период от начала XVII в. до 1639/1640 г.

В 1643 г. отсутствуют данные о месте пленения.

Из 79 человек, выкупленных в 1650 г., лишь о 25 известно о годе их пленения. Контингент вызволенных представляли полоняники, взятые в полон в основном в середине 1640-х гг., особенно в 1644–1645 гг. В эту группу попало несколько человек из полона конца 30-х и конца 40-х гг. XVII в.

43 полоняника из 67, выкупленных в 1655 г., сообщают нам год взятия их в плен. Основная их масса – это полон 1645 г. Также здесь присутствуют пленные 10-х – начала 40-х и 50-х гг. XVII в.

Исходя из данных о времени и месте пленения, мы можем проследить, как изменялась линия обороны. Сопоставление цифр 1640 и 1650-х гг. показывает, что оборонительное строительство, завершающий

этап которого приходится на 50-е гг., существенно уменьшило частоту проникновений крымцев в пределы центральных уездов Московского государства к югу от Оки. Зато область за чертой оставалась во второй половине 40-х и в 50-е гг. незащищенной, что давало татарам возможность практически беспрепятственно совершать набеги на эти территории, особенно это касается северских уездов. Примером тому служат набеги татар 1644–1645 гг., затронувшие Рыльский и Путивльский уезды [5, с. 165].

В конце каждой росписи полоняников есть информация о потраченных на выкуп суммах. На двух валуйских разменах 1640 г. было израсходовано 3387 руб.; в 1643 г. – 3430 руб.; в 1650 г. – 9492 руб.; в 1655 г. из выделенных 11 322 руб. на выкуп ушло 6848 руб.

В 30-х гг. XVII в. «население несколько отодвигалось от южных границ по сравнению с предшествующим периодом» [3, с. 298]. Политика «заказных городов», начатая в 1637 г., компенсировала отток населения из южных уездов – с одной стороны, был закрыт доступ в украинные уезды для столичных и иногородних чинов, которым было запрещено приобретать там земельные владения [3, с. 305]; с другой стороны, вместо них, из разных уездов правительством сюда «сводится» население различных социальных категорий для строительства новых городов и обеспечения их обороны. В результате южная окраина в конце 30 – начале 40-х гг. стала центром притяжения людей, вливавшихся в служилое сословие, представители которого преимущественно и попадали в плен. Усилия государства по освоению территорий южного пограничья привели к тому, что общее количество служилых людей разных категорий в этом регионе к началу 50-х гг. XVII в. составляло более 10 тыс. чел. [3, с. 370].

Сравнительный анализ ряда данных расходных документов о выкупе полоняников показывает не только устойчивые тенденции – преимущественный выкуп служилых людей, основная масса которых – выходцы из южной окраины Московского государства. Выкупались также и другие категории населения. Представляется, что это должно было укреплять отношения власти с теми слоями общества, которые подвергались набегам.

В документах изучаемого периода отмечены изменения, связанные с динамикой выкупных цен, которые к 50-м гг. XVII в. стремятся в сторону увеличения, что является отражением сложного экономического и внешнеполитического положения Крымского ханства. Тем не менее, это не мешало государству активнее разыскивать своих подданных в Крыму и увеличивать количество выкупаемого полона.

Укрепление обороны южного пограничья повлияло на географию татарских набегов. К 50-м гг. крымцы, не в силах прорвать Белгородскую черту, переключаются на территорию Украины и Речи Посполитой, а также земли, расположенные «за чертой» Московского государства – к югу от Белгородской линии – главным образом, территории Северских уездов.

1. *Загоровский В.П.* Белгородская черта. Воронеж, 1968.
2. *Лантеева Т.А.* Провинциальное дворянство в России в XVII в. М., 2010.
3. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948.
4. *Тихомиров М.Н., Епифанов П.П.* Соборное Уложение 1649 г. М., 1961.
5. *Флоря Б.Н.* Османская империя, Крым и страны Восточной Европы во второй половине 30-х – 40-х гг. XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 1998. Ч. 1.

А.Г. Гуськов¹

Формы «социальной» защиты во второй половине XVII в. (на примере служащих Посольского приказа и членов их семей)

Посольский приказ; социальная защита; пожалования; подьячие; переводчики.

В работе в первом приближении рассматривается вопрос о практике государственной поддержки служащих Посольского приказа, имеющей признаки «социальной» защиты. Ставится вопрос о необходимости углубленного исследования форм помощи в XVII в. людям, оказавшихся в чрезвычайных ситуациях или оставшихся без средств к существованию.

Вопросы социальной защиты населения в Российском государстве имеют давнюю историю. Первые сведения фиксируются еще во времена князя Владимира, заботившегося о сиротах и убогих. В последующие века основные функции «общественного призрения» находились в руках церкви и частных лиц, лишь эпизодически поддерживаемые различными мероприятиями со стороны государства. Первые регулярные действия по созданию системы государственной поддержки и обеспечения начинают осуществляться только в годы правления Петра I.

В XVII в. (а возможно, и ранее) отдельные элементы государственного социального обеспечения начинают встречаться в деятельности различных приказов. По делопроизводственным материалам Посольского приказа удается вычленить несколько процедур, которые можно отнести к практике социальной защиты: 1) пособия в чрезвычайных ситуациях (выплаты на «пожарное разорение», «за увечья», «по болезни» и т.д.), 2) обеспечение после увольнения со службы (назначение пожизненной «пенсии» по старости из оклада), 3) помощь при кончине кормильца (пожалование на погребение, содержание вдовы/детей) и др.

Формы финансовой поддержки служащих Посольского приказа (и частично членов их семей) подробно рассмотрены в кандидатских диссертациях Б.А. Куненкова и А.В. Белякова (работа последнего в переработанном виде вышла отдельной монографией) [1; 2; 4]. В них на материале, соответственно, 1613–1645 и 1645–1682 гг., подробнейшим образом описаны все найденные виды выплат и пожалований работникам ведомства, в том числе и связанные с помощью при пожарах, потерей кормильца, отставкой по старости. Особенностью их исследований, однако, является отсутствие характеристики соответствующих действий как формы социальной защиты и поддержки.

¹ Гуськов Андрей Геннадьевич; Институт российской истории РАН (РФ, Москва), к.и.н., guskov-andrei@mail.ru.

В первоначальном приближении представляется, что формат «социальных выплат» (так как для XVII в. это понятие условно, поэтому представляется обоснованным заключить его в кавычки) для этого периода носил характер разовой помощи на случай экстраординарных событий. Для приказа было важно, сможет ли его служащий продолжить работу в ведомстве или нет. Поэтому основной акцент делался на сохранение его работоспособности и поощрения дальнейшей службы. Наиболее распространенной формой помощи, отвечавшей данным целям, являлась «дача» на «пожарное разорение».

По мнению Б. Куненкова, первые выплаты, связанные с помощью при пожаре, появляются в Посольском приказе в 1631 г. [4, с. 127]. Однако в тексте его же диссертации встречается упоминание о выдаче в 1625 г. семье переводчика А. Англера 15 руб. «на дворовое строение» вместо сгоревшего дома [4, с. 213].

Первоначально помощь осуществлялась в виде выдачи авансом годового жалования. 25 октября 1631 г. деньги вперед «на нынешний 140-й год (т.е. за 1.09.1631 – 31.08.1632 г. – *А.Г.*)... для того что они погорели» получили 6 подъячих приказа. В июле 1632 г. происходит первая выплата сверх жалования в размере 10 руб. (подьячему С. Михайлову). К сожалению, точно определить, какой формат помощи был использован в 1634 г., в связи с «московскими большими пожарами», пока не удастся. Судя по описанию, еще 6 подъячих получили разные суммы, примерно соответствующие половине их окладов (от 5 до 25 руб. на человека) [4, с. 128.]. Однако была ли это выплата в рамках годового жалования или сверх него остается неизвестным.

В последующие годы прямая помощь погорельцам становится достаточно регулярным явлением (настолько, насколько «регулярно» происходили пожары). Встречается информация о выплатах в 1639/40, 1641/42, 1643/44, сентябре и ноябре 1648, 1650/51, июле 1652, 1655/56, 1662/63, 1664, августе 1688, октябре 1669, апреле и сентябре 1670, июне 1671, мае и июне 1674, мае 1680, 1684/85, 1688/89, 1691/92, декабре 1692, 1693/94, сентябре 1698, 1702, 1703, июле 1704 г. Они касались фактически всех служащих приказа – подъячих, переводчиков, толмачей, золотописцев, приставов и сторожей [2; 4; см. также архивные дела²]. Размер выдаваемого денежного пособия варьировался в зависимости от должности и оклада служащего и мог достигать 30–50 руб. (у старых подъячих и переводчиков). Меньше всех получали сторожа и приставы – 2,5–5 руб.

Для получения выплаты обязательно требовалась подача челобитной, поэтому иногда промежуток между пожаром и выдачей денег на «дворовое строение» достигал нескольких месяцев или лет. Служащий, находившийся в командировке, особенно в зарубежной, мог подать прошение только по возвращении в Москву. Так, 2 августа 1690 (198) г. дом Семена Лаврецкого «...за Москвою рекою в Пятницкой улице... погорел... без остатку, дворишко и животы погорели». Лишь в ноябре 1692 г.

² РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1648 г. Ед. хр. 5; 1648 г. Ед. хр. 7; 1652 г. Ед. хр. 1; 1668 г. Ед. хр. 28; 1671 г. Ед. хр. 18; 1674 г. Ед. хр. 6; 1680 г. Ед. хр. 2; 1692 г. Ед. хр. 16; 1698 г. Ед. хр. 20 и др.

переводчик обратился в приказ с просьбой о помощи, которая и была оказана 1 декабря в размере 30 руб.³ В исключительных случаях «побить челом» могла супруга работника приказа.

* * *

Состояние здоровья служащего в то время являлось его личным делом, главное – сохранение работоспособности. В противном случае служба государю и, соответственно, получение жалования от него становились невозможными. Как следствие, среди регулярно встречающейся в документах приказа информации о «хворях» того или иного работника, упоминания о финансовой помощи в связи с болезнью обнаруживаются в единичных случаях. Так, в 1666 г. переводчик Девлет Меликов запросил деньги на продолжение лечения, которое он до этого осуществлял три года на собственные средства. Помешать продолжать работу над переводами ему не смогли даже паралич (видимо не полный). В итоге, выплата, оформленная как постоянная надбавка в связи с днем рождения царевича, составила 5 руб. к окладу и 3 коп. к «кормовым». Второй, и пока последний, случай произошел в 1672 г., когда подьячий Иван Волков успешно добился денежной помощи, необходимой для лечения [1, с. 136, 68].

Также крайне редко встречаются пожалования в случае увольнения работника из состава ведомства по болезни или старости (случаи отстранения из-за каких-то провинностей рассматривать нет смысла). На настоящий момент установлено пока два факта выхода на «пенсию» служащих Посольского приказа, т.е. оставление службы с назначением пожизненного содержания. 11 марта 1678 г. переводчик Ефим Фентуров, отставленный ранее по болезни, получил «для ево старости и за прежние ево службы вместо милостыни поденного корму» 4 коп. на день (14,6 руб. в год)⁴. 9 ноября 1703 г. старым подьячим Максимом Алексеевым инициировано дело с просьбой «о увольнении его за старостию вечно от дел и о даче из его оклада ежегодного по смерть жалованья» [3, с. 131]. В материалах делопроизводства сохранилась вся процедура рассмотрения челобитья с подробным описанием служб и заслуг подьячего, его окладов и пр. Однако из-за отсутствия окончания дела размер назначенной выплаты определить пока не удалось⁵.

Другой формой «пенсионной» поддержки являлась дача денег на постриг в монастырь, так как вклад часто составлял определенную сумму, которой обладали далеко не все жаждущие. Например, в вологодских монастырях, где вклад на пострижение полагался в 5 руб., многие вынуждены были компенсировать недостающую сумму своими вещами или отрабатывать на землях обители [6, с. 320]. В Москве же размер вклада значительно увеличивался. В июне 1674 г. Посольской приказ выделил 10 руб. на пострижение бывшего переводчика Бориса Богомольцева в Чудовом монастыре для «ево древности и скорби»⁶.

³ Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1692 г. Ед. хр. 16. Л. 2.

⁴ Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1677 г. Ед. хр. 1. Л. 138.

⁵ Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1703 г. Ед. хр. 42.

⁶ Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1674 г. Ед. хр. 6. Л. 37–38; Оп. 2. Кн. 12. Л. 139 об.

Некоторый формат «социальных гарантий» распространялся на служащих приказа и после их смерти. Несмотря на постоянное стремление минимизировать «непроизводительные» расходы, руководство приказа осознавало необходимость оказывать помощь семьям после смерти их кормильца. Определенную роль здесь играло и духовно-нравственное начало христианства, пронизывавшее в какой-то мере всю структуру государства и призывавшие к милосердию ко всем страждущим.

Вместе с тем, выплаты на похороны и помин души отличались значительной дифференциацией, причины которой пока определить не удалось. Например, в 1677 г. вдове подьячего Т. Орехова на организацию похорон выдали лишь четверть мужниного оклада – 5 руб. Однако тридцатью годами ранее супруга другого подьячего – А. Корепанова – оказалась обладательницей полного жалования своего покойного мужа, которое составляло 50 руб. [1, с. 72]. Семьи переводчиков и толмачей обычно получали половину или целый оклад, размеры которого не превышали 20 руб. [4, с. 216]. Иногда дополнительно выдавали невыплаченную часть оклада за прошедшие с начала календарного года месяцы. В 1690-х гг. размер пособий снижается. Встречаются случаи крайне незначительных «милостынь» в 50 коп.⁷

Изредка происходило назначения своеобразной «пенсии» семьям умерших – жене (до ее нового замужества) и детям (до совершеннолетия). Однако эти случаи встречаются только в отношении переводчиков и толмачей. Фактически до конца XVII в. переводческие штаты формировались исключительно из иностранцев (попавших в плен или приехавших в страну самостоятельно). Соответственно их семьи, за редким исключением, не имели никакой поддержки со стороны родичей и в случае смерти кормильца оказывались на краю гибели. Да и сами переводчики, понимая, что государство в случае их возможной кончины возьмет на себя содержание их семей, оказывали максимальную лояльность своей новой Родине (даже вынужденной).

Выдача пособия вдовам осуществлялась в форме поденного корма, который в отличие от годового оклада выплачивался более регулярно. Его размер составлял от трети до половины «кормовых» денег мужей и мог варьироваться от 1 до 20 коп. в день (т.е. до 73 руб. в год) [1, с. 132, 164; 4, с. 217].

В целом поднятый вопрос о формах и способах «социальной защиты» служащих приказов в XVII в. требует дальнейшей проработки. Привлечение новых архивных дел позволит расширить поле исследования, что возможно приведет к выявлению новых практик «вспомоществования» и систематизации уже известных.

1. *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб., 2017.
2. *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа второй трети XVII в. Дисс. ... к.и.н. М., 2002.

⁷ Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1696 г. Ед. хр. 5; 1697 г. Ед. хр. 24.

3. *Гуськов А.Г.* Материалы к справочнику о служащих Посольского приказа (начало XVIII в.) // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXI Международной научной конференции. Москва, 12–14 апр. 2018 г. М., 2018.
4. *Куненков Б.А.* Посольский приказ в 1613–1645 гг.: Структура, служащие, делопроизводство. Дисс. ... к.и.н. Брянск, 2007.
5. *Оборнева З.Е.* Переводчик Посольского приказа Борис Богомолецев (1624–1673 гг.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 1(71).
6. *Шамина И.Н.* Вологжане-вкладчики в Арсеньев-Комельский монастырь в XVI–XVII вв. // Города европейской России конца XV – первой половины XIX в.: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (25–28 апр. 2002 г., Тверь-Кашин-Калязин). Тверь, 2002.

Т.А. Базарова¹

Бюджет русских послов при Высокой Порте П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева (1711–1714)²

Русско-турецкие отношения; Прутский мир; приходо-расходные книги.

Изучены обстоятельства формирования и основные статьи расхода бюджета послов при Высокой Порте П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева в 1711–1714 гг. Анализируется содержание приходо-расходных книг, раскрываются как публичные, так и секретные траты дипломатов.

Бюджет русских послов при иностранных дворах был связан с поставленными перед ними задачами. По распоряжению руководства Посольского приказа (или Посольской канцелярии) отправляемому к иностранному двору послу и его служителям на дорогу, «тамошнее житье» и подарки выделяли денежные средства (рубли, червонцы и т.д.), доставляли из Сибирского приказа или покупали в Москве меха. В связи с этим процесс подготовки посольства мог занимать несколько месяцев. Наказы и инструкции отправлявшихся за границу послов и посланников предписывали фиксировать все траты, необходимые для выполнения своей миссии.

Основные данные о бюджете петровских посольств содержатся в делопроизводственных документах Посольского приказа, связанных с подготовкой их отправки, а также в отчетах дипломатов. Важными отчетными документами расхода государственной казны являлись приходо-расходные книги, которые подавались в Посольский приказ после окончания дипломатической миссии. Постоянно пребывавшие при иностранных дворах послы в конце каждого года посылали в Москву расходные книги или ведомости.

Полномочные министры (с 1712 г. – чрезвычайные и полномочные послы) вице-канцлер П.П. Шафиров и генерал-майор М.Б. Шереметев в османскую столицу отправились не из Москвы, а из военного лагеря на р. Прут. В результате неудачного Прутского похода (1711) русская армия оказалась окруженной противником, обладавшим тройным численным

¹ Базарова Татьяна Анатольевна, СПбИИ РАН (РФ, Санкт-Петербург), к.и.н., tbazarova@yandex.ru.

² Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18–09–00721.

превосходством. 12 июля 1711 г. П.П. Шафирову после напряженных переговоров с великим везиром Балтаджи Мехмедом-пашой удалось заключить мир. Однако П.П. Шафиров и М.Б. Шереметев должны были находиться в Стамбуле до выполнения Россией условий мирного договора.

Подготовка полномочных министров к отъезду заняла несколько дней. Они не получили инструкций, указаний вести статейный список и приходо-расходные книги; не был определен их бюджет. Предполагалось, что пребывание министров при Высокой Порте продлится недолго. Однако Петр I не передал в установленный договором срок крепость Азов и османы снова объявили войну России (9 декабря 1711 г.). В течение нескольких лет П.П. Шафиров, М.Б. Шереметев и П.А. Толстой³ средствами дипломатии стремились удержать Высокую Порту от начала военных действий с Россией. Послы вернулись в Москву в декабре 1714 г. (М.Б. Шереметев скончался по дороге) [1, с. 45–64; 5, с. 138–188]. По возвращении на родину П.П. Шафиров передал в Посольский приказ краткую расходную ведомость, пояснив: «о сочинении тогда порядочных книг и збережении в роздачах его царского величества казны и мыслить не могли»⁴.

9 февраля 1721 г. теперь уже вице-президент Коллегии иностранных дел П.П. Шафиров получил государев указ представить в канцелярию коллегии приходо-расходные книги и статейный список своего стамбульского пребывания. Только после этого указа бывшие участники посольства приступили к составлению итоговых отчетных документов. В августе 1721 г. в Коллегию иностранных дел была передана приходо-расходная книга на 313 листах, в которой описывались денежные и натуральные поступления в казну посольства, а также расход. Приходо-расходные книги за 1711–1714 г. поделены на две части («А» и «Б»). Под литерой «А» записаны официальные расходы послов, а под «Б» – секретные траты. Поступления и расход червонцев, левков, рублей, мехов и проч. фиксировались отдельно. Книги написаны тремя подьячими: Ильей Никифоровым, Иваном Небогатовым и Федором Сенюковым, которые в разное время ведали учетом денежных средств.

Согласно данным первой приходной книги, уже 11 июля 1711 г. П.П. Шафирову из Посольской канцелярии прислали 617 червонцев. Затем их начали собирать у всех, кто находился в русском обозе: Б.П. Шереметев отдал 700, С.Л. Владиславич-Рагузинский – 500 и т.д. Всего послам в турецкий лагерь удалось отправить 4500 червонцев, к которым П.П. Шафиров добавил еще 423 из собственных средств⁵. 28 июля из армии прислали 11 сороков соболей на 5500 руб. («отобрав лутчие из московской с Киреевым присылки») ⁶. Из Посольской канцелярии доставили 1358 ефим-

³ Петр Андреевич Толстой был чрезвычайным и полномочным послом России при Высокой Порте с 1702 г. В ноябре 1710 г. после объявления турецким султаном Ахмедом III войны России его заключили в тюрьму Едикюле. В 1712 г. П.А. Толстого освободили, однако Высокая Порта отказалась подтвердить его полномочия.

⁴ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. 1711 г. Д. 7. Л. 8.

⁵ Там же. Л. 15–16 об.

⁶ Там же. Л. 16; АВПРИ. Ф. 89. Оп. 1. 1720 г. Д. 17. Л. 8, 11 об.

ков и 100 руб. серебряных денег («сколко тогда в скорости могло собрано быть»)⁷. 4 августа из Могилева Г.И. Головкин отправил еще 3 сорока соболей ценой в 1220 руб. Осенью 1711 г. майор Козлов привез меха черно-бурых лисиц и собелей на 10 950 руб., а присланный Б.П. Шереметевым квартирмейстер Тимофей Горяистов доставил 44 меха лисицы на 685 руб.⁸

П.П. Шафиров пообещал великому везиру и его кегае после подписания мирного договора в благодарность передать 150 000 и 60 000 рублей, чауш-баше – 10 000, янычарскому аге 10 000 рублей и т.д.⁹ Когда армия отошла от Прута ротмистр А.П. Волынский по указу царя привез П.П. Шафирову 250 000 руб. Это были деньги, предназначавшиеся на содержание русской армии. Их доставили в «уверченнных рогожей» бочках, которые разложили по присланным телегам (чтобы сразу передать османским министрам). Однако из-за доноса крымского хана везир и его кегае побоялись взять русские деньги [5, с. 133]. Вознаграждение получили менее влиятельные турецкие чины. Так, 15 июля секретарю Омеру-эфенди (который «вспомогал в трактовании... и писал трактат») передали 1000 червонцев¹⁰. 30 июля драгоман Ионакий Маврокордато (вместо погостной дачи, назначенной ему П.А. Толстым) получил 2500 руб. мелкими серебряными деньгами¹¹. В сентябре 1711 г. в награду везиру и секретарю Омеру-эфенди П.П. Шафиров передал две украшенные драгоценными камнями «персоны» Петра I и Августа II. Впоследствии вице-канцлеру удалось их выкупить, правда, портрет царя уже лишился самых лучших алмазов¹².

Таким образом, доставленные А.П. Волынским для подарков великому везиру и его окружению деньги поступили в казну посольства. После Прутского похода каждого, кто бы попытался обменять или рассчитаться русскими рублями, подозревали в шпионаже. К министрам сразу приставили караул, который не снимали ни в турецком лагере, ни у посольского двора вплоть до ратификации договора 1713 г. П.П. Шафиров жаловался, что «серебряные денги, которые ни по чему в турецкой земле не принимали», приходилось обменивать на червонные через посредников по невыгодному курсу¹³. Таким образом 222 425 руб. «разными курсами» поменяли на 81 152 червонных и 42 919 левков, 1000 ефимков — на 500 червонных.

По мере распечатывания бочек выяснилось, что не всегда указанные на их ярлыках суммы советовали содержимому. Первую недостачу обнаружили уже в декабре 1711 г.¹⁴ А.П. Волынский пояснил, что принимал и

⁷ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 7. Л. 3 об.

⁸ Там же. Л. 11 об., 32–32 об.

⁹ Там же. Л. 3.

¹⁰ Там же. Л. 297.

¹¹ Там же. Л. 297 об.

¹² Там же. Л. 299 об.

¹³ Там же. Л. 4.

¹⁴ До наших дней сохранилось несколько описаний содержимого бочек, связанных с обнаружением и расследованием недостачи (напр.: РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 7. Л. 334–336 об.; 1713 г. Д. 7. Л. 354–363; Д. 27. Л. 1–13 об.; АВПРИ. Ф. 89. Оп. 1. 1720 г. Д. 17). Материалы, хранившиеся в Библиотеке Академии наук,

передавал деньги, не пересчитывая их, поскольку в турецком лагере это сделать было невозможно. 22 января 1712 г. по приказу П.П. Шафирова распечатали все бочки и пересчитали «остаточную денежную казну»¹⁵. 23 июня 1713 г. вице-канцлер доложил Г.И. Головкину о том, что «недочету в них явилось» 3417 руб., и попросил начать расследование¹⁶.

В конце 1711 г. Ф.М. Апраксин по указу царя продал туркам построенные на Воронежской верфи корабли «Ластка» и «Гото Предистинания», а также две шнявы за 26 167 червонцев. 2 ноября 1711 г. капитан А.Г. Симсон доставил их в Стамбул. В апреле 1712 г. русские послы расписались за получение от османского правительства за корабли азовского флота 26 167 «червонных немецких» [4, с. 190]. Деньги за военные суда, к которым П.П. Шафиров добавил еще 4000 немецких червонных¹⁷, остались у великого везира Аги Юсуфа-паши в качестве благодарности за подписание Константинопольского мирного договора (5 апреля 1712).

Казна посольства пополнилась деньгами и мехами, привезенными из Москвы послами А.Ф. Лопухиным (1712) и Д.А. Бестужевым-Рюминым (1713). Так, в августе 1712 г. А.Ф. Лопухин доставил не только царские грамоты, но и 34 сорока соболей, а также другие и меха с Москвы на 19 070,5 руб.¹⁸ В 1713 г. в Москве Д.А. Бестужеву-Рюмину выдали 10 000 червонцев (1000 ему и 9000 для передачи русским послам)¹⁹. Мягкой рухляди с ним было прислано на 1198 руб.²⁰ 23 сентября 1713 г. подьячий Рогов доставил из Москвы лисьих, горностаевых и беличьих мехов еще на 1860 руб.²¹ Практически сразу вся меховая рухлядь ушла на «многие роздачи министром и иным знатным людям», и послы были вынуждены покупать меха для подарков в Стамбуле²².

Золотые червонцы и меха послы расходовали на подарки султану, а также на публичные и секретные подарки великому везиру и османским министрам и придворным, «приятелям» русского правительства, содержание агентов и информаторов. Необходимо было обеспечить нормальные условия функционирования дипломатической миссии: деньги выплачивались в зачет жалованья (разрешено указами царя и канцлера), расходовались на одежду для послов и их служителей (повседневную и для приемов), продовольствие и лекарства, лошадей и экипажи, организацию торжеств и приемов и т.д. Средства направляли на строительство и ремонт помещений посольских дворов и церкви, покупку дров, лекарств и т.д. Для нужд канцелярии покупали бумагу, чернила, сургуч, свечи, полотно, сундуки. Среди постоянных статей расхода были отправка курьеров, выкуп пленных и раздача милостыни, обучение языкам пе-

опубликовал П.П. Ламбин [3, с. 938–941]. Эту публикацию использовал в своей монографии Я.Е. Водарский [2, с. 173–175].

¹⁵ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711 г. Д. 7. Л. 327.

¹⁶ Там же. 1713 г. Д. 7. Л. 354; Д. 27. Л. 1–1 об.

¹⁷ Там же. 1711 г. Д. 7. Л. 304 об.

¹⁸ Там же. Л. 34 об.

¹⁹ Там же. 1713 г. Д. 15; 1711 г. Д. 7. Л. 37 об.

²⁰ Там же. 1713 г. Д. 7. Л. 468 об.; 1711 г. Л. 37 об.

²¹ Там же. 1711 г. Д. 7. Л. 38 об.

²² Там же. 1713 г. Д. 7. Л. 501 об.–502.

реводчиков и др. В последний год пребывания послов в Стамбуле были приобретены подарки для Петра I и Екатерины Алексеевны.

Итак, в 1711–1714 гг. поддержание мира на южных рубежах России потребовало значительных денежных средств. Согласно записям подьячих, с 6 сентября 1711 г. по 1 января 1714 г. в расходе оказалось 86 561 червонец, 48 079 левков, 16 794 руб., в том числе на секретные дачи ушло 55 128 червонцев, 4000 руб. 1399 левков¹. В 1714 г. на секретные и публичные дачи потратили еще 16 742 червонцев.

Анализ содержания приходо-расходных книг показал, что в 1711–1714 гг. секретные расходы послов П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева, связанные с главной задачей, поставленной перед ними царем – не допустить начала османами военных действия против России, значительно превышали публичные траты. К 1714 г. практически все деньги и меха, доставленные им из обоза русской армии и из Москвы, оказались израсходованными.

В феврале 1716 г. в Санкт-Петербурге из привезенной из Стамбула казны оставалось: 403 червонца, 250 руб. 3 алт. 2 ден., 62 ефимка, а также меха соболей и горностаев на 1921,5 руб. (еще тринадцать лисьих мехов на 845 руб. 6 алт. и 4 ден. были в Посольском приказе в Москве)². Направляясь к Петру I в Гданьск, вице-канцлер взял эти деньги с собой и расходовал их во время заграничного путешествия. В 1721 г., когда Коллегия иностранных дел подводила итог государственным затратам на мир на южных рубежах России, вице-канцлер оказался должен казне 317 руб. и надеялся, что «за службу» их с него взыскивать не будут.

1. *Базарова Т.А.* Русские дипломаты при османском дворе: Статейные списки П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. (Исследование и тексты). СПб., 2016.
2. *Водарский Я.Е.* Загадки Прутского похода Петра I. М., 2004.
3. *Ламбин П.П.* Птенцы гнезда Петрова. 1701–1725 // Русская старина. 1872. Т. 5. № 6.
4. *Недков Б.* Несколько документов о военных кораблях, проданных русскими туркам после Прутского похода // Восточные источники по истории Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964. Т. 1.
5. *Орешикова С.Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971.

З.А. Гаджиева³

Краткий очерк из истории торгово-экономических и дипломатических связей Азербайджана с Россией в средние века

Азербайджан; Россия; дипломатия; торгово-экономические отношения.

На основе архивных материалов и первоисточников рассматриваются азербайджано-русские торгово-экономические и дипломатические связи в средние века.

¹ Там же. 1711 г. Д. 7. Л. 314 об.

² Там же. Л. 291–291 об.

³ Гаджиева Земфира Али кызы, Президиум НАН Азербайджана, Центр научного наследия при НАНА (Азербайджан, Баку), д.и.н., zemfira.hajiyeva@outlook.com.

Первые сведения о связях древних русских (восточных славян) с народами Кавказа относятся к периоду раннего Средневековья [11, с. 378–388]. В Хазарском каганате в VII–IX вв. определенную часть населения составляли славяне. Ибн Фадлан (X в.) сообщает, что в столице хазар были «поселения» русских купцов. Касаясь торговли русских, автор сообщает: «Я видел руссов на реке Итиль, прибывших по торговым делам» [27, с. 8–9]. Кроме торговых связей, до IX в. известны походы руссов в области Южного Кавказа. Первые сведения о них относятся к 880 и 909–910 гг., о которых сообщает Абул Хасан Али (ал-Масуди). По его данным, в 913–914 гг. русы совершали поход к каспийским берегам Южного Кавказа, а отсюда они по Каспийскому морю направлялись в Табаристан и в «нефтеносную область» [33, с. 57]. Ал-Масуди также сообщает: «никто кроме них не плавал по этому морю». В.В. Бартольд, ссылаясь на арабские источники, пишет, что в IX–X вв. суда руссов плавали по Каспийскому морю: «Их отряды отправлялись в Гилян, Дайлем, Табаристан, Абаскун на Гурганском берегу, в области нефтяных источников в Азербайджан... При возвращении... они удалялись на острова, у нефтяных источников... Ширванского царства, известных под названием “Баку”...» [7, с. 63]. В 944 г. во время очередного похода руссы проникли вглубь Азербайджана. Добравшись до западного побережья Каспия, доплыли до устья Куры, затем вверх по течению дошли до Барды, захватили город. В 1030 г. руссы появились в окрестностях Баку. В завязавшемся бою между войсками ширваншаха и руссов, ширваншахи потерпели поражение. Следующий поход руссов на Ширван состоялся в 1032 г. [19, с. 102]. Приход руссов в Азербайджан описывает в поэме «Искендер-намэ» поэт XII в. Низами. Он называет руссов храбрыми, готовыми самоотверженно защищать свою родину [28, с. 40]. В поэме «Семь красавиц» Низами описывает славянскую девушку: «Но, кроме красоты, что всех пленяла, Она еще талантами блистала. Она премудрость мира изучала, ко всем наукам руку приложила» [21, с. 226]. Азербайджанские купцы способствовали не только развитию торгово-экономических отношений, но и укреплению политических и культурных связей между государствами [22, с. 293]. В летописях Московской Руси имеются подробные сведения о посланниках, грамотах, целях поездок, товарах и купцах из Шемахи, Тебриза, Баку, Джульфы и т.д. Они вели торговлю с городами Московской Руси, Турцией, Индией, Северной Африкой, со странами Западной Европы и Средней Азией. Отсутствие сведений в XVI–XVII вв. об азербайджанских купцах объясняется тем, что в европейских первоисточниках азербайджанских купцов, в частности ширванских, ошибочно называли «персидскими» и «турецкими». Хотя термин «Царство Азербайджанское» употреблял Мир Яхья Казвини; Искендер бек Мюнъши также применял его к Азербайджану. Посольские книги, списки товаров, наказания искажают имена, титулы, названия азербайджанских городов Шемаха, Баку, Тебриз, Шабран; это иногда встречается и в литературе. Азербайджан часто называют «Персией», иногда именуют древним именем времен Александра Македонского – Мидией («Меда, Медиа»). Е. Зевакин, употребляя термин Персия, подразумевает Азербайджан [12]. Подобную

традиционно искаженную терминологию употребляли западноевропейские путешественники. Ценным для исследования торгово-экономических отношений России с Азербайджаном являются «Книги персидских товаров», состоящие из четырех книг: 1663–1665, 1666–1670, 1670–1672, 1674–1675 гг. [15]. Используются также сведения опубликованных сборников документов: «Акты археографической экспедиции», «Акты исторические», «Собрание государственных грамот и договоров» и т.д. Ранним известием русского автора об Азербайджане является «Хождение за три моря» тверского купца А. Никитина (XV в.) [32]. Первый посол Азербайджана Гасан-бек был отправлен в Московскую Русь в 1465 г. ширваншахом Фаррух Яссаром (1462–1501 гг.) [8, с. 173]. Посол Фаррух Яссара Гасан-бек (Асамбер) пригласил в Ширван русского посла Василия Папина. В XVII в. Азербайджан посетили русские купцы, дипломаты и путешественники: Тихонов (1614–1615 гг.), Шахматов (1615–1616 гг.), Барятинский (1618 г.), Котов (1623 г.), Романчуков (1636–1638 гг.), Гагара (1634 г.), Волконский (1639 г.), Пазухин (1672 г.). Особого внимания заслуживает «Дневник» Ф. Котова «О ходу в Персидское царство из Персиды в Турецкую землю, Индию, Урмуз, где корабли приходят». Ф. Котов описал торговые маршруты из Москвы в Астрахань, из Астрахани через Азербайджан на юг, в Исфаган. «Дневник» Ф. Котова – ценный источник для изучения истории восточной торговли [17]. Сведения о политико-экономических связях Азербайджана с сопредельными странами представляет «Дневник» купца З. Акулисского (1647–1691 гг.) [2]. В записках западноевропейских путешественников дипломатов И. Барбаро, А. Контарини, К. Зено, Р. Ченслера, Э. Кемпфера, С. Берроу, А. Дженкинсона, А. Олери, Ж. Шардена, Я. Стрейса и др. сообщается о социально-экономической жизни Азербайджана в XV–XVII вв. [23]. В торгово-экономических и дипломатических связях Русского государства с Южным Кавказом особая роль принадлежит государству Ширваншахов, являвшимся крупнейшим торгово-транзитным узлом между странами Ближнего Востока и Западной Европой. Государство Ширваншахов первым на Ближнем Востоке и на Кавказе установило дипломатические связи с Русью 60-х г. XV в. Азербайджано-русские отношения были установлены с государствами Ак-Коюнлу в 1475 г., Турцией в 1497 г. В XVI в. при шахе Тахмасиб I (1524–1576 гг.) Сефевиды, при посредничестве беглярбека Ширвана Абдулла хана Устаджлы, установили связи с Русью. А. Уляницкий отметил, что связь России с Индией возникла чуть позже, чем с Ширваном [29, с. 23]. И. Срезневский утверждал: «Политические сношения Московской Руси с Ак-коюнлу были следствием скрепленных связей Руси с Ширваном» [26, с. 167]. Дипломатическая миссия В. Папина и Марка Росо преследовала цель заключить договор с Фаррух Яссаром и Узун Гасаном против Золотой Орды и Турции [13, с. 31].

В XV в. в Азербайджан ввозили из России меха, хлеб, кожу, сукно, ножи, стрелы, топоры, кольчуги, леи, полотно, воск, седла, оружие и т.д. [16, с. 91; 31, с. 11–12]. В Россию отправляли шелк-сырец, серебро, драгоценные камни, шафран, вино и т.д. [30, с. 14–15, 20, 21, 26]. Из Дербента в Астрахань ездили купцы с сорочинским пшеном (рис), шелковыми тканя-

ми, товарами Востока [14, с. 270]. Касаясь торговых сношений Ак-коюнлу с Россией, А. Никитин сообщал о существовании значительной торговли между этими странами через Каспийское море и владения ширваншахов. На рынках России были в ходу камка, тафта, шелка из Шемахи, Тебриза, Шеки [32, с. 63–64]. Н. Смирнов отмечает, что народы Кавказа нашли «верхнего друга и защитника» [25, с. 3]. Наиболее важные материалы, относящиеся к нашей теме, хранятся в РГАДА: ф. 77 (сношения России с Персией), ф. 123 (сношения России с Крымом), ф. 89 (сношения России с Турцией). Научный вклад в исследование Азербайджано-российских отношений внесли работы Г.Б. Абдуллаева [1], Ф.М. Алиева [3], А.А. Ализаде [4], С.Б. Ашурбейли [5; 6], Г.Н. Гусейнова [10], А.Н. Гусейнова [9], Я.М. Махмудова [20], А.А. Рахмани [24], Э.М. Шахмалиева [34], И. Эфендиева [35].

1. *Абдуллаев Г.В.* Из истории северо-восточного Азербайджана в 60–80 годах XVIII века. Баку, 1958.
2. *Акулиский З.* Дневник // Известия Армянского ФАН СССР. Ереван, 1939.
3. *Алиев Ф.М.* Города Северного Азербайджана во II половине XVIII в. Баку, 1960.
4. *Ализаде А.А.* Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII–XIV вв. Баку, 1956.
5. *Ашурбейли С.Б.* Баку XVI–XVIII вв. по описаниям путешественников // Известия АН Азерб. ССР. 1947. № 1.
6. *Ашурбейли С.Б.* Очерк истории средневекового Баку. Баку, 1964.
7. *Бартольд В.В.* Арабские известия о русах // Советское востоковедение. 1940. Т. I.
8. *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925.
9. *Гусейнов А.Н.* Азербайджано-русские отношения XV–XVII вв. Баку, 1963.
10. *Гусейнов Г.Н.* Об историческом содружестве русского и азербайджанского народов. Баку, 1946.
11. *Дорн Б.* Каспий. О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах на побережье Каспийского моря. СПб., 1875.
12. *Зевакин Е.С.* Русская торговля в Азербайджане XVII в. (Научный архив института истории имени Бакиханова А.А., инв. № 521). Очерки по истории Азербайджана и Ирана XVI–XVIII вв. ч.1. Экономические отношения России с Ираном и Азербайджаном во второй половине XVI–XVII вв.). Баку, 1938.
13. Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества. СПб., 1893. Т. I.
14. *Ключевский В.О.* Сказание иностранцев о Московском государстве. М., 1916.
15. Книга персидских товаров // РИБ. Т. XXIII. Дела тайного приказа. Кн. 3. СПб., 1904.
16. Контарини // Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836. Т. I.
17. *Котов Ф.* О ходу в Персидское царство // Временник Московского Общества истории и древностей российских. М., 1852. Кн. 15.
18. *Крымский А. Е.* История Турции и ее литературы. М., 1916. Т. 1.
19. *Магомедов Р.М.* История Дагестана с древнейших времен до начала XIX в. Махачкала, 1962.
20. *Махмудов Я.М.* Двухсторонние связи государств Ак-коюнлу и Сефевидов со странами Европы (вторая половина XV века – начало XVII века). Баку, 1991.

21. *Низами Гянджеви*. Семь красавиц / Пер. Р. Ивнева. Баку, 1959.
22. *Петрушевский И.П.* Азербайджан в XVI–XVII вв. Сборник статей по истории Азербайджана. Баку, 1949. Вып. 1.
23. Путешественники об Азербайджане. Баку, 1961. Вып. 1.
24. *Рахмани А.А.* Тарих-и алем арай-и Аббаси как источник по истории Азербайджана. Баку, 1960.
25. *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958.
26. *Срезневский И.* «Хождение за три моря» Афанасия Никитина // Ученые записки II отд. Академии наук». СПб., 1857. Кн. II. Вып. II.
27. *Тебеньков М.* Древнейшие сношения Руси с прикаспийскими странами и поэма «Искендар-намэ» Низами как источник для характеристики этих сношений. Тифлис, 1896.
28. *Толстов С.П.* Из предыстории Руси // Советская этнография». 1947. Т. VI–VII.
29. *Уляницкий В.Л.* Сношения России с Средней Азией и Индией в XVI–XVII вв. М., 1889.
30. *Фехнер М.В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1956.
31. *Флетчер Дж.* О государство Русском. СПб., 1906.
32. Хождение за три моря» Афанасия Никитина 1466–1472 гг. М.; Л., 1948.
33. *Чулков М.* Исторические описания Российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне на стоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия. СПб., 1781. Т. I. Кн. I.
34. *Шахматов Э.М.* Европейские путешественники в Азербайджане в XVI в. Баку, 1947.
35. *Эфендиев И.* Историческое содружество азербайджанского и русского народов и его отражение в азербайджанской классической литературе XII–XVII вв. // Ученые записки АГУ. 1959. № 6.

А.А. Андреев¹

Персидские посольства в конце XVI – начале XVII вв. в Россию шаха Аббаса Великого: персоналии, структура и особенности²

Дипломатические традиции; дарообмен; посольства; государство Сефевидов.

Выход российского царства к Каспийскому морю привел к росту торговли с государствами данного региона, такими как держава Сефевидов, Хивинским и Бухарским ханствами, империей Великих моголов и даже короткое время с Балхом. Интенсивный товарообмен вскоре привел к появлению политических интересов, определявшихся главным образом наличием общей османской угрозы. Попыткой заручиться военной поддержкой со стороны российского государства начинается процесс становления российского вектора дипломатии традиции Сефевидов, начало которому было положено шахом Худобенде и его преемником шахом Аббасом.

Старт российскому направлению в дипломатии был дан Султаном Мухаммад Худабенде из династии Сефевидов, который отправил в 1587 г. посла Гади-бека, в российских источниках упоминаемого как Анди-бек [1,

¹ Андреев Артем Алексеевич, Санкт-Петербургский государственный университет (РФ, Санкт-Петербург), к.и.н., a.a.andreev@spbu.ru.

² Статья выполнена при поддержке гранта РНФ, проект № 18–78–10052 «Документальная история русского направления дипломатии Сефевидов (1501–1722 гг.)».

с. 57]. Сведений о структуре его посольства практически нет. Он не смог доставить подарки, поскольку был ограблен по пути и сам был лишен имущества. Несмотря на это, принят он был хорошо и уже спустя два года вернулся в Персию, пусть и без дипломатического успеха. Главной целью Анди-бека было получить поддержку Москвы в борьбе с Османской империей.

Спустя два года, в 1589 г. персидский шах Султан Мухаммад Худабенде вновь отправляет своих послов Анди-бека и Бутак-бека в Москву. П.П. Бушев называет число участников его посольства: 31 человек. Иранский историк Моэззи пишет, что у Бутак-бека было 17 человек [4, с. 251]. С ним шах Аббас прислал российскому государю: седло персидское с бархатной и шелковой обивкой, с лукой, обитой золотом и с драгоценными камнями³. Среди подарков от шаха были «шатер и полы» [6, с. 130]. Цель посольства, как известно, получить военную помощь со стороны России в войне с Османами. Анди-бек и Бутак-бек вернулись в Персию и вновь без гарантий поддержки со стороны Москвы.

В 1591–1593 гг. в России находился шахский гонец Кай. Статусом посла он не обладал, что являет собой любопытный прецедент в российско-иранских отношениях. Гонцов, то есть лиц без статуса дипломата и, соответственно, без права вести переговоры, позднее будут посылать в Персию и российские государи.

Относительно Кая было еще одно любопытное обстоятельство, замеченное П.П. Бушевым. Гонец был отправлен в Россию до того, как вернулись послы Бутак-бек и Анди-бек. Вместе с ним было всего пять человек (это одно из самых маленьких по составу персидских представительств в России), но несмотря на это и то, что подарки шаха у него отобрали люди Шамхала Тарковского, Кай был удостоен аудиенции царя, на которой он от имени шаха Аббаса призывал к совместной войне с Османами. По завершении аудиенции окольными были переданы подарки царю от гонца Кая – девять золотых перстней с рубинами, алмазами и бирюзой. Подарки оказались низкого качества и по указу царя были возвращены гонцу.

Помимо плохих подарков, причиной недовольства также стало то, что «шах с турским... помирился» [1, с. 172]. Мирному договору между Персией и Турцией к тому времени было уже два года и о нем прекрасно знали в Москве [3, с. 21].

Следующий посол Ходжи (Ази) Хосров добирался до Астрахани с большими сложностями. Потребовалась спасательная операция, чтобы в какой-то мере восстановить численный состав посольства в 51 человек. Интерес представляет сама личность посла, который оказался по происхождению литвином «полотцакого взятья», он уже второй раз приезжал в Москву, до этого он находился в составе посольства Бутак-бека и Анди-бека.

³ Седло сохранилось до нашего времени и представлено на официальном сайте Оружейной палаты Московского Кремля (collectiononline.kreml.ru/iss2/items?query=%D0%A1%D0%B5%D0%B4%D0%BB%D0%BE&info=27005 (дата обращения 12.02.2019)).

По версии П.П. Бушева, у Ходжи (Ази) Хосрова было несколько поручений, которые он сумел выполнить.

1. Как можно деликатнее сообщить российской стороне о заключении мира между Ираном и Османской империей.

2. Добиться отправки российского посла к шаху Аббасу.

3. Получить согласие российской стороны на беспощинную торговлю с Ираном.

4. Вернуть подданных шаха, различными путями попавших в Россию.

5. Забрать имущество бывшего гилянского правителя Ахмед-хана [1, с. 200].

Следующим персидским легатом был гонец Ходжа Искандер. Он предъявил грамоту от шаха, подтверждавшую его статус, и во время аудиенции заявил, что привез с собой не подарки, а «шаховы товары» [6, с. 213]. Формула дарообмена, действовавшая ранее, подразумевала, что одариваемая сторона ответит взаимностью и подарит в ответ не менее дорогие подарки. Здесь же мы видим яркий эпизод, когда правитель, желая удостовериться, что подарки будут именно те, что ему нужны, предлагает список подарков взамен [6, с. 213].

Фактически гонец в данном случае выступал в роли торгового представителя. Купчина становится неотъемлемой фигурой в посольствах из Персии. Как верно было замечено П.П. Бушевым, Хаджи Искандер был первым, хотя и незадачливым, купчиной, из числа тех, что потом будут приезжать в Россию. Купцы были главными торговыми представителями шаха и принципиальным образом отличались от частных купцов и торговцев. Они пользовались значительными привилегиями, и, как правило, их освобождали от таможенных сборов [3, с. 97].

Федор Иоаннович в такой просьбе отказал, поскольку у государя «в обычае не ведется» товары без цены в казну принимать, равно и одаривать товарами без цены.

В 1594 г. в Россию возвращаются со своими людьми (14 человек) Анди-бек и купчина Ади Хосров⁴, последний в российских источниках фигурирует как Али Хосров⁵. Данное посольство интересно сравнить с предыдущим посольством Анди-бека 1589 г., в котором также участвовали два представителя шаха, и вторым был Бутак-бек. К сожалению, в документах посольского приказа не было зафиксировано информации о подарках государю. Размеры посольства позволяют судить о том, что, вероятно, оно реализовывало задачи по сбору информации и занималось торговлей.

Посольство Пер Кули-бека, находившегося в России в течение трех лет в 1599-1601 гг., было частью большей дипломатической миссии в страны Европы, порученной послу Хусейнали-беку. Путь в европейские страны пролегал через Россию.

⁴ По версии П.П. Бушева, впрочем, без доказательств, это был Ази (Ходжи) Хосров, бывший в России ранее. Но это бы означало для него потерю в статусе. По всей видимости, это другой человек.

⁵ РГАДА. Ф. 77. Сношения России с Персией. Оп. 1. Книги. 1594. Д. 1. Л. 1.

Во-вторых, при посольстве Хусейнали-бека состоял Орудж-бек Баят, ставший позднее в Испании после крещения Дон Жуаном Персидским. В его мемуарах содержится описание их поездки в Россию и – самое главное – истории аудиенции у российского государя [5].

Со следующим своим посольством шах Аббас⁶ присылает уникальный подарок. Борису Годунову был доставлен трон, обитый золотом и украшенный бархатной тканью [2, с. 200].

В 1615 г. прибыло небольшое посольство Булат-бека в составе 12 человек [6, с. 367]. Количество подарков, по сравнению с посольствами еще к Федору Иоанновичу, заметно снижается. Объясняется это снижением значения для шаха Аббаса отношений с российским государем.

Последним посольством персидским, сведения о котором мы используем для сравнения с хивинскими и бухарскими представительствами, будет посольство Шах Мамеда (Мегмед в российских документах) Салим-бека от шаха Аббаса. По иронии это было вообще последнее посольство в Россию от этого великого правителя. С послом было 15 человек⁷. Мегмед Сали-бек прибыл с жалобой на государевых послов князя Григория Тюфякина, Григория Фефилятьева и дьяка Федора Панова. Вина их заключалась в том, что, следуя «боярскому наказу», они прогневали шаха Аббаса⁸.

Поверхностный сравнительный обзор персидских посольств от шаха Аббаса в Россию в XVI–XVII позволяет определить следующие общие моменты. Изначально такие посольства представляли собой совсем небольшие по количеству группы людей, фактически семейные подряды шахских представителей или поставщиков ко двору. Численность участников посольств начала возрастать по мере перехода от сугубо торговых целей к внешнеполитическим. В конце XVI – начале XVII в. в составе персидских посольств появляется должность купчины, часто равная по статусу самому посланнику. По самим персидским документам на персидском языке можно констатировать заимствование самого термина «купчина» персами.

Традиция дарообмена была главной и ей шах Аббас придавал огромное значение, о чем свидетельствует стоимость подарков или как их называли «поминок», доставленных от шаха.

1. Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1612 гг. (по русским архивам). М., 1976.
2. Вишневецкая И.И. Посольские дары. М., 1996.
3. Зоннештраль-Пискорский А.А. Международные торговые договоры Персии. М., 1931.
4. Моззи Х. Торих-е раваботе сийоси Ирон бо Дуньё. Джальд-е авваль. Техрон, 1366/1979.
5. *Орудж-бек Баят*. Россия и Европа глазами Орудж-бека Баята – Дон Жуана

⁶ По версии А.А. Зоннештраль-Пискорского, посольство состоялось в 1604 г. [3, с. 96].

⁷ РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1627. Д. 1. Л. 272.

⁸ Там же. 1629. Д. 8. Л. 61 об.

Персидского. СПб., 2007.

6. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / Под ред. Н.И. Веселовского. В 3-х т. СПб., 1890-1898.

Н.С. Лапин¹

О возобновлении казахско-русских посольских связей в 1714–1715 гг.

Русское государство; Казахское ханство; посольские связи; датировка; историография.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с возобновлением регулярных посольских контактов Русского государства и Казахского ханства во втором десятилетии XVIII в., предложена их датировка, а также раскрываются вопросы, которые обсуждались в ходе первых контактов.

Важным звеном в ранней истории казахско-русских отношений является непродолжительный по времени, но довольно насыщенный период интенсификации дипломатических контактов между казахскими правителями и центральными и региональными властями России, начатый в 1710-е гг.

Отдельно как самостоятельная исследовательская проблема история дипломатических связей Казахского ханства и России в начале XVIII в. фактически не ставилась. Исключением являются работы В.Я. Басина 1960–1970-х гг. [1, с. 41–44; 2, с. 68–73; 3, с. 122–125].

Отсутствие новейших работ, в которых бы с привлечением как новых архивных источников, так и вновь изданного комплекса дипломатических документов, были бы систематизированы и изучены проблемы казахско-русских отношений в начале XVIII в., делает актуальным изучение аспектов восстановления дипломатических связей казахских правителей с Русским государством в предимперский период.

В историографии восстановление двусторонних контактов датируется разным временем и событиями (посольствами). Это связано с доступностью и глубиной изучения исследователями источников. Возобновление дипломатических связей исследователи связывают с прибытием в 1716 г. в Тобольск Бекбулата Екешева и Байдаулета Буриева, послов старшего хана казахов Каипа [6, с. 56] или отправление русского посольства во главе с Федором Жилиным в ставку Каип-хана в 1717 г. [4, с. 67].

Однако наиболее аргументированной является датировка, предложенная еще В.Я. Басиным и поддержанная рядом современных исследователей – 1715 г., когда с целью урегулирования казахско-башкирских отношений в сентябре того года в Уфу прибыло казахское посольство во главе со Тойгуннором Култабаевым [2, с. 68; 5, с. 154]. Действительно, наиболее ранние документы², связанные с восстановлением казахско-русских

¹ Лапин Николай Сергеевич, Институт истории государства (Республика Казахстан, Нур-Султан), к.и.н., lapin.79@mail.ru.

² И.В. Ерофеевой удалось выявить два документа казахских правителей, отправленных в Россию в 1712 г. (см.: [9, с. 90–91]), однако характер, содержание документов, их разрозненность и отсутствие каких-либо известных результатов, в том

дипломатических связей, подтверждают наличие контактов в 1715 г. [7, с. 278–279; 8, с. 267–271]. Однако имеющиеся документы позволяют скорректировать принятую в современной историографии хронологию восстановления дипломатических связей Казахского ханства и России, предположить их более раннее начало.

Из письма Каип-хана (письмо составлено в начале июля 1715 г.), адресованного царю Петру, явно следует – отдельные посольские контакты завязались несколько ранее. В своем письме Каип сообщает царю, что им получено официальное царское («за вашею государевою печатью») письмо («лист»), причем доставлен был царский лист «с киргиз-кайсаком с Чюрою» [8, с. 267]. Чюра – это казахский посланник, что подтверждается его новым направлением в Россию, откуда ему поручалось, в случае согласия русской стороны, доставить царского представителя для организации двусторонней торговли [8, с. 268].

О содержании письма, доставленного Чюрою, от царя Петра к Каип-хану можно заключить из фразы, последовавшей после информации о царском послании. Каип хан писал русскому царю «я тот лист получил и с честью, и зело тому обрадовались, и потом мы желаем, чтоб нам между вашим и наших орд прямым путем торговые люди от вас к нам и от нас к вам безопасно ездили» [8, с. 267]. То есть в письме царя речь, вероятно, шла о развитии двусторонней торговли, и цель второй миссии Чюры служит тому подтверждением. Таким образом, более ранней нужно признать миссию во главе с посланником Каип-хана Чюрою.

Присылка к Каипу царского письма с казахским послом позволяет скорректировать имеющийся в историографии взгляд на датировку восстановления двусторонних посольских связей. Для этого нужно рассчитать вероятное время, затраченное послом Чюрою на дорогу в Россию, получение царского письма и обратную дорогу во владения Каипа. Известно, что путь из Казахского ханства в Санкт-Петербург пролегал через Уфу и Москву.

По источникам того времени или близким к нему мы знаем, что от владений Каипа на средней Сырдарье до Уфы дорога посланников занимала около двух месяцев, а путь от Уфы до Москвы занимал еще около одного месяца [8, с. 371]. То есть дорога в один конец могла занять у Чюры около трех месяцев и соответственно обратно столько же, то есть около полугода на всю миссию, и это не считая времени пребывания в Москве или в Санкт-Петербурге, пока готовилось царское письмо. Если предположить, что Каип сразу же по прибытию Чюры и получения царского письма подготовил ответ, который, как отмечено, был составлен в начале июля, то миссия Чюры могла начаться не позднее начала 1715 г., а более вероятно конца 1714 г. То есть возобновление дипломатических контактов между Казахским ханством и Русским государством следует отнести именно к этому времени.

В самом начале осени 1715 г. в Уфу прибывает казахский посол Тойгунур, называемый в документах «батырь» и «знатной человек». Ка-

числе отсутствие дальнейших контактов с русскими властями не позволят пока говорить о начале восстановления дипломатических связей с 1712 г.

захский посол привез с собою послание от казахского правителя Абулхайр-хана, однако на этом его миссия не закончилась. Кроме поручения («повеления») Абулхайра Тойгунур выполняя приказ старшего хана Каипа доставил от него в Казань (прибыл в марте 1716 г.) письмо, адресованное русскому царю [8, с. 267–269].

Письма казахских правителей и сообщения их посла позволяют выделить несколько проблемных вопросов, которые были подняты казахской стороной. Так в послании Каипа первым вопросом стоит проблема установления прямых торговых связей с Русским государством (вероятно, как ответ на царское послание). Среди практических мер, которые должны поспособствовать этому, Каип предложил русскому царю прислать в ханскую ставку специально назначенного человека и в случае согласия казахский правитель обещал отправить вместе с царским представителем от себя заинтересованных в торговле с русской стороной «с тысячу человек» [8, с. 267–268].

Вторым вопросом было урегулирование возникших проблем в связи с совершенными Абулхайром набегами на приграничные поселения. В письме Каип уверял, что не причастен к нападениям и уже сделал соответствующее внушение Абулхайру, чтобы он «в вашу царского величества сторону таким порядком отнюдь не ездил» [8, с. 268]. Кроме того, старший казахский хан в своем письме просил об освобождении двух человек, попавших в плен к русским в ходе набегов прошлых лет [8, с. 268–269].

Если для хана Каипа вопрос взаимных нападений казахов и русских поданных (башкир) и возвращение удерживаемых пленных не являлся первостепенным, по крайней мере, как следовало из его письма, то для Абулхайра эти вопросы в отношениях с Русским государством являлись основными. В своем послании он заявлял, что по приказу старшего хана в набег на русские границы никого не «посылывал», однако признавал, что «воровского привозу всяких ратных русских и татар их ясырей [у казахов] есть» [7, с. 278]. Как устно сообщил посол Тойгунур «русского полону у Хаип-хана в ево и у подданных ево владельцев в улусех 200 человек» [7, с. 279].

В связи с последним Абулхайр предложил произвести взаимный обмен «без выкупа» по принципу всех на всех [7, с. 278]. В отношении же виновных в совершении взаимных набегов удельный казахский правитель предлагал действовать с двух сторон, – «мы здесь глупых дураков уйем... которые между вами есть глупые дураки, вы унимайте» [7, с. 278]. И для того, чтобы решить эти вопросы, Абулхайр просил направить царского посла к старшему казахскому хану.

Разница в приоритетах двух казахских правителей в отношениях с Россией объясняется особенностями, которые стали формироваться с конца XVII в. и наиболее четко стали проявляться в описываемое время. В это время (конец XVII – первые десятилетия XVIII в.) значительно возрастает ойратская (джунгарская) угроза и происходит разрастание масштабов казахско-джунгарских войн. Одним из результатов стало выдавливание части казахских владений в сторону русских рубежей, что актуализировало нападения отдельных казахских отрядов на русское пограничье и даже в

глубь русских владений, и в целом привело к обострению двусторонних отношений по всему периметру соприкосновения. Для Абулхаира, чьи владения все плотней подходили к русской стороне, проблемы отношений с русскими пограничными жителями были более актуальными, чем для Каип-хана, чьи владения располагались вдали от российских рубежей в районе г. Туркестана.

Дальнейшее развитие посольских связей казахских правителей с Русским государством происходило на фоне внешнеполитической подвижности в центрально-азиатском регионе, вызванной деятельностью Джунгарского ханства, что придало новую динамику казахско-русским контактам и расширило круг обсуждаемых вопросов.

1. *Басин В.Я.* О русско-казахских дипломатических отношениях в начале XVIII века // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественных наук. 1965. Вып. 5.
2. *Басин В.Я.* Казахстан в системе внешней политики России в первой половине XVIII века // Казахстан в XV–XVIII веках (Вопросы социально-политической истории). Алма-Ата, 1969.
3. *Басин В.Я.* Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв.: Казахстан в системе внешней политики Российской империи. Алма-Ата, 1971.
4. *Дүйсен С.Ж.* Казахстан дипломатиясы (тарихы аспекты). Астана, 2018.
5. *Ерофеева И.В.* Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. Алматы, 2007.
6. *Жаппасов Ж.Е.* XVI–XVIII ғғ. қазақ-орыс қарым-қатынастарының тарихы. Алматы, 2011.
7. Материалы по истории Башкирской АССР. Часть 1. М.; Л. 1936.
8. Русские летописи и официальные материалы XVI – первой трети XVIII в. о народах Казахстана. Алматы, 2005. Т. 2.
9. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг. Сборник исторических документов в 2-х томах. Т. 1: Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. Алматы, 2014.

Т.Т. Мустафазаде¹

Россия и Азербайджанские ханства в третьей четверти XVIII века (на основе материалов АВПРИ)

Азербайджанские ханства; Надир шах; Гусейнага хан Губинский; Илья Игумнов. В статье на основании дипломатической переписки из фондов АВПРИ исследуются взаимоотношения между Россией и азербайджанскими ханствами в третьей четверти XVIII в., показана деятельность русских дипломатических миссий в этом регионе.

Третья четверть XVIII в. занимает особое место в истории азербайджано-русских взаимоотношений. Как известно, после убийства Надир-шаха Афшара его придворными, империя, созданная им, распалась на множества мелких государств – ханств. В этой связи следует отметить, что на территории Азербайджана возникли свыше 20 ханств, наи-

¹ Мустафазаде Тофиг Тейюб оглы, Институт истории им. А.А. Бакиханова НАН Азербайджана (Азербайджан, Баку), д.и.н., tofig2014@rambler.ru.

более значимыми из которых являлись Губинское, Гарабагское, Шекинское, Иреванское, Урмийское, Гебризское и Хойское.

Отношение Российского государства к азербайджанским ханствам не было однозначным. С одной стороны, российское правительство было заинтересовано в расширении торговых связей с ханствами, но с другой стороны, чтобы не создать правовой барьер для реализации своих будущих захватнических планов, не имело особого желания признать их независимость. Последнее мотивировалось якобы принадлежностью этих государственных образований к территории Ирана.

Множество документов, отражающих взаимоотношения Российского государства с азербайджанскими ханствами, содержится в фондах АВПРИ при МИДе Российской Федерации.

Следует отметить, что еще в 1750 г. бакинский правитель Мирза Мухаммед хан обращался к астраханскому губернатору Брылкину, сообщая, что он желает получить один бот англичанина Эльтона, на что последний не соглашается².

Мирза Мухаммед хан считал, что он имеет право на этот бот, поскольку при Надире шахе был обер-адмиралом шахского флота и начальником судостроительных работ в Лангеруте³.

Чтобы добиться своей цели бакинский хан просил прислать из Астрахани три судна или дать указ командирам прибрежных кораблей помочь в поисках Эльтона⁴. Российское правительство, отправившее в 1748 г. секретный указ по поводу уничтожения судов, находящихся в распоряжении Эльтона [15, с.101], не выполнило просьбу Мирзы Мухаммед хана, и потому 30 марта 1751 г. бакинскому хану было отказано. Астраханский губернатор Брылкин обязан был ответить Мирзе Мухаммед хану, что в «...Астрахани для употребления выполнения такой задачи казенных морских судов нет, приближающие к «персическим берегам» имеющие купеческие товары, не являются военными, есть купеческими, потому их тоже для этой цели использовать невозможно»⁵. При этом коллегия иностранных дел поручила Брылкину отказать в просьбе бакинского хана, причем в мягкой форме, заявляя ему о том, что если бы было возможно, ему охотно помогли бы⁶. Видимо, российское правительство, стремясь закрепиться в бассейне Каспийского моря, в то же время не хотело лишать себя добрососедских отношений с бакинским ханом [15, с.101].

В мае 1753 г. поручик Ф. Баратов был отправлен в Азербайджан для изучения обстановки в регионе, в течение одного месяца он оставался в Баку и во время беседы с ханом обнадежил его протекцией российского государя⁷.

Некоторые азербайджанские ханы желали в междоусобных войнах опираться на поддержку могущественной России. К примеру, в 1751 г.

² АВПРИ. Ф. 77 (СРП). Оп. 1. 1750. Д. 6. Л. 455.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 455 об.

⁵ Там же. 1751. Д. 3. Л. 12–13 об.

⁶ Там же. Оп. 6. 1775. Д. 470.

⁷ Там же. Оп. 1. 1750. Д. 6. Л. 455 об.

представитель Гусейнали хана Губинского Хаджи Имангулиев прибыв в Астрахань, попросил помощи в борьбе против Хаджи Челеби хана Шекинского. Чтобы заинтересовать и добиться согласия русских властей Губинский хан подчеркивал, что Хаджи Челеби хан получает помощь от Османской империи⁸.

Из следующего документа выясняется, что некий купец Сандали Суханвердиев и его жена собирались переехать из Кизляра в Баку. Оказалось, что жена Суханвердиева ранее была замужем в Кизляре за переводчиком, казанским татаринном Мансуром и от этого брака родились две дочери. После смерти Мансура жена его вышла замуж за Суханвердиева, и у них родилась дочка. Бакинский хан (имеется в виду Мирза Мухаммед хан) в 1751 г. просил кизлярского коменданта генерал-лейтенанта Девида отпустить Суханвердиева с женой в Баку. Поскольку дочери от Мансура считались российскими подданными, российская императрица Елизавета дала указ отпустить Суханвердиева с женой и их малолетней дочкой, а двух дочерей, родившихся от Мансура, оставить в России⁹.

В начале 60-х гг. переписка между российскими властями и азербайджанскими ханствами стала более интенсивной. В феврале 1764 г. российский консул в Энзели Илья Игумнов получил через посланного Фатали хана, Яхья бея, письмо¹⁰. В письме говорится о том, что Фатали хан, узнав о назначении Игумнова консулом в Сальяны, который входил в состав Губинского ханства, очень обрадовался и готов создать условия для пребывания русского консула. Так, 23 ноября 1761 г. астраханскому губернатору Неронову было представлено письмо Фатали хана Губинского, в котором хан заверял о своей дружбе с Россией¹¹.

В 1768 г. после объединения Северо-восточного Азербайджана под гегемонией Губинского ханства создались благоприятные условия для развития российско-азербайджанской торговли. Губинские власти охраняли безопасность торговых путей, стремились развивать торговлю с Россией. Руководитель коллегии иностранных дел Н.И. Панин в 1768 г. в своем письме выражал признательность Фатали хану за создание всяких условий для российских купцов¹².

В 1765 г. Фатали хан обратился к российскому правительству с просьбой, чтобы суда, плавающие в Иран, сперва останавливались у Дербента. Хан одновременно просил разрешить пропуск некоторых запрещенных товаров, и в первую очередь, железа¹³.

Начиная с середины 60-х XVIII в, торговля между Россией и Азербайджаном стала расширяться. Так, если в 1766 г. из Астрахани в Иран и Азербайджан было вывезено товаров стоимостью 135 185 руб. 95 коп., а в 1768 г. на сумму 315 982 руб. 35 коп., а из азербайджанских и иранских

⁸ Там же. 1753. Д. 4. Л. 227–228.

⁹ Там же. 1751. Д. 6. Л. 42 об–43.

¹⁰ Там же. 1761. Д. 2. Л. 158 об; РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 637. Л. 13 об.

¹¹ АВПРИ. Ф. 77 (СРП). Оп. 1. 1761. Д. 2. Л. 158–158 об.

¹² Там же. 1768. Д. 15. Л. 82.

¹³ Государственный архив Астраханской области. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1962. Л. 18–19.

городов в Астрахань в 1766 – товары стоимостью 63 922 руб. 15,5 коп., в 1768 г. на 157 505 руб. 0,25 коп.¹⁴.

Отметим, что между российскими и губинскими властями иногда возникали разногласия. Например, в 1765 г. из России тайным способом в Дербент было вывезено 5 тысяч пудов железа. Узнав об этом, председатель коллегии иностранных дел Н.И. Панин обратился к Фатали хану с просьбой отыскать это железо и отправить в Астрахань. Губинский хан, хотя на словах, уверил о готовности выполнить данную просьбу, на самом же деле взял себе основную часть данного железа и сообщил, что якобы все железо вывезено людьми Амир Хамзы Каракайтаского во время их нападения на территорию Губинского ханства¹⁵.

Российские купцы в Азербайджане занимались не только торговлей, некоторые из них брали на откуп определенные объекты производства. Например, астраханский купец Михайло Князев имел право на ловлю рыб на р. Куре¹⁶. В 1765 г. русский подданный армянин Василий Абрамов взял на откуп Сальянские рыбные промыслы и соляные источники с условием ежегодной уплаты в сумме 15 тыс. руб. Однако Абрамов, дав взятку приближенному Фатаи хана, Элдар бею, сумел добиться уменьшения откупной суммы на 3 тыс. руб., а впоследствии эта сумма была уменьшена до 6 тыс. руб.¹⁷. Абрамов и эту сумму не полностью выплачивал и за 1765–1768 гг. у него накопился огромный долг. Слухи ходили, что Абрамов хочет сбежать.

В это время раскрылось уголовное прошлое Абрамова. По полученным сведениям, он с корыстной целью участвовал в убийстве Гурген султана, придворного служащего Мухаммед Хасан хан Гаджара. Сальянский правитель Келбалы султан нашел у Абрамова вещи, принадлежащие Гургену¹⁸. Однако, наказать Абрамова за участие в убийстве Гурген султана было в компетенции русских властей. Поэтому губинские власти решили наказать Абрамова за неуплату долгов. Было приказано бить Абрамова до смерти¹⁹.

Однако русский консул в Сальяне, Суляков, выступил против физической расправы над российским подданным. В связи с этим, в 1768 г. возникла ссора между Суляковым и Сальянским Губад султаном. Губад султан оскорбил Сулякова, а последний пожаловался Фатали хану²⁰. Кизлярский комендант отправил некого Али бей Черкасского в Сальяны и попросил выдачи Абрамова для отправки его в Россию. Однако Фатали хан отказался выпускать Абрамова, заявляя, что Абрамов имеет долг. Грубость Губад султана хан объяснил его молодостью²¹.

¹⁴ АВПРИ. Ф. 77 (СРП). Оп. 5. 1728–1803 гг. Д. 4. Л. 14–17.

¹⁵ Там же. Д. 15. Л. 82–88, 205–206.

¹⁶ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 33. С. 41. Л. 6.

¹⁷ Государственный Архив Астраханской области. Ф. 394. Оп. 1. Д. 417. Л. 582.

¹⁸ АВПРИ. Ф. 77 (СРП). Оп. 1. 1768. Д. 12. Л. 123–124.

¹⁹ Там же. Л. 131.

²⁰ Там же. Л. 131.

²¹ Там же. Л. 123.

В донесении астраханского губернатора Н.А. Бекетова в коллегии иностранных дел от 2 мая 1769 г., сообщалось, что его агент, Майор Ваганов, отправленный в Азербайджан 21 апреля, узнал от армянина Сукиязы Эйвзова, что османский султан послал письма в Тебриз, Гянджу, Шамахи, Губа и Дербент. В них сообщалось, что христианские государства во главе с Россией объединились против Османской империи с целью искоренить ислам. Эйвзов видел, что двое турецких подданных, проживающих в частном дворе Дербента, ходили к Фатали хану Губинскому с письмом султана. Султан пожелал, чтобы Фатали хан не пропускал российские войска через свою территорию.

В феврале 1772 г. консул М. Суляков писал коллегии иностранных дел о том, что профессор Гмелин на обратном пути из Гиляна и Азербайджана заметил, что власти в Губе и Дербенте подозревают его в шпионаже.

Кизлярскому коменданту полковнику Штендеру 15 декабря 1773 г. терский дворянин Филатов рапортовал, что, когда он был в азербайджанской деревне Джар, примирил аварского хана с грузинским царем Ираклием II. Филатов считал, что если Штендер с русскими войсками прибудет в Новую Шемаху, то находящиеся на Южном Кавказе христиане соединятся с ним. При этом Филатов писал, что из Сальян русские войска на лодках по р. Куре подойдя на расстоянии до 100 верст к Кахетии, присоединятся к грузинам²².

В 1775 г. дербентский наиб Мирзабеков был прислан представителем Фатали хана Губинского ко двору Екатерины II. На его расходы русское правительство определило по 1 руб. на день, при нем в свете находившимся писарю, юзбаши, двум есаулам и одному узденю каждому по 25 коп., служителю по 12 коп. на день, кизлярскому дворянину, бывшему вместе толмача, 25 коп. на день²³.

В архиве хранится и справка о бывшем в Сальяне консуле Михайле Сулякове. В справке отмечается, что по указу Екатерины от 31 июля 1762 г. Илья Игумнов отправлен в Энзели, а Михаил Суляков в Баку. Игумнов в 1766 г. умер, и на его место был назначен Гавриил Боголюбов²⁴. Позже М. Суляков переехал в Сальяны из-за притеснений, чинимых русским купцам, и дороговизны. Но из переписки консула и астраханского губернатора видно, что из-за неприбыльности торговли в Прикаспии этот указ выполнить было трудно.

1. *Искендерова М.С.* Бакинское ханство. Баку, 1999.

²² Там же. Оп. 6. 1775. Д. 470. Л. 86–86 об.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Ф. 5. 1734–1781 гг. Д. 5. Л. 140 об.

Список сокращений

АВПРИ	Архив внешней политики Российской империи
АЕ	Археографический ежегодник
АСЗ	Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века
АСЭИ	Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси
БЛДР	Библиотека литературы Древней Руси
ГААО	Государственный архив Архангельской области
ГАВО	Государственный архив Воронежской области
ГАТО	Государственный архив Тамбовской области
ГИМ	Государственный исторический музей
ДАИ	Дополнения к актам историческим
ДДГ	Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950
ЖМНП	Журнал министерства народного просвещения
НИА СПбИИ	Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН
РАН	института истории РАН
НИОР БАН	Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки РАН
ОПИ ГИМ	Отдел письменных источников ГИМ
ОР ГИМ	Отдел рукописей ГИМ
ОР РГБ	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОР РНБ	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1
ПСЗ-2	Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
ПЭ	Православная энциклопедия
РАН	Российская академия наук
РГА ВМФ	Российский государственный архив Военно-Морского флота
РГБ	Российская государственная библиотека
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	Российский государственный исторический архив
РНБ	Российская национальная библиотека
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РИБ	Русская историческая библиотека
РИО	Русское историческое общество

РО ИРЛИ РАН	Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН
СГГД	Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813-1894. Ч. 1–5.
СПбГУ	Санкт-Петербургский государственный университет
СПБИН РАН	Санкт-Петербургский институт истории РАН
СПФ АРАН	Санкт-Петербургский филиал архива РАН
ТОДРЛ	Институт русской литературы. Труды отдела древнерусской литературы
ЧОИДР	Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете

Содержание

Пленарное заседание

<i>Флоря Б.Н.</i> Особенности отношений великокняжеской власти с церковными и светскими землевладельцами на территории Рязанской земли (конец XIV – начало XVI века).....	5
<i>Черненко Д.А.</i> Л.В. Милов – исследователь социально-экономической истории России.....	14
<i>Назаров В.Д.</i> К истории светского землевладения в России XV – начала XVI в.: коллективный снимок 1504 г. с пояснениями и дополнениями.....	20
<i>Дубман Э.Л.</i> Юго-Восток Европейской России: специфика экономического развития в конце XVI–XVII в.	26
<i>Комиссаренко А.И.</i> Астраханский рыбный промысел в контексте административной политики России в XVIII веке	30

История средневековой Руси

<i>Темушев С.Н.</i> К вопросу о причинах вражды Рогволодовых и Ярославлих внуков	35
<i>Кузнецов А.А.</i> Поколенческо-временной подход в изучении истории раздробленной Руси (на примере владимирских Рюриковичей).....	40
<i>Лукин П.В.</i> Новгородская берестяная грамота № 1105 и древнерусские закупы.....	44
<i>Вершинин К.В.</i> Предисловие к Мерилу Праведному: между правом и богословием.....	47
<i>Горский А.А.</i> Докончание Василия I и митрополита Киприана: проблема датировки.....	51
<i>Носов А.В.</i> Основатели монастырей и практики сакрализации пространства Русского Севера в конце XIV – первой четверти XV вв.	55
<i>Конявская Е.Л.</i> Завещание великой княгини Софьи Витовтовны (проблемы публикации акта с утратами).....	59
<i>Калашникова А.А.</i> Древнейшие русские судебные документы: к вопросу о формировании письменного делопроизводства.....	64
<i>Пономарева И.Г.</i> К реконструкции текста древнерусской вассальной присяги.....	69
<i>Тарасов А.Е.</i> Эсхатологический контекст московской версии похода Ивана III на Новгород в 1471 году.....	72
<i>Казаков А.А.</i> «Правило закону» в Житии Пафнутия Боровского	76
<i>Хазанова С.И.</i> «Видение Исаяи о последнем веке» и «Слово святого Исаяи, сына Амосова, о последних днях» в славянской письменности	78
<i>Сергеев А.В.</i> Эволюция территориальных княжеских объединений Суздальских и Стародубских Рюриковичей в конце XV–XVI вв.	82

<i>Городилин С.В.</i> «Твоя отчина мужи псковичи люди добровольные»: к вопросу о происхождении и политико-правовом контексте летописной формулы.....	86
<i>Стефанович П.С.</i> Обращение служилых людей к правителю в России XVI–XVII вв.: происхождение и смысл.....	91
<i>Борисов Н.С.</i> Средневековая Русь в современных средствах массовой информации	95
<i>Володихин Д.М.</i> Ведущие русские полководцы времен Василия III	100
<i>Белов Н.В.</i> Неизвестное боевое назначение князей Петра Щенятева и Андрея Курбского	104
<i>Горюшкина Л.П.</i> Способы фиксации хронологической информации в посольских книгах (на примере известий за первую половину – середину XVI в.).....	108
<i>Усачев А.С.</i> Новые данные о биографии митрополита Афанасия (1564–1566).....	113
<i>Ермилов П.В.</i> «Да не возникнет другая глава»: Об одной неясной фразе в хронике псевдо-Дорофея.....	117
<i>Попова Е.М.</i> «Вели тех убийц вперед себя поставить, а строение переписать»: правовой аспект жизни в оккупированном Новгороде в начале XVII в.	120
Россия, Европа и греческий мир в XV–XVIII вв.	
<i>Кузнецова А.М.</i> Равноапостольные правители: святой Владимир и святой Стефан.....	123
<i>Матасова Т.А.</i> Попугай в Москве в 1490 году.....	126
<i>Чумичева О.В.</i> «Что есть аллегория?» Смена культурной парадигмы в репрезентации верховной власти в Москве в первой половине XVI в.	130
<i>Кошелева О.Е.</i> Дополнения к Космографии Меркатора в списках Русского Севера.....	133
<i>Опарина Т.А.</i> Западный опыт греческих светских мигрантов первой половины XVII века.....	137
<i>Лазарева А.В.</i> «Сослать всех в Сибирь!»: представления о России и русских в немецкой художественной литературе XVII в.	142
<i>Смилянская Е.Б.</i> Лорд Эффингем, сражавшийся вместе с русскими за освобождение греков в 1770 г.: неизвестные страницы биографии будущего губернатора Ямайки.....	146
Подходы к публикации источников XVII–XVIII вв.	
<i>Устинова И.А.</i> Подходы к публикации настольных грамот русских патриархов XVII в.	152
<i>Зинько М.А.</i> Проблема частичной подлинности исторических источников: опыт научного комментирования при подготовке сборника документов к публикации	155

<i>Тимошина Л.А.</i> О некоторых вопросах публикации столбцов Посольского приказа.....	160
<i>Накишова М.Т.</i> Проблемы выявления и публикации источников для реконструкции неформальных связей государственных деятелей России первой половины XVIII в. (на материалах канцелярии А.Д. Меншикова).....	166
<i>Быков Д.А.</i> Источниковедческая критика документа 1784 г. об оранжерейном садоводстве из архива помещиков Гончаровых.....	170
Осмысление проблем влияния природно-климатического фактора на исторический процесс в XVIII–XX вв.	
<i>Никулин В.Н. С.С.</i> Ланской в Главном Комитете по крестьянскому делу.....	174
<i>Петрова О.С.</i> «Следил, растил и вразумлял»: Д.Н. Анучин у истоков становления специальных исторических дисциплин.....	179
<i>Дурновцев В.И.</i> Научное наследие Л.В. Милова в контексте Environmental history / Истории окружающей среды / Экологической истории.....	183
Русский город XVIII в.: Городская среда и условия городской жизни	
<i>Козлова Н.В.</i> Научная школа профессора Нины Борисовны Голиковой в современных исследованиях по социальной истории русского города раннего Нового времени.....	186
<i>Ибраева Ю.И.</i> «Двора его высококняжеской светлости служители»: «домовое подданство» князя А.Д. Меншикова.....	194
<i>Козлов С.А.</i> Повседневная жизнь Тулы 1790-х гг.в переписке отца и сына Болотовых.....	199
Купеческая семья в XVIII в.	
<i>Середа Н.В.</i> Семья как субъект памяти.....	203
<i>Гуслистова А.Н.</i> Купеческая семья Пудовых в Вологде XVII – первой половине XVIII вв.....	207
<i>Четырина Н.А.</i> Купеческий род Трегубовых из Сергиевского посада.....	211
<i>Грязнов А.Л.</i> Население Рощенской улицы Вологды XVII – начале XVIII в.....	217
<i>Корева Н.А.</i> Социально-экономический портрет татарского купечества Казанской губернии в последней четверти XVIII в.....	221
Конфликты в повседневной и хозяйственной жизни городского населения в XVIII в.	
<i>Полицук А.Л., Прудовский П.И.</i> Семья, род и посадское общество в конфликтах городских жителей в России второй четверти XVIII в.....	225
<i>Наседкин Е.Н.</i> Казус выборов соляного головы в г. Гороховец в 1776 г. в контексте выборов в казенные службы в XVIII в.....	228
<i>Белов А.В.</i> Московская полиция во второй половине XVIII в.: становление органов правопорядка и городская среда.....	232

<i>Беспалёнок Е.Д.</i> Конфликты в повседневной жизни купечества провинциальных городов России XVIII в. (на материалах Смоленска)....	236
<i>Ибнеева Г.В.</i> Проблема «права торговли» в челобитных российского населения второй половины XVIII в.	240
<i>Артамонова Л.М.</i> Татарский язык и учителя-мусульмане в российских общеобразовательных школах конца XVIII – начала XIX вв.	245

Проблемы изучения демографии России XVII в.

<i>Аракчеев В.А.</i> Демография провинциальной дворянской семьи в России середины XVII в.: удельный вес боевых потерь и роль прожитка в функционировании поместной системы.....	249
<i>Найденова Л.П.</i> Отношение к семейному насилию в средневековой Руси	256
<i>Фельдман Д.З.</i> К истории появления евреев в Московском государстве в первой трети XVII в.: селитренный промысел в Путивльском уезде	260
<i>Черкасова М.С.</i> Чума в России 1654/55 г.: опыт демографического учета	264

Проблемы изучения демографии России XVIII – начала XIX вв.

<i>Старицын А.Н.</i> Проблема семейных отношений в выговских скитах в первой трети XVIII в.....	268
<i>Перечицкая С.Л.</i> Практика возвращения беглых крестьян и рекрутов на Нижней Волге и Дону в конце XVIII в.	272
<i>Стрекалов Д.В. , Н.В. Стрекалова Н.В.</i> Возраст вступления в брак в провинциальном губернском городе в конце XVIII – первой половине XIX в.(на материалах Тамбова)	276
<i>Жиборкина А.В.</i> Демографическое поведение крестьян Устюжского уезда в первой четверти XVIII в.	281
<i>Александров Н.М.</i> Демографические процессы в российской деревне во второй половине XIX века (на материалах Верхнего Поволжья)....	286

Вопросы истории административно-территориального деления

<i>Беляков А.В.</i> Формирование границ в Мещере (история одной ошибки).....	289
<i>Дедук А.В.</i> Формирование границ Каширского, Тульского, Веневского и Соловского (Крапивинского) уездов в конце XV–XVI вв. и засечная черта	294
<i>Хитров Д.А.</i> «Шведская двоеданская» область на русской карте середины XVIII века	298
<i>Ткаченко В.В.</i> Исторические известия о древних русских городах в географических анкетах Академии наук и Сухопутного шляхетного корпуса 1760 г.	302

**Государство как организатор хозяйственной деятельности
в XVII – XVIII вв.**

<i>Лисейцев Д.В.</i> Расходы Московского государства на оборонные нужды в порубежных уездах в 1620–1650 гг. (по приходо-расходным книгам Разрядного приказа).....	307
<i>Порохина С.С.</i> Структура доходов государевой казны в Вологде в 1620–40-е гг.....	311
<i>Булгаков М.Б.</i> Белозерский рыбный двор во второй половине XVII века.....	316
<i>Башнин Н.В.</i> Архиерейские кафедры в России как хозяйственные учреждения в конце XVII – первой половине XVIII в.	325
<i>Загидуллин И.К.</i> Коррупционные схемы в организации лесозаготовительных работ в Казанском адмиралтействе в третьей четверти XVIII в.	333
<i>Пушков В.П.</i> Мельничное хозяйство крестьян Верхокамья (1724–1749 гг.)	336
<i>Иванов А.Г., Иванов А.А.</i> Государственные марийские крестьяне Казанской губернии (по материалам Сенатской комиссии А.И. Свечина 1763–1764 гг.)	339
<i>Калинин М.В.</i> Дорожная политика России в екатерининскую эпоху... ..	344

**Вопросы источниковедения поземельных актов и писцовых книг
XV–XVII вв.**

<i>Швейковская Е.Н.</i> Еще раз о поземельных актах крестьян Русского Севера в XVII в.	348
<i>Фролов А.А.</i> Платежная книга новгородской Шелонской пятины конца XV в. (РГАДА. Ф. 137. Новгород, 2в).....	352
<i>Шпирко С.В.</i> О механизмах формирования погостной системы в Новгородской земле (по результатам математического моделирования на материале писцовых книг конца XV в.).....	356
<i>Соколова Н.В.</i> Маргиналии нижегородских дозорных книг 1613/1614 г. как источник по истории писцового дела.....	361

Межевое дело в России XVIII в.

<i>Голубинский А.А.</i> Российская картография первой половины XVIII в.: Ингерманландское межевание	365
<i>Акманов А.И.</i> Динамика развития башкирского землевладения в конце XVIII – первой половине XIX вв.	372
<i>Степанова Л.Г.</i> Особенности Генерального межевания Таврической губернии в первой половине XIX в.	377
<i>Даутов А.А.</i> Правовое обеспечение земельных измерений в конце XVIII – первой половине XIX вв. (по материалам Оренбургской губернии).....	381

Кабацкое дело в России XVII–XVIII вв.

<i>Раздорский А.И.</i> Производство и продажа алкогольных напитков в Можайске во второй половине 20-х – начале 40-х гг. XVII в. (по данным можайских кабацких книг 1627/28–1640/41 гг.)	385
<i>Пугач И.В.</i> Кабацкая прибыль на Русском Севере: административно-финансовые параметры к середине XVII в.	390
<i>Барсукова А.В.</i> Строения и имущество питейных заведений г. Коломны во второй половине XVII века	394
<i>Жиброва Т.В.</i> Система таможенного и питейного управления в Азове в конце XVII – начале XVIII в. по документам Азовской приказной палаты	400
<i>Алмазов А.С.</i> Доходы нежинского «кружечного двора» в 1670-е – 1700-е гг. в структуре доходов и расходов воеводской администрации	403

Казачьи области и их интеграция в социальную и политическую структуру Российской империи в XVIII в.

<i>Круглова Т.А.</i> Грамоты Военной коллегии Войску Донскому (1735–1739 гг.): некоторые источниковедческие характеристики	407
<i>Лазарев Я.А.</i> Геополитический конкуренция и ее влияние на положение великороссийских военно-служилых корпораций Юга-Запада России 40-х – середины 60-х гг. XVIII в.: мобилизационные возможности и государственная политика.....	412
<i>Юссон А.</i> О службе казачьих детей (середина XVIII в.)	415
<i>Мининков Н.А.</i> Культ Кондратия Булавина среди донской интеллигенции второй половины XIX – начала XX вв.....	420

Урал в XVIII в.

<i>Киселев М.А.</i> Вышнее горное начальство в Соликамске (1722–1724 гг.)	424
<i>Юркин И.Н.</i> Василий Белов – историограф Демидовых и их промышленного хозяйства	428
<i>Редин Д.А.</i> Формирование лояльности: Механизмы социального компромисса на Тагильских заводах Н.А. Демидова (1750–1770-е гг.).....	432
<i>Акишин М.О.</i> Документы следствия о В.Н. Татищеве 1739–1743 гг. как исторический источник.....	436

Русский Север: хозяйство и культура XVI–XVIII вв.

<i>Никонов С.А.</i> Инфраструктура и логистика монастырских промыслов Поморья: организация варзужской службы Николо-Корельского монастыря в XVII в.	440
<i>Лаушкин А.В.</i> Русские кресты XVI века на южных берегах Баренцева моря в записках Херрита де Вейра и Яна Хейгена ван Линсхотена: к вопросу о навигационном предназначении	444

<i>Шемякина О.Д.</i> К вопросу об особенностях экспозиционирования предметного мира крестьянской культуры.....	448
<i>Богомазова А.А.</i> К вопросу о строении и оснащении сойм Соловецкого монастыря XVII в.	450
<i>Французова Е.Б.</i> Соловецкие страницы биографии патриарха Иоасафа I.....	454
<i>Дадыкина М.М.</i> Монастырское хозяйство и практики обращения с природными ресурсами на Русском Севере, XVI–XVII вв.	459
<i>Мустафин А.Р.</i> Цены на соль Русского Севера в 1640–1670-е гг.....	463

Юг России в XVII в.

<i>Брезгунова В.М.</i> О материальном обеспечении вдов и детей приборных служилых людей Юга России в XVII в.	466
<i>Жиров Н.А.</i> Хозяйственное освоение территории Верхнего Подонья в первой трети XVII в. (Воронежский, Елецкий и Ливенский уезды). 470	
<i>Ляпин Д.А., Гайтерова К.Г.</i> Сельские поселения Елецкого уезда в XVII в.: динамика развития и особенности географического расположения.....	474
<i>Мизис Ю.А.</i> Обеспечение служилых людей обмундированием, снаряжением и оружием на юге России в XVII в.	480
<i>Глазьев В.Н.</i> Порядок назначения городских воевод южного пограничья во второй половине XVII в. (по материалам Разрядного приказа).....	484
<i>Скобелкин О.В.</i> Хлебные запасы в городах южного фронта в 1676/77 году.....	487
<i>Петрухинцев Н.Н.</i> Военные и социальные структуры «черкасских» городов Белгородского разряда в 1679–1680 г.....	491
<i>Рустемайер А.</i> Конфликты на фоне военных реформ в г. Талецке в конце XVII – начале XVIII в.	496

Юго-Восток Европейской России в XVII–XVIII вв.

<i>Канищев В.В., Лямин С.К.</i> Нелинейные эффекты в процессе освоения зоны южного русского фронта в XVII – первой половине XIX вв.....	500
<i>Акманов И.Г., Минлебаев И.У.</i> Новая правительственная политика на юго-востоке Европейской России в 30-х – начале 40-х гг. XVIII в. 503	
<i>Смирнов Ю.Н.</i> Литературные обработки фамильных преданий Аксаковых и Рычковых как источники по истории юго-восточных окраин России в конце XVIII в.	508
<i>Зайтунов Р.Б.</i> Тенденции изменений в социально-экономическом укладе населения Оренбургской губернии (конец XVIII – первая половина XIX вв.).....	512

Вопросы истории культуры

<i>Черный В.Д.</i> Древнерусские путешественники за границей: особенности восприятия архитектуры и изобразительного искусства	515
<i>Богданов В.П.</i> Природно-климатический и религиозный фактор в книжной культуре России (по записям на старопечатных кириллических изданиях).....	519
<i>Черная Л.А.</i> Девизы в городской жизни петровского времени	523
<i>Шапиро Б.Л.</i> Костюм российской знати и мода после петровских реформ (по описям имущества частных лиц и семейно-правовым актам 1723–1730 гг.)	527
<i>Крылов А.О.</i> Богословская антропология свт. Димитрия Ростовского и его полемика со старообрядцами	531
<i>Вдовина Л.Н.</i> Реакция русского православного духовенства на профессиональную политику власти во второй половине XVIII в.	535

Ратные службы нератных людей в XVI–XVII вв.

<i>Лобин А.Н.</i> Посоха в военных мероприятиях Российского государства XVI в.	540
<i>Филюшкин А.И.</i> Мобилизация населения русско-литовского и русско-ливонского пограничья для военных нужд в XVI веке	544
<i>Комаров О.В.</i> Военный потенциал Поморских городов и дворцовых земель Верхнего Поволжья в XVI в. (социально-экономические аспекты)	548
<i>Гаврон П.</i> Любители или профессионалы? Образование и профессиональная подготовка высших офицеров в Речи Посполитой в 1587–1648 гг.....	552
<i>Бохун Т.</i> Ремесленники в составе полков Миколая Струся и Юзефа Будзилы, командиров Московского гарнизона в 1612 г.: по материалам 38-й книги Польского стола Посольского приказа (Ф. 79. Сношения с Польшей. Оп. 1. Кн. 38).....	557
<i>Папков А.И.</i> Участие неслужилого населения южных уездов России в боевых действиях в XVII веке	558
<i>Петров К.В.</i> Сословие «гулящих людей» в России XVII в.	562
<i>Чещельский Т.</i> Вспомогательные и обеспечивающие службы в войсках Речи Посполитой обоих народов в первой половине XVIII в.	566
<i>Шамин С.М.</i> Переводчики на Турецкой войне. Абдрахман Тевкелев в полку князя Г.Г. Ромодановского (1674 г.)	573
<i>Кроль П.</i> Посполитое рушение и поветовые войска как форма феодальной милиции в сражениях на украинском театре военных действий во второй половине XVII в.....	577
<i>Хацкевич М.В.</i> Из «вольных людей» в солдаты: о причинах и характере наборов из «вольницы» в конце XVII в.	585

Службы русских служилых людей XVII века

<i>Кирпичников И.А.</i> Выборные дворяне в начальный период Смуты (опыт сравнительного анализа «боярских списков» 1602–03 и 1606–07 гг.)	589
<i>Королева М.В.</i> Становление государственной присяги в России после Смутного времени	593
<i>Камараули Е.В.</i> К вопросу о структуре служилого землевладения и системе землепользования в южных пограничных уездах в XVII в.	597
<i>Чеченков П.В.</i> Семейный состав нижегородской служилой корпорации от кануна Смоленской до конца Русско-польской войны 1654–1667 гг.	601
<i>Горбатов Е.Н.</i> Гусары и рейтары в жилецком списке 1635/36 г.	605
<i>Воробьев А.В.</i> Об особенностях организации губных изб в России середины XVII в.	609

Государство и дворянство в России XVIII в.

<i>Черников С.В.</i> К вопросу о размещении дворянской собственности в Европейской России в середине XVIII века (по материалам III ревизии)	612
<i>Курукин И.В.</i> Русский императорский двор: распределитель благ и «милостей» в системе послепетровской монархии XVIII в.	616
<i>Бабич М.В.</i> Вышний суд, «дело» кн. Д.М. Голицына и логика развития петровской государственности	620
<i>Корчмина Е.С.</i> Представления сотрудников дома Бэрингов о ведении дел России в конце XVIII в.	625

Русская внешняя политика XVII в.: противостояние на южных рубежах

<i>Виноградов А.В.</i> Российское государство и Крымское ханство на завершающем этапе Смуты	628
<i>Лавров А.С.</i> Сколько пленников из Московского государства находилось в Крымском ханстве в XVII веке?	636
<i>Кочегаров К.А.</i> К истории русско-крымских мирных переговоров 1679–1680 гг. Неудачное посольство в Крым дьяка Василия Михайлова и дворянина Ивана Сухотина	640
<i>Яфарова М.Р.</i> Позиция московского правительства после Чигиринского похода 1678 г. по документам Посольского приказа	646
<i>Великанов В.С.</i> Коломацкий переворот 1687 года (процессуально-правовые обстоятельства избрания И.С. Мазепы)	651
<i>Сень Д.В.</i> Русско-крымские отношения в условиях нового «пограничного порядка» (конец XVII – начало XVIII вв.)	655
<i>Аваков П.А.</i> Зачем Петр I предпринял поход на Азов?	659

От союза до доминирования: Россия и Речь Посполитая в XVIII в.

<i>Рогожин А.А.</i> Русско-польские комиссии «об обидах» в 1710–1712 гг.	663
<i>Косыцельняк К.</i> Российское посредничество во время Тарноградской конфедерации в Речи Посполитой и ее значение для замирения страны.....	668
<i>Косиньска У.</i> В окружении трех «черных орлов». Генезис переговоров о заключении договора Левенвольде	673
<i>Анисимов М.Ю.</i> Дипломатическая работа в Варшаве российского посланника Ф.М. Воейкова в 1760–1762 гг.	679

Посольский приказ в XVII в.: основные направления деятельности

<i>Прудовский П.И.</i> Просопографическое изучение дипломатического корпуса Русского государства XVII в.....	681
<i>Селин А.А.</i> Карьера «московского немчина» Ээриики Антинпойка: от переводчика до военного комиссара	685
<i>Жуков В.Д.</i> Сравнительный анализ расходных документов о выкупе пленных на валуйской размене (1640-е – 1650-е гг.)	689
<i>Гуськов А.Г.</i> Формы «социальной» защиты во второй половине XVII в. (на примере служащих Посольского приказа и членов их семей)	695
<i>Базарова Т.А.</i> Бюджет русских послов при Высокой Порте П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева (1711–1714).....	699

Дипломатические связи России со странами Востока в Средневековье и Новое время

<i>Гаджиева З.А.</i> Краткий очерк из истории торгово-экономических и дипломатических связей Азербайджана с Россией в средние века	703
<i>Андреев А.А.</i> Персидские посольства в конце XVI – начале XVII вв. в Россию шаха Аббаса Великого: персоналии, структура и особенности.....	707
<i>Латин Н.С.</i> О возобновлении казахско-русских посольских связей в 1714–1715 гг.....	711
<i>Мустафазаде Т.Т.</i> Россия и Азербайджанские ханства в третьей четверти XVIII века (на основе материалов АВПРИ).....	714
Список сокращений	719

Научное издание

Труды исторического факультета МГУ: Вып. 163
Серия II: Исторические исследования, 102

РУСЬ, РОССИЯ
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ
ВЫПУСК 6

ШЕСТЬЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ АКАДЕМИКА РАН Л. В. МИЛОВА
Материалы к международной научной конференции

Координатор издательского проекта *О. В. Гаврилов*
Техническое редактирование, верстка *Л. П. Горюшкина*
Оформление обложки *А. А. Голубинский, Н. Ф. Немцева*

Подписано в печать 20.08.2019. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 46,0. Тираж 230 экз. Изд. № 11392

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

119991, Москва, ГСП-1,
Ленинские горы, д. 1, стр. 15
(ул. Академика Хохлова, 11).
Тел.: (495) 939-32-91;
e-mail: secretary@msupress.com
<http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО
«Красногорский полиграфический комбинат». 115093, Москва, Партий-
ный переулок д. 1, корп. 58, стр. 3, пом. 7